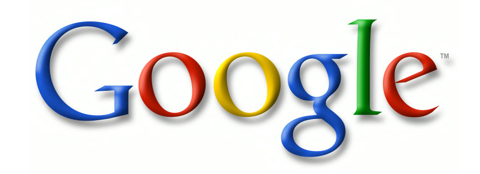
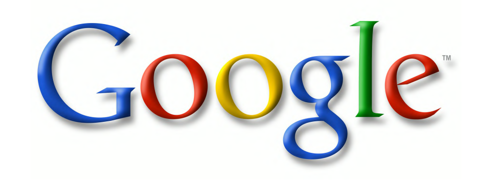
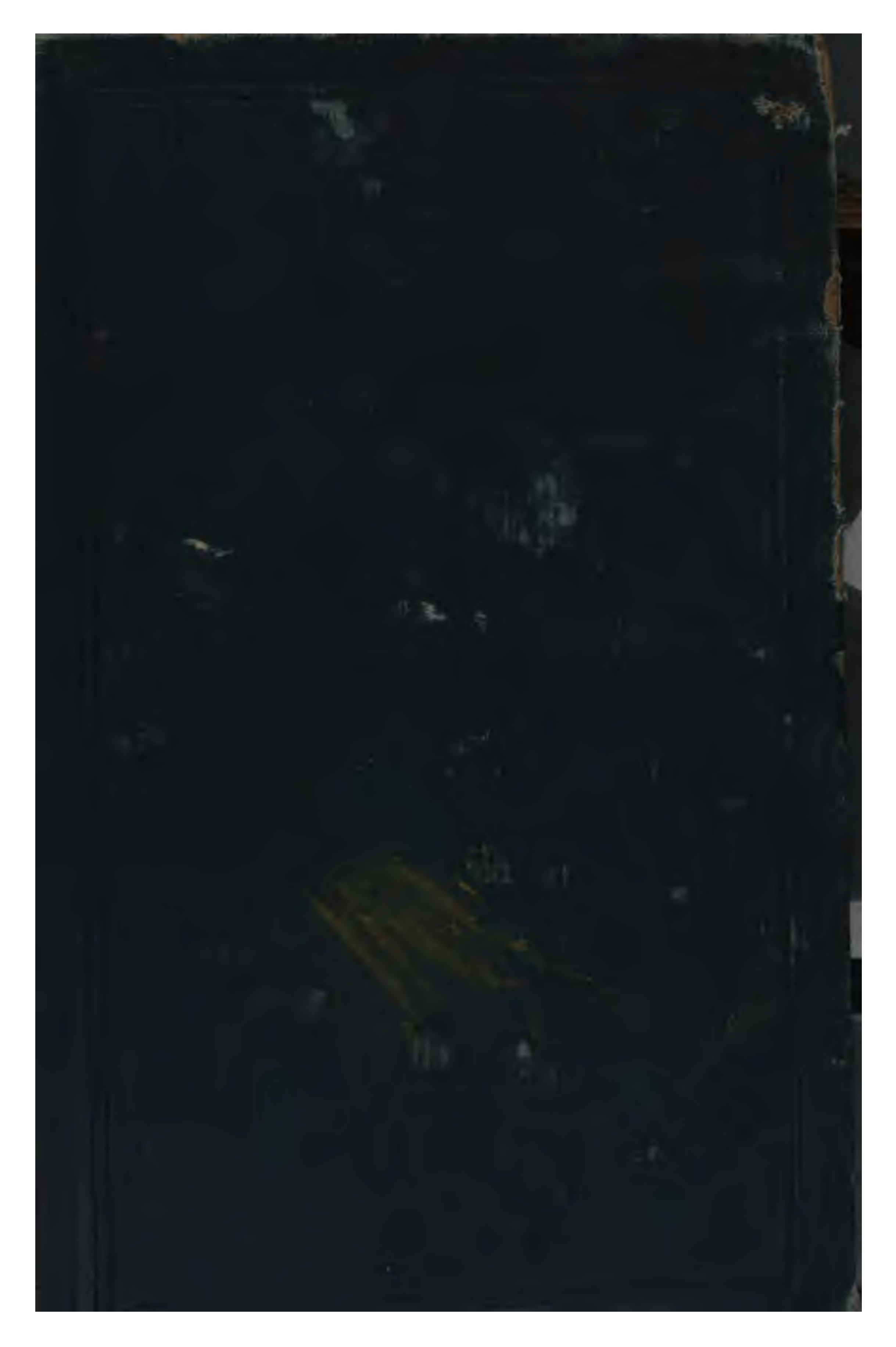
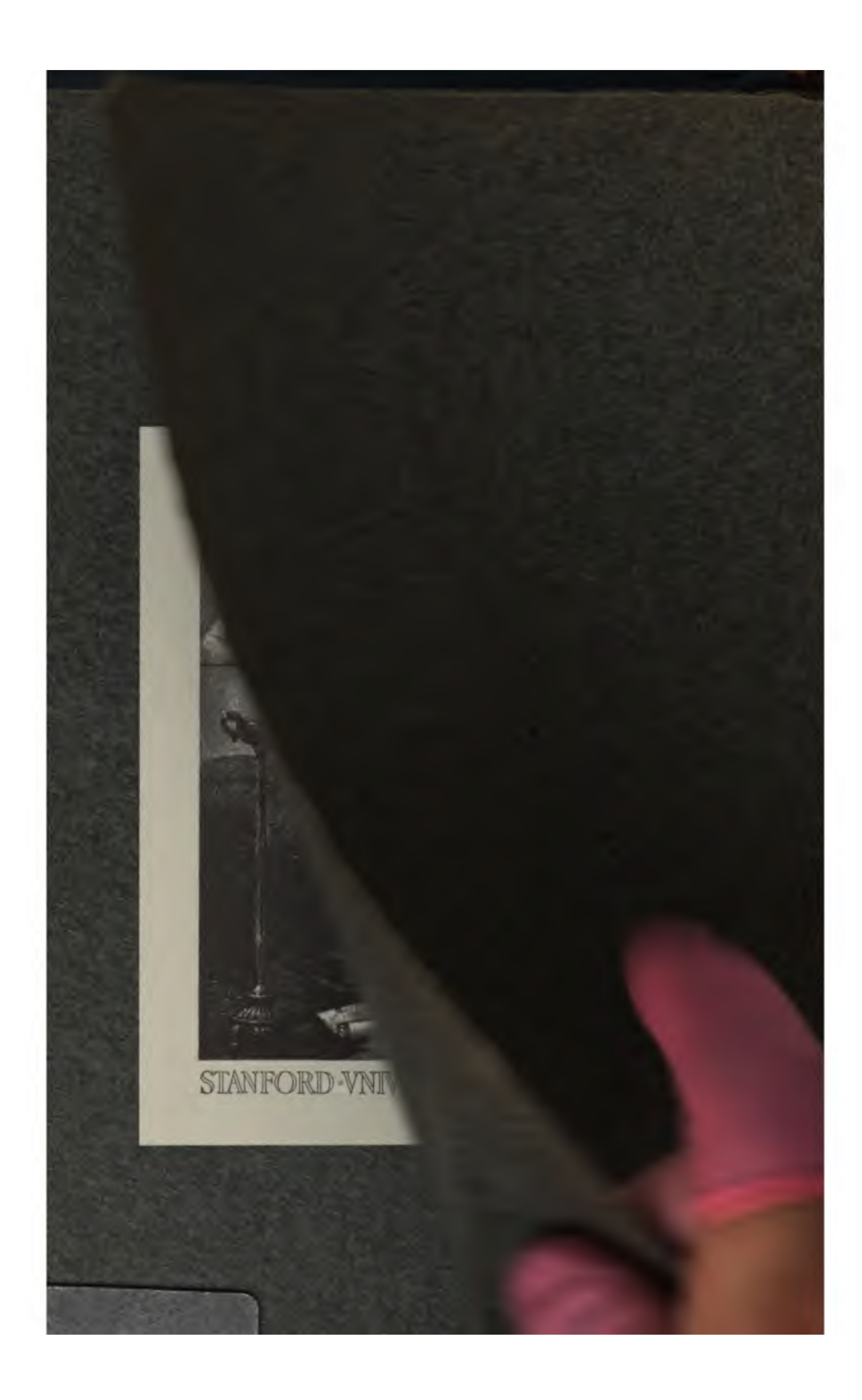

STANFORD·VNIV

Из исторіи студенческих волненій.

(Коноваловскій конфликт)
с приложеніем документов.

ход с изданія поступает
лчечный фонд.

Из исторіи студенческих волненій.

(Коноваловскій конфликт)
с приложеніем документов.

Чистый доход с изданія поступает
в стачечный фонд.

С.-Петербургъ. 1906 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Гигантскими шагами мчится впередъ русская жизнь! Съ невѣроятной быстротой и неумолимой логичностью событія слѣдуютъ одни за другими! Что вчера еще казалось серіознымъ и важнымъ — сегодня отходитъ на задній планъ, уступая мѣсто грядущимъ великимъ событіямъ.

Весной 1904 г. въ горномъ институтѣ произошли волненія, въ корнѣ поколебавшія его жизнь и нашедшія откликъ въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тогда эти событія имѣли острый характеръ; они были типичны, какъ послѣднія судороги самодержавнаго строя, поэтому они и приковали къ себѣ общее вниманіе,— поэтому они и возбудили страсти. Но теперь, когда размахъ и масштабъ событій безконечно увеличились, когда ходомъ этихъ событій мы приведены къ революціи, — студенческія волненія потеряли непосредственное значеніе. Ихъ можно и должно разсматривать какъ одну изъ первыхъ и яркихъ страницъ исторіи революціи. И съ этой точки зрѣнія, — точки зрѣнія исторической, они никогда не утратятъ и не могутъ утратить своего интереса.

Тѣмъ необходимѣе вдумчивое отношеніе къ студенческимъ волненіямъ, что въ группировкѣ студенчества проявляются тѣ же взаимоотношенія, что и въ группировкѣ разныхъ общественныхъ партій. Разница лишь въ томъ, что группировка эта гораздо ярче, опредѣленнѣе и легче доступна изученію.

Не касаясь даже „древней“ исторіи студенческихъ волненій, на забастовкахъ съ 1899 г. можно указать наиболѣе яркія фазы студенческихъ движеній. Забастовка 1899 г., первая всероссійская забастовка высшихъ учебныхъ заведеній, была выраженіемъ товарищескаго протеста противъ избіенія полиціей студентовъ Петербургскаго университета. Студенчество въ массѣ было настроено лишь оппозиціонно. Когда отвѣтомъ на эту забастовку явились и начали проводиться въ жизнь „временныя правила“ Боголѣпова, отдававшія въ солдаты непокорныхъ студентовъ, то сплотившееся студенчество

вновь поднялось въ защиту своихъ грубо попранныхъ правъ. Подъ вліяніемъ активнаго протеста, подъ давленіемъ общей забастовки, охватившей всѣ высшія учебныя заведенія, правительство беретъ „правила" обратно и мѣняетъ свою тактику. «Довѣріе» и «отеческое попеченіе» министерства генерала Ванновскаго смѣнили аракчеевщину предшественниковъ. Но эта политика,—политика заманчивыхъ обѣщаній съ плохо скрытымъ девизомъ «divide et impera», — не могла усыпить пробудившееся сознаніе студенчества. Эти двѣ забастовки отлично воспитали студенчество; оно поняло наконецъ, что академическая свобода не мыслима безъ политической свободы страны, что студенты должны быть одновременно и гражданами. И въ 1902 г., а отчасти и въ 1901 г., въ резолюціяхъ студенчества предъявляются уже требованія всевозможныхъ свободъ [1]). Постоянныя забастовки начинаютъ сильно тревожить правительство. Для подавленія ихъ рекомендуются крайнія мѣры, напримѣръ, министръ земледѣлія Ермоловъ предлагалъ совѣту профессоровъ горнаго института подавить безпорядки военною силой, исключить зачинщиковъ на основаніи данныхъ департамента полиціи и т. д. Начальство принимало цѣлый рядъ мѣръ, чтобы поселить раздоръ въ студенческой средѣ. Съ другой стороны и само студенчество стало дифференцироваться. Выступленія начали носить уже не стихійный, а сознательный характеръ. Прогрессивная часть студенчества отъ оппозиціоннаго настроенія все болѣе и болѣе переходила къ революціонному. Консервативная и мало сознательная часть не могла не подмѣтить этой перемѣны и вступила въ активную борьбу съ передовымъ студенчествомъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется почему забастовки 1902 и дальнѣйшихъ годовъ не проходили такъ единодушно, какъ въ 1899 и даже въ 1901 г. Чтобы дать отпоръ этому теченію революціонное студенчество принуждено было сорганизоваться. Дисциплинированное и организованное оно еще рѣзче подчеркивало свою политическую платформу, еще опредѣленнѣе выступало съ пропагандой своихъ идеаловъ. Честная и безстрашная критика условій русской жизни, опредѣленная свѣтлая цѣль и беззавѣтная преданность идеѣ привлекали къ нему новыхъ и новыхъ сторонниковъ, дѣлали его политическимъ руководителемъ студенческихъ массъ. Расколъ между этой частью студенчества и «студентами-охранителями» дѣлался все глубже. Безсильные побѣдить охранители не хотѣли и сдаваться: не дѣйствуютъ охранительные аргументы можетъ быть

[1]) См. стр. 803; бюллетень студентовъ горн. инст. 1902 г.

окажутся дѣйствительными доносы. И вотъ, уже въ 1902 г. министрамъ сыплются анонимные доносы на «профессоровъ-забастовщиковъ». Не дѣйствуютъ аргументы, авось подѣйствуютъ угрозы. И вотъ, начиная съ 1902 г. ораторы-охранители грозятъ исключеніемъ изъ учебныхъ заведеній, солдатчиной и прочими прелестями. Окончательное размежеваніе студенчества произошло во время японской войны. На этотъ разъ охранители прикрылись флагомъ патріотизма. «Отечество въ опасности!» вопили они, клеймя измѣнниками своихъ противниковъ. «Неужели мы не сплотимся! неужели допустимъ, чтобы на студенчество горнаго института легло позорное пятно въ измѣнѣ отечеству! [1]) — писала въ своемъ манифестѣ группа студентовъ-патріотовъ горнаго института. Но здравый революціонный смыслъ студенчества взялъ верхъ и на этотъ разъ: безпощадными резолюціями бичевали студенческія сходки самодержавную авантюру правительства [2]).

Реакціонная гидра не дремала: замѣтивъ нѣкоторый расколъ въ студенчествѣ, реакція рѣшила усилить его и использовать его въ своихъ цѣляхъ. Въ ходъ были пущены всѣ средства отъ клеветы до провокаціи включительно. Директоръ горнаго института г. Коноваловъ распространялъ въ обществѣ слухи, что студенты горнаго института посылали привѣтственную телеграмму микадо. Послѣ усиленной и предварительной агитаціи противъ «лѣвыхъ» и ихъ якобы деспотизма въ горномъ институтѣ, онъ совершенно сознательно рѣшилъ вызвать ихъ на борьбу, расчитывая на близость экзаменовъ и на поддержку реакціонной и несознательной частей студенчества. «Если и теперь не прибрать ихъ къ рукамъ, то когда же?» говорилъ онъ проф. Долбнѣ, и 3 марта 1904 г. открылъ военныя дѣйствія, сорвавъ со стѣны въ помѣщеніи студенческаго буфета портретъ Бебеля. Депутація отъ сходки, созванной по этому поводу, была имъ изгнана.

Но Коноваловъ слишкомъ высоко оцѣнилъ свои силы: громаднымъ большинствомъ сходка рѣшила требовать его удаленія. Въ видѣ практическаго подкрѣпленія этого требованія была предложена и принята забастовка. Тогда охранители, только что баллотировавшіе протестъ и удаленіе Коновалова, заявили, что они не считаются съ постановленіями сходки и, въ случаѣ принятія забастовки, оставляютъ за собою *свободу дѣйствій*. Это былъ уже новый методъ

---

[1]) См. стр. 756.
[2]) См. стр. 756.

борьбы, безпримѣрный по своей беззастѣнчивости. Потерявшіе всякій кредитъ въ студенчествѣ, извѣрившіеся въ притягательную силу трехцвѣтнаго флага и національнаго гимна, партія охранителей рѣшила разъ на всегда порвать всякіе стѣснявшіе ее общественные путы и пошла навстрѣчу Коновалову. Въ тѣсномъ единеніи вырабатывался ими планъ кампаніи: намѣчались экзамены, принимались мѣры противъ всякихъ случайностей. Ихъ не могъ остановить и вынужденный уходъ шести профессоровъ. Такая „настойчивость" обострила борьбу, усилила раздраженіе и привела къ обструкціи. Обструкціонистовъ вышвырнули изъ института и выслали изъ Петербурга. Но борьба не затихла. Сила однихъ была въ союзѣ съ начальствомъ,—сила другихъ, въ сознаніи своей правоты,—въ рѣшимости бороться до конца. Послѣдніе прибѣгли къ гласности. Газета «Русь», осмѣлившаяся поднять этотъ вопросъ [1]), понесла тяжелыя цензурныя кары. Циркуляромъ Плеве другимъ газетамъ было запрещено касаться Коноваловской исторіи — и газеты молчали. Тогда Орган. Комит. студентовъ горнаго института издалъ за своей подписью [2]) листки и разослалъ ихъ по рудникамъ и заводамъ. Это повлекло непріятныя для „свобододѣйствующихъ" послѣдствія.

Осенью 1904 г. былъ судебный процессъ объ оскорбленіи „свобододѣйствующаго" [3]), окончившійся оправданіемъ обвиняемаго. Это обстоятельство, совпавшее съ „весной" Святополкъ-Мирскаго, позволило газетамъ открыть свои столбцы для освѣщенія „Коноваловскаго конфликта". Тогда „свобододѣйствующіе" нашли неудобнымъ отмалчиваться. Послѣ 2—3 неудачныхъ газетныхъ выпадовъ, они обвинили въ злостной клеветѣ своихъ противниковъ и предложили третейскій судъ. Заботясь только объ освѣщеніи всей исторіи съ общественной стороны студенчество приняло вызовъ. Обстоятельства сложились такъ, что „свобододѣйствующіе" на судѣ изъ обвинителей обратились въ обвиняемыхъ. Но судъ вмѣсто того, чтобы заняться выясненіемъ и общественной оцѣнкой „свободы дѣйствій"; вмѣсто того, чтобы заклеймить ее, какъ некультурный и анти-общественный способъ борьбы — судъ вдался въ обычную либеральную фразеологію: хотя съ одной стороны нельзя не сознаться, съ другой — нельзя не признаться... Задавшись иллюзорною цѣлью: примирить непримиримое, — судъ отбросилъ рѣзкую и прямую постановку вопроса и занялся только моральной оцѣнкой отдѣльныхъ личностей.

[1]) См. стр. 789.
[2]) См. стр. 788.
[3]) См. стр. 803, примѣчаніе къ письму г. Коновалова.

„Свобододѣйствующимъ противная сторона вмѣняетъ въ вину, „въ преступленіе", 1) что они отвергли принципъ подчиненія большинству, какъ руководящій въ студенческой жизни; 2) что они содѣйствовали торжеству режима директора Коновалова; 3) что они нарушили элементарныя понятія товарищескаго долга и нравственности, принимая участіе въ различныхъ административныхъ мѣропріятіяхъ по отношенію къ своимъ товарищамъ. При этомъ подчеркивалось, что они все это дѣлали какъ сорганизованная партія, выполняя тѣмъ самымъ задачи и цѣли своей организаціи.

„Первые два пункта касаются общественной и политической роли группы свобододѣйствующихъ и, какъ уже выяснено выше, судъ ихъ не касается въ своемъ приговорѣ" [1]).

Судъ остановился на чисто личной сторонѣ дѣла, тогда какъ здѣсь несравненно важнѣе другая сторона:— та идейная борьба учащейся русской молодежи, незначительнымъ и случайнымъ эпизодомъ которой является столкновеніе студентовъ горнаго института съ его „свобододѣйствующей" группой. Полагая, что борьба эта представляетъ серьезный общественный интересъ — мы рѣшили опубликовать протоколы и большую часть документовъ третейскаго суда, дающихъ большой фактическій матеріалъ.

Въ настоящее время студенческая борьба пошла дальше и глубже. Отказавшись отъ забастовки, какъ пассивной формы борьбы и ставъ на чисто классовую точку зрѣнія, студенты находятъ, что передъ ними «стоитъ теперь огромная задача развить интенсивную работу къ содѣйствію рабочему классу въ подготовкѣ организаціи силъ для открытой борьбы» [2]) и потому «считаютъ необходимымъ слить свои силы съ главнѣйшей силой современнаго освободительнаго движенія—пролетаріатомъ, идущимъ подъ знаменемъ соціализма.

Періодъ формаціи окончился; студенчество нашло свой путь. Отнынѣ оно перестало быть бродильнымъ грибкомъ—ему предстоитъ увлекательная, но и отвѣтственная созидательная работа. Въ эту работу внесетъ оно всѣ свои силы...

Издатели.

---

[1]) См. стр. 745.

[2]) Изъ резолюцій студ. Спб. унив., технол. инст., электр. инст. 1905 г.

Студенты-издатели приносятъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, оказавшимъ содѣйствіе появленію книги въ свѣтъ.

Вслѣдствіе крайне неблагопріятныхъ условій, при которыхъ велось изданіе, она вышла съ недочетами и корректурными ошибками и издатели надѣются, что лишь цѣль, которую они преслѣдовали, извиняетъ техническіе недостатки книги. При этомъ считаютъ не лишнимъ указать, что изъ огромнѣйшаго количества документовъ помѣщены только характерные и необходимые.

Примѣчаніе. Объясненіе сокращеній:

„О. К. С. Г. И." „Орг. Ком."	Организаціонный Комитетъ студентовъ горнаго института.
„О. К. Г. Н."	Организаціонный Комитетъ группы независимыхъ.
„своб.-м.-щихъ"	свободомыслящихъ.
„своб.-д.-щій" „св.-д.-щихъ" „св."	свобододѣйствующій, -ихъ.

Звѣздочки—означаютъ ссылку на документъ. См. съ 756 стр.

ПРОТОКОЛЪ

Перваго судебнаго засѣданія третейскаго суда чести по дѣлу о взаимныхъ обвиненіяхъ группы т. наз. свобододѣйствующихъ студентовъ Горнаго института и другихъ студентовъ, бывшихъ студентовъ и бывшихъ профессоровъ этого института.

Предсѣдатель суда—К. К. Арсеньевъ.

Члены суда: П. Ф. Лесгафтъ, В. О. Люстихъ, Д. С. Зерновъ, Н. Н. Печковскій, И. П. Павловъ, І. В. Гессенъ.

Стороны:

1) Около 30 человѣкъ „свобододѣйствующихъ" и ихъ повѣренный Б. М. Алексѣевъ.

2) Бывшіе профессора Горн. Инст. И. П. Долбня, Л. И Лутугинъ, Н. Н. Яковлевъ, В. И. Бауманъ и К. И. Богдановичъ.

3) Представители студентовъ-корпорантовъ Г. И.: Б. Васютинскій, Гливицъ, Б. Лури, В. Пилетичъ, К. Скворцовъ, Б. Стахевичъ.—Представители бывшихъ студентовъ Г. И.: Г. Бокій, И. Рейнвальдъ, А. Снятковъ, В. Звѣревъ, И. Егуновъ, А. Гапѣевъ, и Б. Меффертъ.

Присяжный повѣренный А. И. Каминка, повѣренный студентовъ корпорантовъ.

Предсѣдатель предлагаетъ сторонамъ высказаться по вопросу о публичности и гласности засѣданій.

А. И. Каминка ходатайствуетъ о гласности засѣданій т. е. о допущеніи представителей печати, и, если возможно, публичности засѣданій.

Л. И. Лутугинъ отъ имени бывшихъ профессоровъ Г. И. присоединяется къ этому ходатайству, указывая на то, что дѣло, приведшее къ третейскому суду, возникло лишь благодаря гласности и должно по его мнѣнію быть разсмотрѣно при условіи полной гласности. Оно представляетъ крупный общественный интересъ и обсужденіе его въ печати представляется весьма желательнымъ, такъ какъ печатью оно можетъ быть освѣщено съ такихъ точекъ зрѣнія, которыя для суда, въ виду его цѣлей, будутъ несущественными.

А. И. Каминка указываетъ на то, что въ полномочіяхъ, данныхъ сходкой студентамъ Г. И., гласность поставлена необходимымъ условіемъ и, если судъ ее отвергнетъ, представители студентовъ Г. И., благодаря этому, теряютъ свои полномочія.

Б. М. Алексѣевъ заявляетъ, что „свобододѣйствующіе", конечно, не встрѣчаютъ препятствій къ допущенію публичности и гласности, но указываетъ на то, что могутъ быть случаи, когда сдѣлать засѣданіе закрытымъ, хотя бы на время, представится необходимымъ; напр., когда рѣчь будетъ идти о такихъ свѣдѣніяхъ о дѣятельности и составѣ студенческихъ организацій, оглашеніе которыхъ нежелательно. Въ такихъ случаяхъ онъ предлагаетъ, довѣряя заявленію стороны, превратить засѣданіе въ закрытое. Не возражая и противъ допущенія въ засѣданія корреспондентовъ, онъ, въ видахъ предотвращенія извращенія въ печати обстоятельствъ дѣла, предлагаетъ сдѣлать обязательной провѣрку отчетовъ судьями или секретарями по указанію суда.

Л. И. Лутугинъ проситъ поставить превращеніе засѣданія въ закрытое въ зависимость отъ согласія обѣихъ сторонъ. Провѣрку отчетовъ онъ считаетъ не нужной, такъ какъ и въ вопросахъ большей общественной важности признаютъ возможнымъ довѣрять гласности.

Судъ постановляетъ:

Обсудивъ заключенія обѣихъ сторонъ, судъ пришелъ къ заключенію, что допущеніе въ засѣданія неограниченнаго числа лицъ является невозможнымъ. Согласно заключеніямъ обѣихъ сторонъ судъ постановилъ допустить представителей печати, признавъ контроль и надъ отчетами ненужнымъ и неудобнымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ заявлено ходатайство о закрытіи дверей засѣданія судъ постановитъ рѣшеніе по выслушаніи заключенія сторонъ, оставляя за собой право закрыть двери засѣданія и при отсутствіи согласія обѣихъ сторонъ.

Судъ признаетъ желательнымъ, чтобы стороны выбрали для присутствія на засѣданіяхъ представителей въ равномъ отъ сторонъ числѣ, опредѣливъ это число по взаимному соглашенію. Этимъ однако не исключается право присутствовать на отдѣльныхъ засѣданіяхъ по мѣрѣ надобности и другихъ заинтересованныхъ представителей сторонъ.

Л. И. Лутугинъ ходатайствуетъ о допущеніи представителей отъ Г. Ин-та, Об-ва Горн. Инженеровъ и Союза профессоровъ.

Предсѣдатель объявляетъ, что судъ откладываетъ свое рѣшеніе

по этому вопросу, и проситъ стороны формулировать вопросы, подлежащіе обсужденію суда и высказаться относительно дальнѣйшаго веденія дѣлъ.

Б. М. Алексѣевъ предлагаетъ сторонамъ представить другъ другу записки одновременно.

Л. И. Лутугинъ и И. П. Долбня, полагаютъ, что въ виду того, что отношеніе ихъ стороны къ происшествіямъ, приведшимъ къ третейскому суду, достаточно выяснены въ печати, почему первая записка должна быть представлена представителемъ противной стороны.

Б. М. Алексѣевъ указываетъ на то, что формулировка обвиненій, взводимыхъ на «свобододѣйствующихъ», необходима еще и потому, что въ противномъ случаѣ «свобододѣйствующіе» не гарантированы отъ того, что послѣ того какъ будутъ опровергнуты обвиненія, возведенныя противъ нихъ, могутъ быть выставлены новыя, о которыхъ они не подозрѣвали, почему ихъ и не отвергнули.

А. И. Каминка находитъ, что врядъ-ли такая опасность существуетъ такъ какъ достаточно уже было высказано по адресу «свобододѣйствующихъ». Одновременное представленіе записокъ онъ считаетъ неправильнымъ, такъ какъ одна записка должна заключать отвѣтъ на другую. Представленіе же первой записки лежитъ на обязанности «свобододѣйствующихъ», какъ стороны, вызвавшей на судъ противную сторону. Формулировать же вопросы, подлежащіе по его мнѣнію, обсужденію суда,—онъ готовъ.

Б. М. Алексѣевъ желалъ бы въ рѣшеніи суда получить отвѣты на слѣдующіе 6 вопросовъ, выставленныхъ «свобододѣйствующими» въ вызовѣ къ суду.

Л. И. Лутугинъ отъ имени 6-ти бывшихъ профессоровъ проситъ судъ поставить на свое разрѣшеніе слѣдующій вопросъ:

Имѣли ли мы право охарактеризовать группу студентовъ, именующихся «свобододѣйствующими», такъ какъ, мы это сдѣлали въ нашей коллективной запискѣ и въ опубликованныхъ письмахъ и бесѣдахъ?

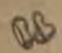
А. И. Каминка желалъ бы поставить на обсужденіе суда слѣдующіе вопросы:

1) Имѣли ли право студенты Горн. Ин-та предъявить «свобододѣйствующимъ» тѣ обвиненія, которыя формулированы какъ въ бюллетенѣ, начинающемся словами· «Свобододѣйствующіе—это люди..» такъ и въ письмахъ и заявленіяхъ, появившихся въ печати?

2) Имѣли ли право «свобододѣйствующіе» вышеуказанныя обвиненія назвать «злонамѣренной клеветой»?

В ✓

Б. М. Алексѣевъ, не возражая противъ постановки предлагаемыхъ вопросовъ, находитъ ихъ недостаточными, такъ какъ для него важно всесторонне освѣтить происшествія и получить отвѣтъ на вопросъ о томъ, могли ли утвержденія относительно «свобододѣйствующихъ» быть основаны на добросовѣстномъ заблужденіи, или же они являются злонамѣренной клеветой?

А. И. Каминка признаетъ желательнымъ возможно широкое освѣщеніе всего дѣла.

Предсѣдатель оглашаетъ вызовъ къ суду со стороны студентовъ Горн. Ин-та, внесенныхъ въ списокъ такъ наз. «партіи свобододѣйствующихъ» („Русь" дек. 1904 г. № 360) *) и отвѣтъ на него противной стороны («Русь» 11 дек. 1904 г. № 361 и 13 дек. № 363) *).

Третейскій судъ постановляетъ:

Въ виду того, что иниціатива суда принадлежитъ «свобододѣйствующимъ»,—они должны представить первую записку по дѣлу, по ознакомленіи съ которой противная сторона должна представить контръ-записку.

Срокомъ для представленія первой записки, которая для избѣжанія лишней проволочки должна быть передана непосредственно представителю противной стороны, назначается пятница 7-го января, контръ-записка должна быть представлена въ слѣдующее засѣданіе суда 9-го января въ 1 часъ дня.

Судъ принялъ: вопросы, предложенные А. И. Каминкой и Л. И. Лутугинымъ, оставить.

Судъ призналъ желательнымъ допустить представителей корпорацій, о допущеніи которыхъ ходатайствовалъ Л. И. Лутугинъ, и постановилъ допустить пять профессоровъ по выбору суда, пять представителей О-ва Горн. Инженеровъ по выбору гг. бывшихъ профессоровъ и пять незаинтересованныхъ студентовъ Г. Ин-та по соглашенію сторонъ.

Студ. И. Гливицъ заявляетъ, что незаинтересованныхъ студентовъ Г. И. не существуетъ, почему проситъ допустить студентовъ другихъ учебныхъ заведеній.

Студ. В. Соколовъ заявляетъ, что кромѣ «свобододѣйствующихъ» и ихъ противниковъ есть нейтральные студенты Г. И., присутствіе которыхъ представлялось бы желательнымъ.

Судъ постановляетъ:

Допустить 6 студентовъ Горн. Ин-та или другихъ учебныхъ заведеній по соглашенію сторонъ. Если соглашенія не послѣдуетъ,— каждой сторонѣ представляется право пригласить 3-хъ студентовъ.

А. И. Каминка представляетъ списокъ свидѣтелей, о вызовѣ которыхъ онъ ходатайствуетъ.

Бывш. студ. А. Гапѣевъ отъ имени студентовъ и бывшихъ студентовъ Горн. Ин-та ходатайствуетъ о вызовѣ свидѣтелей по слѣдующему списку: онъ ходатайствуетъ о вызовѣ профессоровъ, такъ какъ они участники и свидѣтели проведенія коноваловскаго режима, новыхъ преподавателей и нѣкоторыхъ ассистентовъ для выясненія современнаго положенія института, такъ какъ результаты этого дѣла сказались и внѣ стѣнъ института, въ особенности въ горномъ мірѣ; онъ просилъ вызвать нѣкоторыхъ горныхъ инженеровъ, многіе изъ которыхъ обладаютъ весьма цѣнными фактическими данными: онъ проситъ вызвать гг. И. В. Бальди, М. А. Воронина, и Д. П. Коновалова, какъ наиболѣе освѣдомленныхъ лицъ, г. В. И. Останковича—смотрителя зданій, и г. В. Н. Жданова—правителя канцеляріи, такъ какъ они могутъ дать показанія относительно обстановки экзаменовъ, обструкціи и ея послѣдствій; онъ проситъ вызвать г. Зенгера—сотрудника газ. «Русь» и г. Карасика—сотрудника «Новостей» такъ какъ эти лица получили цѣнныя свѣдѣнія отъ г. Коновалова. Кромѣ того, Гапѣевъ приглашаетъ всѣхъ, помѣщавшихъ въ газетахъ свои замѣтки и письма по разбираемому вопросу—подъ иниціалами—раскрыть свои фамиліи, чтобы была возможность вызвать ихъ въ качествѣ свидѣтелей, особенно желательно со стороны г., помѣстившаго свое письмо въ «С.-Петербургскомъ Дневникѣ» отъ 10 дек. 1904 г. *).

Л. И. Лутугинъ, по уполномочію бывшихъ профессоровъ, ходатайствуетъ о вызовѣ нижеслѣдующихъ лицъ:

Директора Горн. Ин-та Д. П. Коновалова, Инспектора—проф. Н. Д. Коцовскаго, Членовъ совѣта Г. И. профессоровъ: И. А. Тиме, Н. С. Курнакова, В. Н. Липина, Г. Г. Лебедева, А. Н. Митинскаго, Н. П. Асѣева, И. Ф. Шредера.

Директора Горнаго Департамента, члена Совѣта Г. И. засл. проф. Н. А. Іосса.

Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ Статсъ-Секретаря А. С. Ермолова.

С.-Петербургскаго Градоначальника Генералъ-Адъютанта И. А. Фуллона.

Онъ считаетъ невозможнымъ освѣтить образъ дѣйствій «свобододѣйствующихъ» безъ выясненія той среды, въ которой они дѣйствовали. Въ Горн. Ин-тѣ были двѣ борющіяся партіи: администрація и «свобододѣйствующіе» съ одной стороны, и ихъ против-

ники съ другой—и для характеристики «свобододѣйствующихъ» необходимо поэтому выясненіе образа дѣйствій администраціи Г. Ин-та.

Б. М. Алексѣевъ проситъ вызвать свидѣтелей лишь послѣ обмѣна записками. По его мнѣнію, которое онъ имѣетъ въ виду доказать въ запискѣ, образъ дѣйствій г. Коновалова имѣетъ относительно даннаго дѣла лишь побочное значеніе, и разсмотрѣніе его можетъ затмить интересъ его кліентовъ.

А. И. Каминка не возражаетъ противъ того, чтобы судъ отложилъ сужденіе о вызовѣ свидѣтелей до обмѣна записками, но проситъ не истолковывать это въ смыслѣ согласія съ той оцѣнкой значенія образа дѣйствій г. Коновалова для даннаго дѣла, которую далъ прис. пов. Алексѣевъ; онъ считаетъ выясненіе образа дѣйствій г. Коновалова чрезвычайно важнымъ для дѣла. Впрочемъ, онъ не считаетъ нужнымъ входить въ пререканія по этому поводу, такъ какъ самъ судъ рѣшитъ какое это значеніе будетъ имѣть для дѣла.

Б. М. Алексѣевъ проситъ судъ разъяснить, могутъ ли лица, фигурирующія въ дѣлѣ въ качествѣ сторонъ, давать свидѣтельскія показанія и могутъ ли они въ такомъ случаѣ тѣмъ не менѣе присутствовать на всѣхъ засѣданіяхъ суда.

Судъ постановилъ разрѣшить поставленный вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Прис. пов. Алексѣевъ заявляетъ, что его довѣрители затрудняются выбрать представителей изъ своей среды для присутствованія на засѣданіяхъ, такъ какъ группа «свобододѣйствующихъ» не есть партія, кромѣ того они всѣ считаютъ себя оклеветанными и думаютъ, что каждый изъ нихъ долженъ имѣть возможность защищать свою честь лично.

Прис. пов. Каминка заявляетъ, что если противная сторона потому только не желаетъ выбрать представителей, чтобы не дать этимъ доказательства организованности группы «свобододѣйствующихъ, то онъ, располагая многими другими доказательствами существованія организаціи группы «свобододѣйствующихъ», готовъ этимъ доказательствомъ не воспользоваться. Онъ думаетъ, что стороны должны быть равноправны и никакихъ преимуществъ по сравненію съ противной стороной «свобододѣйствующимъ» не должно быть предоставлено.

Студенты Грунвальдъ, Рейнъ, Ауэрбахъ, Соколовъ и Кутыринъ поддерживаютъ ходатайство прис. пов. Алексѣева, указывая на то, что положеніе сторонъ въ данномъ дѣлѣ неодинаковое, такъ какъ

къ нимъ предъявленъ рядъ гораздо болѣе тяжелыхъ обвиненій (при чемъ они были названы по фамиліямъ), чѣмъ обвиненіе въ клеветѣ, которое они предъявляютъ противной сторонѣ. Они не считаютъ возможнымъ кому-либо ввѣрять защиту своей чести.

Бывш. студ. Звѣревъ проситъ въ случаѣ удовлетворенія ходатайства «свобододѣйствующихъ» допустить всѣхъ бывшихъ студентовъ числомъ около 40 человѣкъ.

Студ. Лури проситъ допустить въ случаѣ удовлетворенія ходатайства «свобододѣйствующихъ» и всѣхъ представляемыхъ присутствующими выборными студентовъ Г. И. числомъ около 400.

Судъ постановляетъ:

Признавая, что положеніе сторонъ въ данномъ дѣлѣ неодинаковое, судъ удовлетворилъ ходатайство «свобододѣйствующихъ» о допущеніи всѣхъ ихъ числомъ 80 человѣкъ, къ присутствію на засѣданіяхъ. Подлежало бы и удовлетворенію ходатайство о допущеніи 40 бывшихъ студентовъ и 400 студентовъ Г. И. Но, такъ какъ допущеніе такого количества лицъ фактически невозможно, судъ постановляетъ предоставить бывшимъ студентамъ и студентамъ избрать для присутствованія представителей въ равномъ числѣ съ допущенными къ присутствованію «свобододѣйствующими», т. е. въ количествѣ 80 человѣкъ.

Предсѣдатель закрываетъ засѣданіе, объявляя, что слѣдующее засѣданіе состоится въ помѣщеніи С.-Петербургской Біологической Лабораторіи въ Воскресеніе 9-го января 1905 г. въ 1 часъ дня.

ПРОТОКОЛЪ.

Второго судебнаго засѣданія Третейскаго Суда Чести отъ 6 Февраля 1905 года. Присутствовали: Предсѣдатель Суда К. К. Арсеньевъ, Члены Суда: П. Ф. Лесгафтъ, В. О. Люстихъ, Д. С. Зерновъ, Н. Н. Печковскій, И. П. Павловъ и І. В. Гессенъ; стороны: «свобододѣйствующіе» и ихъ повѣренные—Присяжные Повѣренные В. Ф. Леонтьевъ и Б. П. Гартунгъ, бывшіе профессора Г. И.—И. П. Долбня, Л. И. Лутугинъ, Н. Н. Яковлевъ, В. И. Бауманъ и К. И. Богдановичъ. Представители студентовъ корпорантовъ Г. И.: Б. Васютинскій, И. Гливицъ, Лемпертъ, В. Пилетичъ, Б. Стахевичъ, Половниковъ. Представители бывшихъ студентовъ Г. И.: Г. Бокій, И. Рейнвальдъ, А. Снятковъ, В. Звѣревъ, И. Егуновъ, А. Гапѣевъ и Б. Меффертъ. Повѣренные студентовъ корпо-

рантовъ: Присяжные Повѣренные О. О. Грузенбергъ 1-й и А. И. Каминка.

Предсѣдатель, открывая засѣданіе, предложилъ почтить вставаніемъ память убитаго 9 января с. г. представителя корпорантовъ Г. И. студента 3-го курса Б. А. Лури.

Судъ утвердилъ протоколъ предыдущаго засѣданія. Предсѣдатель проситъ на будущее время стороны совмѣстно обсуждать протоколъ, доводя до суда лишь непримиримыя разногласія. Проситъ стороны сообщить все относящееся къ дѣлу.

Леонтьевъ. Проситъ Судъ обратить вниманіе на то, что обвиненія расплывчаты: указанія на факты встрѣчаются лишь иногда. Свободѣйствующихъ противники дѣлятъ на двѣ группы: одну обвиняютъ въ шпіонствѣ и доносахъ, другую лишь въ сочувствіи первой. Въ свою очередь свободѣйствующіе дѣлятъ противниковъ на двѣ категоріи: обвиняющихъ въ шпіонствѣ или только въ нетоварищескомъ поведеніи. Даже имѣются письма 26 студентовъ, которые ни въ чемъ свободѣйствующихъ не обвиняютъ, но просятъ Судъ возстановить истину.

Проситъ повѣренныхъ противной стороны представить аккредитивныя грамоты, такъ какъ передъ Третейскимъ судомъ выступаетъ лишь 150—200 студентовъ, а всего въ Институтѣ 600 человѣкъ. Проситъ указать путемъ подписей обвинителей и обвиненія, чтобы знать, противъ кого, чего ему бороться. Проситъ сообщить фамиліи членовъ обоихъ организаціонныхъ комитетовъ лишь Суду, такъ какъ оглашеніе ихъ неудобно.

Каминка. Заявленіе Леонтьева объясняется его отсутствіемъ на первомъ засѣданіи. Вопросъ уже рѣшенъ и санкціонированъ Судомъ. Обвиненіе было достаточно ясно, чтобы вызвать къ суду, такъ что больше выяснять нечего и надо перейти къ свидѣтельскимъ показаніямъ, выяснять же степень участія отдѣльныхъ лицъ нѣтъ надобности.

Грузенбергъ. Полагаетъ, что обвиненіе предъявлено свободѣйствующими, ихъ дѣло указать обвиненія, намъ же надо защищаться. Они обвиняютъ въ клеветѣ студентовъ и профессоровъ, писавшихъ въ Руси, формулируя свои обвиненія въ слѣдующихъ пяти пунктахъ (перечисляетъ пункты, указанные въ объясненіи Прис. Пов. Алексѣева) *). Самая постановка обвиненія имѣетъ основаніемъ бюллетени. Находитъ и нужнымъ доказать, что всѣ свобододѣйствующіе участвовали въ составленіи проскрипціонныхъ списковъ, совмѣстно съ инспекціею, что по мнѣнію Грузенберга и есть шпіонство. Онъ и не

полагаетъ, что всѣ свобододѣйствующіе, служили охранному отдѣленію. Если въ этомъ повинны нѣкоторые свобододѣйствующіе, входящіе въ ихъ группу, (а что они—группа, будетъ доказано), то и обвиненіе въ шпіонствѣ всей группы—законно. Бюллетени выпускались группой, среди этой группы были доносчики, и пока лица, вызвавшіе уходъ профессоровъ, исключеніе товарищей и разгромъ института, остаются въ средѣ свобододѣйствующихъ, до тѣхъ поръ надъ всей группой тяготѣетъ обвиненіе.

Леонтьевъ. Стороны обращались къ суду не за наказаніемъ, и настоящихъ обвиняемыхъ здѣсь нѣтъ. Важно лишь снять позоръ съ имени оклеветанныхъ свобододѣйствующихъ. Важна истина. Здѣсь не прокуроры, и важно лишь рѣшить, позорны ли приписываемые свобододѣйствующимъ поступки, и совершали ли они ихъ. Трудно вѣрить, что почти половина студентовъ Института, гдѣ большинство медалистовъ и людей фильтрованныхъ можетъ быть шпіонами. Свобододѣйствующихъ обвиняютъ въ шпіонствѣ и починъ долженъ исходить отъ обвинителей.

Лутугинъ. Интересно появленіе (и его причина) группы свобододѣйствующихъ. Было извѣстно, что доносчики въ этой группѣ существуютъ, она ихъ не только не выбросила, но коллективно поддерживала, почему вся группа обвиняется въ попустительствѣ. Въ Судѣ должно быть оглашено письмо въ редакцію С.-Петербургскаго Дневника отъ 10 Декабря,*) не подписанное, но исходящее несомнѣнно отъ одного изъ группы и могущее дать характеристику такъ сказать эмбріональнаго развитія этой партіи и настоящаго ея характера. Желательно, чтобы авторъ назвалъ себя, и какъ группа относится къ этому акту?

Судъ удаляется для совѣщанія.

Судъ, по поводу заявленія Леонтьева, находитъ необходимымъ къ слѣдующему засѣданію имѣть списокъ студентовъ, поддерживающихъ обвиненіе противъ свобододѣйствующихъ для болѣе подробнаго выясненія, какія дѣйствія ставятся въ вину свобододѣйствующимъ и какая степень солидарности преполагается у послѣднихъ. Поэтому Судъ предоставляетъ слово обвинителямъ свобододѣйствующихъ съ просьбою высказать свой взглядъ и свои данныя.

Каминка. Находитъ странной такую постановку вопросовъ. Преждевременно высказывать взгляды до допроса свидѣтелей, которые докажутъ, что свобододѣйствующіе—группа, что поступки отдѣльныхъ членовъ ея были извѣстны всей группѣ. Къ слѣдующему засѣданію представитъ систематическое изложеніе событій въ Г. И.

Выражаетъ удивленіе, почему сами свобододѣйствующіе не возбудили дѣло противъ своихъ товарищей—шпіоновъ.

Грузенбергъ. Какъ ставить дѣло безразлично: извѣстно, что было Свобододѣйствующихъ обвиняютъ въ нарушеніи жизни института, соединеніи въ группу, заключившую союзъ съ Коноваловымъ противъ товарищей, въ присвоеніи стипендій уволенныхъ товарищей, уволенныхъ благодаря ихъ стараніямъ. Обвиненіе ставится свободно и будетъ сознательно поддерживаться. Группа свобододѣйствующихъ ссылается на любовь къ храму науки, и къ самой наукѣ, тогда какъ своими поступками принудила уйти изъ Института 6 представителей науки. Какъ группа, свобододѣйствующіе составляли бюллетени, а когда дошло до суда, то устами Алексѣева, заявили, что не составляютъ группы. Зачѣмъ же тогда дѣло доводить до суда. Понятно, что они избѣгаютъ названія группы. Если они—группа, то пусть отвѣтятъ, почему они терпѣли людей, губившихъ товарищей (большая, напр. національная, группа не можетъ быть опозорена поступками отдѣльныхъ членовъ, а маленькая, тѣсная, освѣдомленная, должна быть опозорена), а если группы не было и нѣтъ, то намъ нечего дѣлать. Не берется обвинять поименно, но обязуется доказать, что факты шпіонства на лицо. Алексѣевъ ставитъ въ виду записку Мушкетова, но это—единично. Студенты берутся поддержать обвиненіе организаціоннаго комитета. Не нужны подраздѣленія на шпіоновъ, доносчиковъ и услужливыхъ людей; быть можетъ свобододѣйствующіе и проводятъ такія тонкія различія, а на дѣлѣ важно лишь доказать содѣйствіе инспекціи. Предлагаетъ огласить составъ организаціоннаго комитета, съ тѣмъ, чтобы свобододѣйствующіе назвали свой. Или свобододѣйствующіе боятся, что ихъ имена станутъ извѣстны въ обществѣ?

Леонтьевъ Предлагалъ не называть именъ, боясь новыхъ жертвъ. Храбростью нечего дѣйствовать, надо дѣйствовать убѣжденіями. Судъ рѣшитъ, что доказано. Не соглашается съ Каминкой относительно вызова свидѣтелей до постановки обвиненія и требуетъ предъявленія сначала обвиненія, а затѣмъ уже вызвать свидѣтелей, иначе не понимаетъ, для чего нужны свидѣтели. Находитъ возможнымъ, по соглашенію сторонъ, поступится нѣкоторыми пунктами обвиненія.

Грузенбергъ. Объясняетъ солидарность свою съ Каминкой. Если Леонтьевъ согласенъ съ нимъ, то согласенъ и съ Каминкой: это недоразумѣніе. Свидѣтели имѣются, предметъ показанія тоже имѣется: (5 пунктовъ Алексѣева, цитированіе бюллетеней) *). Это и будетъ подтверждено свидѣтельскими показаніями.

Проф. Богдановичъ. Въ отношеніяхъ свобододѣйствующихъ къ профессорамъ кроется громадное недоразумѣніе. Для профессоровъ не важны имена отдѣльныхъ лицъ, а важна общественная сторона, на которую обращаетъ особенное вниманіе. Считаетъ вполнѣ умѣстнымъ примѣненіе къ свобододѣйствующимъ выраженій: «безсильные разобраться въ сложномъ конфликтѣ, нравственно слабые и позорно-павшіе». Первые—это тѣ, кто высказавшись противъ вводимаго режима, затѣмъ поддерживали его держа экзамены; вторые—пассивно поддавшіеся торжествующей силѣ и третьи—активно, содѣйствіемъ инспекціи, способствовавшіе введенію этого режима. Характеризуетъ другія группы, находя, что любовь къ наукѣ и ея храму, не есть привиллегія „побѣдителей свобододѣйствующихъ“, а изгоевъ и сдавшихся буровъ, у которыхъ общественныя стремленія на время берутъ верхъ. Думаетъ, что ввиду послѣднихъ событій, жертвой которыхъ пали два ихъ товарища, обѣ группы могли бы забыть старыя обиды и объединиться въ общихъ болѣе высокихъ стремленіяхъ. (Подлинный текстъ рѣчи прилагается къ протоколу) *).

Грунвальдъ. Принадлежитъ къ побѣдителямъ, но не всякая побѣда даетъ лавровый вѣнецъ, имъ достался—терновый. Наставникамъ не слѣдовало бы называть ихъ побѣдителями. Обѣщаетъ доказать, что свобододѣйствующіе не составляли группы и не были въ союзѣ съ Коноваловымъ—это доказываетъ первый бюллетень. Нельзя судить только по началу явленія: свобододѣйствующіе обращаются къ общественной совѣсти за словомъ правды. При всякомъ политическомъ движеніи оказывается группа недостаточно политически воспитанная — таковы именно свобододѣйствующіе. Неопытные, несплоченные, они естественно приняли естественную для Горнаго Инст. форму объединенія—организаціонный комитетъ. Они были въ аффектѣ, и не знали, что берутъ на себя такую отвѣтственность. Что Орг. Ком. не былъ жизненъ, видно изъ того, что издалъ три пустыхъ бюллетеня. Нельзя могучимъ призывомъ пытаться создать группу, разъ она существуетъ, а въ бюллетенѣ убѣждали создать ячейку и дать отпоръ. Если бы свобододѣйствующіе составляли группу, то незачѣмъ имъ было бы выпускать бюллетень съ воззваніемъ «соединится въ группу». Среди свобододѣйствующихъ рядомъ съ консерваторами, аристократами, есть люди дна. Развѣ можно обвинять ихъ въ своекорыстныхъ интересахъ, они сошлись изучать науку и использовать свое, потомъ и кровью добытое, право на образованіе. Они пришли учиться и до ихъ политическихъ убѣжденій (весьма различныхъ) никому нѣтъ дѣла. Настав-

никамъ „свобододѣйствующіе“ извѣстны. Они на сходкѣ прямо, открыто и честно заявили, что «желаютъ заниматься наукой и ни до чего остального имъ дѣла нѣтъ».

Гессенъ. Спрашиваетъ Грунвальда, признаетъ ли онъ существованіе Орг. Ком.

Грунвальдъ. Орг. Ком. существовалъ, издалъ два бюллетеня *) весной, одинъ (безъ подписи) осенью. Какъ и кѣмъ выбирался— не знаетъ, самъ въ немъ не состоялъ.

Соколовъ. Поясняетъ, что Орг. Ком. выдѣлился изъ среды «св.-дѣйс.», ушедшихъ со сходки 12 марта. Ком. выпустилъ два бюллетеня, послѣдній изъ нихъ за подписью «одинъ изъ своб.-дѣйс.».

Каминка. Спрашиваетъ, исходилъ ли бюллетень 17 марта 1904 г. *) отъ Орг. Ком. «св.-дѣйс.».

Соколовъ. Признаетъ.

Леонтьевъ. Находитъ, что разговоръ потерялъ характеръ объясненія и касается дѣла по существу, что возможно лишь послѣ свидѣтельскихъ показаній. Спрашиваетъ относительно посылки списка «св.-дѣйс.» по рудникамъ и заводамъ: всѣхъ ли «св.-дѣйс.» имена были сообщены. Соглашаясь съ мнѣніемъ Богдановича, относительно примиренія, находитъ нужнымъ для этого время; перерывъ или отложеніе засѣданія.

Каминка. Недоразумѣніе объ именахъ вызвано существованіемъ двухъ обвиненій: поименнаго, со стороны студентовъ и группового, со стороны профессоровъ.

Грузенбергъ. Подтверждаетъ разсылку списковъ Орг. Ком. Г. И. Говоритъ, что его довѣрители ни въ коемъ случаѣ не пойдутъ на примиреніе. Проситъ занести заявленіе св.-дѣйст. въ протоколъ, о томъ, что они не группа, что они не организованы.

Богдановичъ. Считаетъ, что св.-дѣйст. признаютъ себя жертвой сложившихся условій и на этой почвѣ могло бы состояться примиреніе.

Предсѣдатель. Судъ находитъ для цѣлесообразности дѣла необходимымъ, чтобы св.-мысл. подробнѣе указали и мотивировали обвиненія противъ св.-дѣйс. и способы ихъ доказательства.

Снятковъ. Читаетъ пункты обвиненія и обѣщаетъ подтвердить ихъ свидѣтельскими показаніями. Пункты приложены къ протоколу *).

Каминка. Подаетъ списокъ свидѣтелей, которыхъ считаетъ нужнымъ допросить въ слѣдующемъ засѣданіи.

Долбня. Находитъ нужнымъ предварительный опросъ по оди-

ночкѣ профессоровъ для освѣщенія инцидента и точнаго установленія отношеній. Находитъ детали не существенными. Доля активнаго участія каждаго изъ профессоровъ для суда важнѣе, а затѣмъ можно заняться разборомъ дѣла между студентами.

Леонтьевъ. Заявляетъ, что пункты скорѣе похожи на тезисы и нѣкоторые изъ нихъ, (напр. 9, 14, 17, 18) *), совершенно не относятся къ св.-дѣйст. и находитъ нужнымъ ихъ исключить. Проситъ обсуждать поступки Коновалова, лишь посколько они касаются св.-дѣйст., такъ же, какъ и вопросъ о «союзѣ съ Японіей».

Гапѣевъ. Главные пункты обвиненія—составленіе проскрипціонныхъ списковъ и содѣйствіе полиціи и инспекціи. Студенты имѣли въ виду во 1-хъ прочную связь Коновалова съ охраннымъ отдѣленіемъ, а слѣдовательно и св.-дѣйст., помогавшихъ Коновалову, и во 2-хъ, ту атмосферу, въ которой они не стѣснялись продолжать свои дѣла.

Судъ удаляется для совѣщанія.

Предсѣдатель. Разсмотрѣвъ 18 пунктовъ обвиненія и ничего не предрѣшая судъ будетъ разсматривать дѣло такъ, какъ оно было поставлено сначала, т. е. только о лицахъ, суду подчинившихся. Это важно принять къ свѣдѣнію сторонамъ. Судъ проситъ стороны представить всѣ письменныя доказательства до слѣдующаго засѣданія. Не смотря на отказъ, Судъ не хочетъ терять надежду на примиреніе между сторонами. Судъ проситъ, въ виду возможности будущаго соглашенія избѣгать оскорбительныхъ выраженій, способствующихъ разладу. Судъ уважая заявленіе профессоровъ, предлагаетъ имъ высказаться.

Долбня. Заявляетъ, что хотя не предполагалъ говорить въ настоящемъ засѣданіи, но охотно дастъ сейчасъ указанія Суду, надѣясь, что въ будущемъ ему разрѣшатъ пополнить ихъ. Свою точку зрѣнія онъ не разъ высказывалъ студентамъ. Его лично мало интересуетъ фактическая сторона, при томъ онъ мало ее и знаетъ. Роль ушедшихъ профессоровъ рѣзко выяснилась съ 1904 года, но уже съ 1899 г. они держались одной тактики. Уже въ 1899 г. начальство выработало систему впуска по билетамъ, тогда студенты 5 курса, получивъ билеты, рѣшили не экзаменоваться. Трое студентовъ приходило къ нему за совѣтомъ. По оффиціальному своему положенію онъ не могъ ихъ отговаривать, но какъ частное лицо, совѣтывалъ имъ «не быть іудами», спросивъ при этомъ, понимаютъ ли его, и онъ былъ понятъ. Въ казармахъ Финляндскаго полка была размѣщена масса полиціи, но ни одинъ студентъ не экзаме-

новался. 14 разъ дефилировали передъ полиціей и ни одинъ не пошелъ на приманку. Профессоровъ «вывезло» единодушіе студентовъ, и имъ не пришлось активно выказывать свое отношеніе къ полицейской обстановкѣ экзаменовъ. Тоже было и въ 1901 году. Въ 1902 году поселить разладъ между студентами удалось лишь отчасти, но дѣло замяли. Съ 1899 года совѣтъ единодушно отвергалъ пропаганду начальственныхъ идей. Съ давнихъ поръ «попустительствомъ» начальства возникли студенческія учрежденія (столовая библіотека, фондъ взаимопомощи и пр.). Въ жизнь этихъ учрежденій совѣтъ не вмѣшивался, это дѣла, чисто студенческія—они дозрѣли до нихъ. Начальству это не давало спать, но профессора не обязаны стоятъ на точкѣ зрѣнія начальства. Боевое начальство не могло переварить висѣнія «противуправительственной бумаги». Коноваловъ стоялъ на точкѣ зрѣнія высшаго начальства, этимъ объясняеття его стремленіе изгнать изъ института все противуправительственное. «Коноваловъ насъ слопаетъ», говорилъ студентъ Мефферть, и онъ дѣйствительно 1 Января вступилъ въ должность, а 15-го началъ «лопать». На Совѣтѣ, въ форменномъ мундирѣ, Коноваловъ сказалъ трогательную рѣчь, что вернулся на лоно Горнаго Института, предложилъ легализировать студенческія учрежденія. Рѣчь его понравилась. Предложилъ выбрать коммиссію для проведенія реформъ. Совѣтъ выбралъ Долбню, Лутугина, Баумана. Такой составъ давалъ понять, что слопать ему не удастся. Коммиссія имѣла 7 засѣданій и ни къ чему не пришла. Казалось, что самъ Коноваловъ сталъ на точку зрѣнія Совѣта и рѣшилъ «ублажать» Министра одними отписками. Повидимому все обстояло благополучно, какъ вдругъ разразился скандалъ. Спокойно сидя дома, онъ вдругъ узналъ, что Коноваловъ сорвалъ портретъ Бебеля. Сразу онъ не вошелъ въ курсъ дѣла, и не придавалъ ему значенія; но дѣло обстояло не такъ просто, какъ казалось. Дѣло разрослось, студенты забастовали. Чтобы провести экзамены и привести институтъ къ одному знаменателю съ другими высшими учебными заведеніями съ точки зрѣнія начальства «отечество требовало претерпѣть», т. е. нюхать меркаптанъ, выслушивать подлеца и т. д. Съ точки зрѣнія Министра—это сущіе пустяки, тѣмъ болѣе, когда претерпѣть приходится другому. Но для профессоровъ такая точка зрѣнія не обязательна. Въ прежніе годы можно было надѣяться на благополучный исходъ: тогда студенты выставляли политическія требованія и выносили резолюціи, теперь всеобщія, а тогда имѣвшія характеръ «несбыточныхъ мечтаній». Профессора говорили: «это не серьезно,

это не зрѣло, это пустяки» и студенты это понимали. Теперь же вопросъ сталъ ребромъ: никакой политики. Коноваловъ прогналъ депутатовъ, грубѣйше и намѣренно съ благословенія Плеве и Ермолова, оскорбилъ людей, съ цѣлью поднять авторитетъ дискредитированной власти. Намѣренія Коновалова были ясны, и невольно вставалъ вопросъ, не пора ли профессорамъ позаботиться о сохраненіи человѣческаго и наставническаго достоинства. Предстояло подъ командой Коновалова идти подъ меркаптанъ; предпочли уйти въ отставку, испытавъ конечно всѣ средства, даже нѣсколько унизительныя. Профессора собрались на совѣщаніе и, какъ послѣднее средство, рѣшились отправиться къ Коновалову, чтобы склонить его на примиреніе со студентами. Коноваловъ принялъ ихъ начальственно, учительно прочелъ нотацію о педагогической неопытности. Профессоръ Долбня не нашелся, что отвѣтить. Результатомъ этой послѣдней попытки было согласіе Коновалова созвать на слѣдующій день, 15 марта, частное совѣщаніе. На немъ Коноваловъ былъ въ приподнятомъ настроеніи, большинство совѣта (8 человѣкъ) было на его сторонѣ. Липинъ и Курнаковъ напали на нихъ, и тогда профессоръ Долбня почувствовалъ, что почва подъ нимъ колеблется. На верху шла сходка, и надо было выяснить студентамъ, что на ихъ сторонѣ меньшинство. На сходкѣ проф. Долбней было прочитано, составленное имъ и одобренное товарищами, заявленіе, которое по памяти и цитируетъ *). Въ С.-Петербургскомъ дневникѣ придается этому акту характеръ покаянія, «страха ради іудейска», и профессора уподобляются унтеръ-офицерской вдовѣ, но смыслъ его былъ таковъ: профессора, не угрожая отставкой, желали показать студентамъ, что прежнее большинство совѣта имъ измѣнило, и они не могутъ реализировать своихъ обѣщаній. Это не покаяніе; а выходъ въ отставку лишь слѣдствіе меньшинства.

Предсѣдатель. Прерываетъ и проситъ держаться существа дѣла.

Долбня. Въ засѣданіи совѣта 15 марта профессорамъ было нанесено оскорбленіе и они вышли въ отставку.

Печковскій. Проситъ пояснить Лебедевскій инцидентъ.

Долбня и Гапѣевъ. Сообщаютъ, что и. о. инспектора проф. Лебедевымъ было вывѣшено въ буфетѣ объявленіе о томъ, что всѣ студенческія объявленія должны имѣть штемпель инспекціи. Это нарушало студенческія традиціи, и сходка рѣшила не допускать вмѣшательства начальства въ чисто студенческое дѣло, о чемъ депутація сообщила проф. Лебедеву. По свѣдѣніямъ пр. Долбни, Лебедевъ понялъ это, какъ предложеніе со стороны студентовъ уйти въ

отставку. Это было недоразумѣніе. Долбня отправился на сходку. Здѣсь выяснилось, что оскорбить пр. Лебедева не было намѣренія, студенческіе депутаты были приглашены на совѣщаніе профессоровъ, и конфликтъ уладился. На сходкѣ Долбня указалъ еще, что въ виду надвигающагося, въ лицѣ новаго директора, режима, не нужно изъ за пустяковъ поднимать исторій.

Люстихъ. Спрашиваетъ, не втягивали ли студенты пр. Долбню въ конфликтъ.

Долбня. Да, сначала была депутація въ составѣ студентовъ: Грунвальда, Соколова, Воробьева, Фойгта и Берладина. Ихъ принялъ дипломатически, и они ушли довольные. Это было безрезультатное путешествіе. Послѣ этихъ были опять депутаты: нынѣ горный инженеръ, а тогда студентъ Ковалевскій и др., и заявили, что они свобододѣйствующіе, и рѣшили держать экзамены при всякихъ условіяхъ. Долбня имъ сухо отвѣтилъ за себя и присутствовавшаго пр. Яковлева: «принимаемъ къ свѣдѣнію». Депутаты, также сухо поклонившись, ушли. Для чего они «путешествовали»—не извѣстно.

Ковалевскій. Послѣ того, какъ часть студентовъ высказалась противъ забастовки и рѣшила не прекращать занятія, она послала депутацію къ профессорамъ, сообщить имъ это рѣшеніе.

Долбня. На это ли онъ отвѣтилъ: «принимаемъ къ свѣдѣнію»?

Ковалевскій. Подтверждаетъ.

Бауманъ. Поясняетъ, что заявленіе профессоровъ было понято частью студентовъ неправильно. Произошелъ инцидентъ съ проф Митинскимъ (свистъ по его адресу). Первая депутація была отъ общей сходки и просила понять что *вся* сходка возмущена поведеніемъ Коновалова, обращалась къ профессорамъ за совѣтомъ относительно способа протеста. Профессора, бывшіе у Баумана (Лутугинъ, Никитинъ, Богдановичъ) обратили вниманіе депутаціи на то, что забастовка будетъ гибельна для института, такъ какъ вызоветъ расколъ. Раньше Институтъ берегли, и безпорядки проходили благополучно. Важно и для суда выяснить прежнюю и послѣдующую роль совѣта. Безъ поддержки совѣта св.-дѣйств. не получили бы такой силы. Они нуждались въ этой поддержкѣ. Въ виду того, что дальнѣйшія объясненія пр. Баумана будутъ имѣть полемическій характеръ съ 8-мью оставшимися профессорами, проситъ пригласить ихъ на слѣдующее засѣданіе.

Леонтьевъ. Проситъ Долбню и Баумана и инженера Ковалевскаго пояснить, исходило ли рѣшеніе не прекращать занятія отъ сходки?

Бауманъ. Нѣтъ, отъ свобододѣйствующихъ.

Гаппеевъ. Объясняетъ обстоятельства посылки первой депутаціи. Она была отъ всей сходки (болѣе 400 человѣкъ), рѣшившей. большинствомъ всѣхъ, противъ одного, протестовать, и всѣхъ, противъ 18-ти—требовать удаленія Коновалова. Всѣ партіи порицали забастовку, но другихъ мѣръ не было. Чѣмъ же свобододѣйствующіе поддержали свой протестъ? Они не только не остались зрителями борьбы Коновалова со студентами, но перешли на сторону Коновалова. (Подлинный текстъ объясненій прилагается къ протоколу)*).

Леонтьевъ. Которой депутаціи пр. Бауманъ говорилъ о пагубности раскола?

Бауманъ. Первой.

Печковскій. У всѣхъ ли профессоровъ были?

Бауманъ. Профессора въ это время были у меня.

Лутугинъ. Это было на квартирѣ Баумана. Долбня отсутствовалъ. Никакого разговора объ отмѣнѣ рѣшенія протестовать не было. Насъ просили лишь указать способъ протеста. Профессора не считали себя въ правѣ вмѣшиваться, такъ какъ уже чувствовали, что имъ придется уйти. У профессоровъ былъ выходъ, у студентовъ же его не было, и Институту угрожало то же, что творилось въ университетѣ. Профессора не отклоняли отъ протеста, но ставили на видъ серьезность мѣры, указывали на единеніе, бывшее до сихъ поръ и дававшее возможность проводить протестъ съ достоинствомъ. Всѣ оставались товарищами, и атмосфера была нравственно высокая. Ни одинъ изъ депутатовъ не говорилъ, что если пройдетъ забастовка, они отказываются отъ протеста. Какимъ образомъ они протестовали противъ Коновалова—это необходимо выяснить.

Соколовъ. Вноситъ поправку въ описаніе первой депутаціи сходки 15 марта къ членамъ совѣта. Предложеніе послать депутацію исходило отъ свобододѣйствующихъ, были протесты, но большинство приняло. Чтобы дискредитировать депутацію студенты отказывались войти въ нее. Вошли свобододѣйствующіе и одинъ нейтральный. Депутація поставила вопросъ о довѣріи, это прошло. Профессора тогда были у Баумана, депутація прочла цифровыя данныя (за забастовку большинство сходки, но не института) и указала, что имѣется группа лицъ съ особымъ мнѣніемъ (противъ забастовки и со свободой дѣйствій).

Фойгтъ. Депутація заявила, что депутаты принадлежатъ къ свобододѣйствующимъ, т. е. высказавшимся противъ забастовки.

Богдановичъ. Спрашиваетъ, можно ли считать вопросъ о депутаціяхъ исчерпаннымъ?

Гессенъ. Говорила ли первая депутація о своемъ несогласіи на забастовку?

Богдановичъ. Да.

Грунвальдъ. Депутація не спрашивала у профессоровъ указанія способовъ борьбы, а лишь способовъ вліянія на студентовъ, на что профессора указали, что употребятъ всѣ самыя серьезныя мѣры.

Богдановичъ. Неужели, понимая рѣшительность этого шага и его серьезность, свобододѣйствующіе рѣшились внести расколъ?

Грунвальдъ. Свобододѣйствующіе не ожидали такого страннаго рѣшенія профессоровъ, такъ любящихъ институтъ и науку.

Рейнвальдъ и Панфиловъ. Выясняютъ, что группа свобододѣйствующихъ уже существовала въ моментъ посылки первой депутаціи.

Предсѣдатель. Предлагаетъ передъ закрытіемъ засѣданія задавать послѣдніе вопросы.

Грузенбергъ. Спрашиваетъ, являлась ли первая депутація отъ всей сходки, или отъ группы?

Соколовъ. Отъ всѣхъ.

Богдановичъ. Стояла ли группа за экзамены, а также и за протестъ въ другой формѣ?

Грузенбергъ. Рѣшили ли свобододѣйствующіе протестовать, и въ чемъ это выразилось?

Предсѣдатель прерываетъ и судъ удаляется для совѣщанія.

Предсѣдатель. Судъ проситъ представить всѣ документы къ средѣ, когда будетъ распорядительное засѣданіе. Слѣдующее судебное засѣданіе назначается на субботу, 12 февраля, въ 9 часовъ вечера.

Засѣданіе закрывается.

ПРОТОКОЛЪ.

3-го Судебнаго Засѣданія *Третейскаго Суда Чести* отъ 12 Февраля 1905 г. Присутствовали: Предсѣдатель Суда К. К. Арсеньевъ, Члены Суда: П. Ф. Лесгафтъ, В. О. Люстихъ, Д. С. Зерновъ, Н. Н. Печковскій, И. П. Павловъ и В. М. Гессенъ; «свобододѣйствующіе» и ихъ повѣренные—Присяжные Повѣренные Б. М. Алексѣевъ, В. Ф. Леонтьевъ и Б. П. Гартунгъ, бывшіе профессора И. П. Долбня, Ѳ. И. Лутугинъ, Н. Н. Яковлевъ, В. И. Бауманъ и К. И.

Богдановичъ; представители студентовъ-корпорантовъ: Васютинскій, Гливицъ, Лемпертъ, Пилетичъ, Стахевичъ, Половниковъ; представители бывшихъ студентовъ: Бокій, Рейнвальдъ, Звѣревъ, Сятковъ, Егуновъ, Гапѣевъ и Меффертъ и повѣренные студентовъ-корпорантовъ Присяжные Повѣренные О. О. Грузенбергъ и А. И. Каминка.

Предсѣдатель, открывая засѣданіе, просилъ не выражать никакихъ знаковъ одобренія или порицанія и не задавать вопросовъ въ рѣзкой и оскорбительной формѣ. Приглашаетъ дать показаніе проф. Коновалову.

Коноваловъ. По вступленіи своемъ я обратилъ вниманіе на ненормальность студенческихъ учрежденій, именно: 1) въ отношеніи къ Совѣту, 2) въ отношеніяхъ къ студенчеству, и предложилъ избрать коммиссію. Коммиссія была согласна съ моимъ мнѣніемъ о ненормальностяхъ (цитируетъ записку)*. Ушедшіе профессора также были согласны съ необходимостью реформъ. Коммиссія должна была придти къ заключеніямъ, которыя гарантировали бы 1) интересы большинства и 3) интересы Института. Для перваго—было желательно выборное начало; для выборовъ лучшей формой служила бы закрытая баллотировка, пріемы которой могли бы быть выработаны согласно обстоятельствамъ. Для второго—желательно участіе педагогическаго персонала, выбираемаго по мѣрѣ необходимости. Прежде профессора не принимали участія въ студенческихъ учрежденіяхъ; закрытой баллотировки также не было. Не знаю, хорошо или худо было предложеніе, принялъ бы его Совѣтъ или нѣтъ, но прежде чѣмъ Коммиссія пришла къ результатамъ, произошло столкновеніе. Я соглашался выразитъ извиненіе передъ студентами, но гарантировать неприкосновенность учрежденій не могъ ни по личнымъ убѣжденіямъ, ни потому, что это должно было исходить отъ Совѣта; но и профессора не находили возможнымъ сохранить форму учрежденій, въ силу чего съ моей стороны послѣдовалъ отказъ. Былъ еще рядъ недоразумѣній, которыя не существенны и возникаютъ часто, но существеннымъ самымъ требованіемъ было—гарантія учрежденій.

Зерновъ. Спрашиваетъ Коновалова о посѣщеніи имъ буфета и бывшемъ при этомъ разговорѣ.

Коноваловъ. Существуютъ два помѣщенія: студенческая столовая и буфетъ, гдѣ я былъ. Онъ находится среди учебныхъ помѣщеній и никакъ не можетъ разсматриваться, какъ изолированное помѣще-

ніе. Главной причиной посѣщенія являлась общая неудовлетворительность помѣщенія Института: такъ 3 и 4 курсы не имѣли чертежныхъ, и такъ какъ буфетъ находился среди чертежныхъ, то я и думалъ его превратить въ чертежную. Портретъ Бебеля, который я тамъ увидѣлъ, мнѣ не понравился, какъ портретъ иностранца: какъ, въ такой давней школѣ, выпустившей много дѣятелей, виситъ портретъ не Мушкетова, не Барбота-де-Марни, что меня ничуть бы не удивило, а иностранца? Неужели мы еще долго будемъ жить чужимъ умомъ? Можетъ быть форма моихъ выраженій была нѣсколько рѣзкой.

Во время объясненій моихъ съ депутатами, я слышалъ постоянно отъ нихъ ссылку на постановленіе Совѣта, но такого я въ журналахъ не нашелъ. Меня взорвало, какъ меня увѣряютъ въ томъ, что, просмотрѣвши всѣ протоколы, не знаю постановленія. Это была существенная причина, хотя быть можетъ были и другія.

Арсеньевъ, О какихъ постановленіяхъ Вы говорили съ депутатами?

Коноваловъ. Объ автономіи учрежденій и неприкосновенности буфета. Они говорили, что войдя въ буфетъ, я нарушилъ ихъ права. Но повторяю, что я не считалъ, что такія права существовали. При посѣщеніи буфета со мною были профессора Никитинъ, Коцовскій и Митинскій; никто изъ нихъ меня не предупредилъ.

Лесгафтъ. Можетъ быть это были традиціи?

Коноваловъ. Не могу этого сказать. Мною были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы не нарушить традицій.

Зерновъ. Почему зашла рѣчь о студенческихъ учрежденіяхъ? Были заявленія объ этомъ, или было неудовольствіе Совѣта, или Вы сами захотѣли измѣнить учрежденія?

Коноваловъ. Я самъ предложилъ образовать Коммиссію, такъ какъ видѣлъ много ненормальностей, какъ наприм., когда ко мнѣ приходили депутаты, то я не зналъ, считать ихъ депутатами отъ всей массы студенчества, или нѣтъ, выборные ли они, и т. п.

Зерновъ. Непосредственныхъ жалобъ не было? Не было ли какихъ-нибудь недоразумѣній среди студентовъ?

Коноваловъ. Нѣкоторые студенты были недовольны.

Зерновъ. Отдѣльные или цѣлыя группы?

Коноваловъ. Отдѣльные.

Зерновъ. Былъ ли для Васъ неожиданнымъ выходъ профессоровъ, или Вы могли его предполагать?

Коноваловъ. Совершенно неожиданно.

Зерновъ. Не пытались ли Вы уговорить ихъ остаться?

Коноваловъ. Да, я сдѣлалъ двѣ попытки, обращался къ Никитину. Другіе профессора также обращались съ этимъ къ ушедшимъ профессорамъ. Я ѣздилъ къ Министру и просилъ его отговорить профессоровъ отъ ухода.

Зерновъ. Какая причина ухода профессоровъ? Отношеніе къ Вамъ или къ Совѣту?

Коноваловъ. Я не знаю; можетъ быть—я съ своимъ нежеланіемъ извиниться передъ студентами въ той формѣ, въ которой требовали ушедшіе профессора, но можетъ быть и что-нибудь другое, болѣе второстепенное. Окончательнымъ толчкомъ послужило слѣдующее: на засѣданіи Совѣта во второмъ часу ночи, одинъ изъ присутствовавшихъ (не профессоръ, слѣдовательно не членъ Совѣта) замѣтилъ о паденіи достоинства Совѣта, на что я отвѣтилъ, что о достоинствѣ Совѣта прежде всего надлежитъ позаботиться членамъ его.

Зерновъ. Когда Вы получили резолюцію, говорили ли Вы съ депутатами и объясняли ли, почему не можете принять ее?

Коноваловъ. О, да. Имѣлъ продолжительный разговоръ.

Зерновъ. Что вы говорили?

Коноваловъ. Я говорилъ о гарантіяхъ.

Зерновъ, Указывали ли Вы, что это зависитъ отъ Совѣта?

Коноваловъ. Да, я ссылался на Совѣтъ.

Зерновъ. А вопросъ о гарантіяхъ обсуждался въ Совѣтѣ?

Коноваловъ. Нѣтъ, но я разсчитывалъ, что Совѣтъ меня поддержитъ.

Зерновъ. Когда произошелъ между студентами раздоръ на экзаменной почвѣ, сдѣлали ли Вы попытки къ примиренію?

Коноваловъ. Я ничего не зналъ о раздорѣ. Студенты послѣ резолюціи ко мнѣ не являлись. Я только отъ профессоровъ узналъ, что студенты имѣютъ что-то лично противъ меня.

Зерновъ. Приходили ли къ Вамъ т. н. «свобододѣйствующіе» или Вы ихъ приглашали сами?

Коноваловъ. Я не считалъ для себя возможнымъ въ сношеніяхъ со студентами руководствоваться тѣмъ, къ какой партіи они принадлежатъ. О партіяхъ мнѣ ничего извѣстно не было. Когда Совѣтъ вывѣсилъ объявленіе, то ко мнѣ стали приходить по двое отъ группы. Я не представлялъ себѣ дѣла иначе, такъ было и въ Университетѣ, и мнѣ приходъ студентовъ казался естественнымъ явленіемъ. Припоминаю, что студенты 4 и 5 курса настойчиво спрашивали, не будетъ ли въ ихъ поведеніи чего-нибудь, что могло бы подвести товарищей, на что я отвѣтилъ, что принялъ для этого

мѣры и нашелъ необходимымъ разрѣшить всѣмъ брать отпуски, такъ что каждый нежелавшій экзаменоваться могъ получить отпускъ, и тогда желавшіе экзаменоваться остались бы держать экзамены совершенно спокойно. Всѣ лица, взявшія отпуска, не должны были подвергаться какой-нибудь карѣ, такъ это осенью и было. Свобододѣйствующихъ около 100 человѣкъ, всего же въ Институтѣ 600 человѣкъ, слѣдовательно если бы 500 человѣкъ избрало этотъ путь, то это былъ бы лучшій способъ высказать желаніе о моемъ уходѣ, и я спокойно ушелъ бы. При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ начались экзамены, я и не думалъ, что между студентами можетъ произойти расколъ.

Зерновъ. По чьему желанію состоялись экзамены: по Вашему, студентовъ, Совѣта, или подъ давленіемъ высшаго начальства? Гдѣ тутъ начальный пунктъ?

Коноваловъ. Я зналъ о желающихъ экзаменоваться частнымъ образомъ, да и отъ студентовъ 5 курса мнѣ было сдѣлано формальное заявленіе. Было извѣстно, что на 5 курсѣ возникло двѣ группы одновременно. Такъ какъ мы могли думать, что между студентами можетъ возникнуть обостреніе, то для каждой группы былъ назначенъ отдѣльный день для экзамена?

Зерновъ. Не примѣнялись ли какіе-нибудь способы, чтобы заставить студентовъ держать экзамены?.

Коноваловъ. Нѣтъ, отпуски выдавались сразу послѣ просьбы до 1 мая, кто не надумался бы за это время держать экзамены, тотъ могъ брать отпускъ дальше.

Зерновъ. Почему студентамъ не разрѣшили собраться еще разъ?

Коноваловъ. Сходокъ было много. Мы признали ихъ неудобными, такъ какъ онѣ затягивались до глубокой ночи. Мнѣ сообщилъ Инспекторъ, что на послѣдней сходкѣ предсѣдателя ея Янковскаго вынесли безъ чувствъ: у него пошла горломъ кровь. Янковскаго положили въ ближайшій госпиталь. Этотъ фактъ привелъ меня къ заключенію, что далѣе рисковать опасно. Въ силу этого Институтъ былъ закрытъ 16 марта, 28-го была Пасха, а 31-го назначенъ былъ экзаменъ. Въ этотъ промежутокъ времени Совѣтъ долженъ былъ выработать порядокъ экзаменовъ.

Зерновъ. 31 марта впускали по билетамъ?

Коноваловъ. Да.

Зерновъ. Не привлекала ли Инспекція «свобододѣйствующихъ» къ сортировкѣ студентовъ и къ раздачѣ билетовъ?

Коноваловъ. Нѣтъ, не было никакой необходимости. Каждый могъ

свободно получить билетъ, подавъ о томъ заявленіе; такихъ заявленій у насъ около 450. У инспектора даже былъ назначенъ особый часъ (съ 3—4) для переговоровъ. Былъ двоякій способъ: выдача отпусковъ и составленіе группъ.

Зерновъ. Вамъ не извѣстно, чтобы кто-нибудь изъ свобододѣйствующихъ былъ привлекаемъ къ этому?

Коноваловъ. Студенты дѣйствовали самостоятельно, записывая въ группы, вѣроятно, знакомыхъ. Такъ дѣлается въ Университетѣ.

Арсеньевъ. Что значитъ группа? Студенты, державшіе экзамены въ опредѣленные дни?

Коноваловъ. Да, впослѣдствіи появились отдѣльныя лица, которыя заявляли о желаніи держать экзаменъ, и получали билеты. Они должны были или войти въ группу или условиться съ профессоромъ о днѣ экзамена.

Арсеньевъ. Выдача билетовъ была обычнымъ явленіемъ?

Коноваловъ. Къ сожалѣнію, ненормальное. Это явленіе практикуется въ послѣднее время въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Арсеньевъ. Всѣ ли 450 человѣкъ экзаменовались или только получили билеты?

Коноваловъ. Да, экзаменовались всѣ. Число ихъ твердо помню. Можетъ быть десятокъ или два изъ нихъ экзаменовались осенью.

Гессенъ. Практиковался ли такой порядокъ группъ прежде въ Институтѣ?

Коноваловъ. Для меня лично неизвѣстно. Я и не узнавалъ, былъ ли онъ раньше, но мнѣ казался въ порядкѣ вещей.

Гессенъ. Прежній порядокъ производства экзаменовъ не былъ Вамъ извѣстенъ.

Арсеньевъ. Настаивали ли профессора на формѣ извиненія въ своей редакціи, или предоставляли свободный выборъ?

Коноваловъ. Въ своей редакціи, не студенческой, эта редакція не совпадала со студенческой.

Арсеньевъ. Почему Вы отказались?

Коноваловъ. Это не удовлетворило бы студентовъ.

Печковскій. Всѣмъ ли Совѣтомъ была составлена эта редакція?

Коноваловъ. Нѣтъ, только ушедшими профессорами.

Лесгафтъ. Оставшіеся профессора не просили остаться ушедшихъ?

Коноваловъ. Да, я лично обращался къ нѣкоторымъ.

Лесгафтъ. Но не ко всѣмъ?

Коноваловъ. Нѣтъ не ко всѣмъ. Дѣло пошло быстро. Меня запросилъ Министръ, который и взялъ все дѣло въ свои руки.

Лесгафтъ. Было ли постановленіе Совѣта просить о возвращеніи?

Коноваловъ. Коллективно, нѣтъ. Было выражено только сожалѣніе, но постановленія Совѣта просить остаться не было.

Долбня. Не припомнитъ ли свидѣтель, что онъ говорилъ, будто всѣ студенческія учрежденія представляютъ собою сплошную политическую агитацію?

Коноваловъ. Нѣтъ.

Долбня. Не припомнитъ ли свидѣтель, пришедши ко мнѣ съ визитомъ при горномъ инженерѣ Фростѣ, свои слова, что теперь самое благое время взять студентовъ въ руки?

Коноваловъ. Я не могъ этого говорить. Можетъ быть были какія-нибудь шуточныя выраженія. Товарищескія бесѣды не могутъ быть важнымъ документомъ.

Долбня. Когда мы пришли 14 марта на квартиру, то Вами было сказано, что о примиреніи со студентами не можетъ быть и рѣчи, ибо Министръ выразилъ удивленіе: „вы извинились"?

Коноваловъ. Я тогда былъ боленъ инфлуенцей въ сильной формѣ, которая отразилась на моемъ слухѣ, такъ что мнѣ чтобы слышать приходилось садиться вплотную къ собесѣднику. Можетъ быть это послужило источникомъ недоразумѣнія.

Долбня. Не подтвердитъ ли свидѣтель, что однимъ изъ его намѣреній было устроить студенческія учрежденія приблизительно по типу временныхъ правилъ генерала Ванновскаго, которыя свидѣтель имѣлъ всегда передъ собою въ Совѣтѣ, и что съ этими намѣреніями онъ и поступилъ?

Коноваловъ. Это было бы совершенно безопасно для института, тѣмъ болѣе, что мое рѣшеніе должно было пройти черезъ Совѣтъ. Въ запискѣ говорится о Коммиссіи. Я всегда дѣйствовалъ коллегіально. Мое намѣреніе было устроить при участіи Совѣта студенческія учрежденія такъ, чтобы въ будущемъ не было повода къ конфликту. Я говорилъ, что если разойдусь съ мнѣніемъ Совѣта, то выйду въ отставку.

Зерновъ. Былъ ли докладъ утвержденъ?

Коноваловъ. Онъ не былъ подписанъ. Было небольшое колебаніе въ весьма немногомъ: нужно было внести поправку о посредничествѣ. Я стремился устранить единоличныя сношенія со студентами. Профессоромъ я не былъ, а всякое административное лицо по своему положенію уже вызываетъ недовѣріе къ себѣ. Остальная часть доклада была прочитана и принята.

Арсеньевъ. Проситъ дать ему докладъ. *Коноваловъ* отказывается, ссылаясь, что это подлинный документъ, который долженъ храниться въ Совѣтѣ, но что пришлетъ копію.

Лутугинъ. Не помнитъ ли свидѣтель, что въ первомъ засѣданіи Совѣта онъ предлагалъ образовать Коммиссію изъ профессоровъ, съ тѣмъ, чтобы они были представителями отъ каждаго курса, и что на это Бауманъ возразилъ, что это будутъ университетскіе кураторы, и что Совѣтъ отнесся къ этому отрицательно.

Коноваловъ. Я на это только что отвѣтилъ.

Лутугинъ. Предавали ли Вы особое значеніе портрету Бебеля, какъ Бебеля, или смотрѣли на него, какъ на бумагу, вывѣшенную безъ разрѣшенія начальства?

Коноваловъ. Это меня не касалось. Разрѣшеніе даетъ инспекція, но на портретъ я обратилъ вниманіе. Меня возмутило, что это былъ портретъ иностранца, а не Мушкетова, Барбота де-Марни...

Лутугинъ. Когда Вы сорвали портретъ, когда студенты принесли Вамъ резолюцію, которую Вы разорвали и сказали депутатамъ: «выйти вонъ», была ли это вспышка гнѣва, или сдѣлано преднамѣренно, какъ это Вы заявляли на совѣщаніи 15 марта?

Коноваловъ. Я долженъ внести поправку. Я не срывалъ, а приказалъ снять служителю. Я считалъ неправильнымъ вѣшать его обратно, такъ какъ тѣмъ самымъ санкціонировалъ бы его нахожденіе. Могъ ли быть съ моей стороны планъ сказать студентамъ «выйти вонъ»—для этого нужно быть сумасшедшимъ. Кромѣ того онъ не могъ соотвѣтствовать дѣйствительности. Задолго передъ тѣмъ я вывѣсилъ объявленіе, чтобы студенты со всякими просьбами обращались къ Инспектору. Этимъ объявленіемъ я воспользовался чтобы избѣжать возможнаго тренія между мной и студентами. Какъ же желая столкновенія, я вывѣсилъ бы объявленіе.

Лутугинъ. Я еще разъ напоминаю, что Вы сказали, что это не была вспышка, но что Вы рѣшили дать отпоръ для поддержанія достоинства Совѣта. Послѣ Вашихъ словъ о паденіи достоинства Совѣта пр. Шредеръ сказалъ, что достоинство Совѣта требуетъ защиты. Я, считая себя въ правѣ интересоваться дѣлами Института, какъ ими можетъ интересоваться вся Россія, сказалъ, что достоинство Совѣта дѣйствительно требуетъ защиты, но не тѣми способами, какіе употребляетъ Дмитрій Петровичъ. Вообще, хотѣлили Вы дать отпоръ, хотя бы и не въ той формѣ?.

Арсеньевъ, дѣлаетъ замѣчаніе Лутугину не повторять тоже самое.

Коноваловъ ссылается на записку о своихъ прежнихъ словахъ. Я сказалъ, что у меня былъ обдуманный планъ, чтобы этого не случилось. Здѣсь нужно вставить только «не». Я слышу постоянныя ссылки на совѣщаніе. Я его не созывалъ, я самъ былъ на него приглашенъ. Да и это совѣщаніе было интимнымъ разговоромъ, и я не нахожу возможнымъ оглашать тайны частнаго совѣщанія, какъ нельзя безъ разрѣшенія автора печатать частныя письма.

Судъ удаляется для совѣщанія.

Арсеньевъ. Было ли Вамъ извѣстно объ инцидентѣ съ пр. Лебедевымъ и о совѣщаніи профессоровъ?

Коноваловъ. Нѣтъ. Какой то слухъ помню, но объ этомъ я не разузнавалъ, такъ какъ никакого слѣда въ журналахъ не было.

Арсеньевъ. Какъ лично вы находили заключеніе Коммиссіи объ реорганизаціи студенческихъ учрежденій?

Коноваловъ. Эти заключенія были приняты единогласно.

Арсеньевъ Полагаете ли Вы, что уходъ 6 профессоровъ имѣлъ вліяніе на дѣла студентовъ?

Коноваловъ. Я не могу сказать этого, не помню.

Богдановичъ. Обвиняете ли Вы ушедшихъ профессоровъ въ возбужденіи студентовъ?

Коноваловъ. Теперь я помню; была рѣчь съ моей стороны, что существовала нѣкоторая педагогическая неопытность профессоровъ, обуславливаемая недолгимъ ихъ пребываніемъ въ профессорскомъ званіи

Богдановичъ. Не помните ли Вы, что на замѣчаніе Яковлева: «бываютъ такія обстоятельства, когда виновныхъ нѣтъ», Вы сказали, что «здѣсь виновные есть»?

Коноваловъ. Я могъ сказать, что считалъ виновными профессоровъ, видя отсутствіе протокола, гарантирующаго студенческія учрежденія, и быть можетъ говорилъ о томъ, что профессора не приняли мѣръ къ тому, чтобы дѣло было ясно.

Арсеньевъ. Было ли такое постановленіе?

Коноваловъ. Нѣтъ.

Лутугинъ. Послѣ рѣзкаго удаленія студентовъ и разорваніи ихъ резолюціи была ли Вами сдѣлана попытка къ примиренію, или это было сдѣлано послѣ посѣщенія Долбни и Богдановича?

Коноваловъ. Прошелъ только одинъ день. Я прежде всего разспросилъ пр. Лебедева и выяснилъ существованіе недоразумѣнія. У меня былъ планъ внести это въ Совѣтъ, и это состоялось.

Лутугинъ. По чьей иниціативѣ закрытъ Институтъ, и былъ ли поднятъ въ Совѣтѣ вопросъ о причинахъ закрытія?

Коноваловъ. Инспекторъ считалъ лучшимъ закрыть Институтъ въ виду факта съ Янковскимъ, и я вполнѣ полагаясь на него, такъ какъ онъ ближе стоялъ къ дѣлу, поѣхалъ къ Министру, и Институтъ былъ закрытъ. Созывать Совѣтъ было долго.

Лутугинъ. Былъ ли Вами внесенъ вопросъ послѣ закрытія?

Коноваловъ. Я не видѣлъ въ этомъ нужды, это должно было исходить отъ членовъ Совѣта, которые мнѣ по этому поводу никакого запроса не дѣлали. Ихъ молчаніе являлось признакомъ солидарности со мною.

Лутугинъ. Когда мы внесли записку объ обсужденіи общаго положенія дѣлъ въ Институтѣ, считали ли Вы нужнымъ обсуждать это, какъ предсѣдатель, въ Совѣтѣ?

Коноваловъ. Возвращаюсь къ запискѣ. Меня съ ней не ознакомили, вотъ причина, почему я не считалъ возможнымъ внести на обсужденіе Совѣта дѣло, къ которому онъ не былъ подготовленъ Эта записка была тогда же прочитана тому же Совѣту, но подъ видомъ Совѣщанія. Я не хотѣлъ въ немъ предсѣдательствовать, такъ какъ въ сущности былъ обвиняемымъ, но мнѣ заявили, что желаютъ имѣть меня предсѣдателемъ.

Лутугинъ. Вы не считали нужнымъ доложить Совѣту о причинахъ закрытія Института и выслушать мнѣніе Совѣта, какъ по очередному и важному вопросу?

Коноваловъ. Въ запискѣ объ этомъ не говорилось.

Лутугинъ. Вы не считали нужнымъ поставить это на обсужденіе Совѣта?

Коноваловъ. Совѣтъ самъ долженъ былъ поставить этотъ вопросъ.

Предсѣдатель прерываетъ Лутугина.

Лутугинъ. Согласны ли Вы, что формула, какъ проектъ извиненія, была въ такомъ видѣ (читаетъ записку) *).

Коноваловъ. Дѣло шло не объ этой формулѣ, но студенты просили иного. Формула эта не сходилась съ формулой студентовъ. Я считалъ исходной точкою зрѣнія то, что должно быть обоюдное уваженіе.

Арсеньевъ. Такая формула была предложена, какъ указалъ Лутугинъ?

Коноваловъ. Да.

Бауманъ. По Вашему мнѣнію, Комиссія сама согласилась съ Вашими положеніями и выработала проектъ новыхъ учрежденій, случайно не подписанный.

Знали ли Вы, что члены комиссіи совѣщались по этому поводу

со студентами: значитъ, знали-ли Вы 1) что этотъ проектъ долженъ былъ удовлетворить студентовъ въ будущемъ и 2) могли ли Вы въ такое время создавать конфликтъ?

Коноваловъ. Работа велась на одинаковыхъ основаніяхъ. Никакой связи между работой и конфликтомъ не было.

Бауманъ. Признаете ли Вы, что Вы, не освѣдомленные съ запиской, были освѣдомлены о томъ, что большинство студентовъ возмущено обращеніемъ съ депутатами; 1) было совѣщаніе профессоровъ и депутація изъ Ивана Петровича Долбни, 2) обращеніе къ Вамъ профессоровъ. 15 марта было созвано совѣщаніе, а 18 марта нами была внесена записка только подъ предлогомъ, что она относится къ экзаменамъ.

Коноваловъ. Мнѣ не нужно было освѣдомляться о недовольствѣ студентовъ формулой. Мнѣ было неизвѣстно, рѣшили ли студенты прекратить занятія.

Бауманъ. Чѣмъ вы объясните, что для устройства экзаменовъ потребовалась система билетовъ, при условіи впуска по одной группѣ' если студенты не прекратили занятій.

Арсеньевъ прерываетъ Баумана.

Бауманъ опять спрашиваетъ, для чего нужны были закрытіе и билеты?.

Коноваловъ. Я уже давалъ объясненія по этому вопросу. Эта система не была новостью. Другого средства никто не предложилъ. Когда появилась надежда, то билеты были отмѣнены: не прошло и двухъ недѣль, какъ студентовъ не нужно уже было раздѣлять.

Долбня. Вы не выяснили личнаго участія и участія высшаго начальства. Намъ извѣстно, что Вы дважды были у Министра Внутреннихъ Дѣлъ Статсъ-Секретаря Плеве. Позвольте узнать, зачѣмъ?

Коноваловъ. Былъ одинъ разъ, по предложенію Министра Земледѣлія Ермолова. Былъ съ цѣлью предотвратить непріятныя послѣдствія для Института, такъ какъ Плеве имѣлъ зубъ противъ Института. Ермоловъ надѣялся, что мнѣ удастся смѣнить гнѣвъ на милость. Я и ѣздилъ. Мнѣ удалось кое-чего достигнуть. Никакихъ репрессій со стороны Плеве не было.

Долбня. Не обнаруживало ли высшее начальство нетерпѣнія для урегулированія порядковъ Института?

Коноваловъ. Я не нуждался въ Инструкціяхъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Министерство не имѣло ко мнѣ никакого отношенія. Если бы даже я былъ агентомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, то Совѣтъ всегда могъ поставить меня на свое мѣсто.

Далька. Съ 1 января въ Совѣтѣ ни разу не возбуждался вопросъ о Комиссіи, но Вы неустанно говорили, что въ Столовой комиссіи идетъ политическая агитація, и въ этомъ смыслѣ Вы вели пропаганду.

Коноваловъ. Я вообще никогда никакой пропагандой не занимался.

Яковлевъ. Вы сказали, что Вы удовлетворены ходомъ работъ комиссіи. Почему Вы относили упрекъ въ активномъ противодѣйствіи къ участникамъ этой Комиссіи?

Коноваловъ. Какъ я могъ бы заставить Совѣтъ принять нежелательныя ему учрежденія?

Яковлевъ. Почему же Вы въ засѣданіи Совѣта упрекали насъ въ активномъ Вамъ противодѣйствіи? Это упоминается въ запискѣ.

Коноваловъ. Это не значитъ еще, что я упрекалъ.

Яковлевъ. Вы высказали упрекъ въ засѣданіи Совѣта.

Коноваловъ. Я не могъ этого дѣлать, объ этомъ нѣтъ слѣдовъ.

Грузенбергъ. Предъ закрытіемъ Института посѣщали ли студенты лекціи?

Коноваловъ. Нѣтъ, были только сходки въ теченіи долгаго времени.

Грузенбергъ. Дѣлали ли Вамъ студенты заявленія о забастовкѣ?

Коноваловъ. Мнѣ этого не было извѣстно.

Грузенбергъ. Совѣтъ не дѣлалъ постановленія о закрытіи Института?

Коноваловъ. Нѣтъ.

Грузенбергъ. Причина закрытія—болѣзнь предсѣдателя сходки, и эту причину Вы указали Министру?

Коноваловъ. Нѣтъ, сходки шли непрерывно, это былъ одинъ изъ симптомовъ, что возбужденіе дошло до высокой степени.

Грузенбергъ. Кто Васъ сопровождалъ въ буфетѣ—Бокій?

Коноваловъ. Я выбралъ время, когда буфетъ былъ закрытъ, онъ закрывается въ 4 часа. Пришли въ буфетъ около 6 часовъ. Я просилъ открыть. У инспектора особаго ключа не оказалось. Я послалъ за ключемъ. Мы долго стояли, со мной были Коцовскій, Никитинъ, Митинскій. Никто изъ нихъ меня не предупредилъ. Ключъ былъ принесенъ студентомъ, а не сторожемъ.

Грузенбергъ. При посѣщеніи буфета говорили ли Вы, что желаете видѣть другой портретъ, или велѣли «снять»?

Коноваловъ. Я велѣлъ снять сторожу, а не студенту. Послѣдній не протестовалъ, но все-таки заявилъ, что безъ согласія Бокія этого сдѣлать не можетъ.

Грузенбергъ. Вы заявляли что-нибудь студенту, или сказали сторожу: «снять»?

Коноваловъ. Снять, чтобы взглянуть.

Грузенбергъ. Когда затѣмъ студенты пошли къ Вамъ съ депутаціей, какой пріемъ они встрѣтили?

Коноваловъ. Я тогда сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, были инспекторъ и его помощникъ, занимались сложною работою. Я вообще тогда былъ серьезно занятъ. Зная про инцидентъ съ Лебедевымъ разсмотрѣвъ ихъ заявленіе, я разорвалъ ихъ резолюцію и очень взволнованнымъ и разсерженнымъ голосомъ сказалъ: «выйти вонъ»!

Грузенбергъ. Студенты не просили позволенія передать резолюцію инспектору.

Коноваловъ. Нѣтъ.

Грузенбергъ. Вы говорили объ обоюдномъ уваженіи, о двустороннемъ достоинствѣ: одинъ моментъ—выгнали вонъ, ну, а второй. Гдѣ же обоюдность уваженія?

Коноваловъ. Передъ депутатами я уже извинился—не относилъ свои дѣйствія къ сходкѣ, а лично къ нимъ.

Грузенбергъ. Были ли исключенные и сколько?

Коноваловъ. Приблизительно было исключено человѣкъ 10.

Грузенбергъ. Не помните ли, что сначала было исключено 33, а потомъ 20 человѣкъ?

Коноваловъ. Точно не помню

Алексѣевъ, обращаясь къ Грузенбергу. Есть разница между уволенными и исключенными.

Грузенбергъ (Алексѣеву). Благодарю, господинъ профессоръ намъ это разъяснитъ. (Къ Коновалову). Какія основанія для увольненія?

Коноваловъ. По Уставу въ Совѣтъ вносились списки, составленные инспекціей. Получивши списокъ, я принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не произошло ошибки. Я просилъ Инспектора указать мнѣ служителей, которые могли бы подтвердить его. Былъ примѣръ: оказалось, что двое студентовъ были похожи другъ на друга. Затѣмъ списокъ докладывался Совѣту.

Грузенбергъ. Не было ли указаній со стороны самихъ студентовъ?

Коноваловъ. Не должно и не могло быть.

Грузенбергъ. Не должно, но бываетъ?

Коноваловъ. Я категорически запретилъ Инспекціи руководствоваться заявленіями студентовъ.

Грузенбергъ. Пилетичъ мнѣ говорилъ, что Вы ему заявили, что онъ уволенъ на основаніи заявленій и сторожей и студентовъ.

Коноваловъ. Нѣтъ, этого никогда не было.

Грузенбергъ. Отъ кого студенты получали извѣщенія объ увольненіи, изъ Ин-та или изъ охраннаго отдѣленія?

Коноваловъ. Мнѣ не былъ извѣстенъ порядокъ. Списокъ исключаемыхъ сообщался Градоначальнику.

Грузенбергъ. Значитъ, студенты узнавали объ увольненіи отъ Гр-ка?

Коноваловъ. Въ точности не знаю, знаю, что списокъ сообщался Гр-ку.

Грузенбергъ. Была ли такая сходка, которая постановила сборъ на Японскій флотъ?

Коноваловъ. Я не узнаю о постановленіяхъ студентовъ. Мнѣ объ этомъ постановленіи было неизвѣстно. Какіе то слухи объ этомъ циркулировали, но точно не знаю. Слышалъ о какой то резолюціи о войнѣ, гдѣ то въ газетѣ она была напечатана.

Грузенбергъ. Все, что Вы знаете о сборѣ на Японскій флотъ, Вы знаете изъ газетъ?

Коноваловъ. Свѣдѣній никакихъ не имѣлъ.

Грузенбергъ. Были ли заявленія со стороны студентовъ «свобододѣйствующихъ» о томъ, чтобы Вы имъ устроили «безпрепятственные» экзамены?

Коноваловъ. Были заявленія, но отъ кого, не знаю; просьбъ о «безпрепятственныхъ» не было.

Грузенбергъ. Нѣтъ, объ этомъ было напечатано въ газетахъ *).

Коноваловъ. Мало ли какой вздоръ могутъ писать въ газетахъ.

Грузенбергъ. Однако этотъ вздоръ былъ напечатанъ отъ имени Совѣта.

Коноваловъ. Напечатанъ безъ моего вѣдома и безъ моего участія.

Грузенбергъ. Была ли полиція въ Ин-тѣ и передъ Ин-томъ во время экзаменовъ?

Коноваловъ. Въ Институтѣ не было. Около Ин-та всегда стоятъ двое городовыхъ, охраняющихъ пристань. Я имѣлъ разговоръ съ Гр-омъ, не можетъ ли это вызвать непріятностей? Онъ заявилъ мнѣ: «я хозяинъ на улицѣ, а Вы въ Ин-тѣ».

Леонтьевъ. Заявленія о билетахъ посылали на Ваше имя или на Ин-тъ?.

Коноваловъ. Разно. Сначала выдавали билеты Помощники Инспектора.

Леонтьевъ. Пом. инспектора-то же, что въ университетѣ педель?

Коноваловъ. Нѣтъ, у насъ инспекторъ завѣдуетъ учебною частью.

Былъ такой случай, что пом. инсп. безъ просьбы послалъ билетъ, а ему вернули съ отказомъ. Я тогда запретилъ дѣлать это, велѣлъ выдавать по запискамъ.

Леонтьевъ. При полученіи заявленія, принималось ли во вниманіе, кромѣ желанія экзаменоваться, степень благонадежности?

Коноваловъ. Нѣтъ, какъ мы могли знать объ этомъ.

Леонтьевъ. Были ли случаи отказа въ выдачѣ билетовъ?

Коноваловъ. Нѣтъ, ни отказа, ни жалобъ на это.

Каминка. Вы сказали, что въ студенческихъ предложеніяхъ говорилось о гарантіяхъ и что студентамъ было ясно, что Вы отказались отъ формулы только по этой причинѣ?

Коноваловъ. Я старался объяснить это студентамъ.

Каминка. Послѣ этого отказа, знали ли Вы о сходкѣ, которая выразила Вамъ протестъ?

Коноваловъ. Я думалъ, что они не довольны, но не зналъ, что они забастуютъ.

Каминка. Когда Вы отправились къ Министру—Вы не знали о настроеніи студентовъ?

Коноваловъ. Нѣтъ.

Каминка. Знали ли Вы о группировкѣ студентовъ?

Коноваловъ. Нѣтъ, не зналъ.

Каминка. Пробовали опрашивать самихъ исключаемыхъ?

Коноваловъ. Это дѣло совѣта, я не при чемъ, но фактически опроса не было.

Предсѣдатель (къ студентамъ). За позднимъ временемъ прошу предлагать самые необходимые вопросы и въ самой короткой формѣ.

Рейнвальдъ. Намѣчаетъ схему: депутаты изгнаны. Вы призвали депутатовъ бесѣдовать, депутаты пришли: 1) послѣ изгнанія. Вы изъявили готовность извиниться лично пиредъ нами, а мы сказали, что не мы оскорблены, а сходка. Подтверждаете?

Коноваловъ. Я готовъ былъ извиниться, но примиреніе требуетъ обоюдныхъ шаговъ, и я желалъ слышать извиненіе и со стороны студентовъ.

Рейнвальдъ. 2) имѣла ли резолюція основаніе и припоминаете ли вы, что инцидентъ въ буфетѣ былъ тогда Вами переданъ въ иной формѣ?

Коноваловъ. Я теперь этого не помню.

Рейнвальдъ. 3) Сдѣлали ли вы прибавку о желаніи извиненія со стороны студентовъ?

Коноваловъ. Не помню, хотѣлъ примиренія

Рейнвальдъ. 4) О традиціяхъ Вы сказали, что одинъ безъ Совѣта, Вы ничего не предпримите. Мы сказали, что довѣряемъ Совѣту.

Коноваловъ. Это уже было Ваше личное мнѣніе, я считалъ, что Вы были уполномочены сообщить резолюцію. Личное Ваше мнѣніе не интересно.

Рейнвальдъ. Это было разъясненіе редакціи. Вы заявили, что остаетесь вѣрны прежней редакціи, съ прибавленіемъ о желаніи извиненія.

Коноваловъ. Не помню.

Бокій. Не такъ ли было, что я приказалъ открыть дверь въ буфетъ? Я тогда былъ въ потребительской лавочкѣ, а Вы говорили, что стояли долго.

Коноваловъ. Нѣтъ, не такъ, я послалъ сторожа за ключемъ.

Бокій. Какъ Вы сказали, чѣмъ были недовольны студенты, срываніемъ портрета или вашимъ входомъ въ буфетъ?.

Коноваловъ. Я не зналъ, были ли о томъ традиціи.

Бокій. Вы приказали снять портретъ, чтобы его разсмотрѣть, какъ было написано въ «Новостяхъ».

Коноваловъ. Не помню, что было написано. Я смотрѣлъ на портретъ одну секунду, тамъ было двѣ надписи, одна крупнѣе, другая мельче.

Бокій. Проходя по буфету Вы еще сказали мнѣ: «однако, какъ у Васъ процвѣтаетъ литература» Я Вамъ отвѣтилъ: да, у насъ есть и литераторы и художники. Затѣмъ, увидя портретъ, Вы сказали: «этому здѣсь не мѣсто». Такъ это было?

Коноваловъ. Нѣтъ, но можетъ быть и такъ.

Гапѣевъ. Зачѣмъ ежедневно сообщались свѣдѣнія о ходѣ экзаменовъ (читаетъ письмо Миткевича) *).

Коноваловъ. Сообщался списокъ по требованію Град-ка о числѣ посѣщавшихъ Институтъ.

Зерновъ. Куда сообщался списокъ?

Коноваловъ. Въ ближайшій участокъ?

Гессенъ. Какое требованіе объ этомъ было отъ Град-ка?

Коноваловъ. Устное.

Гапѣевъ. Въ ин-тъ вошло два городовыхъ, это по Вашему предложенію?

Коноваловъ. Объ этомъ зналъ инспекторъ. Спросите объ этомъ ин-ра

Гапѣевъ. Почему мы получали увѣдомленія объ исключеніи изъ охраннаго отдѣленія?

Коноваловъ. Ин-тъ по предложенію Град-ка писалъ не въ охранное отдѣленіе, а въ ближайшій участокъ.

Гапѣевъ. Почему не Ин-тъ извѣщалъ объ этомъ?

Коноваловъ. Не было направляемо въ охранное отдѣленіе, это я категорически утверждаю.

Гессенъ. Это предложеніе Град-ка сообщать свѣдѣнія объ исключаемыхъ устное или письменное?

Коноваловъ. Устное.

Зерновъ объясняетъ этотъ порядокъ существующимъ на этотъ предметъ закономъ, но удивляется, почему студентовъ не извѣщалъ самъ Ин-тъ, и почему свѣдѣнія эти сообщались въ участокъ.

Гессенъ. Не была ли Вамъ сообщена инспекціей слѣдующая резолюція: (читаетъ резолюцію о протестѣ противъ Коновалова и желаніи сходки объ удаленіи Коновалова съ поста директора) *)?.

Коноваловъ. Это можете спросить у инспекціи. Въ этомъ смыслѣ она не была мнѣ сообщена.

Гапѣевъ. Какъ могъ Совѣтъ приговаривать къ высшей мѣрѣ наказанія, не зная, въ чемъ оно будетъ заключаться?

Коноваловъ. Безъ разрѣшенія Совѣта я этого сказать не могу.

Гапѣевъ. Чѣмъ руководствовался Совѣтъ при исключеніи?

Коноваловъ. Точнымъ смысломъ устава. Я объ этомъ не зналъ.

Гапѣевъ. Не сообщали ли Вы сотруднику газеты «Русь», что Вамъ извѣстны имена студентовъ, собиравшихъ на Японскій флотъ?

Коноваловъ. Нѣтъ.

Гапѣевъ. Имѣя необходимость остаться въ С.-Петербургѣ, я просилъ Град—ка объ отсрочкѣ, и получивши отказъ, обратился къ Вамъ. Помните?

Коноваловъ. Да, я тогда написалъ письмо Град—ку объ облегченіи Вашей участи, взявъ съ Васъ слово, что Вы не будете вмѣшиваться въ академическую жизнь.

Гапѣевъ возражаетъ Коновалову, говоря: «слова я вамъ не давалъ, такъ какъ уже раньше далъ его полиціи, а письмо писали не вы первый, а писалъ Град—къ Вамъ».

Пилетичъ. Я подавалъ въ Совѣтъ прошеніе о пріемѣ. Принятъ не былъ Я тогда пошелъ къ директору за объясненіями. Директоръ мнѣ сказалъ, что я попалъ въ списокъ тяжелый, провѣренный и черезъ сторожей и черезъ студентовъ.

Коноваловъ. Ничего подобнаго, о студентахъ ничего Вамъ не говорилъ. Да Вы и были то во второмъ спискѣ.

Грузенбергъ. Проситъ занести въ протоколъ, что Пилетичъ удостовѣрилъ, что списокъ провѣрялся студентами.

Леонтьевъ. Это не есть удостовѣреніе. Это былъ предложенъ вопросъ, на который данъ отрицательный отвѣтъ.

Грузенбергъ. (къ Пилетичу) Тогда Вы удостовѣряете.

Пилетичъ. Удостовѣряю, это мнѣ говорилъ и инспекторъ въ присутствіи другого студента.

Коноваловъ. Нѣтъ, это не вѣрно.

Предсѣдатель, закрывая засѣданіе, объявляетъ, что слѣдующее засѣданіе имѣетъ бѣть здѣсь же, въ Среду, 16 Февраля въ 2 часа дня.

ПРОТОКОЛЪ

4-го Судебнаго засѣданія Третейскато Суда Чести отъ 16 февраля 1904 года.

Присутствовали: весь составъ Суда и стороны, бывшіе и въ прошломъ засѣданіи отъ 12-го Февраля, за исключеніемъ Присяжнаго Повѣреннаго Грузенберга.

Люстихъ. Открывая засѣданіе, говоритъ, что К. К. Арсеньевъ находится на похоронахъ своего брата, и пріѣдетъ въ исходѣ третьяго часа. По просьбѣ товарищей, временно, до прибытія Арсеньева, обязанности предсѣдателя будетъ исполнять онъ, Люстихъ. Проситъ стороны предлагать вопросы по возможности въ сжатой и опредѣленной формѣ. Затѣмъ предлагаетъ продолжать допросъ пр. Коновалова.

Леонтьевъ. Судъ постановилъ 6-го Февраля обязать стороны представить списокъ обвинителей и обвиняемыхъ. Списокъ обвинителей до сихъ поръ не представленъ; благодаря этому мы не знаемъ какъ быть. Происходятъ непонятныя сцены. Такъ, въ прошедшемъ засѣданіи выступилъ ст. Пилетичъ. Мы думали, что онъ свидѣтель, а онъ оказался стороною.

Гаттьевъ. Списки не представлены по формальнымъ обстоятельствамъ, такъ какъ свободѣйствующіе сами опрашивали студентовъ и набрали 26 заявленій, то съ нашей стороны отпадала необходимость представлять списки обвинителей.

Люстихъ. Въ данномъ процессѣ трудно отдѣлить свидѣтелей отъ сторонъ, поэтому Судъ не нашелъ возможнымъ препятствовать ни одной сторонѣ въ самомъ полномъ и подробномъ освѣщеніи событій. Всякое заявленіе оцѣнитъ Судъ. Необходимость представленія

списковъ обвинителей Судъ еще разъ разсмотритъ, проситъ избѣгать повтореній и быть краткими.

Леонтьевъ. Заявляетъ о своемъ незнаніи перваго постановленія перваго Суда.

Нечаевъ. Говоритъ о непримѣнимости въ данномъ случаѣ метода исключенія, какъ то вытекаетъ изъ словъ Гапѣева. Опрошено всего 52, изъ нихъ 42 дали утвердительный отвѣтъ.

Начинается допросъ Коновалова.

Снятковъ. Являлись ли къ вамъ депутаты 15-го Марта съ заявленіемъ, что они готовы держать экзамены при какихъ угодно условіяхъ, и требовали ли они выдѣленія себѣ части общестуденческаго имущества?

Коноваловъ. Чиселъ не помню, объ экзаменахъ говорили, объ имуществѣ же никогда разговору не было.

Снятковъ. Между 25 и 31 Мартомъ являлись ли къ вамъ студенты съ просьбой объ общей сходкѣ?

Коноваловъ. Насколько помню, нѣтъ. Повторяю, что чиселъ не помню.

Предсѣдатель. (переспрашивая) Просили?

Коноваловъ. Нѣтъ.

Снятковъ. По чьей иниціативѣ Пом. Инсп. Бальди началъ посѣщать засѣданія технико-санитарнаго кружка?.

Коноваловъ. На этотъ вопросъ могу отвѣтить подробно. Эпизодъ происходилъ такъ: назначено было засѣданіе, на которомъ предстоялъ докладъ: «О происхожденіи золотыхъ розсыпей въ связи съ образованіемъ міра». Я справился о завѣдующемъ. Д-ръ Никольскій былъ боленъ. Я обратился къ пр. Лебедеву съ предложеніемъ взять на себя предсѣдательство. Существо доклада требовало спеціальнаго разсмотрѣнія. Но пр. Лебедевъ былъ занятъ и отказался. Тогда я просилъ другого преподавателя, что онъ и сдѣлалъ.

Снятковъ. Какого преподавателя?

Коноваловъ. Лутугина.

Снятковъ. Бальди былъ безъ вашего вѣдома?

Коноваловъ. Безъ моего вѣдома.

Богдановъ. Свидѣтель утверждалъ, что отпуски давались всѣмъ; какъ согласовать...

Коноваловъ. Я говорилъ о билетахъ, но не объ отпускахъ.

Богдановъ. Но вы никому не отказывали въ отпускѣ?

Коноваловъ. Выдача отпусковъ совершалась различными спосо-

бами, но всякое прошеніе объ отпускѣ, попадавшее къ мои руки, не встрѣчало отказа.

Предсѣдатель. Какая разница между билетомъ и отпускомъ?

Коноваловъ. Билетъ—это для входа въ Институтъ, отпускъ же для отъѣзда. Мною удовлетворялись всѣ обращенныя ко мнѣ просьбы объ отпускѣ, но могли обращаться и къ Инспектору.

Богдановъ. Когда я подалъ прошеніе объ отпускѣ, вы категорически отказали и сказали, что я могу получить его только при условіи, если подамъ прошеніе объ оставленіи на второй годъ, или приступлю къ экзаменамъ.

Коноваловъ. Я уговаривалъ васъ приступить къ экзаменамъ, какъ стипендіата и хорошаго ст-та. Это было въ концѣ экзаменовъ.

Богдановъ. (поправляетъ). Это было въ началѣ Мая.

Коноваловъ. Я точно не помню. Такихъ студентовъ было трое, я ихъ призывалъ и уговаривалъ. Я опасался, что какая-нибудь случайность можетъ отразиться на ихъ положеніи. Объ отпускѣ рѣчи не было, такъ какъ я приглашалъ васъ самъ.

Богдановъ. Вы пригласили меня, когда я уже подалъ прошеніе объ отпускѣ.

Коноваловъ. Я приглашалъ васъ по собственной иниціативѣ.

Богдановъ. Вы говорили, что отпускъ я могу получить только въ томъ случаѣ, если подамъ прошеніе объ оставленіи на второй годъ или буду держать экзамены. Я представилъ медицинское свидѣтельство и только тогда получилъ отпускъ.

Коноваловъ. Деталей разговора не помню. Но фактъ, что отпускъ вы получили.

Предсѣдатель. Читаетъ выдержку изъ протокола третьяго засѣданія. См. стр. 22.

Коноваловъ. Если вы обращались послѣ 1-го Мая, то, вѣроятно, я и указалъ вамъ на невозможность теперь получить отпускъ, такъ какъ отпуски выдавались только до 1-го Мая.

Предсѣдатель. Было ли объявлено, что отпуски выдаются по 1-е Мая?

Коноваловъ. Формально было или нѣтъ, не помню, но такое распоряженіе было.

Гапѣевъ. Что побудило свидѣтеля дать запрещеніе Инспекціи пользоваться показаніями ст-въ при составленіи списковъ?

Коноваловъ. Въ виду распространившихся тогда слуховъ.

Гапѣевъ. Какъ и кѣмъ производился допросъ сторожей?

Коноваловъ. Этого я вамъ не скажу.

Замятинъ. Не припомнитъ ли свидѣтель, что при разговорѣ осенью 1904 г. онъ мнѣ сказалъ, что, пріѣхавши въ Ин-тъ послѣ обструкціи, онъ представилъ возможность всѣмъ устанавливать размѣры виновности ст-товъ въ обструкціи?

Коноваловъ. Нѣтъ, не говорилъ.

Замятинъ. Не можетъ ли свидѣтель объяснить, почему ст. Стомонякову къ назначенной сначала карѣ, исключенію изъ Ин-та, прибавлена была безвозвратная высылка его изъ Россіи за порочное поведеніе?

Коноваловъ. Это мнѣ совершенно неизвѣстно.

Замятинъ. Не усматриваетъ ли свидѣтель причинную связь между усиленіемъ кары и инцидентомъ *)при встрѣчѣ, происшедшей на Ник. мосту, когда означенный ст-тъ шелъ въ Охр. Отд., чтобы получить тамъ постановленіе Совѣта проф-въ Ин-та, а свидѣтель ѣхалъ ему навстрѣчу?

Коноваловъ. Я человѣкъ занятой, пустяками не занимаюсь и разныхъ встрѣчъ на мосту не помню.

Замятинъ. Секретное извѣщеніе о высылкѣ не являлось ли слѣдствіемъ этой встрѣчи?

Коноваловъ. То-есть вы хотите сказать, что я сыщикъ,—такъ говорите прямо.

Предсѣдатель. (дѣлаетъ замѣчаніе Замятину) Вы въ своихъ вопросахъ оставляете что-то недоговоренное, бросающее тѣнь. Формулируйте свои вопросы точнѣе. Вообще проситъ давать точныя и ясныя вопросы и показанія, не оставляющіе сомнѣній и подозрѣній.

Замятинъ. Объясняетъ, что инцидентъ въ подробностяхъ не извѣстенъ и имъ самимъ, но фактъ тотъ, что черезъ день этому студенту была усилена кара.

Коноваловъ. Да какъ вы могли подозрѣвать меня въ чемъ-либо подобномъ? Вы говорите о секретномъ сообщеніи. Дѣйствительно оно было. Оно меня сильно взволновало. И пришедшаго въ тотъ же день Гапѣева я предупреждалъ, что присутствіе Стомонякова у него на квартирѣ не безопасно.

Гартунгъ. Экзаменъ 5-го курса былъ назначенъ на 31 Марта?

Коноваловъ. Какъ я уже говорилъ, чиселъ не помню. Относительно же всѣхъ фактовъ имѣется въ печати обстоятельная записка профессоровъ подъ названіемъ отъ Совѣта. Я не участвовалъ но и не возражалъ, такъ какъ у нихъ подъ руками былъ весь фактическій матеріалъ.

Гартунгъ. Меня не числа интересуютъ, а обстоятельства, пред-

шествовавшія экзаменамъ. Не разсылались ли передъ экзаменами ст-тамъ опросные листки?

Коноваловъ. Сколько помнится, были. Это было сдѣлано по примѣру прошлыхъ лѣтъ.

Гартунгъ. Цѣль ихъ—выяснить желающихъ держать экзамены?

Коноваловъ. Нѣтъ, но кто хочетъ получить билетъ.

Гартунгъ. Много было желающихъ?

Коноваловъ. Около 60—70 человѣкъ.

Долбня. Я желалъ бы выяснить одинъ принципіальный, весьма важный вопросъ. Не припомнитъ ли свидѣтель, что, когда онъ былъ назначенъ директоромъ и пожаловалъ въ первый разъ на засѣданіе Совѣта—не какъ глава, а какъ частный гость, то имѣлъ разговоръ со мною объ университетскомъ судѣ и въ бесѣдѣ со мной сказалъ: для того, чтобы познакомиться съ университетскимъ судомъ, вы вошли въ составъ его и, ознакомившись съ уставомъ, вы пришли въ восхищеніе отъ мягкости налагаемыхъ имъ наказаній?

Коноваловъ. Отказываюсь дать отвѣтъ, ибо не вижу связи этого вопроса съ дѣломъ.

Долбня. Нѣтъ, позвольте, Вы сейчасъ увидите, что имѣетъ отношеніе. Второго апрѣля была обструкція, 2-го же апрѣля—засѣданіе Совѣта, 2-го же апрѣля было уволено 33 человѣка. Такая скорость превзошла даже военно-полевой судъ, гдѣ дается 24 часа. Какъ же связать ваше восхищеніе университетскимъ судомъ съ такимъ безпримѣрнымъ судопроизводствомъ?

Коноваловъ. Здѣсь коренное заблужденіе. Вы разсматриваете учебное заведеніе, какъ судебное учрежденіе. Для насъ, имѣвшихъ несчастіе нести эту функцію, оставалось утѣшеніе, что все это легко можно исправить. У насъ была полная увѣренность въ томъ, что исключенные не понесутъ никакихъ потерь. Осенью почти всѣ, подавшіе прошеніе объ обратномъ пріемѣ, были приняты, такъ что говорить о загубленныхъ жизняхъ, потерянныхъ годахъ не приходится, потери во времени не было, такъ какъ экзаменовъ они все-равно не держали.

Долбня. Я болѣе вопросовъ не имѣю.

Лутугинъ. Я попрошу свидѣтеля сказать, находилъ-ли онъ заявленіе 3 профессоровъ *), напечатанное въ «Руси». въ той части, которая касается его, справедливымъ и присоединяется-ли къ нему?

Коноваловъ. Я этой записки не читалъ и отвѣчать не буду, уважая коллегіальное мнѣніе.

Лутугинъ. Можетъ-ли Судъ пользоваться интервью въ «Новостяхъ»? *)

Коноваловъ. Не вижу смысла: зачѣмъ пользоваться газетами, когда можно пользоваться личной бесѣдой?

Предсѣдатель поясняетъ, что вопросъ въ томъ, что вѣрно-ли изложено интервью?

Лутугинъ. Прошу отвѣтить на вопросъ.

Коноваловъ. Я считаю это безполезнымъ.

Лутугинъ. Прошу Судъ выяснить свой взглядъ на это.

Предсѣдатель. Это будетъ сдѣлано впослѣдствіи.

Гессенъ. Какую роль играла администрація внѣ Ин—та? Былъ-ли освѣдомленъ Мин—ръ о событіяхъ въ Ин—тѣ? Каково было отношеніе Мин—ра и его вліяніе на инцидентъ въ Ин—тѣ?

Коноваловъ. Я могу сказать, что послѣ печальнаго инцидента на сходкѣ я былъ у М—ра; послѣ закрытія Ин—та я подалъ ему докладную записку. Было-ли принято какое-нибудь принципіальное рѣшеніе, не помню, если бы оно было, я навѣрное помнилъ бы.

Гессенъ. Закрытіе Ин—та было актомъ чисто институтскимъ? Вы закрыли, а потомъ доложили Министру?

Коноваловъ. Я уже объяснилъ это. Послѣ факта съ предсѣдателемъ сходки я былъ у М—ра, и было рѣшено закрыть Ин—тъ. Было назначено совѣщаніе у М—ра черезъ три дня; возраженій со стороны профессоровъ не было.

Гессенъ. Было-ли совѣщаніе Совѣта съ М—ромъ?

Коноваловъ. Да, послѣ ухода 6-ти профессоровъ. Я просилъ разслѣдовать дѣло, ибо я думалъ, что не было-ли повода съ моей стороны. Весь составъ Совѣта былъ приглашенъ къ М—ру. Такимъ образомъ была полная возможность подвергнуть критикѣ мои дѣйствія.

Гессенъ. Не можете-ли Вы въ общихъ чертахъ разсказать намъ объ этомъ совѣщаніи и каковъ былъ его результатъ?

Коноваловъ. Я о совѣщаніи не могу говорить, объ этомъ писали; я боюсь ошибиться, подвести кого-нибудь.

Гессенъ. Не можете-ли разсказать о вашихъ отношеніяхъ къ градоначальнику?

Коноваловъ. Я это уже разсказывалъ. Я не имѣлъ понятія о функціяхъ полиціи. По предложенію М—ра Землед. поѣхалъ къ град—ку, чтобы предупредить появленіе полиціи въ стѣнахъ Ин—та, дабы избѣжать обостреній. Град—къ оказалъ предупредительный пріемъ и сказалъ, что въ Ин—тѣ я, а на улицѣ онъ хозяинъ.

Гессенъ. Это вы говорили о Мин—рѣ Вн. Дѣлъ?

Коноваловъ. Говорю о посѣщеніи грэд—ка. Я говорилъ ему о нежелательности обостреній.

Гессенъ. Никакого вмѣшательства град—ка во внутреннюю жизнь Ин—та не было?

Коноваловъ. Никакого, только сообщались свѣдѣнія о числѣ лицъ, посѣщавшихъ Ин—тъ и объ уволенныхъ.

Гессенъ. Сначала было уволено 33 чел. за обструкцію, а за что остальные 24 чел.?

Коноваловъ. За дѣйствія на улицѣ; толпа оскорбляла проходившихъ студентовъ. М—ръ былъ очень напуганъ; онъ вызвалъ меня по телефону и былъ огорченъ, что я не доложилъ ему объ этомъ. Онъ узналъ объ этомъ въ Гос. Совѣтѣ и соотвѣтствующій М—ръ сдѣлалъ ему объ этомъ представленіе. Я лично не видѣлъ тутъ ничего особаго.

Гессенъ. При первомъ увольненіи пользовались указаніями сторожей, а чѣмъ руководствовались при исключеніи за уличные безпорядки? Тамъ вѣдь не было сторожей?

Коноваловъ. Совѣтъ наложилъ на всѣхъ одинаковое наказаніе. Я долженъ сказать, что списокъ составлялся лицами, находившимися внутри института; выдавать этихъ лицъ не имѣю права.

Гессенъ. Не учащимися?

Коноваловъ. Никоимъ образомъ не учащимися.

Предсѣдатель. Судъ желалъ-бы выслушать показанія пр. Лебедева. Не будете-ли вы добры разсказать о причинахъ раскола, уходѣ профессоровъ и всѣхъ предшествовавшихъ обстоятельствъ?

Лебедевъ. До Коновалова я исполнялъ обязанности директора и тогда раскола еще не было, дѣла шли мирно. Былъ у меня по дѣлу службы одинъ инцидентъ. Я сдѣлалъ распоряженіе снять одно объявленіе, которое компрометировало Пом. Инсп. и вывѣсилъ свое объявленіе. Была сходка, депутаты выразили мнѣ замѣчаніе и потребовали снять это объявленіе. Я отказалъ. Эти же депутаты сказали мнѣ, что сходка предоставляетъ мнѣ право снимать объявленія въ буфетѣ послѣ 3 часовъ и этимъ показали, что не считаютъ буфетъ неприкосновеннымъ. Со стороны профессоровъ я не встрѣтилъ никакого противодѣйствія. Меня очень удивилъ инцидентъ съ портретомъ Бебеля.

Предсѣдатель. Вы въ коллегіи профессоровъ были? Въ дальнѣйшемъ ходѣ событій вы участвовали?

Лебедевъ. Да.

Зерновъ. Повидимому, все дѣло разгорѣлось изъ-за нежеланія Коновалова извиниться передъ студентами; обсуждалъ-ли Совѣтъ текстъ извиненія?

Лебедевъ. Онъ сдѣлался извѣстнымъ Совѣту послѣ Совѣта—на совѣщаніи.

Зерновъ. Какъ же Совѣтъ не принялъ этого дѣла къ своему разсмотрѣнію?

Лебедевъ. Была предложена форма извиненія. Вопросъ этотъ не обсуждался, ибо это дѣло личное.

Зерновъ. Но Совѣтъ долженъ былъ считаться съ этимъ вопросомъ?

Лебедевъ. Коноваловъ не предлагалъ этого на обсужденіе Совѣта.

Зерновъ. Совѣтъ зналъ, что вопросъ идетъ объ извиненіи, и никто не поставилъ этого вопроса?

Лебедевъ. Это не было въ компетенціи Совѣта.

Зерновъ. Но Совѣтъ долженъ былъ коснуться этого?

Лебедевъ. Если бы директоръ внесъ.

Зерновъ. Совѣтъ не поднялъ этого вопроса, потому что онъ въ немъ не компетентенъ, а не потому, что этотъ вопросъ малозначущій?

Лебедевъ. Да, потому что некомпетентенъ.

Зерновъ. Весь Совѣтъ зналъ, въ чемъ заключается кризисъ. Почему же никто не сдѣлалъ попытокъ поговорить объ этомъ съ директоромъ?

Лебедевъ. Можетъ быть и дѣлалъ.

Зерновъ. Прежде замѣчалась-ли рознь между студентами?

Лебедевъ. Да, была и въ 99 году, была и въ 902 году. Былъ выпускъ въ три человѣка, а это указываетъ на рознь. Рознь была но не достигала такихъ размѣровъ.

Зерновъ. Раньше эта рознь доходила до разсмотрѣнія Совѣта?

Лебедевъ. Нѣтъ.

Зерновъ. Вообще отношенія въ Совѣтѣ были дружныя?

Лебедевъ. Да, за все мое пребываніе.

Зерновъ. А постановленія Совѣта о студенческихъ учрежденіяхъ были единогласны?

Лебедевъ. Да, почти единогласны.

Зерновъ. Выдѣлялась-ли группа изъ 6 профессоровъ?

Лебедевъ. Да, въ послѣднее время.

Зерновъ. Совѣтъ не старался повліять на ушедшихъ профессоровъ?

Лебедевъ (затрудняется отвѣтить).

Зерновъ. Чѣмъ объясняется уходъ ихъ?

Лебедевъ. Это имъ лучше извѣстно.

Зерновъ. А вамъ это какъ представляется? Совѣтъ не считалъ необходимымъ, чтобы не было разногласія въ немъ?

Лебедевъ. Трудно было вліять въ этомъ отношеніи, такъ какъ группы въ Совѣтѣ были почти одинаковы по численности.

Зерновъ. Чѣмъ объясняете вы уходъ 6 профессоровъ?

Лебедевъ. Для меня это совершенно непонятно: это былъ внезапный, демонстративный, скоропалительный уходъ. Я его никакъ не предполагалъ.

Зерновъ. О студентахъ на Совѣтѣ никто не говорилъ, что одни студенты сообщаютъ свѣдѣнія о другихъ?

Лебедевъ. Я не зналъ никогда ни одного подобнаго факта.

Зерновъ. А за послѣднее время въ Совѣтѣ объ этомъ говорили?

Лебедевъ. Нѣтъ.

Зерновъ. Экзаменаціонные списки доходили до разсмотрѣнія Совѣта?

Лебедевъ. Нѣтъ, это было дѣло инспекціи. Прежде списки составляла сама инспекція по алфавиту, напр. отъ а до и и т. д. Теперь ст-ты сами составляли группы безъ всякаго участія инспекціи.

Зерновъ. Коноваловъ говорилъ о закрытіи Института и о билетахъ. Никто въ Совѣтѣ объ этомъ вопроса не поднималъ?

Лебедевъ. Это было не ново. Билеты выдавались и раньше. Это дѣлалось въ цѣляхъ успокоенія. Коноваловъ заявилъ о закрытіи Института Совѣту.

Зерновъ. Совѣтъ не разсматривалъ вопроса о закрытіи Института и профессора не знали, временное оно или на долго?

Лебедевъ. Нѣтъ.

Зерновъ. Впускъ по билетамъ—явленіе постоянное или временное?

Лебедевъ. Временное.

Печковскій. Давно ли практиковался порядокъ экзаменовъ по билетамъ?

Лебедевъ. Это было временно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ это имѣло мѣсто, потомъ велась простая запись. Впускъ по билетамъ указываетъ на то, что Институтъ находился въ ненормальномъ положеніи. Прежде были группы, которыя составлялись самими студентами.

Печковскій. Не можете ли указать, какая приблизительно связь, по Вашему мнѣнію, между уходомъ профессоровъ и событіями въ Институтѣ?

Лебедевъ. Это мнѣ трудно сказать, пусть лучше скажутъ сами ушедшіе.

Гессенъ. Вы посѣщали буфетъ, снимали объявленія, которыя были неудобны?

Лебедевъ. Неудобныя—да, и тогда студенты не протестовали.

Гессенъ. У кого находился ключъ отъ буфета, у Васъ?

Лебедевъ. Нѣтъ, у сторожа.

Гессенъ. А какъ Вы объясняете, что ключъ былъ у студента?

Лебедевъ. Буфетъ былъ закрытъ, и предсѣдатель столовой комиссіи былъ тутъ же въ лавочкѣ. Такъ, что это случайно. Полной неприкосновенности не было.

Гессенъ. Какъ же объяснить, что раньше аналогичные случаи (сниманіе объявленій) не вызывали столь рѣзкаго протеста, какъ инцидентъ съ портретомъ Бебеля?

Лебедевъ. Не знаю, для меня это совершенно не понятно.

Гессенъ. Вы говорили, что между студентами были и раньше разногласія, но доходили ли отдѣльныя лица или партіи до такой розни?

Лебедевъ. Нѣтъ.

Гессенъ. Бывали ли раньше случаи обвиненій въ доносахъ и шпіонствѣ?

Лебедевъ. Да, бывали. Былъ случай еще до Коновалова. Могу даже назвать лицо, которое поплатилось.

Гессенъ. Эти обвиненія бывали противъ отдѣльныхъ лицъ или противъ опредѣленныхъ группъ?

Лебедевъ. Противъ опредѣленныхъ лицъ.

Гессенъ. Спрашиваетъ о составленіи группъ. Вы говорили, лежали листы, студенты записывались въ группы свободно?

Лебедевъ. Да.

Гессенъ. А что это за два иниціатора во главѣ группъ? Не принимали ли они активнаго участія въ составленіи группъ и было ли это въ прежніе годы?

Лебедевъ. Прежде не принимали, но такъ какъ была рознь, то студенты составляли группы изъ единомышленниковъ.

Гессенъ. Были ли случаи отказовъ принять кого-нибудь въ группу?

Лебедевъ. Мнѣ неизвѣстно, но допускаю.

Гессенъ. Значитъ, можно было не попасть въ группу?

Лебедевъ. Нѣтъ, число группъ было неопредѣленно: каждые два-три человѣка могли составить отдѣльную группу.

Зерновъ. Были въ прежніе годы традиціонные способы рѣшенія вопросовъ: напримѣръ сходка, опросы или что-либо подобное?

Лебедевъ. Сходка—явленіе новое. 10—12 лѣтъ тому назадъ ни-

какихъ сходокъ не было. Много повредило отношеніямъ между товарищами столовая, ничего общаго съ академической жизнью студентовъ не имѣющая. Она существуетъ съ 1896 года. По моему мнѣнію столовая не должна быть въ рукахъ студентовъ, такъ какъ отнимаетъ только время. Лучше было бы, если бъ она была внѣ Института. Съ появленіемъ столовой появились и другія организаціи. Столовая находилась въ вѣдѣніи студентовъ, но должна была находиться подъ наблюденіемъ Инспектора. Это было, однако, только на бумагѣ, такъ какъ никуда и ни во что онъ не могъ вмѣшиваться на дѣлѣ.

Зерновъ. Вы меня не поняли. Выработался опредѣленный «модусъ» для рѣшенія вопросовъ за эти 10 лѣтъ?

Лебедевъ. Нѣтъ, не думаю. Сходки оканчивались разно и относительно большинства бывали разныя рѣшенія.

Зерновъ. Стало быть, опредѣленныхъ рѣшеній у студентовъ не было?

Лебедевъ. Нѣтъ.

Лесгафтъ. Когда вы исполняли обязанности директора, было ли Вамъ извѣстно о портретѣ?

Лебедевъ. Нѣтъ.

Лесгафтъ. Вы находите вреднымъ, что столовая находилась въ зданіи Института?

Лебедевъ. Я нахожу вреднымъ потому, что она отнимаетъ много времени.

Лесгафтъ. Только потому, что отнимаетъ много времени?

Лебедевъ. Да.

Лесгафтъ. Была ли у студентовъ читальня?

Лебедевъ. Узаконенной читальни не было, узаконена была только столовая. Дмитрій Петровичъ хотѣлъ узаконить и другія учрежденія. Но у студентовъ была библіотечка.

Лесгафтъ. Въ зданіи Института?

Лебедевъ Да.

Лесгафтъ. Столовая была узаконена Совѣтомъ?

Лебедевъ. Инструкціей Министра.

Лесгафтъ. А Совѣтъ не при чемъ тутъ?

Лебедевъ. Не причемъ.

Лутугинъ. По поводу сорваннаго объявленія было совѣщаніе со студентами. Присутствовало 8 членовъ Совѣта, слѣдовательно, большинство. Полагаете ли Вы нравственную, не формальную, разницу между этимъ совѣщаніемъ и Совѣтомъ?

Лебедевъ. Я пригласилъ частнымъ образомъ, были не всѣ, я не могу назвать его совѣтомъ.

Лутугинъ. Могли ли студенты вынести впечатлѣніе, что большинство Совѣта даетъ имъ извѣстныя гарантіи?

Лебедевъ. Не берусь судить объ этомъ.

Лутугинъ. Наша группа выдѣлялась среди Совѣта? Чѣмъ выдѣлялась она, какія ея объективные признаки?

Лебедевъ. Такая группа существовала, но на это лучше не мнѣ отвѣчать.

Бауманъ и *Лутугинъ.* Намъ Ваше мнѣніе нужно относительно этой группы

Лутугинъ. Что группа была, доказательствомъ тому служитъ одновременный выходъ 6 профессоровъ; эта группа была не солидарна съ остальными членами Совѣта. Въ чемъ выражалось ея желаніе—это скажутъ сами ея члены.

Лутугинъ. Чѣмъ она характеризовалась?

Лебедевъ. Она не была солидарна.

Долбня. (прерывая Лебедева) Какими объективными признаками вы можете охарактеризовать эту группу и ея дѣятельность за последніе годы?

Лебедевъ. Полагаю, что была опредѣленная программа.

Долбня. Какую программу она проводила, въ чемъ выразилась активная роль этой группы въ студенческихъ безпорядкахъ?

Лебедевъ. Вамъ будетъ понятно, Иванъ Петровичъ, когда нѣсколько профессоровъ хотѣли избрать директора на частномъ совѣщаніи. Такъ какъ это предложеніе объ этомъ не соотвѣтствовало уставу Совѣта, то я это предложеніе хотѣлъ занести въ журналъ Совѣта. Его подписали всѣ присутствовавшіе, кромѣ 6-ти.

Долбня. Да, то былъ оскорбительный журналъ.

Лебедевъ. Нѣтъ, не оскорбительный.

Долбня. Еще одинъ коротенькій вопросъ касательно декабрскаго инцидента. Было совѣщаніе по вашей иниціативѣ, присутствовало 8 членовъ Совѣта и Лутугинъ. Цѣль его умиротворить студентовъ?

Лебедевъ. Да.

Долбня. Никто на активную роль мою не возражалъ. Лично Вы остались довольны, что все кончилось благополучно, и въ бесѣдѣ со мной выразили мнѣ свое удовольствіе?

Лебедевъ. Да, я сказалъ: «слава Богу, инцидентъ исчерпанъ».

Бауманъ. Билеты выдавались и въ 1899 году. Къ какимъ результатамъ привела эта выдача? Студенты 14 разъ прошли мимо экзаменовъ, но на экзаменъ не пошли. Билеты успѣха не имѣли?

Лебедевъ. Да, да.

Бауманъ. Въ 1902 году билеты выдавались всѣмъ оставшимся, кромѣ уволенныхъ—въ этомъ году почти половина студентовъ, по приказанію Министра, была уволена. Въ этомъ строгое различіе 1899, 1902 и 1904 года.

Лебедевъ. Въ 1904 году было строгое разграниченіе, а потомъ билеты потеряли соль. Билеты нужны были на первое время, такъ какъ боялись обструкцій, а вообще билеты въ 1904 году, какъ и въ 1902 году имѣли только временное значеніе.

Лутугинъ. Признаете ли Вы, что былъ нарушенъ правильный ходъ занятій и что экзамены носили характеръ стратегическій?

Лебедевъ. Стратегическаго характера не носили. Все было ненормально. Ужъ разъ выдача билетовъ—ясно, что ненормальное.

Лутугинъ. Свѣдѣнія объ уволенныхъ студентахъ и исключенныхъ давались членами инспекціи?

Лебедевъ. Да, инспекціей.

Лутугинъ. Детальными свѣдѣніями вы не интересовались? Полагались на инспекцію?

Лебедевъ. Да.

Лутугинъ. И 2-го и 4-го Апрѣля члены Совѣта полагались на авторитетъ инспекціи, и способъ свѣдѣній не сообщался?

Лебедевъ. Да, и 2-го и 4-го. Деталями способа не интересовался и этого не зналъ.

Гапѣевъ. Получилъ ли свидѣтель отъ сходки резолюцію сходки 3 Марта о томъ, что она перестаетъ считаться съ господиномъ Коноваловымъ, какъ съ директоромъ и предсѣдателемъ Совѣта,—съ предложеніемъ Гг. Членамъ Совѣта присоединиться къ принятому постановленію, и выраженіемъ уваженія Совѣту?

Лебедевъ. Такой резолюціи не получалъ.

Замятинъ. Не припомните, лично я былъ депутатомъ?

Лебедевъ. Боюсь наврать, факта отрицать не буду, но такую резолюцію получилъ по почтѣ.

Гапѣевъ. Не усматриваете ли вы, Георгій Глѣбовичъ, связи между уходомъ профессоровъ и обструкціей?

Лебедевъ. Конечно, связь была естественная. Вы были огорчены, хотѣли выразить сожалѣніе ушедшимъ профессорамъ.

Гапѣевъ. Что сдѣлалъ Совѣтъ для умиротворенія студентовъ послѣ ухода 6 профессоровъ?

Лебедевъ. Что могъ сдѣлать Совѣтъ? Дѣло сводилось къ успокоенію. Предлагались мѣры.

Гапѣевъ. Было вамъ извѣстно, что нѣкоторые студенты преду-

преждали отдѣльныхъ членовъ Совѣта относительно возможности обструкцій, если не будетъ созвана общая сходка?

Лебедевъ. Мнѣ не говорили. Другимъ, можетъ быть.

Гаппьевъ. Какія мѣры предлагались у Министра на совѣщаніи для умиротворенія Института?

Лебедевъ. Я не могу говорить объ этомъ.

Гаппьевъ. Чѣмъ руководствовался Совѣтъ, налагая наказанія?

Лебедевъ. Существующими правилами.

Гаппьевъ, Чѣмъ руководствовался Совѣтъ, признавая однихъ студентовъ болѣе виновными, а другихъ—менѣе?

Лебедевъ. Одни были болѣе виноваты, другіе—менѣе.

Гаппьевъ. Чѣмъ руководствовался Совѣтъ при такомъ опредѣленіи?

Лебедевъ. Проявленіемъ большей или меньшей активной дѣятельности.

Гаппьевъ. Чѣмъ руководствовался Совѣтъ, исключая 11 человѣкъ?

Лебедевъ. Обструкція бываетъ разная: газами, кулаками, палками.

Гаппьевъ. Не можете ли сказать о порядкѣ извѣщенія объ увольненіи?

Лебедевъ. Это дѣло не Совѣта, а директора.

Гаппьевъ. Чѣмъ объясняютъ оставшіеся профессора потерю авторитета у студентовъ?

Лебедевъ. На счетъ авторитета ничего не знаю.

Гаппьевъ. Получили ли порицаніе отъ сходки въ Ноябрѣ?

Лебедевъ. Мнѣ его передавали и я очень удивился.

Леонтьевъ. Великъ ли нормальный составъ Совѣта?

Бауманъ. 13 человѣкъ.

Леонтьевъ. Значитъ, 5 и 8?

Бауманъ. Да.

Алексѣевъ. Въ 904 году группы составлялись нѣсколькими лицами. Не былъ ли на 31 Марта вызванъ весь 5 курсъ для составленія группъ по постановленію начальства?

Лебедевъ. Не знаю.

Гартунгъ. Посылались ли опросные листки о желаніи держать экзамены?

Лебедевъ. Посылались.

Гартунгъ. Не помните ли вопросовъ?

Лебедевъ. Боюсь, что не помню точной формулировки вопросовъ.

Гартунгъ. Былъ ли вопросъ: «подавали ли вы голосъ за забастовку»? или противъ»?

Лебедевъ. Былъ, кажется.

Гартунгъ. Кто былъ иниціаторомъ этихъ вопросовъ, и когда они вошли въ моду?

Лебедевъ. При Меллерѣ, а кто былъ иниціаторомъ, не знаю.

Гартунгъ. А въ 902 году содержаніе листковъ было то же?

Лебедевъ. Почти одинаковое.

Гартунгъ. Не стоялъ ли вопросъ: «не участвовали ли вы въ сожженіи временныхъ правилъ»?

Лебедевъ. Да.

Гартунгъ. Тогда, кажется, безпорядки были другого характера? Была демонстрація передъ Институтомъ.

Лебедевъ. Былъ такой фактъ.

Гартунгъ. По чьему совѣту разсылались опросные листки?

Лебедевъ. Это распоряженіе администраціи.

Предсѣдатель. Считаетъ допросъ свидѣтеля оконченнымъ. Приглашая свидѣтеля Н. Д. Коцовскаго, предлагаетъ ему разсказать все, ему извѣстное.

Коцовскій. Я занялъ постъ инспектора въ Февралѣ мѣсяцѣ, какъ разъ во время печальныхъ событій въ Институтѣ. Вмѣстѣ съ хозяйственной коммиссіей посѣтилъ верхній этажъ, гдѣ предполагалось устроить чертежныя. Въ хозяйственной комиссіи, кромѣ меня и Коновалова, были Никитинъ и Митинскій. Предполагалось посѣтить буфетъ. Послѣдній, когда мы туда вошли, былъ закрытъ. Пришелъ Бокій и отперъ его. Когда директоръ подошелъ къ портрету Бебеля, то спросилъ: «что это такое»? Велѣлъ снять и передалъ сторожу. По поводу этого инцидента ко мнѣ приходили студенты, между прочимъ покойный Лури и Янковскій. Я старался дать мирный исходъ событію, но этого не удалось. Произошла бурная сходка, результатомъ которой—извѣстная резолюція. Меня тогда не было въ Институтѣ, и депутаты прошли прямо къ директору. Что тамъ произошло, извѣстно. На слѣдующій день собрались профессора, и дѣло, повидимому, клонилось къ мирному окончанію. Я лично просилъ Коновалова извиниться. Послалъ за Янковскимъ и Рейнвальдомъ.

Рейнвальдъ. (дѣлаетъ вставку) насъ позвали отъ имени директора.

Коцовскій. Депутаты считали оскорбленной сходку. Относительно засѣданія Совѣта, превратившагося въ совѣщаніе, поясняю, что къ группѣ ушедшихъ профессоръ не принадлежалъ и на ихъ совѣщанія не приглашался, на что и не претендую. О запискѣ заранѣе

не зналъ, а если бы зналъ, то, можетъ быть, я и присоединился бы къ ней. Затѣмъ произошелъ инцидентъ, послѣ котораго ушли 6 профессоровъ. Если бы они не ушли, результатъ былъ бы другой. Начались бурныя сходки. Одна изъ нихъ кончилась обморокомъ Янковскаго. Эта сходка произвела на меня тяжелое впечатлѣніе. Я пошелъ къ директору и заявилъ ему, что лучше закрыть Институтъ недѣли на двѣ. Отвѣтственность за закрытіе Института я всецѣло беру на себя. Я надѣялся, что за это время молодежь остынетъ отъ волненій и приступитъ къ экзаменамъ 31 Марта, когда изъявили желаніе экзаменоваться двѣ группы. Въ этотъ же день былъ приглашенъ весь 5 курсъ для выясненія дальнѣйшаго хода экзаменовъ. Въ виду крайняго возбужденія студентовъ и отсутствію директора, я на свою отвѣтственность отмѣнилъ экзаменъ. Послѣ 31 Марта въ инспекцію стали поступать заявленія (отъ 5 курса—35, отъ 4—42, отъ 3 и 2—нѣсколько меньше, а отъ 1—совсѣмъ мало) о желаніи держать экзамены. 2 Апрѣля произошли такія событія: въ верхнемъ корридорѣ появилась группа студентовъ въ шапкахъ и пальто, съ пахучими веществами и произвела обструкцію. Эту группу я почти всю зналъ лично (лучше всего студентовъ 5, 4 и 3 курсовъ). Первая уволенная группа состояла изъ 33 человѣкъ, часть ихъ была переписана помощн. инспектора. 5-го было сдѣлано директоромъ распоряженіе переписать лицъ, находившихся на улицѣ. Вотъ почему я не убѣждался въ виновности ихъ. Ничего удивительнаго, что часть была мнѣ совершенно не знакома. Подписалъ я постановленіе объ увольненіи, такъ какъ былъ убѣжденъ во временномъ характерѣ этой мѣры. Что было до Февраля, не знаю (такъ какъ участія не принималъ).

Зерновъ. Проф. Коноваловъ поручилъ вамъ принимать всякія заявленія отъ студентовъ. И въ началѣ и въ концѣ инцидента была ясно выражена враждебность къ Коновалову. Личныя отношенія къ Коновалову и его поступкамъ являлись ясной причиной всего. Какъ къ этому относился Совѣтъ? Подробно по существу не разсматривалъ этого дѣла? Почему Совѣтъ не заинтересовался этимъ дѣломъ?

Коцовскій. Нѣтъ (путаетъ хронологическія данныя).

Бауманъ. (вноситъ историческую поправку): 3-го портретъ, 5-го сходка; 5-го же резолюція послана директору; резолюція разорвана; депутаты выгнаны. Сходка постановляетъ: не считать директора директоромъ и членомъ Совѣта. Затѣмъ было частное совѣщаніе 6 членовъ Совѣта и пр. Курнакова. Отправили депутацію къ ди-

ректору изъ Ивана Петровича Долбни и Карла Ивановича Богдановича, съ предложеніемъ извиниться передъ студентами...

Зерновъ. Когда это было?

Бауманъ. 6-го вечеромъ. Днемъ онъ уже извинился передъ депутатами, но они требовали извиненія передъ сходкой. 14 мы просили созвать Совѣтъ на 15-е. Отказалъ. Но было собрано частное совѣщаніе; на немъ были всѣ, кромѣ Ивана Тиме. Было рѣшено, что мы ввели въ заблужденіе студентовъ декабрскимъ постановленіемъ (хотя тамъ и было большинство Совѣта—8 чел.). Тогда мы пошли на сходку...

Зерновъ. Зачѣмъ вы пошли на сходку?

Бауманъ. Совѣтъ пожелалъ, чтобы мы пошли и сдѣлали заявленіе о своемъ декабрскомъ совѣщаніи. 18 Марта былъ Совѣтъ. Мы внесли записку *). Но въ прочтеніи намъ было отказано подъ формальнымъ предлогомъ, что о запискѣ не сообщено заранѣе предсѣдателю. Мы заявили, что это вопросъ нашего пребыванія въ Совѣтѣ и вообще въ Институтѣ. Тогда предсѣдатель просилъ связать эту записку съ какимъ-либо вопросомъ, поставленнымъ на повѣсткѣ. Мы сказали, что она имѣетъ непосредственное отношеніе къ производству экзаменовъ.

Зерновъ. Вы предлагали 18-го свою формулу извиненія, или формулу студентовъ?

Бауманъ. Да, свою. Объ извиненіи въ запискѣ ничего не говорилось. Послѣднее въ ней—абзацъ: считаетъ ли онъ примѣненный Коноваловымъ образъ дѣйствій, какъ строго обдуманный планъ умиротворенія ст-въ. Формула извиненія была составлена тутъ же на Совѣтѣ пр. Богдановичемъ. Мы настаивали на этой формулѣ, но не получили отвѣта, что Совѣтъ находитъ нужнымъ извиненіе.

Зерновъ. Послѣ этого Совѣтъ не возвращался къ этому? не считалъ существеннымъ? И въ Совѣтѣ никто не поднималъ вопроса о возвращеніи ушедшихъ профессоровъ?

Коцовскій. Нѣтъ, были частные разговоры, но постановленія не было.

Зерновъ. Послѣ ухода профессоровъ поднимался объ этомъ вопросъ?

Коцовскій. Не помню. *Голоса Курнакова и Липина: «поднимался».*

Зерновъ. Какъ обстояло дѣло съ нежелавшими держать экзамены? Всѣмъ ли выдавались отпуски и на какіе сроки?

Коцовскій. Всѣмъ выдавались: до 15 мая было выдано 119 отпу-

сковъ. Изъ нихъ около 40 на срокъ по 1 сентября, остальные на разные сроки.

Зерновъ. Было ли извѣстно ст-тамъ, что они могутъ уѣхать и что имъ ничего не грозитъ, если они не будутъ держать экзаменовъ?

Коцовскій. Выдавая отпуски, я указывалъ ст—тамъ, что имъ лучше держать экзамены, но что имъ ничего не грозитъ.

Зерновъ. Но угрозъ съ Вашей стороны не было?

Коцовскій. Лично съ моей стороны не было.

Зерновъ. Изъ бюллетеней видно, что на нѣкоторыхъ курсахъ были сдѣланы постановленія, что ст—ты готовы держать экзамены лишь при прежнемъ составѣ профессоровъ. Не доходило ли до Васъ объ этомъ? Неужели все происходившее скрылось за гладкой поверхностью оффиціальнаго благополучія и ничто не доходило до Совѣта?

Коцовскій. Можетъ быть, что-нибудь и доходило. Боюсь сказать, что нѣтъ.

Зерновъ. Кто составлялъ списки? Приносили ли ихъ ст-ты? Были ли переговоры съ Вами или помощниками инсп-ра, кого включить въ списки?

Коцовскій. Со мною безусловно нѣтъ. Мнѣ былъ принесенъ списокъ ст-товъ 5 курса (36 чел.), а затѣмъ стали поступать отдѣльныя заявленія. Въ началѣ дѣлалъ помѣтки директоръ, потомъ я. У меня въ памяти сохранилось, что желавшими держать экзамены было подано заявленій по 6 апрѣля-202, а по 15 апрѣля 333.

Печковскій. Всѣмъ ли директоръ разрѣшалъ держать экзамены, не было ли случаевъ отказа?

Коцовскій. Не помню,

Гессенъ. Кѣмъ выдавались отпуска? Они проходили черезъ Ваши руки?

Коцовскій. Всѣ внѣшнія сношенія находились въ рукахъ директора и канцеляріи; въ моемъ вѣдѣніи находилась учебная часть. У меня только спрашивали при выдачѣ отпусковъ, не встрѣчается ли къ тому препятствій.

Гессенъ. Можете ли вы категорически сказать, что отпуска выдавались всѣмъ желающимъ безпрепятственно?

Коцовскій. По скольку мнѣ извѣстно, всѣмъ. Но долженъ отмѣтить, что когда мнѣ кто говорилъ о своемъ желаніи уѣхать, я предлагалъ держать хотя бы одинъ, два экзамена.

Печковскій. Въ чемъ было постановленіе совѣщанія?

Коцовскій. Въ совѣщанія не участвовалъ.

Гессенъ. Это было по своему характеру не требованіе, а совѣтъ?

Коцовскій. Конечно, совѣтъ.

Гессенъ. Значитъ, просто совѣтъ, а отказа съ Вашей стороны не бывало?

Коцовскій. Никогда.

Гессенъ. Всѣмъ ли выдавались билеты на входъ, или были случаи отказа?

Коцовскій. Нужно было спросить объ этомъ директора: онъ лучше знаетъ, я же затрудняюсь отвѣтить.

Гессенъ. А по скольку Вамъ извѣстно, бывали ли такіе случаи?

Коцовскій. Мнѣ лично не извѣстно, но, кажется, такіе случаи бывали. Вообще этимъ завѣдывалъ директоръ.

Гессенъ. Помогали ли вамъ ст-ты въ составленіисписковъ?

Коцовскій. Ни въ какомъ случаѣ, категорически отрицаю. Я хоть подъ присягой могу это подтвердить.

Гессенъ. А за своихъ помощниковъ ручаетесь?

Коцовскій. Я, конечно, могу говорить за себя лично, а не за помощниковъ.

Зерновъ. Доходили ли до Васъ слухи объ участіи ст-въ? Давалъ ли Коноваловъ приказаніе Бальди, чтобы онъ не руководствовался показаніями студентовъ?

Коцовскій. Да, были слухи. Коноваловъ при мнѣ сказалъ Бальди, чтобы этого не было. Бальди возразилъ на это, что никогда подобныхъ случаевъ не было и никогда отъ ст-въ справокъ не бр

Зерновъ. Слухи были неопредѣленные или указывали на отдѣльныя лица?

Коцовскій. Опредѣленной формы они не имѣли.

Зерновъ. Сколько у васъ помощниковъ?

Коцовскій. Два.

Гессенъ. Объ уволенныхъ ст-хъ сообщали град-ку?

Коцовскій. Это общее правило. Это не въ моей компетенціи.

Предсѣдатель. Было ли сдѣланоКоноваловымъ распоряженіе, чтобы ст-ты обращались сначала къ инспектору, а потомъ уже къ директору?

Коцовскій. Да это вообще такъ всегда было, и въ данномъ случаѣ студенты искали меня, но не нашли.

Предсѣдатель. Бывали ли случаи, что ст-ты приносили Вамъ резолюцію о директорѣ для передачи послѣднему?

Коцовскій. Я получилъ; но помню, что всего этого ему читать

не сталъ, не считая себя въ правѣ передать ему это рѣзкое постановленіе. въ полномъ видѣ.

Зерновъ. Коноваловъ этой резолюцій не заинтересовался?

Коцовскій. Я даже не помню, была ли она у меня съ собой.

Зерновъ. Вѣдь это рѣшеніе было чревато непріятными послѣдствіями.

Коцовскій. Я передалъ фактическую сторону.

Бауманъ. Я настаиваю на томъ, что безпорядки въ этомъ году имѣли особенный только внутренній характеръ. Знаете ли вы хоть одинъ случай столь грубаго обращенія, какъ это позволилъ себѣ Коноваловъ съ депутатами сходки 5 марта?

Коцовскій. Я стоялъ раньше въ сторонѣ, читалъ лекціи, но думаю что не было.

Бауманъ. Могло ли столь грубое отношеніе со ст-ми не вызвать рѣзкаго протеста противъ Коновалова? Почему вы не сказали объ этомъ директору?

Коцовскій. А откуда Вы знаете, что я этого не говорилъ?

Бауманъ. Но протестъ долженъ былъ быть?

Коцовскій. Я думаю, что всякая рѣзкая выходка повлечетъ за собою протестъ, но все же надѣялся на мирный исходъ.

Бауманъ. Т. е., вылилось въ форму резолюціи, которую Вы должны были ожидать. Считали ли вы необходимымъ извиненіе передъ депутаціей?

Коцовскій. Безусловно. Я указывалъ Дмитрію Петровичу на это, говорилъ объ этомъ до сходки. Былъ рѣзкій поступокъ съ одной стороны, но и другая сторона поступила не менѣе рѣзко.

ПЕРЕРЫВЪ.

После перерыва происходитъ объясненіе Липина съ Предсѣдателемъ. Липинъ говоритъ о невозможности для себя присутствовать на слѣдующемъ засѣданіи третейскаго Суда, такъ какъ уѣзжаетъ въ Москву, возратится въ Понедѣльникъ и тогда будетъ всегда готовъ дать свое показаніе. Предсѣдатель Арсеньевъ соглашается освободить Липина отъ явки на слѣдующее засѣданіе. Продолжается допросъ пр. Коцовскаго.

Бауманъ. Подтверждаете ли Вы то мѣсто письма 8 профессоровъ, въ которомъ говорится, что 31 марта ст-ты 5 курса подали списокъ желающихъ держать экзамены. И просили гарантировать имъ спокойное теченіе экзаменовъ?

Коцовскій. Такая формула мнѣ не извѣстна. Былъ поданъ списокъ ст-въ 5 курса, просившихъ обезпечить экзамены.

Бауманъ. Какими мѣрами Совѣтъ 31 марта предполагалъ обезпечить спокойный ходъ экзаменовъ при наличности такого возбужденія въ ст-тахъ, которое ясно должно было привести къ обструкціи?

Коцовскій. Для васъ, Владиміръ Ивановичъ, это можетъ быть и ясна, но для меня не было ясно. Я не вѣрилъ въ возможность обструкціи. Я вѣрилъ, что 2-го апрѣля экзаменъ состоится.

Бауманъ. Какими мѣрами предполагалось умиротворить ст-въ на совѣщаніи у М-ра 1-го апрѣля?

Коцовскій. Мин-ръ выразилъ желаніе приступить къ экзаменамъ и стараться, чтобы не было жертвъ.

Бауманъ. На чемъ основывалась Ваша увѣренность?

Коцовскій. Моя увѣренность основывалась на бесѣдахъ со ст-ми.

Бауманъ. Поднимался ли вопросъ у М-ра объ умиротвореніи ст-въ путемъ уступокъ со стороны директора?

Коцовскій. Нѣтъ этого не было, я не помню.

Бауманъ. Какъ Совѣтъ могъ думать умиротворить ст-въ безъ жертвъ при очевидной возможности обструкціи?

Коцовскій. Я былъ глубоко увѣренъ, что обструкціи не будетъ.

Бауманъ. Каково было ваше отношеніе, какъ инспектора, къ провѣркѣ нѣкоторыхъ показаній сторожей?

Коцовскій. Никакой провѣрки я не производилъ. Кого я видѣлъ— видѣлъ. Я подписывалъ этотъ списокъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что все постановленіе будетъ уничтожено впослѣдствіи; что разъ исходитъ отъ Совѣта, то и Совѣтомъ же можетъ быть уничтожено.

Бауманъ. Знали ли вы, что уволенные вами ст-ты подлежатъ высылкѣ?

Коцовскій. Въ 902 году увольненіе не сопровождалось высылкой. Я не зналъ этого также, какъ и вы не знали.

Бауманъ. Въ Совѣтѣ увольненіе по спискамъ инспекціи не встрѣтило возраженій?

Коцовскій. Тамъ давались объясненія.

Бауманъ. Отдѣльныхъ мнѣній не было?

Коцовскій. Да, разногласій не было. Насколько помню, все происходило единогласно.

Бауманъ. Какъ составлялся списокъ 4 апрѣля уволенныхъ за хожденіе около Ин-та?

Коцовскій. Мнѣ это неизвѣстно. Дѣлалось по порученію директора.

Бауманъ. Съ этими списками, составленными черезъ окно, Совѣтъ тоже согласился?

Коцовскій. Да.

Бауманъ. Помните ли вы отношеніе Совѣта въ 902 году къ предложенію М-ра судить ст-въ по показаніямъ инспекціи и сторожей?

Коцовскій. Не помню, къ сожалѣнію. Тогда разсылались опросные листки, но противъ формы ихъ протестовалъ, такъ какъ не считалъ правильнымъ вызывать на откровенность.

Бауманъ. На основаніи данныхъ инспекціи и сторожей. Вѣдь такъ требовалъ онъ въ 902 году?

Коцовскій. Кто онъ?

Бауманъ. М-ръ. На совѣщаніи въ 902 году у М-ра онъ требовалъ суда надъ студентами?

Коцовскій. Не помню, не во всѣхъ совѣщаніяхъ принималъ участіе.

Бауманъ. Помнитъ ли свидѣтель хоть одинъ случай за послѣдніе 5—6 лѣтъ представленія проскрипціонныхъ списковъ въ Совѣтъ и увольненія по нимъ?

Коцовскій. Не помню. Всегда увольняли по представленію инспекціи, но за волненія нѣтъ.

Бауманъ. Почему въ 904 году уволенные получали свои бумаги черезъ град-ка?

Коцовскій. Этого я не знаю.

Долбня. Не припомните ли вы, что раньше ст-ты многократно выражали Совѣту свое довѣріе, и даже въ очень пылкихъ выраженіяхъ, не будучи никѣмъ изъ насъ къ тому побуждаемы?

Коцовскій. Да, знаю и не отрицаю.

Долбня. Неоднократно, 18 марта, когда Коноваловъ отказалъ прочитать нашу записку, я сказалъ, что это имѣетъ отношеніе къ Совѣту. Сталъ ли Совѣтъ на сторону Коновалова по долгу службы или по внутреннему убѣжденію?

Коцовскій. Трудно сказать. Думаю, что то и другое. Вопросъ этотъ тогда предложила перенести на другой день и отложить засѣданіе Совѣта.

Долбня. Георгій Глѣбовичъ Лебедевъ сказалъ, что была обособленная группа. Не играла ли эта группа активной примирительной роли съ цѣлью не допустить обструкціи, или нѣтъ?

Коцовскій На вашихъ частныхъ совѣщаніяхъ я бывалъ рѣдко. Съ вашей стороны я всегда слышалъ о примиреніи.

Каминка. Не припомните ли вы, что объявленіе о составленіи группъ было повѣшено 1 апрѣля, а допущены къ экзаменамъ ст-ты по списку поданному до 1 апрѣля?

Коцовскій. Двѣ группы 5 курса были поданы 31 марта.

Каминка. Какимъ образомъ 2 апрѣля ст-ты 4 курса явились съ другими билетами иного цвѣта, а не тѣми, что были выданы на первое?

Коцовскій. Не понимаю, прошу разъяснить.

Каминка. Первые билеты были отмѣнены въ ночь на 2 апрѣля. Почему?

Коцовскій. Я не припоминаю. (обѣщаетъ, если нужно, навести справки).

Каминка. Почему экзаменъ начался въ 8 ч. утра, а не въ 9, какъ всегда?

Коцовскій. Было сдѣлано распоряженіе директора по соглашенію со мной.

Каминка. Какъ ст-ты узнали объ этомъ?

Коцовскій. Вѣроятно, они были извѣщены.

Каминка. Были ли двѣ категоріи билетовъ: одни давали право входа въ Ин-тъ въ любой день, а другіе только въ опредѣленный?

Коцовскій. Да, были.

Каминка. Почему было такое раздѣленіе?

Коцовскій. Приступившіе къ экзаменамъ имѣли право входа во всѣ дни, а не приступившіе получали на опредѣленный день.

Каминка. Послѣ обструкціи были двѣ категоріи билетовъ: постоянные и на извѣстные дни?

Коцовскій. Постоянные билеты были выданы ст-мъ, записаннымъ въ группахъ.

Каминка. Что это были за группы?

Коцовскій. Были 4 группы: 36—пятаго курса, 42—четвертаго, большая группа группа третьяго курса и второго, кажется, 17 и небольшая перваго.

Зерновъ. Когда были составлены эти группы, до перваго экзамена?

Коцовскій. До начала экзаменовъ. 31 марта экзаменъ не состоялся.

Каминка. Та группа ст-товъ, которая заявила вамъ о своемъ желаніи держать экзамены, получила билеты?

Коцовскій. Получила.

Каминка. Вы раздѣляли ст-товъ, повидимому, на двѣ группы: одна пользовалась довѣріемъ, другая—нѣтъ, хотя послѣдніе и заявляли о своемъ желаніи держать экзаменъ?

Коцовскій. Нѣтъ, въ другой группѣ былъ назначенъ экзаменъ

на другой день, чтобы не повторилось такое же грустное явленіе.

Каминка. Я говорю не о внутреннемъ довѣріи, а о довѣріи къ дѣйствіямъ.

Коцовскій. Лицамъ, получившимъ билеты, оказывалось довѣріе.

Каминка. Вы утверждаете, что никому изъ ст-товъ не совѣтовали обращаться за рекомендаціями—къ ст-тамъ же?

Коцовскій. Безусловно нѣтъ.

Каминка. Какъ дѣлалъ распоряженіе директоръ?

Коцовскій. Это его личное дѣло.

Каминка. Вѣдь исключеніе, выдача отпусковъ и пр. проходили черезъ васъ, а вы говорите, что черезъ него, значитъ, вы тоже участвовали?

Коцовскій. Временно черезъ директора, а потомъ черезъ меня. Отпуски только черезъ меня.

Каминка. Можетъ быть, нѣкоторые отпуска были задержаны.

Коцовскій. Если были какія-либо препятствія, то отпуски могли быть задержаны, но по другимъ причинамъ.

Каминка. Для чего вы рекомендовали начать экзамены, чтобы потомъ ихъ бросить?

Коцовскій. Цѣль этого — облегчить осенніе экзамены.

Каминка. Вы не заявляли Коновалову о необходимости закрыть Ин-тъ.

Коцовскій. Я видѣлъ ст-товъ въ возбужденномъ состояніи, я столкнулся впервые съ бурной сходкой и стоялъ за временное закрытіе Ин-та, о чемъ я заявилъ Коновалову.

Каминка. Совѣтовали закрыть Ин-тъ черезъ Совѣтъ или черезъ М-ра?

Коцовскій. Объ этомъ я уже говорилъ.

Каминка. Не припомните ли проектъ извиненія, составленный 5 марта?

Коцовскій. Не помню.

Каминка. Реагировали ли на поведеніе Коновалова члены Совѣта, какъ члены Совѣта, и на уходъ профессоровъ, и чѣмъ именно?

Коцовскій. Это интимный вопросъ, лично меня можете спросить. Несомнѣнно, высказывалъ свои взгляды.

Каминка. Усматриваете ли вы связь между уходомъ профессоровъ и обостреніемъ конфликта?

Коцовскій. Безусловно. Если бы они не ушли, то не было бы обструкціи.

Каминка. Было ли въ ноябрѣ 904 года порицаніе членамъ Совѣта отъ студентовъ?

Коцовскій. Какъ же я самъ лично его выслушалъ.

Леонтьевъ. Вамъ не извѣстно количество голосовъ за и противъ забастовки?

Коцовскій. Не знаю.

Леонтьевъ. Можете ли подтвердить слова Коновалова, что къ экзаменамъ приступило 450 человѣкъ?

Коцовскій. Да я точно помню 451.

Леонтьевъ. Каковъ весь составъ Ин-та?

Коцовскій. 583.

Леонтьевъ. Слѣдовательно, большинство держало экзамены?

Коцовскій. Я докладываю вамъ цифры, ваше дѣло дѣлать выводъ.

Леонтьевъ. Я вижу противорѣчіе: большинство за забастовку, и большинство же держитъ экзамены. Нѣтъ ли тутъ какихъ-нибудь объясненій со стороны инспекціи?

Коцовскій. Не знаю.

Леонтьевъ. Велика ли была толпа, мѣшавшая держать экзамены?

Коцовскій. Порядочная, числа не припомню.

Леонтьевъ. Извѣстны ли вамъ нѣкоторыя лица изъ этой толпы?

Коцовскій. Да, были мои знакомые.

Леонтьевъ. Изъ этихъ лицъ никто не держалъ экзаменовъ?

Коцовскій. Можетъ быть, теперь не помню.

Леонтьевъ. Во время этой борьбы было выдано уже 119 отпусковъ?

Коцовскій. Да.

Леонтьевъ. Что же случилось съ билетами двухъ цвѣтовъ: ст-ты, образовавшіе группы, получали билеты одного цвѣта, а не вошедшіе? Что же вы присматривались, дѣлали пробу?

Коцовскій. Билеты были не для пробы, а чтобы каждый ст-тъ могъ входить въ Ин-тъ. Я лично не помню тѣхъ мотивовъ, которыми мы руководствовались.

Алексѣевъ. Предлагаетъ дать возможность ст-ту Кутырину представить разъясненіе о билетахъ.

Судъ. Удовлетворяетъ просьбу Алексѣева.

Кутыринъ. На 31 Марта былъ приглашенъ 5 курсъ въ Ин-тъ. Предполагалось, что всѣ, кто пожелаетъ держать экзамены, могутъ получить билеты. *Былъ назначенъ* экзаменъ по металлургіи и пробирному искусству. Было сильное возбужденіе, экзаменъ не состо-

ялся. Тогда на 5 курсѣ была составлена группа, которую передали Коновалову. Получили билеты на 2 Апрѣля. 1-го Апрѣля было вывешено объявленіе, 1-го Апрѣля была подана еще группа 5 курса, и просили назначить ей экзаменъ также на 2 Апрѣля. 2-го обструкція, и затѣмъ поданы 4 группы, также стали поступать заявленія отъ отдѣльныхъ лицъ. Этимъ лицамъ выдавались билеты. Студенты, не вошедшіе въ группы, и не подавшіе заявленій, собрались на совѣщаніе 6—7. Имъ прислали разовые билеты. Кто же заявилъ о своемъ желаніи держать экзамены, тотъ получалъ билетъ на входъ во всякое время.

Каминка. Свидѣтель знаетъ лучше инспектора. Кто ему далъ эти свѣдѣнія?

Кутыринъ. Нѣкоторые изъ профессоровъ: Митинскій и Шредеръ.

Снятковъ. Цитируетъ изъ „Руси" статью *) „Совѣта" объ обструкціи. Не припомните ли, что ст-ты 5 курса были приглашены не всѣ, а часть ихъ собралась въ вестибюлѣ. На верху шелъ экзаменъ Не говорили ли вы собравшимся ст-тамъ, что Совѣтъ дастъ гарантіи студенческихъ учрежденій, если гладко пойдутъ экзамены?

Коцовскій. Очень можетъ быть, что говорилъ.

Снятковъ. Когда вы заявили, что Совѣтъ не можетъ гарантировать ст-тамъ уходъ Коновалова, мы заявили вамъ; „начинайте экзамены, мы начнемъ обструкцію". Вы намъ отвѣтили: „Нѣтъ, господа, мы, можетъ быть, потолкуемъ съ вами".

Коцовскій. Объ обструкціи вы то и не говорили.

Снятковъ. Дальше мы вамъ заявили: „можетъ быть, пока мы съ вами тутъ разговариваемъ, на верху идутъ экзамены". Тогда вы просили ст-та Кульжинскаго черезъ Бальди сойти внизъ собравшихся на верху?

Коцовскій. Да, это такъ.

Снятковъ. По приглашенію Кульжинскаго и Бальди они не спустились и вы пошли на верхъ?

Коцовскій. Да, это вѣрно, пошелъ на верхъ, чтобы переговорить съ ними.

Снятковъ. Не пошли ли мы за вами?

Коцовскій. Нѣтъ, я пошелъ на верхъ одинъ. А впрочемъ возможно, что вы за мной пошли, но за большимъ разстояніемъ я васъ не видѣлъ. Направляясь обратно, я васъ встрѣтилъ уже въ корридорѣ.

Снятковъ. Вамъ было извѣстно, что ст-ты участвовали въ опредѣленіи лицъ, желавшихъ держать экзамены. Не помните ли вы, что запись на экзамены была прекращена послѣ заявленія ст-та Зен-

ченки, что начинаютъ записываться лица, не желающія держать экзамены?

Коцовскій. Мнѣ объ этомъ никто не передавалъ.

Снятковъ. Что происходило второго послѣ обструкціи?

Коцовскій. Группа ст-товъ бесѣдовала со мной въ чертежной 5 курса. Тамъ были не только державшіе, но и не державшіе.

Снятковъ. До 31 Марта не былъ ли вамъ представленъ списокъ ст-въ 5 курса, желавшихъ держать экзамены подъ градомъ камней и пуль, охраной штыковъ и даже на портикѣ Ин-та?

Коцовскій. Мнѣ такого списка не представляли.

Сняткавъ. А вообще?

Коцовскій. Вообще было, но не въ такой формѣ.

Снятковъ. Не припомнитъ ли свидѣтель, что на рукахъ у ст-товъ были чистые бланки входныхъ билетовъ?

Коцовскій. Не знаю, этимъ завѣдывали помощники инспектора.

Снятковъ. Не было ли давленія на стипендіатовъ? Не угрожали вы кому-нибудь лишеніемъ стипендіи?

Коцовскій. Я лично никогда не производилъ давленія ни на кого.

Снятковъ. Не помните ли объ объявленіи, что не всѣмъ лицамъ, взявшимъ отпуски или не приступившимъ къ экзаменамъ, гарантируется оставленіе въ Институтѣ?

Коцовскій. Можетъ быть рѣчь шла объ общихъ основаніяхъ?

Снятковъ. При допущеніи къ экзаменамъ не принимались ли въ соображеніе педагогическіе мотивы?

Коцовскій. Какіе педагогическіе мотивы?

Снятковъ. Исполненные проекты, практическія работы и проч.?

Коцовскій. Объ этомъ рѣшено было раньше. Не исполнившіе работъ не допускались.

Снятковъ. Работы у меня не были окончены, а я допущенъ.

Коцовскій. Я подразумѣваю вовсе не приступившихъ къ работамъ. Такихъ я знаю двухъ.

Гапьевъ. Вы отрицаете слова Пилетича, а между тѣмъ они подтверждаются ст-мъ Ларіоновымъ и женою Брушвита. Она заявила, что ея мужа не было въ Ин-тѣ, а вы ей сказали, что ея мужа видѣли его товарищи.

Коцовскій. Я не могъ этого говорить. Еслибъ здѣсь была г-жа Брушвитъ, она не отказалась бы подтвердить мои слова.

Изъ толпы слышатся голоса г-жи Брушвитъ: „я здѣсь“ и ея мужа г-на Брушвитъ: „и я здѣсь“.

Г-жа *Брушвитъ*. Вы мнѣ буквально сказали слѣдующее: „его называли товарищи, бывшіе съ нимъ".

Коцовскій. Я... Говорилъ.. Сударыня, вы глубоко ошибаетесь, я этого говорить не могъ.

Г-жа *Брушвитъ*. Это буквально ваши слова

Коцовскій. Я меньше всего зналъ о Брушвитѣ.

Г-жа *Брушвитъ*. Поясняетъ, что она обращалась къ Коцовскому вслѣдствіе желанія ея мужа поступить въ Рижскій Политехникумъ, но пребываніе ея мужа въ Горномъ Ин-тѣ являлось такой рекомендаціей, послѣ которой его туда отказывались принять. Инспекторъ посовѣтовалъ поэтому подать фиктивное прошеніе о пріемѣ въ Горн. Ин-тъ.

Предсѣдатель проситъ выяснить вопросъ объ участіи товарищей въ составленіи списковъ, а не личныя дѣла свидѣтелей.

Гапѣевъ. Вы говорили, что увольненіе это пустая шутка: почему же до сихъ поръ не всѣхъ приняли?

Коцовскій. Нѣтъ, я этого не говорилъ.

Гапѣевъ. поясняя, что Алферовъ былъ принятъ послѣ раскаявія. подавъ прошеніе, Лемпертъ по приказанію М-ра, спрашиваетъ: А изъ остальныхъ никто принятъ не былъ?

Коцовскій. Значитъ, не подавали прошенія.

Гапѣевъ. Не говорилъ ли свидѣтель при Тихоновѣ, что Совѣтъ недоволенъ недовѣріемъ къ нему, и что если приняли одного-двухъ, то примутъ и всѣхъ?

Коцовскій. Да.

Гапѣевъ. Изъ какой категоріи были принимаемы, изъ тѣхъ, что были уволены на годъ?

Коцовскій. Да, но также и изъ тѣхъ, что были уволены на два года.

Гапѣевъ. Почему отказали Бокію, Мефферту, Кульжинскому?

Коцовскій. Это дѣло Совѣта.

Гапѣевъ. Не предпринимали ли „свобододѣйствующіе" съ своей стороны давленія на отдѣльныхъ профессоровъ и не просили ли они не торопиться съ обратнымъ пріемомъ уволенныхъ и исключенныхъ?

Коцовскій. Нѣтъ, никогда ничего подобнаго не слышалъ.

Гапѣевъ. Вы говорили, что всегда давали отпуски. Почему не получили ст-ты Мишаревъ, Баклановъ, Половниковъ и Конради?

Коцовскій. Можетъ быть, отдѣльные случаи и были. Не припомню, 119 получили.

Гапѣевъ. Поясняетъ, что Мигзаревъ 1 курса подавалъ прошеніе съ 2-мъ пунктами. Въ первомъ просилъ дать отпускъ и во второмъ, если отпускъ не дадутъ, выражалъ желаніе взять бумаги. Г. Коцовскій отвѣтилъ что отпуска дать не можетъ, а бумаги можно получить сейчасъ. Баклановъ для того, чтобы получить отпускъ, долженъ былъ уволиться изъ Ин-та.

Лутугинъ. Освѣдомлялъ ли Коноваловъ Совѣтъ о свѣдѣніяхъ, даваемыхъ въ участокъ о числѣ уволенныхъ?

Коцовскій. Нѣтъ.

Лутугинъ. Рѣшеніе Совѣта было шуточнымъ?

Коцовскій. Зачѣмъ шуточное. Временная мѣра. Считали, что сроки увольненія сократятся до года,—нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Лутугинъ. Вы, какъ инспекторъ, принимаете ли нравственную отвѣтственность за свой рапортъ?

Коцовскій. Да, до извѣстной степени.

Сняτковъ. Чѣмъ руководствовались при увольненіи на разные сроки?

Коцовскій. Степенью виновности въ участіи (съ палками и безъ палокъ, впереди и сзади и пр.).

Снятковъ. Какъ же попалъ Юферовъ, Свитальскій и другіе, которыхъ не было въ Ин-тѣ?

Коцовскій. Конечно были ошибки при томъ хаосѣ, какой тогда царствовалъ. Рѣшеніе вопроса было затруднительно.

Каминка. Не возникалъ въ Совѣтѣ вопросъ объ опросѣ обвиняемыхъ?

Коцовскій. Не возникалъ.

Снятковъ. Профессора не участвовали въ составленіи списковъ послѣ 2 апрѣля?

Коцовскій. Нѣтъ.

Спасокукотскій. Не припомните ли вы, что я попалъ случайно, активнаго участія не принималъ, что мой пріемъ обратно возможенъ, но что вы ждете отъ меня заявленія. Говорили ли это моему брату?

Коцовскій. Я говорилъ, но что не помню.

Спасокукотскій. Я попалъ въ обструкцію случайно и активнаго участія не принималъ. Свидѣтель мнѣ сказалъ, что онъ и самъ въ этомъ убѣдился.

Коцовскій. Совершенно вѣрно. Но узналъ объ этомъ слишкомъ поздно.

Предсѣдатель дѣлаетъ замѣчаніе, что личныя дѣла свидѣтелей къ дѣлу не относятся.

Рейнвальдъ. Не дѣлила ли инспекція ст-въ на способныхъ на обструкцію и на неспособныхъ?

Коцовскій. Я такого дѣленія не дѣлалъ.

Рейнвальдъ. 2 апрѣля былъ экзаменъ 5 курса, какъ, же въ помѣщеніе Ин-та проникли «свобододѣйствующіе» другихъ курсовъ?

Коцовскій. Этого не помню. Но это могло быть, разъ была группировка и имѣлись входные, билеты.

Рейнвальдъ. Почему уволенныхъ увѣдомляли не обычнымъ путемъ?

Коцовскій. Это дѣло не инспекціи.

Панфиловъ. Кто вамъ сообщилъ, что Спасокукотскій былъ въ Ин-тѣ случайно?

Коцовскій. По всей вѣроятности ст-ты, которые часто у меня бывали. Въ точности не могу сказать.

Панфиловъ. Вы сообщили, что передали директору резолюцію не въ подлинникѣ, а въ устномъ пересказѣ. Не помните ли вы, что дали категорическое обѣщаніе передать ее по назначенію?

Коцовскій. Передалъ на словахъ, не помню, получилъ ли отъ депутатовъ подлинный экземпляръ.

Рейнвальдъ. До 31 марта я справлялся, почему меня не допустили до экзамена; не припомните ли вы, что при моемъ посѣщеніи вы говорили мнѣ, что человѣкъ 30 5-го курса представили директору списокъ съ выраженіемъ желанія экзаменоваться во что бы то ни стало?

Коцовскій. Не отрицаю.

Рейнвальдъ. Подтверждаете ли вы, что этотъ разговоръ происходилъ до 31 марта?

Коцовскій. Подтверждаю.

Панфиловъ. 1 числа около 12 часовъ дня на дверяхъ Ин-та было вывѣшено оффиціальное приглашеніе составлять группы. Черезъ четверть часа я вамъ доставилъ списокъ группы, которая, однако, на 2-е вызвана не была. Почему это такъ?

Коцовскій. Группы были составлены раньше до 31 марта, это приглашеніе было лишь напоминаніемъ.

Панфиловъ. Значитъ, были раньше группы?

Бауманъ. До офиціальнаго объясненія?

Коцовскій. Это вполнѣ естественно. Вѣдь экзамены были рѣшены раньше.

Предсѣдатель. Объявляетъ постановленіе Суда:

«Судъ проситъ Гг. свободомыслящихъ, не представившихъ списки, поддерживающихъ обвиненіе, таковые представить. Быть мо-

жетъ, кто захочетъ присоединиться къ напечатавшимъ въ «Руси» письмо *). Всѣхъ остальныхъ Судъ считать не будетъ. Слѣдующее засѣданіе имѣетъ быть въ Воскресенье, 20 февраля, въ 8 час. вечера, въ залѣ Тенишевскаго училища. Условія допущенія публики остаются тѣ же. Просить на слѣдующее засѣданіе явиться тѣхъ же свидѣтелей, еще не допрошенныхъ, за исключеніемъ профессора Липина. Засѣданіе закрывается.

ПРОТОКОЛЪ

5-го засѣданія Третейскаго суда чести 20 февраля.

Присутствуютъ тѣ же, что и на предыдущемъ засѣданіи, кромѣ Грузенберга и Гартунга.

Предсѣдатель, открывая засѣданіе, приглашаетъ пр. Асѣева дать показаніе.

Гапѣевъ дѣлаетъ предварительное заявленіе: «Мы, нижеподписавшіеся, считаемъ необходимымъ довести до свѣдѣнія суда слѣдующее:

«Неоднократно уже противная сторона заявляла что не считаетъ ни себя партіей, ни насъ представителями корпораціи студентовъ горнаго института; неоднократно намъ предлагали представить поименный списокъ своихъ довѣрителей.

«Для насъ ясно желаніе «свобододѣйствующихъ» (да они и не скрываютъ этого) свести все дѣло къ обвиненію отдѣльными студентами отдѣльныхъ лицъ свобододѣйствующей партіи.

«Принципіально несогласные съ такой постановкой вопроса, мы уже заявляли суду, что дѣло, имъ разсматриваемое, не есть дѣло отдѣльныхъ личностей, это—антагонизмъ двухъ партій, какъ таковыхъ, базирующихся на совершенно противоположныхъ началахъ.

«Полагая, что партійность «свобододѣйствующихъ» уже доказана (въ противномъ случаѣ мы, располагая еще новыми фактами по этому вопросу, постараемся ее доказать), мы должны выяснить суду законность нашего представительства отъ всей корпораціи студентовъ Горнаго Института.

«Законодательнымъ органомъ корпорацій является сходка. Всякая, заранѣе объявленная, сходка признается полномочной. Постановленіе сходки можетъ быть обжаловано только на новой сходкѣ и только ею можетъ быть измѣнено. Право созывать сходку принадлежитъ каждому члену корпораціи.

«Разъ представители студенчества для суда были избраны сходкой, разъ для опротестованія этого избранія не была созвана новая сходка, разъ этотъ вопросъ даже не поднимался на многолюдной январской сходкѣ,—мы, нижеподписавшіеся, имѣемъ полное право указывать суду на себя, какъ на представителей всей корпораціи, а не отдѣльныхъ ея членовъ.

«Поименный списокъ нашихъ довѣрителей—это списокъ всѣхъ студентовъ Горнаго института, за исключеніемъ «свобододѣйствующихъ» и оставшихся при особомъ мнѣніи. Собрать же ихъ подписи теперь технически невозможно.

«Заявляя суду, что мы являемся представителями корпораціи студентовъ Горнаго института, мы предлагаемъ «свобододѣйствующимъ» полную «свободу дѣйствій» по отношенію къ этому вопросу.

«Если имъ для какихъ нибудь цѣлей (можетъ быть даже для уголовнаго преслѣдованія) нужны юридическія лица, таковыми они могутъ считать насъ, совершенно игнорируя наше представительство». Передаетъ его суду.

Вызывая первымъ свидѣтелемъ Коновалова, Судъ, очевидно, хотѣлъ уяснить фонъ, на которомъ разыгралась вся исторія. Разъ Судъ захотѣлъ выяснить этотъ основной фонъ, мнѣ кажется, важна каждая деталь въ обрисовкѣ дѣятельности Коновалова. Онъ, между прочимъ, утверждалъ, что его педагогическая дѣятельность не представляетъ ничего исключительнаго. Если она и нова для Горнаго Института, для университета она совершенно обычна. Я съ фактами въ рукахъ докажу, что дѣятельность Коновалова исключительна и для университета; я прочту 2 резолюціи *, вынесенныя ему студентами университета.

Предсѣдатель, прерывая. Нахожу разговоръ о Коноваловѣ не своевременнымъ: «все это будетъ разсматриваться потомъ».

Асѣевъ. Я въ собраніи суда первый разъ: былъ боленъ и теперь еще не вполнѣ поправился; поэтому прошу извинить, если буду выражаться рѣзко.

Предсѣдатель. Судъ желалъ-бы получить отъ Васъ обстоятельное изложеніе всѣхъ фактовъ инцидента.

Асѣевъ. Я ограничусь короткимъ перечнемъ событій. Изложить все—у меня не хватитъ силъ. Прискорбный инцидентъ имѣлъ начало не съ осени 1904 г., а съ 1899 г., затѣмъ слѣдовали 1901—1902 г. На нихъ я остановлюсь подробнѣе, когда буду говорить подробнѣе объ отдѣльныхъ фактахъ. Первое событіе—слухъ о назначеніи директоромъ инженера съ юга (въ 1903 г.). Это вызвало

волненіе среди насъ. На квартирѣ И. П. Долбни собралось совѣщаніе. Цѣль его—намѣтить кандидатовъ на должность директора, чтобы указать ихъ Министру; было намѣчено нѣсколько, въ томъ числѣ проф. Коноваловъ. Когда оффиціально былъ назначенъ Коноваловъ, но обязанности директора исполнялъ еще Лебедевъ, произошелъ Лебедевскій инцидентъ *). Затѣмъ начались слухи о неудовольствіи среди студентовъ (откуда оно пошло—не знаю), по поводу назначенія Коновалова. Затѣмъ идетъ 2-хъ мѣсячная дѣятельность Коновалова. Этотъ періодъ отмѣчается оживленностью—жизненностью. Совѣтъ проявилъ себя, какъ учрежденіе учебное, т. е. занимался разработкой ученыхъ плановъ, намѣчалось раздѣленіе курсовъ на разряды, устройство лабораторій. Это мнѣ было близко извѣстно. Но была и другая сторона, мнѣ менѣе извѣстная,—отношеніе директора къ студентамъ; повидимому въ этихъ отношеніяхъ замѣчалась нѣкоторая рѣзкость. Коноваловъ поставилъ между собой и студентами инспектора. Это свидѣтельствовало о взаимныхъ неудовольствіяхъ. Прошло 2 мѣсяца; затѣмъ печальный инцидентъ съ портретомъ Бебеля. Далѣе событія принимаютъ необычайную скорость. 15-го марта—тягостное засѣданіе частнаго совѣщанія профессоровъ: 15-го же сходка, 16-го закрытіе Института; 18-го послѣдній Совѣтъ въ полномъ составѣ и вечеромъ частное совѣщаніе, 19-го еще печальнѣе день—отставка профессоровъ. Затѣмъ—періодъ посылки угрожающихъ анонимныхъ писемъ профессорамъ. 31-го несостоявшійся экзаменъ, далѣе 2-го обструкція, затѣмъ угрозы анонимныя по адресу нѣкоторыхъ студентовъ—кончилось это уличной дракой. Затѣмъ начинаются экзамены 6-го апрѣля на V курсѣ—12 апрѣля они уже идутъ на всѣхъ курсахъ. 22-го въ Совѣтѣ заявлено, что къ экзаменамъ приступило до 63 проц. Осенью дѣло началось извѣстнымъ судомъ между Громовымъ и Гапѣевымъ. Затѣмъ извѣстная, затрудняюсь назвать ее, компанія что-ли, въ печати. По моему личному мнѣнію въ Институтѣ имѣло мѣсто борьба 2-хъ партій за уходящую власть. Эта борьба отличалась обостренной, безпримѣрной партійной нетерпимостью, пристрастностью. Въ началѣ я думалъ что это исторія простая, теперь видъ этой борьбы другой, судя по газетамъ теперь эта борьба выходитъ закутанной во флагъ борьбы съ бюрократіей, противъ режима, противъ темныхъ силъ.

Предсѣдатель. Суду не интересно Ваше мнѣніе въ столь общей формѣ, а лишь мнѣніе о томъ, что подвѣдомственно суду.

Печковскій. Вы сказали «борьба за уходящую власть». Будьте добры это разъяснить?

Предсѣдатель. Суду весьма важно не точто теперь, а то что было тогда—весною.

Печковскій. Вы упомянули о борьбѣ партій, были ли партіи среди профессоровъ?

Асѣевъ. Были-ли партіи?

Печковскій. Ушедшіе профессора представляли партію?

Асѣевъ. Въ совѣтѣ группа ушедшихъ профессоровъ представляла партію, образованную покойнымъ Мушкетовымъ. Студенты также представляли тогда весьма сплоченную партію и обѣ эти партіи боролись за уходящую изъ ихъ рукъ власть.

Асѣевъ. Въ Совѣтѣ партія ушедшихъ профессоровъ была сплочена Ив. В. Мушкетовымъ. Точно также и среди студентовъ была партія, во главѣ которой стояла сплоченная группа студентовъ, съ опредѣленной политической окраской, державшая въ своихъ рукахъ всѣ студенческія учрежденія. Весенняя исторія и есть борьба за уходящую власть отъ этихъ партій. Можетъ быть судъ предложитъ вопросы, чтобы выяснить детально связь между этими партіями.

Печковскій. Какова эта была уходящая власть, за которую боролись? Въ чемъ выражалась эта борьба?

Асѣевъ. Въ «Руси» Бауманомъ была напечатана замѣтка, характеризующая Лагузена какъ неспособнаго къ личной инициативѣ. Изъ этой записки вытекало, что за это то онъ и получилъ адресъ. При немъ я въ Совѣтѣ не участвовалъ, только былъ иногда приглашаемъ. Тогда уже я видѣлъ, что резолюціи тамъ проводились единогласно ушедшими профессорами.

Зерновъ. Давно-ли Вы состоите членомъ Совѣта?

Асѣевъ. Съ 1899 года І. Ив. Лагузенъ приглашалъ меня съ правомъ совѣщательнаго голоса; членомъ же Совѣта съ 1903 г.

Зерновъ. Вы сказали о власти; въ чемъ выражалась власть, за которую они боролись? Пользовались-ли они какими-либо преимуществами передъ другими членами Совѣта, или преслѣдовали личные интересы?

Асѣевъ. Не думаю, вѣрнѣе не смѣю думать.

Зерновъ. Въ чемъ же тогда выражалась власть? Пользовались-ли они вліяніемъ? Вѣдь власть должна быть обаятельной, что бы за нее бороться?

Асѣевъ. Власть выражалась во вліяніи на рѣшенія дѣлъ Института.

Зерновъ. Но вліяніе это было?

Асѣевъ. Несомнѣнно было.

Зерновъ. На чемъ основано было это вліяніе. На убѣдительности?

Асѣевъ. На единеніи съ извѣстной группой студентовъ.

Зерновъ. Какъ же со студентами? Вѣдь борьба то велась въ Совѣтѣ?

Асѣевъ. Совѣтъ по отношенію къ вопросамъ академическаго характера, какъ явствуетъ изъ письма Митинскаго, рѣдко когда могъ устоять въ своихъ рѣшеніяхъ противъ напора желаній студентовъ.

Зерновъ. Такимъ образомъ ушедшіе профессора были выразителями мнѣній студентовъ?

Асѣевъ. Что они были выразителями желаній студентовъ, это они сами заявляли. Напр. въ 1902 г. одинъ изъ членовъ Совѣта внесъ предложеніе объ опросныхъ листкахъ, опираясь на согласіе не съ группой студентовъ, а съ Ор. К., о чемъ заявилъ громогласно. И по иниціативѣ Ив. Петр. разсылались опросные листки.

Зерновъ. Всякій членъ Совѣта вѣдь долженъ оказывать свое вліяніе. У нихъ это дѣлалось по убѣжденію или подъ вліяніемъ косвенныхъ причинъ, напр. поисковъ популярности?

Асѣевъ. Затрудняюсь отвѣтить на Вашъ вопросъ. Это было бы прямымъ обвиненіемъ.

Зерновъ. Отъ профессора Лебедева мы слышали, что рѣшенія Совѣта были единодушны; что и отношенія вообще въ Совѣтѣ были дружны.

Асѣевъ. Вы говорите единодушно. Что бы всѣ рѣшенія были единодушны я не скажу.

Зерновъ. Вѣдь у Васъ тамъ 13 членовъ, какъ же на сторонѣ группы могло быть большинство?

Асѣевъ. Да если и съ... (путается).

Зерновъ. Но рѣзкаго раздора не было?

Асѣевъ. Рѣзкаго раздора не было бы и теперь, если бы не вмѣшалась партійность.

Зерновъ. Является новое обстоятельство—партійность. Вѣдь инцидентъ студентовъ съ Коноваловымъ—ясенъ. Онъ послѣдовалъ послѣ разорванія и выгона депутатовъ. Независимо отъ этой партійности привелъ-ли бы этотъ инцидентъ къ результатамъ?

Асѣевъ. Къ забастовкѣ? Послѣ засѣданія 18-го марта инцидентъ представлялся очень простымъ: студенты и часть профессоровъ были введены въ заблужденіе. Печальныя засѣданія начались съ 15-го марта. Я получилъ утромъ записку отъ Яковлева, съ приглашеніемъ придти на частное совѣщаніе. О предметѣ этого со-

вѣщанія въ запискѣ не говорилось ни слова. Но могу сказать, что всѣ событія отъ 3-го до 15-го марта были для меня болѣе или менѣе неизвѣстны. Собрались, еще кой за кѣмъ послали. Оказалось, на совѣщаніи группа ушедшихъ дѣлала докладъ. Намѣреніе совѣщанія стало ясно: убѣдить Коновалова извиниться. Въ 10 засѣданіе началось, въ 12 окончилось. Нужно сказать, что профессора обѣщали студентамъ гарантію неприкосновенности ихъ учрежденій. Это обѣщаніе они хотѣли впослѣдствіи провести черезъ Совѣтъ. Но на Совѣтѣ опротестовали и сказали, что это дѣло частное и заботиться о немъ должны тѣ профессора, которые его начали. Послѣ еще было совѣщаніе, дѣло считалось конченнымъ, и я объ немъ забылъ. Когда Коноваловъ, излагая обстоятельства дѣла, сослался на упомянутое якобы постановленіе Совѣта, лично замѣтилъ, что такого постановленія Совѣта не было. Тотчасъ всталъ Долбня и сказалъ: «это обстоятельство не считаю такимъ важнымъ и идти на сходку выяснить это недоразумѣніе, если того пожелаетъ Совѣтъ». Наступило неловкое молчаніе. Остальные профессора заявили, что и они пойдутъ вмѣстѣ съ Долбней. На это въ Совѣтѣ сказали, что ихъ никто не принуждаетъ. И такъ началось о формѣ извиненія, а окончилось нравственной необходимостью идти на сходку.

Зерновъ. Какое отношеніе это разъясненіе на сходкѣ имѣло къ общему дѣлу? Повидимому студенты были оскорблены? Грубость, разорваніе резолюціи было началомъ исторіи?

Асѣевъ. Совершенно вѣрно, но резолюція была слѣдствіемъ того, что Коноваловъ «ворвался» въ буфетъ.

Зерновъ. Это основной поводъ, но вѣдь потомъ онъ могъ и не имѣть большого значенія?

Асѣевъ. Исторія началась со столкновенія 2 сторонъ по винѣ третьихъ лицъ. По моему мнѣнію обѣ эти стороны должны были взаимно извиниться?

Зерновъ. Это, конечно, другой вопросъ. Вѣдь инцидентъ, а не прелюдія, возникъ...

Асѣевъ. Который инцидентъ?

Зерновъ. Сходка, резолюція и т. д. Но сходка возникла по поводу инцидента?

Асѣевъ. Сходка возникла потому, что студентами была заявлена неприкосновенность ихъ учрежденій. Неожиданное заявленіе объ этомъ постановленіи перевернуло весь Совѣтъ.

Зерновъ. Значитъ Ваше впечатлѣніе, что вина лежитъ не на Коноваловѣ, что онъ поступилъ правильно?

Асѣевъ. Да, тягостное впечатлѣніе: вина не на Коноваловѣ и не на студентахъ, а на третьихъ лицахъ, начавшихъ весь инцидентъ. Насъ упрекаютъ очень часто и ушедшіе профессора говорятъ, что оставшіеся ихъ выдали. Совсѣмъ не вѣрно, что мы ихъ выдали: мы совсѣмъ не участвовали въ ихъ соглашеніи со студентами.

Печковскій. Такъ что Вы взваливаете вину на всю группу ушедшихъ профессоровъ?

Асѣевъ. Группа сама приняла на себя вину изъ солидарности.

Зерновъ. Было-ли выяснено между членами Совѣта это недоразумѣніе?

Асѣевъ. Событія шли слишкомъ быстрымъ темпомъ.

Печковскій. Вы находите связь между расколомъ среди профессоровъ и среди студентовъ.

Асѣевъ. Нѣтъ! Я только думаю, что уходъ профессоровъ обострилъ студенческій расколъ. Долбня и Бауманъ вѣроятно помнятъ въ 1902 г. эту тягостную минуту, когда на парапетѣ Института уговаривали исключенныхъ студентовъ разойтись, когда тѣ хотѣли ворваться въ Институтъ.

Печковскій. И благодаря ихъ вліянію это удалось?

Асѣевъ. Да, благодаря ихъ вліянію это удалось.

Печковскій. Значитъ большимъ вліяніемъ эти профессора пользовались сравнительно съ другими профессорами въ умиротвореніи?

Асѣевъ. Да вліяніе ихъ было большое: если бы они не ушли, то обструкціи не было бы, хотя бы имъ пришлось пережить непріятныя минуты.

Лесгафтъ. Позвольте спросить, всѣ учрежденія студентовъ были утверждены Министромъ?

Асѣевъ. Нѣтъ, только столовая, остальныя нелегальны.

Лесгафтъ. А буфетъ? Былъ-ли онъ неприкосновеннымъ, какъ утвержденное учрежденіе?

Асѣевъ. Какъ «неприкосновеннымъ»? Онъ принадлежалъ столовой.

Лесгафтъ. Но вѣдь столовая утверждена Министромъ?

Асѣевъ. Да, но это не значитъ - «неприкосновенная». Столовая вѣдь въ отдѣльномъ помѣщеніи, а буфетъ среди чертежныхъ.

Лесгафтъ. Но можетъ быть Совѣтъ молчаливо согласился съ неприкосновенностію и они пользовались полной свободой Совѣта. Право завѣдыванія столовой было предоставлено Совѣту?

Асѣевъ. Совершенно вѣрно и она была подчинена надзору инспектора. Какъ же тогда объяснить желаніе студентовъ, что бы имъ гарантировали эту неприкосновенность.

Лесгафтъ. Я спрашиваю, но не утверждаю. Быть можетъ они пользовались свободой на основаніи обычнаго права? Столовая и буфетъ вѣдь были легальны; у нихъ могли сложиться свои обычаи.

Асѣевъ. Но это уже другой вопросъ—не «неприкосновенности». Правда, Совѣтъ и инспекторъ не касались студенческихъ учрежденій. Но все же совѣтъ считалъ студенческія учрежденія неблагонадежными. Еще въ 1901 г была образована коммиссія подъ предсѣдательствомъ Мушкетова, для разсмотрѣнія этого вопроса. Коммиссіи была представлена записка. И когда на должность директора вступилъ Коноваловъ, то, ознакомившись съ студенческими учрежденіями, онъ первымъ вопросомъ поставилъ—упорядоченіе ихъ.

Лесгафтъ. Но студенты желали упорядоченія ихъ?

Асѣевъ. Да.

Лесгафтъ. Относительно билетовъ—кто выдавалъ ихъ?

Асѣевъ. Не могу сказать — Совѣтъ не входилъ въ это. Это предоставляется администраціи. Въ 1899 г. форма билетовъ была выработана Совѣтомъ. И Ив. Петр. также подписалъ журналъ этого совѣта.

Лесгафтъ. Не давали ли билеты товарищамъ и нѣкоторымъ студентамъ.

Асѣевъ. Объ участіи студентовъ ничего не знаю.

Печковскій. А какой порядокъ былъ въ 1899 г.? Какъ раздавались билеты?

Асѣевъ. О билетахъ въ точности не могу сказать, я былъ тогда заграницей. Можно навести справки.

Гессенъ. Мнѣ бы оченъ хотѣлось выяснить Вашъ взглядъ на борьбу изъ-за уходящей власти. Вы говорили о борьбѣ. Въ чемъ усматриваете вы борьбу и какими средствами она велась?

Асѣевъ. Я говорилъ объ общемъ впечатлѣніи. Какъ выражалась борьба—не знаю. Финалъ ея былъ—уходъ группы профессоровъ. Въ запискѣ ихъ ясно сказано о разногласіи.

Гессенъ. Но въ чемъ же выразились элементы борьбы?

Асѣевъ. Выразились очень быстро въ уходѣ профессоровъ.

Гессенъ. Но уходу должна была предшествовать борьба?

Асѣевъ. Свидѣтель не понимаетъ вопроса

Гессенъ. А до ухода въ какихъ дѣйствіяхъ она выразилась?

Асѣевъ. Въ коммиссіи!

Гессенъ. Въ какой?

Асѣевъ. О пересмотрѣ правилъ о студенческихъ учрежденіяхъ.

Гессенъ. Сколько я вынесъ изъ показанія одного изъ профессо-

ровъ (Лебед.)—въ Совѣтѣ было единодушіе, и вопросы рѣшались почти единодушно? Гдѣ же тутъ борьба?

Асьевъ. Единогласно? Не могу этого сказать; большинствомъ да, какъ должно быть въ коллегіальномъ учрежденіи.

Гессенъ. Было ли въ Совѣтѣ постоянное разногласіе; оставались ли ушедшіе профессора въ меньшинствѣ?

Асьевъ. 1-е засѣданіе съ Коноваловымъ было 15-го Января. Сколько ихъ было еще не знаю?

Гессенъ. Въ чемъ же борьба?

Асьевъ. Да развѣ въ коллегіи это не видно?

Гессенъ. Какъ же если почти не было засѣданій?

Асьевъ. Въ первомъ же засѣданіи проявился антагонизмъ. Первое же предложеніе было опротестовано, а именно предложеніе объ участіи педагогическаго персонала въ студенческихъ учрежденіяхъ было сочтено за кураторство.

Гессенъ. И Совѣтъ съ этимъ не согласился? Значитъ противъ былъ большинство т. е. человѣкъ 8?

Асьевъ. Большинство. Всѣхъ членовъ 13.

Гессенъ. Такъ что большинство, а не 6 человѣкъ.

Асьевъ. Не всѣ члены бываютъ.

Гессенъ. Такъ что опротестовали не эти 6?

Асьевъ. Опротестовано Бауманомъ.

Гессенъ. Такъ какъ же опротестовалъ одинъ Бауманъ?

Асьевъ. Да одинъ Бауманъ говорилъ рѣчи.

Гессенъ. Такъ что это былъ конфликтъ 6-ти профессоровъ и Коновалова, а не Совѣта. Когда же былъ конфликтъ между членами Совѣта?

Асьевъ. Надо узнать сколько членовъ Совѣта присутствовало?

Гессенъ. Это единственный фактъ? Въ чемъ еще выразилась борьба?

Асьевъ. Да.

Гессенъ. Въ чемъ же и когда появился расколъ?

Асьевъ. Расколъ начался съ 15-го Марта, съ того тягостнаго засѣданія, о которомъ уже говорилъ. Еще былъ инцидентъ съ Лебедевымъ о проведеніи черезъ Совѣтъ постановленія совѣщанія о гарантіи неприкосновенности.

Гессенъ. Это постановленіе не прошло въ Совѣтъ?

Асьевъ. Тогда тоже было разногласіе. Предложеніе Долбни было опротестовано.

Гессенъ. Въ чемъ же дальнѣйшія попытки? Въ чемъ борьба? Вѣдь это важно!

Асњевъ. Борьба была съ новымъ начальникомъ, а не профессорами.

Гессенъ. Какая же власть у новаго начальника? Вѣдь власть у Совѣта. Какая же могла быть необходимость борьбы?

Асњевъ. Инцидентъ съ профессоромъ Лебедевымъ показалъ, что не всегда было единодушіе въ Совѣтѣ.

Гессенъ. Допускаю, но отсюда до борьбы далеко.

Асњевъ. Не понимаетъ въ чемъ дѣло.

Гессенъ. Не ясно? Раньше было единогласіе, появляется новый директоръ и сейчасъ же начинается разногласіе. Вѣдь это сплошной вопросительный знакъ! Почему назначеніе новаго директора вызвало расколъ въ Совѣтѣ? Затѣмъ, почему ушедшіе профессора не старались наоборотъ соединиться съ остальнымъ Совѣтомъ противъ Коновалова?

Асњевъ. Не понимаетъ. Вѣдь въ Совѣтѣ 13 человѣкъ. Съ момента назначенія Коновалова начался рѣзкій конфликтъ. Развѣ это нельзя считать началомъ новой эры? Вѣдь было же предложеніе сплотиться противъ новаго начальника, послѣ исторіи съ профессоромъ Лебедевымъ.

Гессенъ. Это кто-же предложилъ?

Асњевъ. Вѣроятно Долбня.

Гессенъ. Долбня это предложилъ въ Совѣтѣ?

Асњевъ. Нѣтъ, на совѣщаніи же я не былъ. Вѣроятно на сходкѣ. Вы это можете узнать отъ студентовъ.

Гессенъ. Студентовъ?

Асњевъ. На сходкѣ онъ заявилъ: «намъ надо сплотиться въ виду надвигающагося режима». Съ этого момента и начался расколъ.

Гессенъ. Значитъ расколъ въ Совѣтѣ начался съ рѣчи Долбни на сходкѣ?

Асњевъ. Не съ рѣчи, а съ предложенія оформить постановленіе совѣщанія.

Гессенъ. Такъ что на совѣщаніи Долбня предлагалъ это и профессорамъ?

Асњевъ. На совѣщаніи я не былъ.

Гессенъ. Но въ присутствіи профессоровъ?

Асњевъ. Не знаю.

Гессенъ. Это было въ частномъ совѣщаніи?

Асњевъ. Это было опротестовано Шредеромъ въ частномъ совѣщаніи.

Гессенъ. Какъ же оно было опротестовано Шредеромъ?

Асѣевъ. Я тамъ не былъ. Не знаю на сходкѣ ли или на частномъ совѣщанiи.

Гессенъ. А въ чемъ роль Шредера?

Асѣевъ. Это вы узнаете у Шредера.

Гессенъ. Значитъ одной изъ важныхъ причинъ раскола въ Совѣтѣ послужило предложенiе студентамъ сплотиться противъ новаго директора? Отсюда расколъ.

Асѣевъ. Противъ новаго начальства. Расколъ начался на первомъ же засѣданiи. Свидѣтелемъ борьбы не былъ, потому что не былъ на 2-мъ засѣданiи, можетъ тамъ она и была.

Гессенъ. Такъ что вы говорите, что эта борьба происходила внѣ Совѣта?

Асѣевъ. Внѣ Совѣта и это чувствовалось.

Судъ удаляется на совѣщанiе. Перерывъ.

Предсѣдатель. Гг. профессора, не угодно ли Вамъ задавать вопросы?

Лутугинъ. Вы сдѣлали указанiя, что была партiя профессоровъ и студентовъ. Чѣмъ характеризовалась идейная сторона этой партiи?

Асѣевъ. А вы значитъ отрицаете эту партiю?

Лутугинъ. Нѣтъ, я выскажу потомъ свой взглядъ на это. А Вы скажите намъ чѣмъ характеризовалась эта партiя съ идейной стороны?

Асѣевъ. При Мушкетовѣ credo этой партiи—*академическая свобода*, а дальнѣйшiй credo мнѣ не извѣстно.

Лутугинъ. Значитъ послѣ смерти Ив. В. Мушкетова эта партiя какъ бы распалась?

Асѣевъ. Да, пожалуй. Послѣ смерти Ив. Вас. Мушкетова уже сплошное безобразiе. Въ Январѣ умеръ, а въ Мартѣ уже что произошло? Не успѣлъ онъ умереть, не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ новый глава дѣлаетъ неосторожное предложенiе о разсылкѣ опросныхъ листковъ по почтѣ. Ив. Петр. головой ручался за успѣхъ. Противъ этого протестовали въ Совѣтѣ. Вы, Ив. Петр., говорили съ орг. ком. и предсказывали успѣхъ; на дѣлѣ сказалось иное—успѣха не было. Объясняли это тѣмъ, что 10 человѣкъ арестовано. Диктаторъ Романовъ отмѣнилъ постановленiе орг. ком. и въ результатѣ расколъ и образованiе группы умѣренныхъ.

Лутугинъ. Все это можетъ быть интересно для суда, но это не относится на мой вопросъ. Я прошу васъ охарактеризовать партiю профессоровъ, которую вы видѣли. Что она представляла собой послѣ смерти Ив. Вас?

Асѣевъ. Чѣмъ отличалась отъ партiи Ив. Вас.?

Лутугинъ. Въ чемъ было ея credo?

Асѣевъ. Credo по существу оставалось то же, но можетъ быть были и привходящія вліянія.

Лутугинъ. Что это за *привходящія* вліянія?

Зерновъ. Вы назвали эту группу партіей и намъ желательно, чтобы вы охарактеризовали эту партію какими либо фактами; вносили ли они какія нибудь предложенія, старались ли они ихъ провести и т. д.?

Асѣевъ. На моей памяти бывали факты: обсуждается какой-нибудь вопросъ; Ив. Петр. заявляетъ: «мы уже по этому поводу говорили и ваше мнѣніе такое-то». Развѣ это не фактъ существованія партіи?

Лутугинъ. Этого хотя не помню, но это все равно, въ смыслѣ формы, а содержаніе заявленій этой партіи были каковы?

Асѣевъ. Вотъ въ содержаніи-то и были разногласія: одни—школа для науки, другіе—«да кому это нужно».

Каминка. Значитъ сredo въ разногласіяхъ?

Асѣевъ. Credo, значитъ, начало измѣняться.

Зерновъ. Значитъ партіи не было?

Асѣевъ. Ну тогда значитъ это были остатки партіи, которые дѣйствовали по инерціи.

Зерновъ. Вѣдь могутъ быть лица солидарные въ однихъ вопросахъ, но не во всѣхъ и не солидарные по другимъ. Партія же требуетъ извѣстной общности, опредѣленности и солидарности дѣйствій—было ли это въ ушедшей группѣ?

Асѣевъ Было, несомнѣнно.

Лутугинъ. А партія студентовъ, о которой вы говорили, чѣмъ она характеризовалась?

Асѣевъ. Положеніе вы вѣрно охарактеризовали въ письмѣ *: «Г. И. не разсадникъ просвѣщенія, какъ всякая другая высшая школа, а нѣчто такое, что насквозь пропитано политиканствомъ—мѣсто сохраненія юныхъ силъ».

Лутугинъ. Я свою характеристику знаю; я хочу вашу знать?

Асѣевъ. Это партія съ извѣстной политической окраской и дѣятельностью, ничего общаго съ научною жизнью не имѣющая.

Лутугинъ. Какова же ея политическая окраска?

Асѣевъ. Да, надо-ли?

Лутугинъ. Мнѣ это было бы интересно, да и Суду тоже.

Зерновъ. Чѣмъ проявляла себя эта партія въ Совѣтѣ? Какими фактами?

Асьевъ. Какіе факты?

Лесгафтъ. Факты проявленія?

Асьевъ. Это сплошныя забастовки, ничего общаго съ академической жизнью не имѣющія.

Зерновъ. Но данный эпизодъ вполнѣ ясенъ, почему же вы ставите въ связи съ нимъ то, что никакого отношенія съ нимъ не имѣетъ?

Асьевъ. Какъ я его ставлю?

Зерновъ. Вы говорите о дѣятельности, указывая общія положенія, не указывая однако фактовъ. Въ вашихъ словахъ я не вижу опредѣленнаго отвѣта.

Асьевъ. Вы говорите о партіи профессоровъ или студентовъ? Я говорю о студентахъ.

Предсѣдатель. Вы можете не настаивать на точномъ опредѣленіи окраски—это мнѣ кажется и безъ поясненія свидѣтеля ясно для суда.

Лутугинъ. Послѣ того какъ наша записка была отвергнута и мы ушли, подымался ли на засѣданіяхъ Совѣта, между 18 и 31 Марта вопросъ о необходимости умиротворенія студентовъ, прежде чѣмъ принять билетную систему?

Асьевъ читаетъ выдержку изъ письма 8 чл. Совѣта *.

Лутугинъ. Но это послѣ 1-го Апрѣля, а я спрашиваю о событіяхъ до 1-го Апрѣля: были-ли Совѣты между 18 и 31 Марта?

Асьевъ. Кажется не были.

Лутугинъ. Что же Совѣтъ не заботился о студентахъ, уволенныхъ, неумиротворенныхъ и взволнованныхъ и оставлялъ вопросъ открытымъ?

Асьевъ. Совѣтъ какъ въ 1901 г. давалъ студентамъ время одуматься И тогда были жертвы:—послѣ демонстраціи у Казанскаго Собора; но прошло нѣкоторое время и студенты приступили къ экзаменамъ.

Лутугинъ. Да, но послѣ того какъ имъ была дана сходка для обсужденія. Была ли такая сходка?

Асьевъ. На сколько помнится помѣчена и въ 1904 г.? Ибо здѣсь были привходящія условія, именно уходъ профессоровъ.

Лутугинъ. 31 Марта студенты были впущены въ Институтъ, а до этого вопросъ этотъ обсуждали въ Совѣтѣ?

Асьевъ. Да. 31 Марта Совѣтъ заслушалъ заявленія инспектора и студентовъ. Вслѣдствіе чего онъ, инспекторъ, своею властію прекратилъ на этотъ день экзамены.

Лутугинъ. Обсуждалось ли возбужденное состояніе студентовъ на совѣщаніи у Министра?

Асьевъ. Да.

Лутугинъ. Какія же мѣры умиротворенія имѣлись въ виду?

Асњевъ. Одна—это время.

Лутугинъ. И потому на 2-е Апрѣля назначенъ экзаменъ?

Асњевъ. Не поэтому. Экзаменъ былъ назначенъ на 2-е Апрѣля раньше.

Лутугинъ. Но какими же мѣрами предполагалось успокоить студентовъ, чтобы избѣжать обструкціи?

Асњевъ. Я глубоко былъ убѣжденъ, что обструкціи не будетъ

Лутугинъ. На основаніи какихъ данныхъ были уволены и исключены студенты послѣ 2-го Апрѣля?

Асњевъ. Инспекція представила списки. Сначала хотѣли примѣнить общую кару, не входя въ разсмотрѣніе мотивовъ инспекціи: кто больше виноватъ и кто меньше. Кара эта была исключеніе— потомъ рѣшили ее по возможности смягчить.

Лутугинъ. Интересовался ли Совѣтъ способами, какими собирала инспекція эти свѣдѣнія?

Асњевъ. Сыскомъ Совѣтъ никогда не занимался: онъ и при Васъ всегда отъ того уклонялся.

Лутугинъ. Значитъ вы, исключая: „навсегда“, вѣрили на слово инспекціи?

Асњевъ. Вы говорите—навсегда?

Лутугинъ. Я говорю это изъ уваженія къ постановленію Совѣта!

Асњевъ. Вы знаете, что говоритъ статистика: раньше было 70% не остававшихся, 20%—разъ остававшихся и 10%—два раза остававшихся. Въ 1904 г. совсѣмъ иное: неостававшихся—4%; нѣкоторые оставались по 5 разъ. Значитъ, увольняли и снова принимали. Такъ, что и студенты едва ли сомнѣвались, что это временно.

Лутугинъ. Такъ что Стомоняковъ возвращенъ и принятъ обратно?

Асњевъ. Къ сожалѣнію возвращеніе Стомонякова отъ Совѣта не зависитъ.

Лутугинъ. А были ли разговоры въ Совѣтѣ о высылкѣ? Какъ Совѣтъ отнесся къ этому? А какъ Совѣтъ узналъ о вмѣшательствѣ посторонняго вѣдомства, какъ онъ отнесся къ этому и что онъ сдѣлалъ?

Асњевъ. Если бы Вы были въ совѣщаніи Совѣта, то Вы видѣли бы то возбужденное состояніе, въ которомъ находились члены Совѣта. 2-го извѣстное постановленіе, а 5-го—скопище передъ Институтомъ и опять былъ Совѣтъ.

Лутугинъ. А какъ Совѣтъ отнесся къ высылкѣ уволенныхъ лицъ? Вѣдь Совѣтъ зналъ, что они высланы?

Асѣевъ. 5 апрѣля они не были высланы.

Лутугинъ. Зачѣмъ 5-го, вѣдь Совѣтъ могъ собраться и 10-го?

Асѣевъ. Въ какомъ смыслѣ Вашъ вопросъ? Мы тутъ то при чемъ?

Лутугинъ. Ваше наказаніе осложнилось высылкой. Интересовался ли Совѣтъ судьбой уволенныхъ?

Асѣевъ. Интересовался. Они были удалены временно, какъ мѣшавшіе экзаменамъ, потомъ они были допущены къ экзаменамъ.

Лутугинъ. А что касается административно высланныхъ, Совѣтъ не поднималъ о нихъ вопроса?

Асѣевъ. Объ административно высланныхъ Совѣтъ сужденія не имѣлъ.

Леонтьевъ. А если бы и поднималъ, что бы могъ сдѣлать?

Асѣевъ. Ничего.

Леонтьевъ. Могъ бы Совѣтъ вернуть?

Асѣевъ. Нѣтъ.

Бауманъ. Но въ 1901 г. также были высланы студенты. Совѣтъ за нихъ ходатайствовалъ и за поручительствомъ моимъ и Долбни вернули 25 чел.

Асѣевъ. Но вѣдь осенью?

Бауманъ. Да.

Асѣевъ. И въ этомъ году осенью ихъ вернули.

Лутугинъ. 2-го апрѣля Совѣтъ находился въ такомъ возбужденномъ состояніи, что не давалъ себѣ отчета...

Асѣевъ. Я этого не говорилъ.

Лутугинъ. Могъ ли тогда Совѣтъ взять на себя нравственную отвѣтственность за свои рѣшенія?

Асѣевъ. Весной мы имѣли большую нравственную отвѣтственность передъ желавшими держать экзамены.

Долбня. Я желалъ бы знать: еще при Лагузенѣ, когда г. Лебедевъ былъ инспекторомъ,—вообще съ 99 года до послѣдняго времени удавалось ли вамъ ладить съ начальствомъ?

Асѣевъ. Да, безусловно.

Долбня. Удавалось ли Лебедеву, который былъ инспекторомъ съ 1901 года и директору Лагузену ладить со студентами?

Асѣевъ. Въ особенности Лагузену удавалось.

Долбня. Но вѣдь студенческія учрежденія существовали и при нихъ, тѣмъ не менѣе они могли ладить?

Асѣевъ. Совершенно вѣрно.

Долбня. А начальство умѣло ли ладить со студентами?

Астьевъ. Ладило.

Долбня. По поводу инцидента Лебедева состоялось совѣщаніе 9 членовъ Совѣта; Васъ на немъ не было; но Вы непремѣнно знали о немъ. Какую цѣль преслѣдовали мы? И какова была моя роль въ этомъ совѣщаніи—примирительная или возбудительная?

Астьевъ. Я не знаю Вашей цѣли. Говорили же Вы о примиреніи и о «соглашеніи». Но вы не отрицаете того, что говорили.

Долбня. Я заявляю суду, что я говорилъ—въ подлинныхъ выраженіяхъ: «особенно важно изъ за пустяковъ не возбуждать инцидента, дабы высшее начальство не подумало, что дисциплина въ Институтѣ расшатана и нуждается въ твердой поддержкѣ». Какъ видите,—цѣль опредѣленная и ничего угрожающаго и оскорбительнаго даже для новаго начальства тутъ не было. Вы были встревожены этимъ моимъ заявленіемъ? Что же Васъ поразило: неправильность моихъ дѣйствій, какъ таковыхъ?

Астьевъ. Меня поразило совпаденіе Вашихъ словъ на сходкѣ съ заявленіемъ у Шредера одного студента, говорившаго о существованіи слуховъ, что Коноваловъ назначается противъ желанія Совѣта.

Долбня. Такъ Васъ взволновали мятежныя рѣчи, колебавшія авторитетъ начальства?

Астьевъ. Нѣтъ,—совпаденіе дѣйствій; не колебаніе авторитета, а мира въ Институтѣ.

Долбня. Еще одинъ вопросъ. Вы не знали о цѣли нашего совѣщанія съ Коноваловымъ, когда мы 15 марта внесли записку, но вѣроятно поняли, что это была послѣдняя попытка съ нашей стороны достигнуть примиренія?

Астьевъ. Послѣднія попытки были послѣ. Я не знаю, каковы были намѣренія, но впечатлѣніе было: вынудить извиненіе со стороны Директора.

Долбня. Съ какой же цѣлью «вынудить»?—для умиротворенія?

Астьевъ. Съ цѣлью примиренія. Сразу было такъ, послѣ приняло иной характеръ.

Долбня. Чѣмъ же былъ вызванъ, по Вашему мнѣнію, нашъ уходъ? Не тѣмъ ли, что Коноваловъ осудилъ нашу группу, а Совѣтъ сталъ на его сторону?

Астьевъ. Совѣтъ тогда сталъ на сторону Коновалова, когда Липинъ сдѣлалъ свое заявленіе, что никакого «постановленія»*) не было.

Долбня. Итакъ, Совѣтъ сталъ на сторону Коновалова, когда узналъ о некорректности нашего заявленія въ Лебедевскомъ инцидентѣ? Но разобралъ ли онъ, въ чемъ эта некорректность?

Асѣевъ. Въ томъ, что Вы отъ имени Совѣта дѣлали заявленія.

Долбня. Но вѣдь было 9 членовъ Совѣта на томъ совѣщаніи. (Бауманъ перечисляетъ имена).

Но мы стояли-ли за сохраненіе традицій или введеніе новшествъ?

Асѣевъ. А заявленіе о подписи, вывѣшенное въ буфетѣ, было новое или старое. Позвольте, объявленіе Лебедева было лишь подтвержденіе о томъ, что всѣ объявленія должны быть за печатью инспекціи.

Долбня. Каково бы то ни было, наша цѣль—миръ и сохраненіе традицій.

Асѣевъ. Этими словами Вы охарактеризовали всю Вашу группу; Совѣтъ шелъ навстрѣчу студентамъ, т. е. подчинялся. Когда же Совѣтъ идетъ противъ...

Предсѣдатель. Вашъ допросъ имѣетъ полемическій характеръ.

Печковскій. Суть ускользаетъ отъ суда, ибо мы не знаемъ самыхъ фактовъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

Лутугинъ. Вы говорите, совѣщаніе 15 марта кончилось печально. Долбня сдѣлалъ свое заявленіе о намѣреніи идти на сходку. Не помните ли, что онъ прибавилъ: «не позволите ли г. Д—ръ, передать отъ вашего имени извиненіе сходкѣ? Вѣдь сходка можетъ кончиться забастовкой.

Асѣевъ. Сказалъ: «я одинъ пойду», можетъ быть что еще что либо говорилъ—не помню.

Каминка. Объ этой гарантіи, которую давали профессора безъ согласія Совѣта, Вы знали до совѣщанія или нѣтъ?

Асѣевъ. Объ этомъ я говорилъ раньше: было совѣщаніе и предложеніе его было рѣзко отвергнуто, вопросъ считали исчерпаннымъ.

Каминка. Принимались ли мѣры разъяснить студентамъ ихъ заблужденія?

Асѣевъ. Это было бы столь яркое недовѣріе къ членамъ Совѣта, послѣ котораго они не могли бы оставаться въ Совѣтѣ. Разъясненіе было нравственною обязанностью этихъ профессоровъ.

Каминка. Значитъ въ Совѣтѣ вопросъ объ этомъ не поднимался? Совѣтъ не интересовался этимъ?

Асѣевъ. Совѣтъ полагалъ, что разъясненіе сдѣлано и инцидентъ исчерпанъ. Существованіе заблужденія среди студентовъ не предполагалъ, контролировать же поступки своихъ сочленовъ Совѣтъ не могъ.

Каминка. Такъ что разъясненіе этого случая въ Совѣтѣ 15-го марта было для Васъ неожиданно? Вы полагали, что студенты знаютъ, что это недоразумѣніе?

Асѣевъ. Да.

Каминка. Въ Совѣтѣ это заявленіе о гарантіи не было принято?

Асѣевъ. Этотъ инцидентъ былъ послѣ.

Каминка. Это было неожиданностью?

Асѣевъ. Это еще въ ноябрѣ профессорамъ было поручено разъяснить. 15 марта это было неожиданностью.

Бауманъ. О какомъ засѣданіи Совѣта Вы упоминали, говоря, что мы должны были разъяснить студентамъ недоразумѣнія?

Асѣевъ. То, гдѣ произошелъ инцидентъ между Шредеромъ и Долбней. Этотъ Совѣтъ былъ и дѣло считалось законченнымъ.

Бауманъ. Вы говорите, что мы настаивали, чтобы Совѣтъ внесъ гарантіи въ протоколъ. Неужели Вы этого не понимали, что мы этого требовать не могли.

Предсѣдатель. Это не вопросъ.

Зерновъ. Но это важно.

Бауманъ. Если намъ было дано порученіе, неужели же мы бы его не исполнили?

Предсѣдатель. Теперь идетъ допросъ свидѣтелей; личные взгляды выяснятся потомъ.

Зерновъ. Когда возникъ вопросъ о неприкосновенности учрежденій?

Асѣевъ. Съ 1901 года. Сначала въ коммиссіи Мушкетова, потомъ возбуждался постоянно.

Зерновъ. Когда было совѣщаніе созванное Лебедевымъ?

Асѣевъ. Въ ноябрѣ 1903 года.

Зерновъ. По какому поводу было это совѣщаніе?

Асѣевъ. По поводу объявленія инспектора, подтверждавшаго старое правило: чтобы все вывѣшивалось со штемпелемъ инспекціи.

Зерновъ. Было ли на этомъ совѣщаніи большинство Совѣта?

Асѣевъ. На этомъ совѣщаніи я не былъ и подробности сообщить не могу.

Зерновъ. А когда было засѣданіе Совѣта, отвергшее предложеніе совѣщанія о гарантіи, и по какому поводу?

Асѣевъ. Вскорѣ послѣ совѣщанія. Подробностей не помню. Отъ студентовъ было три заявленія, но о чемъ, не помню.

Зерновъ. На этомъ Совѣтѣ предсѣдательствовалъ Коноваловъ или это было до него?

Асѣевъ. До Коновалова; предсѣдательствовалъ Лебедевъ, примѣрно 7 декабря.

Зерновъ. По этому поводу въ журналѣ Совѣта что либо записано?

Асѣевъ. Не было записано. Совѣтъ отказалъ и предложилъ дѣло ликвидировать.

Зерновъ. Но опредѣленнаго указанія ликвидировать не было дано?

Асѣевъ. Совѣтъ даже и не могъ гарантировать автономность студенческихъ учрежденій.

Зерновъ. Но можетъ быть было рѣшено сохранить?

Асѣевъ. Совѣтъ считалъ, что все какъ было остается по старому, но 15 марта обнаружилось, что студенты не знали о сохраненіи status quo и утверждали: что гарантія неприкосновенности имъ дана отъ Совѣта.

Зерновъ. Что же заявленіе 15 марта произвело на Васъ впечатлѣніе, что тѣ профессора не выполнили своего нравственнаго долга, не сдѣлавъ соотвѣтствующаго разъясненія?

Асѣевъ. Да, что не разъяснили первоначально.

Люстихъ. Я такъ понялъ: что прямого указанія не было, но было впечатлѣніе, что они поняли?

Асѣевъ. Разъ Совѣтъ опротестовалъ, то на ихъ обязанности, по моему мнѣнію, лежало ликвидировать то, что они начали.

Люстихъ. Но точно формулировано имъ это не было?

Асѣевъ. Нѣтъ.

Люстихъ. А почему же они должны были это сдѣлать?

Асѣевъ. Не помню, было ли заявлено, но такой разговоръ былъ въ Совѣтѣ: кто началъ, тотъ и окончить долженъ.

Зерновъ. Лебедевъ однако сказалъ, что студентамъ заявлено было: отъ 9 до 3 часовъ объявленія висѣть могутъ. Дѣйствительно такъ было?

Асѣевъ. Не могу Вамъ сказать точно. Знаю, что дѣло возникло изъ-за неприкосновенности.

Зерновъ. Но важно, что было дано извѣстное толкованіе?

Асѣевъ. Студенты говорили о неприкосновенности до 4-хъ часовъ. Если бы объявленія висѣли только до трехъ часовъ, а то вѣдь эта неприкосновенность буфета, гдѣ висѣла всевозможная литература, была крайне не безопасна для отвѣтственнаго лица, какимъ былъ директоръ

Зерновъ. Но вѣдь тогда рѣчь шла не о неприкосновенности, гарантіи не вообще, а по поводу объявленій?

Асѣевъ. Но вопросъ такимъ образомъ сводился бы на неприкосновенность до 4-хъ часовъ, а Коноваловъ былъ послѣ 4-хъ.

Зерновъ. Но въ концѣ концовъ недоразумѣніе окончательно все

же не выяснилось? Было ли ясно, что было гарантировано и что нѣтъ?

Асьевъ. Все осталось по прежнему. Послѣ Совѣта передъ декабремъ вопросъ считался совершенно исчерпаннымъ и былъ даже забытъ.

Зерновъ. Но профессоръ Лебедевъ согласился, чтобы были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія. Стало быть Лебедевъ толковалъ это нѣсколько иначе. Совѣтъ не пытался разъяснить всего этого недоразумѣнія?

Асьевъ. На Совѣтѣ этотъ вопросъ былъ настолько покончень, что возобновленіе его было для меня сюрпризомъ.

Каминка. Для Васъ явилось сюрпризомъ, что постановленіе Совѣта было не пополнено?

Асьевъ. Когда Ив. Петр. поднялъ этотъ вопросъ, воцарилось, неловкое молчаніе.

Долбня. Почему же неловкое? Я не видѣлъ тутъ никакой неловкости.

Асьевъ. Можетъ быть потому, что считали Долбню обязаннымъ то сдѣлать. Вопросъ свелся къ нравственной отвѣтственности.

Алексѣевъ. Заявленіе свое Лебедевъ сдѣлалъ какъ инспекторъ или онъ имѣлъ тутъ двоякую роль: какъ инспектора и какъ члена совѣта.

Асьевъ. Я не совсѣмъ понимаю вопросъ.

Алексѣевъ. Свое заявленіе Лебедевъ сдѣлалъ, какъ инспекторъ?

Асьевъ. Думаю, какъ инспекторъ. Но на начало засѣданія я опоздалъ, и въ какой формѣ было сдѣлано Лебедевымъ заявленіе,— не знаю.

Гапѣевъ. Какъ Совѣтъ извѣщалъ студентовъ о своемъ рѣшеніи объ увольненіи и исключеніи?

Асьевъ. Это было дѣломъ администраціи.

Гапѣевъ. Директора или инспектора?

Асьевъ. Кого считать администраціей,—это не обсуждалось.

Гапѣевъ. Отъ кого студенты получали увѣдомленіе объ исключеніи?

Асьевъ. Это, думаю, лучше спросить у студентовъ.

Гапѣевъ. Вы говорили, что ушедшіе профессора имѣли вліяніе на студентовъ. Чѣмъ объясняете Вы, что оставшіеся профессора не имѣли вліянія и довѣрія?

Асьевъ. Объ этомъ лучше спросить у самихъ студентовъ. Недовѣріе проявлялось одной только партіей.

Гапѣевъ. О какихъ анонимныхъ угрозахъ Вы упоминали?

Асѣевъ. Я самъ таковые получалъ.

Гапѣевъ. Отъ кого и когда?

Асѣевъ. Могу сказать; напр.: за подписью 15 илотовъ или зилотовъ.

Гапѣевъ. А какого содержанія?

Асѣевъ. Не помню; я и читать-то не сталъ бы, да получилъ безъ марки—надо было заплатить.

Гапѣевъ. Остальные профессора тоже получали анонимныя письма?

Асѣевъ. О другихъ не знаю.

Гапѣевъ. А что это за уличная драка, о которой Вы говорили?

Асѣевъ. Къ сожалѣнію, основываюсь на слухахъ. Одинъ изъ такъ называемыхъ «свобододѣйствующихъ» встрѣтилъ трехъ «свободомыслящихъ», его оскорбили браннымъ словомъ, на что онъ отвѣтилъ дѣйствіемъ. Пострадали, кажется, трое.

Гапѣевъ. Вы говорили о временномъ исключеніи. Чѣмъ объясняете Вы, что нѣкоторые студенты уѣхали кончать заграницу (Педашенко и др.), а нѣкоторые начали свое образованіе снова?

Асѣевъ. Можетъ быть они дѣйствительно хотѣли изучать науку.

Гапѣевъ. Стало быть Вы признаете, что у насъ науку «дѣйствительно» изучать было нельзя?

Асѣевъ. За послѣднее время, да.

Гапѣевъ. Такъ подтверждаете ли Вы Ваши слова, записанныя мною буквально: «лица уволенныя, лица исключенныя осенью были допущены къ экзаменамъ?»

Асѣевъ. Это надо взять списокъ студентовъ.

Гапѣевъ. А былъ ли хоть одинъ изъ «исключенныхъ» допущенъ до экзаменовъ?

Асѣевъ. (Затрудняется отвѣтить). Да вотъ, кажется, Гусарскій. (Нѣсколько человѣкъ возражаютъ, что Гусарскій уволенъ, а не исключенъ). Точно не знаю, можетъ быть нѣтъ, въ этомъ случаѣ я взялъ бы свои слова обратно.

Гапѣевъ. Но вы это утверждали.

Асѣевъ. Слово «исключенные» беру обратно, и я говоря «исключенные», имѣлъ въ виду уволенныхъ.

Нацваловъ. Я вотъ не держалъ экзаменовъ, а меня уволили.

Асѣевъ. Вы использовали всѣ сроки, и были уволены.

Нацваловъ. А Вы о причинахъ не спрашивали?

Асѣевъ. Нѣтъ, Совѣтъ не имѣетъ возможности дѣлать это.

Панфиловъ. Вы опредѣлили характеръ «группы» профессоровъ. Не припомните ли Вашего мнѣнія, выраженнаго въ разговорѣ *) на Большомъ проспектѣ среди группы студентовъ: «мы чиновники, стало быть должны производить экзамены».

Асѣевъ. Вы это дословно записали?

Панфиловъ. Да, дословно. Тогда вы говорили еще о сочувственной телеграммѣ Японскому Микадо.

Асѣевъ. Вы меня обвиняете, что я говорилъ о посылкѣ телеграммы?

Панфиловъ. Вы повторяли, между прочимъ, о «группѣ» профессоровъ чьи-то слова, что «они изолгались, что они уже много лѣтъ лгутъ».

Предсѣдатель. (Прерывая). Прошу не забывать, что г. Асѣевъ передъ Вами не въ качествѣ ни обвиняемаго, ни стороны; потому прошу оставить пререканія.

Асѣевъ. По этому поводу есть постановленіе Совѣта, гдѣ профессора не считаютъ для себя позорнымъ исполненіе служебныхъ обязанностей.

Долбня. Гдѣ и какія постановленія?

Мефферть. Вы сказали, что студентамъ и профессорамъ разсылались анонимныя угрозы. Приводили свой случай. Можете ли указать еще хоть на одинъ подобный примѣръ?

Асѣевъ. Я уже говорилъ, что не знаю, но слышалъ.

Мефферть. Вы сказали еще, что борьба велась ушедшими профессорами въ Совѣтѣ и внѣ Совѣта. Въ чемъ и гдѣ?

Асѣевъ. Въ чемъ заключалась, не знаю. Относительно «внѣ Совѣта» не говорилъ.

Люстихъ подтверждаетъ по своимъ замѣткамъ, что во 1-хъ, ушедшіе профессора поддерживали свое мнѣніе связью со студентами и во 2-хъ, что въ прежнее время Совѣтъ исполнялъ волю студентовъ.

Асѣевъ. Совѣтъ былъ всегда вынужденъ идти навстрѣчу студентамъ.

Васютинскій. Были ли Вы 31 марта въ институтѣ на экзаменахъ?

Асѣевъ. Въ институтѣ не былъ. Встрѣтилъ уже студентовъ на улицѣ.

Васютинскій. Какъ они были настроены?

Асѣевъ. При встрѣчѣ бесѣдовалъ съ Педашенко и другимъ студентомъ. Они были очень возбуждены. Заявили: «а экзамены все-

таки не состоялись». У другихъ студентовъ особеннаго возбужденія не замѣтилъ.

Рейнвальдъ. Вы говорили о совѣщаніи профессоровъ и послѣдующемъ заявленіи ихъ на сходкѣ объ «единеніи» противъ новаго начальства. Назовите сходку, на которой Ив Петр. Долбня предлагалъ сплотиться.

Асѣевъ. Должно быть, я говорилъ про ноябрьскую.

Рейнвальдъ. Вы это утверждаете?

Асѣевъ. Я заявлялъ, что на совѣщаніи я не былъ.

Рейнвальдъ. Но подтверждаете—«на сходкѣ»?

Асѣевъ. Не знаю, на сходкѣ ли.

Гессенъ. Вы говорили, именно, о сходкѣ.

Асѣевъ. Я говорилъ о совѣщаніи и съ чужихъ словъ.

Рейнвальдъ. Значитъ, это—оговорка?

Асѣевъ. Ну скажемъ—оговорка.

Рейнвальдъ. Вы надѣялись, что послѣ заявленія профессоровъ послѣдуетъ примиреніе?

Асѣевъ. Да, думалъ.

Рейнвальдъ. Не думаете ли Вы, что оскорбленіе депутатовъ сходки истинная причина конфликта?

Асѣевъ. Не одинъ этотъ фактъ; но фактъ съ депутатами вызвалъ обостреніе.

Рейнвальдъ. Но въ чемъ же центръ обостренія?

Асѣевъ. Не въ этомъ ли? Тогда Вы предыдущіе уничтожаете. Обостреніе имѣетъ своей причиной цѣлый рядъ фактовъ. Первопричина—Лебедевскій инцидентъ.

Зерновъ. Указаніе на первопричину имѣло бы смыслъ, если бы была логическая связь, но вѣдь здѣсь, въ дальнѣйшемъ ходѣ событій, первопричина устранилась отсутствіемъ связи.

Асѣевъ. Я думаю, что это дѣло, тянувшееся слишкомъ два съ половиной мѣсяца, имѣло достаточно поводовъ къ обостренію, средостѣніе, рѣзкая резолюція съ одной стороны, вспышка гнѣва съ другой и пр.

Зерновъ. Быть можетъ другой поводъ и былъ *первопричиной* Коноваловъ, *средостѣніе?*

Асѣевъ. Почему Коноваловъ первопричина? Развѣ потому, что между Коноваловымъ и студентами были стычки?

Зерновъ. Какъ Вы смотрите: вызванъ ли конфликтъ грубымъ поступкомъ Коновалова или первопричиной?

Асѣевъ заявляетъ о своемъ утомленіи и проситъ прекратить вопросы.

Предсѣдатель. (Приглашаетъ проф. Митинскаго дать показаніе). Вамъ извѣстенъ предметъ разбирательства, а потому разскажите пожалуйста все, что Вамъ извѣстно по этому дѣлу.

Митинскій. Если разсказывать все по порядку, то нужно 4 вечера. Здѣсь говорилось по поводу инцидента съ Лебедевымъ; объ немъ я и разскажу и своемъ, для меня печальномъ, столкновеніи со студентами. Георгій Глѣбовичъ Лебедевъ, человѣкъ мягкій, хорошо къ студентамъ настроенный, но и у него со ст-тами бывали стычки. Въ ноябрѣ 903 г. я былъ приглашенъ имъ на совѣщаніе. Когда я пришелъ, у него уже сидѣли Шредеръ, Курнаковъ и др., вопросъ уже обсуждался. Суть въ томъ, что къ Лебедеву явились со сходки два депутата по поводу вывѣшеннаго Инспекторомъ объявленія. Они требовали снять его, а «не то заставятъ его подать въ отставку». Такая рѣзкость, къ такому человѣку, на насъ подѣйствовала удручающе. Долбня и Лутугинъ предложили, что они пойдутъ на сходку, вызовутъ и приведутъ депутатовъ на совѣщаніе Мы сидѣли въ профессорской курилкѣ, гдѣ обыкновенно засѣдалъ Совѣтъ. Это обстоятельство можетъ быть и дало поводъ считать наше Совѣщаніе Совѣтомъ. Явились депутаты. Разговоры и переговоры съ ними взялъ на себя Долбня. Никакихъ инструкцій и полномочій на это отъ насъ онъ не получалъ, но былъ послѣ Георгія Глѣбовича самый старшій и повелъ рѣчь. Говорилъ о необходимости примириться, чтобы вмѣстѣ встрѣтить новое начальство, что время теперь не такое. Разбились на части, отдѣльные профессора говорили со с-тами, что никто обижать ихъ не хочетъ. Ст-ты-депутаты отрицали заявленіе объ отставкѣ, о чемъ говорилъ намъ Лебедевъ. Относительно достовѣрности этого—я склоненъ скорѣе вѣрить Лебедеву, а не ст-тамъ, ибо ст-ты очень часто вынесутъ резолюцію, а потомъ и сами не знаютъ, что они вынесли. Было рѣшено: пусть ст-ты вывѣшиваютъ какія угодно объявленія, но только до 4 часовъ, послѣ 4-хъ—Инспекція могла ихъ снимать.

Вскорѣ состоялся Совѣтъ по текущимъ очереднымъ дѣламъ. На немъ группа ушедшихъ профессоровъ предложила пригласить въ засѣданіе ст-въ для совмѣстнаго обсужденія вопроса объ ихъ учрежденіяхъ. Это было отвергнуто, тк. кк. Совѣтъ не имѣлъ на это права, да и по мнѣнію нѣкоторыхъ—неудобно, но было высказано, что Г.г. профессора могутъ имѣть частныя совѣщанія со ст-тами, но это не будетъ Совѣтомъ. Послѣ Совѣта состоялось ча-

стное совѣщаніе трехъ профессоровъ со ст-тами. Что было на этомъ совѣщаніи, не знаю, тк. кк. самъ на немъ не былъ, но знаю со словъ Курнакова, что нормъ на немъ никакихъ не давали, а главнымъ образомъ ругали Коновалова. Вскорѣ начались волненія. Я, какъ членъ хозяйственнаго комитета, ходилъ вмѣстѣ съ директоромъ и другими членами по помѣщеніямъ И-та въ виду предполагавшихся перестроекъ. Подошли къ буфету послѣ 5 часовъ. Дверь оказалась запертой. Въ общемъ, инцидентъ съ Бебелемъ правильнѣе изложенъ въ I-й части письма г. Бокія. Въ бывшемъ вскорѣ послѣ этого совѣщаніи хозяйственнаго комитета я, придя къ Коновалову, засталъ у него проф. Долбню и Богдановича, уговаривавшихъ Коновалова извиниться передъ ст-тами. Пришли два депутата, передъ ними Коноваловъ извинился. Затѣмъ шли переговоры, часа полтора—два съ половиной, о формѣ извиненія Коновалова передъ сходкой. Много было говорено, но окончательная формула извиненія для меня осталась неопредѣленной. Свидѣтелемъ этого разговора былъ пр. Никитинъ. На совѣщаніи 15 марта, когда зашелъ вопросъ о гарантіяхъ, выяснилась увѣренность ст-въ въ томъ, что гарантіи якобы даны имъ Совѣтомъ. Я лично этихъ гарантій не давалъ, но тѣмъ не менѣе я, какъ участвовавшій въ Совѣщаніи и рѣчи Долбни не опротестовавшій, подписалъ извиненіе профессоровъ, съ которыми впослѣдствіи отправились на сходку. На сходкѣ двое ст-въ мнѣ свистнули и раздались возгласы: «вонъ, Митинскій». Уже раньше было у меня обостреніе со ст-тами, распускали обо мнѣ каррикатуры, кот. всѣ были мнѣ извѣстны. Со сходки я ушелъ крайне взволнованный, потомъ со мной была истерика. Въ тотъ же день я подалъ въ отставку. На другой день ко мнѣ явился Бауманъ и уговаривалъ: «во время безпорядковъ ни одинъ профессоръ не имѣетъ нравственнаго права покидать свой постъ, въ такое тревожное время это было бы нечестно». Приходили и ст-ты съ сочувствіемъ, съ адресомъ. Я остался. На Совѣтѣ 15 марта ушедшими профессорами была предложена къ прочтенію записка. Въ виду того, что она не была обозначена на повѣсткѣ, Коноваловъ отвергъ. Начались препирательства: читать или не читать. Пошли на компромиссъ: рѣшили читать, прицѣпивъ ее къ 1-му вопросу повѣстки—о началѣ экзаменовъ. (Это, конечно, была просто чиновничья придирка). Начали читать; мы были поражены ея содержаніемъ: записка была внесена безъ предварительнаго обсужденія съ остальными членами Совѣта; за время моего пребыванія въ Совѣтѣ для меня это было впервые. Послѣ длинныхъ разговоровъ открытой баллотировкой было рѣшено, что обсуж-

дать сейчасъ не удобно, надо одуматься. Ушедшіе профессора подчеркнули намъ серьезность этой записки, сказавъ, что отъ нея зависитъ ихъ дальнѣйшія отношенія къ Совѣту и Ин-ту. Сначала мы хотѣли отложить обсужденіе этой записки до другого дня, но послѣ этого заявленія рѣшили разсмотрѣть ее сейчасъ же, но въ частномъ засѣданіи послѣ закрытія Совѣта, и прочли ее, не смотря на поздній часъ. Въ этомъ совѣщаніи Коноваловъ сдѣлалъ замѣчаніе Лутугину; послѣдній всталъ, поклонился членамъ Совѣта и вышелъ; за нимъ поднялись другіе и, не кланяясь, тоже вышли. Мы остались съ разведенными руками. Положеніе неопредѣленное. 20-го утромъ я шелъ въ Канцелярію получать жалованье, встрѣтилъ Долбню, возвращающагося оттуда. Разговорились. Спрашиваю: «что будетъ дальше?» Онъ отвѣтилъ: Министръ или уволитъ 6 профессоровъ, или сократитъ Коновалова. Коноваловъ послѣ говорилъ, что имѣлъ разговоръ съ тремя изъ ушедшихъ профессоровъ и убѣждалъ ихъ остаться. Н. А. Іосса также дѣлалъ подобныя попытки; Курнаковъ — тоже. 24-го состоялся первый Совѣтъ: на немъ намъ было заявлено, что 6 проф. не соглашаются ни на какія уступки и что Мин-ръ принялъ ихъ отставку. Что же намъ оставалось дѣлать—то, что мы и сдѣлали: мы подписали журналъ Совѣта, выражавшій глубокое сожалѣніе по поводу ухода нашихъ сотоварищей. Передъ нами всталъ вопросъ, что дѣлать дальше. Мнѣ и тогда, какъ и теперь, было сомнительно: за что же высказалось большинство Ин-та, за забастовку или за продолженіе занятій--вопросъ оставался не ясенъ. Въ виду тревожности времени рѣшили произвести опросъ. Эта мѣра такъ блистательно провалилась въ 1902 году, что... мы рѣшили ее снова попробовать; — она провалилась и на этотъ разъ. Рѣшили впускать въ Ин-тъ по билетамъ, общей сходки не давать, а попробовать курсовыя совѣщанія. 31 марта былъ созванъ 5 курсъ; часть пожелала держать экзамены; часть—нѣтъ. 1 апрѣля насъ призвалъ Мин-ръ. На совѣщаніи у него меня поразило то, что Мин-ру, гораздо лучше всѣхъ насъ, было извѣстно о совѣщаніяхъ въ Ин-тѣ. Началъ онъ съ того, что сдѣлалъ строгій выговоръ Коцовскому за отмѣну экзамена, вопреки желанію нѣкоторыхъ ст-въ. М-ръ высказался категорически за экзамены. Обструкціи я совершенно не ожидалъ, но 2 апрѣля эта печальная обструкція произошла. 2 же апрѣля былъ грустный Совѣтъ: всѣ были разстроены, съ тремя членами сдѣлалось дурно. Разсматривались списки, составленные ин-ціей. Объясненія по поводу этихъ списковъ давалъ Коноваловъ, при чемъ говорилъ, что каждый изъ ст-въ, занесенный въ этотъ списокъ, замѣченъ по крайней

мѣрѣ двумя или тримя лицами изъ служащихъ Ин-та. Слухъ объ участіи ст-въ въ составленіи этихъ списковъ совершенно нелѣпъ. Обструкція производилась, по донесенію Коцовскаго и рапорту смотрителя дома, 70—80 ст-тами; въ списокъ же попало 33; кромѣ того записанныя фамиліи и безъ того повторялись раза три въ годъ въ Совѣтѣ при тѣхъ же обстоятельствахъ, такъ что были прекрасно извѣстны. Одинъ ст-тъ говорилъ мнѣ, что видѣлъ Бальди въ толпѣ обструкціонистовъ съ записочкой въ рукахъ. 5 апрѣля былъ вечеромъ Совѣтъ. Разсматривался дополнительный списокъ (доложенный помощникомъ инспектора) студентовъ, принимавшихъ участіе въ дракѣ передъ Ин-томъ. Рѣшено подвергнуть ихъ легчайшей карѣ: уволить ихъ на одинъ годъ, но въ то же время всѣ были убѣждены, что осенью они всѣ будутъ приняты, какъ и прежде, обратно. До обструкціи никто уволенъ не былъ. Ко времени моего экзамена уже всѣ входили безъ билетовъ. Послѣ экзаменовъ уволили еще 20 человѣкъ, такъ какъ они не приступили къ экзаменамъ, не подали прошенія объ оставленіи на второй годъ и вообще не проявили никакихъ признаковъ жизни, а у насъ было два примѣра, что два ст-та подали въ Совѣтъ заявленія, что не желаютъ имѣть ничего общаго съ Ин-томъ; Совѣтъ рѣшилъ, что, можетъ быть, и эти тоже не желаютъ,—и уволилъ ихъ. Осенью 18 изъ нихъ приняты обратно, и держали экзамены.

Гессенъ. Я вижу нѣкоторое разногласіи между показаніями вашими и проф. Асѣева· было ли дано обѣщаніе о гарантіи неприкосновенности 6 ноября?

Митинскій. Слова «неприкосновенности» я не помню. Я разсказываю, что помню.

Гессенъ. Что это было за обѣщаніе неприкосновенности. кот. теперь инкриминируется?

Митинскій. Я не знаю, когда у ст-въ возникла увѣренность о гарантіяхъ.

Гессенъ. Но все таки вы сочли себя нравственно обязаннымъ пойти на сходку.

Митинскій. Когда я узналъ, что ст-ты такъ поняли, тогда я счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ присоединиться къ другимъ, чтобы заявить студентамъ о ихъ заблужденіи.

Гессенъ. Когда Вы это дѣлали, думали ли, что дѣло идетъ о томъ совѣщаніи, на которомъ Вы присутствовали? Вѣдь послѣ него былъ Совѣтъ, на которомъ предложеніе совѣщанія подвергалось критикѣ и было поручено уяснить это студентамъ, это поразило профессора Асѣева?

Митинскій. Я не знаю, былъ ли пораженъ профессоръ Асѣевъ, но вопросъ о приглашеніи студентовъ былъ предложенъ главой группы ушедшихъ —Долбней, но это было въ Совѣтѣ отвергнуто и въ журналъ этотъ вопросъ не заносился.

Гессенъ. Совѣтъ отвергъ приглашеніе студентовъ въ Совѣтъ?

Митинскій. Отвергъ, отвергъ.

Гессенъ. Но это предложеніе опротестовано не было?

Митинскій. Отчасти было опротестовано Ив. Фед. Шредеромъ. Протесты были, но баллотировки не было, ибо вопросъ о нравственномъ долгѣ голосованію не подлежитъ и въ журналъ не заносится.

Гессенъ. Вы говорите, что Шредеръ опротестовалъ, но вѣдь это не единично?

Митинскій. И я на этомъ совѣщаніи заявлялъ свой протестъ. Общее впечатлѣніе для меня было такое: Совѣтъ отвергъ и неприкосновенность учрежденій и приглашеніе студентовъ въ Совѣтъ.

Гессенъ. О неприкосновенности въ Совѣтѣ не было разговора?

Митинскій. Я не помню. Кажется разговора о неприкосновенности не было.

Гессенъ. Итакъ Совѣтомъ опротестовано не было?

Митинскій. Во всякомъ случаѣ Совѣтъ этого не утвердилъ, но опротестовано это достаточно ярко не было. Я не знаю о второмъ частномъ совѣщаніи, не знаю, вырабатывало ли оно какія-нибудь гарантіи—сколько слышалъ,—нѣтъ.

Гессенъ. Такъ что постановленіе перваго совѣщанія опротестовано больше не было?

Митинскій. Большинствомъ оно не было опротестовано, но разговоръ, и достаточно яркій, Шредера съ Долбней былъ.

Гессенъ. 1-го было совѣщаніе у Министра. Категорическое заявленіе Министра имѣло какое-либо вліяніе?

Митинскій. На меня оно совершенно не повліяло.

Гессенъ. Не повліяло ли на другихъ?

Митинскій. Можетъ быть на кого нибудь и повліяло соотвѣтственно характеру, но на меня нѣтъ, потому что столько было категорическихъ заявленій и большинство ихъ впослѣдствіи отмѣнялось.

Гессенъ. Изъ предыдущаго показанія я вынесъ, что ушедшіе профессора представляютъ партію, своей связью со студентами дѣйствовавшую на Совѣтъ. Было ли у Васъ такое впечатлѣніе, что это дѣйствительно партія, и въ чемъ заключалась ея солидарность?

Митинскій. Господство ихъ въ Совѣтѣ было безусловно--до послѣдняго времени: сплоченная партія 5—6 человѣкъ при дирек-

торѣ, вродѣ Лагузена, и при поддержкѣ студентовъ всегда будетъ имѣть господство. Оживленныя сношенія со студентами также не подлежатъ сомнѣнію. Еще во времена Ив. Вас. Мушкетова были сношенія со студентами. Сначала собирались сходки по вопросамъ общимъ, а теперь и по каждому поводу, изъ-за мелочей. Тутъ то и началось расколотіе студентовъ. Группа профессоровъ имѣла вліяніе и опиралась на опредѣленную, сплоченную группу студентовъ, стоявшихъ во главѣ студенческихъ учрежденій, а эта группа имѣла безусловное вліяніе на остальныхъ студентовъ.

Гессенъ. Что же было общаго у членовъ этой партіи? Что ихъ объединяло?

Митинскій. Ушедшіе профессора были объединены родственными науками и отношеніями. Естественно, что они были заодно.

Гессенъ. Какая же программа этой партіи? Въ чемъ была ея сила?

Митинскій. Сильна она была своей сплоченностью. Программы же писанной я не видѣлъ, печатанной не существуетъ; могу судить о ней только по поступкамъ. Реальные ея результаты—вся жизнь института за послѣдніе годы, со смерти Мушкетова до Коновалова.

Гессенъ. Вы, профессоръ, сказали, что ихъ дѣятельность—это жизнь института за послѣдніе годы, но по словамъ Асѣева—это сплошные безпорядки. Вѣдь это можетъ дать поводъ къ невѣрному толкованію Вашего замѣчанія?

Митинскій. Нѣтъ, вы меня не поняли. Подобное заявленіе было бы обвиненіемъ своихъ бывшихъ товарищей, я же только утверждаю, что благодаря ихъ Credo въ институтѣ часто совершались такіе поступки, какимъ бы не слѣдовало быть.

Гессенъ. Напримѣръ?

Митинскій. Совѣтъ сегодня постановляетъ одно, завтра это постановленіе отмѣняетъ.

Долбня. Напримѣръ?

Митинскій. Извольте: исторія съ курсомъ рудныхъ мѣсторожденій.

Гессенъ. Но въ чемъ же Credo этой партіи?

Митинскій. Credo объяснить я не могу, но общее правило ихъ было такое: при всѣхъ столкновеніяхъ со студентами какъ-нибудь замять дѣло, независимо отъ того положенія, въ которое они ставили профессоровъ; спокойствіе достигалось цѣною такихъ уступокъ, которыя наносили иногда явный ущербъ педагогической сторонѣ дѣла

Голосъ. Примѣры?

Митинскій. Извольте: 1) въ 99 году 5-й курсъ подавалъ неоконченные проекты, а на другихъ курсахъ ихъ совсѣмъ отмѣнили; 2) выпуски производились трижды въ годъ.

Гессенъ. По требованію студентовъ?

Митинскій. По постановленію Совѣта.

Гессенъ. Подъ вліяніемъ группы?

Митинскій. Да, ввиду преобладанія группы.

(Митинскій разъясняетъ Гессену вопросъ, неясный для послѣдняго, о двухъ студентахъ, отказавшихся отъ сношеній съ институтомъ).

Люстихъ. Вы говорите, что общей сходки не было?

Митинскій. Да. Совѣтъ не нашелъ возможнымъ дать общую сходку.

Люстихъ. Были назначены курсовыя совѣщанія? Какимъ образомъ приглашали студентовъ на нихъ?

Митинскій. Относительно всѣхъ курсовъ—не знаю. На 5-мъ курсѣ билеты разсылались всѣмъ студентамъ, не исключая даже недопущенныхъ къ экзаменамъ по малоуспѣшности,—напр.: Рейнвальду.

Печковскій. Когда по Вашему мнѣнію начался расколъ среди студентовъ?

Митинскій. Расколъ начался съ 99 года. Отъ общаго движенія тогда отпали только единицы, но и тѣ потомъ примкнули. Въ 1902 году, картина иная: изъ 500 студентовъ пожелали держать 170. Послѣ заключительной сходки, на порталѣ ин-та въ присутствіи двухъ лицъ—кухарки и еще кого-то—были сожжены временныя правила Ванновскаго. Это было замѣчено соотвѣтствующимъ лицемъ и ин-тъ былъ закрытъ. Мнѣ извѣстно, что И. П. Долбня предложилъ тогда мѣру: разослать опросные листки съ тремя вопросами: 1) были ли на сходкѣ? 2) за или противъ забастовки подавали голосъ? 3) участвовали-ли въ демонстративномъ сожженіи? Эта мѣра провалилась. Тогда рѣшили вызывать отдѣльныхъ ст-овъ, что бы узнать мысли каждаго. Кончилось это совсѣмъ анекдотически. Кто-то прислалъ директору эпитрахиль: «исповѣдывать, такъ исповѣдывать уже по чину». Послѣ оказалось, что желающихъ держать экзамены около 170 человѣкъ. Къ нимъ тогда никто изъ нежелавшихъ заниматься не присоединился, а въ 1904 году—совершенно иное: присоединилось весьма много и почти немедленно. Къ 20-му апрѣля выразили желаніе держать экзамены 63%, а къ концу экзаменовъ желающихъ было уже 0,9, поэтому мнѣ совер-

шенно неясенъ моментъ образованія т. н. «свобододѣйствующихъ»: какую же изъ этихъ двухъ группъ надо называть «св.-щими»?

Печковскій. Когда же были курсовыя совѣщанія—до обструкціи?

Митинскій. 5-го курса—до обструкціи.

Люстихъ. Были ли курсовыя совѣщанія на другихъ курсахъ?

Митинскій. О другихъ курсахъ я не знаю; объ этомъ Вамъ скажутъ другіе.

Печковскій. Вы говорили объ обструкціи; не можете ли Вы разсказать намъ по-подробнѣе?

Митинскій. Самъ при ней не присутствовалъ. Я былъ въ механ. лабораторіи, сообщающейся внутреннимъ ходомъ съ инспекціей. Слышалъ страшный шумъ. Ко мнѣ пришелъ инспекторъ въ полуобморочномъ состояніи—мнѣ пришлось отпаивать его водой. Подробности шагъ за шагомъ изложены въ рапортахъ смотрителя дома и инспектора. До меня же донеслась только страшная вонь, принесли златоустовскую палку съ топорикомъ. Въ рапортѣ разсказывается о томъ, что избили сторожа, разбрасывали банки съ хлоромъ и азотной кислотой, ругали профессоровъ и насильно заставили прекратить экзамены.

Зерновъ. Совѣщаніе 15 марта произвело на Васъ впечатлѣніе, что профессора совершили нравственно неправильный поступокъ?

Митинскій. Какъ Вамъ сказать? Пожалуй,—да.

Зерновъ. На этомъ совѣщаніи было для Васъ ясно, что они уйдутъ?

Митинскій. Нѣтъ, не было ясно. Вообще то была тяжелая атмосфера, какъ кошмаръ гнетущая.

Зерновъ. По Вашему мнѣнію, важное значеніе въ волненіи студентовъ имѣло именно это «постановленіе»?

Митинскій. Если бы я не считалъ это важнымъ, я бы не пошелъ на сходку.

Зерновъ. Такъ что это основное недоразумѣніе Вы и считаете причиной волненій?

Митинскій. У каждаго явленія—не одна причина, а цѣлый рядъ переплетающихся причинъ, а это играло довольно значительную роль.

Зерновъ. Повидимому все цѣплялось тутъ другъ за друга. Скажите, Совѣтъ не разсматривалъ вопроса во всей его совокупности?

Митинскій. Событія шли слишкомъ быстро. 15—инцидентъ, 16—закрытіе ин-та, 18—Совѣтъ и выходъ профессоровъ въ отставку—ничего нельзя было выяснить.

Зерновъ. Почему вышло разногласіе между студентами? Не было ли какихъ мѣръ для умиротворенія?

Митинскій. Постановленіе ст-овъ было рѣзко.

Зерновъ. Совѣтъ не считалъ нужнымъ обсудить выхода въ отставку профессоровъ?

Митинскій. Вопросъ о выходѣ разсматривался—и было высказано глубокое сожалѣніе.

Зерновъ. А вполнѣ не разсматривали? Постановленіе Совѣта о возвращеніи профессоровъ было?

Митинскій. Частные разговоры были, постановленія Совѣта не было. Члены Совѣта дѣлали все, что было возможно.

Зерновъ. Вы указывали, что педагогическое дѣло было разстроено, ставили это въ связь съ дѣятельностью ушедшихъ профессоровъ. Сдѣланы ли были Коноваловымъ какія либо улучшенія?

Митинскій. Были. Педагогическіе вопросы стали приводиться въ замѣтный порядокъ.

Зерновъ. А со стороны ушедшихъ профессоровъ были ли какія-либо противодѣйствія тому?

Митинскій. Не было.

Долбня. Я желалъ бы выяснить одну подробность. Вы остановились на волненіяхъ 1902 года и упоминали, что опросные листки были предложены мною. Было ли это моею личною иниціативой, или подъ давленіемъ министра, желавшаго во что бы то ни стало розыскать виновныхъ?

Митинскій. У меня тогда было 41 градусъ, я лежалъ въ тифѣ и въ Совѣтѣ тогда не бывалъ. Поэтому не знаю, по какимъ причинамъ Вы предлагали свои *мѣры.*

Долбня. Послѣ совѣщанія по поводу Лебедевскаго инцидента, Вы встрѣтили меня ѣдущимъ на извозчикѣ и выразили удовольствіе по поводу благополучнаго исчерпанія инцидента.

Митинскій. Нѣтъ, Ив. Петр., я этого не помню.

Долбня. Не согласитесь ли Вы съ тѣмъ, что разница между Совѣтомъ и совѣщаніемъ только въ томъ, что въ Совѣтѣ всѣ вопросы запротоколиваются, а на совѣщаніяхъ этого нѣтъ?

Митинскій. Нѣтъ, Ив. Петр., разница не та. Разница между Совѣтомъ и совѣщаніемъ въ томъ, что Совѣтъ собирается для рѣшенія опредѣленныхъ вопросовъ, увѣдомляются всѣ члены Совѣта, такъ что и присутствовать могутъ всѣ, на совѣщаніе же, собираются тѣ, кто случайно оказался дома, кого можно было увѣдомить въ полчаса, и по вопросамъ неопредѣленнымъ.

Долбня. Послѣ прискорбнаго инцидента я прислалъ Вамъ письмо съ приглашеніемъ на совѣщаніе ко мнѣ вечеромъ. Не припомните?

Митинскій. Да. Вы прислали мнѣ письмо *просто* съ приглашеніемъ придти къ Вамъ вечеромъ, но я былъ нервно разстроенъ и не пошелъ.

Долбня. Не припомните ли Вы, что при той встрѣчѣ, когда 20 Вы шли за жалованьемъ (а я, подразумѣвается, получилъ его), присутствовалъ и профессоръ Асѣевъ?

Митинскій. Да, Асѣевъ подошелъ въ срединѣ разговора.

Долбня. Не припомните ли, что при этой встрѣчѣ Вы мнѣ выразили свое глубокое уваженіе по поводу моей отставки?

Митинскій. Я Вамъ выразилъ свое сожалѣніе.

Долбня. Нѣтъ, Вы выразили «глубокое уваженіе».

Митинскій. Я вамъ выразилъ сожалѣніе, но можетъ быть, я говорилъ и объ уваженіи, такъ какъ я Васъ уважаю, Ив. Петр., но только не по этому поводу.

Долбня. Вы изволили упомянуть о постановленіи Совѣта, выражавшемъ сожалѣніе по поводу нашего ухода. Я о немъ узналъ здѣсь въ первый разъ.

Голосъ. Объ этомъ писалось въ газетахъ.

Митинскій. Можетъ быть, но Вы могли его узнать раньше.

Долбня. Но директоръ офиціально насъ не увѣдомлялъ?

Митинскій. Да, директоръ не увѣдомлялъ.

Бауманъ. А съ какихъ поръ наша группа проявляла себя?

Митинскій. Я вашу группу засталъ въ совѣтѣ съ момента своего поступленія.

Бауманъ. А какова была дѣятельность Ваша въ 1899 году?

Митинскій. У меня было столкновеніе съ Вами относительно проектовъ—я отказался тогда ихъ просматривать.

Бауманъ. Вы сказали, что въ 1902 году многіе изъ желавшихъ были не допущены, ради неоконченныхъ работъ, а что же весной 1904 года—вы обрадовались и всѣхъ допустили?

Митинскій. (Къ председателю). Мнѣ кажется, что мы здѣсь собрались не для разсмотрѣнія своихъ чувствъ—кто обрадовался и кто огорчился, а для того, чтобы устанавливать реальные факты.

Председатель. Совершенно вѣрно.

Митинскій. (Къ Бауману). Что касается допущенія къ экзаменамъ въ 1904 году, то этотъ вопросъ рѣшался на Совѣтѣ 15 февр., т.-е. при полномъ еще составѣ Совѣта, и протоколъ его былъ тогда подписанъ и Вами, Вл. Ив.

Бауманъ. Какъ, и мной? Я этого не помню.

Митинскій. Да, и вами:—я могу это доказать, представивъ суду протоколъ Совѣта.

Допросъ за позднимъ временемъ прерывается. Предсѣдатель закрываетъ засѣданіе, назначаетъ слѣдующее на 24 февраля.

Протоколъ

6-го засѣданія третейскаго суда чести отъ 24-го февраля 1905 г.

Отсутствовали: профессоръ Зерновъ, повѣренные: Гартунгъ и Каминка.

Предсѣдатель. Прошу стороны ограничивать количество вопросовъ и не отвлекаться отъ главной задачи суда, ибо въ противномъ случаѣ дѣлу грозитъ разростись и запутаться до такой степени, что правильное по немъ рѣшеніе явится невозможнымъ.

Бауманъ. Вслѣдствіе того, что свидѣтели-профессора, давая свои показанія о событіяхъ 1904 г., придаютъ фактамъ одно освѣщеніе, а я въ своихъ показаніяхъ даю тѣмъ же фактамъ другое освѣщеніе, то я просилъ бы судъ дать мнѣ возможность давать мои показанія при свидѣтеляхъ-профессорахъ для лучшаго выясненія дѣла.

Предсѣдатель. Вы можете просить профессоровъ остаться послѣ дачи ихъ показаній. За отсутствіемъ профессора Митинскаго, судъ проситъ дать свои показанія профессора Шредера.

Шредеръ. Мнѣ кажется, что завязку эпизода съ портретомъ Бебеля и послѣдовавшаго затѣмъ въ Горномъ Институтѣ такъ называемаго Коноваловскаго конфликта и выдѣленія группы „свобододѣйствующихъ“ надо искать въ инцидентѣ съ Г. Г. Лебедевымъ.

Разъ въ 4 ч. дня прибѣгаетъ ко мнѣ сторожъ и заявляетъ, что Г. Г. Лебедевъ проситъ меня въ профессорскую; когда я туда пришелъ, то тамъ были уже нѣкоторые изъ моихъ коллегъ. На мой вопросъ Лебедевъ разсказалъ, что пом. инспектора Бальди снялъ или повѣсилъ (хорошенько не помню) какое то объявленіе въ буфетѣ и въ отвѣтъ на это появилось объявленіе, угрожающее Бальди скандаломъ. Г. Г. Лебедевъ вывѣсилъ объявленіе въ защиту своего помощника, въ которомъ напоминалъ студентамъ, что никакія объявленія не могутъ быть вывѣшиваемы въ стѣнахъ института безъ штемпеля инспекціи. Студенты потребовали отъ Г. Г., чтобы онъ снялъ свое объявленіе, угрожая въ противномъ случаѣ скандаломъ, могущимъ повлечь

его — Лебедева — отставку. Г. Г., заслуженный профессоръ, инспекторъ и человѣкъ никогда и никому ничего дурного не сдѣлавшій — и вдругъ ему группа студентовъ угрожаетъ скандаломъ; отсюда ясно, что эта группа студентовъ большого уваженія къ Совѣту не имѣла. Я высказалъ тогда мнѣніе, что дѣло настолько серьезно, что для его обсужденія нужно засѣданіе Совѣта. Ив. Пет. Долбня сказалъ, что этотъ инцидентъ надо какъ-нибудь уладить и пошелъ на бывшую тогда сходку; съ нимъ пошелъ кажется Леонидъ Иван. Лутугинъ; (проф. Бауманъ „я ходилъ") вернувшись Ив. Пет. сказалъ: что сейчасъ придутъ депутаты; я помню Русинъ-Яньковскаго, Рейнвальда и Бокія. Ив. Петр. началъ свою рѣчь такъ: „Господа, какъ не стыдно, такого хорошаго человѣка, какъ Г. Г. и т. д., развѣ мы собираемся что либо упорядочивать...." Яньковскій отвѣчаетъ въ томъ же тонѣ. Затѣмъ пошли толки о томъ, что при директорѣ Лагузенѣ студенты имѣли право вывѣшивать до 3—4 часовъ какія угодно объявленія, а послѣ этого времени должны были ихъ снимать. Долбня въ концѣ-концовъ сказалъ, что „въ виду назначенія новаго директора противъ желанія Совѣта, студентамъ необходимо съ Совѣтомъ сговориться". На слѣдующей недѣлѣ я узналъ отъ студентовъ-же, что предстоящее засѣданіе Совѣта будетъ очень интереснымъ, такъ какъ на немъ будутъ присутствовать депутаты отъ студентовъ. Я этому не повѣрилъ и пошелъ къ Г. Г. Лебедеву узнать, дѣйствительно ли проектируются такое засѣданіе Совѣта; онъ подтвердилъ. На повѣсткѣ, разсылаемой членамъ Совѣта, дѣйствительно первымъ вопросомъ было постановлено обсужденіе вмѣстѣ съ депутатами студенческой записки. Я заявилъ, что этого дѣлать нельзя, это неправильно: такой серьезный вопросъ, какъ допущеніе въ Совѣтъ студенческихъ депутатовъ, долженъ быть предварительно разсмотрѣнъ въ Совѣтѣ in corpore, и настоялъ, чтобы депутаты не были допущены; Лебедевъ тоже со мной согласился. Тогда Ив. Пет. Долбня на Совѣтѣ ходатайствовалъ о совѣщаніи профессоровъ со студентами, но я воспротивился, ибо всякое совѣщаніе профессоровъ со студентами, послѣ сказанной раньше фразы,— „что студентамъ нужно сговориться съ профессорами, такъ какъ въ институтъ хотятъ назначить директора вопреки желанію Совѣта"—находилъ-просто неприличнымъ. Долбня, однако, попытался это совѣщаніе устроить, но оно потерпѣло неудачу: пошло на совѣщаніе, кажется, только трое членовъ Совѣта (весь же составъ 13 человѣкъ). Затѣмъ къ тому, что уже объ исторіи съ портретомъ Бебеля говорилось, я могу добавить, что ко мнѣ являлись студенты

Панфиловъ и Гусарскій и приносили резолюціи первой сходки приблизительно такого содержанія, что студенты порицаютъ поступокъ директора и предлагаютъ не повторять подобныхъ поступковъ подъ угрозой рѣзкаго конфликта. Затѣмъ вторая резолюція, уже послѣ изгнанія депутатовъ, гласящая, что студенты согласны принять извиненіе директора, если имъ не будутъ впредь нарушаемы, якобы уже дарованныя студентамъ Совѣтомъ гарантіи неприкосновенности студенческихъ учрежденій. И, наконецъ, третья резолюція о томъ, что студенты не считаютъ профессора Коновалова членомъ Совѣта. Такъ какъ на совѣщаніи, бывшемъ по приглашенію Г. Г. Лебедева, на моихъ глазахъ студентамъ никакихъ гарантій дано не было, то они были, слѣдовательно даны либо гдѣ то въ другомъ мѣстѣ, либо есть плодъ фантазіи студентовъ. Далѣе, когда 15 марта на совѣщаніи профессоровъ Ив. Пет. выразилъ готовность пойти на сходку и разъяснить студентамъ происшедшее недоразумѣніе, я получилъ уже послѣ совѣщанія приглашеніе принять участіе въ такомъ разъясненіи, такъ какъ я присутствовалъ при бесѣдѣ съ депутатами. На квартирѣ г. Лутугина, куда я пришелъ, я засталъ гг. профессоровъ, которымъ и заявилъ, что источникомъ недоразумѣнія считаю Ив. Пет. и ему одному и надо, по моему мнѣнію, идти на сходку, а не другимъ. Мнѣ сказали, что Ив. Пет. въ сосѣдней комнатѣ, я сказалъ: „тѣмъ лучше—пусть слышитъ мои слова". Тотъ-часъ же Ив. Пет. вышелъ съ четвертушкой бумаги, на которой было написано, что профессора выразили сожалѣніе, что по поводу ихъ частныхъ заявленій, студенты были введены въ заблужденіе и нынѣ принимаютъ на себя отвѣтственность за всѣ могущія произойти послѣдствія. Эту резолюцію подписалъ Долбня и передавалъ всѣмъ. Листокъ дошелъ до меня, но я, конечно, не счелъ себя въ правѣ подписывать. Затѣмъ можетъ быть интересна фраза, о ней упоминалъ профессоръ Коноваловъ,—фраза, явившаяся толчкомъ, послѣ которой и была сказана рѣзкость по адресу г. Лутугина. Она была сказана на совѣщаніи въ 2 часа ночи. Разговоръ тянулся долго, все время объ одномъ и томъ же: настойчиво требовали, чтобы директоръ первый извинился передъ студентами. Объ извиненіяхъ студентовъ рѣчи не было. Въ то же время профессоръ Асѣевъ заявлялъ, что одно лицо—студенты и другое лицо—директоръ введены въ заблужденіе третьимъ лицомъ. Я не понимаю совершенно, почему извиненіе должно быть первымъ со стороны директора? На это Лутугинъ замѣтилъ, что съ одной стороны разгоряченная толпа, а съ другой директоръ, потому ему

первому и слѣдуетъ извиниться. У меня же невольно на это вырвалась фраза: „итакъ, по вашему мнѣнію, директоръ долженъ извиниться передъ толпой“. Далѣе въ совѣщаніяхъ я участія не принималъ и 15-го и 18-го марта я ничего не говорилъ на Совѣтѣ. Вотъ все, что я могу сказать по поводу этой исторіи.

Люстихъ. Вы были на сходкѣ 15-го марта? Не знаете ли, какую резолюцію читалъ тогда Долбня на ней?

Шредеръ. Не былъ, не знаю.

Люстихъ. Ту ли, которую вы не подписали, или другую?

Шредеръ. Вѣроятно ту же.

Лесгафтъ. Вы связываете то, что было раньше съ тѣмъ, что было при Коноваловѣ. А чѣмъ была вызвана рѣзкость Коновалова?

Шредеръ. Дерзкая резолюція студентовъ вызвала такой отвѣтъ директора.

Лесгафтъ. А связь съ прежнимъ то какая же?

Шредеръ. Если бы студенты не были введены въ заблужденіе обѣщаніями гарантій неприкосновенности ихъ учрежденій, они бы не постановили дерзкой резолюціи.

Лесгафтъ. Стало быть Вы видите связь между поступкомъ Коновалова и гарантіями?

Шредеръ. Прямую, логическую связь: ему высказали порицаніе, а онъ въ отвѣтъ на дерзость и въ средствахъ самозащиты удалилъ ихъ. Вы можетъ быть истолкуете это иначе, но по моему—заблужденіе относительно гарантій вызвало рѣзкость студентовъ.

Долбня. Вы часто въ своихъ показаніяхъ ссылались на меня. Я съ своей стороны усматриваю въ вашихъ словахъ много фактически невѣрныхъ утвержденій. Во первыхъ—о совѣщаніи у Лебедева: согласитесь, я пришелъ послѣ всѣхъ и вашихъ словъ не слышалъ.

Шредеръ. Нѣтъ, слышали.

Долбня. Не слышалъ, но не хочу полемизировать, я здѣсь не препираться пришелъ.

Шредеръ. И я не съ тѣмъ пришелъ, чтобы препираться.

Долбня. Я категорически отрицаю, что я говорилъ при депутатахъ, что Коноваловъ назначается противъ воли Совѣта. Это a priori несправедливо, потому что у насъ Совѣтъ не выбираетъ директора: директоръ назначается.

Шредеръ. Нѣтъ, Вы это говорили — при Рейнвальдѣ, Яньковскомъ и Бокіѣ.

Долбня. Рейнвальдъ здѣсь, онъ можетъ быть подтвердитъ.

Рейнвальдъ и *Бокій*. Я не помню.

Шредеръ. А я помню.

Долбня. На пригласительной запискѣ могъ ли стоять пунктъ о томъ, что Совѣтъ будетъ совѣщаться со студентами? Это не могло стоять—это противозаконно.

Шредеръ. На повѣсткѣ не стояло, но упоминалось, что будутъ совѣщаться по поводу студенческой записки.

Долбня. Депутатовъ на Совѣтѣ не было?

Шредеръ. Этотъ вопросъ подымался, но депутатовъ не было.

Долбня. Не согласитесь ли удостовѣрить, что Министръ въ 1902 году настойчиво предлагалъ устроить въ Институтѣ студенческія организаціи по образцу временныхъ правилъ генерала Ванновскаго?—Какъ Совѣтъ отнесся къ этому, положительно или отрицательно?

Шредеръ. Да, онъ этого хотѣлъ, но Совѣтъ нашелъ, что въ правилахъ многое не соотвѣтствуетъ сложившемуся строю институтской жизни, что профессоровъ обязуютъ противъ желанія быть попечителями студентовъ.

Долбня. Я спрашиваю, какъ Совѣтъ отнесся?

Шредеръ. Совѣтъ отклонилъ, оставивъ за собою право разсмотрѣть въ будущемъ и высказаться по этому поводу.

Долбня. Возвращаюсь къ инциденту съ профессоромъ Лебедевымъ. Вы говорите, студенты грозили Лебедеву. Но студенческіе депутаты въ совѣщаніи отвергли всякую угрозу Лебедеву. Вѣдь Лебедевъ не возражалъ?

Шредеръ. Я этого не знаю. Говорю, что слышалъ отъ Лебедева.

Долбня. Но онъ не возражалъ депутатамъ, когда они отвергли угрозу?

Шредеръ. Г. Г. Лебедевъ представилъ весь инцидентъ въ Ваши руки. Если бы мнѣ студенты говорили такимъ тономъ, какъ Русинъ-Яньковскій говорилъ Г. Г-чу: «Да, мы, Г.Г., ничего... и т. д.», я бы счелъ себя еще болѣе оскорбленнымъ.

Долбня. Но почему же онъ не возразилъ?

Шредеръ. Г.Г. человѣкъ весьма добрый.

Бауманъ. Вы говорите, что въ декабрьскомъ засѣданіи не было дано гарантій, а что эти гарантіи были даны въ другомъ мѣстѣ.— Гдѣ же именно?

Шредеръ. Я сказалъ точно:—«одно изъ двухъ: либо эти гарантіи гдѣ то были даны студентамъ въ другомъ мѣстѣ, либо увѣрявшіе студенты говорили неправду».

Бауманъ. Такъ какъ же по вашему мнѣнію?

Шредеръ. Не знаю.

Лутугинъ. Вначалѣ Вы сказали, что рѣзко обособилась группа «свобододѣйствующихъ». Какъ Вы это узнали и въ чемъ это выражалось?

Шредеръ. Попытки обособиться были и раньше, но раньше они были ничтожны: разница въ количественномъ отношеніи— выпускъ въ 1902 году былъ въ три человѣка, а теперь въ 120 человѣкъ. Въ прежнее время, разъ сходка постановляетъ забастовку—экзаменовъ не было, а теперь были.

Лутугинъ. Какъ характеризуете Вы обособившихся студентовъ?

Шредеръ. Это лица, желающіе прежде всего исполнять то, зачѣмъ они пришли въ институтъ, т. е. изучать преподаваемыя науки.

Лутугинъ. И не желаютъ принимать участіе въ студенческой корпораціи?

Шредеръ. У насъ нѣтъ корпораціи. Есть полуутвержденныя учрежденія; сходка же—незаконна.

Лутугинъ. Они отказываются участвовать въ общественной жизни студентовъ?

Шредеръ. Если подъ общественной жизнью понимать обязанность бастовать или не бастовать по политическимъ поводамъ, то до занятія опредѣленнаго положенія они не считаютъ себя въ правѣ принимать въ этомъ участіе.

Лутугинъ. Это важно. Вы рѣзко высказываете ихъ credo.

Шредеръ. Я не высказываю ихъ credo, но только то, что всѣ студенты, желающіе заниматься, имѣютъ на это право; политикой же заниматься не обязаны.

Лутугинъ. Но имѣютъ право?

Шредеръ. Насиловать другихъ никто не имѣетъ права.

Лутугинъ. Такъ что Вы не допускаете, что у студентовъ могутъ быть общественныя задачи и общественная этика? Но съ какого возраста, съ какого положенія можно по вашему заниматься общественными вопросами?

Шредеръ. Я думаю, что всякій развитой человѣкъ долженъ заниматься общественнымъ дѣломъ, но отъ академической жизни до насилованія другихъ...

Предсѣдатель. Прошу прекратить подобные вопросы, какъ къ дѣлу не относящіеся.

Лутугинъ. Вы на Лебедевскомъ совѣщаніи не протестовали и

дали студенческимъ депутатамъ идти съ убѣжденіемъ, что и Вы солидарны съ остальными профессорами.

Шредеръ. Я не прерывалъ Ивана Петровича ввиду того, чтобы не возбуждать въ присутствіи студентовъ остраго разговора, считая это неудобнымъ. Находилъ болѣе умѣстнымъ сдѣлать это въ Совѣтѣ.

Лутугинъ. Считали ли законнымъ основной вопросъ нашей записки: * «совмѣстимы ли съ достоинствомъ высшихъ учебныхъ заведеній мѣры воздѣйствія на студентовъ, предпринятыя Коноваловымъ?

Шредеръ. Я считаю недостойнымъ для коллегіи профессоровъ профанировать Совѣтъ.

Предсѣдатель. Повторяю, что эти вопросы къ дѣлу не относятся.

Лутугинъ. Для меня это важно.

Предсѣдатель. Прошу говорить о фактахъ, не повторяя вопросовъ.

Грузенбергъ. Право быть увольняемыми и исключаемыми безъ допроса принадлежитъ ли студентамъ?

Шредеръ. Если не выполнятъ работъ, ихъ увольняютъ не допрашивая.

Грузенбергъ. Уволенныхъ и исключенныхъ по настоящему дѣлу спрашивали?

Шредеръ. Зачѣмъ же ихъ спрашивать?

Грузенбергъ. Спрашивали ихъ или нѣтъ?

Шредеръ. Совѣту нужно было избавиться отъ нихъ на время, ввиду предстоящихъ экзаменовъ.

Грузенбергъ. Исключали на время или навсегда?

Шредеръ. У насъ много исключали, но нѣтъ до сихъ поръ ни одного исключеннаго.

Грузенбергъ. На основаніи какихъ данныхъ увольняли?

Шредеръ. На основаніи свѣдѣній отъ инспекціи.

Грузенбергъ. Принимались показанія со стороны студентовъ?

Шредеръ. Нѣтъ, этого не было.

Грузенбергъ. Требовалось ли удостовѣреніе двухъ служащихъ для увольненія и трехъ—для исключенія?

Шредеръ. Это—не классификація. Тотъ, кто шелъ съ жезломъ впереди—„вылеталъ“ навсегда, кто сзади—на годъ.

Грузенбергъ. Это раздѣленіе на маршаловъ и рядовыхъ — не отвѣтъ. Спрашивали ли свидѣтелей?

Шредеръ. Я никого не допрашивалъ.

Грузенбергъ. Кто же давалъ показанія? педеля?

Шредеръ. У насъ ихъ нѣтъ.

Грузенбергъ. Кто же давалъ показанія?

Шредеръ. Я не знаю, обратитесь въ инспекцію.

Грузенбергъ. Я не студентъ, а повѣренный, а Вы свидѣтель. Поэтому прошу не учить, а отвѣтить на вопросъ.

Шредеръ. Въ Совѣтъ доложенъ былъ списокъ инспекціи.

Грузенбергъ. Какъ же онъ былъ провѣренъ?

Шредеръ. Списковъ инспекціи мы не провѣряемъ. Мы довѣряемъ инспектору: онъ членъ Совѣта и назначается почти тою же властью, что и директоръ.

Грузенбергъ. Итакъ, сообщеніе одного человѣка рѣшаетъ участь. Скажите еще, какимъ образомъ выдавались билеты?

Шредеръ. Обратитесь въ инспекцію.

Грузенбергъ. Благодарю васъ за любезность.

Леонтьевъ. Въ словахъ профессора Асѣева я вижу, что конфликтъ произошелъ между двумя сторонами: одна—студенты, другая—директоръ; вина же лежитъ на третьемъ лицѣ. Мнѣ не ясно, кто это третье лицо и въ чемъ заблужденіе?

Шредеръ. Заблужденіе—сознательное или безсознательное—о существованіи гарантій. Тѣ лица, которыя давали гарантіи—и ввели въ заблужденіе, они и есть «третье лицо». Я не знаю, положимъ, давали ли они гарантіи, но тогда зачѣмъ же было ходить на сходку? Я не считалъ недостойнымъ со стороны директора извиниться передъ студентами, это былъ бы даже достойный выходъ, если бы они извинились раньше за свою рѣзкую резолюцію.

Леонтьевъ. Вотъ меня теперь интересуетъ: Вы замѣтили, что проф. Долбня говорилъ о назначеніи Коновалова противъ желанія Совѣта?...

Шредеръ. Да, противъ желанія.

Леонтьевъ. Но не противъ воли Совѣта, какъ тамъ говорилось? (указываетъ на противоположную сторону?) А по существу, былъ ли Коноваловъ назначенъ противъ желанія Совѣта?

Шредеръ. Во всякомъ случаѣ на частномъ совѣщаніи — на квартирѣ у Ив. Петр., онъ былъ выставленъ наравнѣ съ другими кандидатами: намѣчены были Федоровъ, Лебедевъ и Коноваловъ. Если бы они не желали Коновалова, то категорически и сказали бы, что они его не желаютъ.

Леонтьевъ. Вы подтверждаете, что экзаменовалось всего 150 человѣкъ?

Шредеръ. Да, говорятъ.

Леонтьевъ. Вы экзаменовали? Не было ли какихъ послабленій для тѣхъ, кто сначала отказался, а потомъ держалъ?

Шредеръ. Могу сказать только про себя. Яньковскій сказалъ мнѣ, что ему очень пріятно, что у меня нѣтъ никакихъ послабленій.

Леонтьевъ. А Яньковскій принадлежитъ къ свободомыслящимъ?

Шредеръ. Кажется—къ свободомыслящимъ.

Грузенбергъ. А развѣ Яньковскій держалъ экзамены?

Шредеръ. Нѣтъ. Это онъ мнѣ говорилъ при свиданіи осенью.

Леонтьевъ. Онъ принадлежитъ къ уволеннымъ?

Шредеръ. Да, но онъ могъ бы, если бы захотѣлъ, вернуться назадъ.

Леонтьевъ. Но вѣдь изъ того, что онъ былъ доволенъ вашей строгостью, какъ будто выходитъ, что другіе дѣлали послабленія?

Шредеръ. Онъ вѣроятно говорилъ потому, что во время перипетій я занималъ такое положеніе, что отъ меня больше могли ожидать послабленій.

Алексѣевъ. Предпринимали ли Вы какія-нибудь попытки до 2-го апрѣля съ цѣлью уладить конфликтъ?

Шредеръ. Я наканунѣ дѣлалъ попытку: выражалъ свой взглядъ что мы заведены въ тупикъ, изъ котораго необходимо вылезти. Гг., надававшіе обѣщаній, поступали конечно очень неудобно, но они дѣлали это ради студентовъ; слѣдовательно, если даже они и погрѣшили, то нравственная обязанность студентовъ—просить профессоровъ взять ихъ прошенія объ отставкѣ обратно. Однако, мои слова были встрѣчены общимъ молчаніемъ студентовъ. Это меня поразило.

Алексѣевъ. Не говорили ли Вамъ профессора о возможности уладить конфликтъ своимъ выходомъ въ отставку и не говорилъ ли Вамъ проф. Долбня, что они, какъ послѣднюю мѣру проектируютъ выходъ въ отставку?

Шредеръ. Нѣтъ, 18-го марта была внесена ими въ Совѣтъ записка, при чемъ они рѣшили, что если бы этой записки не заслушали, то это лишило бы ихъ возможности присутствовать въ Совѣтѣ.

Алексѣевъ. Знакомы ли Вы со студенческой столовой?

Шредеръ. Очень мало. Столовая возникла по мысли бывшаго инспектора Лоранскаго; уставъ ея утвержденъ Министромъ на тѣхъ же основаніяхъ, что и уставъ столовой при Институтѣ Путей Сообщенія, т. е. за отвѣтственностью и надзоромъ инспектора. Въ столовую поступали крупныя именныя пожертвованія. Такъ Харьковскій съѣздъ горнопромышленниковъ жертвовалъ по 1000 руб. Но она открыта была не на тѣхъ основаніяхъ, какъ была разрѣ-

шена Министромъ. Студенты брали деньги подъ росписки, но ни одного печатнаго отчета не бывало опубликовано, что по моему необходимо. На такихъ условіяхъ она могла существовать до тѣхъ поръ, пока было лицо, готовое безропотно нести отвѣтственность.

Снятковъ. 31-го марта инспекторъ Коцовскій заявилъ студентамъ 5-го курса, что если экзамены пройдутъ безъ шероховатостей, то студентамъ будетъ гарантирована неприкосновенность. Былъ-ли объ этомъ вопросъ въ Совѣтѣ и получалъ ли Коцовскій полномочія?

Шредеръ. Нѣтъ, въ Совѣтѣ этого не возбуждалось.

Люстихъ. Но Вамъ—извѣстно ли, что Коцовскій говорилъ это?

Шредеръ. Нѣтъ не знаю.

Снятковъ. Не говорили ли вы, что конфликтъ явился крахомъ системы Мушкетова и его преемниковъ?

Шредеръ. Да.

Снятковъ. Не говорили ли вы, что забастовку устроили профессора Долбня и Лутугинъ?

Шредеръ. Ничего не имѣю противъ этого. Я считаю несомнѣннымъ, что тѣхъ профессоровъ, къ которымъ вы были близки, которые жертвовали собой для защиты вашихъ правъ — ихъ нельзя было оставить безъ поддержки.

Снятковъ. Кутыринъ говорилъ съ вашихъ словъ о разсылкѣ билетовъ. Бесѣдовали вы съ нимъ по этому поводу?

Шредеръ. Не помню.

Кутыринъ. О постоянныхъ и разовыхъ билетахъ мнѣ извѣстно было, какъ всякому студенту. Отъ профессора Шредера я узналъ о подачѣ 1-й группы 5-го курса 31-го числа, а отъ профессора Митинскаго то, что на 31 число былъ созванъ весь 5 курсъ для составленія группъ.

Снятковъ. Какъ составляли группы?

Шредеръ. 31-го образовались на 5-мъ курсѣ двѣ группы: одна— вотъ въ ней, кажется, былъ Панфиловъ—просила назначить имъ экзамены въ тотъ же день, что и другая, но имъ былъ назначенъ экзаменъ на слѣдующій день.

Снятковъ. Почему же это было сдѣлано? Сколько же всего экзаменовалось?

Шредеръ. Думаю, было человѣкъ 35.

Снятковъ. Но вѣдь было два экзамена, такъ что всѣхъ студентовъ могло быть 70 человѣкъ?

Шредеръ. Да 70, но было 35.

Снятковъ. Почему экзаменъ начался съ 8 часовъ?

Шредеръ. Этого не было—у меня онъ былъ въ 9 часовъ, а что можетъ быть нѣсколько студентовъ пришло въ инст-тъ нѣсколько раньше, то это вполнѣ понятно: благодаря стараніямъ нѣкоторыхъ изъ васъ, потомъ проходить было небезопасно.

Снятковъ. Не помните ли вы содержанія объявленія, сорваннаго Лебедевымъ?

Шредеръ. Не сорваннаго, а снятаго,—не помню.

Снятковъ. Не помните ли, что въ вывѣшенномъ затѣмъ объявленіи Лебедева говорилось объ исключеніи авторовъ подобныхъ объявленій изъ инст-та?

Шредеръ. Сомнѣваюсь. Судъ можетъ потребовать это объявленіе: подлинники хранятся въ инст-тѣ.

Гапѣевъ. Не подтвердитъ ли профессоръ первой резолюціи, доведенной до его свѣдѣнія Панфиловымъ?

Шредеръ. Первой? Я ихъ точно не помню.

Гапѣевъ. А не подтвердитъ ли профессоръ, если я прочту ее? (Читаетъ).*

Шредеръ. Кажется эта самая. Только она была, кажется, короче.

Гапѣевъ. А не читались ли вамъ и другія, составленныя послѣ? (Читаетъ). **

Шредеръ. Да, можетъ быть и эти: я что-то помню.

Гапѣевъ. Какими мѣрами предполагалось умиротворить студентовъ на совѣщаніи у Министра 1-го апрѣля?

Шредеръ. Не нахожу нужнымъ говорить о томъ, что предполагалось на совѣщаніи. Но, вообще, что вы подразумѣваете подъ мѣрами умиротворенія?

Гапѣевъ. Но, какимъ образомъ хотѣли умиротворить студентовъ?

Шредеръ. Просто предоставить студентамъ держать экзамены.

Гапѣевъ. Чѣмъ руководствовался Совѣтъ при исключеніи 11 человѣкъ? Были достаточныя данныя о каждомъ исключенномъ, напримѣръ обо мнѣ, Стомоняковѣ и др.?

Шредеръ. Это было давно. Можетъ быть Бальди записывалъ... Затѣмъ въ корридорѣ кричали: такой-то «мерзавецъ», такой-то «подлецъ».

Гапѣевъ. Бальди тогда не было.

Шредеръ. Ну, можетъ быть, Михаилъ Алексѣевичъ (Воронинъ).

Гапѣевъ. Это можетъ быть.

Шредеръ. Я былъ въ корридорѣ; былъ очень долго. Меня взялъ за руку Звѣревъ и увелъ, мотивируя, что студенты противъ меня накалены.

Ганьевъ. Имѣлъ ли Совѣтъ точныя данныя объ исключенныхъ?

Шредеръ. Вѣроятно имѣлъ.

Ганьевъ. А въ протоколы Совѣта было ли объ этомъ занесено?

Шредеръ. Въ протоколахъ записано лишь „кто“ и „сколько“.

Ганьевъ. А если бы пожелать узнать это, можетъ ли Совѣтъ удовлетворить?

Шредеръ. Вѣроятно.—Если захочетъ—можетъ.

Ганьевъ. Почему, напримѣръ, исключенъ Свитальскій,—онъ не былъ въ институтѣ?

Шредеръ. Я не знаю.

Ганьевъ. Вы говорите, что были исключены на время. Чѣмъ же объясняется различіе въ обратномъ пріемѣ?

Шредеръ. При пріемѣ, какъ и при исключеніи, должна соблюдаться извѣстная градація.

Ганьевъ. А теперь приняты всѣ?

Шредеръ. Уволенные въ мартѣ—приняты въ сентябрѣ. На Совѣтѣ 4-го февраля рѣшенъ вопросъ о пріемѣ всѣхъ уволенныхъ и исключенныхъ, кромѣ трехъ, о которыхъ подано особое мнѣніе.

Ганьевъ. Такъ что вопросъ былъ возбужденъ?

Шредеръ. Возбужденъ былъ.

Ганьевъ. Какъ же вы говорили, что «исключали многихъ, а исключенныхъ нѣтъ»?

Шредеръ. На моей памяти мы «вышибали» много публики, но она ворочалась.

Ганьевъ. Такъ что вопросъ объ обратномъ пріемѣ ихъ еще не рѣшенъ?

Шредеръ. Это вопросъ времени. Въ настоящее время Совѣтъ высказался за пріемъ всѣхъ, исключая Стомонякова, Ганѣева и еще кого-то другого.

Ганьевъ. Чѣмъ руководствовался Совѣтъ не принимая ихъ?

Курнаковъ. Это ошибка—въ принципѣ всѣ приняты.

Шредеръ. Я не уполномоченъ говорить о томъ.

Ганьевъ. Не можете ли сказать относительно меня?

Предсѣдатель. Это касается настоящаго времени и къ суду не относится.

Ганьевъ. Нѣтъ, это очень важно, такъ какъ быть можетъ свидѣтель возьметъ свои слова обратно.

Предсѣдатель. Нѣтъ, это не имѣетъ отношенія.

Бокій. Быстрое исключеніе по вашему должно было воспрепятствовать обструкціи?

Шредеръ. Да.

Бокій. Какимъ образомъ могло это быть,—вѣдь исключенные могли опять войти въ инст-тъ?

Шредеръ. Но вѣдь они не вошли?

Бокій. Но силою могли войти?

Шредеръ. Повторяю, они же не вошли.

Бокій. Высылки не было?

Шредеръ. Коноваловъ, какъ извѣстно, черезъ нѣсколько дней ходилъ къ Гапѣеву и засталъ тамъ Стомонякова, значитъ не высылали.

Бокій. Вы хотѣли себя оградить не исключеніями, а высылкой?

Шредеръ. Нѣтъ.

Рейнвальдъ. Итакъ вы ее отрицаете?

Шредеръ. Какъ члена Совѣта, меня это не касается.

Бокій. Вы говорите, что въ столовой отчетовъ не было; они лежали въ канцеляріи и вы могли бы ихъ тамъ видѣть.

Шредеръ. Я всегда говорилъ, что студенты должны давать печатный отчетъ—я ихъ не видалъ.

Бокій. Въ видѣ счетовъ поставщиковъ?

Шредеръ. Я знаю только, что суммы выдавались подъ росписку.

Рейнвальдъ. Вы сказали, что въ совѣщаніи, созванномъ Лебедевымъ, гарантій въ вашемъ присутствіи дано не было. Слѣдовательно студенты сами не поняли?

Шредеръ. Я ничего не знаю. Повторяю, что или гарантіи были даны кѣмъ-то другимъ, или студенты попытались продѣлать съ Коноваловымъ то же, что съ Лебедевымъ—сорвать эти гарантіи.

Рейнвальдъ. Вы говорите, что было 3 депутата въ совѣщаніи; я утверждаю, что ихъ было пять.

Шредеръ. Я помню только трехъ.

Рейнвальдъ. Вы сказали, что тонъ Яньковскаго оскорбилъ бы васъ?

Шредеръ. Да, оскорбилъ бы.

Рейнвальдъ. Не помните ли, что Яньковскій выразилъ сожалѣніе по поводу неправильно понятыхъ его словъ?

Шредеръ. Нѣтъ.

Рейнвальдъ. Упоминалъ ли проф. Долбня, что Лебедевъ былъ оскорбленъ?

Шредеръ. Да, упоминалъ.

Рейнвальдъ. Напоминаю слова Яньковскаго: „намъ очень грустно, Георгій Глѣбовичъ, что Вы насъ такъ поняли. Объ отставкѣ говорили только Вы; Вы сказали: я не мальчикъ, разъ я что-нибудь сдѣлалъ, то, конечно, предварительно обдумавъ, а потому снятіе объ-

явленія равносильно выходу моему въ отставку". Утверждаю, что они корректны.

Шредеръ. Я представляю себѣ, что Явьковскій можетъ быть говорилъ и корректныя вещи, но тономъ не корректнымъ.

Предсѣдатель. Свидѣтель сказалъ ясно: тонъ, а не содержаніе важно.

Шредеръ. Да, тонъ дѣлаетъ музыку.

Спасокукоцкій. Совѣтомъ исключались только участники обструкціи?

Шредеръ. Да, другихъ случаевъ не знаю.

Спасокукоцкій. А вамъ неизвѣстно, что нѣсколько студ-въ, совсѣмъ не участвовавшіе въ обструкціи, были исключены?

Шредеръ. Не знаю.

Спасокукоцкій. Проф. Коцовскій говорилъ, что были случаи грубыхъ ошибокъ?

Шредеръ. Ему лучше знать.

Грунвальдъ. Почему вы не выступили въ печати, хотя ваше имя часто упоминалось?

Шредеръ. Я не привыкъ къ газетнымъ дѣламъ, а то вѣдь и помоями обольютъ.

Нацваловъ. Въ разговорѣ съ нѣкоторыми студентами вы говорили о крахѣ системы, во главѣ которой стоялъ Мушкетовъ; говорили, что Коноваловъ воспользовался удобнымъ временемъ для проведенія своего плана. Вамъ возразили: «но вѣдь это подлость». Вы отвѣтили, что это остроумный пріемъ, къ которому прибѣгаютъ часто студенты на сходкахъ.

Шредеръ. Второй половины не помню. Что же касается педагогической системы, то она заключалась въ томъ, что «студентовъ умиротворяли», а умиротвореніе выражалось тѣмъ, что Совѣтъ дѣлался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ студентовъ. Эта система угожденія должна была кончиться крахомъ. Тѣ лица, которые проводили это, называли студентовъ «улицей, которая хочетъ прорваться въ Совѣтъ». Носитель этой системы — Ив. Петр. Долбня. (Долбня: благодарю! благодарю!) Относительно достоинствъ этой системы могу сказать словами И. П. Долбни, сказанными мнѣ въ откровенную минуту: «если вы меня спросите, что хорошо и что худо,— я скажу вамъ: идите къ попу. А если спросите, что умно и что глупо,—это я скажу»;—не было такого примѣра, чтобы человѣкъ не могъ указать нравственнаго долга.

Нацвалов. Слѣдовательно, говоря о крахѣ старой системы, вы знали, что есть новая и что кто-то ее вводитъ?

Шредеръ. Я считалъ бы истиннымъ счастьемъ, если бы нашелся человѣкъ, который положилъ бы конецъ старой системѣ, вывелъ бы инст-тъ изъ болота. Отъ старой системы страдали сами студ-ты.

Яковлевъ. Вы говорили, что забастовки — слѣдствіе старой системы. Но вѣдь забастовки въ инст-тѣ совпадали съ забастовками другихъ учебныхъ заведеній. Стало быть, онѣ вызывались внѣшними причинами?

Шредеръ. Явленіе забастовокъ — пріемъ политической борьбы...

Яковлевъ. Прошу короткаго отвѣта.

Шредеръ. Вы мнѣ задали вопросъ, какъ хотѣли; дайте же мнѣ отвѣтить, какъ мнѣ будетъ угодно.

Яковлевъ. — Отказываюсь отъ вопроса.

Грузенбергъ. Прошу занести въ протоколъ, что предсѣдатель воспретилъ гг. профессорамъ и моимъ довѣрителямъ студентамъ предлагать вопросы, касающіеся личности профессоровъ, и въ то же время позволилъ профессору Шредеру давать оскорбительные отзывы о Долбнѣ, что онъ занимался въ инст-тѣ политикой и не умѣлъ отличить добра отъ зла.

Предсѣдатель. Въ протоколъ, конечно, будетъ все занесено, а Ваше заявленіе судъ обсудитъ.

Нечаевъ. Скажите, Совѣтъ представлялъ корпорацію?

Шредеръ. Да.

Нечаевъ. Не высказывали ли лучшіе профессора своихъ взглядовъ на забастовку? Не высказывалась ли мысль о забастовкѣ профессоровъ?

Шредеръ. Не было. Съ натяжкой могъ бы считать попыткой забастовки угрозу ушедшихъ профессоровъ на совѣщаніи 18 марта, если не разсмотрятъ ихъ заявленія.

Нечаевъ. Не проявлялъ ли вообще Совѣтъ интереса къ общественной жизни? Имѣлось ли мнѣніе о забастовкѣ профессоровъ?

Шредеръ. Совѣтъ носился съ забастовками студентовъ.

Предсѣдатель. Прошу не задавать вопросовъ, не имѣющихъ ближайшей связи съ дѣломъ.

Леонтьевъ. Въ 1904 году были примѣнены опросные листки, какъ и въ 1902 году. Къ какимъ результатамъ они привели?

Шредеръ. Какъ говорилъ Митинскій, въ 1902 году эта мѣра дала плачевные результаты и кончилась эпитрахилью.

Леонтьевъ. Но на нее надѣялись?

Шредеръ. Тогда на нее надѣялся и провелъ ее И. П. Долбня. Онъ утверждалъ съ согласія организ. комитета, что студенты, сжигавшіе временныя правила, отвѣтятъ откровенно, назовутъ себя. Въ концѣ концовъ Совѣтъ оказался одураченнымъ.

Леонтьевъ. Думали, что сами себя назовутъ и ихъ накажутъ?.

Шредеръ. Да, думали.

Гапѣевъ. Вопросные листки разсылались въ 1902 году. Почему Совѣтъ и нынче разослалъ эти листки?

Шредеръ. Въ 1902 году было три вопроса. А теперь только спрашиваютъ желаетъ ли студентъ держать экзамены.

Бауманъ. Вслѣдствіе чего эти мѣры не удались въ 1902 г.?

Шредеръ. Виновные не пожелали выдать себя.

Бауманъ. Но почему же виновные не пожелали себя выдать Не припомните ли, что послѣ неудачи Совѣтъ призналъ свою мѣру неудавшейся потому, что 9 человѣкъ были арестованы.

Шредеръ. Это кажется пуфъ.

Бауманъ. Нѣтъ, не пуфъ.

Щредеръ. Но есть еще одинъ поводъ: когда пришелъ одинъ студентъ, то одинъ изъ членовъ Совѣта, здѣсь присутствующій, сказалъ ему: не отвѣчайте, ибо этимъ выдадите товарищей.

Судъ удаляется для совѣщанія.

Предсѣдатель. Судъ признаетъ заявленіе прис.-повѣр. Грузенберга не заслуживающимъ уваженія. Судъ не имѣетъ никакого основанія останавливать профес. Шредера, ибо профес. Долбня является стороною и соглашается признать компетенцію суда, а профес. Шредеръ только свидѣтель и не подлежитъ сужденію Суда. Судъ опять проситъ стороны сохранять возможно большую объективность въ своихъ вопросахъ и оставаться въ предѣлахъ того раскола, который возникъ между двумя партіями студентовъ, дабы процессъ не разростался. Заявленіе прис. повѣр. Грузенберга внесено въ протоколъ. Предлагаю проф. Митинскому продолжить свои показанія, прерванныя въ 5 засѣданіи.

Долбня. Вы уже отвѣтили, что І-го апрѣля Министръ сдѣлалъ Коцовскому строгій выговоръ, что онъ личной властью прекратилъ экзаменъ, хотя были желающіе. Подтверждаете ли Вы это?

Митинскій. Да.

Долбня. Не получалъ ли Министръ анонимныхъ писемъ, повидимому отъ студ—овъ, съ ясными намеками на то, что забастовки поддерживаются группой въ Совѣтѣ?

Митинскій. Относительно этого мнѣ извѣстно, что обо мнѣ были присланы пять писемъ.

Нацваловъ. Слѣдовательно, говоря о крахѣ старой системы, вы знали, что есть новая и что кто-то ее вводитъ?

Шредеръ. Я считалъ бы истиннымъ счастьемъ, если бы нашелся человѣкъ, который положилъ бы конецъ старой системѣ, вывелъ бы инст-тъ изъ болота. Отъ старой системы страдали сами студ-ты.

Яковлевъ. Вы говорили, что забастовки — слѣдствіе старой системы. Но вѣдь забастовки въ инст-тѣ совпадали съ забастовками другихъ учебныхъ заведеній. Стало быть, онѣ вызывались внѣшними причинами?

Шредеръ. Явленіе забастовокъ — пріемъ политической борьбы...

Яковлевъ. Прошу короткаго отвѣта.

Шредеръ. Вы мнѣ задали вопросъ, какъ хотѣли; дайте же мнѣ отвѣтить, какъ мнѣ будетъ угодно.

Яковлевъ. — Отказываюсь отъ вопроса.

Грузенбергъ. Прошу занести въ протоколъ, что предсѣдатель воспретилъ гг. профессорамъ и моимъ довѣрителямъ студентамъ предлагать вопросы, касающіеся личности профессоровъ, и въ то же время позволилъ профессору Шредеру давать оскорбительные отзывы о Долбнѣ, что онъ занимался въ инст-тѣ политикой и не умѣлъ отличить добра отъ зла.

Предсѣдатель. Въ протоколъ, конечно, будетъ все занесено, а Ваше заявленіе судъ обсудитъ.

Нечаевъ. Скажите, Совѣтъ представлялъ корпорацію?

Шредеръ. Да.

Нечаевъ. Не высказывали ли лучшіе профессора своихъ взглядовъ на забастовку? Не высказывалась ли мысль о забастовкѣ профессоровъ?

Шредеръ. Не было. Съ натяжкой могъ бы считать попыткой забастовки угрозу ушедшихъ профессоровъ на совѣщаніи 18 марта, если не разсмотрятъ ихъ заявленія.

Нечаевъ. Не проявлялъ ли вообще Совѣтъ интереса къ общественной жизни? Имѣлось ли мнѣніе о забастовкѣ профессоровъ?

Шредеръ. Совѣтъ носился съ забастовками студентовъ.

Предсѣдатель. Прошу не задавать вопросовъ, не имѣющихъ ближайшей связи съ дѣломъ.

Леонтьевъ. Въ 1904 году были примѣнены опросные листки, какъ и въ 1902 году. Къ какимъ результатамъ они привели?

Шредеръ. Какъ говорилъ Митинскій, въ 1902 году эта мѣра дала плачевные результаты и кончилась эпитрахилью.

Леонтьевъ. Но на нее надѣялись?

Шредеръ. Тогда на нее надѣялся и провелъ ее И. П. Долбня. Онъ утверждалъ съ согласія организ. комитета, что студенты, сжигавшіе временныя правила, отвѣтятъ откровенно, назовутъ себя. Въ концѣ концовъ Совѣтъ оказался одураченнымъ.

Леонтьевъ. Думали, что сами себя назовутъ и ихъ накажутъ?.

Шредеръ. Да, думали.

Гапѣевъ. Вопросные листки разсылались въ 1902 году. Почему Совѣтъ и нынче разослалъ эти листки?

Шредеръ. Въ 1902 году было три вопроса. А теперь только спрашиваютъ желаетъ ли студентъ держать экзамены.

Бауманъ. Вслѣдствіе чего эти мѣры не удались въ 1902 г.?

Шредеръ. Виновные не пожелали выдать себя.

Бауманъ. Но почему же виновные не пожелали себя выдать Не припомните ли, что послѣ неудачи Совѣтъ призналъ свою мѣру неудавшейся потому, что 9 человѣкъ были арестованы.

Шредеръ. Это кажется пуфъ.

Бауманъ. Нѣтъ, не пуфъ.

Шредеръ. Но есть еще одинъ поводъ: когда пришелъ одинъ студентъ, то одинъ изъ членовъ Совѣта, здѣсь присутствующій, сказалъ ему: не отвѣчайте, ибо этимъ выдадите товарищей.

Судъ удаляется для совѣщанія.

Предсѣдатель. Судъ признаетъ заявленіе прис.-повѣр. Грузенберга не заслуживающимъ уваженія. Судъ не имѣетъ никакого основанія останавливать профес. Шредера, ибо профес. Долбня является стороною и соглашается признать компетенцію суда, а профес. Шредеръ только свидѣтель и не подлежитъ сужденію Суда. Судъ опять проситъ стороны сохранять возможно большую объективность въ своихъ вопросахъ и оставаться въ предѣлахъ того раскола, который возникъ между двумя партіями студентовъ, дабы процессъ не разростался. Заявленіе прис. повѣр. Грузенберга внесено въ протоколъ. Предлагаю проф. Митинскому продолжить свои показанія, прерванныя въ 5 засѣданіи.

Долбня. Вы уже отвѣтили, что 1-го апрѣля Министръ сдѣлалъ Коцовскому строгій выговоръ, что онъ личной властью прекратилъ экзаменъ, хотя были желающіе. Подтверждаете ли Вы это?

Митинскій. Да.

Долбня. Не получалъ ли Министръ анонимныхъ писемъ, повидимому отъ студ—овъ, съ ясными намеками на то, что забастовки поддерживаются группой въ Совѣтѣ?

Митинскій. Относительно этого мнѣ извѣстно, что обо мнѣ были присланы пять писемъ.

Нацвалов. Слѣдовательно, говоря о крахѣ старой системы, вы знали, что есть новая и что кто-то ее вводитъ?

Шредеръ. Я считалъ бы истиннымъ счастьемъ, если бы нашелся человѣкъ, который положилъ бы конецъ старой системѣ, вывелъ бы инст-тъ изъ болота. Отъ старой системы страдали сами студ-ты.

Яковлевъ. Вы говорили, что забастовки — слѣдствіе старой системы. Но вѣдь забастовки въ инст-тѣ совпадали съ забастовками другихъ учебныхъ заведеній. Стало быть, онѣ вызывались внѣшними причинами?

Шредеръ. Явленіе забастовокъ — пріемъ политической борьбы...

Яковлевъ. Прошу короткаго отвѣта.

Шредеръ. Вы мнѣ задали вопросъ, какъ хотѣли; дайте же мнѣ отвѣтить, какъ мнѣ будетъ угодно.

Яковлевъ. – Отказываюсь отъ вопроса.

Грузенбергъ. Прошу занести въ протоколъ, что предсѣдатель воспретилъ гг. профессорамъ и моимъ довѣрителямъ студентамъ предлагать вопросы, касающіеся личности профессоровъ, и въ то же время позволилъ профессору Шредеру давать оскорбительные отзывы о Долбнѣ, что онъ занимался въ инст-тѣ политикой и не умѣлъ отличить добра отъ зла.

Предсѣдатель. Въ протоколъ, конечно, будетъ все занесено, а Ваше заявленіе судъ обсудитъ.

Нечаевъ. Скажите, Совѣтъ представлялъ корпорацію?

Шредеръ. Да.

Нечаевъ. Не высказывали ли лучшіе профессора своихъ взглядовъ на забастовку? Не высказывалась ли мысль о забастовкѣ профессоровъ?

Шредеръ. Не было. Съ натяжкой могъ бы считать попыткой забастовки угрозу ушедшихъ профессоровъ на совѣщаніи 18 марта, если не разсмотрятъ ихъ заявленія.

Нечаевъ. Не проявлялъ ли вообще Совѣтъ интереса къ общественной жизни? Имѣлось ли мнѣніе о забастовкѣ профессоровъ?

Шредеръ. Совѣтъ носился съ забастовками студентовъ.

Предсѣдатель. Прошу не задавать вопросовъ, не имѣющихъ ближайшей связи съ дѣломъ.

Леонтьевъ. Въ 1904 году были примѣнены опросные листки, какъ и въ 1902 году. Къ какимъ результатамъ они привели?

Шредеръ. Какъ говорилъ Митинскій, въ 1902 году эта мѣра дала плачевные результаты и кончилась эпитрахилью.

Леонтьевъ. Но на нее надѣялись?

Шредеръ. Тогда на нее надѣялся и провелъ ее И. П. Долбня. Онъ утверждалъ съ согласія организ. комитета, что студенты, сжигавшіе временныя правила, отвѣтятъ откровенно, назовутъ себя. Въ концѣ концовъ Совѣтъ оказался одураченнымъ.

Леонтьевъ. Думали, что сами себя назовутъ и ихъ накажутъ?.

Шредеръ. Да, думали.

Гапѣевъ. Вопросные листки разсылались въ 1902 году. Почему Совѣтъ и нынче разослалъ эти листки?

Шредеръ. Въ 1902 году было три вопроса. А теперь только спрашиваютъ желаетъ ли студентъ держать экзамены.

Бауманъ. Вслѣдствіе чего эти мѣры не удались въ 1902 г.?

Шредеръ. Виновные не пожелали выдать себя.

Бауманъ. Но почему же виновные не пожелали себя выдать Не припомните ли, что послѣ неудачи Совѣтъ призналъ свою мѣру неудавшейся потому, что 9 человѣкъ были арестованы.

Шредеръ. Это кажется пуфъ.

Бауманъ. Нѣтъ, не пуфъ.

Шредеръ. Но есть еще одинъ поводъ: когда пришелъ одинъ студентъ, то одинъ изъ членовъ Совѣта, здѣсь присутствующій, сказалъ ему: не отвѣчайте, ибо этимъ выдадите товарищей.

Судъ удаляется для совѣщанія.

Предсѣдатель. Судъ признаетъ заявленіе прис.-повѣр. Грузенберга не заслуживающимъ уваженія. Судъ не имѣетъ никакого основанія останавливать профес. Шредера, ибо профес. Долбня является стороною и соглашается признать компетенцію суда, а профес. Шредеръ только свидѣтель и не подлежитъ сужденію Суда. Судъ опять проситъ стороны сохранять возможно большую объективность въ своихъ вопросахъ и оставаться въ предѣлахъ того раскола, который возникъ между двумя партіями студентовъ, дабы процессъ не разростался. Заявленіе прис. повѣр. Грузенберга внесено въ протоколъ. Предлагаю проф. Митинскому продолжить свои показанія, прерванныя въ 5 засѣданіи.

Долбня. Вы уже отвѣтили, что І-го апрѣля Министръ сдѣлалъ Коцовскому строгій выговоръ, что онъ личной властью прекратилъ экзаменъ, хотя были желающіе. Подтверждаете ли Вы это?

Митинскій. Да.

Долбня. Не получалъ ли Министръ анонимныхъ писемъ, повидимому отъ студ—овъ, съ ясными намеками на то, что забастовки поддерживаются группой въ Совѣтѣ?

Митинскій. Относительно этого мнѣ извѣстно, что обо мнѣ были присланы пять писемъ.

Долбня. О томъ, что сочувствовали забастовкѣ?

Митинскій. Нѣтъ. О томъ, что я срѣзалъ на экзаменахъ большое количество лицъ.

Долбня. Я удовлетворенъ.

Лутугинъ. Совѣтъ о высылкѣ студ-овъ сужденія не имѣлъ?

Митинскій. Вѣдѣнію Совѣта это не подлежитъ, но Коноваловъ говорилъ, что онъ предпринялъ рядъ частныхъ мѣръ для облегченія участи студ-въ. Имѣется постановленіе Совѣта о нежелательности высылки; поэтому была переписка съ градоначальникомъ, чтобы, если возможно, не подвергать студентовъ высылкѣ.

Лутугинъ. Объ обратномъ пріемѣ былъ ли обмѣнъ мнѣній въ Совѣтѣ или это думали каждый въ душѣ?

Митинскій. Вопросъ этотъ поднимался неоднократно. Было четыре прошенія объ обратномъ пріемѣ отъ одного студ-та Лемперта. Еще весною было предрѣшено, что уволенныхъ на одинъ годъ, примутъ осенью. Однако же съ началомъ осеннихъ экзаменовъ были приняты нѣсколько изъ уволенныхъ на два года. Продолжало поступать масса прошеній. Въ ноябрѣ было рѣшено принять въ февралѣ или мартѣ уволенныхъ на два года. На частномъ засѣданіи I-го февр. 1905 года всѣ высказались единогласно о пріемѣ всѣхъ уволенныхъ; относительно же трехъ было особое мнѣніе.

Лутугинъ. Теперь осенью обращались ли профессора къ Коновалову съ предложеніемъ уйти изъ инст-та?

Митинскій. Съ моей стороны не было, но по частнымъ свѣдѣніямъ, что-то подобное было.

Лутугинъ. Такъ что постановленіе объ увольненіи было „скороспѣлымъ“?

Митинскій. Прошлый разъ я говорилъ подробно о постановленіи. Я не считаю его „скороспѣлымъ“.

Лутугинъ. Когда Вы были арестованы, было совѣщаніе, на которомъ мы рѣшили, что мы всѣ уйдемъ изъ инст-та, если Васъ вышлютъ?

Митинскій. Нѣтъ, это было черезъ мѣсяцъ послѣ того, когда я уже былъ выпущенъ. Тогда Бауманъ мнѣ заявилъ, что если меня вышлютъ изъ Петербурга., то и онъ уйдетъ въ отставку.

Грузенбергъ.. Вы сказали, что и объ Васъ были письма къ Министру. Въ чемъ Васъ обвиняли? Въ томъ, то Вы мирволили забастовщикамъ?

Митинскій. Меня обвиняли въ томъ, что я предъявлялъ сверхъстрогія требованія на экзаменахъ.

Грузенбергъ. Извѣстны ли Вамъ письма объ угожденіи забастовщикамъ?

Митинскій. Мнѣ извѣстно только обо мнѣ.

Грузенбергъ. Студенты вызывались ли въ засѣданіе Совѣта, когда ихъ увольняли?

Митинскій. На моей памяти ни одного такого случая не было, чтобы въ Совѣтъ вызывали студ-овъ.

Грузенбергъ. Не допускаете ли Вы возможность ошибки сторожей?

Митинскій. Я объ этомъ уже говорилъ. Если Судъ найдетъ нужнымъ, я повторю.

Грузенбергъ. Не говорили ли Гапѣеву, что относительно него были свѣдѣнія отъ студ-овъ?

Митинскій. Я этого не говорилъ.

Грузенбергъ. Это было при г. Лихачевскомъ.

Митинскій. Про это я и говорю. И свидѣтель этого, г. Лихачевскій, письмомъ въ „Русь" удостовѣрилъ, что я этого не говорилъ.

Грузенбергъ. Каковъ былъ порядокъ полученія билетовъ?

Митинскій. Посмотрите въ протоколъ. Я подробно говорилъ объ этомъ. Если судъ найдетъ нужнымъ, я повторю.

Грузенбергъ. Волненія студ-въ были академическія или политическія?

Митинскій. Въ обѣихъ группахъ находятся лица совершенно разнообразныхъ политическихъ убѣжденій.

Грузенбергъ. Значитъ расколъ только академическій?

Митинскій. Мой взглядъ—чисто академическій.

Грузенбергъ. Есть-ли у васъ точныя свѣдѣнія о выраженіи студентами сочувствія японскому микадо и сборѣ на японскій флотъ?

Митинскій. Точныхъ свѣдѣній не имѣю. Въ англійской газетѣ было о сочуствіи студ-въ Горнаго инст-та японскому пролетаріату.

Грузенбергъ. Значитъ о пролетаріатѣ, а не о микадо?

Митинскій. Да.

Алексѣевъ. Это первый случай обвиненія въ шпіонствѣ?

Митинскій. Методъ этотъ примѣнялся и раньше. Разъ цѣлый годъ судились и оказались невинными. Такъ было съ тремя студентами: Александровичъ, Сконопницъ-Грабовскій и Новгородскій. Назначили цѣлую слѣдственную коммиссію; вникали въ частную жизнь: моему брату пришлось удостовѣрить заработокъ одного изъ этихъ студ-въ. Въ концѣ всѣ оказались невинными. Объ Александровичѣ коммиссія установила, что этотъ человѣкъ по своему нравственному облику превосходитъ многихъ. Александровичъ оскорбленный вышелъ изъ

инс-та. Ск.-Граб. шесть мѣсяцевъ былъ нервно боленъ послѣ всей этой травли.

Алексѣевъ. Вы писали въ газету «Русь», что считаете возможнымъ шпіонство въ инст-тѣ. На чемъ Вы основывались?

Митинскій. Я не считаю удобнымъ говорить объ этомъ здѣсь. Мнѣ придется говорить объ этомъ въ коммиссіи Случевскаго.

Алексѣевъ. По Вашему мнѣнію, эти люди скорѣе были близки къ забастовщикамъ?

Митинскій. Да, это мое мнѣніе по нѣкоторымъ даннымъ.

Алексѣевъ. Получали ли Вы анонимныя письма?

Митинскій. Да, получалъ.

Алексѣевъ. Какого содержанія?

Митинскій. Непечаная ругань. Одно было подписано: 15 илотовъ. Потомъ еще два письма и бюллетень № 8.

Алексѣевъ. Какъ относились въ Совѣтѣ къ забастовкамъ? Смотрѣли какъ на молодечество или какъ на порывы юныхъ силъ?

Митинскій. На забастовки смотрѣли, какъ на глубоко печальное явленіе, но оправдывали потребностью молодежи реагировать на общественную жизнь.

Алексѣевъ. Послѣ закрытія института приходилось Совѣту обсуждать вопросъ о студенческихъ учрежденіяхъ?

Митинскій. 16-го марта по распоряженію Министра былъ закрытъ институтъ и столовая; вся посуда была вывезена нѣкоторыми студентами. Фонда и библіотеки Совѣтъ не касался. Къ издательской коммиссіи Совѣтъ также не имѣлъ касательства. Но когда большое количество заявило желаніе держать экзамены и указывало, что нужны лекціи, то Совѣтъ уполномочилъ двухъ профессоровъ открыть, въ присутствіи свидѣтелей-студентовъ помѣщеніе издательской коммиссіи, что и сдѣлали. При этомъ былъ, между прочимъ, И. А. Соколовъ,—человѣкъ поступившій въ институтъ, пробывъ семь лѣтъ учителемъ гимназіи; за шесть лѣтъ пребыванія въ институтѣ пользовался полнымъ уваженіемъ студентовъ; былъ предсѣдателемъ всѣхъ комиссій, предсѣдателемъ многихъ сходокъ. Но какъ только въ 904 году онъ заявилъ, что хочетъ, наконецъ, кончить институтъ, его сразу стали обвинять въ шпіонствѣ.

Алексѣевъ. Что студенты отвѣтили на спросные листки въ 904 году?

Митинскій. Всѣ отвѣтили одно и то же: «да, желаю держать экзамены».

Гессенъ. Каковы были послѣдствія весенняго конфликта?

Митинскій. Полное разстройство институтской жизни.

Гессенъ. Были ли въ этомъ году занятія въ институтѣ и какъ они шли?

Митинскій. Шли, но лекціи не посѣщались; занятія были въ полномъ упадкѣ. Отъ нѣкоторой группы была петиція Министру (130 чел. 1-го курса). Ходили депутаты по квартирамъ молодыхъ профессоровъ, угрожая заставить ихъ выйти въ отставку. Шли сходки, численностью 70—80 чел. Эти сходки не представляли студенчества института, но опредѣленную партію.

Гессенъ. А было ли различіе въ посѣщеніи лекцій свободомыслящими и свобододѣйствующими?

Митинскій. Я не замѣчалъ различія; и не могу ничего объ этомъ сказать:—сломалъ въ это время ногу.

Снятковъ. Обостреніе безпорядковъ было ли въ связи съ уходомъ профессоровъ?

Митинскій. Я говорю, что протестъ студентовъ былъ поддержанъ уходомъ профессоровъ. Я думаю, что студенты имѣли основаніе считать эту поддержку—протестомъ Совѣта.

Снятковъ. А раньше студенты не могли чувствовать нравственную поддержку со стороны профессоровъ?

Митинскій. Да, но не въ такой формѣ, не такъ ясно.

Снятковъ. Что сдѣлалъ Совѣтъ для умиротворенія студентовъ послѣ ухода профессоровъ?

Митинскій. Совѣтъ рѣшилъ приступить къ экзаменамъ. Совѣту было даже неизвѣстно, было ли большинство за забастовку или противъ; это для меня и теперь не ясно. Вѣдь, большинство сходки было, а большинства института не было. Совѣтъ рѣшилъ сдѣлать курсовыя совѣщанія. О дальнѣйшемъ я уже показывалъ раньше.

Снятковъ. Я попрошу Судъ огласить письмо Митинскаго горному инженеру Родыгину.

Митинскій. Я не даю моего разрѣшенія опубликовывать это письмо: не признаю возможнымъ опубликовывать мои частныя письма, безъ моего согласія; часть этого письма была оглашена безъ моего на то разрѣшенія.

Лесгафтъ. Но вѣдь оно было напечатано?

Митинскій. Оно было напечатано не полностью; ту часть, которая уже опубликована въ газетахъ, читайте; но я не желаю, чтобы вообще мои частныя письма читались здѣсь.

Снятковъ. Тогда я не буду читать.

Бокій. Вы говорите, что Совѣтъ обсуждалъ вопросъ объ изда-

тельской коммиссіи. Имѣлъ ли онъ сужденіе объ имуществѣ столовой?

Митинскій. Не имѣлъ.

Бокій. Почему же?

Митинскій. Да вѣдь пришлось бы тогда взыскивать съ Васъ, г. Бокій, за вывозъ имущества, ибо Васъ студенты не уполномачивали вывозить.

Бокій. А не знаете, о чемъ я говорилъ съ Коноваловымъ, когда вывозилъ имущество?

Митинскій. Не знаю.

Яковлевъ. Вы не могли дать идейной характеристики нашей партіи, но объясняете ихъ солидарность пріятельскими отношеніями, проистекающими отъ долгой совмѣстной работы въ извѣстной области?

Митинскій. Да, въ геологическомъ комитетѣ.

Яковлевъ. А голосовали мы всегда за одно?

Митинскій. Да.

Яковлевъ. Не припомните ли Вы, что были случаи, когда шесть профессоровъ не всегда голосовали за одно?

Митинскій. Точно могу указать одинъ случай разногласія. Я предлагалъ проектъ о свободномъ замѣщеніи кафедръ по конкурсу; и всѣ единодушно отвергли за исключеніемъ Васъ, Ник. Ник.

Бауманъ. Когда я Васъ уговаривалъ остаться въ институтѣ, я, будто бы въ качествѣ довода, говорилъ Вамъ: «какъ Вы можете уходить изъ института, не окончивъ экзаменовъ...

Митинскій. «И во время безпорядковъ»; да, я это помню.

Бауманъ. Какъ же это связать съ нашимъ заявленіемъ на сходкѣ, которая заканчивалась словами: «мы будемъ поступать такъ, какъ подскажетъ намъ наша совѣсть».

Митинскій. Я не знаю, какъ «связать» и совершенно не знаю, какъ Вы думали и хотѣли «связать». Я—свидѣтель и пришелъ не для того, чтобы совмѣщать Ваши слова съ Вашими поступками, а для того, чтобы констатировать факты.

Егуновъ. Какая связь между извѣстными Совѣту фамиліями студентовъ и обструкціонистами?

Митинскій. Было два списка: уволенныхъ и исключенныхъ, составленные членами инспекціи и подтвержденные служителями. По рапорту Смотрителя дома обструкціонистовъ было около 70, а исключенныхъ 33, слѣдовательно меньше половины. Они всегда находились во главѣ движенія.

Лутугинъ. Всегда стояли во главѣ? И въ тѣхъ случаяхъ, когда характеръ движенія былъ политическій?

Митинскій. Нѣтъ, я этого не говорилъ. Формулируйте ясно вопросъ.

Лутугинъ. Ставите ли Вы въ связь дѣятельность этой группы съ политическими движеніями?

Митинскій. Я не связываю, это Вы связываете. И среди «свобододѣйствующихъ» есть лица, игравшія видную роль въ этихъ движеніяхъ, напр. Ив. Соколовъ, бывшій предсѣдателемъ коммиссій.

Лутугинъ. Въ какихъ случаяхъ упоминались ихъ фамиліи въ Совѣтѣ?

Митинскій. Въ Совѣтѣ упоминались ихъ фамиліи неоднократно: то за демонстраціи, то за крики на Казанской площади. Для меня ясно, что это лица увлекающіеся.

Лутугинъ. И ихъ нужно было исключать за это?

Митинскій. Нѣтъ не за это, а за «мордобой» въ институтѣ.

Егуновъ. Чѣмъ объяснить ослабленіе педагогическихъ требованій?

Митинскій. Студенты не успѣвали сдѣлать работъ, ибо забастовки продолжались 1—2 мѣсяца.

Егуновъ. Это Ваше личное мнѣніе?

Митинскій. Я высказываю только «свои» мнѣнія.

Васютинскій. Въ какихъ коммиссіяхъ участвовалъ Соколовъ?

Митинскій. Я не студентъ и близко къ студенческимъ учрежденіямъ не стою, но какъ примѣръ, укажу слѣдственную коммиссію по дѣлу трехъ шпіоновъ.

Васютинскій. Вы сказали, что Ив. Соколовъ былъ предсѣдателемъ всѣхъ коммиссій? Не возьмете ли этихъ словъ назадъ?

Митинскій. Ну, «всѣхъ» беру назадъ, но скажу «многихъ».

Васютинскій. Вы говорили, что жизнь была настолько нарушена, что осенью этого года лекціи не посѣщались, сходки были малочисленны, партійны. А не знаете ли Вы, что на сходкѣ 3-го февраля было большинство Института?

Митинскій. Было 250 съ небольшимъ, вѣдь это не есть большинство Института.

Васютинскій. Да, если не считать «свобододѣйствующихъ»?

Митинскій. Я считаю всѣхъ студентовъ и не дѣлаю различія.

Предсѣдатель. Я просилъ уже задавать вопросы только по существу, а не касаться событій этого года.

Гливицъ. Вы знаете, что въ этомъ году ходили депутаты къ профессорамъ. Знаете ли, что они выражали имъ порицаніе?

Митинскій. Знаю; у меня не были.

Гливицъ. Знаете ли почему не были?

Митинскій. Предсѣдатель только что прекратилъ эти вопросы.

Нацваловъ. Не было ли со стороны студентовъ желанія упорядочить педагогическую жизнь Инст-та и не принимали ли они къ этому мѣры?

Митинскій. Да, я это знаю. Ив. Соколовъ былъ предсѣдателемъ коммиссіи по пересмотру программы и имъ была составлена записка, читанная въ Общ. Горн. Инженеровъ, чрезвычайно близко подходившая къ запискѣ Совѣта.

Нацваловъ. Къ первой запискѣ 99-го года?

Митинскій. Я членъ Совѣта съ 1902 года и съ этого времени только помню все хорошо.

Злотницкій. Вы сказали, что благодаря ушедшимъ профессорамъ Совѣтъ уступалъ желаніямъ студентовъ. Не было ли фактовъ, когда Совѣтъ дѣйствовалъ явно въ ущербъ умѣренной части студ-овъ?

Митинскій. Я не помню, ибо я лежалъ въ брюшномъ тифѣ.

Злотницкій. Въ 1902 году были желающіе держать экзаменъ, но Совѣтъ принялъ экстренныя мѣры, чтобы ихъ не допустить.

Митинскій. Экстренныхъ мѣръ не помню. Послѣ остраго періода появились желающіе держать, но они не могли быть допущены по неподготовленности.

Злотницкій. А въ прошломъ году?

Митинскій. Не допускались.

Злотницкій. Какъ велика была эта группа студентовъ?

Митинскій. Затрудняюсь отвѣтить.

Грузенбергъ. Свидѣтель могъ бы показать объ извѣстномъ ему шпіонствѣ въ Инст-тѣ, но не находитъ возможнымъ по долгу службы заявить объ этомъ открыто; я не настаиваю, но если Судъ самъ спроситъ, то желательно было бы выслушать это показаніе.

Митинскій. (Суду). Я могу дать это показаніе, если Судъ этого пожелаетъ, но долженъ оговориться, что это можетъ грозить мнѣ увольненіемъ со службы; я могу это показать въ коммиссіи Случевскаго, но не хотѣлъ бы говорить объ этомъ въ третейскомъ судѣ. Я готовъ сказать это только судьямъ, если Судъ будетъ настаивать.

Судъ уходитъ совѣщаться.

Предсѣдатель. Судъ обсудивъ, что свидѣтель находитъ возмож-

нымъ дать свое показаніе только Суду въ отсутствіи сторонъ, не считаетъ возможнымъ воспользоваться его показаніемъ по этому вопросу.

Митинскій. Я заявляю Суду, что мои слова были поняты неправильно. Я повторяю, что по моему шпіоны въ Горн. Инст-тѣ существуютъ, но среди лицъ близко стоящихъ къ безпорядкамъ, и могущихъ имѣть о нихъ точныя свѣдѣнія.

Нацваловъ. Пр. повѣр. Алексѣевъ указывалъ на прежнее обвиненіе въ шпіонствѣ. Напомню, что одинъ студентъ былъ удаленъ изъ Инс-та въ 1901 году.

Предсѣдатель. Больше вопросовъ не имѣется? Приглашаю проф. Н. С. Курнакова дать свои показанія.

Курнаковъ. Я нахожу дѣло достаточно выясненнымъ и потому просилъ бы прямо предлагать вопросы.

Печковскій. Ваше мнѣніе: на чемъ основано обвиненіе студ-овъ въ шпіонствѣ?

Курнаковъ. Ничего не могу сказать; считаю, что студ-ты неспособны на это. Я разъ былъ членомъ Суда; добровольные слѣдователи изъ студентовъ выяснили всѣ подробности частной жизни подозрѣваемаго; къ сожалѣнію мы пришли къ заключенію, что Пономаревъ по своимъ поступкамъ вообще недостоинъ званія студента, но никакихъ данныхъ о шпіонствѣ относительно него не было доказано.

Печковскій. А въ 1904 году какъ?

Курнаковъ. Объ этомъ ничего не знаю.

Грунвальдъ. Я обращаю вниманіе Суда, что Пономаревъ—это тотъ самый студентъ, о которомъ только говорилъ Нацваловъ, какъ объ исключенномъ за шпіонство; но проф. Курнаковъ, членъ профессорской коммиссіи по этому дѣлу заявляетъ, что этотъ студентъ былъ исключенъ вообще за дурные поступки, но отнюдь не за шпіонство.

Печковскій. Вы были на совѣщаніи въ декабрѣ?

Курнаковъ. Не былъ, но на совѣщаніи по вопросу урегулированія отношеній между директоромъ и студентами я былъ. Я напомнилъ, что эти отношенія въ запискѣ Мушкетова разобраны детально. Всѣ члены этой коммиссіи Мушкетова дѣйствовали единодушно. Мы работали даже лѣтомъ, но записка послѣдствій не имѣла: была положена подъ сукно. Студ-мъ она была мало извѣстна.

Гессенъ. Она была напечатана?

Курнаковъ. Нѣтъ, ее мы представили весной, при Ванновскомъ; это была наша кратковременная весна: ожидались реформы. Въ этой запискѣ были затронуты всѣ студенческія учрежденія.

Гессенъ. Было ли въ это время единодушіе въ Совѣтѣ?

Курнаковъ. Да, до самаго послѣдняго времени, даже послѣ ухода профессоровъ: Совѣтъ въ первомъ же засѣданіи выразилъ сожалѣніе, хотѣлъ возврата этихъ профессоровъ; къ этому присоединился и директоръ. Мнѣ съ Ив. Ав. Тиме было поручено войти въ сношеніе съ ушедшими профессорами по вопросу объ ихъ возвращеніи, но въ ближайшемъ засѣданіи директоромъ было заявлено, что Министръ сказалъ, что вопросъ о возвращеніи профессоровъ въ настоящее время не можетъ быть обсуждаемъ, и говорить съ ними объ этомъ послѣ того я практически не видѣлъ смысла.

Гессенъ. Это порученіе дано было Вамъ Совѣтомъ или Совѣщаніемъ?

Курнаковъ. Да, Совѣтомъ, но въ протоколъ не занесено. Я и Тиме возбудили этотъ вопросъ; встрѣтили сочувствіе и думали уладить это дѣло до обструкціи.

Гессенъ. Въ томъ Совѣтѣ, на которомъ выражено сожалѣніе?

Курнаковъ. Да.

Гессенъ. Послѣ этого директоръ сказалъ, что Министръ заявилъ о невозможности возврата ушедшихъ?

Курнаковъ. Да. Предложилъ выбрать другихъ кандидатовъ, но нѣкоторыя кафедры предполагалось замѣнить временно.

Гессенъ. И директоръ заявилъ это ссылаясь на Министра?

Курнаковъ. Да, говорилъ много, что возвращеніе профессоровъ невозможно, хотя самъ противъ этого ничего не имѣлъ.

Гессенъ. Тутъ говорили о партіи, оказывавшей вліяніе на академическую жизнь. Что Вы можете сказать относительно этого и вообще относительно единодушія въ Совѣтѣ?

Курнаковъ. Я можетъ быть не замѣчалъ, былъ въ сторонѣ; но мое мнѣніе, что въ вопросахъ академическихъ мы были солидарны. По поводу кураторовъ, напримѣръ, мы отклонили предложеніе единогласно. Затѣмъ по поводу студенческихъ учрежденій въ коммиссію выбрали профессоровъ, которые этимъ интересовались: Долбню, Баумана и Лутугина.

Гессенъ. Вы лично стояли внѣ партій и партійности не замѣчали?

Курнаковъ. Я весь прошлый годъ провелъ въ моемъ кабинетѣ. Я руковожу практич. работами 5-го курса и ко мнѣ въ кабинетъ собирались для обсужденія новаго устава лабораторіи. Раздоръ появился лишь въ послѣднее время.

Лесгафтъ. Когда Коноваловъ соглашался съ Совѣтомъ, что бы просить профессоровъ остаться, онъ зналъ о нежеланіи Министра? Или это было на слѣдующемъ засѣданіи послѣ ухода?

Курнаковъ. Не могу утверждать, когда это было; но онъ, директоръ, говорилъ: «для меня возвращеніе ихъ было бы большимъ счастіемъ, большимъ успѣхомъ».

Лесгафтъ. Но не въ слѣдующемъ засѣданіи?

Курнаковъ. Пожалуй послѣ нѣсколькихъ: директоръ откладывалъ, чтобы острый періодъ прошелъ.

Лесгафтъ. Но надежда, что они вернутся, была?

Курнаковъ. Тогда говорили не со всѣми, знали, что результатъ будетъ отрицательный. Совѣтъ поручалъ мнѣ неоднократно въ 1904 году выступать въ роли примирителя. Въ 1905 году опять ушло нѣсколько преподавателей и мнѣ снова было поручено вести переговоры. Мы надѣемся на Третейскій Судъ, что дѣло уладится миромъ и это дастъ намъ возможность возвратить ушедшихъ товарищей.

Лесгафтъ. Что Вы можете сказать по вопросу о билетахъ?

Курнаковъ. Это меня совершенно не касалось: распредѣленіе группъ всегда вѣдала инспекція.

Долбня. Въ 1902 году безпорядки были политическаго характера?

Курнаковъ. Боюсь утверждать, но возможно.

Долбня. Не внутреннія, а внѣшнія причины вызывали ихъ?

Курнаковъ. Да, возможно.

Долбня. До 1904 года было ли единодушіе во всѣхъ педагогическихъ рѣшеніяхъ Совѣта?

Курнаковъ. Да.

Долбня. Было ли давленіе со стороны Министра на Совѣтъ для введенія правилъ Ванновскаго?

Курнаковъ. Было. Что-то онъ присылалъ, но мы не нашли возможнымъ принять.

Долбня. Разсылка опросныхъ листковъ была сдѣлана по иниціативѣ Совѣта или чтобы удовлетворить Министра?

Курнаковъ. Очень возможно: можетъ быть, была цѣль какъ-нибудь выйти изъ этого непріятнаго положенія.

Долбня. Не требовалъ ли Министръ настойчиво, нѣсколько разъ, подать ему зачинщиковъ движенія?

Курнаковъ. Бывало.

Долбня. Не скажете ли, Н. С., что Совѣтъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы не сдѣлать этого. Совѣтъ считалъ невозможнымъ выдать зачинщиковъ?

Курнаковъ. Да. Министръ обвинялъ Совѣтъ, что онъ смѣшалъ всѣхъ въ одну кучу, что отдѣльныя лица не были названы. Могли ли мы назвать отдѣльныхъ лицъ?—Мы старались уладить.

Долбня. Не предлагалъ ли Министръ воспользоваться списками охраннаго отдѣленія и не призналъ ли Министръ, что мы не можемъ ихъ выдать?

Курнаковъ. Я не помню,—тогда столько было бумагъ.

Долбня. Не удивила ли Васъ перемѣна фронта въ 1904 году? Нѣтъ-ли противорѣчія между 1902 и 1904 годомъ?—какое скоропалительное исключеніе.

Курнаковъ. Обструкція была впервые. Долженъ сказать, что Совѣтъ никогда не былъ въ такомъ печальномъ положеніи. Это было слѣдствіемъ того, что часть профессоровъ ушла.

Долбня. Члены Совѣта не дѣйствовали ли подъ давленіемъ Мин-стра?

Курнаковъ. Нѣтъ, я этого не думаю. Я глубоко убѣжденъ, что этого не было.

Долбня. Вы посѣтили меня вскорѣ послѣ моего ухода. Не было ли у насъ разговора о возможности возвращенія?

Курнаковъ. Я былъ у Васъ послѣ Вашего письма ко мнѣ, и я думалъ, что мы сдѣлаемъ что нибудь, но нашъ разговоръ ни къ чему не привелъ.

Долбня. Нѣтъ, раньше было еще посѣщеніе—до письма.

Предсѣдатель закрываетъ засѣданіе и назначаетъ слѣдующее на 2-е Марта.

ПРОТОКОЛЪ

7-го засѣданія Третейскаго Суда Чести отъ 2 Марта 1905 года.
Отсутствовалъ Присяжный Повѣренный Каминка.

Предсѣдатель. Будемъ продолжать допросъ свидѣтеля проф. Курнакова.

(Курнаковъ отсутствуетъ). Приглашаю проф. Липина дать показаніе.

Липинъ. Я думаю лишнимъ будетъ повторять въ подробностяхъ историческій ходъ событій въ Г. И. 17 Декабря я помѣстилъ въ Новомъ Времени письмо * съ изложеніемъ моихъ личныхъ взглядовъ о событіяхъ въ Г. И. Изъ этого письма я ничего не нахожу нужнымъ измѣнять, но хочу только добавить нѣсколько фактовъ, кот. въ то время упустилъ изъ виду: они существенны. Во 1) я скажу о трагической развязкѣ инцидента—уходѣ 6 профессоровъ. Поводомъ къ

этому послужило оскорбленіе предсѣдателемъ Совѣта пр. Лутугина; я нахожу, что эта выходка неумѣстна, хотя и можетъ быть оправдываема горячностью; Лутугинъ былъ въ правѣ обидѣться и удалиться, т. к. онъ былъ приглашенъ съ правами члена Совѣта. Еще добавка: здѣсь неоднократно говорилось и Судъ можетъ быть думаетъ, что со стороны Совѣта и профессоровъ было сдѣлано мало попытокъ къ возвращенію 6 ушедшихъ профессоровъ. Было постановленіе Совѣта выражавшее глубокое сожалѣніе по поводу этого ухода. Послѣ этого, какъ указывалъ Коноваловъ, были приняты мѣры для переговоровъ съ ушедшими проф-ми, кромѣ того были разговоры по частной иниціативѣ отдѣльныхъ профессоровъ. Я лично былъ у пр. Долбни и у него встрѣтилъ пр. Баумана. Съ И. П. говорилъ много, но безуспѣшно. Кромѣ того я ѣздилъ съ Курнаковымъ къ Коновалову и убѣждалъ извиниться передъ ст-тами, чтобы исчерпать несчастный инцидентъ. Знаю, что другіе профессора дѣлали попытки и всѣ они стремились къ возвращенію ушедшихъ. Это и есть двѣ существенныхъ замѣтки къ тому, что мною уже сказано въ «Нов. Вр.».

Зерновъ. Какъ вы смотрите на печальныя событія? причина ихъ— безтактность Коновалова или какія либо другія причины, напр.: недоразумѣнія о неприкосновенности студенческихъ учрежденій?

Липинъ. Извольте видѣть, собственно говоря, я считаю, что причина лежитъ гораздо глубже. Для этого нужно прослѣдить, изслѣдовать и изучить дѣло за 10 лѣтъ и даже больше. Я говорю десять лѣтъ, потому что самъ состою въ Ин-тѣ въ теченіи 10 лѣтъ адъюнктомъ и профессоромъ. Нужно выяснить всю систему управленія Ин-томъ. Въ своей статьѣ я уже высказался, что виновниками нельзя считать одну какую-либо сторону: виноваты всѣ. Старое управленіе Ин-томъ, когда Ин-тъ деморализовался, виноватъ Совѣтъ, дѣйствовавшій не всегда устойчиво и единодушно; порядка не было въ теченіи многихъ лѣтъ. Виноваты ст-ты пользовавшіеся слабостью Совѣта. Виноваты профессора, не сумѣвшіе успокоить. Несомнѣнно виноватъ и Коноваловъ, котораго я обвиняю въ безтактности, горячности и излишней самоувѣренности. Виноваты и 6 ушедшихъ профессоровъ, покинувшихъ Ин-тъ въ самую критическую минуту.

Зерновъ. Вы говорили, что оставшіеся профессора дѣлали шаги къ примиренію. Совѣтъ не дѣлалъ ли такихъ шаговъ. Обсуждалъ ли онъ весь инцидентъ въ своемъ засѣданіи?

Липинъ. Изволите ли видѣть, собственно говоря, въ тотъ день, когда была внесена записка, было назначено оффиціальное засѣда-

ніе Совѣта. Въ повѣсткѣ не было вопроса объ обсужденіи записки профессоровъ: директоръ отказалъ обсуждать эту записку; послѣ долгихъ пререканій рѣшено было исполнить сначала оффиціальную программу, а затѣмъ разсмотрѣть записку на частномъ совѣщаніи, которое, собственно говоря имѣетъ туже силу, но только не заносится въ журналъ; на немъ присутствуютъ тѣ же члены, что и на Совѣтѣ, кромѣ секретаря, не члена Совѣта, а просто чиновника. Обсужденіе было очень краткое; нервы были взвинчены; часъ былъ поздній. Нельзя было вставить слова: говорили только 6 ушедшихъ профессоровъ и Коноваловъ; наше положеніе волей-неволей было нейтральнымъ. Вскорѣ случился инцидентъ съ Лутугинымъ и уходъ другихъ со словами: «Въ такомъ случаѣ и намъ здѣсь дѣлать нечего». Было около 2-хъ час. ночи. Обсужденіе, что дѣлать и какъ быть,—было совершенно невозможнымъ. Этотъ уходъ не обозначалъ еще выхода въ отставку—знать этого нельзя было; у всѣхъ была одна мысль—уладить этотъ инцидентъ.

Зерновъ. Вообще не было ни одного засѣданія Совѣта, гдѣ бы этотъ инцидентъ былъ обсуждаемъ?

Липинъ. Собственно говоря, много разъ высказывалось желаніе и были попытки отдѣльныхъ членовъ Совѣта склонить къ извиненію и окончанію инцидента.

Зерновъ. Но Совѣтъ не обсуждалъ причины, послѣдствія и мѣры противъ ухода профессоровъ?

Липинъ. Послѣ ихъ выхода изъ засѣданія, они на слѣдующее же утро подали въ отставку. Директоръ доложилъ объ этомъ членамъ Совѣта. Затѣмъ просили Мин-ра не давать хода прошеніямъ товарищей. Оффиціальнымъ путемъ этого уладить, конечно, было нельзя, товарищескимъ же казалось возможнымъ.

Зерновъ. Слышали ли вы объ участіи ст-въ въ дѣйствіяхъ инспекціи?

Липинъ. Нѣтъ. Я этого не слышалъ и вѣрить не хочу.

Зерновъ. Слуховъ не было ли?

Липинъ. Нѣтъ, нѣтъ.

Зерновъ. Не было ли объ этомъ рѣчи въ Совѣтѣ?

Липинъ. И въ Совѣтѣ не было.

Печковскій. На чемъ же могли быть основаны эти слухи?

Липинъ. Къ сожалѣнію и раньше была рознь между ст-тами и эта рознь въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ выражалась въ крайне непріятной и обидной формѣ. Напр.: нѣсколько человѣкъ было заподозрѣно въ шпіонствѣ; фамилій не буду называть; одному изъ

нихъ было брошено въ лицо на сходкѣ тяжелое оскорбленіе. Съ нимъ сдѣлалось дурно и его отправили въ больницу. Дѣло хотѣли поправить извиненіемъ. Другой фактъ передаю со словъ другихъ лицъ. Уважаемому ст-ту Соколову—его уважали не только отдѣльные ст-ты, но вообще все студенчество—человѣку способному, занимающемуся, уравновѣшенному, уже пожилому и пользующемуся уваженіемъ и со стороны профессоровъ, было кинуто обвиненіе въ шпіонствѣ. Такіе случаи были сначала единичными, затѣмъ стали весьма частыми. Вообще возбужденіе между ст-тами было большое.

Печковскій. Изъ вашихъ словъ вытекаетъ неосновательность такихъ обвиненій, значитъ и эти обвиненія—такія же?

Липинъ. Я думаю, но не высказываю.

Печковскій. Какъ же вы объясните появленій подобныхъ обвиненій. Вѣдь теперь это обвиненіе поддерживается и профессорами?

Липинъ. Собственно говоря, это настолько удивительный фактъ, что его трудно объяснить. Я думаю въ основаніи его лежитъ рядъ недоразумѣній. Тутъ на судѣ возбуждался вопросъ о спискѣ—это только недоразумѣніе...

Печковскій. Но что же давало поводъ... на чемъ же нибудь это построено?

Лесгафтъ. Вы говорите, что рознь была раньше?

Липинъ. Рознь была.

Лесгафтъ. Нельзя ли установить связь между этими и появленіемъ группы «свобододѣйств.»?

Липинъ. Я затрудняюсь въ точности выяснить связь. Начало «свобододѣйств.» отношу къ тому времени, когда у насъ было три выпуска: весною, осенью и зимою. Весной окончило только 3 человѣка. Большинство экзаменовъ не держало, держали лишь единицы. Эти лица заявили, что они будутъ держать экзамены во что бы то ни стало. Это и было, если хотите, начало группировки.

Лесгафтъ. Были ли лица, желавшія ходить на лекціи и нежелавшія?

Липинъ. Нѣтъ, это было передъ экзаменами. Относительно хожденія на лекціи Г. Ин-тъ не представляетъ исключенія: ходятъ мало, безъ всякихъ заявленій. Мы этому значенія не придавали, въ особенности въ практическихъ предметахъ, слушалъ ли студентъ профессора или бесѣдовалъ съ нимъ.

Лесгафтъ. Это раньше было?

Липинъ. Раньше было.

Лесгафтъ. Въ 1904 г. такихъ лицъ было больше?

Липинъ. Здѣсь было большее число.

Лесгафтъ. И цѣлыми группами?

Липинъ. Цѣлыми группами, совершенно вѣрно.

Лутугинъ. Вы говорили, что Совѣтъ, съ котораго мы ушли, былъ 18 Марта?

Липинъ. Да.

Лутугинъ. И 24-го былъ слѣдующій...

Липинъ. Я числа не помню.

Лутугинъ. А я помню—24. На немъ мы не могли присутствовать, т. к. наша отставка была принята.

Липинъ. Т. е. была подана.

Лутугинъ. Принята. Наши прошенія были приняты 23-го.

Липинъ. Это мнѣ неизвѣстно.

Лутугинъ. И мнѣ, такъ какъ я не членъ Совѣта, а и членамъ Совѣта не были присланы повѣстки и протоколъ предыдущаго засѣданія для подписи.

Липинъ. Но для подписи-то обязательно долженъ былъ бы быть присланъ.

Лутугинъ. Такъ что разговоры о нашемъ задержаніи были post factum. Обсуждалась-ли наша записка 24-го?

Липинъ. Вѣдь вы ее не оставили?

Лутугинъ. Оставили. Коноваловъ ее показывалъ на судѣ.

Липинъ. Развѣ? Я по крайней мѣрѣ спрашивалъ о ней, желая прочесть на свободѣ. Но я ея не получилъ.

Лутугинъ. Дебатировалась-ли тема этой записки въ Совѣтѣ, т. е. о томъ, что студентамъ надо сговориться на общей сходкѣ и т. д.?

Липинъ. На Совѣтѣ не обсуждалось.

Лутугинъ. Но объ этомъ была рѣчь?

Липинъ. Да, рѣчь была.

Лутугинъ. Но какъ же рѣшили?

Липинъ. Разговоръ былъ, но не припомню, было ли постановленіе.

Лутугинъ. Важно знать относительно совѣщанія у Министра: какъ Министръ относился къ Коновалову, какую роль игралъ Министръ въ весенней исторіи, и дѣйствовалъ ли Коноваловъ согласно желанію Министра?

Липинъ. Собственно говоря, совѣщаніе у Министра было одно. Факты передать не могу, но личное мое впечатлѣніе, что Министръ относился къ Коновалову съ довѣріемъ.

Лутугинъ Дѣйствовалъ ли Коноваловъ согласно намѣреніямъ Министра, было ли у нихъ единеніе мыслей?

Липинъ. Было ли «намѣреніе» у Министра—не знаю. Повторяю, мнѣ кажется, что Министръ относился съ довѣріемъ.

Лутугинъ. Вы сами замѣтили, что часть группы «св-дѣйств.» намѣчалась раньше?

Липинъ. Намѣчалась.

Лутугинъ. Можно ли охарактеризовать эту группу, какъ преданную научнымъ занятіямъ, а не просто «желающую держать экзамены?»

Липинъ. Вы про 1902 годъ спрашиваете?

Лутугинъ. Да, про 1902.

Липинъ. Опредѣленнаго отвѣта дать не могу. Я знакомлюсь со студентами только на 4 и 5 курсахъ. Характеризовать младшіе курсы не могу. Что касается студентовъ 4 и 5 курсовъ, державшихъ тогда экзамены,—я не могу сказать, чтобы это были лучшіе.

Бауманъ. Въ 902 году Совѣтъ по педагогическимъ цѣлямъ допустилъ изъ 120 студентовъ старшихъ курсовъ только 40. Въ дѣйствительности же они держали экзамены осенью. А потомъ, по личному приказанію Министра, вопреки воли Совѣта, экзамены были произведены весной. Помните?

Липинъ. Да. Совѣтъ былъ противъ этого: на 4 — держало четыре человѣка, на 5-мъ—трое.

Бауманъ. Были ли Министру анонимныя письма и сообщалъ ли онъ ихъ Вамъ?

Липинъ. Да, были.

Долбня. Не согласитесь ли удостовѣрить, что наша группа отъ вашей принципіально отличалась тѣмъ, что мы не считали возможнымъ начать экзамены безъ предварительнаго и окончательнаго умиротворенія студентовъ, а вы—считали?

Липинъ. Раньше чѣмъ отвѣтить, я внесу поправку въ Ваши слова. Вамъ болѣе, чѣмъ кому бы то ни было должно быть извѣстно, что я не принадлежалъ ни къ какой группѣ. Я часто бывалъ согласенъ съ мнѣніемъ вашей группы, если взгляды совпадали. Что же касается непосредственно Вашего вопроса, — безусловно, Вы это заявляли, и въ этомъ отношеніи принципіально я былъ съ Вами согласенъ,—но при помощи другихъ мѣръ. Вы это признаете?

Долбня. Я это признаю. Въ числѣ мѣръ къ возврату профессоровъ было ли и Ваше посѣщеніе меня? Невѣжливость Коновалова вѣдь не играла существенной роли?

Липинъ. Нѣтъ, это былъ поводъ — послѣдняя капля, переполнившая чашу.

Долбня. Но вѣдь Вы мнѣ не дѣлали никакихъ предложеній для нашего удовлетворенія: ни отъ себя, ни отъ другихъ?

Липинъ. Какія же предложенія я вамъ могъ бы дѣлать отъ себя? Мы были солидарны съ Курнаковымъ и были у Іоссы и Коновалова.

Грузенбергъ. Хотѣли ли студенты полученія новыхъ правъ или укрѣпленія старыхъ?

Липинъ. Нѣтъ, они стремились къ сохраненію правъ, которыми они пользовались по традиціямъ.

Грузенбергъ. Только сохранить старину?

Липинъ. Старину; а затѣмъ они хотѣли удалить Коновалова.

Грузенбергъ. Вѣрно ли, что Вы и Курнаковъ просили удалиться Коновалова?

Липинъ. Вы затрагиваете непріятный для меня вопросъ... Это письмо, которое я писалъ, являлось послѣднимъ толчкомъ къ уходу Коновалова, какъ я слышалъ.

Грузенбергъ. Являлись ли къ Вамъ и къ Курнакову депутаты отъ 26 горныхъ инженеровъ?

Липинъ. У меня не были, но записку получилъ.

Грузенбергъ. Что они писали?

Липинъ. Насколько я припоминаю, высказывалось порицаніе институтскимъ порядкамъ.

Грузенбергъ. Такъ что и не одна молодежь выражала то же?

Липинъ. Да, безусловно.

Грузенбергъ. Обсуждался ли этотъ вопросъ въ Обществѣ Горныхъ Инженеровъ?

Липинъ. Да, слышалъ объ этомъ. Самъ не былъ. Былъ Курнаковъ. Я даже нѣсколько удивился, что въ ученомъ Обществѣ, гдѣ иногда послѣ обсужденія ученыхъ вопросовъ играютъ въ карты, обсуждался такой вопросъ.

Грузенбергъ. Послѣ ухода 6 профессоровъ не предлагались ихъ кафедры другимъ профессорамъ, напр.: Вульфу, Андрусову, Левинсону-Лессингу?

Липинъ. Это было. Весной вопросъ этотъ обсуждался и кандидаты намѣчались: нельзя было оставить молодежь, желавшую учиться, безъ руководителей. Поэтому были запросы.

Грузенбергъ. Что же они отказались?

Липинъ. Не всѣ.

Грузенбергъ. Я говорю про Вульфа, Андрусова и Левинсона-Лессинга?

Липинъ. Вульфа—я не помню. Андрусову—кажется предлагали—и онъ отказался.

Грузенбергъ. Не предлагали ли Лагузену и Карпинскому?

Липинъ. Предлагали,—они отказались.

Грузенбергъ. Ассистенты не уходили ли?

Липинъ. Фассъ, Фростъ и Преображенскій.

Грузенбергъ. А потомъ?

Липинъ. Кажется, никто. Преподаватели—да: въ серединѣ года подали въ отставку: Миткевичъ, Шателенъ и Пистелькорсъ.

Грузенбергъ. Но фактъ тотъ, что они ушли?

Липинъ. Я не считаю, что этотъ вопросъ оконченъ. Отставка ихъ была достаточно вялая, и когда ушелъ Коноваловъ, дѣло можетъ быть поставлено иначе.

Грузенбергъ. Но было ли постановленіе о принятіи всѣхъ студентовъ послѣ ухода Коновалова?

Липинъ. Да, но вопросъ этотъ обсуждался и при Коноваловѣ, рѣшено было принять всѣхъ, кто подастъ прошеніе, и только окончательно это постановленіе утверждено было послѣ Коновалова.

Грузенбергъ. Во время экзаменовъ была ли усиленная полицейская охрана?

Липинъ. Въ Институтѣ не было: я самъ отказался бы экзаменовать, если бы хоть одинъ полицейскій былъ въ Институтѣ.

Грузенбергъ. Были ли конные?

Липинъ. Видалъ одного или двухъ, но больше они разъѣзжали по линіямъ.

Грузенбергъ. А пѣшихъ — человѣкъ 16—20, передъ Институтомъ?

Липинъ. Нѣтъ, этого я не видѣлъ.

Грузенбергъ. Когда докладывался списокъ исключенныхъ, подтверждался ли онъ свидѣтелями?

Липинъ. Нѣтъ, намъ представлялись только списки. Даже больше скажу: въ этотъ списокъ попали не всѣ лица, принимавшіе участіе въ обструкціи; помощники инспектора ихъ переписывали.

Грузенбергъ. Приглашались ли студенты для объясненій при рѣшеніи ихъ участи?

Липинъ. Нѣтъ, этого никогда не бывало—это противъ всѣхъ правилъ.

Грузенбергъ. Но вѣдь вопросъ шелъ объ исключеніи и увольненіи. Инспекція могла ошибиться. И ихъ не спрашивали?

Липинъ. Нѣтъ. Вѣдь это только страшныя слова. «увольненіе», «исключеніе»; потомъ всегда принимали обратно.

Грузенбергъ. Въ 902 году былъ ли уволенъ хоть одинъ студентъ самимъ Совѣтомъ?

Липинъ. Нѣтъ, кажется.

Грузенбергъ. Отъ Министра исходили эти требованія?

Липинъ. Да.

Бауманъ. Въ 902 году 250 человѣкъ уволены по приказанію Министра, а осенью остался ли хоть одинъ не принятымъ?

Липинъ. Нѣтъ, были всѣ приняты.

Бауманъ. Въ этомъ году было уволено и исключено 55 человѣкъ, и сколько потомъ не было принято?

Липинъ. Теперь всѣ приняты.

Зерновъ. Теперь Совѣтъ увольнялъ исключительно за обструкцію?

Липинъ. За обструкцію. Для уволенныхъ на два года принималось въ соображеніе curriculum vitae даннаго лица.

Зерновъ. Въ спискѣ было сказано, что эти лица участвовали въ обструкціи?

Липинъ. Да, Совѣту кромѣ того было извѣстно, что многія изъ этихъ лицъ принимали участіе и въ другихъ движеніяхъ.

Зерновъ. Вы были при обструкціи? Заявляли ли обструкціонисты, что они уполномочены сходкой?

Липинъ. Нѣтъ, никакихъ заявленій не было. Прямо потребовали прекратить экзаменъ, стучали палками, кричали...

Зерновъ. Было ли это предупрежденіе объ обструкціи?

Липинъ. Меня ст-ты предупреждали, что обструкція будетъ; но я не думалъ, что обструкція проявится въ такой возмутительной формѣ. Я полагалъ, что дѣло кончится также, какъ наканунѣ, т. е. что обструкціонисты потребуютъ подъ угрозой скандала прекращенія экзамена, и экзаменъ будетъ отмѣненъ.

Зерновъ. Заявляли ли Вамъ эти ст-ты, что они уполномочены сходкой?

Липинъ. Нѣтъ, но они говорили, что у нихъ рѣшена обструкція; у меня вѣдь не разъ были ст-ты: депутаты, а потомъ и не депутаты.

Зерновъ. Профессорамъ не было извѣстно, что рѣшена обструкція?

Липинъ. Про это я не знаю.

Зерновъ. Вѣдь обвиненія въ шпіонствѣ были и раньше?

Липинъ. Бывали и раньше.

Леонтьевъ. Сконопницъ-Грабовскаго сходка судила?

Липинъ. Не знаю. Кажется, онъ былъ обозванъ публично и шатаясь ушелъ со сходки. Получилъ сильное нервное разстройство. Попалъ въ психіатрическую лечебницу и въ Совѣтѣ подымался вопросъ о выдачѣ ему пособія на леченіе.

Леонтьевъ. А разслѣдованіе по этому поводу было?

Липинъ. Кажется выяснилось, что онъ невиновенъ, и передъ нимъ извинились.

Леонтьевъ. А въ 1904 году, когда эти обвиненія возникли, были ли указанія на опредѣленныхъ лицъ или огульныя?

Липинъ. Когда я бесѣдовалъ со ст-тами, то мнѣ, кажется, называли одну или двѣ фамиліи.

Леонтьевъ. Разслѣдованія не было и сходки ихъ не судили?

Липинъ. Кажется нѣтъ: гласно никого не называли.

Леонтьевъ. Когда представлялись списки желающихъ держать экзамены, были ли въ Совѣтъ или директору жалобы кого-нибудь изъ ст-въ на невнесеніе его въ списокъ?

Липинъ. Нѣтъ, не было.

Леонтьевъ. Вы сказали, что въ 1902 году желавшіе экзаменовъ были не лучшіе ст-ты; мнѣ бы хотѣлось точнѣе опредѣлить, что это значитъ—въ смыслѣ науки, балловъ?

Липинъ. Да, съ школьной точки зрѣнія.

Бауманъ. Въ 1902 году было постановленіе Совѣта (неединогласное: 7 и 8) коимъ И. А. Соколовъ за не предоставленіе проекта къ экзаменамъ допущенъ не былъ.

Кутыринъ. Не помните ли отношенія Соколова и Воробьева въ 1902 г.?

Липинъ. Въ это время я ихъ еще не зналъ.

Кутыринъ. Но Воробьевъ былъ на 3 курсѣ, а Соколовъ уже на 4-мъ, онъ остался на второй годъ. Въ 1902 году держали ст-ты Гудковъ и Томилинъ, работавшіе у Никитина. Это все лица занимающіеся, и пр. Никитинъ не откажется подтвердить это.

Никитинъ. Подтверждаю.

Кутыринъ. Но если въ 1902 году составъ умѣренныхъ былъ средній,—въ 1904 году какой же былъ?

Липинъ. Могу сказать по отношенію къ своему предмету—я это долженъ сказать,—что державшіе экзамены въ 1904 году представляли сильныхъ по знанію ст-въ.

Рейнвальдъ. Не припомните ли, что Вы послѣ разрыва резолюціи говорили депутатамъ, что не находите въ ней ничего оскорбительнаго для достоинства Коновалова?

Липинъ. Какъ Вамъ сказать — мнѣ она показалась рѣзковатой.

Рейнвальдъ. Не находили ли Вы нужнымъ, чтобы Коноваловъ извинился за оскорбленіе?

Липинъ. Да, я ему и самъ говорилъ объ этомъ.

Рейнвальдъ. Знали ли Вы о томъ, что обструкція обостритъ отношенія между ст-тами?

Липинъ. Я предполагалъ, что хотя обструкція и рѣшена, но будетъ болѣе мирнаго характера, т. е. будетъ предложено прекратить экзамены, какъ 31 марта, какъ я уже говорилъ.

Рейнвальдъ. Утверждено ли теперь Мин-ромъ постановленіе Совѣта о принятіи всѣхъ обратно?

Липинъ. Ну, этого не могу сказать: давно не былъ въ Ин-тѣ Но М-ръ вѣроятно согласится съ мнѣніемъ Совѣта.

Рейнвальдъ. Когда увольняли обструкціонистовъ, указывали ли въ Совѣтѣ дѣянія каждаго изъ нихъ?

Липинъ. Да. относительно большинства были разговоры. Противъ фамилій наиболѣе проявившихъ себя были соотвѣтствующія помѣтки.

Рейнвальдъ. Относительно исключенныхъ было это?

Липинъ. Было, напр.; Зунтуриди.

Рейнвальдъ. Какъ же попалъ Свитальскій?

Липинъ. Ну, ужъ этого я не могу сказать.

Рейнвальдъ. За нимъ былъ одинъ грѣхъ: онъ былъ членомъ столовой коммиссіи.

Липинъ. О членахъ столовой коммиссіи тамъ рѣчи не было. Неужели вы могли предполагать, что если ст-тъ работаетъ въ коммиссіяхъ, то это можетъ служить для Совѣта мотивомъ къ исключенію?

Рейнвальдъ. Относительно Панфилова и Гусарскаго были свѣдѣнія, они не были на обструкціи?

Липинъ. Должно быть были: въ спискѣ они помѣщены.

Снятковъ. Когда рѣшался вопросъ о допущеніи ст-въ къ экзаменамъ?

Липинъ. Въ началѣ марта.

Снятковъ. А не послѣ закрытія Ин-та?

Липинъ. Не помню, можно достать справку.

Рейнвальдъ. Послѣ закрытія.

Бауманъ. Послѣ нашего ухода.

Гаппеевъ. Пр. Митинскій ссылался, что журналъ этотъ подписанъ проф. Бауманомъ.

Макаровъ. Это было въ концѣ февраля. Я прекрасно помню, какъ, на такъ называемой позорной доскѣ, висѣлъ списокъ недопущенныхъ, и ваша фамилія, г. Рейнвальдъ, тамъ красовалась.

Снятковъ. Экзаменаціонныя требованія были пониженныя или нормальныя?

Липинъ. Скорѣе нормальныя.

Снятковъ. Былъ ли инспекторъ Коцовскій уполномоченъ гарантировать студенческія учрежденія, если экзамены пройдутъ спокойно?

Липинъ. Я не помню этого.

Снятковъ. Какимъ образомъ свидѣтель, «будучи противникомъ всякаго насилія надъ чужой личностью и волей», стремился къ принужденію ст-въ экзаменоваться. Почему не давали отпусковъ?

Липинъ. О невыдачѣ отпусковъ я слышу только на Судѣ, и меня какъ члена Совѣта, это не касается.

Снятковъ. То мѣсто Вашего письма, гдѣ вы говорите о необходимости Коновалову извиниться, не совсѣмъ согласуется съ общимъ письмомъ** 8 профессоровъ, гдѣ сказано о посѣщеніи директоромъ учрежденій.

Липинъ. Я это письмо* подтверждаю вполнѣ; за посѣщеніе онъ вовсе не долженъ былъ извиниться. Снятіе портрета Бебеля не стоитъ выѣденнаго яйца.

Снятковъ. За что ст-ты требовали извиненія отъ Коновалова?

Липинъ. Конечно за разорваніе резолюціи и выгонъ депутатовъ.

Бауманъ. Помните послѣднее наше совѣщаніе; рѣчь шла объ извиненіи Коновалова. Пр. Асѣевъ сказалъ, что извиненіе должно быть со стороны ст-въ, а потомъ уже со стороны Коновалова. Лутугинъ на это сказалъ, что съ одной стороны 400 возбужденныхъ молодыхъ людей, а съ другой стороны зрѣлый человѣкъ, который не можетъ оправдываться горячностью. Съ чьей же стороны должно было послѣдовать извиненіе?

Липинъ. Отвѣчу нѣсколько иначе. Мое мнѣніе: если бы послѣ изгнанія депутатовъ поставить точку, тогда ст-тамъ не надо бы извиняться. Но сходка послѣ этого вынесла очень рѣзкую и обидную резолюцію. Послѣ этой резолюціи Коноваловъ могъ первымъ извиниться только уже послѣ того, когда ст-ты взяли бы эту резолюцію обратно.

Бауманъ. Отчего Вы не сказали этого 18 Марта?

Липинъ. Когда Вы ушли-то? Вспомните—тогда нельзя было слова вставить.

Долбня. Совѣтъ выразилъ глубокое сожалѣніе по поводу нашего ухода. Вы знаете, что намъ оно не было сообщено?

Липинъ. Мнѣ это неизвѣстно.

Долбня. Что не получили—не знали?

Липинъ. Я знаю, что мы сами редактировали формулу этого сожалѣнія, но сообщено ли оно было Вамъ, я не знаю.

Зерновъ. Не произвело ли на Васъ на совѣщаніи 18 Марта впечатлѣнія чего-то неяснаго, непріятнаго, извѣстіе, что ст-ты введены въ заблужденіе?

Липинъ. Это было раньше. Я былъ однимъ изъ сторонниковъ того, чтобы разъяснить это. Тѣмъ болѣе, что это былъ не Совѣтъ, а совѣщаніе: я не получилъ даже повѣстки. Я говорилъ что Совѣтъ не можетъ гарантировать, тогда какъ ст-ты говорили мнѣ о постановленіи именно этого яко-бы Совѣта. На Совѣтѣ 15 Марта было рѣшено разъяснить это ст-тамъ: Иванъ Петровичъ самъ вызвался.

Зерновъ. Придавали ли Вы особенно важное значеніе этому недоразумѣнію и не произвело ли на Васъ впечатлѣнія, что въ этомъ причина конфликта?

Липинъ. Я приписывалъ этому большое значеніе. Не могу сказать, чтобы чрезвычайное, но довольно большое.

ПЕРЕРЫВЪ.

Предсѣдатель. Допросъ профессора Липина оконченъ.

Гартунгъ. Виноватъ, позвольте мнѣ предложить еще одинъ вопросъ. Профессоръ говорилъ, что ему извѣстны фамиліи: мои довѣрители просятъ назвать эти фамиліи громко, подъ условіемъ одновременнаго указанія лицъ, отъ которыхъ онъ это слышалъ.

Липинъ. Это совершенно невозможно: я говорилъ съ нѣсколькими лицами и фамилій ихъ не помню.

Гартунгъ. Есть ли эти фамиліи въ числѣ подписавшихъ вызовъ къ Третейскому Суду?

Липинъ. Я припоминаю одну, ея нѣтъ.

Допросъ пр. Липина оконченъ.

Леонтьевъ. Я не получилъ желаемаго отвѣта. Не пожелаетъ ли кто-нибудь, изъ противной стороны, напр. Гапѣевъ или Рейнвальдъ, разъяснить, какъ производились обвиненія въ шпіонствѣ въ 902 и 904 году? Были ли опредѣленныя указанія, выступали ли опредѣленныя лица, съ опредѣленными обвиненіями? Производилось ли разслѣдованіе, судили ли ихъ и чѣмъ кончилось дѣло?

Гапѣевъ. Я и еще двое изъ здѣсь присутствующихъ состояли

въ коммиссіи для разслѣдованія этого дѣла. Въ дѣлѣ Пономарева я былъ только внимательнымъ зрителемъ. Тогда не было никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы сказать, что онъ шпіонъ. Здѣсь таковыя данныя мы могли бы получить лишь изъ охраннаго отдѣленія. Maximum косвенныхъ уликъ, полная нравственная несостоятельность личности—были причиною единогласнаго рѣшенія объ удаленіи его изъ Ин-та. Въ 903 г. началось дѣло 3-хъ ст-въ. Вслѣдствіе ихъ страннаго поведенія у ст-въ закралось подозрѣніе въ принадлежности ихъ къ охранному отдѣленію. Коммиссія, выбранная сходкой, разобрала и обсудила всѣ свидѣтельскія и личныя показанія, относительно ихъ образа жизни, средствъ и т. п. Александровичъ оказался толстовцемъ, обвиненіе было признано неосновательнымъ, и г. Александровичъ — выше всякихъ подозрѣній. Сконопницъ-Грабовскій—маніакъ по натурѣ, съ разстроенной нервной системой, занимался изобрѣтеніемъ управляемаго аэростата; обвиненіе противъ него было тоже крайне неосновательнымъ. Въ коммиссіи онъ раскрылъ самыя мелкія подробности своей жизни, и видно было по всему, что онъ—субъектъ ненормальный. Онъ оправданъ единогласно

Зерновъ. Относительно Сконопницъ-Грабовскаго я то-же думаю, чтобы онъ былъ нормаленъ. Во время Техническаго съѣзда онъ обращался ко мнѣ съ предложеніемъ читать докладъ по всѣмъ затронутымъ вопросамъ.

Гапѣевъ. О Новгородскомъ данныя раздѣлялись: я лично считалъ его субъектомъ тупымъ и ограниченнымъ. Я думаю, по этой ограниченности онъ не годенъ былъ бы въ шпіоны. Онъ, напр., путалъ понятія „провокатора" и „оратора": такъ, среди своихъ показаній онъ сказалъ—„я знаю у насъ многихъ провокаторовъ". На мой вопросъ: кто же они, онъ отвѣтилъ: „всѣ ораторы, а главнымъ образомъ,—тѣ, что говорятъ на сходкахъ за забастовку". Коммиссія сначала тоже думала что и я, но нѣкоторыя данныя, сообщенныя лишь нѣкоторымъ членамъ коммиссіи, заставили Ивана Соколова сказать „да, повидимому, онъ виноватъ". На сходкѣ его оправданіе прошло большинствомъ 8 голосовъ.

Леонтьевъ. Меня интересуетъ методъ разслѣдованія. Въ 903 г. выступали съ опредѣленными обвиненіями опредѣленныя лица, какъ г. Матвѣевъ. Ст-ты назначили коммиссію. Комм. разслѣдовала и доложила результаты сходкѣ. Было ли что либо подобное въ 904 г.?

Гапѣевъ. Здѣсь большая разница. Здѣсь обвиняется вся группа въ шпіонскомъ характерѣ дѣйствій. Съ этой точки зрѣнія и надо смотрѣть.

Долбня. Весьма важно замѣтить, что прежде обвинялись въ политическомъ шпіонствѣ, а „св-дѣйст.“ обвиняются только въ академическомъ и въ прикосновенности къ инспекціи.

Леонтьевъ. А списокъ носитъ характеръ политическій или академическій?

Предсѣдатель. Отложимъ этотъ вопросъ.

Грузенбергъ. Прошу отмѣтить въ протоколѣ утвержденія Свитальскаго, Панфилова, Гусарскаго и Юферева, что они не были на обструкціи.

Гливицъ. Я тоже былъ членомъ слѣдственной комм. и утверждаю, что во время слѣдствія Скonопницъ-Грабовскій уже былъ разстроенъ.

Соколовъ. Докторъ, лечившій Скonопницъ-Грабовскаго, говорилъ мнѣ, что это обвиненіе было послѣднимъ толчкомъ къ его сумасшествію.

Предсѣдатель. Предлаю прекратить разговоръ на эту тему и продолжать допросъ свидѣтелей. Вызываетъ г. Оболдуева.

Оболдуевъ. Я—не членъ Совѣта. По роду своихъ занятій я чаще всего соприкасаюсь со ст-тами 5 курса. Я просилъ бы предлагать мнѣ вопросы.

Лутугинъ. Насколько помню, Вы будучи ст-томъ, довольно близко стояли къ студенч. организаціямъ. Понимали смыслъ движеній и понимали, почему ст-ты такъ ревниво относятся къ своимъ правамъ. Каковъ Вашъ взглядъ на комбинацію студенческихъ силъ въ настоящее время.

Оболдуевъ. Въ мое время такого различія не было. Были правые и лѣвые. Группы отличались своими политическими взглядами. Когда я, послѣ 4-хъ лѣтняго отсутствія, вернулся въ Ин-тъ, то нашелъ огромную перемѣну. Всѣ студенч. учрежденія пріобрѣли нѣкоторыя обычныя права. И въ мое время была столовая, библіотека, фондъ, но у нихъ не было прочныхъ основаній. Въ 903 г. я засталъ остатки группы „своб-дѣйств.“, ихъ было 4 человѣка. Я видѣлъ ихъ тяжелое положеніе среди ст-въ: всѣ ст-ты 5 курса игнорировали ихъ. Для меня это было новое явленіе. По скольку эти свобододѣйствующіе появились на почвѣ желанія держать экзамены—не знаю.

Лутугинъ. Признаете ли вы, что атмосфера, создавшаяся благодаря единенію и подчиненію большинству, являлась желательной для корпораціи?

Оболдуевъ. Это вездѣ наблюдалось и желательно; это есть и въ университетѣ и у насъ; меньшинство подчинялось большинству, и никакихъ поводовъ къ расколу въ мою бытность не возникало.

Лутугинъ. Такъ что расколъ по Вашему произошелъ не изъ-за страстной любви къ наукѣ?

Оболдуевъ. О всей группѣ этого сказать не могу. Относительно отдѣльныхъ лицъ сказать это можно. Мнѣ приходилось говорить съ нѣкоторыми еще въ январѣ и въ февралѣ. За экзамены приводились доводы практическаго характера: не видятъ данныхъ для недержанія. Потеряли уже и безъ того годы. На Дальній Востокъ предпочитаютъ идти инженерами. Но это лишь—отдѣльныя лица. О всѣхъ же сказать затрудняюсь.

Лутугинъ. Какъ реагировали младшіе члены коллегіи на дѣятельность Коновалова?

Оболдуевъ. Относительно событій нѣсколько измѣню показанія В. Н. Липина на счетъ преподавателей. Профессора ушедшіе пользовались большой популярностью. Уходъ ихъ имѣлъ рѣшительное значеніе: если бы они остались, инцидентъ не зашелъ бы такъ далеко. Мы, лаборанты и ассистенты, собирались и обсуждали, какъ намъ относиться къ политикѣ Коновалова. Она не всегда могла быть оправдываема, но мы не находили достаточныхъ основаній послѣдовать примѣру ушедшихъ профессоровъ.

Лутугинъ. Такъ что Вы нашли возможнымъ производить экзамены при полиціи: одни ст-ты рвуться выразить негодованіе, а другіе вмѣстѣ съ профессорами попадаютъ въ Ин-тъ секретными путями?

Оболдуевъ. Секретными!—пути были отнюдь, несекретные, и зачѣмъ Вы, Леонидъ Ивановичъ, употребляете такія жестокія слова. Мы считали, что нашъ уходъ не улучшитъ ничего. Осенью, когда Коноваловъ не ушелъ, мы собрались и рѣшили, что для успокоенія ст-въ необходимъ уходъ Коновалова. Но Коноваловъ черезъ недѣлю самъ ушелъ. Тогда Миткевичъ и Никольскій взяли свои прошенія обратно, ибо они не имѣли уже смысла,—и нашъ ультиматумъ не пришлось примѣнять.

Лутугинъ. Когда выяснилось отношеніе Совѣта къ ст-тамъ: способъ суда, высылка,—реагировали ли Вы или нѣтъ?

Оболдуевъ. Способъ суда не новъ, такъ и раньше судили. Относительно высылки разговора не было.

Зерновъ. Когда Вы кончили курсъ?

Оболдуевъ. Въ 1898 г.

Зерновъ. Тогда были выработаны пріемы при рѣшеніи вопросовъ: голосованіе, опросъ и т. п.?

Оболдуевъ. Я могу сказать, что въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, какъ въ фондѣ, нужно было большинство двухъ третей голосовъ. Общестуденческія сходки собирались съ большимъ трудомъ—былъ су-

ровый режимъ Меллера, и мы не могли бороться даже за ничтожныя права. Помню одинъ случай: послѣ смерти Александра III на общей сходкѣ былъ поднятъ вопросъ о вѣнкѣ и былъ рѣшенъ большинствомъ въ отрицательномъ смыслѣ. Это единственный случай на моей памяти.

Зерновъ. Когда Вы уже не были ст-томъ, Вамъ было неизвѣстно что не писанный, но опредѣленный укладъ установился?

Оболдуевъ. Разъ навсегда установленныхъ формъ не было.

Зерновъ. Вы указали на трехъ-четырехъ ст-товъ, называя ихъ остатками партiи; это было когда?

Оболдуевъ. Въ 1903 году. Повидимому былъ расколъ изъ-за сожженiя временныхъ правилъ въ 1902 году. На 5 курсѣ осталось только 4 человѣка. Съ ними я встрѣтился въ 1904 году.

Зерновъ. И въ отношенiи къ нимъ всѣ держались съ осторожностью. Относились неодобрительно? Сторонились?

Оболдуевъ. На 5 курсѣ—всѣ.

Зерновъ. Въ прошломъ 1904 году Вы не экзаменовали?

Оболдуевъ. Былъ на экзаменѣ проф. Липина ассистентомъ. Экзаменъ 31 марта былъ отмѣненъ Коцовскимъ, а 2 апрѣля прерванъ обструкцiей, при которой я присутствовалъ.

Зерновъ. Чѣмъ Вы объясняете, что въ концѣ концовъ очень многiе держали экзамены?

Оболдуевъ. Изъ частныхъ разговоровъ я узнавалъ, что приступили къ экзаменамъ, такъ какъ упорство было сломлено.

Зерновъ. Не подѣйствовала ли обструкцiя, какъ рѣзкая форма, не утвержденная сходкой?

Оболдуевъ. Не могу утверждать этого.

Гесенъ. Вотъ тѣ 3—4 ст-та, о которыхъ Вы упоминали, уже назывались «свобододѣйствующими»?

Оболдуевъ. Свобододѣйствующiе уже были, а свободомыслящихъ еще не было.

Гесссенъ. Общее впечатлѣнiе: эти — не изъ лучшихъ? Вы ихъ знаете по чертежамъ. Ваше впечатлѣнiе?

Оболдуевъ. Я могу указать изъ лицъ, ратовавшихъ за экзамены, на Воробьева и Соколова, съ педагогической точки зрѣнiя это были лучшiе.

Гессенъ. А общее впечатлѣнiе о массѣ?

Оболдуевъ. Не скажу, чтобъ были плохи.

Гессенъ. Представленiе чертежей считаете ли Вы обязательнымъ для допущенiя къ экзаменамъ?

Оболдуевъ. По буквѣ закона—обязательнымъ. Но это обходится: когда я кончалъ, я подалъ проектъ по прикладной механикѣ въ 12 часовъ ночи наканунѣ.

Гессенъ. Неподача чертежа не мѣняла физіономіи экзаменовъ?

Оболдуевъ. Рѣшающаго значенія не имѣла: это стало обычнымъ явленіемъ. Учебный уровень понизился, поблажки сдѣлались чаще и больше: до Коновалова во главѣ стояли Лагузенъ и Лебедевъ—люди чрезвычайно мягкіе.

Бокій. Вы окончили въ 1898 году. Я поступилъ въ 1896 и былъ при суровомъ режимѣ Меллера. Вы говорили, что общихъ сходокъ не было; Я вамъ могу напомнить, что тогда было обиліе сходокъ по самымъ пустяковымъ поводамъ, напр. сходки объ исключеніи Беккергарда: послѣдній былъ исключенъ простымъ большинствомъ.

Оболдуевъ. Но не безъ борьбы. Относительно же того, что въ то время было больше сходокъ,—я не согласенъ.

Бокій. Не припомните ли Вы огромной сходки о пожертвованныхъ въ столовую денегъ, когда ихъ хотѣли направить въ фондъ?

Оболдуевъ. Не помню, но вообще сходокъ, можетъ быть, было двѣ-три въ годъ.

Гапѣевъ. Державшіе въ прошломъ году экзамены всѣ представили проекты до экзаменовъ?

Оболдуевъ. Безусловно всѣ.

Гапѣевъ. Послѣ 31 марта и 2 апрѣля Вы бывали на экзаменахъ?

Оболдуевъ. Былъ.

Гапѣевъ. Вы говорите, что на этихъ экзаменахъ были, потому что не предвидѣли обостренія, а потомъ Вы чѣмъ руководствовались?

Оболдуевъ. Тѣмъ, что послѣ обструкціи было больше желающихъ заниматься, чѣмъ прежде.

Гапѣевъ. Не припомните ли Вы, что дали мнѣ и Замятину слово не экзаменовать дальше?

Оболдуевъ. Въ день обструкціи—да.

Гапѣевъ. Вы передали проф. Митинскому желѣзную златоустовскую палку?

Оболдуевъ. Въ числѣ обструкціонистовъ одинъ былъ съ желѣзной палкой. Я обратился къ нему и убѣдилъ его отдать мнѣ ее.

Гапѣевъ. Борьбы не было? Студентъ самъ Вамъ отдалъ палку?

Оболдуевъ. Палку взялъ безъ всякой борьбы, но фактъ тотъ, что съ палками были.

Половниковъ. Я тоже довольно старый студентъ. Вы можетъ быть помните, чего намъ стоила борьба съ Меллеромъ за столовую комиссію, въ которой равномѣрно участвовали и правые и лѣвые?

Оболдуевъ. Относительно столовой—помню.

Половниковъ. А относительно другихъ учрежденій?

Оболдуевъ. Относительно другихъ могу сказать, что они больше интересовали лѣвую партію: библіотека—у лѣвыхъ, фондъ—общестуденческій, безъ различія партій.

Предсѣдатель. Вопросовъ свидѣтелю больше нѣтъ? Прошу дать показанія г. Борбота-де-Марни.

Барботъ-де-Марни. Я просилъ бы задавать мнѣ вопросы. Членомъ Совѣта не состоялъ.

Лутугинъ. Можете-ли дополнить показанія г. Оболдуева?

Барботъ-де-Марни. Я могу присоединиться ко всему, что сказалъ г. Оболдуевъ.

Лутугинъ. Какъ относились студ-ты къ ассистентамъ до конфликта и послѣ?

Барботъ-де-Марни. Къ ассистентамъ—разницы не замѣчалъ.

Лутугинъ. Дѣлались-ли Вамъ какія-либо заявленія?

Барботъ-де-Марни. Какъ ассистенту—нѣтъ, но практическія занятія шли у меня иначе, какъ въ прошломъ году: 50% только закончили свои работы.

Лутугинъ. Вы замѣстили проф. Богдановича по курсу «рудныхъ мѣсторожденій. Какое Вы встрѣтили отношеніе со стороны студентовъ?

Барботъ-де-Марни. На лекціяхъ «рудныхъ мѣсторожденій» народу бывало мало, но не скажу, чтобы и у Карла Ив. бывало много. Я спросилъ студ-въ о причинѣ непосѣщенія; одинъ изъ посѣщавшихъ сказалъ мнѣ, что ему неловко ходить, такъ какъ въ прошломъ году студенты заявили Карлу Ив., что экзамена держать не будутъ; Карлъ Ив. согласился. Въ этомъ году выяснилось, что предметъ обязателенъ; такъ что слушая лекціи, студенты тѣмъ самымъ санкціонировали бы обязательность экзаменовъ, такъ говорилъ мнѣ студентъ. Я обратился къ студентамъ 5 курса, прося ихъ переговорить по этому поводу. Собралось малое число студентовъ и они выразили мнѣ черезъ депутатовъ свое отрицательное отношеніе ко мнѣ какъ читающему лекціи, и вообще къ предмету; держаніе экзамена сочли несущественнымъ, а меня лицомъ неподходящимъ для чтенія этого предмета.—Но это—отношеніе ко мнѣ, какъ преподавателю, но не ассистенту.

Грузенбергъ. Такъ что ассистенты осенью постановили уйти, если не уйдетъ Коноваловъ? Единогласно?

Барботъ-де-Марни. Это было зимой, въ двадцатыхъ числахъ декабря. Это не было единогласно. Это совѣщаніе было у меня на квартирѣ. Первый пунктъ: собравшіеся ассистенты и преподаватели считаютъ невозможнымъ начало занятій послѣ 1-го января, если Коноваловъ останется директоромъ.

Грузенбергъ. Это было рѣшительное требованіе? Остались только тогда, когда узнали, что Коноваловъ уйдетъ?

Барботъ-де-Марни. Послѣднее было рѣшено уже на второмъ засѣданіи.

Лутугинъ. Когда ассистенты мотивировали невозможность совмѣстной службы съ Коноваловымъ, чѣмъ руководились: дѣятельностью Коновалова весной или осенью и зимой?

Барботъ-де-Марни. На совѣщаніи высказывали, что оно не является судилищемъ, но исходили изъ взгляда, что студенты не могутъ быть спокойны, пока директоромъ Коноваловъ.

Лутугинъ. Такъ что своего отношенія къ дѣятельности Коновалова Вы не устанавливали?

Барботъ-де-Марни. На этомъ засѣданіи не устанавливали.

Гартунгъ. Вамъ являлись депутаты, заявлялось ли Вамъ, кто ихъ выбралъ, кто ихъ уполномочилъ, сколько было на сходкѣ и сколько вообще на 5 курсѣ?

Барботъ-де-Марни. На 5 курсѣ—114 человѣкъ; ко мнѣ пришло 5 человѣкъ. Явились они представителями 5 курса. Я не сталъ спрашивать о числѣ лицъ на сходкѣ—мнѣ было какъ то совѣстно; но говорятъ, что на сходкѣ было 18 человѣкъ 5-го курса—всего душъ 60.

Конради. Я былъ въ числѣ депутатовъ. Относительно сходки собравшейся по Вашему желанію, ибо Вы просили выяснить наше отношеніе (непосѣщающихъ Вашихъ лекцій), къ Вамъ. Объявленіе объ этомъ было вывѣшено за двѣ недѣли во всѣхъ видныхъ мѣстахъ Ин—та, такъ что сходка считала себя вполнѣ законной разобрать этотъ вопросъ. Дѣйствительно, студентовъ 5-го курса на ней было 18 человѣкъ, всего же—около 60. Разбирались Ваши «ученые» труды и сходка нашла Васъ не подходящимъ для замѣщенія этой кафедры и вынесла порицаніе въ рѣзкой формѣ, просивъ Васъ оставить эту кафедру.

Грузенбергъ. Какъ собираются сходки. Вывѣшиваются объявленія?

Барботъ-де-Марни. Это—спросите у студентовъ.

Гапѣевъ. Вывѣшиваются объявленія.

Грузенбергъ. Такъ что доводится до общаго свѣдѣнія?

Барботъ-де-Марни. Не могу точно отвѣтить—въ мое время сходокъ было мало.

Грузенбергъ. Такъ что объявляется сходка и пришедшіе рѣшаютъ большинствомъ.

Леонтьевъ. Есть ли такое написанное правило въ Инст—тѣ, что тотъ, кто не пришелъ на сходку, соглашается съ постановленіемъ?

Гливицъ. Я тоже старый студентъ. Я поступилъ въ 900 году изъ Университета. На одной сходкѣ проф. Мушкетовъ, я помню, сказалъ: главная традиція—меньшинство подчиняется большинству, каково бы это большинство не было.

Предсѣдатель. (Гливицу). Ваше показаніе будетъ потомъ.

Васютинскій. Я былъ на совѣщаніи по поводу курса «рудн. мѣст.». Вообще на этой сходкѣ были студенты, интересующіеся цикломъ геологическихъ наукъ. Также точно, тѣ же интересующіеся бывали и на лекціяхъ проф. К. И. Богдановича.

Конради. Баллотировали одни студенты 5-го курса.

Макаровъ. Неправда,—баллотировали и другіе, напр., Лури—3-го курса. Разборъ ученыхъ трудовъ дѣлалъ Кисельниковъ—4-го курса, который затѣмъ предлагалъ формулу. Не припомните ли, что въ ней на ряду съ проф. Мушкетовымъ былъ поставленъ «авторитетомъ»—Преображенскій (молодой ассистентъ). Лури именно замѣтилъ: «ну ужъ этого то можно бы и пропустить»?

Конради. Что Лури—3-го курса, не зналъ: «но вѣдь благодаря его заявленію резолюція была лишь смягчена—вычеркнули относительно Преображенскаго.

Гапѣевъ. Не приходи ли къ Вамъ кромѣ депутатовъ отъ 5-го курса еще и другіе студенты, которые заявляли Вамъ объ ихъ нежеланіи видѣть Васъ на кафедрѣ физической геологіи?

Барботъ-де-Марни. Какъ же. У меня были два студента, которые сказали: «желая вернуть прежнихъ професcровъ мы завтра подаемъ Министру петицію; Министръ можетъ отвѣтить: это невозможно—куда же ихъ вернуть, когда кафедры уже заняты. Не поможете ли вы намъ въ этомъ дѣлѣ, отказавшись отъ кафедры. На это я имъ замѣтилъ, что кафедры физической геологіи я нэ занимаю: только временно мнѣ поручено читать курсъ, а потому я не могу и не желаю мѣшать возвращенію К. И. Богдановича—считая его болѣе достойнымъ. Студенты просили: «подайте заявленіе что не будете читать физическую геологію, а на курсѣ «рудныхъ мѣсторожденій» оставайтесь себѣ». Я сказалъ имъ опять, что возвращенію Карла Ивановича мѣшать не желаю, и если онъ только пожелаетъ вернуться, я въ тотъ же день уступлю ему мѣсто. Они удовлетворились и мы разошлись.

Гапѣевъ. Я долженъ внести маленькую поправку. Вы указали еще на свое семейное положеніе?

Барботъ-де-Марни. Это—не совсѣмъ такъ. Я, указывая на мое семейное положеніе просилъ дать мнѣ время подумать и за окончательнымъ отвѣтомъ зайти вечеромъ.

Гапѣевъ. Не были ли у Васъ депутаты отъ «св.-д.» съ обратнымъ предложеніемъ?

Барботъ-де-Марни. У меня въ тотъ же день, часа черезъ полтора, были два другихъ студента, которые спросили: «Правда ли, что Вамъ предлагаютъ уйти?»—«Да.»—«Отъ чьего лица?»—«Отъ лица студ—въ Горнаго Института». На это они сказали: «мы—не депутаты, а просто пришли узнать». Позднѣе было еще два, которые сказали: «мы просимъ Васъ вѣрить, что первая депутація, представившая Вамъ требованіе, была не отъ лица всѣхъ студентовъ Горнаго Инст—та, а отъ нѣкоторой группы. Мы отнюдь не являемся депутатами, а просто пришли сказать Вамъ, что есть много студентовъ, непредъявляющихъ Вамъ такихъ требованій».

Гапѣевъ. Вторымъ депутатамъ, которые являлись отъ общей студенческой корпораціи Вы не называли фамилій, указывая лишь физическіе признаки:одинъ горбатъ, другой заикивается очень, и т. д.

Барботъ-де-Марни. Фамилій я не зналъ.

Гапѣевъ. Чѣмъ объясняете отсутствіе слушателей на своихъ лекціяхъ? По моимъ свѣдѣніямъ у Васъ бывало 3—4 человѣка?

Барботъ-де-Марни. Въ этомъ отношеніи мои лекціи нисколько не отличались отъ другихъ: усердія за послѣднее время замѣтно не было.

Зерновъ. Вамъ сообщили заранѣе, что будутъ судить Ваши труды на сходкѣ?

Барботъ-де-Марни. Нѣтъ, не зналъ; мнѣ не сообщали.

Зерновъ. Такъ что въ Горномъ Инст—тѣ вообще не принято спрашивать обвиняемыхъ? Значитъ,—это «обычное право» Инст—та?

Барботъ-де-Марни. Опредѣленно отвѣтить на это не могу.

Грузенбергъ. Можетъ быть, студ—ты брали примѣръ съ Совѣта?

Предсѣдатель. Больше вопросовъ нѣтъ свидѣтелю.

Гапѣевъ. Прошу вызвать горн. инж. Родыгина не въ очередь.

Судъ соглашается.

Предсѣдатель. Г. Родыгинъ здѣсь? Прошу дать показанія.

Родыгинъ. Окончилъ я Инст—тъ въ 900 году. Моя прикосновенность къ данному дѣлу выразилась въ участіи въ слабой попыткѣ Горнаго міра реагировать на нарождающійся режимъ въ нашей alma mater. На судѣ чести, гдѣ разбираются вопросы нравственности и совѣсти, интересно выяснить ту атмосферу, въ которой зародились «св.-д—щіе» и отрицательное отношеніе къ нимъ всего Горнаго міра...

Предсѣдатель. Прошу придерживаться фактической стороны дѣла

Родыгинъ. Весьма интересно будетъ поэтому обратиться вообще

къ эмбріону студенческихъ движеній, eo ipso—выяснить тѣ императивы, которыми руководилось студенчество въ прежнія времена. Въ тѣ времена традиція полнаго товарищества была незыблема: солидарность въ прежніе годы была столь велика, что въ 99 году мы начали бастовать по причинамъ, лежащимъ внѣ стѣнъ нашего Инст—та. Были избиты студенты-университанты, но чувство товарищества заставило и насъ выразить свой протестъ. Мы чувствовали нравственную обязанность поддержать товарищей. Тогда насъ поддерживала высшая власть. Министръ по какимъ то соображеніямъ вызвалъ депутатовъ къ себѣ, между которыми былъ и я, и онъ одобрялъ наши товарищескія отношенія, что весьма интересно отмѣтить. Быть можетъ, это было сдѣлано имъ подъ вліяніемъ прекрасной статьи К. К. Арсеньева. Въ этотъ годъ, не смотря на желаніе начальства произвести экзамены, студенты не являлись, и профессора должны были 14 разъ приходить и подписывать бумагу, что экзамены не состоялись. Ни одинъ изъ студентовъ не пошелъ противъ товарищей.

Зерновъ. Это Вы про какой годъ?

Родыгинъ. Про 99.

Зерновъ. А Вы когда кончили?

Родыгинъ. Въ 900 г. Послѣ того, когда была созвана новая сходка и большинство постановило держать экзамены, такъ какъ движеніе къ тому времени уже затихло. Не смотря на то, что нѣкоторые изъ нашихъ товарищей не хотѣли держать экзамена, все таки они не примѣнили обструкціи, ибо мнѣніе большинства было священнымъ и чувство солидарности царило среди студентовъ...

Предсѣдатель. По моему мнѣнію атмосфера уже достаточно выяснена. Прошу сообщить факты извѣстные свидѣтелю относительно «св.-д—щихъ».

Родыгинъ. Хорошо. Могу сообщить о совѣщаніи въ Об—вѣ Горныхъ Инжен—въ. Въ воскресенье, числа не помню, до насъ дошла вѣсть, что 6 уважаемыхъ, лучшихъ профессоровъ, не желая подчиниться вновь водворяющемуся полицейскому режиму Коновалова, вынуждены были покинуть нашъ Инст—тъ. Возмущенные всѣмъ происходящимъ мы собрались въ понедѣльникъ обсудить это, а во вторникъ мы составили резолюцію (читаетъ резолюцію*).

Предсѣдатель. Вы все разсказываете мнѣнія, говорите же факты. Имѣете ли Вы еще что сказать?—Прошу стороны предлагать вопросы.

Грузенбергъ. Были Вы въ засѣданіи Горныхъ Инж—въ?

Родыгинъ. Былъ.

Грузенбергъ. Кто былъ изъ оставшихся профессоровъ?

Родыгинъ. Курнаковъ.

Грузенбергъ. Одинъ Курнаковъ?

Предсѣдатель. Да, свидѣтель уже сказалъ это. Прошу касаться фактической стороны.

Грузенбергъ. Это—факты, факты. Обсуждался ли весь инцидентъ?

Родыгинъ. Да.

Грузенбергъ. Что говорилъ Курнаковъ объ уходѣ 6-ти профессоровъ?

Родыгинъ. Онъ считалъ выходъ 6-ти профессоровъ большой потерей для Инст—та. Говорилъ о желательности ихъ возвращенія. Съ таковой цѣлью онъ и бесѣдовалъ съ ушедшими проф-ми, но изъ этого ничего не вышло.

Грузенбергъ. Приглашали ли въ Общество всѣхъ профессоровъ?

Родыгинъ. Да. Но никто изъ нихъ не откликнулся.

Грузенбергъ, Послѣ разбора этого дѣла призывали ли Васъ къ Министру?

Родыгинъ. Да.

Грузенбергъ. Что было Вамъ объявлено?

Предсѣдатель. Какое это имѣетъ отношеніе къ дѣлу?

Лутугинъ. Все это очень важно. Весьма важно освѣтить ту общую атмосферу...

Предсѣдатель. Я нахожу это не относящимся къ дѣлу.

Лутугинъ. Я настаиваю, что это очень важно, такъ какъ поступки «св.-д.—щихъ» не могутъ получить должной оцѣнки внѣ той атмосферы, въ которой они дѣйствовали. Надо стараться возстановить возможно полную картину.

Предсѣдатель. Мы уже 6 засѣданій посвятили выясненію общихъ вопросовъ, дѣло грозитъ сильно затянуться.

Судъ удаляется для совѣщанія.

Грузенбергъ. Прошу Судъ разрѣшить сдѣлать заявленіе.

Судъ удаляется.

ПЕРЕРЫВЪ.

Предсѣдатель. Судъ принимая во вниманіе съ одной стороны, что дѣйствія оставшихся профессоровъ, какъ не являющихся стороной въ данномъ дѣлѣ, не подлежатъ разсмотрѣнію, а съ другой стороны, атмосфера имѣетъ значеніе, но уже достаточно выяснена, проситъ ограничивать вопросы фактической стороной.

Грузенбергъ. Я желаю сдѣлать заявленіе. Предлагаемые нами вопросы имѣютъ въ своемъ основаніи ту точку зрѣнія, исходя изъ которой

мы явились на Судъ чести. Если бы предметомъ настоящаго дѣла были вопросы формальные, а не общественнаго и нравственнаго характера, тогда не было бы и цѣли идти на Вашъ Судъ, гдѣ нѣтъ писанныхъ законовъ, и мы обратились бы къ суду формальному. Я лично принялъ на себя защиту ввѣренныхъ мнѣ интересовъ потому, что меня въ этомъ дѣлѣ занимаетъ лишь слѣдующій вопросъ: возможно ли, чтобы группа молодежи, видя какъ изъ Инст—та вынуждены выходить лучшіе профессора, преподаватели и ассистенты; видя какъ выгоняются товарищи; какъ администрація Ин—та подъ охраной полиціи производитъ экзамены; наблюдая, наконецъ, что попытки людей, не юныхъ и увлекающихся, а занимающихъ солидное положеніе, обсудить Коноваловскій конфликтъ, не въ стѣнахъ Ин—та, а въ своемъ ученомъ Обществѣ Горныхъ Инженеровъ, встрѣчаютъ давленіе со стороны высшей администраціи, не остановившейся даже передъ угрозой: нѣкоторыхъ членовъ общества Горныхъ Инженеровъ исключить со службы,—можетъ ли, повторяю, молодежь, если только въ ней сохранилась какая либо чуткость, а не исключительно эгоистическіе интересы, видя все это, коверкать жизнь профессоровъ и подвергать унизительнымъ угрозамъ Горныхъ Инженеровъ только изъ-за того, чтобъ не потерять учебнаго года? Вотъ наша точка зрѣнія. Правы ли мы или нѣтъ — покажетъ вашъ приговоръ. Но мы думаемъ, что намъ не слѣдуетъ ограничивать возможности выясненія всѣхъ этихъ условій, послѣ оцѣнки которыхъ, во всей ихъ совокупности, единственно возможенъ принципіально правильно нравственный приговоръ.

Долбня. Эта серія вопросовъ имѣетъ по существу большое значеніе для выясненія связи «своб.-д—щихъ» съ начальниками всѣхъ ранговъ.

Бауманъ. По моему, необходимо указать на всѣ затрудненія для огласки. Весной еще дѣленія на партіи не было и если бы въ это время не было отказано въ широкой гласности, то можетъ и «своб.-д—щихъ» не было бы, такъ какъ они знали бы все въ надлежащемъ свѣтѣ.

Предсѣдатель (Грузенбергу). Третейскій Судъ отличается отъ обыкновеннаго тѣмъ, что въ немъ нѣтъ писанныхъ законовъ; его основное требованіе, что бы онъ не выходилъ изъ рамокъ поставленной задачи, изслѣдовалъ бы пункты лицъ, согласившихся подчиниться его рѣшенію и не касался бы дѣйствій тѣхъ лицъ, которые ему своего дѣла не поручали. Что же касается атмосферы, то Судъ ее выяснялъ въ теченіи 6-ти засѣданій и мы не

признаемъ возможности идти дальше въ томъ же направленіи. Если же способъ этотъ возбуждаетъ недовѣріе, то это можетъ повлечь за собой тѣ или другія послѣдствія съ Вашей стороны. Судъ полагаетъ, что оцѣнка дѣйствій той или другой стороны является преждевременной. Въ виду отсутствія должнаго спокойствія и поздняго времени, считаю нужнымъ прервать засѣданіе до слѣдующаго раза. О днѣ слѣдующаго засѣданія стороны будутъ оповѣщены.

Зерновъ (къ предсѣдателю). Разрѣшите задать нѣсколько вопросовъ свидѣтелю.

Предсѣдатель выражаетъ согласіе.

Зерновъ. Въ 99 году экзамены послѣ рѣшенія на сходкѣ держали дружно?

Родыгинъ. Да, дружно.

Зерновъ. Въ 99 году Вы руководствовались только своими горными дѣлами или въ понятіе солидарности входили общія понятія о студенчествѣ?

Родыгинъ. Да, входили.

Зерновъ. Вамъ извѣстно, что въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ экзаменовъ не было?

Родыгинъ. Да.

Зерновъ. А въ 99 году у Васъ общія были требованія? И они не были удовлетворены?

Родыгинъ. Своей солидарностью мы были гарантированы отъ арестовъ. Большинство рѣшило держать экзамены. Мы пошли на компромиссъ.

Зерновъ. Зэачитъ и тогда уже извѣстныя сдѣлки съ совѣстью были? Требованія вѣдь были общія и Вы отъ нихъ отступились?

Родыгинъ. Въ предѣлахъ нашего Инст—та сдѣлокъ не было.

Зерновъ. Вы считали это тактически выгоднымъ пріемомъ? А отступленіе отъ Вашихъ требованій все таки было?

Родыгинъ. Да, да.

Зерновъ. Не подвергались ли вы—студ—ты Гор. Ин-та въ 99 году осужденію въ бюллетеняхъ другихъ учебныхъ заведеній?

Родыгинъ. Не помню.

Зерновъ. Въ Об—вѣ Гор. Инж. Васъ только интересовалъ Коноваловъ или Вы касались отношеній студ—въ «своб.-д—щихъ»?

Родыгинъ. И то и другое. Могу прочесть постановленіе. (Читаетъ). Насъ интересовалъ фактъ раскола среди студентовъ.

Зерновъ. Обсуждали ли причины и подробности раскола?

Родыгинъ. Мы хотѣли подробно ознакомиться, почему и просили профессоровъ, но они не явились кромѣ Курнакова.

Зерновъ. Списокъ «своб.-д—щихъ» былъ присланъ въ Общ—во Горн. Инж.?

Родыгинъ. Нѣтъ.

Люстихъ. Имѣете ли Вы свѣдѣнія о шпіонствѣ?

Родыгинъ. Да, да.

Люстихъ. Имѣли Вы свѣдѣнія, кто были эти лица?

Родыгинъ. Я слышалъ студенты говорили...

Люстихъ. Кто Вамъ это говорилъ изъ студентовъ?

Родыгинъ Мнѣ лично—Мушкетовъ.

Люстихъ. А Вы знаете какіе нибудь факты?

Родыгинъ. Да.

Люстихъ. Какіе факты и кто?

Родыгинъ. Я слышалъ отъ Мушкетова, что «своб.-д—щіе» составили группу, въ которую другихъ не допускали безъ *рекомендаціи* опредѣленныхъ «своб.-д—щихъ», что являлось для однихъ плюсомъ, и минусомъ для другихъ.

Люстихъ. Только? Развѣ они этимъ лишали другихъ возможности держать экзамены?

Родыгинъ. Понятно, ибо каждый не могъ получить рекомендаціи.

Люстихъ. А другихъ фактовъ у Васъ нѣтъ?

Родыгинъ. Я самъ помню только это.

Покровскій желаетъ внести поправку въ показанія Родыгина, но предсѣдатель закрываетъ засѣданіе.

ПРОТОКОЛЪ

8-го судебнаго засѣданія Третейскаго суда чести. 6 марта 1905 года.

Отсутствовали г.г. Грузенбергъ и Каминка.

Предсѣдатель. Прошу проф. Курнакова закончить показанія и предлагаю желающимъ задавать свидѣтелю вопросы.

Долбня. Какъ выяснилось изъ предыдущаго, однимъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненія въ Совѣтѣ нашей партіи—и главнымъ образомъ меня—было то, что мы ввели студ—въ въ заблужденіе. Вы участвовали въ частномъ совѣщаніи 6 Декабря 1903 года и предсѣдательствовали послѣ инцидента съ Лебедевымъ. Скажите, какое

впечатлѣніе произвело на Васъ это засѣданіе? Что студ—ты добивались новыхъ правъ или только отстаивали прежнія?

Курнаковъ. Ну, это не совсѣмъ правильно: я не предсѣдательствовалъ, я отказался отъ этой чести. Кажется, Вы были предсѣдателемъ? Насколько помню, совѣщаніе ничего боевого не представляло. Студ—ты прочитали записку, въ которой выражали желаніе сохранить старое. Ихъ желанія были раньше подробнѣе разсмотрѣны въ коммиссіи проф. Мушкетова.

Долбня. Такъ что чрезвычайнаго ничего?...

Курнаковъ. Ничего, особеннаго ничего я не слышалъ. Требованія студ—въ были пріемлемы.

Долбня. Однако впослѣдствіи въ Совѣтѣ были намеки на то, что мы ввели въ заблужденіе студ—въ?

Курнаковъ. Видите-ли, Ив. Пет., подобнаго рода мнѣнія возникали по поводу инцидента съ Лебедевымъ. Но недоразумѣніе было въ томъ, что гарантіи неприкосновенности буфета были даны якобы отъ имени Совѣта.

Долбня. Въ журналъ Совѣта это и не могло быть занесено— Вы признаете? Но вѣдь моральное обязательство у насъ было стоять на сторонѣ интересовъ студенчества?

Курнаковъ. Я думаю, что каждый изъ профессоровъ долженъ быть на стражѣ интересовъ Инст—та и институтскихъ учрежденій. это ихъ обязанность, хотя бы это и не было предусмотрѣно §§ устава.

Долбня. Я, Ник. Сем., позволю предложить вопросъ—вопросъ деликатный—заранѣе прошу извиненія. Здѣсь при всѣхъ показаніяхъ осталось не выясненнымъ, какія мѣры были приняты Совѣтомъ кромѣ, конечно, Коновалова, для нашего возвращенія. Не согласитесь ли удостовѣрить, что никакихъ предложеній намъ не дѣлали, являлись, такъ сказать, съ пустыми руками?

Курнаковъ. Я не понимаю, что значитъ «съ пустыми руками»? Мы много говорили съ Вами о томъ, что взаимными примиреніями можно достигнуть соглашенія, но къ сожалѣнію ничего не вышло.

Долбня. Но такихъ предложеній не дѣлали?

Курнаковъ. Я лично не могъ дѣлать. Какого же рода гарантіи я могъ предлагать Вамъ?

Долбня. Не помните ли, что я Вамъ письменно предлагалъ, что я съ Лутугинымъ уйдемъ, но и Коноваловъ долженъ уйти, что бы не лишать Инст—тъ другихъ 4-хъ профессоровъ?

Курнаковъ. Да, это было.

Долбня. Не можете ли огласить мое письмо къ Вамъ?

Курнаковъ. Пожалуйста.

Зерновъ. Когда это было?

Курнаковъ. Въ четвергъ на Страстной недѣлѣ.

Долбня. (Читаетъ свое письмо)*. Съ позволенія Суда и Вашего позволю огласить и Ваше письмо, Ник. Сем. (Читаетъ письмо Курнакова)**. Послѣ письма Вы дѣйствительно были у меня, но мое предложеніе серьезно не дебатировалось: оно не считалось пріемлемымъ?

Курнаковъ. Нѣтъ, это конечно могло быть пріемлемымъ, такъ какъ не содержало непріемлемыхъ вещей, но долженъ замѣтить, что въ этотъ же день былъ у Васъ профессоръ Федоровъ, который помѣшалъ нашей бесѣдѣ. Я говорю, что лучше было бы, если бы никто не уходилъ. Какъ Вамъ извѣстно, я не могъ согласиться на уходъ двухъ товарищей: я не находилъ, чтобы этотъ уходъ могъ умиротворить Инст—тъ и потому не могъ согласиться на подобное предложеніе. Я думаю, что Вы могли бы стать и на мою точку зрѣнія. Съ другой стороны, назначеніе Директора при нынѣшнихъ условіяхъ, сопряжено съ большими трудностями. Постъ трудный. Директора искали очень долго. Удалось найти лицо, какъ казалось подходящее;—и просить его о выходѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я считалъ неудобнымъ. Уходъ Дир—ра въ то время поставилъ бы Институтъ въ трагическое положеніе. Примѣромъ была судьба одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, условія котораго правда были нѣсколько иныя, но все же положеніе казалось мнѣ подходящимъ, при чемъ взглядъ этотъ высказывалъ неоднократно. Уходъ Директора былъ бы связанъ съ большимъ рискомъ. Я думалъ, что мы придемъ къ соглашенію. Обструкція сдѣлала полный разрывъ.

Долбня. Я не сомнѣваюсь, что Вы лично скорбѣли душой о всемъ, что произошло; я только хочу удостовѣрить передъ Судомъ что никакихъ активныхъ шаговъ для умиротворенія въ свое время сдѣлано не было.

Курнаковъ. Я довелъ это до свѣдѣнія Директора, хотя не въ такихъ выраженіяхъ. Съ своей стороны я хотѣлъ сдѣлать все и старался уладить дѣло такъ, чтобы никто ничего не потерялъ.

Печковскій. Вы говорили, что не считали уходъ Директора въ то время цѣлесообразнымъ?

Курнаковъ. Заботясь о сохраненіи цѣлости Инст—та, я считалъ выходъ Директора большимъ рискомъ.

Печковскій. Но его дѣятельность Вы считали вредной въ то время?

Курнаковъ. Если бы я считалъ дѣятельность Коновалова вредной, то я присоединился бы къ 6-ти товарищамъ. Ихъ уходъ былъ стремителенъ. Откровенно говоря Инст—омъ правитъ не Директоръ, а Совѣтъ. Директоръ устава нашего измѣнить не могъ. Важные вопросы рѣшаются Совѣтомъ; вѣдь чѣмъ разнообразнѣе мнѣнія, тѣмъ правильнѣе оцѣнка событій.

Печковскій. Такъ что Вы не раздѣляете мнѣнія, что дѣятельность Коновалова была вредна?

Курнаковъ. Если говорить откровенно, то виноваты студ—ты.

Печковскій. Мы слышали здѣсь неоднократно, что въ первое время директорства Коновалова была ломка традицій Института?

Курнаковъ. Совѣту представлялась полная возможность противодѣйствовать, видоизмѣнять всѣ предложенія Предсѣдателя; напр.: вопросъ о кураторахъ былъ единогласно отвергнутъ. Мое личное мнѣніе, что засѣданіе Совѣта, завершившееся уходомъ 6 профессоровъ, было неокончено.

Печковскій. Въ какомъ смыслѣ?

Курнаковъ. Былъ поздній часъ, настроеніе возбужденное,—можетъ быть, если бы засѣданіе 18-го продолжалось, было бы обоюдное примиреніе.

Печковскій. Насколько мнѣ извѣстно, въ засѣданіи уже баллотировался этотъ вопросъ?

Курнаковъ. Никогда. Я былъ много лѣтъ секретаремъ Совѣта и прекрасно знаю порядки:—это было совѣщаніе; если бы и пришли къ заключенію, то оно было бы предварительнымъ для внесенія въ слѣдующій Совѣтъ.

Печковскій. Значитъ, никакой баллотировки не было?

Курнаковъ. Нѣтъ, никакой. Это было предварительное совѣщаніе, были горячія продолжительныя пренія, и если бы профессора не ушли, то возможно, что пришли бы къ обоюдному извиненію.

Печковскій. Здѣсь указывались даже цифры: 8 и 6.

Курнаковъ. Ив. Пет., надѣюсь, не откажется подтвердить, что баллотировки не было.

Долбня. Выяснилось, что большинство Совѣта противъ нее. Позвольте мнѣ передать мое впечатлѣніе. Коноваловъ терроризировалъ большинство Совѣта. Мы остались обособленными, ни одинъ голосъ насъ не поддержалъ, и всѣ профессора говорили противъ насъ, даже Вы, Ник. Сем., и Липинъ. Мы ушли.

Курнаковъ. Ив. Пет.! Я никогда не говорилъ противъ Васъ. Противъ Васъ я не могъ говорить. Но не съ чѣмъ было соглашаться.

Была записка, съ которой я принципіально былъ согласенъ, но былъ противъ формы.

Долбня. Большинство Совѣта насъ обвинило, что мы ввели въ заблужденіе студентовъ. Вѣдь согласитесь удостовѣрить. Ник. Сем., что это было?

Курнаковъ. Я могу сказать свое мнѣніе. Вѣдь Вы объ этомъ сказали на сходкѣ студ—амъ, и послѣ этого я считалъ инцидентъ исчерпаннымъ.

Долбня. Неоспоримо, что большинство Совѣта было противъ насъ?

Курнаковъ. Очень жаль, что засѣданіе Совѣта было механически прервано. Формула взаимнаго извиненія по злополучному инциденту была уже предложена, дебатировались детали. Въ дѣйствительности Директора тоже не поддержали.

Лесгафтъ. Вы заявили, что Директоръ ничего не смѣетъ сдѣлать безъ Совѣта. Такъ?

Курнаковъ. Да.

Лесгафтъ. Есть недоразумѣніе. Директоръ закрылъ Инст—тъ помимо Совѣта?

Курнаковъ. Съ разрѣшенія Министра.

Лесгафтъ. Значитъ,—можетъ. А экзаменъ по билетамъ тоже помимо Совѣта?

Курнаковъ. Это административная мѣра.

Лесгафтъ. Выходитъ, что Директоръ всегда можетъ обойти Совѣтъ?

Курнаковъ. Ну, нѣтъ. Въ несущественномъ—да, а если крупное нововведеніе, то безъ Совѣта его провести нельзя, напр. вопросъ о студенческихъ учрежденіяхъ.

Люстихъ. Вы говорили о декабрьскомъ засѣданіи студентовъ и профессоровъ. Какъ это понимать?

Курнаковъ. Это было частное совѣщаніе профессоровъ и ст—въ, чтобы обсудить нѣкоторые вопросы.

Люстихъ. Всѣ профессора были приглашены или только, случайно, болѣе близкіе между собой? Были приглашены и студ—ты на это засѣданіе?

Курнаковъ. Было частное совѣщаніе; меня пригласили, но кто пригласилъ, не знаю. Я былъ, а о другихъ не знаю. Это совѣщаніе было послѣ инцидента съ Лебедевымъ, желали обсудить этотъ вопросъ. Студентовъ было больше чѣмъ профессоровъ:—студ—въ человѣкъ 15, а профессоровъ—не помню.

Долбня. Профессоровъ—5 человѣкъ.

Люстихъ. Были ли эти студенты выбраны, какъ представители отъ курсовъ, или..?..

Курнаковъ. Этого я не знаю.

Долбня. Это было заявлено публично въ Совѣтѣ, что студ—ты хотятъ посовѣтоваться; пришли отъ проф—овъ, кто желалъ, и студенческіе депутаты.

Люстихъ. Такъ что—это съ разрѣшенія Совѣта?

Курнаковъ. Не обсуждалось.

Зерновъ. Съ вѣдома Совѣта?

Долбня. Да.

Курнаковъ. Я не помню, я смотрѣлъ, какъ на частное совѣщаніе.

Люстихъ. Было ли въ Совѣтѣ заявленіе о томъ, что такое совѣщаніе будетъ?

Курнаковъ. Не помню.

Долбня. Утверждаю, что это было: ничего секретнаго не было.

Курнаковъ. Нѣтъ, я этого не помню, я полагалъ, что это частное совѣщаніе. Я получилъ записку, и вопросъ объ урегулированіи меня очень заинтересовалъ. Записка студ—въ содержала неопредѣленныя пожеланія общаго характера.

Долбня. Не произвело ли на Васъ, Ник. Сем., это совѣщаніе впечатлѣнія чрезвычайнаго миролюбія?

Курнаковъ. Поговорили и разошлись.

Долбня. Мирно?

Курнаковъ. Да, но конкретнаго ничего не было.

Бокій. Позвольте внести разъясненіе по поводу депутатовъ, бывшихъ въ Совѣщаніи: было 4 предсѣдателя коммиссій и 8 другихъ, выбранныхъ сходкой не по курсамъ.

Злотницкій. Можно узнать, увѣдомлялись ли студ—ты о предстоящей сходкѣ для выбора депутатовъ въ Совѣтъ?

Курнаковъ. Совершенно не знаю объ этомъ.

Злотницкій. Я пять лѣтъ студ—мъ и въ первый разъ слышу объ этомъ.

Зерновъ. (Бокію). Студенты думали, что они идутъ къ группѣ профессоровъ или въ Совѣтъ?

Бокій. Къ группѣ профессоровъ.

Зерновъ. Было ли принято категорическое рѣшеніе?

Бокій. Нѣтъ, былъ обмѣнъ мнѣній.

Курнаковъ. Было сначала стремленіе внести личный элементъ, а потомъ рѣшили говорить о Директорѣ вообще.

Печковскій. Я васъ не совсѣмъ понялъ...

Курнаковъ. Когда назначили Дм. Пет., то начали распространяться слухи, что влiянiе будетъ нежелательнымъ.

Печковскiй. Но въ Директора Коноваловъ былъ намѣченъ членами Совѣта?

Курнаковъ. Да, намѣченъ.

Печковскiй. Съ нежелательнымъ влiянiемъ?

Курнаковъ. Нѣтъ, нѣкоторые такъ думали.

Грунвальдъ. Вы ссылались на коммиссiю проф. Мушкетова, въ составѣ которой были Долбня, Шредеръ и др. Не согласитесь ли, что во многомъ записка подходила къ «временнымъ правиламъ» Ванновскаго. Не извѣстно ли Вамъ, что Коноваловъ ссылался на эту записку, говоря съ членами Совѣта?

Предсѣдатель. Не лучше ли, если объ этомъ разскажетъ самъ свидѣтель, все, что онъ помнитъ.

Грунвальдъ. Я хотѣлъ только напомнить; а теперь предложу вопросъ. О запискѣ проф. Мушкетова была рѣчь въ Совѣтѣ?

Курнаковъ. Не могу отвѣтить категорически. Я не участвовалъ и не знаю. Тамъ были безконечные разговоры.

Грунвальдъ. Такъ что къ запискѣ проф. Мушкетова больше не возвращались въ Совѣтѣ?

Курнаковъ. Нѣтъ, какъ только дѣло было сдано въ коммиссiю, такъ о ней ни слова не говорилось. Записку эту считалъ прямо погребенной.

Лутугинъ. Вы сказали, что баллотировки не было. Не припомните ли, что первая мотивировка была такова: никакими очередными дѣлами заниматься нельзя и потому первымъ вопросомъ надо поставить было объ успокоенiи 400 студ-въ, выкинутыхъ за бортъ. Какъ встрѣтилъ Совѣтъ необходимость разсмотрѣнiя этой записки?

Курнаковъ. Совѣтъ отвергъ не записку, а порядокъ ея внесенiя. Не прочитавши записки и не продумавши, нельзя было давать рѣшающаго голоса. Позвольте возстановить истину: на повѣсткѣ вопроса о разсмотрѣнiи Вашей записки поставлено не было, и тогда же я говорилъ, что разсматривать записку сразу, не читая, невозможно. Рѣшили сначала разсматривать текущiя дѣла, а записку въ частномъ совѣщанiи послѣ закрытiя Совѣта.

Лутугинъ. Не помните ли Вы, что Коноваловъ сказалъ, что о внесенiи записки въ Совѣтъ онъ доложить Министру?

Курнаковъ. Не помню; но постановленiе Совѣта: разсмотрѣть — было.

Лутугинъ. Не помните ли, что Коноваловъ на вопросъ—будетъ ли обсужденiе допущено?—отвѣтилъ: «я не ручаюсь»?

Курнаковъ. Не помню. Я уже говорилъ, что Совѣтъ постановилъ разсмотрѣть ее.

Лутугинъ. Не являлась ли у Васъ потребность возстановить вопросъ объ умиротвореніи студентовъ?

Курнаковъ. Кто же отказывался отъ разсмотрѣнія этого вопроса?

Лутугинъ. Вы лично не вносили?

Курнаковъ. Я не внесъ.

Лутугинъ. А кто нибудь другой?

Курнаковъ. Не вносили, но это не значитъ, чтобы мы отказались отъ разсмотрѣнія Вашей записки. Наоборотъ...

Лутугинъ. А я знаю только, что отказались разсматривать самый существенный вопросъ.

Курнаковъ. Я внесу поправку въ Ваши слова: еще разъ повторяю, что не отказались, а былъ измѣненъ порядокъ разсмотрѣнія.

Лутугинъ. Была ли разсмотрѣна наша записка въ засѣданіи Совѣта?

Курнаковъ. Не была. Вѣдь она была внесена Вами, какъ же безъ Васъ ее разсматривать?

Лутугинъ. А по существу она не заслуживала разсмотрѣнія?

Курнаковъ. Вы ушли, пошла путаница.

Гливицъ. Какъ рѣшался вопросъ о допущеніи къ экзаменамъ?

Курнаковъ. Не помню.

Гливицъ. Чѣмъ руководствовались?

Курнаковъ. Да обычными правилами: выполненіемъ проектныхъ работъ.

Гливицъ. У Васъ были неокончившіе анализовъ?

Курнаковъ. Почти всѣ закончили; кто не сдѣлалъ, тотъ не былъ допущенъ.

Гливицъ. А послѣдній анализъ? Я знаю, что почти никто его не кончилъ.

Курнаковъ. Институтъ былъ закрытъ за полторы недѣли и благодаря этому нѣкоторые, 5-го курса, не успѣли закончить электролизъ. Допущены не были тѣ, кто мало сдѣлалъ и таковыхъ было немного.

Гливицъ. Сколько не было допущено?

Курнаковъ. Точно не помню.

Гливицъ. Что Вы можете сказать о «взломѣ» издательской лавочки?

Курнаковъ. Взломѣ?

Гливицъ. Да и въ какомъ видѣ Вы ее нашли?

Курнаковъ. Я ничего не могу сказать—кажется въ порядкѣ.

Гаппѣевъ. Не припомните ли Вы, что было два замка: одинъ внутренній, а другой висячій?

Курнаковъ. Не помню.

Гаппѣевъ. Вы были понятымъ—опишите всю процедуру «взлома».

Курнаковъ. Я былъ назначенъ Совѣтомъ. Отперли ли ключемъ—не помню, можетъ быть и отмычкой,—но «взлома» не было.

Гливицъ. Уполномочилъ ли Совѣтъ инспектора Коцовскаго гарантировать неприкосновенность учрежденій собравшимся студентамъ 5 курса, если они пойдутъ на экзамены?

Курнаковъ. Нѣтъ.

Гливицъ. Вы утверждаете, что Совѣтъ стоялъ во главѣ Инст-та, а не директоръ?

Курнаковъ. Въ педагогическихъ вопросахъ Совѣтъ.

Гливицъ. Всѣ репрессіи были произведены Совѣтомъ?

Курнаковъ. За это всю отвѣтственность Совѣтъ принимаетъ на себя, насколько Совѣтъ отвѣтственъ за это.

Гливицъ. Какой критерій проступковъ былъ для увольненія на 1 годъ и на 2?

Курнаковъ. Заявленія Инспекціи— такъ всегда бывало.

Гливицъ. Какъ всегда? Развѣ раньше Совѣтъ производилъ массовыя исключенія?

Курнаковъ. Да случались. Исключали за разныя вещи: за неблаговидные поступки...

Гливицъ. Почему Совѣтъ не принялъ осенью нѣкоторыхъ лицъ, подавшихъ прошенія?

Курнаковъ. Срокъ не истекъ.

Гливицъ. Какъ смотрѣлъ Совѣтъ на исключенныхъ?

Курнаковъ. Какъ на временную мѣру, на извѣстный срокъ.

Гливицъ. Чѣмъ объясняется, что послѣ ухода Коновалова Совѣтъ принялъ всѣхъ?

Курнаковъ. Срокъ уволенныхъ на годъ истекалъ, приняли нѣсколькихъ лицъ: студентъ Лемпертъ подавалъ прошеніе Министру, тотъ его принялъ и тогда рѣшили принять всѣхъ.

Предсѣдатель. Я уже не разъ указывалъ, что все происходившее въ этомъ учебномъ году не касается Суда.

Гливицъ. А намъ это важно.

Курнаковъ. Студенты принимались и при Коноваловѣ.

Гливицъ. Значитъ Совѣтъ былъ подъ сильнымъ вліяніемъ Коновалова?

Предсѣдатель. Это не касается Суда.

Гливицъ. Но можете ли разсказать о собраніи въ Об-вѣ Горн. Инж-въ?

Курнаковъ. Затрудняюсь. Было два собранія. На первомъ было ясно выражена цѣль примиренія обѣихъ сторонъ. Во второмъ проскальзывала безпокойная нотка: хотѣли собраніе склонить въ одну сторону. Поднимался вопросъ о поведеніи студентовъ; пренія приняли болѣе острый характеръ.

Гливицъ. Хотя г. Предсѣдатель не позволяетъ, но я предложу одинъ вопросъ, относящійся къ этому году. Чѣмъ объясняется уходъ проф. Шателена, Миткевича и другихъ?

Курнаковъ. Вообще положеніе нашего Инст-та я не считаю блестящимъ: (газеты, слухи и т. п.) еще весной они говорили объ этомъ.

Гливицъ. Считаете ли учебную постановку при Коноваловѣ лучшей, чѣмъ раньше?

Курнаковъ. Это не зависитъ отъ Коновалова, но отъ профессоровъ: такого вліянія на учебное дѣло онъ не имѣлъ. Разницы не вижу.

Гливицъ. Такъ что Вы не думаете, что Коноваловъ хотѣлъ улучшить учебную постановку?

Курнаковъ. Нѣтъ, наоборотъ. Онъ желалъ этого и вотъ какъ примѣръ:—новая лабораторія. И мы всѣ говорили, что онъ съ этой стороны является подходящимъ Директоромъ и въ состояніи вывести Инст-тъ изъ печальнаго экономическаго положенія.

Долбня. Удостовѣряете-ли, что въ 1902 году Министръ требовалъ отъ Совѣта подать ему зачинщиковъ во чтобы то ни стало и какъ Совѣтъ отвѣчалъ на это?

Курнаковъ. Я уже говорилъ объ этомъ.

Долбня. Какъ мнѣ отвѣтилъ Министръ, когда мы съ Вами у него были и я говорилъ объ умиротвореніи?

Курнаковъ. Впечатлѣніе было таково, что престижъ Совѣта стоялъ очень невысоко въ глазахъ Министра.

Долбня. Т. е. попросту накричалъ на насъ? Велъ себя неприлично?

Курнаковъ. Прочелъ нотацію.

Долбня. Не смотря на миролюбивыя предложенія?

Курнаковъ. Ну этого я не могу сказать:—Министръ былъ недоволенъ происходившимъ въ Инст-тѣ.

Лутугинъ. Въ послѣднемъ Совѣтѣ, когда Коноваловъ заявилъ, что экзамены будутъ производиться по билетамъ, Бауманъ проте-

стовалъ и говорилъ: «Вы хотите ввести у насъ Университетскіе порядки?» Помните?

Курнаковъ. Весьма вѣроятно.

Лутугинъ. Не припомните-ли, что Ив. Ав. Тиме говорилъ, что это по педагогическимъ соображеніямъ непримѣнимо?

Курнаковъ. Я думаю, что настоящей билетной системы и не было, ибо билеты дѣйствовали около недѣли. Для насъ было все ново, весь годъ—необычный.

Лутугинъ. На вопросъ Баумана Коноваловъ отвѣтилъ: «Чѣмъ плохи порядки въ Университетѣ?» Тогда Бауманъ сказалъ, что безъ помощи полиціи вы не можете экзаменовать. Коноваловъ говорилъ, что это было только три дня.

Курнаковъ. Я уже не помню этого. Билеты—явленіе ненормальное. Разъ билеты выдавались, то неимѣвшихъ ихъ, нужно было не пускать.

Лутугинъ. Какъ совмѣстить Ваше мнѣніе въ Совѣтѣ Политехникума о невозможности экзаменовъ въ настоящее время съ тѣмъ, что примѣнялось въ Горномъ Институтѣ?

Курнаковъ. Что теперь не слѣдуетъ производить экзаменовъ—доказали прошлогодніе экзамены въ Горн. Инст—тѣ при наличности ненормальнаго настроенія.

Гапѣевъ. Къ Вамъ обращались депутаты отъ Об—ва Горн. Инж. (...читаетъ изъ «Руси»)*?

Курнаковъ. Не въ такой формѣ.

Гапѣевъ. Нѣтъ именно въ такой. Какъ вы на это реагировали?

Курнаковъ. Мы много говорили по этому поводу, разстались мирно. Да и что можно было дѣлать?

Гливицъ. Почему не было Вашей подписи въ газетѣ «Русь» подъ письмомъ оставшихся профессоровъ?

Курнаковъ. Меня въ это время въ Петербургѣ не было, но я къ ней вполнѣ присоединяюсь.

Бауманъ. На совѣщаніи въ Об—вѣ Горн. Инж. о разрѣшеніи всѣмъ, желающимъ держать экзамены осенью я Васъ просилъ поднять этотъ вопросъ въ Совѣтѣ. Вы поднимали?

Курнаковъ. Я поднималъ этотъ вопросъ, но кажется рѣшенія въ Совѣтѣ не было:—экзамены уже производились. Многіе держали экзамены осенью.

Лутугинъ. Большинство Совѣта было противъ экзаменовъ весной или нѣтъ?

Курнаковъ. Въ Совѣтѣ говорилось, что это было бы полезно, но

экзамены уже шли, количество державшихъ ежедневно прибавлялось...

Лутугинъ. Такъ что опредѣленнаго рѣшенія не было—было только желаніе Директора?

Курнаковъ. Да, опредѣленнаго рѣшенія не было. Директоръ дѣйствительно желалъ весеннихъ экзаменовъ, говоря, что студ—мъ легче будетъ заканчивать экзамены осенью.

Зерновъ. Вы полагали, что послѣднее совѣщаніе было предварительнымъ?

Курнаковъ. Въ этотъ день по формальнымъ соображеніямъ не могло быть и рѣчи; мы хотѣли разсмотрѣть ее (записку) въ слѣдующемъ.

Зерновъ. Отчего оно не состоялось?

Курнаковъ. Ушли 6 профессоровъ.

Зерновъ. А если бы въ повѣсткѣ слѣдующаго засѣданія былъ бы вопросъ о ихъ запискѣ, то они пришли бы?

Курнаковъ. Не могу Вамъ этого сказать.

Зерновъ. На слѣдующемъ засѣданіи систематическаго разсмотрѣнія не было.

Курнаковъ. Все это шло у насъ на глазахъ, такъ что въ систематическомъ разсмотрѣніи необходимости не было.

Зерновъ. Но рѣшенія не было?

Курнаковъ. Нѣтъ, было. Я уже докладывалъ, что въ первомъ же засѣданіи послѣ ухода, Совѣтъ постановилъ: выразить глубокое сожалѣніе и просить о возвращеніи обратно, и это занесено въ протоколъ.

Зерновъ. Говорилось о сожалѣніи, а не о просьбѣ остаться?

Курнаковъ. Нѣтъ, было постановленіе просить о возвращеніи и поручено сдѣлать это мнѣ, Ив. Ав. Тиме и другимъ.

Зерновъ. Когда Совѣтъ увольнялъ, онъ былъ увѣренъ, что увольняетъ только за обструкцію?

Курнаковъ. Я такъ думаю.

Лутугинъ. Профессора Липинъ и Митинскій утверждали, что студ—въ увольняли и за прежнія проступки, за участіе въ политическихъ движеніяхъ, т. е. это была мѣра профилактическая?

Злотницкій. Это утвержденіе совершенно невѣрное. Профессора Липинъ и Матинскій ничего подобнаго не говорили; нужно посмотрѣть въ протоколъ.

Предсѣдатель. Мы справимся съ прежними протоколами.

Леонтьевъ. Вы были на собраніяхъ Об—ва Горн. Инж., гдѣ была поставлена резолюція?

Курнаковъ. Да, да. Былъ два раза.

Леонтьевъ. Не можете-ли разсказать о резолюціи?

Курнаковъ. Это было во второмъ собраніи; въ первой резолюціи говорилось о возвратѣ ушедшихъ профессоровъ и осеннихъ экзаменахъ; второй я не помню.

Леонтьевъ. Эта резолюція Реутовскаго?

Курнаковъ. Она была сложная, рѣзкаго характера.

Леонтьевъ. Была-ли она принята?

Курнаковъ. Мною она не была подписана: собраніе было весьма продолжительнымъ; кончилось въ 1-мъ часу ночи, насколько я помню, тамъ говорилось относительно доносовъ, что они существуютъ въ Инст—тѣ. Я возражалъ.

Леонтьевъ. Кто же ее подписывалъ? Васъ уже не было?

Курнаковъ. Она была подписана оставшимися инженерами. Въ началѣ собранія мы приняли резолюцію общаго характера, а подъ конецъ, когда многіе уже разошлись, подписывали эту другую резолюцію.

Леонтьевъ. Много-ли ихъ тамъ оставалось?

Курнаковъ. Десятка полтора или два.

Допросъ проф. Курнакова оконченъ. Предсѣдатель вызываетъ г-на Останковича, смотрителя зданія и кассира.

Останковичъ. Прошу задавать вопросы.

Гапѣевъ. Вы тогда состояли казначеемъ и смотрителемъ зданія?

Останковичъ. Только смотрителемъ зданія.

Гапѣевъ. Не было-ли какихъ-либо приготовленій къ обструкціи и ея предотвращенію со стороны начальства?

Останковичъ. Нѣтъ не помню.

Гапѣевъ. Какъ Вы составляли рапортъ и на основаніи какихъ свѣдѣній?

Останковичъ. Я долженъ былъ составить этотъ рапортъ по распоряженію Коновалова тотчасъ для Совѣта. Такъ какъ самъ не былъ при этомъ, то при составленіи руководился показаніями швейцара и сторожей, бывшихъ на подъѣздѣ.

Гапѣевъ. Въ какой формѣ было Ваше сообщеніе — можетъ быть можете возстановить?

Останковичъ. Точно не помню, но постараюсь. Около 9 часовъ утра, у главныхъ дверей Инст-та собралась группа студ-товъ около 100 человѣкъ. Студ-ты проходили по билетамъ, ихъ пропускалъ швейцаръ. Когда проходилъ одинъ изъ студ-товъ, группа воспользовалась этимъ и вошла въ фонарь. Они направились къ средней двери, закрытой на задвижку. Дверь расшаталась подъ ихъ усиліями, они вошли въ вестибюль и устремились на верхъ, нанося удары сторожу.

Гапьевъ. О дальнѣйшей обстановкѣ Вы ничего не слыхали?

Останковичъ. Нѣтъ. Я заявилъ Директору, что я ограничусь этой фактической стороной. Остальное, происходившее въ аудиторіяхъ—доложилъ Ин-ръ.

Гапьевъ. Извѣстно ли Вамъ, что на этотъ день болѣе или менѣе ждали обструкцію?

Останковичъ. Да, я слышалъ—неопредѣленно.

Гапьевъ. Приготовленія были сдѣланы?

Останковичъ. Да были: Директоръ распорядился, чтобы всѣ двери были приведены въ порядокъ и крѣпко запирались. Это было сдѣлано и Коноваловъ осмотрѣлъ самъ.

Гапьевъ. Какіе мотивы его побудили?

Останковичъ Мотивовъ я не знаю, но Коноваловъ ожидалъ обструкціи.

Гапьевъ. Послѣ обструкціи не было ли спеціальныхъ мѣръ къ охраненію Института?

Останковичъ. Вахтеръ говорилъ мнѣ, что въ сосѣднихъ домахъ поставлена полиція: затѣмъ было нанято нѣсколько новыхъ сторожей.

Гапьевъ. Во дворѣ не стояла полиція?

Останковичъ. Нѣтъ, этого не было.

Зерновъ. Были наняты новые сторожа?

Останковичъ. Да, новые.

Гапьевъ. По чьему распоряженію охранялись ворота и не пускали даже въ квартиры профессоровъ?

Останковичъ. Коноваловъ приказалъ никого изъ студ-въ не пропускать въ зданіе Инст-та безъ билета. У меня былъ проф. Бауманъ и заявилъ, что къ нему на квартиру не пропустили нѣсколько лицъ; послѣ этого я распорядился пускать.

Гапьевъ. Къ Вамъ приходили за разрѣшеніемъ ввести полицію въ зданіе?

Останковичъ. Нѣтъ.

Гапьевъ. О пособіяхъ Вы ничего не знаете?

Останковичъ. Нѣтъ; я завѣдывалъ денежной частью, а не бухгалтеріей.

Гапьевъ. Можетъ быть Вы боитесь разсказать объ этомъ? Не было-ли искусственнаго подбора лицъ, получающихъ пособія?

Останковичъ. Я не боюсь, а не могу.

Зерновъ. Вы вѣдь казначей и знать не могли?

Останковичъ. Да, не могъ.

Гапьевъ. Задерживались-ли нѣкоторымъ студентамъ стипендіи?

Останковичъ. Помню одинъ случай. По распоряженію Инспектора была задержана одна стипендія — Пилетича, чтобы взять съ него расписку, что онъ чувствуетъ за собой нравственное право получить стипендію. Пилетичъ далъ.

Гапѣевъ. А другихъ фамилій не помните? Въ какомъ числѣ это было?

Останковичъ. Нѣтъ, не помню.

Гапѣевъ. Чѣмъ Инспекція мотивировала это?

Останковичъ. Мнѣ никакихъ мотивовъ не сообщалось—я просто получалъ записку.

Бокій. Было ли Вамъ приказаніе не пропускать прислугу въ столовую?

Останковичъ. Мнѣ этого не было приказано, я только слышалъ что-то отъ вахтера.

Бокій. Дѣтей повара не пропустили въ церковь, какъ дѣтей служащаго въ столовой коммиссіи.

Останковичъ. Мнѣ это неизвѣстно.

Гапѣевъ. Были ли Коновалову письма за подписью одного „своб.-дщаго"* и другое подъ псевдонимомъ,** въ которыхъ просили освободить отъ шайки обструкціонистовъ и называли фамиліи?

Останковичъ. Да, это было. Я былъ въ кабинетѣ Директора. Онъ предложилъ прочесть письма. Въ первомъ письмѣ была полная подпись; авторъ выражалъ надежду, что Коноваловъ установитъ режимъ, обезпечивающій свободу занятій; во второмъ были гораздо болѣе рѣзкія выраженія. Оба письма произвели скверное впечатлѣніе. Второе письмо было анонимно подписано: «группа» или «студ-ты». Тамъ прямо предъявлялись требованія освободить отъ шайки. Тамъ указывались поименно студенты.

Гапѣевъ. Было ли выраженіе «шайка»?

Останковичъ. Тамъ, кажется, было сказано „компанія", а не шайка.

Гапѣевъ. Какія фамиліи назывались?

Останковичъ. Помню только одну фамилію—Стомонякова.

Гапѣевъ. Какая подпись была на первомъ письмѣ?

Останковичъ. Студента Грунвальда.

Грунвальдъ. Совершенно вѣрно.

Гессенъ. Кто присутствовалъ при этомъ?

Останковичъ. Проф. Митинскій, Шредеръ, два помощника Инспектора и Правитель канцеляріи.

Зерновъ. Зачѣмъ читали вслухъ?

Останковичъ. Директоръ очевидно хотѣлъ, что бы всѣ слышали. «Вотъ между прочимъ я получилъ эти письма», сказалъ онъ и передалъ ихъ проф—амъ. Они ихъ прочитали.

Гессенъ. Обмѣна мнѣній не было?

Останковичъ. Да, нѣкоторыя выражали свое удовольствіе по этому поводу.

Гливицъ. Когда читались эти письма,—до обструкціи?

Останковичъ. Нѣтъ, послѣ обструкціи?

Лутугинъ. Вы приглашались въ Совѣтъ?

Останковичъ. Да, я тамъ прочелъ рапортъ и только.

Лутугинъ. Вамъ вопросовъ не предлагали?

Останковичъ. Нѣтъ.

Лутугинъ. А еще кто былъ?

Остаковичъ, Одинъ помощникъ Инспектора.

Лутугинъ. А сторожа не были?

Останковичъ. Слышалъ, что потомъ ихъ спрашивали.

Лутугинъ. Были конные или пѣшіе полицейскіе около Ин—та?

Останковичъ. Было конныхъ—въ два ряда.

Гессенъ. Сколько?

Останковичъ. Два впереди, два сзади.

Лутугинъ. А пѣшихъ сколько было?

Останковичъ. Не помню сколько.

Лутугинъ. А полицейскіе офицеры были?

Останковичъ. Были.

Гливицъ. Жестоко ли пострадалъ сторожъ?

Останковичъ. Онъ жаловался на боль и былъ отвезенъ на другой день въ больницу.

Зерновъ. За что его ударили?

Останковичъ. Кажется онъ стоялъ на дорогѣ, его сбили съ ногъ и нанесли удары.

Зерновъ. Зачѣмъ же его было бить?

Лесгафтъ. Вы давали распоряженія по дому вахтеру. А директоръ помимо Васъ могъ это дѣлать?

Останковичъ. Не думаю, но можетъ быть.

Лутугинъ. Не была ли забита досками дверь, которая вела изъ чертежной въ мою и Баумана квартиру?

Останковичъ. Не знаю.

Грунвальдъ. Къ тому, что я уже сказалъ относительно своего письма къ Коновалову я могу добавить, что въ немъ я высказывалъ тѣ же мысли, которыя не стыдясь открыто высказывалъ на страницахъ «Нов. Врем.»

Гатьевъ. Можетъ быть теперь Вы признаете свое авторство и въ „Петербургскомъ Дневникѣ“?

Грунвальдъ. Въ „Пет. Дневн“, я помѣстилъ одну статью за подписью «N».

Алексѣевъ. Не было разговора у Коновалова по поводу писемъ въ духѣ, что онъ на эту удочку не попадетъ? Подпись была просто «группа»?

Останковичъ. Нѣтъ, впечатлѣніе было то, что Коноваловъ предъявилъ письмо, какъ доказательство положительнаго отношенія къ его дѣятельности студентовъ. Относительно подписи хорошо не помню «группа» или просто «Студенты».

Алексѣевъ. Была ли во второмъ письмѣ подпись «свд.-щіе»?

Останковичъ. Нѣтъ.

Алексѣевъ. Можетъ быть „независимые“?

Останковичъ. Нѣтъ, тамъ было сказано «группа» или «студенты».

Гатьевъ. Какъ далѣе сносился Коноваловъ съ полиціей?

Останковичъ. Не знаю, дѣло шло черезъ канцелярію.

Алексѣевъ. Коноваловъ сопоставлялъ эти письма?

Останковичъ. Да, сопоставлялъ.

Алексѣевъ. Онъ самъ это говорилъ, что письмо является доказательствомъ отношеній къ нему студентовъ?

Останковичъ. Нѣтъ онъ самъ ничего не говорилъ—это только мое мнѣніе.

Грунвальдъ. Вношу необходимую поправку. Въ «Пет. Дневн.» помѣщено двѣ статьи одна за подписью «NN», а другая одно «N»—очень большая. Послѣдняя, т. е. съ однимъ «N», принадлежитъ мнѣ; она была напечатана двумя изданіями; такихъ другихъ статей кромѣ этой въ «Пет. Дневн.» я не писалъ, и могу представить въ этомъ удостовѣреніе.

ПЕРЕРЫВЪ.

Люстихъ. (Вслѣдствіе нездоровья Предсѣдателя г. Арсеньева замѣнившій по выбору судей мѣсто Предсѣдателя). Прошу дать свои показанія г. Бальди. Вы Помощникъ Инспектора? Скажите, что вамъ извѣстно объ экзаменахъ, билетной системѣ, относительно обструкціи и выдачи документовъ.

Бальди. Относительно выдачи билетовъ было 31 марта постановленіе.

Люстихъ. Въ Совѣтѣ?

Бальди. Да, въ Совѣтѣ. Въ подробности я не входилъ. Директоръ отдалъ приказаніе, чтобы на каждый изъ шести дней были

билеты различнаго цвѣта. Были посланы въ началѣ одноцвѣтные билеты...

Печковскій. Всѣмъ студентамъ?

Бальди. Нѣтъ. Третья часть ст-въ 4 курса по алфавиту была вызвана на 2 апрѣля.

Люстихъ. Безъ пропусковъ—по алфавиту?

Бальди. Да, безъ пропусковъ. На 31-ое марта былъ вызванъ весь 5 курсъ. На это число были назначены экзамены по пробирному искусству и металлургіи. Часть ст-въ, желавшихъ экзаменоваться, проходила прямо на верхъ, а не желавшихъ ин-ръ просилъ идти въ чертежную. Произошло разногласіе...

Люстихъ. Разногласіе между кѣмъ?

Бальди. Между нежелавшими и желавшими. И благодаря разногласію экзаменъ не начался. Нежелавшіе хотѣли переговорить съ желавшими держать. Группы сошлись на верху. Были какіе-то переговоры, и ин-ръ объявилъ, что экзаменъ не состоится. На 2 апрѣля были назначены то-же пробирное иск. и металлургія.

Люстихъ. Одна группа или нѣсколько были вызваны?

Бальди. Не припомню. Но конечно были не всѣ: были уже съ новыми билетами. 2 апрѣля передъ Ин-томъ собралась масса ст-въ до 9 час. Тѣхъ, кто были съ билетами, пропускали. Мнѣ и Воронину было приказано быть внизу на случай разъясненій. Я присутствовалъ съ восьми съ половиной до девяти съ половиной. Около девяти съ половиной, когда мнѣ казалось, что всѣ желавшіе уже прошли, я ушелъ въ канцелярію. Черезъ нѣсколько минутъ слышу шумъ, вижу входящихъ ст-въ въ шапкахъ, въ пальто, съ поднятыми воротниками и нѣкоторыхъ—съ палками. Дойдя до аудиторій, гдѣ экзаменовались, они раскрыли дверь, начали бросать склянки, кричали: „мерзавцы“, „подлецы“; были личныя оскорбленія, были и по моему адресу. Ст-въ было 50—60 человѣкъ. Черезъ полчаса, когда нѣсколько поуспокоились, потребовали ин-ра. Ин-ръ, одурманенный, долженъ былъ выйти на дворъ. Встрѣтившись, онъ спросилъ меня, сообщилъ ли я по телефону директору. Я уже сообщилъ и передалъ ин-ру, что обструкціонисты желаютъ его видѣть. Онъ бесѣдовалъ съ ними, и они ушли. Затѣмъ вскорѣ пріѣхалъ дир-ръ. Коцовскій доложилъ ему. Мы получили приказаніе составить списокъ. Мы составляли по памяти. Запомнили тѣхъ, кого видѣли по близости (около 25 человѣкъ). Случайно инспекторская не подверглась облитію. Тамъ было тепло, въ остальныхъ же были открыты окна и стоялъ холодъ. Въ этой комнатѣ и сгруппировались: экзаменую-

щіе и ст-ты — двѣ трети 5-го курса и приглашенные 4-го. Въ это время бесѣда, конечно, шла о происшедшемъ и о лицахъ обструкціонировавшихъ. Высказывались мнѣнія, назывались фамиліи. Я лично, сознаюсь, воспользовался долетѣвшими до моего слуха 2 — 3 фамиліями. Когда я представилъ списокъ, Коноваловъ спросилъ: всѣхъ ли я видѣлъ и послѣ моего указанія дѣлалъ значки противъ фамилій.

Гессенъ. Противъ тѣхъ фамилій, которыя были указаны ст-тами?

Бальди. Какъ ст-тами? Ст-ты не указывали, но я слышалъ. Значки онъ ставилъ: противъ указанныхъ мною — одни, противъ указанныхъ Воронинымъ—другіе.

Гессенъ. Такъ что фамиліи ст-товъ, отъ которыхъ Вы слышали, указаны не были?

Бальди. До меня долетали голоса, а чьи—я не зналъ.

Люстихъ. Вы слышали разговоры, или ст-ты заявляли, или Вы ихъ опрашивали.

Бальди. Нѣтъ, слышалъ изъ разговоровъ. Позднѣе, дѣйствительно, нѣкоторые предлагали мнѣ вопросъ: „записанъ-ли такой-то“.

Гессенъ. Ст-ты спрашивали?

Бальди. Да.

Гессенъ. А не просили Васъ занести опредѣленныя фамиліи?

Бальди. Нѣтъ, этого не было. Они только спрашивали и какъ разъ о тѣхъ фамиліяхъ, которыя были мною занесены ранѣе.

Гессенъ. А не задавались ли Вамъ вопросы относительно фамилій, не занесенныхъ Вами?

Бальди. Этого не было.

Зерновъ. Вы тамъ же въ инспекціи и составляли списокъ?

Бальди. Да.

Люстихъ. Ст-ты знали, что составляется списокъ?

Бальди. Знали.

Зерновъ. Ст-ты видѣли, что Вы составляли списокъ, и тутъ же говорили?

Бальди. Можетъ быть; но нѣкоторые могли и не знать; вообще они были увлечены разговорами.

Лесгафтъ. А вотъ Вы говорили, ст-ты называли фамилію. Какъ это?

Бальди. До меня долетали фамиліи, и я удостовѣрился, что они занесены правильно. Относительно же вопроса: „записанъ-ли такой-то“—спрашиваемые были уже раньше занесены мною въ списокъ.

Люстихъ. Значитъ тѣ, о которыхъ Васъ спрашивали, уже были въ спискѣ?

Бальди. Да, были.

Зерновъ. Сколько человѣкъ было въ той комнатѣ?

Бальди. Человѣкъ 30—40: ст-ты 5-го курса и 4-го — первая очередь.

Гессенъ. Вопросы вамъ предлагались вслухъ и протестовъ не было?

Бальди. Вслухъ. Они не обращали на это вниманіе—разговаривали между собой.

Гессенъ. Большая это комната?

Бальди. Такъ въ половину этой (выясняетъ размѣръ комнаты).

Зерновъ. Кто именно спрашивалъ фамиліи, записанныхъ за обструкцію?

Бальди. Это трое—теперь горные инженеры: Земницкій, Бутми де Кацманъ и Зенченко.

Люстихъ. Не припомните ли, въ какомъ смыслѣ вамъ ставили вопросъ?

Бальди. Не помню.

Люстихъ. Какое впечатлѣніе произвело на васъ: желали ли они убѣдиться, что такой-то есть въ спискѣ, или боялись, что кто-нибудь нечаянно записанъ?

Гессенъ. Они спрашивали: записанъ-ли такой-то?

Бальди. Оттѣнка не помню.

Зерновъ. Во всякомъ случаѣ, они вамъ ничего не прибавляли послѣ того, какъ вы имъ отвѣтили, что записанъ?

Бальди. Больше ничего.

Лесгафтъ. Новыхъ фамилій не называли?

Бальди. Нѣтъ.

Зерновъ. Вы вписывали нѣкоторыя фамиліи, которыя до васъ долетали. Но вѣдь они не къ вамъ обращались?

Бальди. Нѣтъ, ко мнѣ не обращались. Послѣ составленія списка, я понесъ его къ директору. На дорогѣ, въ чертежной 2-го курса, одинъ изъ ст-въ поинтересовался, кто занесенъ въ списокъ. На это я будто бы ему сказалъ: „не хотите ли дополнить этотъ списокъ“...

Люстихъ. Не понимаю собственно, о чемъ вы говорите: почему „будто бы?“

Бальди. Это утверждаетъ одинъ изъ ст-твъ; я этого не помню, но вѣрю, что это такъ было, т. е. что я въ чертежной засталъ трехъ ст-въ и одинъ изъ нихъ заинтересовался спискомъ, и на мое предложеніе пополнить его, сказалъ: „развѣ такіе случаи были“. Я отвѣтилъ: „да, были“. Очевидно, имѣя въ виду долетавшіе до меня разговоры.

Зерновъ. Вы передаете сейчасъ то, что тогда сами сказали?

Бальди. Нѣтъ, я въ подробностяхъ не помню.

Гессенъ. Но помните, разговоръ былъ?

Люстихъ. Сами не помните?

Бальди. Самъ я точно не помню, но оставляю на совѣсти ст-та, съ которымъ позднѣе я имѣлъ разговоръ, и онъ это утверждаетъ. Ему лучше помнить.

Печковскій. Изъ какихъ ст-въ былъ спрашивающій?

Бальди. Его фамилію я помню, а бывшихъ съ нимъ въ это время—нѣтъ. Онъ былъ изъ „св-д-хъ“.

Макаровъ (св-д.). Я опоздалъ въ день обструкціи. Когда пришелъ въ Ин-тъ, тамъ было уже все кончено. Въ маленькой проходной чертежной у стола увидалъ Ивана Валеріановича, окруженнаго ст-тами. На столѣ лежалъ списокъ обструкціонеровъ. Я взялъ его и сталъ читать. Бальди, замѣтивъ меня, сказалъ: „не желаете-ли пополнить“? Я ему отвѣтилъ: „надѣюсь, Ив. Вал., что среди ст-въ такихъ желающихъ не нашлось“. Вы мнѣ на это сказали, что это было. Въ это время въ спискѣ я замѣтилъ фамилію Алферова. Зная этого ст-та и предполагая, что онъ не способенъ на насиліе надъ другими, я выразилъ сомнѣніе, что не попалъ ли Алферовъ по ошибкѣ. Бальди заявилъ, что онъ самъ видѣлъ его, и мое заявленіе осталось безъ послѣдствій—Алферова изъ списка не вычеркнули.

Бальди. Да, возможно, что такъ. Относительно Алферова я помню.

Люстихъ. Значитъ Вы признаете?

Бальди. Признаю.

Степаницкій. Я слышалъ этотъ разсказъ отъ Макарова весной, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ происшедшаго, и Макаровъ передавалъ разсказъ въ той же редакціи.

Люстихъ. Это—кто такой?

Алексѣевъ. Это—нейтральный.

Бальди. Когда я пришелъ къ Коновалову, то вѣроятно онъ сообщилъ уже о случившемся по телефону Мин-ру, и распорядился переписать списокъ. Вскорѣ онъ былъ вызванъ къ Мин-ру, списокъ еще не былъ переписанъ, и онъ поручилъ мнѣ доставить его къ М-ру. Я повезъ. Здѣсь было заявлено Мин-ромъ, чтобы съ обструкціонистами поступить по правиламъ Ин-та.

Люстихъ. Значитъ, это Мин-ръ сказалъ?

Бальди. Да.

Люстихъ. А когда въ Совѣтѣ обсуждался этотъ списокъ, Васъ туда призывали?

Бальди. Да, мы были вызваны Коноваловымъ, и онъ доложилъ, что списокъ, надо надѣяться, правиленъ, такъ какъ составленъ инспекціей и провѣренъ имъ.

Люстихъ. Кѣмъ—имъ?

Бальди. Коноваловымъ. О каждомъ студентѣ говорили отдѣльно, вспоминали и *прежніе грѣшки.*

Люстихъ. Какіе грѣшки—учебные или какіе-нибудь иные?

Бальди. Пожалуй, и учебнаго характера имѣли значеніе.

Люстихъ. А на Совѣтѣ не было обнаружено то обстоятельство, что нѣкоторые суденты, попавшіе въ списокъ, не были видѣны Вами и записаны по слуху?

Бальди. Нѣтъ, вѣдь возможно, что списокъ былъ потомъ подтвержденъ сторожами и швейцаромъ.

Лесгафтъ. Кто распрашивалъ швейцара и сторожей?

Бальди. Директоръ.

Зерновъ. Вы говорили Коновалову о томъ, въ какихъ условіяхъ составлялся списокъ?

Бальди. Нѣтъ, въ этотъ день не говорилъ.

Зерновъ. А потомъ Коноваловъ узналъ, что списки составлялись на виду у студентовъ?

Бальди. Думаю, что могъ знать. Позднѣе объ этомъ говорилось.

Зерновъ. Въ выдачѣ билетовъ Вы принимали участіе, какъ это производилось?

Бальди. По письменнымъ заявленіямъ директору и инспектору желавшимъ экзаменоваться выдавались бѣлые билеты на постоянное посѣщеніе Института.

Зерновъ. А группы какъ составлялись, и какое они имѣли значеніе?

Бальди. Группы имѣли значеніе только сначала. Потомъ уже все перемѣшалось, группировка не соблюдалась, лишь бы къ профессору не приходило больше, чѣмъ онъ могъ проэкзаменовать.

Зерновъ. Билеты сначала выдавались всѣмъ, или со стороны студентовъ были указанія, что такому-то билета давать не слѣдуетъ?

Бальди Со стороны студентовъ такихъ заявленій не было.

Люстихъ. А вообще случаевъ отказа въ выдачѣ билета желающимъ не было?

Бальди. Мнѣ такіе случаи неизвѣстны.

Зерновъ. А не могли въ число уволенныхъ попасть лица, не принимавшія участія въ обструкціи?

Бальди. Я этого не допускаю.

Зерновъ. Это Вы говорите про первый разъ, а во второй разъ при какихъ условіяхъ было увольненіе?

Бальди. За исторію внѣ Института?

Зерновъ. Это когда было?

Бальди. 5-го апрѣля утромъ. Студенты толпились группами, ходили передъ зданіемъ. Среди нихъ были и уволенные. Что произошло тутъ—мнѣ неизвѣстно. Будто-бы была устроена дир-ру какая-то демонстрація, когда онъ ѣхалъ на извозчикѣ. Къ директору былъ приглашенъ ин-ръ. Было-ли у нихъ совѣщаніе — не знаю, но мы получили распоряженіе записать тѣхъ, которые были на улицѣ.

Зерновъ. Т. е. послѣ того, какъ они произвели дебошъ?

Бальди. Да.

Гессенъ. А вы не присутствовали при самомъ инцидентѣ?

Бальди. Не присутствовалъ. Окна тогда были еще не промыты, плохо было видно. Принесли бинокль и стали записывать.

Люстихъ. Т. е. черезъ окно?

Бальди. Да. Коноваловъ былъ въ сосѣдней комнатѣ. Время отъ времени появлялся и указывалъ, кого переписывать. Нашей инициативы въ этомъ дѣлѣ не было, и мы дѣлали это по приказанію директора и не зная, для чего эта перепись.

Люстихъ. Значитъ, онъ черезъ окно указывалъ вамъ группы студентовъ для записи?

Бальди. Да.

Зерновъ. Указывалъ самъ, но фамилій не зналъ?

Бальди. Нѣтъ, онъ прямо говорилъ: «запишите вонъ эту группу». Такимъ образомъ было записано около 45 человѣкъ.

Зерновъ. А сколько тамъ всего было?

Бальди. Около 60.

Зерновъ. Что-же они, ходили или стояли группами?

Бальди. Да, стояли группами.

Зерновъ. На перронѣ?

Бальди. Нѣтъ, на панели.

Люстихъ. Такъ что Вамъ приходилось отмѣчать по его указаніямъ. Могли попасть и невиновные?

Бальди. Онъ прямо указывалъ: вотъ эту группу, но не сказалъ, почему.

Зерновъ. Когда обсуждался въ Совѣтѣ вопросъ объ этой группѣ. Васъ спрашивали?

Бальди. Нѣтъ, къ сожалѣнію.

Зерновъ. И потомъ ихъ уволили?

Бальди. Да, 25 человѣкъ уволили на одинъ годъ.

Гессенъ. Они уволены по постановленію Совѣта?

Бальди. По приказанію Министра.

Гессенъ. Но доложили Министру отъ имени Совѣта?

Бальди. Повидимому.

Гессенъ. Значитъ, требовалось утвержденіе Министра?

Бальди. Повидимому,

Гессенъ. Значитъ первая группа уволена по постановленію Совѣта, а вторая?

Люстилъ. Итакъ, первая уволена безъ санкціи Министра?

Бальди. Первая—по постановленію Совѣта, а для вторыхъ санкція, повидимому, была дана впередъ.

Лесгафтъ. Вторую группу директоръ представлялъ прямо Министру, помимо Совѣта?

Бауманъ. Могу сдѣлать по этому поводу поясненіе изъ письма присяжн. пов. Алексѣева въ «Новое Время» (читаетъ)*.

Лесгафтъ. Вы раздавали билеты сами или быть можетъ, иначе какъ-нибудь?

Бальди. Какъ случалось, больше по почтѣ.

Лесгафтъ. А не случалось-ли, что передавали черезъ товарищей?

Бальди. Быть можетъ передавали и черезъ товарищей.

Лесгафтъ. А директоръ самъ раздавалъ нѣкоторымъ?

Бальди. Нѣтъ.

Гессенъ. Студенты обращались къ вамъ?

Бальди. Не ко мнѣ, а къ директору: онъ же возвращалъ прошеніе ко мнѣ уже съ помѣткой?

Гессенъ. Не припомните-ли вы, чтобы хоть одно изъ прошеній попало къ вамъ съ помѣткой: «не выдавать»?

Бальди. Ни одного случая.

Гессенъ. Значитъ всякое прошеніе удовлетворялось?

Бальди. Были случаи, когда прошенія возвращались ко мнѣ не съ помѣткой «выдать», а «вызвать».

Гессенъ. Для объясненій съ д-ромъ?

Бальди. Да.

Гессенъ. Не допускаете-ли возможности, чтобы тѣ прошенія, которыя не подлежали удовлетворенію, оставались у ин-ра или у д-ра?

Бальди. Мнѣ это неизвѣстно.

Гессенъ. А по прошеніямъ, которыя попадали къ Вамъ, всѣмъ выдавали?

Бальди. Всѣмъ.

Гессенъ. Значитъ, Вы случаевъ отказа категорически не помните?

Бальди. Со мною не было.

Гессенъ. Тутъ говорилось о билетахъ разныхъ цвѣтовъ. Что это были за бѣлые билеты?

Бальди. Цвѣтные выдавались на извѣстный день, а бѣлые на постоянное посѣщеніе.

Гессенъ. Кто получалъ цвѣтные, а кто бѣлые?

Бальди. Кто желалъ видѣть ин-ра, получалъ цвѣтной, разовой, а кто выражалъ желаніе держать экзаменъ—получалъ бѣлый.

Гессенъ. Значитъ всякій подававшій прошеніе объ экзаменахъ получалъ бѣлый билетъ?

Бальди. Да, бѣлый.

Леонтьевъ. Цвѣтной могъ получить и не экзаменовавшійся?

Бальди. Да.

Гессенъ. Вамъ неизвѣстно объ участіи ст-въ въ раздачѣ билетовъ?

Бальди. На этотъ счетъ распускались слухи, доходившіе и до меня. Но я это положительно отрицаю.

Зерновъ. Было сдѣлано ст-тамъ объявленіе о значеніи цвѣтовъ?

Бальди. Нѣтъ, не было. У насъ было 6 пачекъ билетовъ, въ нихъ вписывался день, и только мы и знали, какой цвѣтъ на какой день.

Зерновъ. Это Коноваловъ самъ сдѣлалъ?

Бальди. Въ выработкѣ текста мы не участвовали. Коноваловъ далъ готовый.

Люстихъ. А какимъ образомъ возвращались уволеннымъ ст-тамъ ихъ документы?

Бальди. Это дѣлалось такъ, что всѣ документы направлялись къ Градоначальнику.

Гессенъ. Такъ что непосредственно изъ канцеляріи Ин-та ихъ не выдавали. Это не постоянный порядокъ, онъ былъ введенъ Коноваловымъ?

Бальди. Нѣтъ, онъ не былъ введенъ Коноваловымъ.

Зерновъ (поясняетъ). Можетъ быть теперь порядокъ иной — не знаю, но раньше было такъ: разъ ст-тъ увольняется, то извѣщается Гр-къ; есть особое предписаніе.

Гессенъ. Но ст-ты получали объ увольненіи извѣщенія?

Бальди. Не имѣю понятія; если это и дѣлалось, то правителемъ канцеляріи.

Зерновъ. Вы каждый день во время экзаменовъ дѣлали докладъ Коновалову?

Бальди. Да, о числѣ экзаменовавшихся?

Зерновъ. Только числовыя данныя, безъ характеристикъ?

Бальди. Да, одни числа, безъ указанія фамилій?

Лутугинъ. Вы говорили, что въ Совѣтѣ при увольненіи вспоминались *прежніе грѣшки.* Какого характера — педагогическаго, или вспоминалось участіе въ прежнихъ волненіяхъ? Не можете-ли указать, кто именно вспоминалъ?

Бальди. Это мнѣ сказать неудобно, такъ какъ я не членъ Совѣта, могу сказать только, что это былъ одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Совѣта--догадывайтесь сами.

Люстихъ. Изъ профессорской коллегіи?

Бальди. Да.

Лутугинъ. Грѣшки—участіе въ волненіяхъ?

Бальди. Именно.

Лутугинъ. Какъ выдавались цвѣтные билеты?

Бальди. Присылалось заявленіе и выдавался билетъ—для свиданія.

Долбня. Когда списокъ обструкціонистовъ былъ представленъ Коновалову, онъ его возилъ предварительно М-ру, а затѣмъ представилъ Совѣту, и М-ръ сказалъ, чтобы поступили по правиламъ?

Бальди. Да.

Долбня. А второй разъ, когда запись была произведена помощью бинокля, возилъ онъ списокъ М-ру?

Бальди. Думаю, что нѣтъ.

Долбня. Почему же Совѣтъ наказалъ своей властью 25 ст-въ?

Бальди. Не могу вамъ сказать, я въ Совѣтѣ не былъ.

Долбня. Вы срывали объявленія до Лебедевскаго инцидента?

Бальди. Я.

Долбня. Что Васъ къ этому побуждало, по чьему приказанію Вы дѣйствовали?

Бальди. По приказанію, если хотите, еще Меллера.

Долбня. Значитъ это было обычнымъ явленіемъ?

Бальди. Да, обычнымъ; дѣлалось каждый день. Я даже скажу больше: Меллеръ дѣлалъ мнѣ строгій выговоръ за неисполненіе этихъ обязанностей.

Долбня. Почему именно на этотъ разъ, какъ разъ наканунѣ поступленія Коновалова разгорѣлась исторія?

Бальди. Я вамъ разскажу подробно этотъ день. Въ восемь съ половиною час. утра я отправился въ буфетъ, увидѣлъ объявленіе: «прошу г. Бальди не срывать объявленій во избѣжаніе скандала», никѣмъ не подписанное. Я направился къ Лебедеву и сказалъ: «вотъ наша функція: какъ пріятно намъ читать такія объявленія». На это Георгій Глѣбовичъ вывѣсилъ свое извѣстное объявленіе: что всякое объявленіе безъ штемпеля ин—ціи будетъ снимаемо.

Долбня. А когда было совѣщаніе?

Бальди. Позвольте, я кончу. Вы, Иванъ Петровичъ, кажется нѣсколько спутали. Было 2 совѣщанія. Когда ст-ты пришли на сходку, увидѣвъ объявленіе Георгія Глѣбовича, то были удивлены. Они отправили къ нему депутацію передъ сходкой съ требованіемъ снять это объявленіе. Тогда Георгій Глѣбовичъ собралъ совѣщаніе.

Гессенъ. Сколько было на немъ человѣкъ?

Бальди. Не помню.

Люстихъ. На это совѣщаніе пригласили и ст-въ?

Бальди. Да, кажется.

Зерновъ. А послѣ этого Вы продолжали срывать?

Бальди. Лебедевъ намъ сказалъ, что мы можемъ больше не ходить.

Зерновъ. Не было ли сдѣлано какой-либо оговорки?

Бауманъ. Гарантій не было дано по словамъ проф. Шредера, который тогда Ивану Петровичу не возразилъ.

Долбня. Тамъ были также Лебедевъ и Митинскій.

Зерновъ. Послѣ этого совѣщанія Вы ходили въ буфетъ послѣ четырехъ съ половиной час. или совсѣмъ не ходили?

Бальди. Отъ 9 до 4 съ половиной не ходилъ, но уже не регулярно.

Долбня. Вы поняли тогда приказаніе Лебедева, какъ распоряженіе Совѣта или только ин-ра?

Бальди. Не помню.

Долбня. Но, словомъ, приказаніе исходило отъ законной власти?

Бальди. Да.

Зерновъ. А Коноваловъ давалъ Вамъ какія нибудь новыя распоряженія?

Бальди. Относительно буфета никакихъ указаній не было.

Зерновъ. Онъ васъ не распрашивалъ о томъ какъ дѣло шло до него?

Бальди. Нѣтъ, не разспрашивалъ; но когда онъ познакомился съ правилами Ин-та, то я получилъ замѣчаніе за непосѣщеніе буфета.

Гессенъ. А списки экзаменующихся Вами не сообщались гр-ку?

Зерновъ. Не списки, а только число?

Бальди. Число?

Гессенъ. А поименный не сообщался?

Бальди. Нѣтъ, я его составлялъ только для директора.

Леонтьевъ. Когда Вы составляли списки обструкціонистовъ, Вамъ помогали ст-ты?

Бальди. Нѣтъ, никто не помогалъ.

Леонтьевъ. А вотъ Васъ спрашивали, такой-то занесенъ въ списокъ, кто же это былъ?

Бальди. Я уже называлъ ихъ, они теперь инженеры.

Леонтьевъ. Были ли такіе случаи, когда ст-тъ спрашивалъ о самомъ себѣ?

Бальди. Нѣтъ.

Леонтьевъ. А когда Вы предлагали Макарову пополнить списокъ, и онъ Васъ спросилъ: „развѣ такіе случаи были", дѣйствительно ли Вы имѣли въ виду опредѣленные случаи?

Бальди. Я имѣлъ тотъ случай въ виду, когда я пользовался долетавшими до меня фамиліями, произносившимися группой въ Ин-ціи.

Леонтьевъ. Такъ что, когда Вы говорили съ Макаровымъ, Вы имѣли въ виду только долетавшія до васъ слова и ничего больше?

Бальди. Именно такъ.

Леонтьевъ. Относительно своего слуха Вы не могли ошибиться?

Бальди. Можетъ быть я и согрѣшилъ немножко.

Леонтьевъ. Прямыхъ указаній отъ ст-въ не было?

Бальди. Нѣтъ, не было.

Алексѣевъ. Каково было состояніе ст-въ, когда они говорили не были ли они сильно возбуждены?

Бальди. Да, страшно возбуждены.

Алексѣевъ. Какъ они стояли?

Бальди. Самымъ разнообразнымъ образомъ.

Алексѣевъ. Всѣ ли говорили, или выдѣлялись отдѣльные ораторы?

Бальди. Всѣ говорили, даже кричали.

Алексѣевъ. Когда Вы записывали и Васъ спрашивали, можно ли сказать, что всѣ это видѣли?

Бальди. Нѣтъ, только близко стоящіе могли видѣть.

Алексѣевъ. Возбужденіе ст-въ не доходило ли до того, что нѣ-

которые для самообороны разломали табуретки, хватали подсвѣчники?

Бальди. Да, это было: табуретку сломали.

Алексѣевъ. Что, такіе списки составлялись впервые въ исторіи Ин-та, для ст-въ это было ново, и назначеніе ихъ неизвѣстно?

Бальди. При мнѣ ничего подобнаго не было; у насъ это явленіе новое.

Алексѣевъ. А съ какого года Вы въ Ин-тѣ?

Бальди. Съ 93-го.

Алексѣевъ. Ст-ты знали о случаѣ съ Зенченко?

Бальди. Не знаю.

Алексѣевъ. Не слышали ли Вы, что былъ разговоръ о томъ, чтобы не подавать ему руки?

Бальди. Не знаю.

Алексѣевъ. А въ проскрипціонномъ спискѣ вы читали фамиліи этихъ лицъ, которыхъ вы называли?

Бальди. Этого списка не видѣлъ.

Алексѣевъ. А вамъ не попадались они въ числѣ фамилій, подписавшихся подъ вызовомъ къ Третейскому Суду?

Бальди. Не припомню.

Бокій. Вы сказали, что приглашенія разсылались по алфавиту, первой трети списка. Я въ ней былъ, я на букву—б—и не получилъ билетъ. Чѣмъ вы объясните, что ночью на 1 апрѣля я получилъ отъ Васъ со сторожемъ повѣстку о томъ, что выданный мнѣ на 2 апрѣля билетъ—не дѣйствителенъ? Это было?

Бальди. Кажется было.

Бокій. На какомъ же основаніи?

Бальди. Не припомню. Можетъ быть потому, что Вы... *неблагонадежный...*

Бокій. Почему тамъ были Томилинъ, Урбановичъ, Коленскій-- вѣдь они не на первыя буквы алфавита?

Бальди. Не знаю, можетъ быть они записаны были въ группу. Списки хранятся въ Ин-ціи. Можно посмотрѣть.

Люстихъ. Отъ кого шли распоряженія о билетахъ?

Бальди. Отъ ин-ра и дир-ра.

Люстихъ. Письменныя?

Бальди. Устныя.

Бокій. Кѣмъ повѣрялись списки?

Бальди. Самимъ ин-ромъ.

Бокій. Тамъ были исключенные и уволенные?

Бальди. Думаю, что да.

Бокій. Ошибокъ не могло быть?

Бальди. Не могу сказать.

Бокій. На какомъ основаніи былъ исключенъ Свитальскій, когда онъ не былъ въ Ин-тѣ, также Гусарскій и Панфиловъ?

Бальди. Онъ должно быть былъ.

Гессенъ. Въ списокъ этотъ они были внесены ин-ромъ?

Бальди. Да, самимъ ин-ромъ.

Печковскій. По какимъ даннымъ?

Бальди. Не знаю, списокъ былъ пополненъ самимъ ин-ромъ?

Гаппѣевъ. Коноваловъ спрашивалъ Васъ, видѣли Вы сами записанныхъ ст-товъ, спрашивалъ ли откуда Вы получили нѣкоторыя фамиліи?

Бальди. Нѣтъ, вѣроятно потому, что онъ хотѣлъ допросить еще 6—7 человѣкъ.

Гаппѣевъ. Самъ онъ допрашивалъ 7 человѣкъ, и это—сглазу на глазъ?

Бальди. При мнѣ былъ допрошенъ только одинъ сторожъ—тотъ, который былъ избитъ.

Гаппѣевъ. Вы говорили, что былъ отвезенъ списокъ Мин-ру?

Бальди. Да, я отвезъ.

Гаппѣевъ. Что же, это была инціатива Коновалова?

Бальди. Да, это было до Совѣта.

Гаппѣевъ. Вы говорили, что отказовъ въ выдачѣ билетовъ не было. Но не помните ли Вы, что отсылали ст-въ къ нѣкоторымъ, указывая опредѣленныя фамиліи?

Бальди. Это могло быть: я зналъ, что нѣкоторые составляли группы.

Гаппѣевъ. А не помните ли Вы, что посылали къ Лебедеву?

Бальди. Къ ст-ту?

Гаппѣевъ. Да, послѣ составленія группы?

Бальди. Можетъ быть.

Гаппѣевъ. А Оларовскаго?

Бальди. Не припомню.

Люстихъ. Были ли случаи, что Вы требовали поручительства?

Бальди. Нѣтъ, бывало, что я предлагалъ приписаться къ существующей уже группѣ: записавшемуся въ группу выдавался билетъ.

Гаппѣевъ. Не указывали ли Вы опредѣленныхъ лицъ на каждомъ курсѣ?

Бальди. Да, на каждомъ курсѣ были составители группъ, но это бывало и въ предыдущіе годы.

Гессенъ. До начала экзаменовъ группы были?

Бальди. Не припомню.

Гессенъ. Значитъ лицамъ, подавшимъ прошенія выдавались бѣлые билеты?

Бальди. Да, всѣ получили. Если обращались ко мнѣ, я предлагалъ: или составить свою группу, или посылалъ къ ст—тамъ, уже составлявшимъ.

Гессенъ. Какое же значеніе въ Вашихъ глазахъ имѣла значеніе запись въ группы?

Бальди. Они составляли экзаменаціонную группу, и это являлось, какъ бы круговой порукой, что ли, что они будутъ держать экзамены.

Гессенъ. А если прошеніе подалъ, но ни въ какой группѣ не состоялъ, тогда какъ?

Бальди. Онъ могъ обратиться въ группу уже составленную на курсѣ. Ни одного случая отказа не было. Могъ также составить и свою группу.

Гессенъ. А развѣ всѣ ст—ты могли составлять группы?

Бальди. Всѣ могли.

Люстихъ. Вы говорили, что впослѣдствіи можно было экзаменоваться и помимо группъ?

Бальди. Да.

Гессенъ. И никакого вліянія на выдачу билетовъ эти группы не оказывали?

Бальди. Конечно, оказывали: записавшимся выдавались билеты.

Лутугинъ и Бауманъ. Вы отмѣтьте хронологическую разницу: въ началѣ нужно было записываться въ группы, а потомъ очевидно не нужно.

Бальди. Это было не долго. 2-го представленъ былъ списокъ въ 23 человѣка: этимъ выдали бѣлые билеты. А затѣмъ выдавались и отдѣльнымъ лицамъ.

Лутугинъ. Такъ что сначала повидимому была круговая порука— вы говорили о ней?

Бальди. Да, повидимому;—порука, что будутъ экзаменоваться...

Люстихъ. Т. е. какъ «повидимому». Вамъ говорили это?

Бальди. Мнѣ казалось, что они составляли группы изъ тѣхъ, кто будетъ спокойно держать экзамены. Сами то ст-ты мнѣ этого не говорили, хотя на одномъ изъ списковъ есть приблизительно такая надпись:

«мы; нижеподписавшіеся; желаемъ держать экзамены и не будемъ обструкціонировать».

Люстигъ. Эти списки у Васъ сохранились и могутъ быть представлены?

Бальди. Да?

Зерновъ. А когда же были представлены эти группы?

Бальди. Послѣ обструкціи.

Зерновъ. А съ какими билетами приходили ст—ты 31 марта и 2 апрѣля?

Бальди. Съ розовыми.

Зерновъ. А когда же появились бѣлые билеты?

Бальди. Послѣ обструкціи.

Гессенъ. Вамъ неизвѣстны случаи, чтобы студ—ты отказывались занести кого-нибудь въ списокъ своей группы?

Бальди. Этого я не знаю;—это все дѣлалось между самими студ—ми.

Гессенъ. Но Вамъ объ этомъ не говорили?

Бальди. Нѣтъ.

Бауманъ. Читаетъ изъ заявленія оставшихся профессоровъ, гдѣ говорится, что первый списокъ былъ представленъ въ Совѣтъ 31 марта, и тогда появились билеты.

Гапѣевъ. Вы сказали, что необходима была круговая порука?

Бальди. Нѣтъ... я не то говорилъ.

Предсѣдатель. Проситъ Гапѣева не приписывать свидѣтелю того, чего тотъ не говорилъ.

Гапѣевъ. Почему же Вы нѣкоторыхъ, обращавшихся къ Вамъ за билетами ст—въ посылали къ Ауэрбаху, Духоню и друг., а не предлагали самимъ составлять группу?

Бальди. Я этого не помню.

Гапѣевъ. Но, можетъ быть, для спокойствія Вы предпочитали посылать составленныя уже группы?

Бальди. Повидимому, такъ.

Гапѣевъ. Вамъ извѣстно, что документы уволенныхъ отправлялись къ Градоначальнику?

Бальди. Да, слышалъ.

Гапѣевъ. А въ 1902 г. всѣ документы выдавались изъ канцеляріи?

Бальди. Въ 1902 г. это было сдѣлано по всей вѣроятности для того, чтобы не затруднять канцелярію, и можно было бы надѣяться, что скоро примутъ всѣхъ обратно: обыкновенный же порядокъ— это посылка къ градоначальнику.

Мефертъ. Раньше Вы сказали, что документы направлялись всегда къ Градоначальнику?

Бальди. Я не служу въ канцеляріи: за вѣрность не ручаюсь.

Гаппѣевъ. Когда и почему Коноваловъ запретилъ Вамъ пользоваться услугами студ—въ?

Бальди. Не припомню.

Люстихъ. Обращался ли къ Вамъ Коцовскій или Коноваловъ по поводу этихъ слуховъ?

Бальди. Не помню.

Люстихъ. Но повода для того не было?

Бальди. Повода не было.

Зерновъ. Коноваловъ, видите ли, показалъ на Судѣ, что сдѣлалъ Вамъ заявленіе такого рода.

Бальди. Можетъ быть, но не помню.

Гаппѣевъ. Когда «своб.-д—щіе» ломали стулья для обороны, на нихъ было сдѣлано нападеніе?

Бальди. Я не былъ свидѣтелемъ этого. Мнѣ разсказывалъ сторожъ, что сг—тъ Березовскій сломалъ стулъ для защиты.

Гаппѣевъ. А какъ Вы узнали, что это были «своб.-д—щіе»?

Бальди. Я сказалъ «студентъ», а не говорилъ «своб.-д—щіе».

Люстихъ. Вамъ сторожъ сказалъ, что это былъ Березовскій?

Бальди. Да.

Гаппѣевъ. Съ какого времени существуетъ санитарный кружокъ?

Бальди. Съ 1902 года.

Гаппѣевъ. Почему Вы въ прошломъ году выказали вдругъ интересъ къ этому кружку, когда ранѣе не выказывали?

Бальди. Очень просто: тогда былъ интересный докладъ о новой теоріи мірозданія. Мнѣ, какъ естественнику, было очень интересно узнать эту новую теорію.

Гаппѣевъ. У Васъ былъ только этотъ интересъ?

Бальди. Да. Я тогда же спросилъ у секретаря Поповича, не будетъ ли мое присутствіе противорѣчить этикѣ студ—въ, и онъ мнѣ сказалъ, что нѣтъ.

Гаппѣевъ. Онъ кажется Васъ просилъ быть въ штатскомъ платьѣ?

Бальди. Да.

Гаппѣевъ. Но никакого давленія со стороны Коновалова не было?

Бальди. Нѣтъ. Онъ даже не зналъ объ этомъ.

Гаппѣевъ. Не удостовѣрите ли Вы, что въ Инст—тѣ висѣло объявленіе, въ которомъ говорилось, что уѣзжающимъ не гарантируется оставленіе на второй годъ, если они не приступили къ экзаменамъ?

Бальди. Объявленіе было, и приблизительно въ такихъ выраженіяхъ.

Гапьевъ. Даже въ томъ случаѣ, если имѣютъ право остаться?

Бальди. Нѣтъ, этого не было.

Гапьевъ. А что, на курсовыя совѣщанія приглашенія разсылались всѣмъ ст—мъ или по особому выбору?

Бальди. Не припомню; кажется, не всѣмъ.

Гапьевъ. По какимъ мотивамъ?

Бальди. Опять по тѣмъ же. Разсылались тогда, когда выяснилось, что многіе не приступили къ экзаменамъ; руководствовались и педагогическими мотивами.

Гапьевъ. Можетъ быть и благонадежностью?

Бальди. Можетъ быть.

Лутугинъ. Какъ это устанавливалось?

Бальди. Думаю, что имѣли въ виду прежде всего педагогическія причины: лѣнтяевъ напр.

Гапьевъ. Вѣдь среди исключенныхъ есть и лица прилежныя; какое же въ данномъ случаѣ значеніе имѣли педагогическія причины?

Бальди. На старшихъ курсахъ были лица и хорошо учившіеся.

Гапьевъ. А относительно другихъ курсовъ?

Бальди. На первыхъ курсахъ этого не было.

Зерновъ. Кто указывалъ при разсылкѣ билетовъ—кому послать, и кому нѣтъ?

Бальди. Обсуждали это: я, Воронинъ и Коцовскій.

Гапьевъ. Распоряженія разсылки билетовъ исходили отъ инспекціи?

Люстихъ. Это уже извѣстно.

Бальди. Въ началѣ отъ Директора, потомъ отъ инспектора.

Гапьевъ. Коноваловъ знакомился съ системой экзаменовъ прошлаго времени?

Бальди. Меня онъ не спрашивалъ.

Гапьевъ. Запомнили Вы фамиліи тѣхъ студ—въ, о которыхъ справлялись три студента?

Бальди. Не помню.

Гапьевъ. Списки составлялись немедленно послѣ обструкціи?

Бальди. Такъ спустя полчаса.

Гапьевъ. Списки не лежали на стойкѣ, гдѣ проходятъ мимо?

Бальди. Нѣтъ, у меня на столѣ.

Мефертъ. Списки представлялись съ указаніемъ вины или просто только фамиліи?

Бальди. Въ спискѣ были только фамиліи. Совѣтъ самъ подраздѣлялъ.

Гапѣевъ. Что произошло между студ—ми и Коноваловымъ послѣ обструкціи?

Бальди. Это было внизу, и этого я не знаю. Кажется, Коноваловъ обѣщалъ предоставить возможность экзаменоваться.

Гапѣевъ. Не припомните ли, почему 2-го Апрѣля экзамены начались раньше обычнаго срока?

Бальди. Этого быть не можетъ, развѣ что на четверть часа раньше.

Гапѣевъ. Но все-таки раньше начались?

Бальди. Можетъ быть на четверть часа.

Алексѣевъ. Лицамъ составлявшимъ группы Вы говорили, что должна быть круговая порука?

Бальди. Не помню.

Алексѣевъ. Составленіе группъ было свободнымъ?

Бальди. Да, свободнымъ.

Алексѣевъ. Желавшіе экзаменоваться и получить билетъ приходили по одиночкѣ?

Бальди. Большей частью по одному.

Алексѣевъ. Не говорилъ ли профессоръ Лебедевъ, что достаточно трехъ студентовъ, чтобъ была экзаменаціонная группа?

Бальди. Я не знаю этого, но экзаменовались въ любомъ числѣ.

Алексѣевъ. При составленіи списковъ кромѣ трехъ студ—въ, о которыхъ Вы сказали, что ихъ вопросъ далъ Вамъ косвенное подтвержденіе, никто Вамъ больше не «помогалъ»?

Бальди. Нѣтъ.

Алексѣевъ. Вы категорически это отрицаете?

Бальди. Да, категорически.

Мироновъ. Какъ составлялся второй списокъ (5-го Апрѣля)? Вы не пользовались показаніями студ—въ?

Бальди. Безусловно нѣтъ, категорически отрицаю.

Мироновъ. Почему же около Васъ стояли студ—ты?

Бальди. Нѣтъ, я былъ одинъ.

Мироновъ. Я лично былъ уже уволенъ 11-го Марта и сидѣлъ въ домѣ предварительнаго заключенія, а между тѣмъ тогда былъ вновь исключенъ?

Бальди. Я Васъ, Мироновъ, люблю и отношусь съ полнымъ уваженіемъ, но я повторяю, что здѣсь совершенно не участвовала моя

инициатива; мнѣ просто было велѣно переписать, а для чего—я не зналъ.

Гливицъ. Какъ Гусарскій попалъ въ списокъ? Мнѣ говорили, что его указалъ одинъ изъ нынѣшнихъ студ—въ?

Бальди. Этого не было.

Гапьевъ. Какіе дебаты у Васъ были съ однимъ студ—мъ относительно Гусарскаго? Не говорили ли Вы о немъ, что ежели онъ и не былъ, то могъ бы быть?

Бальди. Нѣтъ, ничего подобнаго не было.

Люстихъ. Вы это отвергаете?

Бальди. Да, отвергаю.

Пацваловъ. Всѣмъ студ—мъ 5-го курса были выданы билеты на 31-е марта?

Бальди. Да.

Пацваловъ. Различія не дѣлалось?

Бальди. Не дѣлалось.

Пацвалов. Почему же Вы сортировали студ въ? Однихъ направляли на верхъ, другихъ—въ чертежную—5-го курса, нѣкоторыхъ не пускали на верхъ?

Бальди. Кажется этого не было. Мы спрашивали: «желаете экзаменоваться»? И при утвердительномъ отвѣтѣ направляли на верхъ, а при отрицательномъ—въ чертежную 5-го курса. Распоряженія не пускать не дѣлалъ.

Кульжинскій. Вы мнѣ предлагали записаться, а Рейнвальда и Новосильцева Вы не пропустили?

Бальди. Относительно Новосильцева—не помню, а Рейнвальдъ не былъ допущенъ до экзаменовъ.

Соколовъ. Не помните ли Вы, что весной я съ двумя товарищами: здѣсь присутствующимъ—Притулой и съ ушедшимъ на Дальній Востокъ на подводной лодкѣ—Маломѣрковымъ, явился къ Вамъ и просилъ разсказать, что было справедливаго въ слухахъ, циркулировавшихъ среди студ—въ о томъ, что среди нихъ нашлись лица, помогавшія инспекціи въ составленіи списковъ обструкціонистовъ? Припоминаете?

Бальди. Да, помню.

Соколовъ. Вы тогда разсказали все, что показали здѣсь, но на требованіе сказать фамиліи Вы отвѣтили отказомъ?

Бальди. Да, но я не сказалъ фамилій потому, что не помнилъ ихъ.

Соколовъ. А какъ же Вы сейчасъ назвали три фамиліи? Я Вамъ напомню: сначала Вы разсказали, что Вамъ студ—ты помогли тѣмъ,

что при Васъ разговаривали и упоминали фамиліи. На это я Вамъ возразилъ, что этого нельзя ставить въ вину студ—мъ: они говорили въ возбужденіи, не обращая на Васъ вниманія, а Вы ихъ подслушивали. Я желалъ знать, были ли факты, что къ Вамъ подходилъ студентъ и прямо спрашивалъ: «записанъ ли тотъ-то». На это Вы мнѣ отвѣтили, что и это было: два или три случая, но фамилій спрашивавшихъ назвать отказались. Я это утверждаю!

Люстихъ. Подтверждаете ли это или нѣтъ?

Бальди. Можетъ это и такъ—не помню. У г-на Соколова молодая память и ему не приходится запоминать такой массы, какъ мнѣ.

Зерновъ. Но фамилій Вы не назвали?

Бальди. Думаю, что нѣтъ.

Соколовъ. Еще одинъ вопросъ. Вы разсказали здѣсь, что сперва бѣлые билеты выдавались только лицамъ вступившимъ въ группы, а потомъ отдѣльнымъ лицамъ—всякому, кто пожелаетъ. Чѣмъ объясняется эта перемѣна?

Бальди. Затрудняюсь сказать; но причинъ могло быть много: сначала записывались и такіе, которые не желали держать.

Соколовъ. А развѣ Вамъ инспекторъ не говорилъ, что было заявленіе сборщиковъ группы?

Бальди. Ахъ, да! Дѣйствительно, говорилъ.

Люстихъ. Какое же это заявленіе?

Бальди. Студ-ты отказывались принимать на себя *ручательство,* о чемъ и заявляли Директору и инспектору.

Гессенъ. Значитъ раньше *ручательство* было?

Соколовъ. Я былъ однимъ изъ составителей группъ на своемъ курсѣ. Ко мнѣ прислала инспекція двухъ студ-въ даже не моего курса, чтобы я записалъ ихъ въ группы. Кромѣ того я узналъ, что и къ другимъ сборщикамъ тоже присылались. Такимъ образомъ выходило, что мнѣ и моимъ товарищамъ приходилось выдавать какой то патентъ на благонадежность. Во избѣжаніе нарѣканій —и, надо сказать, вполнѣ справедливыхъ, если бы такое положеніе было— я въ тотъ же день отправился къ Директору и тамъ въ присутствіи инспектора, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени другихъ сборщиковъ, сдѣлалъ категорическое заявленіе и требовалъ: чтобы инспекція не посылала къ намъ за полученіемъ рекомендаціи, сказавъ, что въ противномъ случаѣ я и другіе должны будемъ отказаться отъ составленія группы. При мнѣ же Директоръ сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе инспектору. Послѣ этого инспекція студ-въ больше не посылала.

Ауэрбахъ. Не припомните ли, что я узнавъ, что Вы кого то направляли ко мнѣ, чтобы я записалъ его въ группу (говорю: «узнавъ», такъ какъ ко мнѣ лично никто отъ Васъ не приходилъ съ такой просьбой) написалъ Вамъ: «Убѣдительно прошу ко мнѣ никого не посылать, такъ какъ я категорически заявляю о томъ, что никому *рекомендаціи* выдавать я не намѣренъ».

Бальди. Да, Ваше заявленіе я хорошо помню.

Ауэрбахъ. Такое же заявленіе я устно сдѣлалъ инспектору.

Бауманъ. Когда происходилъ этотъ разговоръ г. Соколова съ Директоромъ?

Бальди. Черезъ два-три дня послѣ начала экзаменовъ.

Зерновъ. Вамъ казалось, что студ-ты какъ будто устанавливаютъ благонадежность? Вы такъ смотрѣли на это?

Бальди. Пожалуй, что и такъ.

Зерновъ. Съ Вашей точки зрѣнія выходило, что они Вамъ помогаютъ?

Бальди. Да, отчасти.

Люстихъ. Они это Вамъ говорили?

Бальди. Нѣтъ, не говорили.

Гапѣевъ. Что такое сборщикъ группы?

Бальди. Составитель.

Соколовъ. Я составлялъ на своемъ курсѣ...

Гапѣевъ. А кто еще?

Злотницкій. Вотъ на 5 курсѣ—еще Гусарскій.

Гапѣевъ. А кто кромѣ Притулы и Соколова—на второмъ?

Соколовъ. Наша группа была въ 23 человѣка.

Гапѣевъ. Какъ производился «взломъ» и вскрытіе издательской лавочки?

Бальди. Взлома не было.

Гапѣевъ. Не припомните ли, что Вы двинули дверь и высадили ее плечемъ?

Бальди. Взлома не было. Дѣйствительно было вырвано маленькое колечко. Я не геркулесъ—просто толкнулъ дверь, кольцо выскочило. Я дѣйствовалъ по распоряженію Совѣта и въ присутствіи представителей отъ профессоровъ и понятыхъ отъ студ-въ.

Гапѣевъ. Фактъ взлома неопровержимо установленъ. Приглашались ли члены коммиссіи присутствовать при немъ?

Бальди. Нѣтъ.

Гливицъ. Гусарскій Вамъ былъ извѣстенъ, какъ составитель группы. Посылались его группѣ бѣлые билеты?

Бальди. Кажется нѣтъ.

Гливицъ. Послали бы Вы къ нему за рекомендаціей?

Бальди. Смотря—за какой.

Люстихъ. Была ли у Гусарскаго группа?

Бальди. Была, но вѣроятно фиктивная.

Люстихъ. Почему ей не были посланы билеты?

Бальди. Должно быть не успѣли—произошла обструкція.

Гливицъ. Однако она составилась 31-го одновременно съ первой?

Долбня. Можетъ быть не послали потому, что боялись этой самой обструкціи?!

Злотницкій. Согласно постановленію, въ одинъ и тотъ же день отъ одного курса, допускалась въ Инст-тъ только одна группа. Поэтому группѣ Гусарскаго не могли послать на 2 апрѣля билетовъ: ей было предложено держать экзамены 3-го т. е. на слѣдующій день.

Кульжинскій. Я былъ въ этой группѣ, но билетовъ не получалъ.

Грунвальдъ. Въ подтвержденіе того, что группы составлялись не только «свобод-щими», но и другими, приведу Фитингофа—не «свобод-щаго», составившаго группу, впослѣдствіи присоединившуюся къ группѣ Воскресенскаго.

Воскресенскій. Еще въ февралѣ мѣсяцѣ, т. е. задолго до ухода «лучшихъ» или «худшихъ», профессоровъ, было отъ Совѣта вывѣшено объявленіе о томъ, что экзамены будутъ производиться по группамъ. Вообще экзаменаціонныя группы были въ обычаѣ... И я тогда сталъ составлять группу. Ко мнѣ пришелъ Фитингофъ съ предложеніемъ записаться въ его группу; но я сказалъ, что у насъ есть своя и предложилъ ихъ совмѣстить. Онъ согласился. У меня имѣется отъ него письмо, подтверждающее составленіе имъ группы. Кромѣ того студ-тъ Мишинъ сказалъ мнѣ, что и онъ тоже составляетъ группу. Такимъ образомъ, на третьемъ курсѣ было три иниціативы составленія группъ.

Люстихъ. Вы подтверждаете, что объявленіе о группахъ было еще въ февралѣ?

Бальди. Да.

Павловъ. Въ то время, какъ Вы смотрѣли въ бинокль, и Вы не имѣли указаній, кого записывать?

Бальди. Нѣтъ, никакихъ указаній не имѣлъ.

Зерновъ. Вамъ извѣстно, что пошли слухи, что студенты участвовали въ составленіи списковъ?

Бальди. Да.

Зерновъ. Кромѣ приведенныхъ Вами случаевъ, косвенной или прямой помощи, другихъ не было?

Бальди. Нѣтъ, никакихъ другихъ не было.

Гаппеевъ. Не найдетъ ли судъ удобнымъ вытребовать документы относительно билетовъ и экзаменовъ?

Люстихъ. Да, это будетъ сдѣлано. Закрываетъ засѣданіе.

ПРОТОКОЛЪ

9-го засѣданія Третейскаго Суда Чести отъ 16 Марта 1905 года.

Предсѣдательствуетъ В. О. Люстихъ, вмѣсто отсутствовавшаго К. К. Арсеньева.

Леонтьевъ. Грунвальдъ получилъ обратно письмо, писанное имъ Коновалову съ удостовѣреніемъ за подписью Коноваловаа въ его подлинности и въ томъ, что никакого другого письма Коноваловъ отъ Грунвальда не получалъ. Прошу Судъ огласить его, когда онъ найдетъ это нужнымъ и дать Грунвальду возможность дать соотвѣтствующія разъясненія (передаетъ письмо Суду).

Предсѣдатель. Прошу г. Воронина. Разскажите, что Вамъ извѣстно?

Воронинъ. Прошу задавать мнѣ вопросы.

Предсѣдатель. Передайте Суду послѣдовательно все, что знаете объ организаціи экзаменовъ, о забастовкѣ, обструкціи, записи на экзамены и увольненіи студ-въ?

Воронинъ. 12-го февраля постановлено начать экзамены 31-го марта.

Печковскій. 12-го февраля?

Воронинъ. Да, распредѣленіе на группы предоставить студентамъ съ тѣмъ, чтобы въ группѣ было не болѣе 37 человѣкъ. Объявленіе объ этомъ вывѣшено 16-го марта. 16-го же марта Инст-тъ былъ закрытъ по приказанію г. Министра до начала экзаменовъ 20-го марта отсылались вопросы студ-мъ о желаніи экзаменоваться и повиноваться дѣйствующимъ правиламъ.

Люстихъ. Всѣмъ?

Воронинъ. Да, и почти отъ всѣхъ получены утвердительные отвѣты и не получились вѣроятно только тѣ, которые застряли на почтѣ. Въ Совѣтѣ 24 марта уже послѣ закрытія Инст-та и ухода профессоровъ было постановлено: устроить 31 марта экзамены только 5 курсу, вызвавъ весь курсъ по именнымъ билетамъ для составленія группъ на дальнѣйшіе экзамены.

Предсѣдатель. Весь пятый курсъ былъ приглашенъ на 31 марта, и послѣ того были составлены группы?

Воронинъ. Да, весь, и были составлены группы.

Предсѣдатель. Сколько группъ и по скольку человѣкъ?

Воронинъ. Двѣ группы: первая 35—36 человѣкъ, вторая немного меньше,—но сколько—сказать не могу. На томъ же Совѣтѣ—24 марта было рѣшено начать экзамены на 4 курсѣ 2-го апрѣля, допустивъ въ этотъ день только одну группу студ-въ этого курса, а 7 апрѣля начать экзамены на остальныхъ курсахъ совмѣстно съ 4 и 5 курсомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ въ этомъ же засѣданіи постановилъ выразить глубокое сожалѣніе по поводу рѣшенія 6-ти товарищей уйти изъ Института.

Предсѣдатель. Это Вы сообщаете по справкамъ, взятымъ Вами изъ журнала Совѣта?

Воронинъ. Да я сдѣлалъ выписки.

Предсѣдатель. Вы вѣдь секретарь Совѣта?

Воронинъ. Да. (продолжаетъ). 31 марта я и помощникъ инспектора Бальди съ 8 съ половиной часовъ (приблизительно) принималъ, приходившихъ въ Инст-тъ студ-въ 4 курса и направлялъ по опросѣ—однихъ изъ нихъ въ аудиторію, гдѣ долженъ былъ производиться экзаменъ, а другихъ въ чертежную 5 курса для составленія группъ. Въ аудиторію направлялись тѣ, которые заявляли, что будутъ держать въ этотъ день экзаменъ.

Предсѣдатель. Чѣмъ же Вы руководствовались?

Воронинъ. Я спрашивалъ, желаютъ ли экзаменоваться сегодня и сообразно съ этимъ указывалъ мѣсто.

Предсѣдатель. Вы приглашали для составленія группъ, значитъ предполагалось, что эти тоже составятъ группу? Или они говорили, что не будутъ экзаменоваться?

Воронинъ. Нѣтъ, они не говорили этого, а говорили про данный день. Собравшіеся въ чертежной студ-ты 5 курса пожелали переговорить съ г. инспекторомъ, которому и заявили, что въ переговорахъ необходимо участвіе всего курса, почему и просятъ пригласить студ-въ, отправившихся въ аудиторіи. Послѣдніе на приглашеніе, отвѣтили отказомъ. Тогда г. инспекторъ отправился самъ въ классный флигель узнать причину и просилъ (какъ выяснилось) не подниматься стд-въ на верхъ (въ аудиторіи, гдѣ происходятъ въ большинствѣ случаевъ экзамены, находятся во 2-мъ этажѣ). Несмотря на такую просьбу, часть студ-въ двинулась за нимъ, а затѣмъ и всѣ остальные—появились въ корридорѣ класснаго флигеля, гдѣ заявили, что они не допустятъ экзаменовъ и готовы принять рѣши-

тельныя мѣры не только противъ студ-въ, намѣревавшихся держать экзамены, но и противъ гг. профессоровъ. Послѣ такого заявленія, инспекторомъ было рѣшено прекратить на этотъ день экзамены. Въ этотъ же день 31-го марта былъ Совѣтъ, въ которомъ выяснилось, что въ виду несостоявшихся въ этотъ день экзаменовъ студ-ми 5 курса, въ этотъ же день былъ поданъ списокъ, желающихъ держать экзамены, съ просьбою дать имъ эту возможность и гарантировать спокойное теченіе экзвменовъ.

Предсѣдатель. Была ли такая отмѣтка на самомъ спискѣ?

Воронинъ. Нѣтъ. Я говорю о постановленіи Совѣта.

Предсѣдатель. А въ какомъ видѣ было ихъ заявленіе?

Воронинъ. Это мнѣ неизвѣстно, потому что заявленія были Коновалову.

Предсѣдатель. Ему непосредственно были заявленія о желаніи экзаменоваться?

Воронинъ. Вѣроятно, непосредственно. Совѣтъ постановилъ для гарантіи спокойнаго теченія экзаменовъ производить допускъ ст-товъ въ Ин-тъ по группамъ, для чего и было вывѣшано студентамъ объявленіе: «Совѣтъ предлагаетъ ст-тамъ немедленно образовать группы для экзаменовъ соотвѣтственно росписанію и представить списки этихъ группъ въ Инспекцію». Это объявленіе и было вывѣшено утромъ I-го апрѣля. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено: «допускать экзамеціонныя группы ст-товъ въ назначенные для экзаменовъ дни по именнымъ билетамъ».

Предсѣдатель. А до I-го апрѣля входъ въ Ин-тутъ былъ свободенъ для всѣхъ ст-товъ или только по билетамъ?

Воронинъ. Съ 16-го марта Ин-тутъ вообще былъ закрытъ.

Предсѣдатель. Какое же значеніе имѣло объявленіе о группахъ, когда его не могли прочитать?

Воронинъ. 31-го марта былъ свободный впускъ. 2-го апрѣля впускали 5-й курсъ и 56 человѣкъ 4-го курса...

Предсѣдатель. Гдѣ было вывѣшено объявленіе?

Пятницкій. На наружныхъ дверяхъ.

Предсѣдатель. На наружныхъ дверяхъ?

Воронинъ. Не умѣю Вамъ этого сказать—можетъ быть и на наружныхъ.

Предсѣдатель. Въ это время вѣдь свободнаго впуска уже не было?

Воронинъ. Да.

Печковскій. Кѣмъ и кому раздавались билеты?

Воронинъ. Всѣмъ, кто составилъ группы и былъ занесенъ въ списки группы.

Печковскій. А составлять группы дозволялось всякому безразлично?

Воронинъ. Всякому дозволялось.

Печковскій. Случаевъ отказа Вамъ неизвѣстно?

Воронинъ. Нѣтъ. Всѣмъ изъявившимъ желаніе; случаевъ отказа мнѣ неизвѣстно.

Гессенъ. Вы говорите, что билеты выдавались тѣмъ, кто былъ занесенъ въ группу?

Воронинъ. Да, разъ списокъ былъ составленъ, его передавали начальству, а затѣмъ намъ и мы всѣмъ высылали билеты.

Гессенъ. Значитъ, одного заявленія о желаніи экзаменоваться было мало, надо было еще быть записаннымъ въ группу?

Воронинъ. Я говорю: билеты высылались, разъ былъ представленъ списокъ. Но это было только въ началѣ: дня три-четыре; но впослѣдствіи высылали всѣмъ приславшимъ простое заявленіе о желаніи экзаменоваться.

Гессенъ. Значитъ, первое время необходимо было быть записаннымъ въ группу?

Воронинъ. Да, только вначалѣ, а потомъ мы посылали всѣмъ.

Предсѣдатель. А заявленія отъ отдѣльныхъ лицъ поступали къ Вамъ?

Воронинъ. Заявленія такія шли черезъ Директора или инспектора, а почему такъ—не знаю.

Печковскій. А почему былъ такой порядокъ выдавать билеты, записаннымъ въ группу?

Воронинъ. Кажется, результатъ постановленія Совѣта.

Печковскій. А чѣмъ Совѣтъ при этомъ руководствовался?

Воронинъ. Можетъ быть желаніемъ гарантировать спокойное теченіе экзаменовъ.

Лесгафтъ. Постановленіе Совѣта о «сожалѣніи» было объявлено ушедшимъ профессорамъ?

Воронинъ. Просили сообщить имъ Н. С. Курнакова и еще кажется проф. И. Тиме.

Лесгафтъ. А оффиціально отъ Совѣта не сообщалось?

Воронинъ. Оффиціально не было.

Лесгафтъ. Билеты посылались по почтѣ?

Воронинъ. Да, по почтѣ.

Лесгафтъ. А черезъ товарищей передавали?

Воронинъ. Бывали случаи, что ст-ты просили дать билеты для передачи товарищамъ.

Лесгафтъ. Значитъ бывало?

Люстихъ. Ст-ты просили, чтобы дали билетъ для передачи товарищу?

Воронинъ. Да.

Лесгафтъ. Какъ Вы составляли списокъ? Въ составленіи вѣдь Вы участвовали?

Воронинъ. Это послѣ обструкціи?

Лесгафтъ. Да.

Воронинъ. Я собственно этого списка не составлялъ, но могу сказать, что онъ составлялся не сейчасъ, во время обструкціи, а спустя нѣкоторый промежутокъ времени.

Лесгафтъ. Значитъ, Вы не участвовали?

Воронинъ. Во время обструкціи у меня сдѣлалась тошнота со всѣми ея послѣдствіями, пришлось идти домой и даже перемѣнить платье. Когда я вернулся назадъ, списокъ уже былъ составленъ; я его потомъ просматривалъ и прибавилъ нѣсколько человѣкъ, которыхъ самъ видѣлъ.

Лесгафтъ. Которыхъ сами видѣли, а не то, чтобы Вамъ кто-нибудь сказалъ?

Воронинъ. Нѣтъ, которыхъ самъ видѣлъ: 2—3 человѣка. Затѣмъ меня позвали къ Директору и онъ меня опрашивалъ, кого я видѣлъ и дѣлалъ какія-то отмѣтки.

Лесгафтъ. Когда записывали группы, — еще помните въ бинокль,— Вы въ этомъ участвовали?

Воронинъ. Я въ этомъ спискѣ участія не принималъ, такъ какъ имѣлъ въ это время другое порученіе.

Лесгафтъ. Сколько засѣданій Совѣта было послѣ ухода 6-ти профессоровъ?

Воронинъ. Засѣданія происходили чуть ли не каждую недѣлю.

Лесгафтъ. Закрытіе Ин-тута произошло помимо Совѣта?

Воронинъ. Да, закрытіе было 16-го марта...

Лесгафтъ. Помимо Совѣта?

Воронинъ. Да.

Лесгафтъ. Постановленіе о билетахъ было также помимо Совѣта?

Воронинъ. Нѣтъ, по постановленію Совѣта.

Лесгафтъ. Вы это помните?

Воронинъ. Помню, у меня здѣсь оно записано (читаетъ). Совѣтъ постановилъ: «назначить на 2-е апрѣля вновь экзамены для ст-товъ 5 курса, находящихся въ спискѣ, представленномъ Директору Ин-тута. Допустить ст-товъ другихъ курсовъ къ экзаменамъ по

представленіи ими списковъ группъ своего курса. По постановленію Совѣта были посланы билеты постоянные (бѣлые) студентамъ 5 курса, согласно данному инспекціи списку и розовые билеты ст-тамъ 4 курса по алфавиту (51 челов.)».

Предсѣдатель. Чѣмъ руководствовались, посылая розовые билеты 51 человѣку?

Воронинъ. По алфавиту.

Предсѣдатель. Не пропуская никого?

Воронинъ. Не пропуская никого, кромѣ, можетъ быть, тѣхъ, кто взялъ отпускъ.

Предсѣдатель. Не зависѣло ли отъ участія въ обструкціи?

Воронинъ. Нѣтъ, это было до обструкціи. (Продолжаетъ читать). Кромѣ указаннаго списка, былъ поданъ 31-го марта или 1-го апрѣля еще другой списокъ ст-товъ 5 курса (экзаменоціонная группа), желавшихъ держать экзамены 2-го апрѣля по Пробирному Искусству. Этимъ студентамъ инспекторъ назначилъ экзаменъ на 3-е апрѣля.

Гессенъ. Кѣмъ былъ составленъ этотъ списокъ, не помните?

Воронинъ. Не умѣю сказать.

Гессенъ. Какія нибудь фамиліи помните?

Воронинъ. Не могу припомнить.

Предсѣдатель. Эти списки еще сохраняются въ дѣлахъ?

Воронинъ. Оба сохраняются.

Предсѣдатель. Такъ что, если бы Судъ пожелалъ, ихъ можно получить?

Воронинъ. Можно.

Предсѣдатель. Разскажите намъ, какъ произошла эта обструкція? Вѣдь Вы были при этомъ?

Воронинъ. 2-го апрѣля я и помощникъ инспектора Бальди были въ 8 съ половиной часовъ утра въ вестибюлѣ Ин-тута для встрѣчи ст-товъ 5 курса, шедшихъ на экзаменъ. Когда большая часть ст-товъ явилась (не пришли кажется два или три ст-та, а всего въ группѣ этой было 35—36 челов.), мы пошли въ помѣщеніе инспекціи. Не прошло и четверти часа, какъ въ корридорѣ послышался шумъ и восклицанія «сюда». Я выскочилъ изъ инспекціи въ корридоръ и увидалъ группу ст-товъ въ пальто и фуражкахъ съ палками въ рукахъ, которые съ шумомъ и бранью по адресу профессоровъ, производившихъ экзаменъ, вошли въ аудиторію и потребовали прекращенія экзамена. Послѣ этого группа ст-товъ направилась въ Инспекцію, куда собрались ст-ты, державшіе экзамены, но послѣдними не была впущена. На своемъ пути группа пришедшихъ ст-товъ побила сторожа и разбивала стклянки съ зловонными жидкостями.

Обойдя всѣ учебныя помѣщенія, эта группа собралась въ канцеляріи Ин-тута, куда и вызвала инспектора для объясненій, котораго просила, во избѣжаніе дальнѣйшихъ насильственныхъ дѣйствій, прекратить экзамены. Инспекторъ далъ слово прекратить экзамены, послѣ чего эти ст-ты покинули Ин-тутъ. Описанная сцена произвела удручающее впечатлѣніе на меня. Какъ ст-ты, такъ и профессора—очевидцы происшествія, были сильно взволнованы. Помню, что я кого-то уговаривалъ не мѣшать ст-тамъ, производившимъ обструкцію, пройти, куда они желаютъ, чтобы предупредить дракутакъ какъ этотъ ст-тъ приглашалъ товарищей, державшихъ экзаменъ, взять для защиты себя стулья и табуреты. Кто этотъ ст-тъ, я до сихъ поръ не знаю. Списокъ участниковъ обструкціи составлялся на память.

Предсѣдатель. Но въ тотъ же день?

Воронинъ. Да, въ тотъ же день.

Предсѣдатель. Спустя сколько времени?

Воронинъ. Не умѣю Вамъ сказать.

Предсѣдатель. Часа черезъ два?

Воронинъ. Повѣрьте, не помню, но можетъ быть.

Предсѣдатель. Когда Вы вернулись, списокъ уже былъ составленъ и Вы его только подписали?

Воронинъ. Да, я внесъ тѣхъ, кого видѣлъ.

Лесгафтъ. Всѣ ли ст-ты или только нѣкоторые были съ палками?

Воронинъ. Я этого не могу удостовѣрить. Я видѣлъ нѣкоторыхъ съ палками. Помню Стомонякова, который шелъ впереди.

Предсѣдатель. Что-жъ эти палки были у нихъ, какъ оружіе или какъ обыкновенно ходятъ съ палками?

Воронинъ. Не могу сказать.

Предсѣдатель. Вы видѣли, какъ студенты вошли въ помѣщеніе, гдѣ были профессора?

Воронинъ. Нѣтъ, я этого не видалъ; дверь была открыта и они что то кричали профессорамъ.

Гессенъ. Въ составленіи группъ инспекція принимала участіе?

Воронинъ. Нѣтъ, никакого участія.

Гессенъ. Не жаловались-ли нѣкоторые студенты на то, что составители группъ ихъ не записываютъ въ группу?

Воронинъ. Нѣтъ, такихъ заявленій не было ни одного. Когда меня спрашивали, я указывалъ пути: или направлялъ къ начальству или къ составителю группы, или предлагалъ студенту самому составить группу.

Гессенъ. Гдѣ происходила запись фамилій обструкціонистовъ?

Воронинъ. Не помню.

Гессенъ. Студентовъ при этомъ не было?

Воронинъ. Не помню, но вообще въ Институтѣ студенты были.

Гессенъ. Вы руководствовались только своей памятью?

Воронинъ. Да, исключительно своей памятью.

Гессенъ. Указаній не получали?

Воронинъ. Нѣтъ, никакихъ указаній.

Гессенъ. А какъ себя держали студенты?

Воронинъ. Вѣроятно, разговаривали.

Гессенъ. И ни чѣмъ не обращали на себя Вашего вниманія?

Воронинъ. Моего вниманія—нѣтъ.

Предсѣдатель. Для чего студенты оставались въ Институтѣ, когда экзамены уже кончились?

Воронинъ. Вѣроятно дѣлились другъ съ другомъ своими впечатлѣніями.

Лесгафтъ. Куда направлялись списки экзаменующихся?

Воронинъ. Вообще мы ихъ получали отъ Директора или отъ инспектора.

Зерновъ. Какіе билеты Вы давали студентамъ, записаннымъ въ группы?

Воронинъ. Настоящіе, бѣлые.

Зерновъ. А цвѣтные—кому?

Воронинъ. Въ томъ случаѣ, если студенты изъявляли желаніе явиться въ извѣстный день для чего нибудь въ Институтъ, тогда имъ посылали разовые, цвѣтные.

Зерновъ. Къ кому же обращались студенты—къ Вамъ?

Воронинъ. Нѣтъ, къ инспектору или Директору.

Зерновъ. А Вы только исполняли то, что говорилъ инспекторъ или Директоръ или непосредственно сами принимали участіе?

Воронинъ. Нѣтъ, сами никакого участія не принимали.

Каминка. Въ чемъ же можно видѣть гарантію, о которой здѣсь говорилось, разъ всякій, кто хочетъ, могъ попасть въ Институтъ?

Воронинъ. Этого я не умѣю сказать.

Зерновъ. Но вѣдь каждый день сколько группъ допускалось. Всѣ ли въ одинъ день?

Воронинъ. Нѣтъ, первое время — группы: 5 курса, затѣмъ 4 курса, а съ 7-го апрѣля и всѣ, кто хотѣлъ.

Зерновъ. Можетъ быть Совѣтъ имѣлъ въ виду тотъ планъ, чтобы въ одинъ день не набиралось въ Институтъ большого числа группъ?

Воронинъ. Да, вѣроятно такъ.

Печковскій. А Вы въ этомъ не видали круговой поруки?

Воронинъ. Нѣтъ, но могу сказать: одна группа студ-въ 3 курса подала списокъ съ надписью, что они ручаются, что мѣшать товарищамъ не будутъ.

Каминка. Значитъ, въ списокъ могли попасть лишь опредѣленныя лица. Затѣмъ Вы говорили, что экзаменъ былъ прекращенъ черезъ 15 минутъ,—дѣйствительно ли это такъ?

Воронинъ. Я говорю: приблизительно, но не отъ начала экзамена. Я былъ въ вестибюлѣ до 9 съ половиной и отъ этого момента прошло приблизительно четверть часа.

Каминка. Почему въ алфавитный списокъ попали ниже стоящія фамиліи, напр. Бокій, Замятинъ не попали и билетовъ не получали?

Воронинъ. Нѣтъ, мнѣ кажется, что всѣ должны были попасть.

Гапьевъ. Билеты они получили, но наканунѣ они получили извѣщеніе объ отмѣнѣ; между прочимъ, Замятинъ получилъ его даже ночью.

Ауэрбахъ. Тогда же извѣщеніе объ отмѣнѣ получилъ и я.

Печковскій. Чѣмъ Вы это объясняете?

Воронинъ. Не знаю объ этомъ.

Каминка. Когда были Совѣты послѣ 15 марта?

Воронинъ. 18-го марта и 24-го марта.

Каминка. Обсуждался ли въ этихъ засѣданіяхъ вопросъ о билетахъ?

Воронинъ. Обсуждался, кажется, вопросъ о недопускѣ къ экзаменамъ за непредставленіе практическихъ работъ.

Каминка. А слѣдующее засѣданіе когда?

Воронинъ. Потомъ 31-го марта и 2-го апрѣля.

Каминка. Что обсуждалось въ Совѣтѣ 31-го марта?

Воронинъ. Говорили о томъ, что экзаменъ не могъ состояться.

Каминка. До обструкціи въ Совѣтѣ не говорилось о ней?

Воронинъ. Нѣтъ, не говорилось.

Каминка. Списокъ Вы только пополняли? Вы его не критиковали и не знаете, какъ онъ составлялся?

Воронинъ. Нѣтъ.

Каминка: Затѣмъ этотъ списокъ обсуждался въ Совѣтѣ?

Воронинъ. Да, въ Совѣтѣ.

Каминка. Этотъ списокъ былъ внесенъ уже съ отмѣтками?

Воронинъ. Нѣтъ, безъ всякихъ отмѣтокъ.

Каминка. И ничего о томъ, гдѣ ихъ видѣли, не говорили?

Воронинъ. Нѣтъ объ этомъ говорилось, что студента такого-то видѣли—тамъ-то.

Каминка. А кто докладывалъ?

Воронинъ. Директоръ.

Каминка. Вопросъ о степени доказанности въ Совѣтѣ не разсматривался?

Воронинъ. Нѣтъ, не обсуждался.

Каминка. Чѣмъ же руководствовался Совѣтъ, налагая разныя наказанія?

Воронинъ. Виновностью.

Каминка. Виновность вѣдь тамъ не устанавливалась?

Воронинъ. Нѣтъ, но Директоръ докладывалъ, что такого-то видали тамъ-то.

Каминка. А кто сдѣлалъ распоряженіе объ отсылкѣ документовъ въ Охранное отдѣленіе?

Воронинъ. Не умѣю Вамъ сказать.

Каминка. Васъ это не касается?

Воронинъ. Меня не касается; можетъ быть, это шло черезъ правителя канцеляріи г-на Жданова.

Каминка. Давалъ-ли Совѣтъ указанія о проведеніи билетной системы?

Воронинъ. Нѣтъ, никакихъ указаній не было.

Гаппѣевъ. При подсчетѣ державшихъ весной экзамены не считали-ли и сдавшихъ репетиціи за весь курсъ, и такимъ образомъ освободившихся отъ экзамена?

Воронинъ. Нѣтъ, ихъ не считали; да вѣдь подсчетъ производили по спеціально экзаменоціоннымъ журналамъ.

Каминка. Не было-ли со стороны инспектора предупрежденія о томъ, что не приступившимъ къ экзаменамъ весной, не будутъ имъ разрѣшены осенью?

Воронинъ. Было вывѣшено по этому вопросу объявленіе, касавшееся второгодниковъ.

Долбня. Списки, подлежащихъ исключенію, г. Бальди возилъ къ Министру, Вы это знаете?

Воронинъ. Да, онъ мнѣ говорилъ объ этомъ.

Долбня. А въ Совѣтѣ г. Коноваловъ въ своей рѣчи говорилъ объ этомъ?

Воронинъ. Не припомню, можетъ быть онъ и заявлялъ объ этомъ.

Бауманъ. Чѣмъ Вы объясняете, что Вы получали списки экза-

менующихся отъ Инспектора или отъ Директора, а не наоборотъ — они отъ Васъ?

Воронинъ. Тѣмъ, вѣроятно, что студенты подавали эти списки имъ.

Бауманъ. Когда было первое курсовое совѣщанiе?

Воронинъ. Не умѣю Вамъ сказать.

Бауманъ. Числа 8-го?

Воронинъ. Да, кажется.

Бауманъ. Послѣ этого выдавали билеты всѣмъ, а раньше только тѣмъ, кто былъ въ группахъ, переданныхъ Директору или Инспектору?

Воронинъ. Можетъ быть.

Бауманъ. Я хочу точнѣе поставить вопросъ, заданный Гапѣевымъ. Мнѣ хотѣлось бы знать: всѣ тѣ, которые числились державшими экзаменъ, дѣйствительно-ли держали экзаменъ или считались лишь по репетицiямъ?

Воронинъ. Я уже сказалъ: подсчетъ производился только тѣхъ, кто держалъ экзамены.

Бауманъ. У Васъ сохранились списки?

Воронинъ. Да, всѣ есть: кто и когда приступилъ и кому выдали билеты.

Зерновъ. Было бы полезно, если бы Вы представили въ Судъ списки и число дѣйствительно экзаменовавшихъ. (Судъ проситъ Воронина представить эти документы).

Павловъ. Кто принималъ участiе въ обсужденiи виновности студентовъ и въ исключенiи ихъ?

Воронинъ. Всѣ профессора.

Павловъ. На что обращалось вниманiе при этомъ?

Воронинъ. Обращали вниманiе, гдѣ былъ такой-то студентъ и чѣмъ себя проявилъ.

Павловъ. А другихъ основанiй не было? Педагогическая сторона?

Воронинъ. Это были справки, но не основанiя.

Павловъ. Значитъ, принималась во вниманiе только степень участiя въ обструкцiи?

Воронинъ. Только.

Зерновъ. Что Коноваловъ въ Совѣтѣ прямо заявилъ, что это списокъ участниковъ обструкцiи?

Воронинъ. Да.

Зерновъ. Можетъ быть онъ самъ распредѣлилъ виноватыхъ на кате-

горіи и докладывая доказывалъ, кого какъ нужно наказать? Или представилъ просто списки и Совѣтъ самъ распредѣлялъ?

Воронинъ. Онъ только представилъ списокъ участниковъ, а Совѣтъ распредѣлилъ самъ.

Снятковъ. Въ Совѣтѣ 12-го февраля постановили производить экзамены по группамъ. Сколько должно было быть лицъ въ группѣ?

Воронинъ. Не больше 37 человѣкъ.

Снятковъ. Сколько должно было быть экзаменовъ 31-го Марта?

Воронинъ. Два.

Снятковъ. Значитъ, должны были экзаменоваться двѣ группы?

Воронинъ. Двѣ.

Снятковъ. 31-го Марта Вы стояли внизу и записывали желавшихъ держать экзамены?

Воронинъ. Этого не было, листъ лежалъ въ инспекціи и желающіе сами записывались.

Снятковъ. Значитъ Вы всѣхъ пропускали наверхъ?

Воронинъ. Мы спрашивали, кто желаетъ держать экзаменъ и затѣмъ пропускали наверхъ, а остальныхъ направляли въ аудиторію 5 курса.

Снятковъ. Вы меня не пропустили наверхъ.

Воронинъ. Нѣтъ этого быть не можетъ. Я вѣрно Васъ спросилъ, хотите ли Вы экзаменоваться.

Снятковъ. Въ Совѣтѣ выяснилось, что студ-ты самовольно проникли въ аудиторію 31-го Мая.

Воронинъ. Да, это такъ было доложено Инспекторомъ.

Снятковъ. Были ли посланы билеты группѣ Гусарскаго?

Воронинъ. Т.-е. какой это?

Снятковъ. Да той, которая меньше, которой экзаменъ былъ назначенъ на 3 Апрѣля.

Воронинъ. Нѣтъ, не были, такъ какъ 2-го Апрѣля была обструкція.

Снятковъ. Но билеты на 3-ье должны были быть посланы?

Воронинъ. Не могу этого сказать.

Зерновъ. А 3-го и 4-го Апрѣля ничего не было въ Инст-тѣ?

Воронинъ. Нѣтъ, слѣдующій экзаменъ былъ назначенъ на 5-е.

Зерновъ. Кому же послали билеты?

Воронинъ. Тѣмъ на 5 курсѣ, кто первые подали группу.

Зерновъ. А меньшей группѣ 5 курса на какой день были посланы билеты?

Воронинъ. Ей не успѣли послать. Съ 3-го числа ея экзаменъ перенесли на 5.

Снятковъ. Были ли раньше случаи двухъ экзаменовъ въ одинъ день для одного курса? 2-го Апрѣля былъ такой случай.

Воронинъ. Вѣроятно, бывшая группа раздѣлилась на двѣ части.

Снятковъ. Согласно постановленію 10-го Февраля сколько могло экзаменоваться въ группѣ?

Воронинъ. Не больше 37 человѣкъ.

Зерновъ. Не больше, или не меньше?

Воронинъ. Не больше.

Снятковъ. Слѣдовательно — 2-го могло экзаменоваться 74 человѣка?

Воронинъ. Да.

Зерновъ. Это вѣдь не важно; вѣдь не больше 74, но могло быть и меньше, хоть 20.

Бауманъ. Нѣтъ, это очень важно, почему ихъ не допустили? Они могли тробовать.

Воронинъ. Мнѣ кажется, что это могъ рѣшить Директоръ или Инспекторъ. Другой группѣ билеты не давались: Коцовскій на 2-е Апрѣля велѣлъ выдать только первой группѣ.

Снятковъ. Коцовскій сказалъ, что не было больше мѣста на экзаменѣ.

Воронинъ. Мѣсто было; руководились не этими мотивами.

Снятковъ. Въ половинѣ Апрѣля не выражали ли студ-ты, что билеты раздаются слишкомъ щедро?

Воронинъ. Такихъ случаевъ я не знаю.

Гапѣевъ. Если бы Вамъ прямо подали группу, имѣли бы Вы право выдать ей билеты?

Воронинъ. Нѣтъ, не имѣлъ права.

Гапѣевъ. Чѣмъ Вы это объясняете?

Воронинъ. Мы выдавали по распоряженію Директора, его возрѣній на это—не знаю.

Гапѣевъ. Но какъ Вы предполагаете; не было ли это провѣркой благонадежности?

Воронинъ. Мои предположенія имѣютъ мало значенія для Суда.

Снятковъ. Какъ раньше составлялись группы?

Воронинъ. До этого времени записывались въ Инст-тѣ.

Снятковъ. А кѣмъ производился подсчетъ экзаменовавшихся весной?

Воронинъ. Инспекціей,

Звѣревъ. 1-го Апрѣля въ 1 ч. дня было выставлено объявленіе о составленіи группъ, а черезъ полчаса была подана группа...

Воронинъ. Мнѣ лично не подавали.

Звѣревъ. А почему она не была допущена 2-го Апрѣла, какъ просили?

Воронинъ. Я узналъ потомъ уже, что Инспекторъ назначилъ ей на 3-е.

Звѣревъ. Не знаете ли, почему Инспекторъ отложилъ на 3-е, вѣдь 2-го числа мѣсто было?

Воронинъ. Мѣсто было, но почему отложили—мнѣ неизвѣстно.

Долбня. Какое дѣлалось употребленіе изъ статистики экзаменовъ?

Воронинъ. Посылалась къ Директору.

Долбня. А Министра, Директоръ не извѣщалъ?

Воронинъ. Мнѣ неизвѣстно.

Долбня. Для личнаго потребленія?

Воронинъ. Не знаю. Ни отрицать, ни утверждать ничего не могу.

Долбня. Вамъ, какъ секретарю Совѣта, было извѣстно, что былъ разговоръ о преміяхъ на тему, мной заданную?

Воронинъ. Да, было извѣстно.

Долбня. Почему же премія, присужденная Баданину, была передана Крылову?

Воронинъ. Вѣроятно потому, что Баданинъ въ поданномъ Министру прошеніи самъ говорилъ, что не желаетъ имѣть никакихъ сношеній съ Директоромъ и Институтомъ.

Долбня. Значитъ не потому, что Совѣтъ считалъ мое присужденіе недостаточнымъ?

Воронинъ. Нѣтъ не потому, а потому, что онъ уже не былъ студентомъ.

Бауманъ. Но присуждена она была еще, когда онъ былъ студентомъ?

Воронинъ. Не знаю, надо навести справку.

Бауманъ. Они присудили премію, когда тамъ не было математика. Вѣдь присужденіе премій Баданину состоялось, когда мы были еще въ Институтѣ?

Предсѣдатель. Кто критиковалъ сочиненіе на премію?

Воронинъ. Соотвѣтствующій профессоръ, а Совѣтъ присуждалъ.

Предсѣдатель. Говоря о преміяхъ, Совѣтъ обыкновенно соглашался съ мнѣніемъ профессора?

Воронинъ. Обыкновенно соглашался.

Бауманъ. И въ данномъ случаѣ, Совѣтъ уже согласился отдать премію Баданину.

Рейнвальдъ. Гдѣ встрѣтили Вы обструкціонистовъ 2-го Апрѣля?

Воронинъ. Въ первый моментъ я ихъ увидѣлъ въ корридорѣ. Меня тогда поразило, какъ они могли попасть, когда парадныя двери были заперты. Я пошелъ посмотрѣть. Возвращаясь оттуда, я нашелъ студентовъ у двери въ инспекціи. Помню, я уговаривалъ одного студента. Съ Вами я встрѣтился на лѣстницѣ.

Рейнвальдъ. Ваше объясненіе, которое Вы прочли намъ, — это изложеніе Вашихъ личныхъ впечатлѣній?

Воронинъ. Нѣтъ, это изъ доклада, представленнаго въ Совѣтъ.

Рейнвальдъ. Я просилъ бы Судъ предложить свидѣтелю ограничиваться личными впечатлѣніями, а не дѣлать сводку различныхъ мнѣній. Вы сами видѣли, какъ били сторожа?

Воронинъ. Нѣтъ, не видѣлъ.

Рейнвальдъ. Вся толпа обструкціонистовъ подошла къ инспекціи?

Воронинъ. Не могу сказать, помню, что подошла группа, а вся или нѣтъ—не знаю.

Рейнвальдъ. Какъ же ее не пустили?

Воронинъ. Одна половинка только была отворена, студентъ стоялъ и рукою загородилъ входъ. Помню, одинъ изъ державшихъ экзамены говорилъ: „возьмите табуретъ, закройте имъ входъ“.

Рейнвальдъ. Вы не помните, что бы толпа стремилась ворваться въ инспекцію?

Воронинъ. Нѣтъ, не помню.

Мефертъ. Вы не были въ аудиторіи во время обструкціи и тамъ ея не видѣли?

Воронинъ. Да, не былъ.

Рейнвальдъ. Фамиліи студ-въ, которыя Вы прибавили въ списокъ, Вы не припомните?

Воронинъ. Не помню. Думаю, что это изъ бывшихъ внизу.

Леонтьевъ. Что въ журналъ Совѣта, постановленія его заносятся въ видѣ краткихъ резолюцій или съ подробными мотивировками?

Воронинъ. Нѣтъ, въ видѣ краткихъ резолюцій.

Леонтьевъ. А относительно уволенныхъ студ-въ пишутъ просто: „исключить“ или съ отдѣльными объясненіями за что?

Воронинъ. Нѣтъ, отдѣльныхъ объясненій нѣтъ.

Леонтьевъ. Списки исключенныхъ и уволенныхъ къ Министру возили Вы?

Воронинъ. Нѣтъ, не я—Бальди.

Леонтьевъ. Объ этомъ знали студ-ты?

Воронинъ. Мнѣ кажется, не было извѣстно; да я и самъ позднѣе узналъ.

Леонтьевъ. Давно Вы въ Институтѣ?

Воронинъ. Съ 1894 года.

Леонтьевъ. Когда идутъ сходки, пускаютъ на нихъ инспекцію?

Воронинъ. Мы и сами туда не ходимъ.

Леонтьевъ. Что происходитъ на сходкѣ, Вамъ неизвѣстно?

Воронинъ. Нѣтъ.

Леонтьевъ. А постановленія?

Воронинъ. Они передаются прямо Директору или Инспектору.

Леонтьевъ. А не бывали такіе случаи, чтобы въ зданіи Инст-та и на сходку проникали агенты сыскной полиціи?

Воронинъ. Нѣтъ, такіе случаи намъ неизвѣстны. Было разъ, что пришелъ студентъ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній на сходку. Его вызвали и попросили оставить Инст-тъ.

Леонтьевъ. Увѣрены ли Вы, что это былъ студентъ?

Воронинъ. Я этого не знаю.

Соколовъ. Вы сказали, что нѣкоторые студ-ты приходили и просили билеты для передачи товарищамъ? Это были именные билеты или только бланки, въ которые записывали фамиліи?

Воронинъ. Именные.

Соколовъ. Были ли обратные случаи т. е. что и нейтральные дѣлали то же самое?

Воронинъ. Мнѣ неизвѣстно, кто въ какой группѣ находится.

Соколовъ. Не припомните ли Вы, черезъ сколько времени произошла перемѣна въ порядкѣ выдачи билетовъ?

Воронинъ. Не умѣю Вамъ этого сказать.

Соколовъ. Я Вамъ напомню. Первыя группы всѣ были поданы, примѣрно, къ 7 Апрѣля; а 8-го Апрѣля уже выдавались билеты отдѣльнымъ лицамъ. Не можете ли это удостовѣрить?

Воронинъ. Не могу Вамъ ничего сказать относительно чиселъ; можетъ быть оно такъ и есть.

Соколовъ. Но отдѣльнымъ лицамъ выдавали?

Воронинъ. Да.

Соколовъ. Знаете ли Вы о распоряженіи, что бы инспекція не отсылала къ студ-амъ тѣхъ, кто желалъ экзаменоваться?

Воронинъ. Составители группъ просили не посылать къ нимъ желающихъ экзаменоваться, въ виду распространившихся слуховъ о ручательствѣ ст—овъ.

Соколовъ. Когда это было? Котораго числа?

Воронинъ. Не помню.

Соколовъ. Откуда пошелъ этотъ слухъ,—не знаете?

Воронинъ. Не знаю.

Зерновъ. А до Васъ доходили слухи весной объ участіи студ—въ въ составленіи списковъ?

Воронинъ. Слухи были.

Зерновъ. Вы не устанавливали, откуда они исходили?

Воронинъ. Нѣтъ, не устанавливалъ.

Зерновъ. Бальди здѣсь говорилъ о трехъ студентахъ, спрашивавшихъ его; Вы отъ него объ этомъ ничего не слыхали?

Воронинъ. Объ этомъ онъ мнѣ говорилъ впослѣдствіи, когда зашелъ разговоръ о слухахъ.

Зерновъ. А еще какихъ нибудь фактовъ онъ не сообщалъ? Только это?

Воронинъ. Больше ничего не говорилъ.

Зерновъ. А вотъ о томъ, что онъ записывалъ на основаніи слышанныхъ разговоровъ между студентами?

Воронинъ. Нѣтъ, этого не говорилъ.

Ауэрбахъ. Не извѣстно ли Вамъ, что уже 2-го Апрѣля выдавались билеты лицамъ, не записаннымъ въ экзаменаціонную группу?

Воронинъ. Не могу отрицать.

Ауэрбахъ. Я вамъ напомню, были выданы Коленскому и Пумпянскому.

Воронинъ. Да, во всякомъ случаѣ это можно возстановить.

Воскресенскій. 1-го Февраля у меня былъ разговоръ о „Своб." съ нейтральнымъ: что „Св. д.", чѣмъ то себя скомпрометировали, что существуютъ темные слухи, что „свобод-щіе" принимали участіе въ раздачѣ билетовъ.—Брали билеты для товарищей. Въ такомъ случаѣ я могу сказать: и другіе студенты дѣлали то же самое. Могу назвать фамиліи.

Предсѣдатель. Въ настоящее время идетъ допросъ свидѣтеля и это можете сдѣлать послѣ.

Кутыринъ. Весной я слышалъ, отъ профес. Митинскаго, что Баданинъ, не желая имѣть дѣло съ Инст-мъ, подалъ прошеніе Министру, прося сдѣлать распоряженіе о выдачѣ ему присужденной преміи. Совѣтъ не зная, имѣетъ ли онъ право сдѣлать это, сдѣлалъ запросъ Правителю канцеляріи, какъ юристу. Послѣдній далъ отвѣтъ, что по какимъ то соображеніямъ чисто, кажется, формальнымъ, Совѣтъ не имѣетъ права выдать Баданину премію, и премія была

выдана другому студенту, тоже указанному профессоромъ Долбней, но вторымъ кандидатомъ.

ПЕРЕРЫВЪ.

Предсѣдатель. Вопросовъ г. Воровину больше нѣтъ. Прошу Горнаго Инженера г. Ячевскаго.

Гапѣевъ. Разскажите пожалуйста объ увольненіи ст-та Виткина и о томъ, какъ придя въ Ин-тъ вы увидѣли, что ст-ты ручаются за своихъ товарищей.

Ячевскій. У меня на дому работалъ ст-тъ Виткинъ. Приходилъ онъ ко мнѣ ежедневно съ утра. Однажды онъ приходитъ и заявляетъ мнѣ, что до него дошли слухи, что будто бы онъ уволенъ и провѣрить самъ не можетъ, ибо не имѣетъ въ него доступа, и проситъ меня это сдѣлать.

Предсѣдатель. Когда это было?

Ячевскій. Въ первыхъ числахъ апрѣля—я отправился въ Ин-тъ. Меня поразило то, что меня, стараго инженера, не хотѣли впустить въ мой Ин-тъ, такъ какъ двери были заколочены, ворота заперты...

Зерновъ. Когда это было?

Ячевскій. Въ началѣ апрѣля. Я вошелъ въ Ин-тъ, гдѣ встрѣтилъ инспектора Коцовскаго и проф. Шредера, и у нихъ спросилъ, уволенъ ли ст-тъ Виткинъ. Узнавъ, что онъ уволенъ, я имъ сказалъ: поздравляю васъ. Этотъ ст-тъ все время у меня работалъ, и я ручаюсь, что никакого участія активнаго въ безпорядкахъ онъ принимать не могъ. Вы можете, если хотите, справится у моего швейцара, дворника или горничной. Ин-ръ мнѣ отвѣтилъ: «пусть Виткинъ подастъ прошеніе и сошлется въ немъ на васъ, и онъ немедленно будетъ принятъ». Такъ какъ я полномочій никакихъ отъ Виткина не имѣлъ, то въ дальнѣйшіе переговоры не вступалъ. Въ это время подошелъ пом. ин-ра Воронинъ съ однимъ ст-томъ въ шинели, съ фуражкой въ рукахъ, и заявилъ: «за такого-то ручаются такіе-то; подпишите». Коцовскій подписалъ.

Бауманъ. «Такіе-то»—изъ числа ст-въ?

Ячевскій. Я вамъ не могу этого сказать, такъ какъ фамилій ихъ не запомнилъ.

Предсѣдатель. Виткинъ былъ исключенъ тогда?

Ячевскій. Онъ былъ исключенъ за участіе въ обструкціи и просилъ меня узнать.

Предсѣдатель. Что же ваше ходатайство не подѣйствовало?

Ячевскій. Нѣтъ, они такъ поставили вопросъ: если онъ попроситъ то его вернутъ...

Зерновъ. Г. Воронинъ здѣсь присутствуетъ. Можетъ быть, онъ намъ это разъяснитъ.

Воронинъ. Я этого факта не помню.

Ячевскій. Это было на первомъ маршѣ лѣстницы; у ст-та было немолодое, пожившее лицо; видно было, что онъ много перенесъ за это время. Это былъ сильный брюнетъ. Вы подошли второй разъ, и Коцовскій съ раздраженіемъ Вамъ отвѣтилъ: «оставьте, — это послѣ». Конечно, ему было неловко при мнѣ, старомъ инженерѣ, не привыкшемъ къ подобнымъ пріемамъ.

Зерновъ. Вы утверждаете, что слышали, какъ г. Воронинъ говорилъ эти слова: *«ручаются»* и т. д.

Ячевскій. Слово *«ручаются»*—помню.

Зерновъ. (къ Воронину) А вы?

Воронинъ. Я этого факта не помню.

Зерновъ. Но вообще могли быть такіе случаи, чтобы Вы такъ докладывали?

Воронинъ. Нѣтъ, мы получали распоряженія отъ дир-ра и ин-ра, а сами не докладывали. Этого факта я положительно не помню.

Ячевскій. Можно спросить Коцовскаго и Шредера, которые при этомъ были.

Леонтьевъ. За что именно ручались?

Ячевскій. Я ручался, что во время обструкціи Виткинъ былъ у меня.

Леонтьевъ. Это были ваши слова, а я спрашиваю: за что же ручались...

Ячевскій. Я ручался...

Леонтьевъ. Вы не спросили, за что ручаются такіе то: за его личность, за нравственный обликъ или за что другое?

Ячевскій. Странно было бы, если бы я, старый инженеръ, видя неловкость положенія Коцовскаго, сталъ бы еще разспрашивать.

Леонтьевъ. Я тоже старый юристъ, но я бы непремѣнно спросилъ, за что ручаются—разъ это меня такъ живо интересовало бы.

Бауманъ. Позвольте я разъясню; это—недоразумѣніе.

Леонтьевъ. Я отлично понимаю, что это недоразумѣніе: потому то я и спрашиваю. Если бы не было недоразумѣній, то не было бы и суда, и мы бы не задавали вопросовъ свидѣтелямъ.

Зерновъ. Вы говорили, что слышали, какъ за такого-то ст-та ручаются такіе то?

Ячевскій. Это—я утверждаю.

Зерновъ. И фамиліи слышали?

Ячевскій. Да, и фамиліи.

Зерновъ. А потомъ ихъ утратили? Какое на Васъ все это произвело впечатлѣніе?

Ячевскій. Это было для меня прямымъ указаніемъ, что нужна была отъ ст-въ аттестація о благонадежности.

Печковскій. Почему же такой выводъ?

Ячевскій. Долго было бы разсказывать.—Это было для меня одной лишней иллюстраціей.

Зерновъ. Когда вы шли въ И-тъ, то раньше Вы слышали, что ст-въ инспекція привлекала къ соучастію?

Ячевскій. Даже зналъ опредѣленно.

Зерновъ. Такъ что это Васъ не удивило, а только подкрѣпило?

Ячевскій Да, подкрѣпило.

Зерновъ. Такъ что у васъ заранѣе было составлено мнѣніе и Вы шли туда уже опредѣленно настроеннымъ?

Ячевскій. Да я напередъ зналъ, что тамъ дѣлается и что тамъ существуетъ такой порядокъ.

Зерновъ. Откуда Вы объ этомъ знали?

Ячевскій. Изъ разговоровъ съ профессорами.

Зерновъ. Какіе Вамъ факты указывались?

Ячевскій. Я такими дѣлами самъ не интересовался. Мнѣ говорили, что такіе факты были.

Зерновъ. Значитъ, Вы знаете все это неопредѣленно?

Ячевскій. Нѣтъ, вполнѣ опредѣленно.

Зерновъ. Такъ что Вамъ указывали и лицъ?

Ячевскій. Я не буду называть ихъ.

Предсѣдатель. Можете Вы указать лицъ, которые Вамъ это говорили?

Ячевскій. Я считаю неудобнымъ, такъ какъ это были частные разговоры: мнѣ говорили и профессора и разные горные инженеры. А если хотите знать,—пригласите сюда Коцовскаго и Шредера.

Каминка. Такъ что Вы утверждаете, что Шредеръ и Коцовскій говорили Вамъ, что *ручательства* были?

Ячевскій. Воронинъ забылъ; можетъ быть Коцовскій и Шредеръ это помнятъ.

Алексѣевъ. Вы говорили, что при той сценѣ, которую Вы описали, говорилось о ручательствѣ за того ст-та, который тамъ стоялъ. Вы говорили—сильный брюнетъ. Не припомните ли, не былъ ли онъ въ pince-nez?

Ячевскій. Этого не помню.

Алексѣевъ. Не былъ-ли этотъ ст-тъ Ивановъ Александровичемъ Соколовымъ? Не запомнили ли вы случайно фамилію?

Ячевскій. Фамилій не помню.

Предсѣдатель вызываетъ г. Жданова.

Долбня. Не согласитесь ли удостовѣрить, что Баданинъ подалъ прошеніе Министру объ увольненіи. Не помните ли, когда это было и въ какихъ выраженіяхъ составлено это прошеніе?

Ждановъ. Точно время не помню, выраженій также. Но бросалось въ глаза, что въ немъ Баданинъ не называетъ Коновалова директоромъ, а Димитріемъ Петровичемъ или какъ то иначе. Смыслъ прошенія: проситъ уволить изъ Ин-та въ виду воцаренія режима Коновалова, котораго онъ не желаетъ признавать директоромъ. Отъ Мин-ра это прошеніе поступило въ канцелярію Ин-та. Однако— послѣ того, какъ состоялось постановленіе Совѣта, присуждавшее Баданину премію за работу по математикѣ, на прошеніи была резолюція, но не рѣшающая.

Долбня. И послѣ того, какъ онъ подалъ прошеніе, его лишили преміи, хотя она ему была присуждена и хотя въ Совѣтѣ отсутствовалъ спеціалистъ по математикѣ?

Ждановъ. Да, нашли, что Баданинъ будто бы былъ уволенъ раньше присужденія. Но по приказамъ этого не видно. Я считаю, что увольненіе состоялось послѣ. Я считаю нравственнымъ долгомъ опровергнуть, что ему не дали преміи по моему отзыву. Я помню дѣйствительно, что раньше у меня былъ разговоръ съ Коноваловымъ: можетъ ли премія быть присуждена уволенному? По всей вѣроятности я отвѣтилъ, что если уволенъ раньше присужденія, то нельзя выдавать. Но мое мнѣніе, что Баданинъ уволенъ позже и имѣетъ право на премію.

Каминка. А Мин-ръ не вмѣшался въ это дѣло?

Ждановъ. Нѣтъ.

Лесгафтъ. Что же это, по рѣшенію Совѣта назначена премія сперва одному, а потомъ—другому?

Ждановъ. Да по рѣшенію Совѣта. Но почему Совѣтъ перерѣшилъ—не знаю: ибо я, какъ правитель канцеляріи, въ засѣданіяхъ Совѣта не участвую,

Снятковъ. Въ положеніи о преміяхъ не было вѣдь пункта, что подавать сочиненія могутъ только ст-ты, и премія вѣдь можетъ быть присуждена и не ст-ту?

Ждановъ. Боюсь отвѣтить безъ справки.

Долбня. Когда разрабатывался уставъ о преміяхъ, то между

прочими явился вопросъ, выдавать ли преміи инженерамъ, если они еще будучи ст-тами подали работы, и этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ удовлетворительномъ смыслѣ. Такимъ образомъ, лицо получившее премію, не должно было быть непремѣнно ст-томъ.

Люстихъ. Слѣдовательно, выдать можно и не ст-ту, но только работа должна быть исполнена въ бытность ст-томъ?

Ждановъ. Не знаю; могу справиться.

Люстихъ. По вашему распоряженію виды на жительство возвращались черезъ полицію?

Ждановъ. По распоряженію директора: черезъ канцелярію были посланы въ полицію.

Люстихъ. Черезъ вашу институтскую канцелярію?

Ждановъ. Да. Часть паспортовъ была отправлена по участкамъ по мѣсту жительства, а другая часть была разослана по адресамъ, полученнымъ изъ Охраннаго Отдѣленія тѣмъ, кто были высланы

Люстихъ. Этотъ порядокъ соблюдался и раньше или только въ 1904 г.?

Ждановъ. Только нынче. Прежде получали прямо изъ канцеляріи. Впрочемъ припоминаю такой случай: въ 1902 г. уволенные ст-ты по распоряженію Министра, были обязаны въ теченіе 3-хъ дней явиться въ канцелярію за полученіемъ документовъ, а если не явятся, то документы будутъ пересланы въ канцелярію градоначальства. Градоначальникъ опротестовалъ это объявленіе, находя неумѣстнымъ съ его достоинствомъ, чтобы отсылку къ нему документовъ употребляли какъ угрозу. Послѣ этого объявленіе было снято.

Зерновъ. Черезъ Васъ сообщали въ участокъ свѣдѣнія о ходѣ экзаменовъ?

Ждановъ. Нѣтъ.

Зерновъ. А черезъ кого?

Ждановъ. Вѣроятно черезъ инспекцію. Характеристикой режима Коновалова служитъ, что всѣ внутреннія институтскія дѣла студ-овъ вѣдала инспекція, и студенты должны были обращаться только туда. Тамъ имѣется свой писецъ.

Зерновъ. Коноваловъ, передавъ Вамъ списокъ исключенныхъ и уволенныхъ, сказалъ Вамъ, что надо дѣлать съ документами?

Ждановъ. Да, сказалъ.

Зерновъ. Вы указали Коновалову, что раньше такъ не дѣлалось?

Ждановъ. Нѣтъ я ему не говорилъ.

Зерновъ. А развѣ онъ съ Вами не совѣтовался?

Ждановъ. Нѣтъ, не совѣтовался, а отдалъ категорическое приказаніе.

Гартунгъ. А раньше такой посылки документовъ въ полицію не было?

Ждановъ. Да, бывало.

Гартунгъ. Когда же это бывало?

Ждановъ. При арестѣ и высылкѣ кого нибудь, Охран. Отдѣл. сообщало въ Инст-тъ и тогда документы отправлялись туда.

Зерновъ. Это совсѣмъ другое. То по политическимъ дѣламъ.

Бауманъ. Почему студ-въ высылали? Увѣдомилъ Совѣтъ ихъ объ увольненіи и причинахъ его?

Ждановъ. Мнѣ это совершенно неизвѣстно.

Гапѣевъ. Мнѣ вотъ черезъ полторы недѣли выдали свидѣтельство о благонадежности, хотя сперва и хотѣли выслать.

Кульжинскій. Со мною было то же самое, что и съ Гапѣевымъ.

Зерновъ. Что Вамъ Коноваловъ сказалъ относительно посылки документовъ: такіе-то пошлите въ участокъ?

Ждановъ. Нѣтъ, онъ сдѣлалъ общее распоряженіе.

Зерновъ. Вѣдь было два увольненія: послѣ 2-го и послѣ 5-го. Что же Вы отсылали сразу или въ два пріема?

Ждановъ. Нѣтъ, не сразу: я отлично помню отсылку документовъ въ провинцію.

Зерновъ. Откуда Вы получали приказы о высылкѣ?

Ждановъ. Изъ Охраннаго Отдѣленія вмѣстѣ съ адресами.

Зерновъ. Вы запросили Охр. Отд. или Охр. Отд. само увѣдомило?

Ждановъ. Прямо сообщило.

Зерновъ. Кто подписалъ увѣдомленіе о высылкѣ? Градоначальникъ или Охр. Отд.?

Ждановъ. Нѣтъ, Охранное Отдѣленіе.

Бауманъ. Откуда же Охр. Отд. знало объ увольненіи?

Ждановъ. Не знаю.

Долбня. Значитъ, откуда оно узнало, кого надлежитъ выслать—остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности?

Бауманъ. Почему оно выслало только нѣкоторыхъ?

Ждановъ. Мнѣ это неизвѣстно. Я никакихъ свѣдѣній не имѣю.

Каминка. Вы только видѣли согласованность дѣйствій, но источникъ для Васъ остался тайнымъ?

Ждановъ. Лишь согласованность дѣйствій.

Люстихъ. А исключенные всѣ были высланы?

Ждановъ. Не помню. Надо справиться по спискамъ.

Зерновъ. Не можете ли Вы доставить намъ эти документы?

Ждановъ. Съ большимъ удовольствіемъ.

Долбня. Можетъ быть выслали исключенныхъ изъ-за боязни повторенія обструкціи?

Ждановъ. Повторяю, мнѣ нужно справиться.

Зерновъ. Не сообщалъ ли директоръ списокъ уволенныхъ градоначальнику?

Ждановъ. Не знаю.

Зерновъ По правиламъ Вы должны были это сдѣлать.

Ждановъ. Да, должны, но сдѣлали ли—не помню.

Кульжинскій. Вызвавъ меня въ Охр. Отд. мнѣ тамъ сказали: «по порученію вашего начальства сообщаемъ вамъ что Вы исключены изъ Ин-та и по особому рѣшенію Градоначальника должны выѣхать».

Зерновъ. Какъ Вы были вызваны въ Охр. Отдѣленіе?

Кульжинскій. Ко мнѣ пришелъ полицейскій офицеръ.

Зерновъ. Вы тогда ничего не знали объ исключеніи?

Кульжинскій. Не зналъ.

Зерновъ. А документы Вамъ тогда не выдали?

Кульжинскій. Нѣтъ.

Мефертъ. Нѣкоторые видѣли подпись Коновалова—я не видѣлъ. Фраза начиналась такъ: по просьбѣ вашего учебнаго начальства сообщаемъ Вамъ и т. д. Это наводило насъ на мысль, что и высылка тоже происходитъ по желанію инст-скаго начальства.

Зерновъ. Не можете ли Вы намъ дать бумагу, съ которой былъ препровожденъ списокъ исключенныхъ въ Охранное Отдѣленіе?

Ждановъ. Черезъ канцелярію не было документа къ Градоначальнику, я могу представить реестръ исходящихъ бумагъ. Я утверждаю, что таковой не было.

Люстихъ. Но вѣдь обязательно сообщать о всѣхъ уволенныхъ Градоначальнику?

Ждановъ. Я повторяю, что такой бумаги не было.

Люстихъ. Это другой вопросъ, сообщали ли Вы. Я спрашиваю, обязательно ли это?

Зерновъ. Это обязательно.

Люстихъ. Есть ли по этому поводу общее распоряженіе?

Ждановъ. Юридическихъ основаній—этого я не знаю, но это практиковалось всегда.

Лесгафтъ. И черезъ канцелярію посылалось?

Ждановъ. Черезъ канцелярію.

Гапѣевъ. Получивъ увѣдомленіе изъ Охр. Отд., я отправился туда и на мой вопросъ, что раньше за это не высылали, мнѣ сказали: «да, то было раньше». Градоначальникъ сказалъ мнѣ: не ночуйте дома. Стомонякову Лопухинъ (нач. Охр. Отд.) сказалъ: что высылка зависитъ отъ Министра. Можетъ быть, какъ Министръ дѣйствовалъ помимо своихъ подчиненныхъ, такъ и директоръ—обойдены были оба конца.

Люстихъ. Что Вы говорили съ самимъ градоначальникомъ?!

Гапѣевъ. Да, если желаете, его можно вызвать.

Леонтьевъ. Я этого желанія не выражаю, я удовлетворенъ.

Рейнвальдъ подтверждаетъ сказанное Мефертомъ.

Гапѣевъ. Я забылъ одну характерную подробность. Градоначальникъ говорилъ: Васъ нельзя оставить, Вы будете производить обструкцію.

Бауманъ. Въ 1902 г. по приказанію Министра 250 человѣкъ было уволено. Былъ ли изъ нихъ кто нибудь высланъ?

Ждановъ. Нѣтъ, не было.

Бауманъ. Въ этомъ году политическихъ безпорядковъ не было, однако уволенныхъ 33 человѣка сейчасъ же стали высылать?

Ждановъ. Да.

Грунвальдъ. Не согласитесь ли, Влад. Ник., подтвердить, что и Вы присутствовали съ г. Останковичемъ у Коновалова въ то время, когда онъ читалъ мое письмо?

Ждановъ. Да, онъ при насъ читалъ это письмо и другое.

Грунвальдъ. Не согласитесь ли подтвердить, что письмо было прислано черезъ канцелярію на имя директора Горнаго Института.

Ждановъ. Совершенно вѣрно.

Грунвальдъ. Письмо было прислано слѣдовательно, вполнѣ открыто—заказнымъ пакетомъ и ничего тайнаго въ его присылкѣ не было. Не можете ли Вы указать, кто изъ г.г. профессоровъ присутствовалъ при чтеніи этого письма?

Ждановъ. Нѣтъ, не помню,

Грунвальдъ. Въ виду того, что г. Ждановъ не помнитъ присутствовавшихъ при чтеніи моего письма г.г. профессоровъ и слѣдовательно ихъ показаній по этому вопросу получить нельзя, я просилъ бы Судъ не отказать мнѣ огласить это письмо теперь же и дать краткія объясненія касательно содержанія этого письма.

Предсѣдатель разрѣшаетъ оглашеніе.

Грунвальдъ. Читаетъ письмо (Текстъ въ дѣлѣ). *

Что касается объясненій, то я буду кратокъ и считаю лишнимъ говорить о чувствахъ и впечатлѣніяхъ, находя такой разговоръ болѣе умѣстнымъ въ дамскомъ обществѣ, а не на Судѣ; ограничусь только фактами и документами. Документомъ, послужившимъ мнѣ при написаніи этого письма, была записка, написанная г.г. ушедшими профессорами И. П. Долбней, В. И. Бауманомъ и Н. Н. Яковлевымъ при участіи профессора Шредера и подъ предсѣдательствомъ покойнаго И. В. Мушкетова. Записка напечатана въ 1901 г. и вышла въ количествѣ 100 экземпляровъ, почему и имѣла ограниченное распространеніе среди студ-овъ. Къ запискѣ я возвращусь, когда буду говорить о содержаніи письма, а сначала скажу о фактахъ, которыми это письмо было вызвано. Я присутствовалъ на сходкѣ 12-го марта и послѣ доклада объ изгнаніи и оскорбленіи депутатовъ Коноваловымъ, говорилъ рѣчь, въ которой убѣждалъ студ-овъ объединиться въ выраженіи своего протеста Коновалову за его невѣжливый образъ дѣйствія. Считая Коновалова неудачнымъ администраторомъ, я убѣждалъ студ-овъ забыть существующую рознь убѣжденій и взглядовъ и быть единодушными въ выраженіи протеста. Рѣчь моя была покрыта рукоплесканіями. Затѣмъ, когда на той же сходкѣ рѣчь зашла о формахъ протеста и раздались слабые голоса за петицію, то общее настроеніе сходки противъ какихъ бы то ни было мирныхъ мѣръ, сдѣлалось для меня очевиднымъ и я — лично, не счелъ возможнымъ поднимать этого вопроса, хотя и стоялъ за общую петицію профессоровъ и студ-въ къ Коновалову съ предложеніемъ ему исчерпать весь инцидентъ скоро, прямо и рѣшительно, какъ я и говорю это въ своемъ письмѣ. Такой способъ протеста мнѣ казалось былъ бы единственнымъ подходящимъ, тѣмъ болѣе, что средство къ умиротворенію я видѣлъ въ этой запискѣ Мушкетова, составленной тремя ушедшими профессорами и исчерпывающей буквально всѣ недоразумѣнія. Какъ я уже сказалъ, 12-го я не рѣшился говорить о петиціи, видя несоотвѣтствующее настроеніе сходки и долженъ былъ ограничиться лишь подачей голоса противъ забастовки съ сохраненіемъ за собой „свободы дѣйствій". На сходкѣ 15 марта я поднялъ вопросъ о петиціи не могъ, по чисто физической причинѣ: вскорѣ послѣ ухода со сходки профессоровъ, я едва лишь пришелъ на сходку, былъ тотчасъ же выбранъ въ такъ называемую «смѣхотворную депутацію», посланною сходкой съ полномочіемъ узнать мнѣніе профессоровъ по вопросу о забастовкѣ и вообще обо всемъ, что творится въ Инст-тѣ.

Едва лишь я доложилъ сходкѣ результаты послѣдняго опроса профессора Долбни, какъ тотчасъ же былъ вмѣстѣ съ другими «свобод.-щими» изгнанъ со сходки и исключенъ изъ корпораціи за подачу голоса противъ забастовки съ сохраненіемъ свободы дѣйствій. Такимъ образомъ я былъ окончательно лишенъ средствъ проявить свой протестъ противъ Коновалова. Послѣ сходокъ 12-го и 15-го, я не былъ въ Инст-тѣ, и что въ немъ происходило, было совершенно мнѣ неизвѣстно, ибо я жилъ отъ Инст-та очень далеко. Въ двадцатыхъ числахъ я узналъ изъ присланнаго мнѣ бюллетеня «свобод-щихъ», что 6 профессоровъ вышли изъ состава Совѣта. Я ходилъ въ Инст-тъ узнать, что въ немъ дѣлается, но меня не пропустили ни въ Инст-тъ, ни къ помощнику инспектора Бальди. Сторожъ грубо заявилъ мнѣ, что пропустить меня не можетъ. Я былъ очень удивленъ и оскорбленъ такимъ отношеніемъ ко мнѣ, какъ къ старому студ-ту, лично извѣстному всѣмъ въ Инст-тѣ и неучаствующему никогда ни въ какихъ демонстраціяхъ. Всѣ это вмѣстѣ взятое, на ряду съ тревожными слухами объ окончательномъ административномъ закрытіи Инст-та, и заставило меня написать это письмо Коновалову, въ которомъ я стремился дать директору намекъ на возможность разрѣшенія инцидента. Я считалъ, что въ такое время ни одинъ человѣкъ, причастный къ Инст-ту не долженъ молчать и рѣшилъ сказать слово. Руководствомъ я избралъ при этомъ статью № 9 въ запискѣ Мушкетова, озаглавленную «О мѣрахъ сближенія профессоровъ со студ-ми, студенческихъ организаціяхъ и товарищескомъ Судѣ чести». Въ этой статьѣ есть отвѣты на всѣ волновавшія въ то время вопросы и, такъ какъ вся записка, въ которой эта статья помѣщена,—есть трудъ ушедшихъ профессоровъ и человѣка, на портретъ котораго тутъ же указывали—И. В. Мушкетова, то мнѣ казалось, что она и могла бы послужить орудіемъ къ умиротворенію Инст-та. Только сообразно со статьей № 9 я трактую вопросъ въ моемъ письмѣ. Я говорю, что исходнымъ пунктомъ умиротворенія должно являться объединеніе студенчества, объединеніе, исходящее изъ авторитетнаго источника, т. е. отъ начальства. Объ объединеніи, какъ о необходимомъ средствѣ для правильнаго хода занятій, я говорилъ всегда и моимъ друзьямъ и всѣмъ студентамъ. Подъ словомъ начальство, я отнюдь не разумѣю одного Коновалова, какъ директора, но разумѣю то самое начальство, о которомъ говоритъ бывшій профессоръ Н. Н. Яковлевъ въ въ своей статьѣ №9, въ которой можно встрѣтить такія мѣста. Например: „Учрежденіе студенческихъ старостъ желательно для об-

легченія сношеній начальства со студ-ми", и далѣе о студенческихъ учрежденіяхъ: 1) „Оставаясь тайными и безконтрольными, эти учрежденія могутъ быть даже вредны, тогда какъ, будучи дозволены и подчинены контролю начальства, они будутъ только полезны". 2) „Студенческія учрежденія при участіи въ нихъ въ той или другой степени профессоровъ, послужатъ также къ установленію болѣе тѣсной связи между ними и студ-ми". Ясно, что профессоръ Яковлевъ считаетъ въ своей статьѣ слово, начальство, эквивалентнымъ слову профессоръ, или что то же Совѣтъ. Не могъ ли я обратиться въ Совѣтъ отъ котораго, послѣ ухода 6 уважаемыхъ профессоровъ, остались одни обломки. Я видѣлъ, что Коноваловъ не смутился, ни разгромомъ Совѣта, ни волненіями въ Инст-тѣ, потому только ему одному и рѣшилъ сдѣлать намекъ на способъ, которымъ можно было бы исчерпать инцидентъ «скоро, прямо и рѣшительно». То, что высказано въ этомъ письмѣ, я не стыжусь повторить всегда, ибо это есть плодъ моихъ убѣжденій, которыхъ я никогда и ни отъ кого не скрывалъ.

Зерновъ. Вы вотъ говорите, что на сходкѣ Вы собирались предложить петицію къ Коновалову. Это письмо Вы считаете петиціей?

Грунвальдъ. Нѣтъ, но причина кажущаяся противорѣч...

Зерновъ. Отвѣтьте прямо: да или нѣтъ; причина намъ неинтересна?

Грунвальдъ. Извините, я привыкъ всегда судить о явленіяхъ и ихъ причинѣ.

Зерновъ. На сходкѣ Вы выражали неудовольствіе противъ Коновалова, а въ письмѣ Вы высказали желаніе быть подъ просвѣщеннымъ руководительствомъ того же профессора Коновалова.

Грунвальдъ. На сходкѣ я протестовалъ противъ Коновалова за его грубое отношеніе съ депутатами, которыхъ считаю представителями студенческихъ учрежденій, безвозмездно трудящихся на пользу студенчества. Я считалъ себя оскорбленнымъ, какъ студ-тъ и, признавая Коновалова негоднымъ администраторомъ, призывалъ и другихъ студ-въ протестовать противъ его дѣйствія. Въ умъ же Коновалова я всегда вѣрилъ; для меня, какъ интересующагося химіей, достаточно взять любой химическій альманахъ, чтобы въ этомъ убѣдиться.

Зерновъ. Мы не говоримъ объ умѣ: вѣдь Вы съ нимъ имѣли дѣло не какъ съ химикомъ, а какъ съ директоромъ. Въ чемъ Вы видѣли его несокрушимую энергію?

Грунвальдъ. Для того, чтобы произвести такой переворотъ въ

Институтѣ, какой произвелъ Коноваловъ, мнѣ кажется ясно, — нужно обладать колоссальной энергіей.

Зерновъ. Вы одинъ составляли это письмо?

Грунвальдъ. Совершенно одинъ: никто объ этомъ не зналъ.

Зерновъ. Вы его не распространяли среди студентовъ—не снимали копію?

Грунвальдъ. Нѣтъ.

Зерновъ. Какую цѣль преслѣдовали Вы этимъ письмомъ?

Грунвальдъ. Единую цѣль—умиротвореніе Института. Я считалъ, что Коновалову слѣдуетъ положить самолюбіе подъ пятку и обратиться къ запискѣ (Мушкетова), составленной г.г. ушедшими профессорами и инцидентъ былъ бы совершенно исчерпанъ, ибо эта записка предусматриваетъ всѣ острые вопросы, даже такіе, какъ появленіе служащихъ въ Институтѣ въ студенческой столовой; эти лица, по запискѣ, не имѣютъ права безъ разрѣшенія студентовъ входить въ столовую; такимъ образомъ никакой Бальди не могъ бы тамъ появиться.

Зерновъ. Вы ссылаетесь на записку; мнѣ кажется, она не имѣетъ прямого отношенія къ письму; развѣ нельзя Ваши выраженія попросту понять, что Вы просите образовать партію?

Грунвальдъ. Нѣтъ, она имѣетъ самое прямое отношеніе къ моему письму. Я говорю объ объединеніи студентовъ: это объединеніе лежитъ въ основѣ записки.

Зерновъ. Вы даже терминъ начальство объясняете особо.

Грунвальдъ. Терминъ «начальство» взятъ изъ записки.

Зерновъ. Какими же мѣстами Вашего письма Вы гарантируете именно это пониманіе Вашего письма?

Грунвальдъ. Критиковать каждое литературное произведеніе въ спокойномъ состояніи очень легко, но долженъ замѣтить, что я писалъ свое письмо не для лицъ постороннихъ Институту, а для лицъ, которымъ положеніе дѣлъ и эта записка были хорошо извѣстны.

Зерновъ. А отвѣчаетъ-ли тонъ этого письма студенческой этикѣ?

Грунвальдъ. Я имѣю дурную привычку въ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться примѣрами уважаемыхъ мною лицъ. Такихъ примѣровъ изъ жизни Института приведу два. Первый примѣръ: когда Совѣту Горнаго Института пришлось имѣть дѣла съ ген.-адъютантомъ Ванновскимъ, то всѣ сношенія съ нимъ принялъ на себя И. П. Долбня, говоря, что съ военными людьми надо обходиться умѣючи — съ надлежащимъ почтеніемъ, имъ приличествующимъ.

Я же считалъ Коновалова по его дѣйствіямъ человѣкомъ почти военнаго образца, а потому и употребилъ въ отношеніи къ нему самыя почтительныя выраженія, не желая слѣдовать второму примѣру, который имѣлъ мѣсто въ нашемъ Институтѣ: когда одному лицу, не состоящему членомъ Совѣта, а лишь приглашенному въ Совѣтъ, не было послано директоромъ Лагузеномъ приглашенія, то это лицо написало директору рѣзкое письмо и подписалось «уважающій Васъ» — этому примѣру я не хотѣлъ слѣдовать.

Зерновъ. А что Вы подразумѣвали подъ словомъ «надежда»?

Грунвальдъ. Я высказывалъ только свою надежду, такъ какъ писалъ отъ одного себя.

Зерновъ. Значитъ, Вы писали это письмо безъ полномочія, но Вы вѣдь не о себѣ только пишете, а о цѣлой группѣ?

Грунвальдъ. Совершенно вѣрно; я указываю въ концѣ письма на тѣхъ занимающихся студентовъ, которые, за нѣсколько мѣсяцевъ до инцидента, видѣли въ назначеніи Коновалова человѣка способнаго дать Институту покой.

Зерновъ. Въ чемъ состоялась Ваша личная надежда?

Грунвальдъ. Я считалъ, что воспользовавшись указываемой мною запиской Мушкетова, Коноваловъ легко исчерпаетъ инцидентъ, ибо эта записка можетъ въ одинаковой мѣрѣ удовлетворить и студентовъ и начальство. Она составлена даже въ патріотическомъ тонѣ: въ ней есть напримѣръ такое мѣсто въ статьѣ объ административной несмѣняемости профессоровъ, статьѣ, принадлежащей И. П. Долбнѣ, гдѣ говорится слѣдующее: «Упомянутая привилегія (административная несмѣняемость) была бы актомъ довѣрія правительства къ профессорской коллегіи и, по глубокому убѣжденію Совѣта, могли бы поощрить профессоровъ къ болѣе ревностному служенію интересамъ высшаго просвѣщенія на основѣ преданности Государю и отечеству». Такая записка удовлетворила бы всѣмъ аппетитамъ начальства.

Зерновъ. Вы были и на сходкѣ и говорили тамъ?

Грунвальдъ. Да.

Зерновъ. Значитъ, Вы не только занимались наукой, но и интересовались общественными дѣлами?

Грунвальдъ. Совершенно вѣрно.

Зерновъ. Не можете-ли Вы хоть въ нѣсколькихъ словахъ воспроизвести рѣчь, которую Вы говорили на сходкѣ?

Грунвальдъ. Я говорилъ, что Коноваловъ грубо оскорбилъ сту-

дентовъ—депутатовъ, а потому всѣ студенты обязаны протестовать безъ различія взглядовъ и убѣжденій, дѣйствуя единодушно.

Зерновъ. А по письму нельзя заключить, что ему предшествовала такая рѣчь?

Грунвальдъ. Весьма понятно. Представьте себѣ, что Вы, какъ принадлежащій къ извѣстной корпораціи, считаете себя оскорбленнымъ извѣстнымъ лицомъ, нанесшимъ оскорбленіе всей корпораціи; вдругъ эта корпорація наноситъ Вамъ оскорбленіе гораздо болѣе сильно, изгоняетъ Васъ отъ себя... нужно быть необыкновеннымъ человѣкомъ, чтобы продолжать считать себя оскорбленнымъ за эту корпорацію. Въ точно такомъ же положеніи я былъ относительно Коновалова: онъ оскорбилъ меня, какъ студента, выгнавъ депутатовъ сходки, но въ свою очередь сходка оскорбила меня еще болѣе сильно, изгнавъ меня изъ своей среды и изъ корпораціи. Но и независимо отъ Коновалова съ самаго начала своего студенчества я былъ противникомъ забастовки, она не согласовалась съ моими убѣжденіями, которыхъ я не мѣняю даже и черезъ три года.

Каминка. (Жданову). Помните-ли содержаніе второга письма къ Коновалову отъ группы студентовъ?

Ждановъ. Оно было въ томъ же духѣ, кажется; точно не помню.

Долбня. Оно было анонимное?

Ждановъ. Не помню, помѣчено, кажется: «группа студентовъ».

Бауманъ. Въ немъ указывались фамиліи?

Ждановъ. Не помню.

Каминка. Относительно выдачи стипендій и пособій порядокъ назначенія ихъ былъ тотъ же самый, какъ и до Коновалова?

Ждановъ. Сначала при назначеніи стипендій и пособій руководились полицейскими свидѣтельствами о бѣдности. При Лагузенѣ дѣлали попытки привлечь къ этому студентовъ. Сначала Лагузеномъ было введено участіе ихъ при распредѣленіи пособій, это дѣло было передано въ руки студенческаго фонда, такъ что при выдачѣ отдѣльныхъ пособій требовалось удостовѣреніе фонда. Студенты просили выдавать на руки имъ опредѣленную сумму: — рублей 200—300— точно не помню. При Коноваловѣ никакого участія въ выдачѣ пособій не принимали.

Рейнвальдъ. Помните, что Коноваловъ выдавалъ пособія руководясь успѣшностью?

Ждановъ. Да, брались справки отъ инспекціи относительно успѣшности и свидѣтельства о бѣдности.

Предсѣдатель. А раньше, значитъ, было необходимо поручительство студентовъ?

Ковалевскій. Я позволю себѣ объяснить это. Я обратился въ Совѣтъ за пособіемъ и представилъ свидѣтельство о бѣдности Предводителя дворянства. Его не нашли достаточнымъ и потребовали, чтобы я представилъ двухъ поручителэй отъ фонда. Эти лица не знали моего матеріальнаго положенія, и я ихъ не зналъ и не захотѣлъ обращаться къ нимъ.

Долбня. Это было до Коновалова?

Ковалевскій. Да.

Долбня. Ну вотъ, намъ это только и надо было!

Каминка. Отказывали-ли или задерживали стипендіи тѣмъ, кто не приступалъ къ экзаменамъ?

Ждановъ. Нѣтъ, такихъ задержекъ не было.

Долбня. А тѣмъ, которые не держали?

Ждановъ. Стипендіи не были выданы только уволеннымъ.

Долбня. А не державшимъ, пока они еще не окунулись въ экзаменаціонную атмосферу, выдавались тоже стипендіи?

Ждановъ. Не помню; могу дать справки изъ канцеляріи.

Степаницкій. Я могу сказать, что хотя я экзаменовъ не держалъ, но стипендію получилъ до 1-го іюля.

Гапѣевъ. Пользовались-ли студенты, не державшіе экзаменовъ, пособіями?

Ждановъ. Думаю, что нѣтъ.

Гапѣевъ. Осенью были усиленныя пособія?

Ждановъ. Усиленныя? Вообще объ усиленныхъ пособіяхъ не знаю.

Гапѣевъ. Выдавались-ли пособія стипендіатамъ?

Ждановъ. Бывали.

Гапѣевъ. Напримѣръ.

Ждановъ. Да вотъ, напримѣръ, Грунвальду.

Гапѣевъ. Весной?

Ждановъ. Осенью.

Грунвальдъ. Я долженъ сдѣлать Суду разъясненіе. Мною было подано прошеніе: я, какъ стипендіатъ, не имѣю права на пособія, но просилъ Совѣтъ мнѣ назначить въ виду моего стѣсненнаго матеріальнаго положенія.

Долбня. Большое пособіе?

Грунвальдъ. 15.

Леонтьевъ. А Вамъ извѣстно семейное положеніе студента Грунвальда?

Ждановъ. Нѣтъ.

Грунвальдъ. Я человѣкъ женатый и у меня есть ребенокъ. Не согласится-ли Влад. Ник. подтвердить, что прошеніе о пособіи осенью было подано мною тогда, когда стипендіи не выдавались?

Ждановъ. Можетъ быть.

Макаровъ. Я могу привести еще одинъ фактъ въ этомъ отношеніи. Въ декабрѣ этого года я заболѣлъ и подавалъ прошеніе о выдачѣ мнѣ пособія на леченіе. Коноваловъ мнѣ сказалъ, что стипендіату сопряжено съ большими трудностями. Послѣ этого я не подалъ своего прошенія.

Гапѣевъ. Значитъ, для Грунвальда было исключеніе?

Грунвальдъ. Я всегда смотрѣлъ на пособія и стипендіи какъ на заимообразную ссуду, подлежащую возвращенію послѣ.

Долбня. Это—когда Вы будете инженеромъ?

Грунвальдъ. Да.

Соколовъ. Вамъ неизвѣстно случаевъ, что студентъ, недержавшій экзаменовъ ни весной, ни осенью, получилъ пособіе на взносъ за право ученія?

Ждановъ. Да, бывали, но только впослѣдствіи, когда выяснилось что есть лишнія суммы.

Степановъ. Я не держалъ экзаменовъ ни осенью, ни весной и въ пособіи мнѣ было сначала отказано, но потомъ выдали 20 руб., ибо я былъ обокраденъ въ дорогѣ.

Гапѣевъ. Заявляетъ отъ имени ст—та Мицинскаго, что онъ не получалъ стипендіи за лѣтніе мѣсяцы.

Васютинскій. Я просилъ пособіе, но не получилъ: мнѣ было отказано подъ тѣмъ предлогомъ, что я второгодникъ.

Предсѣдатель закрываетъ собраніе.

ПРОТОКОЛЪ

10-го засѣданія Третейскаго Суда Чести отъ 20 марта 1905 года.

Отсутствовали: К. К. Арсеньевъ и В. М. Гессенъ. Предсѣдательствовалъ В. О. Люстихъ.

Предсѣдатель приглашаетъ свидѣтеля, ассистента по химіи г. Подкопаева.

Подкопаевъ. Прошу задавать вопросы, такъ какъ я въ Ин--тѣ состою только младшимъ преподавателемъ, ассистентомъ съ 1901 г.

Предсѣдатель. Что Вы можете разсказать по этому дѣлу относительно порядка составленія группъ, назначенія экзаменовъ и проч.?

Подкопаевъ. Группы составлялись самими ст-тами, представлялись въ Ин-тутъ, гдѣ и распредѣлялись; освобождались отъ экзамена тѣ, кто сдалъ раньше 2 репетиціи и такимъ на первомъ экзаменѣ выставлялись отмѣтки.

Предсѣдатель. Если бы они и не явились, то все равно считались бы экзаменовавшимися?

Подкопаевъ. Да, если бы даже ихъ не было на экзаменѣ или даже они были исключены, отмѣтки все равно выставлялись. Это вообще всегда такъ дѣлалось.

Предсѣдатель. Какъ студентовъ приглашали на экзаменъ?

Подкопаевъ. Вначалѣ по билетамъ, а числу къ 17-му, когда начались экзамены по химіи, пускали безъ билетовъ.

Предсѣдатель. Безъ группировки?

Подкопаевъ. На экзамеціонномъ спискѣ стояло: «экзаменъ такой-то группы», но полнаго количества сначала не оказывалось. Вообще на первыхъ экзаменахъ бывало мало, по 3—4 экзаменующихся.

Предсѣдатель. Что значитъ въ началѣ? въ первыхъ числахъ апрѣля?

Подкопаевъ. Первый экзаменъ по пробирному искусству былъ 31 марта, относительно его я не знаю, а наши экзамены по химіи начались 15—17 апрѣля.

Предсѣдатель. Относительно обструкціи Вамъ что либо извѣстно? Были ли Вы въ Институтѣ?

Подкопаевъ. Мнѣ извѣстно по слухамъ.

Каминка. Запись въ группы была обыкновеннымъ явленіемъ?

Подкопаевъ. Раньше предварительная запись въ группы была обязательной, но на экзамены ходили обыкновенно какъ кому было удобно, но что бы число экзаменующихся не превосходило 35—37 человѣкъ.

Каминка. Гдѣ и какъ составлялись экзаменаціонные списки?

Подкопаевъ. Раньше въ самомъ Ин-тутѣ, а теперь разными представителями группъ. Могу сообщить про ст-та 4 курса Степанова, который не получилъ билета. Братъ его, мой товарищъ, тоже ассистентъ, обратился за разъясненіемъ въ инспекцію. Помощникъ инспектора сказалъ ему, что на 4 курсѣ составляетъ группу, кажется Духонь и къ нему онъ можетъ обратиться, если пожелаетъ. Самъ же онъ выдать билета не можетъ.

Каминка. Такъ что г. Воронинъ направилъ Степанова къ Духоню?

Подкопаевъ. Не направилъ, но сказалъ, что группу, между прочимъ, составляетъ Духонь.

Лесгафтъ. Но прежде было, что списки составлялись инспекціей?

Подкопаевъ. Списки составлялись студентами въ Ин-тутѣ.

Лесгафтъ. Значитъ, прежде въ Ин-тутѣ, а теперь на дому?

Подкопаевъ. Не могу сказать, что на дому, но у студентовъ.

Лесгафтъ. Прежде этого не было? Только въ этомъ году?

Подкопаевъ. Прежде списки составлялись въ Ин-тутѣ, но если бы мнѣ принесли списки на домъ, я могъ бы записаться.

Предсѣдатель. Прежде листъ выставлялся инспекціей? Была особая форма записи? Или же ст-ты брали на себя инициативу?

Подкопаевъ. Инспекція предлагала къ такому-то сроку разбиться на группы.

Предсѣдатель. Значитъ, во главѣ группы должны были быть зачинщики?

Подкопаевъ. Да.

Предсѣдатель. А теперь сборщики группы были назначены или выбраны?

Подкопаевъ. Нѣтъ, этого сказать не могу.

Предсѣдатель. Значитъ, кто палку взялъ, тотъ и...

Подкопаевъ. Да, вродѣ этого.

Предсѣдатель. Какая же разница—прежде и теперь?

Подкопаевъ. Мнѣ кажется, что прежде за каждаго записывавшаго никакого поручительства не требовалось.

Предсѣдатель. А теперь требовалось?

Подкопаевъ. Судя по словамъ Воронина, надо было обращаться къ студентамъ.

Предсѣдатель. Степанову было сказано Воронинымъ, что требуется ручательство?

Подкопаевъ. Нѣтъ, этого ему сказано не было, но составители группъ какъ-бы ручались.

Предсѣдатель. Откуда Вы это знаете?

Подкопаевъ. Я слыхалъ въ инспекціи, что для того, что бы гарантировать спокойствіе хода экзаменовъ, участники группы ручаются.

Предсѣдатель. Въ какомъ отношеніи ручаются?

Подкопаевъ. Что они будутъ экзаменоваться.

Лесгафтъ. Были ли такіе случаи, что ст-ту отказывали записаться въ группу по неблагонамѣренности?

Подкопаевъ. Нѣтъ, такого случая не знаю.

Лесгафтъ. Значитъ, всякій могъ записаться?

Подкопаевъ. Да, если составители группы могли за него ручаться.

Лесгафтъ. А если не могли ручаться?

Подкопаевъ. А тогда—не знаю.

Лесгафтъ. А какъ было въ прежніе годы?

Подкопаевъ. Прежде было можно записываться свободно и на какой угодно экзаменъ.

Лесгафтъ. А теперь инспекція направляла къ студентамъ?

Подкопаевъ. Теперь, это вотъ было со Степановымъ.

Каминка. Не знаете ли дальнѣйшую судьбу Степанова? Обратился онъ къ Духоню?

Подкопаевъ. Онъ держалъ экзаменъ осенью, весной не держалъ, уѣхалъ домой.

Каминка. Но можетъ быть вообще было извѣстно о ручательствѣ?

Подкопаевъ. Циркулировали слухи.

Предсѣдатель. Могли ли нежелавшіе обращаться къ составителямъ сами составить группу?

Подкопаевъ. По всей вѣроятности. По словамъ Коцовскаго это такъ и было:—нужно было или записаться, или составить свою группу.

Лесгафтъ. Это было впослѣдствіи?

Подкопаевъ. Впослѣдствіи въ этомъ не было надобности.

Каминка. До 17-го или послѣ?

Подкопаевъ. Къ нашимъ экзаменамъ т. е. экзаменамъ химіи, группы уже были не нужны.

Долбня. Тутъ весьма часто старались дать понять, что и раньше были группы и будто ничего особеннаго въ 1904 году не было. Скажите, какая цѣль преслѣдовалась въ прежніе годы при составленіи группъ?

Подкопаевъ. Что бы по числу группы составить росписаніе экзаменовъ.

Долбня. Не было ли другой цѣли: оградить экзаменаторовъ отъ слишкомъ большого наплыва?

Подкопаевъ. Но это будетъ не составленіе группъ, а запись въ день экзаменовъ.

Долбня. Значитъ, и эта цѣль между прочимъ была?

Подкопаевъ. При записи—да: въ инспекціи лежалъ листъ и предлагалось записаться не болѣе 37 человѣкъ.

Долбня. А дальше: черта и шабашъ? Можете ли Вы удостовѣрить, что въ 1904 г. опасались наплыва?

Подкопаевъ. Сказать этого не могу. Въ первые дни на химическихъ экзаменахъ было 3—4—7 человѣкъ.

Долбня. Значитъ, нельзя сказать, что въ 1904 г. преслѣдовались тѣ же цѣли?

Подкопаевъ. Этого сказать не могу.

Бауманъ. На 2-е апрѣля было двѣ группы: примѣрно 40 человѣкъ въ обѣихъ. При нормальныхъ условіяхъ должны были дозволить дополнительную запись.

Предсѣдатель. (Бауману). Это вопросъ или Ваше утвержденіе?

Бауманъ. Это мое утвержденіе.

Леонтьевъ. Бывали ли случаи раньше, что ст-ты записывались на экзамены съ другими намѣреніями?

Подкопаевъ. Не могу этого сказать.

Леонтьевъ. Не было ли слуховъ объ этомъ или подозрѣній?

Подкопаевъ. Мы думали, по крайней мѣрѣ, что записывающіеся хотятъ экзаменоваться.

Леонтьевъ. Какая же была опасность, отъ которой гарантировали составленіемъ группъ?

Подкопаевъ. Вначалѣ боялись, что лицамъ желающимъ экзаменоваться будутъ мѣшать.

Леонтьевъ. Какую же гарантію бралъ на себя составитель группы?

Подкопаевъ. (Молчитъ). Вначалѣ билеты выдавались тѣмъ, которые хотѣли держать экзамены и записывались въ группы.

Леонтьевъ. Но за что же собственно ручались?

Подкопаевъ. За то, что записавшіеся будутъ держать экзамены: были слухи, что часть хочетъ, а часть не хочетъ держать экзамены.

Леонтьевъ. Это не слухи, а факты—это выяснилось на сходкѣ и разъ это опредѣлилось на сходкѣ: кто будетъ экзаменоваться и кто нѣтъ, такъ за что же ручаться и передъ кѣмъ именно?

Подкопаевъ. Составители группъ ручались за то, что экзамены держать будутъ.

Леонтьевъ. Было ли вывѣшено объявленіе, что всѣ желающіе экзаменоваться могутъ составлять группы?

Подкопаевъ. Не знаю.

Соколовъ. Не было ли и въ прежніе годы такого же явленія, что на первые экзамены являлись лишь незначительное число экзаменующихся и затѣмъ число державшихъ увеличивалось постепенно?

Подкопаевъ. Да, это всегда было: на первыхъ экзаменахъ никогда 37 человѣкъ не бывало.

Соколовъ. А сколько?

Подкопаевъ. 10—15 человѣкъ.

Соколовъ. А иногда и меньше?

Подкопаевъ. Возможно, что и меньше.

Соколовъ. И постепенно къ концу число возрастало?

Подкопаевъ. Да, да, — самые многочисленные — это послѣдніе экзамены.

Гапѣевъ. Не согласитесь ли Вы подтвердить такой порядокъ составленія группъ. Вывѣшивалось объявленіе о приглашеніи составить группы. Затѣмъ профессора присылали свѣдѣнія, когда они свободны и могутъ экзаменовать... И тогда студенты записывались на листахъ?

Подкопаевъ. Это было обыкновенно при составленіи росписанія экзаменовъ.

Предсѣдатель. Объ этомъ вѣдь уже говорилось.

Гапѣевъ. Было ли раньше, что составители ходили по квартирамъ?

Подкопаевъ. Студ-ты записывались въ Инст-тѣ.

Гапѣевъ. Я имѣю въ виду, что въ этомъ году ходили по квартирамъ... Могли ли студ-ты опасаться, что въ ихъ группу попадутъ нежелательные элементы, если бы была свободная запись?

Подкопаевъ. При свободной записи это было возможно.

Гапѣевъ. Значитъ, въ этомъ отношеніи понятно ручательство студ-въ?

Подкопаевъ. Если они хотѣли держать экзамены, то—да.

Гапѣевъ (къ Леонтьеву). Надѣюсь, что я выяснилъ то, что Вамъ было неясно.

Леонтьевъ. Если Вы хотѣли выяснить мой вопросъ, то я долженъ Вамъ замѣтить, что Вы его не поняли: я спрашивалъ о ручательствѣ передъ какой нибудь властью. Предъ кѣмъ и въ чемъ студ-ты ручались?

Гапѣевъ. Прибавляю—и для чего?

Подкопаевъ. Передъ своими товарищами и инспекціей въ томъ, что экзамены со стороны записавшихся пройдутъ спокойно.

Леонтьевъ. Если студ-ты идутъ экзаменоваться и ихъ ведетъ составитель группы—вѣдь они всѣ хотятъ держать экзаменъ?

Подкопаевъ. Какъ всѣ?.. Теперь я, кажется, понялъ Васъ: если бы была свободная запись въ группы, то могли бы попасть лица, не желавшія держать экзамены.

Леонтьевъ. Я съ этого и началъ. Значитъ, могли записаться и съ другой цѣлью при свободной записи?

Подкопаевъ. Да, если бы была свободная запись, могли бы записаться съ цѣлью мѣшать экзаменамъ.

Леонтьевъ. Значитъ, были слухи?

Подкопаевъ. Да, слухи ходили.

Леонтьевъ. Отъ кого они исходили?

Подкопаевъ. Во первыхъ отъ ст-въ, во вторыхъ—отъ инспекціи: Бальди, Воронина, Коцовскаго.

Леонтьевъ. Студ-въ слишкомъ много. Укажите фамилію, кто именно?

Подкопаевъ. Не знаю.

Предсѣдатель. Значитъ, ходили слухи, что хотятъ записаться и не экзаменоваться?

Бауманъ. 31-го и 2-го, это не слухи, а факты.

Гаппѣевъ. Не замѣчали ли Вы групповыхъ дѣйствій, хотя бы въ этомъ году? Напр. при записи въ лабораторію?

Подкопаевъ. Относительно новой лабораторіи говорить нельзя, ибо она и не была открыта. Приходили и выражали желаніе заниматься... Но я сказалъ, что на Совѣтѣ 3-го января постановлено не начинать занятій до 15 февраля. Претензій не выразили и съ тѣхъ поръ не приходили.

Гаппѣевъ. Когда это было?

Подкопаевъ. 9—11-го Января.

Гаппѣевъ. Это когда происходили всѣ эти ужасы?! И въ это время они выражали желаніе заниматься?

Подкопаевъ. Настаиваній не было.

Гаппѣевъ. Вы знаете фамиліи? Не были ли это „свобод-щіе», которые въ такое неподходящее время, съ моей точки зрѣнія, просили Васъ ходатайствовать передъ Курнаковымъ объ открытіи лабораторіи?

Подкопаевъ. Были и «свобод-щіе» и одинъ «свободом-щій», который сказалъ, что онъ представитъ группу.

Воскресенскій. Бывали ли и до 1904 г. случаи, что профессоръ приходилъ на экзаменъ и уходилъ за отсутствіемъ желающихъ экзаменоваться?

Подкопаевъ. Вы относительно нашихъ экзаменовъ? Помню, бывали случаи, что являлись 2—3 человѣка.

Воскресенскій. На одинъ изъ первыхъ экзаменовъ Ив. Пет. Долбни явилось 3—4 человѣка, въ томъ числѣ и я. Ив. Пет. сказалъ намъ: «Вы сливки,—Васъ мало; молока будетъ много потомъ, но я человѣкъ сильный и могу всѣхъ удовлетворить».

Подкопаевъ. Я могу говорить только о тѣхъ экзаменахъ, на которыхъ бываю.

Воскресенскій. Какъ свидѣтель относился къ ст-мъ, нынѣ «свобод-щимъ», которые приходили къ нему экзаменоваться?

Подкопаевъ. Обыкновенно; но могу сказать, что экзамены 15 и 16-го уже шли безъ билетовъ.

Воскресенскій. Такъ что ничего предосудительнаго въ томъ, что они экзаменовались, а Вы экзаменовали, не было?

Предсѣдатель прерываетъ.

Ауэрбахъ. Вы говорили о ручательствѣ передъ товарищами и инспекціей. Это только Ваше впечатлѣніе, основанное на слухахъ или на фактахъ?

Подкопаевъ. Я уже говорилъ, что ходили слухи.

Ауэрбахъ. Значитъ, были только слухи?

Подкопаевъ. Да, слухи.

Долбня. Не согласитесь ли Вы удостовѣрить, что въ первые дни экзаменовъ въ 1904 г. интересы «свобод-щихъ» тождественно совпадали съ интересами начальства?

Подкопаевъ. Если смотрѣть съ той точки зрѣнія, что начальство хотѣло экзаменовъ и стд-ты тоже, то—да.

Долбня. Т. е., что въ этомъ году ст-ты, преслѣдуя свои личные интересы, желая держать во что бы то ни стало экзамены, поддерживали тѣмъ интересы начальства?

Предсѣдатель. Это собственно говоря уже выводъ, который быть можетъ лучше сдѣлаетъ Судъ, чѣмъ свидѣтель.

Подкопаевъ. Я не могу сказать, что бы студ-ты держали экзамены для того, чтобы угодить начальству.

Долбня. Вы меня не такъ поняли. Интересы «свобод-щихъ» и начальства совпадали?

Подкопаевъ. Я уже сказалъ, что ихъ интересы сходились на желаніи экзаменовъ.

Соколовъ. Не согласитесь ли удостовѣрить, что интересы «свободомыслящихъ» совпадали съ интересами ушедшихъ профессоровъ?

Подкопаевъ. Не могу этого сказать. Интересы «свободомыслящихъ» были извѣстны: они не хотѣли держать экзаменовъ. А профессоровъ уже не было въ это время въ Инст-тѣ.

Нечаевъ. Не согласитесь ли удостовѣрить, что въ прошлые годы, когда студ-ты приступали къ экзаменамъ, ихъ интересы совпадали съ интересами начальства и профессоровъ.

Подкопаевъ. Да.

Нечаевъ. Такъ что въ этомъ отношеніи въ 1904 г. новаго ничего не было?

Подкопаевъ. Ровно ничего.

Зерновъ. Чѣмъ объясняли сту-ты, что число экзаменующихся

все время увеличивалось? Не говорили ли Вамъ ст-ты, почему они приступаютъ къ экзаменамъ?

Подкопаевъ. Это всегда такъ: къ концу больше экзаменующихся.

Зерновъ. Но вѣдь тутъ особыя условія; можетъ быть Вы иначе объясните?

Подкопаевъ. Можетъ быть и то, что была отмѣнена билетная система.

Зерновъ. Не разговаривали Вы со студ-ми, почему они приступаютъ къ экзаменамъ? Не связывали ли они своего рѣшенія держать экзамены съ постановленіемъ сходки?

Подкопаевъ. Говорить не приходилось.

Зерновъ. При Васъ былъ ли какой-нибудь опредѣленный порядокъ разрѣшенія вопросовъ?

Подкопаевъ. Всѣ недоразумѣнія разбирались на сходкѣ.

Зерновъ. Какъ сходка собиралась?

Подкопаевъ. Вывѣшивалось объявленіе.

Зерновъ. Кто это дѣлалъ?

Подкопаевъ. Студенты, кто желалъ.

Зерновъ. Одинъ или нѣсколько? За подписью?

Подкопаевъ. Нѣтъ, обыкновенно въ курилкѣ появлялось неподписанное объявленіе, что тогда-то назначена сходка.

Зерновъ. Тема не указывалась?

Подкопаевъ. Нѣтъ, обыкновенно не указывалась. Но вотъ въ дѣлѣ Беккергарда тема была указана.

Зерновъ. На сходкѣ число присутствующихъ выяснялось?

Подкопаевъ. Обыкновенно нѣтъ.

Зерновъ. Сколько бы ни пришло, не расходились и всегда считали себя уполномоченными.

Подкопаевъ. Сходка не всегда имѣетъ полномочія, напр.: въ вопросахъ о забастовкѣ—не имѣетъ. Вообще же если собиралось мало, то назначалась новая сходка—«полномочная»; объ этой сходкѣ посылались извѣщенія всѣмъ студ-мъ и ея рѣшеніе было обязательно для всего Инст-та.

Зерновъ. Но когда бывало мало, не расходились?

Подкопаевъ. Бывало, что расходились, но иногда рѣшали при наличномъ числѣ: это зависѣло отъ степени важности самого вопроса.

Зерновъ. Кто же посылалъ извѣщеніе о сходкѣ? Неизвѣстный или уполномоченный комитетъ?

Подкопаевъ. Въ 99 г., напримѣръ, разсылалъ О. К. С. Г. И.

Предсѣдатель. Этотъ комитетъ былъ избранъ?

Подкопаевъ. Товарищами. Если являлось и на полномочную сходку мало народу, то производился опросъ по всему Инст-ту. Для подобнаго опроса при рѣшеніи, наприм., забастовки, выбиралось 3—4 человѣка отъ забастовщиковъ и противниковъ ея и они собирали голоса.

Зерновъ. Въ 1901 году было при Васъ рѣшеніе забастовки. Рѣшеніе было принято на сходкѣ или дополнительными опросами?

Подкопаевъ. Рѣшали сначала на сходкѣ, а потомъ продолжали баллотировку по Институту, по квартирамъ.

Зерновъ. А въ обычное время не было уполномоченныхъ слѣдить за жизнью, собирать справки—вродѣ старостъ?

Подкопаевъ. Нѣтъ, не было.

Зерновъ. А считалось ли возможнымъ принять какое либо рѣшеніе, какъ напримѣръ, обструкцію безъ сходки?

Подкопаевъ. Нѣтъ, всегда по постановленію сходки. Забастовка у насъ была въ 99 г., 901 г. Въ 99 году было 3 студента на 5 курсѣ, которые говорили, что будутъ держать во что бы то ни стало, а когда разослали билеты, никто не явился.

Зерновъ. Были ли установлены пріемы для рѣшенія вопросовъ? Я спрашиваю про обычное право?

Подкопаевъ. Большинствомъ. Меньшинство подчинялось большинству.

Зерновъ. Какое большинство? Сходки или Инст-та?

Подкопаевъ. При вопросахъ менѣе важныхъ—наличное большинство сходки, а по важнымъ—большинство Инст-та.

Зерновъ. Если бы въ Ваше время образовался расколъ между студ-ми, то какъ бы Вы поступили?

Подкопаевъ. Если бы студ-ты раздѣлились на два лагеря, то на сходкѣ рѣшили бы, что дѣлать, но при мнѣ этого не было.

Зерновъ. Въ Ваше время считалось ли возможнымъ производить обструкцію безъ постановленія сходки?

Подкопаевъ. Если бы это было, то собрали бы сходку и разсмотрѣли бы этотъ вопросъ.

Бауманъ. Въ 1901 году было такъ, засѣдалъ Совѣтъ. Пришелъ депутатъ и сказалъ, что рѣшена забастовка. Просмотрѣли списокъ и сказали, что большинства Инст-та нѣтъ, а потому мы не считаемъ забастовку дѣйствительной. Тогда пошли на сходку и тамъ переписывали человѣкъ 40 бывшихъ противъ забастовки и черезъ 10 минутъ принесли намъ большинство Инст-та.

Подкопаевъ. Я не помню, было ли это сейчасъ же сдѣлано, но было, что Совѣтъ сказалъ: «это не большинство Инст-та».

Бауманъ. Скажите, если бы въ 1901 г. появилась группа, которая стала бы держать экзамены безъ сходки и если бы начальство дало ей возможность держать экзамены, то были ли бы попытки къ обструкціи?

Подкопаевъ. Можетъ быть экзамены и не состоялись бы.

Воскресенскій. Въ 1902 г., когда многіе были уволены и я въ томъ числѣ и забастовка была постановлена большинствомъ, профессора Долбня и Бауманъ экзаменовали и тѣмъ способствовали видамъ начальства; обструкціи же не было?

Егуновъ. Въ Ваше время послѣ объявленія забастовки полномочной сходкой вступалъ въ силу Орг. Ком.?

Подкопаевъ. Затрудняюсь отвѣтить.

Егуновъ. Было ли такъ, что безъ Орг. Ком. не могли собрать сходку?

Предсѣдатель. Т. е. Орг. Ком-ту давались полномочія, что безъ его согласія нельзя было назначить сходку?

Подкопаевъ. Пожалуй, что и такъ. Во всякомъ случаѣ до новой сходки забастовка не прекращалась.

Егуновъ. Не подтвердите ли Вы, что Орг. Ком. во время забастовки могъ рѣшать всѣ вопросы до обструкціи включительно?

Подкопаевъ. Если бы постановленіе сходки объ обструкціи было, то онъ былъ бы въ правѣ.

Предсѣдатель. Если бы спеціально былъ уполномоченъ?

Подкопаевъ. Да, если бы былъ уполномоченъ.

Егуновъ. Въ Ваше время не могъ ли Орг. Ком. производить обструкцію безъ разговоровъ о ней на сходкѣ, слѣдовательно безъ предварительнаго разрѣшенія сходки?

Подкопаевъ. Не могъ.

Гаппеевъ. Въ 1902 г. начальствомъ были разосланы опросные листки. Былъ ли Орг. Ком. въ правѣ предложить форму отвѣта?

Подкопаевъ. Въ 1902 г. я былъ уже ассистентомъ и потому не берусь отвѣчать.

Гаппеевъ. Прошу разрѣшить мнѣ прочесть бюллетени* 1902 года (передастъ 3 бюллетеня Суду) забастовки были отмѣнены большинствомъ; меньшинство подчинилось—обструкціи не было.

Леонтьевъ. Вы сказали, что Орг. Ком. выбирается товарищами. Какъ онъ выбирается? Сходкой или другимъ путемъ?

Подкопаевъ. Я собственно не могу Вамъ этого сказать; представители для сбора голосовъ по Инст-ту выбирались на сходкѣ?

Леонтьевъ. Но вѣдь это не былъ Орг. Ком.?

Подкопаевъ. Въ Орг.Ком-тѣ не бывалъ, точно не знаю.

Леонтьевъ. Но вѣдь въ Ваше время онъ былъ. Долженъ ли онъ быть выбираемъ и на какой срокъ?

Подкопаевъ. На извѣстный періодъ.

Леонтьевъ. Составъ его былъ извѣстенъ студентамъ?

Подкопаевъ. Не знаю, былъ ли онъ извѣстенъ всѣмъ студ-мъ, но нѣкоторымъ могъ быть извѣстенъ.

Леонтьевъ. Нѣкоторымъ? ну, сколькимъ:—20 или 200?

Подкопаевъ. Составъ его не опубликовывался. Мнѣ кажется, что студ-ты его знали.

Предсѣдатель. Онъ не былъ гласно избираемъ?

Подкопаевъ. Нѣтъ.

Бокій. Какъ же онъ могъ быть избираемъ гласно, если за участія въ немъ ссылали въ Сибирь: я былъ сосланъ на три года за участіе въ Ор. Ком. Романовъ тогда избѣжлъ этой участи, эмигрировавъ за-границу.

Алексѣевъ. Вы говорите, что Орг. Ком. выбирался; фамиліи при этомъ назывались?

Подкопаевъ. Нѣтъ, фамиліи не назывались.

Алексѣевъ. Значитъ, правильныхъ выборовъ не было? Открытой подачи голосовъ не было?

Подкопаевъ. Не было.

Алексѣевъ. Сколько я понимаю, не было ли такого обычая, что предсѣдатель испрашивалъ разрѣшеніе образовать Орг. Комитетъ?

Подкопаевъ. Нѣтъ, не было.

Алексѣевъ. Слѣдовательно, Комитетъ зарождался случайно, а не выбирался?

Подкопаевъ. Да.

Алексѣевъ. Значитъ, студ-ты знали о немъ случайно?

Подкопаевъ. Да, случайно,—частнымъ образомъ.

Алексѣевъ. Можетъ быть онъ выбирался нѣкоторой опредѣленной сплоченной группой?

Подкопаевъ. Почти,—да.

Алексѣевъ. Обыкновенно Орг. Ком. шелъ согласно постановленіямъ студ-въ или иногда въ разрѣзъ съ ними?

Подкопаевъ. Онъ шелъ согласно духу постановленій сходки.

Алексѣевъ. Бывали ли случаи, когда Комитетъ расходился со студ-ми, напр., когда большинство фактически начало посѣщать Инст-тъ, а Комитетъ проповѣдывалъ иное?

Подкопаевъ. Не помню.

Сняткова (даетъ свое объясненіе объ Орг. Ком.). Орг. Комитету поручалось избрать предсѣдателя. Имена были извѣстны случайно, но почти всѣмъ студ-мъ: къ намъ на сходку пришли делегаты изъ Инст-та Путей Сообщ. и спрашивали, правда ли, что Вашъ Организ. Комит. арестованъ. Тогда сходка посмотрѣла направо и налѣво и говоритъ: нѣтъ, всѣ тутъ.

Леонтьевъ. Должны ли были студ-ты подчиняться Организ. Комитету?

Снятковъ. Безусловно, до слѣдующей сходки.

Леонтьевъ. Значитъ, это была исполнительная власть по извѣстнымъ вопросамъ?

Снятковъ. Въ духѣ постановленій сходки, напримѣръ: я считаю, что обструкцію могъ рѣшить самостоятельно.

Леонтьевъ. Но въ духѣ постановленія сходки. Отъ себя же не могъ?

Снятковъ. Наприм., начальствомъ разсылались опросные листки. Комитетъ воленъ рѣшить, отвѣчать или нѣтъ.

Алексѣевъ. Можетъ быть г. Снятковъ укажетъ, когда Орган. Комитетъ выбирался лицомъ, уполномоченнымъ сходкой?

Снятковъ. Въ 99 г. было поручено Пальчинскому, въ 1901 г. Шатилову, въ 1902 году—Романову, въ 1904 г.—Яньковскому.

Нечаевъ (Сняткову). Скажите пожалуйста, какъ это сходка могла повернуть голову, кивнуть, посмотрѣть? Можетъ быть это сдѣлали 1—2 человѣка, даже можетъ быть члены Орган. Комитета?

Снятковъ. Голосованія не было, но отвѣтили, что всѣ налицо.

Кутыринъ. До 99 г. вопроса о забастовкѣ не поднималось?

Подкопаевъ. Первый разъ въ 97 г.

Кутыринъ. И результатъ?

Подкопаевъ. Забастовки не было.

Кутыринъ. До 99 г. примѣнялось голосованіе по Инст-ту?

Подкопаевъ. Да, напр., когда рѣшался вопросъ объ исключеніи Беккергарда.

Кутыринъ. Не помните ли, что въ 99 г. была сходка на квартирѣ у Ауэрбаха?

Подкопаевъ. Помню, что въ 99 г. экзамены долженъ былъ начать 5 курсъ. Студенты собрались у Ауэрбаха и рѣшили не ходить: это была курсовая сходка 5 курса.

Кутыринъ. Были ли въ 1901 г. споры о необходимости большинства Инст-та при обсужденіи вопроса о забастовкѣ?

Подкопаевъ. Да, были. Въ началѣ каждой сходки поднимался

вопросъ, необходимо ли для рѣшенія большинство Инст-та или сходки. Относительно забастовки требовать большинство Инст-та.

Кутыринъ. Поднимался ли вопросъ объ обструкціи?

Подкопаевъ. Нѣтъ.

Воскресенскій. Вы говорите, что для рѣшенія забастовки необходимо абсолютное большинство Инст-та. Вамъ неизвѣстно, что въ этомъ году священнаго большинства не было?

Подкопаевъ. Если дадите цифры, то я скажу.

Предсѣдатель. Вамъ неизвѣстно, сколько было на сходкѣ въ 1904 году?

Подкопаевъ. Не знаю.

Зерновъ. Студенты могли знать участниковъ Оргниз. Комитета?

Подкопаевъ. Частнымъ образомъ.

Зерновъ. Давались ли Организ. Комитету carte blanche или полагались на его тактъ?

Подкопаевъ. Да, открыть Институтъ онъ не могъ безъ общей сходки.

Зерновъ. Значитъ, онъ долженъ былъ быть тактичнымъ представителемъ большинства и, если бы студенты разошлись съ Орг. Комит., то это свидѣтельствовало, что студенты провинились передъ нимъ или что Орг. Комитетъ утратилъ свой простижъ?

Подкопаевъ. Это Вы относительно забастовки, если бы начались занятія?

Зерновъ. Что было доминирующимъ: Организ. Комитетъ или духъ сходки и большинство, которое въ ней воплощается?

Подкопаевъ. Организ. Комитетъ долженъ воплощать въ себѣ духъ большинства.

Зерновъ. А если бы они разошлись?

Подкопаевъ. Въ наше время собрали бы сходку, которая бы постановила снять его.

Бокій. Студенты могли знать составъ Органз. Комитетъ по арестамъ. Такъ въ 902 году Романовъ спасся, эмигрируя за границу. Собирались въ столовой.

Воскресенскій. Не извѣстно-ли Вамъ, что въ 904 г. Организ. Комитетъ ходилъ по домамъ и спрашивалъ: желаютъ-ли ему подчиняться? Значитъ, онъ самъ сомнѣвался въ своей власти. Они собрали около ста подписей.

Подкопаевъ. Насколько мнѣ извѣстно—что было; подписи, желавшихъ подчиняться, собирали...

Предсѣдатель. Подчиняться кому?—Организ. Комитету?

Подкопаевъ. Сколько мнѣ извѣстно было, что ходили и спрашивали.

Предсѣдатель Объявляетъ допросъ г. Подкопаева оконченнымъ.

Родыгинъ желаетъ говорить, желаетъ задать вопросъ.

Предсѣдатель. Это кто?

Голоса. Горный Инженеръ Родыгинъ.

Предсѣдатель. А! Мы уже имѣли удовольствіе Васъ слышать...

Объявляетъ перерывъ.

Предсѣдатель. Прошу хранителя музея Горнаго Инженера *г. Покровскаго.*

Покровскій. Я буду разсказывать только факты. Въ день обструкціи, пришелъ въ Институтъ около 9 часовъ. Инспекція была внизу въ вестибюлѣ; смотрителя зданія и вахтера не было; сторожей было меньше, чѣмъ всегда. Я пришелъ къ себѣ въ музей; когда же спустился внизъ, инспекція уже уходила. Я прошелъ въ канцелярію, тамъ никого не было. Вернулся къ себѣ, услыхалъ шумъ; выбѣжалъ на лѣстничную площадку. Первое, что бросилось въ глаза — бѣгущій сторожъ, преслѣдуемый студентами. Около чертежной, сторожъ получилъ два удара палкой—одинъ скользящій, а другой долевой — второй долженъ былъ быть серьезнымъ: тотъ бросился къ двери, которая ведетъ въ рудникъ. Но дверь открывалась на него, и онъ тутъ задержался. Что тутъ происходило—не знаю, но видѣлъ, что палки поднимались. Я поднялся наверхъ. Избитаго сторожа потомъ не видалъ; говорили, что онъ сбѣжалъ внизъ. Наверху я увидѣлъ группу студентовъ въ шапкахъ съ палками; на нѣкоторыхъ были топорики. Ломали дверь въ физическій кабинетъ. Меня удивило:—къ чему ломать дверь въ физическій кабинетъ, когда тамъ никого не было. Я уговаривалъ; говорилъ, что это скверно. На это студенты мнѣ сказали: «Вы, Ник. Пав., публику не расхолаживайте; это не Ваше дѣло». Я отошелъ на площадку, спустился внизъ въ лабораторію, посмотрѣть, куда дѣвался сторожъ. Никто тамъ не встрѣтился. Прошелъ черезъ лабораторію и поднялся по другой лѣстницѣ въ другомъ концѣ корридора; тамъ увидѣлъ группу обструкціонистовъ и мнѣ бросилось въ глаза, что воротники были подняты и они закрывали лица платками. Они устремились въ инспекцію. Около нея стояло двое студентовъ: одинъ большого роста, другой маленькаго — и задерживали эту толпу. Произошелъ споръ, послышалась брань; обструкціонистовъ не пускали; часть ихъ бросилась въ третій этажъ

Между тѣмъ корридоръ началъ заполняться народомъ. Я опять прошелъ внизъ: Сторожей въ прихожей не было; дверь была настежъ. При мнѣ вошло еще 4 — 5 студентовъ въ пальто и съ палками. Тутъ я встрѣтилъ Нацвалова. Онъ былъ безъ пальто, въ крахмальной сорочкѣ, держалъ себя корректно. Онъ возмущался по поводу обструкціи. Я сказалъ, что скверно, что избили сторожа. Нацваловъ согласился, что «дѣйствительно это безобразіе». Направились оба къ площадкѣ. Въ это время обструкціонеры уже выходили и собрались въ корридорѣ, ведущемъ въ канцелярію. Пришелъ Бальди. Г-нъ Лемпертъ обратился къ нему и сказалъ: «Позовите Инспектора». Бальди отвѣтилъ: «я самъ его ищу—не знаю гдѣ». Послышались возгласы: «спрятался! струсилъ»! Бальди пошелъ наверхъ. Встрѣтилъ Коцовскаго и такимъ образомъ черезъ $1^1/_2$ — 2 минуты Коцовскій явился: очевидно, онъ пришелъ по собственной иниціативѣ. Къ нему стали обращаться съ требованіями гарантировать, что экзаменовъ не будетъ. Онъ отвѣчалъ, что гарантировать ровно ничего не будетъ, потому что студенты его обманули: говорили, что обструкціи не будетъ и сдѣлали ее. Тогда стали требовать, чтобы экзаменовъ не было, хотя въ тотъ день. На это Коцовскій сказалъ: думаю, что экзамены сегодня не состоятся; при такомъ холодѣ (были открыты окна и двери) и зловоніи, врядъ-ли скоро переполохъ уляжется. Во время объясненій съ Коцовскимъ кто-то сказалъ: «Снять шапки передъ начальствомъ»! Шапки сняли. Перешли въ канцелярію; тамъ студенты говорили не всѣ сразу. Слова Коцовскаго, что въ этотъ день экзаменовъ не будетъ, успокоили публику. Зашелъ вопросъ, кому уходить первыми: державшимъ экзаменъ или обструкціонистамъ. Коцовскій настаивалъ, чтобы ушли сначала обструкціонисты; на этомъ и согласились. Вся масса ушла съ криками собираться въ субботу или понедѣльникъ. Въ это время я случайно узналъ, что будто бы во время обструкціи, принималъ участіе студентъ Епифановъ, относительно котораго я зналъ навѣрное, что его не могло быть. Въ то время, какъ я былъ въ Институтѣ, онъ былъ у меня на квартирѣ и прислалъ мнѣ въ Институтъ двѣ записки. Въ первой онъ просилъ меня придти; я написалъ, чтобы онъ подождалъ; получилъ вторую записку, что ему нужна книга и нужно идти въ больницу Я написалъ, чтобы онъ самъ взялъ себѣ нужную книгу.

Предсѣдатель. Кто говорилъ Вамъ о присутствіи Епифанова на обструкціи?

Покровскій. О его участіи въ обструкціи я узналъ отъ сторожей, которые говорили «что были даже тихіе, напр. Епифановъ». Я по-

шелъ въ Инспекцію. Тамъ составленіе списка только еще начиналось. Воронина еще не было. Коцовскаго тоже не было.

Зерновъ. Это все въ тотъ же день?

Покровскій. Между 9 и 1 ч. — Комната Инспекціи раздѣлена барьеромъ; за барьеромъ стоятъ столы. Передъ барьеромъ довольно большое помѣщеніе. Стоялъ страшный шумъ. Студенты разбились на группы; спорили и ругались. Доставалось всѣмъ: и обструкціонистамъ, и начальству, и Министру. Наиболѣе рьяныя говорили, что слѣдуетъ обратиться къ Министру, чтобы имъ гарантировали спокойствіе; другіе протестовали, въ третьей собирали деньги на избитаго сторожа. Особенно возмущались студентомъ Зунтуриди, избившемъ сторожа; кричали, что надо предать его Суду. Ругали и другихъ обструкціонистовъ. Въ это время къ барьеру подошелъ Бутмг-де-Кацманъ и спросилъ: «записали-ли Вы Нацвалова»? Вопросъ не носилъ никакого характера вражды. Послѣ, двое видимо очень возмущенные, о которыхъ здѣсь говорилось, спрашивали о ст-тѣ Зунтуриди, бившемъ сторожа, присовокупляя къ этой фамиліи еще кой-что. Пришелъ Воронинъ. Въ это время уже нѣсколько успокоились. Публика стала расходиться. Тутъ я спросилъ. «записали-ли Конст. Епифанова»? Бальди сказалъ, что самъ его не видѣлъ, но записалъ его со словъ Воронина. Я настаивать не сталъ, такъ какъ дома еще не былъ, почему и поручиться тогда не могъ, но говорилъ и о Нацваловѣ, что онъ не принималъ участія въ обструкціи. Но мнѣ сказали, что онъ стоялъ въ вестибюлѣ и дѣлалъ черезъ окно какіе то знаки, стоявшимъ передъ Институтомъ, объ этомъ говорили сторожа. Онъ же самъ говорилъ мнѣ, что пришелъ за отпускомъ. Возвратившись домой около 1 часу, я спросилъ, когда ушелъ Епифановъ. Мнѣ сказали: въ 12 часовъ. Мнѣ стало ясно, что Конст. Епифановъ на обструкціи не былъ. Я упустилъ, что нѣкоторые сторожа стали появляться послѣ обструкціи. Домой я пришелъ очень усталый и легъ какъ бы въ забытьи. Въ 6-мъ часу ко мнѣ пришелъ Николай Епифановъ; я подумалъ: не онъ-ли былъ на обструкціи; спросилъ его объ этомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что приходилъ въ Институтъ за билетомъ. Мнѣ стало ясно, что ихъ перепутали. Я тотчасъ пошелъ и заявилъ секретарю Совѣта, что К. Епифановъ на обструкціи не былъ: я зналъ, что въ 8 ч. вечера будетъ Совѣтъ. Но Воронинъ даже указалъ мѣсто, гдѣ видѣлъ. Я ему ставилъ на видъ, что у Н. Епифанова есть билетъ и потому онъ могъ быть въ Институтѣ. Тогда Воронинъ сказалъ, что въ Совѣтѣ это разберутъ.

Предсѣдатель. Что же Епифанова вычеркнули?

Покровскій. Константина вычеркнули тогда же, Николай—спустя нѣсколько дней, получилъ билетъ отъ Коцовскаго. 3-го числа было спокойно, экзаменовъ не было. 4-го — воскресенье, Музеумъ Института былъ открытъ. Вторично я встрѣтилъ тамъ Нацвалова и Бутми-де-Кацмана:—оба пріятельски бесѣдовали. Для меня вопросъ Бутми о Нацваловѣ былъ зданъ съ цѣлью оградить Нацвалова или можетъ быть былъ вызванъ желаніемъ освѣдомиться о товарищѣ. Во всякомъ случаѣ намѣреніе Бутми не было дурное. Нацваловъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «меня уволили, но я даже и не зналъ объ обструкціи. Вѣдь Вы можете засвидѣтельствовать передъ начальствомъ, что я велъ себя корректно». Я обѣщалъ это засвидѣтельствовать. Я и Бутми-де-Кацмана не зналъ до той поры, а обратилъ на него вниманіе случайно. Внизу во главѣ обструкціонистовъ мнѣ показалось, что я уже его видалъ, а затѣмъ въ инспекціи. Но это было лишь сходство. Потомъ узналъ, что къ обструкціонистамъ онъ не имѣетъ никакого отношенія. Сходство было лишь наружно. Вскорѣ обнаружились странные факты: кто-то открывалъ газъ. У насъ внизу и на лѣстницѣ газовое совѣщеніе.—Послѣ того было приказано спрашивать студентовъ, къ кому идутъ и зачѣмъ. Въ понедѣльникъ 5-го была демонстрація; часть студентовъ была на улицѣ, часть на площадкѣ передъ вестибюлемъ. Я видѣлъ изъ окна.

Печковскій. Вы сами видѣли?

Покровскій. Да, я уже говорилъ, что буду передавать только факты. Сторожа были всѣ на лицо; видѣли, что нѣкоторыхъ записали.

Предсѣдатель. Кто записывалъ?

Покровскій. Бальди записывалъ; онъ былъ въ вестибюлѣ.

Предсѣдатель. Бальди не говорилъ, по какому поводу онъ записывалъ?

Покровскій. Я не спрашивалъ.

Предсѣдатель. Когда Вы смотрѣли въ окно, студ-ты толпились? Вы не видѣли, что между студ-ми что-либо происходило?

Покровскій. Были угрозы, махали палками.

Предсѣдатель. Слѣдовательно Вы видѣли угрожающіе жесты?

Покровскій. Да, видѣлъ, но сверху могъ видѣть лишь небольшую часть ст-въ и въ нѣкоторомъ разстояніи, а что въ другихъ мѣстахъ было,—не знаю. 6-го, во вторникъ, было засѣданіе Минералогическаго Об-ва. Я долженъ еще разъяснить, что прежде чѣмъ весь инцидентъ проникъ, въ Об-вѣ Горн. Инж., была сдѣлана подписка перенести его въ Минералог. Общество. Лутугинъ, кажется,

спросилъ, почему не поставленъ на баллотировку Коноваловъ. Секретарь отвѣтилъ, что отъ него нѣтъ согласія. Лутугинъ заявилъ, что онъ имѣетъ на то согласіе Коновалова; но Предсѣдатель сказалъ: «сомнѣваюсь» и снялъ этотъ вопросъ съ очереди. Когда до меня дошелъ листъ съ баллотируемыми на этотъ разъ, я увидѣлъ, что предлагали баллотировать Залѣсскаго—извѣстнаго ботаника—и Сняткова. Залѣсскій былъ записанъ со всѣмъ титуломъ сверху, а Снятковъ вторымъ внизу. Я спросилъ, сидѣвшаго рядомъ Калицкаго: «кто это»? Калицкій отвѣтилъ, что это бывшій студ-тъ, теперь исключенный за обструкцію, а поэтому имѣющій право баллотироваться. Я считалъ, что въ члены можно баллотировать лицо, нравственность котораго вполнѣ опредѣлилась и безупречна. Г-на Сняткова я видѣлъ принимавшимъ самое дѣятельное участіе въ насиліи, т. е. въ обструкціи. Мнѣ сказали, что это пустяки. Я началъ спорить. Мнѣ сказали: «неужели Вы забаллотируете, если бы лицо было авторитетомъ минералогіи или геологіи?» Я отвѣтилъ: «если бы баллотируемое лицо было даже свѣтиломъ въ геологіи, сдѣлало бы какое-нибудь великое открытіе, но было бы не высокой нравственности, то и тогда я поставилъ бы ему минусъ».

Долбня. Даже великому?

Покровскій. Да, и великому! (Продолжаетъ). Со мной заспорили; я и говорю: а вотъ былъ у насъ Кишиневскій погромъ, Гомельскій процессъ. Если бы тамъ какой-нибудь естественникъ принималъ участіе, стали бы Вы его баллотировать? На это вначалѣ помолчали, а послѣ прибавили: «Да, если въ уставѣ нѣтъ, такъ чего-же? баллотировали бы». Въ заключеніе Снятковъ все же не былъ выбранъ; Залѣсскаго же выбрали единогласно. Въ концѣ засѣданія г. Калицкій обратился къ Предсѣдателю съ заявленіемъ: онъ предложилъ выразить порицаніе Коновалову и Горному Институту. Предсѣдатель не разрѣшилъ касаться этого вопроса, заявивъ, что къ дѣлу вопросъ не относится и разбирать его не будетъ. Калицкій настаивалъ. Тогда началъ говорить Родыгинъ. Большая часть членовъ отнеслась къ вопросу отрицательно и онъ былъ снятъ съ очереди и Карпинскій закрылъ засѣданіе. Не смотря на мои просьбы, никто никакихъ фактовъ не указывалъ, кромѣ случая съ Мушкетовымъ.

Предсѣдатель. А что касается конфликта указывались ли какіе-либо факты?

Покровскій. Единственный фактъ былъ такой: Мушкетовъ встрѣтилъ товарища, который въ товарищеской бесѣдѣ спросилъ его:

хочешь держать экзамены?—Хочу.—*Хочешь* составлю протекцію? Обратись туда-то и получишь билетъ. Этотъ фактъ приводился также и въ Об-вѣ Горн. Инженеровъ и объ этомъ я сейчасъ хочу сказать.

Предсѣдатель. Касается ли это дѣла?

Покровскій. Я это говорю, такъ какъ здѣсь ссылались, что это громкое дѣло проникло даже въ ученыя общества. Этого не было. Я хочу отмѣтить, что лица, поднимавшія этотъ вопросъ и въ Минер. Об-вѣ и въ Об-вѣ Горн. Инж., были однѣ и тѣ же. На собранія въ Об-вѣ Горн. Инж. мы получаемъ повѣстки съ указаніемъ темы. На этотъ разъ этого не было, и собранія собственно не было.

Предсѣдатель. Было частное совѣщаніе?

Покровскій. Да. И совѣщаніе ни къ чему не пришло. Свѣдѣнія давали невѣрныя. Кромѣ Курнакова никого изъ профессоровъ не было. Рѣшили, что вопросъ педагогическій и разсмотрѣнію въ Общ-вѣ не подлежитъ. Большинство только просило Курнакова, чтобы экзамены были и осенью. Резолюція Реутовскаго, которую здѣсь читалъ Родыгинъ, не была одобрена большинствомъ и была принята лишь впослѣдствіи, когда большая часть разошлась и остались лишь лица опредѣленной группы.

Предсѣдатель. Указывались ли какіе-нибудь факты и имена?

Покровскій. Ничего подобнаго не было. Я спрашивалъ о фактахъ. Мнѣ ничего не могли сказать, кромѣ случая съ Мушкетовымъ.

ПЕРЕРЫВЪ.

Послѣ второго перерыва.

Предсѣдатель. К. К. Арсеньевъ не могъ сегодня присутствовать. На его имя получены изъ Охраннаго Отдѣленія опечатанный портфель, найденный при убитомъ студ-тѣ Лури. Нужно будетъ его вскрыть и сдѣлать опись, что мы и сдѣлаемъ впослѣдствіи.

Алексѣевъ (Покровскому). Вы сказали, что спрашивая про Зунтуриди, двое студ-въ дѣлали какія-то добавленія. Какого содержанія были эти добавленія?

Покровскій. Исключительно бранныя.

Алексѣевъ. Что же студ-ты были сильно возбуждены, сильно негодовали по поводу поступка Зунтуриди?

Покровскій. Да, они очень возмущались.

Алексѣевъ. Нацваловъ не просилъ Васъ засвидѣтельствовать, что онъ неправильно записанъ, такъ какъ въ обструкціи не участвовалъ?

Покровскій. Помню, что онъ просилъ меня засвидѣтельствовать корректность его поведенія, но въ какихъ выраженіяхъ—точно не помню.

Алексѣевъ. Обращался къ Вамъ Нацваловъ именно въ день обструкціи?

Покровскій. Да, было и въ этотъ день; хорошо помню, что онъ обращался ко мнѣ два раза.

Алексѣевъ. Когда составлялся списокъ обструкціонистовъ—они ушли уже?

Покровскій. Обструкціонисты ушли.

Алексѣевъ. Слѣдовательно, обращаясь къ Вамъ съ просьбой засвидѣтельствовать его корректность, Нацваловъ самъ не могъ еще узнать, что онъ записанъ? А потомъ Вы видѣли, что Нацваловъ бесѣдовалъ пріятельски съ Бутми-де-Кацманомъ?

Покровскій. Да, я видѣлъ ихъ бесѣдующими самымъ миролюбивымъ образомъ.

Алексѣевъ. И послѣ бесѣды съ Бутми-де-Кацманомъ, Нацваловъ просилъ Васъ засвидѣтельствовать его корректность?

Покровскій. Да, онъ говорилъ мнѣ: «Пожалуйста засвидѣтельствуйте мою корректность».

Алексѣевъ. Это было въ присутствіи Бутми?

Покровскій. Въ той же комнатѣ находился и Бутми.

Алексѣевъ. Не бесѣдовали ли Вы съ Нацваловымъ по поводу Бутми?

Покровскій. Да,—это было въ канцеляріи. Въ это время появилась въ газетѣ «Русь» замѣтка. Тамъ было переврано. Я написалъ возраженіе и хотѣлъ, чтобы оно было помѣщено полностью безъ какихъ-либо измѣненій; для этого его нужно было засвидѣтельствовать въ канцеляріи. Тутъ былъ Нацваловъ. Заговорили о печати. Потомъ перешли на Бутми. Я спросилъ: «Вы вѣдь въ хорошихъ отношеніяхъ съ Бутми?» Нацваловъ говоритъ, что онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но что онъ замѣтилъ, что Бутми, самъ сторонится его. Я еще разъ спросилъ: «Вы вѣдь тогда пріятельски съ нимъ бесѣдовали. Какія же теперь у Васъ отношенія?» Нацваловъ отвѣтилъ: «Да, мы были пріятелями, да и теперь если Бутми и держитъ экзамены, то только потому, что Инст-тъ осточертѣлъ ему».

Предсѣдатель. Говорилъ ли Вамъ Нацваловъ, что ему было извѣстно о вопросѣ Бутми?

Покровскій. Я этого не выяснилъ.

Алексѣевъ. Вы изволили сказать, что сторожа явились не сразу и нѣкоторые были пьяны. Почему бы это?

Покровскій. Одинъ изъ сторожей мнѣ сказалъ на слѣдующій день, что его предупреждали: «будетъ молъ нехорошо, можетъ убивство будетъ», ну я и не пошелъ.

Алексѣевъ. Говорилъ Вамъ сторожъ, кто его предупреждалъ? Фамилію? «Свобод-щій» или «свободомыслящій»?

Покровскій. «Свободомыслящій».

Каминка. Что могло значитъ заявленіе объ убійствѣ?

Покровскій Что лучше не являться.

Леонтьевъ. Не былъ ли избитый сторожъ заподозрѣнъ въ доносахъ?

Покровскій. Не думаю. Онъ былъ раньше церковнымъ сторожемъ. Получилъ недавно повышеніе — переведенъ въ чертежную. Былъ человѣкъ новый.

Алексѣевъ. Въ Инст-тѣ вывѣшивались раньше объявленія безъ разрѣшенія инспектора?

Покровскій. Былъ такой обычай.

Алексѣевъ. Не были ли Вы свидѣтелемъ того; что одинъ изъ ушедшихъ профессоровъ сорвалъ студенческое объявленіе?

Покровскій. Былъ. Проходя по корридору, я видѣлъ, какъ Вл. Ив. Бауманъ прочиталъ объявленія, висѣвшія на двери аудиторіи, сорвалъ одно изъ нихъ и скомкалъ. Тутъ выскочили студ ты и вступили въ объясненія съ нимъ. Студ-ты ему сказали: «Вы не имѣете права срывать объявленія». Бауманъ отвѣтилъ: «я могу сорвать всякое объявленіе, на которомъ нѣтъ штемпеля инспекціи». Сту-ды возразили: «почему Вы срываете одни объявленія и оставляете другія, напр. отъ Орг. Комит.?» Бауманъ сказалъ: «я того не читалъ». Студ-тъ отвѣтилъ: «нѣтъ, я самъ видѣлъ, что Вы стояли и читали его». Мнѣ было непріятно быть свидѣтелемъ этихъ пререканій и я ушелъ.

Алексѣевъ. Итакъ одно объявленіе было сорвано, а содержаніе оставшихся Вамъ было извѣстно?

Покровскій. Осталось то, въ которомъ говорилось за забастовку.

Алексѣевъ. А какое было сорвано?

Покровскій. Въ которомъ говорилось противъ забастовки.

Алексѣевъ. Такъ что противъ забастовки было сорвано, а за забастовку осталось?

Предсѣдатель. Это, собственно, къ дѣлу не относится.

Бауманъ. Я долженъ объяснить это, разъ инцидентъ затронутъ. Въ 902 году образовалась партія «независимыхъ», желавшая держать экзамены. Ихъ объявленія я прочелъ и снялъ самъ, а по-

томъ пошелъ въ инспекцію и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы и другое сняли, потому что, давая однимъ право вывѣшивать объявленія, тѣмъ самымъ давали право и другимъ.

Каминка. Вы, какъ любитель фактовъ, спрашивали Нацвалова, извѣстно ли ему, что Бутми о немъ справлялся?

Покровскій. Я объ этомъ не спрашивалъ Нацвалова.

Каминка. Почему?

Покровскій. Разговоръ у насъ былъ случайный и я даже не счелъ нужнымъ на немъ останавливаться.

Каминка. Вопросъ Бутми произвелъ на Васъ впечатлѣніе желанія выгородить Нацвалова?

Покровскій. Или предупредить.

Каминка. Вы разсказываете, что все это произвело на Васъ большое впечатлѣніе, что Вы нѣсколько разъ къ этому факту возвращались?..

Покровскій. Да, я говорилъ нѣсколько разъ: два или три раза, и мнѣ было все равно, какъ относятся между собой Бутми и Нацваловъ, но мнѣ важно выяснить, велъ ли себя корректно Нацваловъ, который просилъ засвидѣтельствовать его поведеніе.

Каминка. Васъ не интересовало, велъ ли себя корректно Бутми?

Покровскій. Меня интересовало всегда корректное поведеніе каждаго студ-та, но поскольку это меня касалось.

Каминка. Васъ интересовало и Вы не задали вопросъ?

Покровскій. Кому не задалъ?

Каминка. Вы не спросили Бутми о смыслѣ его вопроса?

Покровскій. Мнѣ вопросъ Бутми казался желаніемъ выгородить Нацвалова; у меня было такое впечатлѣніе, и до суда я не зналъ, что его за этотъ вопросъ будутъ обвинять въ доносѣ.

Нацваловъ. Я хочу внести существенную поправку. 3-го апрѣля я пришелъ въ инст-тъ, чтобы получить отпускъ; объ обструкціи я не зналъ. Войдя, я встрѣтилъ сторожа со слезами на глазахъ. Онъ говорилъ: «помилуйте, чѣмъ мы виноваты?» Я спросилъ «въ чемъ дѣло?» Сторожъ отвѣтилъ: «да вотъ сторожа избили». И я возмутился и просилъ пока не называть фамиліи Зунтуриди, говоря, что студ-ты впослѣдствіи сами разберутъ и осудятъ... Встрѣтилъ тутъ Покровскаго и сказалъ ему: «вотъ безобразіе! Студ-ты сторожа избили»!.. Относительно Бутми: зналъ я Бутми давно. Я встрѣтился съ Бутми въ канцеляріи. Въ день обструкціи, смотритель музеума видѣлъ меня внизу. (Покровскому). Вы ясно помните, что я въ тотъ же день говорилъ относительно своего корректнаго поведенія?

Покровскій. Кажется да.

Нацваловъ. Тогда я Вамъ скажу, что этого и быть не могло, потому что рѣшеніе о нашемъ увольненіи состоялось вечеромъ.

Покровскій. Т. е. быть могло! Вы можете отрицать, но что могло—это фактъ.

Люстихъ. Сколько разъ вы говорили о Нацваловѣ?

Покровскій. Говорилъ два раза.

Люстихъ. Твердо ли Вы это помните?

Покровскій. Мнѣ представляется это ясно.

Нацваловъ. Относительно желанія Бутми, освободить меня изъ списка, ни онъ, ни Покровскій ничего мнѣ не говорили. О роли Бутми узналъ лишь впервые въ Судѣ. Дальше, о разговорѣ съ Бутми, тоже есть неправильность. Разговоръ нашъ былъ слѣдующій: Я пришелъ въ инст-тъ, Бутми подошелъ и спросилъ:—«Вы уволены?»—«Да!»—«За обструкцію?»—«Да, хотя и не былъ на ней; вотъ даже смотритель музея можетъ засвидѣтельствовать». Дальше дѣйствительно онъ вѣрно передаетъ: я просилъ его засвидѣтельствовать мое корректное поведеніе. Что же касается пріятельскихъ отношеній Бутми, то я со многими изъ «св-хъ» былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но какъ только узналъ о доносахъ съ ихъ стороны, немедленно прекратилъ съ ними знакомство...

Предсѣдатель проситъ Нацвалова не допускать оскорбительныхъ выраженій.

Покровскій. Что касается Вашей передачи разговора съ Бутми то противъ нея ничего не имѣю: можетъ быть она и вѣрна.

Нацваловъ. Что отвѣтилъ Бальди на вопросъ Бутми?

Покровскій. Кажется, записалъ.

Нацваловъ. А Бутми не реагировалъ на это?

Покровскій. Не помню; кажется, спросилъ и потомъ ушелъ.

Нацваловъ. Мнѣ очень интересно отмѣтить, что этотъ г-нъ говорилъ со мной и онъ же передалъ меня въ руки инспекціи.

Бауманъ. Былъ ли Коноваловъ предложенъ какъ кандидатъ на предшествовавшемъ засѣданіи Минералогическаго Общ-ва?

Покровскій. Не помню.

Бауманъ. Былъ предложенъ. Онъ стоялъ на повѣсткѣ.

Покровскій. На повѣсткѣ не значился.

Бауманъ. Да, но были отпечатаны бланки.

Покровскій. Я знаю, что Коноваловъ своего согласія не выражалъ.

Бауманъ. Вотъ г. Карпинскій остановилъ г. Калицкаго,—что это не

относится къ минералогіи, а вѣдь былъ же на прошломъ засѣданіи предложенъ адресъ относительно войны?

Покровскій. На предыдущемъ я кажется, не былъ.

Бауманъ. Тогда понятно, что Вы и о Коноваловѣ не знаете.

Зерновъ. Когда послѣ обструкціи Вы были въ инспекціи, Васъ не поразила гармонія студ-въ съ Инспекціей: тутъ же и списокъ составляется, тутъ же и студ-ты толпятся?

Покровскій. Студ-ты въ инспекціи всегда толпятся передъ барьеромъ, за которымъ стоятъ столики инспекціи.

Зерновъ. Но тутъ составлялись списки? Въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, это было бы невозможно, ибо инспекція имѣетъ отдѣльное помѣщеніе, гдѣ студенты рѣдко бываютъ?

Покровскій. Въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ она, быть можетъ, изолирована, а у насъ она прямо примыкаетъ къ корридору.

Зерновъ. А въ обычное время тамъ тоже бываютъ студ-ты?

Покровскій. Тоже самое.

Зерновъ. Тамъ курятъ что-ли?

Покровскій. Нѣтъ приходятъ за справками.

Зерновъ. Вообще инспекція имѣла какое-нибудь значеніе? Были ли у нея со студ-ми обостренныя отношенія?

Покровскій. У насъ инспекція имѣетъ отношеніе по учебной части и учебнымъ пособіямъ. Я никогда не видалъ обостренныхъ отношеній, напротивъ: всегда здоровались за руки, разговаривали. Идетъ помощникъ инспектора по корридору, съ нимъ нѣсколько студ-въ разговариваютъ:—словомъ отношенія были хорошія

Зерновъ. А вотъ 5-го апрѣля по Вашимъ словамъ, Бальди ходилъ и записывалъ?

Покровскій. Да, онъ смотрѣлъ въ окно и записывалъ.

Зерновъ. Это дѣлалось въ присутствіи студ-въ?

Покровскій. Нѣтъ—студ-въ здѣсь совсѣмъ не было.

Зерновъ. Вы говорили, что слышали фамилію Епифанова отъ сторожей, что же это было совѣщаніе сторожей?

Покровскій. Одинъ сторожъ просто въ разговорѣ со мной сказалъ, что видѣлъ Епифанова.

Зерновъ. А сторожа не говорили, что они сообщили свѣдѣнія?

Покровскій. Я съ ними объ этомъ не разговаривалъ.

Рейнвальдъ. Вы говорили, что «своб. д-щіе» не могли знать, что составляется списокъ?

Покровскій. Я ничего подобнаго не говорилъ. Говорилъ только, что студ-ты были страшно возбуждены; стояли разбившись на группы

и бесѣдовали; нѣкоторые громко ругали. Былъ вообще хаосъ; всѣ были точно сумасшедшіе.

Рейнвальдъ. Знали ли они вообще, что здѣсь подъ бокомъ составляется проскрипціонный списокъ?

Покровскій. Я за другихъ говорить не могу. Говорю только что они вели свой разговоръ... А Бальди занимался за своимъ столомъ: что-то писалъ,—можетъ быть рапортъ.

Рейнвальдъ. А на Васъ какое впечатлѣніе произвело это? Могли ли они все-таки знать?

Покровскій. Знали они это или нѣтъ — меня это даже мало интересовало: я самъ былъ тогда возбужденъ и могу только засвидѣтельствовать, что и студ-ты были возбуждены.

Рейнвальдъ. Но Бутми-де-Кацманъ зналъ же, если задалъ вопросъ?

Покровскій. Бутми меня объ этомъ не освѣдомлялъ. Можетъ быть онъ зналъ, а можетъ быть и не зналъ.

Рейнвальдъ. Картину обструкціи Вы нарисовали подробно. Не присутствовали ли Вы при разговорѣ Коновалова съ «своб.-д-щими» послѣ обструкціи?

Покровскій. Я не былъ при этомъ.

Рейнвальдъ. А при разговорѣ съ Коцовскимъ?

Покровскій. Самъ присутствовалъ.

Алексѣевъ. Покорнѣйше прошу Судъ обратить вниманіе, что въ день обструкціи присутствовали въ инст-тѣ кромѣ «своб.-д-щихъ» и другіе студ-ты—тѣхъ было даже больше.

Покровскій. Да, да. Тутъ были всякіе студенты.

Голоса. Пумпянскій, Васютинскій и другіе.

Долбня. Вы знакомы съ уставомъ Минералогическаго Общ—ва. Существуетъ ли въ немъ категорическое запрещеніе заниматься посторонними вопросами, вносить новые вопросы?

Покровскій. Тамъ сказано, что Минералогическое Об—во можетъ заниматься всѣми предметами, имѣющими отношеніе къ минералогіи и геологіи.

Долбня. Когда было сдѣлано заявленіе Калицкаго, то отрицательное отношеніе къ его предложенію было вызвано уставомъ или тѣмъ, что возбужденіе этого вопроса было непріятно начальству?

Покровскій. Нѣтъ, Предсѣдатель сказалъ, что 35 лѣтъ посѣщаетъ Об—во и другого толкованія устава, кромѣ приведеннаго имъ, не слыхалъ.

Гантѣевъ. Долго Вы были въ инспекціи, когда тамъ волновались студенты?

Покровскій. Что касается продолжительности моего пребыванія, точно опредѣлить не могу. Мнѣ казалось все это дѣломъ только минуты, а когда пришелъ домой, былъ уже часъ или два.

Гапѣевъ. Вы долго пробыли въ инспекціи? Вы только проходили мимо или останавливались въ инспекціи?

Покровскій. Я былъ довольно долго, но точно продолжительность не берусь установить.

Гапѣевъ. Вы говорили, что студ—ты были возмущены и ругали; какая была система ругани? Ругали всѣхъ или опредѣленныхъ лицъ?

Покровскій. Трудно разобраться въ томъ, кого и какъ ругали: всѣхъ ругали, и инспектора; и министра, и директора—всѣмъ попало.

Гапѣевъ. Слѣдовательно, фамиліи назывались и покрывались руганью?

Покровскій. Все говорилось громко. Вообще это было, какъ бы, собраніе сумасшедшихъ.

Гапѣевъ. Оставшіеся студ—ты изыскивали мѣры для спокойнаго проведенія экзаменовъ? Не можете ли Вы указать, какія мѣры назывались? Вы говорили объ обращеніи къ министру? Не было ли предложено другихъ мѣръ?

Покровскій. Не знаю; въ тотъ моментъ мнѣ это было мало интересно: не до того было.

Гапѣевъ. Относительно полиціи и охраны инст—та? Не было?

Покровскій. Ничего подобнаго не слышалъ, а относительно суда я вотъ слышалъ.

Гапѣевъ. Вы говорили, что студ—ты грозили сторожамъ «убивствомъ»? Почему утверждаете, что это былъ «свободомыслящій»?

Покровскій. Я говорилъ, что мнѣ разсказалъ сторожъ, котораго предупредилъ одинъ «свободомыслящій».

Гапѣевъ. Вы знаете фамилію?

Покровскій. Это—Рейнвальдъ.

Гапѣевъ. Какой это сторожъ говорилъ?

Покровскій. Алексѣй, сторожъ.

Рейнвальдъ. Онъ Вамъ категорически говорилъ, что это былъ я.

Покровскій. Онъ таинственно, тихо сообщилъ, что съ Вами говорилъ передъ обструкціей и Вы сказали ему, что лучше не приходить. Можетъ быть онъ и вретъ. Я лично значенія этому не придаю. Но этотъ сторожъ дѣйствительно не присутствовалъ въ день обструкціи.

Бокій. Вы въ апрѣлѣ и мартѣ исполняли должность смотрителя зданія?

Покровскій. Ни въ мартѣ, ни въ апрѣлѣ, а въ маѣ.

Бокій. Вы мнѣ выдавали имущество библіотеки?

Покровскій. Ко мнѣ пришелъ вахтеръ и сказалъ, что пріѣхали за вещами. Я спросилъ, есть ли разрѣшеніе отъ Коцовскаго. Онъ сказалъ, что разрѣшеніе было, что надо вещи отдать, и самъ тамъ находился. Возникло недоразумѣніе относительно одного шкафа.

Предсѣдатель. Значитъ, о разрѣшеніи Вамъ сообщилъ сторожъ?

Покровскій. Не сторожъ, а вахтеръ—лицо отвѣтственное. Хотѣли взять шкафъ, принадлежащій музеуму; я запротестовалъ. Бокій сказалъ, будто этотъ шкафъ подаренъ библіотечной коммиссіи Меллеромъ; но я сказалъ, что сдѣлать этого онъ не могъ, такъ какъ не имѣлъ на то права.

Бокій. Но доказательствъ того, что этотъ шкафъ принадлежитъ музеуму Вы не представили?

Покровскій. Не считалъ нужнымъ, такъ какъ отлично знаю, что шкафъ принадлежитъ музеуму.

Павловъ (къ Нацвалову). Съ Бутми въ тотъ же день 2-го апрѣля Вы видѣлись?

Нацваловъ. Нѣтъ.

Павловъ. Когда же Вы первый разъ его видѣли?

Нацваловъ. 4-го или 5-го апрѣля, когда я узналъ въ Охранномъ Отдѣленіи о моемъ исключеніи, тогда встрѣтилъ Бутми.

Грузенбергъ. Прошу Судъ отмѣтить, что Бутми-де-Кацманъ, узнавъ, что Нацваловъ записанъ, не реагировалъ.

Предсѣдатель вскрываетъ портфель Лури.

Грузенбергъ. Ходатайствуетъ: во первыхъ о передачѣ портфеля его наслѣдникамъ; во вторыхъ, изъ указанныхъ г. Останковичемъ 2 писемъ, одно мы уже слышали. Мы просили бы о выдачѣ второго письма. Мы просимъ судъ войти въ сношеніе съ Коноваловымъ по этому вопросу.

Алексѣевъ заявляетъ, что его довѣрители не желаютъ пользоваться случайными дефектами и со своей стороны ничего не имѣютъ противъ передачи портфеля.

Судъ уходитъ для совѣщанія.

Предсѣдатель. Разсмотрѣвъ заявленія сторонъ, Судъ рѣшилъ: относительно портфеля Лури, предоставить распорядиться К. К. Арсеньеву, которому онъ былъ присланъ. Что же касается до письма, то, хотя Судъ и не предполагаетъ пользоваться анонимными документами и не считаетъ ихъ важными, однако, въ виду заявленія

одной изъ сторонъ, онъ съ своей стороны войдетъ съ ходатайствомъ къ профессору Коновалову на этотъ счетъ.

Закрываетъ засѣданіе.

ПРОТОКОЛЪ.

II-го засѣданія Третейскаго Суда чести отъ 20 марта 1905 года. Отсутствовали г.г. Арсеньевъ и Павловъ. Предсѣдательствовалъ В. М. Гессенъ. Вызывается сотрудникъ газеты «Русь» Зенгеръ.

Предсѣдатель. Разскажите пожалуйста все, что Вамъ извѣстно.

Зенгеръ. У г. Коновалова я былъ всего одинъ разъ по слѣдующему поводу. Нѣкоторые студ-ты обратились въ «Русь» съ просьбой помѣстить письмо, опровергающее слухъ о посылкѣ японскому императору сочувственной телеграммы и о сборѣ на японскій флотъ студ-ми Горнаго Инст-та. Газеты въ тѣ поры были стѣснены печатаніемъ студенческихъ писемъ. По порученію А. А. Суворина ѣздилъ къ г. Коновалову узнать: на чемъ основаны эти слухи? Г. Коноваловъ сказалъ, что этого ничего не было, и напечатаніе такого письма въ видѣ опроверженія можетъ повести къ печальнымъ послѣдствіямъ. Тогда я заявилъ что письма печатать не будутъ и затѣмъ, уже послѣ этого разговора, спросилъ: чѣмъ объясняете Вы исторію въ Горномъ Инст-тѣ? Г. Коноваловъ объяснилъ все происходящее какимъ то эпидемическимъ умопомѣшательствомъ. Событія, по его словамъ, такъ сильно вліяютъ на молодыя, горячія головы, что уже пришлось отправить въ больницу умалишенныхъ 6—7 человѣкъ студ-въ.

Предсѣдатель. Онъ Вамъ не объяснилъ, въ чемъ заключается опасность для студ-въ въ опубликованіи этого письма?

Зенгеръ. Онъ говорилъ, что напечатаніе повлечетъ за собой судебное разслѣдованіе, и тогда онъ, Коноваловъ, принужденъ будетъ уволить нѣсколько человѣкъ.

Предсѣдатель. Уволить? По какой причинѣ?

Зенгеръ. Я въ детали не вдавался, такъ какъ считалъ разговоръ съ г. Коноваловымъ для себя непріятнымъ.

Лесгафтъ. Но онъ не говорилъ, что слухи имѣютъ основаніе?

Зенгеръ. Да, сказалъ: какъ ни печально, но для слуха есть основаніе?

Лесгафтъ. Но фамиліи участниковъ не называлъ?

Зенгеръ. Нѣтъ, фамилій не называлъ.

Ганьевъ. Не говорилъ ли Вамъ Коноваловъ, что онъ не называетъ фамилій, щадя молодыя жизни?

Зенгеръ. Да, что то въ этомъ родѣ было; во всякомъ случаѣ смыслъ такой былъ.

Каминка. А сколько Коноваловымъ было названо случаевъ заболѣванія?

Зенгеръ. 6 или 7.

Предсѣдатель. Вопросовъ больше свидѣтелю не имѣется? (Вызываетъ Рейнвальда).

Рейнвальдъ. Я выступаю, какъ свидѣтель со стороны студ-въ.

Предсѣдатель. Какъ сторона?

Рейнвальдъ. Нѣтъ, какъ свидѣтель. На первомъ засѣданіи этотъ вопросъ разсматривался и былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что мы можемъ выступать и въ качествѣ свидѣтелей, и въ качествѣ стороны.

Каминка. Подтверждаю. Судъ удаляется для освѣщенія.

Предсѣдатель. (Рейнвальду) Пожалуйста.

Рейнвальдъ. Я буду давать показанія относительно фактической стороны дѣла. Начну съ Лебедевскаго инцидента. Начало инцидента таково. Исполняющій должность директора Г. Г. Лебедевъ вывѣсилъ объявленіе въ буфетѣ о томъ, что запрещается вывѣшивать объявленія безъ штемпеля инспекціи и что виноватые въ этомъ будутъ подвергаться различнымъ карамъ, отъ выговора Совѣта до увольненія включительно. Какъ разъ въ этотъ день была назначена сходка--не по этому вопросу, но попутно затронули и этотъ. Послали къ Лебедеву трехъ депутатовъ: Бокія, Яньковскаго и Гусарскаго. Вернувшись, депутаты заявили, что Лебедевъ отказался снять свое объявленіе. Сходка рѣшила сейчасъ этого вопроса не обсуждать, а сначала покончить съ очередными вопросами. Минутъ черезъ пять явился на сходку профессоръ И. П. Долбня и заявилъ: что Совѣтъ собранъ на экстренное засѣданіе и просилъ придти туда тѣхъ трехъ молодыхъ людей, которые были у Г. Г. Лебедева. Совѣтъ всегда былъ солидаренъ съ Г. Г. Лебедевымъ и потому принимаетъ очень близко къ сердцу весь этотъ инцидентъ. Съ проф. Долбней былъ и проф. Бауманъ. Студ-ты просили дать имъ пять минутъ на размышленіе. Когда пр-ора Долбня и Бауманъ ушли, сходка высказалась, что желательно закрѣпить такой способъ сношеній съ Совѣтомъ и въ случаѣ важныхъ вопросовъ входить въ Совѣтъ, устраивая совмѣстное совѣщаніе. Кромѣ прежнихъ трехъ депутатовъ были посланы еще Панфиловъ и я. Когда мы явились,

проф. Долбня высказалъ, какъ, передавая свой разговоръ съ депутатами, Георгій Глѣбовичъ заявилъ, что депутаты говорили съ нимъ очень грубо, требовали снятія объявленія и указывали даже на то, что въ противномъ случаѣ заставятъ его выйти въ отставку. Тогда одинъ изъ депутатовъ—Яньковскій—сказалъ: „намъ очень грустно, Георгій Глѣбовичъ, что Вы насъ такъ поняли. Объ отставкѣ говорили только Вы. Вы сказали: я не мальчикъ, разъ я что — нибудь сдѣлалъ, то, конечно, предварительно обдумалъ, а потому снятіе объявленія равносильно выходу моему въ отставку". Георгій Глѣбовичъ долженъ былъ согласиться тогда, что депутаты разговаривали съ нимъ деликатно. Проф. Долбня спросилъ, чего хотятъ студ-ты. Депутаты сказали, что студ-ты вообще считаютъ хозяиномъ инст-та его администрацію, но относительно столовой и буфета у нихъ установились свои традиціи и они желаютъ, что бы инспекція туда не вмѣшивалась. Проф. Долбня отвѣтилъ, что Совѣтъ не «имѣетъ ни малѣйшаго аппетита» вмѣшиваться въ студенческія дѣла и ничего не имѣетъ противъ сохраненія стараго порядка. Затѣмъ проф. Долбня спросилъ, обращаясь къ членамъ Совѣта: никто не имѣетъ ничего противъ такого отвѣта? Никто не возразилъ; нѣкоторые подтвердили, что согласны, и инцидентъ былъ исчерпанъ. Тогда студ-ты обратились съ просьбой, чтобы передъ засѣданіями Совѣта относительно студенческихъ учрежденій созывались бы совѣщанія съ участіемъ студ-овъ для совмѣстнаго рѣшенія вопросовъ. Совѣщаніе этого не обѣщало, но рѣшили поднять вопросъ на ближайшемъ Совѣтѣ. Депутаты ушли и инцидентъ считался исчерпаннымъ, тѣмъ болѣе, что г. Лебедевъ согласился перевѣсить свое объявленіе изъ курилки въ конецъ корридора, гдѣ у насъ обыкновенно вывѣшиваются оффиціальныя объявленія. Теперь относительно 2-го совѣщанія.

Зерновъ. Когда оно было?

Рейнвальдъ. Дня черезъ три—четыре; студ-ты выбрали на сходкѣ коммиссію изъ 12 человѣкъ; въ составъ ея вошли 4 представителя отъ коммиссій и 8 выбраныхъ студ-въ. Выборы были очень тщательные. Въ виду того, что профессора расходятся со студ-ми въ пониманіи нѣкоторыхъ вопросовъ, эта коммиссія была уполномочена ознакомить Совѣтъ съ автономіей студенческой жизни. Коммиссія засѣдала нѣсколько разъ и выработала, такъ сказать, конституцію, которую и представила професорамъ на второмъ засѣданіи: по административнымъ вопросамъ студ-ты признаютъ компетенцію Совѣта, инспекція является его исполнительнымъ органомъ. Что

касается внутреней жизни, то въ ней студ-ты вполнѣ самостоятельны и сносятся съ Совѣтомъ въ вопросахъ, которыя затрагиваютъ сферу его дѣятельности. Высшей инстанціей при рѣшеніи всѣхъ вообще вопросовъ является сходка. Внутренней жизнью студенчества вѣдаютъ 4 коммиссіи: фондовая, столовая, издательская и библіотечная. Коммиссіи—вполнѣ самостоятельны. Фондъ завѣдуетъ раздачей денегъ, которыя достаются всѣми возможными средствами. Съ Совѣтомъ сносятся черезъ депутатовъ отъ сходки или, если по хозяйственнымъ вопросамъ, черезъ членовъ коммиссій. Выражалось желаніе, чтобы Совѣтъ прежде чѣмъ принимать какія нибудь мѣры, во избѣжаніе конфликта, предлагалъ имъ, студ-мъ на обсужденіе... На второмъ совѣщаніи только этотъ вопросъ и обсуждался; ни о Коноваловѣ, ни о какихъ гарантіяхъ не говорилось на немъ.

Зерновъ. А какъ это совѣщаніе устроилось? Студ-ты просили профессоровъ?

Рейнвальдъ. На первомъ совѣщаніи назначили день второго, но такъ какъ ст-ты не могли быть въ этотъ день, то перемѣнили день совѣщанія. На совѣщаніи присутствовали: Профессора И. П. Долбня, Л. И. Лутугинъ, В. И. Бауманъ, В. В. Никитинъ, К. И. Богдановичъ и 12 студ-въ. Здѣсь разбирали „Конституцію“, но никакихъ гарантій не давалось. Больше по этому поводу ничего не могу сказать.

Зерновъ. Вы говорите что на 1-мъ совѣщаніи было назначено 2-е; всѣ ли бывшіе на немъ профессора это слышали?

Рейнвальдъ. Да, всѣ слышали.

Зерновъ. Было ли какое нибудь соглашеніе на второмъ совѣщаніи?

Рейнвальдъ. Нѣтъ, на второмъ совѣщаніи мы желали только ознакомить Совѣтъ со своими положеніями. На нашу просьбу о созывѣ экстренныхъ совмѣстныхъ засѣданій Совѣта въ случаяхъ надобности, намъ отвѣтили, что оформить этого нельзя, но что фактически это всегда возможно; ибо три профессора имѣютъ право требовать созыва совѣщанія.

Люстихъ. На этомъ совѣщаніи было утверждено?

Рейнвальдъ. Нѣтъ, не было.

Люстихъ. Такъ что это осталось въ видѣ проекта?

Рейнвальдъ. Вотъ именно, только было принято къ свѣдѣнію.

Люстихъ. Закрѣплять этого не предполагалось утвержденіемъ въ Совѣтѣ?

Рейнвальдъ. Официальнаго утвержденія не добивались, но хотѣли познакомить Совѣтъ.

Люстихъ. Не было желанія закрѣпить такъ, чтобы потомъ не могло быть никакихъ разногласій, напр.: черезъ министра?

Рейнвальдъ. Т. е. офиціально закрѣпить? Нѣтъ, тутъ о министрѣ и разговора не было.

Люстихъ. Такъ что это даже и въ Совѣтѣ не было? И Вы только прочли этимъ пяти профессорамъ?

Рейнвальдъ Да, только пяти професорамъ.

Зерновъ. На второмъ совѣщаніи Вы доложили только Вашу записку? Постановленій не было?

Рейнвальдъ. Да, только прочитали—намъ было интересно ихъ познакомить.

Предсѣдатель. Прошу Васъ продолжать.

Рейнвальдъ. Въ январѣ вступилъ въ должность директора г. Коноваловъ. Въ первое же время вступленія, онъ пожелалъ ознакомиться со студенческими учрежденіями, вызвалъ къ себѣ цѣликомъ столовую коммиссію, бесѣдовалъ съ представителями фондовой и библіотичной. Какъ я уже сказалъ, я былъ предсѣдателемъ фонда и потому коснусь только разговора о немъ. Самое характерное, что я замѣтилъ, это было желаніе Коновалова наложить на фондъ руку, подчинить его своему контролю или контролю кураторовъ; заставить печатать отчеты и т. п. Фондъ разошелся съ Коноваловымъ во взглядахъ. Но фактически Коноваловъ все же никакихъ мѣръ не предпринималъ. До Коновалова у фонда была такая система при раздачѣ пособій, единственнымъ руководящимъ мотивомъ служила степень нужды; успѣшность студ-та и курсъ во вниманіе не принимались. За послѣднее время фондъ обратилъ также вниманіе на нераціональное распредѣленіе казенныхъ пособій: при распредѣленіи ихъ критеріемъ являлось только полицейское свидѣтельство о бѣдности, такъ что фактически контроля, собственно говоря, вовсе не было и пособія получались людьми обезпеченными. У фонда явилась мысль вліять на распредѣленіе этихъ пособій, тѣмъ болѣе что доходъ съ вечеровъ значительно понизился. Директоръ I. И. Лагузенъ отнесся къ этому проекту сочувственно и согласился при распредѣленіи пособій справляться со свѣдѣніями, доставленными фондомъ. Какъ собирались эти свѣдѣнія, долго разсказывать. Но установился такой порядокъ: студ-тъ долженъ былъ подать одновременно прошеніе въ канцелярію и мотивированное заявленіе въ фондъ, и фондъ давалъ свѣдѣнія начальству. Сразу уменьшилось число злоупотребленій и прекратились шаблонныя распредѣленія пособій.

Зерновъ. Это было задолго до Коновалова?

Рейнвальдъ. За три года до Коновалова.

Лесгафтъ. Это было при директорѣ Лагузенѣ?

Рейнвальдъ. Да. Мы вошли съ нимъ въ соглашеніе, чтобы онъ ежемѣсячно давалъ 200 руб., которые бы расходовались фондомъ. Коноваловъ вступилъ въ январѣ и въ томъ году пособій было распредѣлено вмѣсто 3000 всего около тысячи, поэтому разсчеты недостаточныхъ студ-въ не оправдались, благодаря чему въ январѣ нужда стала острѣе.

Печковскій. А вы не знаете причины этого?

Рейнвальдъ. Исполнявшій должность директора Г. Г. Лебедевъ не успѣлъ достаточно ознакомиться съ техникой дѣла и немного перерасходовалъ. Когда Коновалову фондъ представилъ списки кандидатовъ на пособіе и просилъ выдать 400 руб. на январь, Коноваловъ сказалъ, что противъ помощи ничего не имѣетъ и согласенъ выдать по списку фонда, что вообще хотѣлъ бы всѣмъ помочь, но можетъ дать только 200 руб., а не 400: а потому надо сократить списокъ и, оставивъ размѣръ пособій, выдать тѣмъ, кто болѣе успѣваетъ въ наукахъ. При этомъ онъ заявилъ, что и впредь будетъ обращать вниманіе на степень преуспѣванія въ наукахъ студента мотивомъ онъ приводилъ что инст-тъ не благотворительное учрежденіе, и нужно поддерживать работниковъ; если же вслѣдствіе нужды пришлось бы уйти кому-нибудь изъ неуспѣвающихъ, то это, хотя и жестокій, но необходимый законъ. Представители другихъ коммисій также замѣтили ограничительныя тенденціи г. Коновалова, вслѣдствіе чего студенты стали относиться къ нему осторожнѣе. Послѣ этого происходилъ цѣлый рядъ разговоровъ въ коммисіи, но эти разговоры были прерваны «японскими» сходками. Собралась сходка по поводу вторженія пом. ин-ора Бальди въ Санитарный кружокъ. Когда депутаты ходили по этому поводу къ Коновалову, онъ сказалъ покойному Лури, что завтра въ инст-тѣ будетъ молебенъ о ниспосланіи побѣды русскому оружію и просилъ передать сходкѣ, что онъ надѣется, что студ-ты придутъ. Когда Лури передалъ это сходкѣ, то Яньковскій тоже выразилъ надежду, что студ-ты вѣроятно придутъ выразить свое сочувстіе правительству въ его настоящемъ положеніи. Кто то замѣтилъ на это, что у него на это другой взглядъ. Сходка была незначительная, около 140 чел. Поднялись пренія, и въ результатѣ вынесена резолюція*, порицавшая студ-въ манифестантовъ (передъ Зимнимъ Дворцомъ). Эта резолюція была вывѣшена въ буфетѣ съ указаніемъ, сколько голосовъ было за и противъ. Тогда образовалась група патріотовъ, которая выпустила бюлле-

тень, въ несдержанныхъ выраженіяхъ порицавшій эту резолюцію, и разослала приглашеніе всему инст-ту на слѣдующую сходку, срокъ которой былъ объявленъ предсѣдателемъ еще на предыдущей. Сходка эта была очень длинная, и не только своей резолюціей* подтвердила резолюцію первой, но еще болѣе опредѣленно высказала свое отношеніе къ политикѣ правительства. Послѣ этого часть студ-въ ушла со сходки, вынесла свою особую резолюцію** и вывѣсила ее подъ резолюціею общей сходки въ буфетѣ.

Зерновъ. Не помните, сколько человѣкъ было на этой сходкѣ?

Рейнвальдъ. За 300 человѣкъ.

Предсѣдатель. А какое было большинство?

Рейнвальдъ. Большинства—не помню. Этотъ инцидентъ, отдѣленія особой группы, характеренъ тѣмъ, что лица, вошедшія въ эту группу большинство «свобод-щіе».

Печковскій. Вамъ извѣстенъ составъ группы «патріотовъ»?

Рейнвальдъ. Послѣ японскихъ сходокъ былъ объявленъ сборъ на русскій флотъ. Тамъ подписалось человѣкъ 60, это и было *ядро* группы. Послѣ японскихъ сходокъ все было тихо до 3-го марта, когда произошелъ инцидентъ съ портретомъ Бебеля.

Печковскій. Вы не помните точно, въ какихъ выраженіяхъ было сдѣлано возраженіе на постановленіе японской сходки?

Рейнвальдъ. У насъ есть бюллетенъ. (См. показаніе Гапѣева).

Гапѣевъ. Когда я буду давать свидѣтельскія показанія, я опубликую всѣ постановленія сходки, бюллетени и выясню зарожденіе группы «своб. д-щихъ».

Рейнвальдъ. 3-го марта произошелъ инцидентъ съ портретомъ Бебеля. 5-го марта по этому поводу собралась сходка, вынесшая такую резолюцію: «Студ-ты Горн. Инст-та на сходкѣ 5-го марта, выслушавъ и обсудивъ инцидентъ, имѣвшій мѣсто 3-го марта между директоромъ Инст-та, г. Коноваловымъ, и представителемъ столовой коммисіи студ-мъ Бокіемъ постановили: видя въ этомъ инцидентѣ нетактичное отношеніе г. Коновалова къ инспектору, въ вѣдѣніи котораго находится надзоръ за буфетомъ, студ-ты кромѣ того констатируютъ полное невниманіе г. директора къ договору, существующему между Совѣтомъ и студ-ми, касательно невмѣшательства членовъ инспекціи въ курилку, предоставленную этимъ договоромъ въ полное распоряженіе студ-въ. Объясняя себѣ такое отношеніе г. директора его неосвѣдомленностью относительно упомянутаго договора, студ-ты надѣются, что подобное нарушеніе, санкціонированныхъ Со-

*) Примѣчаніе: Редакція всѣхъ вышеупомянутыхъ резолюцій приложена къ показаніямъ А. А. Гапѣева въ 12 протоколѣ.

вѣтомъ студенческихъ привиллегій, могущее породить весьма нежелательный острый конфликтъ между студентами и дирекціей, впредь мѣста имѣть не будетъ».

Съ этой резолюціей депутаты были уполномочены идти къ директору, чтобы узнать его мнѣніе, взгляды и отношеніе. Депутатами были я и Яньковскій. Мы застали у директора г.г. Коцовскаго и Бальзи. Онъ началъ читать вполголоса резолюцію. Дойдя до слова «нетактичное отношеніе», онъ вскочилъ, разорвалъ ее и сказалъ: «уходите вонъ!» На насъ это подѣйствовало ошеломляющимъ образомъ и мы не знали, что дѣлать. Тогда онъ крикнулъ еще разъ: «идите вонъ!» Мы ушли. Собрали новую сходку, на которой были многіе, неприсутствовавшіе на первой. Депутаты разсказали объ этомъ пріемѣ. Сходка постановила: «Студ-ты Горн. Инст-та, глубоко возмущенные непорядочнымъ поступкомъ г. Коновалова по отношенію къ ихъ депутатамъ, заявляютъ членамъ Совѣта, что они болѣе не считаются съ Коноваловымъ, какъ съ членомъ Совѣта и его Предсѣдателемъ, и предлагаютъ профессорамъ присоединиться къ этому постановленію». Здѣсь же на сходкѣ были выбраны депутаты ко всѣмъ членамъ Совѣта, чтобы ознакомить ихъ съ резолюціей. 6-го марта депутаты собрались и начали сводить въ одно цѣлое отдѣльныя мнѣнія профессоровъ. Въ это время вошелъ одинъ студ-тъ и передалъ намъ приглашеніе къ Коновалову. Насъ это приглашеніе поставило въ затрудненіе, такъ какъ постановленіе студ-въ гласило, что сношенія съ директоромъ прерываются. Но понимая, какое значеніе имѣетъ для студ-въ все это дѣло, мы рѣшили дать возможность директору извиниться, если онъ искренно того желаетъ. Хотя часть депутатовъ говорила, что идти не слѣдуетъ, но въ концѣ концовъ мы рѣшили взять дѣло на личную отвѣтственность и пошли. У Коновалова мы застали пр-въ: Коцовскаго, Долбню, Богдановича, Митинскаго и Никитина. Коноваловъ пошелъ къ намъ навстрѣчу и сказалъ: «я очень радъ, что Вы не отказались придти; свой поступокъ я считаю грубымъ и передъ Вами лично я готовъ принести какія угодно извиненія». Затѣмъ онъ намъ сказалъ нѣсколько комплиментовъ. Мы отвѣтили, что не думаемъ, чтобы оскорбленіе относилось лично къ намъ, но что его поступокъ оскорбилъ сходку. Коноваловъ сказалъ, что это онъ понимаетъ, но извиниться въ такихъ же теплыхъ выраженіяхъ передъ сходкой не можетъ. Мы предложили передать сходкѣ то, что онъ желалъ бы передать ей. Тогда Коноваловъ сказалъ: «я желаю выразить передъ сходкой свое глубокое сожалѣніе въ формѣ парламентскаго извиненія, но только въ томъ случаѣ, если сходка извинится за свою резолюцію». Затѣмъ онъ

спросилъ насъ, какъ отнесется сходка къ такой формѣ извиненія? Мы сказали, что можемъ выразить только наше личное мнѣніе, такъ какъ не уполномочены сходкой для переговоровъ съ нимъ. Мнѣніе же наше таково: цѣль сходки была самая мирная; студ-ты не послали бы этой резолюціи директору, если бы находили ее оскорбительной, и мы не думаемъ, чтобы сходка стала извиняться за свое постановленіе. Тогда Коноваловъ началъ разсказывать инцидентъ съ Бебелемъ: „когда я подошелъ къ буфету и увидалъ его запертымъ, я очень удивился, что я, хозяинъ инст-та, не могу войти въ одно изъ его помѣщеній. Войдя въ буфетъ, я сначала ни на что не обращалъ вниманія, но увидя портретъ нѣмецкаго соціалиста, очень вѣжливо попросилъ, сопровождавшаго меня студ-та снять его; тотъ отказался. Тогда я обратился съ тѣмъ же къ служителю, принимая его за институтскаго; согласитесь, странно, онъ отказался! Послѣ этого я позвалъ сторожа и тотъ по моему приказанію снялъ портретъ". Здѣсь присутствовали всѣ 3 свидѣтеля инцидента: Митинскій, Коцовскій и Никитинъ. Коноваловъ обратился къ нимъ: „надѣюсь, я вполнѣ точно все передаю?» В. В. Никитинъ возразилъ, что здѣсь есть существенная неточность. Мы съ своей стороны сказали, что намъ на сходкѣ инцидентъ передавали иначе; намъ Бокій говорилъ, что Вы къ нему не обращались. И. П. Долбня это подтвердилъ. За разрѣшеніемъ обратились къ В. В. Никитину, Митинскому, и Коцовскому. Никитинъ и Коцовскій подтвердили. Митинскій сказалъ: я не помню. Тогда Коноваловъ сказалъ: «я право не помню; но если это такъ, то я, дѣйствительно, сдѣлалъ безтактность». И на нашъ вопросъ: «что же окончательно передать теперь сходкѣ», Коноваловъ сказалъ: «передайте студенчеству, что я готовъ выразить свое сожалѣніе въ формѣ парламентскаго извиненія». Съ этимъ мы и ушли. 8-го была сходка. Студ—ты выслушали заявленіе и послѣ долгихъ и горячихъ преній рѣшено было принять извиненіе г. Коновалова. Принятую резолюцію рѣшили послать черезъ инспектора: «Принимая во вниманіе весь инцидентъ съ депутатами, студ-ты Горн. Инст—та согласны, подъ условіемъ непремѣннаго обѣщанія неприкосновенности учрежденій и традицій Горнаго студенчества, принять отъ г-на директора глубокое сожалѣніе въ смыслѣ парламентскаго извиненія» Коноваловъ черезъ Коцовскаго выразилъ желаніе объясниться лично со студ-ми. Депутатами были: я, Яньковскій, Панфиловъ, Тихоновъ, Егуновъ. Коноваловъ началъ говорить сразу о второй части резолюціи, что при всемъ своемъ желаніи онъ не можетъ гарантировать неприкосновен-

ность студенческихъ учрежденій, ибо это зависитъ отъ Совѣта, и обѣщалъ, что помимо Совѣта онъ ничего проводить не будетъ. Депутаты попросили его подтвердить передъ ними, какъ передъ офиціальными представителями то, что онъ говорилъ Рейнвальду и Яньковскому, какъ частнымъ лицамъ. Коноваловъ на это отвѣтилъ, что онъ готовъ выразить извиненіе за свой поступокъ, но что прежде онъ долженъ услышать извиненіе отъ сходки за присланную ему резолюцію. Тутъ Яньковскій ему напомнилъ, что прошлый разъ разбирались три возможныя формы извиненія: 1) передъ ними, какъ предъ частными лицами, 2) взаимное извиненіе и наконецъ 3) извиненіе съ его стороны. Коноваловъ сталъ припоминать и затѣмъ согласился, что онъ, дѣйствительно, пропустилъ это въ окончательной формулировкѣ, забывъ повторить, но что онъ подразумѣвалъ возможность своего извиненія лишь при условіи извиненія со стороны студ-въ. Тогда депутаты, чтобы оградить себя отъ возможности повторенія подобной забывчивости, просили резюмировать и записать то, что они должны передать сходкѣ, говоря, что сходкѣ его желаніе, было представлено въ другомъ видѣ безъ этой оговорки. Коноваловъ продиктовалъ: «Вамъ двоимъ выражаю глубокое сожалѣніе и уполномочиваю передать это товарищамъ. Лицамъ, пославшимъ этихъ двухъ, также готовъ выразить глубокое сожалѣніе (въ томъ случаѣ, если они съ своей стороны также выразятъ мнѣ сожалѣніе за содержаніе своей резолюціи). Слова, поставленныя въ скобки, пропущены при окончательной формулировкѣ случайно». Когда депутаты вернулись на сходку, послѣдняя была поражена и рѣшила назначить спеціальную полномочную сходку для обсужденія этого вопроса. Мы съ Яньковскимъ, оказавшись какъ бы виновными въ искаженіи словъ Коновалова, обратились за разъясненіями къ профессорамъ. Профессора Никитинъ и Богдановичъ подтвердили наше изложеніе. И. П. Долбня сказалъ, что онъ ушелъ раньше, а инс-ръ Коцовскій и проф. Митинскій сказали, что они не помнятъ. 12-го марта была сходка, которая большинствомъ всѣхъ противъ одного постановила не извиняться передъ Коноваловымъ. Большинствомъ всѣхъ противъ 18-ти, былъ рѣшенъ протестъ. Потомъ большинствомъ 235, противъ 77, была принята забастовка. Было постановлено сдѣлать доборъ голосовъ по Ист-ту—результаты баллотировки были представлены на сходку 15-го марта. Изъ 621 студента—наличное число студ-въ въ Инст-тѣ —за забастовку высказалось--303; нейтральныхъ—18; противъ—106 и неопрошенныхъ—96, итого 220; «своб. д-щихъ»—98.

Предсѣдатель. Когда выдѣлились «своб. д-щіе»?

Рейнвальдъ. На первой сходкѣ.

Зерновъ. Сколько было противъ забастовки?

Рейнвальдъ. 77 человѣкъ.

Люстихъ. «Своб. д-щіе» въ томъ числѣ?

Рейнвальдъ. 62 изъ 77.

Предсѣдатель. На второй сходкѣ значитъ 106 высказалось противъ забастовки съ подчиненіемъ большинству, а 98 противъ—безъ подчиненія?

Рейнвальдъ. Да.

Зерновъ. Кого Вы называете нейтральными?

Рейнвальдъ. Они не подаютъ голоса ни за, ни противъ, но соглашаются подчиниться большинству.

Предсѣдатель. Отчего 98 человѣкъ не было опрошено?

Рейнвальдъ. Ихъ не успѣли опросить. Общее число студ-въ за исключеніемъ тѣхъ, кто сидѣлъ въ тюрьмѣ, отсутствовали изъ Петербуга и т. п., было 621. Эти справки были взяты изъ инспекціи студ-мъ Лемпертомъ. Нейтральные были исключены изъ общаго числа и такимъ образомъ выходило, что большинство—302. За забастовку высказалось 303—да прибавить тѣхъ, кто могъ присоединиться къ нимъ изъ 96 неопрошенныхъ. Слѣдовательно, большинство было и забастовка прошла; но все же желали опросить неопрошенныхъ, чтобы окончательно покончить съ цифрами. Забастовку предполагалось объявить на слѣдующей сходкѣ, но на слѣдующій день Институтъ былъ уже закрытъ директоромъ.

ПЕРЕРЫВЪ.

Рейнвальдъ. 16-го марта Инст-тъ былъ закрытъ. 19-го марта студ-ты узнали, что 6 профессоровъ ушли. Ничего активнаго по этому поводу не было предпринято, такъ какъ всѣ сношенія ограничивались лишь частными разговорами. Въ вышедшихъ затѣмъ бюллетеняхъ О. К. Г. И. предлагалось отказываться держать экзамены. По закрытіи Инст-та администрація старалась привлечь студ-въ къ держанію экзаменовъ и узнать о вѣроятномъ исходѣ нѣкоторыхъ мѣръ; такъ напр. Коцовскій вызывалъ повѣстками нѣкоторыхъ лицъ, близко стоящихъ къ организаціи забастовокъ. Такъ были вызваны пять студ-въ: я, Новосильцевъ, Егуновъ, Бокій и Панфиловъ.

Предсѣдатель. Это послѣ закрытія Инст-та?

Рейнвальдъ. Да. Онъ сказалъ, что проситъ насъ, какъ близко

стоящихъ къ организаціи забастовокъ, высказаться относительно мѣръ, которыя они хотятъ предложить. Онъ указалъ, что Совѣтъ имѣетъ двѣ мѣры: опросные листки и курсовыя совѣщанія. Тема опросныхъ листковъ: выяснить, кто желаетъ держать экзамены. (Читаетъ опросный листокъ и передаетъ его Суду) *.

Печковскій. Это — предполагаемая форма опроснаго листка или разосланная?

Рейнвальдъ. Разосланная. Коцовскій прибавилъ, что срокъ отвѣта будетъ обозначенъ.

Печковскій. Каковъ былъ этотъ срокъ?

Рейнвальдъ. Не помню; кажется до 22-го марта. Мы сказали, что по нашему мнѣнію, опросные листки ни къ чему, а частныя курсовыя сходки лишни. Вопросъ этотъ—общій, единственная возможная мѣра—это общая сходка. Быть можетъ на ней нѣкоторые изъ забастовщиковъ перейдутъ на сторону противниковъ; но какимъ образомъ дѣло повернется, мы сказать не можемъ. Коцовскій замѣтилъ, что директоръ категорически высказался противъ общей сходки. Вечеромъ въ тотъ же день было засѣданіе Совѣта, на которомъ одинъ ст-тъ 5 курса не былъ допущенъ до экзамена: это былъ—я.

Печковскій. Постановленіемъ Совѣта Вы были не допущены—до разсылки опросныхъ листковъ?

Рейнвальдъ. Да. Причина этого одинъ грѣшокъ, чисто педагогическій. Нѣкоторые студ-ты думали, что недопущеніе меня было въ связи съ моимъ участіемъ во всѣхъ перипетіяхъ весенней исторіи. Чтобы не было сомнѣнія, я тогда же пошелъ узнать, почему недопущенъ. Оказалось, что хотя вообще успѣхи 5 курса были низки, но я одинъ не успѣлъ взять заданія на проектъ по Горн-Искусству. Коцовскій объяснилъ, что Совѣтъ былъ смущенъ и удивленъ, что я не взялъ заданія по проекту, но что ежели я подамъ прошеніе съ просьбой разрѣшить мнѣ взять теперь заданіе и подать проектъ осенью, то при такомъ условіи могъ бы быть допущенъ до экзамена. И онъ, какъ профессоръ по Горн. Искус., поддержалъ бы мое прошеніе.

Люстихъ. Значитъ, чтобы Вы были допущены, достаточно Вамъ было взять заданіе, хотя бы Вы его и не выполнили?

Рейнвальдъ. Да.

Лесгафтъ. Вы единственный изъ студ-въ 5 курса не были допущены до экзамена?

Рейнвальдъ. Да. Когда тема о моемъ недопущеніи на экзаменъ

была исчерпана, то перешли къ общему положенію вещей. Коцовскій спрашивалъ, какъ студ-ты настроены? Я и Яньковскій говорили, что студ-ты взволнованы; всего хуже неопредѣленность положенія: вопросъ о забастовкѣ не окончательно рѣшенъ.

Печковскій. А что вы отвѣтили на предложеніе Коцовскаго, подать прошеніе?

Рейнвальдъ. Я совершенно не отвѣтилъ — моментъ былъ неподходящій. Далѣе Коцовскій сказалъ: «31-го марта назначено совѣщаніе 5 курса. Посовѣщайтесь; на чемъ порѣшите, на томъ и остановимся». Я сказалъ, что врядъ ли совѣщаніе состоится, если на 31 будетъ назначено и совѣщаніе и экзаменъ. Коцовскій спросилъ. «Что сдѣлаютъ со мной, ежели я предложу такое совѣщаніе»? Я сказалъ, что когда люди возбуждены, то ручаться нельзя ни за что; зависитъ отъ личнаго темперамента. «Ну, такъ побьютъ что-ли?» Не думаю, но за оскорбленіе на словахъ не поручусь. Коцовскій сказалъ, что директоръ рѣшилъ устроить 31-го экзаменъ, и студ-ты 5 курса, Воробьевъ и Соколовъ, заявили, отъ имени группы въ 30 человѣкъ того же курса, готовность держать экзамены при какихъ угодно условіяхъ: хотя бы на портикѣ Инст-та, подъ градомъ камней и даже подъ охраной полиціи. Мѣра опроса листками была проведена въ жизнь. О. К. С. Г. И. предложилъ студентамъ отвѣчать утвердительно, дабы не давать инспекціи матеріала для сортировки студ-въ. 31 марта было совѣщаніе 5 курса. Въ вестибюлѣ я встрѣтилъ двухъ субъинспекторовъ, они направили меня въ чертежную 5 курса. Коцовскій предложилъ собравшимся посовѣщаться. Кто то сказалъ, что наверху идетъ экзаменъ. Коцовскій предложилъ ихъ позвать. Кульжинскій пошелъ наверхъ пригласить ихъ внизъ. «Своб. д-щіе» не пошли.

Предсѣдатель. Отказъ спуститься внизъ былъ-ли мотивированъ «свб. д-ми»?

Рейнвальдъ. Кульжинскій не вступалъ съ ними въ объясненія; онъ только отъ имени Коцовскаго просилъ спуститься внизъ. Коцовскій пошелъ наверхъ, мы послѣдовали за нимъ; у дверей въ чертежную 5 курса стояли сторожа. Коцовскій предложилъ намъ остаться, а самъ пошелъ дальше. Минутъ черезъ 15 мы пошли за нимъ. Коцовскій, увидавъ насъ, спросилъ: «И Вы здѣсь?!» При этомъ онъ добавилъ, что обѣ стороны какія-то несговорчивыя и снова предложилъ посовѣщаться, но совѣщаніе не состоялось: «Своб. д-щіе» говорили, что всѣ доводы противной стороны они слышали; мы тоже отказывались отъ совѣщанія. Коцовскій попросилъ 5 минутъ на

размышленіе и ушелъ въ профессорскую, гдѣ были проф. Липинъ Шредеръ. Вернувшись онъ объявилъ: кто хочетъ держать—пусть и держитъ, кто не хочетъ—пусть уйдетъ. На это былъ отвѣтъ: открывайте экзаменъ и каждый будетъ дѣлать, что хочетъ. Послѣ переговоровъ, видя непримиримость сторонъ, Коцовскій, властью инспектора, экзаменъ на этотъ день отмѣнилъ. На слѣдующій день (1-го апрѣля) вывѣшено объявленіе, что на 2-е апрѣля назначены два экзамена: Металлургія и Пробирное Искусство. Студ-мъ всѣхъ курсовъ предлагалось составить экзаменаціонныя группы для того, чтобы держать экзамены. Объ этомъ рѣшеніи Совѣта и времени его объявленія намъ извѣстно было раньше частнымъ образомъ. Поэтому группа изъ забостовщиковъ была составлена заранѣе; представители ея ждали на портикѣ Инст-та только момента появленія на дверяхъ этого объявленія и спустя нѣсколько минутъ представили Коцовскому эту группу, какъ списокъ лицъ, желающихъ держать экзамены 2-го апрѣля. Принять ее Коцовскій отказался. 2-го апрѣля собралось довольно много желающихъ произвести обструкцію: человѣкъ 60. Въ бюллетеняхъ Орг. Ком. приглашенія къ обструкціи не было: обструкція была произведена участниками по личной иниціативѣ. Покровскій разсказывалъ подробно про обструкцію, но я внесу нѣкоторыя поправки. 2-го апрѣля студ-ты подходили къ дверямъ, показывали черезъ стекло свой билетъ, швейцаръ отпиралъ дверь, пропускалъ и снова закрывалъ. За однимъ изъ нихъ проникли и мы. Я былъ первымъ. Толпа надавила на двустворчатую дверь. Она соскочила съ задвижекъ, и открылась и мы бѣгомъ устремились во второй этажъ. Одинъ изъ сторожей побѣжалъ и закричалъ. Мы инстинктивно поддержали его крикъ и бросились къ аудиторіямъ. По дорогѣ мы встрѣтили Коцовскаго. Онъ спросилъ: «Вы ко мнѣ»? Мы сказали: «между прочимъ и къ Вамъ!» Далѣе мы пошли шагомъ. Вошли въ аудиторію и стали заботиться о томъ, чтобы всюду испортить воздухъ, разбивая склянки съ вонючей жидкостью. Темпераменты обструкціонистовъ проявлялись различно. Стомоняковъ вошелъ въ аудиторію, гдѣ былъ экзаменъ Металлургіи; одинъ изъ профессоровъ Липинъ или Асѣевъ сказалъ: «Снимите хоть фуражку»! Стомоняковъ сначала инстинктивно хотѣлъ снять, но потомъ крикнулъ: «Вы превращаете Инст-тъ въ участокъ, почему я и не намѣренъ снимать». Раздавались оскорбленія по адресу профессоровъ. Затѣмъ обструкціонисты сошли внизъ, рѣшили вызвать инспектора и потребовать прекращенія экзаменовъ на этотъ день. Я и Бокій, можетъ быть, какіе-либо еще отдѣльныя лица, подошли къ инспек-

ціи, но «толпы» не было, какъ утверждаетъ Покровскій. Одинъ изъ «свобод-щихъ» загородилъ дверь въ инспекцію. Я сказалъ, что мы не намѣрены въ инспекціи портить воздухъ, что мы только ищемъ Коцовскаго; тогда онъ сказалъ, что его здѣсь нѣтъ. Когда я вернулся оказалось, что Кульжинскій уже нашелъ инспектора, который сейчасъ придетъ. Я предложилъ встрѣтить инспектора корректно и снять фуражки. Такимъ образомъ криковъ: «снять фуражки передъ начальствомъ», какъ говорилъ Покровскій,—не было. Товарищи предложили мнѣ говорить съ Коцовскимъ. Коцовскій спросилъ: «чего Вы желаете?» Я сказалъ, что мы требуемъ прекращенія экзаменовъ на сегодняшній день и, какъ гарантію этого, чтобы «свобсд-щіе» ушли изъ Ин-та. Коцовскій очень взволнованнымъ голосомъ сказалъ: «Одинъ Богъ знаетъ, какъ мнѣ тяжело переживать это время; я даю честное слово инспектора, что экзамена въ этотъ день не будетъ» но, что онъ проситъ обструкціонистовъ удалиться ранѣе «свобщ щихъ».

Я обратился къ товарищамъ и сказалъ: «Неужели мы не повѣримъ честному слову Николая Димитріевича?» Мы рѣшили уйти и спокойно покинули Инст-тъ. Въ день обструкціи было засѣданіе Совѣта; я былъ тогда же исключенъ и поэтому болѣе ничего не могу сказать. По тѣмъ пунктамъ, по которымъ былъ лаконичень, могу представить подробности на вопросы.

Зерновъ. Вы говорили, что разсматривался вопросъ о гарантіяхъ, а въ резолюціи, прочитанной Коновалову, говорится о «договорѣ»? Вѣдь было совѣщаніе, обмѣнъ мнѣній, но никакихъ контрактовъ и договоровъ не было?

Рейнвальдъ. Студенчество не придавало значенія оффиціальнымъ формамъ, не обращало вниманія на смыслъ отдѣльнаго слова и не считалось съ юридическимъ его значеніемъ, а смотрѣло только на фактическое проявленіе Совѣта къ себѣ, интересовалось воззрѣніями Совѣта, какъ отдѣльной группы лицъ.

Зерновъ. Подъ договоромъ подразумѣвалось что-либо—новое или уже установившіяся традиціи?

Рейнвальдъ. Да. Когда Лебедевъ попробовалъ сдѣлать нѣчто такое, что шло въ разрѣзъ съ установившимися традиціями, то Совѣтъ, въ лицѣ присутствовавшихъ членовъ, подтвердилъ лишь старыя формы; ничего новаго не вводилось.

Зерновъ. На сходкѣ придавалось особое значеніе этому договору? Знали, что это былъ Совѣтъ и на принятое въ совѣщаніи рѣшеніе смотрѣли, какъ на постановленіе Совѣта, или считали, что это только

обмѣнъ мнѣній по поводу нарушенія традицій? Кто-нибудь изъ студ-въ указывалъ на договоръ или этого не было? Было ли разъясненіе, т. е. былъ ли полный докладъ о совѣщаніи?

Рейнвальдъ. Нѣтъ, на сходкѣ это совѣщаніе разсматривалось, какъ исчерпаніе инцидента нарушенія Лебедевымъ традицій. Студенты узнали отъ Совѣта, что онъ не находитъ ничего невозможнаго въ дальнѣйшемъ существованіи привиллегій.

Зерновъ. На сходкѣ это такъ и понималось? Нѣкоторые свидѣтели указывали, что весь сыръ—боръ съ Коноваловымъ загорѣлся изъ-за того, что студ-ты введены были въ заблужденіе. На сходкѣ придавалось ли этому значеніе договора? Говорилось ли, что было совѣщаніе, или что было засѣданіе Совѣта, гдѣ и былъ заключенъ договоръ? Говорили ли, что Коноваловъ нарушилъ постановленіе Совѣта, или что онъ пренебрегъ традиціями?

Рейнвальдъ. На сходкѣ разсматривалось только нарушеніе директоромъ традицій; по крайней мѣрѣ, я лично, какъ депутатъ, усматривалъ въ поступкѣ директора только это. Относительно Совѣта упоминалось только вскользь и говорилось, что Совѣтъ ничего не имѣетъ противъ традицій, а что директоръ, представитель на Совѣтѣ, особаго мнѣнія.

Зерновъ. Въ инцидентѣ съ портретомъ Бебеля какой-нибудь одинъ моментъ считался оскорбительнымъ или весь комплектъ фактовъ считался нарушеніемъ традицій?

Рейнвальдъ. Въ буфетъ входили профессора и субъ-инспектора; самое появленіе этихъ лицъ не считалось нарушеніемъ. Попытка со стороны директора подчинить буфетъ своему контролю была нарушеніемъ ..

Зерновъ. Т. е. весь тонъ инцидента? Значитъ, если бы онъ прошелъ по буфету и не снялъ портрета Бебеля, было ли бы оскорблено студенчество?

Рейнвальдъ. Нѣтъ. Поводомъ къ сходкѣ и началу конфликта былъ фактъ срыванія, а въ буфетъ входили кто угодно: профессора, инспекторъ и даже субъ-инспектора, вывѣшивавшіе свои объявленія. Нарушеніемъ традицій была именно попытка директора сорвать объявленіе. Кто бы ни сорвалъ объявленіе, это было бы нарушеніемъ традицій. Вотъ напр., послѣ японскихъ сходокъ ст-тъ Маломѣрковъ сорвалъ пародію на манифестъ или армянскую прокламацію (не помню). Ему поставили на видъ, что онъ на это не имѣлъ никакого права, и указали тутъ-же, путь протеста, что всякій можетъ вывѣшивать свои объявленія, какія угодно. Тогда Маломѣрковъ по-

вѣсилъ обратно сорванное, а подъ нимъ свое армяно-фобское воззваніе.

Зерновъ. На дальнѣйшихъ сходкахъ что служило главнымъ пунктомъ обсужденія? Разрывъ резолюціи и грубое изгнаніе депутатовъ или говорили о договорѣ?

Рейнвальдъ. На сходкѣ студ-ты рѣшили послать депутацію—меня и Яньковскаго—къ директору узнать, какъ онъ намѣренъ вести бя по отношенію къ студенческимъ учрежденіямъ. Въ послѣдующемъ реагировали только на фактъ разорванія и оскорбленія. Сначала у него никто и не требовалъ извиненія; послѣ разорванія онъ самъ согласился извиниться сначала безусловно, затѣмъ не безусловно.

Зерновъ. Дальше говорили только объ оскорбленіи?

Рейнвальдъ. Да.

Зерновъ. А вотъ 18 нейтральныхъ; кто ихъ исключалъ изъ общаго числа?

Рейнвальдъ. Это обсуждалось на сходкѣ. Предлагали причислить ихъ къ большинству сходки или Инст-та, или подѣлить ихъ пополамъ. Наконецъ баллотировкой большинствомъ рѣшено было нейтральныхъ исключить изъ общаго числа студ-въ. Такимъ образомъ 302 составило бы большинство Инст-та.

Зерновъ. На сходкѣ не приводились прецеденты прежнихъ лѣтъ по этому же вопросу? Какъ рѣшалось это раньше?

Рейнвальдъ. Вопросъ о нейтральныхъ вопросъ новый. Были ли прежде «нейтральные» и какъ рѣшался вопросъ,—не припоминаю. Обыкновенно въ такихъ важныхъ вопросахъ, какъ забастовка, голоса были «за» и «противъ», нейтральныхъ въ такомъ количествѣ никогда не было. Вообще рѣшеніе по традиціи всегда бываетъ *).

Зерновъ. Вы говорите, что обструкція явилась по частной иниціативѣ? Что это было: только порывъ, чтобы прекратить экзамены на этотъ день, или была программа на опредѣленное время?

Рейнвальдъ. Программы организацій обструкціи не было; зародилась она по частной инициативѣ. Нѣкоторыя лица собирали своихъ единомышленниковъ. Какъ я уже раньше сказалъ, по моему личному впечатлѣнію, было около 150 участниковъ; ясно, что сговора между ними не могло быть. Относительно мотивовъ, толкнувшихъ на обстрку-

---

* Примѣчаніе. По черновику, составленному стороной свободомыслящихъ редакція послѣдней фразы такова: „вообще указанія на традиціи всегда бываетъ“.

цію, можно сказать, что у каждаго были свои. Мнѣ было страшно тяжело идти на обструкцію: ни мой складъ ума, ни складъ жизни Инст—та не соотвѣтствовали этому. Я дѣйствовалъ подъ вліяніемъ двухъ мотивовъ: 1) если экзамены пройдутъ безъ скандала, то Коноваловъ, пожалуй, пріобрѣтетъ славу блестящаго администратора и 2) я хотѣлъ чрезъ это доставить нравственное удовлетвореніе оскорбленному чувству человѣческаго достоинства.

Зерновъ. Вы сами въ дальнѣйшемъ не участвовали. Были уволены и высланы?

Рейнвальдъ. Не принималъ; высланъ не былъ, такъ какъ живу здѣсь въ семьѣ.

Зерновъ. Документы получили на домъ или черезъ полицію?

Рейнвальдъ. Документы получилъ черезъ полицію, а увѣдомленіе объ исключеніи черезъ Охранное отдѣленіе по порученію учебнаго начальства. Градоначальникъ предложилъ мнѣ выѣхать изъ Петербурга, но узнавъ, что я петербуржецъ—разрѣшилъ остаться.

Каминка. Въ поясненіе вопроса профессора Зернова, котораго Вы видимо не поняли *). Вы сказали, что порядки освящены традиціями, въ резолюціи же Вы говорите о договорѣ—это двѣ вещи разныя.

Рейнвальдъ. То, что называлось нашими традиціями, слагалось подъ дѣйствіемъ различныхъ факторовъ; съ одной стороны, желаніе студ—въ жить самостоятельно, а съ другой, товарищескія отношенія со стороны профессоровъ. Въ результатѣ у насъ установилось общеніе съ Совѣтомъ, основанное на взаимномъ уваженіи. По многимъ даннымъ мы могли думать, что внутренній строй Инст—та симпатиченъ и Совѣту. Совѣщаніе по поводу Лебедевскаго инцидента было контрольнымъ моментомъ для этихъ отношеній. Оказалось, что Совѣтъ ничего противъ сохраненія этихъ традицій въ неприкосновенности не имѣетъ.

Каминка. Скажите кратко о порядкѣ контроля выдачи стипендій въ фондѣ?

Рейнвальдъ. Фондъ вопроса о выдачѣ стипендій не затрогивалъ; онъ былъ на очереди. Относительно пособій былъ такой порядокъ. І. И. Лагузенъ далъ право представлять ему списокъ, нуждающихся въ пособіяхъ...

Каминка. Внутренній Вашъ порядокъ—процедура установленія нужды?

---

*) Фраза окончена по черновику свободомыслящ.

Рейнвальдъ. Существуетъ книга, въ которую каждый студентъ, желающій получить пособіе отъ фонда, записывалъ свое заявленіе, въ которомъ нужно было указать свой постоянный доходъ; свои нужды, даже экстренныя, и семейное положеніе. Отдѣльныя заявленія студ—въ сравнивались, устанавливалась относительная нужда и фондъ по количеству, имѣвшихся денегъ назначалъ пособія.

Каминка. Провѣрки отдѣльныхъ заявленій не было?

Рейнвальдъ. Всѣ могли по книгѣ провѣрять и критиковать.

Каминка. Ревизію фонда никто не производилъ?

Рейнвалдъ. Нѣтъ, не было.

Лутугинъ. Было ли прошлой зимой стремленіе у партіи, нынѣ «свобод—щихъ», выразить недовольство учрежденіями, тяжестью принципа большинства и т. п. Не было ли агитаціи въ сторону измѣненія существующаго порядка?

Рейнвальдъ. Для этого надо освѣтить весь періодъ забастовокъ, вспомнить прежніе годы, хотя бы съ 1901 года...

Лутугинъ. Меня интересуетъ ближе...

Рейнвальдъ. Какъ отдѣльные факты, наблюдалось...

Долбня. Недовольство учрежденіями?

Рейнвальдъ. Да, на сходкахъ говорились рѣчи...

Лутугинъ. Вообще на японскихъ сходкахъ не было ли какой-нибудь агитаціи за образованіе своего большинства?

Рейнвальдъ. Агитація въ пользу образованія большинства пожалуй была. Послѣ второй японской сходки, когда прошла неугодная имъ резолюція, они выдѣлились въ группу и вынесли свою резолюцію, которую вывѣсили рядомъ съ резолюціей общей сходки, старались привлечь къ себѣ сторонниковъ, собирали подписи.

Лутугинъ. Въ 1902 году была партія «независимыхъ»; составъ партіи «независимыхъ» и «свобод—щихъ» не совпадалъ?

Рейнвальдъ. Производитъ такое впечатлѣніе, что активныя лица, т. е. наиболѣе энергичныя, были одни и тѣ же.

Лутугинъ. Не вспомните ли фамилій?

Рейнвальдъ. Затрудняюсь. Могу назвать сейчасъ лишь Задде, Бѣлозорова.

Гартунгъ. Кто былъ изъ профессоровъ на 2-мъ совѣщаніи?

Рейнвальдъ. На первомъ совѣщаніи были: Лебедевъ, Курнаковъ, Митинскій, Шредеръ и 6 ушедшихъ, кромѣ Лутугина.

Долбня. На первомъ совѣщаніи Леон. Ив. Лутугина не было.

Гартунгъ. Это на первомъ, а на второмъ?

Рейнвальдъ. 5 профессоровъ.

Гартунгъ. Все время Вы говорите о частномъ совѣщаніи. Какимъ образомъ произошло въ дальнѣйшей исторіи превращеніе частнаго совѣщанія въ Совѣтъ? Вѣдь въ документахъ, въ резолюціяхъ дѣятельность Совѣта и частнаго совѣщанія отождествляются?

Рейнвальдъ. Я уже говорилъ, что никогда студенты не интересовались оффиціальнымъ разграниченіемъ совѣщанія и Совѣта; для студ—въ Совѣтъ воплощался въ извѣстной группѣ профессоровъ, къ которой они всегда только и обращались. Отъ профес. Долбни мы слышали, что Совѣтъ «не имѣетъ аппетита» на студенческія традиціи.

Долбня. Сознавали ли студ—ты, что тѣ разговоры, которые мы вели съ Вами, не могли быть запротоколены, что это было не во власти Совѣта?

Рейнвальдъ. Отлично сознавали. Студ—ты и не интересовались, можно ли это или нельзя запротоколить.

Зерновъ. Ив. Пет. Да почему-же Совѣтъ этого не могъ запротоколить?

Долбня. Этого сдѣлать было нельзя. Совѣту не предоставлено.

Зерновъ. Да почему же?

Долбня. Не имѣлъ права; Совѣтъ не имѣлъ права даже совѣщаться со студ—ми. Въ 1901 году была прислана бумага отъ министра съ проектомъ Ванновскаго, съ тенденціей проведенія этого проекта; съ категорическимъ указаніемъ на проведеніе его. Проектъ совершенно ясно регламентировалъ кругъ полномочій Совѣта, и хотя Совѣтъ отъ проведенія проекта отказался, но не могъ превысить полномочій, указанныхъ въ проектѣ.

Зерновъ. Они у Васъ не дѣйствовали?

Долбня. Нѣтъ, не дѣйствовали. Жизнь заставляла насъ выходить изъ рамокъ. Если бы мы придерживались всѣхъ правилъ, то вѣдь студ—ты оказались бы въ положеніи людей «лишенныхъ всѣхъ правъ». Совѣтъ могъ только обѣщать.

Печковскій. Это обѣщаніе могъ дать Совѣтъ?

Долбня. Обѣщаніе могъ. Студ—ты прежде имѣли свои права. Въ этихъ предѣлахъ Совѣтъ могъ обѣщать.

Председатель. Это совсѣмъ не Совѣтъ, а совѣщаніе, которое вольно было дѣлать какія угодно постановленія.

Лесгафтъ. Входные билеты получали отъ инспекціи?

Рейнвальдъ. Не знаю: я былъ исключенъ. Спеціально по этому поводу у насъ будетъ рядъ показаній. Считаю нужнымъ сказать по поводу своей бесѣды со сторожемъ Алексѣемъ: долженъ заявить, что никогда никакой бесѣды по поводу «убийствъ» не велъ.

Лемпертъ. Я вчера былъ случайно въ Инст—тѣ и встрѣтилъ группу сторожей. Опросилъ ихъ, въ томъ числѣ и Алексѣя; онъ категорически отвергъ разговоръ съ Рейнвальдомъ, а также и то, что они въ день обструкціи — были пьяны и что мы ихъ подпаивали.

Леонтьевъ. Никто о подпаиваніи сторожей и не говорилъ.

Рейнвальдъ. Считаю нужнымъ заявить, что отсутствія сторожей въ день обструкціи не замѣтилъ. Когда я 2-го апрѣля входилъ въ Инст—тъ, то видѣлъ человѣкъ 6—7 сторожей при входѣ; кромѣ того, сторожа были и вверху.

Гапѣевъ. Отвѣтьте мнѣ, только пожалуйста, коротко. Когда Вы были у Коновалова второй разъ, не говорилъ ли онъ Вамъ о томъ, что онъ не ручается, что и въ слѣдующій разъ онъ не выгонитъ депутатовъ, если резолюція его раздражитъ?

Рейнвальдъ. Да, Коноваловъ намъ тогда сказалъ, что резолюція его раздражила своей рѣзкой формой и что впредь онъ не ручается, что подобный инцидентъ не повторится.

Богдановичъ. Не помните ли, что во время второго совѣщанія, зашла рѣчь о студ—тѣ, по отношенію къ которому была сдѣлана какая то неправильность со стороны Курнакова, и Курнаковъ взялся исправить эту ошибку на Совѣтѣ.

Рейнвальдъ. Это было. Я забылъ еще одну характерную деталь. Коноваловъ при разговорѣ со 2-й депутаціей, сказалъ, что лично онъ ничего не имѣетъ противъ безусловнаго извиненія; но передъ этимъ у него были двое профессоровъ и одинъ изъ нихъ на вопросъ его, до какихъ предѣловъ долженъ идти онъ, Коноваловъ, чтобы исчерпать инцидентъ миромъ, не долженъ ли онъ принести полное извиненіе, отвѣтилъ: «отнюдь нѣтъ.» Когда послѣ этого ходили къ профессорамъ Богдановичу и Никитину, чтобы провѣрить правильность передачи разговора съ нами Коновалова 6-го Марта, то между прочимъ зашла рѣчь и объ этомъ утвержденіи Коновалова. Богдановичъ сказалъ, что передъ нами былъ у Коновалова онъ съ Долбней—и на вопросъ Коновалова, что ему дѣлать, Ив. Пет. сказалъ: «вплоть до полнаго извиненія».

Богдановичъ. Коноваловъ на Судѣ говорилъ, что хотѣлъ внести дѣло въ Совѣтъ. На самомъ дѣлѣ было такъ. Коноваловъ спрашивалъ: «Что мнѣ дѣлать?» Мы совѣтовали ему внести его дѣло въ Совѣтъ. Затѣмъ Долбня прибавилъ, что «даже дойти до полнаго извиненія».

Леонтьевъ. Какъ производится подсчетъ голосовъ на сходкѣ?

Рейнвальдъ. Счетъ голосовъ производятся уполномоченными по курсамъ, которые выбираются сходкой и по двое собираютъ голоса.

Леонтьевъ. На самой сходкѣ, какъ это дѣлается?

Рейнвальдъ. Въ чертежной, гдѣ происходятъ сходки, имѣются двѣ двери, черезъ которыя и выходятъ всѣ присутствующіе, расписываясь на листахъ у выборныхъ отъ сходки; затѣмъ дѣлается подсчетъ.

Леонтьевъ. Во всѣхъ случаяхъ, упомянутыя Вами баллотировки, производились именно такъ?

Рейнвальдъ. Въ особенно важныхъ дѣлахъ, напр. забастовкахъ.

Предсѣдатель. А вторыя цифры путемъ дополнительнаго опроса?

Рейнвальдъ. Путемъ дополнительнаго опроса.

Леонтьевъ. Пишутся фамиліи? Такимъ образомъ эти цифры 255 и 77 получены путемъ подписей?

Рейнвальдъ. Пишутся фамиліи.

Леонтьевъ. Вы сказали, что нѣкоторые изъ сторонниковъ забастовки подали Коцовскому черезъ Панфилова и Гусарскаго свою группу. Какія цѣли они при этомъ преслѣдовали?

Рейнвальдъ. На 5-мъ курсѣ группа была дѣйствительно подана оффиціально послѣ того, какъ объявленіе было вывѣшено.

Леонтьевъ. Что же нужно понимать подъ забастовкой? Выходитъ, что это прекращеніе занятій, а не экзаменовъ?

Рейнвальдъ. Подъ забастовкой подразумѣвается отказъ держать экзамены. Это не противорѣчило забастовкѣ; группа была подана, но что они стали бы дѣлать потомъ, если бы ее не пустили на экзаменъ—это мнѣ неизвѣстно.

Леонтьевъ. Большая была группа?

Рейнвальдъ. Человѣкъ 15—17.

Леонтьевъ. А весь 5-й курсъ?

Рейнвальдъ. 92 человѣка.

Леонтьевъ. Эта группа была для держанія экзаменовъ?

Рейнвальдъ. Не могу сказать, не былъ записанъ. У каждаго были свои намѣренія.

Леонтьевъ. Въ дѣйствительности держалъ кто нибудь изъ этихъ экзамены?

Рейнвальдъ. Весной нѣтъ.

Леонтьевъ. А вообще-то держали?

Рейнвальдъ. Не знаю.

Злотницкій. Гусарскій держалъ.

Леонтьевъ. Я хочу знать, чѣмъ объяснить, что большинство за забастовку и большинство же держатъ экзамены?

Рейнвальдъ. Люди были разбиты и по всѣмъ пунктамъ отступили. Отвѣчу удачнымъ словомъ газеты «Русь»: «И буры капитулировали». Это мое личное мнѣніе.

Леонтьевъ. Говоря о коммиссіяхъ на совѣщаніи, Вы говорили относительно фонда?

Рейнвальдъ. Ничуть нѣтъ. Вы неправильно поняли мои слова. Мы знакомили профессоровъ съ укладомъ внутренней жизни студенчества. Высшая инстанція для рѣшенія студенческихъ дѣлъ была сходка, а повседневное дѣло вѣдаютъ 4 коммиссіи. Для того, чтобы охарактеризовать дѣятельность коммиссій, я привелъ, какъ примѣръ, фондовую.

Леонтьевъ. Ваши совѣщанія съ директоромъ о сходкѣ были до Коновалова?

Рейнвальдъ. Да, при Лагузенѣ.

Леонтьевъ. Былъ разговоръ о казенныхъ пособіяхъ?

Рейнвальдъ. На первомъ и второмъ совѣщаніяхъ о казенныхъ пособіяхъ не говорилось.

Леонтьевъ. Но вообще разговоръ у Васъ объ этомъ былъ, когда еще Коновалова не было? Замѣчали неправильности въ распредѣленіи денегъ?

Рейнвальдъ. О казенныхъ пособіяхъ съ директоромъ Лагузеномъ было совѣщаніе. Расходовалось 15.000 рублей въ годъ на пособія, которыя раздавались часто крайне неправильно; напр. былъ случай со студ-мъ Крыловымъ, впослѣдствіи «свобод—щимъ». Онъ взялъ стипендію при переходѣ съ 1-го на 2-й курсъ, хотя онъ человѣкъ вполнѣ обезпеченный: при готовой квартирѣ получалъ 40 руб. въ мѣсяцъ (хотя, кажется, приплачивалъ за комнату 6 р. въ мѣсяцъ).

Леонтьевъ. Неправильность заключалась въ томъ, что получали лица ненуждающіяся?

Рейнвальдъ. Да.

Леонтьевъ. Кромѣ стипендіи Крыловъ и пособіе получалъ?

Рейнвальдъ. Я знаю только о стипендіи. Когда ему указали на неправильность, онъ отказался отъ стипендіи.

Леонтьевъ. Что, студ—тъ Грунвальдъ не получалъ раньше пособія отъ начальства до своего письма?

Рейнвальдъ. О казенномъ пособіи не помню, а получалъ ли онъ изъ фонда, это можно узнать изъ фондовой книги.

Леонтьевъ. Когда появился терминъ «свобододѣйствующіе»?

Рейнвальдъ. Въ 1904 году.

Леонтьевъ. До сходки, или послѣ?

Рейнвальдъ. На самой сходкѣ они подписывались на листѣ, на заголовкѣ котораго было написано, что они „противъ забастовки и сохраняютъ за собой свободу дѣйствія“; отсюда и терминъ.

Леонтьевъ. Послѣ японской, была патріотическая сходка?

Рейнвальдъ. Это и есть японскія сходки. На первой было выражено порицаніе демонстрантамъ. Другая же была назначена на этой сходкѣ. Приглашенія на вторую разсылала «группа патріотовъ», такъ какъ была очень заинтересована ея исходомъ. Такой образъ дѣйствій я нахожу вполнѣ допустимымъ.

Леонтьевъ. Изъ какого списка 60 человѣкъ перешли въ число «свобод-щихъ»?

Рейнвальдъ. Было вывѣшено объявленіе о сборѣ на флотъ и подъ нимъ подписался цѣлый рядъ лицъ, часть ихъ образовала первоначальное ядро «своб. д-щихъ».

Леонтьевъ. Кто же составлялъ проскрипціонный списокъ?

Рейнвальдъ. Они записались на особомъ листѣ. Этотъ листъ на сходкѣ былъ переданъ предсѣдателю. Такимъ образомъ списокъ былъ составленъ по автографамъ и былъ опубликованъ.

Леонтьевъ. Кто же опубликовалъ этотъ списокъ?

Рейнвальдъ. Организаціонный Комитетъ.

Леонтьевъ. А кто разослалъ списокъ по рудникамъ и заводамъ?

Рейнвальдъ. Тоже Орган. Комитетъ.

Леонтьевъ. Вы говорили инспектору, что единственное средство для умиротворенія—общая сходка. Это было послѣ забастовки?

Рейнвальдъ. Отъ закрытія Инст-та до перваго экзамена. Я говорилъ: «Если есть мирный исходъ, то его можно ожидать только отъ общей сходки».

Леонтьевъ. Вѣдь та сходка, на которой была рѣшена большинствомъ забастовка, была тоже общая?

Рейнвальдъ. Возможность умиротворенія я допускалъ только теоретически. Нѣкоторые изъ забастовщиковъ могли отказаться отъ забастовки, переписаться «противъ» (изъ «свобод-щихъ» не выписывались). Могло уничтожиться большинство; на сторонѣ забастовки былъ незначительный перевѣсъ.

Долбня. Перерѣшить.

Зерновъ. Что большинство студ-въ принимало активное участіе въ студенческихъ дѣлахъ? 320 человѣкъ большая сходка?

Рейнвальдъ. Сходка 320 человѣкъ—большая.

Зерновъ. Сходки были часты и возникали по мелкимъ вопросамъ?

Рейнвальдъ. Довольно часто.

Зерновъ. По мелкимъ вопросамъ?

Рейнвальдъ. Бывали и по мелкимъ. Наиболѣе крупныя—дѣла о шпіонахъ, японская, о забастовкахъ.

Зерновъ. Такъ что студ-ты къ сходкамъ относились достаточно вяло?

Рейнвальдъ. Сравнительно, довольно вяло.

Алексѣевъ. Вы говорили, что за забастовку было 303 чел., а въ бюллетенѣ Орг. Ком. 296 чел. Вы говорили, что всего въ инст-тѣ 621 чел., а по бюллетеню 624. Такъ кто же говоритъ правду—Вы или Орг. Ком.?

Рейнвальдъ. Мои свѣдѣнія получены отъ лицъ, производившихъ подсчетъ. Я не знаю, какимъ образомъ составлялись эти цифры. Въ дальнѣйшихъ показаніяхъ выяснится.

Алексѣевъ. Значитъ, Вы не помните, но свѣдѣнія Орг. Ком. были въ точности установлены?

Рейнвальдъ. Въ Орг. Ком., вѣроятно, въ то время точно знали. Теперь же я говорю по даннымъ, которыя мнѣ дали лица, получившія ихъ въ инспекціи относительно общаго числа студ-въ.

Алексѣевъ. Что Вы понимаете подъ именемъ «своб. д-щихъ»? Вы говорили о какомъ то ядрѣ «своб. д-щихъ», о Крыловѣ. Что подъ этимъ понималось?

Рейнвальдъ. Подъ именемъ «своб. д-щихъ» подразумѣвались всѣ, кто не желалъ подчиниться большинству, независимо отъ того, чтобы большинство ни рѣшило.

Алексѣевъ. Т. е. проскрипціонный списокъ не обнималъ всѣхъ «своб. д-щихъ»? Почему Крыловъ «своб. д-щій»?

Кульжинскій. Крыловъ самъ мнѣ говорилъ, что онъ «своб. д-щій».

Алексѣевъ. Значитъ, въ проскрипціонный списокъ попали не всѣ «своб. д-щіе»?

Рейнвальдъ. Тѣ, которые выдѣлились на сходкѣ.

Алексѣевъ. Почему попалъ въ списокъ Гринчакъ?

Рейнвальдъ. По поводу каждой фамиліи сказать не могу. Можетъ быть, члены Орг. Ком. могутъ сдѣлать это. Можетъ, и я въ другой разъ скажу.

Алексѣевъ. Чѣмъ руководился Орг. Ком., вычеркивая и не занося въ проскрипціонный списокъ такихъ, какъ Прокопова и Якимова?

Рейнвальдъ. Я отказываюсь отвѣчать за недостаточностью свѣдѣній.

Голосъ. Якимовъ отказался раньше.

Алексѣевъ. Что Вы подразумѣвали подъ ядромъ?

Рейнвальдъ. Просто первоначальный составъ «своб. д-щихъ»: первые 62 человѣка, выдѣлившіеся на сходкѣ 12 марта.

Алексѣевъ. «Своб. д-щіе» выдѣлялись еще на «патріотическихъ сходкахъ»?

Рейнвальдъ. Наиболѣе энергичные были одни и тѣ же.

Алексѣевъ. Всѣ ли, числившіеся въ спискахъ патріотовъ, попали въ списокъ «своб. д-щихъ»? Не припомните ли исключеннаго Алферова? Онъ былъ патріотомъ, но былъ исключенъ за обструкцію.

Рейнвальдъ. Я сказалъ, что почти; про отдѣльныхъ лицъ я ничего сказать не могу.

Алексѣевъ. Какъ выбирался Орг. Ком. и какъ онъ возникалъ?

Рейнвальдъ. Предсѣдателю поручалось его составить.

Алексѣевъ. Всегда ли предсѣдатель былъ участникомъ Орг. Комитета?

Рейнвальдъ. Нѣтъ, не всегда. Онъ можетъ только сформировать его, не входя въ него.

Алексѣевъ. Недовольство противъ вашей партіи было не по поводу ли отсутствія отчетности?

Рейнвальдъ. Причины неудовольствія были самыя разнообразныя: отказъ, уменьшеніе пособій. Добрынинъ напр. не получилъ пособія, котораго хотѣлъ.

Алексѣевъ. Проф. Лутугинъ говорилъ о попыткахъ борьбы съ коммиссіями. Въ чемъ онѣ выражались? Не припомните ли инцидента Васильева со столовой коммиссіей? Рыженко получилъ ли отчетъ отъ фонда?

Рейнвальдъ. Относительно столовой сказать ничего не могу, а отъ фонда документовъ не требовалось. У насъ была касса взаимопомощи, кассиромъ которой былъ Рыженко. Точный уставъ общества взаимнаго кредита требуетъ, чтобы кассиръ вывѣшивалъ ежемѣсячно отчеты. Когда Рыженко вывѣсилъ объявленіе о томъ, что онъ требуетъ отъ фонда отчетности, Славяновъ подъ нимъ вывѣсилъ другое объявленіе, въ которомъ указывалъ, что Рыженко самъ не ведетъ отчетности. Послѣ этого Рыженко никогда больше противъ фонда не протестовалъ.

Алексѣевъ. Значитъ, никакихъ документовъ фондъ Рыженкѣ не представилъ?

Рейнвальдъ. Нѣтъ.

Алексѣевъ. И отчетъ фонда Рыженко не получилъ?

Рейнвальдъ. Нѣтъ.

Алексѣевъ. Ревизіи были?

Рейнвальдъ. До 1901 г. ревизіи были, а потомъ каждый отчетный годъ заканчивался забастовкой и ревизію не успѣвали производить.

Алексѣевъ. На японской сходкѣ не говорилось ли о томъ, что если Коноваловъ станетъ проводить реорганизацію коммиссій, то многіе согласятся на это?

Рейнвальдъ. Этого не помню.

Алексѣевъ. Въ группу Гусарскаго и Панфилова записывались сами?

Рейнвальдъ. Если и не сами, то съ вѣдома записываемаго.

Алексѣевъ. Нацваловъ тамъ не былъ записанъ?

Рейнвальдъ. Не знаю.

Алексѣевъ. Какимъ образомъ была отправлена депутація къ проф. Липину съ предупрежденіемъ, что будетъ обструкція?

Рейнвальдъ. Къ Липину ходилъ и я, какъ частное лицо, а не какъ депутатъ, предупредить его и поставить ему на видъ, что теперь проводить экзамены не хорошо, такъ какъ обостреніе отношеній достигло высшей степени. Объ обструкціи прямо не говорили, а давали понять.

Алексѣевъ. Вы говорили, что обструкція дѣло личной инициативы. Весь ли Орг. Ком. участвовалъ?

Рейнвальдъ. Нѣтъ, не весь.

Алексѣевъ. Бесѣда съ Коцовскимъ была до 31-го марта?

Рейнвальдъ. Около 28 марта. Коцовскій говорилъ, что ему представлена група 5 курса.

Алексѣевъ. Значитъ Вы категорически утверждаете, что группа 5 курса была до 31 марта?

Рейнвальдъ. Да, категорически. По словамъ Коцовскаго ее представили Воробьевъ и Соколовъ.

Алексѣевъ. Какими свѣдѣніями о некрасивыхъ поступкахъ «своб. д-щихъ» располагалъ Орг. Ком., составляя бюллетень 2 апрѣля?

Рейнвальдъ. Поступокъ Зѣнченки 31-го марта, потребовавшаго, чтобы Бальди убралъ листъ для записи, такъ какъ записываются обструкціонисты.

Алексѣевъ. Бюллетень былъ отпечатанъ 2 числа утромъ, раньше, чѣмъ могли придти какія-либо свѣдѣнія объ обструкціи?

Рейнвальдъ. Фактъ, о которомъ я говорилъ, имѣлъ мѣсто 31-го марта.

Алексѣевъ. Только что?

Рейнвальдъ. Нѣтъ, еще до 31-го марта достаточно выяснилась физіономія «своб. д-щихъ»: на сходкѣ 15 марта, когда нѣкоторые изъ нихъ говорили, что всѣми дѣлами Инст-та завѣдуетъ одна компанія, Соколовъ Викторъ говорилъ на сходкѣ, что все дѣло заварила

кучка революціонеровъ. Уже этотъ фактъ могъ повести къ нарсканіямъ. Затѣмъ письмо Мушкетова. Мушкетовъ писалъ, что сперва онъ по причинамъ, которыя считалъ правильными, присоединился къ «своб. д-щимъ», но потомъ отказался изъ-за ихъ грязныхъ поступковъ (каковы эти поступки, Мушкетовъ не называлъ) и изъ-за того, что до него донесся слухъ, что «своб. д-щіе» хотятъ довести до свѣдѣнія министра списокъ главарей забастовщиковъ.

Алексѣевъ. Такимъ образомъ Вашъ разговоръ до 31 марта, эпизодъ на сходкѣ 15 марта, эпизодъ съ Зѣнченко и письмо Мушкетова—это было матеріаломъ и давало право Комитету для составленія бюллетеня, компрометирующаго всѣхъ „своб. д-щихъ?

Рейнвальдъ. Вѣроятно было и еще кое-что. Тѣ, кто будутъ показывать дальше, обогатятъ Васъ свѣдѣніями на этотъ счетъ.

Алексѣевъ. Вы получили письмо Мушкетова?

Рейнвальдъ. Да.

Алексѣевъ. Онъ тамъ говоритъ, что только „донесся слухъ"?

Рейнвальдъ. Да.

Алексѣевъ. Больше никакихъ фактовъ онъ не указывалъ?

Рейнвальдъ. Нѣтъ, не указывалъ.

Алексѣевъ. Не извѣстны ли Вамъ его дальнѣйшія отношенія къ „своб. д-щимъ"?

Рейнвальдъ. Нѣтъ.

Предсѣдатель. Имѣется ли письмо при дѣлѣ.

Рейнвальдъ. Нѣтъ, такъ какъ я его, къ сожалѣнію, потерялъ; но Мушкетовъ подтвердитъ его содержаніе.

Алексѣевъ. По словамъ проф. Лутугина,—а также и Вы это говорили,—еще въ 902 г. было уже видно ядро „своб. д-щихъ".

Рейнвальдъ. Я не говорилъ, что всѣ, но нѣкоторые тѣ же. Группа независимыхъ 902 г.—это начало протеста и наиболѣе энергичныя лица какъ тогда, такъ и теперь—одни и тѣ же.

Алексѣевъ. Такъ что „независимые" сдѣлались наиболѣе энергичными—„свобододѣйствующими"?

Рейнвальдъ. Да.

Алексѣевъ. Извѣстно ли Вамъ, что Макаровъ въ 902 г. былъ уволенъ?

Рейнвальдъ. Не припомню.

Алексѣевъ. А Фойгтъ? и Фойгта за забастовку?

Рейнвальдъ. Фойгтъ, какъ я помню, всегда былъ противъ забастовки.

Алексѣевъ. Кто былъ представителемъ на первомъ и второмъ совѣщаніяхъ?

Рейнвальдъ. На первомъ предсѣдателя не было, на второмъ Курнаковъ.

Гартунгъ. Вы сказали, что ваша партія считала себя въ 904 г. разбитой и потому приступила къ экзаменамъ. Но вѣдь 902 г. было тоже самое: были уволенные, исключенные и нѣкоторые держали экзамены. Почему же тогда большинство не приступило къ экзаменамъ?

Рейнвальдъ. Въ чувствѣ разбитости я не участвовалъ, ибо я экзаменовъ не держалъ, да и не могъ. Въ 1902 г. держало мало, а остальные разъѣхались, да и характеръ забастовки 1902 г. былъ другой—академическій. Въ 1904 г. сту-ты относились къ ходу дѣлъ въ инст-тѣ съ гораздо большей страстностью.

Гартунгъ. Мнѣ хочется уловить мотивы, по которымъ большинство приступило къ экзаменамъ? Почему же это при „гораздо большей страстности къ забастовкѣ" пошли экзаменоваться тоже съ большей страстностью?

Рейнвальдъ. Мотивы у каждаго личные: одни не могутъ оставаться на третій годъ на томъ же курсѣ, другимъ не даютъ отпуска. Кромѣ того, страстность по отношенію къ забастовкѣ утомила студ-въ.

Гартунгъ. Страстность отношенія къ дѣлу должна бы была побудить забастовщиковъ продолжать забастовку?

Рейнвальдъ. По моему борьба издергала и измочалила нервы.

Гартунгъ. Вы говорили, что партія была разбита. Это Ваше личное мнѣніе или общее? Долженъ ли я спрашивать объ этомъ каждаго?

Рейнвальдъ. Это мое личное.

Леонтьевъ. Какіе курсы приступили раньше къ экзаменамъ?

Рейнвальдъ. 5 курсъ; какъ было дальше, я не помню.

Гартунгъ. Обсуждались ли результаты совѣщанія на сходкѣ, какъ гарантіи Совѣта?

Рейнвальдъ. О гарантіи рѣчи не было. О томъ, что было такое оффиціальное постановленіе Совѣта, разговоровъ на сходкѣ тоже не было.

Гартунгъ. Кто докладывалъ на сходкѣ? Не говорилъ ли Яньковскій, что дѣйствія Коновалова противорѣчатъ постановленію Совѣта?

Рейнвальдъ. Можетъ быть, въ рѣчахъ кто и говорилъ, но депутаты не говорили. Я, напримѣръ, слышалъ самые разнообразные толки по этому поводу.

Злотницкій. Разговоръ о „нейтральныхъ" на сходкѣ былъ? Что они отвѣтили?

Рейнвальдъ. Помню, нѣкоторые говорили, что могутъ подчиняться большинству.

Злотницкій *. Къ большинству сходки или инст-та?

Рейнвальдъ. На сходкѣ было постановлено „нейтральныхъ" исключить изъ общаго числа студ-въ и большинство безъ нихъ.

Злотницкій. Почему же ихъ исключили?

Рейнвальдъ. Таково было постановленіе сходки.

Зерновъ. Вы хорошо освѣдомлены о разсылкѣ и составленіи проскрипціоннаго списка?

Рейнвальдъ. Теперь я утомленъ. Слѣдующіе свидѣтели разскажутъ болѣе подробно; можетъ быть потомъ и я еще разъ выступлю и не откажусь дать разъясненія.

Соколовъ. Что сказали депутаты, придя на сходку изъ экстреннаго засѣданія Совѣта, какъ его назвалъ Долбня?

Рейнвальдъ. У меня въ памяти, къ сожалѣнію, самыя слова не воскресаютъ, но точный смыслъ я помню. Депутаты заявили, что Совѣтъ не имѣетъ аппетита вмѣшиваться въ дѣла буфета и ничего не имѣетъ противъ того, чтобы привиллегіи были сохранены. Объявленіе Лебедева будетъ перенесено въ корридоръ.

Соколовъ. Потомъ было соглашеніе о предѣльномъ часѣ, до котораго студенты могутъ вывѣшивать объявленія на стѣнѣ. Значитъ Бауманъ изложилъ невѣрно въ письмѣ, въ газету «Русь».

Рейнвальдъ. Одинъ изъ депутатовъ, Гусарскій, сказалъ на Совѣтѣ, что можно устроить такъ, что всѣ объявленія снимаются послѣ 4 часовъ, а на слѣдующій день снова вывѣшиваются, но остальные депутаты отказались отъ такого предложенія, такъ какъ сходка ихъ на это не уполномочила. Окончательно былъ резюмированъ разговоръ въ томъ смыслѣ, что Совѣтъ не имѣетъ «аппетита вмѣшиваться». На сходкѣ былъ упомянутъ моментъ разговора съ профессорами о 4-хъ часахъ; однако въ самомъ соглашеніи этого не было, о чемъ также упоминали на сходкѣ. Все это подтвердитъ слѣдующій фактъ: когда депутаты выходили изъ профессорской, Лебедевъ обратился къ Воронину и сказалъ при мнѣ: «Вы больше въ буфетъ не ходите»!

Соколовъ. Значитъ профессоръ Бауманъ, говоря объ этомъ соглашеніи, запамятовалъ. Не говорили ли депутаты: Совѣтъ сказалъ— время де вамъ ссориться съ нами теперь, когда намѣреваются назначить директора, вопреки желанію Совѣта?

---

* Примѣчаніе. По черновику свободомыслящихъ записано такъ:
Злотницкій. Какіе же мотивы присоединенія ихъ къ большинству сходки.
Рейнвальдъ. Я не говорилъ, что ихъ рѣшили присоединить къ большинству сходки, ихъ просто исключили изъ общаго числа ст—овъ инс—та.

Рейнвальдъ. Вообще говорилось, что ожидается назначенiе новаго директора и появленiе новаго режима; что поэтому особенно не желательно ссориться.

Соколовъ. Было ли прибавлено: устраивайте скорѣе сходки, вырабатывайте modus vivendi.

Долбня. Да я и слово такое въ первый разъ слышу. Никогда его прежде не зналъ.

Рейнвальдъ. Нѣтъ, этого не было.

Соколовъ. Въ какомъ смыслѣ былъ разговоръ о новомъ режимѣ?

Рейнвальдъ. Будетъ новый директоръ, а у всякаго директора свой режимъ.

Алексѣевъ. Было сказано, что Совѣтъ?

Рейнвальдъ. Совѣтъ въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ студенты.

Воскресенскiй. Передъ сходкой Яньковскiй заявилъ, что большинство института 312?

Рейнвальдъ. Я не припомню это.

Воскресенскiй. Послѣ нашего особаго мнѣнiя, студентъ Лапа-Старженецкiй произнесъ по нашему адресу ругательныя слова, на что предсѣдатель сходки студентъ Яньковскiй сказалъ ему, что по конституцiи Горнаго института разрѣшается имѣть особое мнѣнiе. Не помните ли это, такъ какъ Вы были товарищемъ предсѣдателя?

Рейнвальдъ. О Старженецкомъ не помню. Я одно время только замѣщалъ предсѣдателя, а товарищемъ былъ Лури.

Голоса изъ толпы. Нѣтъ, Вы были товарищемъ предсѣдателя!

Макаровъ. Не помните ли, что студенты долго сопротивлялись приходу профессоровъ на сходку? Не подтвердите ли, что передъ ихъ входомъ, Яньковскiй отказался даже гарантировать, что не будетъ оскорбленiй?

Рейнвальдъ. Разговоры объ этомъ были.

Макаровъ. А баллотировка о допущенiи была?

Рейнвальдъ. Не припомню. Фактъ тотъ, что часть желала, а часть нѣтъ... Я предлагалъ на сходкѣ 13 марта гарантировать профессорамъ корректное отношенiе. Относительно баллотировки совершенно не припомню.

Макаровъ. Я заявилъ сходкѣ, что встрѣтился съ профессоромъ Никитинымъ въ корридорѣ; онъ просилъ меня передать студентамъ, что профессора желаютъ говорить на сходкѣ.

Рейнвальдъ. Не припомню.

Макаровъ. Помните, студентъ Смирновъ сказалъ, что онъ не ручается за себя: если придутъ профессора, то онъ пожалуй станетъ свистать?

Рейнвальдъ. Это помню и подтверждаю.

Зерновъ. Были противъ прихода всѣхъ профессоровъ или только нѣкоторыхъ?

Рейнвальдъ. Вообще противъ прихода профессоровъ.

Зерновъ. Почему не хотѣли допустить профессоровъ?

Рейнвальдъ. Мнѣ представляется, возможный мотивъ къ настоянію сходки такой. Сходка 15 марта была назначена для окончательнаго подсчета голосовъ. Пренія были кончены. Всякая проволочка была нежелательна. Боялись, что приходъ профессоровъ и разговоры, внеся что-либо новое, затянутъ сходку. Была крайняя усталость отъ сходокъ; возбужденіе сильное. Извѣстенъ обморокъ Яньковскаго, какъ слѣдствіе этой усталости и возбужденія. Всякая проволочка была крайне нежелательна.

Алексѣевъ. 15-го марта не давалъ ли предсѣдатель честное слово никакого употребленія изъ списка «своб.д-щихъ» не дѣлать?

Рейнвальдъ. Ничего подобнаго. Такъ какъ забастовщики рискуютъ непріятностями съ полиціей, то тайна списковъ для нихъ гарантировалась.

Алексѣевъ. А для дальнѣйшаго, подписями «своб.д-щихъ» воспользовались? Значитъ для домашняго употребленія можно ими пользоваться?

Рейнвальдъ. Спискомъ «своб.д-щихъ» воспользовались.

Предсѣдатель закрываетъ засѣданіе.

ПРОТОКОЛЪ

12-го засѣданія третейскаго суда чести отъ 30-го марта.

Отсутствовали: присяжные повѣренные О. Грузенбергъ и Гартунгъ.

Предсѣдатель вызываетъ бывш. ст. А. Гапѣева.

Гапѣевъ. Прошу извиненія у Суда, что вновь коснусь исторической стороны дѣла. Думаю, что это будетъ уже въ послѣдній разъ и слѣдующіе свидѣтели не будутъ утруждать вниманіе Суда этимъ вопросомъ. Нѣкоторые свидѣтели заявили, что въ инст-тѣ заранѣе началась агитація противъ Коновалова, тотчасъ же по назначеніи его директоромъ. Это невѣрно. Дѣятельность Коновалова была уже извѣстна по университету, да и въ инст-тѣ онъ очень скоро проявилъ себя; онъ самъ, такъ сказать, началъ агитировать противъ себя. Первый инцидентъ, въ которомъ сказалось credo

Коновалова, какъ администратора, произошелъ изъ-за собранія сту-въ по поводу смерти Н. К. Михайловскаго. Вскорѣ послѣ вступленія Коновалова, въ январѣ 1904 г. умеръ Н. К. Михайловскій. Сту-ты Горн. инст-та реагировали па это событіе такъ, какъ и вообще на всякое крупное событіе въ общественной жизни: Сходка постановила закрыть инст-тъ въ день похоронъ, во-первыхъ, въ знакъ траура, а во-вторыхъ, чтобы дать вмѣстѣ съ тѣмъ возможность студ-мъ присутствовать на похоронахъ. Постановленіе было сообщено членамъ Совѣта и директору. Это былъ первый разговоръ представителей сходки съ директоромъ. Смыслъ бесѣды слѣдующій: — Коноваловъ не привыкъ считаться съ постановленіями сходки; говорилъ о людяхъ съ «дешевой популярностью»; онъ знаетъ цѣну «дешевой популярности» и ея не желаетъ. У него есть свои взгляды, и онъ намѣренъ ихъ проводить. Это былъ первый реальный шагъ со стороны Коновалова. Затѣмъ вскорѣ за этимъ послѣдовало засѣданіе санитарнаго кружка. Долженъ замѣтить, что санитарный кружокъ таковымъ былъ только по имени; въ немъ разрабатывались не только санитарно-техническіе вопросы, но и экономическіе и общественно-политическаго характера. Это было одно изъ немногихъ мѣстъ, гдѣ говорилось и слушалось живое слово безъ всякой полицейской цензуры; засѣданія кружка посѣщались не только студентами, но и приглашенными гостями. Передъ самымъ вступленіемъ Коновалова было особенно многолюдное и оживленное засѣданіе кружка, посвященное Л. Н. Толстому. Разбирались его взгляды, критиковались его сочиненія какъ легальныя, такъ и нелегальныя. По случаю дня рожденія (75 л.) было рѣшено послать адресъ. Это, конечно, узналъ Коноваловъ. Несомнѣнно, что такое направленіе кружка не нравилось директору. Въ виду того, что въ отсутствіе д-ра Никольскаго предсѣдательствовалъ выборное лицо — студентъ, Коноваловъ воспользовался этимъ и призвавъ къ себѣ секретаря кружка, Д. Поповича, заявилъ ему, что въ отсутствіе предсѣдателя Никольскаго долженъ присутствовать профессоръ или членъ инспекціи. По мягкости секретаря или по какимъ-либо другимъ причинамъ, затрудняюсь сказать точно, на слѣдующемъ собраніи кружка присутствовалъ помощникъ инспектора Бальди. По этому поводу собралась сходка.

Зерновъ. Г. Бальди присутствовалъ на томъ засѣданіи, гдѣ не было ни одного профессора и предсѣдательствовалъ студентъ?

Гапѣевъ. Былъ, кажется, профессоръ Лутугинъ. Онъ же, вѣроятно, и предсѣдательствовалъ. Сходка 31 января по этому поводу постановила: «Высоко цѣня свою самодѣятельность, студенчество

Горнаго инст-та рѣшительно отвергаетъ всякія попытки извнѣ къ измѣненію условій его жизни, исторически сложившихся и освященныхъ многолѣтнимъ общеніемъ съ Совѣтомъ профессоровъ. Въ частности по поводу неумѣстнаго вмѣшательства г. директора въ дѣятельность санитарно-техническаго кружка сходка энергично протестуетъ противъ присутствія чиновъ инспекціи на его засѣданіяхъ и предлагаетъ впредь въ отсутствіе доктора Никольскаго выбирать предсѣдателемъ безразлично студента или профессора».

Какъ видно, эта резолюція была болѣе рѣзка, чѣмъ та, за которую послѣдовало изгнаніе депутатовъ. Коноваловъ мирно бесѣдовалъ и обѣщалъ вторженій не дѣлать. Дебатовъ на сходкѣ по этому дѣлу было немного; такъ какъ времени оставалось еще достаточно, то на этой же сходкѣ подняли вопросъ о патріотическихъ манифестаціяхъ по случаю войны. Студ-тъ Лури, бывшій въ числѣ депутатовъ у директора, заявилъ на сходкѣ отъ имени Коновалова, что тотъ приглашаетъ ихъ придти на молебенъ, назначенный на 2 февраля, о ниспосланіи побѣды русскому оружію, и предлагалъ тѣмъ самымъ выразить свое сочувствіе народному бѣдствію. Предсѣдатель сходки Яньковскій выразилъ надежду, что студ-ты отзовутся на это предложеніе директора. Одинъ изъ ораторовъ поднялъ вопросъ о патріотическихъ манифестаціяхъ по случаю войны и выразилъ свое отрицательное къ нимъ отношеніе. Тогда предсѣдатель остановилъ его, говоря, что этотъ вопросъ не подлежитъ обсужденію на настоящей сходкѣ. Ему было заявлено, что онъ самъ же его поднялъ. Сходка шла довольно возбужденно, всѣ были взволнованы и въ результатѣ явилась слѣдующая резолюція: «Въ виду того, что въ настоящее время правительство стремится привлечь на свою сторону народъ на время войны, явившейся естественнымъ результатомъ традиціонной политики русскаго имперіализма, при чемъ дѣлается все возможное, чтобы замаскировать историческія противорѣчія интересовъ народа и правящей бюрократіи, студ-ты Горн. инст-та, собравшись на сходкѣ 31 января, большинствомъ 67 голосовъ противъ 40, осуждаютъ близорукое поведеніе нѣкоторой части студенчества, своими патріотическими манифестаціями вводящей въ заблужденіе народъ относительно политики правительства». Послѣ этой сходки образовалась группа патріотовъ, неудовольствовавшихся этимъ постановленіемъ. У нихъ, патріотовъ, состоялось засѣданіе, на которомъ выработана резолюція, и 4 февраля появляется такой воинственный бюллетень отъ группы патріотовъ: «Мы удивляемся, что теперь, когда Россія въ опасности, русскимъ студентамъ приходится орга-

низовать партію патріотовъ. Грустный и неслыханный фактъ! Но что же дѣлать, когда въ средѣ нашего студенчества находятся такіе элементы, которые имѣли безстыдство вынести резолюцію, подобную принятой на сходкѣ 31 января. Честно ли, при грозящей родинѣ опасности отъ внѣшнихъ враговъ, идти въ разрѣзъ съ общимъ подъемомъ духа? Честно ли въ эту важную минуту не болѣть сердцемъ за кровь хотя бы одного русскаго солдата и не сочувствовать взрыву патріотизма нашего народа? А между тѣмъ на стѣнахъ Горнаго инст-та появилось искаженіе манифеста, глумленіе надъ патріотическими чувствами, дѣйствительно охватившими всю Россію. Неужели же мы не сплотимся, неужели допустимъ, чтобы на студенчество Горнаго инст-та легло позорное пятно въ измѣнѣ отечеству? Въ виду важности вышеизложеннаго необходимо всѣмъ студентамъ института явиться на сходку во вторникъ 10 февраля, въ 12 час. дня».

Съ этой поры начинаются насильственныя проведенія своихъ взглядовъ патріотами въ жизнь. До этого всевозможные листки свободной прессы безпрепятственно висѣли на стѣнахъ буфета и столовой. Студ-тъ Маломѣрковъ, кончившій Харьковскій Технологическій инст-тъ, одинъ изъ патріотовъ, нынѣ «своб-д-щій», вопреки традиціямъ, издавна установившимся въ инст-тѣ, сорвалъ въ столовой листокъ армянской соціалъ-демократической партіи. Содержанія его точно не помню; знаю, что тамъ было «Долой самодержавіе», т. е. выраженіе по нынѣшнимъ временамъ совершенно невинное. Его остановили. Нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ я, начали доказывать ему неумѣстность его поступка вслѣдствіе царившей у насъ полнѣйшей свободы слова. Онъ, по традиціямъ, можетъ написать опроверженіе. Маломѣрковъ повѣсилъ прокламацію на мѣсто, приписавъ: «Долой армянъ»! Слѣдующій случай былъ съ другимъ патріотомъ, впослѣдствіи «своб-д-щимъ»—Задде. Онъ сорвалъ въ столовой пародію на манифестъ. Этого поступка, какъ уже вторичнаго, оставить безъ послѣдствій было нельзя. При повтореніи подобнаго инцидента, являлось подозрѣніе, что у «патріотовъ» имѣется опредѣленный планъ: насильственнымъ образомъ проводить въ массу свои убѣжденія. На этотъ разъ мы рѣшили этого такъ не оставлять, и столовая комиссія постановила воспретить Задде входъ въ столовую. Послѣ сходки 31 января «патріоты» разослали приглашенія явиться на сходку 10 февраля. На 10 февраля 1904 г. назначена сходка. «Организаціонный комитетъ группы патріотовъ въ своемъ экстренномъ засѣданіи выработалъ слѣдующую программу сходки:

1) вопросъ о резолюціи, вынесенной сходкой 31 января; 2) произволъ столовой комиссіи; 3) протестъ противъ анонимной ругани на стѣнахъ Инст-та. Сходка была полномочная. Собрана была она по иниціативѣ патріотовъ. Послѣ обширныхъ дебатовъ, долгихъ и обстоятельныхъ рѣчей и серьезнаго, быть можетъ, даже слишкомъ серьезнаго, обсужденія вопроса (они жаловались, что «забиваютъ сильно головы»), была вынесена резолюція:

«Въ виду того, что настоящая война съ Японіей является слѣдствіемъ политики, основанной на привиллегіяхъ меньшинства въ ущербъ громадному большинству русскаго народа, а также въ значительной степени авантюризма, характернаго для правительственныхъ предпріятій на Дальнемъ Востокѣ, студ-ты Горн. инст-та большинствомъ 215 противъ 21, исходя изъ положенія, что патріотизмъ обязываетъ къ служенію интересамъ народа, а не кучки его эксплоататоровъ, выражаетъ глубокое негодованіе правительству, какъ виновнику народнаго бѣдствія, и рѣшительное осужденіе той части русской молодежи, которая своими псевдо-патріотическими манифестаціями и всеподданнѣйшими адресами пошла навстрѣчу желаніямъ правящей клики: — расположить народъ въ пользу безчеловѣчной, не въ его интересахъ предпринятой войны». Здѣсь на этой сходкѣ уже образовалась группа «своб-д-щихъ». Когда настроеніе сходки и резолюція выяснились, «патріоты» заявили, что не будутъ считаться съ постановленіемъ этой сходки и ея резолюціей, отказываются отъ баллотировки политическихъ вопросовъ и ушли со сходки. Это и есть зарожденіе «свободы дѣйствія». Собравшись въ другой аудиторіи въ числѣ 140 постановили слѣдующее: «Отказываясь отъ всякой баллотировки политическихъ вопросовъ, мы, нижеподписавшіеся, высказываемъ полное несогласіе съ тѣми изъ студ-въ Горн. инст-та, которые позволяютъ себѣ, въ столь тяжелые для всякаго русскаго человѣка дни, критиковать и порицать проявленіе патріотическихъ чувствъ». Это постановленіе было вывѣшено въ курилкѣ рядомъ съ постановленіемъ общей сходки. Означенную резолюцію, судя по заголовку, они разсылали со слѣдующимъ текстомъ:

«Группа сту-въ Горн. инст-та въ 140 человѣкъ увѣдомляетъ Васъ, что на сходкѣ 10 февраля 215 человѣкъ противъ 21 постановили выразить «глубокое негодованіе виновникамъ войны и рѣшительное осужденіе патріотическимъ манифестаціямъ». «Приглашаемъ Васъ 13 и 14 февраля явиться въ инст-тъ, чтобы подать голосъ за ту или другую резолюцію.

Голоса собираются выбранными студ-ми: Маломѣрковымъ, Лебедевымъ, Соколовымъ, Притуло, Леманомъ, Бауэромъ, Стахурскимъ, Макаровымъ, Постригоневымъ и Штейгеромъ». Считаю нужнымъ обратить вниманіе, что на сходку 10 февраля студенты были приглашаемы «патріотами», при чемъ на сходку «полномочную». Затѣмъ, должно быть, «въ пику» постановленію сходки отъ 10 февраля патріоты устроили въ буфетѣ инст-та сборъ на русскій флотъ. Собрано было 201 рубль и послано въ «Новое Время»; для 84 человѣкъ это не очень много. Вотъ списокъ жертвователей*. Весьма интересенъ хронологическій порядокъ подписей, который былъ нами своевременно списанъ: если просмотрѣть первую часть этого списка то его составляютъ «своб-д-щіе», а во всемъ спискѣ изъ 84 человѣкъ 61 «своб-д-щіе», при чемъ въ первыхъ столбцахъ почти всѣ 61 принадлежатъ къ «своб-д-щимъ». Перехожу теперь къ сходкамъ по поводу Коноваловскаго инцидента.

Выдѣлившаяся 12 марта группа своб-д-щихъ разослала слѣдующее приглашеніе: «По поводу инцидента съ Коноваловымъ на сходкѣ 12 марта прошла забастовка большинствомъ 222 противъ 80 и 5 нейтральныхъ, присоединившихся къ большинству инст-та. Изъ 80 чел. 55 (а послѣ сходки приписалось еще 7 чел.—итого 62) выдѣлились въ особую группу, заявившую протестъ противъ забастовки съ сохраненіемъ свободы дѣйствія. Въ настоящее время производится доборъ голосовъ по инст-ту. Въ виду этого приглашаемъ Васъ, если Вы желаете присоединиться къ вышеупомянутой группѣ, явиться въ инст-тъ въ понедѣльникъ 15 марта въ чертежную 5 курса для подачи своего голоса съ 10 до 12 час. утра».

„Группа Независимыхъ“.

Первое ядро—62 человѣка и всѣ они отмѣчены въ спискѣ „своб. д-щихъ“. Этимъ я хочу доказать, что группа эта организовалась раньше съ боевой программой. Выдѣлились „своб. д-щіе“ на сходкѣ 12 марта, постановившей забастовку. Забастовка была единственной мѣрой протеста. Весной Орг. Комит. С. Г. И. послалъ анонимную записку* министру отъ имени студ-въ съ цѣлью исчерпать конфликтъ мирно. Въ ней излагалась вся исторія съ Коноваловымъ, указывалось, что протестъ явился логическимъ слѣдствіемъ дѣятельности Коновалова. Въ запискѣ выражалась надежда, что Министръ прислушается къ голосу студ-въ, пойметъ, кто истинный виновникъ волненій. На сходкѣ 12-го марта, когда выяснилось, что принята будетъ забастовка, нѣкоторые представители „свод. д-щихъ“ (В. Соколовъ) пустили даже запугиванія, очевидно, съ цѣлью сорвать за-

бастовку, въ родѣ того, что въ случаѣ безпорядковъ, будутъ увольнять, а вслѣдствіе увольненія нѣкоторымъ предстоитъ попасть на войну; что въ маѣ уже будетъ наборъ, что ему хорошо извѣстно. Другіе говорили, что по головкѣ за безпорядки не погладятъ, такъ какъ они не академическіе, а политическіе, ибо Коноваловъ проводитъ намѣренія правительства. Словомъ, хотѣли запугать и на шкурныхъ инстинктахъ сорвать идейный протестъ. Это не удалось сходка постановила забастовку большинствомъ 222 противъ 80. Было рѣшено всѣми противъ 18 добиться удаленія Коновалова съ поста директора. Обсужденіе средствъ выяснило, что единственно, на чемъ можно было остановиться, это забастовка. Хотя мы, всѣ забастовщики, великолѣпно понимали (и даже говорили объ этомъ на сходкѣ) ея дурныя стороны, но только она одна могла обратить общее вниманіе на ненормальное положеніе дѣлъ въ Горн. инст-тѣ. Это была своего рода демонстрація. Это понимали участники сходки. почему и приняли ее, отвергнувъ другія, совсѣмъ ужъ дикія и некультурныя формы протеста, какъ свистки Коновалову, битье тухлыхъ яицъ или даже битье Коновалова. Баллотировка производилась прохожденіемъ черезъ три разныя двери и подписями... Проходя черезъ двери, студ-тъ Томилинъ, бывшій противъ забастовки, взялъ отдѣльный листъ и подписался подъ заголовкомъ: „Противъ забастовки; въ случаѣ если она пройдетъ, оставляю за собою свободу дѣйствій". Послѣ подписались Стахурскій, дворянинъ Ковалевскій, за ними и другіе. Многіе изъ противниковъ забастовки стали вычеркиваться и переписываться на новый листъ съ свободой дѣйствій. Сходка послѣ этого продолжалась и было приступлено къ избранію „доборщиковъ". При дополнительномъ допросѣ по инст-ту, по традиціямъ, ходятъ представители забастовщиковъ и анти-забастовщиковъ. Анти-забастовщики на этотъ разъ отказались. Предлагались сборщики отъ „свободод-щихъ" но это было отвергнуто сходкой. Пришлось послать только однихъ забастовщиковъ. Рейнвальдъ вѣрно говорилъ относительно подсчета голосовъ,.. По даннымъ инспекціи, въ инст-тѣ было въ то время 621 челов., а цифра 624, проставленная въ бюллетенѣ О. К. С. Г. И.—ошибочна, хотя едва ли можно обвинять Комитетъ за эту опечатку: она вѣдь ему то и невыгодна. Опросамъ по домамъ за забастовку получилось 303 голоса. Затѣмъ объявились нейтральными, присоединяющимися къ большинству—18; кажется, 13 было даже совершенно воздержавшихся и еще группа 3 чел. (Степаницкій, В. Соколовъ, Штейгеръ), подчиняющихся только большинству инст-та. Этихъ 3-хъ Рейнвальдъ

на прошломъ засѣданіи присоединилъ къ 103 противъ забастовки и получилъ 106. «Своб. д-щихъ» было 98 или 99. Нейтральные понимали свою нейтральность различно (напр. Славяновъ и Берлингъ подразумѣвали большинство сходки).

Такъ какъ не было возможности ихъ всѣхъ спрашивать, то сходка постановила при подсчетѣ голосовъ исключить 18—13 чел. изъ общаго числа голосовъ. Еще въ самомъ началѣ были бурные протесты со стороны «своб. д-щихъ» противъ правильности опроса; это была своего рода обструкція; но сходка единогласно отвергла эти нападки. Кромѣ того были еще нападки: почему при доборѣ не показывали третьяго списка противъ забастовки съ сохраненіемъ свободы дѣйствій. Однако по мнѣнію студенчества, какъ это выяснилось на сходкѣ, «своб. д-щіе», какъ отрицающіе корпоративность, уже не могли имѣть своихъ представителей при доборѣ, да и вообще на этомъ третьемъ листѣ студ-ты не имѣли право записываться; третій листъ не баллотировочный: сходка постановила баллотировать за забастовку и противъ, третьяго мнѣнія быть не можетъ... Свидѣтели указывали, что сходка противилась приходу профессоровъ. Это не совсѣмъ такъ. Въ виду того, что врядъ ли профессора могли внести что-либо существенное на сходку и лишь затянули бы рѣшеніе вопроса, а отчасти оттого, что съ профессорами былъ Митинскій, котораго многіе прямо презираютъ, нѣкоторые студ-ты были противъ ихъ прихода. Но профессора все таки были на сходкѣ и когда ушли, «своб. д-щіе» начали настаивать на посылкѣ къ профессорамъ представителей, чтобы узнать ихъ мнѣніе о протестѣ и о формѣ протеста-забастовкѣ. Всѣ «красные» — сторонники забастовки—отказались идти, зная заранѣе отвѣтъ. Не могли же профессора, да еще при Плеве, рекомендовать забастовку. Выбраны были депутаты со стороны правой. Не смотря на то, что выборы были довольно странные («смѣхотворная депутація») большинствомъ 5 противъ 3, тѣмъ не менѣе это была настоящая депутація. Какой былъ разговоръ между профессорами и депутатами, не знаю; но депутатами было заявлено, что профессора не рекомендуютъ бастовать, это-де погубитъ инст-тъ. Только одинъ депутатъ—Берладинъ—нашелъ нужнымъ сказать, что профессора больше всего настаиваютъ на томъ, чтобы было единодушіе. «Своб. д-щіе» этимъ пренебрегли. Послѣ на сходкѣ начались вопли, крики, брань, вообще не давали говорить; было снова проявленіе обструкціи. Чтобы избавиться отъ этого, сходка еще разъ предложила «своб.д-щимъ» подчиниться большинству; тѣ отказались. Тогда ихъ исключили изъ корпораціи

и удалили большинствомъ голосовъ изъ чертежной, гдѣ была сходка. Исключенiе нѣкоторые предлагали лишь на это время; однако послѣ дебатовъ нашли несправедливымъ, чтобы «своб.-д-щiе» пользовались правами корпорацiи, не неся никакихъ обязанностей, и постановили исключить навсегда. Многiе были этимъ недовольны. Даже я былъ противъ. Но потомъ, когда узналъ о всѣхъ ихъ поступкахъ, призналъ такое рѣшенiе правильнымъ. Послѣ этого исключенiя Серг. Муратовъ изъ забастовщиковъ перешелъ въ «своб-д-щiе», а за нимъ еще нѣкоторые. Поэтому и получилась въ бюллетенѣ цифра 296. Слѣдующая сходка была назначена на 17 марта для принятiя круговой поруки, а 16 инст-тъ былъ закрытъ. Орг. Ком. объявилъ забастовку отъ корпорацiи студ-въ Горн. инст-та, причемъ въ бюллетенѣ значилось общее число корпорантовъ 525. Относительно «своб.-д-щихъ» скажу, что они имѣли право держать экзамены. За свое заявленiе они уже понесли кару—исключенiе, и за экзамены нельзя ничего имѣть противъ нихъ. Кару въ видѣ разсылки позорнаго списка они понесли за развращенiе студенчества, за содѣйствiе инспекцiи и доносы. Здѣсь высказывались мнѣнiя что студ-ты мирно стали экзаменоваться. Это неправда. Ихъ сопротивленiе было сломлено: изгнанiе 77 товарищей, полицiя, невыдача отпусковъ. Осенью 904 г., оправившись, они снова начали борьбу съ Коноваловымъ и послали министру депутацiю съ такой петицiей: «Ваше Высокопревосходительство. Менѣе года управляетъ Коноваловъ Горнымъ инст-омъ и за столь короткое время успѣлъ довести его до послѣдней степени дезорганизацiи: онъ изгналъ изъ стѣнъ инст-та науку; онъ отнялъ у насъ нашихъ товарищей; онъ лишилъ насъ нашихъ освященныхъ традицiями, учрежденiй; онъ выгналъ нашихъ депутатовъ; онъ возвелъ въ систему шпiонство и доносы, и недавно еще мы были свидѣтелями позорнаго изгнанiя имъ изъ залы Совѣта студ-та Гуртоваго. Еще на весенней сходкѣ, въ присутствiи болѣе 400 человѣкъ, всѣми противъ 18 было рѣшено добиваться его удаленiя съ поста директора. Объ этомъ было доведено до свѣдѣнiя Совѣта. Къ сожалѣнiю, Совѣтъ не принялъ никакихъ мѣръ, между тѣмъ своевременное его удаленiе не довело бы инст-тъ до настоящаго критическаго положенiя. Страсти не улеглись, и теперь онѣ выходятъ за стѣны инст-та; онѣ прорываются въ публичныхъ мѣстахъ и доходятъ до залъ судебныхъ учрежденiй. Оставшiеся профессора подвергаются даже физическому воздѣйствiю. На насъ лежитъ тяжелымъ бременемъ отсутствiе товарищей, отсутствiе лучшихъ профессоровъ и невыносимый гнетъ коноваловъ-

скаго режима: никто изъ насъ не гарантированъ даже отъ личныхъ оскорбленій. Глубоко вѣря въ Вашу къ намъ благожелательность, мы еще разъ просимъ Ваше Высокопревосходительство помочь намъ выйти изъ невыносимаго положенія—удалить Коновалова и вернуть товарищей и профессоровъ».

Леонтьевъ. Какое большинство было на сходкѣ, вынесшей эту резолюцію?

Гапѣевъ. Не знаю, ибо студ-мъ не состою.

Леонтьевъ. Кѣмъ была подписана петиція?

Гапѣевъ. Она была представлена депутатами сходки отъ имени сходки, но подписана не была. Въ заключеніе желаю возразить Коновалову. Онъ утверждалъ, что не зная традицій инст-та, онъ примѣнилъ тѣ мѣры, которыя были обычны въ университетѣ. Вотъ резолюція студ-въ университета, показывающая лживость показаній Коновалова. Первая резолюція, прочтенная Коновалову студ-ми университета въ химической лабораторіи въ началѣ декабря 1904 г.: «Господинъ Коноваловъ! Я уполномоченъ, отъ лица здѣсь собравшихся товарищей, выразить Вамъ свое глубокое негодованіе и презрѣніе за Вашу... дѣятельность въ Горн. инст-тѣ, неимѣющую ничего общаго съ высокимъ званіемъ профессора, которое Вы имѣете честь носить,—дѣятельность, о которой, какъ выразилась «Наша Жизнь», двухъ мнѣній быть не можетъ». А вотъ постановленіе сходки студ-въ университета 9 декабря 904 года: «Обсудивъ постыдную полицейскую дѣятельность г. Коновалова въ стѣнахъ петербургскаго университета и произведенный имъ разгромъ Горнаго инст-та, мы выражаемъ ему глубокое негодованіе и презрѣніе. Считаемъ дѣятельность Коновалова порожденіемъ самодержавнаго режима; считаемъ, что лишь съ паденіемъ самодержавія, подобная дѣятельность станетъ невозможной. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ принадлежность Коновалова къ профессорской корпораціи есть позорное пятно для петербургскаго университета, мы выражаемъ наше требованіе, чтобы г. Коноваловъ сложилъ съ себя званіе профессора университета. Чтенія лекцій мы рѣшили не допускать, такъ какъ иная форма протеста противъ Коновалова, какъ показалъ опытъ прошлаго года, невозможна».

Ковалевскій. Обращаю вниманіе Суда на безтактный поступокъ Гапѣева, который, говоря обо мнѣ, считалъ нужнымъ для чего-то сказать «дворянинъ Ковалевскій», мнѣ придется тоже говорить: «дворянинъ Мушкетовъ, мѣщанинъ Гапѣевъ».

Предсѣдатель. Это потомъ.

Гапњевъ. Я нисколько не оскорбился бы, если бы меня назвали мѣщаниномъ. Если Ковалевскій считаетъ для себя оскорбительнымъ названіе дворянина, я охотно извиняюсь.

Зерновъ. Вы говорили вообще неопредѣленно. Вы сказали, что профессора не могли высказаться откровенно за забастовку, потому что господствовалъ режимъ Плеве. На какомъ основаніи вы толковали это единеніе, рекомендованное ими, въ смыслѣ единодушнаго проведенія забастовки?—въ смыслѣ сочувствія профессоровъ забастовкѣ?

Гапњевъ. Я подразумѣвалъ лишь прямой отвѣтъ. Уже въ 99 г., когда къ проф. Долбнѣ обращались отдѣльные студ-ты за совѣтомъ, онъ говорилъ имъ: «не будьте Іудами». Это поняли, какъ намекъ, что нужно подчиняться волѣ товарищей. Разъ профессора говорятъ: держитесь единенія, но забастовки не рекомендовали, то на основаніи этого мы смѣли думать, для всякаго студ-та было ясно, что намъ рекомендуется единеніе, а оно могло быть лишь на почвѣ подчиненія большинству.

Зерновъ. Я хочу выяснить: Вы не можете утверждать, что они сочувствовали забастовкѣ?

Гапњевъ. Да, не могу.

Зерновъ. Тѣхъ, кто оставилъ за собой «свободу дѣйствій», Вы считали, выходящими изъ корпораціи?

Гапњевъ. Да, навсегда.

Зерновъ. Что же, исключеніе изъ корпораціи было нѣчто строго установленное? Или отношенія къ нимъ были неопредѣленныя? Были ли такіе случаи раньше?

Гапњевъ. Нѣсколько лицъ были раньше исключены изъ корпораціи, напримѣръ Радкевичъ, попавшій какими то странными путями въ инст-тъ, Другъ за дачу въ фондъ фальшивыхъ свѣдѣній о своемъ имущественномъ положеніи. Но то были единичные случаи, а такое массовое исключеніе было впервые; исключенный изъ корпораціи не пользуется правами на столовую, фондъ и т. д.

Зерновъ. Была ли «своб. д-щимъ» указана ихъ послѣдующая роль въ инст-тѣ?

Гапњевъ. Не помню, чтобы исключеннымъ изъ корпораціи объясняли ихъ положеніе и права. Формулу исключенія не помню.

Зерновъ. Я хотѣлъ бы выяснить лишь по отношенію къ держанію экзаменовъ; разъ они были исключены, то вѣдь для васъ безразлично—держатъ они экзамены или нѣтъ?

Гапьевъ. Это такъ и было. Ихъ рѣшили просто игнорировать и бойкотировать. Да бюллетень № 1-й и гласитъ: большинствомъ столькихъ-то голосовъ изъ 525; въ этой фразѣ уже ясно, что съ исключенными изъ корпораціи не считались, а предоставляли ихъ самимъ себѣ.

Зерновъ. Слѣдовательно, мѣшать имъ держать экзамены не было основаній?

Гапьевъ. Противодѣйствіе было направлено собственно не противъ студ-въ, а противъ профессоровъ. Мѣшали профессорамъ, которые, экзаменуя, могли создать иллюзію спокойнаго теченія институтской жизни.

Зерновъ. Развѣ профессора нуждались въ такихъ сильныхъ мѣрахъ воздѣйствія?

Гапьевъ. Да, конечно. Разъ для нихъ оказалось недостаточно предупрежденій и просьбъ, средства болѣе слабаго, — пришлось прибѣгнуть къ сильному.

Зерновъ. А другихъ мѣръ, кромѣ обструкціи, не предлагалось? Къ профессорамъ обращались раньше?

Гапьевъ. Я знаю про Липина и Коцовскаго; быть можетъ, уговаривали и другихъ; Липина просили не экзаменовать; профессора вообще не согласились не экзаменовать, но 31 Марта экзамены были отмѣнены и обструкціи не произошло, хотя всѣ приготовленія были сдѣланы и у нѣкоторыхъ изъ студ-въ 5 курса были банки со зловонными жидкостями. Если бы съ профессорами можно было мирно кончить, то ничего и не было бы 2-го апрѣля, а не представлялось возможнымъ мирнымъ путемъ помѣшать экзаменамъ, была предпринята обструкція. Мѣра недопущенія экзаменовъ была необходима, какъ средство не допустить развращающаго вліянія на „несвоб.-д-щихъ“, приступившихъ къ экзаменамъ подъ давленіемъ извнѣ.

Зерновъ. Сколько профессоровъ экзаменовали 3-го апрѣля?

Гапьевъ. 4 или 3.

Зерновъ. Для нихъ нужно было насиліе 100 человѣкъ студентовъ?

Гапьевъ. Надо принять во вниманіе, что эти 100 чел. вломились въ инст-тъ и дѣйствовали подъ вліяніемъ аффекта. Хладнокровія тутъ не было.

Зерновъ. Съ нашей точки зрѣнія, обывателя, оставленіе за собой „свободы дѣйствій“—это есть выраженіе особаго мнѣнія?

Гапьевъ. Нѣтъ, это невѣрно. Скорѣе я провелъ бы аналогію съ выходомъ члена какого нибудь общества изъ состава этого общества.

Зерновъ. Почему именно „свобода дѣйствій“ послужила къ исключенію изъ корпораціи?

Гапѣевъ. Фактически они сами исключили себя изъ корпораціи, пренебрегши ея традиціями. Отказываясь исполнять обязанности членовъ корпораціи—подчиненіе большинству,—они не имѣли права пользоваться привиллегіями корпораціи.

Зерновъ. Когда голосуется вопросъ, можно сказать—„да“, „нѣтъ“, или „нѣтъ“ съ особымъ мнѣніемъ. Когда „своб. д-щіе“ были исключены, они заявили категорически, что будутъ держать экзамены?

Гапѣевъ. Они категорически не заявили, что будутъ держать экзамены, и затѣмъ по моему, одно дѣло отдѣльное мнѣніе, а другое—поступокъ. Если бы они высказали только свое особое мнѣніе со свободой дѣйствія, то за это никакой другой кары, кромѣ той, какую они понесли, какъ исключенные изъ корпораціи, на нихъ бы и не наложили.

Зерновъ. Какое большинство Вы считали по инст-ту?

Гапѣевъ. Я близко стоялъ къ подсчитывающимъ. Такъ какъ всего студ-въ было 621, то 311 человѣкъ было-бы абсолютное большинство. Абсолютнаго большинства мы не набрали въ силу того, что 96 человѣкъ осталось неопрошенныхъ. Трудно было бы допустить, что изъ этихъ 96 не удалось добрать человѣкъ 5 или 6, которыхъ не хватало. Сходка стала на ту точку зрѣнія, что было 18 нейтральныхъ и 13 совершенно отказавшихся отъ голосованія; сходка своимъ большинствомъ исключила ихъ изъ общаго числа, такъ что образовалось большинство?

Зерновъ. Цифры не поддавались и вотъ Вамъ пришлось дѣлать различныя комбинаціи? Почему возникали эти вопросы? Являлось ли сомнѣніе, что будутъ приняты эти цифры? Ихъ нужно было усилить?

Гапѣевъ. Отнюдь—нѣтъ. Дѣло въ томъ, что „своб.-д-щіе“ 12 марта объявили, что они никакому большинству не подчиняются, какъ бы ни было оно значительно.

Зерновъ. Почему Вамъ пришлось дѣлать такіе подсчеты? Вѣдь цифры тѣмъ и хороши, что точны и очевидны. Если большинство имѣется, то это всякій видитъ. Значитъ, возникало сомнѣніе, что эти цифры неубѣдительны?

Гапѣевъ. Къ сожалѣнію, сходка была не такъ многолюдна и не такъ единодушна, какъ это бывало раньше, въ случаяхъ забастовки. Въ 902 г. большинство сходки было и большинствомъ инст-та.

На этотъ разъ съ вопросомъ надо было считаться, почему сходка и рѣшила исключить.

Зерновъ. Въ этомъ то все и дѣло! Большинство бываетъ различное.

Гапѣевъ. Въ данномъ случаѣ, дѣйствительно, абсолютнаго большинства не было, но сходка рѣшила исключить нейтральныхъ и большинство получилось.

Зерновъ. Въ то время, когда сходки уже не было, было ли въ Орг. Комит. твердое настроеніе? Было ли хотя короткое время твердое убѣжденіе, что забастовка пройдетъ?

Гапѣевъ. Передъ этимъ засѣданіемъ Суда, я узналъ все объ Орган. Комитетѣ и уполномоченъ вмѣстѣ со студентомъ Меффертомъ давать показаніе по дѣламъ Комитета. Орг. Комит. считаетъ забастовку правой, но между прочимъ предпринималъ еще частичные опросы студ-въ по домамъ послѣ сходки для полученія твердой увѣренности ввиду того, что многіе студ-ты не были спрошены вовсе. Наконецъ, послѣ 16 марта, должна была быть еще одна сходка для выработки мѣръ проведенія въ жизнь забастовки: круговая порука и пр. Для этой цѣли были собираемы подписи на спискѣ такого содержанія: „Обязуемся ничего не предпринимать безъ указаній Орг. Ком. и обязуемся не входить въ инст-тъ по билетамъ". Подъ такимъ заявленіемъ было что-то около 300 подписей. Съ этими листками къ „своб.-д-щимъ", конечно, не обращались. Такъ было собрано не то 290, не то 300 подписей. Происходило это около 27—28 марта.

Зерновъ. Отчего тогда Орг. Комит. не посмотрѣлъ на дѣло такъ: махнуть рукой на этихъ выдѣлившихся 96 человѣкъ, не обращать на нихъ вниманія, а остальнымъ, экзаменовъ не держать. Вѣдь отдѣлившіеся не могли интересовать Орг. Комитетъ?

Гапѣевъ. Дѣло въ томъ, что кромѣ инціативы Орг. Комит. дѣйствовала и инціатива администраціи Горн. инст-та. Администрація разсылала опросные листки, созывала курсовыя сходки; Орг. Комит. долженъ былъ слѣдить за тѣми измѣненіями, которые происходили въ событіяхъ и реагировать на нихъ.

Зерновъ. Слѣдовательно, во первыхъ, у Орг. Комит. не было твердой точки зрѣнія на „своб. д-щихъ", и во вторыхъ, не было импонирующихъ цифръ?

Гапѣевъ. Относительно „своб. д-щихъ" было установлено, что они имѣютъ право держать экзамены. Точка зрѣнія была довольно твердая: ихъ бойкотировали.

Зерновъ. Вы говорите: „имѣли право держать". Но только не у профессоровъ?

Гаппеевъ. Да, не въ инст-тѣ. Вообще не при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они экзаменовались.

Зерновъ. И это имъ было заявлено заранѣе?

Гаппеевъ. Нѣтъ.

Зерновъ. Когда былъ составленъ проскрипціонный списокъ?

Гаппеевъ. Списокъ „своб. д-щихъ" составлялся 12 марта ими же самими.

Зерновъ. Нѣтъ, я говорю не про ихъ списокъ, а про проскрипціонный списокъ, который былъ посланъ на заводы?

Гаппеевъ. Заголовокъ былъ составленъ послѣ обструкціи.

Зерновъ. Какъ составлялся этотъ списокъ: по готовому списку или кого нибудь вставляли, пропускали? Вообще, обсуждалась ли каждая фамилія?

Гаппеевъ. Момента составленія я не знаю, но онъ былъ составленъ на основаніи собственноручныхъ подписей.

Зерновъ. Т. е. это тотъ списокъ, который былъ на сходкѣ и къ нему только приставили заголовокъ?

Гаппеевъ. Да, такъ и было.

Зерновъ. Когда былъ опубликованъ этотъ списокъ?

Гаппеевъ. Въ бюллетенѣ № 9 отъ 8 апрѣля.

Зерновъ. Значитъ, послѣ обструкціи?

Гаппеевъ. Да. До обструкціи не имѣли права его опубликовать, такъ какъ никакихъ позорящихъ фактовъ не было.

Зерновъ. Но Вы говорите, что обструкція была не противъ нихъ?

Гаппеевъ. Да, не противъ студ-въ.

Зерновъ. Опубликовано вѣдь было 2 списка: одинъ 8 апрѣля, а другой когда?

Гаппеевъ. Значительно позже.

Зерновъ. Списки были тождественны?

Гаппеевъ. Нѣтъ, въ первомъ есть пропущенныя фамиліи.

Зерновъ. На основаніи чего пополняли второй?

Гаппеевъ. Исключили отказавшихся отъ свободы дѣйствія и внесли нѣкоторыхъ новыхъ.

Зерновъ. Значитъ, читали и кто-то говорилъ: этого внести, этого вычеркнуть? Вообще обсуждали?

Гаппеевъ. Были случаи, какъ напр. Якимовъ, который послѣ ухода 6 профессоровъ вычеркнулся изъ списка „своб.-д-щихъ";

также знаю, что то же сдѣлали Лежевъ, Мушкетовъ. Видѣлъ письменные документы съ отказомъ отъ принадлежности къ „своб. д-щимъ". Якимовъ вышелъ изъ группы „своб. д-щихъ" послѣ 8 апрѣля, и потому попалъ въ 1-й списокъ.

Зерновъ. Кто получалъ эти письма?

Гапѣевъ. Орг. Комитетъ.

Зерновъ. А чѣмъ руководствовались пополняя?

Гапѣевъ. Списокъ пополненъ на основанiи наблюденiй и фактовъ, а также собственноручныхъ подписей.

Зерновъ. Кто же устанавливалъ факты?

Гапѣевъ. Главную роль при внесенiи въ списокъ играла запись, подаваемая предсѣдателю о выходѣ изъ корпорацiи. Только нѣкоторыхъ внесли по установленiи окончательнаго ихъ облика. Относительно Краснова надо сказать, что онъ долго вибрировалъ, но наконецъ окончательно вступилъ въ кадръ „своб. д-щихъ". О нѣкоторыхъ же, какъ Кутыринъ и Лопатинъ, вовсе не знаю, какъ они вступили, и была ли окончательно установлена ихъ принадлежность къ „своб. д-щимъ".

Зерновъ. Что же, Красновъ все письма писалъ объ этомъ Орг. Комитету, или за нимъ слѣдили? И кто вообще устанавливалъ переходъ изъ группы?

Гапѣевъ. Переписывались изъ одного списка въ другой. Относительно Егорова, Кутырина и Лопатина данныхъ у меня нѣтъ. Можетъ быть, заявленiя о принадлежности къ „своб. д-щимъ" даны были ими устно. Вообще списокъ составлялся на основанiи самыхъ точныхъ и самыхъ объективныхъ данныхъ.

Зерновъ. Значитъ, было изслѣдованiе? Вносили на основанiи объективныхъ документовъ, а не личной оцѣнки?

Гапѣевъ. На основанiи документовъ. Списокъ составлялся самими „своб. д-щими". Иныхъ вносили, можетъ быть, по довѣрiю, напр., по словамъ Лемперта, Ченгеръ внесъ Сланскаго, также какъ я внесъ въ списокъ за забастовку Бутова. Весьма возможно, что и Гринчакъ внесенъ по довѣренности. Въ такихъ довѣренностяхъ ничего необыкновеннаго нѣтъ.

Зерновъ. Значитъ, этотъ списокъ составленъ самими „своб-д-щими"?

Гапѣевъ. Да, составленъ на сходкѣ самими „своб. д-щими".

Зерновъ. А заголовокъ чѣмъ объясняется? Вѣдь на сходкѣ этого Вы не могли сдѣлать.

Гапѣевъ. Да, на сходкѣ этого и не было сдѣлано. Списокъ послѣ сходки былъ сообщенъ только въ коммиссію, дабы „своб. д-щихъ" не впускали въ столовую, не давали имъ пособій и т. д. Только 8-го апрѣля появилась характеристика, обливающая, такъ сказать, помоями всю группу. Это было послѣ полученія данныхъ о некорректномъ поведеніи „своб. д-щихъ" послѣ обструкціи.

Зерновъ. Значитъ, основной моментъ для характеристики—работа до 8-го апрѣля? Далѣе только сгустились краски? Тогда что же, кромѣ фактовъ, указанныхъ здѣсь Бальди, имѣлось въ распоряженіи Комитета?

Гапѣевъ. У Орг. Комитета, кромѣ фактовъ Бальди, были и другія данныя. Относительно Бутми де-Кацмана мы, дѣйствительно, фамиліи не знали, но фактъ былъ извѣстенъ. Относительно Зѣнченко было 31 марта извѣстно, что онъ говорилъ Бальди: „Уберите списокъ, записываются обструкціонисты". Грунвальдъ стоялъ 5-го апрѣля у окна рядомъ съ Бальди, когда тотъ составлялъ списокъ. Въ списокъ „своб. д-щихъ" вносили имена по наблюденіямъ и другихъ, кромѣ членовъ Комитета. Многіе говорили, безъ указанія фамилій, что кто-то прочелъ Бальди имена обструкціонистовъ.

Зерновъ. А какъ было извѣстно? Значитъ, наблюдалъ за ними кто-нибудь?

Звѣревъ. Я Зѣнченку самъ въ лицо назвалъ шпіономъ, и онъ не реагировалъ относительно меня.

Зерновъ. Значитъ были такія опредѣленныя свѣдѣнія. Сколько же лицъ было замѣчено—3, 5, 7, 10?

Гапѣевъ. Было несомнѣнно установлено, что нѣкоторые раздавали билеты, гарантировали за товарищей и т. д. По этому поводу у насъ есть отдѣльныя показанія. Если Суду угодно, я могу ихъ прочитать сейчасъ или Судъ захочетъ выслушать самихъ свидѣтелей?

Зерновъ. Что Вы называете шпіонами? Развѣ это наблюдали?

Гапѣевъ. Можетъ быть, я не такъ понимаю это слово. Подъ этимъ, можетъ быть, надо подразумѣвать доносы. Я лично слышалъ,—и это будетъ удостовѣрено нѣкоторыми показаніями,—что „своб. д-щіе" составляли списки до 2-го Апр.

Зерновъ. Вы все это говорите утвердительно; что же, это будетъ доказано? Вы указываете, что составлялись списки?

Гапѣевъ. Да, въ окно смотрѣли; какъ будто бы даже списки вмѣстѣ составляли.

Зерновъ. Когда Комитетъ составлялъ списокъ „своб. д-щихъ", не разбиралось, сколько виновныхъ—вся масса? Нечего отдѣльныхъ отыскивать? Было ли впечатлѣніе, что у всѣхъ рыльце въ пушку или у нѣкоторыхъ только?

Гапѣевъ. У многихъ рыльце въ пушку было непосредственно. У насъ есть данныя, что другіе знали о шпіонствѣ своихъ сочленовъ и не реагировали, терпѣли ихъ въ своей средѣ и даже пользовались трудами рукъ ихъ; потому виновны.

Зерновъ. Повидимому трудовъ и не надо было! Въ чемъ выразилось пользованіе „трудами рукъ"? Какъ это узнавалось?

Гапѣевъ. Коноваловъ обѣщалъ послабленіе приступающимъ къ экзаменамъ. Какъ объ этомъ узнали,—будетъ спеціальное показаніе.

Зерновъ. Всѣ держали,—значитъ снисхожденіе ко всѣмъ?

Гапѣевъ. Экзаменовались главнымъ образомъ „своб. д-щіе".

Зерновъ. Значитъ было такъ: одни уличенные, благодаря нѣсколькимъ фактамъ, другихъ обвиняли, что они знали это и покрывали, а о третьихъ предполагалось, что они знаютъ.

Гапѣевъ. Совершенно вѣрно; объ однихъ имѣлись факты, другіе знали и не реагировали; что касается третьихъ, они тоже могли знать.

Зерновъ. Мнѣ важно знать, были ли въ Комитетѣ у составителей списка конкретные, опредѣленные факты, или это было только общее впечатлѣніе, общій флеръ?

Гапѣевъ. Несомнѣнно, былъ общій опредѣленный фонъ, но были и имена, такъ какъ отдѣльныя лица принимали активное участіе въ предосудительныхъ поступкахъ. Но относительно каждаго не было данныхъ.

Зерновъ. Такое оставленіе за собой свободы дѣйствій, т. е. уходъ со сходки и держаніе экзаменовъ, было ли достаточно для внесенія въ позорный списокъ?

Гапѣевъ. Нѣтъ. Если бы они даже только держали экзамены, то никакой порядочный студ-тъ не могъ бы бросить въ нихъ камнемъ. Никто не имѣлъ бы права запятнать ихъ такъ, какъ теперь; достаточно было исключенія изъ корпораціи. Но они способствовали атмосферѣ экзаменовъ, вовлекали другихъ въ атмосферу экзаменовъ, они вели пропаганду, агитировали за экзамены, зарекомендовали себя неблаговидными поступками; потому дѣло принимало другой оборотъ.

Зерновъ. Списокъ составленъ по подписямъ; но почему они всѣ виновны? Вѣдь не ходили же они кучей; не шпіонили и не покрывали кучей? Самый фактъ записи за «свободу дѣйствій»,—одинъ фактъ не представлялся, какъ Вы говорили, столь позорнымъ. Что же, о дѣятельности «своб.д-щихъ» заключали по отдѣльнымъ моментамъ?

Гапѣевъ. Не представлялся на столько позорнымъ, чтобы ихъ приковывать къ позорному столбу. Вся дѣятельность была планомѣрна и направлена къ одной цѣли—проведеніе экзаменовъ во что бы то ни стало. Отдѣльные моменты только иллюстрація.

Зерновъ. Не считалось возможнымъ ихъ раздѣлять?

Гапѣевъ. Потомъ оказалось, что ихъ нельзя было раздѣлить, такъ какъ это была вполнѣ организованная группа. Они выпускали отъ своего лица прокламаціи, вносили на сходкѣ резолюціи.

Зерновъ. Такъ что Вы думаете, что если по улицѣ идетъ толпа, одушевленная однимъ чувствомъ, и кто нибудь изъ толпы бьетъ стекла, то вся толпа виновата?

Гапѣевъ. Это неправильная аналогія. Это не толпа. Можно было бы сравнить съ группой профессоровъ, связанной извѣстной корпоративной этикой, или съ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Зерновъ. Вы же сами говорили, что «своб.д-щіе» объединились на почвѣ патріотизма? И Вы же понимаете, что если кто нибудь былъ шпіономъ, это не входило въ задачи группы?

Гапѣевъ. Я приведу болѣе конкретный примѣръ. Въ сословіи присяжныхъ повѣренныхъ налагаются на отдѣльныхъ лицъ за проступки дисциплинарныя взысканія...

Зерновъ. И Вы считаете возможнымъ за это заклеймить всю адвокатуру?

Гапѣевъ. Не понимаю ясно Вашего желанія.

Зерновъ. Когда отдѣльнымъ людямъ приписываютъ что нибудь предосудительное, напр. въ толпѣ вытащили часы, то нельзя обвинять всѣхъ бывшихъ въ толпѣ. Чѣмъ же руководствовались, при составленіи списка группы?

Гапѣевъ. Руководствовались тѣмъ, что это не толпа; здѣсь общество съ опредѣленнымъ такъ сказать уставомъ; здѣсь была круговая порука. Если бы присяжн. повѣрен. не наложили взысканія, нравственная отвѣтственность пала бы на всю корпорацію, хотя проступокъ совершенъ отдѣльнымъ членомъ. «Своб.д-щіе» знали о попоступкахъ и не только не наказывали за нихъ, но сознательно скрывали. Можетъ быть проведена также аналогія и съ толпой, но

лишь въ томъ случаѣ, если толпа эта предварительно столковалась, выработала програму дѣйствій и способъ ихъ проведенія, и такимъ образомъ между ними явилась нравственная связь. Но въ такомъ случаѣ, уже эта толпа явилась отвѣтственной за кражу своего члена, разъ членъ этотъ не былъ удаленъ самой толпой послѣ извѣстнаго проступка.

Зерновъ. Стало быть, при составленіи списка былъ цѣлый рядъ умозаключеній и разсужденій?

Гаппеевъ. Несомнѣнно былъ такой рядъ умозаключеній.

Зерновъ. Разсылался списокъ вмѣстѣ съ профессорской запиской?

Гаппеевъ. Да, съ запиской профессоровъ, а нѣкоторымъ и со статьей Амфитеатрова изъ «Руси».

Зерновъ. Когда разсылался?

Гаппеевъ. Не тотчасъ послѣ составленія. Для отпечатанія на гектографѣ и мимеографѣ, надо было время. Разсылался въ августѣ.

Зерновъ. Чѣмъ руководствовались при опредѣленіи, куда разсылать?

Гаппеевъ. Многіе инженеры просили прислать эти списки, чтобы руководствоваться ими. Надо сказать, что корпоративный духъ достаточно сильно развитъ въ средѣ горн. инженеровъ. Орг. Комит. обѣщалъ прислать, но сдѣлалъ, можетъ быть, это гораздо шире. Если Суду угодно, могу назвать фамиліи инженеровъ, просившихъ такой списокъ.

Зерновъ. При разсылаемомъ спискѣ было ли приложено подробное разъясненіе Орг. Комит., на какомъ основаніи каждый туда внесенъ, и вообще всего инцидента?

Гаппеевъ. Нѣтъ, кромѣ записки профессоровъ и списка «своб-дщихъ» ничего не разсылалось.

ПЕРЕРЫВЪ.

Послѣ перерыва.

Гессенъ. Были ли раньше случаи, чтобы студ-ты объявляли себя свобододѣйствующими, т. е. отказывались подчиняться большинству?

Гаппеевъ. Я въ инст-тѣ только съ 1900 года; не слышалъ о такихъ случаяхъ; были лишь случаи нарушенія постановленій сходки.

Гессенъ. Это другое; какъ студ-ты отнеслись къ факту свободы

дѣйствій; съ точки зрѣнія студенческой этики онъ являлся предосудительнымъ?

Гапѣевъ. Несомнѣнно, это весьма предосудительное явленіе не только по студенческимъ понятіямъ, но и вездѣ, вообще, во всякомъ обществѣ.

Гессенъ. Проф. Зерновъ указывалъ здѣсь на особое мнѣніе и проводилъ аналогію, но вѣдь это другое; фактъ оставленія за собою особаго мнѣнія не считается предосудительнымъ. А въ студенческой средѣ были такіе случаи и какой взглядъ студ-въ на это дѣло?

Гапѣевъ. Особыя мнѣнія подавались, но все же они чувствовали себя обязанными подчиняться «коллективному разуму», или уйти изъ общества. У насъ такой случай былъ съ предсѣдателемъ столовой коммиссіи Бѣлоусовымъ, который разошелся во мнѣніяхъ съ членами коммиссіи и ушелъ изъ состава коммиссіи.

Гессенъ. Какъ оцѣнивалось заявленіе 98 о свободѣ дѣйствій, самый фактъ объявленія? Было ли возмущеніе?

Гапѣевъ. Отношеніе было очень неопредѣленное. Нѣкоторые студ-ты здѣсь же на сходкѣ заявили, что рвутъ отнынѣ всякія связи съ тѣми изъ «своб.д-щихъ», съ коими раньше были знакомы; съ нашей точки зрѣнія уже самъ фактъ неподчиненія большинству былъ преступенъ.

Гессенъ. Существовала ли прочная увѣренность въ существованіи прочной организаціи «своб.д-щихъ»?

Гапѣевъ. Ее можно было сравнить съ корпораціей. Они собирались на совѣщанія, выпускали бюллетени, былъ планомѣрный образъ дѣйства, Орг. Комит.

Гессенъ. Значитъ, существовала организація?

Гапѣевъ Прочная или непрочная, но организація существовала несомнѣнно.

Гессенъ. Вы говорили о случаяхъ съ инженерами, которые просили представить списки «своб.д-щихъ»; это было?

Гапѣевъ. Это подтвердитъ съ фактами въ рукахъ студ-тъ Снятковъ, который именно говорилъ, кто изъ инженеровъ просилъ списокъ.

Зерновъ. Если бы «своб.д-щіе» только выдѣлились, то этого одного не было бы достаточно для составленія списка съ позорнымъ заголовкомъ?

Гапѣевъ. Совершенно вѣрно; заголовка нельзя было, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, примѣнить къ нимъ только за это; я же прекратилъ послѣ этого факта всякія сношенія съ «своб.д-щими».

Зерновъ. Они отдѣлились на почвѣ «свободы дѣйствій», а шпіонство входило въ программу объединенія? Чѣмъ руководился Орг. Комит., обвиняя ихъ всѣхъ въ шпіонствѣ?

Гапѣевъ. Было-ли шпіонство и помощь начальству въ ихъ программѣ я не знаю. Съ ихъ тайнымъ credo я не знакомъ.

Зерновъ. Значитъ, Вы допускали возможность объединенія и на предосудительныхъ дѣяніяхъ?

Гапѣевъ. «Своб.д-щіе выставляли программой проведеніе экзаменовъ во что бы то ни стало. Я беру смѣлость утверждать, что это равносильно готовности на всякія подлости.

Зерновъ. Въ свободу дѣйствій входила, значитъ, возможность дѣлать всякія гадости.

Гапѣевъ. Я этого не говорю, но нѣкоторые могли понимать подъ этимъ и дѣланіе всякихъ гадостей. Они говорили, что примутъ всѣ мѣры для проведенія экзаменовъ.

Павловъ. Когда бывали голосованія по инст-ту, то бывали нейтральные? И ихъ тоже отбрасывали?

Гапѣевъ. На моей памяти надобности въ рѣшеніи этого вопроса не было, такъ какъ раньше большинство бывало несомнѣнное и отбрасывать ихъ не было нужды. Въ 1902 г. не было даже опроса по квартирамъ.

Павловъ. Значитъ не было такихъ случаевъ?

Гапѣевъ. Нѣтъ.

Каминка. Свѣдѣнія о дѣятельности лицъ «своб.д-щихъ» между прочимъ о шпіонствѣ были Вамъ хорошо извѣстны. Были ли это видныя имена? Были ли это имена организаторовъ или случайныя? Напр. Зѣнченко?

Гапѣевъ. Несомнѣнно имена организаторовъ! Вотъ одинъ и тотъ же студ-тъ, произнесшій пламенную рѣчь объединенія на почвѣ протеста, которую можно было впослѣдствіи разсматривать, впрочемъ, какъ провокаторскую—потомъ 5 апрѣля присутствовалъ при составленіи списковъ Бальди. Вотъ В. Соколовъ принималъ дѣятельное участіе въ распредѣленіи и организаціи группъ. Зѣнченко и между ними, кажется, не пользовался популярностью, хотя кончилъ инст-тъ первымъ.

Каминка. Потому ли Вы считали всѣхъ «своб.д-щихъ» отвѣтственными, что они принадлежали къ этой группѣ, или же Вы видѣли, что отдѣльныя лица дѣйствовали съ вѣдома и одобренія всей партіи?

Гапѣевъ. Я считаю ихъ всѣхъ отвѣтственными, потому что они,

будучи организованы, не реагировали на предосудительные поступки отдѣльныхъ лицъ, пользовались плодами ихъ дѣятельности.

Каминка. Значитъ центръ тяжести лежитъ въ томъ, что эта группа пользовалась предосудительными поступками отдѣльныхъ лицъ, которые были иниціаторами партіи?

Гапѣевъ. Даже рѣшили держать въ тайнѣ дѣятельность этихъ лицъ вмѣсто того, чтобы ихъ осудить, и пользовались плодами этой дѣятельности. У насъ есть подтвержденіе этого.

Долбня. Вы обрисовали исторію развитія „своб. д-щихъ" и обратили вниманіе, что первые признаки образованія группы „своб. д-щихъ" проявились на патріотической сходкѣ, и что патріоты въ числѣ 62 образовали ядро, около котораго впослѣдствіи сгруппировались „своб. д-щіе". Не согласитесь ли Вы удостовѣрить, что основное credo партіи конкретно выражалось въ любви повиновенія всякому начальству вообще? Я желалъ бы, чтобы Вы подтвердили, что этотъ патріотизмъ вылился въ конкретной формѣ любви къ повиновенію начальству. Быть можетъ, Вы согласитесь удостовѣрить, что партія „своб. д-щихъ" считала болѣе или менѣе темныя отношенія съ начальствомъ этически возможными, непредосудительными?

Гапѣевъ. Несомнѣнно! Конкретная форма ихъ дѣятельности выразилась въ этомъ сношеніи даже послѣ постановленія сходки о протестѣ; они сами обязались добиваться удаленія Коновалова, но не прекратили сношеній съ тѣмъ же Коноваловымъ.

Долбня. Если это установить, то весьма трудно установить степень интенсивности этихъ отношеній?

Зерновъ. А несвобододѣйствующіе послѣ постановленія о протестѣ никакихъ соприкосновеній и сношеній съ начальствомъ не имѣли?

Гапѣевъ. Я этого не знаю. Къ сожалѣнію, установить этого категорически не берусь, я не студентъ инст-та. Несомнѣнно, сношенія съ начальствомъ были, но не съ директоромъ. Большинство забастовщиковъ старались обходить директора и подавать прошенія на имя инспектора.

Зерновъ. Вы сами отождествляли группу патріотовъ съ людьми, которые способны на всякую гадость?

Гапѣевъ. Они были готовы сдѣлать всякую гадость—это доказано фактически.

Зерновъ. Значитъ, не только на основаніи своихъ общихъ разсужденій?

Гапѣевъ. Нѣтъ.

Гливицъ. Гапѣевъ не точно выражается. Я желаю разъяснить

отношенія студ-въ къ „своб. д-щимъ“. На „своб. д-щихъ“ мы смотримъ, какъ на группу, рѣшившую держать экзамены. Если бы кто-нибудь изъ нихъ совершилъ уголовный проступокъ: укралъ часы, убилъ, изнасиловалъ, то мы пожалуй не могли бы обвинить ихъ всѣхъ и не огласили бы ихъ фамилій, но мы видѣли стремленіе къ опредѣленной цѣли всей группы, желаніе провести свои намѣренія въ жизнь, т. е. держать экзамены; не наше дѣло было разбирать, кто болѣе, кто менѣе виноватъ, мы должны были огуломъ обвинить ихъ и предать эпитиміи.

Леонтьевъ. 31 января была сходка съ порицаніемъ за патріотическія манифестаціи. Баллотировка производилась общими способами, т. е. черезъ двери? Видно было, кто за что стоялъ?

Гапѣевъ. Да какъ же могло быть иначе? Какъ же иначе опредѣлить большинство? Эта резолюція баллотировалась, помнится, поднятіемъ рукъ. Бывали баллотировки подписями....

Леонтьевъ. Никакихъ послѣдствій за это подписавшимся не было?

Гапѣевъ. Подписи хранились въ укромномъ мѣстѣ исключительно изъ опасенія полицейскаго воздѣйствія на подписавшихъ.

Леонтьевъ. Пострадавшихъ изъ студ-въ не было?

Гапѣевъ. Отъ резолюціи пострадали не отдѣльныя лица, а весь инст-тъ. Говорили о поѣздкѣ Плеве къ Ермолову.

Леонтьевъ. Значитъ отдѣльныя лица за это не пострадали; значитъ нельзя сказать, чтобы на кого- нибудь были доносы?

Гапѣевъ. Нельзя сказать, отдѣльныя лица не пострадали.

Леонтьевъ. Куда дѣвались всѣ эти резолюціи?

Гапѣевъ. Всѣ резолюціи предавались по возможности гласности. Печатались на гектографахъ, распространялись въ обществѣ и по учебнымъ заведеніямъ. Были напечатаны въ „Освобожденіи“ и, кажется, въ „Times“.

Леонтьевъ. Когда произошелъ разладъ, одну резолюцію вынесла сходка, другую патріоты, онѣ вывѣшивались на стѣнахъ?

Гапѣевъ. Да, вывѣшивались на стѣнахъ. Судя по формѣ, резолюція „своб. д-щихъ“ разсылалась.

Леонтьевъ. Это, такъ сказать, повѣстка съ приглашеніемъ присоединиться?

Гапѣевъ. И резолюція, и повѣстка. (Читаетъ резолюцію *) патріотовъ, откуда видно, что „своб. д-щіе“ приглашали придти въ инст-тъ и подать свой голосъ, и тутъ же сообщали свою резолюцію).

Леонтьевъ. Вы разсылали списокъ по заводамъ....

---

*) См. стр. 284.

Гапѣевъ. (Перебивая). Т. е. какъ это Вы?..

Леонтьевъ. Я сказалъ это по отношенію къ Орг. Комит. Сколько лицъ его составляло?

Гапѣевъ. 11—12 въ этомъ родѣ.

Леонтьевъ. Комитетъ разсылалъ этотъ списокъ?

Гапѣевъ. Списокъ разсылался по порученію Комитета.

Леонтьевъ. Вашъ Орг. Комит. разослалъ позорящій списокъ „своб. д-щихъ". У „своб. д-щихъ" былъ Орг. Комит. Онъ съ своей стороны разослалъ списокъ „свободомыслящихъ"? Рейнвальдъ говорилъ, что они назывались группой революціонеровъ?

Гапѣевъ. Я подробныхъ свѣдѣній дать не могу, не знаю, что было. А вотъ общую характеристику посылали въ „Гражданинъ". Но чтобы называли фамиліи, мнѣ неизвѣстно. Была статья „своб. д-щаго" и въ СПБ. Дневникѣ.

Алексѣевъ. Вы говорили про Заддэ, что ему былъ воспрещенъ входъ въ столовую за срываніе объявленія, а исторія съ Новожиловымъ (принадлежащимъ къ Вашей партіи), который сорвалъ въ буфетѣ объявленіе—пародію о сборѣ на нагайки, появившееся въ противовѣсъ объявленію о сборѣ на флотъ?—Эта исторія Вамъ извѣстна?

Гапѣевъ. Факта совсѣмъ не помню; слыхалъ ли объ этомъ, тоже не помню.

Алексѣевъ. Такъ что Вы не знаете, почему столовая коммиссія не предприняла противъ него никакихъ репрессій?

Гапѣевъ. Я свидѣтелемъ этого не былъ.

Алексѣевъ. Но можетъ быть, Вы отъ другихъ объ этомъ слышали?

Гапѣевъ. Не припомню, чтобы кто-нибудь мнѣ объ этомъ говорилъ.

Алексѣевъ. Организаціонный Комитетъ, какъ тутъ говорилось, возникалъ по выбору предсѣдателя. Не припомните ли Вы такого случая въ 902 году, что Романовъ разогналъ Орган. Комитетъ?

Гапѣевъ. Я знаю, что Орган. Комит. былъ арестованъ, но не разогнанъ. Этого не помню. Да этого и не могло даже быть.

Алексѣевъ. Ну это Вы увидите изъ бюллетеня. Поднимался ли вопросъ относительно общаго числа студ-въ въ инст-тѣ? Ихъ было 621?

Гапѣевъ. Несомнѣнно 621.

Алексѣевъ. Было 18 нейтральныхъ. Вѣдь они не всѣ соглашались присоединиться къ большинству сходки?

Гапѣевъ. Я уже объ этомъ говорилъ. Нѣкоторые такъ хотѣли, другіе не желали, третьихъ не было на сходкѣ.

Алексѣевъ. Значитъ ими распорядились противъ ихъ желанія?

Гапѣевъ. Сходка постановила исключить ихъ изъ общаго числа и съ ними не считаться.

Алексѣевъ. Списокъ «своб. д-щихъ» составлялся по собственноручнымъ подписямъ?

Гапѣевъ. На сколько мнѣ извѣстно—да.

Алексѣевъ. Вы сказали, что уполномочены Орг. Комит., и я хотѣлъ бы получить точный отвѣтъ...

Каминка. Позвольте, я долженъ протестовать: Гапѣевъ совсѣмъ не говорилъ, что онъ имѣетъ полномочія отъ Орг. Комитета.

Алексѣевъ и *Леонтьевъ* утверждаютъ, что Гапѣевъ говорилъ о полномочіяхъ, данныхъ ему Орган. Комитетомъ.

Предсѣдатель подтверждаетъ слова Алексѣева и Леонтьева.

Гапѣевъ. Если я такъ и выразился, то сейчасъ же и исправлю это: я не уполномоченный Орг. Комитета. Всего знать не могу; меня и студ-та Мефферта уполномочивали говорить относительно Орг. Комитета, можетъ быть, я не все знаю.

Алексѣевъ. Такъ что можетъ случиться, что мы ни отъ Васъ, ни отъ Мефферта, ни отъ кого другого на вопросы, насъ интересующіе, отвѣта не получимъ? Какъ составлялся списокъ «своб. д-щихъ»?

Гапѣевъ. Студ-ты были внесены по собственноручнымъ подписямъ, которые были на главномъ спискѣ, по запискамъ, поданнымъ предсѣдателю, или же по ихъ порученію внесены въ него другими лицами. Такихъ случаевъ было 2—3.

Алексѣевъ. Не можетъ ли листъ изъ укромнаго мѣста, о которомъ Вы говорили, появиться передъ судомъ?

Гапѣевъ. Никто не думалъ въ то время, что это дѣло дойдетъ до суда и эти документы понадобятся.—Они были уничтожены.

Алексѣевъ. Документовъ совершенно нѣтъ?

Гапѣевъ. Да, этого списка нѣтъ.

Алексѣевъ. Вы указывали на Гринчака и Сланскаго. Не можете ли повторить, о комъ Вы не имѣли свѣдѣній?

Гапѣевъ. О Сланскомъ были, а о Кутыринѣ не было. Къ сожалѣнію, всѣ эти свѣдѣнія проходили черезъ предсѣдателя Яньковскаго, а онъ теперь юнкеръ и по своему положенію не можетъ явиться сюда для дачи показаній.

Алексѣевъ. Относительно Егорова, Кутырина и Лопатина въ Орг. Комит. ничего не говорилось?

Гапѣевъ. Лично я ничего не знаю, мнѣ ничего не говорили.

Алексѣевъ. А о Прокоповѣ?

Гапѣевъ. Тоже не знаю.

Алексѣевъ. Вы говорили, что списокъ составлялся 8 апрѣля и даже въ томъ порядкѣ, какъ записывались?

Гапѣевъ. Я сказалъ, не успѣли расположить въ алфавитномъ порядкѣ и напр. Штейгеръ попалъ изъ 5 курса въ 4-й.

Алексѣевъ. Какія у Васъ были свѣдѣнія о «своб. д-щихъ» до 8 апрѣля? Ко времени выпуска бюллетеня № 9?

Гапѣевъ. Бюллетень составлялъ не я. Всѣ эти факты будутъ сообщены. Большую часть я могу сообщить, если Судъ пожелаетъ. По этому поводу у насъ есть разные свидѣтели. Я затрудняюсь сказать, что я зналъ тогда, ибо теперь я знаю многое отъ другихъ.

Алексѣевъ. Вы не помните совершенно?

Гапѣевъ. Повторяю, что затрудняюсь разобраться; во всякомъ случаѣ у насъ есть доказательства.

Алексѣевъ. Списки по рудникамъ и заводамъ разсылалъ только Орг. Комитетъ?

Гапѣевъ. Разсылали лица, уполномоченныя Орг. Комитетомъ.

Алексѣевъ. Только изъ Петербурга?

Гапѣевъ. Да, только изъ Петербурга.

Алексѣевъ. А изъ Лигова не посылали? Вамъ неизвѣстно?

Гапѣевъ. Можетъ быть, кто-нибудь посылалъ и изъ Лигова; я не знаю.

Алексѣевъ. Профессора не принимали участія въ составленіи и разсылкѣ этихъ списковъ?

Гапѣевъ. Въ первый разъ слышу объ этомъ.

Алексѣевъ. Я Васъ не спрашиваю, въ который разъ Вы слышите это, а прошу отвѣтить на мой вопросъ.

Гапѣевъ. Мнѣ это неизвѣстно.

Каминка. Я протестую противъ такого вопроса Алексѣева. По этому поводу не было никакого разговора.

Алексѣевъ. Вы не припомните, какъ попалъ Березовскій?

Гапѣевъ. Березовскій записался сначала къ «своб. д-щимъ», а потомъ вывѣсилъ мотивированное заявленіе, что уходитъ отъ нихъ... Впрочемъ нѣтъ... кажется, наоборотъ: онъ былъ сначала за забастовку, а потомъ присоединился къ «своб. д-щимъ».

Печковскій. А когда это заявленіе было сдѣлано?

Гапѣевъ. До закрытія инст-та.

В. Соколовъ. Это было 16 марта утромъ до закрытія инст-та.

Нечаевъ. Передъ тѣмъ, какъ предать суду общественнаго мнѣнія опозоренныхъ студ-въ, произнеся надъ ними рѣшительный и строжайшій приговоръ, Комитетъ въ свое судилище приглашалъ судимыхъ?

Гапѣевъ. Надо принять во вниманіе, что это было при Плеве—когда больше одного человѣка собираться было нельзя и многолюдныя засѣданія сопряжены были съ большимъ рискомъ. Далѣе, когда собирались два, три человѣка, была уже опасность. По полицейскимъ условіямъ мы не могли собираться.

Нечаевъ. Значитъ Орг. Комит. засѣдалъ по одному въ 12 домахъ? И не опрашивалъ даже другъ друга, не только не выслушивалъ обвиняемыхъ?

Гапѣевъ. Я этого не говорилъ. Комитетъ засѣдалъ часто и отдѣлался въ этомъ году счастливо, хотя въ прежніе годы арестовывали во время засѣданій. Приглашать же студ-въ для допросовъ не представлялось ни возможнымъ, ни нужнымъ. Сходка 15 марта показала, съ кѣмъ имѣютъ дѣло.

Нечаевъ. Т. е. Вы хотите сказать, что то «особое мнѣніе», которое они высказали на сходкѣ 15 марта и является преступленіемъ?

Гапѣевъ. Несомнѣнно, совершенно вѣрно. Это явилось первымъ преступнымъ фактомъ.

Нечаевъ. Но съ точки зрѣнія Орг. Комит. этого факта было достаточно, что-бы вынести позорящій студ-въ приговоръ?

Гапѣевъ. Это мое личное мнѣніе. Я сказалъ, не могли карать такъ, какъ карали за доносъ, содѣйствіе раздачѣ билетовъ и пр. А карать за это было необходимо: и наказали удаленіемъ изъ корпораціи. Мое личное мнѣніе, этого было достаточно.

Нечаевъ. А были ли у Комитета полномочія такимъ тайнымъ образомъ, безъ суда и слѣдствія, принятыхъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, приговаривать къ позору полноправныхъ, если не студ-въ, то во всякомъ случаѣ—людей?

Гапѣевъ. Для того, чтобы заклеймить, полномочій не требуется. Я могу встрѣтиться съ подлецомъ и, не спрашивая ни у кого полномочій, сказать ему: вы подлецъ!

Нечаевъ. Но вѣдь Вы сами же въ отвѣтѣ на одинъ изъ вопросовъ профессора Зернова выразились, что если бы «своб. д-щіе» ограничились однимъ выраженіемъ мнѣнія со свободой дѣйствія, то за это, кромѣ исключенія ихъ изъ корпораціи, никакой другой кары они еще не заслуживали бы. Но были яко-бы еще «поступки», позорные факты. Какими же средствами располагалъ Комитетъ для обнаруживанія этихъ фактовъ и виновныхъ?

Гапѣевъ. Свѣдѣнія доставлялись товарищами, которыхъ «своб. д-щіе» уполномочили заявить Комитету.

Нечаевъ. Но очныхъ ставокъ не было, не извѣщали никого изъ «своб. д-щихъ» о томъ, что его обвиняютъ?

Гапѣевъ. Свѣдѣнія провѣрялись иногда. Опыточная ставка на 5 курсѣ была.

Нечаевъ. А чѣмъ руководствовался Комитетъ, приговаривая студ-въ къ различной степени нравственнаго позора? Вѣдь о „своб. д-щихъ» въ проскрипціи было сказано, что «это люди, лишенные элементарныхъ понятій о нравственности и чести». Дальше кажется идти некуда, а между тѣмъ нѣкоторые «своб.д-щіе» выдѣлены въ особую группу особенно преданныхъ инспекціи. Что это за квалификація, какъ она установилась?

Гапѣевъ Принимались во вниманіе, вѣроятно, особенные конкретные поступки.

Нечаевъ. Ихъ то я и добиваюсь отъ Васъ—какіе могутъ быть «особенные» поступки у лицъ, лишенныхъ элементарныхъ понятій о чести и нравственности.

Гапѣевъ. Молчитъ [1]).

Леонтьевъ. Орг. Комит. составлялся предсѣдателемъ сходки. Если бы предсѣдатель былъ изъ «своб.д-щихъ», то онъ могъ бы составить Орг. Комит. и такой Комитетъ былъ бы законнымъ и его постановленія были бы обязательными.

Гапѣевъ. Не допускаю возможности такого предсѣдателя.

Леонтьевъ. Но если бы...

Гапѣевъ. Я не могу считаться съ „если бы“.

Леонтьевъ. Я спрашиваю о правилѣ. Если предсѣдатель сходки былъ бы противникъ резолюціи, кто составлялъ бы Комитетъ?

Гапѣевъ. Яньковскій не былъ радикаломъ и яркимъ краснымъ—все же онъ составилъ Орг. Комит.

Леонтьевъ. Значитъ, могло бы быть, что предсѣдатель изъ «своб. д-щихъ», составившій Орг. Комит., былъ бы въ то же время исключенъ изъ корпораціи.

Гапѣевъ. Могло бы быть особое постановленіе сходки въ измѣненіе этого порядка.

Леонтьевъ. И въ такомъ случаѣ выбралъ бы изъ своей партіи?

---

[1]) Въ черновикѣ свободомыслящихъ записано такъ: Нечаевъ. «Но ихъ не упоминали, не считали нужнымъ». Дальше вопросъ Леонтьева.

Гапѣевъ. Ему предоставляется выбрать. Сходка выражаетъ довѣріе предсѣдателю.

Леонтьевъ. Значитъ совершенно случайно?

Гапѣевъ. Да.

Леонтьевъ. До сихъ поръ Вы не дали ни одного факта противъ отдѣльныхъ лицъ и все обѣщаете въ будущемъ.

Гапѣевъ. Они будутъ указаны.

Леонтьевъ. Не будете ли Вы любезны, хотя на счетъ одного. Въ бюллетенѣ сказано относительно одного студ-та, что онъ «поступилъ на довольно выгодныхъ условіяхъ въ платное услуженіе инспекціи». Какого рода была эта служба?

Гапѣевъ. Это относится къ дѣятельности нашей издательской комиссіи. Изъ студенческихъ учрежденій, я участвовалъ въ фондѣ и издательской комиссіи, въ которой былъ кассиромъ; протоколы засѣданій комиссіи вывѣшивались въ буфетѣ. Когда былъ закрытъ инст-тъ, поднялся вопросъ, какъ быть съ издательской лавочкой. Засѣданія издательской комиссіи были гласныя, присутствовать могъ всякій. Съ 1902 года всѣ хозяйственныя дѣла велъ ст—тъ Драгомиръ Поповичъ—онъ былъ у насъ наемнымъ служащимъ сначала за 25, потомъ за 30 руб. въ мѣсяцъ на прикащичьихъ условіяхъ. Онъ принималъ лекціи изъ типографіи, продавалъ ихъ, велъ отчетность о продажѣ,—вообще, на немъ лежали всѣ хозяйственныя обязанности. Послѣ забастовки, само собой, дѣятельность комиссіи прекратилась; отдѣльное совѣщаніе комиссіи постановило закрыть лавочку, у Поповича были я, Лемпертъ и Новосильцевъ (предсѣдатель издательской комиссіи). Поповичъ говорилъ, что студ-ты протестуютъ противъ этого, что за нѣкоторые курсы у насъ деньги были получены впередъ и что нужно выдавать листы по мѣрѣ ихъ отпечатыванія; мы рѣшили лавочку не открывать, а лекціи перевести на квартиру Поповичу, но онъ почему то отказался; тогда не смотря на протестъ мы рѣшили лавочку закрыть. Дверь заперли на ключъ и кромѣ этого повѣсили замокъ, чтобы снять съ него отвѣтственность въ претензіяхъ со стороны студ-въ. Были отдѣльныя претензіи желающихъ получить лекціи, а также студ-въ, исполнявшихъ работы для издательской комиссіи: переписчиковъ, чертежниковъ, и т. д. Они не могли получить денегъ, но вѣдь адресная книга находилась въ закрытомъ инст-тѣ, приходилось ловить на улицѣ. Поповичъ сказалъ: «какъ же мнѣ быть?» Мы отвѣтили: «отвѣчайте, что я молъ наемный служащій». Онъ принужденъ былъ согласиться. Мотивомъ повѣсить второй замокъ

послужило то, что по какому то поводу у меня былъ институтскій сторожъ и сказалъ, что сейчасъ въ лавочкѣ были Бальди и Поповичъ. Обратились за разъясненіемъ къ Поповичу и тотъ объяснилъ, что нужно было выдать Бальди экзаменаціонныя программы, деньги за которыя были заплачены. Тогда Лемпертъ и Новосильцевъ были у Коцовскаго, который говорилъ: «Какое Вы имѣете право не открывать лавочки, когда будутъ экзамены»? Новосильцевъ ему сказалъ, что мы не можемъ открыть, пока намъ не дадутъ общей сходки. Коцовскій согласился. Послѣ этого повѣсили замокъ, а ключъ хранился у секретаря. Начались экзамены. Кажется 4 апрѣля Бальди взломалъ лавочку въ присутствіи профессоровъ и Поповича. Сдѣлалось извѣстно, что онъ вступилъ на службу въ инспекцію по продажѣ лекцій. Онъ пришелъ въ столовую Гунста дать намъ ключи. Онъ сказалъ, что служитъ по инспекціи, а не студенчеству, ничего безчестнаго не находитъ, что «деньги не пахнутъ» и что онъ рѣшилъ продолжать службу, выговоривъ себѣ работать одинъ часъ (вмѣсто полутора часовъ), 50 р., вмѣсто 30, и помощника отдѣльно за 25 р. Фактически время работы было ему сокращено учрежденіемъ должности помощника [1]). Изъ этого видно, что Поповичъ воспользовался смутнымъ временемъ и сдѣлалъ аферу. Въ этомъ смыслѣ въ бюллютенѣ и было указано, что онъ поступилъ на службу къ инспекціи.

Леонтьевъ. Условія его были приняты?

Гапѣевъ. Да.

Леонтьевъ. Значитъ, подъ служеніемъ инспекціи нужно понимать то, что онъ продавалъ книги?

Гапѣевъ. Да, другого нельзя понимать.

Леонтьевъ. Нельзя понимать, что человѣкъ получалъ деньги за какія нибудь другія услуги?

Гапѣевъ. Этого тамъ не сказано.

Люстихъ. Чью собственность составляли лекціи? Это у Васъ не ясно.

Гапѣевъ. Онѣ принадлежатъ студенчеству. Было частное пожертвованіе одного студ-та студенчеству, положившее основаніе студенческому издательскому дѣлу.

Люстихъ. Кому пожертвованы деньги?

---

[1]) Въ черновикѣ свободомыслящихъ записано: Въ столовой Гунста, гдѣ ст-ты собирались послѣ закрытія ин-та, была бесѣда между Поповичемъ и ст-тами, между прочимъ и свидѣтелемъ. Поповичъ говорилъ, что отчетъ будетъ имъ данъ впослѣдствіи; вступая же на службу въ ин-цію онъ нашелъ: «что деньги не пахнуть и что все равно откуда ихъ получать».

Гапѣевъ. Студентамъ. До 96 года издательствомъ завѣдывалъ сторожъ. Послѣ 96 г. завѣдывали студ-ты, но фактически завѣдываніе оставалось у сторожа. Послѣ его смерти, мы приняли имущество, произвели ревизію и открыли массу злоупотребленій. Выбрали первую комиссію, въ которую вошли Воробьевъ, Соколовъ и Газадиновъ, нынѣ «своб.д-щій», но положеніе дѣлъ оставалось то же, что при сторожѣ. Я тогда былъ на первомъ курсѣ, и потому не знаю веденія дѣлъ. Участіе названныхъ лицъ выражалось лишь въ предсѣдательствѣ и выдачѣ денегъ за сдѣланную работу. Отношеніе ихъ было чисто формальное. Съ перемѣной же состава комиссіи, когда въ нее вошли такъ называемые «красные», сразу начались улучшенія. Изданія улучшились съ внѣшней и съ внутренней стороны, выходъ лекцій сталъ болѣе правильнымъ и послѣднее время мы уже проектировали печатать курсы на ротаціонномъ станкѣ, а не на литографскомъ, и одинъ курсъ уже начали печатать.

Люстихъ. Во всякомъ случаѣ этотъ капиталъ въ распоряженіи студ-въ для цѣлей изданія?

Гапѣевъ. Я уклонился въ сторону. По послѣдней рождественской ревизіи и отчету, представленному Коцовскому, имущества было на 10.000 рублей. У насъ конечно не могло быть такой большой суммы, брали въ долгъ деньги отъ Совѣта, всего Совѣтъ далъ разновременно около 7.000 рублей.

Люстихъ. Заимообразно?

Гапѣевъ. Заимообразно или въ пособіе, не знаю. Возвращенія этихъ суммъ не требовалось. Во всякомъ случаѣ 10.000—7.000=3.000 были студенческимъ достояніемъ. Неприкосновенность и собственность эта были нарушены взломомъ.

Люстихъ. Такъ что чисто студенческое учрежденіе Совѣтъ взялъ въ свои руки?

Гапѣевъ. Совѣтъ или инспекція, не знаю; кажется, послѣдняя. Поповичъ говорилъ, что получаетъ жалованье изъ суммъ отъ продажи лекцій.

Люстихъ. Лавочку открыли для тѣхъ студентовъ, которые желали заниматься?

Гапѣевъ. Да. Инспекторъ говорилъ, что суммы останутся неприкосновенны, но потомъ оказалось, что Поповичу платили изъ суммъ комиссіи.

Люстихъ. Но вѣдь Вы платили Поповичу и другимъ изъ тѣхъ же суммъ?

Гапѣевъ. Да.

Люстихъ. Развѣ это возможно служить товарищамъ? Я все-таки не понимаю, какъ это онъ могъ быть прикащикомъ и товарищемъ?

Гапѣевъ. Это не унизительно. Онъ служилъ какъ въ частномъ мѣстѣ и въ столовой комиссіи была платная должность для студ-та.

Люстихъ. Значитъ онъ выполнялъ обязанности, а не служилъ Вамъ прикащикомъ? Эти 30 руб. онъ отъ кого получалъ?

Гапѣевъ. Отъ издательской комиссіи. Деньги общестуденческія.

Люстихъ. Деньги то въ комиссію поступали отъ всѣхъ студ-въ безъ различія партій?

Гапѣевъ. Да, отъ всѣхъ.

Лесгафтъ. Взломъ былъ сдѣланъ по чьему почину?

Гапѣевъ. По личному почину администраціи; былъ ли Совѣтъ, не знаю. Пришли Коцовскій, Курнаковъ и другіе, Бальди нажалъ плечемъ, вошли и описали.

Лесгафтъ. Значитъ, это администрація, а Поповичъ присутствовалъ?

Гапѣевъ. О Поповичѣ не знаю. Это было полное самоуправство. Когда взламывалась издательская комната, членовъ комиссіи не извѣстили. Гдѣ Поповичъ съ ними торговался, я не знаю, онъ не былъ членомъ комиссіи.

Егоровъ. Могу ли я хотя потомъ получить отвѣтъ, почему я попалъ въ позорный списокъ? Нигдѣ я не записывался, да и объ этомъ узналъ только лѣтомъ на Уралѣ, о чемъ и написалъ соотвѣтствующее заявленіе присяжному повѣренному Алексѣеву. (Читаетъ*). Я прошу мнѣ это объяснить, для меня это вопросъ весьма серьезный.

Гапѣевъ. Данныхъ не помню, но, кажется, Яньковскій мнѣ говорилъ, что Вы „своб. д-щій", а можетъ быть другіе. Яньковскій самъ не можетъ давать показаніе, но мы спишемся и постараемся узнать. Впрочемъ вспоминаю, дѣло было кажется такъ: въ музеѣ Яньковскій говорилъ со Шредеромъ, который сказалъ: „если Коноваловъ уйдетъ, то и я уйду". Яньковскій тогда галантно замѣтилъ: „Иванъ Федоровичъ, Вы говорите при свидѣтеляхъ". Тутъ вмѣшались Вы, Яньковскій сказалъ Вамъ: „Я со „своб. д-щими не разговариваю".

Егоровъ. Дѣло было такъ: въ аудиторіи 5 курса Яньковскій говорилъ со Шредеромъ, я былъ тутъ, но въ разговоръ не вмѣшивался, и Яньковскій мнѣ ничего не говорилъ. Да и вообще я съ нимъ до конца былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. На сходкѣ 12 марта, когда группа „своб. д-щихъ" ушла, вставали отдѣльныя

лица, протестовали, присоединялись къ „своб. д-щимъ", напр. Муратовъ, но я оставался на сходкѣ и мыслей своихъ не высказывалъ.

Гапѣевъ. Я больше относительно Васъ не знаю.

Зерновъ. Я теперь вижу, что списокъ составлялся не только по записи, но производилось разслѣдованіе.

Гапѣевъ. Я уже говорилъ, что кромѣ записей, были личныя заявленія, они шли черезъ предсѣдателя.

Зерновъ. Не только словесныя данныя, но и еще какія-то свѣдѣнія, на основаніи которыхъ могли быть сдѣланы заключенія.

Гапѣевъ. Всѣ данныя сообщались предсѣдателю сходки. На основаніи этихъ данныхъ составленъ списокъ.

Бѣлозоровъ. Свидѣтель сказалъ, что можетъ дать «нѣкоторыя разъясненія» отъ Орг. Комит.; также сказалъ, что проскрипціонный списокъ составленъ Орг. Комит. на основаніи объективныхъ данныхъ—собственноручныхъ подписей, данныхъ предсѣдателю сходки. Не разъяснитъ ли онъ мнѣ, какимъ образомъ въ бюллетенѣ О. К. Г. И. № 9 отъ 8 апрѣля переименовано 102 «своб. д-щихъ», когда у предсѣдателя должно было быть 112 подписей: 62—выдѣлившихся на сходкѣ 12 марта и 50 переданныхъ предсѣдателю мной на сходкѣ 15 апрѣля?

Гапѣевъ. Не знаю, но постараюсь узнать.

Бѣлозоровъ. Когда Ченгары записалъ Сланскаго въ «св. д-щіе» и кому эта запись была передана?

Гапѣевъ. При этой записи присутствовалъ Лемпертъ.

Бокій. Списокъ этотъ составлялся мной, и я потомъ объясню все

Бѣлозоровъ. Вы говорите, что общей виной всѣхъ занесенныхъ въ списокъ служитъ не то, что они держали экзамены, а то, что искусственными пріемами завлекали другихъ на экзамены. Не объясните ли, почему въ проскрипціонный списокъ не занесены также «несв-д-щіе», составлявшіе по собственной иниціативѣ экзаменац. группы. Фамиліи нѣкоторыхъ изъ нихъ уже здѣсь назывались: Фитингофъ, Мишинъ и др.

Гапѣевъ. А когда составлялись ихъ группы?

Бѣлозоровъ. До выпуска бюллетеня № 9; группа была подана мною 6 апрѣля; въ нее вошла и группа Фитингофа.

Гапѣевъ. Могли быть и ошибки; хотя я не знаю, заявлялъ ли Фитингофъ.

Бѣлозоровъ. На вопросъ г. Алексѣева о разсылкѣ проскрипціонныхъ списковъ св.-м-щими, Вы сказали, что и «своб. д-щіе» разсы-

лали характеристики св-м-щихъ: напр., въ «Гражданинъ». Какія данныя Вы имѣли, чтобъ приписывать это «своб. д-щимъ»?

Гапѣевъ. Въ статьѣ было сказано, что Мещерскій говорилъ со студ-мъ.

Бѣлозоровъ. На какомъ же основаніи Вы утверждаете, что это былъ «своб. д-щій», когда ихъ тогда еще и не существовало? Вѣдь это же, по меньшей мѣрѣ, смѣло.

Гапѣевъ. Я сказалъ: напр. Но вотъ г. Грунвальдъ и самъ признался, что онъ писалъ въ «Петербургскомъ Дневникѣ».

Бѣлозоровъ. Это—совсѣмъ другое: статья Грунвальда была уже осенью—въ отвѣтъ на кампанію, начатую въ «Руси». А я спрашиваю Васъ про «Гражданина». Есть у Васъ данныя или нѣтъ?

Долбня. Тамъ было сказано: «Любитель порядка».

Гапѣевъ. О «Гражданинѣ»—прямыхъ данныхъ нѣтъ.

Кутыринъ. Обо мнѣ свѣдѣнія Вы можете дать? На какомъ основаніи меня помѣстили въ списокъ?

Гапѣевъ. Я не говорилъ, что я знаю о Васъ что-нибудь.

Кутыринъ. А Вы имѣете возможность узнать, почему меня помѣстили въ списокъ «своб. д-щихъ»? Или укажете, гдѣ это сдѣлать?

Гапѣевъ. Гдѣ хотите, сами собирайте свѣдѣнія; это не мое дѣло.

Кутыринъ. Вы сказали, что законодательнымъ органомъ является сходка; а традиціи?

Гапѣевъ. Традиціи имѣютъ, конечно, значеніе.

Кутыринъ. Объясните разницу между полномочной и неполномочной сходками?

Гапѣевъ. Полномочная сходка собирается для разрѣшенія особо важныхъ вопросовъ по повѣсткамъ, разосланнымъ всѣмъ студ-мъ; для забастовки этого мало. По всѣмъ вопросамъ рѣшеніе такой сходки обязательно для всѣхъ. Обыкновенная же сходка собирается простыми объявленіями на стѣнѣ. Рѣшеніе такой сходки можетъ быть перерѣшено на другой сходкѣ. Только для забастовки необходимо большинство, потому что о послѣдней приходится сообщать членамъ Совѣта, а они желаютъ считаться съ большинствомъ инст-та.

Кутыринъ. Теперь Вы даете иное толкованіе: раньше въ заявленіи Вашемъ Суду Вы говорили, что полномочной сходкой называется «всякая заранѣе объявленная».

Гапѣевъ. Подайте мой портфель... Читаетъ изъ заявленія въ судъ: «всякая заранѣе объявленная сходка полномочна по тѣмъ вопросамъ, которые были здѣсь рѣшены».

Кутыринъ. Что же болѣе правильно?

Гапъевъ. Въ моемъ заявленіи терминъ «полномочная сходка» употребленъ неточно. Должно быть: полномочна по данному вопросу. Дальше вѣдь сказано, что рѣшенія такихъ сходокъ могутъ быть измѣнены сходкой же.

Зерновъ. Значитъ полномочной сходкой является не заранѣе объявленная, а заранѣе объявленная и собранная по особымъ повѣсткамъ?

Гапъевъ. Да.

Кутыринъ. Когда была собрана сходка для выбора третейскихъ судей, то были ли повѣстки? Въ объявленіи о сходкѣ было ли сказано, что будутъ выбирать представителей отъ студ-въ въ третейскій судъ?

Гапъевъ. Я не студ-тъ Горнаго института, отказываюсь отвѣчать.

Кутыринъ. Однако заявленіе Вы дѣлали! Все-таки для чего же была собрана сходка? Для выбора Судей или для выбора представителей?

Гапъевъ. Не знаю. Посмотрите на мои наплечники. Я студ-тъ Технол. инс-та.

В. Соколовъ. Я очень прошу отвѣтить категорически, безъ замалчиванья; если Вы захотите, то, конечно, можете это сдѣлать. Въ проскрипціонномъ спискѣ существуетъ градація:—человѣкъ 20 выдѣлены, какъ «особо отличившіеся». Чѣмъ руководствовался Орг. Комит., когда ихъ выдѣлялъ?

Гапъевъ. Большей или меньшей полезностью инспекціи.

В. Соколовъ. Въ чемъ же выражалась эта полезность?

Гапъевъ. Способствовали ускоренію темпа экзаменовъ. Вы, напр., способствовали раздачѣ билетовъ.

В. Соколовъ. Такъ что туда выдѣлены всѣ сборщики группъ?

Гапъевъ. Вѣроятно.

Соколовъ. «Да» или «нѣтъ», а не вѣроятно?

Гапъевъ. Не все сборщики. Обвиненія составляются противъ всѣхъ въ лицѣ отдѣльныхъ представителей.

В. Соколовъ. Однако въ особую категорію внесли только нѣкорыхъ. На какомъ основаніи? Почему внесли именно ихъ?

Гапъевъ. Я говорилъ, что нѣкоторые выдѣленные были сборщиками группъ.

В. Соколовъ. Ну, да это нѣкоторые. А остальныхъ почему внесли?

Гапъевъ. Это покажутъ другіе свидѣтели.

Предсѣдатель предлагаетъ съ этимъ подождать.

Соколовъ. 1-й проскрипціонный списокъ отличается отъ 2-го 12 новыми фамиліями. Какъ составлялся этотъ списокъ?

Гапѣевъ. Могу еще разъ повторить это, но не нахожу нужнымъ.

Соколовъ. Откуда получались свѣдѣнія о поступкахъ различныхъ лицъ? Вѣдь все это происходило между 3—8 апрѣля и при томъ въ инст-тѣ. Орг. Ком. очевидно состоялъ изъ забастовщиковъ. Его приверженцы также. Откуда же получались эти свѣдѣнія? Вѣдь въ инст-тъ не приходили?

Гапѣевъ. Все это узнаете изъ свидѣтельскихъ показаній.

Соколовъ. Вы знали содержаніе письма Мушкетова?

Гапѣевъ. Читалъ.

Соколовъ. Какія поступки онъ указываетъ?

Гапѣевъ. Тамъ была фраза, что, не свобода экзаменовъ, а свободное дѣланіе подлостей.

Соколовъ. Но подлостей онъ не перечислялъ?

Гапѣевъ. Факты не приводились.

Зерновъ. Оказывается были свѣдѣнія относительно отдѣльныхъ лицъ? Было какое нибудь дознаніе?

Гапѣевъ. Можетъ быть относительно двухъ, трехъ лицъ; я не знаю фактическихъ данныхъ.

Зерновъ. Значитъ не только по списку, но и по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ?

Гапѣевъ. Свѣдѣнія несомнѣнно давались.

Зерновъ. Значитъ, былъ какой-то судъ, кто-то давалъ показанія, кто-то судилъ?

Гапѣевъ. Были данныя и больше ничего.

Зерновъ. Значитъ это былъ судъ безъ вызова обвиняемыхъ?

Кутыринъ. Въ объяснительной запискѣ Каминки представленной въ Судѣ говорится, что виновна вся партія «своб.д-щихъ». Вы обязуетесь доказать, что всѣ лица, заключающіеся въ спискѣ, принадлежатъ къ партіи «своб.д-щихъ»?

Гапѣевъ. Нѣкоторые попали въ этотъ списокъ неправильно, напр. Гринчакъ; Слэнскій протестовалъ, но относительно него было доказано. Гринчакъ осенью заявилъ объ этомъ и былъ вычеркнутъ.

Зерновъ. Но послѣ того, какъ это выяснилось, особыхъ опроверженій по рудникамъ и заводамъ не было разослано?

Гапѣевъ. Я не знаю...

Леонтьевъ. Но особаго опроверженія не разсылалось?

Гапѣевъ. Послѣ этого вычеркнулось еще человѣка 4 или 5 Объ этомъ было въ «Русь» послано. Имѣется помѣтка объ этомъ Лури.

Егоровъ. Этого мало. Списокъ былъ разосланъ вездѣ, а «Русь» не всѣ читаютъ.

Алексѣевъ. Не было ли среди части студенчества, называемой теперь «своб.д-щими», учрежденія, наблюдавшаго за нравственностью студентовъ, не засѣдала ли черезъ двѣ недѣли особая тайная комиссія?

Гаппѣевъ. Это мнѣ совершенно неизвѣстно. Первый вопросъ о шпіонствѣ былъ поднятъ Бутми-де-Кацманомъ. Особой комиссіи для надзирательства не было.

Егоровъ. Я обращаю вниманіе Суда, что Бутми-де-Кацманъ подъ вызовомъ не подписывался, здѣсь онъ не присутствуетъ и защищаться не можетъ.

Предсѣдатель. Да, Судъ это обсудитъ въ свое время.

Нечаевъ. Вы здѣсь сказали, что по Вашему вся группа «своб.д-щихъ» виновна потому, что воспользовалась плодами предосудительной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ...

Гаппѣевъ А во-вторыхъ, не реагировала на поступки.

Нечаевъ. Но и каждаго изъ этихъ обстоятельствъ порознь было ли достаточно для того, чтобы осудить «своб.д-щихъ» такъ, какъ они были осуждены?

Гаппѣевъ. Да, вполнѣ достаточно. Пользованіе—преступно.

Нечаевъ. «Поступки» пока, къ сожалѣнію, еще не выяснены. Можетъ быть Вы объясните, какіе это были «плоды»?

Гаппѣевъ. Переходъ на слѣдующій курсъ по облегченнымъ экзаменамъ, стипендіи, пособія и т. п.

Нечаевъ. Значитъ, кто не перешелъ и ни чѣмъ не пользовался...

Гаппѣевъ. Значитъ, только, что не сумѣлъ: я знаю тѣхъ, кто держалъ экзамены, но не могъ ихъ выдержать и тутъ. Неужели онъ невиновенъ?

Нечаевъ. Но перешедшіе—и «своб.д-щіе» и св-м-щіе, какъ воспользовавшіеся плодами предосудительной дѣятельности нѣкоторыхъ студ-въ, всѣ достойны позора, преступники?

Гаппѣевъ. Вы не такъ ставите вопросъ.

Нечаевъ. Ставлю его я, а не Вы, и потому позвольте ставить такъ, какъ я хочу.

Гаппѣевъ. Кромѣ того они держали экзамены.

Нечаевъ. Значитъ всякій перешедшій повиненъ, такъ какъ воспользовался плодами.

Гаппѣевъ. Несомнѣнно. Они не просто держали экзамены.

Нечаевъ. Кто они?

Гапѣевъ. Всѣ «своб.д-щіе».

Нечаевъ. Вѣдь это еще не плоды?

Гливицъ. Позвольте мнѣ разъяснить этотъ вопросъ, одно держаніе экзаменовъ еще не преступленіе. Плоды эти еще хуже—это полный разгромъ инст-та. И эти плоды были не тогда, когда ушли лучшіе профессора, а теперь. Они сказываются въ полной дезорганизаціи инст-та. За нее мы обвиняемъ всю группу «своб.д-щихъ», и не наше дѣло разбираться въ томъ, кто изъ «своб.-щихъ» виноватъ болѣе, а кто менѣе. Пусть въ этомъ разберутся они сами.

Нечаевъ. Къ сожалѣнію г. Гливицъ въ качествѣ свидѣтеля не выступаетъ, а довольствуется случайной ролью объяснителя, такъ что на его свѣдѣнія опираться не приходится. Къ тому же точка зрѣнія его не нова: такіе же взгляды устанавливались здѣсь «свидѣтелями отъ начальства» на уволенныхъ; эти свидѣтели тоже повидимому не любили отдѣлять правыхъ отъ виноватыхъ. Другія показанія даетъ свидѣтель Гапѣевъ. По его словамъ одни лица совершили предосудительные поступки, другіе пользовались ихъ плодами...

Гапѣевъ. Вы напрасно думаете, что здѣсь противорѣчіе: я хотѣлъ сказать то же самое.

Нечаевъ. Хотѣли—можетъ быть,—но сказали иное. Вы сказали о «плодахъ» предосудительной дѣятельности отдѣльныхъ членовъ группы. Что же это, наконецъ, за плоды?

Гапѣевъ. Содѣйствіе темнымъ силамъ, отъ которыхъ мы задыхались: они сознательно имъ помогали, достаточно и этихъ плодовъ. За это они и поплатились...

Нечаевъ. Поплатились обвиненіемъ ихъ въ томъ, что всѣ занимались шпіонствомъ, доносами и пр. и въ то же время Вы утверждаете (и обѣщали доказать), что всѣ «своб.д-щіе» знали о разныхъ подлостяхъ отдѣльныхъ членовъ.

Гапѣевъ. Я говорилъ, что нѣкоторые знали.

Нечаевъ. Нѣтъ. Вы говорили—всѣ. Ну, а тѣ, которые не знали и не могли знать? Я, напр., совершенно ничего не зналъ.

Гапѣевъ. Да Вы въ списокъ записывались?

Нечаевъ. На это я Вамъ сейчасъ не отвѣчу.

Гапѣевъ. Ну, такъ и я не стану Вамъ отвѣчать.

Нечаевъ. (вмѣстѣ). Почему же, вѣдь Вы свидѣтель и прежде на мой вопросъ...

Злотницкій. (вмѣстѣ). Если хотите, я Вамъ отвѣчу за Нечаева...

Злотницкій. Нечаевъ въ списокъ не записывался; когда я шелъ

на сходку, онъ далъ мнѣ записочку, въ которой просилъ распорядиться его голосомъ. Здѣсь уже высказывался такой взглядъ, что оставленіе за собой свободы дѣйствія было выраженіемъ особаго мнѣнія. Такъ это дѣйствительно и было. На сходкѣ 15 марта студ-тъ Старженецкій-Лаппа закричалъ: «Прочтите фамиліи этихъ подлецовъ, которые оставили за собой свободу дѣйствій». На это предсѣдатель Яньковскій замѣтилъ ему: «По конституціи Горн. инст-та не возбраняется имѣть особое «мнѣніе». Записывая себя и Нечаева на листокъ со «свободой дѣйствій», я именно и имѣлъ въ виду заявить о своемъ особомъ мнѣніи. Мнѣ не пришлось досидѣть до конца сходки, такъ какъ товарищъ предсѣдателя Рейнвальдъ обозвалъ сходку баранами...

Рейнвальдъ. Я не былъ товарищемъ предсѣдателя, а временно замѣнялъ Яньковскаго.

Злотницкій. Это безразлично; фактъ остается фактомъ. Послѣ этого я не счелъ для себя возможнымъ оставаться на сходкѣ. Ушелъ изъ инст-та и долго такъ не бывалъ. Я совершенно не зналъ, что меня противъ моей воли занесли въ «партію», списокъ который былъ разосланъ по рудникамъ и заводамъ. Вы даже не прислали обвиненнымъ увѣдомленія, что сдѣлали нападеніе на ихъ честь и доброе имя. Объ этомъ я узналъ только осенью.

Предсѣдатель. Факты установлены;—оцѣнка же будетъ сдѣлана Судомъ.

Грунвальдъ. Вы заявляли о полученіи стипендіатами пособій, указывали на меня и Ждановъ услужливо подтверждалъ. Вы утверждаете категорически, что изъ стипендіатовъ «своб.д-щіе» пользовались усиленными пособіями и стипендіями?

Гаптѣевъ. Я теперь студентомъ не состою, не знаю.

Грунвальдъ. Почему же Вы его объ этомъ спрашивали,—изъ любопытства?

Гаптѣевъ. Просто мнѣ было интересно.

Грунвальдъ. Можетъ быть, Вы сообщите, почему Ждановъ такъ быстро отвѣчалъ на Ваши вопросы по даннымъ канцеляріи? И почему у Васъ такъ много свѣдѣній изъ инспекціи?

Гаптѣевъ. Въ запискѣ «своб.д-щихъ» данныхъ изъ инспекціи больше и гораздо подробнѣе: я этого вопроса не поднималъ.

Предсѣдатель закрываетъ засѣданіе и назначаетъ засѣданіе на 3 апрѣля въ 10 часовъ утра.

ПРОТОКОЛЪ.

13-го засѣданія Третейскаго Суда чести отъ 2 апрѣля 1901 года.
Отсутствовали: Н. Н Печковскій и В. М. Гессенъ. Предсѣдательствовалъ В. О. Люстихъ.

Предсѣдатель вызываетъ бывш. ст. Б. Мефферта.

Меффертъ. Вначалѣ объ Орг. Комитетѣ. Орг. Комитетъ впервые появился въ 99 г. Сходка дала инструкціи поведенія его на время забастовки. Онъ долженъ былъ въ духѣ резолюціи сходки принимать необходимыя мѣры для укрѣпленія солидарности и устранять попытки нарушенія принятаго рѣшенія. Въ силу этого право «обструкціи» считалось принадлежащимъ Орг. Ком., но этимъ правомъ Орг. Ком. никогда не пользовался въ широкихъ размѣрахъ. Въ случаѣ появленія на фонѣ движенія «новыхъ фактовъ», могущихъ измѣнить принятое рѣшеніе, Орг. Ком. обязанъ былъ созвать общую сходку, что всегда имъ и дѣлалось, за исключеніемъ 1902 г. Этими инструкціями Комитетъ и руководился въ 1904 году. Что касается 1-го списка «своб. д-щихъ» отъ 8 апрѣля, то подробнѣе разскажетъ студ-тъ Бокій. Я же скажу по этому поводу слѣдующее: 12 марта бып поданъ предсѣдателю сходки автографическій списокъ въ 55 чел., къ которымъ присоединились тутъ же еще 7 чел.; 15 марта студ-тъ Бѣлозоровъ подалъ еще списокъ съ 15 фамиліями, изъ которыхъ 7 уже упоминались въ первомъ спискѣ. Затѣмъ, на сходкѣ же послѣ исключенія «своб. д-щихъ» изъ корпораціи присоединились къ «своб. д-щимъ» Громовъ, Штейгеръ и В. Соколовъ. Всѣ эти списки хранились у предсѣдателя. Бокій просилъ ихъ у предсѣдателя для снятія копіи, такъ какъ исключенные изъ корпораціи не могли уже пользоваться студенческими учрежденіями и совмѣстно съ Лемпертомъ онъ снялъ эти копіи.

Зерновъ. Сколько же фамилій всего было у предсѣдателя?

Меффертъ. За вычетомъ упоминавшихся два раза—105 да еще три. Первый списокъ отъ 8 апр., разосланный по рудникамъ и заводамъ, составлялся при непосредственномъ участіи г. Бокія: онъ объ этомъ самъ и будетъ говорить. Я только повторяю, что данныя были таковы: списокъ, поданный 12 марта, списокъ, поданный 15 марта Бѣлозоровымъ, устныя заявленія на сходкѣ: Штейгера, Соколова и Громова. Всего 108 фамилій; причемъ были вычеркнуты до 8 апр. 5 чел.: Ренгартенъ, Мушкетовъ, Ледневъ, Пеерна и фамилію 5-го не помню.

Въ бюллетень отъ 8 апр. не попалъ Савичъ, хотя онъ былъ

въ спискѣ, поданномъ предсѣдателю. Первый списокъ былъ вывѣшенъ въ частной столовой Гунста и слѣдовательно могъ быть извѣстенъ студ-мъ. Разскажу теперь объ опросѣ Орг. Комитетомъ сторонъ. Опросъ былъ вызванъ деморализующимъ вліяніемъ мѣропріятій администраціи (раздачей билетовъ). Текстъ, подъ которымъ брали подпись, былъ приблизительно такой; обязуемся не пользоваться входными билетами, не держать экзаменовъ до общей сходки и слѣдовать указаніямъ Орг. Комитета. Изъ 300 спрошенныхъ согласились дать подписи 260. Во время опросовъ выяснилось, что Лопатинъ, Малышевъ и Березовскій держатся мнѣній аналогичныхъ «своб. д-щимъ», а относительно Савича, что онъ записанъ въ «своб. д-щіе». Эти данныя не были совершенно использованы при составленіи перваго списка; въ концѣ послѣдняго сказано, что вошли не всѣ, а лишь тѣ, о которыхъ имѣлись данныя въ Орг. Комитетѣ; другіе же не попали вслѣдствіе спѣшности составленія списка. Второй списокъ составленъ на основаніи слѣдующихъ матеріаловъ (въ него вошли 12 лишнихъ фамилій): 1) Бюллетень 8 апр. 2) собственноручныя записи и визитныя карточки на имя предсѣдателя Яньковскаго. Эти записки хранились у предсѣдателя Яньковскаго. 3) устныя заявленія, т. е. сдѣланныя оффиціально на сходкѣ 15 марта. Также запись по поручительству (Злотницкій за Нечаева; Ченгеры за Сланскаго); 4) отдѣльныя лица просили довести о своей принадлежности къ «своб. д-щимъ»; такъ Завадскій просилъ Гапѣева. 5) Данныя опроса Орг. Комитета (Лопатинъ и др.); 6) всѣ прежніе матеріалы, служащіе для составленія перваго списка; 7) оффиціально доводимыя до Орг. Комитета заявленія о выходѣ изъ «своб. д-щихъ» (Яковлевъ, Прокоповъ). Сюда не попали нѣкоторыя лица, о которыхъ были частныя свѣдѣнія, что они собственно принадлежатъ къ «своб. д-щимъ», но точныхъ данныхъ не было, напр. студ-тъ Фитингофъ. Что касается студ-та Поповича, хотя и не принадлежащаго къ «своб. д-щимъ», но попавшаго въ ихъ списокъ, то онъ занесенъ тамъ отдѣльно на основаніи его поступковъ, несовмѣстимыхъ съ принадлежностью къ корпораціи. Что касается заголовка списка, то и тогда уже имѣлись некрасивые поступки «своб. д-щихъ». Однако Орг. Комит. не считалъ всѣхъ «своб. д-щихъ» участниками въ некрасивыхъ поступкахъ, но винилъ ихъ въ попустительствѣ и укрывательствѣ. Но эта оговорка, къ сожалѣнію, была упущена Орг. Комитетомъ въ заголовкѣ проскрипціоннаго списка и это, конечно, промахъ со стороны Комитета. Внизу списка перечисляются фамиліи...

Зерновъ. Изъ числа перечисленныхъ или новыхъ?

Мефферть. Изъ перечисленныхъ уже. Орг. Комит. этимъ перечисленіемъ хотѣлъ отмѣтить наиболѣе энергичныхъ дѣятелей этой группы. Выдѣленіемъ 17 лицъ имѣлась ввиду ихъ организаторская дѣятельность, какъ во время патріотическихъ сходокъ, такъ и въ группѣ «своб. д-щихъ» (напр.: составленіе экзаменаціонныхъ группъ, выборъ товарищей). Затѣмъ я хочу указать, что если «своб. д-щимъ» списокъ не былъ извѣстенъ весной, то осенью уже былъ извѣстенъ всѣмъ; однако никакихъ шаговъ къ реабилитаціи они не дѣлали до начала газетной кампаніи. Теперь я отвѣчу Егорову отъ имени Орг. Комитета на заданный имъ, Егоровымъ, вопросъ: Вы записаны на основаніи какихъ-нибудь изъ указанныхъ выше данныхъ (снова перечисляетъ ихъ).

Егоровъ. Ни одинъ изъ этихъ признаковъ ко мнѣ не подходитъ.

Мефферть. Въ данный моментъ документальныхъ данныхъ представить нельзя, такъ какъ они утеряны. Но Вы попали только по одному изъ указанныхъ путей.

Егоровъ. На прошломъ засѣданіи Гапѣевъ заявилъ, что Яньковскій «считалъ» меня «своб. д-щимъ». Можетъ ли это имѣть значеніе?

Мефферть. Можетъ быть Яньковскій имѣлъ какія-нибудь объективныя свѣдѣнія.

Егоровъ. А если эти свѣдѣнія Яньковскаго окажуться субъективными, то будетъ ли этого достаточно, чтобы меня считать записаннымъ правильно?

Мефферть. Нѣтъ, этого недостаточно, такъ какъ Орг. Комит. субъективными свѣдѣніями не пользовался, мнѣніе одного Яньковскаго не могло быть причиной появленія вашей фамиліи въ спискахъ «своб. д-щихъ».

Гапѣевъ заявляетъ, что имъ послано письмо Яньковскому.

Егоровъ. Я тоже ему посылалъ.

Зерновъ. Вы утверждаете, что въ этотъ списокъ фамиліи вносились по объективнымъ признакамъ?

Мефферть. Да, на основаніи уже перечисленныхъ матеріаловъ.

Зерновъ. Если бы были лица, которыя въ этомъ спискѣ не значились, но совершившія какіе либо поступки, то онѣ были бы внесены?

Мефферть. Въ этотъ списокъ могли быть внесены только «своб. д-щіе». Исключеніе, какъ видно, сдѣлано только для Поповича, который все же отдѣленъ отъ «своб. д-щихъ» и относящейся къ нимъ

характеристики. Если были объективныя перечисленныя доказательства «свободы дѣйствія», то эти лица вносились, хотя бы за ними лично и не было другихъ болѣе компрометирующихъ поступковъ.

Зерновъ. Почему Орг. Комитетъ производилъ опросы? Въ прежніе годы этого не бывало?

Мефферть. Въ прежніе года бывали также опросы, но они вызывались мѣропріятіями начальства.

Зерновъ. Почему же была произведена эта анкета въ 904 году?

Мефферть. Орг. Комит. никогда безъ причины не спрашивалъ о довѣріи къ себѣ, но въ 1904 г. весной раздавались билеты, противъ которыхъ надо было бороться, надо было выставить силу.

Зерновъ. Когда была произведена эта анкета?

Мефферть. До 31 марта, т. е. до начала экзаменовъ.

Зерновъ. Не было ли въ Орг. Комит. рѣчи о недостаточной авторитетности для студ-въ полученнаго большинства?

Мефферть. Относительно формальной стороны Орг. Комит. считалъ забастовку законной; за вычетомъ «своб. д-щихъ» большинство было. Но психологически Комит. нуждался въ опорѣ, ибо великолѣпно зналъ слабость массы, а также и то, что масса долго не можетъ выдержать.

Зерновъ. Термины «свобода дѣйствія» и «своб. д-щій» происхожденія случайнаго? Весною ясно ли представлялось, что это значитъ?

Мефферть. Совершенно ясно: «своб. д-щіе» желали экзаменовъ.

Зерновъ. Указывалось это въ рѣчахъ на сходкѣ?

Мефферть. Всякій ясно представлялъ, что «свобода дѣйствія» значитъ: — я буду держать экзамены, каково бы ни было рѣшеніе сходки. Это было новое опасное явленіе въ институтской жизни.

Зерновъ. Они шли противъ рѣшенія сходки или вообще противъ студенчества?

Мефферть. Въ рѣчахъ указывалось ясно то, что они не подчинятся рѣшенію большинства

Зерновъ. И что бы ни было, какое бы рѣшеніе ни было постановлено? Такъ это понималось?

Мефферть. Они, вообще, отказывались подчиниться рѣшенію студ-въ.

Зерновъ. Обсуждался ли на сходкѣ вопросъ о томъ, какія послѣдствія можетъ повлечь за собой «свобода дѣйствій»?

Мефферть. Я рѣшаюсь думать, что многіе смутно представляли послѣдствія записи въ группу «своб. д-щихъ». «Своб. д-щіе» искали только занятій. Записываясь въ эту группу они расчитывали получить сравнительно большую гарантію экзаменовъ.

Зерновъ. А въ прежніе годы бывали такія заявленія о неподчиненіи большинству?

Мефферть. Заявленія такія бывали и прежде, но они были по частнымъ поводамъ и ихъ никто не считалъ «своб. д-щими».

Зерновъ. А на сходкѣ не разбирался вопросъ о такомъ отдѣленіи отъ большинства?

Мефферть. Объ отдѣленіи «своб.д-щихъ говорили очень много.

Зерновъ. Бывали ли раньше исключенія изъ корпораціи?

Мефферть. Отдѣльные случаи—да.

Зерновъ. А такое массовое изгнаніе было?

Мефферть. Нѣтъ.

Зерновъ. И при томъ только изъ учрежденій?

Мефферть. Бывали изгнанія и со сходки; такъ напр. Жибровскій. Въ 1901 году были удалены Друтъ и Чумаковъ. Нѣкоторые же удалялись только изъ студенческихъ учрежденій.

Лесгафтъ. Фактическія данныя относительно лицъ виновныхъ въ шпіонствѣ, раздачѣ билетовъ, можете указать?

Мефферть. Объ этомъ будутъ говорить другіе.

Лесгафтъ. Кто разсылалъ списки по рудникамъ и заводамъ?

Мефферть. Орг. Комитетъ.

Лесгафтъ. Какая была цѣль?

Мефферть. Цѣль—оповѣстить о расколѣ между студ-ми.

Лесгафтъ. Т. е. оповѣстить о томъ, что не считаютъ ихъ товарищами и обвиняютъ въ шпіонствѣ?

Мефферть. Да, не признаютъ ихъ своими товарищами и осуждаютъ.

Лесгафтъ. Неужели перечисленные проступки можно приписать всѣмъ?

Мефферть. Орг. Комит. не обвиняетъ всѣхъ, какъ совершившихъ позорныя дѣянія, но считаетъ виновными, какъ попустителей и соучастниковъ, ибо они представляютъ организованную группу. Конечно это большой промахъ Орг. Комит., что въ спискѣ и бюллетенѣ это не оговорено.

Лесгафтъ. Вѣдь сознаетесь, что это была очень крутая мѣра: вѣроятно, многіе попали случайно, другіе—не отдавая отчета?

Мефферть. Многіе попали безсознательно, вслѣдствіе отсутствія

вдумчивости; да и Орг. Комит. не думалъ, что могутъ быть какіе-либо практическіе результаты.

Лесгафтъ. Были ли раньше такія оповѣщенія отъ студ-въ про своихъ товарищей?

Мефферть. Примѣры оповѣщенія бывали, но не массоваго характера. Обыкновенно фамиліи опубликовывались въ бюллетеняхъ; разсылки по провинціямъ не было.

Зерновъ. Были ли среди «своб.д-щихъ» такіе студ-ты, которые раньше жили хорошо со своими товарищами?

Мефферть. Несомнѣнно были незаслуживавшіе никакого упрека отъ своихъ товарищей.

Зерновъ. А были ли лица, пользовавшіеся худой репутаціей, но все-таки въ списокъ непопавшіе?

Мефферть. Могли быть: въ списокъ попадали лишь тѣ, принадлежность которыхъ къ «своб.д-щимъ» устанавливалась на основаніи указанныхъ выше объективныхъ данныхъ.

Зерновъ. Могли ли быть такія лица, которыя энергично вели такую же линію, но нигдѣ не записались и, схитривъ такимъ образомъ, въ списокъ не попали?

Мефферть. Да, могли быть.

Лесгафтъ. Можете ли это подтвердить фактически?

Мефферть. Нѣтъ, не могу: лично не помню.

Каминка. Я понялъ Ваши показанія такъ: что это есть списокъ партіи, и въ разборъ поступковъ отдѣльныхъ членовъ Орг. Ком. не вступалъ.

Мефферть. Совершенно вѣрно.

Каминка. Въ то же время Вы знали о существованіи Орг. Ком. своб.д-щихъ»?

Мефферть. Фамилій членовъ Орг. Ком. у насъ не было, но самый фактъ его существованія былъ несомнѣненъ.

Каминка. До появленія исторіи въ печати протестовъ противъ списковъ «своб.д-щихъ» не было?

Мефферть. Въ инст-тѣ объ этомъ вопросъ не подымался.

Каминка. Относительно выхода изъ «своб.д-щихъ» случаи Вамъ извѣстны?

Мефферть. Случаи выхода изъ группы «своб.д-щихъ» были и весной и осенью. Отказавшіеся весною не попали въ списки, а отказавшіеся осенью заявляли объ этомъ сходкѣ, и просили ихъ принять обратно.

Каминка. Выходя изъ партіи они не протестовали, что раньше были занесены въ списки?

Мефферть. Протестовалъ только одинъ Гринчакъ.

Зерновъ. Вы понимали «своб.д-щихъ», что они отдѣлились навсегда, или только на время прошлогоднихъ экзаменовъ?

Мефферть. Мнѣ кажется, что имѣлся въ виду только 1904 г.; что было бы дальше—не могу сказать.

Зерновъ. Что же значитъ выйти изъ группы «своб.д-щихъ»? Post factum сказать, что я не буду держать экзаменовъ? Т. е. человѣкъ дѣлалъ то же, что и всѣ остальные, а потомъ отказывался отъ этихъ дѣйствій?

Мефферть. При какихъ обстоятельствахъ происходило выступленіе изъ «своб.д-щихъ» осенью, въ точности не знаю, ибо свидѣтелемъ этого не былъ.

Зерновъ. Но Вы не считаете, что эта группа вообще обособилась и не хочетъ жить студенческою жизнью?

Мефферть. Возникновеніе группы ««своб.д-щихъ» является неизбѣжнымъ результатомъ жизни инст-та за послѣдніе годы. Безчисленныя забастовки вывели нѣкоторыхъ изъ терпѣнія и заставили добиваться занятій и, пожалуй, эту группу приходится разсматривать, какъ группу, имѣвшую намѣреніе дѣйствовать и дальше. При каждомъ новомъ осложненіи она вновь бы проявлялась неизбѣжно, ибо возникновеніе и существованіе ея было логическимъ результатомъ всего положенія вещей.

Зерновъ. Слѣдовательно группа «своб.д-щихъ»—группа «противъ забастовки»?

Мефферть. Да, группа которая является противовѣсомъ остальной массѣ студенчества и долженствовавшая быть гарантіей на будущее время спокойнаго теченія учебныхъ занятій.

Гапѣевъ. Для того, чтобы войти въ корпорацію изъ «своб.д-щихъ» надо было раскаяться и подчиняться впредь принципу большинства. Раскаявшіеся лица баллотировкой принимались обратно въ корпорацію.

Злотницкій. Такимъ образомъ не можете ли Вы подтвердить, что каждый изъ «своб.д-щихъ», т. е. каждый занесенный въ проскрипціонный списокъ для того, чтобы вернуться въ корпорацію долженъ былъ сдѣлать унизительное заявленіе о томъ, что онъ отрекается, раскаивается и проч?

Гапѣевъ. Для тѣхъ, кто не сознавалъ положенія, унизительнаго ничего не было; а для тѣхъ, кто сознавалъ, это дѣйствительно было унизительно.

Каминка. Слѣдовательно, заявленіе «своб.д-щихъ» должно было быть и касательно прошлаго и касательно будущаго?

Гапѣевъ. Да.

Егоровъ. А въ чемъ же и зачѣмъ долженъ былъ каяться я, когда я ни въ какую группу не записывался?

Злотницкій. Я хочу указать, что студ-ты корпоранты обставили дѣло такъ, что ни одинъ уважающій себя человѣкъ, ежели бы и хотѣлъ, не могъ бы выйти изъ партіи.

Мефферть. Недзельскій просто вывѣсилъ объявленіе, что выходитъ изъ группы «своб.д-щихъ».

Злотницкій. Т. е. сдавши предварительно экзамены. Я уже выяснилъ, при какихъ условіяхъ я записался въ списокъ «своб.д-щихъ». Узнавъ осенью, что «своб.д-щихъ» считаютъ партіей, я захотѣлъ разъяснить это недоразумѣніе и съ этой цѣлью я отправился на сходку студ-въ корпорантовъ. Разсказалъ какимъ образомъ я записался, какъ я ушелъ со сходки 15 марта, что долго въ инст-тѣ не былъ, ничего о происходившемъ не зналъ и ничего дурного не сдѣлалъ. Я обратился къ присутствующимъ и просилъ указать мнѣ мои проступки. Мнѣ отвѣтили молчаніемъ; никакого обвиненія я не услышалъ; затѣмъ ушелъ и вскорѣ узналъ, что студ-ты, то есть вѣрнѣе—сходка рѣшила не разбираться въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ «своб.д-щихъ» и принимать въ корпорацію только тѣхъ, кто принесетъ раскаяніе и унизительное отрѣченіе отъ «своб.д-щихъ».

Соколовъ. (Мефферту). Вы говорите, что всѣ «своб.д-щіе» виновны въ попустительствѣ, какъ члены организованной группы?

Мефферть. Да.

Соколовъ. Корпоранты студ-ты Горн. инст-та организованы?

Мефферть. До извѣстной степени.

Соколовъ. Слѣдовательно въ этотъ промежутокъ времени сту-ты Горн. инст-та, не исключивъ позорящіе ихъ элементы, занимались попустительствомъ въ шпіонствѣ?

Мефферть. Да, аналогія существуетъ, но не вполнѣ: студ-ту Матвѣеву, бросившему обвиненіе, было выражено сходкой порицаніе.

Голоса и «своб.д-щихъ» и «своб-м-щихъ»: этого не было; никакого порицанія сходка не выражала.

Мефферть. Но вѣдь потомъ была комиссія по этому дѣлу.

Соколовъ. Но уже осенью. А за этотъ промежутокъ, я Васъ спрашиваю, студенчество занималось попустительствомъ? Отвѣтьте прямо: «да» или «нѣтъ»?

Мефферть молчитъ.

Рейнвальдъ предлагаетъ отвѣтить за Мефферта.

Соколовъ. Я спрашиваю г-на Мефферть, а не г-на Рейнвальда.

Предсѣдатель проситъ задавать фактическіе вопросы.

Мефферть. Если комиссія не была выбрана весной, то это— вина всего студенчества.

Соколовъ. Вы говорили, что у Орг. Комит. были частныя свѣдѣнія. Какъ собирались они?

Мефферть. Единственный способъ, полагаю, таковъ: очевидцы фактовъ доводили о нихъ до свѣдѣнія Орг. Комитета.

Соколовъ. Письмо Мушкетова—это такое свидѣтельство?

Мушкетовъ. Я нахожусь самъ въ Судѣ и могу самъ разъяснить о письмѣ.

Соколовъ. Въ данный моментъ мы опрашиваемъ Мефферта. (Мефферту). Въ письмѣ Мушкетова вѣдь фактовъ не было? И однако Орг. Комит. его опубликовалъ?

Мефферть. Да, фактовъ не было.

Соколовъ. А если бы кто другой написалъ письмо полное бездоказательныхъ обвиненій, Орг. Комитетъ и его принялъ бы безъ критики,—на вѣру?

Мефферть. Я полагаю, что Орг. Комитетъ, печатая письмо Мушкетова въ бюллетенѣ, считалъ образъ дѣйствія его примѣрнымъ для всѣхъ отказавшихся студ-въ. А факты имѣлись въ Орг. Комитетѣ.

Соколовъ. На сколько образъ дѣйствія Мушкетова «примѣренъ» будетъ явствовать изъ дальнѣйшихъ свидѣтельскихъ показаній. А о какихъ фактахъ Вы говорите?

Мефферть. Публикуя письмо Мушкетова, мы уже знали, что факты такого рода существовали.

Воскресенскій. Орг. Комитетъ поставилъ «своб. д-щихъ» къ позорному столбу, прервалъ съ ними всѣ сношенія до подачи руки включительно. Мнѣ интересно: видѣлъ ли Орг. Комит. силу своего рѣшенія, когда, напр., лѣтомъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, мы жили съ Вами въ самыхъ дружескихъ товарищескихъ отношеніяхъ?

Мефферть. Членъ ли я Орг. Комит., Вамъ—неизвѣстно, но дѣйствительно я зналъ о Васъ, что Вы «своб. д-щій» и считаю себя

виновнымъ за нравственное попустительство. Объясняю слабостью моего характера, да и встрѣтились мы съ Вами при исключительныхъ условіяхъ.

Воскресенскій. А не подтвердите ли Вы, что встрѣтившись съ Поповичемъ на Брянскомъ рудникѣ, Вы съ нимъ также здоровались?

Мефферть. О Поповичѣ я никогда никакихъ даннныхъ не имѣлъ?

Воскресенскій. Не подтвердите ли, что и съ Земницкимъ встрѣтившись на рудникѣ А. Ауэрбаха Вы также поздоровались?

Мефферть. Про Земницкаго я ничего тогда не зналъ; да и не зналъ, что это Земницкій.

Воскресенскій. Такъ же, какъ я ничего не зналъ; хотя Вы и утверждали, что «своб. д-щіе» должны были знать и потому виновны въ попустительствѣ. Всю эту серію вопросовъ я задалъ Вамъ для того, чтобы выяснить, что сами «своб. м-щіе» не вѣрили въ то, что сами же распространяли про «своб. д-щихъ»... Не думаете ли Вы, что весь расколъ среди студ-въ произошелъ благодаря тому, что крайняя лѣвая въ 904 году совершенно потеряла свой прежній нравственный престижъ?

Мефферть. У меня другое пониманіе этого. Появленіе «своб. д-щихъ» объясняется естественными результатами, какъ я говорилъ, послѣднихъ годовъ. Рядъ забастовокъ заставилъ часть студ-въ потерять наконецъ всякое терпѣніе въ надеждѣ окончить курсъ и это повело къ образованію группы, пожелавшей, наконецъ, во что бы то ни стало безпрепятственно кончить инст-тъ и вообще заниматься; поэтому эта группа и пошла на рѣшительные шаги.

Воскресенскій. Не подтвердите ли, что управляющій Брянскимъ рудникомъ горн. инж. Завадскій въ моемъ присутствіи сказалъ Вамъ: «Если даже среди «своб. д-щихъ» и были люди, къ которымъ подходитъ такая характеристика, какъ въ этомъ спискѣ, то нельзя же дѣлать всю группу отвѣтственной; вѣдь въ такомъ случаѣ пришлось бы и Вамъ быть отвѣтственнымъ за тѣхъ мерзавцевъ, которые разсылали этотъ списокъ».

Мефферть. Слово—«мерзавецъ» онъ, кажется, не говорилъ; но въ общемъ такой разговоръ былъ.

Воскресенскій. Не подтвердите ли Вы, что на его слова: «эти списки весной могли имѣть хотя бы предупредительный смыслъ», Вы сказали ему: «да, если эти списки имѣли значеніе, чтобы помѣшать развитію экзаменовъ весной, то осенняя ихъ разсылка не имѣетъ уже смысла, и по всей вѣроятности это сдѣлали лишь нѣсколько лицъ, а не О. К. Г. И.

Мефферть. Что это сдѣлали нѣсколько лицъ, этого я не могъ говорить, такъ какъ сдѣлалъ это Орг. Комит. Что же касается ненадобности такой разсылки осенью, то это мое личное мнѣніе: я ее считалъ ненужной.

Воскресенскій. Помните ли, что горн. инж. Детеръ, недавно кончившій инст-тъ, говорилъ намъ: «Я самъ принадлежалъ къ лѣвой партіи, знаю, что всегда были правые и лѣвые; но чтобы лѣвые пустились на такую штуку, какъ разсылка этихъ списковъ по рудникамъ, это я отказываюсь понимать, и ни чѣмъ не могу этого оправдывать».

Мефферть. Да, онъ это говорилъ.

Воскресенскій. Я повторяю, что эти вопросы, я Вамъ опять-таки предлагаю, чтобы показать представителямъ общественнаго мнѣнія, что Вы сами, принадлежащій къ партіи крайнихъ лѣвыхъ, неодобрительно относились къ факту разсылки списка и такимъ образомъ не вѣрили въ свои дѣйствія.

Мефферть. О разсылкѣ я нѣчто подобное говорилъ; но это было мое личное мнѣніе и никакого противорѣчія я въ этомъ не вижу.

Бѣлозоровъ. Студ-ты Горн. инст-та представляютъ собой корпорацію?

Мефферть. Несомнѣнно.

Бѣлозоровъ. Отвѣтственную за отдѣльныхъ членовъ?

Мефферть. Не понимаю вопроса.

Бѣлозоровъ. Т. е. если отдѣльный ея членъ совершитъ некрасивый для студ-та поступокъ, обязана ли корпорація реагировать на то, судить его и выдѣлять изъ своей среды, въ случаѣ необходимости?

Мефферть. Да.

Бѣлозоровъ. Былъ ли въ корпораціи студ-въ Горн. инст-та трибуналъ, обязанный слѣдить за нравственностью всѣхъ вообще студ-въ?

Мефферть. Никогда не слыхалъ.

Бѣлозоровъ. Но чѣмъ должна была руководствоваться сходка? Не удостовѣрите ли такого порядка: опредѣленнымъ лицомъ должно быть предъявлено конкретное обвиненіе, и тогда сходка принимала на себя судебную функцію?

Мефферть. Т. е. Вы хотите сказать, что нужно было гласно брошенное обвиненіе? Отсутствіе такого обвиненія не составляло препятствія для разбирательства.

Бѣлозоровъ. Я спрашиваю, нужно ли было опредѣленно поставленное обвиненіе противъ опредѣленнаго лица?

Мефферть. Сходка принимала на себя разбирательство или послѣ обращенія къ ней объ этомъ или самостоятельно, руководствуясь представленными ей соображеніями.

Бѣлозоровъ. Чѣмъ же именно руководствовалась при этомъ сходка?

Мефферть. Выбиралась коммиссія изъ лицъ безпристрастныхъ; комиссія собирала данныя, которыя вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ представляла сходкѣ, и сходка рѣшала: виновенъ или невиновенъ.

Бѣлозоровъ. Въ настоящемъ дѣлѣ Вы обвиняете всѣхъ «своб. д-щихъ» въ попустительствѣ. Предположивъ даже, что они—партія, какъ Вы утверждаете, кого же и за что они должны были судить? Было ли опредѣленному лицу поставлено опредѣленное обвиненіе?

Мефферть. Конкретныхъ обвиненій не было, но «своб. д-щіе», какъ группа, отвѣчаютъ за своихъ членовъ и по своей иниціативѣ должны были заняться розыскомъ виновныхъ.

Бѣлозоровъ. Т. е. по Вашему, «своб. д-щіе» должны были устроить у себя сыскной трибуналъ—тотъ самый, котораго не было въ корпораціи?

Мефферть. Называйте, какъ хотите, но всякое общество должно удалять своихъ порочныхъ членовъ.

Бѣлозоровъ. Но стало быть каждому изъ 112 «своб. д-щихъ» вмѣнялось знать всѣхъ остальныхъ? Я вотъ до осени и проскрипціоннаго списка-то не видѣлъ: увидѣлъ его только на Уралѣ.

Мефферть. Такъ какъ обвиненія были главнымъ образомъ около нѣсколькихъ именъ, извѣстныхъ «своб. д-щимъ», то они должны потребовать къ отвѣту этихъ лицъ.

Бѣлозоровъ. Повторяю, фактовъ никакихъ «своб. д-щимъ» извѣстно не было, не смотря на то, что «своб. д-щіе» неоднократно требовали указанія такихъ фактовъ.

Каминка. Гдѣ Вы требовали фактовъ?

Злотницкій. Я требовалъ фактовъ на сходкѣ студ-въ корпорантовъ. Никакого отвѣта на свои требованія я не получилъ.

Бѣлозоровъ. Стремленія выяснить дѣло на сходкѣ, поставить его на фактическую почву предпринимались также нейтральными студ-ми-корпорантами. Каковъ былъ результатъ этихъ попытокъ, явствуетъ изъ письма студ-та («несвоб. д-щаго») Юматова, которое послѣдній проситъ огласить на Судѣ въ качествѣ свидѣтельскаго его показанія. Ходатайствую передъ Судомъ объ оглашеніи этого письма.

Предсѣдатель оглашаетъ письмо: Саратовъ 1905 г. Февр. 11.

«Буде на Судѣ поднимется вопросъ объ отношеніи студенчества къ «своб. д-щимъ», я имѣю сдѣлать слѣдующее свидѣтельское показаніе:

Въ ноябрѣ 1904 года мною и студ-мъ Степаницкимъ былъ поднятъ вопросъ о необходимости студенчеству разсмотрѣть поступокъ О. К. С. Г. И., выразившійся въ разсылкѣ списка «своб. д-щихъ» на многіе заводы, списка, въ которомъ имъ приписываютъ позорныя дѣйствія. Сдѣлалъ я это побуждаемый просьбой Юрія Макарова поднять этотъ вопросъ и по своему глубокому убѣжденію, что мнѣ именно такъ и нужно поступить по долгу справедливости. Вопросъ этотъ былъ поднятъ нами послѣ того, какъ на сходкѣ заговорили о той или иной возможности обратнаго принятія въ корпорацію «свод. д-щихъ», при чемъ едва ли не всѣ сходились на томъ, что нельзя извѣстныхъ обвиненій, выставленныхъ О. К. С. Г. И. въ спискѣ «своб. д-щихъ», относить ко всѣмъ имъ безъ исключенія. Мы настаивали на томъ, что первымъ дѣломъ студенчества является разсмотрѣніе дѣйствій О. К. по отношенію къ «своб. д-щимъ»; мы утверждали, что эти послѣдніе, какъ бы они ни были виноваты вообще передъ товарищами, имѣютъ право ожидать и даже требовать, чтобы въ первую очередь поставлено было разсмотрѣніе дѣйствій Орг. Комитета. Мы основывали свое требованіе на полной несуразности обвиненій, поставленныхъ Орг. Комит. въ спискѣ «своб. д-щихъ», на очевидной для большинства сходки, по крайней мѣрѣ, частичной неправдѣ въ этихъ обвиненіяхъ, а считая эту неправду завѣдомой, т. е. образъ дѣйствій Орг. Ком. клеветническимъ, я настаивалъ, что какъ таковыя, они требуютъ подтвержденій со стороны клеветника, а не опроверженій со стороны оклеветанныхъ, т. е. другими словами—что судимъ долженъ быть Орг. Комит., а не «своб. д-щіе»; я настаивалъ, что иной постановки вопроса сходка дать не имѣетъ права. Тѣмъ не менѣе сходкой постановлено было заняться сначала вопросомъ объ условіяхъ обратнаго принятія «своб. д-щихъ» въ среду студ-въ-корпорантовъ, каковыя и были выработаны въ особой резолюціи. Послѣ того сходка объявлена закрытой, а на протестъ мой съ требованіемъ поставить на обсужденіе поставленный мною вопросъ, мнѣ было объявлено, что это можетъ быть сдѣлано въ слѣдующую сходку, которая явится продолженіемъ этой. Съ открытіемъ этой второй сходки ново-избранный предсѣдатель заявилъ приблизительно слѣдующее: «товарищемъ своимъ я выбираю студ-та В-ва и представляю ему слово». Въ сказанной затѣмъ рѣчи г. В-въ и предложилъ перейти къ обсужденію т. наз. общихъ вопросовъ, находя, что не время теперь заниматься внутренними-институтскими дѣлами. Не смотря на протесты, мои и Степаницкаго, въ которыхъ мы указывали, что сходка не

имѣетъ права безъ достаточнаго основанія снимать съ очереди поднятый вопросъ и что слѣдовательно ни по существу дѣла, ни съ формальной стороны она не имѣетъ права отказывать намъ въ нашемъ требованіи. Сходка стала баллотировать вопросы о порядкѣ дальнѣйшихъ занятій, каковой баллотировкой и было рѣшено заняться сперва разсмотрѣніемъ общихъ вопросовъ. Послѣ этого я, находя введеніе такого порядка въ занятіяхъ сходки равносильнымъ отказу въ разсмотрѣніи поднятаго нами вопроса, сдѣлалъ заявленіе, въ которомъ, указывая на незаконность съ моей точки зрѣнія дѣйствій сходки и объясняя ее пристрастіемъ въ пользу О. К. С. Г. И. я отказывался поднимать вопросъ о правильности его дѣйствій, находя это безполезнымъ. Мотивами къ сужденію о дѣйствіяхъ сходки, какъ о дѣйствіяхъ пристрастныхъ, были слѣдующіе.

1) Въ отправномъ пунктѣ, а именно въ томъ, что по крайней мѣрѣ часть студ-въ изъ списка «свод. д-щихъ» невиновна въ приписываемымъ имъ Орг. Комит.,—сходка согласилась.

2) На логическое развитіе этого положенія, заключавшагося въ утвержденіи права «своб. д-щихъ» (о возможности возвращенія которыхъ въ товарищескую среду заговорила сама сходка) ожидать прежде всего суда надъ дѣйствіями Орг. Комит.,—не было представлено противныхъ доводовъ такъ же прямо, какъ и утвержденія высказанныхъ.

3) На вопросъ сходкѣ, являвшейся прямымъ продолженіемъ первой, внезапно были выдвинуты новые совершенно посторонніе вопросы, при томъ крайне обширные, разсмотрѣніе которыхъ обѣщало занять гораздо больше и главное неопредѣленное количество времени. На предыдущей сходкѣ вопросы эти совершенно не поднимались даже; здѣсь же они были вдругъ признаны по настоянію ораторовъ неотложными сравнительно съ простыми и маленькими вопросами, нами поставленными раньше.

Эти пункты являются, такъ сказать, резюме того, что мною было раньше сказано. Не имѣя пока еще чего либо прибавить, прошу Васъ передать это, въ случаѣ надобности, разсмотрѣнію Суда, какъ показаніе мое.

Борисъ Юматовъ.

Стахевичъ. Это была малочисленная сходка въ ноябрѣ. Вопросъ о «своб. д-щихъ» поднимался и откладывался нѣсколько разъ. Нѣкоторыми студ-ми былъ поднятъ вопросъ о томъ, какъ относиться къ «своб. д-щимъ». Ввиду большого количества вопросовъ первостепенной важности, которые необходимо было разрѣшить, вопросъ объ отношеніи къ «своб. д-щимъ» былъ отложенъ до конца сходки.

Въ концѣ концовъ сходка, правду сказать немногочисленная, какъ и всѣ сходки этого года стала на точку зрѣнія Орг. Комитета, т. е.— всѣ виновны въ попустительствѣ, такъ какъ, зная о поступкахъ членовъ группы, не предприняли никакой дифференціаціи въ своей средѣ и не дѣло сходки судить и разбирать «своб. д-щихъ»; это предоставлено имъ самимъ.

Зерновъ. Сколько человѣкъ было на этой сходкѣ?

Стахевичъ. Человѣкъ 100—120.

Зерновъ. Вы на сходкахъ этого года вообще присутствовали?

Стахевичъ. Да.

Зерновъ. Вообще сколько человѣкъ бывало въ этомъ году на сходкахъ?

Стахевичъ. На послѣдней полномочной сходкѣ въ концѣ января было болѣе всего—230 человѣкъ.

Зерновъ. Это было въ январѣ, а осенью?

Стахевичъ. Вѣроятно человѣкъ 120—150.

Зерновъ. Много ли было сходокъ?

Стахевичъ. 5 или 6 (Голоса: «больше). Въ этомъ годы студ-ты были терроризированы всѣмъ случившимся. Первое зарожденіе сходокъ было совсѣмъ печальное—20—30 чел.; и то собирались украдкой въ чертежныхъ, въ углахъ, избѣгая взглядовъ сторожей (Макаровъ, Рейнъ и др. «Это первокурсники боялись»). Между прочимъ, я упустилъ сказать, что сходка выразила довѣріе и одобреніе Орг. Комитету за его энергичный образъ дѣйствій по отношенію къ «своб. д-щимъ».

Воскресенскій. Въ дополненіе къ предыдущему заявленію долженъ сказать, что въ инст-тѣ въ этомъ году остались только «своб. д-щіе» и «буры», перешедшіе на слѣдующіе курсы, стало быть тоже «нравственно слабые», «позорно павшіе» и т. п. Всѣ же «нравственно сильные» были внѣ инст-та; потому намъ не было возможности предъявлять къ «бурамъ», поддержавшимъ и сдавшимъ экзамены, свои претензіи о реобилитаціи. Вѣдь Комитетъ былъ исключенъ!

Мефферть. Не понимаю, какая связь между необходимой для «своб. д-щихъ» реабилитаціей и тѣмъ, что Орг. Комит. былъ въ это время уже исключенъ?

Воскресенскій. Не понимаете,—я поясню. Вѣдь мы не могли предъявить обвиненія къ лицамъ, которыя не находятся въ инст-тѣ?

Мефферть. Почему же нѣтъ? Средство есть—третейскій судъ.

Голоса. На Судъ мы сами пошли.

Бѣлозоровъ. Вы сказали, что свобода дѣйствія значитъ неподчиненіе никакому рѣшенію ни сходки, ни вообще большинству. Я утверждаю, что на сходкѣ были разговоры только о непризнаніи забастовки. Я утверждаю, что на сходкахъ толковали только о передержкѣ въ цифрахъ и неправильности веденія баллотировки одной стороной. Большаго толкованія свободы дѣйствія, кромѣ какъ непризнаніе предлагавшейся забастовки, на сходкѣ не было. Дальнѣйшая же программа этимъ не опредѣлялась.

Сняткові. Вы дѣлаете передержку: отдѣленіе первыхъ «своб. д-щихъ» было 12 марта. Студ-тъ Томилинъ на листѣ противъ забастовки написалъ слѣдующее: противъ забастовки, а въ случаѣ таковой буду держать экзамены. На той сходкѣ никакихъ споровъ о цифрахъ происходить не могло.

Бѣлозоровъ. Я говорю, что терминъ «свобода дѣйствія» не обсуждался и въ смыслѣ обязательнаго держанія экзаменовъ не устанавливался. Запись за «свободу дѣйствій» вовсе не обязывала держать экзамены и были «своб. д-щіе», недержавшіе экзаменовъ. Не исключивъ «своб. д-щихъ», провести забастовку было нельзя. Я говорилъ, что не было большинства, дѣйствительнаго по традиціямъ инст-та, постановляющаго забастовку. Вопросъ, какъ понимать «свободу дѣйствій» на сходкѣ 15 марта не поднимался; два съ половиной часа занимались только вопросомъ о числѣ. Надо было провести забастовку.

Мефферть. Я не говорю, что занимались спеціально вопросомъ, какъ понимать терминъ «свобод-щіе». Обсуждался смыслъ «свобод-ствія» и былъ выясненъ очень ясно. Я говорю, что въ такомъ смыслѣ это понималось и говорилось. Кто говорилъ,—не помню,—говорили многіе. Весьма возможно они не ставили центромъ своихъ рѣчей, какъ разъ выясненіе этого термина. Я говорю, что вопросъ этотъ былъ вырѣшенъ и всѣ безъ исключенія поняли «свободу дѣйствій» въ смыслѣ неподчиненія какому угодно большинству.

Бѣлозоровъ. Всѣ говорившіе только ругали «своб. д-щихъ», но никто не говорилъ о принципѣ. Какъ, что и почему—объ этомъ не говорили.

Мефферть. Подробное разъясненіе принципа было. Можетъ быть, повторяю, ораторы не ставили центромъ своихъ рѣчей этотъ вопросъ, но разговоръ былъ и, что важнѣе всего, сомнѣній на счетъ истиннаго смысла не было.

Каминка. Если тогда споръ шелъ, какъ производить баллотировку и если баллотировка была неправильна, то зачѣмъ же тогда

появились «своб. д-щіе»? Какой смыслъ былъ въ свободѣ дѣйствій? Если баллотировка неправильна, то можно было и не свобододѣйствуя не подчиняться рѣшенію большинства?

Кутыринъ. Предлагаю отвѣтить на Ваши вопросы.

Каминка. Меня интересуетъ точка зрѣнія Бѣлозорова.

Бѣлозоровъ. Въ свое время буду свидѣтелемъ,—тогда выясню.

Каминка. Настаиваю на вопросѣ, но ввиду отказа, сейчасъ отступаю.

Алексѣевъ. Если Судъ пожелаетъ, то «своб. д-щіе» какъ свидѣтели выяснятъ этотъ терминъ.

Нечаевъ. У каждаго изъ насъ своеобразное мнѣніе относительно принципа «свободы дѣйствія».

Зерновъ. Послѣ закрытія инст-та не дѣлались ли попытки поговорить съ «своб. д-щими»?

Мефферть. Попытки были: 31 марта было частное совѣщаніе 5 курса въ столовой Гунста. Объ этомъ скажетъ Снятковъ, какъ участникъ и очевидецъ.

Нечаевъ. Вы сказали, что Завадскій былъ внесенъ въ списокъ послѣ того, какъ онъ далъ свое согласіе на это Гапѣеву, а Крыловъ?

Мефферть. Завадскій былъ у Гапѣева и заявилъ, что онъ «своб. д-щій», выходитъ изъ корпораціи и въ заключеніе предложилъ Гапѣеву довести это до свѣдѣнія Комитета.

Нечаевъ. Когда это было?

Гапѣевъ. До начала экзаменовъ.

Нечаевъ. Значитъ преступная дѣятельность Завадскаго не была еще ясна,—это было до обструкціи?

Гапѣевъ. Ни о какой преступной дѣятельности говорено не было, просилъ самъ себя занести въ списокъ.

Нечаевъ. А Крыловъ?

Мефферть. Онъ къ этой группѣ не принадлежитъ.

Рейнвальдъ. Крыловъ по своимъ убѣжденіямъ былъ солидаренъ со «своб. д-щими» и заявилъ объ этомъ, но не просилъ доводить этого до свѣдѣнія Орг. Комит., какъ это сдѣлалъ Завадскій. Такъ какъ онъ не выражалъ оффиціально просьбу быть занесеннымъ въ этотъ списокъ, то и не былъ внесенъ.

Нечаевъ. Хотя бы de facto онъ былъ самый настоящій «свобод. д-щій», но разъ не изъявлялъ желанія доводить до свѣдѣнія Орг. Ком., то въ проскрипцію не попадалъ?

Рейнвальдъ. Да, хотя бы de facto и былъ.

Нечаевъ. Какіе признаки организованности Вы видите у «свб. д-щихъ?» Въ чемъ преступная дѣятельность до обструкціи?

Мефферть. Въ томъ, что они не были отдѣльными посѣтителями Доказательства организованности сообщатъ другіе. Я лично вижу преступность и признаки организованности ихъ въ томъ, что они представляли изъ себя сплотившуюся на сходкѣ группу, собрались на отдѣльную сходку, производили впечатлѣніе организаціи, первыми держали экзамены и выпускали бюллетени съ указаніемъ цѣли, для чего они сплотились. Въ совокупности же все это было направлено къ поддержанію Коновалова, своихъ выгодъ въ ущербъ товарищамъ, къ деморализаціи массы; все это неминуемо привело къ разгрому.

Нечаевъ. Признакъ тотъ, что были на одной общей сходкѣ?

Мефферть. Отдѣльные факты это не доказываютъ, но совокупность на это указываетъ...

Нечаевъ. А не вѣрнѣе ли то, что и общая сходка и прочіе симптомы организованности, которые проявляли «свобод. д-щіе», были направлены только къ одной цѣли: создать у себя такое же «общество потребителей», какимъ по моему является и ваша корпорація, дабы обезпечить себя матеріальными обстоятельствами, какъ-то: лекціями, книгами и пр., каковыхъ они лишались съ исключеніемъ ихъ изъ такъ назыв. корпораціи?

Мефферть. Этого не знаю и не думаю. Цѣль ихъ была по моему добиться спокойствія въ инст-тѣ, какой угодно цѣной и держать экзамены во что бы то ни стало.

Нечаевъ. Это Ваше предположеніе?

Мефферть. Мое предположеніе, что цѣль ихъ такова.

Нечаевъ. Чѣмъ руководствовался Орг. Комит. занося 17 «своб. д-щихъ» въ группу особенно отличившихся?

Мефферть. Я не буду отвѣчать относительно отдѣльныхъ лицъ, но вообще скажу, что Орг. Комитетъ зналъ, что эти лица—собиратели подписей подъ патріотической резолюціей, или вообще организаторы, или же были составителями экзаменаціонныхъ группъ, коимъ было поручено сортировать студ. руководствуясь ихъ благонадежностью.

Нечаевъ. Но вѣдь патріотизмъ, какъ таковый, не можетъ быть достаточнымъ для того, чтобы благодаря ему попасть въ «особо отличавшіеся доносчики и шпіоны».

Мефферть. Были и другіе факты, но я ихъ называть не буду.

Нечаевъ. Но несомнѣнно, слѣдовательно, то, что Орг. Комит. какъ и Совѣтъ инст-та, при составленіи проскрипціи, вспомнилъ «старые грѣшки» ст-въ.

Пятницкій. Вы вообще не будете называть фактовъ?

Мефферть. Нѣтъ, не буду.

Нечаевъ. Вы утверждаете здѣсь, что если не весной, то осенью ужъ навѣрное, всѣ своб. д-щіе» знали о дѣятельности своихъ членовъ, «но мы, говорите, не видѣли никакихъ шаговъ къ реабилитаціи»...

Мефферть. Да, никакихъ фактовъ я не знаю.

Нечаевъ. Но на основаніи чего, кромѣ анонимнаго листка, они должны были поднять вопросъ о реабилитаціи и передъ кѣмъ?

Мефферть. Т. е. какіе могли быть для этого пути? Обращеніе къ студ-мъ для собранія сходки; письменное объявленіе; заявленіе отдѣльныхъ членовъ.

Нечаевъ. Да вѣдь «своб. д-щіе» исключены изъ корпораціи. Къ кому же они могли предъявить свои претензіи?

Мефферть. Къ Орг. Комит.

Нечаевъ. Но онъ неизвѣстенъ—это какой то анонимъ, а студ-ы далеко не всѣ считаютъ себя отвѣтственными за дѣйствія Орг. Комитета.

Мефферть. Это не есть препятствіе для того, чтобы поднять вопросъ на сходкѣ. Привлечь Комитетъ къ Третейскому Суду.

Нечаевъ. Къ Третейскому Суду мы обратились и безъ Вашего указанія. А Вамъ неизвѣстно развѣ, что «своб. д-щіе» на сходки не пускались и этотъ путь имъ былъ отрѣзанъ?

Мефферть. Съ апрѣля не былъ въ инст-тѣ, поэтому не знаю.

Каминка. Заявляю, что вопросы, касающіеся осеннихъ сходокъ, не могутъ быть предлагаемы свидѣтелю, какъ немогшему бывать на нихъ.

Бокій. Фактъ поднятія вопроса былъ. Въ ноябрѣ, насколько помню, проф. Карѣевъ говорилъ мнѣ о томъ, что къ нему обращались студ-ты Степаницкій и Подшибякинъ съ вопросомъ объ отвѣтственности Комитета. Карѣевъ просилъ меня указать—кого можно привлечь къ отвѣтственности, не раскрывая инкогнито Комитета и я ему объяснилъ. Однако вскорѣ послѣ этого дѣло было передано въ Третейскій Судъ...

Нечаевъ. Къ Третейскому Суду мы обратились и потому присутствуемъ здѣсь. Вы сказали, что при опросахъ, произведенныхъ Орг. Комитетомъ, 260 человѣкъ дали обѣщаніе не держать экзамены и не пользоваться билетами. А между тѣмъ черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, по даннымъ инспекціи, къ экзаменамъ приступило 450 человѣкъ, такъ что..

Мефферть. Это невѣрно—черезъ какой промежутокъ?

Нечаевъ. Все равно—допустимъ осенью. Вопросъ не въ томъ.

Несомнѣнно, что въ числѣ державшихъ экзамены были и тѣ, которые давали Комитету упомянутое обѣщаніе. Мнѣ интересно знать,— когда они были освобождены отъ этого обѣщанія, когда Комитетъ «разрѣшилъ клятву?»

Мефферть. Разрѣшенія не давалось вовсе. Да и во всѣхъ нашихъ забастовкахъ Орг. Комит. этого не дѣлалъ. Орг. Комит. клятвы ни съ кого не бралъ. Что обѣщавшіе пошли на экзамены— это объясняется естественной слабостью ихъ, которая всегда наблюдается въ массовомъ движеніи.

Нечаевъ. Это уже не та нравственная позорная слабость, которая была у «своб. д-шихъ», а новая—естественная слабость?

Мефферть. Слабостью, какъ отдѣльныхъ протестантовъ. Масса всегда не можетъ долгое время выдерживать такое неопредѣленное положеніе...

Нечаевъ. Такъ что всегда можно предвидѣть эту слабость?

Мефферть. Всегда предвидѣлось. Комитетъ прекрасно зналъ, что начало, когда часть студ-въ начнетъ сдаваться, есть вопросъ только времени.

Нечаевъ. Это можно было предвидѣть?

Мефферть. Объ этомъ логически можно было заключить изъ цѣлаго ряда фактовъ, предшествовавшихъ событій.

Нечаевъ. Вы сказали, что «своб. д-щіе» хотѣли, во что бы то ни стало, держать экзамены. У Васъ есть факты, доказательства этого.

Мефферть. Это логическій выводъ.

Нечаевъ. Пока Вашъ выводъ. Затѣмъ Вы сказали, что вступленіе въ «своб. д-щіе» давало больше гарантій для экзаменовъ. Что это за гарантіи?

Мефферть. Во первыхъ, Коноваловскій режимъ...

Нечаевъ. Это гарантія—если вступить въ группу?

Мефферть. Только Коноваловъ и его режимъ давали возможность держать экзаменъ. Безъ его содѣйствія не было бы возможно возникновеніе этой группы и она не могла бы такъ успѣшно дѣйствовать... Самый фактъ существованія группы, опиравшейся на Коновалова, является безусловно гарантіей для всякаго, кто хотѣлъ бы заниматься и держать экзамены, вопреки рѣшенію большинства.

Нечаевъ. Эта группа имѣла ввиду Коноваловскій режимъ?

Мефферть. Группа утилизировала этотъ режимъ.

Пятницкій. На прошломъ засѣданіи Гапѣевъ заявилъ, а теперь Вы подтверждали, что списокъ съ собственноручными подписями

«своб. д-щихъ» къ сожалѣнію исчезъ, былъ уничтоженъ, такъ какъ въ то время нельзя было предполагать, что возникнетъ это дѣло. Не можете ли Вы объяснить, почему этотъ списокъ, который было бы такъ желательно видѣть въ судѣ, по какимъ то соображеніямъ былъ уничтоженъ вмѣстѣ съ другими документами, изъ боязни полиціи что ли, а копія списка (въ хронологическомъ порядкѣ) подписчиковъ на усиленіе русскаго флота фигурировала здѣсь и была представлена Суду?

Мефферть. Я затрудняюсь отвѣтить. Вѣроятно случайно.

Пятницкій. Это простая случайность. Хорошо...

Гапѣевъ. Хочу объяснить, разъ упомянута моя фамилія. Прежде всего я не говорилъ, что списокъ съ автографами уничтоженъ, не упоминалъ о томъ, что были какія то соображенія, а сказалъ, что уничтожались нѣкоторые документы, другіе, а списокъ былъ просто потерянъ. Затѣмъ списокъ жертвователей, я получилъ отъ студ-та Половникова, который можетъ объяснить.

Пятницкій. Все равно. Пусть онъ былъ не уничтоженъ, а потерянъ,—мнѣ интересно отмѣтить это случайное стеченіе обстоятельствъ. Я хотѣлъ спросить, кто снималъ копію со списка жертвователей и зачѣмъ?

Половниковъ. Я получилъ этотъ списокъ списаннымъ съ подлинника... Деньги собранныя на флотъ—были отправлены въ «Новое Время». Тогда еще, Вы навѣрное помните, нѣкоторые возмущались этимъ. Тиграновъ вывѣсилъ объявленіе, почему направили въ «Новое Время», которое вообще студенчество рѣшило бойкотировать съ 1899 г. Само собой меня заинтересовали фамиліи студ-въ, рѣшившихъ послать въ «Новое Время» свои пожертвованія.

Пятницкій. Списокъ жертвователей не былъ напечатанъ въ «Новомъ Времени». Кто его списалъ, когда онъ висѣлъ на стѣнѣ, Вы?

Половниковъ. Списокъ я передалъ теперь Гапѣеву, но списывалъ его не самъ, а получилъ его отъ одного лица.

Пятницкій. Въ то время, когда не возникъ вопросъ о «своб. д-щихъ» этотъ списокъ былъ скопированъ?

Половниковъ. Да.

Пятницкій. Можно узнать, отъ кого Вы получили?

Половниковъ. Отъ кого — я не скажу; скопировали его по моей просьбѣ.

Пятницкій. Теперь не можете ли отвѣтить, зачѣмъ снята была эта копія? Вѣдь во время патріотической исторіи онъ висѣлъ на

стѣнѣ, очевидно, для отчета о подписанныхъ суммахъ и въ то время, конечно, еще менѣе можно было предвидѣть, что возникнетъ настоящее дѣло и что онъ можетъ понадобиться. Зачѣмъ было брать на себя трудъ переписывать его?

Половниковъ. Просто изъ любопытства. Интересно было посмотрѣть кто тамъ записывался, какъ интересна коллекція обезьянъ, собакъ и проч.

Пятницкій. Значитъ изъ одного любопытства, а то у меня возникла мысль, не было ли это дѣйствіемъ лицъ, вообще наблюдающихъ за «нравственностью» студ--въ. Больше вопросовъ не имѣю.

Нечаевъ. Здѣсь выражались взгляды, что отказывавшіеся отъ подчиненія большинству совершали преступленіе, за которое и наказывались исключеніемъ изъ корпораціи. А тѣ, которые, не отказываясь отъ этого заранѣе, просто большинству не подчинялись — совершали по Вашему преступленіе или нѣтъ?

Мефферть. Это, конечно, не было бы такимъ преступленіемъ, если бы «своб. д-ствій» произошла безъ наличности бывшихъ тогда условій: присутствія Коновалова и его режима. Эта свобода не привела бы къ такому конфликту. Здѣсь это была громадная помощь Коновалову. Отказъ произошелъ при Коноваловѣ, а слѣдовательно «своб. д-щіе» способствовали борьбѣ Коновалова со студ-ми.

Нечаевъ. Такъ что отказъ отъ подчиненія большинству оцѣнивался въ зависимости отъ наличныхъ условій?

Мефферть. Да, наличность условій была болѣе тяжкая.

Нечаевъ. А какъ по Вашему мнѣнію — лицамъ, лишеннымъ элементарныхъ понятій о чести и нравственности, руку подавать полагается? Вы, кажется, сказали, что «своб. д-щимъ» просто, какъ напр. Поповичу, подавать можно.

Мефферть. Я этого не сказалъ. Случайно подавалъ руку, что конечно непослѣдовательно. Да и списокъ я увидѣлъ 15 авг. — въ день отъѣзда съ рудника, а руку подавалъ лѣтомъ.

Нечаевъ. Вы сказали, что у Васъ или у Орг. Комит. были позорящіе факты относительно отдѣльныхъ лицъ.

Мефферть. Да, отдѣльные факты.

Нечаевъ. Что же эти факты провѣрялись? Велось ли Комитетомъ слѣдствіе, не устраивались ли очныя ставки съ обвиняемыми и т. п.?

Мефферть. Нѣтъ, слѣдствія не было.

Воскресенскій. Для выясненія атмосферы здѣсь былъ допрошенъ видѣтель Родыгинъ. Для выясненія той же атмосферы хочу напомнить дѣло Половникова съ Гринбергомъ. Первый возбудилъ обвине-

ніе противъ второго и не будучи въ состояніи подтвердить обвиненіе долженъ былъ временно (до окончанія Гринберга) выйти изъ инст-та.

Предсѣдатель. Какое это имѣетъ отношеніе къ дѣлу?

Воскресенскій. Это выясняетъ, какъ измѣнилась атмосфера. Въ 1901 г. лицо, не доказавшее обвиненія, должно было выйти изъ инст-та, а въ 1903 уже крайняя лѣвая возводитъ обвиненіе противъ трехъ въ шпіонствѣ; ничего не можетъ доказать и это ей проходитъ даромъ.

Половниковъ. Я этого не знаю. Вы разсказываете не такъ.

Воскресенскій. Я дѣйствительно очевидцемъ не былъ; разсказываю со словъ г-на Мефферта: можетъ быть онъ мнѣ передавалъ не вѣрно.

Половниковъ. Такъ нечего приводить факты, которыхъ не знаете.

Мефертъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ произошелъ инцидентъ между Гринбергомъ и Половникомъ, но дѣло ничѣмъ не кончилось.

Половниковъ. Суда не было, такъ какъ я вышелъ дѣйствительно изъ инст-та. Студенчество не согласилось на судъ именно ввиду суровости моего предложенія: выйти изъ инст-та тому изъ насъ, кто виноватъ.

Кутыринъ. Не можете ли Вы дать свѣдѣнія относительно меня, почему я внесенъ въ проскрипціонный списокъ?

Меффертъ. Вы хотите знать, почему во второмъ спискѣ появились 12 новыхъ фамилій? Я уже говорилъ и теперь повторю еще разъ, что основаніемъ для составленія списка послужили во первыхъ, автографическій списокъ, поданный 12 марта предсѣдателю сходки; во вторыхъ, списокъ, поданный 12 марта Бѣлозоровымъ, затѣмъ заявленія, сдѣланныя на сходкѣ, визитныя карточки, записки и устныя заявленія.

Кутыринъ. А я тамъ былъ?

Меффертъ. Не могу Вамъ сказать,—неизвѣстно никому, почему Вы попали; списковъ у меня нѣтъ.

Кутыринъ. Они не существуютъ?

Меффертъ. Да, они уничтожены.

Кутыринъ. Но Крыловъ заявилъ, что онъ «своб. д-щій», а въ списокъ вѣдь не попалъ?

Гаппеевъ. Но вѣдь Вы «своб. д-щій»?

Кутыринъ. Я заявилъ, что не признаю для себя обязательнымъ принципъ подчиненія большинству.

Гаппеевъ. Ну, этого намъ и довольно.

Меффертъ. Тутъ игра словъ. Можетъ быть Вы и не дѣлали

заявленія о вступленіи въ партію, но разъ Вы заявили о нежеланіи подчиняться большинству, и разъ это дошло уже названными многими путями до Комитета, Вы были внесены въ списокъ.

Кутыринъ. Это не игра словъ и Рейнвальдъ говорилъ, что самое заявленіе о неподчиненіи не содержитъ въ себѣ ничего еще достаточно преступнаго. Нужна принадлежность къ партіи.

Рейнвальдъ. Ничего подобнаго я не говорилъ. Я считаю преступленіемъ самое заявленіе. Я говорилъ: если лицо не проситъ довести его заявленіе до Комитета, то не находили нужнымъ заносить его въ списокъ. Не нужно быть преступникомъ, а нужно имъ назваться.

Мефферть. Одна свобода дѣйствія уже давала право занести въ списокъ. Я уже нѣсколько разъ заявлялъ, какія должны были быть основанія и матеріалы, чтобы быть внесеннымъ въ списокъ. Оцѣнка личныхъ поступковъ отдѣльнаго лица—не производилась и въ спискѣ это не указывалось.

Кутыринъ. Но Вы должны были это сдѣлать, разъ Вы называете фамиліи.

Меффертъ. Комитетъ не считаетъ этого нужнымъ. Онъ публиковалъ не списокъ отдѣльныхъ лицъ, а списокъ организованной группы.

Каминка. Порядокъ занесенія въ списокъ уже и безъ того выяснился.

Кутыринъ. Предсѣдатель сходки, составляющій Комитетъ, отвѣтственъ за его рѣшенія?

Меффертъ. Если онъ членъ его.

Кутыринъ. Какъ было въ 902 г.?

Меффертъ. Не знаю.

Кутыринъ. Въ Орг. Комит. люди одинаковыхъ убѣжденій?

Меффертъ. Орг. Комит. являлся учрежденіемъ внѣ партійнымъ; онъ осуществлялъ постановленіе сходки и дѣйствовалъ въ духѣ постановленія; коалиціоннаго характера не имѣлъ. Что касается одинаковости воззрѣній, то бывали разногласія.

Кутыринъ. Отвѣтственны ли студ-ты за всѣ дѣйствія Комитета?

Меффертъ. Если признаютъ дѣйствія его правильными, то считаются отвѣтственными.

Кутыринъ. Тогда отвѣтственны; а безъ санкціи?

Меффертъ. Лишь тогда, когда сходка одобряетъ, а разъ дѣйствія его признаны неправильными, то онъ долженъ привлекаться къ отвѣтственности.

Кутыринъ. Отвѣтственъ ли Комитетъ за дѣйствія отдѣльныхъ его членовъ?

Мефферть. Только въ томъ случаѣ, если они дѣйствовали отъ имени Комитета и въ сферѣ его дѣятельности.

Кутыринъ. Имѣетъ ли Комитетъ право и обязанность контроля надъ поступками отдѣльныхъ его членовъ?

Мефферть. Смотря о какихъ поступкахъ идетъ рѣчь. Контроль надъ частной жизнью—вещь недопустимая.

Каминка. Мнѣ кажется, что этотъ вопросъ не идетъ къ дѣлу. Онъ касается соотношенія органовъ.

Предсѣдатель. Нѣтъ, это вопросъ вполнѣ возможный. Продолжайте.

Кутыринъ. Въ Комитетѣ нѣсколько членовъ. Одинъ изъ членовъ совершилъ предосудительный поступокъ. Отвѣтственъ ли Комитетъ?

Мефферть. Какой поступокъ—частный или относящійся къ дѣятельности Ком.?

Кутыринъ. Частный. Имѣетъ ли Комитетъ право и обязанность слѣдить за дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ?

Мефферть. Это была бы нелѣпость. Комитетъ отвѣчаетъ за поступки своихъ членовъ, связанные съ дѣятельностью Комитета.

Кутыринъ. Мнѣ и нужна отъ Васъ эта «нелѣпость». Какъ же онъ долженъ былъ дѣйствовать, чтобы не быть обвиненнымъ въ попустительствѣ?

Предсѣдатель. Отвѣтъ ясенъ. Не зачѣмъ повторять вопросъ.

Мефферть. Никакой «Комитетъ» не имѣетъ права.

Кутыринъ. Нѣкоторые члены Комитета присутствовали при обструкціи. Орг. Комит. контролировалъ ихъ дѣйствія?

Мефферть. А Вы знаете, что члены присутствовали?

Кутыринъ. Рейнвальдъ это говорилъ.

Мефферть. Обструкція была совершена по частной инціативѣ. Члены Комитета были тамъ не какъ таковые, а просто какъ студ-ты и ни въ данномъ случаѣ, ни вообще ихъ никто не могъ контролировать.

Кутыринъ. Но вѣдь обструкція вполнѣ соотвѣтствовала цѣлямъ Комитета. Она вѣдь была нужна для поддержанія забастовки?

Мефферть. Орг. Комит. не находилъ нужнымъ и не желалъ оказывать имъ препятствія.

Кутыринъ. А о препятствіяхъ говорить нелѣпо, вѣдь обструкція поддерживала забастовку, которую проводилъ Орг. Комит. Скажите, записка 6 профессоровъ, анонимная записка, которая разсылалась по рудникамъ, какъ попала въ Орг. Комитетъ?

Рейнвальдъ. Почему анонимная?

Кутыринъ. Потому что не подписана.

Рейнвальдъ. Тамъ есть обращенiе отъ имени профессоровъ.

Кутыринъ. Мнѣ ея авторы были неизвѣстны. О нихъ я узналъ только изъ показанiй проф. Долбни въ камерѣ мир. судьи.

Мефферть. Вѣроятно кто нибудь принесъ.

Предсѣдатель. Это безразлично.

Мефферть. Прошлый разъ былъ разговоръ о Новожиловѣ, сорвавшемъ объявленiе. Я уполномоченъ сказать, что онъ это сдѣлалъ по просьбѣ лица, его повѣсившаго.

Алексѣевъ. А это лицо было въ отъѣздѣ, оно отсутствовало, когда Новожиловъ снялъ?

Мефферть. Этого я не знаю. Я долженъ сдѣлать разъясненiе относительно издательской лавочки. Поповичъ включенъ въ проскрипцiонный списокъ за поступки, несогласные со студенческой этикой. Поповичъ поступилъ на службу инспекцiи, сдѣлалъ аферу. Кромѣ увеличенiя жалованья ему былъ назначенъ помощникъ. Съ осени у Поповича былъ новый помощникъ Никшичъ. Онъ считаетъ себя затронутымъ тѣмъ, что говорилось объ издательской лавочкѣ и желаетъ дать разъясненiе. Онъ здѣсь.

Гапѣевъ. А такъ какъ на прошломъ засѣданiи я «задернулъ» Никшича, то и дѣлаю разъясненiе. Студ-тъ Никшичъ 31 сент. поступилъ по приглашенiю Поповича въ издательскую, считая студенческимъ учрежденiемъ. Какъ въ студенческое учрежденiе онъ поступилъ безвозмездно, даже не зная, что за это причитается вознагражденiе. Работалъ онъ не меньше Поповича, а декабрь мѣсяцъ даже одинъ. Черезъ 3 мѣс. узналъ, что дѣло обстоитъ не такъ просто. Свѣрившись по книгамъ, убѣдился что ему причитается ежемѣсячное вознагражденiе, которое за это время получалъ Поповичъ и клалъ себѣ въ карманъ. Студ-тъ Никшичъ здѣсь и не откажется подтвердить.

Никшичъ отсутствуетъ.

Зерновъ. Поповичъ вѣдь не былъ «своб-д-щимъ?»

Мефферть. Нѣтъ.

Алексѣевъ. Не принесъ ли на сходкѣ Поповичъ покаянiя?

Стахевичъ. Сходка отказалась разбирать дѣятельность Поповича ввиду того, что онъ выступаетъ стороной въ Третейскомъ Судѣ.

Макаровъ, Нечаевъ и др. утверждаютъ, что Поповичъ принятъ въ корпорацiю.

Стахевичъ. Не помню точно, какъ было рѣшено, кажется, временно въ корпорацію принятъ.

Зерновъ. Если Поповичъ подлежитъ нашему разсмотрѣнію, то противъ него возбуждается спеціальное обвиненіе.

Мефферть. Онъ значится въ спискѣ подъ отдѣльнымъ отъ «своб. д-щихъ» заголовкомъ.

Рейнъ. Въ газетѣ «Наша Жизнь» было напечатано, что Поповичъ, Гринчакъ и еще кто-то вышли изъ группы «своб. д-щихъ» и были приняты въ корпорацію.

Макаровъ. Я утверждаю, что онъ былъ принятъ въ корпорацію. Напомню слѣдующее: Половниковъ сказалъ уже послѣ принятія: «сходка продала себя за одинъ голосъ Поповичу» и выбѣжалъ вонъ.

Половниковъ. Это ораторскій пріемъ.

Гливицъ. Да, онъ былъ временно принятъ въ корпорацію. Студ-ы не могли входить въ разсмотрѣніе поступковъ Поповича и Гринчака. Тѣ заявили о раскаяніи и были приняты до разсмотрѣнія ихъ поступковъ судомъ.

Гринчакъ. Осенью былъ на практикѣ на Уралѣ, узналъ отъ инженера, что числюсь въ 3-й категоріи «своб. д-щихъ»; но я не зналъ по какому поводу. Возвратившись въ Петербургъ, сталъ разузнавать, какъ и почему попалъ. На сходкѣ весной, когда велась баллотировка, не присутствовалъ. Впослѣдствіи у меня были Винокуровъ и Лури и въ присутствіи студ-та первый спросилъ— за или противъ забастовки и когда я сказалъ, что противъ, Лури спросилъ, «подчиняюсь ли я большинству» или же Вы «своб д-щій». Я сказалъ, что я не «своб. д-щій». 8 или 9 апрѣля пришелъ съ листкомъ студ-тъ Кумпанъ, на которомъ подписывались тѣ, кто обязывался не держать экзаменовъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ общей сходки. Я подписался, но оговорилъ, вмѣстѣ со студ. Некозомъ, что обязуемся подчиняться этому въ томъ случаѣ, если сходка будетъ въ день перваго экзамена. Началъ держать экзамены 20 апрѣля. Въ спискѣ патріотовъ не былъ. Вернувшись въ Питеръ въ общ-вѣ Горн. инж. встрѣтился съ Лури и Винокуровымъ и они мнѣ сказали, что это простое недоразумѣніе, которое скоро выяснится. Я просилъ Лури передать на сходкѣ нашъ разговоръ и выяснить этотъ вопросъ. Пошли дальнѣйшія событія и выясненіе это не удалось. На сходку 3 февр. я явился. Когда огласили голоса противъ забастовки, было два голоса, оказался я и Шаскольскій. Раздались голоса: Гринчакъ «своб. д-щій». Я сказалъ «нѣтъ». Предсѣдатель тогда обратился къ Поповичу. Я не слышалъ, что онъ ему сказалъ: былъ

взволнованъ. Потомъ ко мнѣ: «отрицаете ли Вы то и то»? Я говорилъ, что не могу отрицать того, что не было, какъ все равно отрицалъ бы, что я не воръ. Какъ же я могъ отрицать то, чего не было. Послѣ этого я былъ временно принятъ въ корпорацію. Я сталъ дальше высказывать, п. ч. я нигдѣ не записывался, сталъ разспрашивать, одинъ студ-тъ, фамиліи котораго пока не могу объявить, сказалъ, что меня занесъ, вѣроятно, Гапѣевъ и мнѣ интересно получить отвѣтъ отъ Гапѣева.

Гапњевъ. Категорически это отрицаю.

Гринчакъ. Въ видѣ предположенія Вы знаете, что я могъ получить свѣдѣнія черезъ Никоза или Бутова.

Гапњевъ. Вы обязывались подчиняться большинству?

Гринчакъ Да.

Гапњевъ. Ну, Вы значитъ и приняты.

Гринчакъ. Стахевичъ сказалъ про Поповича, я думалъ, что это относится и ко мнѣ, такъ какъ мою фамилію онъ упоминалъ.

Стахевичъ. На сходкѣ постановили его принять, какъ раскаявшагося.

Гринчакъ. А по рудникамъ и заводамъ не послали извѣщенія объ этомъ?

Стахевичъ. Нѣтъ.

Предсњдатель закрываетъ засѣданіе.

ПРОТОКОЛЪ

14-го засѣданія Третейскаго Суда чести отъ 9 апрѣля 1905 года.

Отсутствовали К. К. Арсеньевъ и П. Печковскій.

Предсѣдательствовалъ В. Н. Гессенъ.

Предсњдатель вызываетъ Поповича.

Поповичъ. Я не былъ на Судѣ уже около 2-хъ мѣсяцевъ, такъ какъ не былъ въ Пет-гѣ. Услыхалъ о томъ, что говорилось обо мнѣ только изъ отчетовъ «Руси», да еще кое что сегодня отъ товарищей. То, что слышалъ, считаю для себя обиднымъ. Хочу Суду дать разъясненіе.

Послњ обсужденія судъ откладываетъ допросъ Поповича до вызова свидѣтеля Никшича по ходатайству Гапѣева и согласію Поповича.

Предсѣдатель вызываетъ свидѣтеля Оларовскаго.

Оларовскій. Я хотѣлъ бы сообщить суду нѣкоторыя фактическія данныя относительно нетоварищескаго поведенія «свободо-дѣйствующихъ», выразившагося въ раздачѣ билетовъ и поручительства. Съ 2 по 8 апрѣля число желающихъ экзаменоваться все увеличивалось. Упорно говорилось, что оставленіе на 2-ой годъ не будетъ обязательно, что отпуски не будутъ выдаваться неприступившимъ къ экзаменамъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ слуховъ я рѣшилъ пойти къ инспектору Коцовскому, который, казалось, сочувственно относился къ протесту противъ Коновалова. Въ этотъ день, т. е. 8 апрѣля, мнѣ Коцовскаго видѣть не удалось, вмѣсто него я говорилъ съ Бальди. Попалъ въ институтъ съ трудомъ: дворники, сторожа, полиція. Швейцаръ потребовалъ, чтобы я написалъ кто я, кого желаю видѣть и зачѣмъ; у дверей стояли сторожа. Я спросилъ Бальди: «дѣйствительно ли число желающихъ экзаменоваться увеличивается». Онъ сказалъ: «о, да, больше половины». Относительно слуховъ о репрессіяхъ по отношенію къ нежелающимъ держать экзамены сказалъ, что нѣтъ въ томъ ничего неправдоподобнаго, хотя самъ объ этомъ не слыхалъ. «А если бы я хотѣлъ держать экзамены, то какъ мнѣ получить билетъ?»—Бальди предложилъ обратиться къ студентамъ Берладину и Бѣлозорову за поручительствомъ, что я не произведу скандала т. к. они составляютъ экзаменаціонную группу. Я былъ принципіально противъ поручительства и когда тотъ назвалъ фамиліи поручителей Берладина и Бѣлозорова, я категорически отказался. Потомъ я попросилъ его показать мнѣ вообще списокъ поручителей. Бальди показалъ мнѣ списокъ человѣкъ въ 40 и предложилъ изъ нихъ выбрать кто мнѣ понравится. Изъ списка я запомнилъ нѣкоторыя фамиліи, напр.: Чумаковъ, Бѣлозоровъ, Каркъ, Карповскій, Берладинъ. Бальди сказалъ: «мы бы вамъ дали билетъ, но надо поручителей; это зависитъ не отъ насъ». Я ему сказалъ: въ обструкціи я не участвовалъ, не уволенъ, многіе уже приступили къ экзаменамъ; что мнѣ дѣлать. Бальди посовѣтовалъ ждать. На слѣдующій день, 9 апрѣля, видѣлъ Коцовскаго, попасть въ ин-стъ было также трудно; по совѣту Коцовскаго подалъ заявленіе о желаніи держать экзамены съ ручательствомъ, что не буду производить обструкціи. На другой день получилъ билетъ на право входа въ институтъ во всѣ дни

Предсѣдатель. Коцовскій о поручительствѣ вамъ ничего не говорилъ?

Оларовскій. Ничего не говорилъ; объ этомъ говорилъ только Бальди.

Гапѣевъ. Въ спискѣ, который вамъ показалъ Бальди, были тѣ-же лица, которыя помѣчены въ листкѣ Организ. Ком.

Оларовскій. Да, отдѣлившіеся на сходкѣ 15-го марта.

Гапѣевъ. Тамъ была также фамилія Гернгроссъ; вы мнѣ раньше указывали.

Оларовскій. Да, фамилія Гернгроссъ—была.

Гартунгъ. Вы держали экзамены?

Оларовскій. Да.

Гартунгъ. Въ какой группѣ?

Оларовскій. Внѣ всякой группы.

Гартунгъ. Какъ это случилось?

Оларовскій. Подалъ заявленіе ин-ру, что поручительство незаконно, мы отдѣльные посѣтители ин-та.

Гартунгъ. Для васъ былъ отдѣльный экзаменъ?

Оларовскій. Нѣтъ, я держалъ первый экзаменъ 12 апрѣля вмѣстѣ со всѣми. Поручительство было въ первые дни экзаменовъ, когда было мало желающихъ, а «св-д-щіе» желали добиться, а потомъ 8-го и 9-го апрѣля экзамены шли безъ группъ: дѣятельность «св.-д-щихъ» не обнаруживалась.

Злотницкій. Развѣ Вамъ неизвѣстно, что до 12 апрѣля былъ экзаменъ только на одномъ 5 курсѣ.

Оларовскій. На III к. былъ экзаменъ 5-го апрѣля.

Злотницкій. Вы увѣрены и имѣете фактическія данныя утверждать, что экзамены на III курсѣ начались до 8 апрѣля?

Оларовскій. Это—фактъ, увѣренъ, что были до 5 апрѣля, даже до 2-го и въ самый день обструкціи.

Злотницкій. На всѣхъ курсахъ.

Оларовскій. Я не занимался выясненіемъ на какихъ курсахъ.

Бѣлозоровъ. Но Вы утверждаете, что на 3 курсѣ до 5 апрѣля былъ экзаменъ?

Оларовскій. Да,—былъ экзаменъ до 5 апрѣля.

Бѣлозоровъ. А Вы не знаете, что первая группа на 3 курсѣ была подана только 6-го апрѣля?

Оларовскій. Эта группа мнѣ неизвѣстна; она была составлена „своб-д-щими", вѣроятно. Я помню: до 2-го и въ день обструкціи экзамены были.

Бѣлозоровъ. А была ли какая нибудь другая группа на 3 курсѣ подана раньше 12-го апрѣля?

Оларовскій. Экзамены и до 5-го по слухамъ были. Каркъ въ началѣ апрѣля мнѣ говорилъ, что студенты на 3 курсѣ составляютъ группу.

Каркъ подтверждаетъ.

Гапъевъ. Кого онъ Вамъ называлъ?

Оларовскій. Гринчака.

Каркъ. Еще называлъ Некоза.

Гапъевъ. Первый экзаменъ былъ 12-го. Развѣ группу нужно было составить 2-го или можно было и раньше?

Оларовскій. Можно было и со 2-го апрѣля.

Гапъевъ. Не удостовѣреніе ли, что составленіе группъ началось задолго до экзаменовъ?

Оларовскій. Дѣятельность св-д-щихъ, по слухамъ, особенно усилилась послѣ обструкціи; группы составлялись тотчасъ послѣ обструкціи.

Гапъевъ. Бальди Вамъ предложилъ обратиться до 11-го?

Оларовскій. До 11-го, кажется, 8-го, 9-го.

Гапъевъ. А другіе записывались еще раньше?

Оларовскій. Да, еще раньше.

Воскресенскій. Изъ Вашихъ показаній можно заключить, что Вы относитесь съ большимъ презрѣніемъ къ «своб.-д-щимъ»; скажите въ чемъ разница между «св.-д-щимъ» и Вами, когда Вы вопреки постановленію сходки и только днемъ позже, чѣмъ они, заявили о своемъ желаніи держать экзамены съ ручательствомъ, что не будете производить обструкціи. Вспомните, вѣдь Вы такое предосудительное заявленіе подали въ инспекцію, даже до курсовой сходки 3 курса.

Оларовскій. На сходкѣ 17-го апрѣля я былъ, хотя это было уже послѣ моего заявленія инспекціи. Оцупъ и я настаивали на обще-институтской сходкѣ, но это принято не было. Т. к. малочисленная сходка не могла вынести рѣшенія обязательнаго для всего ин-та, то я ушелъ. Обязательство инспекціи я далъ, т. к. считалъ его равносильнымъ подпискѣ, которую мы даемъ поступая въ ин-тъ.

Воскресенскій. Не согласитесь ли Вы подтвердить, что на этой сходкѣ было двѣ баллотировки: первая—открытая дала большинство за недержаніе экзаменовъ, вторая закрытая,—большинство за экзамены. На этой же сходкѣ выдѣлилась группа человѣкъ 22, которая протестовала противъ того, что предсѣдатель допустивъ закрытую баллотировку, призналъ потомъ результаты ея недѣйствительными, на этомъ основаніи эта группа заявила о своемъ желаніи держать экзамены. 12-го апрѣля подали они эту группу въ инспекцію. 13-го апрѣля получили билеты на право входа во всѣ дни.

Оларовскій. Объ этомъ ничего не могу сказать, т. к. до конца этой сходки я не оставался.

Воскресенскій. А вы ушли со сходки тогда не потому, что уже были св-д-щимъ?

Оларовскій. Св-д-щимъ я никогда не былъ.

Воскресенскій. Но вы не считали для себя обязательнымъ согласовать свои дѣйствія съ этимъ курсовымъ совѣщаніемъ?

Оларовскій. Я подчиняюсь рѣшеніямъ общеинститутской сходки, а не частичныхъ и я выразилъ желаніе держать экзамены раньше этого совѣщанія.

Воскресенскій. Бюллетени Орг. К. Ст. Г. Ин. Вы читали?

Оларовскій. Да, нѣкоторые читалъ.

Воскресенскій. Не согласитесь-ли подтвердить, что въ одномъ изъ нихъ объ этой сходкѣ написано: «студенты 3 курса постановили экзаменовъ не держать, до возвращенія профессоровъ и товарищей». При этомъ не было упомянуто, что выдѣлилась группа, рѣшившая держать экзамены.

Оларовскій. Нѣтъ, неизвѣстно.

Кутыринъ. Давали-ли вы Орг. Комитету подписку не ходить въ институтъ держать экзамены по билетамъ?

Оларовскій. Я въ концѣ марта получилъ отъ инспекціи опросный листъ и выразилъ свое согласіе приступить къ экзаменамъ.

Злотницкій. Это совершенно другое. Мы Васъ спрашиваемъ, давали ли Вы подписку Орг. Комитету о нехожденіи въ институтъ по билетамъ?

Оларовскій. Я видѣлъ бюллетени, предлагавшіе отвѣтить «да, да».

Кутыринъ. Здѣсь показывали, что Орг. К. бралъ подписку о подчиненіи его велѣніямъ.

Оларовскій. Я не получалъ отъ Орг. Ком.

Кутыринъ. Но знали какъ Комитетъ относится къ держанію экзаменовъ?

Оларовскій. Можетъ быть.

Кутыринъ. И свои дѣйствія съ дѣйствіями Орг. К-та согласовать не считали нужнымъ?

Оларовскій. Нѣтъ, я этого не говорилъ.

Кутыринъ. Но Ваши дѣйствія вѣдь не согласовались съ требованіями Орг. К-та?

Оларовскій. Съ нѣкоторыми предначертаніями Орг. К-та я можетъ быть былъ несогласенъ. Но не знаю какое это имѣетъ отношеніе къ дѣлу.

Кутыринъ. А, то, что поступали Вы вѣдь не въ духѣ постановленія Комитета.

Оларовскій. Нѣтъ, я считался

Кутыринъ. А на экзамены

Оларовскій. Пошелъ, но сдѣ
члену Орг. К-та.

Кутыринъ. Хотя то не бы
Орг. К-та разрѣшеніе получи

Оларовскій. О какой

Кутыринъ. О постанови

Оларовскій. Да. Но раз
валъ разрѣшеніе держать

Кутыринъ. Нѣкоторым

Оларовскій. Да, я
рекомендовалъ отвѣчать

Кутыринъ. Разрѣш
сильно разрѣшенію

Оларовскій. Это

Кутыринъ. Ахъ,
вообще Вашъ взгля

Оларовскій. Я
ными для всѣхъ

Кутыринъ. Т

Оларовскій. Я

Кутыринъ. А

Оларовскій. Я

Кутыринъ. Н
становленію сходк
Вы это какъ наз

Оларовскій. Я
я не сочувствовалъ

Кутыринъ. Но вѣдь

Оларовскій. Многіе

Кутыринъ. Вамъ соста

Оларовскій. Составъ мнѣ

Кутыринъ. Откуда же Вы

Оларовскій. Извѣстно нѣскол
съ Орг. К-томъ.

Гаппьевъ. На совѣщаніе 3 курса

Оларовскій. Нѣтъ, не всѣ.

Гаппьевъ. Были приглашены избран

Оларовскій. Да.

...скій. Нѣтъ не играла.

...ринъ. Я заявляю Суду, что по словамъ Гапѣева нужно было ... оффиціально-принципіальное заявленіе Комитету, чтобы быть ...ымъ въ списокъ; я такого заявленія не дѣлалъ, тѣмъ не ...меня внесли во второй списокъ; вѣроятно я попалъ туда за ... держалъ экзамены. (Оларовскому). Вы стало быть не сочув... обструкціи?

...аровскій. Мнѣ кажется, это не относится къ дѣлу.

...утыринъ. Если не относится, то Судъ меня остановитъ. Да ...нѣтъ?

...ларовскій. Нѣтъ.

...утыринъ. А разсылкѣ списка?

...ларовскій. Я объ этомъ узналъ только осенью.

...утыринъ. Опротестовали ли Вы поступки обструкціонистовъ?

Оларовскій. Гдѣ же я могъ? Да и дѣлали они ее по своей ...ціативѣ.

Кутыринъ. Я спрашиваю, заявляли ли Вы протестъ противъ ...струкціи?

Оларовскій. Мнѣ было негдѣ этого сдѣлать.

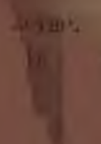
Кутыринъ. Меня это не касается. Тутъ говорили, что „св-д-щіе" ...олжны были опротестовать поступки отдѣльныхъ лицъ изъ „св-д-щихъ" же.

Оларовскій. Я долженъ былъ, но не присутствовалъ при обструкціи, и потому не могъ тогда опротестовать.

Кутыринъ. Я тоже не присутствовалъ при поступкахъ „своб-д-щихъ". А послѣ, почему не опротестовали?

Оларовскій. Послѣ не представлялось случая.

Ауэрбахъ. Г-нъ Долбня задавалъ вопросы въ болѣе или менѣе ...тельномъ смыслѣ. Онъ говорилъ, что ст-ты приступили къ ...слѣ того, какъ они почувствовали себя разбитыми. А ... Вамъ г-нъ Долбня, что въ первой группѣ были и

...ѣтъ.

... тѣ 47 составившихъ группу 3 курса было

... были «несвоб-д-щіе», а из-

...сомнѣнно извѣстно.

...іи?

...уюсь и вообще не горя-

23*

таго совѣщанія на 3 курсѣ выразило желаніе держать экзамены около 80 человѣкъ и на сходку были вызваны только тѣ, которые еще не взяли билетовъ на входъ въ ин-тъ. Еще одинъ вопросъ. По Вашему мнѣнію обструкцію устроилъ Орг. Ком.?

Оларовскій. Устроилъ ли Орг. Ком., мнѣ неизвѣстно.

Соколовъ. Но Вы же такъ заявили.

Оларовскій. Я думаю, что Орг. Ком. не могъ остаться безучастнымъ, видя безобразную комедію экзаменовъ и нѣкоторые его члены приняли на себя частную иниціативу обструкціи.

Соколовъ. Вы отказались подчиниться Орг. Ком., потому что онъ провелъ обструкцію, которой Вы не сочувствуете.

Оларовскій. Да, я это говорилъ. Орг. Ком. требовалъ отъ меня забастовки; я не могъ этого исполнить находясь подъ впечатлѣніемъ обструкціи и общаго разгрома.

Гапѣевъ. Скажите Оларовскій, вѣдь весной было двѣ группы ст-овъ—одни заявили, что они никакому большинству не подчиняются и дѣлали объ этомъ офиціально-принципіальное заявленіе; другіе—приступили къ экзаменамъ, по тѣмъ или инымъ мотивамъ. Когда увидѣли, что движеніе разбито; что на сторонѣ Коновалова и совѣтъ и министръ и Плеве; что отставка профессоровъ принята: студентамъ осталось только озаботиться о своихъ личныхъ интересахъ. Не удостовѣрите ли, что Вы принадлежали ко второй группѣ?

Оларовскій. Конечно, ко второй группѣ.

Долбня. Слово за мной. Не подтвердите ли, что когда ст-ты „несвоб.д-щіе“ приступили къ экзаменамъ, тогда дѣло было безвозвратно проиграно, ст-ты были разбиты на всѣхъ пунктахъ. Кто же будетъ защищать безнадежно проигранное дѣло?

Оларовскій. Да, да.

Долбня. Будьте откровеннѣе—дайте Суду разъясненіе въ этомъ смыслѣ, премного обяжете.

Оларовскій. Это сущая правда. Большинство ст-товъ приступило къ экзаменамъ въ тотъ моментъ, о которомъ говоритъ Ив. Петровичъ. До этого экзаменовались „своб-д-щіе“.

Оцупъ. Я по поводу словъ Соколова: „80 чел. начали держать экзамены, а остальные получили билеты“—это неправда. На сходкѣ 12-го были избранные.

Воскресенскій. Но при этой классификаціи благонадежность уже не играла роли. Не согласитесь ли удостовѣрить? — премного обяжете.

Оларовскій. Нѣтъ не играла.

Кутыринъ. Я заявляю Суду, что по словамъ Гапѣева нужно было сдѣлать офиціально-принципіальное заявленіе Комитету, чтобы быть внесеннымъ въ списокъ; я такого заявленія не дѣлалъ, тѣмъ не менѣе меня внесли во второй списокъ; вѣроятно я попалъ туда за то, что держалъ экзамены. (Оларовскому). Вы стало быть не сочувствуете обструкціи?

Оларовскій. Мнѣ кажется, это не относится къ дѣлу.

Кутыринъ. Если не относится, то Судъ меня остановитъ. Да или нѣтъ?

Оларовскій. Нѣтъ.

Кутыринъ. А разсылкѣ списка?

Оларовскій. Я объ этомъ узналъ только осенью.

Кутыринъ. Опротестовали ли Вы поступки обструкціонистовъ?

Оларовскій. Гдѣ же я могъ? Да и дѣлали они ее по своей иниціативѣ.

Кутыринъ. Я спрашиваю, заявляли ли Вы протестъ противъ обструкціи?

Оларовскій. Мнѣ было негдѣ этого сдѣлать.

Кутыринъ. Меня это не касается. Тутъ говорили, что „св-д-щіе" должны были опротестовать поступки отдѣльныхъ лицъ изъ „св-д-щихъ" же.

Оларовскій. Я долженъ былъ, но не присутствовалъ при обструкціи, и потому не могъ тогда опротестовать.

Кутыринъ. Я тоже не присутствовалъ при поступкахъ „своб-д-щихъ". А послѣ, почему не опротестовали?

Оларовскій. Послѣ не представлялось случая.

Ауэрбахъ. Г-нъ Долбня задавалъ вопросы въ болѣе или менѣе утвердительномъ смыслѣ. Онъ говорилъ, что ст-ты приступили къ экзаменамъ послѣ того, какъ они почувствовали себя разбитыми. А неизвѣстно ли Вамъ г-нъ Долбня, что въ первой группѣ были и „несвобод-щіе"?

Долбня. Неизвѣстно.

Воскресенскій. Въ числѣ 47 составившихъ группу 3 курса было 16 „несвоб-д-щихъ".

Кутыринъ. Вамъ неизвѣстно, что приступили «несвоб-д-щіе», а извѣстно, что приступили «своб-д-щіе»?

Долбня. Что это были св-д-щіе, мнѣ несомнѣнно извѣстно.

Кутыринъ. А вы можете назвать фамиліи?

Долбня. Фамиліями я вообще не интересуюсь и вообще не горя-

читесь. Если вы будете задавать вопросы въ повышенномъ тонѣ, я буду лишенъ возможности вамъ отвѣчать.

Кутыринъ. Значитъ, когда Вамъ не захочется отвѣчать, Вы назовете мой тонъ повышеннымъ?

Предсѣдатель останавливаетъ Кутырина.

Долбня. Воздержитесь отъ указаній. Разъясненіе истины — моя единственная задача. Я составилъ себѣ опредѣленное мнѣніе:— вожди экзаменовъ были «своб.-д-щіе». Подробностями не интересовался, фамилій никакихъ не знаю. Я совершенно не былъ освѣдомленъ. Мое мнѣніе не основано на фактахъ и безъ фамилій. Встрѣтивъ здѣсь многихъ ст-овъ, я былъ страшно удивленъ, увидавъ ихъ въ этой компаніи. «Своб.-д-щіе» стали на сторону начальства, проявивъ удивительную чуткость; другіе, менѣе чуткіе, не отдѣлились отъ—«свобо.д-щихъ». Они сразу распознали, гдѣ сила. Когда же все дѣло было разбито, когда на сторону Коновалова встали мин. земл. и госуд. им. Ермоловъ, В. К. Плеве—всемогущество власти, когда наша отставка была принята, вся наша партія разбита, тогда охотниковъ держать экзамены явилось много. Слухи о репрессіяхъ (отнятіе стипендій, выгонъ изъ инст-та) заставляли все большее и большее количество лицъ сдаваться на капитуляцію. Это мое мнѣніе—неоснованное на фактахъ. Фамилій я не зналъ. Проскрипціонный списокъ я не видалъ, а если видалъ, то только мелькомъ. До встрѣчи въ судѣ я съ многими раскланивался. Вотъ, напр. г. Даниловъ со мной раскланивался.

Даниловъ. Извините—послѣ того, какъ Вы написали Вашу записку, я съ Вами не раскланивался.

Долбня. Ну это все равно.

Зерновъ. Бальди опредѣленно и подробно говорилъ Вамъ о ручательствѣ или, такъ въ разговорѣ, между прочимъ послалъ Васъ къ составителямъ группы?

Оларовскій. Онъ сказалъ категорически.

Зерновъ. Какъ же это, взять поручительство? Записку что ли?

Оларовскій. Я понялъ такъ, что долженъ былъ зайти къ Берландину и Бѣлозорову, и обязаться передъ ними.

Зерновъ. Т. е. чтобы Берладинъ и другіе внесли Васъ въ свою группу?

Оларовскій. Да.

Зерновъ. Чтобы они поручились, что Вы не будете производить обструкцію?

Оларовскій. Что не буду скандалить, и чтобы внесли въ свою группу.

Зерновъ. Что же онъ Вамъ это сказалъ опредѣленно или это уже Вашъ собственный выводъ?

Оларовскій. Да, онъ сказалъ вполнѣ опредѣленно и указалъ фамиліи.

Зерновъ. Какой Вамъ списокъ далъ Бальди—списокъ желающихъ держать экзамены или списокъ поручителей?

Оларовскій. На мой взглядъ, это былъ списокъ поручителей.

Зерновъ. Вы только отъ Бальди слышали о поручителяхъ?

Оларовскій. Только отъ Бальди, а потомъ изъ «Руси».

Зерновъ. Когда Вы держали первый экзаменъ?

Оларовскій. 12 апрѣля.

Зерновъ. Бюллетени когда прекратились?

Оларовскій. Я видѣлъ ихъ въ началѣ апрѣля, а затѣмъ не видалъ: я жилъ далеко, да и собираться было негдѣ, студенты были разбиты.

Зерновъ. Вы пошли держать экзамены главнымъ образомъ потому, что у Васъ были опасенія, что на Вашу голову падутъ несчастья?

Оларовскій. Это былъ компромиссъ—мы были разбиты. Бальди говорилъ, что больше половины приступило къ экзаменамъ. Тогда я отложилъ протестъ до болѣе удобнаго времени.

Зерновъ. Вы считали, что уже нѣтъ никакого подъема духа, а потому и приступили къ экзаменамъ. Но Вамъ вѣдь ничего не грозило?

Оларовскій. Нѣтъ ничего не грозило, но видѣлъ безполезность дальнѣйшей борьбы.

Снятковъ. Вы сказали, что на третьемъ курсѣ приступили къ экзаменамъ до 12 апрѣля 16 несвоб.д-щихъ?

Воскресенскій. Не экзаменовались, а записались въ группу.

Снятковъ. Соколовъ тоже такъ говорилъ.

Воскресенскій. 12 апрѣля былъ только первый экзаменъ на третьемъ курсѣ, когда именно держалъ Оларовскій. Я же держалъ 20, потому что на первый экзаменъ не хотѣлъ идти: «при жандармахъ», какъ здѣсь говорили.

Злотницкій. Какой экзаменъ держали Вы первымъ?

Оларовскій. Горное искусство.

Злотницкій. Когда?

Оларовскій. 12 апрѣля.

Злотницкій. Развѣ Вы не знали, что это былъ вообще первый экзаменъ на III к.?

Оларовскій. Для «своб-д-щихъ» были и раньше экзамены, кажется 5-го.

Злотницкій. У Васъ есть фактическія данныя, чтобы утверждать это?

Оларовскій. Нѣтъ, я только слышалъ

Зерновъ. Ну, съ одними слухами на судъ являться не слѣдовало бы. На судѣ нельзя передавать слуховъ, нужно давать факты.

Оларовскій. Относительно экзаменовъ я фактовъ не имѣю; на судъ пришелъ давать свидѣтельство о поручительствѣ.

Злотницкій. Я имѣю заявить суду, что первый экзаменъ на III курсѣ былъ 12 апрѣля и это всегда можетъ быть документально доказано.

Ганьевъ. Списокъ, который показалъ Вамъ Бальди, былъ 3 курса?

Оларовскій. Да, 3-го.

Ганьевъ. 40 человѣкъ—вѣдь не всѣ же они составители группы, вѣдь не 40 же группъ было?

Оларовскій. Такъ точно.

Ганьевъ. Кто былъ главнымъ виновникомъ разгрома ин-та и ухода 6 профессоровъ. Не были ли это «своб.д-щіе»?

Оларовскій. Виноватъ въ разгромѣ, конечно, Коноваловъ, а помогли ему своб.д-щіе?

В. Соколовъ. Въ опроверженіе голословныхъ, неоснованныхъ на фактахъ утвержденій г. Долбни, сообщаю суду цифровыя данныя: къ 6-му апрѣля желаніе приступить къ экзаменамъ выразило 180 чел. Изъ нихъ—92 «своб.д-щихъ» и 88 «несвоб.д-щихъ». Такимъ образомъ, утвержденіе, что только «своб.д-щіе» начали экзамены—невѣрно.

Фойгтъ. Вы сказали, что Орг. Ком. устроилъ обструкцію?

Оларовскій. Я уже опровергъ.

Фойгтъ. Повторите пожалуйста, что Вы сказали студ-ту, знакомому съ членами Орг. Ком.?

Оларовскій. Зачѣмъ это говорить; я пришелъ только сдѣлать свое заявленіе о поручительствѣ.

Фойгтъ. Все таки скажите.

Оларовскій. Я сказалъ, что вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ рѣшилъ приступить къ экзаменамъ. Къ забастовкѣ я присоединился на общестуденческой сходкѣ; теперь же собрать сходку нельзя.

Фойгтъ. Въ первый разъ Вы говорили, что Вы начали держать экзамены, потому что они произвели обструкцію, теперь Вы говорите иное.

Оларовскій. Подъ «нѣкоторыми обстоятельствами» я и разумѣю обструкцію.

Фойтъ. Обструкція была предпринята членами Орг. Ком. по частной иниціативѣ—такъ Вы сказали?

Оларовскій. Да, я такъ сказалъ.

Соколовъ. Вы были за забастовку?

Оларовскій. Да.

Соколовъ. И тѣмъ не менѣе пошли на первый экзаменъ?

Люстихъ. Для чего Вы заявили Орг. Ком. о томъ, что Вы приступаете къ экзаменамъ. Вы просили разрѣшенія?

Оларовскій. Я разрѣшенія не просилъ, я просто мотивировалъ свой поступокъ.

Люстихъ. Если Вы разрѣшенія не просили, то значитъ Вы доводили до свѣдѣнія Орг. Ком.?

Оларовскій. Да.

Люстихъ. Вы извѣстили Орг. Ком. до 8 числа?

Оларовскій. Не помню: раньше Комитету, потомъ ин-ту.

Люстихъ. Послѣ обструкціи?

Оларовскій. Да.

Люстихъ. Для чего Вы это дѣлали—изъ лояльныхъ-ли чувствъ или ради разрѣшенія отъ общестуденческой сходки?

Оларовскій. Повторяю: я хотѣлъ дать мотивировку, т. к. общей сходки не состоялось.

Люстихъ. Отъ Орг. Ком. Вы и не ожидали освобожденія.

Оларовскій. Тогда Орг. Ком. и не существовалъ.

Кутыринъ. Кому же Вы дѣлали свое заявленіе?

Оларовскій. Онъ къ лѣту сходилъ на нѣтъ; въ этотъ періодъ я сдѣлалъ свое заявленіе.

Кутыринъ. Можетъ быть, Вы дѣлали заявленіе тогда, когда онъ уже не существовалъ?

Оларовскій. Не знаю.

Кутыринъ. Но послѣ обструкціи Комитетъ еще нѣкоторое время существовалъ.

Нечаевъ. Когда было это совѣщаніе III курса, на которое Вы были приглашены инспекціей?

Оларовскій. Не помню, я былъ, кажется, на послѣднемъ.

Нечаевъ. На этомъ совѣщаніи были «своб.д-щіе»?

Оларовскій. Не знаю.

Нечаевъ. Не говорилось на этой сходкѣ, что здѣсь присутствуютъ

только облеченные довѣріемъ инспекціи въ качествѣ — особо удостоившихся?

Оларовскій. Я не оставался до конца.

Нечаевъ. А Вы отъ кого получили билетъ на совѣщаніе?

Оларовскій. Отъ инспекціи.

Меффертъ. Извѣстно ли Вамъ о разрѣшеніяхъ Орг. Ком. права держать экзамены?

Оларовскій. Не знаю.

Меффертъ. А можетъ ли Орг. Ком. давать разрѣшеніе?

Оларовскій. Думаю—нѣтъ.

Каркъ. Не называлъ ли я Вамъ, кромѣ Гринчака, еще Некоза, какъ составителя группы.

Оларовскій. Некоза не помню.

Каркъ. А Вы знали, кто былъ изгнанъ со сходки 15-го марта, т. е. кто былъ св-д-щимъ?

Оларовскій. Послѣ 2-го апрѣля списка св-д-щихъ еще не было; я по крайней мѣрѣ не видалъ.

Каркъ. Такъ, что Вы не знали, были ли Гринчакъ и Некозъ св-д-щими или не были, когда я посылалъ Васъ къ нимъ.

Оларовскій. Не зналъ.

Марковъ. Я хотѣлъ бы разсказать о тѣхъ фактахъ, которые я слышалъ. Студ-тъ Макаровъ самъ мнѣ разсказывалъ весной о своемъ разговорѣ съ Бальди, впрочемъ объ этомъ онъ самъ говорилъ Суду. Вечеромъ 31 марта я былъ у студ-та 5 курса Оводенко. Приходятъ къ нему Воробьевъ и Рыженко; предложили ему записаться въ группу, это не была спеціальная группа, говоря, что «когда мы начнемъ, къ намъ примкнутъ». Записался ли студ-тъ Оводенко—не знаю. Онъ указалъ на обструкцію. Тѣ возразили что внѣшнихъ враговъ бояться нечего, а нужно бояться внутренних, такъ какъ инспекція гарантируетъ время и мѣсто безопасно отъ обструкціи. (Читаетъ письмо Оводенко*). Теперь объ инцидент между Лебедевымъ и Лемпертомъ. Лемпертъ назвалъ на сходѣ всю партію шпіонской? Лебедевъ реагировалъ на Лемперта дѣйствіемъ. Возникло дѣло отложенное теперь до рѣшенія Третейско Суда. Я пошелъ къ Макарову, хотѣлъ подробно разузнать, не имѣетъ ли онъ, какъ стоящій близко, конкретныхъ фактовъ. Макаровъ сказалъ, что есть фактъ о Зѣнченкѣ, что объ этомъ всѣ знаютъ, указалъ какъ на свидѣтелей на Воробьева, Соколова и Бутми-де-Кацмана и Эфендіева (не «своб. д-щій»). Я обратился къ Бутми, почему ихъ не исключили, но къ положительнымъ рез-

татамъ не пришли. По словамъ Бутми онъ дѣйствовалъ непредумышленно.

Макаровъ. Я Вамъ совершенно не говорилъ о Зѣнченкѣ и не указывалъ никакихъ свидѣтелей.

Марковъ. Я сговорился объ этомъ, я узналъ отъ Оводенки изъ письма (и опять читаетъ соотвѣтствующее мѣсто изъ письма).

Макаровъ. Объ инцидентѣ, о которомъ упоминаетъ Марковъ, я уже говорилъ (См. протоколъ № 8 стр. 170).

Марковъ. передаетъ Суду копію съ письма Оводенки.

Показаніе Нацвалова.

Въ виду того, что засѣданія затянулись, связнаго разсказа я не дамъ, а приведу отдѣльные факты. Во-первыхъ, я былъ свидѣтелемъ разговора съ профес. Шредеромъ 31 марта. Я подтверждаю слова Сняткова о профес. Шредерѣ, что Лутугинъ и Долбня потворствовали забастовкѣ, что произошелъ крахъ педагогической системы Мушкетова, что начнутся новые порядки. Когда ему говорили о предумышленности дѣйствій Коновалова, онъ подтвердилъ: «Да, дѣйствительно»—«Но вѣдь это подлость!»—Шредеръ: «Это просто остроумный пріемъ, къ которому прибѣгаете и Вы, студ-ты, на сходкахъ». Тутъ было еще нѣсколько студ-въ. Относительно «своб. д-щихъ» мнѣ извѣстны такіе факты: во-первыхъ, на поступки «своб. д-щихъ» реагировала не только группа своб-м-щихъ, но и группа умѣренныхъ 5-го курса, которая пожелала даже изолироваться на время экзаменовъ. Было два засѣданія: первое у студ-та Бранта, тамъ было 8 человѣкъ—ядро; второе, въ столовой Дервиза, тамъ было человѣкъ 20. Могу назвать нѣкоторыя фамиліи изъ ихъ числа: Шибаевъ, Шарпантье, Брантъ, Агильви, Грибоѣдовъ. Но эта группа какъ то разбилась и чѣмъ все кончилось—я не знаю, такъ какъ скоро уѣхалъ.

Предсѣдатель. Какую цѣль преслѣдовали эти засѣданія?

Нацваловъ. Они не хотѣли смѣшиваться съ «своб.-д-щими». Теперь о доносахъ. Съ однимъ изъ державшихъ экзамены, попавшихъ въ проскрипціонный списокъ, Березовскимъ, я и весной былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, да и впослѣдствіи не прерывалъ ихъ, не находя возможнымъ осуждать его. Онъ передавалъ мнѣ, что видѣлъ и слышалъ про Зѣнченко. Могу прочесть выдержку изъ письма Березовскаго. Остальныя части письма носятъ совершенно частный характеръ и къ дѣлу отношенія не имѣютъ. «Относительно Зѣнченко, если зайдетъ рѣчь на Судѣ, позволяю ссылаться на меня. Я видѣлъ и слышалъ, какъ Зѣнченко переда-

валъ Бальди фамиліи, о другихъ не скажу, такъ какъ о нихъ слышалъ, но самъ не видѣлъ".

Предсѣдатель беретъ письмо.

Люстихъ. Въ Вашемъ разговорѣ съ Березовскимъ Вы не спрашивали, сообщалъ ли онъ «своб. д-щимъ» о Зѣнченко?

Нацваловъ. Этого не было. Онъ самъ не реагировалъ, но разговоры, очевидно, у нихъ были.

Люстихъ. Говорилъ ли онъ, что нужно реагировать, что-нибудь предпринять?

Нацваловъ. Самъ онъ только страшно возмущался, но предпринять что-нибудь самому нельзя было, время было не такое— шли экзамены.....

Люстихъ (прерываетъ). Значитъ лично Березовскій возмущался, но о какой нибудь коллективной мѣрѣ не поднималъ вопроса?

Нацваловъ. Да, онъ только лично возмущался. О коллективной мѣрѣ не могло быть и рѣчи. Сходку собрать нельзя было.

Люстихъ. Но Березовскій же не былъ противъ Коновалова?

Нацваловъ. Нѣтъ, онъ былъ противъ.

Лесгафтъ. О Зѣнченко и другіе говорили?

Нацваловъ. Да, слышалъ и отъ другихъ.

Лесгафтъ. «Своб.-д-щіе» въ суммѣ не выражали протеста по этому поводу?

Нацваловъ. Я укажу на неправильную точку зрѣнія «своб.-д-щихъ». Они говорятъ, какъ мы могли реагировать? Когда главная масса противниковъ Коновалова была уволена, «своб. д-щіе» имѣли доступъ въ инст-тъ, къ ихъ услугамъ была инспекція. Они все могли сдѣлать. Мнѣ извѣстно, что среди «своб. д-щихъ» были противники общей сходки. Они боялись, что въ лицѣ своихъ главныхъ представителей, что вслѣдствіе ухода профессоровъ, забастовка дѣйствительно пройдетъ на сходкѣ. Такъ думалъ Ив. Соколовъ, противникъ забастовки, а его мнѣніе было важно для «своб. д-щихъ». Могу еще прибавить: группѣ студ-въ своб-м-щихъ и Орг. Комит. ставится въ вину, что не были примѣнены элементарныя правила справедливости въ дѣлѣ составленія проскрипціоннаго списка. Но это совершенно ложно. Кульминаціоннымъ пунктомъ былъ отказъ отъ принципа подчиненія большинству и уходъ со сходки. Послѣ этого о справедливости не могло быть и рѣчи. Да и все равно, я увѣренъ, что ни одинъ изъ «своб. д-щихъ» не явился бы, если бы Орг. Комит. потребовалъ его для объясненія.

Лесгафтъ. Не можете ли Вы сказать, раздавали ли «своб. д-щіе» билеты или нѣтъ?

Нацваловъ. Относительно раздачи билетовъ ничего не знаю; слышалъ только. Послѣ 31 я просилъ отпуска; инспекторъ мнѣ его разрѣшилъ, но директоръ не выдалъ.

Злотницкій. Вы авторъ статьи отъ 9-го декабря въ газетѣ «Русь» за подписью Л. Н.?*

Нацваловъ. Совершенно вѣрно.

Злотницкій. Вотъ тамъ имѣется такая фраза: «Когда наиболѣе дѣятельные изъ Васъ, произвольно или по выбору, соединившись въ Орг. Комит., именемъ группы творили доносъ, тогда Вы молчали».. Какія у Васъ были данныя, что Орг. Комит. именемъ группы творилъ доносъ? Были ли у Васъ указанія, что Зѣнченко находился въ Орг. Комитетѣ?

Нацваловъ. Этого я не зналъ. Я смотрю такъ: если извѣстныя лица объединяются подъ опредѣленной формулой и начинаютъ проявлять себя, то они выдѣляютъ особый Орг. Комит., который долженъ реагировать на доносы и выяснять поступки отдѣльныхъ лицъ.

Злотницкій. Въ Вашемъ письмѣ это не выяснено, я прошу мотивировать Вашу фразу о доносѣ.

Нацваловъ. Доносъ бываетъ по моимъ соображеніямъ разный: прямой и косвенный, единичный, какъ съ Зѣнченко, и коллективный—таково составленіе группъ лицъ, которые хотятъ держать экзамены. Тѣмъ самымъ они открывали тѣхъ, которые не хотятъ держать. Такимъ образомъ въ глазахъ инспекціи студ-ты раздѣлились на овецъ и козлищъ.

Злотницкій. Почему же Вы сказали, что Орг. Комит. творилъ доносъ, а не всѣ «своб.д-щіе»?

Нацваловъ. Ор. Комит. есть плоть отъ плоти и кровь отъ крови своей группы и онъ отвѣчаетъ за дѣйствія всѣхъ и долженъ за всѣми слѣдить.

Злотницкій. Вы знаете, что творилъ Орг. Комит. и кто тамъ былъ?

Нацваловъ. Приблизительно знаю, но не хочу называть.

Злотницкій. Фактовъ у Васъ кромѣ Зѣнченко не было?

Нацваловъ. Нѣтъ, не было.

Кутыринъ. Вы говорили о совѣщаніи на 5 курсѣ студ-въ, которые хотѣли отдѣлиться, что же тамъ назывались факты? почему они хотятъ отдѣлиться?

Нацваловъ. На совѣщаніи я не былъ и что тамъ происходило— не знаю; отъ участниковъ зналъ о характерѣ засѣданій.

Кутыринъ. Вы говорили, что Березовскій отнесся отрицательно къ Зѣнченко, значитъ онъ виноватъ въ попустительствѣ?

Нацваловъ. Да, безусловно.

Кутыринъ. Вы сказали, что Березовскій не могъ реагировать?

Нацваловъ. Это мое личное мнѣніе, онъ попалъ въ списокъ по ошибкѣ. Онъ реагировалъ письмомъ, вывѣшеннымъ въ буфетѣ, въ которомъ отказывался отъ принадлежности къ «своб.д-щимъ». А «своб.д-щіе» могли и должны были реагировать.

Кутыринъ. А другіе изъ группы должны были реагировать?

Нацваловъ. Да, обязательно,

Кутыринъ. Когда?

Нацваловъ. Съ того момента, какъ только узнали.

Кутыринъ. Вы знаете этотъ моментъ?

Нацваловъ. Когда стали извѣстны факты. Отдѣльныя лица должны были послать извѣщеніе Орг. Комит. и наоборотъ...

Кутыринъ. Въ первый же день должны были извѣстить?

Нацваловъ. Судя по письму Березовскаго имъ было извѣстно въ первый же день. Да и Макаровъ зналъ о доносахъ въ первый же день.

Макаровъ. Надо еще доказать, что это былъ доносъ.

Нацваловъ. Какое же Вамъ надо доказательство?

Кутыринъ. Вы говорите, что было извѣстно еще 2 апрѣля и тогда же должны были реагировать, не смотря на горячее время экзаменовъ?

Нацваловъ. Да, должны были тотчасъ взяться за разслѣдованіе.

Кутыринъ. Въ дѣлѣ о трехъ шпіонахъ Вы принимали участіе?

Нацваловъ. Большое участіе.

Кутыринъ. Дѣло трехъ шпіоновъ когда началось?

Нацваловъ. Я Вамъ предлагаю самому припомнить.

Кутыринъ. А у Васъ на это памяти не хватаетъ!

Предсѣдатель. Нельзя такъ отвѣчать и такъ спрашивать. (Нацвалову). Вы скажите: «я не помню».

Кутыринъ. Вы были на сходкѣ 5 курса въ столовой Гунста. Тамъ были Соколовъ, Воробьевъ и Постриганевъ. Заявили они о своемъ представительствѣ?

Нацваловъ. Да, говорили, особенно Постриганевъ.

Зерновъ. Какъ въ особенности, а другіе не заявляли?

Нацваловъ. Я хорошо помню Постриганева, потому что былъ ближе, то же слышалъ отъ Крылова.

Кутыринъ. Вы говорили, что 2 апрѣля пришли за отпускомъ въ инст-тъ. А въ группу обструкціонистовъ Вы не записывались?

Нацваловъ. Въ этотъ день я не записывался, но это Васъ не касается. Въ обструкціи не участвовалъ.

Кутыринъ. Я задаю вопросы и если Судъ находитъ ихъ лишними, онъ меня остановитъ, а Вы должны отвѣтить или отказаться. Могли Васъ записывать въ эту группу другіе?

Нацваловъ. Могли безъ моего вѣдома записать, но только не въ группу обструкціонистовъ.

Кутыринъ. Я говорю о группѣ поданной 1 апрѣля. Васъ записали безъ Вашего разрѣшенія?

Нацваловъ. 31 марта я подалъ прошеніе объ отпускѣ, а 1 апрѣля меня Панфиловъ занесъ въ группу желающихъ держать экзамены, въ чемъ и признался въ тотъ же день.

Кутыринъ. Держать экзаменъ 2 апрѣля, а не 1. Вы претензіи къ Панфилову не предъявляли?

Нацваловъ. Позвольте мнѣ съ нимъ раздѣлаться.

Рейнъ. Когда Вы писали о шпіонствѣ Орг. Комит. предполагали Вы передачу списка «своб.д-щихъ» кому-нибудь?

Нацваловъ. Отчасти подразумѣвалъ.

Рейнъ. Вы знали какъ фактъ или какъ слухъ?

Нацваловъ. Устанавливалось это фактомъ, что составлялись группы; выдѣленіе группъ я считаю доносомъ.

Рейнъ. Но Вы не знали факта передачи списка «своб.д-щихъ»?

Нацваловъ. Нѣтъ, я ничего не зналъ.

Рейнъ. А Мушкетовъ Вамъ ничего не говорилъ?

Нацваловъ. Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Михайлушкинъ. Вы заявили, что Орг. Комит., записывавшій огульно въ проскрипціонный списокъ, не могъ и не долженъ былъ входить въ сношенія со «своб.д-щими»?

Нацваловъ. Да, но я не говорилъ «огульно».

Михайлушкинъ. Это, конечно, мое слово. Неизвѣстно ли Вамъ, что Орг. Комит. входилъ въ сношеніе со «своб.д-щими», предлагая переписаться и грозилъ въ противномъ случаѣ непріятностями?

Нацваловъ. Совершенно вѣрно, но послѣ неудачныхъ попытокъ Комит. и въ частности студ-въ 5 курса пригласить на товарищеское совѣщаніе, когда ходившихъ встрѣчали грубо и иногда

съ бранью, отпала всякая охота. Нѣкоторыхъ лицъ силой затащили на совѣщаніе 5 курса.

Михайлушкинъ. Я имѣлъ честь принять посланнаго, принялъ его вѣжливо. Онъ не говорилъ мнѣ ни о какихъ грубостяхъ, потому смѣю утверждать, что сношенія были возможны. Комит. этого не сдѣлалъ, по его же словамъ травля «своб.д-щихъ» была рѣшена принципіально раньше 2-го.

Нацваловъ. Если Комит. и отдѣльные студ-ты угрожали всѣмъ «своб.д-щимъ», то только обструкціей. У Рыженко я нарвался на грубость и тогда я это сообщилъ Орг. Комит. и предложилъ не входить ни въ какія сношенія съ своб.д-щими», потому что въ лицѣ ихъ главныхъ представителей встрѣтилъ грубый отказъ.

Михайлушкинъ. Но Орг. Комит. могъ войти въ сношенія со «своб.д-щими», и посланный мнѣ говорилъ, что у насъ де было совѣщаніе.

Брушвитъ. Тутъ недоразумѣніе, я могу сдѣлать разъясненіе. У него былъ Штейнъ, его личный другъ. Никто Штейну не поручалъ этого и онъ не былъ уполномоченъ. Вообще онъ намъ надѣлалъ много хлопотъ. За это онъ имѣлъ непріятности отъ Ком.

Михайлушкинъ. Я утверждаю, что Штейнъ былъ посланъ Комитетомъ. По его словамъ было совѣщаніе, на которомъ говорилось, что было бы желательно переманить на свою сторону «сооб.д-щихъ». Брушвитъ мнѣ говорилъ, что Штейнъ представитель Комитета.

Брушвитъ. Я ни въ какихъ совѣщаніяхъ участія не принималъ и ничего Михайлушкину не говорилъ.

Рейнвальдъ. Штейнъ не принималъ участія въ Ком. Это была его частная инициатива. Я дѣлаю официальное заявленіе, что Ком. никакихъ постановленій объ опросѣ не дѣлалъ и не принималъ мѣръ для убѣжденія переписываться.

Кутыринъ. Орг. Комит. грозилъ обструкціей?

Нацваловъ. Не Комит., ошибаетесь, а частныя лица.

Кутыринъ. Вы сами это сказали. Что же Комит. находилъ преступнымъ опрашивать «своб.-д-щихъ?»?

Рейнвальдъ. Я официально заявляю, что Нацваловъ отъ Комит. говорить не имѣетъ права и полномочія не получалъ никакого.

Нацваловъ. Нѣтъ, никакого.

Предсѣдатель. Предлагайте Нацвалову вопросы, на которые онъ имѣетъ право отвѣчать.

Соколовъ. Вы всегда подчинялись постановленіямъ сходки?

Нацваловъ. Когда находилъ для себя это возможнымъ и нужнымъ.

Соколовъ. Не помните ли, когда Вы не подчинились постановленію сходки?

Нацваловъ. Совсѣмъ не помню.

Соколовъ. Хотите—я напомню. Помните дѣло о шпіонахъ; что Вы себѣ позволили на вечеринкѣ Толстого?

Нацваловъ. Помню прекрасно.

Соколовъ. Разскажите пожалуйста.

Нацваловъ. Исторія была такъ. Сконопницъ-Грабовскій былъ признанъ ненормальнымъ. Новгородскій глупымъ. Комиссія о вечеринкѣ собралась въ комнатѣ, куда кромѣ литераторовъ никого не пускали. Вдругъ я замѣтилъ Сконопница-Грабовскаго; онъ какъ-то пролѣзъ и разговаривалъ съ Носаремъ. Я говорю Звѣреву: отзовите какъ нибудь Носаря, онъ не знаетъ, съ кѣмъ разговариваетъ.

Соколовъ. Ну, это не совсѣмъ такъ. Скажите, Вамъ извѣстно о тайномъ трибуналѣ въ инст-тѣ?

Нацваловъ. Извѣстно, что онъ существуетъ только въ воображеніи «своб.д-щихъ».

Соколовъ. На совѣщаніе 5 курса силкомъ привели «своб.д-щихъ». Что Вы ихъ за шиворотъ тащили?

Нацваловъ. Силкомъ я называю, когда надо два часа и еще слѣдующій день уговаривать ихъ.

Соколовъ. А Вы допускаете товарищескія отношенія послѣ сходки 15 марта?

Нацваловъ. До доносовъ я допускаю, но со 2 апрѣля...

Соколовъ. (перебиваетъ) Вы это говорите съ точки зрѣнія своб-м-щихъ. А съ точки зрѣнія «своб.д-щихъ»? Послѣ того, какъ ихъ прогнали со сходки, Вы допускаете товарищеское отношеніе?

Нацваловъ (не слушая). Если своб-м-щіе обнаружили столько твердости и самообладанія, чтобы обратиться съ призваніемъ къ товарищамъ...

Соколовъ. Если бы Васъ выгнали, а черезъ 5—6 дней позвали бы--Вы пошли?

Нацваловъ. Да, пошелъ.

Соколовъ. Послѣ выгона?

Нацваловъ. Если бы товарищи обратились послѣ выгона, я бы пошелъ.

Гартунгъ. Отдѣльныя лица ходили приглашать «своб. д-щихъ», хотя Орг. Комит. полномочій не давалъ. Вы ходили?

Нацваловъ. Да, я ходилъ?

Гартунгъ. По чьему уполномочію?

Нацваловъ. Когда стало извѣстнымъ, что возможна обстр
старымъ студ-мъ было неловко, хотѣли этого не допустить. Р
что единственнымъ средствомъ было обращеніе къ товарищам

Гартунгъ. Значитъ, это была частная иниціатива?

Нацваловъ. Я ходилъ, какъ уполномоченный 5 курса.

Гартунгъ. Въ разговорахъ со «своб. д-щими» вопросъ ста
рѣзко: или Вы откажитесь отъ экзаменовъ, или будетъ обстру

Нацваловъ. Нѣтъ, ошибаетесь, говорилось о возможности
томъ о нежелательности обструкціи. Я зналъ лицъ, дошедши
сознанія необходимости обструкціи.

Гартунгъ. На вопросъ Соколова, что послѣ грубаго отвѣт
заявили, что со «своб. д-щими» ничего не подѣлаешь. Кому ж
объ этомъ заявляли, разъ Вы дѣйствовали не имѣя полномочі

Нацваловъ. Я заявлялъ объ этомъ на совѣщаніи 5 курс
зналъ, что это могло быть передано членамъ Орг. Комитета.

Рейнвальдъ. Вы говорили о совѣщаніи нейтральныхъ. Не
ли однимъ изъ мотивовъ то, что они не хотятъ поручител
своб. д-щихъ?»

Нацваловъ. Безусловно было.

Мефферть. Не помните ли Вы содержанія заявленія Бер
скаго, вывѣшеннаго въ буфетѣ?

Нацваловъ. Приблизительно такое: я заявляю, что экзамены
личнымъ обстоятельствамъ держать буду, но въ группѣ «своб. д-щи
участвовать не хочу. Письмо было вывѣшено послѣ разговор
мной, когда я удивлялся, что онъ примкнулъ къ такой партіи
былъ удивленъ, что объявленіе было черезъ полчаса составлено,
этому въ Орг. Комит. этого не знали. Я разъяснилъ это Коми
мнѣ сказали, что онъ внесенъ по ошибкѣ.

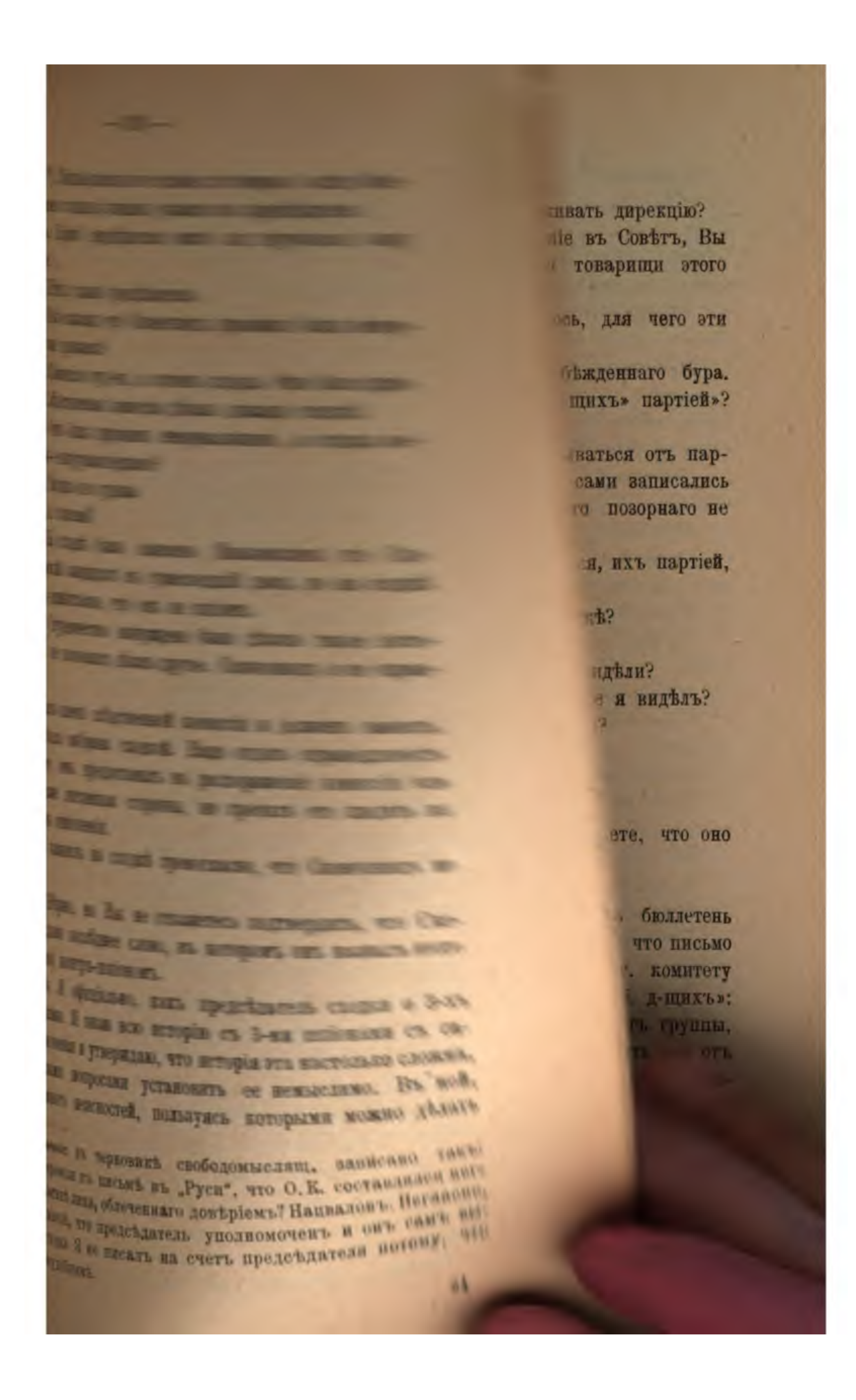
Люстихъ. Когда было вывѣшено его заявленіе?

Нацваловъ. Помню, что это было послѣ сходки 15 марта, я иск
Березовскаго.

Голоса. 16 марта.

Нацваловъ. Послѣ сходки я пошелъ на совѣщаніе «своб. д-щи
вызвать Березовскаго, но они на меня косо стали смотрѣть. То
я говорилъ съ нѣкоторыми «своб. д-щими» и указывалъ, что одно
держать экзамены, а другое — выдѣлиться въ группу, т. е. и
сознательно навстрѣчу политикѣ Коновалова.

Мефферть. * Въ Вашемъ письмѣ въ «Русь» есть фраза,
Орг. Комит. можетъ быть составленъ лицомъ, облеченнымъ до
ріемъ сходки. Я вотъ суду докладывалъ нѣсколько иначе.

...ивать дирекцію?
...іе въ Совѣтъ, Вы
... товарищи этого
...сь, для чего эти
...бѣжденнаго бура.
...щихъ» партіей»?
...ваться отъ пар-
...сами записались
...го позорнаго не
...я, ихъ партіей,
...ѣ?
...дѣли?
... я видѣлъ?
...ете, что оно
... бюллетень
... что письмо
... комитету
... д-щихъ»:
... группы,
... отъ

...и утверждаю, что исторія эта настолько сложна, ... вопросы установить ее немыслимо. Въ моей, ... пользуясь которыми можно дѣлать

...въ черновикѣ свободомыслящ. записано такъ ... въ письмѣ въ „Руси", что О. К. составляется ... лица, облеченнаго довѣріемъ? Нацваловъ. Неганов... что предсѣдатель уполномоченъ и онъ самъ ... писать на счетъ предсѣдателя потому, ...

какіе угодно выводы. Поэтому, если судъ найдетъ важнымъ этотъ инцидентъ, то его нужно разсмотрѣть особо.

Нацваловъ. Я за свой поступокъ всегда отвѣчаю и готовъ къ услугамъ «своб. д-щихъ».

Предсѣдатель. Это очень важно, но сейчасъ неудобно разбирать этотъ вопросъ, нужно было бы назначить особое слѣдствіе.

Нечаевъ проситъ разрѣшенія огласить заявленіе Бекташева.

Предсѣдатель находитъ не относящимся къ дѣлу.

Злотницкій. Г-нъ Предсѣдатель, это чрезвычайно важно. Это дѣло со словъ Гапѣева попало въ печать; какъ студ-ты мы не можемъ допустить, чтобы про лицъ, не принадлежащихъ къ «своб. д-щимъ», не имѣющихъ къ этому дѣлу никакого отношенія, оправданныхъ на сходкѣ, писалось, что для обвиненія были основанія. Рейнвальдъ говорилъ здѣсь о какихъ то секретныхъ данныхъ, имѣвшихся у комиссіи. Между тѣмъ для обвиненія Новгородскаго основаніями служили синіе очки, которые всегда внушаютъ подозрѣніе и піанино, которое, какъ оказалось, онъ получилъ за женой.

Нечаевъ читаетъ письмо Бекташева*.

Гливицъ. Бекташевъ былъ только на 2 засѣданіяхъ.

Гапѣевъ. Разслѣдованіе продолжалось около полутора мѣсяцевъ по три раза въ недѣлю.

Грунвальдъ. Саллогубъ, тоже членъ комиссіи, говорилъ мнѣ, что участіе въ этомъ дѣлѣ является для него самымъ тяжелымъ воспоминаніемъ въ жизни по жестокости и нетерпимости, проявленной нѣкоторыми студ-ми.

Нацваловъ проситъ разрѣшенія сказать характеристику Саллогуба.

Предсѣдатель. Ничего по этому поводу говорить болѣе не нужно.

В. Соколовъ. А предсѣдатель, Ив. Соколовъ, былъ на всѣхъ засѣданіяхъ?

Нацваловъ. Это не важно, кажется на всѣхъ.

Кутыринъ. На Толстовской вечеринкѣ Вы хотѣли предупредить Носаря. Какой же смыслъ Вы придавали своимъ словамъ?

Нацваловъ. Я обратился къ Звѣреву: «Скажите Носарю, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло». Мнѣ было страшно, что Сконопницъ затѣсался въ комнату литераторовъ, и я предупредилъ Носаря.

Зерновъ. Вы его желали предупредить относительно шпіонства?

Нацваловъ. Нѣтъ, этого я не говорилъ; говорилъ только предупредить.

Зерновъ. Эти вопросы направлены противъ Васъ лично?

Нацваловъ. Противъ меня лично.

Зерновъ. Вы были обвинителемъ?

Нацваловъ. Я былъ обвинителемъ противъ Скоnonница и Новгородскаго. Я принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ потому, что былъ отчасти виновникомъ этого мнѣнія. На основаніи слуховъ объ этихъ лицахъ Матвѣевъ обвинилъ ихъ. Онъ былъ бы козломъ отпущенія и на указанномъ основаніи я не считалъ возможнымъ скрывать то, что я говорилъ и считалъ себя обязаннымъ помочь ему. Вотъ мое участіе, за что меня и обвиняютъ.

Предсѣдатель. Я думаю, что это не относится къ дѣлу.

Нацваловъ. Если Суду интересно, я разскажу все.

Предсѣдатель. Это невозможно.

Гартунгъ. Инцидентъ на вечерѣ былъ послѣ Суда или раньше?

Нацваловъ. Послѣ Суда, на которомъ онъ былъ признанъ ненормальнымъ.

Зерновъ. Когда была эта вечеринка?

Нацваловъ. Не помню,—5 декабря, кажется.

Зерновъ. Развѣ Вамъ не было ясно, что Скононницъ ненормальный?

Нацваловъ. Я и предупредилъ Звѣрева, чтобы онъ сказалъ Носарю. Я не сдѣлалъ это открыто, сдѣлалъ это тихо и смирно.

Соколовъ. Какъ же это стало извѣстно на сходкѣ?

Нацваловъ. Меня удивляетъ, почему это дошло до свѣдѣнія «своб. д-щихъ?» Какими пріемами узнавали «своб. д-щіе», не знаю.

Предсѣдатель. Это—пререканіе.

Гливицъ. Въ этотъ вечеръ Скононницъ хотѣлъ выступить съ чтеніемъ какого то страннаго доклада. Онъ всѣмъ надоѣлъ своими проектами и намъ было очень трудно удалить его—онъ былъ явно ненормальный.

Зерновъ. Скононницъ приходилъ ко мнѣ во время послѣдняго техническаго съѣзда и желалъ дѣлать доклады по всѣмъ пунктамъ программы съѣзда. Онъ производилъ впечатлѣніе совершенно ненормальнаго.

Бауманъ. Его съ третьяго засѣданія по моей просьбѣ отправили въ больницу.

*Нацваловъ**). Въ созданіи обвиненія виноваты многіе, не я одинъ виновникъ. Недобросовѣстно со стороны «своб. д-щихъ» меня одного обвинять.

Примѣчаніе: въ черновикѣ свободомыслящихъ редакція такова: «этотъ инцидентъ произошелъ не по моей иниціативѣ; онъ сложился годами. Нахожу поведеніе свобо-д.-щихъ недобросовѣстнымъ; если выяснять, то во всей его полнотѣ».

Макаровъ. Какое было отношеніе къ Вамъ со стороны студентовъ послѣ дѣла Сконопницъ—Грабовскаго.

Нацваловъ. Отличное.

Макаровъ. Не помните ли, что Васъ Оводенко въ лабораторіи, когда Вы къ нему подошли, назвалъ шпіономъ?

Нацваловъ. Этого не было. Оводенко меня не называлъ.

Макаровъ. А помните, что я не сталъ съ Вами разговаривать и отвѣтилъ Вамъ очень рѣзко, когда Вы подошли ко мнѣ послѣ разговора съ Оводенко?

Нацваловъ. Это неправда.

Макаровъ. А что же у Васъ было съ Оводенко?

Нацваловъ. Инцидентъ съ Оводенко былъ совсѣмъ другого рода.

Макаровъ. Я утверждаю, что было такъ, какъ я говорю.

Нацваловъ. Позвольте мнѣ это лучше знать. Вѣдь въ комнатѣ съ Оводенкой были мы одни, а Васъ тамъ не было.

Кутыринъ. Вы говорили, что на совѣщаніе 5 курса, „своб.-д-щихъ" затащили силкомъ.

Нацваловъ. Да, были представители и ихъ пришлось затащить силкомъ.

Кутыринъ. Какъ же они являлись представителями, когда ихъ туда тащили?

Нацваловъ. Знаю, что они были представители.

Кутыринъ. И ихъ туда тащили?

Нацваловъ. Да.

Кутыринъ. Какъ же это они не хотѣли идти, если они были представителями?

Нацваловъ. Соколовъ и Воробьевъ были главными представителями.

Кутыринъ. Что значитъ главные представители?

Нацваловъ. Вы „своб.-д-щій", значитъ, Вы представитель.

Кутыринъ. Значитъ представитель, какъ и всѣ участники группы, а не уполномоченные?

Нацваловъ. Постриганьевъ заявилъ, что онъ представитель и принесъ отвѣтъ отъ группы.

Кутыринъ. Отъ директора, а не отъ группы.

Нацваловъ. Принесъ отвѣтъ группы отъ Коновалова.

Кутыринъ. Онъ ходилъ къ директору, а не къ группѣ.

Нацваловъ. Мы ему говорили, что надо устроить сходку; „своб.-д-щимъ" легче это сдѣлать. Постриганьеву поручили переговорить со „своб.-д-щими" и сходить къ директору. Онъ за это взялся, переговорилъ съ группой и принесъ намъ отвѣтъ директора.

Кутыринъ. Отвѣтъ отъ директора, а не отъ группы.

Нацваловъ. Нѣтъ и отъ группы. Онъ взялся передать группѣ и принесъ отвѣтъ отъ имени группы.

Зерновъ. Вы были на этомъ совѣщаніи?

Нацваловъ. Да, былъ.

Зерновъ. А на второмъ?

Нацваловъ. Второго собранія не было. Тутъ недоразумѣніе. Желая предупредить острое столкновеніе на предстоящемъ первомъ экзаменѣ 5 курса, по частной иниціативѣ была сдѣлана попытка сговориться со «своб.-д-щими» 5 курса. На это совѣщаніе мною лично были приглашены «своб.-д-щіе» Ив. Соколовъ и Воробьевъ, которые, какъ я знаю, пользовались большимъ вліяніемъ между «своб.-д-щими»; они приходили на совѣщаніе не какъ оффиціальныя лица, а какъ главныя лица группы. Ихъ я просилъ увѣдомить и остальныхъ «своб.-д-щихъ» 5 курса, которые захотѣли бы явиться на товарищеское совѣщаніе 5 курса. На этомъ совѣщаніи «своб.-д-щій» Постриганьевъ взялъ на себя сходить къ директору и отъ лица «своб.-д-щихъ» настаивать на общестуденческой сходкѣ во избѣжаніе обструкціи. На слѣдующій день онъ принесъ отказъ директора.

Зерновъ. А Постриганьевъ здѣсь?

Соколовъ. Онъ въ Петербургѣ и его можно вызвать.

Предсѣдатель. Вы вызовете?

Фойгтъ. Онъ военный и вѣроятно ему нельзя будетъ явиться.

Михайлушкинъ. Мнѣ было указано, что для перехода изъ группы «своб.-д-щихъ» въ число корпорантовъ надо было написать Яньковскому. Стало быть этотъ способъ вырабатывался и Комитетъ поручалъ увѣщевать?

Нацваловъ. Увѣщаній не было.

Михайлушкинъ. Однако я имъ подвергся.

Нацваловъ. Знаю, что дѣлалось по иниціативѣ 5 к., а частныхъ не знаю.

Михайлушкинъ. Яньковскій не частное лицо. Конечно это дѣлалось съ его вѣдома, а слѣдовательно и съ вѣдома Комитета.

Нацваловъ. Комитетъ здѣсь и онъ самъ отвѣтитъ.

Рейнвальдъ. Яньковскій организовалъ Комитетъ,—и написать Яньковскому—лучшій способъ, чтобы извѣстить Комитетъ.

Михайлушкинъ. Ко мнѣ являлся Штейнъ отъ имени Комитета.

Брушвитъ. Въ Комитетѣ рѣшено было сообщить подписи студ-въ

о подчиненіи ихъ Комитету подъ заголовкомъ (приблизительнымъ): Обязуюсь не ходить на экзамены по билетамъ и буду ожидать общей сходки. На совѣщаніи студ-въ, которые обязались дѣлать опросъ, рѣшено было къ «своб.-д-щимъ» не ходить. Штейнъ былъ у Михайлушкина по личной иниціативѣ и имѣлъ за это непріятность отъ Комитета.

Михайлушкинъ. Штейнъ мнѣ указывалъ способъ, а слѣдовательно это проектировалось.

Предсѣдатель. Это уже оцѣнка.

Михайлушкинъ. Это имѣетъ отношеніе къ Комитету.

Соколовъ. Какъ Вы узнали, что думали тѣ 25 человѣкъ, которые собирались на совѣщаніе 5 курса? Вы тамъ присутствовали?

Нацваловъ. Нѣтъ, мнѣ говорили Козловскій и Брантъ.

Соколовъ. Кто еще можетъ подтвердить Ваши слова?

Нацваловъ. Ланвагенъ, Стальновъ, Шарпантье.

Соколовъ. Вы ручаетесь, что заявленіе Березовскаго было такимъ, какимъ Вы его цитировали?

Нацваловъ. Подлинно не помню, но ручаюсь, что вѣрно передалъ смыслъ.

Соколовъ. А я его помню въ такомъ видѣ: «по семейнымъ обстоятельствамъ я не имѣю возможности терять еще годъ; я буду держать во что бы то ни стало экзамены». Стало быть онъ присоединился къ «своб.-д-щимъ»?

Нацваловъ. Письмо составлено при моемъ участіи. По семейнымъ обстоятельствамъ долженъ держать экзамены, но отъ группы „своб.-д-щихъ“ отказался.

Соколовъ. Кто нибудь видѣлъ кромѣ Васъ это заявленіе?

Нацваловъ. Не думаю. Оно было очень скоро снято.

Соколовъ. Тутъ была оглашена выписка изъ письма Березовскаго. Не согласится ли Судъ огласитъ его полностью?

Нацваловъ. Какая цѣль?

Соколовъ. Въ общей связи эта выдержка можетъ получить нѣсколько иной смыслъ.

Нацваловъ. Въ другихъ мѣстахъ письма онъ совершенно не касается этого вопроса. Эту выдержку можно понять въ одномъ только смыслѣ, онъ объясняетъ мнѣ свою роль и причины своего поступка, какъ другу, открывая мнѣ свою душу; однимъ словомъ то, что онъ не сталъ бы говорить другимъ.

Соколовъ. На предыдущихъ засѣданіяхъ читались письма полностью.

Предсѣдатель оглашаетъ письмо полностью*.

Соколовъ хочетъ дать разъясненіе по вопросу о 3-хъ шпіонахъ.

Предсѣдатель. Этотъ вопросъ исчерпанъ.

Бѣлозоровъ. Вы въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ, помѣщенныхъ въ письмѣ въ „Русь“: О г. Комит. „своб.-д-щихъ“ именемъ группы творилъ доносъ, имѣли ли опредѣленные факты противъ Комитета? Не отдѣляете Комитета отъ группы? Значитъ, Комитетъ составлялъ списки?

Нацваловъ. Нѣтъ, я не говорилъ, что Организ. Комит. составлялъ списки.

Бѣлозоровъ. А Орг. Комитету Вы предъявляете отдѣльное обвиненіе?

Нацваловъ. Тѣ же обвиненія, что и всей группѣ. Формально Орг. Комит. былъ выдѣленъ, но онъ былъ плоть отъ плоти всей группы.

Зерновъ. «Шпіонство», по Вашему, имѣетъ тотъ смыслъ, что люди назвали себя и тѣмъ указали на другихъ? Вы считаете, что группа выдѣляясь, способствуетъ начальству отдѣлить козлищъ отъ овецъ? Въ этомъ выдѣленіи Вы видите косвенное доказательство шпіонства? Это Вашъ личный взглядъ?

Нацваловъ. Да, косвенное; это мой личный взглядъ.

Зерновъ. Обстоятельство составленія списка является шпіонствомъ?

Нацваловъ. Да, даетъ возможность раздѣлить.

Зерновъ. Вы поддерживали съ Березовскимъ хорошія отношенія весной?

Нацваловъ. Да, все время.

Зерновъ. Когда это письмо написано?

Нацваловъ. Послѣ начала третейскаго суда.

Зерновъ. Онъ „своб.-д-щій“?

Нацваловъ. Онъ зачисленъ Орг. Комитетомъ по ошибкѣ.

Зерновъ. Онъ числился въ спискѣ „своб.-д-щихъ“?

Нацваловъ. Онъ вышелъ изъ партіи.

Зерновъ. Его Вы видѣли?

Нацваловъ. Нѣтъ, онъ написалъ письмо. Я обращался по этому поводу къ отдѣльнымъ представителямъ Комитета. Комит. занесъ его, не зная письма.

Зерновъ. Когда это письмо было написано? Тутъ же видно, чтобы онъ приносилъ раскаяніе?

Нацваловъ. У меня первая часть письма, гдѣ онъ говоритъ, что совершилъ свой поступокъ—выходъ изъ корпораціи подъ давленіемъ семейныхъ обстоятельствъ.

Зерновъ. Не говорилъ ли Березовскій, что „своб.-д-щіе“ собирались, сговаривались и т. д., выдѣлили Орг. Комит.?

Нацваловъ. Нѣтъ, ничего по этому поводу не говорилъ.

Зерновъ. И потомъ держалъ экзамены?

Нацваловъ. Онъ 13-го заявилъ, что экзамены держать будетъ, но со «своб.-д-щими» никакихъ сношеній не имѣлъ.

Фойгтъ. Вы говорили, что письмо Березовскаго было вывѣшено 16 марта?

Нацваловъ. Непосредственно послѣ сходки и выдѣленія „своб.-д-щихъ“.

Фойгтъ. Во всякомъ случаѣ вскорѣ. Фамилія Березовскаго попала въ списокъ?

Нацваловъ. Да.

Фойгтъ. А Вы знали, что онъ выдѣлился отъ «своб. д-щихъ»?

Нацваловъ. Зналъ.

Фойгтъ. Отчего же Вы не сообщили это Орг. Комит.?

Нацваловъ. Списокъ я увидѣлъ только осенью и заявилъ объ этомъ немедленно. О существованіи списка зналъ, положимъ, раньше, но самый списокъ увидѣлъ только осенью.

Фойгтъ. Сказавъ Орг. Комит., Вы не подали мысль разослать его фамилію по рудникамъ и заводамъ вмѣстѣ съ опроверженіемъ?

Нацваловъ. Безусловно это я говорилъ и Орг. Комит. хотѣлъ это сдѣлать. Березовскій хотѣлъ дождаться только окончанія третейскаго суда.

Фойгтъ. Вы уѣхали не сейчасъ послѣ обструкціи?

Нацваловъ. Дня черезъ три.

Бѣлозоровъ. Вы говорили о совѣщаніи 5 курса. Вы на немъ присутствовали?

Нацваловъ. До второго апрѣля.

Бѣлозоровъ. Значитъ письмо Березовскаго Вы знали до этого? Вы на этомъ совѣщаніи были съ представителями Орг. Комит.?

Нацваловъ. Я не различаю представителей Орг. Комит. Интересовался не представителями, а зналъ ли Орг. Комит. или нѣтъ этого не знаю.

Гапѣевъ. Въ частномъ разговорѣ Вы говорили Духоню объ его освѣдомленности?

Нацваловъ. Не считаю возможнымъ это говорить.

Гапѣевъ. Кромѣ доноса Зѣнченко Вы знали и о другихъ. Припомните разговоръ со студ-мъ Георги.

Нацваловъ. Это частный разговоръ, но разъ поднятъ вопросъ

то я долженъ сказать. Я желалъ получить отъ него разрѣшеніе передать суду, но къ сожалѣнію онъ уѣхалъ. Конечно Георги не откажется.

Макаровъ. Я просилъ Георги быть на судѣ, но онъ сказалъ, что не желаетъ давать показаній.

Предсѣдатель. Георги могъ бы письменно это сдѣлать.

Нацваловъ. У меня съ Георги былъ разговоръ общаго характера. Я говорилъ, что «своб. д-щихъ» нельзя было обвинять за одно держаніе экзаменовъ. Дѣйствительно у насъ много было неправильностей, но исправлять ихъ можно было не такимъ путемъ, какъ сдѣлали «своб. д-щіе». Въ достиженіи своихъ цѣлей они прибѣгли къ доносамъ. Георги подтвердилъ, что доносы были. 2 апрѣля онъ видѣлъ въ инст-тѣ Бальди, окруженнаго «своб. д-щими». Бальди припоминалъ, кто еще былъ на обструкціи, прикладывая палецъ ко лбу. Ему назвали фамиліи и онъ записалъ. Одинъ студ-тъ рядомъ съ Георги тоже хотѣлъ назвать. Георги удержалъ, схватилъ за руку: «Что Вы дѣлаете? Вѣдь это подлость!» Георги окружили и стали доказывать, что обструкція тоже большая подлость и что такъ и надо. Фамилію Георги зналъ, но мнѣ не назвалъ.

Макаровъ. Георги мнѣ говорилъ, что онъ удержалъ одного студ-та.

Кутыринъ. Вся партія виновна?

Предсѣдатель. Мнѣніе свидѣтеля не имѣетъ значенія для суда.

Пятницкій. Студентовъ 5 курса Вы посѣщали и приглашали на совѣщаніе въ столовую Гунста по частной иниціативѣ или имѣли на это полномочія?

Нацваловъ. По частной иниціативѣ 5 курса.

Гартманъ. Вы были выбраны 5-мъ курсомъ?

Нацваловъ. Да.

Макаровъ. Не подтвердите ли Вы, что когда я былъ на I к.— я былъ членомъ столовой комиссіи по Вашему приглашенію, Вы были ея предсѣдателемъ.

Нацваловъ. Да.

Макаровъ. За цѣлый рядъ пасквилей въ жалобной книгѣ, написанныхъ Оводенко и Бокіемъ, столовая коммиссія не устраивала надъ ними самосуда, а обратилась къ сходкѣ?

Нацваловъ. Да, они прикрывались анонимами «Божекъ».

Макаровъ. Это наивность! Вы прекрасно знали, кто этотъ «божекъ», я прошу категорически отвѣтить «да» или «нѣтъ»?

Нацваловъ. Да, самосуда не было.

Макаровъ. А въ инцидентѣ Заддэ? Не подтвердите ли Вы, что столовая коммиссія устроила самосудъ, запретивъ ему входъ въ столовую?

Нацваловъ. Это было другое дѣло: тутъ было нарушеніе традицій. Вопросъ о свободномъ вывѣшиваніи всякихъ объявленій многократно поднимался на сходкѣ...

Макаровъ. Я шесть лѣтъ студентомъ и ни разу не слыхалъ объ этомъ на сходкахъ. Но это неважно.

Предсѣдатель. Ставьте вопросъ опредѣленнѣе!

Макаровъ. Да я самъ требую только отвѣта на свой вопросъ: былъ самосудъ или нѣтъ?

Нацваловъ. Да, въ данномъ случаѣ столовая имѣла право...

Макаровъ. Отвѣчайте категорически: «да» или «нѣтъ»?

Нацваловъ. Да.

Кутыринъ. Въ 1902 г. Романовъ исцарапалъ руки кассиру, когда тотъ не хотѣлъ давать ему марокъ. Его судили?

Нацваловъ. Да, это было. Столовая безъ санкціи сходки хотѣла привлечь студентовъ къ продажѣ марокъ. На этой почвѣ и произошелъ этотъ инцидентъ. Но личныя дѣйствія того или другого лица не имѣютъ значенія..

Кутыринъ. Романову это было простительно?

Нацваловъ. Всѣмъ извѣстны личныя качества Романова.

Соколовъ. Участвовали Вы въ столовой коммиссіи во время кормленія голодающихъ, пострадавшихъ отъ наводненія?

Нацваловъ. Нѣтъ.

Показаніе Урбановича:

Я явился въ Институтъ между 25 и 30 мая и увидѣлъ объявленіе за подписью Коцовскаго, что начальство не ручается, что студенты, не державшіе экзамены весной, получатъ право держать ихъ осенью. Подъ давленіемъ объявленія я постарался сдать одинъ или два экзамена. Кромѣ того я могу прочитать суду письмо нынѣ горнаго инженера Ильинскаго: по дѣлу Коновалова онъ хотѣлъ послать свое заявленіе въ коммиссію студентовъ, но узнавъ, что тамъ участвуетъ Лури, онъ рѣшилъ не посылать: «Я спрашивалъ у Бальди почему мнѣ не прислали билетъ. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что Ив. Ал. Соколовъ не нашли нужнымъ Вамъ прислать». Остальное въ письмѣ все частное.

Люстихъ. Во избѣжаніе нареканій впредь, если мы и будемъ читать письма, то только полностью.

Предсѣдатель. Подтверждаетъ, что по прочтеніи письма, нашелъ все остальное къ дѣлу не относящимся.

Урбановичъ. Могу еще указать, что нынѣ горный инженеръ Гофманъ 6-го или 8-го мая держалъ одинъ экзаменъ, чтобы не потерять права держать экзамены осенью.

Бауманъ. Нужно добавить, что и Курнаковъ въ своихъ показаніяхъ не отрицалъ, что, когда въ обществѣ горныхъ инженеровъ выражено было, чтобы экзамены были и осенью, то въ Совѣтѣ это не прошло.

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Я никакого активнаго участія въ студенческихъ организаціяхъ не принималъ. Относился къ обѣимъ партіямъ совершенно одинаково. Мое участіе выразилось только въ баллотировкахъ, я былъ пассивный человѣкъ, и долженъ сказать, что противъ протеста Коновалову на сходкахъ никто не возражалъ. Свобододѣйствующіе не были противъ протеста. Слѣдующая сходка выработала, какъ форму протеста—забастовку. Въ это время поднимается какая-то группа и заявляетъ, что она за „свободу дѣйствій"; ей предложили очистить залъ. Для большаго эффекта поднимались отдѣльныя лица и дѣлали различныя заявленія. Оставшіеся подсчитывали голоса и находятъ, что забастовка прошла. Тутъ же рѣшили на сходкѣ никакого насилія надъ свобододѣйствующими не производить и дать имъ держать экзамены, какъ они желаютъ. Обструкція относилась только къ профессорамъ. Первый разъ я въ институтѣ былъ въ началѣ мая. Швейцаръ не пустилъ и я долженъ былъ письмомъ просить свиданія у Коцовскаго. Прочелъ въ инст-тѣ объявленіе Коцовскаго, въ которомъ говорилось, что оставленіе на второй годъ не гарантируется. Коцовскій сказалъ мнѣ, что несдавшимъ ни одного экзамена, отпусковъ не даютъ. Я сказалъ, что мнѣ непремѣнно нужно уѣхать; онъ меня спросилъ на какомъ я курсѣ? Я отвѣтилъ, что на третьемъ. Васъ, говоритъ, могутъ уволить; будетъ жалко. Я сказалъ, что уѣду безъ отпуска. Тогда онъ мнѣ назначилъ свиданіе послѣ 10 мая и посовѣтовалъ подать прошеніе на имя директора; я отвѣтилъ, что директору подавать не буду, и до 15-го ждать не могу. Тогда Коцовскій разрѣшилъ мнѣ уѣхать безъ билета и предложилъ написать ему изъ дому письмо съ просьбой объ отпускѣ; получилъ черезъ полицію, какъ обыкновенно, черезъ мѣсяцъ. Когда я вернулся осенью, то увидѣлъ, что экзамены разрѣшаютъ держать всѣмъ и не только все гарантируютъ, но даже переводятъ нѣкоторыхъ въ долгъ, чего прежде не было.

Люстихъ. Твердо ли Вы помните, что на сходкѣ было постановлено никакихъ насилій надъ свобододѣйствующими не производить?

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Я это помню, такъ какъ было рѣшено.

Люстихъ. Это было послѣ ухода св-д-щихъ. Такимъ образомъ сходка не могла помѣшать экзаменамъ. А какъ же обструкція?

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Обструкція была противъ профессоровъ, а не противъ студентовъ.

Гапьевъ. Вы категорически помните такое постановленіе?

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Да я помню: лично надъ ними—профессорами, производить.

Гапьевъ. Можетъ быть было рѣшено: свобододѣйствующихъ просто игнорировать.

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Да, да — какъ же имъ навязывать, разъ они не признаютъ корпораціи.

Мефферть. Была-ли отдѣльная объ этомъ резолюція?

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Не помню, можетъ быть одни говорили, а другіе подтверждали.

Воскресенскій. Когда поднялся вопросъ о забастовкѣ и выдѣлилась группа, ее удалили. Раздѣленіе произошло 12-го, а удалили насъ 15-го, когда выяснилось, что безъ удаленія большинства не будетъ. Вы подтверждаете?

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Удалили на послѣдней сходкѣ, еще до подсчета и выясненія числа голосовъ «за» и «противъ».

Предсѣдатель. Вамъ еще угодно задать вопросъ?

Воскресенскій. Я утверждаю, что было не такъ.

Злотницкій. Сколько времени продолжалась сходка 15-го марта и когда были выгнаны свобододѣйствующіе?

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Не помню.

Гартунгъ. Сама обструкція была освящена рѣшеніемъ сходки, или же была произведена по желанію частныхъ лицъ?

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Можетъ быть, была предложена, но не встрѣтила сочувствія.

Соколовъ. На сходкѣ подымался вопросъ объ обструкціи?

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Не помню.

Макаровъ. А Эфендіевъ не предлагалъ забастовку съ обструкціей?

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Да, Эфендіевъ предлагалъ забастовку съ обструкціей.

Макаровъ. А какъ отнеслась сходка къ этому предложенію?

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Не помню.

Кутыринъ. Стало быть, по Вашему, приняли забастовку съ обструкціей?

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Это Эфендіевъ предлагалъ.

Кутыринъ. Когда произошло отдѣленіе свобододѣйствующихъ? Вѣдь это было 12-го?

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Я помню сходку, на которой отдѣльные ст-ты заявляли о неподчиненіи большинству.

Гапѣевъ. Въ прошлые годы, когда вопросъ шелъ о забастовкѣ, поднимался ли вопросъ о забастовкѣ съ обструкціей?

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Кажется, поднимался.

Гапѣевъ. Какъ объяснить отсутствіе въ прежніе годы обструкціи?

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Должно быть, корпорація не желала обструкціи.

Васютинскій. Не помните ли какую обструкцію предлагалъ Эфендіевъ. Не предлагалъ ли онъ сбросить Коновалова въ Неву. Предлагали ли еще дать пощечину, освистать...

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ молчитъ.

Васютинскій утверждаетъ.

Люстихъ. Къ сожалѣнію это утверждаете Вы, а свидѣтель молчитъ.

Соколовъ. Вы говорили, что относились одинаково къ обѣимъ партіямъ. Развѣ до Коноваловскаго конфликта такія партіи существовали?

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Я далеко стоялъ—имѣлъ мало знакомыхъ. Зналъ вотъ г-на Злотницкаго и др. свобододѣйствующихъ.

Соколовъ. Вы меня не такъ поняли.—Знали-ли Вы, что такой-то принадлежитъ къ такой партіи, а другой—къ другой?

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Я не зналъ партій и относился одинаково.

Соколовъ. Была ли объявлена предсѣдателемъ забастовка на сходкѣ 15-го марта?

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Не помню. Прошу не задавать такихъ вопросовъ, на которые могутъ отвѣтить и «своб.-д.-щіе».

Соколовъ. А на 17-ое марта не была назначена сходка?

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Господинъ Предсѣдатель, скажите, чтобы онъ мнѣ такихъ вопросовъ не предлагалъ. Я объ этомъ ничего не помню.

Предсѣдатель. Прошу не задавать такихъ вопросовъ: свидѣтель не помнитъ.

Соколовъ. Я не могу знать, что свидѣтель помнитъ и что не помнитъ. Я въ первый разъ задалъ этотъ вопросъ. Пусть отвѣтитъ, помнитъ или нѣтъ.

Предсѣдатель. Если чего не помните, то такъ и скажите.

Макаровъ. Вотъ вы сказали, что послѣ ухода свобододѣйствующихъ

была баллотировка и прошла большинствомъ забастовка. Числа голосовъ не помните?

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Не помню.

Предсѣдатель проситъ Еджубова.

Еджубовъ. Я хочу подтвердить, что за день или два до обструкціи проходить въ ин-тъ свободно было нельзя. Я хотѣлъ посмотрѣть письма. Послалъ сторожа купить программу, т. к. меня дальше не пустили.

Лесгафтъ. Вы были ст-омъ?

Еджубовъ. Да, я не былъ уволенъ. Меня впустили. Слышу знакомые голоса.

Люстихъ. Это было до обструкціи?

Еджубовъ. Кажется это было 31-го марта. Пошелъ посмотрѣть: человѣкъ 30—35 бесѣдовали, кажется, со Скочинскимъ на злободневную тему. Тогда этимъ фактамъ не придавалось значенія. Я считалъ себя обиженнымъ, что я ст-тъ лишенъ права входа. Получивъ программы я ушелъ. Совокупность многихъ причинъ заставила меня не держать экзаменовъ ни весной, ни осенью. На вопросы многихъ, почему не держу,—говорилъ, что не держу по убѣжденію. Другимъ говорилъ другую причину; иногда говорилъ, что не держу ни весной, ни осенью. Подраздѣленія ст-овъ на группы непризнаю—я считаюсь только съ корпораціей ст-овъ Г. И. Для полученія билета мнѣ рекомендовали обратиться къ какимъ-то лицамъ. Это меня оскорбляло, хотя я и желалъ попасть въ ин-тъ. 6-го апрѣля получилъ входной билетъ на всѣ дни, но имъ не воспользовался и не держалъ экзаменовъ ни весной, ни осенью. Движимый любознательностью, а не любопытствомъ, почему я получилъ 6-го, а не 1-го, я пошелъ въ инсп-цію узнать. Тамъ мнѣ отвѣтили, что Бриземейстеръ («несвобод.») спрашивалъ безъ моихъ полномочій въ инспекціи относительно меня: послали ли мнѣ билетъ и если не послали, то почему не посылаютъ. Тамъ видѣлъ ст-та «св.». Лемана, разговаривающаго съ Воронинымъ (это тотъ Леманъ, который, писалъ въ «Руси»)—Леманъ какъ бы дѣлалъ выговоръ Воронину за то, что они щедро разсылали билеты, благодаря чему въ ин-тъ попало много опаснаго элемента.

Предсѣдатель. Когда это было?

Еджубовъ. 8-го или 9-го апрѣля. Я помню, что послѣ 6-го я болѣлъ душой и послѣ 2—3-хъ дней передышки пошелъ въ ин-тъ. Желая быть корректнымъ, я подождалъ отвѣта Воронина. Воронинъ не отвѣчалъ—думаю, что по простотѣ душевной. На мой

вопросъ Леманъ и мнѣ подтвердилъ объ опасныхъ элементахъ. У меня тонъ былъ враждебный. Ст. Галаджанъ былъ свидѣтелемъ этого и не откажется подтвердить. Вопросъ о билетѣ въ деталяхъ для меня до сихъ поръ не выяснился. Никого я не просилъ объ этомъ ни «своб.-д.-щихъ», ни начальство. Приблизительно знаю, что Бальди колебался послать мнѣ билетъ. Повторяю, совокупность причинъ не давала мнѣ возможности держать экзамены: осенью я не видѣлъ перемѣнъ и потому тоже не держалъ, не желая идти навстрѣчу просвѣтительной дѣятельности Коновалова. Одинъ ст-тъ мнѣ говорилъ, что профессора ушли по личному дѣлу, но я проникнутъ къ нимъ уваженіемъ, а Коновалову не сочувствую. Тотъ же ст-тъ говорилъ мнѣ, что Долбня не разъ говорилъ ст-амъ: «держите экзамены». Я получилъ пригласительную ленточку: «если Вы желаете держать экзамены, то должны прибѣгнуть къ такимъ то лицамъ» фамилій ихъ навѣрное не помню, а потому чувство порядочности не позволяетъ мнѣ ихъ назвать. Ленточку эту я уничтожилъ, ибо она меня оскорбляла. Мнѣ кажется, что 2 фамиліи помню вѣрно, но все таки не рѣшаюсь назвать.

Предсѣдатель. Что эта за ленточка?

Еджубовъ. Клочекъ бумаги, отпечатанный на гектографѣ.

Соколовъ. Я просилъ бы огласить фамиліи?

Еджубовъ. Надо знать навѣрное,—а я не помню—было 5—6 фамилій.

Гливицъ. Вы забыли фамиліи, но если бы Вамъ показать списокъ «своб.-д-щихъ», можетъ быть Вы бы вспомнили?

Еджубовъ. Я не желаю называть фамиліи, въ коихъ я колеблюсь.

Соколовъ. Переговоривъ съ товарищами я настоятельно прошу назвать фамиліи, хоть тѣ, которыя Вы помните хорошо?

Еджубовъ. Я не считаю этого возможнымъ.

Соколовъ. Если не помните, не надо было и говорить.

Предсѣдатель. Возможность оглашенія фактовъ подлежитъ оцѣнкѣ суда.

Соколовъ. Вѣдь свидѣтель говоритъ такъ, будто эта бумажка отъ «св-д-щихъ».

Еджубовъ. Я не признаю никакихъ группъ и не говорилъ, что бумажка отъ «св-д-щихъ».

Соколовъ. Значитъ она могла быть и отъ «свободо-мыслящихъ»?

Еджубовъ. Если хотите знать мое мнѣніе, то я думаю, что отъ «своб.-д-щихъ»; по этому поводу у меня былъ разговоръ съ товарищами и они мнѣ говорили, что образовалась группа, за поручительствомъ членовъ которой можно держать экзамены.

Бѣлозоровъ. Была ли какая нибудь подпись на ленточкѣ?

Еджубовъ. Безъ подписи.

Бѣлозоровъ. Стало быть анонимный. А куда же рекомендовалось обратиться?

Еджубовъ. Разъ рекомендовались фамиліи, очевидно къ комулибо изъ нихъ.

Зерновъ. Но Вы навѣрное вѣдь помните хоть одну фамилію?

Еджубовъ. Повторяю—фамилій не помню. Называть фамиліи—это очень тяжелая отвѣтственность.

Председатель. А ленточку Вы сейчасъ же уничтожили?

Еджубовъ. Когда возникло дѣло, я перерылъ все дома, предполагая, что можетъ быть я ее не уничтожилъ. Но нигдѣ не нашелъ. Можетъ быть я уничтожилъ ее не сейчасъ же послѣ полученія, а дня черезъ 2—3.

Зерновъ. Отъ другихъ товарищей не слыхали, чтобы кто-нибудь еще получалъ такую ленточку?

Еджубовъ. Этимъ фактамъ тогда значенія не придавалось.

Зерновъ. Кто нибудь Вамъ еще говорилъ о поручительствѣ?

Еджубовъ. Ст. V курса Цикинъ называлъ мнѣ фамиліи лицъ, къ коимъ надо было обращаться за рекомендаціей; затѣмъ онъ же мнѣ говорилъ, что группа ст—овъ пила чай вечеромъ у Коновалова, причемъ супруга Коновалова говорила, что совѣтуетъ мужу бросить институтъ.

Ковалевскій. Вы говорили, что 2 фамиліи вспоминаете; назовите ихъ?

Еджубовъ. Припоминаю, но не увѣренъ; этого слишкомъ мало, чтобы назвать.

Ковалевскій. Въ виду серьезности обвиненія, я просилъ бы Васъ назвать ихъ?

Председатель. Судъ не можетъ убѣждать свидѣтеля назвать ихъ, а потому вопросъ исчерпанъ.

Бауманъ. Вѣдь рѣчь идетъ о ст-тахъ, собиравшихъ группы: ст-тъ Грунвальдъ не отрицаетъ вѣдь ручательства въ своей статьѣ (читаетъ выдержку изъ статьи Грунвальда въ Пет. Дневникѣ*).

Грунвальдъ. Я никакихъ группъ не составлялъ, а въ «Дневникѣ» написалъ свое личное впечатлѣніе, основанное лишь на слухахъ.

Злотницкій (Еджубову). Вы говорите, что не признаете партій, а признаете общую корпорацію ст-овъ Г. И. Слѣдовательно не признаете самаго существованія «св-д-щихъ»?

Еджубовъ. Если широко смотрѣть, то каждый членъ корпораціи обладаетъ опредѣленнымъ характеромъ, и сколько членовъ, столько я могу различать отдѣльныхъ мнѣній.

Злотницкій. Мнѣ показалось, что Вы не признаете исключенія «св-д-щихъ» изъ корпораціи за одно то, что они оставили за собой «свободу дѣйствія». По крайней мѣрѣ Ваше пониманіе вопроса близко къ этому.

Предсѣдатель. Нахожу, что личный взглядъ свидѣтеля не нуженъ суду.

Еджубовъ. Нѣтъ;—если же хотите узнать, куда отнести меня, то для этого надо прослѣдить всѣ мои поступки за мое пребываніе въ Г. ин—тѣ. Говоря «св-д-щіе», я пользуюсь установившимся терминомъ.

Предсѣдатель закрываетъ засѣданіе.

ПРОТОКОЛЪ.

15 засѣданія третейскаго суда чести отъ 6-го апрѣля 1905 года.

Отсутствовали: К. К. Арсеньевъ и Н. Н. Печковскій.

Предсѣдательствовалъ В. О. Люстихъ.

Предсѣдатель, открывая засѣданіе, заявляетъ, что свидѣтель быв. студ. Бокій не можетъ дать своихъ показаній, вслѣдствіе ареста и вызываетъ быв. студ. А. Сняткова.

Снятковъ. Могу сообщить только о двухъ моментахъ прошлогодней исторіи. Одинъ моментъ: на страстной недѣлѣ, кажется, въ пятницу, состоялось совѣщаніе 5 курса въ столовой Гунста. На это совѣщаніе были приглашены, съ цѣлью предотвратить обструкцію, „своб. д-щіе“. Какъ представители пришли: Воробьевъ, Соколовъ Иванъ и Постриганьевъ. Соколовъ сказалъ, что онъ поставленъ въ такія условія, благодаря семейному положенію, что будетъ держать экзамены во что бы то ни стало; разговоры по этому вопросу считаетъ излишними, т. к. та и другая сторона все уже высказали, и ушелъ. Оставшимся Воробьеву и Постриганьеву мы предлагали не держать экзамены и поставили на видъ, что будетъ обструкція и вслѣдствіе-де этого инст-тъ будетъ закрытъ совершенно, не смотря на ихъ желаніе держать экзамены. Поэтому имъ предлагали не ходить на экзамены до упорядоченія дѣлъ въ инст-тѣ. Представители заявили, что на экзамены пойдутъ во всякомъ случаѣ, если экзамены будутъ назначены. Тогда мы предложили имъ сходить попросить Коновалова объ общей сходкѣ. Они согласились, но заявили,

что „своб. д-щіе“ на сходку не пойдутъ и съ постановленіемъ ея, какое бы ни было, считаться не будутъ. На этомъ переговоры и закончились. На другой день или черезъ день Воробьевъ и Соколовъ извѣстили, что они были у Коновалова, но онъ общей сходки не разрѣшилъ.

Люстихъ. Это было послѣ постановленія забастовки?

Сятковъ. Это происходило послѣ закрытія—до начала экзаменовъ. Второй моментъ—это совѣщаніе 31 марта.

Люстихъ. Это уже въ инст-тѣ?

Сятковъ. Да. По повѣсткамъ былъ собранъ весь 5 курсъ на совѣщаніе по вопросу объ экзаменахъ. Хотя этого на повѣсткѣ не стояло, но было извѣстно о цѣли совѣщанія изъ частныхъ разговоровъ съ Коцовскимъ. Входившимъ представлялась такая картина: Бальди и Воронинъ, съ какой то книгой, однимъ предлагали записываться на экзаменъ, но не всѣмъ, и не всѣхъ записавшихся пропускали на верхъ, другихъ направляли въ чертежную 5 курса (внизу). Двери съ лѣстницы въ пріемную были заперты и около нихъ стояли сторожа, пропускавшіе на верхъ только тѣхъ, кого имъ указывала инспекція. Непропущеннымъ предлагалось проходить въ чертежную 5 курса, гдѣ собралось человѣкъ 30. Около 10 часовъ пришелъ къ намъ Н. Д. Коцовскій и заявилъ: я уполномоченъ отъ Совѣта сказать, что если экзамены пройдутъ безъ шероховатостей, то Совѣтъ гарантируетъ неприкосновенность студенческихъ учрежденій. Гусарскій спросилъ: какія же это гарантіи? Коцовскій отвѣтилъ: «самыя серьезныя, господа». Ему сказали, что единственная гарантія, которую мы требуемъ,—удаленіе Коновалова и возвращеніе ушедшихъ профессоровъ, (тогда ничего еще не было извѣстно о принятіи отставки министромъ). Коцовскій сказалъ: «какъ же Совѣтъ можетъ ихъ вернуть, когда они сами ушли?» Мы отвѣтили: «если Коноваловъ уйдетъ, то они сами вернутся. Можетъ ли Совѣтъ гарантировать уходъ Коновалова». Коцовскій сказалъ: «что Совѣтъ это гарантировать не можетъ». Мы тогда заявили: «начинайте экзамены, мы же начнемъ скандалъ». Коцовскій—«Нѣтъ, господа, мы можетъ быть еще потолкуемъ съ Вами». Мы отвѣтили:—«можетъ быть, пока мы толкуемъ тутъ, на верху идетъ экзаменъ». Коцовскій попросилъ тогда студ-та Кульжинскаго сходить на верхъ и пригласить отъ его имени черезъ Бальди собравшихся на верху студ-въ сойти внизъ,—«можетъ быть Вы столкуетесь». Бальди сказалъ, что они не идутъ. Тогда Коцовскій пошелъ самъ на верхъ. Мы за нимъ. Въ чертежной 2 курса, за линіей сторожей, Коцовскій просилъ насъ подождать. Мы подождали

минутъ 15 и двинулись на верхъ въ аудиторіи. Двери по дорогѣ не были заперты и не охранялись. Когда мы вошли въ корридоръ, то собравшіеся тамъ студ-ты (около 30) стали выражать неудовольствіе, что пустили на верхъ нежелательный элементъ. «Своб. д-щіе» заявляли, что совѣщаться и разговаривать имъ не о чемъ. Студ-тъ Сидоровъ заявилъ: «что если Совѣтъ самъ не можетъ справиться съ красными, то мы должны будемъ прибѣгнуть къ помощи полиціи — намъ придется обратиться къ министру, чтобы онъ обезпечилъ возможность держать экзамены». Коцовскій сказалъ, что если кто не желаетъ держать экзамены теперь, то Совѣтъ разрѣшитъ ихъ осенью. Коцовскій въ концѣ концовъ объявилъ: «господа! я властью инспектора объявляю Вамъ экзамены несостоявшимися и призываю Васъ разойтись». На это послѣдовало возраженіе и съ нашей стороны высказывались сомнѣнія; тогда Коцовскій далъ честное слово. Въ инспекціи въ это время на особомъ листкѣ я, Звѣревъ, Гусарскій и др. изъ нашихъ начали записываться на ближайшій экзаменъ; входитъ Зѣнченко и говоритъ, обращаясь къ Бальди: «уберите листокъ, записываются обструкціонисты. У насъ имѣется свой списокъ». Бальди снялъ листокъ. Возмущенные мы обратились къ Коцовскому и требовали гарантировать, что мы будемъ всѣ пущены на слѣдующій экзаменъ. Коцовскій сказалъ: «гарантировать не въ моей власти, но мы съ Липинымъ постараемся устроить, чтобы всѣ получили билеты». На этомъ оффиціальное совѣщаніе было окончено, но студ-ты продолжали разговоръ съ Липинымъ и Шредеромъ. Шредеръ заявилъ, что нынѣшняя исторія—крахъ забастовочной системы Мушкетова, что забастовку устроили Долбня и Лутугинъ. Студ-ты все время протестовали и дѣло дошло до взаимныхъ рѣзкостей. Онъ заявилъ, что они (ушедшіе проф.) поступили такъ, что привели къ забастовкѣ. Затѣмъ добавилъ, что студенческія учрежденія въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ, несовмѣстимы съ престижемъ директора. Мы возразили: «какъ же Коцовскій намъ обѣщаетъ?»—«Это его дѣло!» Когда мы стали уходить на перронъ собрались студ-ты другихъ курсовъ; они намъ сказали, что въ инст-тъ пришли два городовыхъ. Тогда мы вернулись и заявили Коцовскому объ этомъ. Тотъ спустился—городовыхъ уже не было. Студ-ты потребовали отъ него объясненій. Вызвали пристава. Коцовскій приставу: «Зачѣмъ были городовые?» Приставъ—«А экзамены у Васъ состоялись?» Коцовскій—«Это не Ваше дѣло, впредь безъ требованія не присылайте!» Могу представить суду два документа по дѣлу Барбота-де Марни: 1) приглашеніе студ-въ 5 курса на сходку и 2) резолюцію этой сходки.

Предсѣдатель. Это того профессора, научные труды котораго Вы судили? Это собственно мало относится къ дѣлу. (Беретъ документы *). Разговоры Ваши съ Коцовскимъ происходили гдѣ, въ корридорѣ?

Снятковъ. Да, а со Шредеромъ въ аудиторіи, но не въ той, гдѣ происходилъ экзаменъ; Липинъ вышелъ въ корридоръ.

Предсѣдатель. А студ-ты вышли въ корридоръ?

Снятковъ. Да, экзаменъ еще не начинался.

Предсѣдатель. Относительно инцидента съ Зѣнченко. Что это былъ простой листъ бѣлой бумаги или вѣчто оффиціальное? Что же, безъ записи на этомъ листѣ, нельзя было держать экзамены? Что онъ былъ печатный, съ какимъ нибудь заголовкомъ, со штемпелемъ?

Снятковъ. Это былъ обычный порядокъ—чистый листъ съ заголовкомъ, на которомъ имѣлъ право записываться каждый на назначенный въ этотъ день экзаменъ. Зѣнченко заявилъ, что такой списокъ уже существуетъ.

Предсѣдатель. Но это не мѣшало Вамъ представить другой листъ, если бы Вы тутъ составили другой списокъ?

Снятковъ. Нѣтъ не мѣшало, конечно.

Предсѣдатель. Что же у Васъ бумаги значитъ не было?

Снятковъ. Нѣтъ! На каждый экзаменъ одинъ списокъ.

Предсѣдатель. Значитъ эти листы были убраны?

Снятковъ. Да, заполненные листы были убраны.

Предсѣдатель. Но вѣдь въ группѣ могло быть 30—35 человѣкъ, значитъ при большомъ числѣ желающихъ надо было двѣ группы, два листа?

Снятковъ. Здѣсь и было два листа. И Бальди убралъ законный листъ.

Предсѣдатель. Запись, о которой Вы говорите предполагалась не на 31, а ужъ на 2-е?

Снятковъ. Это собственно было еще неизвѣстно, дня мы не знали.

Предсѣдатель. Если въ группѣ будетъ больше 35 челов., то бери слѣдующій листъ и пиши?

Снятковъ. Да, инспекція проставляетъ номера числомъ 35. Желающіе могутъ записываться и дальше—зависитъ отъ профессора, если онъ захочетъ ихъ проэкзаменовать, въ противномъ случаѣ никакихъ претензій имѣть не могутъ.

Предсѣдатель. А если профессоръ откажется, то они заносятся въ другой списокъ?

Снятковъ. Тогда они уже сами записываются въ другую группу.

Леонтьевъ. Когда Зѣнченко сказалъ, что начинаютъ записываться обструкціонисты—это фактъ или предположеніе?

Снятковъ. Фактъ.

Предсѣдатель. Какъ же это могло быть извѣстнымъ Зѣнченкѣ? Вы его не посвѣщали въ обструкцію?

Снятковъ. Мы всѣ другъ друга хорошо знали.

Предсѣдатель. Значитъ, знать-то знали, но все-таки это было только ихъ предположеніе?

Снятковъ. Да, предположеніе, болѣе или менѣе вѣроятное.

Леонтьевъ. Слово «своб. д-щіе» фигурировало раньше въ разговорахъ съ профессорами, съ начальствомъ?

Снятковъ. Фигурировало.

Предсѣдатель. Начальство понимало о комъ говорятъ?

Снятковъ. Вполнѣ, недоразумѣній не было.

Кутыринъ. Вы спрашивали Коновалова о выдѣленіи части общестуденческаго имущества. Откуда Вы могли объ этомъ знать?

Снятковъ. Мы слышали объ этомъ; знали, что „своб. д-щіе" ходили къ другимъ профессорамъ, хотѣли требовать.

Кутыринъ. Но другихъ профессоровъ Вы не спрашивали. Почему Вы Коновалова спросили?

Снятковъ. Мнѣ любопытно было, были ли у Коновалова?

Кутыринъ. Вы говорили о совѣщаніи 5 курса въ столовой Гунста. Почему Вы называете Соколова, Воробьева и Постриганьева представителями «своб. д-щихъ»?

Снятковъ. Они намъ такъ заявили.

Кутыринъ. Вы задавали вопросъ Коновалову относительно чистыхъ бланковъ, имѣвшихся на рукахъ у студ-въ. Какое основаніе у Васъ было для этого вопроса?

Снятковъ. Мы хотѣли узнать объ этомъ у Коновалова. Объ этомъ ходили слухи.

Кутыринъ. Значитъ фактическихъ основаній для вопроса у Васъ не было, это было Ваше предположеніе?

Снятковъ. Мое предположеніе—были слухи.

Нечаевъ. Ко времени совѣщанія у Гунста, гдѣ и кѣмъ выяснялась необходимость обструкціи?

Снятковъ. Каждый студ-тъ корпораціи сознавалъ это, выяснялось въ разговорахъ.

Нечаевъ. Но не въ Орг. Комитетѣ?

Снятковъ. Нѣтъ.

Соколовъ. Когда просили Соколова и Воробьева идти къ Коновалову съ просьбой объ общей сходкѣ? Почему они взялись?

Снятковъ. Въ концѣ концовъ, они согласились послѣ переговоровъ.

Соколовъ. Были ли имъ поставлены условія? Вы имъ ничего не обѣщали?

Снятковъ. Нѣтъ; имъ говорили прямо: если экзамены будутъ, то и обструкція будетъ.

Соколовъ. Не обѣщали ли имъ не устраивать обструкціи, если они пойдутъ просить объ общей сходкѣ?

Снятковъ. Нѣтъ, этого не было.

Соколовъ. Сидоровъ—«своб. д-щій»? Вы его называли.

Снятковъ. Не знаю, я его считаю «своб. д-щимъ», такъ какъ онъ въ числѣ первыхъ собирался экзаменоваться.

Соколовъ. Значитъ онъ долженъ былъ попасть по Вашему въ проскрипціонный списокъ?

Снятковъ **). Да,—это мое личное мнѣніе, это не интересно суду.

Соколовъ. Фраза Сидорова была извѣстна Орг. Комитету?

Снятковъ. Не могу сказать.

Леонтьевъ. Такихъ фразъ много было?

Снятковъ. Я знаю только это. Могли быть и другія.

Злотницкій. Нельзя ли узнать, кто эти инженеры, просившіе Васъ прислать имъ списки „своб. д-щихъ"?

Снятковъ. Калицкій, Преображенскій и Малявкинъ.

Нечаевъ. Преображенскій—это ассистентъ, ушедшій весной.

Снятковъ. Да.

Злотницкій. А Родыгинъ тоже просилъ?

Снятковъ. Я Вамъ его фамиліи не называлъ?

Злотницкій. Поэтому то я Васъ и спрашиваю о немъ. Почему же Вы посылали и тѣмъ, кто не просилъ?

Снятковъ. Разсылали вообще всѣмъ по постановленію Комитета. Обращеніе названныхъ лицъ было лишь предлогомъ.

Злотницкій. Даже если и не просили?

Снятковъ. Да, безъ просьбъ.

Кутыринъ. Въ виду того, что взгляды студ-въ на Орг. Комит. не достаточно выяснены, я прошу судъ разрѣшить мнѣ задать нѣсколько вопросовъ Вамъ, какъ отдѣльному студ-ту.

Предсѣдатель разрѣшаетъ.

Кутыринъ. Предсѣдатель сходки, организующій Комитетъ, отвѣтственъ за дѣйствія Орг. Комитета?

**) *Примѣчаніе*: Въ черновикѣ свободомыслящихъ записано такъ: Т. е. заслуживалъ онъ или нѣтъ этого за свой поступокъ? Могу сказать личное мнѣніе, но оно не интересно суду.

Сняткові. Нисколько.

Кутыринъ. Прежде разсылались подобные списки, какъ о «своб. д-щихъ»?

Сняткові. Въ 1902 г. относительно трехъ окончившихъ и перешедшихъ на 5 курсъ было доведено до свѣдѣнія Об-ва горн. инженеровъ.

Кутыринъ. Относительно окончившихъ или обо всѣхъ перешедшихъ?

Сняткові. Не помню; знаю, что относительно окончившихъ было.

Кутыринъ. Вы не знаете текста?

Сняткові. Нѣтъ.

Кутыринъ. Предсѣдатель сходки можетъ измѣнить рѣшеніе и разогнать Орг. Комитетъ?

Сняткові. Нѣтъ.

Кутыринъ. Въ 1902 г. однако этого не было ли?

Сняткові. Не знаю такого случая.

Кутыринъ. Это будетъ доказано въ свое время. Всѣ студ-ты отвѣтственны за дѣйствія Орг. Комитета?

Сняткові. Комитетъ представляетъ изъ себя организацію. Отвѣтственны всѣ.

Кутыринъ. Комитетъ за дѣйствія своихъ членовъ отвѣтственъ?

Сняткові. Постольку, поскольку эти дѣйствія предпринимались по порученію и отъ имени Комитета.

Кутыринъ. Всѣ студ-ты отвѣтственны за дѣйствія, порученныя Комитету или за всѣ дѣйствія Комитета?

Сняткові. Безусловно. Пока студенчество не протестуетъ, они отвѣтственны.

Кутыринъ. Орг. Комитетъ имѣетъ право и обязанность контроля надъ своими членами?

Сняткові. Въ какомъ смыслѣ?

Кутыринъ. Да, вотъ хотя бы насчетъ обструкціи?

Сняткові. Въ данномъ случаѣ нѣтъ.

Кутыринъ. Я спрашиваю о правѣ и обязанности?

Сняткові. Комитетъ, какъ всякая организованная группа, можетъ контролировать своихъ членовъ.

Кутыринъ. Можетъ, но не обязанъ контролировать?

Сняткові. Можетъ, посколько это въ его интересахъ.

Кутыринъ. Только въ своихъ интересахъ. Вы считаете «своб. д-щихъ» партіей?

Сняткові. Безусловно.

Кутыринъ. Не можете ли Вы дать объективныхъ признаковъ этой партіи?

Снятковъ. Бюллетень «независимыхъ», подписанный ихъ Комитетомъ.

Кутыринъ **). Всѣ лица отвѣтственны за бюллетени?

Снятковъ. Да, пока не протестовали.

Кутыринъ. Какъ попала записка 6 профессоровъ въ Орг. Комитетъ?

Снятковъ. Кто нибудь передалъ.

Кутыринъ. Кто?

Снятковъ. Мнѣ неизвѣстно.

Предсѣдатель. Это ваши личныя мнѣнія о Комитетѣ? У Васъ не было точно установлено, на что уполномоченъ Орг. Комитет. и какъ долженъ дѣйствовать?

Снятковъ. Это было обычное право инст-та съ 99 по 904 г.

Предсѣдатель. Но точно формулированныхъ на сходкѣ правъ и обязанностей не было?

Снятковъ. Нѣтъ, на сходкѣ выработанно не было. Комитетъ долженъ былъ вести дѣло въ духѣ постановленія сходки.

Предсѣдатель. Послѣдней сходки, впредь до новой?

Снятковъ. Да, до новой.

Лесгафтъ. Относительно студ-та Сидорова, это слухъ или фактъ?

Снятковъ. Самъ я не слышалъ, мнѣ это передавалъ Кульжинскій.

Рейнвальдъ. Могу утверждать, что Кульжинскій это разсказывалъ и мнѣ.

Лесгафтъ. Листъ для записи на экзамены лежалъ въ инспекціи?

Снятковъ. Въ инспекціи.

Лесгафтъ. Когда Вы записались, его убрали и представили другой списокъ. Это всегда бывало?

Снятковъ. Въ данномъ случаѣ такъ. По правиламъ первый долженъ былъ фигурировать на экзаменѣ.

Лесгафтъ. Бывало это прежде?

Снятковъ. Нѣтъ.

Лесгафтъ. Идутъ на экзаменъ только тѣ, кто записался на листъ?

**) Записано въ черновикѣ свободомыслящ. такъ: Всѣ лица, попавшіе въ списокъ, отвѣтственны за дѣйствія группы?

Снятковъ. Безусловно. Никакихъ дубликатовъ быть не могло.

Лесгафтъ. Это было исключеніе изъ общаго правила?

Снятковъ. Исключеніе.

Лесгафтъ. Вообще группы собирались не инспекціей, а студ-ми? Этого раньше не было?

Снятковъ. Я не знаю, такъ какъ 5 апрѣля былъ высланъ.

Лесгафтъ. Прежде это было?

Снятковъ. Нѣтъ.

Лесгафтъ. И въ традиціяхъ не было?

Снятковъ. Не было.

Гессенъ. Тутъ много разъ говорилось о Зѣнченко. Какую роль онъ игралъ въ группѣ «своб.д-щихъ»?

Снятковъ. Не знаю.

Гессенъ. Онъ былъ виднымъ?

Снятковъ. Не могу сказать.

Зерновъ. А какова была вообще его репутація среди студ-въ?

Снятковъ. Я обо всемъ этомъ ничего не могу сказать. Я съ нимъ ничего не имѣлъ общаго.

Предсѣдатель. Онъ также, какъ и Вы, 5 курса?

Снятковъ. Да.

Зерновъ. Вы говорили о совѣщаніи у Гунста. Собралось оно случайно или студ-ты предварительно извѣщались?

Снятковъ. Съ нашей стороны были извѣщенія. Соколову поручили сообщить «своб.д-щимъ».

Предсѣдатель. Увѣдомлялись всѣ студ-ты 5 курса?

Снятковъ. Съ нашей стороны они были извѣщены. А изъ «своб.д-щихъ» мы передавали о совѣщаніи Соколову.

Грунвальдъ. Я долженъ суду сдѣлать разъясненіе по поводу составленія экзаменаціонныхъ списковъ. Дѣло въ томъ, что въ Г. инст-тѣ, по крайней мѣрѣ, за мое пятилѣтнее пребываніе, никогда не существовало никакихъ опредѣленныхъ правилъ для записи на экзамены. Вообще въ Горн. инст. на формальную сторону дѣла ни инсп., ни Совѣтъ не обращали вниманія. Списки составлялись въ инспекціи на дни, указанные въ росписаніи экзаменовъ, всякимъ желающимъ. Если я, напримѣръ, приходилъ въ инспекцію и видѣлъ, что нѣтъ списка на этотъ день, который мнѣ удобенъ, то я бралъ чистый листъ и писалъ на немъ: „Желающіе экзаменоваться такого-то числа по такому то предмету и подписывалъ свою фамилію". Но и такая даже запись была номинальной, ибо всѣ записавшіеся обыкновенно на экзаменъ не являлись, а потому въ день экзамена, до его начала

выкладывался чистый листъ съ надписью предмета экзамена и дѣйствительно-экзаменующіеся, изъ которыхъ многіе совсѣмъ не записывались въ какіе-либо предварительные списки, записывались только на этомъ листѣ; ихъ и экзаменовали въ порядкѣ такой окончательной записи. Поэтому всякое желаніе противной стороны придать одному списку преимущественное значеніе передъ другимъ—есть не болѣе, какъ натяжка.

Снятковъ. Вполнѣ такъ, какъ говорилъ Грунвальдъ можно было поступать во время обязательныхъ репетицій. Во время же экзаменовъ было опредѣленное число группъ, о чемъ вывѣшивалось расписаніе. Составлять же списки на любой день было нельзя.

Грунвальдъ. Я про это и говорилъ.

Леонтьевъ. Вы ссылались на обычное право. Орг. комитетъ не былъ постояннымъ учрежденіемъ?

Снятковъ. Нѣтъ.

Леонтьевъ. Вы старый студ-тъ. На Вашей памяти сколько разъ составлялся Орг. комитетъ?

Снятковъ. На моей памяти Орг. комитетъ составлялся 4 раза, 1899, 1901, 1902 и 1904 г.г. Въ 1902 г. было нѣсколько Орг. комитетовъ, смѣнявшихъ другъ друга.

Леонтьевъ. Въ 904 г. сколько времени дѣйствовалъ Орг. комитетъ?

Снятковъ. Съ 16 марта, а конца его дѣятельности я не знаю, т. к. былъ высланъ.

Леонтьевъ. А раньше вообще сколько времени больше всего Орг. комитетъ дѣйствовалъ?

Снятковъ. Бывало слишкомъ мѣсяцъ, даже полтора и два—до общей сходки.

Леонтьевъ. По личному составу Орг. комитетъ повторялся?

Снятковъ. Не могу этого сказать.

Леонтьевъ. Потому что это неудобно? Но я Васъ не спрашиваю фамиліи, а вообще?

Снятковъ. Сказать я этого не могу, такъ какъ состава не помню.

Леонтьевъ. Какъ понимали профессора и студ-ты слово „своб.-д-щіе“?

Снятковъ. Это были люди, которые рѣшили держать экзамены во что бы то ни стало и при какихъ угодно условіяхъ.

Каминка. Помощникъ инспектора Бальди зналъ значеніе записи?

Снятковъ. Безусловно.

Каминка. Понималъ ли Бальди, что, уничтожая запись по заявленію Зѣнченки, онъ прекращаетъ доступъ желавшимъ экзаменоваться?

Снятковъ. Онъ понималъ, что поступаетъ неправильно и преграждаетъ доступъ.

Гливицъ. Грунвальдъ говорилъ о репетиціяхъ, а не объ экзаменахъ...

Предсѣдатель его прерываетъ.

Мефферть. Какъ мнѣ кажется, Вы недостаточно ясно выразились объ Орг. комитетѣ. Не находите ли, что студенчество отвѣчало за дѣйствія Орг. комитета тогда, когда оно одобряло ихъ, и не отвѣчало, когда не одобряло?

Снятковъ. Да, я это и говорилъ.

Воскресенскій. На судѣ заявляли, что Орг. комитетъ въ 1904 г. дѣйствовалъ согласно обычному праву Горн. инст-та. Въ 902 г. весь I курсъ держалъ экзамены, а также и отдѣльные студ-ты на другихъ курсахъ, послѣ того, какъ было удалено 300 студ-въ, въ томъ числѣ я и нѣкоторые другіе „свобод-щіе". Въ 1902 г. Орг. комитетъ не разослалъ фамилій, державшихъ экзамены по рудникамъ и заводамъ?

Снятковъ. Первому курсу было разрѣшено студенчествомъ держать экзамены.

Воскресенскій. Сходкой?

Снятковъ. Нѣтъ, не сходкой, опросомъ по домамъ.

Предсѣдатель. А относительно другихъ державшихъ безъ разрѣшенія (кромѣ I курса) были предприняты какія-либо позорящія репрессивныя мѣры?

Снятковъ. Не помню. Въ 902 г. держали экзамены даже вопреки воли Совѣта. Осенью того же года ихъ судили на курсовыхъ сходкахъ. Могу сказать, что перешедшихъ на 4 и 5 курсы исключили изъ корпораціи.

Воскресенскій. На III курсѣ постановили никакихъ репрессивныхъ мѣръ относительно державшихъ не принимать.

Снятковъ. Не знаю.

Воскресенскій. Важно то, что ихъ судили на курсовыхъ сходкахъ сами студ-ты, а въ 1904 г. самъ Орг. комитетъ произвелъ келейнымъ образомъ судъ. Не находите ли Вы по этому, что въ 904 г. Орг. комитетъ дѣйствовалъ не въ духѣ обычнаго права и превысилъ свои полномочія?

Снятковъ. По моему нѣтъ, не превысилъ!

Мефферть. Въ 902 г. относились къ державшимъ экзамены иначе, чѣмъ въ 904...

Предсѣдатель прерываетъ, прося задавать вопросы, а не дѣлать утвержденій.

Мефферть. Есть ли разница между державшими въ 902 г. и 904 г.?

Снятковъ. Въ 902 г. держали вопреки волѣ Совѣта, а въ 904 г. согласно съ директоромъ и остаткомъ Совѣта и дѣйствіями своими разгромили институтъ.

Васютинскій—напоминаетъ, что въ 902 году была курсовая сходка въ лабораторіи, которая судила нарушившихъ постановленіе сходки въ 1902 г. и исключившая изъ корпораціи перешедшихъ на 4 курсъ студ-въ.

Снятковъ. Я это говорилъ.

Нечаевъ. А въ 1904 г. аналогичной сходки не было?

Снятковъ. Этого не знаю, я не студентъ.

Леонтьевъ. Какъ понимать, что экзамены прошли въ 902 г. вопреки волѣ Совѣта?

Снятковъ. Совѣтъ въ 902 г. четыре раза постанавливалъ оставить всѣхъ на второй годъ и экзамены прошли только по настоянію министра.

Бѣлозоровъ. Вы говорили, что пр. Шредеръ заявилъ: «Долбня и Лутугинъ устроили забастовку»?

Снятковъ. Да.

Бѣлозоровъ. Не помните ли Вы, что проф. Шредеръ тогда говорилъ о словахъ Долбни на сходкѣ, что надо сплотиться противъ новаго директора?

Снятковъ. Я про слова Долбни на сходкѣ здѣсь ничего не говорилъ.

Бѣлозоровъ. Вы не помните такихъ словъ Шредера?

Снятковъ. Точно не помню.

Бѣлозоровъ. Слова Шредера не были опротестованы?

Снятковъ. Нѣтъ, протестовали.

Бѣлозоровъ. Противъ чего протестовали? Противъ утвержденія, что Долбня и Лутугинъ устроили забастовку или противъ словъ Долбни на сходкѣ?

Снятковъ. Противъ устройства забастовки. Изъ словъ Шредера вытекало, что Долбня и Лутугинъ всѣми своими поступками показывали, что они желаютъ забастовки.

Бѣлозоровъ. Шредеръ говорилъ относительно словъ Долбни на сходкѣ?

Снятковъ. Я этого не помню.

Бѣлозоровъ. Ваше присутствіе Шредеръ помнитъ, но Вы не опротестовали его словъ?

Снятковъ. Я долженъ сказать, что противъ его словъ протестовалъ все время. Я протестовалъ противъ словъ, что Долбня устроилъ забастовку. Разговоръ былъ долгій, дошелъ до рѣзкостей, Шредеръ даже сталъ сплетничать.

Бѣлозоровъ. Вы не протестовали противъ словъ Долбни на сходкѣ.

Снятковъ. Я протестовалъ все время, но о словахъ не помню.

Предсѣдатель дѣлаетъ замѣчаніе студ-ту Бѣлозорову, прося не смѣшивать утвержденія и вопроса.

Зерновъ. Когда въ Орг. комитетѣ рѣшался вопросъ о разсылкѣ позорящаго списка, этотъ вопросъ баллотировался?

Снятковъ. Я этого не знаю.

Каминка проситъ допросить свидѣтеля студ-та Мушкетова.

Предсѣдатель вызываетъ свидѣтеля Мушкетова.

Мушкетовъ. Я не являюсь очевидцемъ какихъ-либо событій. Отдѣльныхъ фактовъ, относящихся къ отдѣльнымъ лицамъ, я могу сообщить только два. Но какъ изъ записки противной стороны, такъ и изъ заявленій на судѣ, я вижу, что отъ меня желательно получить объясненія по поводу письма моего, написаннаго Рейнвальду. Содержаніе его Рейнвальдъ уже передалъ суду, и хотя я по болѣзни на томъ засѣданіи не былъ, но убѣжденъ, что онъ передалъ правильно. Отъ меня, повидимому, желаютъ мотировки фразы: «эта свобода выражается, кажется, лишь въ свободѣ дѣланія подлостей».

Зерновъ. Когда Вы писали это письмо?

Мушкетовъ. Послѣ обструкціи, 4-го или 5-го апр. Послѣднимъ толчкомъ къ этому письму былъ разговоръ съ Ауэрбахомъ и Кузьмицкимъ. Съ ними я между прочимъ говорилъ объ избитомъ сторожѣ,—это я хорошо помню. Я долженъ сказать прямо, что несчастнѣйшимъ эпизодомъ своей жизни я считаю именно тотъ моментъ, когда я на сходкѣ 15 марта по какой-то преступной близорукости подписалъ свою фамилію подъ формулой «свободы дѣйствія»; тогда я дѣйствительно ложно понялъ ее, какъ родъ «особаго мнѣнія», не вѣря въ возможность и умѣстность забастовки и считая, что она только облегчитъ новому боевому директору ясную для всѣхъ задачу «скрутить» студентовъ и не находя въ себѣ силъ поддерживать ее. Скоро я долженъ былъ горько раскаяться въ подобномъ заблужденіи и увидѣлъ, что именно и поддержалъ дирекцію, участвуя въ расколѣ. Уже въ тотъ же вечеръ 15 марта, когда я очутился въ отдѣльной сходкѣ исключенныхъ изъ корпораціи и увидѣлъ составъ своихъ товарищей, я какъ старый студентъ (6-й годъ въ инст-тѣ) хорошо зналъ составъ студ-въ..., я могъ, конечно, предвидѣть роль

партіи, разъ я видѣлъ контигентъ лицъ ее составившихъ; конечно, не тѣ отдѣльные скверные факты, которые потомъ послѣдовали, но общую идею, а именно, что это люди, которые всегда будутъ надежной опорой дирекціи, какова бы она ни была. Тутъ же надо отмѣтить, что организація партіи, которую такъ старательно отрицаютъ „своб.-д-щіе", зародилась уже тогда, такъ какъ была сходка съ предсѣдателемъ, сходка выносила резолюцію, посылала депутатовъ, намѣчала вопросы о томъ, какъ быть съ покупкой лекцій, со столовой и т. д.

Гессенъ. Это отдѣльная сходка „своб.-д-щихъ? Сколько человѣкъ было на ней?

Мушкетовъ. Менѣе 100.

Предсѣдатель. Это тогда же 15 марта, когда «св-д-щіе» были исключены изъ корпорацій?

Мушкетовъ. Да, «св-д-щіе» сошли внизъ и собрались на сходку; рѣшено было отдѣлиться отъ остальныхъ студентовъ. На другой день я заболѣлъ и пролежалъ до апрѣля. Такимъ образомъ очевидцемъ событій, повторяю, не былъ, но находился въ курсѣ дѣлъ. Съ каждымъ днемъ до меня доходили извѣстія все печальнѣе, расколъ разгорался и наконецъ 2 апрѣля произошла обструкція и связанные съ нею поступки «своб. д-щихъ». Слухи носились ужасные. а какихъ либо опроверженій не появлялось. И вотъ тутъ я вижу главное преступленіе «своб. д-щихъ». Пусть въ началѣ было много, просто «не вѣдавшихъ, что творятъ», не имѣвшихъ никакихъ злыхъ умысловъ, не чуткихъ людей, но теперь-то, должны они были призадуматься надъ тѣмъ, въ чемъ участвуютъ и кого прикрываютъ своимъ именемъ. Пусть всѣ эти слухи были шатки, но они были, и надо было на нихъ реагировать. Вѣдь, право, иногда сумма простыхъ впечатлѣній и слуховъ не слабѣе отдѣльнаго уличнаго факта, и заслуживаетъ вниманія. Но всѣ молчали, праздновали побѣду и только заботились принять мѣры, чтобы эта побѣда была наиболѣе полной. Я подразумѣваю поруку для держанія экзаменовъ, объ ней мнѣ говорилъ Ауэрбахъ. Числа 1-го или 2-го онъ заѣзжалъ ко мнѣ, но не засталъ меня дома. Затѣмъ я его встрѣтилъ должно быть 3-го послѣ обструкціи на Англійской набережной.

Зерновъ. До 8-го апрѣля это было?

Мушкетовъ. Да, до 8-го, но послѣ обструкціи, такъ какъ онъ возмущался обструкціей и упоминалъ объ избитомъ сторожѣ. Спросилъ, буду ли я держать экзамены и затѣмъ сказалъ, что для держанія экзаменовъ нужна будетъ рекомендація одного изъ товарищей,

чтобы обезпечить отъ обструкціи, а на первый экзаменъ нужно два, три ручательства. Съ своей стороны Ауэрбахъ предложилъ мнѣ свое поручительство. Я сказалъ, что не буду держать экзаменовъ и просилъ не считать меня «своб. д-щимъ». На другой день я встрѣтилъ на Вас. остр. Кузмицкаго.

Зерновъ. До Вашего письма?

Мушкетовъ. До письма... Онъ спросилъ, буду ли я держать экзамены? Я сказалъ, что нѣтъ—Почему?—Считаю неудобнымъ. Затѣмъ мы разговорились объ обструкціи. Онъ мнѣ сообщилъ, что во время обструкціи былъ въ инс-тѣ. Я спросилъ его, есть ли какія-нибудь основанія для слуховъ, что студ-ты помогали инспекціи въ составленіи списка. Кузмицкій опровергъ это. Бальди одинъ составлялъ списокъ. Когда списокъ былъ составленъ, то онъ, Кузмицкій, проходя увидѣлъ на столѣ списокъ и, замѣтивъ въ немъ фамилію знакомаго студ-та, про котораго онъ зналъ навѣрное, что тотъ не участвовалъ въ обструкціи, сказалъ объ этомъ Бальди. Бальди этого студ-та вычеркнулъ.—«Развѣ Вы не понимаете, сказалъ я ему, на это, что указывая фамилію неправильно занесеннаго, Вы этимъ подтверждаете правильность остальной записи"? Кузмицкій согласился, что этого дѣлать не слѣдовало. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ я, также и Кузмицкому сказалъ, чтобы онъ не считалъ меня „своб. д-щимъ". Видя, что я все еще считаюсь „своб. д-щимъ" я написалъ, извѣстное суду, письмо. Мнѣ кажется, что я выяснилъ мотивы и свое право его написать. Прибавлю, что мотивы эти касаются лишь меня, но думаю, что подобными же руководились и другіе, вышедшіе до 8 апрѣля изъ партіи. Теперь я долженъ сказать нѣсколько словъ по адресу г. Грунвальда. Онъ и въ своемъ письмѣ въ „Нов. Врем". и здѣсь въ рѣчахъ дѣлалъ ссылки на моего покойнаго отца, изъ которыхъ можно было вывести, будто бы „своб. д-щіе" слѣдуютъ его традиціямъ и на основаніи этихъ ссылокъ даже обвинялъ ушедшихъ профессоровъ и студ-товъ. Всякій дѣйствительно знакомый съ нравственнымъ и общественнымъ обликомъ отца, пойметъ, что это не только ложно, но даже является оскорбленіемъ его памяти и честнаго имени. Поэтому я считаю своимъ долгомъ и неотъемлемымъ правомъ потребовать здѣсь передъ судомъ прекращенія впредь этихъ злоупотребленій. Часто говорятъ, что если бы былъ живъ Мушкетовъ, то ничего бы „этого" не было. Да—не было бы, потому что, во первыхъ, не было бы въ инст-тѣ ни Коновалова, ни „своб. д-щихъ" и ихъ совмѣстной дѣятельности, а если даже и допустить это, то отецъ былъ бы во главѣ ушедшихъ

профессоровъ и будь въ этой залѣ не портретъ его, а онъ самъ, рѣчи „своб. д-щихъ“ были бы осторожнѣе.

Предсѣдатель. Вы употребили въ Вашемъ письмѣ выраженіе „дѣланіе подлостей“ опираясь на разговоръ съ Кузьмицкимъ и Ауэрбахомъ, кромѣ этихъ двухъ фактовъ у Васъ были и другіе?

Мушкетовъ. Это были лишь послѣдніе: они и подтвердили.

Предсѣдатель. Откуда Вы получали свѣдѣнія? отъ самихъ „своб. д-щихъ“?

Мушкетовъ. Со стороны другихъ, очень многихъ, которымъ не имѣлъ причинъ не вѣрить. Многое передавалось въ качествѣ слуховъ.

Предсѣдатель. Такъ что въ разговорахъ съ Ауэрбахомъ и Кузьмицкимъ Вы видѣли только подтвержденіе?

Мушкетовъ. Да, подтвержденіе того, что слышалъ раньше.

Зерновъ. Вы принимали участіе въ студенческой жизни? Ходили на сходки?

Мушкетовъ. Да, я собственно на сходки ходилъ, но активнаго участія не принималъ. Я не ораторъ, въ коммиссіяхъ не былъ, такъ что технической стороны организаціи я не знаю.

Зерновъ. Слѣдовательно Вы все-таки отзывались на жизнь? Когда Вы подписались на листѣ съ „свободой дѣйствія“ то Вы понимали, что вопросъ идетъ только о держаніи экзаменовъ?

Мушкетовъ. Исключительно.

Зерновъ. А не то, что эта группа, выдѣляющаяся окончательно?

Мушкетовъ. Нѣтъ.

Зерновъ. А на сходкѣ этотъ вопросъ не выяснялся? Вамъ это не было ясно?

*Мушкетовъ***). На сходкѣ былъ сумбуръ, въ первый разъ возникла опозиція. Произошло столкновеніе, конецъ сходки былъ случайный. Насъ исключили изъ корпораціи,

Зерновъ. Это было 12 или 15-го?

Мушкетовъ. 15-го.

Зерновъ. На листъ записывались 12 или 15-го?

Мушкетовъ. 15-го.

Зерновъ. Тогда, когда ихъ исключили?

Мушкетовъ. На сходкѣ 15-го.

**) По черновику свободомыслящихъ записано такъ: На сходкѣ былъ такой сумбуръ, она была такой бурной, что врядъ ли что-либо опредѣленное было выяснено. Кромѣ того на сходкѣ этой насъ исключили изъ корпораціи.

Зерновъ. На сходкѣ „своб. д-щихъ" послѣ исключенія изъ корпораціи Вы были?

Мушкетовъ. Былъ.

Зерновъ. На этой сходкѣ былъ выбранъ Орг. комитетъ?

Мушкетовъ. Нѣтъ, Комитетъ избранъ не былъ. Намѣчались болѣе энергичныя лица, т. к. всегда въ такихъ случаяхъ бываютъ хлопоты. Надо было добирать голоса, и т. д., выбрали депутатовъ.

Зерновъ. Рѣшили во что бы то ни стало проводить экзамены? Или хотѣли просто добрать голоса для образованія большинства?

Мушкетовъ. Объ экзаменахъ разговора совершенно не было, вѣроятно, всякому было ясно, что экзамены держать будутъ, для того и выдѣлилась группа. Техника вообще не обсуждалась.

Зерновъ. Держать экзамены одно, а при какихъ условіяхъ,—дѣло другое. Напр., держатъ экзамены 5, 10 челов. и когда все кругомъ валится, вѣдь это дѣло совсѣмъ особое.

Мушкетовъ. Подробности не обсуждались, было очень поздно; главная цѣль была—выборъ депутатовъ для посылки къ профессорамъ.

Зерновъ. Вы видѣли, что тамъ были извѣстныя лица, но можете ли Вы утверждать, что всѣ „своб. д-щіе" таковы?

Мушкетовъ. Нѣтъ, безусловно, я этого не могу утверждатъ. Было ядро около 20 человѣкъ активныхъ, остальные стояли внѣ студенческой жизни и не интересовались ею. Ставили личный интересъ выше всего. У всѣхъ было раздраженіе, злобное отношеніе къ оставшейся партіи. Прорывались такія выраженія: „Надо вести дѣло только не такъ, какъ у нихъ".

Зерновъ. Не знаете ли, кто у нихъ былъ въ Орг. комитетѣ?

Мушкетовъ. Не знаю; могу только предполагать.

Предсѣдатель. Орг. комитетъ здѣсь не намѣчался?

Мушкетовъ. Не могу знать.

Зерновъ. Кто былъ предсѣдателемъ сходки?

Мушкетовъ. Студ-тъ Постриганьевъ, нынѣ инженеръ.

Лесгафтъ. Не знаете ли еще случаевъ поручительства, кромѣ словъ Ауэрбаха? Относительно билетовъ для входа, студ-ты передавали билеты?

Мушкетовъ. До разговора съ Ауэрбахомъ до меня доходили различные слухи. По этому поводу послѣ меня будетъ еще 15 свидѣтелей.

Лесгафтъ. Билеты для входа раздавала инспекція или студ-ты?

Мушкетовъ. Не знаю.

Леонтьевъ. Основаніями Вашего письма были: рекомендація, а потомъ сказанное Кузьмицкимъ?

Мушкетовъ. Это были послѣдніе слухи, кромѣ того у меня были данныя о помощи „своб. д-щихъ" Бальди во время обструкціи 2-го апрѣля.

Леонтьевъ. На чемъ же было основано Ваше письмо? Не на основаніи же слуховъ писали Вы его, вѣроятно на основаніи фактовъ?

Мушкетовъ. Слухи были ужасные, а разъясненій никакихъ не было.

Леонтьевъ. Слѣдовательно, отсутствіе разъясненій и опроверженій дало Вамъ право назвать это подлостью?

Мушкетовъ. Это было мое личное мнѣніе. Я уже разъяснилъ мотивы.

Леонтьевъ. Я и не отнимаю у Васъ право имѣть свое мнѣніе. Значитъ, Вы ждали доказательствъ, не получили ихъ и потому назвали подлостью ихъ.

Мушкетовъ. Я никого опредѣленно не ругалъ, а писалъ вообще.

Леонтьевъ Можно ли, не получая доказательствъ, назвать подлостью на основаніи слуховъ?

Мушкетовъ. Это было мое личное мнѣніе, но я уже объяснялъ мотивы.

Леонтьевъ. Переполнило чашу заступничество Кузьмицкаго?

Мушкетовъ. Да, бесѣда съ Ауэрбахомъ и Кузьмицкимъ.

Леонтьевъ. По Вашему мнѣнію, если студ-тъ увидитъ, что товарищъ записанъ неправильно, то долженъ промолчать?

Мушкетовъ. По моему не слѣдовало даже близко подходить къ этому списку.

Кутыринъ. Вы теперь на которомъ курсѣ?

Мушкетовъ. На 5-мъ.

Кутыринъ. А въ прошломъ году на какомъ были?

Мушкетовъ. На 4-мъ.

Кутыринъ. Значитъ, почувствовали себя благороднымъ буромъ и приступили къ экзаменамъ?

Предсѣдатель. Это выраженіе много разъ повторяется, но оно не должно примѣняться.

Кутыринъ. Проф. Богдановичъ изобрѣлъ этотъ терминъ.

Предсѣдатель. Ну что дѣлать, разъ было сказано, но повторять не слѣдуетъ.

Кутыринъ. Вы когда держали экзамены?

Мушкетовъ. Осенью.

Кутыринъ. А почему не весной?

Мушкетовъ. Не считалъ возможнымъ поддерживать дирекцію?

Кутыринъ. Такъ почему же подавая прошеніе въ Совѣтъ, Вы мотивировали болѣзнью, тогда какъ другіе Ваши товарищи этого не дѣлали?

Мушкетовъ. Это одна формальность. Удивляюсь, для чего эти вопросы?!

Кутыринъ. Я хочу выяснить Вашу роль побѣжденнаго бура. Когда Вы записывались, Вы не считали «своб. д-щихъ» партіей»?

Мушкетовъ. Нѣтъ, не считалъ.

Кутыринъ. Такъ отчего же нужно было отказываться отъ партіи или „свободы дѣйствія"? Вѣдь Вы говорили, что сами записались въ списокъ, такъ какъ въ свободѣ дѣйствія ничего позорнаго не видѣли и за партію—«своб. д-щихъ» не считали?

Мушкетовъ. Да, я не считалъ, когда записывался, ихъ партіей, но черезъ полъ часа я убѣдился въ этомъ.

Кутыринъ. Черезъ полъ часа на отдѣльной сходкѣ?

Мушкетовъ. Да.

Кутыринъ. Тогда Вы ничего севернаго еще не видѣли?

Мушкетовъ. Я уже объяснялъ, когда что скверное я видѣлъ?

Кутыринъ. Вы написали письмо послѣ обструкціи?

Мушкетовъ. Да.

Кутыринъ. Вы это точно помните?

Мушкетовъ. Точно. Между 4 и 3 апрѣля.

Кутыринъ. Значитъ, Вы категорически утверждаете, что оно написано послѣ 2-го апрѣля?

Мушкетовъ. Категорически.

Соколовъ. Позвольте въ такомъ случаѣ прочитать бюллетень О. К. С. Г. И. отъ 2-го апр., откуда вполнѣ явствуетъ, что письмо Мушкетовымъ написано до 2-го апрѣля: (читаетъ) «Орг. комитету доставлены заявленія нѣсколькихъ лицъ изъ состава «своб. д-щихъ»: 4 к. Д. И. Мушкетовъ, объявляя о своемъ отпаденіи отъ группы, «оставляютъ за собой свободу дѣйствія», проситъ избавить его отъ такой свободы, которая повидимому выразится въ свободномъ дѣланіи подлостей»... Въ концѣ бюллетеня приписка: «бюллетень былъ уже составленъ, когда принесли извѣстіе, что и сегодня 2-го апр., благодаря примѣненной вошедшими силой въ инст-тъ студ-ми обструкціи, экзамены были прекращены». Спб. 2 апр. 904 г. О. К. С. Г. И.».

Кутыринъ. Значитъ, встрѣча съ Кузьмицкимъ, Ауэрбахомъ и факты, касающіеся обструкціи, тутъ не при чемъ?

Леонтьевъ. Основаніями Вашего письма были: рекомендація, а потомъ сказанное Кузьмицкимъ?

Мушкетовъ. Это были послѣдніе слухи, кромѣ того у меня были данныя о помощи „своб. д-щихъ" Бальди во время обструкціи 2-го апрѣля.

Леонтьевъ. На чемъ же было основано Ваше письмо? Не на основаніи же слуховъ писали Вы его, вѣроятно на основаніи фактовъ?

Мушкетовъ. Слухи были ужасные, а разъясненій никакихъ не было.

Леонтьевъ. Слѣдовательно, отсутствіе разъясненій и опроверженій дало Вамъ право назвать это подлостью?

Мушкетовъ. Это было мое личное мнѣніе. Я уже разъяснилъ мотивы.

Леонтьевъ. Я и не отнимаю у Васъ право имѣть свое мнѣніе. Значитъ, Вы ждали доказательствъ, не получили ихъ и потому назвали подлостью ихъ.

Мушкетовъ. Я никого опредѣленно не ругалъ, а писалъ вообще.

Леонтьевъ Можно ли, не получая доказательствъ, назвать подлостью на основаніи слуховъ?

Мушкетовъ. Это было мое личное мнѣніе, но я уже объяснялъ мотивы.

Леонтьевъ. Переполнило чашу заступничество Кузьмицкаго?

Мушкетовъ. Да, бесѣда съ Ауэрбахомъ и Кузьмицкимъ.

Леонтьевъ. По Вашему мнѣнію, если студ-тъ увидитъ, что товарищъ записанъ неправильно, то долженъ промолчать?

Мушкетовъ. По моему не слѣдовало даже близко подходить къ этому списку.

Кутыринъ. Вы теперь на которомъ курсѣ?

Мушкетовъ. На 5-мъ.

Кутыринъ. А въ прошломъ году на какомъ были?

Мушкетовъ. На 4-мъ.

Кутыринъ. Значитъ, почувствовали себя благороднымъ буромъ и приступили къ экзаменамъ?

Предсѣдатель. Это выраженіе много разъ повторяется, но оно не должно примѣняться.

Кутыринъ. Проф. Богдановичъ изобрѣлъ этотъ терминъ.

Предсѣдатель. Ну что дѣлать, разъ было сказано, но повторять не слѣдуетъ.

Кутыринъ. Вы когда держали экзамены?

Мушкетовъ. Осенью.

Кутыринъ. А почему не весной?

Мушкетовъ. Не считалъ возможнымъ поддерживать дирекцію?

Кутыринъ. Такъ почему же подавая прошеніе въ Совѣтъ, Вы мотивировали болѣзнью, тогда какъ другіе Ваши товарищи этого не дѣлали?

Мушкетовъ. Это одна формальность. Удивляюсь, для чего эти вопросы?!

Кутыринъ. Я хочу выяснить Вашу роль побѣжденнаго бура. Когда Вы записывались, Вы не считали «своб. д-щихъ» партіей»?

Мушкетовъ. Нѣтъ, не считалъ.

Кутыринъ. Такъ отчего же нужно было отказываться отъ партіи или „свободы дѣйствія"? Вѣдь Вы говорили, что сами записались въ списокъ, такъ какъ въ свободѣ дѣйствія ничего позорнаго не видѣли и за партію—«своб. д-щихъ» не считали?

Мушкетовъ. Да, я не считалъ, когда записывался, ихъ партіей, но черезъ полъ часа я убѣдился въ этомъ.

Кутыринъ. Черезъ полъ часа на отдѣльной сходкѣ?

Мушкетовъ. Да.

Кутыринъ. Тогда Вы ничего сквернаго еще не видѣли?

Мушкетовъ. Я уже объяснялъ, когда что скверное я видѣлъ?

Кутыринъ. Вы написали письмо послѣ обструкціи?

Мушкетовъ. Да.

Кутыринъ. Вы это точно помните?

Мушкетовъ. Точно. Между 4 и 3 апрѣля.

Кутыринъ. Значитъ, Вы категорически утверждаете, что оно написано послѣ 2-го апрѣля?

Мушкетовъ. Категорически.

Соколовъ. Позвольте въ такомъ случаѣ прочитать бюллетень О. К. С. Г. И. отъ 2-го апр., откуда вполнѣ явствуетъ, что письмо Мушкетовымъ написано до 2-го апрѣля: (читаетъ) «Орг. комитету доставлены заявленія нѣсколькихъ лицъ изъ состава «своб. д-щихъ»: 4 к. Д. И. Мушкетовъ, объявляя о своемъ отпаденіи отъ группы, «оставляютъ за собой свободу дѣйствія», проситъ избавить его отъ такой свободы, которая повидимому выразится въ свободномъ дѣланіи подлостей»... Въ концѣ бюллетеня приписка: «бюллетень былъ уже составленъ, когда принесли извѣстіе, что и сегодня 2-го апр., благодаря примѣненной вошедшими силой въ инст-тъ студ-ми обструкціи, экзамены были прекращены». Спб. 2 апр. 904 г. О. К. С. Г. И.».

Кутыринъ. Значитъ, встрѣча съ Кузьмицкимъ, Ауэрбахомъ и факты, касающіеся обструкціи, тутъ не при чемъ?

Мушкетовъ. Значитъ, я спуталъ.

Предсѣдатель. А встрѣча съ Ауэрбахомъ и Кузьминскимъ была послѣ обструкціи?

Мушкетовъ. Я чиселъ не знаю, разговоръ у насъ съ Ауэрбахомъ былъ и объ обструкціи. Значитъ это не служило для меня мотивомъ.

Ауэрбахъ. Значитъ нашъ разговоръ не могъ служить основаніемъ письму. А что же служило?

Мушкетовъ. Никакихъ фактовъ не было, а было впечатлѣніе. Это ничуть не измѣняетъ положенія. Я не свѣрился, когда это было. Сумма впечатлѣній и слуховъ вполнѣ опредѣляла мое мнѣніе относительно того, что дѣлалось у «своб. д-щихъ».

Кутыринъ. По словамъ Рейнвальда Вы въ Вашемъ рапортѣ къ нему...

Мушкетовъ. Прошу не называть мое письмо рапортомъ.

Кутыринъ. Вы давали термины и я считаю себя въ правѣ дѣлать это. Вы писали Рейнвальду о представленіи списковъ министру?

Мушкетовъ. Я про это ничего не знаю.

Кутыринъ. А Вамъ ничего не извѣстно о мысли представить списки «своб. д-щихъ» начальству?

Мушкетовъ. Нѣтъ, этого не было.

Кутыринъ. Вы этого не поддерживали на сходкѣ «своб. д-щихъ» 15 марта?

Мушкетовъ. Это ложь,—я никогда этого не поддерживалъ.

Воскресенскій. Я могу засвидѣтельствовать, что Вы на этомъ настаивали.

Мушкетовъ. Я скажу,—это ложь.

Воскресенскій. У насъ есть объ этомъ свидѣтели.

Мушкетовъ. Все равно я буду говорить, что это ложь.

Кутыринъ. При Васъ былъ на сходкѣ «своб. д-щихъ» 15 марта вопросъ о посылкѣ депутатовъ къ профессорамъ?

Мушкетовъ. Да, при мнѣ былъ.

Кутыринъ. Вы указывали на этотъ фактъ, какъ на признакъ партійности «своб. д-щихъ», но вѣдь Вы сами здѣсь были и не протестовали?

Мушкетовъ. Я не протестовалъ и за эту сходку я отвѣтственъ.

Кутыринъ. Въ чемъ выражалась дальше партійность «своб. д-щихъ»?

Мушкетовъ. Это выяснялось уже много разъ.

Кутыринъ. Кто долженъ былъ опровергать эти слухи, разъ Вы такой же «своб. д-щій», ихъ не опровергали?

Мушкетовъ. Каждый за себя; если бы всѣ отказались отъ „свободы дѣйствія“ и отъ партіи, то ничего бы не было; это было бы лучше, чѣмъ расколъ.

Кутыринъ. Вы отказались отъ „свободы дѣйствія“ или отъ партіи?

Мушкетовъ. И отъ „свободы дѣйствія“ и отъ партіи.

Кутыринъ. Вы высказались за „свободу дѣйствій“ потому, что были противъ забастовки?

Мушкетовъ. Я не хотѣлъ поддерживать забастовку. Это было ложное мнѣніе.

Кутыринъ. А потомъ Вы убѣдились, что забастовку, когда стали упоминать объ обструкціи, поддерживать можно и объ этомъ довели до свѣдѣнія Рейнвальда?

Мушкетовъ. Не убѣдился, но во всякомъ случаѣ было правильнѣе не поддерживать Коновалова.

Кутыринъ. А раньше Вы это не понимали?

Мушкетовъ. Не понималъ.

Кутыринъ. Въ числѣ активныхъ людей, замѣченныхъ Вами на отдѣльной сходкѣ «своб д-щихъ», были ли люди дѣлающіе подлости?

Мушкетовъ. Тогда-нѣтъ.

Кутыринъ. А потомъ Вы услышали, можете назвать ихъ?

Мушкетовъ. Я затрудняюсь сказать; вотъ Соколовъ Викторъ составлялъ группы.

Кутыринъ. Поручительство въ этой группѣ было?

Мушкетовъ. Вообще было извѣстно, что поручительство было, но въ частности не знаю.

Ауэрбахъ. Вы совершенно вѣрно сказали, что мы встрѣтились съ Вами на набережной 2 апр. и что я наканунѣ былъ у Васъ дома. Дѣло въ томъ, что, прочитавъ 1-го апр. объявленіе о составленіи группъ, я поѣхалъ собирать группу 4 кур. не различая, кто «своб. д-щій» и кто нѣтъ, ѣздилъ по своимъ знакомымъ. Тогда заѣзжалъ и къ Вамъ, но не засталъ дома и просилъ Вашего брата передать Вамъ, что пріѣзжалъ предложить записаться въ мою группу и просилъ, чтобы Вы дали отвѣтъ по телефону. Такъ вотъ, когда я Васъ встрѣтилъ, что я Вамъ говорилъ о поручительствѣ? Въ какой формѣ?

Мушкетовъ. Я понялъ въ такой формѣ, что среди «своб. д-щихъ» возникла мысль о такой мѣрѣ.

Ауэрбахъ. Какъ я говорилъ Вамъ, что это нѣкоторые студ-ты предлагаютъ или, что начальство это предлагаетъ или можетъ быть я даже говорилъ, что я самъ нахожу это правильной мѣрой?

Мушкетовъ. Вы своего мнѣнія не говорили и передавали объективно.

Ауэрбахъ. Говорилъ ли я Вамъ о фактахъ поручительства, что уже нѣкоторые ручались?

Мушкетовъ. Нѣтъ, ничего не говорили, только сказали про мѣру, а какъ примѣнялась, не говорили.

Зерновъ. Предлагалъ ли Ауэрбахъ занести Васъ за его поручительствомъ въ списокъ?

Мушкетовъ. Онъ мнѣ предлагалъ.

Ауэрбахъ **). Я предлагалъ записать Мушкетова въ свою группу, но о поручительствѣ ничего рѣшительно не говорилъ, да и было бы нелѣпо ручаться «своб. д-щему» за «своб. д-щаго»; вѣдь я Васъ такимъ считалъ.

Мушкетовъ. Я уже говорилъ, въ какой формѣ былъ разговоръ о поручительствѣ.

Предсѣдатель. Высказывалъ ли онъ Вамъ, что проектъ поручительства былъ только чисто студенческая мѣра или это отъ начальства?

Мушкетовъ. Нѣтъ, онъ мнѣ сказалъ, что проектъ возникъ среди студ-въ и не желаю ли я воспользоваться этой мѣрой?

Зерновъ. Какъ же Вы поняли „воспользоваться", т. е. что Вы скажете, а онъ внесетъ?

Мушкетовъ. Да, внесетъ.

Предсѣдатель. Значитъ, это было поручительство между товарищами безъ участія начальства?

Ауэрбахъ. Я категорически отрицаю, что говорилъ что либо о поручительствѣ.

Лесгафтъ. Что у Васъ было, кромѣ этихъ фактовъ?

Мушкетовъ. Кромѣ этого я слышалъ, что поручительства существуютъ.

Ауэрбахъ. Когда было вывѣшено объявленіе о группахъ, я сталъ составлять группу и заѣзжалъ къ Вамъ и, не заставъ дома, я на другой день на набережной спросилъ: „будете Вы держать экзамены", на что Вы мнѣ отвѣтили: „пока я не стану держать,—моя физіо-

---

**) Въ черновикѣ свободомыслящихъ записано такъ: Ауэрбахъ. Я говорилъ, что нѣкоторые желаютъ поручительствъ, но нельзя было понимать, что это фактъ совершившійся. Предсѣдатель. Свидѣтель это лучше скажетъ. Мушкетовъ. Ауэрбахъ сказалъ: среди группы «св-д-щихъ» возникъ проектъ такой мѣры и вотъ не хочу ли я воспользоваться этой мѣрой? Дальше вопросъ проф. Зернова.

номія мнѣ дорога, вѣдь въ инст-тѣ доходятъ чертъ знаетъ до чего" и Вы возмущались обструкціей.

Мушкетовъ. Я говорилъ, что весной не буду держать экзаменовъ.

Ауэрбахъ. О поручительствѣ я не говорилъ и только предлагалъ записать въ группу.

Мушкетовъ. Это не мѣняетъ дѣла. Это все совершенно такъ. Я Вамъ сообщилъ, что у меня опредѣленное рѣшеніе относительно экзаменовъ. Чтобы я высказывалъ желаніе держать экзамены, это было несообразно, разъ уже мной было послано письмо. О поручительствѣ же Вы говорили.

Ауэрбахъ. Я категорически это отрицаю, я этого говорить не могъ, такъ какъ было несообразно съ письмомъ къ Бальди, въ которомъ я писалъ, что не желаю быть поручителемъ.

Предсѣдатель. Когда это писали?

Ауэрбахъ. Числа 4-го.

Предсѣдатель. Можете ли припомнить, что Ауэрбахъ предлагалъ Вамъ поручиться за Васъ, бралъ на себя поручительство?

Мушкетовъ. Безусловно. Я такъ и понялъ. Онъ сказалъ о проектѣ мѣры и не желаю ли я быть внесеннымъ за его поручительствомъ въ группу.

Предсѣдатель. Высказалъ ли Вамъ Ауэрбахъ проектъ какъ возникшій среди студентовъ или среди начальства?

Мушкетовъ. Онъ этого не говорилъ, что начальство участвовало.

Предсѣдатель. Т. е. высказалъ какъ проектъ среди студентовъ?

Мушкетовъ. Среди студентовъ.

Ауэрбахъ протестуетъ противъ того, что предлагалъ свое поручительство.

Мушкетовъ утверждаетъ.

Предсѣдатель. Какъ Вы понимали поручительство, между студ-ми или передъ начальствомъ?

Мушкетовъ. Конечная цѣль для начальства.

Ауэрбахъ. Вы тутъ говорили, что мнѣ заявляли, что просите не считать Васъ „своб. д-щимъ", но я это категорически отрицаю.

Мушкетовъ. Это была моя ошибка, я забылъ оффиціально просить передать „своб. д-щимъ", но говоря, что не буду держать экзамены, я считалъ, что это равносильно выходу изъ группы.

Ауэрбахъ. Но Вы мнѣ не говорили, что экзаменовъ весной не будете держать, а говорили только, что вначалѣ держать не будете. Доказательствомъ можетъ служить, что когда я разстался съ Вами, то я былъ такъ пораженъ, что подойдя къ женѣ, съ которой ѣхалъ,

Мушкетовъ. Вы своего мнѣнія не говорили и передавали объективно.

Ауэрбахъ. Говорилъ ли я Вамъ о фактахъ поручительства, что уже нѣкоторые ручались?

Мушкетовъ. Нѣтъ, ничего не говорили, только сказали про мѣру, а какъ примѣнялась, не говорили.

Зерновъ. Предлагалъ ли Ауэрбахъ занести Васъ за его поручительствомъ въ списокъ?

Мушкетовъ. Онъ мнѣ предлагалъ.

Ауэрбахъ **). Я предлагалъ записать Мушкетова въ свою группу, но о поручительствѣ ничего рѣшительно не говорилъ, да и было бы нелѣпо ручаться «своб. д-щему» за «своб. д-щаго»; вѣдь я Васъ такимъ считалъ.

Мушкетовъ. Я уже говорилъ, въ какой формѣ былъ разговоръ о поручительствѣ.

Предсѣдатель. Высказывалъ ли онъ Вамъ, что проектъ поручительства былъ только чисто студенческая мѣра или это отъ начальства?

Мушкетовъ. Нѣтъ, онъ мнѣ сказалъ, что проектъ возникъ среди студ-въ и не желаю ли я воспользоваться этой мѣрой?

Зерновъ. Какъ же Вы поняли „воспользоваться", т. е. что Вы скажете, а онъ внесетъ?

Мушкетовъ. Да, внесетъ.

Предсѣдатель. Значитъ, это было поручительство между товарищами безъ участія начальства?

Ауэрбахъ. Я категорически отрицаю, что говорилъ что либо о поручительствѣ.

Лесгафтъ. Что у Васъ было, кромѣ этихъ фактовъ?

Мушкетовъ. Кромѣ этого я слышалъ, что поручительства существуютъ.

Ауэрбахъ. Когда было вывѣшено объявленіе о группахъ, я сталъ составлять группу и заѣзжалъ къ Вамъ и, не заставъ дома, я на другой день на набережной спросилъ: „будете Вы держать экзамены", на что Вы мнѣ отвѣтили: „пока я не стану держать,—моя физіо-

---

**) Въ черновикѣ свободомыслящихъ записано такъ: Ауэрбахъ. Я говорилъ, что нѣкоторые желаютъ поручительствъ, но нельзя было понимать, что это фактъ совершившійся. Предсѣдатель. Свидѣтель это лучше скажетъ. Мушкетовъ. Ауэрбахъ сказалъ: среди группы «св-д-щихъ» возникъ проектъ такой мѣры и вотъ не хочу ли я воспользоваться этой мѣрой? Дальше вопросъ проф. Зернова.

номія мнѣ дорога, вѣдь въ инст-тѣ доходятъ чертъ знаетъ до чего" и Вы возмущались обструкціей.

Мушкетовъ. Я говорилъ, что весной не буду держать экзаменовъ.

Ауэрбахъ. О поручительствѣ я не говорилъ и только предлагалъ записать въ группу.

Мушкетовъ. Это не мѣняетъ дѣла. Это все совершенно такъ. Я Вамъ сообщилъ, что у меня опредѣленное рѣшеніе относительно экзаменовъ. Чтобы я высказывалъ желаніе держать экзамены, это было несообразно, разъ уже мной было послано письмо. О поручительствѣ же Вы говорили.

Ауэрбахъ. Я категорически это отрицаю, я этого говорить не могъ, такъ какъ было несообразно съ письмомъ къ Бальди, въ которомъ я писалъ, что не желаю быть поручителемъ.

Предсѣдатель. Когда это писали?

Ауэрбахъ. Числа 4-го.

Предсѣдатель. Можете ли припомнить, что Ауэрбахъ предлагалъ Вамъ поручиться за Васъ, бралъ на себя поручительство?

Мушкетовъ. Безусловно. Я такъ и понялъ. Онъ сказалъ о проектѣ мѣры и не желаю ли я быть внесеннымъ за его поручительствомъ въ группу.

Предсѣдатель. Высказалъ ли Вамъ Ауэрбахъ проектъ какъ возникшій среди студентовъ или среди начальства?

Мушкетовъ. Онъ этого не говорилъ, что начальство участвовало.

Предсѣдатель. Т. е. высказалъ какъ проектъ среди студентовъ?

Мушкетовъ. Среди студентовъ.

Ауэрбахъ протестуетъ противъ того, что предлагалъ свое поручительство.

Мушкетовъ утверждаетъ.

Предсѣдатель. Какъ Вы понимали поручительство, между студ-ми или передъ начальствомъ?

Мушкетовъ. Конечная цѣль для начальства.

Ауэрбахъ. Вы тутъ говорили, что мнѣ заявляли, что просите не считать Васъ „своб. д-щимъ", но я это категорически отрицаю.

Мушкетовъ. Это была моя ошибка, я забылъ оффиціально просить передать „своб. д-щимъ", но говоря, что не буду держать экзамены, я считалъ, что это равносильно выходу изъ группы.

Ауэрбахъ. Но Вы мнѣ не говорили, что экзаменовъ весной не будете держать, а говорили только, что вначалѣ держать не будете. Доказательствомъ можетъ служить, что когда я разстался съ Вами, то я былъ такъ пораженъ, что подойдя къ женѣ, съ которой ѣхалъ,

сказалъ съ возмущеніемъ, что Вы хотите прятаться за нашу спину.

Мушкетовъ. Можетъ быть въ это время я только говорилъ, что весной держать не буду.

Ауэрбахъ. Вы говорите, что никто не разъяснялъ фактовъ, которые будто бы были между „своб. д-щими", но вѣдь были же тоже слухи, что студ-ты собираютъ на японскій флотъ и никто этихъ слуховъ не находилъ нужнымъ опровергать, такъ какъ никто имъ не вѣрилъ.

Нацваловъ. Я и Брантъ носили въ «Русь» опроверженіе.

Мушкетовъ. Къ сожалѣнію и этимъ слухамъ многіе вѣрили, а слухи о «своб.д-щихъ» болѣе реальны.

Ауэрбахъ. Вы говорили, что когда записались въ число «своб.д-щихъ», то это былъ «несчастнѣйшій эпизодъ Вашей жизни», не припомните ли, что тогда же Вы мнѣ съ радостью говорили: «Наконецъ то я развязался съ этими господами и могу теперь не обращая вниманія на забастовку держать экзамены»?

Мушкетовъ. Я былъ въ возбужденномъ состояніи, вслѣдствіе изгнанія со сходки. Я объ этомъ уже разсказывалъ только въ болѣе приличной формѣ.

Гессенъ. (Ауэрбаху) Мнѣ не выяснилось, что Вы категорически ничего о поручительствѣ не говорили?

Ауэрбахъ. Нѣтъ, ничего не говорилъ, не предлагалъ поручительства и не говорилъ о томъ, что такая мѣра будто бы принята; вѣроятно Мушкетовъ путаетъ съ поручительствомъ мое предложеніе записать его въ группу.

Гессенъ. Такъ Вы о поручительствѣ ни слова не говорили?

Ауэрбахъ. Ни слова. Да и нелѣпо было бы говорить о поручительствѣ, разъ я же тогда написалъ Бальди письмо съ заявленіемъ, что не желаю ни за кого ручаться.

Рейнъ. Скажите пожалуйста, Вы часто бывали у Стахурскаго?

Мушкетовъ. Раза два.

Рейнъ Вы меня видѣли?

Мушкетовъ. Да, видѣлъ разъ.

Рейнъ. Вы не помните, что Вы говорили Стахурскому относительно экзаменовъ?

Мушкетовъ. Точно не помню, говорилъ, что нахожу совершенно невозможнымъ держать экзамены, потому что для меня положеніе совершенно особенное, что я тѣсно связанъ съ инст-томъ.

Рейнъ. А не припомните ли, Вы говорили, что будь Вы въ на-

шемъ положенiи, Вы держали бы весной экзамены, приводили примѣръ Степанова, который колеблется, что у меня молъ знакомства, почему мнѣ нельзя такъ дѣлать, указали на знакомство съ ушедшими профессорами, которое не позволяетъ Вамъ держать экзамены?

Мушкетовъ. Вы иначе освѣщаете; это все входило, но я говорилъ, будь я совершенно посторонній.

Рейнъ. Вы говорили, что надо держать весной или совсѣмъ не держать?

Мушкетовъ. Да, я говорилъ, что тѣ, которые держатъ экзамены осенью, идутъ на компромиссъ.

Рейнъ. Вы говорили, что единственнымъ препятствiемъ къ держанiю экзаменовъ весной были отношенiя къ ушедшимъ профессорамъ?

Мушкетовъ. Этого не было. Я говорилъ, что не могу идти на компромиссъ, принимая инст-тъ близко...

Рейнъ. Вы этимъ подчеркивали Ваше отношенiе къ профессорамъ, а не отношенiе профессоровъ къ Вамъ. Вамъ будетъ неловко чувствовать себя, встрѣчаясь съ профессорами.

Мушкетовъ. Отрицаю мотивировку этимъ. Конечно сюда входило и это.

Рейнъ. Вы не говорили, что Ваше положенiе по окончанiи инст-та въ Геологическомъ комитетѣ будетъ неудобнымъ?

Мушкетовъ. Я не понимаю, какое мое положенiе? Я этого не говорилъ.

Фойгтъ. Позвольте сдѣлать разъясненiе относительно «поручительства» г. Ауэрбаха. Студ-тъ Ауэрбахъ сообщилъ мнѣ по телефону, что въ инст-тѣ вывѣшено объявленiе о собиранiи группъ и что онъ собираетъ группу на нашемъ курсѣ. Онъ просилъ меня помочь ему и съѣздить къ двумъ-тремъ студ-мъ. Я былъ у студ-та Егорова (не «своб.д-щаго») и у студ-та Эйлера, нынѣ инженера, и предложилъ имъ записаться. Они здѣсь находятся и могутъ подтвердить, что ни о какомъ поручительствѣ я не говорилъ. Говорю это потому, что о собиранiи группъ я узналъ отъ Ауэрбаха; такъ какъ самъ объявленiя не видалъ и конечно, если бы группы эти составились съ какимъ нибудь поручительствомъ, то Ауэрбахъ долженъ былъ бы мнѣ это сказать, чтобы и я могъ предупредить записывающихся. На дѣлѣ же ничего подобнаго не было.

Пилетичъ. Почему Вы были у Эйлера, когда Эйлеръ на 5 курсѣ, а Вы на 4-мъ?

Фойгтъ. Онъ былъ на 4-мъ и держалъ за два года.

П е р е р ы в ъ.

Рейнъ. Скажите пожалуйста, говорили Вы мнѣ и Стахурскому о Вашемъ письмѣ Рейнвальду?

Мушкетовъ. Мое письмо было уже извѣстно.

Рейнъ. Развѣ Стахурскій Васъ не спрашивалъ, какимъ образомъ Вы вышли изъ группы?

Мушкетовъ. Онъ мнѣ никакого вопроса не предлагалъ, а скрывать мнѣ не было никакого смысла.

Рейнъ. Тогда Ваше посѣщеніе Стахурскаго непонятно.

Мушкетовъ. Вы меня будто укоряете, что я къ Вамъ и Стахурскому относился хорошо, это пожалуй, какъ говорилъ Мефферть, непослѣдовательно, но вообще я не былъ плохого мнѣнія о всѣхъ „своб.-д-щихъ".

Бѣлозоровъ. Вы были въ группѣ «патріотовъ»?

Мушкетовъ. Нѣтъ, я ничего на флотъ не пожертвовалъ.

Бѣлозоровъ. Но Вы подписывались подъ группой не желавшихъ баллотировать политическіе вопросы?

Мушкетовъ. Да, подписывался. Я не отрицаю, что до отказа я былъ даже «своб.-д-щимъ».

Бѣлозоровъ. Ну, это и будетъ тоже самое, потому что объ этомъ только и говорили и называли за это патріотами. Черезъ полчаса, послѣ записи своей въ списокъ „своб.-д-щихъ", Вы раскаялись, а вечеромъ были на совѣщаніи «своб.-д-щихъ» послѣ исключенія ихъ изъ корпораціи?

Мушкетовъ. Да, былъ.

Бѣлозоровъ. На совѣщаніи поднимался вопросъ о сообщеніи фамилій начальству и почти всѣми былъ отвергнутъ?

Мушкетовъ. Удостовѣряю, что рѣшили отрицательно.

Бѣлозоровъ. Когда было рѣшено послать всѣмъ членамъ Совѣта извѣщеніе объ изгнаніи изъ корпораціи, то нѣкоторые, скажу даже— многіе—протестовали противъ посылки къ Коновалову, такъ какъ на общей сходкѣ рѣшили не имѣть съ нимъ сношеній?

Мушкетовъ. Да, это было.

Бѣлозоровъ. Именно Вы убѣждали послать къ Коновалову!

Мушкетовъ. Это ложь!

Бѣлозоровъ. Въ свое время это будетъ удостовѣрено.

Мушкетовъ. Я именно говорилъ, что никоимъ образомъ къ Коновалову.

Воскресенскій. Не согласитесь ли Вы подтвердить, что когда 15 марта мы были исключены изъ общестуденческой корпораціи,

то Вы высказали мнѣніе, что насъ исключили только для того, чтобы безъ насъ образовать большинство?

Мушкетовъ. Я могъ это говорить. Мы всѣ тогда были возбуждены

Воскресенскій. Меня интересовало, что сынъ профессора Мушкетова былъ прогнанъ со сходки и я это очень хорошо помню.

Мушкетовъ. Я былъ вполнѣ достоинъ изгнанія и находился въ возбужденномъ состояніи и могъ говорить, что бы и не сказалъ въ другое время.

Воскресенскій. Мы вѣдь и имѣли основаніе такъ думать, такъ какъ даже Гапѣевъ похвалилъ Пятницкаго, когда послѣдній заявилъ, что онъ по вопросу о забастовкѣ будетъ держаться независимаго образа дѣйствія, то Гапѣевъ сказалъ, что смѣлое и искреннее заявленіе Пятницкаго во всякомъ случаѣ заслуживаетъ одобренія. Когда же Гапѣевъ увидѣлъ, что группа большая, то началъ ругаться.

Мушкетовъ. Тогда у всѣхъ было такое впечатлѣніе. Мы вѣдь всѣ были возбуждены.

Воскресенскій. Въ состояніи аффекта?

Мушкетовъ. Если хотите,—всѣ были въ состояніи аффекта.

Воскресенскій. Не настаивали ли Вы о посылкѣ депутатовъ, чтобы сообщить профессорамъ о расколѣ и тѣмъ сжечь корабли?

Мушкетовъ. Безусловно говорилъ. Разъ возникла такая партія, должны оповѣстить всѣхъ профессоровъ и Совѣтъ.

Воскресенскій. Не приходили ли къ Вамъ члены О. К. С. Г. И. съ предложеніемъ вычеркнуться изъ „своб. д-щихъ“, предупреждая: что противъ „своб. д-щихъ“ начнется кампанія и будутъ дѣйствовать, отовсюду и повсюду бойными орудіями?

Мушкетовъ. Никто ко мнѣ не приходилъ съ такого рода предложеніями.

Воскресенскій. Вы остановились въ партіи „свободомыслящихъ“, если узнаете, что изъ этой партіи держали экзамены, составляли группы и т. д., то уйдете ли Вы или нѣтъ?

Мушкетовъ. Если я узнаю, что у нихъ былъ такой же порядокъ, что и у „своб. д-щихъ“, то безусловно сочту невозможнымъ оставаться и въ этой партіи.

Грунвальдъ. Сдѣланное сыномъ профессора Мушкетова заявленіе относительно ссылокъ моихъ въ письмѣ въ «Новое Время» и въ объясненіяхъ, даваемыхъ мною на судѣ,—на покойнаго профессора И. В. Мушкетова крайне меня удивляетъ. Такъ какъ это заявленіе сдѣлано передъ судомъ, то я желалъ бы въ настоящій моментъ

Рейнъ. Скажите пожалуйста, говорили Вы мнѣ и Стахурскому о Вашемъ письмѣ Рейнвальду?

Мушкетовъ. Мое письмо было уже извѣстно.

Рейнъ. Развѣ Стахурскій Васъ не спрашивалъ, какимъ образомъ Вы вышли изъ группы?

Мушкетовъ. Онъ мнѣ никакого вопроса не предлагалъ, а скрывать мнѣ не было никакого смысла.

Рейнъ. Тогда Ваше посѣщеніе Стахурскаго непонятно.

Мушкетовъ. Вы меня будто укоряете, что я къ Вамъ и Стахурскому относился хорошо, это пожалуй, какъ говорилъ Мефферть, непослѣдовательно, но вообще я не былъ плохого мнѣнія о всѣхъ „своб.-д-щихъ".

Бѣлозоровъ. Вы были въ группѣ «патріотовъ»?

Мушкетовъ. Нѣтъ, я ничего на флотъ не пожертвовалъ.

Бѣлозоровъ. Но Вы подписывались подъ группой не желавшихъ баллотировать политическіе вопросы?

Мушкетовъ. Да, подписывался. Я не отрицаю, что до отказа я былъ даже «своб.-д-щимъ».

Бѣлозоровъ. Ну, это и будетъ тоже самое, потому что объ этомъ только и говорили и называли за это патріотами. Черезъ полчаса, послѣ записи своей въ списокъ „своб.-д-щихъ", Вы раскаялись, а вечеромъ были на совѣщаніи «своб.-д-щихъ» послѣ исключенія ихъ изъ корпораціи?

Мушкетовъ. Да, былъ.

Бѣлозоровъ. На совѣщаніи поднимался вопросъ о сообщеніи фамилій начальству и почти всѣми былъ отвергнутъ?

Мушкетовъ. Удостовѣряю, что рѣшили отрицательно.

Бѣлозоровъ. Когда было рѣшено послать всѣмъ членамъ Совѣта извѣщеніе объ изгнаніи изъ корпораціи, то нѣкоторые, скажу даже— многіе—протестовали противъ посылки къ Коновалову, такъ какъ на общей сходкѣ рѣшили не имѣть съ нимъ сношеній?

Мушкетовъ. Да, это было.

Бѣлозоровъ. Именно Вы убѣждали послать къ Коновалову!

Мушкетовъ. Это ложь!

Бѣлозоровъ. Въ свое время это будетъ удостовѣрено.

Мушкетовъ. Я именно говорилъ, что никоимъ образомъ къ Коновалову.

Воскресенскій. Не согласитесь ли Вы подтвердить, что когда 15 марта мы были исключены изъ общестуденческой корпораціи,

то Вы высказали мнѣніе, что насъ исключили только для того, чтобы безъ насъ образовать большинство?

Мушкетовъ. Я могъ это говорить. Мы всѣ тогда были возбуждены

Воскресенскій. Меня интересовало, что сынъ профессора Мушкетова былъ прогнанъ со сходки и я это очень хорошо помню.

Мушкетовъ. Я былъ вполнѣ достоинъ изгнанія и находился въ возбужденномъ состояніи и могъ говорить, что бы и не сказалъ въ другое время.

Воскресенскій. Мы вѣдь и имѣли основаніе такъ думать, такъ какъ даже Гапѣевъ похвалилъ Пятницкаго, когда послѣдній заявилъ, что онъ по вопросу о забастовкѣ будетъ держаться независимаго образа дѣйствія, то Гапѣевъ сказалъ, что смѣлое и искреннее заявленіе Пятницкаго во всякомъ случаѣ заслуживаетъ одобренія. Когда же Гапѣевъ увидѣлъ, что группа большая, то началъ ругаться.

Мушкетовъ. Тогда у всѣхъ было такое впечатлѣніе. Мы вѣдь всѣ были возбуждены.

Воскресенскій. Въ состояніи аффекта?

Мушкетовъ. Если хотите,—всѣ были въ состояніи аффекта.

Воскресенскій. Не настаивали ли Вы о посылкѣ депутатовъ, чтобы сообщить профессорамъ о расколѣ и тѣмъ сжечь корабли?

Мушкетовъ. Безусловно говорилъ. Разъ возникла такая партія, должны оповѣстить всѣхъ профессоровъ и Совѣтъ.

Воскресенскій. Не приходили ли къ Вамъ члены О. К. С. Г. И. съ предложеніемъ вычеркнуться изъ „своб. д-щихъ“, предупреждая: что противъ „своб. д-щихъ“ начнется кампанія и будутъ дѣйствовать, отовсюду и повсюду бойными орудіями?

Мушкетовъ. Никто ко мнѣ не приходилъ съ такого рода предложеніями.

Воскресенскій. Вы остановились въ партіи „свободомыслящихъ“, если узнаете, что изъ этой партіи держали экзамены, составляли группы и т. д., то уйдете ли Вы или нѣтъ?

Мушкетовъ. Если я узнаю, что у нихъ былъ такой же порядокъ, что и у „своб. д-щихъ“, то безусловно сочту невозможнымъ оставаться и въ этой партіи.

Грунвальдъ. Сдѣланное сыномъ профессора Мушкетова заявленіе относительно ссылокъ моихъ въ письмѣ въ «Новое Время» и въ объясненіяхъ, даваемыхъ мною на судѣ,—на покойнаго профессора И. В. Мушкетова крайне меня удивляетъ. Такъ какъ это заявленіе сдѣлано передъ судомъ, то я желалъ бы въ настоящій моментъ

сказать нѣсколько словъ по этому поводу. Мнѣ хорошо извѣстно что наслѣдники знаменитыхъ профессоровъ имѣютъ право на напечатаніе и изданіе ихъ сочиненій, но я никогда не думалъ, что наслѣдники имѣютъ право предъявлять свои претензіи на ссылки на сочиненія ихъ родственниковъ, какъ то сдѣлалъ сынъ профессора Мушкетова. Я ссылался на профессора Мушкетова всего два раза, одинъ разъ въ письмѣ въ «Новое Время», говоря, что И. В. Мушкетовъ въ 1901 г. своимъ авторитетнымъ профессорскимъ словомъ парализировалъ забастовку, во второй разъ я упоминалъ имя Мушкетова въ то время, когда говорилъ о запискѣ, въ составленіи которой принимали главное участіе ушедшіе профессора и которая вышла подъ редакціей профессора Мушкетова. Далѣе въ томъ же объясненіи я называлъ педагогическую систему, бывшую въ Горн. инст-тѣ до прошедшаго года,—Мушкетовской; но таково мнѣніе членовъ Совѣта Гор. инст-та, мнѣніе, высказанное нѣкоторыми изъ нихъ, здѣсь на судѣ. Слѣдовательно, не ссылаясь на сочиненія профес. Мушкетова, а говоря лишь о фактахъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію, я никакъ не предполагалъ, что могу вызвать неудовольствіе у его наслѣдниковъ. Поэтому сдѣланной сыномъ профессора Мушкетова заявленіе я считаю по меньшей мѣрѣ страннымъ.

Мушкетовъ. Текстъ можно освѣтить всяко, юридическое право Вы, конечно, имѣете. И я протестую противъ ссылки на автора, который само собой противъ того, въ защиту чего приводятся эти ссылки.

Грунвальдъ. Т. е. Вы считаете, что Ив. Вас. сторонникъ забастовки?

Васютинскій проситъ внести поправку.

Предсѣдатель отказываетъ, такъ какъ это не имѣетъ отношенія къ дѣлу и онъ предоставилъ лишь сыну сказать свое мнѣніе, какъ имѣвшему на то право.

Макаровъ. Когда Вы записались «своб. д-щимъ»? 12-го или 15-го?

Мушкетовъ. 15-го, но навѣрное не помню.

Макаровъ. Позвольте мнѣ Вамъ напомнить въ такомъ случаѣ. Вы записались 12-го и, предполагая, что забастовка можетъ пройти, торопились кончить чертежъ. Мы чертили съ Вами рядомъ, и разсуждали. Вы спросили: «что можетъ быть за то, что мы не подчиняемся»? Я сказалъ: «ну выгонятъ изъ корпораціи». Вы мнѣ отвѣтили: «и слава тебѣ Господи, не нужно будетъ ходить на сходки».

Мушкетовъ. Это были Ваши слова.

Макаровъ. Нѣтъ, это Вы говорили. Я тогда еще не былъ „своб. д-щимъ". Помните?

Мушкетовъ. Нѣтъ, не помню.

Макаровъ. Вы говорили, что изволили болѣть и нигдѣ не бывали?

Мушкетовъ. Да, изволилъ болѣть.

Макаровъ. Вы меня приглашали посовѣтоваться на счетъ лекцій, въ виду закрытія издательской лавочки и были здоровехоньки?

Мушкетовъ. Я Васъ не приглашалъ, а Вы сами пришли.

Макаровъ. Нѣтъ, Вы меня приглашали: я у Васъ раньше не бывалъ. Странная у Васъ память.

Мушкетовъ. У васъ тоже. Да я въ лекціяхъ не нуждался, у меня всѣ лекціи были.

Макаровъ. Ну, знаете, странная у Васъ память.

Предсѣдатель останавливаетъ.

Зерновъ. Скажите, Вы хорошо были знакомы съ Ауэрбахомъ?

Мушкетовъ. Да, съ дѣтскаго возраста, хотя особенно близкихъ отношеній у насъ не было. Я былъ у него всего раза два. Хотя встрѣчались часто.

Зерновъ. Почему при встрѣчѣ съ нимъ на набережной Вы ничего не сказали ему о письмѣ?

Мушкетовъ. Да, я о письмѣ ничего не говорилъ.

Зерновъ. Странно, что могъ быть разговоръ съ нимъ у Васъ о группахъ, объ экзаменахъ. Если бы Вы сказали о письмѣ, то и разговора бы не было вѣроятно..

Мушкетовъ. Я ему о письмѣ не говорилъ; а почему именно—я не знаю, связь событій я утерялъ; но по моему: все это дѣла не мѣняетъ.

Гессенъ. Скажите пожалуйста, какимъ образомъ возникъ вопросъ о посылкѣ профессорамъ списка „своб. д-щихъ"?

Мушкетовъ. Точныхъ свѣдѣній не могу сообщить.

Воскресенскій. Разрѣшите разъяснить, при какихъ обстоятельствахъ поднимался вопросъ о посылкѣ профессорамъ списка непризнавшихъ забастовку? Когда мы были исключены изъ корпораціи, то были предложены двѣ формулы, чтобы объявить о себѣ всѣмъ профессорамъ: первая—„мы, нижеподписавшіеся студ-ты"; вторая—„значительная группа студ-въ, будучи исключена изъ корпораціи". Прошла почти единогласно вторая формула. Высказались за вторую, чтобы упоминаніемъ фамилій не давать повода къ раздѣленію студ-въ **).

**) Въ черновикѣ свободомыслящихъ записано окончаніе послѣдней фразы такъ: «чтобы не дать повода для нападокъ».

Предсѣдатель. Вы подтверждаете это?

Мушкетовъ. Я подтверждаю вполнѣ то, что сказалъ Воскресенскій.

Каминка. Скажите пожалуйста, на сходкѣ «своб. д-щихъ» какое Вы получили впечатлѣніе: была ли это случайная группа и собираться дальше она не должна была?

Мушкетовъ. Правильной формулы не было. Впечатлѣніе было такое, что это начало организаціи.

Каминка. Не могу ли я узнать, какое письмо посылалъ Ауэрбахъ Бальди?

Ауэрбахъ. Вѣроятно Вы не были на томъ засѣданіи, когда уже говорилось объ этомъ письмѣ, до меня дошли слухи, что субъ-инспекторъ Бальди посылалъ будто бы ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы я записалъ въ группу и поручился. Тогда я ему написалъ письмо, въ которомъ говорилъ, что прошу никого ко мнѣ не посылать въ виду того, что я категорически отказываюсь отъ выдачи какихъ бы то ни было рекомендацій.

Каминка. Значитъ Вы больше не хотѣли давать рекомендацій?

Ауэрбахъ. Я очень радъ, что Вы переспросили, такъ какъ Вы, кажется, не понимаете мои слова: я настоятельно заявляю, что рекомендацій никакихъ никому не давалъ и писалъ только для пресѣченія циркулировавшихъ слуховъ.

Каминка. Вы отрицаете только свое участіе?

Ауэрбахъ. Не принималъ и не намѣревался принимать участіе въ поручительствѣ.

Допросъ Бутырина.

Бутыринъ. Вскорѣ послѣ обструкціи я встрѣтился со студ-мъ Кутыринымъ. На мои слова, что въ составленіи списковъ принимали участіе студ-ты, онъ мнѣ сказалъ, что ему извѣстенъ одинъ такой случай.

Предсѣдатель. Какихъ списковъ?

Бутыринъ. Списки обструкціонистовъ. Фамиліи онъ мнѣ не называлъ, но сказалъ, что ему извѣстна одна фамилія.

Предсѣдатель. Т. е. фамилія студ-та, помогавшаго инспекціи?

Бутыринъ. Да.

Предсѣдатель. А Вы не поинтересовались узнать, кто это?

Бутыринъ. Нѣтъ, не спросилъ; да и спрашивать было неудобно, т. к. мы съ нимъ были мало знакомы.

Предсѣдатель. А по какому же поводу зашелъ у Васъ этотъ разговоръ?

Бутыринъ. Мы жили въ меблированныхъ комнатахъ и встрѣтились въ корридорѣ. Я его спросилъ: «Вы слышали, что студ-ты

помогаютъ составлять списки»? Онъ мнѣ заявилъ, что эти слухи имѣютъ основаніе.

Предсѣдатель. Вы тогда знали, что Кутыринъ «своб.д-щій»?

Бутыринъ. Зналъ, что Кутыринъ почти «своб.д-щій», мнѣ неловко было разспрашивать.

Предсѣдатель. Поэтому Вы къ нему за разъясненіями и не обратились?

Бутыринъ. Да.

Предсѣдатель. А онъ знаетъ, что Вы не «своб.д-щій»?

Бутыринъ. Не знаю.

Кутыринъ. Возможность такого разговора я не отрицаю, хотя его и не помню. Прекрасно зналъ, что Вы не «своб.д-щій». Но положительно отрицаю, что могъ говорить, какъ о достовѣрно мнѣ извѣстномъ фактѣ. Я легко могъ сказать, что мнѣ называли лицо, помогавшее инспекціи, но такъ какъ эти слухи доходили до меня, даже не черезъ очевидцевъ, то я не счелъ бы себя въ правѣ называть фамиліи.

Предсѣдатель. Но Вы не отрицаете разговора?

Кутыринъ. Возможности разговора я не отрицаю.

Гессенъ (къ Бутырину). Вы сказали, что Кутыринъ знаетъ не по слухамъ, а какъ фактъ.

Бутыринъ. Ему извѣстны факты.

Кутыринъ. Я на обструкціи не былъ и потому самъ знать не могъ, и не могъ говорить какъ о фактѣ.

Допросъ Пилетича.

Пилетичъ. 5-го апрѣля я съ Новожиловымъ пошелъ къ инст-ту. Около него гуляли группы студ-въ. Къ намъ присоединились Рашеевъ и Вучиничъ и мы вчетверомъ гуляли по набережной. Въ 9 съ четвертью час. утра выходитъ студ-тъ....

Зерновъ. Откуда выходитъ?

Пилетичъ. Изъ инст-та. Я съ этимъ студ-мъ не знакомъ. Онъ поздоровался съ Рашеевымъ и сказалъ: «Совѣтую здѣсь не гулять. Я видѣлъ Бальди и студ-та Грунвальда—стоятъ у окна и записываютъ гуляющихъ». Я взошелъ на портикъ и, такъ какъ нижняя часть оконъ матовая, то я приподнялся и увидалъ черезъ окно въ геологическомъ кабинетѣ Бальди, рядомъ съ которымъ лежала бумага, бинокль и стоялъ студ-тъ Грунвальдъ. Новожиловъ, Вучиничъ и я были уволены послѣ 5 апр.

Предсѣдатель. Такъ что Вы положительно утверждаете, что видѣли Грунвальда рядомъ съ Бальди?

Пилетичъ. Да.

Предсѣдатель. Это было 5 апр. въ геологическомъ кабинетѣ?

Пилетичъ. 5 апрѣля.

Леонтьевъ. А Вы сами гдѣ же были, когда въ геолог. кабинетѣ Бальди и будто бы Грунвальдъ записывали?

Пилетичъ. На противоположной сторонѣ—набережной.

Леонтьевъ. Геологическій кабинетъ гдѣ находится?

Пилетичъ. Его окна выходятъ, подъ навѣсъ (портикъ), на набережную.

Леонтьевъ. Если окна выходятъ подъ навѣсъ и Бальди понадобился бинокль, чтобы извнутри видѣть, то какъ же Вы могли видѣть?

Пилетичъ. Я подошелъ къ окну.

Леонтьевъ. Подошли къ окну! А что Бальди Васъ лично знаетъ?

Пилетичъ. Знаетъ.

Леонтьевъ. А другихъ?

Пилетичъ. Знаетъ, кромѣ Рашеева.

Леонтьевъ. Такъ что Бальди не нужна была помощь Грунвальда, чтобы Васъ записать?

Пилетичъ. Не знаю; я видѣлъ, что около Бальди стоитъ Грунвальдъ, а зачѣмъ, не знаю.

Леонтьевъ. Безъ помощи Грунвальда могъ обойтись?

Пилетичъ. Могъ воспользоваться его услугами, для незнакомыхъ.

Леонтьевъ. А Новожиловъ и Рашеевъ новички?

Пилетичъ. Рашеевъ на 1-мъ курсѣ и Бальди его не знаетъ.

Леонтьевъ. А Новожиловъ?

Пилетичъ. На 3-мъ, Бальди его знаетъ.

Кутыринъ. Скажите, Рашеевъ и Вучиничъ уволены?

Пилетичъ. Вучиничъ былъ уволенъ, но принятъ обратно по прошенію. Рашеевъ не былъ уволенъ.

Кутыринъ. Былъ слѣдовательно уволенъ?

Пилетичъ. Вучиничъ—да.

Кутыринъ. Когда у Васъ былъ разговоръ съ Коцовскимъ и Коноваловымъ, во время котораго они Вамъ говорили, что Вы уволены по свидѣтельству товарищей?

Пилетичъ. 6-го апр. въ часъ съ половиной я говорилъ съ Коцовскимъ, когда пришелъ получать стипендію. Отъ Коновалова слышалъ осенью.

Кутыринъ. Вы присоединились къ резолюціи, осуждавшей Коноваловскій режимъ?

Пилетичъ. Безусловно.

Кутыринъ. Сколько прошеній Вы подали ему объ обратномъ пріемѣ?

Пилетичъ. Два. Это объясню потомъ.

Кутыринъ. Два? А не больше? Слѣдуетъ сдѣлать справку въ инст-тѣ.

Леонтьевъ. Вы фамилію, подошедшаго къ Рашееву, студ-та знаете?

Пилетичъ. Нѣтъ, не знаю.

Меффертъ. Разскажите Вашъ разговоръ съ Коцовскимъ, по поводу Вашего увольненія.

Пилетичъ. Могу разсказать. Разговоръ былъ довольно курьезный. Пришелъ я въ ин-тутъ 6-ого апр. въ половинѣ второго, главнымъ образомъ для того, что бы получить стипендію. Въ ин-тъ не пускали, и для того, что бы попасть въ него, нужно было черезъ сторожа передать карточку свою съ обозначеніемъ мотивовъ свиданія. Я такъ и сдѣлалъ, написалъ на карточкѣ, что желаю поговорить относительно стипендіи. Немножко обождалъ, потомъ пустили. Въ вестибюлѣ меня встрѣтилъ Коцовскій. «Отъ чего-же я Ник. Дмитр. не получаю билета на право входа въ ин-тъ, когда я на всѣ вопросы, опроснаго листка Совѣта отвѣтилъ утвердительно»?—спросилъ я Коцовскаго. «Господинъ, гдѣ же Вы были до сихъ поръ?»—«Да я тутъ все время, только къ Вамъ-то въ ин-тъ, нельзя никакъ попасть, Вы себя окружили со всѣхъ сторонъ сторожами, жандармеріей и кавалеріей,—не на воздушномъ-же шарѣ мнѣ влѣтать, а я все время ждалъ билета». Сторожа стали смѣяться и Коцовскій, очевидно, смутившись, беря меня подъ руку повелъ въ корридоръ говоря: «Вы г. Пилетичъ выражайтесь осторожнѣе, а Вы кажется не затѣмъ пришли?» «Да, я пришелъ за стипендіей—получить ее»! «Вы стипендію получить не можете, потому что уволены Совѣтомъ 5-ого апр.»—За что меня уволили?—«Вы принимали участіе въ обструкціи и гуляли около ин-та».—«Странно, нельзя развѣ гулять, а на обструкціи кто меня видѣлъ»?—«Товарищи и потвердили сторожа». «Вы не имѣли никакого права увольнять меня по чьимъ то доносамъ»!—«Это господинъ, не доносы а доказательство,—но вѣдь Вы можете остаться въ ин-тѣ, если только подадите записку въ Совѣтъ съ разскаяніемъ». «Хорошо, буду имѣть въ виду, а какъ на счетъ стипендіи»?—«Трудно, Вы теперь не студентъ, а Вамъ стипендія какъ ст-ту назначена».—«Но я 1-аго апр. числился ст-томъ, а тогда мнѣ должны были выдать ее, я за это буду жаловаться министру».—«Обождите, сказалъ Коцовскій и ушелъ, вѣроятно, къ Коновалову. Черезъ 15 мин. пришелъ и сказалъ: «Вы стипендію можете полу-

чить, но должны дать такую записку, пойдемте, я Вамъ продиктую». Въ кассѣ, въ присутствіи кассира (г. Останковича), онъ мнѣ началъ диктовать, помню начиналась такъ: «чувствуя за собою нравственное право въ полученіи стипендіи . . . . и въ концѣ обязательство, что въ случаѣ недоразумѣнія, вернуть ее. Получивъ стипендію, ушелъ. На слѣдующій день, ко мнѣ пришелъ офицеръ полицейскій съ околоточнымъ и бумагой градоначальника о высылкѣ меня изъ Петербурга въ выбранное мною мѣсто въ Россіи,— но такъ какъ я за все это время никуда изъ Петербурга недвигался, то я затруднялся назначить мѣсто. Предложилъ я Царское село или Парголово—не разрѣшили, считая это пригородками. Я такъ бумаги и не подписалъ, и они посовѣтовали обратиться къ гр-ку, что я и обѣщалъ сдѣлать. На слѣдующій день пошелъ, но пріема не было,—вечеромъ, тѣ-же полицейскіе, являются, съ этой-же бумагой, предлагали подписать или меня они вышлютъ сами туда, гдѣ они найдутъ удобнымъ. Тутъ-же, онъ мнѣ прочелъ бумагу, по которой я бы могъ остаться въ Петербургѣ, если меня возьметъ на поруки жена или родные (отецъ или мать). Но такъ у меня никого нѣтъ, то онъ шутя говоритъ: «развѣ нельзя найти кого — нибудь въ родѣ жены»! Я былъ принужденъ подписать бумагу, по которой долженъ въ теченіе 24 часовъ оставить столицу. Рано утромъ отправился я къ Коцовскому, за совѣтомъ. Онъ, конечно, посовѣтовалъ подать прошеніе, что я и сдѣлалъ;—но такъ какъ прошеніе мое не удовлетворяло Совѣтъ—Коновалова, ибо оно было очень коротко, приблизительно такого содержанія: «не чувствуя за собою такого преступленія, за которое могъ бы бытъ лишенъ ин-та, то прошу Совѣтъ вернуть меня обратно» а Коцовскаго просилъ объяснить мое положеніе, что онъ и обѣщалъ сдѣлать. Я на это прошеніе не надѣялся и пошелъ просить знакомыхъ идти и поручиться у гр-ка за меня. На этомъ прошеніи мнѣ отказали. Коцовскій посовѣтовалъ написать второе, но въ другомъ духѣ. Я согласился, только все-таки смыслъ его былъ какъ и въ первомъ. И на этомъ мнѣ было отказано. Вотъ тѣ два прошенія объ которыхъ желалъ узнать г. Кутыринъ. Къ этому времени гр—къ Фуллонъ уже разрѣшилъ моему знакомому взять меня на поруки, но съ условіемъ «не ходить въ ин-тъ и не вмѣшиваться за это время въ дѣла ин-та». Черезъ недѣлю получивъ практику, я уѣхалъ.

Осенью я былъ принятъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Вернувшись явился къ Коновалову. Принялъ онъ меня очень любезно — «очень радъ Васъ видѣть, водворившемся опять въ стѣнахъ ин-та». Началъ го-

ворить о переустройствѣ ин-та. «Переустройство-то ничего, а вотъ что ст-ты другъ на друга косятся и невооруженнымъ опасно ходить». сказалъ я «Какъ такъ»?—«Да вотъ видите—(показалъ ему револьверъ),—жаль, все-таки, годъ потерялъ». «Ничего не подѣлаешь, Вы были занесенны въ списокъ обструкціонистовъ, но я сомнѣвался, и Вы были вычеркнуты,—но потомъ когда убѣдились что Вы намѣреваетесь опять ворваться въ ин-тъ, ибо гуляли съ уволенными уже обструкціонистами и когда нѣкоторые, Ваши товарищи потвердили присутствіе Ваше на обструкціи,—я тогда Васъ не могъ больше отстаивать». Я его поблагодарилъ и ушелъ. Вотъ и все что я могу сказать.

Грунвальдъ. Я обращаю вниманіе суда на то обстоятельство, что ко мнѣ нельзя предъявить общихъ групповыхъ обвиненій, напр. въ составленіи экзаменаціонныхъ списковъ; поэтому ко мнѣ предъявляются обвиненія частныя. По поводу показаній г. Пилетича я долженъ сдѣлать слѣдующее разъясненіе: осенью прошлаго года въ лабораторіи распространился слухъ, что нѣкоторые изъ противниковъ «своб.д-щихъ» разсказываютъ, будто я содѣйствовалъ г. Бальди въ составленіи списковъ исключенныхъ и уволенныхъ студ-въ, наблюдалъ съ нимъ вмѣстѣ въ окно и сообщалъ ему фамиліи. Это плодъ возбужденной фантазіи. Я, въ то время, не придалъ большого значенія этимъ слухамъ, но все же отправился къ Бальди и заявилъ ему: «Вотъ распространяются какіе слухи; Вы можете ихъ опровергнуть». На это Бальди мнѣ заявилъ: «я когда угодно и подъ какой угодно присягой покажу, что Вы мнѣ никогда ничего не говорили, а самое лучшее я Вамъ объ этомъ дамъ записку». Эта записка получена и ее подписали Бальди, Воронинъ и профес. Шредеръ и Асѣевъ, съ которыми я, въ этотъ день, 5 апр., все время разговаривалъ въ чертежной 5 курса о расписаніи экзаменовъ и вообще о положеніи инст-та. Между прочимъ, былъ слѣдующій инцидентъ. Во время разговора съ профессорами пришли Леманъ и Бауэръ; послѣдній возмущенно разсказалъ, что, когда они шли въ инст.; къ нимъ сзади подошелъ Стомоняковъ и ткнулъ Бауэра палкой въ спину. Все, что говорилъ объ мнѣ г. Пилетичъ, есть не что иное, какъ клевета! (Передаетъ суду записку Бальди)*.

Предсѣдатель останавливаетъ Грунвальда, проситъ воздерживаться отъ оскорбительныхъ выраженій, дабы не затруднять суду его задачу.

Грунвальдъ. Я извиняюсь передъ судомъ.

Соколовъ Викт. На чемъ Вы основываетесь, утверждая, что студ-тъ Вучиничъ уволенъ?

Пилетичъ. Онъ мнѣ говорилъ, что былъ уволенъ и по подачѣ прошенія былъ принятъ обратно.

Соколовъ. Меня это удивляетъ. Онъ былъ записанъ въ 1-й группѣ 2-го курса поданной 7 апр. Какъ же онъ могъ поспѣть съ 5-го на 7-е быть уволеннымъ, подать прошеніе, быть обратно принятымъ и записаться въ группу?

Пилетичъ. Я этого не знаю, онъ самъ подтвердитъ.

Зерновъ. Бальди здѣсь говорилъ, что онъ дѣлалъ наблюденіе изъ частнаго кабинета Коновалова.

Пилетичъ. Нѣтъ, я его тамъ не видалъ.

Зерновъ. Въ какую комнату вы заглядывали? Гдѣ видѣли Бальди?

Пилетичъ. Въ геологическомъ кабинетѣ.

Зерновъ. А это, рядомъ?

Пилетичъ. Нѣтъ, на противоположномъ концѣ того-же этажа со сквозными дверями.

Зерновъ. Вы сами видѣли Грунвальда?

Пилетичъ. Да.

Зерновъ. Весной вы объ этомъ говорили?

Пилетичъ. Своему кружку.

Зерновъ. Въ бюллетеняхъ, однако, этого не было?

Пилетичъ. Не было, кажется.

Зерновъ. Почему вы этого не передали Орг. комитету?

Пилетичъ. Я тогда былъ занятъ, какъ себя устроить, съ полиціей, которая меня безпокоила.

Зерновъ. Все же это настолько ужасный фактъ, что надо было сказать тогда же.

Пилетичъ. Я не считалъ этого важнымъ, такъ какъ мы были убѣждены, что наши товарищи, т. е. бывшіе товарищи,—принимали участіе въ составленіи списка.

Зерновъ. Все таки мнѣ непонятно, какимъ образомъ вы тогда этого не огласили? Вѣдь около 5 апрѣля было горячее время, когда всѣ эти факты обсуждались и передавались! Бюллетени вы сами видѣли?

Пилетичъ. Да, нѣкоторые читалъ.

Зерновъ. Тамъ фамилій было мало?

Пилетичъ. Да, мало.

Зерновъ. Вѣдь нужны были достовѣрные факты, а не общія указанія?

Пилетичъ. Я это упустилъ изъ виду; я какъ уже сказалъ, былъ занятъ вопросомъ, какъ устроиться съ полиціей.

Зерновъ. А какую стипендію вы получали?

Пилетичъ. Министерства иностранныхъ дѣлъ.

Предсѣдатель (читаетъ удостовѣреніе, выданное Грунвальду, Бальди и Воронинымъ съ припиской профессоровъ: Шредера и Асѣева*).

Мефферть. Показанія Пилетича подтвердятъ слѣдующіе свидѣтели.

Нечаевъ. Когда вы пугали Коновалова огнестрѣльнымъ оружіемъ, вы не объяснили ему,—почему вы ходите съ этимъ предметомъ?

Пилетичъ. Собственно, я когда пріѣхалъ тогда съ практики, слыхалъ о „мордобитіи" въ ин—тѣ и носилъ на „всякій случай".

Нечаевъ. Но въ институтѣ противъ кого собственно вы запасались этимъ орудіемъ самозащиты?

Пилетичъ. Противъ того, кто нападетъ на меня.

Нечаевъ. Такъ что, увидѣвъ нѣкоторыхъ воинственно настроенныхъ студентовъ, вы хватались за карманъ съ револьверомъ и порадовались своей безопасности. Или вы просто, сидя у Коновалова, жизни въ картину прибавили?

Пилетичъ. Я никакой картины не рисовалъ и не рисую, а разсказываю факты.

Предсѣдатель. Имѣли-ли въ виду слухи о столкновеніяхъ между товарищами?

Пилетичъ. Да, безусловно.

Нечаевъ. Слуховъ не было. Просто это ваше впечатлѣніе. Вы пришли, схватились за карманъ и обрадовались, что револьверъ съ вами.

Снятковъ. Считаю нужнымъ заявить, что Воронинъ заявилъ суду 5 апрѣля, что онъ не былъ внизу и, по порученію Коновалова, былъ занятъ дѣломъ и ничего относительно записей не зналъ, такъ что свидѣтельство его довольно странное.

Пападаки. 5 апрѣля я подошелъ къ институту, увидѣлъ группу студентовъ и слышалъ отъ нихъ, что студенты помогаютъ Бальди составлять списокъ. Педашенко, Скорчелетти и Стомоняковъ говорили, что студентъ стоитъ въ окнѣ рядомъ съ Бальди и помогаетъ ему составлять списокъ. Я посмотрѣлъ и увидѣлъ силуэтъ студента рядомъ съ Бальди. Категорически утверждать, что это былъ Грунвальдъ, не могу, но по облику былъ похожъ на Грунвальда.

Зерновъ. А вы откуда смотрѣли? Съ улицы или подходили къ окну?

Пападаки. Я смотрѣлъ съ другой стороны. Близко не подходилъ.

Предсѣдатель. Это окно не подъ портикомъ? Не съ матомъ внизу?

Пападаки. Нѣтъ. Это окно свѣтлое, выходитъ на набережную, 2-е, отъ угла 21 лин.

Зерновъ. Можетъ быть это былъ Коноваловъ, а не студентъ?

Пападаки. Нѣтъ, это былъ студентъ.

Нечаевъ. Почему же вы думаете, что былъ студентъ, а не Коноваловъ, который могъ быть въ инженерномъ сюртукѣ — на немъ нѣтъ только наплечниковъ?

Пападаки. Я замѣтилъ наплечники.

Нечаевъ. А лица не разглядѣли?

Пападаки. Немного—помню даже, что это былъ брюнетъ.

Соколовъ. Откуда вы смотрѣли на окно?

Пападаки. Съ тротуара, у самой Невы.

Соколовъ. А былъ солнечный день?

Пападаки. Да, солнечный, но навѣрное не помню.

Соколовъ. Дѣло въ томъ, что если вы въ солнечный день посмотрите на окно, то оно окажется темнымъ и ничего разглядѣть въ немъ нельзя.

Пападаки. Вѣроятно въ этотъ моментъ солнце спряталось.

Предсѣдатель. Вы ясно видѣли двѣ фигуры?

Пападаки. У меня было впечатлѣніе, что стоялъ студентъ.

Предсѣдатель. Вы были тогда не одни?

Пападаки. Нѣтъ, не одинъ.

Зерновъ. Значитъ, раньше студенты говорили: «Вотъ стоитъ Бальди и студентъ. Посмотрите!»

Пападаки. Да, говорили, и я посмотрѣлъ.

Леонтьевъ. Окна директора куда выходятъ? на линію или на набережную?

Пападаки. Окна выходятъ кажется на линію. Я мало знакомъ съ расположеніемъ нижняго этажа.

Леонтьевъ. Вы говорили объ окнахъ директорскаго кабинета или геологическаго?

Пападаки. Я говорю о директорскомъ.

Зерновъ. Значитъ это не то окно, что съ матовой нижней частью?

Пападаки. Не то.

Грунвальдъ. Обращаю вниманіе на то, что окна геологическаго кабинета и директорскаго на очень большомъ разстояніи.

Леонтьевъ. Можетъ профессора объяснятъ это?

Бауманъ. Если это окно, выходящее на линію, то оно принадлежитъ квартирѣ директора.

Допросъ Брушвита.

Брушвитъ. Я могу показать только относительно Грунвальда. Я его видѣлъ въ окнѣ вестибюля 5 апрѣля. Это было утромъ; насъ было трое, въ томъ числѣ, кажется, Новожиловъ. Мы прошли до будки, что у маслянаго буяна; тамъ сидѣлъ приставъ; вернулись обратно. За этотъ промежутокъ времени Грунвальдъ стоялъ въ вестибюлѣ около столика. Тутъ нѣсколько разъ высунулась въ простѣнкѣ чья-то рыжая физіономія. Тутъ кто-то сказалъ: вотъ Грунвальдъ стоитъ со шпіономъ.

Въ продолженіе суда Звѣревъ чертитъ планъ.

Предсѣдатель. Вы говорили, что видѣли Грунвальда: вы его вообще хорошо знали?

Брушвитъ. Зналъ и видѣлъ отчетливо.

Предсѣдатель. Почему вы обратили вниманіе на Грунвальда? Какое на васъ впечатлѣніе произвело?

Брушвитъ. Мнѣ показалось подозрительно. И объ этомъ я передъ отъѣздомъ говорилъ многимъ, сказалъ одному, изъ ушедшихъ профессоровъ.

Долбня. Мнѣ.

Предсѣдатель. Когда вы прошли одинъ и другой разъ, вы оба раза видѣли Грунвальда?

Брушвитъ. Видѣлъ его оба раза: стоялъ-ли онъ больше—не знаю.

Зерновъ. Это было въ швейцарской?

Предсѣдатель. А Бальди стоялъ тутъ?

Брушвитъ. Не знаю. Бальди я не видѣлъ. А только двѣ фигуры Грунвальда и физіономію съ рыжей бородкой.

Соколовъ. Кто это былъ—рыжая борода?

Брушвитъ. Кто онъ былъ — не знаю. Къ учебному персоналу онъ не принадлежалъ.

Соколовъ. Т. е. какъ это къ учебному?

Брушвитъ. Вообще онъ видимо не служилъ въ институтѣ, я его до той поры не видалъ.

Леонтьевъ. Онъ былъ въ формѣ?

Брушвитъ. Нѣтъ, не въ формѣ.

Допросъ студента Стахевича.

Стахевичъ. Въ этотъ день я былъ на набережной. Студенты собирались кучками и ходили по тротуару со стороны набережной.

Со мной были Мироновъ, Алексан. Смирновъ и др. Подходитъ какой-то студентъ I курса и говоритъ: «Мнѣ прислали входный билетъ, что мнѣ съ нимъ дѣлать?» Кто-то посовѣтовалъ: «Войдите въ институтъ, посмотрите, что тамъ дѣлается». Потомъ онъ выходитъ изъ института. Мы спрашиваемъ: «Есть полиція?» «Нѣтъ, но не ходите около окна: тамъ стоитъ Бальди и Грунвальдъ и записываютъ фамиліи». Впрочемъ, можетъ быть, назвалъ другую фамилію. Въ то время мы не придали значенія этому факту, такъ что не знаю фамилію этого студента I курса. Я его послѣ искалъ, но ни разу не встрѣтилъ. На сходкѣ говорилъ объ этомъ фактѣ и просилъ этого студента назваться, но никто не отозвался.

Предсѣдатель. А вы лично не видѣли Грунвальда?

Стахевичъ. Нѣтъ, не видѣлъ. Я не ходилъ смотрѣть, изъ опасенія быть записаннымъ.

Предсѣдатель. Изъ опасенія?! А то обстоятельство, чтобы провѣрить такое серьезное обвиненіе васъ не занимало?

Стахевичъ. Я передаю то, что я знаю.

Леонтьевъ. Этого студ-та потомъ Вы не встрѣчали?

Стахевичъ. Никогда не встрѣчалъ. Я разспрашивалъ отдѣльныхъ лицъ, но установить не удалось.

Леонтьевъ. Физіономія его у Васъ запечатлѣлась?

Стахевичъ. Не ручаюсь. Былъ такой случай. Я подошелъ къ одному студ-ту, думая, что это тотъ самый и ошибся.

Леонтьевъ. А раньше Вы его не встрѣчали?

Стахевичъ. Нѣтъ, никогда.

Предсѣдатель. А Грунвальта Вы раньше знали?

Стахевичъ. Собственно, не зналъ. Я даже не зналъ, что это онъ говорилъ на сходкѣ.

Предсѣдатель. А вы на сходкѣ были?

Стахевичъ. Да.

Соколовъ. Какъ вы объясняете, что студ-тъ I курса, рѣдко бывающій въ инст. могъ знать Грунвальда, котораго вы не знали?

Стахевичъ. Изъ чего Вы заключили, что тотъ студ-тъ рѣдко ходилъ въ инс-тъ?

Соколовъ. Да изъ того, что Вы его, не смотря на Ваши колоссальныя усилія, не могли найти.

Стахевичъ. Да я и не особенно старался тогда.

Соколовъ. А напрасно.—Обвиненіе слишкомъ тяжелое. Вашъ прямой долгъ и обязанность было разыскать.

Стахевичъ. Да мы тогда не знали, что будетъ дѣло, а то мы бы постарались запастись болѣе основательными доказательствами.

Показаніе студ-та Лыщинскаго.

Лыщинскій. Студ-тъ Калнинъ передавалъ мнѣ слѣдующее: когда онъ обратился въ инспекцію за билетомъ, то оттуда его послали къ студ-ту Духоню. Духонь встрѣтилъ его важно, въ бѣломъ жилетѣ и на его просьбу записать отвѣтилъ: «я Васъ не знаю и занести въ списокъ не могу». Этотъ разговоръ происходилъ въ инст-тѣ, передъ канцеляріей, послѣ совѣщанія относительно экзаменовъ 4 курса, который былъ для этого вызванъ.

Духонь проситъ слова и дѣлаетъ заявленіе. Ко мнѣ дѣйствительно обращались студ-ты Калнинъ и Рабчевскій. Отъ перваго я имѣю письмо, разъясняющее этотъ вопросъ; къ нему же приложено удостовѣреніе отъ Бальди и Воронина въ томъ, что никакого участія въ составленіи экзаменаціонныхъ списковъ я не принималъ. Рабчевскій, къ сожалѣнію, уѣхалъ и подобнаго письма отъ него я получить не могъ. (Передаетъ Предсѣдателю письмо и проситъ огласить).

Предсѣдатель оглашаетъ письмо. Въ первыхъ числахъ апрѣля мѣсяца, я слышалъ отъ студ-въ, что студ-тъ Духонь собираетъ группу, желающихъ держать экзамены—(согласно предоставленному Совѣтомъ инст-та праву собирать всякому желающему студ-ту группу въ 35—37 челов. для экзамена, что было вывѣшено на дверяхъ инст-та). — Обратясь вмѣстѣ со студ-мъ Рабчевскимъ къ студ-ту Духоню съ просьбой записать насъ въ экзаменаціонную группу, намъ студ-тъ Духонь отвѣтилъ, что никакой группы онъ не собираетъ и что самъ онъ записался въ группу 4 курса, собранную студ-мъ Дэви и Ауэрбахомъ къ которымъ, если мы желаемъ, мы и можемъ обратиться съ нашей просьбой; но вслѣдствіе того, что студ-ты Дэви и Ауэрбахъ живутъ далеко, мы попросили Духоня передать имъ нашу просьбу, такъ какъ онъ можетъ видѣть Дэви и Ауэрбаха на экзаменахъ, на что онъ любезно согласился. Черезъ нѣсколько дней я встрѣтилъ Духоня на улицѣ, онъ остановилъ меня и заявилъ мнѣ, что мою просьбу къ сожалѣнію исполнить не могъ, такъ какъ на I группѣ Дэви и Ауэрбахъ уже записалось около 40 человѣкъ, между тѣмъ, какъ по положенію должно быть только 35 человѣкъ, но что онъ слышалъ отъ студ-въ, что собирается 2 группа и чтобы я по этому вопросу обратился къ инсп. Бальди, такъ какъ выдачею билетовъ вѣдаетъ исключительно инспекція, но не студенты. Ко всему вышеизложенному, считаю нужнымъ заявить, что студ-та Духоня я до тѣхъ поръ не зналъ, знакомъ съ нимъ не былъ и никакого во-

проса о принадлежности моей къ той или другой группѣ студ-тъ Духонь мнѣ не предлагалъ.

Ст. А. Калнинъ.

Духонь. Къ этому письму я могу дать объясненіе, почему именно ко мнѣ обратились, не смотря на то, что я группъ не составлялъ. Дѣло въ томъ, что я имѣю дурную привычку сдавать большинство предметовъ въ году на зачетныхъ репетиціяхъ. (Это я думаю, не откажется подтвердить Ив. П. Долбня). Вполнѣ естественно, что экзамены я стремлюсь сдать какъ можно раньше, въ числѣ оставшихся немногихъ предметовъ у меня была и горная статистика. Въ 1904 г. экзаменъ по горной статистикѣ, преподавателя г-на Иванова, первый разъ былъ назначенъ въ концѣ мая; я обратился къ Бальди съ вопросомъ: нельзя ли устроить его раньше и просилъ письменно справиться, объ этомъ, у Иванова, прибавивъ, что вѣроятно, кромѣ меня, найдутся и еще другіе желающіе и можно будетъ составить цѣлую группу. Изъ этихъ разговоровъ вѣроятно Бальди и заключилъ, что я собираю группу и какъ говорятъ, послалъ ко мнѣ нѣкоторыхъ студ-въ за записью. Ивановъ отвѣтилъ отказомъ, о чемъ я и сообщилъ тѣмъ, которые приходили ко мнѣ за справками по этому вопросу.

Долбня. Позвольте мнѣ сдѣлать заявленіе относительно репетицій Духоня.

Зерновъ. Вѣдь это не существенно.

Долбня. А все-таки. Г-на Духоня я знаю за студ-та весьма усерднаго, но при переходѣ со второго на третій курсъ по моему предмету онъ ничего не зналъ.

Духонь. Но я держалъ тогда за два курса и...

Предсѣдатель прерываетъ пререканія.

Гливицъ. По этому же дѣлу у меня имѣется письмо Маргуліеса, которое я и прошу огласить. (Передаетъ письмо предсѣдателю. Предсѣдатель оглашаетъ письмо при дѣлѣ)*.

Духонь. Я категорически протестую противъ содержанія этого письма. Я жилъ въ одномъ домѣ съ Маргуліесомъ и при одной встрѣчѣ съ нимъ мы разговорились о забастовкѣ. Я ему сказалъ; къ Вамъ вѣроятно придутъ съ двумя баллотировочными листами— за и—противъ забастовки, когда будете подписывать, имѣйте въ виду, что есть еще и третій, съ „особымъ мнѣніемъ“, ручаться же я ни въ коемъ случаѣ не могъ, ибо уже сказалъ, ни какого участія въ составленіи группъ я не принималъ.

Гливицъ. Въ комнатѣ у Маргуліеса, въ это время, былъ и студ-тъ

Маковскій, который можетъ подтвердить это письмо: разговоръ происходилъ въ передней.

Духонь. Да, я пришелъ къ Маргуліесу за своими лекціями, которыя онъ у меня взялъ. Онъ въ это время готовился къ экзамену. Я даже не входилъ къ нему въ комнату и оставался въ передней, пока Маргуліесъ вынесъ мнѣ лекціи, никакихъ разговоровъ съ предложеніемъ войти въ группу я не велъ, такъ какъ былъ мало знакомъ съ Маргуліесомъ и счелъ бы неудобнымъ, навязываться ему.

Васютинскій. Маргуліесъ и мнѣ говорилъ объ этомъ, когда я удивлялся, какъ онъ получилъ билетъ.

Ауэрбахъ. Я могу разъяснить суду недоразумѣніе съ билетами: тутъ говорилъ Бокій и еще кто-то, что они получали отказы отъ билетовъ на 2-е, я тоже получилъ отказъ, также Фойгтъ, Эйлеръ и др. Отказъ былъ посланъ всѣмъ и потомъ были посланы новые билеты. Можетъ быть Маргуліесъ получилъ билетъ изъ первой партіи, разосланной въ алфавитномъ порядкѣ?

Гливицъ. Маргуліесъ получилъ бѣлый билетъ—постоянный.

Предсѣдатель. Здѣсь идетъ рѣчь о бѣломъ билетѣ на всѣ дни.

Мефферть. Дѣло въ томъ, что на 2 апрѣля получили отказы всѣ студ-ты 4 курса.

(Гливицъ передаетъ Предсѣдателю бѣлый билетъ «на всѣ дни» какъ образчикъ»*.

Ковалевскій. Билетъ за курсовое совѣщаніе я получилъ, былъ бѣлый и вообще первые, разовые билеты были бѣлые.

Предсѣдатель предлагаетъ, по заявленію Мефферта, дать показанія студ-ту Стопневичу.

Стопневичъ. Въ началѣ апрѣля, послѣ обструкціи, числа 5—6 апр. я получилъ по почтѣ постоянный билетъ для входа въ инст-тъ. Я уже слышалъ о поручительствѣ; заинтересованный, я пошелъ на другой день въ инст-тъ, чтобы провѣрить этотъ слухъ, спросилъ у Бальди, почему я получилъ, а другіе нѣтъ? Бальди сказалъ: «Чтобы получить билетъ, нужно поручительство, значитъ за Васъ поручились, а за другихъ нѣтъ». Кто же за меня поручился? Бальди посмотрѣлъ въ какія-то книги и говоритъ: «Вы получили билетъ по рекомендаціи Духоня». Этого студ-та я не только не зналъ, но и фамиліи такой никогда не слышалъ. Дальше я спросилъ: къ кому же вообще слѣдуетъ обращаться за поручительствомъ? Бальди отвѣтилъ: «На 5 курсѣ Соколовъ и Воробьевъ, на 4—Духонь и на 3, кажется Стахурскій». Выйдя изъ инст-та, я сообщилъ объ этомъ студ-мъ: Калнину, Заломанову, Гозбергу и Дрампянцу, которыхъ встрѣтилъ еще идя

въ инст-тъ. Гозбергъ и Заломановъ рѣшили отправиться къ Соколову за рекомендаціями, а я пошелъ движимый только любопытствомъ; у него встрѣтили Воробьева. Заломановъ и Гозбергъ обратились къ Соколову съ просьбой, дать имъ поручительство. Соколовъ спросилъ, ручаются ли они, что не будутъ скандалить, они поручились, и Соколовъ сказалъ: «хорошо, я скажу въ инспекціи и Вы получите». Объ этомъ же пишетъ и Гозбертъ въ своемъ письмѣ. (Читаетъ письмо). Петербургъ, 1905 г. 6 апрѣля.

Многоуважаемый Андрей Діонисьевичъ. Согласно вашему желанію, излагаю въ послѣдующемъ фактъ полученія мною билета для входа въ институтъ черезъ посредство гг. Соколова и Воробьева. Послѣ обструкціи, какъ извѣстно, доступъ въ стѣны института имѣли только избранные. Такъ какъ я не принадлежалъ къ нимъ, то не былъ допущенъ въ институтъ и стоялъ, около, въ числѣ прочихъ студентовъ. Въ это время ко мнѣ подошли товарищи М. Е. Калнинъ и Е. Н. Заломановъ и сообщили, что вы, Андрей Діонисьевичъ, получили билетъ, благодаря рекомендаціи кого-то изъ гг. «свобододѣйствующихъ» и, возмущенные столь беззастѣнчивымъ поступкомъ, пошли объясняться въ инспекцію. Черезъ нѣсколько времени вы вышли и все сказанное мнѣ гг. Калнинымъ и Заломановымъ подтвердили, объявивъ, что «поручители» для 5 курса студенты Соколовъ и Воробьевъ. Послѣ этого я, Калнинъ, Заломановъ и Вы отправились на квартиру къ Соколову. Во дворѣ дома, гдѣ проживалъ Соколовъ, мы встрѣтили Воробьева, съ которымъ и разговорились относительно «поручительства». Изъ словъ Воробьева видно было, что «поручитель» долженъ былъ принадлежать къ группѣ „свободѣйствующихъ“ и ручался передъ кѣмъ-то (?!), что указанный имъ студентъ, изъ числа желающихъ держать экзамены весною и самолично заявившій объ этомъ ему, «не устроитъ никакого скандала на экзаменахъ». То же самое говорилъ и г. Соколовъ, вышедшій во время этого разговора изъ своей квартиры. Послѣ того, какъ мы обѣщали гг. Соколову и Воробьеву никакихъ «скандаловъ» на экзаменахъ не дѣлать, наши фамиліи были записаны и г. Соколовъ сказалъ намъ: «Хорошо, я скажу. Завтра или послѣ завтра вы получите билеты». И точно: мы всѣ получили билеты.

Горный инженеръ Михаилъ Гозбергъ.

Предсѣдатель И они пользовались этими билетами?

Стопневичъ. Да, пользовались.

Предсѣдатель. Такъ что это было свиданіе для полученія би-

лета, а не для выпытыванія способа дѣйствія помянутыхъ лицъ?

Стопневичъ. Нѣтъ, чтобы получить билетъ.

Предсѣдатель. Вы къ Духоню обращались потомъ за разъясненіемъ по поводу словъ Бальди, что Духонь за васъ ручался?

Стопневичъ. Нѣтъ, я передаю только то, что сказалъ мнѣ Бальди, а самъ я даже и не зналъ, до сегодня, г-на Духоня.

Духонь. Я тоже только сегодня узналъ вашу фамилію.

Предсѣдатель. Такъ что о поручительствѣ Духоня вы говорите только со словъ Бальди?

Стопневичъ. Да, только со словъ Бальди.

Дрампянцъ. Свидѣтель упомянулъ мою фамилію и я считаю нужнымъ дать объясненія. Дѣло было такъ: мы дѣйствительно съ вами встрѣтились, когда вы шли въ институтъ. Изъ разговоровъ я узналъ, что у Васъ былъ билетъ. У меня его не было, потому я попросилъ Васъ передать инспекціи, что я желаю держать экзамены и хочу получить билетъ. Вы вышли оттуда и сказали: «Билетъ у Васъ будетъ». И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней билетъ я получилъ.

Стопневичъ. Вы немного неточно передаете. Просьба другихъ была аналогична Вашей. Выйдя тогда я указалъ, къ кому нужно обратиться. Вы сказали, что у этого студента уже были.

Дрампянцъ. Нѣтъ, это не такъ: я ни къ кому, за ручательствомъ не обращался, ни послѣ, ни раньше этого, но билетъ получилъ.

Стопневичъ. Но слухи о поручительствѣ Вамъ были извѣстны; когда мы шли по набережной, мы объ этомъ говорили?

Дрампянцъ. Вы, о поручительствѣ, мнѣ не говорили ничего.

Стопневичъ. Можетъ быть, Вамъ и не говорилъ ничего, но говорилъ всѣмъ другимъ.

Дрампянцъ. Я хорошо помню, что просилъ Васъ передать въ инспекціи о моемъ желаніи держать экзамены—и билетъ получилъ, хотя ни къ кому больше не обращался, такъ какъ вообще держался въ сторонѣ.

Предсѣдатель. Почему же г. Дрампянцъ къ Вамъ обратился?

Стопневичъ. Я имѣлъ право входа въ институтъ. У меня былъ билетъ.

Злотницкій. Когда Вы узнавали у Бальди, можетъ быть одно только это узнаваніе уже давало возможность получить билетъ?

Стопневичъ. Когда я въ инспекціи узнавалъ, то фамиліи вообще не называлъ.

Зерновъ. Слѣдовательно, студентовъ нисколько не шокировало это хожденіе къ другимъ за какимъ-то поручительствомъ?

Стопневичъ. За поступки другихъ я не могу ручаться, я же пошелъ изъ любопытства только.

Бауманъ проситъ судъ получить изъ инспекціи списки экзаменовъ и репетицій въ хронологическомъ порядкѣ.

Предсѣдатель закрываетъ засѣданіе.

ПРОТОКОЛЪ

16-го засѣданія третейскаго суда чести, отъ 10-го апрѣля 1905 года.

Отсутствовалъ: К. К. Арсеньевъ, Н. Н. Печковскій.

Предсѣдательствовалъ В. О. Люстихъ.

Отсутствовали повѣренные: Алексѣевъ, Гартунгъ, Грузенбергъ.

Показаніе ст-та Жалиса. Я могу разсказать какъ я получилъ билетъ. Я собирался держать экзамены, случайно, зашелъ къ одному товарищу, сказалъ ему, что хочу написать въ инспекцію, чтобы выслали билетъ. Товарищъ сказалъ, что у нѣсколькихъ лицъ, на каждомъ курсѣ собираютъ группы, но онъ не зналъ, кто на 4 курсѣ. Тогда по его указанію я отправился къ одному ст-ту 2-го курса?

Предсѣдатель. Къ кому, къ студенту 2-го курса?

Жалисъ Да.

Зерновъ. Это кто былъ?

Жалисъ. Это былъ Притула. Я просилъ его записать меня, но онъ сказалъ, что на 4 кур., кажется, собираютъ группы ст-ты Духонь или Ауэрбахъ. Я говорилъ, что времени у меня нѣтъ; не можетъ-ли онъ это сдѣлать. Притула обѣщалъ передать. На мою подподпись Притула смотрѣлъ, какъ на гарантію, что я не буду обструкціонировать.

Предсѣдатель. Вы какого курса?

Жалисъ. 4-го курса. Черезъ три дня послѣ этого получилъ билетъ.

Предсѣдатель. Это когда было?

Жалисъ. Между 5 и 10 апр. Экзаменъ я держалъ послѣ 20-го апрѣля.

Предсѣдатель. Вы сами были за забастовку или противъ?

Жалисъ. Я до конца послѣдней сходки не дождался?

Предсѣдатель. А при допросѣ?

Жалисъ. Меня не спросили; я голоса не подавалъ вовсе.

Зерновъ. Вы пришли къ студ. другого курса, что-же Вы ему сказали?

Жалисъ. Я сказалъ, что желаю держать экзамены и что слышалъ, что нѣкоторые ст-ты составляютъ группы и просилъ записать.

Зерновъ. Что-же онъ сказалъ?

Жалисъ. Что для каждаго курса есть отдѣльныя лица, что онъ можетъ передать, но ручаться, что пришлютъ билетъ, онъ не можетъ.

Предсѣдатель. Въ какой списокъ Вы просили себя записать?

Жалисъ. Списокъ группы.

Предсѣдатель. Вы видѣли этотъ списокъ; были тамъ студ-ты другихъ курсовъ?

Жалисъ. Списка не видѣлъ; онъ только мою фамилію записалъ, о другихъ не помню.

Зерновъ. Былъ ли разговоръ о ручательствѣ?

Жалисъ. Это было послѣ обструкціи и онъ меня спрашивалъ не буду ли я мѣшать экзаменамъ.

Зерновъ. Что вамъ говорилъ Притула по этому поводу?

Жалисъ. Если Вы, коллега, записываетесь,—значитъ, Вы обязуетесь обструкціи не производить.

Гаппеевъ. Вы были знакомы съ Притулой раньше?

Жалисъ. Нѣтъ.

Гаппеевъ. Аналогичныхъ случаевъ не слышали?

Жалисъ. Мнѣ ст-тъ одинъ, товарищъ мой Матусевичъ говорилъ, что для того, чтобы приступить къ экзаменамъ, нужно записаться въ группу.

Гаппеевъ. Онъ и сообщилъ, что только такимъ способомъ?

Жалисъ. Онъ узналъ, что я желаю держать.

Гаппеевъ. Вы хотѣли подать въ инспекцію, а товарищъ отсовѣтовалъ?

Жалисъ. Да, и онъ сказалъ, что, такимъ способомъ, билетовъ не даютъ, а если хочешь держать, то надо записаться въ группу.

Лесгафтъ. Въ прежніе годы это было?

Жалисъ. Я это не знаю.

Лесгафтъ. Раньше составляли экзамен. группы?

Жалисъ. Не помню,—записывался въ инспекціи.

Зерновъ. Вамъ не показалось страннымъ идти къ студ-мъ?

Жалисъ. Даже мнѣ непріятно было идти къ незнакомому студ-ту, но по разнымъ соображеніямъ, я хотѣлъ скорѣе приступить къ экзаменамъ и пошелъ.

Зерновъ. Вы удивились, почему Вы сами не обратились въ инспекцію?

Жалисъ. Одинъ студ-тъ сказалъ мнѣ, что надо такъ сдѣлать.

Зерновъ. Это Матусевичъ?

Жалисъ. Можетъ быть и Притула; навѣрное не помню. Онъ мнѣ сказалъ: прежде было такъ, а теперь такъ нельзя.

Кутыринъ. Вы, ни за, ни противъ забастовки, голоса не подавали?

Жалисъ. Да, не подавалъ.

Кутыринъ. Вы признали, что забастовка прошла?

Жалисъ. Да призналъ, хотя на этотъ счетъ, я сомнѣвался. Но это не входило въ мои соображенія, по которымъ я рѣшилъ экзаменоваться.

Кутыринъ. Вы знали, что въ Г. инст. во время забастовокъ дѣйствуетъ Орг. ком-тъ?

Жалисъ. Да, слыхалъ.

Кутыринъ. А Вы справлялись у Организаціоннаго комитета, прошла ли забастовка?

Жалисъ. Я не находилъ нужнымъ.

Кутыринъ. Вы находили нужнымъ согласовать свои дѣйствія съ Орг. комитетомъ?

Жалисъ. Въ комитетѣ не справлялся.

Кутыринъ. Для Васъ было безразлично, прошла ли забастовка?

Жалисъ. Если бы институтъ былъ закрытъ.

Кутыринъ. Да Вы интересовались этимъ?

Жалисъ. Я интересовался, я старался узнать.

Кутыринъ. Только платонически. Какой результатъ Вашихъ стараній?

Жалисъ. Нѣкоторое сомнѣніе въ дѣйствительности забастовки,

Кутыринъ. Если бы забастовка прошла, Вы считали бы нужнымъ подчиняться?

Жалисъ. Затрудняюсь сказать. Если большинство ясно выражено, я тогда подчинился бы.

Кутыринъ. А въ данномъ случаѣ Вы не подчинились?

Жалисъ. Нѣкоторые говорили, что забастовка прошла, другіе что нѣтъ, я самъ не зналъ, голоса совсѣмъ на сходки не подавалъ и дома меня не опрашивали. Я не былъ въ курсѣ дѣла.

Кутыринъ. Не нашли нужнымъ узнавать. А если бы у Васъ была увѣренность, что забастовка прошла, Вы бы тогда не приступили къ экзаменамъ?

Жалисъ. Я сообщалъ, какъ было дѣло.

Соколовъ. Какъ это случилось, что Вы не подали ни за, ни противъ забастовки?

Жалисъ. Я ушелъ со сходки на урокъ.

Соколовъ. А приходили къ Вамъ съ опросомъ?

Жалисъ. Нѣтъ не приходили, впрочемъ не знаю можетъ быть не астали... Прислуга мнѣ лично не говорила, такъ что склоненъ думать, что совсѣмъ не приходили.

Соколовъ. Вы увѣрены, что приступить къ экзаменамъ можно было только тѣмъ способомъ, какъ вы говорили?

Жалисъ. Мнѣ сказалъ Матусевичъ, что, такимъ образомъ, можно. Притула сказалъ, что онъ на 2 к., а не на 4. Я его просилъ все-таки, чтобы онъ передалъ Ауэрбаху или Духоню т. к. у меня нѣтъ времени.

Соколовъ. Матусевичъ не разсказывалъ, что обратился онъ въ ин-цію. Почему онъ рекомендовалъ такой способъ?

Жалисъ. Не знаю; онъ не рекомендовалъ. Говорилъ, что можно получить только такимъ способомъ.

Соколовъ. Ему отказали въ инспекціи?

Жалисъ. Не знаю, я его не спрашивалъ.

Гливицъ. Вы пошли на экзаменъ, по личнымъ причинамъ, если бы не было „св-д.-щихъ" Вы нашли бы возможнымъ держать экзаменъ?

Жалисъ. Если бы забастовка прошла, то экзамены были бы невозможны.

Предсѣдатель. Вы знали о „св-д.-щихъ"?

Жалисъ. До конца сходки я не былъ. Когда составляли списокъ, не знаю.

Зерновъ. Когда Вы приступили къ экзаменамъ, то Вы приступили потому, что есть группа, которая рѣшила держать экзамены?

Жалисъ. У меня не было увѣренности, что забастовка прошла.

Зерновъ. Если бы не было лицъ, рѣшившихъ держать экзамены, то Вы не держали бы?

Жалисъ. Я согласенъ.

Зерновъ. Значитъ у Васъ было предчувствіе, а не увѣренность?

Жалисъ. Да, что экзамены могутъ быть.

Зерновъ. Такъ что, если бы было подавляющее большинство за забастовку, человѣкъ 600, то вы тогда не держали бы экзаменовъ?

Жалисъ. Если бы явное, то это, можетъ быть, имѣло нравственное вліяніе для меня.

Фойгтъ. Вы гдѣ жили?

Жалисъ. На Гороховой, около Фонтанки.

Макаровъ. Котораго числа Вы записывались?

Жалисъ. Думаю, что числа 5-го.

Макаровъ. Не раньше обструкціи?

Жалисъ. Нѣтъ, послѣ.

Батуевъ. Послѣ сходки 15 марта ясно выдѣлилось ядро „св.-д-щ.", и я видѣлъ, что забастовка провалится. О готовящейся обструкціи я ничего не зналъ. І-го апрѣля я получилъ билетъ съ приглашеніемъ явиться въ институтъ. 2-го апрѣля я пріѣхалъ въ инст. часовъ въ 10 въ 11-омъ, увидѣлъ толпу студентовъ; показалъ билетъ, сторожъ отворилъ дверь, я вошелъ, спокойно раздѣлся и пошелъ наверхъ, но былъ такой скверный воздухъ, что я былъ принужденъ вернуться назадъ; немного погодя я опять пытался пройти и опять безуспѣшно. Въ это время мимо меня прошла группа обструкціонистовъ, направляясь къ выходу. Въ инспекціи я хотѣлъ узнать, зачѣмъ меня вызвали. Оказалось, что присланный билетъ—«первоапрѣльская шутка». Это я узналъ отъ Бальди. Въ инспекціи всѣ были «козлища». Билетъ, присланный мнѣ, былъ въ ночь отмѣненъ.

Предсѣдатель. Отчего вы говорите о «козлищахъ» и «овцахъ»? Вамъ заявили, что этотъ билетъ уничтоженъ, хотя Вы и получили объ этомъ увѣдомленіе?

Батуевъ. Я отмѣны не получилъ. Увидѣлъ въ инспекціи толпу ст-овъ, они указывали Бальди разбрасывателей склянокъ. Заддэ говорилъ съ боевымъ видомъ.

Зерновъ. Это гдѣ было?

Батуевъ. Въ инспекціи, надо сказать, что у меня съ Заддэ было недоразумѣніе на личной почвѣ и мы прекратили знакомство. Я замѣтилъ, что Заддэ, когда я пришелъ, бросилъ на меня враждебный взглядъ. Я нарочно остался посмотрѣть хватитъ ли у него гражданск. мужества назвать мою фамилію. Заддэ назвалъ Яньковскаго и другихъ; я почувствовалъ, что и мнѣ будетъ плохо. Но на это у него гражданскаго мужества не нашлось. Фамиліи сыпались градомъ, съ пріятной улыбкой на лицѣ. Бальди ихъ записывалъ. Это меня такъ поразило, что я не зналъ что мнѣ и дѣлать: уходить или оставаться. Бальди спрашивалъ: «кто еще?» Меня поразило, что въ этомъ принималъ участіе и Залеманъ, и я не могъ себѣ представить его побужденій, но никогда не думалъ, чтобы онъ могъ сдѣлать это. Залеманъ назвалъ фамилію Гусарскаго. Когда уходили обструкціонисты, я всѣхъ ихъ видѣлъ; были знакомыя лица, но

Гусарскаго между ними не было. Я зналъ, что Гусарскаго тамъ не было и потому сказалъ: «Онъ не дѣлалъ обструкціи, если доносить, то доносить правильно». Бальди вычеркнулъ Гусарскаго изъ списка. Запись скоро прекратилась. Между прочимъ зашелъ Алферовъ. Макаровъ тогда же сказалъ Бальди, что Алферовъ не могъ быть среди обструкціонистовъ. Бальди сказалъ, что онъ его самъ видѣлъ. Осенью я слышалъ, что и Кузмицкій говорилъ въ инспекціи, что Алферовъ вѣроятно попалъ по ошибкѣ. Потомъ составляли группу, желающихъ держать экзаменъ. Я сказалъ, чтобы и меня записали. Спустившись въ чертежную, я увидѣлъ группу ст-овъ, среди нихъ былъ Сологубъ, Ауэрбахъ, Цыкинъ; они весело разговаривали, несмотря на то, что только что исключили 80 человѣкъ. Они говорили какъ составить росписаніе экзаменовъ. Постоявъ минуты двѣ, я ушелъ огорченный. Пошелъ внизъ одѣлся и собирался уйти, какъ услышалъ крикъ, что пріѣхалъ директоръ. Соблазнъ послушать его былъ такъ великъ, что я раздѣлся и пошелъ за ст-ами. Они обратились къ нему съ заявленіемъ, что желаютъ заниматься, а тутъ творятся безобразія. Одного наиболѣе страстного онъ похлопалъ по плечу и сказалъ: «Вы люди молодые, не волнуйтесь,—все будетъ устроено». Все это произошло потому что меня не послушали. Я хотѣлъ такъ: поставить 2-хъ сторожей снаружи дверей, а 2-хъ у внутренней двери для контроля. Между прочимъ онъ сказалъ, что онъ не успѣлъ очистить институтъ отъ запаха т. к. не сдѣлалъ еще анализа. Не безпокойтесь, больше этого не повторится, да и на улицѣ ничего не будетъ». Кто то изъ студентовъ сказалъ: «хорошо бы ихъ выслать». Онъ, съ улыбочкой, отвѣтилъ, что все будетъ сдѣлано. Послѣ чего онъ предложилъ ст-тамъ подождать, выпить чаю, а онъ поговоритъ съ профессорами. Черезъ нѣсколько минутъ онъ позвалъ ихъ обратно. Онъ сказалъ, что все будетъ сдѣлано, что все будетъ безопасно. Ему сдѣлали замѣчаніе, что потеряли 2 недѣли и что трудно будетъ наладить экзамены. Дольше я не оставался, съ меня было достаточно. Встрѣтилъ у института нѣсколько знакомыхъ въ томъ числѣ Гливица, Новожилова. Назвалъ имъ нѣсколько фамилій, но большинство было, какъ въ туманѣ и я затрудняюсь назвать.

Гливицъ. Вы назвали двѣ фамиліи сейчасъ, а тогда вы говорили нѣсколько.

Батуевъ. Да я назвалъ Заддэ и Залемана; третьяго я фамиліи не зналъ, но узнать его могу; кажется, Андреевъ 5 кур. Другіе тоже обращались къ Бальди и называли фамиліи.

Гливицъ. Какъ отнеслись ст-ты къ Коновалову, когда онъ пріѣхалъ?

Батуевъ. Какъ дѣти къ отцу.

Гливицъ. А Вы не помните, кто просилъ выслать?

Батуевъ. Память мнѣ измѣнила, событія шли такъ быстро...

Гливицъ. Кого хлопалъ Коноваловъ по плечу?

Батуевъ. Не помню, это былъ ближайшій.

Зерновъ. А сколько было народу въ инспекціи?

Батуевъ. Человѣкъ 20; около Бальди стояло ядро.

Зерновъ. И чтоже, такъ всѣ хоромъ и доносили?

Батуевъ. Нѣтъ, не всѣ: 15 доносившихъ были около Бальди; остальные стояли; рядомъ со мной стоялъ Деви, но не говорилъ ни слова.

Зерновъ. Тамъ не было больше народу. Другіе свидѣтели, говорили, что тамъ было много взволнованныхъ ст-въ?

Батуевъ. Нѣтъ, спокойно не было. Были возбуждены. Кто стоялъ дальше, не доносилъ.

Зерновъ. Кромѣ стоявшихъ около Бальди, былъ еще народъ въ инспекціи?

Батуевъ. Другіе стояли поодаль. Въ маленькой чертежнѣ я видѣлъ Бальди, человѣкъ 5 студентовъ и сторожей, вѣроятно, продолжали составлять списокъ. Здѣсь былъ и Андреевъ.

Зерновъ. Разскажите подробнѣе, какъ это Вы помогали составлять списокъ. Значитъ была небольшая группа въ 20 человѣкъ, изъ нихъ 15 принимали непосредственное участіе, а Вы и другіе косвенное?

Батуевъ. Т. е. я этого буквально не дѣлалъ, я только заступился за Гусарскаго.

Зерновъ. А Вы навѣрное знаете, что въ чертежной тоже составляли списокъ. Какъ Вы, видѣли всѣхъ за однимъ дѣломъ?

Батуевъ. Да, это было одно дѣло.

Зерновъ. Сколько народу было въ инспекціи?

Батуевъ. Сосчитать трудно, человѣкъ 20. Можетъ быть меньше, можетъ быть больше.

Зерновъ. Что же другіе дѣлали?

Батуевъ. Затрудняюсь сказать, — самъ стоялъ у барьера.

Зерновъ. Другіе молчали?

Батуевъ. Не могу сказать.

Люстихъ. Бальди сидѣлъ?

Батуевъ. Стоялъ.

Урбановичъ. Сколько человѣкъ можетъ умѣститься до рѣшетки?

Батуевъ. Человѣкъ 40.

Пилетичъ. Она была полна?

Батуевъ. Человѣкъ 20—25; многіе входили, другіе уходили.

Гливицъ. Вы не помните остальныхъ?

Батуевъ. Нѣтъ, память мнѣ измѣнила. Я запомнилъ Заддэ потому, что у меня были старые счеты. Залеманъ меня поразилъ, а Андреевъ своей наружностью и оживленіемъ. Остальные же какъ въ туманѣ.

Гливицъ. Вы видѣли, какъ другіе сообщали фамиліи?

Батуевъ. Другіе тоже, но фамилій назвать не могу.

Снятковъ. Какихъ курсовъ были студенты?

Батуевъ. Думаю, что всевозможныхъ.

Мефферть. Что они стояли, до рѣшетки?

Батуевъ. До рѣшетки.

Мефферть. Чтоже, они слѣдили и принимали участіе, или разговаривали между собой?

Батуевъ. Слѣдили или сами принимали участіе.

Мефферть. Участіе выразилось въ называніи фамилій при разговорѣ?

Батуевъ. Это не былъ разговоръ между собой.

Ауэрбахъ. Вы тутъ говорили, что, пройдя чертежную, Вы видѣли тамъ Сологуба, Цыкина и меня и что мы весело разговаривали, не смотря на то, что только что исключили 80 человѣкъ. Эта фраза не ясна, можно понять, что будто Вы и меня видѣли наверху, составляющимъ списокъ?

Батуевъ. Этого я не говорилъ. Я сказалъ, что Вы были; Вы и другіе знали, что произошло, и это не мѣшало Вамъ бесѣдовать объ экзаменахъ.

Ауэрбахъ. Я спрашиваю лично о себѣ?

Батуевъ. Лично о Васъ сказать ничего не могу. Не знаю, были-ли Вы и знали-ли о составленіи списковъ.

Предсѣдатель. Видѣли-ли Вы, около Бальди Ауэрбаха?

Батуевъ. Нѣтъ, не помню, чтобы я его тамъ видѣлъ.

Зерновъ. Когда Вы держали экзамены?

Батуевъ. 10—15 мая приступилъ къ экзаменамъ, когда къ экзаменамъ приступило уже большинство.

Лесгафтъ. Вы держали одинъ экзаменъ?

Батуевъ. Нѣтъ, я сдалъ четыре экзамена.

Лесгафтъ. Чтобы получить осенніе экзамены?

Батуевъ. Да, чтобы получить право держать осенью.

Леонтьевъ. Въ инспекціи Вы видѣли человѣкъ 15—20?

Батуевъ. Да.

Леонтьевъ. Сколько фамилій Вы знаете?

Батуевъ. Я назвалъ двѣ; если покажутъ третьяго, я узнаю.

Леонтьевъ. Вы увѣрены, что всѣ 15—20 были «св-д-щіе»?

Батуевъ. Убѣжденъ.

Леонтьевъ. Если Вы не знаете фамилій, какъ Вы можете знать ихъ образъ мыслей и мнѣній?

Батуевъ. Я думаю, что здѣсь фамиліи не причемъ, если они Бальди называли фамиліи другихъ.

Леонтьевъ. Фамилія Гусарскаго слышалась отъ Васъ?

Батуевъ. Вы слабо слышали. Залеманъ назвалъ Гусарскаго. Я сказалъ: «Если доносить, то доносите правильно».

Леонтьевъ. Значитъ Вы фамилію произносили?

Батуевъ. Она была названа и при томъ неправильно.

Леонтьевъ. Если кто либо назвалъ фамилію, это не доказывало его образъ дѣйствій.

Батуевъ. Сообщеніе фамилій обструкціонистовъ—можетъ быть, по Вашему, не доносъ. Тогда я не знаю, что это такое.

Леонтьевъ. Какъ, что, называется, будемъ говорить впослѣдствіе. Если нѣкоторые «св-д-щіе» указывали Бальди неправильность записи, то ихъ называли доносчиками. Если это дѣлали «св-м-щіе»—ихъ такъ не называли.

Мефферть. Не искажайте.

Батуевъ. Между ними былъ Макаровъ, заступившійся за Алферова.

Макаровъ. И за это я попалъ въ списокъ, какъ шпіонъ, доносчикъ и еще особо отличившійся.

Леонтьевъ. Что же много было такихъ, которые доносили?

Батуевъ. При началѣ я не присутствовалъ, кто раньше дѣлалъ доносы, я не знаю. Вѣроятно, лица изъ той группы, которая стояла около стола.

Леонтьевъ. Всѣ эти 20, называвшіе фамиліи, были «св-д-щіе»? Если Вы фамилій не знаете, особой формы они не носятъ, то для отнесенія ихъ къ той или другой партіи, надо было что-то другое.

Батуевъ. За 7 лѣтъ въ ин-тѣ я достаточно присмотрѣлся, чтобы сказать, кто относится къ партіи; фамилій вовсе не надо.

Леонтьевъ. Фамилій знать не надо?

Батуевъ. Зачѣмъ мнѣ знать фамилій, когда я и безъ нихъ знаю. Мнѣ этого не нужно.

Леонтьевъ. Какъ фамиліи тѣхъ, кто совѣтовалъ Коноваловy выслать?

Батуевъ. Къ сожалѣнію, память мнѣ измѣняетъ.

Леонтьевъ. Что говорили названные Вами три лица?

Батуевъ. Что эти три лица говорили, не знаю.

Леонтьевъ. Когда дойдетъ до дѣла, память Вамъ измѣняетъ.

Батуевъ. Они въ инспекціи доносили.

Леонтьевъ. Но Вы не устанавливаете, что они говорили?

Батуевъ. Залеманъ назвалъ Гусарскаго—Заддэ, Яньковскаго и другихъ, кого—сейчасъ не помню. Андреевъ тоже называлъ.

Кутыринъ. Когда Вы защищали Гусарскаго, Вы не считали, что это косвенный доносъ, что этимъ Вы гарантируете правильность составленія списка и санкціонируете занесеніе другихъ фамилій?

Батуевъ. Я былъ пораженъ очевидной невѣрностью заявленія Залемана.

Кутыринъ. Вы были у директора, когда тамъ были ст-ты; сколько тамъ было человѣкъ?

Батуевъ. Человѣкъ 100.

Кутыринъ. Не запомнили-ли Вы Пумпянскаго?

Батуевъ. Не помню.

Пумпянскій. Былъ, былъ.

Кутыринъ. Передъ дѣломъ въ съѣздѣ, милостивый государь я съ Вами разговаривалъ; Вы мнѣ сказали тогда, что знаете случай доноса, и назвали фамилію Залемана. Почему Вы не назвали 3 фамиліи?

Батуевъ. Я Вамъ сказалъ всѣ три фамиліи.

Кутыринъ. О двухъ другихъ я услыхалъ отъ Васъ только здѣсь.

Батуевъ. Вы тогда записали фамиліи; дайте записку. Тутъ былъ еще Нечаевъ.

Нечаевъ. Я пришелъ къ концу разговора и не помню, что Вы называли фамиліи.

Кутыринъ. Записку я, къ сожалѣнію, не сохранилъ. Залемана помню. До нѣкоторой степени мои слова доказываютъ то, что я, зная Вашъ разсказъ о Залеманѣ, выражалъ предположеніе, что онъ правдивъ, когда впослѣдствіе Залеманъ не подписалъ вызовъ къ Трет. суду.

Батуевъ. Жаль, что не сохранили записку.

Кутыринъ. Жалѣть приходится мнѣ. Я утверждаю, что Вы указывали одну фамилію.

Батуевъ. Я называлъ и другіе.

Люстихъ. Тогда Вы помнили и третью?

Батуевъ. Я говорилъ, что третью не зналъ, но что мнѣ называли Андреева.

Зерновъ. Назвали двѣ, а третью предположительно?

Батуевъ. Третью, по наружности.

Кутыринъ. Въ разговорѣ Вы разсказывали сцену, происходившую вокругъ Бальди.

Батуевъ. Этой сцены не разсказывалъ, тѣмъ болѣе, что Вы просили назвать фамиліи.

Кутыринъ. Почему?

Батуевъ. Не находилъ нужнымъ; разговоръ былъ коротокъ. Да я предвидѣлъ, что Вы и спрашивали съ нѣкоторыми цѣлями.

Кутыринъ. Мои цѣли были очевидны и я самъ о нихъ говорилъ. Однако Вы другимъ говорили?

Батуевъ. Я съ Вами не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

Урбановичъ. Вы видѣли обструкціонистовъ? Они были въ пальто или безъ пальто?

Батуевъ. Въ пальто. Какъ были, такъ и ввалились.

Урбановичъ. А въ инспекціи были безъ пальто?

Батуевъ. Да, въ пальто не помню что бы были.

Урбановичъ. Когда вы пришли никого не было?

Батуевъ. Нѣтъ никого.

Соколовъ. Вы знаете, сколько человѣкъ получили билетовъ на 2-ое апрѣля?

Батуевъ. Понятія не имѣю.

Соколовъ. Хотите я вамъ скажу—70 человѣкъ. Знаете сколько изъ нихъ было «св-д-щихъ?»

Батуевъ. Не знаю, я послѣднія двѣ недѣли не былъ въ институтѣ.

Соколовъ. Изъ 70 чел. было 37 св-д-щихъ...

Предсѣдатель. Свидѣтель сказалъ уже, что онъ пришелъ только узнать.

Соколовъ. Если онъ этого не знаетъ, то тогда, мнѣ кажется, страннымъ его утвержденіе, что тамъ были только «св-д-щіе».

Батуевъ. Тамъ были «св-д-щіе», но были и такіе, которые явно «св-д-щими не были.

Соколовъ. Такъ что Вы можетъ быть возьмете свои слова обратно?

Батуевъ. Вотъ тамъ были такіе господа, какъ Сологубъ.

Кутыринъ. Вѣдь и Вы были тамъ.

Батуевъ. О цѣляхъ моего прихода можете дѣлать какія угодно предположенія.

Нечаевъ. Изъ Вашихъ словъ слѣдуетъ, что если Заддэ не сдѣлалъ, то могъ сдѣлать на Васъ ложный доносъ.

Батуевъ. Это мое личное мнѣніе и ни для кого не обязательное.

Нечаевъ. Фактовъ никакихъ?

Батуевъ. Это мое предположеніе. Позвольте задать г. Нечаеву и Кутырину вопросъ. Вы помните, что Кузнецовъ говорилъ относительно одного профессора?

Кутыринъ. Не помню.

Батуевъ. Ну тогда я не назову этого факта.

Люстихъ. Скажите, можетъ г. Нечаевъ припомнитъ?

Батуевъ. Хорошо я разскажу, но не назову фамиліи.

Люстихъ. Тогда это не будетъ имѣть значенія.

Гессенъ. Можетъ Нечаевъ или Кутыринъ это подтвердитъ.

Батуевъ. Кузнецовъ разсказывалъ такой фактъ: одинъ профессоръ сказалъ. «вотъ Стомоньяковъ воспитанъ на русскія деньги, а что онъ дѣлаетъ».

Нечаевъ. Возможно, что Кузнецовъ это разсказывалъ, я не придавалъ значенія слухамъ.

Батуевъ. Кузнецовъ сказалъ, что онъ самъ слышалъ.

Нечаевъ. Я не отрицаю.

Андреевъ. Когда Вы шли въ инспекцію, Вамъ попались на встрѣчу обструкціонисты? Вы ихъ всѣхъ видѣли?

Батуевъ. Я два раза хотѣлъ пройти. Видѣлъ всѣхъ.

Андреевъ. Я обращался къ Бальди и указывалъ кто разбивалъ банки?

Батуевъ. Вы были среди называвшихъ фамиліи. Говорили, волновались, двигались съ мѣста на мѣсто.

Зерновъ. Гдѣ Вы его видѣли?

Батуевъ И въ инспекціи, и въ чертежной, когда человѣкъ 5 стояли съ Бальди.

Зерновъ. Что Андреевъ дѣлалъ въ инспекціи.

Батуевъ Онъ стоялъ среди группы и я слышалъ, что онъ называлъ фамиліи.

Зерновъ. А внизу?

Батуевъ. Тамъ дополняли списокъ.

Предсѣдатель. Значитъ, Бальди изъ инспекціи перешелъ внизъ?

Батуевъ. Да.

Андреевъ. Какъ Вы меня запомнили, если не знали фамилію?

Батуевъ. Ваша фигура рѣзко бросилась мнѣ въ глаза.

Андреевъ. Я не знаю, почему Вамъ бросилась въ глаза моя фигура. Я бѣгалъ и называлъ фамиліи, а Бальди тоже бѣгалъ?

Батуевъ Прошу задавать болѣе осмысленные вопросы.

Предсѣдатель проситъ воздерживаться.

Андреевъ. Внизу я тоже называлъ фамиліи?

Батуевъ. Внизу дополнялся списокъ. Я не останавливался, голоса Вашего не зналъ.

Андреевъ. Значитъ, Вы видѣли меня наверху и внизу? А слышали наверху?

Батуевъ. Слышалъ.

Андреевъ. Внизу я только стоялъ?

Батуевъ. Я не говорю, что только стояли. Я не останавливался. Для меня было достаточно того, что я видѣлъ.

Андреевъ. Вы просили Бальди вычеркнуть Гусарскаго, т. к. навѣрное знали...

Батуевъ. Это ужъ меня касается.

Андреевъ. А можетъ быть Вы, и навѣрное, сказали другую фамилію?

Батуевъ. (ему не отвѣчаетъ) . . . .

Гапѣевъ. Когда пріѣхалъ Коноваловъ, вы были въ ин-тѣ.

Батуевъ. Былъ. Я собирался уходить, когда услыхалъ, что пріѣхалъ Коноваловъ, я рѣшилъ исполнить свою миссію до конца и пошелъ на эту бесѣду.

Гапѣевъ. Онъ говорилъ о послабленіяхъ и льготахъ на экзаменахъ?

Батуевъ. На заявленіе, что мы-де потеряли 2 недѣли, онъ сказалъ, что это возможно исправить?

Гапѣевъ. Кто составлялъ группу на 4 курсѣ?

Батуевъ. Отъ Дэви я слышалъ, что дир-ръ предлагалъ ему, подъ личной отвѣтственностью, составлять группу, но онъ, Дэви, отказался.

Дэви. Я составлялъ первую экзаменаціонную группу.

Батуевъ. Первую?

Дэви. Да, въ первую могли бы и Вы записаться. Когда ко мнѣ пришелъ Тифоновъ, группа была уже составлена. Я ему сказалъ, что можетъ составить свою группу.

Батуевъ. Это Вы мнѣ говорили?

Дэви. Бальди продолжалъ посылать нѣкоторыхъ студ-въ. Мы, не желая давать никакихъ рекомендацій, заявили Коновалову требованіе, чтобы онъ запретилъ это дѣлать. Я взялся за составленіе группы, когда было объявлено свободное составленіе группъ и производилъ сборъ до тѣхъ поръ, пока не набралъ должнаго количества.

Батуевъ. Вы можетъ быть вспомните, что Вы въ инспекціи стояли около меня?

Дэви. Можетъ быть, я этого не помню.

Батуевъ. Не говорили ли Вы, что у меня языкъ не повернулся бы назвать фамиліи?

Дэви. Я могъ сказать: у меня языкъ не повернулся бы сказать фамиліи. Мы разговаривали съ Вами о весеннихъ событіяхъ.

Предсѣдатель. Когда былъ этотъ разговоръ?

Батуевъ. Это было осенью.

Гливицъ. Были тамъ ст-ты не только 5 курса?

Батуевъ. Всякіе были.

Гливицъ. И младшихъ курсовъ?

Батуевъ. Не помню, не знаю студентовъ по курсамъ.

Рейнвальдъ. Когда Залеманъ назвалъ фамилію, Вы обратились къ Залеману или къ Бальди?

Батуевъ. Сначала къ Залеману, потомъ настоялъ у Бальди вычеркнуть его.

Рейнвальдъ. Бальди слышалъ, или Вы обратились къ нему?

Батуевъ. Бальди вычеркнулъ, когда я на заявленіе Залемана сказалъ, что Гусарскаго не было.

Гапѣевъ. Вы ничего не знаете о Земницкомъ?

Батуевъ. Малышевъ передавалъ мнѣ, что направляли къ Земницкому за полученіемъ права держать экзаменъ.

Гапѣевъ. Земницкій высказалъ колебаніе?

Батуевъ. Колебаніе, въ смыслѣ благонадежности.

Соколовъ. А Малышевъ «св-д-щій»?

Батуевъ. Да.

Соколовъ. Какого курса Малышевъ?

Батуевъ. Отлично знаете, что 4-го.

Кутыринъ. А Земницкій?

Батуевъ. Седьмого.

Предсѣдатель. Вы должны отвѣтить на вопросъ.

Батуевъ Да зачѣмъ онъ меня спрашиваетъ, если онъ самъ прекрасно знаетъ это.

Предсѣдатель. Это знаете Вы, знаетъ онъ, но не знаетъ судъ, и если Вамъ задаютъ такіе вопросы, то очевидно для того, чтобы это было извѣстно суду.

Соколовъ. Вы читали бюллетени Орг. ком.?

Батуевъ. Нѣтъ.

Соколовъ. Совсѣмъ нѣтъ?

Батуевъ. Совсѣмъ нѣтъ!

Соколовъ. А о проскрипціонномъ спискѣ знали?

Батуевъ. Слышалъ.

Соколовъ. Когда?

Батуевъ. Осенью!

Соколовъ. А весной?

Батуевъ. Не слыхалъ.

Соколовъ. Вы разсказывали товарищамъ о фактахъ, свидѣтелемъ которыхъ Вы были?

Батуевъ. Сейчасъ же, какъ вышелъ, говорилъ ст-ту Гливицу.

Соколовъ. Нѣкоторыя фамиліи, которыя Вы назвали не занесены въ списокъ, особенно отличившихся?

Батуевъ. Я списка самъ и осенью не видѣлъ, а только слышалъ.

Зерновъ. Вотъ Вы старый ст-тъ—Вы были, надѣюсь, первый разъ въ жизни и надо думать въ послѣдній, по Вашимъ словамъ, свидѣтелемъ такой сцены, что же ст-ты не возмущались?

Батуевъ. Нѣтъ, нисколько, были спокойны.

Зерновъ. Вотъ Вы сказали, что недѣли двѣ до этого не были въ ин-тѣ, когда узнали о появленіи «св.-д-щихъ»?

Батуевъ. Послѣ послѣдней сходки.

Зерновъ. Вы знали, кто выдѣлился въ эту группу?

Батуевъ. Мнѣ это и до сходки было извѣстно, кто куда выдѣлится.

Зерновъ. Вамъ было извѣстно, кто выдѣлится въ группу «св.-д-щихъ». Т. е. именно этотъ списокъ?

Батуевъ. Ядро группы для меня не было сомнительнымъ.

Зерновъ. Приблизительно численность ядра?

Батуевъ. Человѣкъ 20.

Зерновъ. Они же были въ инспекціи?

Батуевъ. Тамъ смѣшанные: были и крупные представители напр. Задде, были и мелкіе.

Кутыринъ. Вотъ Вы сказали, что Задде—это крупный представитель «своб.-дщихъ», а Залеманъ?

Батуевъ. Залемана я считалъ веселымъ жизнерадостнымъ юношей и не думалъ, чтобы онъ былъ способенъ на такой поступокъ.

Кутыринъ. Вы думали, что Залеманъ «не своб.-д-щій»?

Батуевъ. Я не зналъ «своб.д-щій-ли» онъ или нѣтъ; я считалъ его неспособнымъ на такое дѣленіе.

Кутыринъ. Вы получили впечатлѣніе, что студентъ сдѣлалъ

скверный поступокъ? Вы поступки Залемана неопротестовали передъ товарищами?

Батуевъ. Я не считалъ этого нужнымъ дѣлать.

Кутыринъ. Что, вообще ст-ты отвѣтственны другъ за друга?

Батуевъ. Нисколько:—я не отвѣтственъ за своихъ товарищей—такъ же, какъ и за «св.-д-щихъ».

Кутыринъ. А «своб.-д-щіе» отвѣтственны другъ за друга?

Батуевъ. Они я думаю, отвѣтственны. У нихъ общіе интересы.

Кутыринъ. А какъ же Залеманъ—Вы предполагали, что онъ «не своб.-д-щій»?

Батуевъ. Ничего я не предполагалъ и не люблю предполагать.

Кутыринъ. Вы же сказали, что не считали его «св-д-щимъ». Вы не опротестовали его поступка.

Батуевъ. Я сейчасъ протестовалъ противъ неправды.

Кутыринъ. Передъ лицомъ Бальди, и передъ ст-ами?

Батуевъ. Я говорилъ многимъ ст-амъ.

Кутыринъ. Это частные разговы—а передъ корпораціей?

Батуевъ. Передъ корпораціей на сходкѣ не протестовалъ. Въ это время царилъ Коноваловъ, и для насъ это было невозможно.

Гливицъ. Когда Вы намъ разсказывали, то у насъ осталось впечатлѣніе, что Вы были свидѣтелемъ дѣйствія массового характера, теперь Вы говорите только объ отдѣльныхъ фактахъ.

Батуевъ. Я теперь помню только три фамиліи.

Зерновъ. Все время были и вышли со всѣми?

Батуевъ. Нѣтъ, они оставались еще бесѣдовать съ директоромъ, а я ушелъ.

Зерновъ. Какъ же Вы, несмотря на такое возмущеніе, не составили связнаго разсказа, чтобы ясно и опредѣленно изложить впослѣдствіе товарищамъ. Надѣюсь, что Вы подобную вещь видѣли въ первый разъ; неужели Вы не собирались поднять дѣло?

Батуевъ. Меня это не интересовало, я тогда ясно и опредѣленно изложилъ все Гливицу и другимъ. Я думалъ, что можетъ быть своими средствами поднимутъ это дѣло.

Зерновъ. Когда эти факты сдѣлались извѣстны весной, Вы о нихъ молчали, а теперь уже не можете хорошенько вспомнить. Тогда Вы больше фамилій называли?

Батуевъ. Можетъ быть ихъ было около 9. Я крайне сожалѣю, что не записалъ, но былъ такой режимъ, что нельзя было надѣяться поднять это дѣло.

Зерновъ. Это отъ режима не зависитъ.

Батуевъ. Если бы можно было предполагать, что возникнетъ Трет. судъ, тогда другое дѣло.

Зерновъ. Вы говорили, что тотъ, котораго Коноваловъ хлопалъ по плечу, кромѣ росписанія просилъ еще и о высылкѣ обструкціонистовъ?

Батуевъ. Не тотъ, котораго Коноваловъ хлопалъ по плечу, но другіе просили.

Меффертъ. Какъ же Вы говорите, что Гусарскаго вычеркнули, а онъ тѣмъ не менѣе попалъ въ списокъ, хотя его и не было въ ин-тѣ?

Батуевъ. Гусарскій попалъ потому, что онъ приходилъ въ ин-тъ вмѣстѣ съ Панфиловымъ съ палками и разговаривали съ Коцовскимъ.

Макаровъ. Гдѣ Вы меня видѣли въ ин-тѣ, наверху, или внизу?

Батуевъ. Въ ин-ціи.

Макаровъ. Я тамъ не былъ. Вы меня не могли видѣть въ ин-ціи.

Батуевъ. Были, не говорите что я говорю неправду, а то я не буду Вамъ больше отвѣчать.

Макаровъ. Значитъ мнѣ лишнее задавать вопросы, Вы отвѣчать не будете?

Предсѣдатель. Тутъ мы собрались, чтобы выяснить инцидентъ и потому я просилъ бы Васъ, разъ Вы выступаете свидѣтелемъ, отвѣчать на вопросы. (Макарову). Пожалуйста, продолжайте.

Макаровъ. Въ которомъ часу Вы меня видѣли?

Батуевъ. Вамъ лучше это помнить.

Макаровъ. Потрудитесь, отвѣтить; на часы не смотрѣлъ.

Батуевъ. Въ 10, 11, 12 часовъ.

Макаровъ. Точнѣе?

Батуевъ. Можетъ быть безъ 13 минутъ 10 часовъ, безъ 11 м. безъ 10, безъ 3, безъ 1.

Макаровъ. Приблизительно около 10.

Батуевъ. Да.

Макаровъ. Я не могъ быть въ это время въ ин-тѣ, такъ какъ, когда я шелъ въ ин-тъ, я встрѣтилъ возвращавшихся обструкціонистовъ на углу 19-ой линіи. Я думаю, что нѣкоторые изъ нихъ это могутъ подтвердить.

Рейнвальдъ и Меффертъ. Совершенно вѣрно. Видѣли Макарова, идущимъ въ ин-тъ, когда обструкціонисты возвращались.

Макаровъ. Значитъ при началѣ составленія списка и быть не могъ и могъ быть только тогда, когда Бальди перешелъ въ малень-

кую чертежную. Я этотъ эпизодъ разсказывалъ уже 3 раза суду, при разныхъ свидѣтеляхъ, и они его подтвердили. Можете указать точно мѣсто, гдѣ я стоялъ въ ин-ціи.

Батуевъ пальцемъ рисуетъ на столѣ въ какомъ мѣстѣ.

Макаровъ. На прошломъ засѣданіи Нацваловъ разсказывалъ, будто Георги ему говорилъ, что онъ видѣлъ, какъ одинъ изъ ст-товъ, пытался назвать фамилію Гусарскаго, но что Георги его вовремя остановилъ, такъ что онъ не успѣлъ ее назвать. Георги передъ отъѣздомъ мнѣ разсказывалъ этотъ эпизодъ и говорилъ, что этотъ ст-тъ былъ Залеманъ. То какъ же Батуевъ говоритъ, что Залеманъ назвалъ фамилію Гусарскаго Бальди?

Нацваловъ. Георги явился въ ин-тъ тогда, когда дѣло было сдѣлано. Залеманъ могъ назвать раньше.

Макаровъ. Это Ваше предположеніе, зачѣмъ ему вздумалось бы называть Гусарскаго вторично, въ присутствіи Георги.

Бѣлозоровъ. Вы старый ст-тъ и говорите, что знали впередъ, кто будетъ «св.-д-щій». Что же у директора были одни только «св.-д-щіе».

Батуевъ. Да, большинство. Всего было 80—120 чел.

Бѣлозоровъ. Вы утверждаете, что были всѣ «св-д-щіе»?

Батуевъ. Другіе быть не могли.

Макаровъ. Вы записывались въ какую-либо группу?

Батуевъ. Ни въ какую. Меня спросили, записать-ли, я сказалъ,— запишите.

Зерновъ. Кто спросилъ?

Батуевъ. Не помню, кажется, Заддэ.

Макаровъ. Странно. Вы говорите, что поссорились съ нимъ, а онъ послѣ ссоры къ вамъ же обращается.

Батуевъ. Ну, такъ что же изъ этого.

Предсѣдатель. Когда это было?

Батуевъ. Когда списокъ обструкціонистовъ былъ оконченъ, я отвѣтилъ: Если обстоятельства позволятъ, то буду держать экзамены и потомъ я ушелъ. По этому списку всѣмъ были разосланы билеты, но мнѣ не прислали. Поинтересовался узнать, почему мнѣ не выслали, и просилъ товарища спросить у Бальди тотъ отвѣтилъ, что билетъ завалялся, и прислали только 18 апрѣля.

Макаровъ. Вотъ списокъ 1-ой группы. Здѣсь есть Батуевъ и Жалисъ.

Дэви. Не всѣ 41 чел. записались 1 апр. Пумпянскій и Колѣнко записались черезъ инспекцію, послѣ обструкціи.

Батуевъ. Вы меня записывали?

Дэви. Нѣтъ.

Предсѣдатель читаетъ списокъ*.

Изъ объясненій устанавливается, что окончательно списокъ составленъ 2 апр.

Зерновъ. (Батуеву). Для чего вы записались?

Батуевъ. На всякій случай.

Зерновъ. (Дэви) Батуева въ спискѣ, поданномъ Вами, не было?

Дэви. Не помню.

Ауэрбахъ подтверждаетъ и разъясняетъ, что Батуевъ вѣроятно записался въ инспекціи 2-го апр. и потому числится въ спискѣ. Также были записаны Пумпянскій и Коленскій.

Пумпянскій. Я былъ въ ин-тѣ 2 апр., просилъ въ инспекціи чтобы мнѣ дали билетъ, но меня послали къ Ауэрбаху и Фойгту. Я пошелъ въ чертежную 2 кур. и тамъ увидѣвъ Фойгта сказалъ: «Запиши меня, пожалуйста». Онъ спросилъ: «а ты вонять не будешь»? и получивъ успокоительный отвѣтъ, онъ меня записалъ въ тетрадь. Черезъ день я получилъ билетъ. Подробности я разскажу, когда буду выступать, какъ свидѣтель.

Фойгтъ заявляетъ, что списокъ, написанный въ тетради, никому поданъ не былъ.

Ауэрбахъ. Прошу разрѣшенія суда задать одинъ вопросъ г. Пумпянскому.

Предсѣдатель. Вы это сдѣлаете потомъ, когда Пумпянскій будетъ свидѣтелемъ.

Злотницкій обращаетъ вниманіе суда, что изъ 41 записавшихся 10 «несвобод-щихъ».

Гливицъ. Такъ какъ г-нъ Ауэрбахъ говорилъ, чтовъ спискѣ 4 кур съ который сейчасъ читалъ г-нъ Предсѣдатель, есть нѣсколько фамилій которыя не были записаны ни имъ, ни Дэви, то мы просили бы, что бы г-нъ Ауэрбахъ назвалъ, кто были записаны въ его группѣ.

Ауэрбахъ. Къ сожалѣнію я не обладаю такой богатой памятью, чтобы упомнить всѣхъ, кто у меня не записанъ. Я назвалъ троихъ: Пумпянскаго, Коленскаго и Батуева просто потому, что они врѣзались у меня въ памяти. Съ первыми двумя я былъ знакомъ.

Рейнвальдъ. Когда Васъ спрашивали о желаніи держать экзамены, Вы сказали: запишите, если возможно будетъ, то буду. Вы сказали это иронически или категорически?

Батуевъ. Мнѣ поставили вопросъ эхидно. Меня хотѣли поста-

вить въ неловкое положеніе. Я эхидно отвѣтилъ: «Если обстоятельства позволять и пр.». Это меня не къ чему не обязывало.

Рейнвальдъ. Значитъ вы хотѣли сказать, не внести фамилію, а внести всю формулу?

Батуевъ. Когда позволятъ обстоятельства. Это былъ выходъ непріятнаго положенія.

Зерновъ. Отчего Вы не сказали: убирайтесь вонъ послѣ того, что я видѣлъ, я не хочу имѣть съ Вами ничего общаго?

Батуевъ. Они бы меня выставили на 2 года, какъ обструкціониста.

Зерновъ. Вы такъ думаете?

Батуевъ. Убѣжденъ.

Макаровъ. А на чемъ основано предположеніе, что Васъ занесли бы въ списокъ обструкціонистовъ?

Батуевъ. А Гусарскаго, хотѣли же занести?

Макаровъ. Это еще вопросъ.

Батуевъ. Изъ Васъ никто не протестовалъ?

Дэви. Если Вы эхидно записались въ группѣ, почему Вы потомъ справлялись въ инспекціи о билетѣ?

Батуевъ. Я былъ въ ин-тутѣ, первый разъ, въ маѣ около 10 числа. А узнавалъ я просто, изъ любопытства, отъ товарищей.

Леонтьевъ. А 10 мая Вы начали экзамены, по новой записи или старой?

Батуевъ. Безъ всякой записи.

Зерновъ. Вы послѣ этой записи получили билетъ?

Батуевъ. Я никакого билета не получалъ. Послѣ 2-го апр. всѣхъ студентовъ 4 курса приглашали, но я никакого билета не получалъ. Мнѣ принесъ его товарищъ между 14 и 18.

Зерновъ. Что значитъ принесъ товарищъ?

Батуевъ. Товарищъ былъ въ инспекціи. У насъ былъ разговоръ относительно того, что билетъ мнѣ не былъ присланъ и я его просилъ узнать, почему его мнѣ не прислали. Товарищъ справился у Бальди, который переслалъ его мнѣ черезъ него, сказавъ, что билетъ залежался.

Предсѣдатель. Т. е. товарищъ взялъ, по Вашему порученію, билетъ у Бальди для передачи Вамъ?

Батуевъ. Да, для доставленія мнѣ.

Нечаевъ. Кто это былъ?

Батуевъ. Газадиновъ, «св-д-щій».

Кутыринъ. Благодаря 7 лѣтнему пребыванію въ ин-тутѣ, Вы на

столько знаете студентовъ, что могли сказать, кто выдѣлится въ «св-д-щіе». Не можете ли сказать о Коленскомъ?

Батуевъ. Относительно Коленскаго долженъ сказать, что онъ всегда былъ непонятнымъ для меня. Мало принималъ участія въ студенческой жизни.

Кутыринъ. А г. Пумпянскаго?

Батуевъ. Пумпянскаго знаю плохо.

Показаніе Звѣрева.

Звѣревъ. Я могу сообщить только фактъ съ Зѣнченко. Мнѣ, какъ и всѣмъ студ-мъ 5 курса, былъ присланъ пригласительный билетъ на совѣщаніе 31 марта. Въ этотъ же день были назначены два экзамена на 5 курсѣ: металлургія и пробирное искусство, объ этомъ уже здѣсь говорилъ студ-тъ Снятковъ. Я пришелъ поздно и потому прямо прошелъ на верхъ, въ корридоръ передъ аудиторіями.

Предсѣдатель. Вы пришли по билетамъ, безпрепятственно?

Звѣревъ. Да, всѣ по билетамъ.

Предсѣдатель. А Вы пришли экзаменоваться?

Звѣревъ. Нѣтъ, для совѣщанія. Въ верхнемъ корридорѣ засталъ почти весь пятый курсъ, тутъ шли разговоры съ Коцовскимъ. Нѣкоторые говорили за прекращеніе экзаменовъ, нѣкоторые настаивали на ихъ продолженіи. Среди послѣднихъ помню Березовскаго и Бутми-де-Кацмана. Разговоръ былъ горячій. Коцовскій, нѣсколько разъ, приходилъ и уходилъ въ профессорскую. Кто-то сказалъ, что въ аудиторіи будутъ пропускать только тѣхъ, кто записался на экзамены, и такимъ образомъ, экзамены состоятся. Тогда группа лицъ отправилась въ инспекцію записаться на тотъ же листъ. Я пошелъ сзади всѣхъ и когда подходилъ къ дверямъ инспекціи, то оттуда вышелъ Рыбаковъ и сказалъ мнѣ, что Зѣнченко уже насъ предупредилъ предложивъ Бальди «убрать списокъ, такъ какъ въ него начинаютъ записываться обструкціонисты». Когда выходилъ Зѣнченко, я его назвалъ въ глаза шпіономъ, но онъ на это только улыбнулся и прошелъ мимо. За него заступился, какой-то черненькій, студ-тъ, кажется его фамилія Магула, который заявилъ, что, по его мнѣнію поступокъ Зѣнченко не доносъ. Въ длинныя объясненія по этому поводу съ нимъ не вступалъ.

Предсѣдатель. Тутъ записи уже не было?

Звѣревъ. Запись была прекращена.

Рейнъ. Вамъ не случалось раньше, совершенно напрасно, называть кого-нибудь шпіономъ?

Звѣревъ. Былъ такой случай—я назвалъ шпіонствомъ поступокъ, кажется, Стахурскаго. Патріоты разсылали приглашеніе дать свой голосъ за ту, или иную резолюцію. Если мнѣ дадутъ эту повѣстку, я вспомню. (Гапѣевъ даетъ ему повѣстку «группы патріотовъ» и Звѣревъ ее читаетъ *). Меня возмутило тогда, что они называютъ себя такъ открыто; въ числѣ подписей была подпись Стахурскаго. Меня тогда этотъ фактъ поразилъ, но теперь я сознаю, что юридически я былъ неправъ.

Кутыринъ. Это резолюція была вывѣшена въ столовой?

Звѣревъ. Можетъ быть.

Кутыринъ. Значитъ, она не была тайной, потому что она даже была напечатана въ «Освобожденіи».

Дэви. Вы сами не представляли группы?

Звѣревъ. Ни одной группы не представлялъ.

Зерновъ. А Вы держали экзамены?

Звѣревъ. Нѣтъ, я былъ исключенъ на два года.

Нацваловъ. Не припомните ли, что я Вамъ говорилъ относительно Сконопница-Грабовскаго, когда увидѣлъ его на Толстовской вечеринкѣ говорящимъ съ Носаремъ? И могъ ли это слышать Сконопницъ?

Звѣревъ. Вы мнѣ сказали, чтобы я предупредилъ Носаря, что Скон.-Грабовскій подозрѣваемый, но я и раньше до суда не считалъ Сконопница виновнымъ, а это было послѣ его оправданія. Потому, я не считалъ себя въ правѣ сказать что-нибудь и Носарю.

Предсѣдатель проситъ свидѣтеля Рыбакова.

Рыбаковъ подтверждаетъ разсказъ Звѣрева.

Предсѣдатель. Это при Васъ было, Вы одинъ изъ первыхъ были въ инспекціи?

Рыбаковъ. Дѣло было такъ. Когда Коцовскимъ было заявлено, что не будетъ экзамена, то былъ разговоръ, что будутъ дальше пускать въ инст-тъ только записавшихся.

Предсѣдатель. Это въ полъ голоса? Другіе не слышали? Со словъ Звѣрева я понялъ, что это говорилось между собой.

Рыбаковъ. Думалъ, что это можно было слышать. Часть направилась въ инспекцію. Зѣнченко опередилъ насъ и сказалъ Бальди: «Иванъ Валеріановичъ, уберите списокъ, тутъ хотятъ записываться обструкціонисты». Бальди отказался принимать запись, списки же убралъ.

Предсѣдатель. А раньше до заявленія Зѣнченко принималась запись?

Рыбаковъ. Да.

Рейнвальдъ. Я успѣлъ записаться, я былъ во всѣхъ стадіяхъ дѣла. Когда отошелъ отъ инспекціонной конторки, то слышалъ, какъ Зѣнченко просилъ убрать списки.

Предсѣдатель. Зѣнченко говорилъ, по собственному предположенію, или слышалъ Вашъ разговоръ?

Рыбаковъ. Я думаю, что слышалъ. Къ тому же, онъ видѣлъ лицъ, желавшихъ записаться и могъ самъ заключить, для чего это дѣлается.

Предсѣдатель. Онъ просилъ прекратить всю запись или только относительно этого списка?

Рыбаковъ. Убрать списки вообще, по которымъ записавшіеся должны держать были въ этотъ день.

Баклановъ. Я хотѣлъ бы внести нѣкоторыя поправки въ показанія Коновалова и Коцовскаго. Они утверждали, что не было никакихъ мѣръ строгости для проведенія экзаменовъ. Въ такомъ духѣ, говорилъ на сходкѣ 3-го курса Коцовскій черезъ, ея предсѣдателя, Винокурова. На самомъ дѣлѣ, это было не такъ. Я пошелъ 28 апрѣля въ инст-тъ. Онъ охранялся нашими сторожами. Добраться трудно было. Когда, въ концѣ концовъ, я добрался до Коцовскаго, и сказалъ, что мнѣ нужно уѣхать. Онъ сказалъ: «господинъ, мы теперь отпуска не даемъ».—«Что же мнѣ дѣлать?»—«Увольняйтесь».—«На чье имя подавать прошеніе объ увольненіи?»—«На имя Коновалова».—«Что же это новая мѣра Коновалова?» Коцовскій смутился. Я просилъ, можно ли отдать на храненіе въ инспекцію свои проекты. Онъ далъ разрѣшеніе. Я подалъ прошеніе объ увольненіи и мнѣ на слѣдующій день были выданы бумаги. Я просилъ у Коцовскаго, могу ли я разсчитывать на обратный пріемъ, когда пожелаю. Коцовскій—«Все у насъ рѣшаетъ Совѣтъ, если у Васъ нѣтъ порочащихъ обстоятельствъ, то примутъ». — «А экзаменъ разрѣшатъ осенью?»—«Вѣроятно, нѣтъ». Это характеризуетъ, какими мѣрами проводились экзамены. 29 апрѣля я встрѣтилъ студ-та Ренгартена, который мнѣ сказалъ: Коцовскій отказался выдать отпускъ и сказалъ: „сдайте хоть одинъ экзаменъ,—тогда получите". Я сдался, приступилъ къ экзаменамъ. Разговаривалъ я и съ правителемъ канцеляріи, Ждановымъ насчетъ воинской повинности. Онъ сказалъ: „Дѣло скверно, это громадный козырь у Коновалова". Онъ предполагалъ, что исторія уляжется и профессора вернутся. Затѣмъ начальствоуп отребляло обыкновенныя мѣры. Изъ 180 студ-въ 3 курса для совѣщанія были посланы билеты 50 студ-мъ благонамѣреннымъ, еще не приступившимъ къ экзаменамъ. Лури и

другіе спрашивали, почему имъ не прислали билетовъ. Разъяснили, что для нихъ совѣщаніе будетъ ва слѣдующій день. Это значитъ, еще одна чистка, приглашеніе только благонамѣренныхъ, съ точки зрѣнія инспекціи. Затѣмъ я желалъ бы отвѣтить Воскресенскому на его вопросъ о совѣщаніи 3 курса. На этомъ совѣщаніи одинъ изъ присутствующихъ студ-въ задалъ такой вопросъ: Есть ли у насъ сила сопротивляться дальше Коновалову? Большинство высказалось отрицательно. Вотъ мѣры, которыми увеличивали число экзаменующихся!

Гаппеевъ. Вы говорили о Ренгартенѣ. Это бывшій «своб. д-щій».

Предсѣдатель. Коцовскій говорилъ въ началѣ совѣщанія, что кто хочетъ, пусть экзаменуется, а кто хочетъ уѣхать, пусть уѣзжаетъ?

Баклановъ. Да.

Зерновъ. Самъ Коцовскій говорилъ?

Баклановъ. Нѣтъ, черезъ, предсѣдателя сходки, Винокурова.

Гессенъ. Это на совѣщаніи благонадежныхъ 12 апрѣля?

Баклановъ. Да, на сходкѣ со словъ Коцовскаго передавалось, что этотъ моментъ, онъ считаетъ самымъ несчастнымъ моментомъ въ его жизни. Никто не виноватъ, виновато несчастное стеченіе обстоятельствъ. Отпуски будутъ выдаваться до 1 мая, а затѣмъ дальше. Говорилъ, что кто не будетъ держать весной, получитъ экзаменъ осенью... Говорилъ также что Совѣтъ никакихъ репрессивныхъ мѣръ не будетъ примѣнять.

Зерновъ. Вы передаете подлинныя слова Коцовскаго?

Баклановъ. Да, со словъ, разговаривавшихъ съ нимъ.

Предсѣдатель. Когда Вы говорили съ нимъ о своемъ отпускѣ, почему Вы не сослались на его слова?

Баклановъ. Я сразу это сказалъ, но онъ быстро и невнятно сталъ бормотать (знающіе Коцовскаго подтвердятъ эту манеру). Я ему: говорилъ, „что прежде Вы говорили совсѣмъ другое"?—„Теперь мы рѣшили иначе, нѣтъ смысла давать отпускъ до 1 мая"!

Гессенъ. Когда у Васъ были разговоры съ нимъ?

Баклановъ. Числа 28—29 или 30 апрѣля—не помню точно.

Гессенъ. А 12 апрѣля онъ говорилъ иное?

Баклановъ. Совсѣмъ иное.

Гливицъ. 4 іюня я получилъ изъ Одессы телеграмму о болѣзни отца, теперь уже покойнаго. Коцовскій отпуска не далъ и сказалъ: „Держите экзаменъ". А 8 іюня экзамены уже прекращались, начинать было невозможно. Коцовскій предложилъ просить объ оставленіи

на 2-й годъ. Я прошенія не подалъ и уѣхалъ безъ отпуска. Лѣтомъ случайно узналъ, что меня уволили.

Нечаевъ. Въ 902 году Вы были уволены?

Баклановъ. Да.

Нечаевъ. А сопротивленіе было тогда сломлено?

Баклановъ. Нѣтъ.

Урбановичъ. Въ которомъ часу было совѣщаніе 12 апрѣля?

Баклановъ. Послѣ 4 ч. дня.

Урбановичъ. Т. е. послѣ экзамена? А полиція была?

Баклановъ. Видѣлъ двухъ городовыхъ и одного коннаго.

Соколовъ. Были на это совѣщаніе приглашены „своб.-д-щіе".

Баклановъ. „Своб.-д-щіе" безъ того имѣли свободный доступъ въ инст-тъ.

Соколовъ. А вопросъ о ихъ удаленіи съ совѣщанія подымался?

Баклановъ. „Своб.-д-щіе" даже были; зашли сами, Щировскій и Александровъ. Имъ говорили, что они не могутъ быть. Въ рѣшеніи они участія не принимали. Нѣкоторые ушли, другіе нѣтъ.

Нечаевъ. Такъ что, благонадежные собственной иниціативой исключали ультраблагонадежныхъ?

Баклановъ. Не понимаю.

Нечаевъ. Совѣщаніе было, по Вашему, по иниціативѣ начальства; слѣдовательно „своб.-д-щіе" не имѣли право придти. Однако благонадежные, въ предвѣдѣніи этого, рѣшили не допустить?

Баклановъ. Мы имѣли билетъ на этотъ день, а „своб.-д-щіе" имѣли право входа. Когда пришелъ Щировскій, поднялся этотъ вопросъ. Мы рѣшали вопросъ объ экзаменахъ. На столѣ лежали листы съ подписями: 1, 2, 3,...5 экзаменаціонная группа.

Нечаевъ. На совѣщаніи поднимался вопросъ, что здѣсь только благонамѣренные?

Баклановъ. Бобковъ поднималъ въ этомъ смыслѣ.

Леонтьевъ. Что значитъ благонамѣренные?

Баклановъ. Съ точки зрѣнія инспекціи.

Леонтьевъ. Выдѣлилась группа, желавшая держать экзамены: это «своб.-д-щіе». А потомъ выдѣляется еще группа изъ оставшихся?

Баклановъ. На 3 курсѣ было приблизительно 180 человѣкъ; изъ нихъ скажемъ 100 человѣкъ не „своб.-д-щихъ". Изъ этихъ 100 было приглашено 50 не по алфавиту, а по выбору инспекціи.

Леонтьевъ. Чѣмъ же она руководствовалась?

Баклановъ. Вѣроятно, инспекція знала, кого нужно пригласить. Студ-ты узнаются на сходкахъ. Кто не говорилъ на сходкахъ, его

инспекція не знала. Лури говорилъ и былъ извѣстенъ, какъ неблагонадежный и не приглашенъ.

Нечаевъ. Поднимался ли вопросъ, что здѣсь особо облеченные инспекціи и „своб.-д-щіе" присутствовать не могутъ?

Баклановъ. Бобковъ поднималъ этотъ вопросъ и говорилъ, что довѣріемъ такой чистки, раздѣленія мы не должны допускать.

Нечаевъ. Какъ же собраніе отнеслось къ этому предложенію?

Баклановъ. Лично, я былъ на сторонѣ Бобкова.

Соколовъ. На этомъ собраніи Вы не интересовались узнать, сколько студ-въ уже выразило желаніе держать экзамены?

Баклановъ. Вообще интересовались, а спеціально о 3 курсѣ —нѣтъ.

Воскресенскій. Какая резолюція была принята на 3 курсѣ?

Баклановъ. Резолюція будетъ сообщена предсѣдателемъ Винокуровымъ; онъ ее читалъ Коцовскому.

Воскресенскій. Что же было рѣшено на собраніи 48 благонамѣренныхъ студ-тъ 3 курса?

Баклановъ. Я уже говорилъ, что, по предложенію Григорьева, былъ поставленъ на баллотировку вопросъ: есть ли у насъ силы дольше бороться съ Коноваловымъ, большинство отвѣтило,—нѣтъ.

Воскресенскій. Однако въ бюллетенѣ написано: 48 студ-въ 3-го курса постановили къ экзаменамъ не приступать и т. д.

Баклановъ. Въ бюллетенѣ это не могло быть написано.

Воскресенскій. Однако это написано.

Баклановъ. Тамъ было нѣсколько баллотировокъ.

Воскресенскій. Разъ вопросъ перебаллотировывается, то значеніе имѣетъ послѣдняя баллотировка?

Баклановъ. Несомнѣнно, послѣдняя редакція была, что нѣтъ силъ бороться.

Воскресенскій. И она должна была быть въ бюллетенѣ?

Баклановъ. Да, другой тамъ не могло быть.

Воскресенскій проситъ огласить бюллетень № 11*.

Предсѣдатель читаетъ изъ бюллетеня резолюцію сходки.

Воскресенскій. По Вашему эта резолюція передана вѣрно?

Баклановъ. Мое впечатлѣніе, что эта резолюція принята большинствомъ. Эта резолюція была принята не единогласно.

Воскресенскій. Выдѣлилась тогда группа въ 12 человѣкъ, которая объявила, что она экзамены будетъ держать и подала свой списокъ въ инспекцію 12-го же, а 13 они получили билеты для входа въ инст-тъ?

Баклановъ. Да.

Воскресенскій Я поднялъ этотъ вопросъ для того, чтобы выяснить, что въ бюллетеняхъ Орг. комит. сообщены невѣрныя свѣдѣнія.

Пятницкій. Что Вы подразумѣваете, подъ названіемъ „своб.-дщій"? тѣхъ, которые до Вашего совѣщанія приступили къ экзаменамъ?

Баклановъ. Нѣтъ, это только тѣ, которые выдѣлились на сходкахъ 12 и 15 марта.

Предсѣдатель. Почему вы думали, что всѣ выдѣлившіеся получили билеты?

Баклановъ. Было такое впечатлѣніе. Можетъ быть это фактически невѣрно. Было вывѣшено росписаніе экзаменовъ, и списки экзаменующихся были, когда остальнымъ не было возможности составлять. Изъ этого я заключаю, что всѣ «своб. д-щіе» пользовались входомъ въ инст-тъ.

Зерновъ. Вы говорили объ экзаменаціонныхъ спискахъ, что же это были за списки?

Баклановъ. Бѣлые листы безъ фамилій, на которыхъ было написано: такая-то экзаменаціонная группа.

Кутыринъ. Тѣхъ, которые приступили къ экзаменамъ единовременно со «своб.-д-щими» Вы ихъ не считаете за «своб. д-щихъ»?

Баклановъ. Нѣтъ. Надо принимать во вниманія условія. Въ инст-тѣ происходила борьба между студенчествомъ и Коноваловымъ. Если бы царило единство, Коноваловъ ушелъ бы. Коноваловъ опираясь на группу «своб. д-щихъ» устроилъ экзамены. Я считаю виновными первыхъ лицъ—«своб.-д-щихъ».

Нечаевъ. Очевидно инспекція впуская однихъ, и не впуская другихъ, руководилась не спискомъ «своб. д-щихъ». Я былъ «своб. д-щій», но получилъ билетъ на совѣщаніе 12 апр. Когда я вошелъ въ залъ собранія, то подошелъ къ двумъ своимъ короткимъ знакомымъ. У нихъ была въ рукахъ какая-то бумажка. На мой вопросъ, что это за списокъ, они отвѣтили: это «своб. д-щіе». Я освѣдомился, нѣтъ ли меня тамъ.—Есть—А что это значитъ?—Вамъ неудобно быть здѣсь.—Я раскланялся и ушелъ.

Щировскій. Дѣлаетъ заявленіе о своемъ пребываніи на совѣщаніи 12 апр. и о томъ, что онъ тамъ въ первый разъ узналъ, что существуютъ какіе-то «своб. д-щіе».

Предсѣдатель. (Бакланову) Вы помните заявленіе Щировскаго?

Баклановъ. Какое-то такое заявленіе было, но точно не помню.

Оцупъ подтверждаетъ, что Щировскій на вопросъ, развѣ онъ не «своб. д-щій», сказалъ: «что это такое за «своб. д-щіе»?

Щировскій. Я не считалъ бы возможнымъ, оставаться на совѣщаніи, если бы не получилъ на него билетъ.

Перерывъ.

Предсѣдатель проситъ свидѣтеля Поповича.

Поповичъ. Въ первой части показанія я дамъ относительно издательскаго дѣла, въ которомъ принималъ участіе. Вторая часть будетъ заключаться въ отвѣтѣ на обвиненіе, возведенное на меня Орг. комит. Проситъ разрѣшеніе прочесть свои показанія. Это дастъ полную картину и надобности въ вопросахъ не будетъ.

Предсѣдатель. Это будетъ неизбѣжно, вопросы будутъ все равно предлагаться. Изложите въ связномъ разсказѣ и покороче.

Поповичъ. Я былъ выбранъ въ Издательскую коммиссію. Въ 1901 г. съ сентября, по октябрь я былъ членомъ, а съ октября превратился въ служащаго и вышелъ изъ состава коммиссіи. Служа 600 студентамъ, слышалъ только хорошіе отзывы. Былъ прикащикомъ по постановкѣ дѣла, а не по существу. Развилъ дѣло, и въ настоящее время имѣется наличный инвертарь на сумму 10.000 рублей. Съ послѣдней коммиссіей не сходился, такъ какъ міровоззрѣніе мое шло вразрѣзъ съ членами коммиссіи. Затрудняюсь говорить о своихъ заслугахъ, не желаю хвастаться. Судъ самъ установитъ точку зрѣнія. Что привело меня въ судъ?—9 февраля подалъ заявленіе «своб. д-щимъ» о своей солидарности. Въ проскрипціонномъ спискѣ меня называютъ «почтеннымъ дѣятелемъ», что онъ поступилъ на службу инспекціи, а также и въ томъ, что я «своб. д-щій». Если желаютъ узнать, какой я «своб. д-щій», могу сказать.

Предсѣдатель. Въ объясненіяхъ здѣсь уже указывалось, что «своб. д-щимъ» васъ не считаютъ.

Мефферть. И никогда не считали.

Поповичъ. Не принадлежу? Считаю нужнымъ разсказать, какъ меня соблаговолили принять въ корпорацію. Сначала меня не хотѣли принять...

Предсѣдатель. Васъ не считаютъ «своб. д-щимъ».

Поповичъ. Почему же въ списокъ попалъ?

Долбня. Тамъ другая редакція.

Гаппеевъ. Поповичъ помѣщенъ въ отдѣльной категоріи.

Люстихъ. Здѣсь сказано: «сперва изъ трусости не присоединился».

Слѣдовательно можно думать, что вы, впослѣдствіи, присоединились.

Поповичъ проситъ прочесть мотивировку, которую подалъ выступая стороной въ судѣ.

Предсѣдатель. Этотъ вопросъ выясненъ. Васъ не считаютъ „своб. д-щимъ". Разскажите о вашей издательской дѣятельности и службѣ въ инспекціи?

Поповичъ. Заявленіе, что служу въ инспекціи, считаю оскорбленіемъ и гнусной инсинуаціей.

Предсѣдатель. Прошу не употреблять рѣзкихъ и бранныхъ выраженій, потому что это не выясняетъ дѣла, а лишь обостряетъ отношенія.

Поповичъ. Служилъ съ 15 августа 1901 г., по 1 апрѣля 1904 г., Отношеніе коммиссіи рисуется въ слѣдующемъ видѣ. За все время всегда и всѣмъ это было извѣстно, что фактическую сторону дѣла велъ я одинъ, работалъ одинъ, да изъ членовъ коммиссіи одинъ или два. Во всякой студенческой коммиссіи работаютъ дѣйствительно одинъ, самое большое, два лица; остальные засѣдаютъ, развиваютъ высшія идеи, берегутъ традиціи, оцѣниваютъ жизнь и людей съ точекъ зрѣнія высшей справедливости или рѣшая общественныя дѣла, слѣдуютъ примѣру англійскаго парламента. Издательская коммиссія, исключеніе въ этомъ отношеніи, не представляла и находилась въ наилучшихъ условіяхъ, такъ какъ у ней кромѣ дѣятелей добровольцевъ былъ еще „платный служака". Коммиссія имѣла опредѣленныя цѣли и задачи. Когда была охота, то члены занимались дѣломъ. Студ-ты, когда касалось дѣла, не хотѣли знать Издательской коммиссіи. Часто, по этому поводу приходилось съ ними спорить. Мнѣ было это лестно, но было бы пріятно, чтобы и другіе принимали участіе. Уходъ мой со службы произошелъ при особаго рода обстоятельствахъ. Вопросъ о закрытіи лавочки былъ рѣшенъ во время сходки, но не сходкой; такъ что это рѣшеніе было вынесено 2 членами: Гапѣевымъ и Лемпертомъ; при чемъ разговоръ объ этомъ велся полушепотомъ, чтобы не мѣшать теченію сходки. Постановленіе это, хотя и частное, я привелъ въ исполненіе, и лекціи съ 16 марта не продовались.. Мнѣ казалось, что вопросъ о прекращеніи продажи лекцій надо было поднять на сходкѣ 12 марта, но они не подняли. Черезъ два—три дня мнѣ, хозяину, нужно было попасть въ складъ, чтобы отдать инспекціи, проданныя ей уже раньше программы. Я былъ удивленъ, когда увидѣлъ на дверяхъ висячій замокъ. Впослѣдствіи я узналъ, что это личная продѣлка Лемперта. Я, какъ хозяинъ, сорвалъ замокъ

и вошелъ въ складъ. На слѣдующій день, ко мнѣ явились Лемпертъ, Гапѣевъ и Новосильцевъ. Изъ разговоровъ выяснилось, что я обязанъ былъ выдать программы, имѣлъ право входа. Но для меня былъ непріятенъ этотъ инцидентъ, потому что, были различные слухи и разговоры. Начали выяснять дальше положеніе издательскаго дѣла. Поднялся вопросъ, какъ удовлетворить студ-въ, неполучившихъ листовъ. Считая этотъ вопросъ наиболѣе существеннымъ, такъ какъ считалъ безчестнымъ для студенческаго учрежденія грабить людей, во имя какой бы то ни было идеи, и что передъ товарищами мнѣ одному придется отбояриваться. Мнѣ одному приходилось отвѣчать за дѣйствіе Издательской коммиссіи, когда касалось дѣла и я одинъ объяснялся и ругался. Присутствовавшіе нашли возможнымъ выдать, но какъ это устроить—было затруднительно. Устроить у себя складъ и имѣть разговоръ съ полиціей было трудно (1000 листовъ) и поэтому, я отказался, а предлагалъ, чтобы мнѣ разрѣшили пойти въ складъ, чтобы, имѣть возможность, выдать недоданные листы. Это первое. Второе—какъ быть съ типографіей? Типографы люди бѣдные, дѣлаютъ намъ долгосрочный кредитъ. „Будь забастовка даже благо для студ-въ, но люди эти не должны платиться: нельзя же грабить невинныхъ людей". (Долгъ типографіи 660 руб. съ копѣйками).

Предсѣдатель проситъ не употреблять рѣзкостей.

Поповичъ. Это можетъ меня компрометировать, потому что я заявлялъ...

Предсѣдатель. Разсказывайте дальше.

Поповичъ. Я заявилъ, добро бы, если бы Коноваловъ закрылъ—одно, а если мы — другое. Мы должны расплатиться. На этотъ вопросъ получилъ отвѣтъ—по случаю военныхъ дѣйствій, всѣ платежи прекращаются. Этимъ отвѣтомъ были удовлетворены всѣ, кромѣ меня. 21 марта Гапѣевъ принялъ отъ меня деньги за проданныя лекціи и я не услышалъ, что онѣ передаются въ военное время. (Въ это время отношенія съ Гапѣевымъ на столько обострились, что деньги я переслалъ черезъ жену и получилъ отъ нея росписку). Далѣе разговоръ зашелъ о томъ, какъ закрыть складъ. Предлагалось поставить печать. Это было не лестно, ни для меня, ни для студентовъ и рѣшили закрыть моимъ ключемъ и замкомъ Лемперта. Я заявлялъ, что Коноваловъ, какъ фактическій хозяинъ, можетъ потребовать очистки комнаты склада. Что же я тогда буду дѣлать съ инвентаремъ? Тогда я потребовалъ принять отъ меня инвентарь, потому что не зналъ, что дѣлать, если Коно-

валовъ потребуетъ очистки. Коммиссія лишь разговаривала, а дѣломъ завѣдывалъ я. Мое положеніе было щекотливое, за цѣлость отвѣчалъ я. Институтъ былъ закрытъ, но обструкціи еще не было и попасть въ институтъ можно было для того, чтобы принять отъ меня складъ, но они не рѣшились. Принять складъ дѣло сложное, не меньше недѣли. Въ концѣ концовъ, когда обо всемъ переговорили, рѣшили запереть складъ замкомъ. Я поѣхалъ съ Лемпертомъ въ институтъ и заперли складъ; я далъ честное слово, что никто другой, съ моимъ ключемъ, въ складъ не попадетъ, что и держалъ до вскрытія склада. Съ тѣхъ поръ въ институтѣ не былъ. На сходкѣ 15 марта не былъ, голоса не подавалъ и въ списокъ не записывался. Дѣлалъ это потому, что хотѣлъ хоть разъ въ жизни распорядиться своей судьбой, согласно міровоззрѣнію. (Говоритъ о томъ, что онъ индивидуалистъ). Страдалъ постоянно за другихъ и никогда никто за меня. Всегда былъ за массовые протесты, но ничего отъ нихъ не ждалъ, но всегда отсиживался, что можетъ удостовѣрить Дмитрій Степановичъ Зерновъ по Харьковскому технологическому институту. Про обструкцію 2 апрѣля узналъ со стороны, никто меня не приглашалъ. Ни на сходки, ни на совѣщаніе по поводу экзаменовъ меня не приглашали. 4 апрѣля былъ вызванъ по повѣсткѣ къ Коцовскому, но зачѣмъ, — въ повѣсткѣ не было обозначено. (Студенты начальствомъ третируются: по имени и отчеству не называются, гражданами не считаются и, приглашая насъ, не говорятъ, зачѣмъ приглашаютъ). Коцовскій потребовалъ, чтобы я открылъ складъ, я говорилъ, что онъ ошибся адресомъ. Съ этимъ надо обращаться не ко мнѣ, а къ Издательской коммиссіи. Коцовскій удовлетворился этимъ и пригласилъ членовъ коммиссіи. Что онъ съ ними говорилъ, — не знаю; изъ газетъ узналъ, что они отказались открыть складъ. Свидѣтелемъ моего разговора былъ студентъ Чупраковъ и др., требовавшіе безапелляціонно продажи лекцій. Масса лицъ выражала это требованіе, но фамилій ихъ не помню, потому что не могъ тогда сосредоточиться. Затѣмъ былъ приглашенъ въ профессорскую, гдѣ былъ Коноваловъ и Липинъ. Коноваловъ сказалъ, что проходя мимо издательскаго склада, онъ замѣтилъ, что складъ запертъ и моей рукой написано объявленіе, что продажа лекцій прекращена. «Я знаю, что это не Вы сдѣлали. Не можете-ли указать основные функціи Издательской коммиссіи и какъ ведется дѣло». Я сказалъ, лучше обратиться къ членамъ Издательской коммиссіи, съ которыми я лично не имѣю дѣла. Продажу же лекцій велъ я по книгамъ, опредѣленнаго образца. Коноваловъ спро-

силъ подробно объ организаціи дѣла и потомъ: «Согласенъ-ли я вести дѣло?» Я сказалъ, что вести чистое дѣло, безъ дрязгъ, я согласенъ. Свидѣтелемъ разговора былъ Липинъ. Къ Коновалову вечеромъ не пошелъ и никакой записки не представлялъ. 6 апрѣля Коцовскій заявилъ, что 5-го состоится Совѣтъ, на которомъ постановлено образовать коммиссію изъ Курнакова, Липина и Лебедева и вскрыть складъ и взять дѣло продажи лекцій въ руки Совѣта. Я заявилъ желаніе присутствовать, понятымъ, при вскрытіи склада, чтобы имѣть нити для представленія отчета студентамъ. Легко себѣ представить, что было бы, еслибы у меня не было теперь матеріала. Они легко меня обвинили бы, желая ловить рыбку въ мутной водѣ. Выслушавъ Коцовскаго, я сказалъ, что жалко дѣла, которое я создалъ, безъ дѣла и людей жить не могу и я согласенъ завѣдывать складомъ. Издательская коммиссія была фиктивнымъ хозяиномъ и не принимала участія въ дѣлахъ. Фактически оставалось одно и то же лицо, ведшее все дѣло. Я не скучалъ, работая по издательству. 7 апрѣля была вскрыта лавочка. Это ужъ установлено предыдущими показаніями.

Предсѣдатель. Вы все таки вкратцѣ передайте, что было въ Вашемъ присутствіи?

Поповичъ. Былъ понятымъ. (Передаетъ выписку изъ журнала Совѣта) *.

Предсѣдатель. (Читаетъ постановленіе Совѣта отъ 5 Апрѣля).

Долбня. Какъ производился самый взломъ?

Поповичъ. Изъявившихъ желаніе, быть понятыми, было около 9—10 студ-овъ, но послѣ третьяго, запись Коцовскій прекратилъ. На вскрытіи присутствовали профессора и инспекція, Бальди съ Коцовскимъ и студ-ты. Коцовскій сказалъ: «Поповичъ, откройте». Я сказалъ, что не могу. Тогда онъ что то сказалъ сторожу; тотъ дернулъ и сорвалъ висячій замокъ. Оставался внутренній замокъ. Коцовскій обратился ко мнѣ: «дайте ключъ». Я отвѣтилъ, что ключа у меня нѣтъ, во избѣжаніе всякихъ непріятностей. Тогда Бальди распорядился, чтобы принесли второй ключъ, который, по объясненію Бальди, существуетъ на случай пожара. Не дождавшись ключа, Бальди сказалъ. «а ну-ка я попробую открыть дверь, какъ это дѣлаютъ обструкціонисты» и высадилъ двери. Кому смѣшно было, а кому и грустно. Я при этой сценѣ я дрожалъ. Какъ только вошли въ комнату, я вошелъ за перегородку, куда обыкновенно студ-ты не входятъ. Коцовскій потребовалъ дать отчетъ, чтобы провѣрить наличность инвентаря. Я сказалъ, что не обязанъ давать отчетъ,

они не хозяева и не могутъ ревизовать, такъ какъ незнакомы съ моей бухгалтеріей. Указать же имъ, какъ это сдѣлать, значило бы насмѣхаться надъ ревизіей. Они явились лишь константировать наличность имущества. Всѣ согласились съ этимъ. Когда выяснилось, что для того, чтобы установить наличность имущества, потребуется по крайней мѣрѣ недѣля срока, а нѣкоторые изъ нихъ располагали четвертью и получасомъ времени, то предложили составить опись мнѣ самому. На предложеніе «согласенъ ли я быть завѣдывающимъ складомъ; вмѣстѣ съ утвердительнымъ отвѣтомъ, я считалъ нужнымъ, передъ уполномоченными лицами дать мотивировку, почему я такъ дѣлаю: я всегда былъ товарищемъ, когда считалъ нужнымъ, мнѣ было бы неловко передъ товарищами, если бы я не далъ мотивировки. Я сказалъ, что не былъ членомъ Изд. комиссіи, а потому не вижу неудобства оставаться на службѣ безъ нихъ; во вторыхъ, я долженъ уплатить деньги типографіи. Издат. коммиссія отказалась и я проводилъ личный взглядъ, ибо я тоже гражданинъ и студ-тъ Горн. инст-та; въ третьихъ, я всегда нуждался въ заработкѣ. Просилъ увеличить вознагражденіе съ 30 на 50 рублей, потому что и обязанности мои увеличились; я и кассиръ, и продавецъ, и посредникъ, и отвѣтственное лицо, то-есть, долженъ дѣлать то, что дѣлала вся Издат. комиссія. Или эта работа ничего не стоила, или я получалъ слишкомъ много—не знаю. Эти 50 р. вызваны тѣмъ, что я несъ все дѣло Издат. комис., потому что былъ кассиръ, который долженъ былъ представлять отчеты. Я не видалъ ни при нормальныхъ, ни при ненормальныхъ условіяхъ этихъ отчетовъ, а я долженъ былъ представлять эти отчеты. Я и поставилъ условіе 50 р., и просилъ помощника, потому что дѣла много и чтобы не быть самодержцемъ, ибо все таки это общестуденческое дѣло требуетъ общественнаго наблюденія и контроля. Я пригласилъ студ-та Малышева. Онъ попалъ въ проскрипціонный списокъ вмѣстѣ со мной. Я же зналъ его, какъ лучшаго человѣка и хорошаго товарища. Это былъ лучшій работникъ въ Издат. комис., обладавшій хорошимъ почеркомъ, и былъ даже вопросъ объ увеличеніи ему платы, но отказался. Я зналъ Малышева и воспользовался рекомендаціей Издат. комис. — Итакъ я открылъ продажу лекцій. Черезъ нѣкоторое время распространились слухи, что я нахожусь на службѣ у инспекціи, продалъ себя и ключъ отъ Издател. комиссіи за приличное вознагражденіе Коновалову. Возмущенный этимъ, и думая, что это происходитъ отъ незнанія обстоятельствъ дѣла, пошелъ въ столовую Гунста, единствен-

ное мѣсто, гдѣ собирались студ-ты. Въ присутствіи нѣсколько десятковъ человѣкъ (помню Гапѣева, ибо былъ съ нимъ инцидентъ), я изложилъ сущность дѣла и лишилъ возможности дальше продолжать сплетни. Заявилъ, что инспекціи не служу, дверей не ломалъ, душу не продовалъ, но лишь заставилъ оплатить трудъ, какъ я его цѣню. Я поступилъ въ услуженіе къ Совѣту. 14 апрѣля явились ко мнѣ студ-тъ Сарсадскихъ и еще кто то, съ требованіемъ, возвратить имъ книги и отчетъ о продажѣ. Я отказался, такъ какъ они имѣютъ силу и значеніе лишь для меня. Прочли резолюцію, что я на службѣ у Издат. комисс. не состою и несу матеріальную отвѣтственность за всѣ лекціи, проданные послѣ ухода и что я состою на службѣ у инспекціи. Я заявилъ, что не считаю ихъ членами Издат. комиссіи, такъ какъ они сами отъ этого отказались, а Издател. комиссія не существуетъ. Не будучи ни нравственно, ни юридически съ ними связанъ, я наконецъ предложилъ имъ такой вопросъ: до какихъ поръ я долженъ считать ихъ своими хозяевами; до тѣхъ ли поръ, пока это самообольщеніе имъ не надоѣстъ, или пока они всѣ не помрутъ. На этомъ разговоръ кончился.—Всѣ студенты покупали у меня лекціи, безъ различія партій. По этому поводу, у меня были интересный разговоръ со студ-мъ Цухановымъ. Когда Цухановъ покупалъ лекціи, черезъ нѣсколько дней по открытіи склада. Не знаю, «своб. д-щій» онъ или нѣтъ? Я замѣтилъ холодное отношеніе. Я спросилъ о причинахъ перемѣны. Онъ спросилъ, «зачѣмъ я взялся»? Я отвѣтилъ: «У Васъ есть деньги и Вы имѣете право пользоваться лекціями, а я не имѣю денегъ и не имѣю права пользоваться дѣломъ, которое я создалъ». Онъ извинился и мы распрощались, а осенью онъ опятъ не подалъ мнѣ руки. Я еще слышалъ, что платитъ мнѣ Коноваловъ. Я возражаю, что не Коновалову я служу, не Коновалову продаю, ибо дѣло само себя окупаетъ. Два раза осенью я, дѣйствительно, получилъ по чеку изъ казначейства жалованье. Но это произошло оттого, что въ Издательской кассѣ не было ни копейки денегъ. Наконецъ заявляли, что поддерживая продажу, я поддерживалъ Коновалова. Да, поддерживая экзамены, я косвенно поддерживалъ и Коновалова, но прямо способствовалъ всѣмъ державшимъ экзамены и себѣ. Держали экзамены студ-ты той и другой стороны. Затѣмъ студ-тъ Гапѣевъ послѣ ухода изъ Издат. комиссіи и уволненія изъ института, обратился ко мнѣ черезъ сторожа Покидова за программами. У кого бы онъ ихъ купилъ?! Между тѣмъ онъ былъ и остался моимъ противникомъ. Укажу еще примѣръ: Елютинъ слышалъ въ столовой Гунстъ мои объясненія

о вскрытіи склада. Однако потомъ говорилъ Малышеву, потерялъ ключъ отъ склада инспекціи. Вообще же когда я спрашивалъ, никто мнѣ не могъ объяснить, что есть предосудительнаго въ моихъ поступкахъ. Пусть же судъ выведетъ: служилъ ли я инспекціи и «продалъ ли я душу» и т. д. Жалованье я получалъ 50 р. и меньше не могъ, это могутъ подтвердить компетентныя лица (типографы и пр.). Помощникъ получалъ 25. Изъ этихъ суммъ я выплачивалъ просчеты и сторожу. Я говорилъ это Коновалову, на что онъ сказалъ, что начальство не можетъ вести мелкіе счета, а будетъ имѣть дѣло со мной однимъ; мнѣ будетъ выдаватся 75 руб., а ужъ я буду расплачиваться со всѣми остальными. Малышевъ получалъ не 25, а 23 рубля, это былъ личный договоръ, 2 руб. получалъ сторожъ. Прежде я получалъ 30 руб. и платилъ просчеты и сторожу. Осенью мнѣ предложили продолжать завѣдывать складомъ. Я подалъ записку о вознагражденіи.

Долбня. Кто предложилъ?

Поповичъ. Начальство.

Предсѣдатель. Инспекторъ Коцовскій?

Поповичъ. Коцовскій, другому (некому). Я заявилъ что меньше 75 руб. взять не могу, считая помощника, сторожа и частныхъ лицъ. Массѣ лицъ я платилъ (брошюровка книгъ и т. д.). Заявленіе мое было удовлетворено. Искалъ помощника. Обратился къ Малышеву. Онъ сказалъ, что охотно бы согласился, такъ какъ со мной пріятно работать, но занятъ на Невскомъ судостроительномъ заводѣ, а черезъ двѣ недѣли отвѣтитъ. Но и черезъ двѣ недѣли отказался, такъ какъ нашелъ урокъ и завода не бросилъ, и часы не совпадали. Въ это время познакомился съ Ив. И. Никшичемъ. Познакомились мы случайно, оказались у насъ общіе знакомые, онъ былъ въ Одессѣ общественнымъ дѣятелемъ, заинтересовался издательскимъ дѣломъ, въ виду чего, я ему и предложилъ быть помощникомъ. Я говорилъ ему, что здѣсь дѣло чистое и ясное, но здѣсь идутъ перепетіи. Онъ заявилъ, что онъ интересуется дѣлами, съ фактической лишь стороны, и согласился быть моимъ помощникомъ. Я говорилъ, что ему полагается жалованье 25 руб. Мы могли бы торговаться, но Никшичъ категорически отказался, отъ полученія вознагражденія, потому что онъ матерьяльно не заинтересованъ и вообще не нуждается, такъ что отказался, въ мою пользу. Мы сдружились, онъ сдѣлался моимъ столовникомъ, и дружба продолжалась до отказа, отъ издательскаго дѣла. Никшичъ не-

однократно говорилъ, что онъ откажется лишь въ томъ случаѣ,— если я откажусь. Вообще съ Никшичемъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Леонтьевъ. Я хотѣлъ бы задать техническій вопросъ.

Предсѣдатель проситъ сдѣлать это потомъ и вызываетъ Никшича.

Предсѣдатель. Вы слышали, что говорилъ г. Поповичъ, и подтверждаете?

Никшичъ. Сказанное Поповичемъ, я частью подтверждаю, частью совершенно отрицаю.

Зерновъ. Вы на какомъ курсѣ?

Никшичъ. Поступилъ, въ этомъ году, на 1-й курсъ.

Я познакомился съ Поповичемъ, послѣ отзывовъ одного изъ моихъ родственниковъ о Поповичѣ, съ самой хорошей стороны. Я слышалъ о Поповичѣ какъ о честномъ, энергичномъ, общественномъ дѣятелѣ. Интересуясь общественной жизнью института вообще и имѣя въ виду, въ будущемъ устроить бюро для пріисканія работъ студентамъ, я обратился съ этимъ къ Поповичу, какъ къ человѣку опытному; кромѣ того, я почти, никого не зналъ въ инст-тѣ. Поповичъ въ разговорѣ со мной, въ свою очередь, предложилъ мнѣ заняться издательскимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что онъ въ это время искалъ себѣ помощника и предложилъ мнѣ его мѣсто съ вознагражденіемъ въ 25 руб. Я, въ свою очередь, предложеніе его принялъ, но сказалъ, что такъ какъ съ дѣломъ совершенно не знакомъ, то первое время я не только не принесу ему пользы, но отниму у него время на мое обученіе и, по этой причинѣ, отказался отъ денегъ въ его пользу, тѣмъ болѣе что я въ нихъ не нуждался. Въ октябрѣ я увидѣлъ, что работаю одинаково съ Поповичемъ, и когда въ ноябрѣ зашелъ разговоръ о деньгахъ, я будучи человѣкомъ обезпеченнымъ, ему отвѣтилъ, что пусть эти деньги лучше пойдутъ на удешевленіе лекцій. Я даже не зналъ откуда идетъ жалованье: отъ начальства или отъ комиссіи, изъ денегъ за проданные лекціи. Я считалъ издательство, студенческимъ дѣломъ. Думалъ, что жалованье, получаемое Поповичемъ, предназначается ему, а помощнику онъ платитъ изъ своихъ средствъ.

Предсѣдатель. Когда былъ этотъ разговоръ?

Никшичъ. Въ концѣ октября.

Предсѣдатель. Значитъ онъ Вамъ предложилъ вторично.

Никшичъ. Да, Поповичъ вторично предлагалъ. Потомъ не приходилось говорить о вознагражденіи. Поповичъ получалъ 75 руб., я-же ничего. Между тѣмъ я работалъ, почти, столько же сколько и

Поповичъ. До меня стали, въ концѣ ноября, доходить различные слухи. Я обратился къ Поповичу за разъясненіемъ, но онъ просилъ не возбуждать при немъ разговора объ издательской комиссіи. Потомъ я случайно узналъ, что 50 руб. слѣдовало получать Поповичу, а 25 руб. мнѣ. Я Поповичу ничего не говорилъ, изъ стыдливости. Поповичъ часто мнѣ говорилъ, что благодаря мнѣ получаетъ 75 р. и благодарилъ за это. Въ декабрѣ Поповичъ работалъ всего 10 час. такъ какъ не ходилъ со 2-го до 22-го и, тѣмъ не менѣе, Поповичъ получилъ 75 руб.

Поповичъ. Со всѣмъ показаніемъ я согласенъ и счету часовъ я вѣрю. Я работать старался по мѣрѣ силъ и возможности. Работа Никшича была для меня одолженіемъ. Никшичъ просилъ меня бросить это дѣло, такъ какъ тутъ идутъ интриги. Я нуждался, и Никшичъ предлагалъ мнѣ взаймы 30 руб.

Никшичъ. Не 30 р., а 35 руб?

Поповичъ. Вѣрно, 35 р. Я отказался, ибо принципіально не беру въ долгъ. Брать въ долгъ, надо, имѣть возможность, отдать въ срокъ, а у меня нѣтъ денегъ ни лѣтомъ, ни зимою, что заработаю, тѣмъ и живу. Стипендіи и пособія я не получаю. Даю Вамъ честное, благородное слово, что я не помню, чтобы Никшичъ говорилъ мнѣ: пусть эти деньги идутъ на удешевленіе лекцій.

Предсѣдатель (Никшичу). Откуда Вы узнали, что Вамъ причитается 25 руб?

Никшичъ. Я не видалъ вѣдомостей, по которымъ назначается жалованье, но слышалъ читанный Поповичемъ отчетъ, изъ котораго понялъ, что мнѣ причитается 25 руб., а Поповичу 50 руб. Это было, кажется, въ началѣ ноября, или въ декабрѣ.

Предсѣдатель. А Вы не давали росписокъ въ полученіи жалованья?

Никшичъ. Не давалъ. Я до сихъ поръ сомнѣваюсь, полагается-ли мнѣ что-нибудь.

Поповичъ. Росписокъ никакихъ не было. Начальство вѣдалось только со мною. Былъ такой случай: Никшичъ какъ то написалъ счетъ и подалъ его инспектору за своей подписью, но тотъ отказался принять его и объявилъ, что желаетъ вести дѣло только со мною.

Предсѣдатель. Кому Вы давали отчетъ?

Поповичъ. Инспектору и тремъ членамъ Совѣта.

Долбня. Тѣмъ самымъ, которые ломали двери?

Поповичъ. Тѣмъ самымъ.

Предсѣдатель. Въ отчетѣ Вы помѣщали, что 25 р. получалъ Никшичъ?

Поповичъ. Никакого раздѣленія не существовало. Я бралъ изъ суммъ, вырученныхъ отъ продажи лекцій 75 руб.

Предсѣдатель. Въ одной цифрѣ?

Поповичъ. Да.

Предсѣдатель. Съ самаго начала?

Поповичъ. Да, съ самаго начала. Мнѣ говорили: мы только съ Вами имѣемъ дѣло.

Предсѣдатель. Вамъ Никшичъ говорилъ, чтобы Вы пустили 25 руб. на удешевленіе лекцій?

Поповичъ. Даю Вамъ честное слово, что я ничего объ этомъ не помню.

Грунвальдъ. Я имѣю сдѣлать оффиціальное заявленіе по вопросу, о жалованьи Поповичу. Я обратился къ члену Совѣта (обращаясь къ Долбнѣ) не изъ тѣхъ «что выламывали дверь», и онъ мнѣ сказалъ, что, по желанію Совѣта, было рѣшено вести дѣло съ однимъ Поповичемъ. Все дѣло и всѣ росписки находятся у писца инспекціи и если я хочу, то могу посмотрѣть. «Я видѣлъ росписки Поповича, тамъ просто сказано: «получилъ 75 руб.» въ одной цифрѣ. Считаю долгомъ, все это сказать, въ виду хорошихъ отношеній съ Поповичемъ.—Отправился я узнавать, по личной иниціативѣ.

Предсѣдатель (Поповичу), Вы вели отчетность комиссіи?

Поповичъ. Отчетовъ никакихъ не было. Была у кассира книга. Были протоколы засѣданій. Но отчетовъ никто никогда не видѣлъ.

Мефферть. Передъ кѣмъ вы отвѣтственны?

Поповичъ. Формально, передъ «издательской комиссіей».

Мефферть. Если говорится объ отвѣтственности, то о формальной. Издат. ком. была отвѣственна передъ студентами и передъ начальствомъ?

Поповичъ. Это Ваше дѣло.

Мефферть. Прошу отвѣтить на вопросъ.

Поповичъ. Никакихъ отчетовъ я не видѣлъ.

Мефферть. Прошу отвѣта на вопросъ.

Поповичъ. Передъ выбравшими ее студентами.

Мефферть. А Вы передъ кѣмъ?

Поповичъ. Съ формальной стороны передъ Вами, а съ нравственной стороны передъ всѣми студентами: студенты не хотѣли Вашихъ знать инстанцій.

Мефферть. Вы сказали, что до обструкціи Вы не находили воз-

можнымъ вести дѣло, изъ-за дрязгъ. А потомъ однако нашли возможнымъ вести его?

Поповичъ. Само дѣло чистое—безъ всякихъ дрязгъ. Никакой связи между нимъ и Коноваловской исторіей не вижу. Вѣдь не Коноваловъ покупалъ лекціи, а студенты.

Предсѣдатель. А какіе же были дрязги о которыхъ Вы упомянули? Они все-таки были?

Поповичъ. Съ отдѣльными членами издательской ком. съ Гапѣевымъ и друг. у меня отношенія очень обострились, на личной почвѣ.

Мефферть. Вы сказали, что считали членовъ ком. фиктивными хозяевами. Какъ это надо понимать?

Поповичъ. Тѣхъ, что били баклуши, я совсѣмъ не считалъ, считался съ тѣми, кто работалъ.

Мефферть. Вы сказали, что не перестаете считать издат. комиссію хозяиномъ. Съ какого времени?

Поповичъ. Съ 1 апрѣля, когда изд. ком. отказали удовлетворить моральнымъ требованіямъ объ уплатѣ типографіи, выдача листовъ курсовыхъ, за которые было уплачено.

Предсѣдатель. Требованія не были исполнены?

Гессенъ. При чемъ тутъ моральныя требованія?

Поповичъ. Я считалъ безчестнымъ не удовлетворить студентовъ; не уплатить типографамъ; это было противъ убѣжденій. Они отказались исполнить это и тѣмъ лишили меня возможности стоять за дорогое мнѣ, дѣло.

Мефферть. Я желалъ бы знать, разъ Ваше мнѣніе не совпадало съ мнѣніемъ хозяевъ, почему Вы не сочли нужнымъ уйти въ отставку?

Поповичъ. Во первыхъ, потому, что я любилъ это дѣло и мнѣ жаль было его бросать, во вторыхъ, потому, что сама комиссія отказалась.

Мефферть. Когда комиссія отказалась и отчего?

Поповичъ. Она отказалась отъ своего дѣла и мнѣ нечего было съ ней считаться.

Мефферть. Что же она заявила объ этомъ, или это Ваше личное мнѣніе?

Поповичъ. Прочтите статью Гапѣева*.

Мефферть. Вы какъ говорили Никшичу: я не могъ бы получить столько безъ Вашей помощи?

Поповичъ. Да, такъ.

Мефферть. Сколько рублей Вы считали Вашей собственностью 75 или 50?

Поповичъ. Считалъ собственностью 50 рублей.

Мефферть. Вы считали, что 50 руб. Ваши, а 25 чужіе?

Поповичъ. Да. Получаемыя лишнія 25 руб. я хотѣлъ современемъ вернуть.

Мефферть. Ага, чужіе, но онъ Вамъ ихъ уступалъ?

Поповичъ. Товарищъ уступалъ, какъ другъ и пріятель. Онъ служилъ для меня, дѣлалъ одолженіе; онъ говорилъ: безъ Васъ и служить не стану. Потомъ пошли интриги, сплетни. Я увидѣлъ, что втягивало его. Нервы ослабѣли, и мы вмѣстѣ ушли.

Гессенъ (Никшичу). Какъ Вы смотрѣли на уступку 25 р. Вы сознавали, что не нуждаетесь и оказывали товарищу услугу, въ виду его стѣсненныхъ обстоятельствъ?

Никшичъ. Первый разъ въ октябрѣ я отказался отъ денегъ, мотивируя, что не знакомъ съ дѣломъ. Вы работаете, сказалъ я ему—Вы и получайте. Потомъ рѣшилъ не оставлять ихъ Поповичу; сказалъ «Пусть идутъ на удешевленіе лекцій.

Гессенъ. Значитъ, Вы никогда не считали, что просто оказываете товарищескую услугу нуждающемуся товарищу?

Никшичъ. Я санкціонировалъ это невольно. Поповичъ говорилъ: только благодаря Вамъ я получаю 75 р. Я молчалъ.

Гессенъ. Но у Поповича вѣдь могла возникнуть мысль, что онъ пользуется товарищеской услугой?

Никшичъ. Не знаю право. Я не хотѣлъ въ этомъ разбираться.

Предсѣдатель. Вы вѣдь знали, что онъ получаетъ 75 р., изъ которыхъ 25—Ваши, онъ Васъ благодарилъ за это?

Никшичъ. Я разбираться въ этомъ не хотѣлъ и такимъ вопросомъ не задавался.

Зерновъ. Сколько мѣсяцевъ Вы служили?

Никшичъ. Съ октября, по декабрь.

Зерновъ. Вы ушли вмѣстѣ?

Никшичъ. Въ концѣ декабря (22) ушли вмѣстѣ.

Гапѣевъ. Когда онъ Васъ благодарилъ, Вы вѣдь не принимали, что онъ благодаритъ Васъ за то, что пользуется Вашимъ жалованьемъ?

Никшичъ. Да, я думалъ, что онъ благодаритъ за мой трудъ, не за деньги.

Предсѣдатель. Вы говорили, что онъ Вамъ предлагалъ 2 раза.

Во второй разъ Вы сказали: пусть лучше идутъ на удешевленіе лекцій?

Поповичъ. Я даю честное слово, что этого не помню.

Никшичъ. Я думалъ, что онъ мнѣ не будетъ платить изъ своего жалованья.

Поповичъ. Вообще я такъ и платилъ напр. Малышеву.

Лесгафтъ (Поповичу). А Никшичу Вы не платили?

Поповичъ. Нѣтъ.

Гапѣевъ. Разскажите о коммиссіонной продажѣ?

Никшичъ. Было постановлено, что 10% отчислить на „фондъ народнаго просвѣщенія". Было продано на 32 р. и, въ виду незначительности суммы, было отдано почталіонамъ.

Гапѣевъ. А не предлагалъ-ли онъ Вамъ воспользоваться этими деньгами?

Никшичъ. Предлагалъ, но я отказался.

Гапѣевъ. Между тѣмъ, что Вы говорили мнѣ и показываете теперь, есть разница?

Никшичъ. Когда я говорилъ съ Вами, то говорилъ халатно.

Соколовъ. И Вы въ то же время уполномочили Гапѣева дѣлать отъ Вашего имени суду заявленіе?

Никшичъ. Да, уполномочилъ.

Поповичъ (Никшичу). Въ газетѣ было сказано: что будто я Вамъ говорилъ: «не „пахнутъ деньги", откуда бы они не шли»?

Никшичъ. Это ошибка. Я этого не передавалъ.

Гапѣевъ. Я это говорилъ не со словъ Никшича, а на основаніи Вашихъ подлинныхъ словъ въ столовой Гунста.

Поповичъ. Я этого не говорилъ.

Гапѣевъ. Свѣрьтесь съ протоколами, нельзя говорить, по газетнымъ отчетамъ.

Предсѣдатель. Въ виду поздняго времени пренія прекращаются. Сообщаетъ, что на запросъ К. К. Арсеньева въ Охранное Отд. полученъ отвѣтъ, изъ котораго видно, что бумаги убитаго Лури возврату въ Охран. Отд. не подлежатъ.

Закрываетъ засѣданіе.

ПРОТОКОЛЪ

XVII засѣданіе Третейскаго Суда 12 апрѣля 1905 г.

Отсутствуютъ: К. К. Арсеньевъ, Алексѣевъ, Гартунгъ, Леонтьевъ и О. О. Грузенбергъ.

Предсѣдательствовалъ В. М. Гессенъ.

(Продолженіе допроса Поповича).

Поповичъ. Мнѣ остается еще немного сказать...

Предсѣдатель. Пожалуйста, возможно короче.

Поповичъ. Изъ газетныхъ отчетовъ я узналъ, что меня опять считаютъ «своб.-д-щимъ». Я не «своб—мыслящій» и «своб.-д-щимъ» не былъ, ибо если «своб.-д-щіе» и есть какая нибудь политическая фракція, то къ ней я не могу принадлежать, такъ какъ мѣнять свои взгляды въ 34 г. уже поздно--я индивидуалистъ. Если бы фракція «своб.-д-щихъ» подходила къ моимъ убѣжденіямъ, то я былъ бы ея членомъ; она къ политическимъ вопросамъ индиферентна. Теперь, въ доказательство того, что я служу студентамъ, а не инспекціи, я прошу прочесть объявленіе Коцовскаго.

Предсѣдатель читаетъ*.

Поповичъ. Я этимъ хочу указать, что служилъ студенчеству и студентамъ. А теперь скажу, еще нѣсколько словъ, о насиліи, совершенномъ надо мной сходкой 3 февраля 1905 года. Я пришелъ на сходку, бывшую, передъ 3—11, безъ всякаго приглашенія. Здѣсь инцидентъ не произошелъ только благодаря тому, что не было баллотировки и вниманія на меня, оффиціально, не обращали. На сходкѣ 3-го февраля я подалъ голосъ за забастовку и за возвращеніе товарищей. Меня вызвалъ въ корридоръ предсѣдатель сходки ст. Тихоновъ и сказалъ: «Вы подали голосъ за забастовку, но Вашъ голосъ мы не можемъ считать, ибо Вы «своб.-д-щій» и просилъ меня вычеркнуться, во избѣжаніе разговора, о «своб.-д-щихъ». Я отвѣтилъ, что «своб.-д-щимъ» себя не считаю. Это можетъ подтвердить ст. Нечаевъ. Когда предсѣдатель сталъ читать результаты баллотировки, всѣ были за, противъ—не было, потомъ онъ сказалъ: забастовка прошла, но есть два лица изъ партіи «своб.-д-щихъ», не вышедшихъ изъ нея. Одинъ за забастовку -- Поповичъ, другой--противъ—Гринчакъ. «Какъ съ нимя быть»? Поднялась буря. Слышалось только «Поповичъ «своб.-д-щій»; Поповичъ «не своб.-д-щій»; меня на сходку пригласилъ Славяновъ. Послѣ успокоенія предсѣдатель заявилъ: Поповичъ, для дѣйствительности Вашего голоса Вы

должны подписать формулу отреченія отъ «своб.-д-щихъ» Я отказался, такъ какъ «своб.-д-щимъ» никогда не былъ. Своей подписью я санкціонировалъ бы мою принадлежность къ «своб.-д-щимъ». Произошла опять буря. Предсѣдатель спросилъ: 1) Подчиняюсь-ли я рѣшенію сходки. — Да. 2) Подчиняюсь-ли я большинству. — Да Поставленъ на баллотировку: принимаютъ ли студенты Горн. ин. Поповича въ свою корпорацію. Изъ 270 человѣкъ высказались противъ 15. Половниковъ сказалъ, что сходка продала себя за два голоса. Половниковъ былъ удаленъ со сходки, а я остался. Стопневичъ, стоявшій рядомъ со мной сказалъ: «Не Поповича выгоняютъ, а Васъ». Я хочу отмѣтить, какъ легко можно было перейти изъ «позорной партіи» «своб.-д-щихъ» въ дѣйствительные члены корпораціи—стоило лишь отвѣтить «да, да» на два вопроса предсѣдателя, подписать бумажку. Мнѣ сказали, что принять ихъ въ корпорацію, условно, впредь до рѣшенія Третейскаго суда.

Предсѣдатель. Больше ничего не имѣете?

Поповичъ. Еще нѣсколько словъ по поводу, издательской коммисcіи. Я заявлялъ Гусарскому, что у меня имѣются еще казенныя деньги 34 р. 85 к.—Онъ не взялъ ихъ, сказавъ, что пусть возстановятъ издательскую коммиссію, тогда и дадите отчетъ. Отчетъ былъ написанъ мною и провѣренъ Малышевымъ (Малышевъ подтверждаетъ). Я прошу теперь судъ взять отъ меня отчетныя книги и деньги—избавить меня отъ нихъ.

Предсѣдатель. Судъ менѣе чѣмъ кто либо замѣшанъ въ денежныхъ вопросахъ.

Поповичъ. Я сказалъ все. Теперь могу отвѣчать. Могу указать своихъ свидѣтелей. Ф. Малышева и типографа.

Паловниковъ и Стопневичъ хотятъ дѣлать заявленіе — судъ ихъ останавливаетъ.

Предсѣдатель. Прошу говорить только въ тѣсныхъ рамкахъ, не уклоняясь въ стороны.

Новосильцевъ. Съ какого времени Вы на службѣ у изд. ком.?

Поповичъ. Съ 15 августа 1901 года.

Новосильцевъ. Каковъ составъ коммиссіи 901—902 гг.

Поповичъ. Я, Катульскій — кассиръ, Соколовъ предсѣдатель, Газадиновъ—секретарь. Вы и Гапѣевъ.

Гапѣевъ. Я съ осени.

Новосильцевъ. Каковъ порядокъ веденія дѣла?

Поповичъ. Засѣданія были публичныя, присутствовать могли всѣ, кто желалъ. Никакихъ отчетовъ не было.

Новосильцевъ. А протоколы были?

Поповичъ. Да, были.

Новосильцевъ. А засѣданія были многочисленны?

Поповичъ. Засѣданія нерегулярны, и только въ случаѣ надобности; при Васъ, засѣданія происходили каждую недѣлю.

Новосильцевъ. Жалобъ не было?

Поповичъ. Послѣ того, какъ я сталъ продавать, жалобъ не было.

Новосильцевъ. А раньше жалобы были?

Поповичъ. Случаи жалобъ на каждую комиссію были всегда и будутъ, потому что ст-ты, какъ хозяева очень требовательны.

Новосильцевъ. Было ли измѣненіе въ веденіи дѣлъ съ 902 года, когда составъ комиссіи измѣнился? Вы говорили, что дѣломъ Изд. ком. совершенно не занимались, и все лежало на Васъ?

Поповичъ. Фактически $^1/_{10}$ — дѣлала комиссія, а я—остальные $^9/_{10}$.

Новосильцевъ. Новая ком-сія не поставила ли своей цѣлью упорядочить дѣло изданія лекцій, не только съ внѣшней стороны, но и со стороны содержанія?

Поповичъ. Она дѣйствительно задалась этой цѣлью, но достиженіе ее лежало на мнѣ.

Новосильцевъ. Вы тогда были на 3 курсѣ и считали себя компетентнымъ въ оцѣнкѣ лекцій старшихъ курсовъ?

Поповичъ. Этого я не утверждаю, я говорю о фактической сторонѣ дѣла.

Новосильцевъ. Что же, Вы называете фактической стороной дѣла?

Поповичъ. Фактическая сторона—издать или переиздать.

Новосильцевъ. А изданіе новыхъ курсовъ. буренія, пожаровъ, освѣщенія?

Поповичъ. Я наблюдалъ—члены ком-сіи должны были это дѣлать, но этого не дѣлали.

Предсѣдатель. (Новосильцеву). Сдѣлайте заявленіе, что не соглашаетесь съ тѣмъ то, и тѣмъ то, а то эти разговоры ни къ чему не приведутъ.

Новосильцевъ. Инціатива была уменьшить?

Поповичъ. Была, но цѣли не достигала.

Новосильцевъ. Кому принадлежала инціатива, и кто производилъ техническую расцѣнку операцій?

Поповичъ. Вы лично.

Новосильцевъ. Кто наблюдалъ за тѣмъ, чтобы издавались нужные курсы и выходили своевременно?

Поповичъ. Я—я сносился съ работниками.

Новосильцевъ. Я сдѣлаю заявленіе. Этого быть не могло; это слишкомъ сложное дѣло, чтобы съ нимъ могъ справится одинъ человѣкъ. Я говорю по опыту; на мнѣ лежало представительство 5 курса ловить чертежниковъ, переписчиковъ,—это отнимаетъ массу времени.—Было возложено на представителей курсовъ—напр. Кузнецова и др.

Поповичъ. Что говоритъ Новосильцевъ о себѣ и Кузнецовѣ—это правда, но относительно другихъ членовъ я отрицаю.

Новосильцевъ. Вы можетъ вспомните, что кассирскихъ дѣлъ я совершенно не касался. Сначала завѣдывалъ этимъ Стомоняковъ и Новожиловъ, потомъ Гапѣевъ. Отдѣльные студ-ты много сдѣлали для изданія печатныхъ курсовъ (напр. ст. Катульскій).

Поповичъ. Я же и говорю, что 2—3 человѣка работали—это во всякой комиссіи есть 2—3 работающихъ.

Новосильцевъ. Не согласитесь ли, что мы проектировали установить печатные курсы и т. п.?

Поповичъ. Желаніе было и если бы не Вы, то было бы плохо.

Гапѣевъ. Поповичъ сначала говорилъ, что работалъ онъ одинъ, а теперь Вы отказываетесь.

Поповичъ. Я говорилъ, что работали 2—3 человѣка.

Гапѣевъ. Я записалъ ваши слова: „фактическую сторону дѣла я велъ одинъ". Теперь Вы отказываетесь отъ этого?

Поповичъ. Фактическую сторону—исполненіе всякихъ рѣшеній лежало на мнѣ, а Вы только мечтали. Что бы Вы не говорили, я ожидалъ только, когда Вы кончите разговаривать.

Гапѣевъ. Считали ли Вы себя обязаннымъ подчиняться рѣшеніямъ Изд. ком?

Поповичъ. Какъ приказчикъ, считалъ себя обязаннымъ подчиняться моимъ хозяевамъ.

Гапѣевъ. Почему же Вы пошли противъ постановленія комиссіи, о закрытіи лавочки?

Поповичъ. Я пошелъ совершенно сознательно противъ послѣдняго рѣшенія комиссіи потому, что во 1), считалъ своимъ долгомъ удовлетворить всѣхъ ст-въ, заплатившихъ за лекціи впередъ, во 2), выплатить долги и 3), не дать Коноваловву прикоснуться къ чисто студенческому дѣлу, и Коноваловъ его дѣйствительно не коснулся.

Гапѣевъ. Въ томъ, что Коноваловъ не коснулся Вы видите свою заслугу и право не подчиняться комиссіи? Чѣмъ вызванъ Вашъ отказъ?

Поповичъ. Разъ хозяева отказались, я не долженъ подчиняться.

Гапѣевъ. Заявляли ли мы Вамъ, что мы не хотимъ или не можемъ платить?

Поповичъ. Вы заявили, что „по случаю военнаго времени мы платежи прекращаемъ".

Гапѣевъ. У насъ капиталовъ свободныхъ никогда не было, деньги получались отъ продажи лекцій, изъ этихъ денегъ производились платежи. Разъ лавочка закрыта, то и денегъ у насъ не было. Въ этомъ смыслѣ и было сдѣлано заявленіе.

Поповичъ. Я Вамъ наканунѣ передалъ оставшіеся деньги около 90 руб., и получилъ отъ Васъ росписку.

Гапѣевъ. Не находите ли Вы, что Вамъ, для разрѣшенія сомнѣній необходимо обратиться къ студенчеству?

Поповичъ. Студенчество тогда ни для кого не существовало.

Гапѣевъ. Вы присутствовали при взломѣ для того, чтобы, въ послѣдствіи, дать отчетъ ст-амъ, давали Вы его потомъ?

Поповичъ. Вѣрно. Но до сихъ поръ не давалъ, такъ какъ не нашелъ лица, которому могъ бы дать и теперь предлагаю суду.

Гапѣевъ. Почему Вы не вывѣсили отчета, въ видѣ объявленія, за штемпелемъ инспекціи или не объявили на сходкѣ?

Поповичъ. Юридически я могъ бы это сдѣлать, но когда я былъ на сходкѣ, тамъ были совершенно опредѣленные вопросы и тамъ поднять его нельзя было. Этотъ вопросъ нужно было предварительно подготовить. Отчетъ могъ читать всякій, кто бы ни пожелалъ.

Гапѣевъ. Знали ли Вы заранѣе о взломѣ и не подготовляли ли понятыхъ?

Поповичъ. Даю честное слово, что о взломѣ раньше ничего не зналъ и понятыхъ не подготовлялъ. Понятыхъ было больше 10 и только 3 подписалось и совершенно случайныхъ, такъ какъ сказали, что 3-хъ достаточно.

Гапѣевъ. Не заходили ли къ Рыбакову, просить его быть понятымъ и помогать работать въ лавочкѣ?

Поповичъ. Я предлагалъ Рыбакову быть моимъ помощникомъ.

Гапѣевъ. Это было до взлома?

Поповичъ. Не помню, но если напомнятъ, то отвергать не буду.

Предсѣдатель. Приглашали ли Вы его быть понятымъ?

Поповичъ. Не утверждаю, не помню.

Гапѣевъ. Не отрицаете возможности того, что это было?

Поповичъ. Возможно, допускаю.

Долбня. 6 дней тому назадъ видѣлъ Рыбакова, онъ утверждаетъ,

что Поповичъ просилъ его быть понятымъ и помощникомъ за 35 руб.— это было еще до взлома лавочки.

Поповичъ. Я приглашалъ Рыбакова до взлома, такъ какъ согласился служить; соглашаюсь допустить, что приглашалъ и быть понятымъ, но 35 руб. я не предлагалъ, а предлагалъ только 25 руб.

Гапѣевъ. А Вы, только что, дали честное слово, что о взломѣ не знали!

Поповичъ. Я не зналъ какимъ образомъ будетъ открытъ складъ.

Мефферть. А вообще знали что-нибудь?

Поповичъ. Я давно зналъ, что лавочка будетъ открыта.

Гапѣевъ. Что Васъ побудило явиться въ столовую Гунста и дать объясненія студентамъ?

Поповичъ. Тѣ инсинуаціи и сплетни, которыя ходили и которыя я считалъ неосновательнымъ.

Гапѣевъ. Вы говорили, что получали жалованье по ассигновкамъ у казначея теперь Вы утверждаете, что получали жалованье не отъ Совѣта, а изъ суммъ, вырученныхъ за продажу лекцій?

Поповичъ. Такъ, раньше два мѣсяца получалъ по ассигновкамъ, въ складѣ не было денегъ, а потомъ уже не отъ казначея.

Гапѣевъ. Значитъ жалованье теперь больше легло всею тяжестью на ст-овъ?

Поповичъ. Такъ, но я прибавлю—раньше я былъ жертвой студенчества.

Гапѣевъ. Можетъ быть безкровная—не припомните ли, что Вы мнѣ сказали, что они все равно найдутъ служащаго, и что вѣдь «деньги не пахнутъ»?!

Поповичъ. Это я отвергаю категорически по слѣдующимъ причинамъ: 1) я не настолько коммерсантъ и 2) мнѣ совершенно не свойственно это выраженіе. Я заявлялъ, что если люди дѣлятся на политическія фракціи, то для денегъ такихъ дѣленій не существуетъ. Это я заявилъ о студ-хъ, не получившихъ листы.

Гапѣевъ. Я твердо помню эту фразу.

Предсѣдатель. Вы утверждаете, что не говорили эту фразу?

Поповичъ. Этой фразы я не говорилъ, по своей натурѣ, я не могъ этого сказать.

Гапѣевъ. Вы говорили, что не были на сходкѣ 15-го марта, такъ какъ считаете себя индивидуалистомъ, будучи индивидуалистомъ, Вы желали хоть разъ поступить согласно своему желанію, а 12-го Вы были?

Поповичъ. Былъ.

Гапѣевъ. Это очень интересно. Какъ Вы подали свой голосъ?

Поповичъ. Я долго сидѣлъ на сходкѣ. Когда люди устали, должна была быть баллотировка. Когда уходилъ, просилъ предсѣдателя, что если будетъ баллотировка, то мой голосъ будетъ за забастовку. Пообѣдавши дома, подумавъ, подсчитавъ свои силы, я пришелъ и просилъ меня вычеркнуть, никуда не приписывая. Подалъ голосъ по стадному чувству—я былъ такъ воспитанъ по военнымъ учебн. заведеніямъ, по тюрьмамъ и по высшимъ учебн. заведеніямъ. Но я никогда не обманывалъ, даже при опросахъ Охраннаго отдѣленія. Подсчиталъ свои силы, взглянулъ въ глаза женѣ и сыну и понялъ, что Орг. ком. не можетъ мнѣ приказать врать. Тогда я взялъ голосъ обратно.

Зерновъ. Имущество склада Вы оцѣниваете въ 10.000 рублей?

Поповичъ. Да, считаю лекціи по продажной цѣнѣ.

Зерновъ. Это наличная стоимость склада?

Поповичъ. Да—были деньги, которые я заплатилъ сполна.

Зерновъ. Откуда эти деньги получались?

Поповичъ. Значительную сумму давалъ Совѣтъ.

Зерновъ. Совѣтъ оплачивалъ счета?

Поповичъ. Нѣтъ, каждый профессоръ, получалъ отъ Совѣта, а потомъ передавалъ деньги въ комиссію.

Зерновъ. Прямо на изданіе лекцій?

Поповичъ. Да.

Зерновъ. Совѣтъ давалъ профессорамъ, и они передавали туда, или Издат. ком. получала прямо отъ казначея и расписывалась въ полученіи.

Поповичъ. Нѣтъ, не отъ казначея. Расписывались ли профессора, я не знаю. Изд. ком., въ полученіи этихъ денегъ, росписокъ не выдавала.

Зерновъ. Эта сумма 10.000, была капиталомъ института?

Поповичъ. Этотъ капиталъ слагался изъ суммъ данныхъ Совѣтомъ и прибыли полученной отъ продажи лекцій.

Предсѣдатель. Эти суммы отпускались отъ Совѣта ежегодно? Въ какомъ размѣрѣ?

Поповичъ. Это знаетъ кассиръ, бывало 500—600—800,—регулярной выдачи не было.

Предсѣдатель. Профессора давали казенныя деньги, а не свои?

Поповичъ. Да казенныя, каждый по своему предмету.

Новосильцевъ. Фактическая поправка. При мирномъ ходѣ, комиссія могла получать столько, что могла издавать всѣ необходимые курсы. Когда нужно было издавать много лекцій, то обращались въ

Совѣтъ съ просьбой о деньгахъ. Совѣтъ давалъ соотвѣтствующимъ профессорамъ, а эти послѣдніе передавали подъ росписку въ комиссію. Такимъ образомъ мы за 6 лѣтъ задолжали въ Совѣтъ 7500 рублей, а имущества было на 10.000—эта расцѣнка составлялась за нѣсколько лѣтъ существованія комиссіи. Комиссіи было извѣстно, что эти деньги отъ Совѣта все равно пошли бы на пособія ст-амъ. Издат. ком. изъ своихъ прибылей погашала этотъ долгъ тѣмъ, что передавала часть денегъ въ распоряженіе студ. фонда, и въ видѣ даровыхъ лекцій, для нуждающихся студ-въ.

Зерновъ. Значитъ это были деньги Совѣта?

Новосильцевъ. 7500 было вложено Совѣтомъ, и отъ 2500 до 3000 было получено отъ продажи лекцій.

Зерновъ. Оцѣнка 10.000 р. фиктивная,—нельзя считать, что лекціи были бы проданы по нормальной цѣнѣ. Важно, что 7500 р. вложены Совѣтомъ.

Новосильцевъ. Изъ денегъ, которыя шли бы на пособія. На лекціи былъ большой спросъ и можно было надѣяться, что они будутъ проданы.

Печковскій. Комиссія дѣйствовала на основаніи чего-нибудь опредѣленнаго?

Новосильцевъ. Основаніями, для дѣйствій комиссіи, были традиціи.

Печковскій. Куда шла прибыль отъ продажи лекцій?

Новосильцевъ. Она должна была идти на улучшеніе быта ст-овъ, на пособія. Отчетовъ до 1903 г. не дѣлалось. Когда я принялъ и составилъ обзоръ, то, оказалось, совершенно для насъ неожиданно довольно значительная прибыль. Комиссія рѣшила передать ее черезъ фондъ, въ томъ или другомъ видѣ, студенчеству. Такъ напр. кромѣ лекцій Изд. ком. пріобрѣла на 100—150 руб. необходимые печатные курсы, для безвозмезднаго пользованія бѣднѣйшихъ ст-въ— на это комиссія истратила примѣрно рублей 100—150. Кромѣ того, выдавали безплатные лекціи. Мы предполагали и дальше поступать такимъ же образомъ.

Зерновъ. Прибыль могла получиться вѣдь только при соотвѣтствующей расцѣнкѣ, при удорожeніи лекцій. Если лекціи стоятъ 100 руб. и продаются за 100, то прибыли не получаютъ. Если продавать за 150, то прибыль ведетъ къ удорожанію лекцій.

Новосильцевъ. Какъ производилась расцѣнка, до моего поступленія, я не знаю, но при мнѣ это было такъ. По каждому курсу существовала особая графа, куда и заносились всѣ расходы по изда-

нію лекцій и прибавлялось 5% накладныхъ расходовъ, которые составлялись, главнымъ образомъ изъ жалованія Поповича.

Зерновъ. Ну а даровые экземпляры?

Новосильцевъ. Даровые экземпляры относились на счетъ расходовъ по изданію курсовъ. На 100 полагалось 5 безплатныхъ экземпляровъ. Это видно изъ книгъ, находящихся у г. Поповича.

Зерновъ. Вы дѣлили не на полное число экземпляровъ, а только на число платныхъ?

Новосильцевъ. Да, на число платныхъ.

Зерновъ (Поповичу). Если бы этотъ складъ находился не въ институтѣ, а на частной квартирѣ, закрыла ли бы его комиссія?

Поповичъ. Полагаю, что главной причиной закрытія было озлобленіе противъ Коновалова и, желаніе доказать, невозможность обойтисъ безъ комиссіи.

Люстихъ (Новосильцеву). Вы были членомъ этой комиссіи?

Новосильцевъ. Я былъ предсѣдателемъ Изд. ком. Фактически нельзя было продолжать дѣло, ибо ин-тъ былъ закрытъ. 17 марта я, Гапѣевъ и Лемпертъ—должностныя лица Изд. ком., были на квартирѣ у Поповича, и онъ спрашивалъ, что ему дѣлать со студ-тами, заплатившими впередъ за курсы. Первоначально мы хотѣли передать продажу, вѣрнѣе, добычу выходящихъ листовъ на квартиру Поповича; потомъ рѣшили, что это невозможно и тогда я скрѣпя сердце, долженъ былъ закрыть лавочку, т. к. вести дѣло при закрытомъ институтѣ невозможно.

Зерновъ. Закрыли лавочку, потому что практически Вы не нашли возможнымъ продолженіе дѣла?

Новосильцевъ. Да, практически это было неосуществимо.

Зерновъ. Тогда можно было не издавать вновь лекцій, а платить типографамъ вѣдь надо было?

Новосильцевъ. Это, фактически, не было возможно, ибо денегъ не было.

Зерновъ. Но вѣдь другія комиссіи дѣйствовали, столовая не закрывалась?

Новосильцевъ. Столовая не въ зданіи ин-та, прекратила дѣятельность бы и «Изд. ком.», если бы ея комната была внѣ института.

Зерновъ. Но тогда можно было бы не развивать дальше дѣла, не издавать, а почему не прекратили продажу, уплату и т. д.?

Новосильцевъ. У насъ масса лекцій издавалась и нужно было продолжать. Какъ можно было продолжать продажу, разъ студенты не могутъ входитъ въ ин-тъ. Мнѣ было странно: и я не понималъ,

какъ студенты могутъ клянчить, чтобы имъ разрѣшили входъ въ институтъ. Лично былъ въ институтѣ только разъ послѣ закрытія.

Зерновъ. Изд. ком. не входила въ разговоръ о входѣ въ ин-тъ съ администраціей ин-та?

Новосильцевъ. Казалось страннымъ, чтобы какіе-нибудь ст-ты пошли въ ин-тъ просить разрѣшенія бывать въ ин-тѣ. Изд. ком. ни въ какіе разговоры не входила, а относительно продажи я и Лемпертъ говорили съ Коцовскимъ. Мы указывали ему, что среди ст-въ слышатся нареканія. «Вотъ Коноваловъ закрылъ столовую, а Изд. ком. въ отместку закрыла лавочку». Мы ему указывали на невозможность продолжать продажу, и онъ съ нами согласился.

Поповичъ. На квартирѣ у меня это такъ и было. Г. Гапѣевъ говорилъ: «Разъ Коноваловъ закрываетъ столовую, то мы закроемъ лавочку», да и на сходкѣ 12-го марта это было сказано, только въ другой формѣ.

Малышевъ (Новосильцему). Вы говорите, что Изд. ком. прекратила работу, ибо, фактически, по Вашему не было возможности вести ее. Мнѣ уже послѣ закрытія были принесены кѣмъ-то на квартиру, для переписки, лекціи по палеофитологіи.

Новосильцевъ. Я этого случая не знаю—въ этомъ виноватъ представитель 3 курса, который этого не сдѣлалъ своевременно.

Малышевъ. Лекціи составлялъ проф. Яковлевъ. Въ переписку мнѣ назначили до закрытія института, я получилъ ихъ послѣ закрытія издательской лавочки. Причемъ просили еще закончить ихъ поскорѣе.

Новосильцевъ. Я объясняю это такимъ образомъ. Представитель курса получилъ эту рукопись раньше и опоздалъ съ ея передачей. Хотя постановленіе комиссіи о невозможности продолжать работу было раньше, онъ все-таки могъ занести Вамъ рукопись уже послѣ закрытія ин-та, не зная о постановленіи.

Малышевъ. Онъ получилъ ее отъ проф. Яковлева; ему я эти записки и передалъ.

Предсѣдатель. Это мало относится къ дѣлу.

Поповичъ подтверждаетъ этотъ случай. Нѣкоторые проф-ра не считались съ закрытіемъ ин-та. Н. Н. Яковлевъ писалъ мнѣ 27 мая письмо, въ которомъ онъ проситъ занести къ нему на домъ листы по палеофиталогіи. Значитъ, лекціи издавались.

Кутыринъ. Новосильцевъ сказалъ, что Издательскій складъ былъ закрытъ, потому что ин-тъ былъ закрытъ. Почему же столовая функціонировала?

Новосильцевъ. Буфетъ былъ тоже закрытъ, а столовая не была закрыта, такъ какъ она не находится въ самомъ зданіи ин-та, а въ кварталѣ ин-та.

Кутыринъ. Но вѣдь столовая, по утвержденнымъ правиламъ, числится при ин-тѣ, который долженъ былъ быть закрытымъ?

Новосильцевъ. Да, числится.

Егоровъ. Кто завѣдывалъ изданіемъ Маркшейдерскаго искусства?

Новосильцевъ. Завѣдывалъ Гусарскій, потомъ Козловскій, послѣднее время самъ В. И. Бауманъ.

Поповичъ. Я завѣдывалъ.

Егоровъ. Я подтверждаю только то, что я много работалъ въ издательской ком., но никогда не видалъ представителя курса, всегда сношенія имѣлъ только съ Поповичемъ или съ В. И. Бауманомъ. О Гусарскомъ даже не имѣлъ представленія.

Предсѣдатель. Когда Вы работали, В. И. Бауманъ велъ дѣло непосредственно?

Егоровъ. Да.

Малышевъ. Я тоже работалъ съ 901 года и по всѣмъ вопросамъ говорилъ только съ Поповичемъ. Только по «буренію» говорилъ съ Меффертомъ.

Гаппѣевъ. Относительно курса электротехники Вы вели переговоры со мной?

Малышевъ. Нѣтъ, я съ Вами велъ денежные расчеты.

Новосильцевъ. Обязанности представителя курса были въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы переписка, черченіе и корректура не задерживались, чтобы все выходило своевременно. Онъ направлялъ ихъ всѣхъ къ Поповичу.

Поповичъ. Это было только теоретически, а на практикѣ все дѣлалъ я, все дѣлалось моей спиной и шеей.

Мефферть. Вы явились въ столовую Гунста для реабилитаціи? Для меня не понятно—почему Вы, когда поступили на службу къ Совѣту, не заявили объ этомъ товарищамъ?

Поповичъ. Съ комиссіей я не имѣлъ сношеній—нельзя же называть комиссіей тѣхъ, кто засѣдалъ у Гунста.

Мефферть. Я спрашиваю про студенчество, а не про комиссію?

Поповичъ. Я говорилъ у Гунста не со студенчествомъ, а со своими противниками, которые распускали противъ меня инсинуаціи даже въ бюллетеняхъ.

Половниковъ. Всѣ Ваши поступки Вы мотивируете моральными

побужденіями, а вотъ когда Вы были предсѣдателемъ столовой, Вы мальчишку черезъ всю столовую протащили за ухо...

Поповичъ. Я этому мальчику сказалъ: «Помни мальчикъ, что ст-тъ такой же смертный, какъ и остальные, съ тою разницей только, что ст-тъ сознаетъ свою вину и извиняется». Я извинился передъ нимъ. Я попросилъ бы поскорѣе окончить допросъ.

Предсѣдатель. И намъ того же хочется.

Соколовъ. Прежде вопросовъ, я вношу разъясненіе. При исключеніи «своб.-д-щихъ» на сходкѣ 15 марта имъ было заявлено: «помните, для Васъ складъ закрытъ». Это было однимъ изъ средствъ проведенія забастовки и сдѣлано было до ея объявленія.

Поповичъ. Мнѣ указывалось, что открытіемъ склада я способствую проведенію экзаменовъ.

Соколовъ. Вы старый ст-тъ?

Предсѣдатель. Сколько времени Вы студентомъ?

Поповичъ Въ Горн. инст. съ 1901 г., съ перерывами 7 лѣтъ въ общей сложности; раньше былъ въ Харьковск. технолог. ин-тѣ.

Соколовъ. Не разскажите ли, какъ у насъ велась баллотировка?

Поповичъ. Чрезвычайно неудовлетворительно, возмутительно. Я понимаю, что предвыборная агитація необходима, но у насъ она велась недобросовѣстно.

Предсѣдатель. Имѣетъ ли это отношеніе къ инциденту Поповича?

Соколовъ. Это имѣетъ общее значеніе,—выясняетъ атмосферу раскола.

Поповичъ. У насъ агитація сводилась къ сплетнямъ и нашептываніямъ. Я не желалъ бы прежняго порядка, но это не значитъ, что я поощряю Коноваловскій разгромъ. Вотъ напр. я обратился къ Алекс. Алекс., нынѣ г. Гапѣеву, съ вопросомъ, почему онъ не баллотируется. Онъ мнѣ сказалъ, что два года уже общественными дѣлами не занимается и что студенчество его забыло». «Этого вовсе не нужно» сказалъ я ему, «необходимо имѣть только желаніе». И вотъ Ал. Алекс., а нынѣ г. Гапѣевъ, съ моей легкой руки, попалъ въ члены Изд. ком., и вотъ Вы видите, что теперь изъ этого вышло.

Соколовъ. Какъ попадали въ Изд. ком-ю?

Поповичъ. Чтобы выбрать кого-нибудь подбиралось подходящее лицо, а лицо производившее баллотировку нашептывало выбиравшимъ фамиліи своихъ кандидатовъ.

Предсѣдатель. Въ чемъ же ненормальность?

Поповичъ. Ненормальность въ пріемахъ: подходитъ къ Вамъ ст-тъ производящій баллотировку, положимъ хоть въ Изд., ком. и

предлагаетъ выбрать изъ списка кандидатовъ.—«Я никого не знаю»— тогда предлагаютъ записать своихъ: тотъ сталъ, этотъ лежалъ, а тотъ просто хорошій человѣкъ—худшіе примѣры отказываюсь назвать—это некрасивая вещь.

Рейнвальдъ. Назовите конкретный примѣръ, а то это похоже на инсинуаціи.

Поповичъ отказывается.

Макаровъ. Я могу привести конкретный примѣръ.

Предсѣдатель. Когда будете давать свои показанія, то тогда и приведете.

Соколовъ. Сколько голосовъ нужно, чтобы попасть?

Поповичъ. Число голосовъ тоже возмутительная вещь; фактически баллотировка велась до тѣхъ поръ, пока нужное имъ лицо не получало извѣстнаго большинства, что сдѣлать было всегда легко, ибо элементы индеферентно относящіеся къ внутренней жизни, въ инст-тъ не ходятъ, а набрать десятокъ, другой голосовъ среди своихъ, за своего—дѣло легкое. Я, напримѣръ, баллотировался и былъ проваленъ—число голосовъ не вышло.

Соколовъ. А число голосовъ хоть приблизительное?

Поповичъ. Достаточно было 80, если баллотировка по институту и 40—50, если по курсамъ.

Соколовъ. Вотъ Вы сказали, что Издательск. ком. отчета ст-амъ не давала, ну а другія ком-сіи?

Поповичъ. Фондъ и столовая давали; они свои отчеты опубликовывали. Въ столовой даже, помнится, были еженедѣльныя отчеты

Соколовъ. Когда Вы были кассиромъ бальной комиссіи?

Поповичъ. Въ 1902 г.

Гессенъ. Какой комиссіи?

Соколовъ. Бальной, пижонской. Разскажите, какъ тамъ велось дѣло?

Поповичъ. Я былъ годъ съ небольшимъ ярымъ дѣятелемъ, пока не увидѣлъ ненормальностей, о которыхъ этика говорить не позволяетъ. Когда меня выбрали кассиромъ во второй разъ, то я отказался, не потому, что это мнѣ было бы трудно или боялся контроля—мнѣ было тяжело поддѣлываться къ ихъ требованіямъ обманывать ст-овъ; при огромномъ доходѣ отъ меня требовали говорить, что дѣла идутъ плохо...

Зерновъ (Гессену). Это къ дѣлу не относится, это мелочь.

Гессенъ. Я это то-же нахожу, а потому и снимаю этотъ вопросъ.

Соколовъ. При продажѣ лекцій, весной, Вы не встрѣчали протеста

со стороны покупавшихъ ст-овъ, что Вы открывая лавочку, шли противъ комитета?

Поповичъ. Меня поразило, что они протестовали; покупали—были любезны, а уходили за дверь начинали ругать. Всѣ ст-ты покупали.

Предсѣдатель. Объ этомъ уже говорилось.

Соколовъ. Плата за лекціи, въ этомъ году, была повышена?

Поповичъ. Не только не повышена, а понижена—вмѣсто 6 к. за листъ—5 и даже съ 7 до 5, 2 коп. за листъ. Лекціи стали и дешевле и лучше.

Егоровъ. Мнѣ обѣщали дать объясненія, по поводу того, какъ я попалъ въ списокъ. Мои противники хотѣли съ этой цѣлью послать письмо Яньковскому. Я хотѣлъ бы узнать, полученъ ли отвѣтъ отъ Яньковскаго, могутъ ли они наконецъ мнѣ отвѣтить, на основаніи чего меня занесли въ проскрипціонный списокъ.

Гапѣевъ. Г. Егоровъ, получили ли Вы письмо отъ Яньковскаго?

Егоровъ. Это Ваше дѣло г. Гапѣевъ—Вы меня занесли—Вамъ нужно и сказать на основаніи чего Вы это сдѣлали.

Мефферть. Я уже сказалъ, что относительно каждаго мы не имѣемъ возможности представить конкретныхъ свѣдѣній. Вы можете сами припомнить, не попали-ли Вы, какимъ либо изъ путей, указанныхъ нами на прошлыхъ засѣданіяхъ.

Предсѣдатель ихъ прерываетъ.

Г. Егоровъ. (типограф.) По просьбѣ Поповича я могу сказать, что въ тотъ же день, какъ только г. Поповичъ передалъ деньги г-ну Гапѣеву, я пришелъ къ г. Гапѣеву и попросилъ мнѣ уплатить по счету. Г. Гапѣевъ отказалъ, заявивъ, что у него нѣтъ денегъ. Да и раньше г. Гапѣевъ не былъ аккуратенъ—всегда задерживалъ платежи, такъ что я одно время думалъ отказаться.

Гапѣевъ. Это правда, что г. Егоровъ былъ у меня и я ему отказалъ; но я хотѣлъ удовлетворить прежде нуждающихся ст-овъ, чертежниковъ и переписчиковъ, а г. Егоровъ, какъ я знаю, человѣкъ обезпеченный и могъ подождать. Росписки у меня имѣются.

Стопневичъ. Инцидентъ на сходкѣ съ Половниковымъ, г. Поповичъ изложилъ не совсѣмъ правильно. Дѣло было такъ. Сходка рѣшила принять Поповича и Гринчака въ корпорацію. Половниковъ говорилъ очень рѣзко, «что сходка продала себя за два голоса». Я дѣйствительно крикнулъ, что «слѣдовало бы удалить Половникова»; но не говорилъ, что удалить надо Половникова, а не Поповича. Я

протестовалъ противъ рѣзкихъ фразъ Половникова. Половниковъ ушелъ самъ.

Половниковъ. Я самъ ушелъ со сходки, а вовсе не былъ удаленъ.

Предсѣдатель вызываетъ ст. Миронова.

Мироновъ. Я ничего не могу сообщить относящагося къ дѣлу, кромѣ одного факта, такъ какъ въ это время сидѣлъ подъ арестомъ и былъ выпущенъ 2-го апрѣля. 3-го апрѣля пошелъ въ ин-тъ. Около ин-та стояла толпа студентовъ. Было нѣсколько городовыхъ. Мнѣ сказали, что въ вестибюлѣ можно видѣть Бальди, записывающаго гуляющихъ...

Зерновъ. Когда это было?

Мироновъ. 3-го апрѣля, около 10 часовъ.

Зерновъ. 3-го или 5-го. Вѣдь 5-го составлялся 2-ой списокъ и 5-го состоялось увольненіе.

Мироновъ. 3-го, я это твердо помню, ибо только наканунѣ былъ освобожденъ изъ подъ ареста и если мои товарищи утверждаютъ, что 5-го, то я думаю, что они ошибаются: я прекрасно помню это, не могъ забыть дня своего освобожденія и тамъ я видѣлъ Грунвальда. Потомъ я говорилъ съ Бальди по этому поводу, и напомнилъ ему, что около него были ст-ты, когда онъ записывалъ. На это Бальди сказалъ, что студенты были, но въ записи они участія не принимали.

Предсѣдатель. Развѣ была толпа 3-го у ин-та?

Мироновъ. Да, была около 10 ч. утра.

Люстихъ. Когда Вы говорили съ Бальди?

Мироновъ. Только осенью.

Люстихъ. И онъ Вамъ говорилъ, что ст-ты были?

Мироновъ. Онъ говорилъ, что было нѣсколько ст-овъ.

Люстихъ. Вы не спросили г-на Бальди, былъ ли Грунвальдъ?

Мироновъ. Нѣтъ, не спрашивалъ, я его самъ видѣлъ.

Люстихъ. Вы не спрашивали Бальди, что дѣлали ст-ты?

Мироновъ. Нѣтъ. Около окна стоялъ столъ; мнѣ казалось что у Бальди книга; вокругъ студенты. Что дѣлалъ Грунвальдъ и другіе не знаю и зачѣмъ они были, тоже не знаю.

Лесгафтъ. Вы не слышали, что они говорили?

Мироновъ. Что говорили не знаю, не слышалъ.

Грунвальдъ. Вы твердо помните, что видѣли меня 3-го апрѣля?

Мироновъ. Твердо. Вы были въ вестибюлѣ.

Грунвальдъ. Въ ин-тѣ я былъ 5-го и говорилъ съ проффессорами, какъ я уже докладывалъ это суду, а 3 и 4-го инс-тъ провѣтривали

и я въ немъ не былъ. 5-го я въ ин-тѣ былъ, слышалъ разсказъ Бауэра, что его ткнули палкой въ спину. Послѣ его разсказа я подходилъ къ окну въ чертежной 5 курса и меня могли видѣть въ окнѣ.

Мефферть. Ст-ты не знали, что 3 и 4 экзаменовъ не будетъ; мы думали, что могутъ назначить экзаменъ тайно, а потому были готовы къ новой обструкціи и, съ этой цѣлью, были около ин-та.

Нацваловъ, *Васютинскій*, *Брушвитъ* подверждаютъ, что они встрѣтили Миронова 3-го и что они бродили въ этотъ день около ин-та.

Грунвальдъ. Изъ этого, все-таки, ничего не слѣдуетъ.

Зерновъ. Вы знали Грунвальда въ лицо?

Мироновъ. Да, зналъ.

Зерновъ. Вы Грунвальда ясно видѣли?

Мироновъ. Да и Бальди подтвердилъ.

Грунвальдъ. Мнѣ Бальди и говорилъ, что Мироновъ былъ у него, вмѣстѣ съ нимъ возстанавливалъ въ памяти этотъ инцидентъ и пришли къ соглашенію, что записи никакой не было въ это время, такъ какъ это было въ 10 часовъ утра, а запись началась послѣ пріѣзда Коновалева въ ин-тъ, т. е. днемъ, да и то это было 5-го.

Мироновъ. Я и не утверждаю, что эта была запись, но впечатлѣніе такое было.

Грунвальдъ. Какъ же Вы выступаете съ такими тяжкими обвиненіями, не имѣя конкретныхъ фактовъ и основываясь только на впечатлѣніяхъ?

п е р е р ы в ъ.

Мефферть дѣлаетъ заявленіе о представленіи письменныхъ показаній.

Предсѣдатель предлагаетъ представить суду на разсмотрѣніе. Приглашаетъ дать показаніе Боголюбова.

Боголюбовъ. Я вышелъ изъ института въ 1902 г. Горный инженеръ Приваловъ сообщилъ мнѣ, что студентъ Бѣлозоровъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми студентами составляетъ экзаменаціонную группу и что къ нему надо обращаться за рекомендаціей.

Зерновъ. Откуда Приваловъ зналъ объ этомъ?

Боголюбовъ. Приваловъ говорилъ это со словъ Бѣлозорова.

Предсѣдатель. Это вотъ и есть тотъ фактъ, который Вы хотѣли сообщить, что для держанія экзаменовъ необходимо было обращаться къ нему, Бѣлозорову, за рекомендаціей?

Боголюбовъ. Да.

Гапѣевъ. А Приваловъ говорилъ, что кромѣ группы Бѣлозорова есть еще и другія группы?

Боголюбовъ. Да, онъ разсказывалъ.

Зерновъ. А какъ онъ разсказывалъ это, какъ слухъ или какъ вѣрное?

Боголюбовъ. Онъ говорилъ, что ему это передавали.

Зерновъ. А кто именно передавалъ?

Боголюбовъ. Самъ Бѣлозоровъ.

Бѣлозоровъ. Приваловъ могъ говорить Вамъ о группѣ; но о необходимости обращенія ко мнѣ за ручательствомъ онъ ничего говорить Вамъ не могъ: это я утверждаю. А скажите, Приваловъ уполномочилъ Васъ говорить отъ его имени?

Боголюбовъ. Нѣтъ не уполномочивалъ; но можете обратиться къ нему за подтвержденіемъ.

Бѣлозоровъ. Это было бы естественнѣе сдѣлать Вамъ; но, конечно, съ своей стороны, я обращусь къ нему по этому поводу.

Боголюбовъ. Привалова можно было бы вызвать.

Соколовъ. Когда онъ это Вамъ говорилъ?

Боголюбовъ. Прошлой весной, но точно не припомню.

Соколовъ. По какому поводу Вы бесѣдовали съ нимъ?

Боголюбовъ. Безъ всякаго повода. Я съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

Макаровъ. Тутъ нѣсколько разъ упоминалось о «тайномъ трибуналѣ». Поповичъ можетъ дать разъясненія. Я просилъ бы судъ позволить мнѣ задать Поповичу вопросъ по этому поводу.

Поповичъ. Я могу по этому вопросу кое-что разсказать. Года два тому назадъ, 2 студента обратились ко мнѣ и предложили мнѣ, въ качествѣ представителя отъ курса, участвовать въ совѣщаніи съ тѣмъ, чтобы путемъ конспиративныхъ разговоровъ выяснить степень благонадежности студентовъ по отношенію къ забастовкамъ и другимъ общественно-политическимъ вопросамъ. Я не называю ихъ фамиліи, такъ какъ называю свою. Они меня упрашивали. Одинъ изъ нихъ говорилъ, что если бы онъ былъ также популяренъ среди студентовъ, какъ я, и умѣлъ бы входить въ довѣріе каждаго, то онъ взялся бы за это дѣло, но что онъ пожалуй не сможетъ этого сдѣлать, хотя и желалъ бы войти въ эту организацію. Я отказался, но одинъ разъ присутствовалъ на засѣданіи этого, такъ называемаго «тайнаго трибунала». На этомъ засѣданіи были, между прочимъ, 2 студента нашего курса. Я пошелъ не для того, чтобы принять

участіе въ этомъ «дѣлѣ», а чтобы убѣдиться, лишній разъ, въ аномаліяхъ студенческой жизни. Тамъ предлагали къ разсмотрѣнію печатные списки всѣхъ студентовъ Гор. ин-та. Меня и въ Орг. к-тъ приглашали съ правомъ совѣщательнаго голоса. Тамъ былъ и одинъ «почтенный» профессоръ. Имени его не называю. Это таинственное засѣданіе происходило въ лабораторіи 5 курса.

Бауманъ. Кто?

Поповичъ. Ив. П. Долбня.

Долбня. Ничего подобнаго не помню.

Поповичъ. Въ лабороторіи V курса, въ подвалѣ мы засѣдали. Разсуждали о проектѣ генералъ-адъютанта Ванновскаго.

Долбня. Такъ я не въ «трибуналѣ» былъ, а въ комитетѣ.

Зерновъ. Да онъ и не говорилъ этого.

Поповичъ. Да, съ Ив. Петр. я встрѣтился на засѣданіи Организац. ком-та. Я хотѣлъ сказать, что мнѣ доводилось бывать на тайныхъ засѣданіяхъ въ качествѣ приглашеннаго лица.

Зерновъ. Когда?

Поповичъ. Года два назадъ я былъ въ засѣданіи Орг. к-та и видѣлъ тамъ Долбню. Что же касается засѣданія «трибунала», на которомъ я былъ единственный разъ, то тамъ разбирали списки всѣхъ студентовъ института. Свѣдѣнія давали добровольцы-студенты. Разсуждали о томъ, кто можетъ подать голосъ за забастовку, кто противъ. Стали говорить интимныя вещи; когда давали характеристику моего товарища, я ушелъ. Поэтому, я рѣшилъ никогда туда больше не ходить.

Предсѣдатель. Ивана Петровича тутъ не было?

Поповичъ. Нѣтъ не было.

Зерновъ. Когда это было?

Поповичъ. Года два назадъ. И это я говорю, чтобы выяснить насколько стали несостоятельны студенческія учрежденія. Русскіе студенты помѣшаны на конспираціи. При малѣйшемъ шорохѣ мы тушили лампы, чтобы Бальди насъ не видѣлъ. Для характеристики разскажу одинъ инцидентъ. Одинъ членъ услышалъ шорохъ.

Долбня хочетъ сдѣлать разъясненіе.

Предсѣдатель. Иванъ Петровичъ, когда Поповичъ кончитъ, Вы дадите свое разъясненіе.

Поповичъ. Онъ потушилъ лампу... Слышимъ шаги... Пошелъ въ уборную... Мы туда-же... Дѣлаемъ облаву... Одинъ подходитъ, берется за ручку. Дверь заперта... «Шпіонъ пойманъ». Стучимся.

Нашелся смѣльчакъ, который спрашиваетъ «кто тамъ?» Отвѣта нѣтъ., Одинъ рѣшается посмотрѣть сверху. Лѣзетъ... Тамъ никого нѣтъ. Оказалось, что отдѣленіе заперто, такъ какъ оно предназначалось для служащихъ...

Печковскій. Это совѣщаніе «тайнаго трибунала?»» Что-же, это не единственное засѣданіе?

Поповичъ. Нѣтъ, мнѣ говорили о постоянномъ учрежденіи.

Печковскій. Это учрежденіе дѣйствующее?

Поповичъ. Было сговорено систематически организовать это дѣло. Но я послѣ перваго засѣданія пересталъ ходить туда и просилъ, вообще, не подымать при мнѣ этого вопроса. О результатахъ дѣятельности этого учрежденія ничего не знаю.

Предсѣдатель. Оно такъ и называлосъ «трибуналомъ?» Это было судебное учрежденіе?

Поповичъ. Тогда его трибуналомъ не называли. Суда тамъ не было.

Печковскій. Какое-же назначеніе было этого учрежденія?

Поповичъ. Это было нѣчто въ родѣ цензурнаго квалификаціоннаго учрежденія. Цѣль его—выяснить благонадежность студентовъ.

Печковскій. Его сужденія имѣли послѣдствія и его постановленія проводились въ жизнь?

Поповичъ. Какъ я уже сказалъ, на томъ засѣданіи, гдѣ я былъ, цѣлью было выяснить степень благонадежности студентовъ на случай забастовки; больше я на засѣданія не ходилъ.

Долбня. Въ конспиративный, организаціонный комитетъ я былъ приглашенъ также, какъ и Вы. Кто не знаетъ жизни, студенческихъ волненій, въ какихъ отношеніяхъ мы были со студентами, тотъ можетъ подумать Богъ знаетъ что. Я и каждый изъ нашей партіи (показываетъ на профессоровъ) имѣли полную возможность въ любой моментъ вступать въ личныя сношенія съ Организац. К-томъ и съ отдѣльными студентами. Въ 1902 году было ясно, что забастовка нежизненна. Надо было навести золотой мостъ для студентовъ. Я и Мушкетовъ находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Организац. К-томъ и профессора этого ни отъ кого не скрывали. Совѣщанія устраивались при вполнѣ оффиціальной обстановкѣ, среди бѣла дня, въ профессорской. Оффиціально къ намъ пріѣзжалъ Брандтъ, чтобы освѣдомиться для института путей сообщенія. Мушкетовъ, Бауманъ и я вели со студентами переговоры примирительнаго характера. Можетъ быть я, случайно, спустился внизъ въ лабораторію, гдѣ происходили упомянутыя Поповичемъ засѣданія. Наши отно-

шенія были совершенно искренни. Ничего конспиративнаго у насъ со студентами не было. Наканунѣ ихъ сходки 14 марта мы откровенно говорили, совершенно открыто, со всѣмъ Организаціоннымъ комитетомъ передъ тѣмъ, какъ ѣхать къ Коновалову. Человѣкъ 30 изъ нихъ могутъ подтвердить. Они всѣ знали мотивы, по которымъ мы ѣдемъ къ Коновалову; были у меня на квартирѣ.

Поповичъ. Совершенно вѣрно сказалъ Иванъ Петровичъ. Но я считаю «Организаціонный комитетъ» учрежденіемъ конспиративнымъ, потому что на его засѣданія не всякій можетъ попасть. Что, когда приходилъ Иванъ Петровичъ, у него были тѣ самыя цѣли, о которыхъ онъ сейчасъ говорилъ, я не отрицаю. Я говорилъ объ этомъ засѣданіи только для того, чтобы указать, что меня приглашали на засѣданія «Организаціоннаго Комитета».

Мефферть. Будучи приглашены въ это учрежденіе, Вы понимали характеръ и цѣли этого засѣданія?

Поповичъ. Цѣлью было выяснить благонадежность студентовъ.

Мефферть. Въ какомъ смыслѣ?

Поповичъ. Въ смыслѣ забастовки и вообще общественныхъ дѣлъ.

Мефферть. Я могу дать объясненія. Помимо 4-хъ явныхъ комиссій были организаціи и тайныя. Таковы были и тѣ совѣщанія, о которыхъ говоритъ Поповичъ. Въ 1902 г. среди лѣвыхъ возникла мысль сплотиться и организовать партію. Конечно, такое учрежденіе не могло быть явнымъ; организаторы выбирали тѣхъ изъ студентовъ института, которые, по ихъ мнѣнію, могли быть на ихъ сторонѣ, чтобы составить партію. Для этого на совѣщаніяхъ разсматривались списки студентовъ Горн. ин-та; имѣлось сужденіе о воззрѣніяхъ каждаго, разбиралось, что за человѣкъ, какова его нравственность, убѣжденія и т. д. Организаторы—старые студенты—намѣтили человѣкъ 50—60, чтобы сплотить лѣвую и радикальную партію. Никто этой организаціи «тайнымъ трибуналомъ» не называлъ.

Поповичъ. Самъ я тоже не называю ее „трибуналомъ"; такъ называютъ ее здѣсь. Но я утверждаю, что не устанавливали репутацію лѣвыхъ, но правыхъ. Это я хорошо помню.

Мефферть. Отъ начала до конца это неправда.

Бауманъ. И. П. Долбня былъ на засѣданіяхъ трибунала?

Поповичъ. Не былъ.

Мефферть. Эта новая организація ничего общаго съ институтскими дѣлами не имѣла.

Поповичъ. Въ конечныя цѣли я не былъ посвященъ. Въ первый разъ слышу о нихъ.

Мефферт. Скажите, а Вамъ извѣстно, были-ли еще засѣданія?

Поповичъ. Мнѣ совершенно неизвѣстно, я былъ только одинъ разъ. Не интересовался и не хотѣлъ знать.

Бѣлозоровъ. Была-ли такая традиція въ издательскомъ дѣлѣ, что члены комиссіи не могутъ быть матеріально заинтересованы въ ней, не могутъ одновременно получать деньги и быть членами комиссіи?

Поповичъ. Собственно такой традиціи не было до 1901 года: но съ 1901 года было установлено, именно, въ такомъ смыслѣ: я напримѣръ, долженъ былъ уйти изъ комиссіи, когда принялъ завѣдываніе складомъ.

Бѣлозоровъ. А не было ли потомъ отступленій отъ этого порядка; не дѣлали-ли для кого нибудь исключеній?

Поповичъ. Да, было сдѣлано исключеніе для Мефферта, это послужило прецедентомъ для будущаго.

*Мефферт*ъ. Я получалъ, какъ всякій студентъ, работу въ комиссіи. Могъ ли я, какъ студентъ, имѣть работу?

Поповичъ. Какъ студентъ—могли; но не были ли Вы первымъ, который получилъ работу, будучи въ то же время членомъ издательской комиссіи?

*Мефферт*ъ. Я знаю, что послѣ меня получали. А получалъ ли я работу, какъ членъ издательской комиссіи?

Поповичъ. Работу Вы получали, какъ студентъ Мефферт.

Нацваловъ. Меффертъ и раньше работалъ, какъ лучшій чертежникъ. Когда онъ вступилъ членомъ въ издат. комиссію, у насъ поднимался вопросъ, можетъ ли онъ и теперь исполнять платную чертежную работу, и вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Макаровъ. Вы говорили, что комиссіи давали отчетъ. Можете ли Вы подтвердить, что столовая комиссія давала отчетъ объ имѣющихся у нея средствахъ и о поступающихъ пожертвованіяхъ?

Поповичъ. Этого никогда не было; и раньше дѣло велось также. Я говорилъ, что вывѣшивался лишь балансъ.

Макаровъ. Такъ что суммы, находившіяся въ рукахъ столовой комиссіи, студентамъ извѣстны не были?

Поповичъ. На стѣнахъ это не вывѣшивалось.

Макаровъ. Не было того же самого и въ фондѣ?

Поповичъ. Также было и въ фондѣ.

Макаровъ. Такъ что студенты, не члены фонда, не знали сколь-

ко въ кассѣ находится векселей и какія суммы поступали по нимъ?

Поповичъ. Я скажу больше:—даже сами члены фонда не всѣ знали о поступленіи по векселямъ.

Макаровъ. Такимъ образомъ, подробныхъ отчетовъ не имѣлось?

Поповичъ. Не было.

Эрасси. Я былъ нѣсколько раньше Мефферта членомъ издат. комиссіи и работу отъ издат. комиссіи получалъ также, какъ и Меффертъ.

Поповичъ. Это было еще до моего поступленія въ издат. комиссію.

Грунвальдъ (дѣлаетъ заявленіе объ отсутствіи отчетности въ столовой комиссіи).

Предсѣдатель. Вы дадите показаніе въ свое время. Теперь идетъ допросъ о «трибуналѣ».

Поповичъ. Больше я ничего не знаю.

Рейнвальдъ. Отъ лица нашей стороны я заявляю, что мы считаемъ этотъ вопросъ слишкомъ важнымъ и отказываемся отъ возраженія противъ неточностей, допущенныхъ Поповичемъ.

Кутыринъ. Какими путями тайная организація получала свои свѣдѣнія о студентахъ?

Меффертъ. А Вамъ какое дѣло?. Это—частная организація.

Предсѣдатель. Отвѣтьте, что не хотите отвѣчать.

Меффертъ. Я не желаю отвѣчать.

Кутыринъ. Но Вы, о насъ говорили?

Меффертъ. Категорически утверждаю, что это неправда. Сужденія шли о членахъ лѣвой, о правыхъ же не могло быть рѣчи.

Кутыринъ. Вы сказали, что были списки всѣхъ студентовъ; я числюсь въ спискахъ, поэтому я имѣю право задать такой вопросъ.

Меффертъ. Я не сказалъ, что о всѣхъ говорили.

Поповичъ. Да, говорили только о правой партіи.

Рейнвальдъ. О Васъ тамъ не говорили.

Гаппѣевъ (представляетъ суду 26 письменныхъ свидѣтельскихъ показаній).

Нацваловъ (проситъ прочесть подлинное письмо Бекташева).

Предсѣдатель (читаетъ). **.

Нацваловъ. Во время перваго чтенія письма Бекташева картина была такова, что будто бы Бекташевъ недовольный «организац. к-томъ» самъ предоставилъ право, свидѣтельствующимъ, огласить его письмо

На самомъ дѣлѣ письменное заявленіе Бекташева появилось вслѣдствіе требованія свидѣтельствующихъ.

Ауэрбахъ. На прошломъ засѣданіи мнѣ не дали задать нѣсколько вопросовъ г. Пумпянскому, въ виду его обѣщанія выступить свидѣтелемъ; теперь же оказывается, что его въ спискахъ свидѣтелей нѣтъ, и потому прошу разрѣшенія его вызвать.

Предсѣдатель вызываетъ Пумпянскаго.

Ауэрбахъ. Вы говорили, что Васъ отказались записать въ инспекціи и что получили билетъ только послѣ того, какъ записались у Фойгта и у меня. Что Вы отъ этого отказываетесь или согласны повторить?

Пумпянскій. Подтверждаю.

Ауэрбахъ. Какъ же согласовать теперешнія Ваши показанія съ тѣмъ документомъ, который Вы сами подписали этой осенью? Тамъ Вы написали, что записались сперва въ инспекціи, а потомъ у Фойгта.

Пумпянскій. Извольте. Поздно осенью я хотѣлъ припомнить, какъ все было съ полученіемъ билета. Какъ разъ въ это время произошелъ у меня съ Вами разговоръ, и тогда я написалъ Вамъ, какъ и Вы говорите; но потомъ хотѣлъ по аналогіи съ другими вывести, какъ со мной было. Путемъ спрашиванья я установилъ, что студента Свитальскаго, послала къ Вамъ инспекція. Отсюда я заключилъ, что также и со мной было.

Ауэрбахъ. Но если Вамъ скажутъ, что кто нибудь записывался въ группѣ у самого Коновалова, то Вы скажете, что и Вы также дѣлали?

Пумпянскій. Я думаю теперь, что меня записалъ Фойгтъ. Я не отрицаю, что меня и въ инспекціи записали, но я не думалъ, что это было оффиціально. Меня спросили въ инспекціи, хочу ли я держать экзаменъ, я отвѣтилъ утвердительно; но я не считалъ, что это оффиціальная запись.

Фойгтъ. Вы авторъ письма въ газетѣ «Русь»?

Пумпянскій. Да; я посылалъ объ этомъ заявленіе г.г. Каминкѣ и Грузенбергу.

Фойгтъ. Этого я не зналъ. Что значитъ, Вы пишете: «я пошелъ въ инспекцію, попросилъ билетъ и былъ направленъ къ студенту А. и Ф.»?

Пумпянскій. Къ Ауэрбаху и Фойгту.

Фойгтъ. Далѣе: «послѣ ручательства за меня студента Е., я былъ признанъ достойнымъ».

Пумпянскій. Студентъ Е. самъ себя узналъ и при встрѣчѣ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «не я ли этотъ студентъ Е.»?

Гаппѣевъ. Кто это Е.?

Пумпянскій. Это—Егоровъ. Когда я обратился къ Ауэрбаху, чтобы онъ меня записалъ въ свою группу, онъ сказалъ: «Вы пожалуй еще будете обструкціонировать» и въ группу не записалъ.

Ауэрбахъ. Не записалъ, такъ какъ у насъ группа уже была подана, запись кончилась. Относительно «обструкціонированья» же, вѣдь ясно—это была шутка: мы съ Вами были тогда въ хорошихъ отношеніяхъ; я уже здѣсь объ этомъ говорилъ.

Пумпянскій. Фойгтъ также отказался. Тутъ еще Егоровъ заявилъ: «Пумпянскій не будетъ портить воздухъ».

Фойгтъ. Гдѣ происходилъ этотъ разговоръ?

Пумпянскій. Въ чертежной.

Фойгтъ. А не въ вестибюлѣ?

Пумпянскій. Нѣтъ.

Фойгтъ. Я былъ въ вестибюлѣ, а Вы сидѣли на скамейкѣ, налѣво.

Пумпянскій. Нѣтъ, это было въ чертежной около стола.

Фойгтъ. А не припомните ли, что это было такъ: Я пришелъ въ вестибюль и тамъ Васъ увидѣлъ. Вы сказали: «запиши меня» (мы тогда съ Вами еще были на «ты»). Я отвѣтилъ, что группы я не составляю, а у Ауэрбаха группа уже подана; но такъ какъ запись еще продолжается въ инспекціи, то пойди и запишись у Бальди.

Пумпянскій. Не припомню этого;—да это и несущественно.

Фойгтъ. Какъ же Вы себѣ объяснили, что мнѣ тогда близко съ Вами знакомому, понадобилось ручательство за Васъ студента Егорова, почти съ Вами незнакомаго, для того чтобы записать въ «мою» группу. Вѣдь вы съ Егоровымъ мало знакомы?

Пумпянскій. Да, очень мало знакомъ.

Егоровъ. Я это подтверждаю—почти не были знакомы.

Пумпянскій. Я думалъ, что Фойгтъ могъ бояться за меня, судя по прежнимъ годамъ.

Зерновъ. Развѣ составители группъ имѣли основаніе Васъ опасаться?

Пумпянскій. Да—я семь лѣтъ былъ въ институтѣ и до Коновалова всегда былъ за забастовку, а въ прошломъ году я остался нейтральнымъ; когда узналъ, что большинства за забастовку нѣтъ и нейтральными хотятъ воспользоваться для проведенія ея, то пошелъ

къ предсѣдателю и просилъ меня записать противъ забастовки, но уже было поздно: подсчетъ былъ конченъ.

Егоровъ. Зачѣмъ Фойгту нужно было мое ручательство за Васъ?

Пумпянскій. Вѣроятно Вы были записаны въ группу и я думалъ, что Вы ее и составляете: — считалъ Васъ хозяиномъ группы.

Егоровъ. Я хотѣлъ составлять свою группу, но узнавъ, что ее составляютъ другіе, самъ записался въ нее и относительно ручательства за г. Пумпянскаго — я заявляю, что ничего подобнаго не было.

Пумпянскій (Егорову). Какъ же Вы себя узнали въ письмѣ?

Егоровъ. У меня была тоже ассоціація.

Ауэрбахъ. У насъ всего два студента на «Е.»

Егоровъ. Помните нашъ осенній разговоръ? Я васъ спросилъ, не Ваше ли письмо за подписью А. С. П. въ «Руси». Вы мнѣ сказали, что никакихъ писемъ не писали и прибавили: «и охота вамъ, г. Егоровъ, заниматься такими пустяками — намъ съ Вами надо кончать институтъ»?

Пумпянскій. Совершенно вѣрно: я сказалъ, что не писалъ.

Егоровъ. Если бы Вы упомянули фамилію цѣликомъ, то я отвѣтилъ бы въ газетахъ. Но какъ я могъ сдѣлать это безъ фамиліи?

Пумпянскій. Я не хотѣлъ говорить противной сторонѣ до суда.

Егоровъ. Но въ письмѣ «Руси», я говорю, Вы не назвали ни моей фамиліи, ни подписали своей. Какъ же я могъ Вамъ отвѣчать?

Пумпянскій. Въ моемъ письмѣ въ «Руси» была приписка, что я готовъ принять отвѣтственность за все изложенное въ письмѣ. Затѣмъ, когда началось дѣло, я написалъ объ этомъ Каминкѣ; но письмо не дошло. Кромѣ того, заявлялъ Грузенбергу. Да, Вы наконецъ сами знали, разъ узнали себя въ буквѣ «Е.»

Егоровъ. Но вѣдь Вы то въ бесѣдѣ отказались признать свое авторство?

Предсѣдатель. Свидѣтель отвѣтилъ Вамъ: онъ не хотѣлъ говорить этого сторонѣ до суда.

Фойгтъ. Какъ Вы смотрѣли на Вашу запись у меня?

Пумпянскій. Я думалъ, что мнѣ пришлютъ билетъ, и я буду держать экзамены.

Фойгтъ. И Вы думаете, что изъ-за этой записи Вы получите билетъ?

Пумпянскій. Да, я его и получилъ.

Фойгтъ. А Вамъ неизвѣстно, что эта запись такъ у меня и осталась, и никуда не представлялась?

Пумпянскій. Это я узналъ здѣсь, изъ Вашего заявленія. Но согласитесь, если бы я зналъ, зачѣмъ мнѣ было записываться у Васъ?

Фойгтъ. Позвольте мнѣ въ такомъ случаѣ разъяснить суду. На 2-ое апрѣля была приглашена группа 4 курса для составленія росписанія экзаменовъ. Вслѣдствіе обструкціи, спокойно заняться составленіемъ росписанія было нельзя: этому мѣшала вонь, наполнявшая аудиторію; тогда было рѣшено переписать всѣхъ присутствовавшихъ студентовъ 1-й группы 4 курса съ тѣмъ, чтобы созвать ихъ на новое совѣщаніе для составленія росписанія. Но потомъ эта запись оказалась безполезной, совѣщаніе устроилось и безъ этого, и никуда, и никому эту запись съ адресами не передавали и она осталась въ книгѣ Ауэрбаха. Такимъ образомъ, я могу удостовѣрить, что билетъ Вы получили во всякомъ случаѣ не потому, что Вы записались въ этой книгѣ.

Пумпянскій. Въ билетѣ не значится, а больше я никуда не обращался, какъ только къ Фойгту.

Егоровъ. Когда Вы пришли въ институтъ? Въ день обструкціи?

Пумпянскій. Послѣ обструкціи, и присутствовалъ при разговорѣ съ Коцовскимъ.

Егоровъ. Послѣ обструкціи Вы заходили на верхъ, въ инспекцію?

Пумпянскій. Заходилъ.

Егоровъ. Вы хлопотали, чтобы попасть въ 1-ю группу? Кому Вы говорили?

Пумпянскій. Говорилъ объ этомъ съ Бальди.

Егоровъ. А не говорили-ли Вы сначала мнѣ; я отвѣтилъ, что въ 1-й группѣ уже 35 человѣкъ и тогда Вы обратились къ Бальди?

Пумпянскій. Не припомню.

Егоровъ. При мнѣ Васъ Бальди записалъ, я видѣлъ самъ.

Пумпянскій. Нѣтъ, отказался записать и сказалъ: «ступайте къ Ауэрбаху».

Дэви. 1-ю группу составлялъ я, а не Фойгтъ.

Пумпянскій. Съ Вами бесѣдъ не имѣлъ.

Томилинъ. Я помню, что придя въ институтъ въ началѣ десятаго часа — первый человѣкъ, котораго я встрѣтилъ, былъ г. Пумпянскій. Это было въ началѣ обструкціи.

Ауэрбахъ. Вы были въ шинели?

Пумпянскій. Я пришелъ въ институтъ въ пальто и, можетъ быть, Вы меня и видѣли въ чертежной въ пальто.

Ауэрбахъ. Значитъ, по внѣшнимъ признакамъ, Вы не отличались отъ обструкціонистовъ?

Воскресенскій. Я желалъ бы знать, какъ понималъ свой нетрайлитетъ г. свидѣтель, приступившій къ экзаменамъ въ одинъ день съ «свобододѣйствующими?»

Пумпянскій. Какъ нейтральный, я хотѣлъ приступить къ экзаменамъ, когда будетъ держать не менѣе половины всѣхъ студентовъ и для этого ходилъ каждый день въ инспекцію и спрашивалъ у Бальди о числѣ экзаменующихся. Бальди, утромъ, въ день моего 1-го экзамена, мнѣ сказалъ, что по сіе утро приступило 211 человѣкъ и я рѣшилъ тоже начать.

Воскресенскій. Вы не отвѣчаете на вопросъ. Я не спрашиваю, когда Вы приступили къ экзаменамъ; — я самъ началъ только 20-го апрѣля,—а какимъ образомъ Вы записались въ одно и тоже время, въ томъ же участкѣ, какъ и приступившіе къ экзаменамъ «свобододѣйствующіе?»

Пумпянскій Я хотѣлъ имѣть билетъ и впослѣдствіи весьма сожалѣлъ объ этомъ.

Воскресенскій. Вы съ «сожалѣніемъ» записывались?

Пумпянскій. Нѣтъ, не съ «сожалѣніемъ», а въ полномъ состояніи аффекта.

Воскресенскій. А экзамены, потомъ, держали тоже въ состояніи аффекта?

Пумпянскій. На столько не былъ въ аффектѣ, что всѣ экзамены закончилъ весной же, чтобы не воспользоваться всевозможными льготами, въ родѣ осеннихъ экзаменовъ.

Воскресенскій. А не подтвердитъ-ли, г. свидѣтель, что вотъ эти «нейтральные» и были истинными «Іудами предателями»?

Предсѣдатель. Вашъ вопросъ неприличенъ.

Егоровъ. Вы помните нашъ весенній разговоръ о статьѣ Амфитеатрова?

Пумпянскій. Помню. Я говорилъ, что статья очень тенденціозна и одностороння. Я даже писалъ, по этому поводу, Амфитеатрову.

Егоровъ. Какъ Вы относились къ «свобододѣйствующимъ» въ разговорѣ со мной?

Пумпянскій. Достаточно ясно.

Егоровъ. А именно?

Пумпянскій. Вы хотите, непремѣнно, отвѣта? Они всѣ поступили бы иначе, если бы подумали.

Егоровъ. Вы тогда знали, что я «свобододѣйствующій»?

Пумпянскій. Я списка не читалъ и по-сейчасъ.

Егоровъ. Откуда же Вы знали, что я «свобододѣйствующій»?

Пумпянскій. Не рискну сказать, затрудняюсь.

Фойгтъ. Вы говорили кому нибудь о томъ, какъ Вы получили билетъ?

Пумпянскій. Я же сказалъ, что началъ вспоминать уже осенью и вспомнилъ по аналогіи съ другими.

Фойгтъ. А весной, и вообще, до Вашего письма въ «Руси», Вы никому не говорили?

Пумпянскій. Нѣтъ, никому и ничего не говорилъ объ этомъ.

Кутыринъ. Вы говорили, что Ваша репутація была такова, что можно было предполагать, что Вы будете портить воздухъ?

Пумпянскій. Я этого не говорилъ; Фойгтъ и Ауэрбахъ могли такъ думать.

Кутыринъ. Вы сказали, что въ прошлые годы подавали голосъ за забастовку. Почему этотъ разъ подали противъ?

Предсѣдатель. Это къ дѣлу не относится.

Кутыринъ (предсѣдателю). Намъ ставятъ въ вину расколъ, будто бы нами внесенный. Поэтому весьма важно выяснить причины этого раскола.

Пумпянскій. Раньше цѣли забастовокъ были политическія, а теперь академическія — примѣнять одни и тѣ же средства считалъ страннымъ.

Кутыринъ. Но Вы признали забастовку нынче?

Пумпянскій. Я ее не призналъ, ибо институтскаго большинства не было, но послѣ «конфуза» съ нейтральными, я написалъ Калачевскому письмо и просилъ переписать меня противъ забастовки.

Кутыринъ. Какого «конфуза» съ нейтральными?

Пумпянскій. Было 17 нейтральныхъ, изъ нихъ 14 хотѣли подчиниться большинству института, а насъ хотѣли присоединить къ большинству сходки. Разъ прибѣгаютъ къ такимъ мѣрамъ, то я считалъ забастовку не жизнеспособной, а потому и пожелалъ переписаться «противъ».

Кутыринъ. А протестъ противъ Коновалова Вы признавали необходимымъ?

Пумпянскій. Да; вѣдь это было признано единогласно.

Кутыринъ. А сношенія съ Коноваловымъ, Вы не считали предо-

судительными? Вѣдь Вы были на совѣщаніи у Коновалова и разговаривали съ нимъ?

Пумпянскій. Событія шли съ такой головокружительной быстротой, что не было возможности отдавать себѣ во всемъ, отчета. Да я, кажется, съ Коноваловымъ и не разговаривалъ.

Кутыринъ. Нѣтъ, Вы именно говорили стоя съ нимъ рядомъ. А о чемъ Вы говорили съ Коноваловымъ?

Пумпянскій. Да, теперь я припоминаю. Я говорилъ, т. е. началъ говорить, что надо было бы оградить обструкціонистовъ отъ репрессій, но Вы не дали мнѣ договорить...

Кутыринъ. Я?

Пумпянскій. Нѣтъ, не Вы лично, а вообще...

Нечаевъ. А Вы стояли рядомъ съ Коноваловымъ и дѣятельно старались попасть ему на глаза.

Пумпянскій. Не помню.

Макаровъ, Малышевъ, Фойгтъ подтверждаютъ, что г. Пумпянскій очень старался привлечь на себя вниманіе г-на Коновалова.

Нечаевъ. Это, стало быть, Вы говорили о защитѣ?.. и можетъ быть объ отдѣльныхъ даже лицахъ?

Люстихъ. Свидѣтель защищалъ обструкціонистовъ?

Пумпянскій. Да, я старался объ этомъ.

Нечаевъ. А не Васъ ли Коноваловъ хлопалъ по плечу, какъ говорилъ здѣсь объ этомъ г. Батуевъ?

Пумпянскій. Нѣтъ, не меня.

Кутыринъ. Вы не видѣли противорѣчій въ Вашихъ поступкахъ: въ томъ, что признали протестъ, а потомъ были у Коновалова?

Пумпянскій. Повторяю, что тогда я былъ, въ состояніи аффекта, и теперь думаю, что этого не слѣдовало бы дѣлать.

Дэви. Вы признали себя авторомъ письма въ „Руси“? Студентъ Д.—очевидно я, а кто такой студентъ Л.?

Пумпянскій. Лурье. Онъ самъ мнѣ говорилъ объ этомъ.

Дэви. Я не засталъ Лурье дома, и онъ самъ пришелъ ко мнѣ записаться въ нашу группу—это было въ присутствіи В. Кузнецова, Кваскова и Першке.

Пумпянскій. Я этого не зналъ.

Зерновъ. А Вы откуда получили эти свѣдѣнія?

Пумпянскій. Я уже говорилъ, что я осенью искалъ у товарищей подтвержденія того, какъ я получилъ билетъ и нашелъ подтвержденіе, напр. у Свѣтлова.

Дэви. А Вы знали, что Лурье „свобододѣйствующій"?

Пумпянскій. Да, зналъ.

Макаровъ. А Васъ Лурье уполномачивалъ писать и говорить отъ его имени?

Пумпянскій. Нѣтъ, не уполномачивалъ, но преслѣдуя истину, я считалъ себя вправѣ сдѣлать это.

Макаровъ. Но вѣдь это—не фактъ,—а слухъ.

Пумпянскій. Нѣтъ, не слухъ.

Нечаевъ. Не объясните ли, какимъ образомъ, лицо съ которымъ Вы до этого времени не были знакомы, ручалось за Васъ передъ лицомъ, съ которымъ Вы были въ дружескихъ отношеніяхъ?

Пумпянскій. Вы хотите установить какую то квалификацію: Егоровъ былъ, по моему мнѣнію, хозяиномъ этой группы.

Егоровъ. (Передавая суду книгу)—Вотъ—здѣсь подлинникъ записи: я записанъ 13-мъ, а г. Пумпянскій третьимъ, такъ что я не могъ ручаться,—онъ записанъ даже раньше меня.

Пумпянскій. Не все ли равно порядокъ—я записался послѣ обструкціи, а Вы до нея уже были въ группѣ.

Бауманъ. Что это за книги?

Ауэрбахъ. Это моя тетрадь, которая была со мной, въ ней разсчетъ проекта по прикладной механикѣ, а такъ какъ у насъ бумаги не было, то въ ней мы и записывались.

Зерновъ. 2-го Апрѣля Вы имѣли твердое желаніе записаться?

Пумпянскій. Нѣтъ я сдѣлалъ это, безъ всякаго намѣренія, а подъ вліяніемъ самообороны.

Зерновъ. Подъ вліяніемъ обструкціи?

Пумпянскій. Да.

Лыщинскій. Не припомните ли, что Вы выражали свое удовольствіе Кучуку, что Вамъ удалось половить рыбку въ мутной водѣ, и изъ-за этого, Кучукъ съ Вами раззнакомился.

Пумпянскій. Не изъ за этого онъ пересталъ ко мнѣ ходить, а изъ-за того, что прислуга однажды его встрѣтила нелюбезно.

Гаппеевъ проситъ огласить письмо горнаго инженера Гурскаго.

Предсѣдатель (читаетъ переводъ письма, Злотницкій слѣдитъ по польскому подлиннику). Письмо при дѣлѣ *).

Гаппеевъ (къ Ковалевскому). Не укажете ли г. Ковалевскій, кто

служитъ въ Горномъ департаментѣ, изъ окончившихъ Горный институтъ въ прошломъ году?

Ковалевскій. Я и Гавриловъ.

Гапѣевъ. Гавриловъ—брюнетъ или блондинъ?

Ковалевскій. Брюнетъ съ бородой. Если г. Гапѣевъ намекаетъ на меня, то я прошу еще разъ прочесть письмо г-на Гурскаго.

Предсѣдатель. (Гапѣеву). Вы выражаете предположеніе, не относится ли письменное показаніе Гурскаго къ Ковалевскому?

Гапѣевъ. На основаніи письма Гурскаго, дѣлаю такое предположеніе.

Предсѣдатель (по просьбѣ Ковалевскаго вновь читаетъ письмо).

Ковалевскій. Я заявляю, что это наглая ложь. Съ 20-го августа по ноябрь я служилъ въ отдѣленіи казенныхъ заводовъ, которое находится черезъ три комнаты отъ указанной г. Гурскимъ, нарисованной на doскѣ и гдѣ я теперь занимаюсь, а тогда тамъ было нефтяное отдѣленіе. Меня тамъ не разъ видѣлъ г-нъ Лемпертъ, который, въ то время, обивалъ пороги Горнаго департамента.

Предсѣдатель (его останавливаетъ).

Ковалевскій. Категорически заявляю, что это наглая ложь. Ничего подобнаго я не говорилъ. Гурскій лжесвидѣтель. удралъ изъ Петербурга. Утверждаю, что это ложь. Предлагаю насъ обоихъ привести къ присягѣ.

Предсѣдатель. Вы служите въ Горномъ департаментѣ?

Ковалевскій. Служу.

Предсѣдатель. Это описаніе подходитъ къ Вамъ? Вы подтверждаете это?

Ковалевскій. Единственная правда, а остальное наглая ложь.

Предсѣдатель. Но самый фактъ Вы отрицаете?

Ковалевскій. Да, это наглая ложь.

Зерновъ. Гурскій вашъ товарищъ. Почему онъ не зналъ Вашей фамиліи?

Ковалевскій. Меня это крайне удивляетъ.

Зерновъ. Вѣроятно, это не къ Вамъ и относится?

Ковалевскій. Въ письмѣ упоминается число: 10 октября. Гурскій занимался тамъ въ это время.

Зерновъ. Не занимался, а былъ 10 октября въ департаментѣ.

Ковалевскій. Я, дѣйствительно, занимаюсь теперь за указаннымъ столомъ, но только съ 1-го ноября, а до этого я находился въ отдѣленіи казенныхъ заводовъ.

Гаппеевъ. Я протестую противъ бранныхъ словъ Ковалевскаго по адресу Гурскаго, потому что Гурскій фамилію Ковалевскаго не называетъ. Я обратился къ Ковалевскому потому, что не знаю Гаврилова и потому, что его здѣсь нѣтъ въ судѣ.

Зерновъ. Гурскій принадлежалъ къ партіи «свободомыслящихъ?»

Гаппеевъ. У насъ не было ни «свободомыслящихъ», ни «свобододѣйствующихъ». У насъ была корпорація.

Рейнвальдъ. Можетъ быть Гурскій зналъ Вашу фамилію, тогда подозрѣніе само собой отпадаетъ.

Ковалевскій. Рѣшительно не знаю.

Рейнвальдъ. Онъ перешелъ черезъ курсъ и могъ Васъ не знать?

Ковалевскій. Мы съ нимъ здоровались.

Рейнвальдъ. Но Вы не утверждаете, что онъ зналъ Вашу фамилію?

Ковалевскій. Утверждать не могу.

Гаппеевъ предлагаетъ вызвать Гурскаго.

Люстихъ вполнѣ соглашается съ этимъ.

ПРОТОКОЛЪ.

18 засѣданія третейскаго суда чести, 13-го апрѣля 1905 г.

Предсѣдательствовалъ В. О. Люстихъ. Отсутствуетъ К. К. Арсеньевъ.

Мишинъ. По показаніямъ я, будто бы, составлялъ экзаменаціонную группу. Ничего подобнаго не было.

Гаппеевъ. Здѣсь на судѣ указывали составителей группъ «несвобод.»: Фитингофа и Мишина.

Мишинъ. У меня это только и есть.

Каминка и Соколовъ дѣлаютъ заявленіе, что они записали Мишина въ качествѣ свидѣтеля.

Чтеніе письменныхъ свидѣтельскихъ показаній со стороны «свободомыслящихъ».

1-ое письмо ст. Богданова Ив. И. В. Бальди на мой вопросъ: «участвовали-ли свобододѣйствующіе въ составленіи списковъ» (уволенныхъ студентовъ) сначала замялся, но потомъ заявилъ буквально слѣдующее: «Да, они участвовали въ составленіи списковъ». Заминка же состояла въ томъ, что онъ мнѣ сказалъ: «Если я былъ бы увѣренъ, что это Вамъ нужно только для себя, а то, можетъ быть, Вы будете возбуждать другихъ». На это я ему сказалъ: «Въ

данномъ случаѣ это нужно только для меня», послѣ чего онъ и далъ упомянутый отвѣтъ. Ив. Богдановъ.

Соколовъ. Еще весною пошли слухи. Распространителемъ этихъ слуховъ называли студента Богданова. Я, вмѣстѣ съ 2 товарищами, тогда же отправился къ Бальди за разъясненіями по этому поводу. Бальди сказалъ мнѣ: Богдановъ получилъ по ошибкѣ (ибо другой Богдановъ просилъ билетъ). Съ этимъ билетомъ Ив. Богдановъ пришелъ къ Бальди и сказалъ: «я желаю знать вѣрны-ли слухи, что студенты помогали Вамъ въ составленіи списковъ уволенныхъ и исключенныхъ». На это Бальди будто бы замѣтилъ: да, я косвеннымъ образомъ, воспользовался тѣми фамиліями, которыя они упоминали въ разговорѣ». Не дослушавъ конца этой фразы Бальди, Богдановъ Ив. ушелъ, отказавшись отъ экзамена.

Мефферть. Вы говорите: Бальди будто бы замѣтилъ. Отвѣтьте прямо: говорилъ Бальди это или нѣтъ?

Соколовъ. Это мнѣ такъ передавалъ Бальди, имѣя въ виду утвержденіе Богданова.

Каминка (Соколову). Что же Бальди конецъ разговора доказывалъ самому себѣ?

Злотницкій. Богдановъ Ив., не дослушавъ Бальди, ушелъ сказавъ «мнѣ больше ничего не надо». Но Бальди утверждаетъ, что онъ говорилъ въ такомъ, именно, духѣ.

Бауманъ. Мнѣ кажется, что, послѣ показаній Бальди, этотъ разговоръ излишенъ.

2-ое письмо Ив. Богданова: Студентъ Кутыринъ подалъ прошеніе о пособіи. Ему же назначили стипендію, о которой онъ совсѣмъ не просилъ. Это мнѣ сообщилъ самъ Кутыринъ. Ив. Богдановъ.

Кутыринъ подтверждаетъ содержаніе письма.

Бауманъ. Значитъ Вы получили и пособіе, и стипендію?

Кутыринъ. Вмѣсто пособія мнѣ назначили стипендію на 3 лѣтнихъ мѣсяца.

Письмо Скорчелетти: 1) Въ разговорѣ съ Коцовскимъ, относительно прекращенія выдачи стипендій, послѣдній сказалъ мнѣ: «Запишитесь въ какую нибудь группу, держите экзамены и тогда Вамъ выдадутъ стипендію. 2) Полицейскій не впустилъ меня въ институтъ и грозилъ арестовать, когда я хотѣлъ войти въ институтъ, по приглашенію г. инспектора. Скорчелетти.

Зерновъ. Когда написано это письмо?

Предсѣдатель. На листкѣ нѣтъ числа: оно не помѣчено.

Гапѣевъ. Прошу читать въ томъ порядкѣ, какъ они положены, т. е. теперь Н. Смирнова.

Предсѣдатель. Я читалъ по порядку проставленныхъ номеровъ.

Печковскій (спрашиваетъ Долбню). Насколько часто практиковалось лишеніе стипендій за неуспѣшность?

Долбня. Ежегодно, послѣ экзаменовъ, Совѣтъ опредѣлялъ условія пользованія стипендіями на слѣдующій академическій годъ по старшинству средняго балла. Предлагалъ директоръ и утверждалъ Совѣтъ.

Печковскій. А которые имѣли баллъ ниже установленнаго?

Долбня. Тѣ лишались стипендіи. Она назначалась только на одинъ годъ.

Гапѣевъ. А въ срединѣ года не лишали стипендіи?

Долбня. Нѣтъ, я этого не помню. Свидѣтельство о бѣдности имѣло лишь формальное значеніе. Фондъ старался влiять на распредѣленіе стипендій при директорѣ Лагузенѣ. Въ послѣднее время студенты взяли въ свои руки распредѣленіе суммъ; жалобъ на такой порядокъ со стороны студентовъ не поступало.

Рейнвальдъ. А на лѣто назначались стипендіи?

Долбня. Только на лѣто стипендіи не назначались.

Андреевъ. Таліевъ получилъ стипендію въ сентябрѣ 1902 года.

Урбановичъ. Онъ былъ первымъ кандидатомъ, и когда освободилась стипендія Духоня, онъ ее получилъ.

Духонь. Важенъ не случай, а установившійся порядокъ. Жалобъ на распредѣленіе стипендій никогда до Совѣта не доходило и никакихъ кривотолковъ не было.

Предсѣдатель читаетъ письмо Козловскаго: Въ засѣданіи Третейскаго суда, 12 февраля, Коноваловъ заявилъ, что студенты, не желавшіе держать экзамены, ничѣмъ къ этому не принуждались и всегда могли получить отпускной билетъ. Опроверженіемъ этого можетъ служить слѣдующее: когда Совѣтомъ 2 апрѣля было произведено дополнительное исключеніе студентовъ въ количествѣ 33 человѣкъ, я пришелъ къ инспектору института узнать, нѣтъ-ли меня въ числѣ уволенныхъ. На портикѣ института встрѣтился со студентами Скворцовымъ, Свистуновымъ, Гливицемъ. Инспекторъ пригласилъ насъ по одному. Сначала вошли къ нему Скворцовъ, Свистуновъ, потомъ Гливицъ и наконецъ я. Когда я вошелъ къ инспектору, студентъ Гливицъ еще не кончилъ свою бесѣду съ инспекторомъ. Одинъ изъ сторожей, или помощниковъ инспектора ходилъ въ это время узнавать,

есть-ли фамилія Гливица въ спискѣ исключенныхъ. Г-нъ инспекторъ вспомнилъ самъ, что моя фамилія въ списокъ исключенныхъ не помѣщена. Г-нъ инспекторъ задалъ намъ вопросъ, думаемъ-ли мы держать экзамены и получивъ отрицательный отвѣтъ, заявилъ: «имѣйте въ виду господа, что недержаніе экзаменовъ отнюдь не гарантируетъ Вамъ оставленія въ институтѣ на томъ же курсѣ, даже и для имѣющихъ на это право». Былъ этотъ разговоръ часа въ 2 дня 6—7 апрѣля. Думаю, товарищъ Гливицъ не откажется подтвердить. Ст. В. Козловскій.

Гливицъ (подтверждаетъ письмо и дѣлаетъ болѣе подробное показаніе). Я замѣчу, что вмѣстѣ съ Тихоновымъ и Козловскимъ не получилъ отпуска.

Предсѣдатель. Этотъ вопросъ не заслуживаетъ разсмотрѣнія, такъ какъ суду извѣстно, что въ институтѣ было вывѣшено соотвѣтственное объявленіе.

Зерновъ. А когда былъ рѣшенъ вопросъ объ оставленіи всѣхъ на второй годъ?

Гливицъ. Я этого не знаю. Я только 21 августа узналъ, что исключенъ.

Зерновъ. Въ отношеніи не державшихъ, когда былъ рѣшенъ вопросъ объ оставленіи всѣхъ весною или осенью?

Урбановичъ. Насъ держали во мракѣ. До конца экзаменовъ, мы не знали: оставятъ насъ на второй годъ или нѣтъ.

Зерновъ. А относительно первокурсниковъ, ихъ судьба когда рѣшалась?

Кругъ. Мнѣ предлагали, отъ имени Коцовскаго, подавать прошеніе, когда уже кончились экзамены.

Зерновъ. Что же, оставляли на второй годъ или увольняли?

Кругъ. Кто объ осеннихъ экзаменахъ не подавалъ прошенія, того увольняли.

Кутыринъ. За послѣднія 6 лѣтъ въ институтѣ, ежегодно, часть экзаменовъ переносили на осень. Каждый годъ насъ пугали, что экзаменовъ на осень не будетъ и каждый годъ весной, въ послѣдній день, объявлялось объ осеннихъ экзаменахъ. Всѣ, подавшіе прошенія объ оставленіи, были удовлетворены Совѣтомъ. Уволены были только, не давшіе никакихъ свѣдѣній о себѣ; (это мнѣ извѣстно отъ профессора Митинскаго), такъ какъ Совѣтъ могъ думать, что эти лица не желаютъ имѣть съ институтомъ никакихъ отношеній.

Гливицъ. Были-ли раньше случаи увольненія, не подавшихъ прошенія объ оставленіи, за недержаніе экзаменовъ?

Долбня (возражаетъ Кутырину). Совѣтъ постепенно стремился всѣми мѣрами упразднить осенніе экзамены, какъ это имѣетъ мѣсто въ институтѣ пут. сообщенія. Дозволялось только откладывать по 1 и, самое большое, по 2 экзамена на осень. Осенніе экзамены были тягостны намъ. Студенты знали къ чему стремится Совѣтъ.

Предсѣдатель. Но этого не достигли?

Долбня. Всѣми мѣрами стремились достигнуть, но не могли достигнуть, такъ какъ этому были уважительныя причины.

Зерновъ. Когда къ экзаменамъ не приступали, требовалось ли прошеніе объ оставленіи на второй годъ?

Долбня. Кто имѣлъ право остаться, того Совѣтъ оставлялъ безъ прошеній.

Духонь. Въ 902 г. на 2 к. человѣкъ 15 подали прошенія объ оставленіи на 2-й годъ, хотя они всѣ были первый годъ на курсѣ и, слѣдовательно, имѣли право остаться на второй годъ, безъ прошенія.

Долбня. Я въ точности этого не припомню; 1902 г. былъ исключительный. Было уволено около 300 челов., хотя мы и знали, что ихъ примутъ обратно. Къ экзаменамъ приступило всего 25 чел. было выпущено только 3.

Меликъ-Шахъ-Назарьянцъ. Въ 1904 г. я не подавалъ весною ни прошенія объ оставленіи на второй годъ, ни прошенія объ осеннихъ экзаменахъ. Но мнѣ разрѣшили осенніе экзамены.

Гливицъ. Соколовскій не сдѣлалъ работъ по аналит. Химіи и былъ допущенъ.

Гаппѣевъ. Можетъ быть въ 902 г. былъ уволенъ кто-нибудь, кто имѣлъ право остаться на второй годъ?

Гливицъ. Отпусковъ не выдавали; мнѣ не дали даже послѣ экзаменовъ.

Кутыринъ. Профес. Долбня мнѣ возражалъ. Однако я ни слова не говорилъ о стремленіи Совѣта уничтожить осенніе экзамены. Я указывалъ только, что объявляли объ осеннихъ экзаменахъ въ послѣдній день. Это осталось безъ возраженія. Затѣмъ профес. Долбня сказалъ, что въ 902 г. власть была въ рукахъ министра. А мнѣ кажется, что министръ вмѣшивался только сначала. Потомъ же распоряжался, какъ всегда, Совѣтъ.

Долбня. Министръ всегда можетъ.

Предсѣдатель читаетъ письмо Скорчелетти: На слѣдующій день

послѣ произведенной въ инст-тѣ обструкціи, я утромъ, приблизительно въ 10 часовъ, обратился къ инспектору, гдѣ собралась сравнительно небольшая толпа студ-въ. Здѣсь нѣкоторые изъ товарищей сообщили мнѣ, что изъ окна директорской квартиры наблюдаетъ, за происходящимъ на улицѣ, помощникъ инспектора г. Бальди и одинъ «своб. д-щій» студентъ; при чемъ назвали фамилію Грунвальда. Чтобы самому убѣдиться въ этомъ, я прошелся мимо оконъ квартиры директора и въ одномъ изъ нихъ дѣйствительно увидѣлъ г. Бальди и студента, лица котораго не могъ разглядѣть, потому лично я не могу утверждать, что послѣдній былъ студ-тъ Грунвальдъ. М. Скорчелетти. Н. Пападаки можетъ тоже подтвердить.

Предсѣдатель. Чья тутъ приписка?

Гаппѣевъ. Это подпись Пападаки, онъ подтверждаетъ это письмо.

Зерновъ. Значитъ, это относится тоже къ 3 апрѣля?

Гаппѣевъ. Да.

Злотницкій. Какимъ образомъ, онъ узналъ, что это «своб. д-щій», если онъ не разглядѣлъ лица?

Гаппѣевъ. Объ этомъ ему говорили вышедшіе студ-ты.

Соколовъ. Пападаки говорилъ про 5 апрѣля?

Мишинъ. Мироновъ утверждаетъ, что 3-го.

Урбановичъ. Между вестибюлемъ и квартирою директора есть сообщеніе, такъ что если въ 10 час. можно было видѣть въ вестибюлѣ, то въ 10 час. 10 сек. можно было видѣть въ квартирѣ директора.

Злотницкій. Пападаки говоритъ относительно 5 апрѣля?

Мироновъ. Я видѣлъ его, въ передней, около столика швейцара.

Грунвальдъ. Я не могъ быть, такъ какъ не получилъ билета для входа въ инст-тъ. Всѣ свидѣтели, показывающіе противъ меня, путаются въ числахъ.

Предсѣдатель. На другой день послѣ обструкціи, слѣдовательно 3 апрѣля?

Грунвальдъ. Этого быть не могло. Я былъ только 5 апрѣля и въ чертежной 5 кур. разговаривалъ съ Асѣевымъ и Шредеромъ. Весьма возможно, что былъ въ вестибюлѣ, что останавливался у столика, что смотрѣлъ въ окошко на студ-въ, проходившихъ мимо, но отсюда ровно ничего не слѣдуетъ.

Мироновъ. Бальди мнѣ говорилъ, что это было 3 апрѣля. Прошу допросить Бальди.

Грунвальдъ. На другой день послѣ того, какъ здѣсь зашелъ вопросъ о моемъ участіи въ записи, я обратился къ инспектору, прося его о разслѣдованіи дѣла, и тогда г. Бальди заявилъ мнѣ что Вы,

г-нъ Мироновъ, были у него и согласились съ нимъ, что это быть можетъ ошибка, ибо Вы видѣли студ-въ въ тотъ часъ, когда запись не производилась.

Мироновъ. Ни къ какому иному соглашенію съ Бальди я придти не могъ.

Грунвальдъ. Я обращаю вниманіе суда, что всѣ, свидѣтельствующіе противъ меня, путаютъ числа.

Предсѣдатель. Здѣсь есть заявленіе г-на Бальди, полученное отдѣльно. Мы посовѣтуемся потомъ, оглашать его или вызвать Бальди.

Предсѣдатель читаетъ письмо Н. Смирнова:

Весною я былъ уволенъ. Когда ожидалась обструкція, я подошелъ къ вестибюлю и остановился вмѣстѣ съ Панфиловымъ, Васютинскимъ и Пилетичемъ (и были еще кто-то,—не помню) передъ стеклянной дверью. За стекломъ мы видѣли Бальди и нѣсколько студ-въ изъ «своб. д-щихъ», между прочимъ Грунвальда. Думаю, что я могъ быть узнанъ только кѣмъ-нибудь изъ студентовъ, такъ какъ въ инспекціи моей фамиліи не знали—это я знаю потому, что прежде, когда я являлся въ канцелярію, оба суб-инспектора всегда переспрашивали мою фамилію и имя. Тоже было также и этой осенью, когда я уже возвратился въ инст-тъ. Сторожа же моей фамиліи не знали. Н.Смирновъ.

Зерновъ. Когда написано?

Предсѣдатель. Когда ожидалась обструкція?

Рейнвальдъ. Обструкцію предполагалось повторить.

Макаровъ. Это Ваше предположеніе?

Меффертъ. Обструкція готовилась. Послѣ 2, 3 и 5 апрѣля студ-ты ходили съ готовыми препаратами.

Меффертъ. Со Смирновымъ я гулялъ около инст-та.

Предсѣдатель читаетъ показаніе Подшибякина:

Въ Третейскій судъ по дѣлу о «свобододѣйствующихъ» студентахъ Горнаго института.

1) Удаленные со сходки «своб.д-щіе» въ тотъ же вечеръ организовали свою сходку. Между другими вопросами подняты были вопросы и объ образованіи Организаціоннаго комитета, а также и о томъ, чтобы въ пользу выдѣлившейся группы, требовать отъ корпораціи отчужденія соотвѣтствующей части имущества студенческихъ учрежденій, (какъ-то — столовой, фонда, библіотеки и т. п.). Первый изъ этихъ вопросовъ прошелъ—Организ. комитетъ образовался; второй же „въ виду полной нелѣпости“ его былъ проваленъ на сходкѣ. (Записано со словъ «своб.д-щаго» Кутырина и Сланскаго). 2) Въ разговорѣ со мной, при нѣкоторыхъ другихъ лицахъ, «своб.

д.-щій» Сланскій, защищая, противъ нападокъ моихъ, нравственную порядочность «своб.д-щихъ», сообщилъ, между прочимъ, и такой фактъ: когда послѣ обструкціи инспекція тотчасъ начала составлять списки обструкціонистовъ, «своб.д-щихъ», Зѣнченко сообщилъ фамиліи нѣсколькихъ товарищей. Нѣкоторые «своб.д-щіе», возмущенные этой низостью, подняли въ своей средѣ вопросъ о томъ, чтобы не подавать студенту Зѣнченко руки. Но по всѣмъ видимостямъ, этотъ вопросъ не прошелъ, потому что, напротивъ, было рѣшено молчать объ этомъ для избѣжанія непріятной огласки. 3) Весьма прозрачные намеки о подобномъ же подвигѣ со стороны «своб.-щаго» Залемана дѣлалъ въ разговорѣ со мной «своб.-д-щій» студентъ Кутыринъ. При чемъ, въ этомъ надо видѣть и причину того, что Залеманъ, не смотря на приглашеніе товарищей, упорно отказывается участвовать въ Третейскомъ судѣ. Интересуясь процессомъ организаціи «свобододѣйствующими» экзаменовъ и, зная, что на первомъ курсѣ собираніемъ группъ занимались Лебедевъ и Гумилевскій, я обратился къ Лебедеву за разъясненіями. Изъ его сообщеній выяснилось слѣдующее: тотчасъ же послѣ приглашенія Совѣта составить экзаменаціонныя группы онъ, Лебедевъ, вмѣстѣ съ Гомилевскимъ начали обходить своихъ знакомыхъ и главнымъ образомъ «своб.д-щихъ» съ предложеніями записаться въ число желающихъ экзаменоваться. При чемъ, мое личное мнѣніе то, что и среди знакомыхъ товарищей они выискивали только благонадежныхъ (въ смыслѣ обструкціи). Группа была составлена и сдана въ инспекцію. Но послѣ этого, нѣкоторые первокурсники обращались къ Бальди съ просьбой выдать имъ билеты на право входа въ инст-тъ. Таковыхъ Бальди направлялъ къ студенту Лебедеву. Фамиліи явившихся Лебедевъ вторично направлялъ въ инспекцію. Что съ этими фамиліями дѣлалъ Бальди—вносилъ ли въ прежнюю группу, составлялъ ли изъ нихъ новую, Лебедевъ не знаетъ, достовѣрно лишь, что всѣ обращавшіеся билеты входные получили. На сходкѣ «свобододѣйствующихъ», имѣвшей мѣсто осенью 1904 г. присутствовалъ между прочимъ товарищъ Молчановъ—студ. 1-го курса. Со словъ его передаю слѣдующій разсказъ «своб.д-щаго» Макарова. Послѣ обструкціи «своб.д-щіе» собрались въ химической аудиторіи для совѣщанія. Когда Макаровъ вышелъ съ совѣщанія и подошелъ къ стойкѣ въ инспекціи, гдѣ обыкновенно находится листъ для составленія всевозможныхъ экзаменаціонныхъ группъ, вѣдомости съ отмѣтками и т. д., то тутъ же увидалъ Макаровъ и списокъ студентовъ—обструкціонистовъ. Бальди обратился къ Макарову съ предложеніемъ, не пожелаетъ ли онъ

г-нъ Мироновъ, были у него и согласились съ нимъ, что это быть можетъ ошибка, ибо Вы видѣли студ-въ въ тотъ часъ, когда запись не производилась.

Мироновъ. Ни къ какому иному соглашенію съ Бальди я придти не могъ.

Грунвальдъ. Я обращаю вниманіе суда, что всѣ, свидѣтельствующіе противъ меня, путаютъ числа.

Предсѣдатель. Здѣсь есть заявленіе г-на Бальди, полученное отдѣльно. Мы посовѣтуемся потомъ, оглашать его или вызвать Бальди.

Предсѣдатель читаетъ письмо Н. Смирнова:

Весною я былъ уволенъ. Когда ожидалась обструкція, я подошелъ къ вестибюлю и остановился вмѣстѣ съ Панфиловымъ, Васютинскимъ и Пилетичемъ (и были еще кто-то,—не помню) передъ стеклянной дверью. За стекломъ мы видѣли Бальди и нѣсколько студ-въ изъ «своб. д-щихъ», между прочимъ Грунвальда. Думаю, что я могъ быть узнанъ только кѣмъ-нибудь изъ студентовъ, такъ какъ въ инспекціи моей фамиліи не знали—это я знаю потому, что прежде, когда я являлся въ канцелярію, оба суб-инспектора всегда переспрашивали мою фамилію и имя. Тоже было также и этой осенью, когда я уже возвратился въ инст-тъ. Сторожа же моей фамиліи не знали. Н.Смирновъ.

Зерновъ. Когда написано?

Предсѣдатель. Когда ожидалась обструкція?

Рейнвальдъ. Обструкцію предполагалось повторить.

Макаровъ. Это Ваше предположеніе?

Мефферть. Обструкція готовилась. Послѣ 2, 3 и 5 апрѣля студ-ты ходили съ готовыми препаратами.

Мефферть. Со Смирновымъ я гулялъ около инст-та.

Предсѣдатель читаетъ показаніе Подшибякина:

Въ Третейскій судъ по дѣлу о «свобододѣйствующихъ» студентахъ Горнаго института.

1) Удаленные со сходки «своб.д-щіе» въ тотъ же вечеръ организовали свою сходку. Между другими вопросами подняты были вопросы и объ образованіи Организаціоннаго комитета, а также и о томъ, чтобы въ пользу выдѣлившейся группы, требовать отъ корпораціи отчужденія соотвѣтствующей части имущества студенческихъ учрежденій, (какъ-то—столовой, фонда, библіотеки и т. п.). Первый изъ этихъ вопросовъ прошелъ—Организ. комитетъ образовался; второй же „въ виду полной нелѣпости" его былъ проваленъ на сходкѣ. (Записано со словъ «своб.д-щаго» Кутырина и Сланскаго). 2) Въ разговорѣ со мной, при нѣкоторыхъ другихъ лицахъ, «своб.

д.-щій» Сланскій, защищая, противъ нападокъ моихъ, нравственную порядочность «своб.д-щихъ», сообщилъ, между прочимъ, и такой фактъ: когда послѣ обструкціи инспекція тотчасъ начала составлять списки обструкціонистовъ, «своб.д-щихъ», Зѣнченко сообщилъ фамиліи нѣсколькихъ товарищей. Нѣкоторые «своб.д-щіе», возмущенные этой низостью, подняли въ своей средѣ вопросъ о томъ, чтобы не подавать студенту Зѣнченко руки. Но по всѣмъ видимостямъ, этотъ вопросъ не прошелъ, потому что, напротивъ, было рѣшено молчать объ этомъ для избѣжанія непріятной огласки. 3) Весьма прозрачные намеки о подобномъ же подвигѣ со стороны «своб.-щаго» Залемана дѣлалъ въ разговорѣ со мной «своб.-д-щій» студентъ Кутыринъ. При чемъ, въ этомъ надо видѣть и причину того, что Залеманъ, не смотря на приглашеніе товарищей, упорно отказывается участвовать въ Третейскомъ судѣ. Интересуясь процессомъ организаціи «свобододѣйствующими» экзаменовъ и, зная, что на первомъ курсѣ собираніемъ группъ занимались Лебедевъ и Гумилевскій, я обратился къ Лебедеву за разъясненіями. Изъ его сообщеній выяснилось слѣдующее: тотчасъ же послѣ приглашенія Совѣта составить экзаменаціонныя группы онъ, Лебедевъ, вмѣстѣ съ Гомилевскимъ начали обходить своихъ знакомыхъ и главнымъ образомъ «своб.д-щихъ» съ предложеніями записаться въ число желающихъ экзаменоваться. При чемъ, мое личное мнѣніе то, что и среди знакомыхъ товарищей они выискивали только благонадежныхъ (въ смыслѣ обструкціи). Группа была составлена и сдана въ инспекцію. Но послѣ этого, нѣкоторые первокурсники обращались къ Бальди съ просьбой выдать имъ билеты на право входа въ инст-тъ. Таковыхъ Бальди направлялъ къ студенту Лебедеву. Фамиліи явившихся Лебедевъ вторично направлялъ въ инспекцію. Что съ этими фамиліями дѣлалъ Бальди—вносилъ ли въ прежнюю группу, составлялъ ли изъ нихъ новую, Лебедевъ не знаетъ, достовѣрно лишь, что всѣ обращавшіеся билеты входные получили. На сходкѣ «свобододѣйствующихъ», имѣвшей мѣсто осенью 1904 г. присутствовалъ между прочимъ товарищъ Молчановъ—студ. 1-го курса. Со словъ его передаю слѣдующій разсказъ «своб.д-щаго» Макарова. Послѣ обструкціи «своб.д-щіе» собрались въ химической аудиторіи для совѣщанія. Когда Макаровъ вышелъ съ совѣщанія и подошелъ къ стойкѣ въ инспекціи, гдѣ обыкновенно находится листъ для составленія всевозможныхъ экзаменаціонныхъ группъ, вѣдомости съ отмѣтками и т. д., то тутъ же увидалъ Макаровъ и списокъ студентовъ—обструкціонистовъ. Бальди обратился къ Макарову съ предложеніемъ, не пожелаетъ ли онъ

внести въ списокъ кого-нибудь? На вопросъ Макарова. „Неужели были студенты, позволившіе себѣ это? Бальди отвѣтилъ: „Были". Изъ моей записки, находящейся у «своб.д-щихъ», безъ моего позволенія не можетъ быть ничего вынесено на Третейское разбирательство. До послѣдняго времени позволенія этого я не давалъ и не намѣренъ давать потому, что моя точка зрѣнія на «свобододѣйствующихъ» на основаніи новыхъ добытыхъ фактовъ радикально измѣнилась. Ст. 2 к. М. Подшибякинъ.

Дэви. Сланскій не былъ при обструкціи; уѣзжалъ изъ Петербурга.

Гапѣевъ. Сланскій могъ знать это по слухамъ. Здѣсь нѣтъ указаній. Это не оправданіе.

Макаровъ. Я не былъ въ инспекціи, я былъ въ проходной чертежной (Маркову). Осенью Вы съ братомъ заходили ко мнѣ, интересовались этимъ случаемъ. Я тогда Вамъ и говорилъ про чертежную. Я пришелъ послѣ обструкціи, когда на верхъ нельзя было войти вслѣдствіе отвратительной вони. Г-нъ Степаницкій мой разсказъ подтвердилъ.

Марковъ. Въ Вашемъ разсказѣ я обратилъ вниманіе на фактъ, а не на мѣсто. У меня осталось неопредѣленное впечатлѣніе.

Макаровъ. Я пришелъ въ инст-тъ послѣ обструкціи, въ корридоръ нельзя было войти благодаря вони.

Рейнвальдъ. Я Васъ встрѣтилъ въ 11-мъ часу, на углу 19-й линіи.

Марковъ. Послѣ показаній Батуева, въ виду его отрицанія Вашихъ словъ, я старался возстановить съ братомъ нашъ разговоръ, но не могъ и къ опредѣленному выводу не пришелъ.

Макаровъ. Удивляюсь Вашей порядочности. Я, категорически, утверждаю и настаиваю, что это было въ пріемной.

Малышевъ. Я это подтверждаю.

Духонь. И я могу подтвердить.

Рейнвальдъ. Въ инспекціи публика была?

Макаровъ. Я пришелъ послѣ обструкціи.

Марковъ. Я, категорически, не утверждаю, мое впечатлѣніе осталось обратное.

Кутыринъ. Подшибякинъ ссылается на мои слова. Относительно образованія весной комитета и отдѣльной сходки, я говорилъ. И это доказывается бюллетенями, которые «своб.д-щіе» представили въ судъ. Этого никто не скрывалъ и никакой новости тутъ нѣтъ. Фраза о нелѣпости требованія выдѣлить часть студенческаго имущества принадлежитъ Подшибякину. На сходкѣ 15 марта этотъ вопросъ не

дебатировался и не вотировался. Говорить этого я не могъ, т. к. считаю, что никакое исключенiе изъ корпорацiи не можетъ меня лишить имущественныхъ правъ, развѣ только при недѣлимости имущества. Этотъ вопросъ я считаю спорнымъ. Лично же этого вопроса поднимать не сталъ бы, считая его мелочнымъ и неподходящимъ. Далѣе онъ говоритъ про Залемана. Говорилъ онъ со словъ Батуева. Упоминанiе имъ одного Залемана служитъ доказательствомъ, что я и отъ Батуева слышалъ только одну фамилiю; иначе, говоря про одного, сказалъ бы я про другого. Высказалъ также предположенiе, что разсказъ о немъ имѣетъ основанiе, т. к. онъ не желаетъ подписать вызовъ къ Третейскому суду.

Зерновъ. Залеманъ студентъ?

Мефферть. Студентъ 5 курса и находится въ Петербургѣ.

Предсѣдатель читаетъ показанiе Чупракова: Въ Третейскiй судъ студентовъ Горн. института. Не касаясь весеннихъ событiй въ Горн. инст-тѣ вообще, я передаю одинъ изъ фактовъ, въ которомъ я былъ или дѣйствующимъ лицомъ или свидѣтелемъ. Этотъ фактъ не былъ извѣстенъ ни «своб.д-щимъ», ни ихъ противникамъ до ноября 904 г., когда онъ сталъ извѣстенъ и тѣмъ и другимъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ обструкцiи (между 6 и 10 апрѣля—точно числа не помню), съ цѣлью узнать оффицiально свое положенiе въ институтѣ и условiя, относительно держанiя экзаменовъ, я направился къ инспектору г. Коцовскому и послѣ, не менѣе чѣмъ 2—3 час. дежурства у парадныхъ дверей института, охранявшихся нарядомъ дворниковъ, получилъ возможность говорить съ инспекторомъ. На мое заявленiе о предоставленiи мнѣ возможности держать экзамены, инспекторъ сказалъ: „А Вы участвуете въ движенiи или нѣтъ"? Не отвѣчая категорически на этотъ коварный вопросъ, я указалъ, что мое личное сознанiе здѣсь не имѣетъ значенiя, что инспекцiя навѣрное знаетъ объ этомъ помимо меня, но допустимъ, что я не участвую. Г. Коцовскiй предложилъ мнѣ или составить свою группу или войти, въ образовавшуюся уже группу, для чего и обратиться къ кому либо изъ участниковъ послѣдней; при чемъ г. Коцовскiй на память назвалъ мнѣ двѣ-три фамилiи, напр. Соколова. Т. к. я не зналъ участниковъ группы, то въ инспекторской комнатѣ мнѣ показали списокъ лицъ 1 гр. 2 кур. (челов. 16) и позволили его списать. Послѣ этого, вернувшись къ г. Коцовскому (во входной вестибюль), я возобновилъ съ нимъ разговоръ. На мой вопросъ, почему же я не могу войти въ эту группу или другую независимо отъ лицъ, уже вошедшихъ (какъ было въ прежнiе годы), г. Коцовскiй любезно пояснилъ,

что группы составляются студентами, а не инспекціей, и во избѣжаніе повторенія обструкціи, онѣ комплектуются самими студентами подъ условіемъ (очевидно, своего рода взаимнымъ поручительствомъ) не нарушать экзаменовъ; только о такихъ лицахъ организаторы группъ доводятъ до свѣдѣнія администраціи института на предметъ выдачи входного билета. Когда же я, категорически, отвергъ какое бы то ни было поручительство за себя, со стороны какихъ бы то ни было другихъ студентовъ, подчеркнувъ, что я всегда отвѣчаю только за свои собственныя дѣйствія и обязательства, г. Коцовскій предложилъ мнѣ подать заявленіе директору или инспектору института о своемъ желаніи держать экзамены. На мое возраженіе, что такихъ заявленій я дѣлалъ чуть ли не два, отвѣчая на присланные отъ института запросы, но никакихъ результатовъ на эти заявленія не имѣю, г. Коцовскій сказалъ приблизительно такъ: «до обструкціи всѣ выражали желаніе держать экзамены, но это ничуть не помѣшало обструкціи, а, пожалуй, наоборотъ, создало ее; послѣ обструкціи обстоятельства измѣнились, теперь приходится имѣть дѣло (очевидно, относительно экзаменовъ. Я. Ч.) съ каждымъ студентомъ отдѣльно». Этимъ аудіенція кончилась. По поданному, на имя инспектора прошенію я, дѣйствительно, получилъ входной билетъ, въ тотъ же день. Студентъ 3 кур. Горн. инст. Я. Чупраковъ. Выражаю полную готовность дать суду все, что имѣю, но по возможности устно, при чемъ, вызовъ желателенъ послѣ 10 января 1905 г. Адресъ до 10 января: ст. Ушаки Ник. ж. д. Послѣ 10 янв. СПБ. Горн. инст. 30 дек. 904 г. Я. Чупраковъ.

Предсѣдатель. Читаетъ показаніе Ярцева. Студентъ Грибовъ передалъ мнѣ слѣдующій фактъ: на Пасху онъ уѣзжалъ домой. По пріѣздѣ онъ явился въ институтъ для полученія билета на жительство. Въ институтъ ему удалось попасть лишь на третій день. Въ корридорѣ его принялъ Коцовскій, который сказалъ ему, что билетъ на жительство можетъ быть выданъ ему, Грибову, лишь въ томъ случаѣ, если Грибовъ дастъ подписку въ томъ, что не будетъ принимать участіе въ обструкціи и приступитъ къ держанію экзаменовъ. Грибовъ согласился дать подписку по первому пункту, но категорически отказался дать таковую о держаніи экзаменовъ. Тогда Коцовскій, посовѣтовавшись съ Коноваловымъ, отказалъ Грибову въ выдачѣ ему билета на жительство и Грибову, лишь послѣ долгихъ хлопотъ, удалось получить таковой, давъ подписку не принимать участія въ обструкціи. Таковой образъ дѣйствія инспекціи очень характеренъ и я рекомендую провѣрить сообщенный мною фактъ у Грибова. Н. Ярцевъ.

Голоса. Почему нѣтъ Грибова и Чупракова?

Гапѣевъ. Ихъ нѣтъ въ Петербургѣ.

Предсѣдатель читаетъ показаніе Кивеля.

Студентъ 4 курса Петръ Калнинъ, желая приступить къ экзаменамъ въ апрѣлѣ, явился въ инспекцію за входнымъ билетомъ; суб-инспекторъ Бальди отказался выдать таковой и совѣтовалъ ему обратиться къ одному изъ представителей группы студентовъ, завѣдывавшей раздачей билетовъ. Калнинъ обратился къ своему однокурснику, студенту Духоню. Послѣдній отказался выдать ему билетъ на томъ основаніи, что не знаетъ его достаточно близко и ручаться за него не можетъ. Вышеизложенное Калнинъ передалъ мнѣ въ тотъ же день послѣ визита къ Духоню и спрашивалъ меня, какъ ему быть и что дѣлать, чтобы получить возможность приступить къ экзаменамъ. Студ. 5 кур. Александръ Кивель.

Духонь. По поводу показаній Кивеля, относительно студ-та Калнина, я могу сослатся на показанія самого студ-та Калнина; письмо его мною представлено и читано на судѣ; оно совершенно опровергаетъ показанія Кивеля.

Гапѣевъ. Калнинъ въ Петербургѣ.

Предсѣдатель читаетъ показаніе Кардашева.

Не входя въ оцѣнку излагаемыхъ фактовъ, я, нижеподписавшійся, свидѣтельствую слѣдующее: 1) Весною прошлаго года, когда экзамены уже давно начались, я встрѣтилъ на улицѣ студента „своб.-д-щаго" Притулу. На его вопросъ, «держу ли я экзамены», я сказалъ, что теперь я рѣшилъ держать экзамены, но не имѣю билета и не знаю, какъ достать его; тогда Притула вызвался мнѣ помочь; онъ сказалъ, что на слѣдующій день будетъ въ институтѣ и скажетъ г. Бальди, чтобы тотъ прислалъ мнѣ билетъ; онъ, Притула, знаетъ, что я мѣшать экзаменамъ не буду. Черезъ день я получилъ билетъ; экзаменаціонную группу выбралъ самъ, безъ всякаго участія Притулы и въ своей группѣ его не имѣлъ. Близкій мой товарищъ Іевлевъ, съ которымъ я обыкновенно хожу въ институтъ и съ которымъ меня помощникъ инспектора постоянно смѣшиваетъ по фамиліи, услугами „своб.д-щихъ" не пользовался и билета не получалъ 2) На той сходкѣ, которая обсуждала условія извиненія Коновалова, былъ разъясненъ смыслъ словъ резолюціи „неприкосновенность студенческихъ учрежденій" со стороны директора. Эти слова надо было понимать такъ: директоръ не имѣлъ права безъ разрѣшенія совѣта нарушать права студенческихъ учрежденій; въ этомъ смыслѣ и была принята сходкой резелюція, и, объясняя такъ

слова резолюціи директору, депутаты сходки толковали резолюцію не произвольно. Студентъ 3 курса Алексанръ Кардашевъ.

Предсѣдатель (читаетъ показаніе Скворцова). Въ срединѣ апрѣля 1904 г. я, нижеподписавшійся, вмѣстѣ съ товарищемъ Свистуновымъ встрѣтилъ на набережной Невы студ-та 4 курса Краснова. Передъ этимъ, за нѣсколько дней, мы слышали, что онъ подалъ сначала голосъ противъ забастовки, потомъ за, а потомъ опять вычеркнулъ себя изъ списка забастовщиковъ и внесъ противъ и наконецъ внесъ свою фамилію въ списокъ «своб.-д щихъ». И все это онъ совершилъ на протяженіи двухъ-трехъ дней. Намъ было крайне интересно узнать отъ Краснова о мотивахъ, которые побудили его совершить столь рѣзкіе скачки. Въ продолженіе разговора къ намъ подошелъ Пѣховскій. Началъ спрашивать, достали-ли мы билеты на входъ въ институтъ или нѣтъ, а то я, сказалъ Пѣховскій, былъ у Ауэрбаха и просилъ его, чтобы онъ оказалъ содѣйствіе на полученіе билета, но онъ, Ауэрбахъ, отвѣтилъ, «что у него пріемъ законченъ». Красновъ совѣтовалъ Пѣховскому сходить къ Кузьмицкому и тотъ, навѣрное, дастъ ему билетъ. 1905 г. 4 января. К. Скворцовъ.

Предсѣдатель (читаетъ показаніе Старицына. Духонь обращался ко мнѣ съ предложеніемъ, не желаю ли я держать экзамены и составить группу. Студентъ 5 к. В. Старицынъ.

Духонь Я, дѣйствительно, 2 апрѣля послѣ обструкціи, записавшись въ группу Ауэрбаха и Фойгта, вышелъ на портикъ инст-та. Тамъ встрѣтилъ Старицына, подошелъ къ нему и заявилъ: «будете ли Вы держать экзамены? Если будете, то отправьтесь въ чертежную 2-го курса, тамъ студ-ты Ауэрбахъ, Пумпянскій, Фойгтъ составляютъ группу. Подите запишитесь». Старицынъ сказалъ, что экзамены держать не будетъ. При этомъ, предлагая записаться въ группу, я имѣлъ въ виду запись въ І-ю группу Ауэрбаха и Дэви, но отнюдь не мою.

Предсѣдатель читаетъ показаніе ассистента Горн. инст. Степанова. Милостивый Государь Дмитрій Ивановичъ! Въ отвѣтъ на Вашу просьбу выяснить извѣстный мнѣ инцидентъ, имѣющій отношеніе къ дѣлу „свобододѣйствующихъ“ со „свободомыслящими“ студентами института, сообщаю нижеслѣдующее. Однако, предварительно, заявляю, что теперь не могу возстановить въ памяти, совершенно точно подробности и указать время, когда инцидентъ произошелъ. Прошлою весною, когда экзамены уже въ значительной степени развились, я обратился въ инспекцію съ вопросомъ, къ К. А. Воронину и И. В. Бальди, отчего моему брату (тогда студ. 4 курса),

не присылаютъ билета на экзаменъ. Мнѣ отвѣчали, что на 4 курсѣ группы составляетъ студ. Духонь. Я выразилъ удивленіе, почему нужно обращаться къ студенту. На этомъ разговоръ и кончился. Н. Степановъ. 1905 г. 28 февр.

Духонь. Я уже разъ доложилъ суду, что предполагалъ составить группу, если Ивановъ согласится экзаменовать студ-въ по горн. статистикѣ, о чемъ я имѣлъ разговоръ съ Бальди. Однако же зайдя черезъ нѣсколько дней въ инспекцію, Бальди заявилъ мнѣ, что Ивановъ экзаменовать въ апрѣлѣ отказался. А потому всякая мысль о составленіи группы мною была оставлена. Однако же, Бальди, забывъ мой отказъ, сталъ посылать ко мнѣ студ-въ за записью въ группу. Ко мнѣ явились лишь двое студ-въ Калнинъ и Рабчевскій, при чемъ я заявилъ, что группу я не составляю, а составляютъ Дэви и Ауэрбахъ. Письмо Калнина это подтверждаетъ.

Предсѣдатель читаетъ показаніе Бромирскаго. Узнавъ, что Вы собираете данныя, такъ или иначе характеризующія дѣйствія „своб.-д-щихъ“, считаю своимъ долгомъ заявить то, что знаю о причастности этой группы къ дѣятельности инспекціи. Въ прошломъ году весной, вскорѣ послѣ обструкціи (числа точно не помню) ко мнѣ пришли два студента моего курса: Притула и другой, котораго фамилію не знаю, но хорошо помню въ лицо; они заявили, что, по порученію инспекціи, они составляютъ группу желающихъ держать экзамены, за которыхъ они могли бы поручиться, что они не сдѣлаютъ обструкціи. Вслѣдствіе моего отказа, разговоры наши на этомъ прекратились, Г-на Притулу я немного зналъ раньше. Чѣмъ руководствовались «своб.-д-щіе», предлагая подобныя комбинаціи, не знаю, т. к. въ ихъ спискахъ никогда не стоялъ. Письмо это передаю въ полное Ваше распоряженіе. Студентъ 3 курса Анатолій Бромирскій.

Голоса. Почему нѣтъ Бромирскаго?

Гапѣевъ. Его нѣтъ въ Петербургѣ

Духонь. Я его встрѣтилъ вчера на конкѣ.

Зерновъ. Гдѣ Притула?

Голоса. Въ Екатеринодарѣ.

Предсѣдатель читаетъ показаніе Гирбасова. С.-Петерб. 30 Ноября 1904 г. М. Г. г-нъ Гапѣевъ! Такъ какъ Ваше дѣло, волею судебъ, утрачиваетъ характеръ частичнаго эпизода въ жизни нашего института, то я считаю должнымъ обнаружить фактъ контроля мыслей и поступковъ студентовъ Горнаго института нынѣшнею весною со стороны институтскаго начальства, при участіи «своб.-д-щихъ».

Не называя именъ, подтверждаю, что по рекомендаціи отдѣльныхъ лицъ изъ этой партіи, я неоднократно могъ получить билетъ для свободнаго доступа въ институтскія помѣщенія; предлагавшіе мнѣ, высказывали удивленіе, почему я отказываюсь отъ этого: «вѣдь у Васъ исполнены всѣ работы», говорили мнѣ, но я, ссылаясь на «слишкомъ ужъ мудрую политику нашего директора», категорически отказался отъ предлагаемой услуги. Не принадлежа къ институтскимъ партіямъ, я тѣмъ не менѣе считаю необходимымъ откликнуться на Ваше дѣло. Студ. Горн. инст. Петръ Гирбасовъ.

Гапѣевъ. Я съ нимъ не былъ знакомъ. Получилъ письмо въ Технологич. инст. Справлялся, но не нашелъ.

Предсѣдатель читаетъ показаніе Кульжинскаго. Отъ студента Горба, нынѣ 5 курса, 2 апрѣля узналъ, что на 4-мъ курсѣ билеты для входа въ институтъ давали студенты Духонь, а фамилію другого я забылъ. Отъ студента Назарова, теперь инженера, который числился «своб. д-щимъ», слышалъ, что къ нему являлся студ. Магула, который предложилъ ему записаться въ число студентовъ, готовыхъ держать экзамены при всякихъ условіяхъ, отъ чего Назаровъ отказался. Бывшій студ. 5 курса Мстиславъ Кульжинскій.

Духонь. Очень жаль, что нѣтъ самого Горба. Я бы ему напомнилъ крупный разговоръ его 2 апр. съ Недзѣльскимъ, отрицавшимъ мое участіе; при разговорѣ присутствовалъ Анитовъ.

Гапѣевъ. Благодарю Васъ.

Предсѣдатель. Вы Горба спрашивали?

Гапѣевъ. Горбъ здѣсь и подтвердилъ; Кульжинскій на Уралѣ.

Предсѣдатель читаетъ показаніе Сивика. Могу еще сообщить, что живу въ зданіи Горнаго института (во дворѣ), и за все время весеннихъ безпорядковъ ко мнѣ не пускали никого изъ моихъ товарищей, не имѣвшихъ спеціальнаго билета на проходъ во дворъ института. И чтобы съ ними повидаться, мнѣ нужно было каждый разъ выходить за рѣшетку воротъ, на улицу, и тамъ разговаривать. Хотя безпорядки бывали и въ прежніе года, но подобному стѣсненію я не подвергался за все время жительства съ 1901 уч. года, когда я поселился на этой квартирѣ. Мечиславъ Сивикъ. Спб. 18 декабря 1904 года.

Рѣшивъ держать экзамены, я пошелъ около 20 апрѣля въ инспекцію и обратился съ этой просьбой выдать мнѣ билетъ, чтобы имѣть свободный доступъ въ институтъ. Помощникъ инспектора И. В. Бальди мнѣ заявилъ, что теперь выдача билетовъ отъ инспекціи не зависитъ, а распоряжаются этимъ студенты, на Вашемъ

(3-мъ) курсѣ такіе-то (назвалъ фамилію Бѣлозорова, а второго не помню). Когда я возразилъ, что я такой же студентъ, какъ всѣ и удивляюсь, почему мнѣ нужно обращаться за полученіемъ билета къ этимъ студентамъ и почему я не могу получить его, непосредственно, отъ начальства,—тогда г. Бальди посовѣтовалъ мнѣ подать письменное прошеніе къ инспектору, что я и сдѣлалъ и тогда только получилъ билетъ для экзаменовъ. С.-Петербургъ 18 декабря 1904 года. Мечиславъ Сивикъ. Студентъ 4 курса Горн. инст.

Предсѣдатель читаетъ показаніе Ю. Алферова. Во всей пошлой исторіи «свобододѣйствующихъ» меня изумляетъ то нахальство, съ которымъ эти господа отказываются отъ совмѣстнаго дѣйствія съ инспекціей Горн. ин-та, въ составленіи благонадежныхъ группъ и выдачѣ билетовъ на право входа въ институтъ. Пусть г. г. Викт. Соколовъ и Притула вспомнятъ, какъ они предлагали мнѣ войти въ составъ ихъ экзаменаціонной группы. Пусть они вспомнятъ, какъ они говорили, что если я запишусь къ нимъ, то затѣмъ мнѣ будетъ выданъ билетъ изъ инспекціи. Пусть г. Викт. Соколовъ вспомнитъ, какъ въ мартѣ 1904 г. онъ показывалъ мнѣ письмо помощника инспектора, г. Бальди, адресованное къ нему, г. Викт. Соколову. Пусть В. Сок. вспомнитъ, что въ этомъ письмѣ Бальди предлагалъ ему составить экзаменаціонную группу, и обѣщалъ всѣмъ студентамъ этой группы выслать билеты. Пусть же теперь, В. Соколовъ скажетъ, помогалъ ли онъ инспекціи провести благополучно экзамены. Пусть онъ гласно, передъ лицомъ общества, отвѣтитъ на этотъ вопросъ и тѣмъ дастъ фактическій матеріалъ г. Коновалову, заявившему, что обвиненіе «свобододѣйствующихъ» въ томъ, что они руководили раздачей билетовъ, есть сущій вздоръ». Ст. Г. ин. Юрій Алферовъ. 10 декабря 1904 г. Письмо это, если товарищи найдутъ нужнымъ, прошу напечатать. Ст. Юр. Алферовъ.

В. Соколовъ. Весьма досадно, что г. Алферовъ не пришелъ сюда. При очной ставкѣ я доказалъ бы ему, что онъ лжетъ. Послѣ 20 марта, когда инст-тъ былъ закрытъ, я послалъ Бальди письмо, заявляя, что я желаю держать экзамены, но не имѣю возможности попасть въ инст-тъ. Бальди написалъ: «Напишите, когда хотите держать, и я вышлю билетъ. Сообщите объ этомъ своимъ товарищамъ». Я зашелъ къ Алферову; былъ съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Говорю ему: «Напиши Бальди, и получишь билетъ для экзаменовъ». Онъ далъ мнѣ разсказать, а потомъ перемѣнилъ тонъ и говоритъ: «Я не буду держать экзаменъ». — «Почему?»— «Далъ подписку комитету не держать экзамены». Я удивился, что

онъ, старый студентъ, ловится на удочку комитета. Комитетъ начинаетъ дѣло, а потомъ броситъ.

Гливицъ. Сколько лѣтъ Алферовъ студентомъ?

В. Соколовъ. Былъ въ университетѣ, и въ инст-тѣ 3 года.

Предсѣдатель читаетъ письмо Бальди, переданное В. Соколовымъ.

М. Г. Вслѣдствіе ухода И. П. Долбни и вмѣстѣ съ нимъ пяти профессоровъ, читаемые ими предметы не входятъ со вчерашняго дня въ экзаменаціонное распредѣленіе, а за уничтоженіемъ на Вашемъ курсѣ интегр. исчисленія, палеонтологіи и геологіи, которые переносятся на осень, періодъ экзаменовъ сокращается на недѣлю, путемъ переноса экзаменовъ съ 31 марта на 7 апрѣля. 7-го апрѣля на 2 курсѣ назначена Органическая Химія, 8-го апрѣля Минералогія, 9-го апрѣля Прикладная Механика, Минералогія и Строит. Механика. Такъ выбирайте любой предметъ и сообщите мнѣ, какой избираете, а я Вамъ на этотъ день билетъ пришлю, на слѣдующій какъ Вы, такъ и всѣ, будутъ получать билеты лично, явившись на экзаменъ. Съ почтеніемъ И. Бальди. Сообщите объ этомъ близкимъ своимъ товарищамъ, которыхъ я тоже постараюсь удовлетворить.

Соколовъ. Это письмо удостовѣряетъ, что никакого разговора о группахъ тогда быть не могло.

Рейнвальдъ. Вопросъ о группахъ подтверждается помимо письма.

Долбня. (Соколову) У кого вы сдавали интегр. исчисл?

Соколовъ. Осенью у Терпиловскаго.

Предсѣдатель читаетъ показаніе Винокурова. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій суда, на вопросъ судьи проф. Зернова, обращенный къ свид. проф. Коцовскому «сообщали ли Вамъ студенты о готовности держать экзамены на опредѣленныхъ условіяхъ»? г. Коцовскій отвѣтилъ, что такихъ заявленій ему не дѣлалось. Въ виду такого отвѣта г. свидѣтеля, я, какъ и участникъ и предсѣдатель совѣщанія группы студ-въ 3 к. 12 апрѣля, могу сообщить слѣдующее: около 8—10 апрѣля группою студ-въ 3 к. было получено приглашеніе пожаловать въ инст-тъ 12 числа, въ 4 ч. дня. 9 апрѣля были, подобнымъ же образомъ, собраны студ-ты 4 к., вынесшіе такую резолюцію: «Студенты 4 к., собранные г. инспекторомъ 9-го апрѣля, единогласно выражаютъ желаніе держать экзамены при полномъ составѣ профессоровъ". Пропускали насъ въ инст-тъ, лишь по именнымъ приглашеніямъ и приглашенныхъ оказалось всего изъ числа студ-тъ 3 к. (на курсѣ свыше 160 чел. изъ нихъ 40 «свобододѣйствующихъ») около 60 чел. Попавъ наконецъ мимо многочисленной полиціи на улицѣ и инспекціи въ вестибюлѣ

зданія, въ чертежную 5 к., куда насъ, предупредительно, приглашали г. г. субъинспектора, мы увидѣли, что цѣль нашего приглашенія, не указанная въ пригласительныхъ билетахъ, заключается въ томъ, что намъ предоставлено право записаться въ одну изъ пяти образуемыхъ на 3 к. экзаменаціонныхъ группъ; для этого на столахъ положены были листы съ надписью «1 группа», «2 группа» и т. д. Никто однако въ эти группы не записывался, а состоявшееся совѣщаніе послѣ обмѣна мнѣній, несмотря на свой въ большинствѣ болѣе чѣмъ лояльный (по мнѣнію начальства) составъ и значительную подавленность настроенія, вынесло большинствомъ голосовъ слѣд. резолюцію: «Группа 48 студ-въ 3 курса, созванныхъ 12 апрѣля начальствомъ инст-та, выражаетъ готовность держать экзамены лишь при прежнемъ составѣ студ-въ и профессоровъ, при чемъ подчеркиваетъ, что всестороннее обсужденіе вопроса возможно лишь на общеинститутской сходкѣ». Для врученія этой резолюціи г. инспектору была избрана депутація изъ 3-хъ лицъ: Абрамова, меня и Маковскаго. Когда мы переписывали набѣло эту резолюцію, пом. инсп. Бальди обратился къ намъ, съ просьбой, отъ имени инспектора—профессора Коцовскаго, дожидавшагося результата совѣщанія рядомъ въ канцеляріи, пожаловать къ нему. Когда мы вошли къ Коцовскому, то я, послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ, подалъ ему упомянутую резолюцію и рѣшеніе, которую Коцовскій однако отклонилъ, прося насъ самихъ прочесть ее. По окончаніи чтенія г. Коцовскій взялъ резолюцію и спряталъ въ карманъ, сказавъ, что считаетъ своимъ долгомъ передать ее директору, хотя оффиціально онъ не имѣетъ на это права. При этомъ онъ выразилъ сожалѣніе по поводу содержанія резолюціи. На вопросъ, почему на совѣщаніе 3 кур. приглашены не всѣ, а лишь группа, г. Коцовскій отвѣтилъ, что это вызывается соображеніями для поддержанія порядка, что начальство боится острыхъ столкновеній между студ-ми, что для этого и полиція на улицѣ, и приглашеніе лишь группы, а не всего курса. Онъ выразилъ удовольствіе, что наша группа закончила такъ мирно совѣщаніе и сказалъ, что предполагается созвать подобное же совѣщаніе и остальныхъ студ-въ 3 кур. (оно однако созвано не было). Во время разговора, мы, между прочимъ, спросили, какими соображеніями было вызвано закрытіе инст-та послѣ сходки 15 марта въ концѣ концовъ, явно, обнаружилось болѣе спокойное настроеніе студенчества ставшаго передъ дилеммой: перерасходъ силъ и обостреніе больного вопроса объ экзаменаціон. забастовкѣ или перенесеніе борьбы съ г. Коноваловымъ на осень, съ новыми силами и

на болѣе прочной базѣ. Послѣднее теченіе ясно уже намѣчалось въ концѣ сходки 15 марта и имѣло большіе шансы побѣдить на проектированной сходкѣ 18 марта, самое назначеніе которой, послѣ принятія забастовки и такъ сказать ликвидаціи дѣлъ, было уже знаменательно, въ этомъ смыслѣ. Но инст-тъ былъ закрытъ 16 марта, сходка 18 марта такимъ образомъ, не могла состояться и корпоративное студенчество Г. и. осталось при обязательности забастовки, прошедшей большинствомъ голосовъ по инст-ту. Отвѣчая на этотъ вопросъ, г. Коцовскій, впервые, сказалъ намъ то, что онъ и г. Коноваловъ повторили уже здѣсь, а именно, что причиной закрытія инст-та и всѣхъ послѣдствій этого— былъ обморокъ предсѣдателя сходки и желаніе начальства уберечь насъ, на будущее время, отъ повторенія подобныхъ случаевъ. При этомъ, онъ сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ о нравственной отвѣтственность начальства за студ-въ. На мое замѣчаніе, что напр. на экзаменахъ тоже, какъ извѣстно, бываютъ случаи обмороковъ; не слѣдуетъ ли отсюда, что и экзамены, по тѣмъ же соображеніямъ, нужно отмѣнить, г. Коцовскій, сначала смутившись, отвѣтилъ: «ну на экзамены люди приходятъ съ благими намѣреніями». На замѣчаніе одного изъ насъ, что увольненіе студентовъ и исключеніе сопровождалось весьма грустными обстоятельствами (намекъ на участіе въ этомъ дѣлѣ г. г. «своб. д-щихъ») г. Коцовскій, съ добродушной улыбкой, отвѣтилъ, что подобныхъ обстоятельствъ не было. По вопросу объ отставкѣ профессоровъ, г. Коцовскій замѣтилъ, что отставка эта вызвана чрезвычайно рѣдкимъ стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, но входить съ нами въ дальнѣйшее разсмотрѣніе этого вопроса онъ не можетъ. Относительно возвращенія уволенныхъ товарищей г. Коцовскій заявилъ, что Совѣтъ, по всей вѣроятности, приметъ ихъ осенью и что онъ, Коцовскій, самъ лично приложитъ всѣ усилія къ этому. По поводу текущихъ экзаменовъ изъ разговора, очевидно, выяснилось желаніе, какими бы то ни было средствами, увеличить количество держащихъ экзамены. Такъ, Коцовскій заявилъ, что инспекція не желаетъ насиловать ничьей совѣсти и даетъ возможность г.г. студ-мъ придти на экзамены, когда позволятъ убѣжденія, хотя бы въ концѣ мая или даже въ началѣ іюня; важно, по его словамъ, лишь начать экзамены, додержать же ихъ можно осенью. Впрочемъ онъ думаетъ, что не представится затрудненій и для тѣхъ г.г. студ-въ, которые пожелали бы приступить къ экзаменамъ лишь осенью, подъ условіемъ выполненія ими всѣхъ педагогическихъ требованій (проекты, практ. занятія). II курсъ (прочесть показаніе А. Никитина). Итакъ, вопреки заявленію г. Коцов-

скаго, что студ-ты не доводили до его свѣдѣнія объ условіяхъ, на коихъ они готовы приступить къ экзаменамъ, изъ моего показанія судъ можетъ усмотрѣть, что даже инициатива въ этомъ дѣлѣ, такъ интересовавшемъ начальство, исходила отъ него, а потому забывчивость г. Коцовскаго совершенно непонятна.

Люстихъ (читаетъ показаніе А. Никитина):

Полагаясь исключительно на свою память, могу сообщить о совѣщаніи 2 курса слѣдующее: было приглашено на него 32 человѣка, изъ которыхъ явилось 28. Списокъ приглашенныхъ составлялся не по алфавиту—тамъ были фамиліи Головановскаго, Коварскаго, Шушакова. На нашъ вопросъ о способѣ составленія списка одинъ изъ помощниковъ инспектора заявилъ: «приглашены первые 32 человѣка, попавшихся на глаза въ спискахъ студентовъ 2 курса». На совѣщаніи, единогласно, было признано невозможнымъ приступить въ то время къ экзаменахъ. Большинствомъ всѣхъ, противъ 2-хъ, была принята резолюція студентовъ 3 курса. На предложенныхъ, нашему вниманію, экзаменаціонныхъ листахъ никто не подписался. Предсѣдательствовавшій на совѣщаніи А. Никитинъ.

Марта 22-го 1905 года.

Предсѣдатель (читаетъ показаніе В. Волкова).

Мой взглядъ таковъ: во время обсужденія вопроса, по поводу патріотическихъ манифестацій, образовалась группа изъ лицъ, сочувствующихъ имъ. Она поставила себѣ задачею, всевозможными средствами, бороться со всякими волненіями, вторгающимися въ институтъ и въ частности съ забастовками. Движенію, возникшему по поводу Коноваловской исторіи, они не сочувствовали. Когда рѣшено было, единогласно, протестовать противъ вторженія Коновалова въ студенческія учрежденія, они, изъ трусости, не подняли рукъ при обратной баллотировкѣ вопроса. Я знаю они сочувствовали Коновалову. Такъ называемый Орг. комит. «своб.д-щихъ» создался ранѣе самихъ «своб. д-щихъ» и только удачно воспользовался лицами, желающими держать экзамены, чуждыми какой бы то ни было партійности. Задача компаніи была шире держанія экзаменовъ и потому они не могли посвятить во всѣ свои дѣла большинство членовъ своей группы, боясь произвести въ своей средѣ расколъ и уменьшить свою силу. Подъ прикрытіемъ ста человѣкъ легче дѣйствовать, чѣмъ какимъ нибудь пятнадцати. Въ какомъ положеніи компанія держала группу, видно изъ слѣдующихъ показаній: (Компанія называлась Орг. комит.) во первыхъ, она держала втайнѣ имена своихъ членовъ. (Я знаю, что это дѣлалось не случайно,

изъ разговора съ Притулой). Изъ слѣдующихъ фактовъ видно, что она скрывала свои дѣйствія отъ своихъ членовъ. Во 1-хъ, я сидѣлъ у Соколова. Пришелъ Бѣлозоровъ, пожелалъ поговорить съ Соколовымъ. Они удалились въ комнату Соколова. Послѣ продолжительной бесѣды Бѣлозоровъ ушелъ. Соколовъ вернулся и на мой вопросъ, о чемъ они такъ долго бесѣдовали, отвѣтилъ: «да все объ нашихъ институтскихъ дѣлахъ». Во 2-хъ, когда уже институтъ былъ открытъ для лицъ, получившихъ билеты (я получилъ билетъ за подписью помощника инспектора въ самомъ началѣ), Соколовъ, Притула, Бѣлозоровъ, Кузьмицкій всегда встрѣчаясь, отзывали въ сторону и начинали шептаться. Эти шептанія на столько были часты и постоянны, что я, неоднократно, смѣялся надъ ними вмѣстѣ же съ Соколовымъ и Притулой. Это было странно, потому что кромѣ «своб. д-щихъ» въ стѣнахъ института никого не бывало. Въ 3-хъ, изъ разговоровъ было ясно, что они очень часто бѣгали къ Коновалову, даже на квартиру въ университетѣ, при чемъ сообщалось изъ этихъ разговоровъ очень немногое; однимъ изъ этихъ разговоровъ я былъ осчастливленъ, именно, — мнѣніе Коновалова и Совѣта, что лица, не держащія экзаменовъ, будутъ безусловно уволены. Въ 4-хъ, были, въ концѣ концовъ, секреты не только отъ безучастныхъ «своб. д-щихъ», но и отъ ближайшихъ участниковъ (отъ Притулы). Въ 5-хъ, на собраніи «своб. д-щихъ» были выбраны депутаты для посылки на общестуденческую сходку, съ предложеніемъ Третейскаго суда, но депутаты эти не явились (постановленіе было отмѣнено частнымъ совѣщаніемъ, но присутствующіе на собраніи объ этомъ не были увѣдомлены). Въ 6-хъ, у Соколова постоянно устраивались собранія, что на нихъ говорилось и рѣшалось—большинство «своб. д-щихъ» не знало. На одно изъ такихъ собраній я чуть-чуть не попалъ. Я былъ у Соколова, къ нему стали звониться и входить студенты одинъ за другимъ; оказалось у нихъ совѣщаніе. Я почувствовалъ себя неловко, чувствуя, что они избѣгаютъ моего присутствія на совѣщаніяхъ, всталъ и началъ прощаться. Соколовъ меня не удерживалъ. Въ 7-хъ, наконецъ, чтобы не было сомнѣнія въ намѣреніяхъ компаніи скажу, что, какъ вамъ извѣстно, тамъ видную роль играетъ Соколовъ. Этотъ Соколовъ, будучи въ университетѣ, (потому что я въ то же время былъ въ университетѣ) игралъ роль въ партіи оппозиціонной. Также устраивались совѣщанія и собранія у нѣкоторыхъ студентовъ; назначались даже рѣчи, кто о чемъ будетъ говорить на сходкахъ. Все это хорошо, но было и некрасиво. Депутаты и студенты ректоромъ принимались, тогда какъ

студенты извѣстной партіи допускались не только къ ректору, но даже къ попечителю. Общія сходки въ университетѣ были запрещены, но они могли обсуждать вопросы съ разрѣшенія начальства. Ночью или поздно вечеромъ ректоръ присылалъ сказать студентамъ оппозиціонной партіи, чтобы они не приходили на сходку, ибо ждутся серьезныя мѣры противъ собравшихся на сходку. Соколовъ получилъ даже анонимное предупрежденіе бросить подлую политику или... письмо кончалось угрозами. Знаменитая «Денница» была креатурой этого кружка. Имѣю еще нѣсколько частныхъ интимныхъ разговоровъ, которые оглашу лишь съ согласія участниковъ. Вл. Волковъ.

Гапѣевъ. Волковъ—бывшій «своб.д-щій», отказавшійся осенью отъ «свободы дѣйствія», онъ уѣхалъ въ Берлинъ.

Зерновъ. О какомъ Соколовѣ пишетъ Волковъ?

Гапѣевъ. О Викторѣ Соколовѣ.

Бѣлозоровъ. Волковъ уѣхалъ недавно. Почему письмо не было оглашено въ его присутствіи?

Соколовъ. Я не могу опровергнуть, когда его нѣтъ.

Зерновъ. Какимъ образомъ, прислано это показаніе?

Рейнвальдъ. Волковъ прислалъ письмо мнѣ. Благодаря случайности, онъ зналъ больше. Я просилъ его записать въ схематическомъ порядкѣ его показанія, чтобы мы могли оріентироваться. Этотъ схематическій набросокъ указываетъ лишь, что онъ хотѣлъ самъ выступать на судѣ. Мы очень жалѣемъ, что Волковъ, неожиданно, уѣхалъ заграницу. Я два раза вызывалъ его, разъ онъ былъ; затѣмъ написалъ Гапѣеву письмо, что долженъ немедленно уѣхать.

Бѣлозоровъ. Не Вы, а мы можемъ сожалѣть.

Рейнвальдъ. Вашъ намекъ, что мы не желали его вызвать, совершенно неумѣстенъ.

Предсѣдатель читаетъ письмо Волкова къ Гапѣеву, изъ котораго видно, что Волковъ, долженъ выѣхать вечеромъ 10 апрѣля, въ одинъ изъ германскихъ политехникумовъ.

Рейнвальдъ. Это его личное дѣло.

Каминка. Заявленіе Соколова и Бѣлозорова неправильны. Не они, а Волковъ въ невыгодномъ положеніи, т. к. они легче могутъ опровергнуть въ его отсутствіе.

Соколовъ. Спрашивая его и напоминая ему наши разговоры передъ судомъ, я доказалъ бы невѣрность его словъ. Я былъ съ нимъ хорошо знакомъ; безъ него я не могу разоблачать наши личныя бесѣды.

Предсѣдатель (Каминкѣ). Вы, коллега, болѣе, чѣмъ кто-либо, можете знать, что свидѣтельское показаніе, когда судъ слышитъ ихъ и видитъ свидѣтеля, имѣютъ гораздо больше значенія, чѣмъ показаніе письменное... Для оцѣнки показанія суду весьма важно слышать свидѣтеля.

Рейнвальдъ. А мы первые жалѣемъ объ этомъ.

Бѣлозоровъ. Относительно бѣганья къ Коновалову: онъ зналъ, что я и Берладинъ оффиціально были у него въ университетѣ одинъ разъ.

Ауэрбахъ. Когда читали показаніе о Пѣховскомъ, я сказалъ, что въ первый разъ слышу эту фамилію. Гапѣевъ спросилъ, зачѣмъ же я писалъ въ «Новостяхъ». Бокій помѣстилъ свое письмо въ «Новостяхъ»...

Предсѣдатель. Мы этихъ писемъ еще не читали.

Ауэрбахъ. Въ этомъ письмѣ Бокій упоминалъ мою фамилію и писалъ, что студ-тъ Б. пришелъ ко мнѣ. Студ-тъ Б. и Пѣховскій одно и то же лицо?

Гапѣевъ. На другой же день, въ газетѣ вмѣсто Б. появилось П. Бокій не возражалъ, не считая этого столь существеннымъ.

Ауэрбахъ. Б и есть Пѣховскій?

Гапѣевъ. Да.

Кутыринъ. Здѣсь много разъ затрогивался вопросъ о стипендіяхъ. Прошу позволенія разъяснить этотъ вопросъ.

Предсѣдатель даетъ позволеніе.

Кутыринъ. Уже на второмъ засѣданіи суда, прис. повѣр. Грузенбергъ бросилъ намъ обвиненіе, что „своб.д-щіе" вырывали стипендіи. Въ тоже время долженъ оговорить, что ни отъ кого изъ своихъ бывшихъ товарищей я не слыхалъ претензіи о стипендіяхъ. Однако, какъ заявилъ прис. повѣр. Грузенбергъ, онъ и «свобод.м-щіе» едино есть; поэтому я обращаю вниманіе на это обвиненіе... Послѣ такого обвиненія студ-тъ Макаровъ, желая имѣть въ рукахъ фактическій матеріалъ, обратился въ инст-тъ и получилъ копіи съ постановленій Совѣта, касающихся стипендій. Послѣ нѣкоторой обработки, вопросъ этотъ можетъ быть изложенъ въ слѣдующемъ видѣ. Въ 903—904 году стипендіи были распредѣлены еще до вступленія Коновалова. «Своб.-дщихъ» тогда еще не было. Изъ 57 стипендій за будущими «своб.д-щими» оказывается 17 стипендій, т. е. 29% всего числа стипендій. Въ апрѣлѣ 3 стипендіанта были уволены за обструкцію и ихъ стипендіи не были замѣщены до 1 сентября; ими никто въ это время не пользовался. Первый разъ вопросъ о сти-

пендіяхъ былъ поднятъ директоромъ въ Совѣтѣ 26 мая; отложенъ до окончанія экзаменовъ. Послѣ экзаменовъ оказались свободными 25 стипендій, т. к. окончили курсъ стипендіанты—9 «своб.д-щихъ» и 16 не своб.д-щихъ. На Совѣтѣ 8 іюня стипендіанты, кончившіе всѣ экзамены, сохранили стипендіи за собой; такихъ оказалось 15 стипендій. Нѣкоторые, не кончившіе экзамены, подавали прошенія о начначеніи стипендіи и были удовлетворены на срокъ до 1 сентября. Кромѣ того, имѣлись еще свободныя стипендіи и ихъ назначили просившимъ пособіе на лѣтнюю практику, въ видѣ пособія, только до 1 сент. Всего такихъ стипендій распредѣлено на Совѣтѣ 9 іюня 39. Въ этомъ числѣ вновь получили (не имѣя стипендіи въ прошломъ 903—94 ак. г.): 6 стипендій «своб.д-щіе», т. е. 15% общаго числа 39 стипендій; 28 стипендій получили не «своб.д-щіе», т. е. 69%. Всего весной «своб.д-щіе» получили 8 стипендій. Если наши противники и не признаютъ даже за «своб.д-щими» права получать стипендіи, вообще, вновь, то быть можетъ они согласятся признать, что хотя на 9 стипендій, получавшихся кончившими «своб.д-щими», «своб.д-щіе» все-таки имѣютъ право, какъ бы, такъ сказать, по наслѣдству... Стипендіи на 3 лѣтнихъ мѣсяца, въ видѣ пособія, получали одинаково, какъ «своб.д-щіе», напр. Кутыринъ, такъ и «не своб.д-щіе, напр. Свѣтловъ. Совершенно случайно, но, весьма кстати для «своб.д-щихъ», 3 стипендіи» (число уволенныхъ за обструкцію) остались и на лѣто не заняты. Послѣ окончанія осеннихъ экзаменовъ, на Совѣтѣ 20 сент. стипендіи были перераспредѣлены окончательно, по старшинству отмѣтокъ, на 904—905 годъ, согласно предложенію инспектора. Распредѣлены 61 стипендія, изъ которыхъ «несвоб.-щіе» получили 47 стипендій, т. е. 77%. «Своб.д-щіе» получили 14 стипендій, т. е. 22%, тогда какъ въ 903—094 г. они имѣли 17 стипендій или 29% общаго числа 57 стипендій. Думаю, что принявъ во вниманіе эти цыфры, будетъ уже затруднительно обвинять «своб.д-щихъ» въ присвоеніи стипендій. Въ таблицѣ помѣщены еще конкурсныя отмѣтки для полученія стипендій.

Предсѣдатель. Разобрать и провѣрить Ваши выводы сейчасъ затруднительно (читаетъ переданный документъ)*.

Мефферть. Кутыринъ сказалъ, что часть стипендій была отнята отъ лицъ, которыя не подходили подъ конкурсъ, часть же отъ лицъ, не сдавшихъ всѣхъ экзаменовъ весной. Веселкинъ сдалъ 4 предмета маловажныхъ, главныхъ не сдавалъ, а стипендію получилъ.

Кутыринъ. Объ отнятіяхъ я не говорилъ. Чѣмъ руководился Совѣтъ, можно видѣть изъ выписокъ журнала. О Веселкинѣ ничего не знаю, знаю только, что онъ «не своб.д-щій.».

Мефферть. Я не говорилъ, что Веселкинъ «своб.д-щій».

Кутыринъ. Я желалъ установить, что для «своб.д-щихъ» не было никакого, особеннаго распредѣленія стипендій.

Мефферть. Я не утверждалъ этого.

Урбановичъ. Какой процентъ нуждающихся у «своб.д-щихъ»?

Кутыринъ. Что значитъ % нуждающихся?

Урбановичъ. Отношеніе числа полученныхъ стипендій и числа нуждающихся.

Кутыринъ. Откуда я могу имѣть эти свѣдѣнія?! Число стипендій за «своб.д-щими», какъ я уже сказалъ въ 903—904 г. 17, а въ 904—905 г. 14.

Леонтьевъ представляетъ списокъ стипендіантовъ, получавшихъ пособія.

Предсѣдатель читаетъ.

Леонтьевъ. Изъ перечисленныхъ 23 лицъ, 4 «своб.д-щихъ» и 19 «не своб.д-щихъ».

Кутыринъ. Говоря о стипендіяхъ, я сказалъ, что считаю возможнымъ отмѣтить отсутствіе у Совѣта пристрастія къ «своб.д-щимъ» при распредѣленіи стипендій. Мефферть возразилъ, что онъ не говорилъ о пристрастіи. Я сталъ говорить о стипендіяхъ, т. к. прис. повѣр. Грузенбергъ кинулъ обвиненіе въ присвоеніи стипендій.

Щировскій. Я имѣлъ всѣ права на стипендію и весной не получилъ. Въ настоящее время получаю.

Предсѣдатель. Вы находитесь въ спискѣ «своб.д-щихъ»?

Щировскій. Да.

Ауэрбахъ. Пѣховскій въ Петербургѣ?

Гапѣевъ. Не знаю. Но это показаніе Кивеля.

Предсѣдатель. Пѣховскаго нѣтъ?

Гапѣевъ. Не знаю.

Дэви. Хотѣлъ бы воспользоваться присутствіемъ Кваскова.

Квасковъ. 31 апр. я отправился къ Лурье (своб.д-щій), чтобы предложить ему записаться. Часа черезъ два онъ пришелъ и самъ записался въ нашу группу.

Предсѣдатель. Его уговаривали?

Квасковъ. Никакихъ уговоровъ не было; самъ записался.

П е р е р ы в ъ.

Предсѣдатель. На совѣщанiи мы рѣшили, что письменнаго заявленiя г. Бальди не читать, а вызвать его сюда и предупредить о днѣ его вызова лицъ, на него ссылавшихся. (Грунвальду). Не желаете ли Вы дать объясненiя по поводу Вашей статьи?

Грунвальдъ. Я предпочелъ бы дать эти объясненiя во время своего показанiя, ибо фактическая часть, о которой я могу говорить ограничивается, отчасти, этой статьей.

Предсѣдатель. Лучше было бы дать эти объясненiя теперь, когда мы находимся подъ свѣжимъ впечатлѣнiемъ только что прочитанной статьи.

Грунвальдъ. Если судъ желаетъ, то я дамъ эти разъясненiя. Прежде всего, я желаю выяснить суду мотивы, которыми диктовалась эта статья и причину, въ силу которой эта статья появилась именно въ «Петербургскомъ Дневникѣ». Когда началась травля «своб.-д-щихъ» въ печати, то мы очутились въ крайне затруднительномъ положенiи—у насъ не было газеты, въ которой бы могли выступить съ опроверженiемъ, взводимыхъ на насъ обвиненiй. Для того, чтобы помѣстить какое-нибудь письмо въ „Руси", приходилось долго препираться и упрашивать, чему я однажды былъ свидѣтелемъ, пока наконецъ редакцiя благоволила помѣстить просимое. Какъ разъ, въ это затруднительное время, въ началѣ декабря мнѣ попался № новой газеты «С.-Петерб. Дн.», которая приглашала въ одной изъ своихъ передовыхъ статей всѣхъ, желающихъ писать по вопросу о Коноваловскомъ инцидентѣ, помѣщать въ ней свои замѣтки, обѣщая полную безпристрастность. То, что моя статья явилась безъ подписи, есть результатъ простого недоразумѣнiя, ибо я никогда не помѣщалъ въ печати безъ своей подписи. Это недоразумѣнiе, я сейчасъ, постараюсь выяснить. Обращаю вниманiе суда, что разсматриваемая статья превышаетъ всѣ самые большiе размѣры, допустимые для газетной статьи. Не надо быть опытнымъ человѣкомъ въ газетномъ дѣлѣ, чтобы сказать, что едва ли нашлась бы какая нибудь газета, которая рѣшилась бы помѣстить столь длинную статью. Когда я узналъ, что „Петерб. дневникъ" открылъ свои столбцы для всѣхъ статей по вопросамъ, касающимся Г. ин-та, то я рѣшилъ сдѣлать общiй сводъ всѣхъ событiй послѣдняго времени, стараясь изложить ихъ, по возможности, объективно и представить этотъ сводъ въ редакцiю, чтобы она могла руководствоваться имъ, какъ схемой, при помѣщенiи тѣхъ или другихъ статей. Моя статья понравилась редактору и онъ руководствуясь тѣмъ, что вопросъ современенъ и интересенъ, рѣшилъ напечатать ее пол-

ностію. Я приходилъ къ редактору и просилъ его не печатать статьи, ибо на частномъ совѣщаніи «своб.-д-щихъ» (въ началѣ декабря) было рѣшено въ газетную полемику не вступать. Однако, было поздно. Редакторъ заявилъ мнѣ, что на наборъ моей рукописи пошло такое море труда, что онъ считаетъ себя не въ правѣ въ этомъ случаѣ не помѣстить статьи, хотя бы для удовлетворенія наборщиковъ. По своему содержанію, моя статья представляетъ интервью съ лицами, стоящими такъ сказать, у кормила правленія. Когда я рѣшился писать эту статью, то я обратился за разъясненіями отчасти къ профессорамъ, отчасти къ студ-мъ «своб.-д-щимъ». Все, что говорится въ этой статьѣ относительно дѣйствій ушедшихъ профессоровъ, позднѣе явилось въ письмѣ оставшихся членовъ Совѣта, въ письмѣ Липина; что же касается дѣятельности «своб.-д-щихъ», то я, говоря о ней, излагалъ лишь свое личное мнѣніе, сложившееся у меня на основаніи бесѣдъ и личныхъ наблюденій. Будущее показало, что мой взглядъ на такъ называемое поручительство, къ которому яко бы прибѣгали «своб.-д-щіе», не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, вслѣдствіе недостаточной моей освѣдомленности съ истиннымъ положеніемъ дѣла. Послѣднія обстоятельства объясняются тѣмъ, что я никогда не стоялъ во главѣ «своб.-д-щихъ» и не будучи коротко знакомъ съ лицами, составляющими группы, обратился за разъясненіями къ такимъ же, какъ я, мало освѣдомленнымъ студ-мъ. Теперь я скажу нѣсколько словъ о причинахъ, побудившихъ меня, дотолѣ совершенно мирнаго студ-та, выступить въ качествѣ активнаго дѣятеля и здѣсь на судѣ и въ печати. Во всѣхъ случаяхъ я руководствуюсь примѣромъ уважаемыхъ мною лицъ. И потому, въ данномъ случаѣ, я, вѣроятно, не выступилъ бы, если бы не было на то серьезныхъ побужденій. 27 ноября прошедшаго года должно было разбираться въ столичномъ мировомъ съѣздѣ дѣло Громова и Гапѣева, дѣло, глубоко меня заинтересовавшее и въ которомъ, какъ я считалъ, каждый студ-тъ, записавшійся въ группу „своб.-д-щихъ“ и дорожащій своей честью и добрымъ именемъ долженъ былъ сказать свое слово. Я рѣшилъ выступить свидѣтелемъ со стороны Громова и вотъ, въ это то время, въ свидѣтельской комнатѣ и произошло обстоятельство, заставившее меня заговорить въ печати, по этому больному вопросу. Когда, послѣ приведенія къ присягѣ, мы съ товарищемъ Нечаевымъ явились въ свидѣтельскую комнату, то застали тамъ г. Долбню, профессора Баумана и нѣсколько «свобод-м-щихъ» студентовъ. Произошелъ буквально слѣдующій разговоръ. Г. Долбня сказалъ: „удивительно,

какъ это Громовъ не нашелъ себѣ ни одного защитника среди профессоровъ! Вотъ Гапѣевъ нашелъ себѣ двухъ, хотя и отставныхъ, а все-таки профессоровъ. Что то они теперь дѣлаютъ въ Гор. ин-тѣ. Вѣроятно они вмѣстѣ съ Коноваловымъ черезъ-чуръ погрузились въ науку. Къ Коновалову нужно примѣнять рѣшительныя мѣры. Мнѣ одинъ знакомый показывалъ вывезенныя имъ изъ Африки плетки изъ бегемотовой кожи...

Долбня. Изъ Абиссиніи...

Грунвальдъ. Совершенно вѣрно изъ Абиссиніи. „Вотъ такія то плетки" продолжалъ г. Долбня, «и слѣдовало бы примѣнить къ г. Коновалову. Удивительно право: ихъ ругаютъ и въ печати и въ обществѣ, обливаютъ грязью, а они только молчатъ»...

Предсѣдатель. Прошу Васъ покороче.

Грунвальдъ. Послѣ такой рѣчи, бывшаго уважаемаго профессора, я не счелъ себя въ нравственномъ правѣ молчать и рѣшилъ дѣйствовать на собственный страхъ и рискъ. Плодомъ такого рѣшенія явилась эта статья. Вотъ все, что я могу сказать въ объясненіе.

Предсѣдатель. Вы выступили въ печати съ статьей, въ которой излагаете факты; а между прочимъ, говоря о поручительствѣ, Вы передаете эти факты не вѣрно. Вы должны были прежде чѣмъ писать, провѣрить эти факты.

Грунвальдъ. Я прежде всего долженъ замѣтить то, что по своему мнѣнію, отъ газетнаго интервью, какимъ я считаю свою статью, нельзя требовать абсолютной достовѣрности.

Предсѣдатель. Вамъ не слѣдовало бы писать, если у Васъ не было достаточно основаній.

Грунвальдъ. При другихъ условіяхъ товарищи могли бы возражать, если они несогласны, но, въ данномъ случаѣ, и я и они, силой вещей, были лишены возможности, своевременно, исправить эту ошибку, ибо моя статья вышла 9 декабря, а 10 декабря на совѣщаніи «своб.-д-щихъ» у прис. повѣр. Алексѣева было категорически постановлено ничего по вопросу о Коноваловскомъ конфликтѣ не писать и о такомъ рѣшеніи было напечатано въ „Руси" и другихъ газетахъ.

Предсѣдатель. Во всякомъ случаѣ надо было отдѣлять личные выводы отъ фактовъ.

Грунвальдъ. Я, говоря о «своб.-д-щихъ», руководствовался, какъ я уже сказалъ, собственными убѣжденіями и признаю себя предъ ними виноватыми въ томъ, что недостаточно ознакомился съ матеріаломъ.

Предсѣдатель. Вамъ не слѣдовало говорить о томъ, что Вамъ не было достовѣрно извѣстно, напр. о профессорскомъ совѣщаніи, о которомъ здѣсь выяснено иначе.

Грунвальдъ. Я уже указывалъ, что, лично мною, статья не предназначалась для печати.

Каминка. Какія свидѣтельскія показанія у Васъ были для тѣхъ выводовъ, которые Вы сдѣлали?

Грунвальдъ. Я повторяю: моя статья для печати не предназначалась. Нѣтъ такой газеты, которая можетъ печатать такія длинныя статьи.

Каминка. Я спрашиваю: вотъ Вы утверждаете о поручительствѣ? Отъ кого Вы слышали?

Грунвальдъ. Истинное положеніе дѣла стало мнѣ извѣстно уже послѣ написанія этой статьи, о поручительствѣ на экзаменахъ говорили нѣкоторые изъ «своб. д-щихъ», которымъ очевидно положеніе дѣла было столь же плохо извѣстно, какъ и мнѣ.

Каминка. Стало быть Вы разспрашивали «своб. д-щихъ?»

Грунвальдъ. Я долженъ замѣтить, что «своб. д-щихъ» можно раздѣлить на двѣ категоріи—дѣятельныхъ и недѣятельныхъ, къ которымъ принадлежалъ и я, и съ которыми я и бесѣдовалъ по этому вопросу...

Каминка. А къ дѣятельнымъ Вы не обращались?

Грунвальдъ. Я съ ними въ то время не былъ близко знакомъ, къ нимъ не принадлежалъ и вступилъ съ ними въ сношенія лишь теперь послѣ дѣла Громова.

Гаппѣевъ (цитируетъ изъ статьи относительно ручательства).

Предсѣдатель. Мы уже это слышали.

Гаппѣевъ. Результатами чьего интервью явилась Ваша статья?

Грунвальдъ. Разныхъ лицъ, съ которыми я бесѣдовалъ до 9 декабря.

Гаппѣевъ. Неужели Вы не бесѣдовали съ дѣятельными лицами? И кого Вы называете недѣятельными?

Грунвальдъ. Я затрудняюсь точно разграничить, тѣмъ болѣе, что это поведетъ къ спору, кто дѣятеленъ и кто не дѣятеленъ. Я повторяю: получилъ впечатлѣніе.

Гаппѣевъ. Но писали не оговариваясь, что это Ваше впечатлѣніе, а выдавали за факты?

Грунвальдъ. Я въ данномъ случаѣ употреблялъ условное наклоненіе; это еще не факты.

Гаппѣевъ. Нѣтъ, Вы въ этомъ случаѣ говорили прямо; безъ условнаго наклоненія.

Мефферть. Относительно ручательства Вы слышали отъ студентовъ? Вы провѣряли эти свѣдѣнія?

Грунвальдъ. Одни говорили, что было; другіе — что нѣтъ, мнѣ показалось, что было; но теперь на судѣ это разъяснилось.

Мефферть. Вы писали опроверженія? Вѣдь фактъ о поручительствѣ Вы находили невѣрнымъ уже вскорѣ послѣ напечатанія?

Грунвальдъ. Я уже объ этомъ говорилъ: не считалъ возможнымъ писать болѣе.

Гливицъ. Вотъ Вы говорили, что во всѣхъ вопросахъ Вы дѣйствовали по примѣру свыше. Не скажете ли, по чьему примѣру Вы обратились въ «Петербургскій Дневникъ?»

Грунвальдъ. Исключительно руководствуясь статьей въ С.-Петербургскомъ Дневникѣ» за подписью «Вѣщій Олегъ», въ которой предлагалось безпристрастно излагать въ этой новой газетѣ все касающееся «своб. д-щихъ».

Стопневичъ. А какъ озаглавлена была эта статья?

Грунвальдъ. «Травля свобододѣйствующихъ».

Стопневичъ. Гдѣ же тутъ пристрастіе?

Грунвальдъ. Я руководился не заглавіемъ, а содержаніемъ.

Мефферть. А NN кто такой?

Грунвальдъ. Мнѣ неизвѣстно.

Зерновъ. А «своб. д-щіе» когда узнали о Вашемъ письмѣ?

Грунвальдъ. 10 декабря 1904 г. у прис. повѣр. Алексѣева.

Зерновъ. Не было ли протестовъ съ ихъ стороны?

Грунвальдъ. Были и весьма энергичные. Викторъ Соколовъ прямо съѣлъ меня и другіе дали мнѣ изрядную нахлобучку.

Зерновъ. Вы въ какую группу записались для держанія экзаменовъ?

Грунвальдъ. Я—ни въ какую. Всѣмъ было извѣстно, что я буду держать первый экзамены.

Зерновъ. Кто же Вамъ сказалъ о поручительствѣ? Вѣдь Вы говорили объ этомъ категорически?

Грунвальдъ. У меня не было никакого поручителя.

Зерновъ. А Вы нашли бы для себя возможнымъ составлять группу съ поручительствомъ?

Грунвальдъ. Ко мнѣ по этому вопросу никто не обращался. Я самъ не записывался ни въ какую группу и тотъ, кто составлялъ экзаменующихся на нашемъ курсѣ, зная, что я всегда держу экзамены въ первую голову, безъ всякихъ переговоровъ со мной вписалъ меня въ свою группу. Кто былъ этотъ составитель—я до сихъ

поръ не знаю. Я толковалъ себѣ, что такое занесеніе въ группу есть ручательство, но это было мое личное мнѣніе.

Рейнвальдъ. А Вы не находили ничего предосудительнаго въ такомъ поручительствѣ, когда писали свое письмо?

Грунвальдъ. Я не находилъ предосудительнымъ составленіе экзаменаціонныхъ группъ; забастовки до такой степени надоѣли, что настоятельное желаніе людей держать экзамены показалось мнѣ вполнѣ естественнымъ. Нужно было ихъ для этого оградить.

Рейнвальдъ. Значитъ Вы такой способъ огражденія личности не находили предосудительнымъ?

Грунвальдъ. Я, какъ человѣкъ много испытавшій въ жизни, во первыхъ, привыкъ быть снисходительнымъ къ людямъ и во вторыхъ, считалъ, что этотъ способъ никому не дѣлаетъ никакаго зла, ибо каждый могъ составлять свою группу?

Предсѣдатель закрываетъ засѣданіе.

ПРОТОКОЛЪ.

19 Засѣданія Третейскаго суда чести 13-го апрѣля въ 8 час. вечера.

Отсутствовали: К. К. Арсеньевъ, В. О. Люстихъ, Гартунгъ, О. О. Грузенбергъ. Предсѣдательствовалъ В. М. Гессенъ.

Злотницкій передаетъ справку изъ домовой книги, изъ которой видно, что студ-тъ Волковъ выѣхалъ 12-го апрѣля вечеромъ и заявляетъ при этомъ слѣдующее: „Наши противники представивъ письменное показаніе г-на Волкова вмѣстѣ съ тѣмъ заявили, что самъ Волковъ присутствовать не можетъ, ибо онъ выѣхалъ 10-го изъ Петербурга, и въ подтвержденіе этого представили собственноручное письмо Волкова отъ 9-го апрѣля. Въ виду того, что Волковъ былъ здѣсь еще вчера вечеромъ, очевидно, что Волковъ пожелалъ уклониться отъ дачи личныхъ показаній, ибо при этомъ вся ложность его показаній была бы съ несомнѣнностью доказана.

Предсѣдатель читаетъ выписку изъ домовой книги.

Рейнвальдъ. Отъѣздъ Волкова явился для насъ неожиданностью. Мы нѣсколько разъ просили его присутствовать и онъ являлся, но до него не доходила очередь. Я самъ его вызвалъ письмомъ на воскресенье 10 апр., но онъ отвѣтилъ письмомъ Гапѣеву, которое и было передано суду, такъ что тутъ никакого искаженія съ нашей стороны относительно явки въ судъ Волкова нѣтъ.

Злотницкій. Мы видимъ искаженіе Волкова, а не Ваше.

Предсѣдатель. Это дѣло суда.

Рейнвальдъ. Конечно мы передали все совѣсти суда.

Бѣлозоровъ. По поводу показанія студ-та Боголюбова, ссылавшагося на Горн. инженера Привалова, прошу огласить письмо Привалова:

„Весною 1904 г. я имѣлъ въ Горномъ институтѣ единственный, по поводу экзаменовъ, разговоръ со студентомъ Бѣлозоровымъ. Послѣдній говорилъ мнѣ, что администрація института предоставила организовать экзаменаціонныя группы самимъ студентамъ при слѣдующемъ порядкѣ ихъ составленія: желающій держать экзамены заявляетъ объ этомъ одному изъ составителей группы, который и заноситъ его въ списокъ, предоставляя оный потомъ инспекціи. Г. Бѣлозоровъ какъ разъ несъ тогда листокъ съ написанными на немъ фамиліями студентовъ для дополнительнаго внесенія въ списокъ. О какой либо исключительной привиллегіи студентовъ составлять экзаменаціонный списокъ, или о невозможности въ него попасть инымъ путемъ, а также о какой либо для этого рекомендаціи студентовъ г. Бѣлозоровъ мнѣ не говорилъ". Горный инженеръ Н. И. Приваловъ. Спб. 13 апр.

Половниковъ. Какого числа письмо?

Бѣлозоровъ. Павловъ. Письмо написано сегодня утромъ.

Показаніе Мишина.

Мишинъ. Я уже заявлялъ, что я никакой группы не составлялъ, какъ объ этомъ здѣсь упоминалъ одинъ изъ свидѣтелей. Больше ничего не имѣю сказать.

Кутыринъ. Относительно группы, которую составляли будто бы Вы, говорилъ Воскресенскій; его къ сожалѣнію здѣсь сейчасъ нѣтъ. Какимъ образомъ Вы получили билетъ?

Мишинъ. 12 апрѣля 48 студ-въ 3-го курса были приглашены въ инст-тъ, не знаю зачѣмъ. Они рѣшили посовѣтоваться и устроили сходку подъ предсѣдательствомъ Винокурова. Нѣкоторые заявляли, что не считаютъ себя сильными приступать къ экзаменамъ. На столѣ лежалъ листъ; на этомъ листѣ я и записался и получилъ билетъ. Къ рекомендаціи не прибѣгалъ.

Кутыринъ. Это было 12-го?

Мишинъ. Да.

Кутыринъ. Когда былъ первый экзаменъ на 3 курсѣ?

Мишинъ. Не знаю.

Кутыринъ. Такъ я Вамъ скажу:—12-го въ день сходки; и 12-го же Вы получили билетъ. Одна Ваша фамилія была записана на листѣ или нѣсколько?

Мишинъ. Кажется 12 человѣкъ.

Кутыринъ. Такъ это, по моему, и есть составленіе группы.

Мишинъ. Я этого не думаю. И это ничего не значитъ...

Кутыринъ. Про это и Воскресенскій говорилъ, что помнитъ, какъ Вы составляли группу.

Мишинъ. Почему же Вы мнѣ приписываете?

Кутыринъ. Я Вамъ не приписываю, но какъ же Вы это назовете?

Предсѣдатель (останавливаетъ). Мишинъ Вамъ уже отвѣтилъ. Гг. «своб. д-щіе» просятъ вызвать лицо отъ Орг. комит., которое можетъ замѣнить г. Бокія.

Мефферть. Я могу.

Кутыринъ. Бокій обѣщалъ намъ дать свѣдѣнія относительно составленія и разсылки второго проскрипціоннаго списка.

Мефферть. Когда Бокій заявлялъ, что онъ можетъ дать объясненіе, я не желая отдѣльныхъ показаній, самъ сказалъ о составленіи списка.

Макаровъ. Я хотѣлъ бы задать нѣсколько вопросовъ относительно второго проскрипціоннаго списка. Вы можете отвѣтить?

Мефферть. Приблизительно то, что я уже сказалъ.

Макаровъ. Я хотѣлъ бы получить точныя свѣдѣнія о разсылкѣ? Вы это можете?

Мефферть. Бокій хотѣлъ дать свѣдѣнія, какъ составлялся списокъ. О разсылкѣ онъ не собирался говорить.

Макаровъ. Кто разсылалъ?

Мефферть. Вамъ фамиліи надо знать?

Макаровъ. Я въ прятки не хочу играть. Спрашиваю опредѣленнаго отвѣта. Вы разсылали?

Мефферть. Что касается фамилій, то не могу...

Макаровъ. Я могу разсчитывать, что кто нибудь отвѣтитъ?

Мефферть. Я на это отвѣтить не могу. Вообще же, на всѣ вопросы будемъ отвѣчать: я, Гапѣевъ и Рейнвальдъ.

Макаровъ. Я желаю спросить Васъ объ „особо-отличившихся"?

Мефферть. Прошлый разъ я давалъ уже объ этомъ показанія. Вообще Орг. комит. пользовался объективными данными. Выдѣленіе же 17 человѣкъ въ особую группу сдѣлано на основаніи субъективныхъ сужденій: проявленіе во время патріотическихъ сходокъ—и вообще наиболѣе дѣятельные...

Макаровъ. Гг. Судьи! Въ спискѣ разосланномъ по заводамъ и рудникамъ есть особая рубрика. Тамъ сказано: „особенно блестящія способности въ дѣлѣ помощи полиціи и инспекціи обнаружили»: по-

именовано около 20 человѣкъ. Моя фамилія имѣется въ этомъ спискѣ. Здѣсь передъ Вами, гг. Судьи, прошли всѣ собранныя ими обвиненія. Противъ меня лично ничего не было! Я желаю знать, за что же меня туда завесли? Не за то же, что я старался выручить товарища. Я отмѣченъ, какъ особенно полезный полиціи и инспекціи.

Мефферть. Относительно отдѣльныхъ лицъ доказательствъ представить не могу. Отдѣльныхъ объясненій давать не буду; достаточно, что были субъективныя свѣдѣнія относительно «особо отличившихся».

Макаровъ. Я требую ихъ отъ Васъ, я уже слышалъ это Ваше объясненіе: оно мнѣ ничего не даетъ.

Предсѣдатель. Г-нъ Макаровъ—поменьше страстности. Отвѣтъ Вамъ дается: онъ можетъ быть Васъ не удовлетворяетъ, но...

Макаровъ. Г-нъ Предсѣдатель, я цѣлый годъ нахожусь подъ позорнымъ и тяжелымъ обвиненіемъ! Я измучился! И вотъ теперь, когда я требую отвѣта, они мнѣ не называютъ ни одного факта. Какъ же смѣли они трепать и позорить мое доброе имя!? Я требую отвѣта.

Предсѣдатель предлагаетъ обращаться къ суду, а не къ свидѣтелю.

Мефферть. Я буду отвѣчать, если здѣсь нѣтъ намековъ. Вы хотите знать?

Макаровъ. Я не хочу, я требую.

Мефферть. Я буду отвѣчать, если Вы будете говорить другимъ тономъ...

Макаровъ. Я цѣлый годъ жду разъясненій.

Предсѣдатель (успокаиваетъ г. Макарова).

Макаровъ. Они только и могутъ отдѣлываться общими фразами.

Мефферть. Это не общія фразы.

Макаровъ. Я все это слышалъ...

Мефферть. Вы желаете знать, что значитъ оказаться особо полезнымъ инспекціи. Организаторы виноваты въ томъ, что группа способствовала разгрому инст-та. Дѣйствія этой группы шли совмѣстно съ дѣйствіями полиціи и инспекціи. И организаторы...

Макаровъ. А у Васъ есть доказательства, что я былъ организаторомъ этой группы?

Мефферть. Я не могу этого утверждать категорически. Имѣлись субъективныя свѣдѣнія. Считались позорными дѣйствія организаторовъ.

Макаровъ (дрожащимъ голосомъ). А фактовъ у Васъ не было никакихъ, чтобы позорить имя честнаго человѣка!

Мефферть. Фактовъ, я вообще, никакихъ представлять не буду.

Зерновъ. Когда эти 17 человѣкъ были выдѣлены, это правильно обсуждаемо было? Или это дѣлалось сгоряча по чьимъ нибудь субъективнымъ указаніямъ, безъ предварительнаго обсужденія?

Мефферть. Я не могу сообщить. Говорили съ чужихъ словъ... Можетъ быть Гапѣевъ...

Рейнвальдъ. Но это выдѣленіе въ особую группу было составлено на основаніи личныхъ впечатлѣній. Мы знали болѣе или менѣе всѣхъ студ-въ, и каждый студ-тъ можетъ сказать, кого онъ считаетъ болѣе энергичнымъ, кого менѣе. Мы видѣли все время одну и ту же группу лицъ на патріотическихъ сходкахъ и т. д. Безусловно данныя были субъективныя, на которыя указывалъ Мефферть. Были срыванія объявленій и другіе инциденты; нѣкоторые говорили несимпатичныя, т. е. недопустимыя, съ точки зрѣнія порядочнаго человѣка, рѣчи.

Злотницкій. Я протестую противъ такихъ выраженій.

Предсѣдатель останавливаетъ.

Рейнвальдъ. Я представлю факты.

Кутыринъ. Когда мы говоримъ о противной сторонѣ и у васъ прорываются рѣзкія выраженія о тѣхъ лицахъ, тамъ тотчасъ раздаются протесты; а сами они не стѣсняются въ своихъ выраженіяхъ.

Предсѣдатель. Въ данномъ случаѣ это выраженіе было направлено противъ Васъ?

Кутуринъ. Они не стѣсняются общими мѣстами. Уже на 2-мъ засѣданіи прис. пов. Грузенбергъ заявилъ: «конечно не всѣ «своб. д-щіе» служили въ охранномъ отдѣленіи». Эти слова остаются до сихъ поръ...

Рейнвальдъ. Могу привести факты—рѣчи Соколова. Онъ говорилъ, что при наличности условій русской жизни, борьба съ Коноваловымъ не есть борьба съ Коноваловымъ, а небольшая кучка революціонеровъ добивается своихъ цѣлей. Эта рѣчь имѣетъ характеръ доноса, такъ какъ сходка не тайна. Я лично эти рѣчи не могу назвать допустительными съ точки зрѣнія порядочнаго человѣка. Такихъ рѣчей не одна, а цѣлый рядъ,—я это обобщаю. Бѣлозоровъ высказался въ томъ же родѣ... Фойгтъ всегда подававшій голосъ противъ забастовки...

Соколовъ. Это ложь. Рейнвальдъ искажаетъ мои слова, я это ему говорю.

Бѣлозоровъ. Неправда! Я обвинялъ Васъ въ игрѣ цифрами, въ передержкахъ, въ некрасивыхъ пріемахъ и способахъ проведенія своихъ идей въ жизнь, но я никогда не касался политическихъ убѣжденій, такъ какъ привыкъ уважать право каждаго имѣть свои политическія убѣжденія.

Предсѣдатель предлагаетъ говорить въ парламентскихъ выраженіяхъ.

Соколовъ. Я не могу хладнокровно слушать, когда искажаютъ мои слова.

Рейнвальдъ. Я говорю только то, что помню. Они могутъ опровергать. На насъ это производило такое впечатлѣніе,—что мы всѣ можемъ подтвердить.

Зерновъ. Вы можете точнѣе охарактеризовать выдающихся лицъ этой партіи?

Рейнвальдъ. Которыя бросались вообще въ глаза. Они играли выдающуюся роль въ этой партіи. Мы дѣятельность всей вообще группы разсматривали какъ предосудительную. Наиболѣе энергичныхъ, активныхъ и страстныхъ членовъ ея считали, наиболѣе отличившимися. Объ активности, судили по субъективнымъ впечатлѣніямъ; умѣстность же такого сужденія предоставляемъ на совѣсть суда. Насъ нельзя обвинять въ корыстолюбивыхъ намѣреніяхъ.

Зерновъ. Значитъ при выдѣленіи 17-ти руководились и прежними впечатлѣніями?

Рейнвальдъ. Тѣми впечатлѣніями, которыя получались на цѣломъ рядѣ сходокъ. Я и говорю, что этимъ выдѣлился цѣлый рядъ лицъ. Что именно говорилось о каждомъ—не знаю; да и никто не припомнитъ. Сюда попали наиболѣе энергичные на основаніи субъективныхъ признаковъ.

Зерновъ. Значитъ отношеніе съ полиціей и инспекціей тутъ не при чемъ? Это люди раньше выдававшіеся?

Рейнвальдъ. Не за отдѣльныя сношенія съ полиціей и инспекціей судили по субъективнымъ впечатлѣніямъ...

Макаровъ. А я Вамъ заявляю опять, что Вы лжете, нагло. До 904 г. эти господа были моими товарищами. Какія же тутъ субъективныя впечатлѣнія?!

Предсѣдатель. Г. Макаровъ, прошу Васъ...

Бѣлозоровъ. Рейнвальдъ утверждалъ, что я касался политическихъ вопросовъ. Это неправда. Я даже не былъ въ группѣ патріотовъ: она не соотвѣтствовала моимъ убѣжденіямъ. Подписалъ рубль на флотъ, чтобы сдѣлать непріятность этимъ господамъ.

Рейнвальдъ. Можно говорить съ Бѣлозоровымъ языкомъ фактовъ. Онъ говорилъ о патріотической сходкѣ. Тамъ было постановленіе группы, а не ин-та.

Бѣлозоровъ. Постановленіе появилось въ иностранныхъ журналахъ.

Рейнвальдъ. Было 2 сходки. На первой группа 148, или что-то въ этомъ родѣ, вынесла резолюцію. Тогда группа патріотовъ рѣшила созвать обще-институтскую сходку,—это была общеинститутская сходка.

Фойгтъ. Рейнвальдъ сказалъ, что вотъ Фойгтъ всегда подавалъ голосъ противъ забастовки. Продолжаете ли Вы это утверждать?

Рейнвальдъ. Я не помню, былъ ли когда Фойгтъ за забастовку— и такое утвержденіе меня ни къ чему не обязываетъ.

Фойгтъ. Въ 902 году я подалъ за забастовку и былъ исключенъ, такъ какъ не пожелалъ отвѣчать на опросные листы. Я спрашиваю, какъ и Макаровъ, за что меня занесли въ «особо отличившіеся»?

Мефферть. Я повторяю Фойгту, что и Макарову: комитетъ имѣлъ объективное впечатлѣніе и нельзя навѣрное теперь сказать, что имѣлъ комитетъ въ виду, занося Васъ. Можетъ быть Вы составитель группъ, отличившійся и т. д.

Фойгтъ. Я не могу Ваши признаки примѣнять къ себѣ.

Дэви. Я былъ въ группѣ патріотовъ, я собиралъ на флотъ, я былъ депутатомъ у Коновалова, я вмѣстѣ съ Ауэрбахомъ составлялъ первую аказаменаціонную группу. Почему-то меня не занесли въ «особо отличившіеся»? Почему то внесли Гернгроса? Онъ одинъ разъ только говорилъ на сходкѣ и никогда ни въ чемъ не принимаетъ участія.

Гливицъ. На случайное замѣчаніе одного оратора. Гернгроссъ хотѣлъ добиться, кто такой полковникъ Романовъ. «Гдѣ служитъ полковникъ Романовъ»? кричалъ онъ на сходкѣ. Я лично объясняю это наивностью и за это онъ внесенъ.

Зерновъ Этотъ списокъ составлялся внимательно при полномъ составѣ Орг. комит. или просто случайно. Были ли предположенія внести такихъ или не вносить другихъ?

Рейнвальдъ. Списокъ составлялся послѣ увольненія и высылки. Въ немъ участвовалъ не весь Орг. Комит. Высланной части Орг. Комит. не было въ Петербургѣ. Чья фамилія, казалось, наиболѣе достойной того, для нравственнаго удовлетворенія выдѣляли въ особую группу;— дѣлалось это по впечатлѣніямъ.

Зерновъ. Къ какому моменту пріурочивается составленіе этого списка?

Рейнвальдъ. Сейчасъ моментъ составленія затрудняюсь назвать; большинство впечатлѣній пропало совершенно.

Зерновъ. Особо выдѣленныя лица считались въ главѣ партіи? Указаній на непосредственное сношеніе ихъ съ полиціей у Васъ не было? Это надо понимать въ переносномъ смыслѣ?

Рейнвальдъ. Безусловно нѣтъ, не спеціальныя сношенія съ полиціей; здѣсь выдѣлялось идейное ядро партіи.

Зерновъ. Этотъ заголовокъ значитъ и тогда не слѣдовало понимать въ прямомъ смыслѣ, а въ переносномъ, не спеціальныя преступленія числились за этими выдѣленными?

Рейнвальдъ. Да, въ переносномъ смыслѣ—это только наиболѣе энергичные.

Зерновъ. Если бы заголовокъ былъ болѣе точнымъ, то тогда вѣроятно онъ носилъ бы другой характеръ? Проступки отдѣльныхъ лицъ были бы точно названы?

Рейнвальдъ. Если бы заголовокъ болѣе точно былъ формулированъ, то многихъ недоразумѣній не появилось бы. Несходство остается и дѣлаетъ однихъ людей въ глазахъ другихъ недоброкачественными. Нужно бы точнѣе составить заголовокъ и недоразумѣній многихъ не было бы. Лично я нахожу, что тогда у насъ были настолько вѣскія данныя, что можно было бы составить и болѣе рѣзкій заголовокъ,

Нечаевъ. Развѣ можетъ быть болѣе рѣзкій заголовокъ и куда же теперь дѣвали Вы Ваши вѣскія данныя?

Рейнвальдъ. Я воздержусь отъ отвѣта.

Лесгафтъ. Вы сожалѣете? Этотъ заголовокъ можетъ быть былъ составленъ сгоряча, если бы Вы писали его теперь, то вѣроятно были бы болѣе мягкія вырoженія?

Рейнвальдъ. Я въ данномъ случаѣ нахожу, что если бы писали этотъ заголовокъ теперь, то составили бы болѣе рѣзкій, но безусловно съ болѣе точными указаніями.

Зерновъ. Т. е. вѣрнѣе, заголовокъ носилъ бы болѣе идейный характеръ.

Рейнвальдъ. Болѣе идейный характеръ имѣлъ бы заголовокъ и относительно поступковъ сказано было бы рѣзче и опредѣленнѣе.

Лесгафтъ. Т. е. болѣе опредѣленный?

Рейнвальдъ. Это мое личное мнѣніе.

Соколовъ. Мы говорили не о первомъ спискѣ, выпущенномъ въ

бюллетенѣ № 9, * а о второмъ. Второй списокъ былъ составленъ не въ горячее время, а много времени спустя, можно было одуматься. Онъ разсылался въ іюлѣ и августѣ, такъ что ссылаться на горячность нельзя. Первый списокъ можно объяснить необдуманностью, но ко второму это не приложимо.

Рейнвальдъ. Я хотѣлъ бы попросить доказательствъ того, что этотъ списокъ получался въ августѣ?

Соколовъ.
Злотницкій. } Доказательства есть—будутъ представлены.

Предсѣдатель. Когда составлялся списокъ?

Рейнвальдъ. Либо въ концѣ апрѣля, либо въ началѣ мая.

Предсѣдатель. Это категорически?

Рейнвальдъ. Да.

Каминка. Разъ у противной стороны есть доказательства, предлагаю ихъ представить теперь, чтобы не затягивать время.

Соколовъ. Къ этому вопросу мы еще вернемся и доказательства представимъ въ свое время.

Кутыринъ. Заголовокъ, Вы сказали, теперь былъ бы болѣе идейный?

Рейнвальдъ. Когда это было сказано?

Кутыринъ. Проф. Зерновъ сказалъ, а Вы повторяли.

Рейнвальдъ. Я этого не говорилъ. Я повторю свои слова. Проф. Зерновъ спросилъ: если бы теперь былъ составленъ списокъ, заголовокъ имѣлъ бы болѣе идейный характеръ?

Кутыринъ. Вы повторили слова проф. Зернова: «болѣе идейный характеръ»». Я имѣю право, на основаніи этихъ Вашихъ словъ, замѣтить, что заголовокъ поставленный комитетомъ характеризуетъ партію съ идейной стороны. Что же, сношенія съ полиціей, для идейности тамъ упоминаются?

Рейнвальдъ. Я уже говорилъ, что это надо понимать въ переносномъ смыслѣ. Прошу не полемизировать со мной.

Предсѣдатель. Прошу обращаться къ суду.

Кутыринъ. Я хотѣлъ установить, что комитетъ къ идейности прибавилъ сношенія съ полиціей. Спрашиваютъ, почему внесено то или другое лицо. Въ отвѣтъ говорятъ про объективныя признаки. А скажите, на какомъ основаніи были внесены такія лица, которыя не заявляли о принадлежности къ группѣ, которыя въ нее не записывались, какъ напр. Малышевъ? Я тоже не заявлялъ о принадлежности къ группѣ. На какомъ основаніи былъ внесенъ въ

группу Чумаковъ? Не потому-ли, что онъ вообще пользовался достаточно дурной репутаціей?

Кругъ. Я и Тихоновъ были у Малышева, и онъ намъ сказалъ что онъ «своб.-д-щій».

Кутыринъ. Онъ могъ Вамъ сказать, что онъ „своб.-д-щій", но говорилъ ли онъ Вамъ, что принадлежитъ къ партіи? Развѣ не можетъ быть „своб.-д-щій" внѣ партіи?

Мефферть. Я уже говорилъ, какъ попалъ Малышевъ.

Соколовъ. Если въ парламентѣ голосуютъ за ту или иную формулу, развѣ это указываетъ на принадлежность къ той или иной партіи?

Каминка. Теперь допрашивается свидѣтель и нельзя пускаться въ разсужденія?

Кутыринъ (Каминкѣ). А когда Гапѣевъ проводилъ аналогію съ корпораціей присяжныхъ повѣренныхъ—тогда можно было пускаться въ разсужденія.

Предсѣдатель предлагаетъ говорить по существу.

Фойгтъ. Я прошу судъ спросить ту сторону, есть-ли тамъ кто-нибудь кромѣ г.г. Гапѣева, Мефферта и Рейнвальда, кто могъ бы отвѣтить на наши жгучіе вопросы или мы не получимъ никогда на нихъ отвѣта?

Предсѣдатель. Отвѣты Вы получаете, но они Васъ не удовлетворяютъ.

Меффертъ. Больше—Вы ничего не добудете!

Рейнвальдъ. Я уже давалъ разъясненія, отдѣльнымъ лицамъ ничего сказать невозможно. Это рядъ данныхъ.

Предсѣдатель. Фойгтъ ставитъ категорически вопросъ, есть ли кто еще, имѣющій право говорить отъ комитета, кромѣ Гапѣева, Мефферта и Рейнвальда?

Рейнвальдъ. Уполномочены говорить трое. У насъ было совѣщаніе и мы припомнили все, что могли. Комитетъ утверждалъ, что списокъ составленъ только по объективнымъ даннымъ, а выдѣленіе на основаніи субъективныхъ впечатлѣній. И объективныя данныя играли не исключительную роль.

Зерновъ. Въ чемъ именно эти объективныя данныя? Во первыхъ подписи 12—15 марта сами записывались?

Меффертъ. Сами записались.

Зерновъ. Второе—опросы, напр. Малышева. Къ кому были обращены опросы?

Меффертъ. Когда комитетъ посылалъ своихъ уполномоченныхъ спрашивать ст-въ...

Зерновъ. Всѣхъ студентовъ?

Предсѣдатель. Не бывшихъ на сходкѣ.

Зерновъ. Нѣтъ, всѣхъ.

Мефферть. Опросъ былъ произведенъ для опредѣленія приблизительно численности ядра, на которое можно было опереться. Опрошенные обѣщали не ходить въ инст-тъ по билетамъ. Съ этой цѣлью опросили свыше 300 лицъ. Къ «своб.-д-щимъ не ходили. При опросѣ наткнулись на „своб.-д-щихъ...

Зерновъ. Наткнулись случайно? Стало быть опрашивали тѣхъ, въ комъ сомнѣвались. Не знали, что они «своб.-д-щіе»? Такихъ много было?

Мефферть. Трое—Малышевъ, Березовскій и Лопатинъ. Они въ спискѣ не были. Къ нѣкоторымъ обращались, не зная, что они «своб.-д-щіе».

Зерновъ. Такимъ образомъ формально „своб.-д-щіе" это тѣ, которые расписывались на листѣ или заявили, что они за «свободу дѣйствій»?

Мефферть. Уполномоченные отъ комитета ставили вопросъ: «Комитетъ требуетъ отъ Васъ Вашего мнѣнія, за что Вы высказываетесь?» Когда высказывались согласно со «своб.-д-щими», то отвѣтъ считался оффиціальнымъ заявленіемъ.

Зерновъ. Считали, что они состоятъ «своб.-д-щими», хотя въ томъ спискѣ не были? Формально «своб.-д-щіе» тѣ, кто записался на листѣ. А что говорятъ это не важно, надо записаться на листѣ!

Мефферть. Спрашивали, согласны ли не ходить по билету инспекціи въ инст-тъ?

Зерновъ. Но когда собирали голоса спрашивали только, кто за или противъ забастовки?

Мефферть. Здѣсь былъ опросъ не за забастовку, а подчиняются ли они Орг. комит. Спрашивали лишь, будетъ ли ходить въ инст-тъ по билетамъ. Одни согласились не ходить, другіе отказывались, а нѣкоторые заявляли о своей „свободѣ дѣйствій".

Зерновъ. Какіе вопросы предлагались?

Мефферть. Согласенъ подчиниться или нѣтъ и соглашаетесь ли не ходить въ инст-тъ по билетамъ?

Зерновъ. Значитъ „свобода дѣйствій" не ставилась?

Мефферть. Нѣтъ, не ставилась; человѣка спрашивали:—согласенъ или не согласенъ. Нѣкоторые отвѣчали, что они «своб.-д-щіе».

Зерновъ. Это просто по свойственной нѣкоторымъ болтливости? А если бы кто говорилъ о «своб. дѣйствій», сказалъ бы, что не подчиняется, его внесли бы въ списокъ?

Рейнвальдъ. Я приведу конкретный примѣръ. Мы съ Юферовымъ были у Березовскаго, послѣ разсылки входныхъ билетовъ. Нужно было комитету знать ядро лицъ, не желающихъ пользоваться билетами; большинство заявляло, что въ началѣ экзаменовъ не пойдетъ, а потомъ посмотритъ. На вопросъ комитета, воспользуетесь ли билетомъ, могъ быть отвѣтъ одинъ, а на счетъ подписей другой. Березовскій сказалъ: „я буду держать экзамены и перехожу въ „своб.-д-щіе". «Мы занесемъ Васъ въ списокъ?» Онъ отвѣчалъ: „заносите".

Зерновъ. Значитъ Вы прямо такъ вопросъ не ставили? Онъ самъ сказалъ Вамъ?

Рейнвальдъ. Березовскій заявилъ, что онъ идетъ въ „своб.-д-щіе". Это было равносильно, что онъ самъ себя вносилъ въ списокъ.

Зерновъ. Такихъ много было?

Рейнвальдъ. Человѣкъ 10.

Зерновъ. А еще какимъ образомъ пополнялся списокъ?

Мефферть. На сходкѣ устно заявлялось оффиціально.

Зерновъ. Они заявляли, но не записывались?

Мефферть. Были случаи. Завадскій пришелъ къ Гапѣеву и уполномочилъ Гапѣева заявить Комитету.

Зерновъ. Такихъ было еще меньше?

Мефферть. Этотъ только одинъ случай я и знаю.

Лесгафтъ. Главный контингентъ были подписавшіеся на листѣ на сходкѣ?

Мефферть. Да.

Гапѣевъ. Эти могли быть приравнены къ тѣмъ, кто подалъ отдѣльныя записки и карточки. Кромѣ двухъ листовъ—одинъ съ автографами, другой написанный рукой Бѣлозорова...

Бѣлозоровъ. Моей рукой ни одного. Только подписи.

Гапѣевъ. Кромѣ этого списка было нѣсколько карточекъ и записокъ, затѣмъ оффиціальныя заявленія на сходкѣ (Ченгеры о Сланскомъ, Завадскій) и нѣкоторыя заявленія при опросѣ. Ускользнуть «своб.-д-щимъ» было трудно, потому что всѣхъ остальныхъ обходили. Я зашелъ къ Іоссѣ по ошибкѣ; онъ «своб.-д-щій». Знаю еще нѣсколько лицъ, которыя заявляли, чтобы мы передали членамъ комитета. Можетъ быть кто нибудь и ускользнулъ, но это было недобросовѣстно со стороны «своб.-д-щихъ»: они должны были бы солгать при опросѣ.

Злотницкій. Шемякинъ заявилъ Гапѣеву, что онъ «с[illegible]
а его не занесли.

Шемякинъ. Гапѣевъ ко мнѣ не заходилъ. Я дѣлалъ не такое заявленіе, не заявилъ, что я „своб.-д-щій".

Даниловъ. Завадскій мнѣ говорилъ, что онъ ни на сходкѣ, ни какимъ либо другимъ путемъ о своей «свободѣ дѣйствій» не заявлялъ. На сходкѣ онъ говорилъ о круговой порукѣ.

Гапѣевъ. Я помню хорошо, какой разговоръ у насъ былъ въ моей комнатѣ и помню, что онъ заявилъ мнѣ, что онъ „своб.-д-щій".

Бѣлозоровъ. Нацваловъ заявлялъ, что Березовскій случайно попалъ въ списокъ и что «своб.-д-щимъ» онъ хотѣлъ даже быть, а Рейнвальдъ заявляетъ обратное, что Березовскій самъ ему сказалъ на опросѣ, что онъ «своб.-д-щій». Я вижу тутъ противорѣчіе:— кто же правъ?

Нацваловъ. Тутъ противорѣчія нѣтъ:—я говорилъ о періодѣ отъ 12 до 15 марта, а опросъ происходилъ передъ самой высылкой 31-го.

Соколовъ. Опросъ происходилъ около 23-го, а не 31-го. Я около 23-го былъ у Алферова и онъ говорилъ, что у него были съ опросомъ отъ Комитета.

Мефферть. Опросъ шелъ больше недѣли.

Между Соколовымъ и Нацваловымъ пререканія.

Предсѣдатель ихъ останавливаетъ и проситъ перейти къ слѣдующ. вопросу.

Соколовъ. Мнѣ казалось, что заявленіе Березовскаго заключало только, что онъ по семейнымъ обстоятельствамъ будетъ держать экзамены. А Нацваловъ говоритъ, что онъ отрицалъ свою принадлежность къ «своб.-д-щимъ.

Нацваловъ. Я напишу письмо Березовскому.

Гапѣевъ. Относительно Краснова уже было выяснено, что онъ за небольшой промежутокъ времени 5 разъ мѣнялъ свое мнѣніе, пока окончательно не объявилъ себя «своб.-д-щимъ». Почему не могъ поступить такъ и Березовскій.

Кутыринъ. По словамъ Рейнвальда Березовскій, когда къ нему обратились, сказалъ: «запишите своб.-д-щимъ». Что же, по мнѣнію комитета, позволеніе занести себя въ списокъ было равносильно зачисленію въ партію или только занесшаго свою фамилію на баллотировочномъ листѣ?

Рейнвальдъ. Я обращаю вниманіе на то, что мы такого различія не дѣлали; не признали различія, говоря партія «своб.-д-щихъ» и «своб.-д-щіе». Противорѣчія между результатами опроса и словами Нацвалова я не усматриваю.

Бѣлозоровъ. Нацваловъ говоритъ, что Березовскій случайно по-

палъ въ списокъ 8-го апрѣля. Березовскій вывѣсилъ объявленіе, что онъ сохраняетъ особое мнѣніе. Я отмѣчаю, что онъ попалъ не случайно.

Кутыринъ. Когда Вы опрашивали Березовскаго?

Зерновъ. Рейнвальдъ говорилъ съ нимъ отъ Комитета. Теперь ясно, какъ попалъ Березовскій въ списокъ.

Рейнвальдъ обѣщаетъ представить данныя относительно времени опроса Березовскаго.

Предсѣдатель. Рейнвальдъ дастъ отвѣтъ въ слѣдующій разъ.

Нечаевъ. Въ показаніяхъ Рейнвальда есть фраза: „въ такомъ случаѣ Васъ придется занести въ группу“. Подразумѣвалъ ли Рейнвальдъ подъ группой понятіе списка?

Рейнвальдъ. Я уже сказалъ, что, говоря о «своб.-д-щихъ», понимали группу; такъ всегда понималось.

Нечаевъ. Такъ ли понимали и тогда, когда рядомъ со словомъ «группа» помѣщали слово «списокъ»?

Рейнвальдъ. Я здѣсь говорилъ о спискѣ этой группы.

Нечаевъ. Если бы ко мнѣ обратились съ вопросомъ «находитесь ли въ группѣ или въ спискѣ, я бы сказалъ: въ списокъ я занесенъ, а группа другое дѣло».

Рейнвальдъ. Различія тутъ по моему нѣтъ.

Соколовъ. Скажите, впечатлѣнія, на основаніи которыхъ выдѣлена была группа 17, не были основаны на данныхъ нѣкоего учрежденія именуемаго тайнымъ трибуналомъ?

Мефферть. Прошу дать мнѣ право не отвѣчать—вопросъ не серьезный.

Рейнвальдъ. Нужно ли суду еще разъясненія относительно тайнаго трибунала?

Предсѣдатель. Нѣтъ, вполнѣ достаточно.

Показаніе Гливица.

Кутыринъ. Скажите, сходка 16 декабря 1904 года для выбора судей въ Третейскій судъ была полномочной?

Гливицъ. Я не былъ на этой сходкѣ и не интересовался.

Кутыринъ. И тѣмъ не менѣе были выбраны. Сходка была многолюдная?

Зерновъ. Какая сходка?

Кутыринъ. Для выбора представителей въ судъ. Гапѣевъ указывалъ, что онъ выбранъ полномочной сходкой, а Гливицъ даже не интересовался.

Гливицъ. Я знаю, она не могла быть многочисленной.

Кутыринъ. Почему Вы считаете ее полномочной!

Гливицъ. Постановленіе этой сходки не было потомъ опротестовано.

Кутыринъ. На этой сходкѣ Васъ выбрали представителемъ въ Третейскій судъ?

Гливицъ. Я на этой сходкѣ не былъ.

Кутыринъ. Т. к. Гливицъ не былъ на сходкѣ, выбравшей его представителемъ, то ему я больше не предлагаю вопросовъ.

Злотницкій. Мы позволили себѣ выразить сомнѣніе въ полномочіяхъ делегатовъ отъ студентовъ.

Показаніе Степаницкаго.

Кутыринъ. Разскажите, была ли сходка 16 декабря 1904 г., на которой выбирались представители въ Третейскій судъ, полномочна и сколько на ней было студентовъ?

Предсѣдатель не считаетъ возможнымъ допустить этотъ вопросъ прежде, чѣмъ судъ обсудитъ его.

Кутыринъ. Я обращаю вниманіе суда, что мы до сихъ поръ не знали, кто наши обвинители. Мы не можемъ считать представительство отъ корпораціи законнымъ. До сихъ поръ, не смотря на многократное наше ходатайство, списки нашихъ обвинителей не представлены. Мы еще разъ ходатайствуемъ передъ судомъ разрѣшить въ ту или иную сторону этотъ вопросъ.

Судъ уходитъ на совѣщаніе.

Предсѣдатель. Мы не можемъ считаться съ корпораціей студ-въ Горнаго инст-та и вопросъ будетъ разбираться такъ, какъ онъ былъ поставленъ сначала. Мы будемъ судить только тѣхъ, кто раньше выразилъ свое согласіе выступить на судѣ въ качествѣ стороны. Судъ разсматриваетъ споръ между опредѣленными группами «своб.-д-щихъ» и «своб.-м-щихъ».

Злотницкій. Насъ вполнѣ удовлетворяетъ такая постановка вопроса, но мы просимъ судъ обязать нашихъ противниковъ представить подписи нашихъ обвинителей. Судъ уже два раза дѣлалъ постановленіе въ этомъ смыслѣ, но наши противники постановленія этого до сихъ поръ не исполнили.

Предсѣдатель. Судъ приметъ это во вниманіе. Подписи будутъ представлены.

Кутыринъ. Насъ обвиняютъ въ попустительствѣ и соучастіи. Прошу Степаницкаго удостовѣрить, что осенью мы неоднократно на сходкахъ хотѣли поднять дѣло для выясненія справедливости тѣхъ обвиненій, которыя тяготѣютъ надъ группой «своб.-д-щихъ».

Гливицъ. У насъ есть некрасивые факты, имѣвшіе мѣсто, но

мы не оглашали ихъ, такъ какъ было постановленіе суда не касаться осеннихъ фактовъ *).

Предсѣдатель. Не прерывайте пожалуйста, г. Гливицъ. Я дамъ возможность указать эти факты.

Степаницкій. Вскорѣ послѣ разбора дѣла Громова и Гапѣева у мирового судьи, студ-тъ Макаровъ просилъ меня и Юматова поднять дѣло о выясненіи отношеній студ-въ къ «своб.-д-щимъ». На ближайшей же сходкѣ я и Юматовъ пытались поднять вопросъ и это намъ отчасти удалось, хотя результатовъ не добились. Я поднялъ вопросъ о выясненіи отношеній студ-въ къ «своб.-д-щимъ». Говорили же на сходкѣ только объ условіяхъ обратнаго пріема «своб.-д-щихъ» въ корпорацію.

Предсѣдатель. Какія же были условія пріема обратно въ корпорацію?

Степаницкій. Этотъ вопросъ рѣшенъ въ такомъ смыслѣ, что для обратнаго пріема въ корпорацію нужно прежде признаніе принципа большинства и письменное отреченіе отъ партіи «своб.-д-щихъ», вслѣдствіе ея подлой дѣятельности.

Предсѣдатель. Слово «подлой» было?

Степаницкій. Да, было—это я помню.

Предсѣдатель. Точную формулу перехода Вы не помните?

Степаницкій. Нѣтъ, точно не помню, но смыслъ таковъ, какъ я Вамъ передавалъ. Мною, на той же сходкѣ, былъ поднятъ вопросъ о спискѣ, разосланномъ по рудникамъ и заводамъ съ позорнымъ заголовкомъ. Мы думали, что сходка не можетъ санкціонировать этого списка. Почему то сходка вынесла частичное рѣшеніе: студенчество мнѣнія своего относительно «своб.-д-щихъ» не вынесло. Мы четверо, въ проскрипціонномъ спискѣ называвшемъ 112 чел. шпіонами, видѣли крайнюю нелѣпость, а потому утверждали, что не всѣ согласятся на условіяхъ, выработанныхъ сходкой, перейти въ корпорацію. По этому вопросу возникли на сходкѣ оживленныя пренія. Одни говорили, что надо всѣхъ считать шпіонами, другіе смотрѣли оптимистически и утверждали, что многіе «своб.-д-щіе» перепишутся на предложенныхъ условіяхъ. Послѣ сходки я говорилъ: «что же дѣлать съ тѣми, которые не захотятъ переписаться» На это мнѣ отвѣчали: «считать ихъ шпіонами». Черезъ недѣлю послѣ этого переписалось всего двое: Іосса и еще кто-то. Были еще сходки, на которыхъ мною или Молчановымъ, или Подшибякины

*) *Примѣчаніе.* Въ черновикѣ свободомыслящимъ записано такъ: В момъ началѣ суда было постановлено не касаться осеннихъ фактовъ. Я тоже факты, касающіеся осени и только по этому ихъ не оглашалъ.

3

всегда поднимался вопросъ о «своб.-д-щихъ», но безъ результатовъ. На второй изъ этихъ сходокъ Юматовъ вышелъ изъ корпораціи, такъ какъ по его мнѣнію студенчество относилось излишне благожелательно къ Орг. комит. и незаслуженно пристрастно и оскорбительно къ „своб.-д-щимъ“. Всѣ эти сходки, надо сказать, были очень немногочисленны—100-110 человѣкъ, не болѣе. Я еще разъ указываю, что на каждой сходкѣ вопросъ о „своб.-д-щихъ поднимался въ виду ожидаемаго начала возобновленія борьбы съ Коноваловымъ, которая могла быть дѣйствительной только при условіяхъ объединенія всего студенчества Горн. инст-та. Мы думали, что сходка списка не одобритъ и довѣрія комитету не выскажетъ. Наконецъ въ декабрѣ мѣсяцѣ собрались 50 человѣкъ и сходка вынесла такую резолюцію: документъ Орг. комит. считать правильнымъ —въ предосудительныхъ дѣйствіяхъ виновны только нѣкоторые, на всѣхъ остальныхъ лежитъ пятно принадлежности къ партіи.

Зерновъ. Подъ „своб.-д-щими“ разумѣлись тѣ, которые значились въ спискѣ Орг. комит.?

Степаницкій. Не больше, не меньше чѣмъ было въ спискѣ, разосланномъ по рудникамъ; опроса самыхъ «своб.-д-щихъ» на сходкахъ не было. Вопросъ поднимался студ-ми, несогласными съ комитетомъ.

Зерновъ. Не указывались ли факты относительно отдѣльныхъ лицъ, не назывались ли фамиліи?

Степаницкій. На первыхъ порахъ совершенно не указывались: разсуждали больше о томъ, партія „своб.-д-щіе“ или нѣтъ. Нѣкоторые были «за», нѣкоторые противъ. На послѣдней сходкѣ былъ поднятъ вопросъ: что извѣстно изъ позорныхъ дѣяній „своб.-д-щихъ“? Обвиненія были слѣдующія: Пилетичъ говорилъ о своемъ разговорѣ съ Коцовскимъ, Мушкетовъ о фразѣ изъ своего письма о дѣланіи подлостей, потомъ еще 1 или 2 студ-та удостовѣряли, что «своб.-д-щіе» давали рекомендаціи. Мнѣ казалось, что факты относительно рекомендаціи не установлены, доносовъ сходкѣ собщено не было совершенно, но нѣкоторые обѣщали эти факты найти къ процессу. Вообще же я, какъ посѣщавшій большинство засѣданій суда, могу сказать, что здѣсь указывалось гораздо больше фактовъ, чѣмъ на сходкѣ. Осенью никто этихъ фактовъ не приводилъ.

Гливицъ. Жизни у насъ въ инст-тѣ въ этомъ году не было никакой. Да развѣ могла быть какая нибудь жизнь, когда «лучшіе» профессора, товарищи, не возвращены, слѣды разгрома на каждомъ шагу. Министръ нашей депутаціи отвѣтилъ неопредѣленно. Мы не могли идти въ Каноссу «своб.-д-щихъ», мы дали имъ возможность

идти въ нашу Каноссу и облегчили имъ путь, выработавъ формулу. Вопроса о привлеченіи комитета къ отвѣтственности мы не поднимали. „Своб.-д-щіе“ дѣйствовали въ инст-тѣ обратно нашимъ стремленіямъ. Для доказательства я могу привести отрывокъ изъ разговора съ Ив. Авг. Тиме. Ив. Авг. сказалъ мнѣ: „Вы просите о возвращеніи своихъ товарищей, а вотъ другіе студ-ты заявляютъ, что съ ихъ возвращеніемъ будетъ обструкція“.

Степаницкій. Я говорю о личныхъ бесѣдахъ. Со стороны отдѣльныхъ «своб.д-щихъ» замѣчалась ненависть къ отдѣльнымъ «свободомыслящимъ». Нѣкоторые говорили, какое это успокоеніе, если ихъ примутъ.

Зерновъ. А кто это говорилъ? Вы знаете фамиліи?

Степаницкій. Объ этомъ говорилось въ частныхъ бесѣдахъ. Фамилій назвать не могу, ибо не знаю. Объ обращеніи по этому поводу къ профессорамъ ходили смутные слухи, но точнаго ничего не знаю.

Гапѣевъ. Степаницкій говорилъ, что конкретныхъ обвиненій въ шпіонствѣ къ «своб.д-щимъ» на сходкахъ не предъявлялось. Факты эти были, но мы не хотѣли ихъ обнаруживать. Передъ судомъ ко мнѣ начали стекаться факты. Объ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи фактахъ мы принципіально рѣшили умалчивать, чтобы не дать возможности нашимъ противникамъ отпарировать взводимыя обвиненія силлогизмами. Мировой судъ — это была единственная щель, черезъ которую могъ проникнуть лучъ свѣта въ это темное дѣло. Данныя тогда же были мною записаны. Эта запись имѣется у меня въ книжкѣ; я могу ее сейчасъ представить,—она только немного стерлась.

Алексѣевъ. Весною Батуевскіе и другіе факты, слѣдовательно, не были извѣстны?

Гапѣевъ. Я этого не сказалъ, сами студ-ты приходили и сообщали. Фактъ съ Макаровымъ былъ извѣстенъ еще весной и нѣкоторые другіе были намъ извѣстны.

Леонтьевъ. Формула перехода не сохранилась?

Степаницкій. У предсѣдателя вѣроятно хранится.

Леонтьевъ (Степаницкому). На осеннихъ сходкахъ фактовъ доносовъ и шпіонства не было?

Степаницкій. На первыхъ сходкахъ фактовъ не приводилось, факты же шпіонства вообще ни на одной изъ сходокъ 1904 года не приводились. Никто не зналъ, что всѣ 112 человѣкъ—шпіоны.

Леонтьевъ. Вы здѣсь привели резолюцію одной изъ сходокъ, въ которой между прочимъ сказано, что студенчество признаетъ поступокъ Орг. комитета правильнымъ. Дальше же у Васъ оговорено, что

шпіонами всѣхъ считать нельзя, а только нѣкоторыхъ. Какъ это понимать, если фактовъ не приводилось?

Степаницкій. Факты шпіонства и доносительства на сходкѣ не были приведены, но довѣряя Орг. комитету, сходка довѣряла его списку. Такъ мнѣ по крайней мѣрѣ казалось. На сходкѣ было около 50 челов.; среди нихъ были можетъ быть и члены комитета **).

Леонтьевъ. Кто эти нѣкоторые, относительно которыхъ сходка довѣряла Орг. комитету?

Степаницкій. Объ этомъ не говорилось.

Предсѣдатель. Это обыкновенная формула довѣрія.

Леонтьевъ. Если Орг. комит. довѣряли, то почему это довѣріе раздѣлялось?

Степаницкій. Не могу Вамъ сказать этого; сходка такъ постановила.

Макаровъ. Г-нъ Предсѣдатель! Гапѣевъ опять повторяетъ, что противъ меня имѣлись осенью въ его распоряженіи факты. Куда же они теперь дѣлись? Я настаиваю, чтобы мнѣ ихъ назвали!

Предсѣдатель. Г-нъ Макаровъ, меньше страстности!

Гапѣевъ. Я не говорю о какихъ нибудь фактахъ противъ Васъ, я говорю о Вашемъ инцидентѣ съ Бальди.

Степаницкій. Относительно разговора Бальди съ Макаровымъ было извѣстно.

Гливицъ. О Батуевѣ осенью тоже было широко извѣстно.

Степаницкій. Г-ну Гливицу сходки, относительно «своб.д-щихъ», казались странными. Наши предложенія ему кажутся приглашеніями студ-въ «свобод-м-щихъ» въ Каноссу къ «своб.д-щимъ». Ничего подобнаго не было—никакихъ Каноссъ! Мы защищали только свою точку зрѣнія, что вопросъ о «своб.д-щихъ» могъ быть рѣшенъ только въ связи съ документомъ комитета.

Лесгафтъ. Орг. комит. развѣ не пришелъ къ тому, что шпіонство не есть непремѣнный признакъ «своб.д-щихъ». «Своб.д-щіе» вѣдь это тѣ, которые держали экзамены? Среди нихъ есть вѣдь и корректные люди?

Степаницкій. По моему мнѣнію „своб.д-щіе“ это тѣ, которые не подчинились большинству.

Лесгафтъ. Не подчинившіеся принципу большинства могли быть вполнѣ корректными людьми?

**) *Примѣчаніе*: Въ черновикѣ свободомыслящихъ записано такъ:

Степаницкій. На меня это произвело такое впечатлѣніе. Было на сходкѣ около 50 чел. Для меня фактъ поручительства былъ установленъ, фактъ шпіонства и доноса допустимъ. И мнѣ казалось, что сходка вотировала довѣріе О. К. Можетъ быть среди 50 чел. были и члены О. К. Мое мнѣніе, что сходка довѣряла О. К.

Степаницкій. Да.

Каминка. Вы сказали, что однѣ сходки по малочисленности отложили разсмотрѣніе вопроса о «своб.д-щихъ», а другія?

Степаницкій. Вопросъ поднимался на нѣсколькихъ сходкахъ, но сходки были малочисленны, было нежеланіе разсматривать этотъ вопросъ, а нѣкоторыя сходки были настолько малочисленны, что никакихъ резолюцій не рѣшались выносить.

Доловъ. Кажется, что тѣ факты, которые приводились на сходкѣ были только примѣры,—а объ остальныхъ умалчивалось.

Степаницкій. Не помню. Стахевичъ мнѣ не задолго до послѣдней сходки говорилъ, что у лицъ, защищающихъ интересы Орг. комит., прямыхъ фактовъ доноса нѣтъ.

Кутыринъ. Я обратился къ Батуеву и спросилъ его, почему онъ мнѣ осенью не сообщилъ никакихъ другихъ фамилій кромѣ Залемана, не сказалъ, какъ, будто бы, студ-ты окружали Бальди и доносили.

Гапѣевъ. Все это было намъ извѣстно задолго до Третейскаго суда. Предлагаю просмотрѣть старую запись въ моей книжкѣ (передаетъ Предсѣдателю).

Кутыринъ. Я не претендую на просмотръ книжки Гапѣева. Обращаю вниманіе суда, что въ это время эти фамиліи скрывались въ записныхъ книжкахъ Гапѣева—отъ насъ скрывали всякіе факты и насъ же обвиняютъ въ укрывательствѣ и попустительствѣ. (Степаницкому). Теперь я предложу Вамъ вопросъ. Что Вамъ отвѣтилъ Н. Смирновъ на Вашъ вопросъ: неужели всѣ «своб.д-щіе», кромѣ двухъ перешедшихъ, шпіоны?

Степаницкій. Смирновъ мнѣ отвѣтилъ: «да, всѣ шпіоны».

Кутыринъ. Не говорилъ ли Н. Смирновъ на сходкѣ, что пора сбросить условности и признать, что цѣль оправдываетъ средства?

Предсѣдатель. Это не имѣетъ значенія для суда.

Кутыринъ. Позвольте, г-нъ Предсѣдатель,—это характеризуетъ ту атмосферу, которая развивалась и устанавливалась въ Горн. инст-тѣ. Атмосфера же была такова, что, не смотря на всѣ нежелательности раскола въ моментъ Коноваловскаго конфликта,—расколъ этотъ былъ неизбѣженъ.

Степаницкій. Я отвѣчу, если судъ позволитъ.

Предсѣдатель находитъ, что слова Смирнова не имѣютъ значенія для суда, такъ какъ характерны для одного человѣка, а не для группы студ-въ.

Гапѣевъ. Вы не помните, г-нъ Степаницкій, слово «шпіонъ» есть въ проскрипціонномъ спискѣ?

Степаницкій. Не знаю.

Гапѣевъ. Вы говорили, что въ прошломъ году максимумъ сходокъ—110 чел.?

Степаницкій. Я говорилъ только объ осени.

Гапѣевъ. Въ формулѣ, принятой сходкой, для перехода „своб.д-щихъ“ въ корпорацію Вы хорошо помните, что слово „подлый“ было?

Степаницкій. Это формула, предложенная Солдау. Тамъ говорилось, что переходъ возможенъ подъ условіемъ признанія принципа большинства и отреченія отъ партіи и признанія ее „подлой“.

Гапѣевъ. Я протестую противъ слова „подлый“, его тамъ не было.

Злотницкій. Вы въ инст-тѣ не были, не можете знать и Вашъ протестъ платониченъ.

Гливицъ. Развѣ Поповичъ и Гринчакъ перешли по этой формулѣ въ корпорацію?

Степаницкій. Поповичъ и Гринчакъ приняты условно до рѣшенія дѣла Третейскаго суда.

Предсѣдатель. Развѣ формула эта не сохранилась? У Васъ есть оригиналъ?

Гливицъ. Мы ее найдемъ и представимъ.

Воскресенскій. Они тамъ напишутъ!

Предсѣдатель дѣлаетъ Воскресенскому замѣчаніе, за неприличіе его поведенія, добавляя: „Вы уже не разъ позволяете себѣ подобныя выходки“.

Степаницкій. По этой формулѣ перешелъ студ-тъ Іосса.

Злотницкій. Послѣ моего путешествія на сходку, о которомъ я уже здѣсь говорилъ, мнѣ пришлось говорить со студ-мъ Грибовымъ и нѣсколькими другими. Они говорили мнѣ слѣдующее: „Въ виду очевидной невиновности моей, отчего бы мнѣ не предать анафемѣ всю партію „своб.д-щихъ“ и перейти въ лоно корпораціи“. Но затѣмъ, послѣ моихъ объясненій, Грибовъ замѣтилъ, что перешедшіе по этой формулѣ являются плохимъ пріобрѣтеніемъ для корпораціи, и самый фактъ перехода есть доказательство ихъ нравственной несостоятельности.

Гливицъ. Сколько человѣкъ перешло по этой формулѣ?

Степаницкій. На сходкѣ 2 челов., потомъ были отдѣльныя заявленія.

Предсѣдатель. Есть еще вопросы?

Кутыринъ. Г-нъ Н. Смирновъ не присутствуетъ, мнѣ не позво-

лили объ немъ говорить, но Н. Смирновъ подписался подъ вызовомъ въ Третійскій судъ, такъ что онъ является стороной.

Предсѣдатель. Объ Никол. Смирновѣ можете говорить.

Зерновъ. До суда не касаются слова о цѣли и средствахъ.

Каркъ. Если много такихъ исповѣдывающихъ—„цѣль оправдываетъ средства", то многое будетъ понятно, а особенно самое начало дѣла о „своб. д-щихъ".

Судъ уходитъ совѣщаться.

Предсѣдатель. Если Смирновъ является выразителемъ общаго мнѣнія опредѣленной группы лицъ, то о немъ говорить необходимо, если же заявленіе Смирнова есть частное—то въ глазахъ суда это не имѣетъ никакой цѣны.

Кутыринъ. Фактами доказать это я, конечно, не могу. Сколько было сходокъ осенью и на сколькихъ сходкахъ поднимался вопросъ о „своб.д-щихъ"?

Степаницкій. Сходки этой осенью были довольно часты; 8—9, но очень малочисленны. На двухъ или на трехъ вопросъ о «своб. д-щихъ» не поднимался, а на всѣхъ другихъ говорили. Нѣкоторая часть студенчества относилась къ попыткамъ поднять и разобрать подробно вопросъ о «своб. д-щихъ» отрицательно, и все время затягивали рѣшеніе. Въ концѣ послѣдней сходки была вынесена резолюція слѣдующаго содержанія: «Документъ Орг. ком. правиленъ, но не всѣ «своб. д-щіе» шпіоны, а на всѣхъ ихъ лежитъ пятно принадлежности къ этой партіи».

Кутыринъ. Гапѣевъ или Рейнвальдъ здѣсь заявили, что первая патріотическая сходка въ февралѣ 904 года вынесла резолюцію отъ имени группы. Знаете ли Вы примѣръ групповой резолюціи у насъ въ институтѣ?

Степаницкій. Такихъ случаевъ не знаю. Обыкновенно писалось: «Мы, студенты Горнаго института, собравшись на сходку тогда-то и т. д.». Число бывшихъ на сходкѣ никогда не сообщалось.

Рейнвальдъ. Я дѣйствительно говорилъ, что резолюціи первой патріотической сходки былъ приданъ групповой характеръ. Вообще, въ исторіи нашего института, что маленькая сходка рѣшала,— другая, полномочная—подтверждала или отрицала. По этому-то я и сказалъ, что групповой характеръ былъ у резолюціи первой патріотической сходки. Ясно изъ текста (читаетъ резолюцію).

Кутыринъ. «Если студенты Гор. ин-та»—начало резолюціи, то здѣсь нѣтъ абсолютно никакого указанія на групповой характеръ.

Предсѣдатель. Это была обыкновенная студенческая сходка? Развѣ до отдѣленія 140 сходка смотрѣла на себя, какъ на групповую?

Рейнвальдъ. Это было еще до отдѣленія «своб. д-щихъ». Это была самая обычная, студенческая сходка. Но когда это рѣшеніе выносилось, то были протесты. Принимая во вниманіе протесты, сходка рѣшила проставить число голосовъ, чего обыкновенно не дѣлается.

Зерновъ. Были ли опредѣленныя правила для сходокъ, ихъ резолюцій?

Степаницкій. Опредѣленныхъ правилъ не было.

Начинаются показанія «своб. д-щихъ».

Показаніе Злотницкаго:

Я буду говорить только по поводу тѣхъ обвиненій, которыя предъявляются, огульно, всѣмъ «своб. д-щимъ»; отдѣльно моя фамилія не упоминалась. Постараюсь быть краткимъ и держаться фактовъ. Я начну съ созданія экзаменовъ, вопреки постановленію большинства и, вообще, къ нарушенію принципа большинства, вызвавшему такія печальныя послѣдствія. Въ вопросѣ о забастовкѣ надо различать два момента: до изгнанія «своб. д-щихъ» и послѣ изгнанія ихъ. По даннымъ инспекціи къ 16 марта 1904 года въ институтѣ состояло 633 студента, изъ нихъ въ отпуску было 11 человѣкъ, на лицо, значитъ, было 622 человѣка.

Предсѣдатель оглашаетъ числовыя данныя инспекціи, подтверждающія слова Злотницкаго. Далѣе читаетъ, кто былъ въ отпуску.

Злотницкій. Изъ 11 отсутствовавшихъ, 2: Сланскій и Волковъ, участвовали въ баллотировкѣ черезъ довѣренныхъ, и оба были записаны въ «своб. д-щіе». Такимъ образомъ, въ баллотировкѣ имѣли участіе 624 студента, какъ это совершенно правильно и отмѣчено въ бюллетенѣ № 1. Изъ общаго числа 624 надо вычесть 13 человѣкъ «воздержавшихся». Получимъ цифру 611. Пока «своб. д-щіе» еще были на сходкѣ, поднимался вопросъ о «нейтральныхъ». Забастовщики хотѣли ихъ присоединить за забастовку. Мы протестовали. Спросили самихъ «нейтральныхъ». Тѣ изъ нихъ, которые здѣсь присутствовали (напр. я помню студента Горба) заявили, что присоединяются только къ большинству института съ сохраненіемъ за собой права на голосъ. Такимъ образомъ, въ желательномъ для забастовщиковъ смыслѣ, вопросъ о «нейтральныхъ» рѣшенъ не былъ. За забастовку стояло 302 голоса, а для большинства надо было по крайней мѣрѣ 306.

Каминка Сколько было студентовъ ко 2-му апрѣля?

Предсѣдатель. По бумагамъ инспекціи говорятъ, что 632.

Злотницкій. Началась перебранка. Ораторы забастовщиковъ все болѣе и болѣе горячились, ругались и наконецъ кто-то предложилъ изгнать «своб. д-щихъ». Предложеніе прошло и «своб. д-щіе» были изгнаны. Противная сторона утверждаетъ, что «нейтральныхъ» рѣшили исключить изъ баллотировки на сходкѣ. Очевидно, это было рѣшено уже въ отсутствіе «своб. д-щихъ». Согласимся съ ними и вычтемъ теперь и «нейтральныхъ», 624—13—18=593. Имѣя эту цифру, мы видимъ, что для большинства необходимо имѣть 297 голосовъ, а на самомъ дѣлѣ, послѣ изгнанія «своб. д-щихъ» за забастовку, стояло 296 человѣкъ; 6 человѣкъ, бывшихъ раньше за забастовку, демонстративно ушли со сходки вмѣстѣ со «своб. д-щими» и присоединились къ намъ, такъ какъ послѣ всѣхъ безобразій, творившихся на общей сходкѣ, не желали тамъ оставаться. Такимъ образомъ, для забастовки не хватало одного голоса. Я долженъ замѣтить, что привожу цифры № 1 О. К. С. Г. И., имѣвшіяся у насъ данныя, еще болѣе благопріятны для противниковъ забастовки. Итакъ, фактически, принципъ большинства нами нарушенъ не былъ, его нарушили наши противники.

Зерновъ. Почему «воздержавшихся» исключили изъ общаго числа? Бывало это раньше?

Злотницкій. Въ прежніе годы, когда обсуждался вопросъ о забастовкѣ, причины бывали крупныя: политическія, избіеніе студентовъ или что нибудь въ этомъ родѣ. Большинство института получалось, обыкновенно, уже на сходкахъ. Объ «нейтральныхъ» и «воздержавшихся» разговоровъ, обыкновенно, раньше не бывало.

Предсѣдатель. А сколько было «своб.д-щихъ»?

Соколовъ. Сначала 102.

Злотницкій. А потомъ 112. Итакъ повторяю, большинства не было за забастовку. Правда его не было и противъ забастовки. Но думаю, разъ забастовка проваливалась, «своб. д-щіе» и другіе имѣли право приступить къ экзаменамъ. И дѣйствительно, въ началѣ экзаменовались какъ «своб. д-щіе», такъ и «не своб. д-щіе». Уже къ 8-му апрѣля «не своб. д-щихъ», изъявившихъ желаніе держать экзамены было больше, чѣмъ «своб. д-щихъ»: «своб. д-щихъ»—33, «не своб. д щихъ»—38. Въ дальнѣйшемъ, когда экзамены были еще не на всѣхъ курсахъ, число получившихъ постоянные входные билеты, все время было больше между «не своб д-щими», чѣмъ среди «своб. д-щихъ».

Предсѣдатель. Какого числа?

Злотницкій. Напр. 8-го апрѣля. Очевидно, студенты, не заявив-

шіе о «свободѣ дѣйствій», тоже считали, что имѣютъ законное право приступить къ экзаменамъ на общихъ основаніяхъ. Уже 15 апрѣля, т. е. на 3-й день полнаго хода экзаменовъ, выразили желаніе къ нимъ приступить 314 человѣкъ, т. е. безспорное большинство. Право, не знаю, можно ли говорить послѣ этого о борьбѣ и капитуляціи?

Предсѣдатель. Вы говорите, 314 было 15-го?

Злотницкій. Да. Кстати, позволю себѣ коснуться вопроса о входныхъ билетахъ. Я былъ въ институтѣ 15 марта, на общей сходкѣ, но до самаго конца ея, какъ я уже имѣлъ случай говорить, не досидѣлъ, при исключеніи «своб. д-щихъ» я уже не присутствовалъ и долженъ сказать, что этого исключенія изъ корпораціи совершенно не признаю и считаю незаконнымъ. Затѣмъ, я въ институтѣ не былъ до 4 апрѣля. Жилъ я очень далеко на Лиговкѣ, мало зналъ о томъ, что дѣлается въ институтѣ, тѣмъ болѣе, что былъ поглощенъ посторонними заботами. 4 апрѣля, кажется, даже ничего не зная объ обструкціи, я пришелъ къ институту. Швейцаръ впустилъ меня въ вестибюль, но объяснилъ, что для права входа надо имѣть билетъ, при чемъ предложилъ мнѣ пойти къ Коцовскому или написать ему письмо, съ просьбой прислать мнѣ билетъ. Я рѣшилъ, что это возня; далъ ему свою визитную карточку и отправилъ его къ Бальди. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ вернулся сказавъ, что Бальди проситъ меня въ инспекцію. Я пошелъ, увидѣлъ Бальди и сказалъ ему: «Вы присылали мнѣ опросный листокъ, я отвѣтилъ, что экзамены держать буду, подчиняться правиламъ тоже, почему же Вы мнѣ не присылаете билета?» Бальди въ отвѣтъ предложилъ мнѣ сначала записаться въ какую нибудь группу или составить свою. Я отказался, говоря, что этихъ формальностей никогда не исполнялъ и исполнять не намѣренъ; буду держать экзамены, какъ и когда мнѣ вздумается и потребовалъ билетъ. Бальди что-то сказалъ о моей несговорчивости, но билетъ выдалъ. Вотъ онъ. Долженъ оговориться, что ничего дурного въ составленіи группъ я не видѣлъ, мнѣ это просто казалось формализмомъ. Такимъ образомъ, не будучи записанъ ни въ какую группу и не имѣя поручителей, я получилъ билетъ уже 4 апрѣля. Я, рѣшительно, ничего не зналъ о томъ, что по предложенію Орг. ком. всѣ студенты отвѣчали на опросные листки одинаково; не получая билета на экзамены, я думалъ, что вышло какое либо недоразумѣніе на почтѣ. Самъ я никакихъ распоряженій Орг. ком. не получалъ и даже ничего не зналъ о томъ, что онъ функціонируетъ, тѣмъ болѣе, что разъ забастовка не про-

шла и функціонировать ему было нечего. Вообще, долженъ замѣтить, что нападеніе на нашу честь и доброе имя было удивительно обставлено: мы не только не могли защищать себя, ибо обвинители прятались за кабалистическими значками, но многіе изъ насъ долго не знали даже о томъ, что насъ прославили людьми, «лишенными элементарныхъ понятій о нравственности и чести». До самой осени, я ничего не зналъ о томъ, что моя фамилія занесена Орг. ком. въ списокъ фантастической партіи «своб. д-щихъ». Скажу больше, распорядившись голосомъ своего друга Нечаева, я даже не сообщилъ ему, что записалъ его въ партію, такъ какъ самый заголовокъ «противъ забастовки и съ сохраненіемъ свободы дѣйствія» былъ совершенно случайнымъ; его, какъ сообщилъ здѣсь г. Гапѣевъ, составилъ тутъ же на сходкѣ студентъ Томилинъ—человѣкъ ни къ какимъ партіямъ не принадлежащій, общественной жизнью студентовъ, по многимъ наблюденіямъ, не интересующійся и цѣлые дни сидящій надъ книгами и ракушками. Когда Нечаевъ спросилъ меня какъ-то, между прочимъ, за что я подавалъ голосъ, я отвѣтилъ: «я тебя и себя записалъ противъ, но условно, такъ что распорядишься собой, какъ захочешь». Тутъ много говорилось объ усиленной охранѣ института полиціей. Долженъ отмѣтить, что я около института ничего особеннаго не замѣтилъ. Мнѣ кажется, что набережная имѣла совершенно обычный видъ. Вообще, на всѣхъ курсахъ экзамены начались только съ 12-го апрѣля. Въ это время усиленныхъ нарядовъ конной и пѣшей полиціи не было. Конечно, можетъ быть военная охрана была скрыта, но я такой не видѣлъ. Относительно поддержки Коновалову, яко бы оказанной ему «своб. д-щими», я говорить не могу, такъ какъ для меня не совсѣмъ ясно, какіе проступки «своб. д-щихъ» подразумѣваются подъ этой общей фразой. Что же касается меня лично, то я долженъ сказать слѣдующее: Коновалова я слушалъ, когда онъ у насъ читалъ лекціи по Химіи на 2 курсѣ; я высоко цѣнилъ его, какъ лектора и блестящаго экспериментатора, внѣ лекцій, я его совершенно не зналъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ директоромъ, я видѣлъ его всего одинъ разъ и то только теперь, осенью. Я сидѣлъ въ буфетѣ съ кѣмъ-то изъ товарищей, когда вдругъ вошелъ Коноваловъ и обращаясь къ намъ спросилъ, «хорошо ли кормитъ новый буфетчикъ и какъ намъ нравится новый буфетъ». Мнѣ заботливость начальства показалась забавной и я въ отвѣтъ сказалъ что-то шутливымъ тономъ. Впрочемъ смѣлость, съ которой Коноваловъ ходилъ между студентами, мнѣ понравилась Послѣ весенней исторіи, онъ легко могъ натолкнуться на личное

оскорбленіе. Это была моя единственная встрѣча съ Коноваловымъ. Наконецъ, позволю себѣ коснуться обвиненія въ нравственномъ попустительствѣ, выразившемся въ томъ, что мы «будучи партіей и зная о проступкахъ отдѣльныхъ членовъ, не реагировали и даже покрывали ихъ». Никакого попустительства съ нашей стороны не было и быть не могло, во первыхъ потому, что мы не партія. Это отчасти выяснено, а затѣмъ будетъ и установлено, а во вторыхъ потому, что хотя слуховъ было много, но ни одного позорнаго факта точно установлено не было. Сплетничанье въ институтѣ всегда было въ большомъ ходу; поэтому заниматься разслѣдованіемъ и раскапываніемъ кучъ грязи, конечно, лежало на обязанности особо интересовавшимся этимъ. Нельзя же требовать, чтобы всѣ имѣли наклонность къ розыскиванію блондиновъ съ голубыми глазами. Къ этому нужно имѣть особый вкусъ: я его не имѣю. Вообще же, въ отвѣтъ на эти обвиненія я позволю себѣ процитировать письма нѣсколькихъ инженеровъ. (Передаетъ 4 письма горныхъ инженеровъ, изъ которыхъ предсѣдатель оглашаетъ два письма: Левицкаго и Чемолосова. Остальныя аналогичны. Письма при дѣлѣ).

Г. присяжному повѣренному Русанову, Петербургъ, Торговая, 15. Вслѣдствіе телеграммы Вашей, отъ 9 сего февраля, объ удостовѣреніи, о полученіи въ одномъ конвертѣ анонимнаго списка студентовъ „своб. д-щихъ" и записки 6 бывшихъ профессоровъ Горнаго института, послалъ Вамъ телеграмму слѣдующаго содержанія: „Петербугъ, Торговая, 15. Присяжному повѣренному Русанову. Удостовѣряю полученіе пакета, отправленнаго изъ Петербурга 26 іюля, полученнаго мною 1 августа 1904 г. Въ пакетѣ оказалась: рукопись, обвиняющая Коновалова и списокъ „свобододѣйствующихъ"; первая — безъ подписи, вторая за подписью О. К. С. Г. И. Оба вложенія были въ одномъ конвертѣ, который сохраняется,—напечатаны однимъ шрифтомъ, одинаковыми синими чернилами. Подтверждаю почтой. Горный начальникъ Левитскій". Симъ подтверждая эту телеграмму, добавляю, что пакетъ былъ посланъ заказнымъ письмомъ изъ 4 Отдѣленія Городского почтоваго отдѣла за № 935 и адресованъ на имя Александра Степановича Левитскаго, какъ Горнаго начальника, безъ указанія отъ кого. Какъ рукопись, такъ и конвертъ у меня сохраняются. Горный начальникъ А. Левитскій. Нижнеисетскій заводъ 16 февраля 1905 г.

Милостивый Государь Владиміръ Алексѣевичъ! Сегодня получилъ Ваше письмо и сегодня же спѣшу отвѣтить. Лѣтомъ, кажется въ

іюлѣ, я получилъ пакетъ, адресованный лично мнѣ (Степану Степановичу Чемолосову), отправленный заказнымъ письмомъ (6 марокъ) изъ „Лигово“; въ этомъ пакетѣ было вложено три съ половиной литографированныхъ листа; на трехъ листахъ (собственно на 10 съ половиной страницахъ) — была изложена Коноваловская исторія, начинающаяся словами «Горный институтъ испыталъ глубокое потрясеніе» и на одномъ полулистѣ были помѣщены фамиліи «своб. д-щихъ», этотъ полулистъ начинался словами: „Своб. д-щіе“ студенты Горнаго института—это люди, пренебрегшіе и т. д.“; все это было вложено въ одномъ конвертѣ (пакетѣ). Этотъ пакетъ я получилъ въ присутствіи, горнаго инженера, Всеволода Михайловича Иванова, при немъ пакетъ распечаталъ и вмѣстѣ съ нимъ прочелъ все содержимое. Въ виду того, что присланныя записки—анонимныя, я съ большой внимательностью разсматривалъ конвертъ, гдѣ и увидѣлъ наклейку „Почтовой Конторы Лигово“ и 6 марокъ. По прочтеніи записки и списка „своб. д-щихъ“, я хотѣлъ писать, отвѣчать, возражать, но, къ сожалѣнію, всѣ записки оказались анонимными и лицо, приславшее ихъ, осталось мнѣ неизвѣстнымъ. Я глубоко возмущенъ полулистомъ со спискомъ „своб. д-щихъ“. Доказательствомъ того, что здѣсь устроена подлость служитъ то, что лицо приславшее мнѣ пакетъ, рѣшилось вложить анонимныя записки. Посылать анонимныя письма можетъ только человѣкъ низкой нравственности и безчестный. Въ свою очередь, обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой, не укажете ли Вы того подлеца, кто разсылаетъ анонимныя письма. Управитель Нижнеисетскаго завода, Гор. инж.С. С. Чемолосовъ. Мой адресъ: г. Екатеринбургъ, Нижнеисетскій заводъ.

Злотницкій. Такимъ образомъ фактъ разсылки проскрипціоннаго списка «своб. д-щихъ» совмѣстно съ запиской профессоровъ установленъ неопровержимо. Сопоставляя факту профессорской записки: „профессора спрятались за позорную цензорскую организацію группы падшихъ студентовъ“ съ проскрипціоннымъ спискомъ „своб. д-щихъ“, я скажу, что не ушедшимъ профессорамъ обвинять насъ въ нравственномъ попустительствѣ, это право, съ несомнѣнностью, принадлежитъ только намъ. При той близости, которая существовала между ушедшими профессорами и Орг. комитетомъ они не могли не знать, какое употребленіе сдѣлано изъ ихъ записки, а они и до сихъ поръ молчатъ и не протестуютъ.

Бауманъ. Заявляю отъ имени профессоровъ. Совершенно понятно, что никто изъ профессоровъ въ составленіи проскрипціоннаго списка

не участвовалъ. Наша записка была нами разослана только во всѣ высшія учебныя заведенія и въ журналъ „Освобожденіе". Такъ какъ мы были противъ раздѣленія студ-въ, то г.г. «своб. д-щіе», подписавшіеся прежде, можетъ быть теперь откажутся отъ такого обвиненія насъ.

Злотницкій. Я и надѣюсь, мои товарищи ни одной минуты не думали, что г г. ушедшіе профессора сами разсылали по рудникамъ и заводамъ. Мы обвиняемъ ихъ въ попустительствѣ. Вѣдь проскрипціонный списокъ разсылался вмѣстѣ съ запиской, и эта записка своимъ авторитетомъ подтверждала обвиненіе въ шпіонствахъ и доносахъ 112 поименно названныхъ студ-въ. Повторяю: при этой близости, которая здѣсь обнаружилась между ушедшими профессорами и Орг. комитетомъ, профессора не могли не знать, какое употребленіе сдѣлано изъ ихъ записки. Если они не знали этого, то вѣдь процессъ тянется три мѣсяца; но они и до этого выступали въ печати и обвиняли не только одного Коновалова; они выступали въ камерѣ мирового судьи и тамъ заявляли о томъ, что они слышали отъ людей «заслуживающихъ довѣрія». И до сихъ поръ они сидятъ на лѣвой сторонѣ вмѣстѣ съ нашими обвинителями, своимъ молчаніемъ, а подчасъ и словомъ, санкціонируя обвиненіе 112 студ-въ въ шпіонствѣ и доносчествѣ.

Долбня. Первое: свидѣтельствую и удостовѣряю и, если это понадобится, своимъ честнымъ словомъ, что я никогда своими глазами разсылаемыхъ списковъ не видалъ, не то что—не читалъ, не знаю даже, какого они формата! Второе—все, что написано въ нашей запискѣ о дѣлѣ въ Горн. институтѣ—это къ Вамъ не относилось, г. г. (въ сторону «своб. д-щихъ»), написано оно было во время гробового молчанія, когда всѣ рты были зажаты. Но за все, что мной написано и сказано лично, я беру на себя полную отвѣтственность и не уклонюсь ни на одинъ вершокъ.

Гапѣевъ. Записка ушедшихъ профессоровъ попала въ Орг. комитетъ случайно. Ни одинъ изъ профессоровъ намъ ее не передавалъ. Разсылка ее произведена за отвѣтственностью Орг. комитета.

Предсѣдатель. Закрывая засѣданіе, прошу всѣхъ участниковъ дѣла, ускорить его по возможности.

ПРОТОКОЛЪ

20-го засѣданія Третейскаго суда чести, отъ 20-го апрѣля 1905 года.

Судъ присутствовалъ въ полномъ составѣ.

Отсутствовали: прис. повѣр. Гартунгъ и Грузенбергъ.

Ст-тъ Мышенковъ проситъ дать ему возможность сдѣлать заявленіе.

Предсѣдатель разрѣшаетъ.

Мышенковъ. До сихъ поръ моя фамилія здѣсь, на судѣ, ни разу не была упомянута, а между тѣмъ, лѣтомъ 1904 г. мнѣ было предъявлено очень тяжелое обвиненіе.—Когда я въ іюнѣ 1904 г. пріѣхалъ на практику, на Брянскій рудникъ, младшій инженеръ Детеръ, временно замѣщающій должность директора рудника, мнѣ очень ясно далъ понять, чтобъ я уѣхалъ оттуда, ибо противъ меня существуютъ обвиненія въ чрезвычайно некрасивыхъ поступкахъ, вслѣдствіе чего пріѣхавшіе ранѣе меня товарищи отказываются жить со мной вмѣстѣ и столоваться. Я потребовалъ отъ него болѣе яснаго указанія моихъ преступленій, на что онъ мнѣ сказалъ, что въ данный моментъ у него опредѣленныхъ обвиненій не имѣется, но черезъ нѣкоторое время они у него будутъ, т. к. сдѣлавшіе ему это заявленіе отъ лица другихъ студентовъ—Меффертъ, Оцупъ обѣщали достать данныя. За объясненіями-же, вообще, онъ мнѣ посовѣтовалъ обратиться къ товарищамъ.—Среди послѣднихъ находился одинъ «свобододѣйствующій», къ нему я и обратился. Онъ мнѣ сказалъ, что Меффертъ и Оцупъ говорили ему, что я донесъ на ст. Звѣрева, результатомъ чего было исключеніе послѣдняго изъ института; причемъ Меффертъ добавилъ, что у него имѣются неопровержимыя къ тому данныя, которыя онъ, въ самое короткое время, получитъ изъ С.-Петербурга. Но вотъ прошелъ мѣсяцъ, другой, теперь идетъ десятый, а обѣщанное доказательство мнѣ до-сихъ поръ не предъявляется; поэтому я обращаюсь съ покорнѣйшей просьбой къ суду— потребовать отъ г. Мefферта опредѣленныхъ указаній на тѣ мои поступки, которые дали право студентамъ, бывшимъ на рудникѣ, меня бойкотировать и даже выставить меня шпіономъ въ глазахъ студентовъ — екатеринославцевъ, пріѣхавшихъ на геодезическую съемку. О послѣднемъ фактѣ мнѣ сообщилъ г. Леонтовскій, проф-ръ маркшейдерскаго искусства въ Екат. Высш. Горн. Учил.

Меффертъ. Къ словамъ г. Мышенкова я могу прибавить очень мало. Дѣйствительно, его бойкотировали: категорически отрицаю, чт я говорилъ Воскресенскому о томъ, что Звѣревъ исключенъ вслѣ

ствіе доноса со стороны Мышенкова. Дальше, я никому рѣшительно не говорилъ, что онъ шпіонъ. И не знаю откуда онъ почерпнулъ такіе слухи. Относительно Мышенкова ничего кромѣ того, что онъ «своб.д-щій», я не зналъ и ни въ чемъ его не обвинялъ.

Зерновъ. Значитъ противъ г-на Мышенкова никакихъ спеціальныхъ обвиненій нѣтъ?

Мефферть. Ничего нѣтъ.

Воскресенскій. Не за долго до пріѣзда г. Мышенкова я имѣлъ разговоръ съ Меффертомъ и Оцупомъ и могу напомнить г. Мефферту, что онъ мнѣ говорилъ, что хотя нѣтъ прямыхъ доказательствъ шпіонства Мышенкова, но его поведеніе по отношенію къ Звѣреву, могло способствовать удаленію послѣдняго изъ ин-та. Я подчеркиваю, что отъ меня не требовали, чтобы я бойкотировалъ Мышенкова, что, думаю, не могло бы имѣть мѣста, если бы у нихъ было какое-нибудь серьезное обвиненіе. Все дѣло сводилось къ тому, что если бы Долбню посадить за обѣдъ вмѣстѣ съ Коноваловымъ, то врядъ ли бы они могли кушать съ большимъ аппетитомъ; таковы же отношенія были и у Мефферта съ Мышенковымъ.

Мефферть. Повторяю, что какихъ либо конкретныхъ фактовъ относительно Мышенкова мнѣ не извѣстно. Зналъ только, что онъ «св-д-щій».

Воскресенскій. Соглашаетесь ли подтвердить, что говорили о Звѣревѣ?

Мефферть. Не могу точно припомнить; можетъ быть говорилъ, въ видѣ догадки или какъ слухъ.

Зерновъ. Какой же былъ слухъ?

Мефферть. Былъ самый неопредѣленный слухъ, будто Мышенковъ способствовалъ удаленію Звѣрева изъ ин-та.

Зерновъ. Когда Звѣревъ былъ уволенъ?

Мефферть. Да за обструкцію 2 апрѣля.

Мышенковъ. Такимъ образомъ, значитъ, оказалось вполнѣ достаточнымъ только то, что я подписался на листѣ противъ забастовки, съ сохраненіемъ за собой «своб. дѣйствій», чтобы меня бойкотировать и называть шпіономъ. Больше вопросовъ я не имѣю.

Мефферть. Ни я, ни кто другой, на сколько мнѣ извѣстно, ничего о васъ не говорили екатеринославцамъ.

Гаппеевъ. На одномъ изъ прошлыхъ засѣданій, когда было представлено Грунвальдомъ письмо, писанное имъ Коновалову, судъ постановилъ просить Коновалова прислать и другое полученное имъ одновременно. Получено ли это письмо?

Предсѣдатель. Судъ пошлетъ просьбу Коновалову, пока это не было сдѣлано.

Соколовъ передаетъ въ запечатанномъ конвертѣ списокъ лицъ составлявшихъ Ор. ком-тъ «своб-д.-ихъ» при чемъ суду предоставляется право огласить фамиліи, когда судъ найдетъ это необходимымъ и возможнымъ.

Кутыринъ. Рейнвальдъ говорилъ, что у него сохранилось письмо Березовскаго въ Ор. ком-тъ, не представитъ ли онъ его суду?

Рейнвальдъ. Ни о какомъ письмѣ Березовскаго я не говорилъ, а говорилъ, что у меня кажется сохранилось письмо присланное мнѣ во время опроса Ор. ком-мъ по поводу этого опроса, но и этого письма я не могъ найти.

Злотницкій. Къ своему показанію я хочу добавить еще одно письмо; на прошломъ засѣданіи г-мъ Гливицомъ намъ было предъявлено обвиненіе со словъ проф. И. А. Тиме, будто-бы «свобододѣйствующіе» говорили, что если уволенные студенты будутъ приняты обратно, то успокоенія не будетъ. Мы обращались за разъясненіемъ къ проф. Тиме, онъ намъ далъ письмо, которое я прошу судъ огласить. Въ письмѣ Тиме отрицаетъ, что онъ говорилъ съ Гливицомъ.

Предсѣдатель оглашаетъ письмо Тиме *).

Гливицъ. Я могу повторить тоже, что говорилъ.—Когда я обратился въ этомъ году, осенью, къ Тиме, чтобы онъ ходатайствовалъ объ уволенныхъ студентахъ, то Тиме мнѣ сказалъ: «Вотъ Вы просите объ ихъ возвращеніи, а другіе говорятъ обратное».

Злотницкій. На прошломъ засѣданіи Вы во-первыхъ сказали, что это были «св.д.-щіе», я долженъ прибавить, что когда мы предъявили проф-ру Тиме «Бир. Вѣд.», въ которомъ Ваше заявленіе было точно изложено, то проф. Тиме возмутился и почувствовалъ себя въ крайне неловкомъ положеніи; ему не хотѣлось уличать своего ученика, поэтому онъ далъ намъ это письмо, составленное въ деликатныхъ выраженіяхъ; при этомъ онъ намъ заявилъ, что въ случаѣ надобности, онъ можетъ опротестовать заявленіе г-на Гливица въ болѣе категорическихъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ.

Гливицъ. Прошу судъ вызвать проф. Тиме, ибо я никогда не лгалъ и лгать не намѣренъ.

Злотницкій. Я представляю подлинный документъ, а остальное мнѣ безразлично.

Гессенъ. Вотъ въ прошедшій разъ Вы представили цифры изъ бюллетеней и доказали, что большинства за забастовку не было. Мнѣ

не понятно, почему-же «св.д-щіе» вмѣсто указанія на этотъ фактъ заявили, что, вообще, не будутъ подчиняться большинству?

Злотницкій. Они не заявляли, что вообще не будутъ подчиняться большинству. Формула со «свободой дѣйствія», какъ я уже выяснялъ раньше, была чисто случайная; различныя лица, подписываясь подъ ней, руководствовались, вѣроятно, различными мотивами. Я лично, смотрю на это такъ:—эта формула была угрозой, которая должна была показать лѣвой партіи, что ея желаніе провести забастовку во что-бы-то ни стало встрѣтить энергичную оппозицію. Если бы мы не сдѣлали этого, прошло бы нѣсколько дней, Орг. комит. продѣлалъ бы нѣсколько манипуляцій и желаемое большинство получилось бы.

Гессенъ. Вы говорили, что считаете исключеніе «св-д-щихъ» изъ студенческой корпораціи—неправильнымъ поступкомъ.—Скажите, пожалуйста, считаете ли Вы возможнымъ пребываніе въ корпораціи такой группы, которая заявляетъ, что большинству вообще подчиняться не желаетъ?

Злотницкій. Я на это смотрю такъ: бываютъ случаи, когда никакому большинству подчиняться нельзя; если большинство насилуетъ мои убѣжденія и заставляетъ меня дѣйствовать противъ моей совѣсти, то я пойду и одинъ противъ всѣхъ; вообще-же, конечно, никакое благоустроенное общество безъ принципа подчиненія меньшинства большинству существовать не можетъ, поэтому, если бы группа заявила, что она подчиняться большинству вообще не будетъ, то, разумѣется, пребываніе такой группы въ корпораціи стало-бы невозможнымъ.

Гессенъ. Были Вы послѣ обструкціи въ инспекціи?

Злотницкій Нѣтъ, во время обструкціи я въ институтѣ не былъ. Первый разъ въ ин-тѣ я былъ 4-го апрѣля.

Гессенъ. Почему нѣкоторые ст-ты не принимаютъ участія въ процессѣ. Вотъ напр., Леманъ и другіе. Неизвѣстны-ли Вамъ такіе случаи, когда нѣкоторые заявляли свое желаніе принять участіе въ судѣ и получили отказъ.

Злотницкій. Что касается Лемана, то онъ участвуетъ; вообще же я, категорически, говорю, что отказа никому не было. Я не знаю, почему нѣкоторыя лица не подписались подъ вызовомъ, но можетъ быть нѣсколько ст-овъ 5-го курса, нынѣ инженеры, служатъ очень далеко на заводахъ, напр. Соколовъ—на Алапаевскомъ, и, вѣроятно, поэтому не подписались. Вообще, мотивовъ отдѣльныхъ лицъ, не подписавшихся подъ вызовомъ, не знаю.

Гессенъ. Если бы лицо хотѣло подписаться, то ему не отказали бы? Такого случая не было?

Злотницкій. Нѣтъ этого рѣшительно не было. У насъ говорилось, что подписаться могутъ всѣ, т. к. каждый отвѣчаетъ только самъ за себя; обращаясь къ суду мы считали, что мы не партія, и другъ за друга не отвѣтственны; какъ на это посмотритъ судъ мы не знаемъ, но нашъ взглядъ такой, какъ я говорю.

Гессенъ. Вы говорите, что Вы не партія. Какъ же у «своб.-д-щихъ» былъ организаціонный комитетъ? Существованія его не отрицаете?

Злотницкій. Существованія Ор. ком-та не отрицаю.

Гессенъ. Вы въ этомъ дѣлѣ принимаете большое участіе, вѣроятно, знаете про Ор. ком-тъ; такъ, пожалуйста, разскажите, что знаете о немъ.

Злотницкій. Я принимаю участіе только въ этомъ году, въ судѣ. Кое-что объ Ор. ком-тѣ я знаю.—Еще задолго, до назначенія Коновалова, у насъ образовалась маленькая группа лицъ, знакомыхъ и близко знавшихъ другъ друга; они желали упорядочить студенческія учрежденія—измѣнить систему выборовъ, уничтожить обязательность опредѣленной окраски и партійности студ-скихъ комиссій. «Орг. ком. независимыхъ» нельзя называть комитетомъ «своб.-д-щихъ». Кружокъ, о которомъ я говорю, и вошелъ въ Ор. комитетъ. Когда «своб.-д-щіе» выдѣлились и собрались на отдѣльную сходку, то выразили пожеланіе выработать въ дальнѣйшемъ credo и поручить это дѣло Ор. к-ту, но к-тъ выбранъ не былъ, его функціи принялъ существовавшій кружокъ; онъ издалъ два бюллетеня, въ которыхъ приглашалъ составить партію; но, на дѣлѣ, партіи образовано не было, т. к. начались экзамены и было не до того.

Гессенъ. Но комитетъ былъ сформированъ предсѣдателемъ сходки и, по крайней мѣрѣ, ему это было поручено?

Злотницкій. Нѣтъ, предсѣдатель сходки комитета не формировалъ, я даже не знаю, былъ ли онъ самъ въ комитетѣ. На сходкѣ было выражено только желаніе, такъ сказать, платоническое. Этой осенью, когда противъ насъ началась кампанія, мы собирались нѣсколько разъ, нѣкоторые предлагали сплотиться, образовать партію, но это не состоялось. Выяснилось, что «своб.-д-щіе» люди самыхъ различныхъ убѣжденій, и кромѣ того проводилась такая мысль, за которую особенно горячо ратовалъ Воскресенскій:—если сформировать партію, привлечь новыхъ членовъ, то расколъ въ институтѣ останется навсегда; это, конечно, нежелательно. Если мы не съумѣли ужиться съ «свободомыслящими», то, вѣдь, черезъ нѣсколько

лѣтъ, какъ мы, такъ и они институтъ окончатъ; новые студенты, можетъ быть окажутся лучше насъ, съумѣютъ жить въ мирѣ и выработаютъ лучшія студенческія учрежденія. Въ концѣ концовъ, рѣшили и осенью партіи не образовывать; дѣятельность же Орг. комитета «своб.-д-щихъ» исчерпалась только весенними двумя бюллетенями.

Гессенъ. Каковы были дѣйствительныя причины, заставившія «своб.-д-щихъ» высказаться за экзамены. Была-ли это любовь къ наукѣ или что-либо другое?

Злотницкій. Мотивы отдѣльныхъ лицъ мнѣ неизвѣстны, вообще же причинъ была масса; я не могу указать нѣкоторыхъ:—большинство изъ насъ—студенты старые, потеряно много годовъ. Въ 902 году весь ин-тъ былъ оставленъ на 2-ой годъ, съ 99 года было много забастовокъ по причинамъ политическимъ. Ссора съ директоромъ была недостаточно важна для устройства забастовки. Вѣдь и такъ въ нашемъ отечествѣ всегда можно было ожидать такихъ внѣшнихъ явленій, на которыя послѣдовала бы болѣе умѣстная забастовка. Подтвержденіемъ служитъ нынѣшній годъ.

Лесгафтъ. Значитъ внутреннія причины Вы считали недостаточными для забастовки. По Вашему для забастовки необходимы политическія, а не академическія причины. Развѣ на Васъ не произвели впечатлѣнія дѣйствія Коновалова?

Злотницкій. Конечно, образъ дѣйствій Коновалова подѣйствовалъ, изгнаніе депутатовъ никто не можетъ одобрить, но все-же, въ данномъ случаѣ, академическія причины не были такъ важны, чтобы стоило устраивать забастовку.

Лесгафтъ. Но развѣ Вы не находили мѣропріятія Коновалова чрезвычайными. Не было развѣ общаго недовольства мѣрами Коновалова?

Злотницкій. Большая часть мѣропріятій была предпринята впослѣдствіи; большинство студентовъ мало знало объ этихъ мѣропріятіяхъ, многое выяснилось только здѣсь на судѣ.

Лесгафтъ. А осенью знали?

Злотницкій. Осенью знали.

Лесгафтъ. Это на Васъ подѣйствовало?

Злотницкій. Конечно, подѣйствовало.

Гливицъ. Что соединяло лицъ, желавшихъ составить оппозицію.

Злотницкій. Я этого хорошо не знаю, самъ въ этомъ кружкѣ не участвовалъ; Вамъ объ этомъ скажутъ другіе.

Гливицъ. Но, если мысль объ оппозиціи была уже раньше, то что могло соединить людей разныхъ политическихъ партій; Вы

сказали, что забастовка имѣла смыслъ только тогда, если-бы причины были политическія; вѣдь людей разныхъ политич. партій могла въ борьбѣ соединить лишь забастовка. Какую еще общую мѣру протеста можно было предложить противъ Коновалова?

Злотницкій. Забастовка вообще нежелательный способъ протеста и для меня не было достаточно серьезныхъ поводовъ. Я лично находилъ, чта та партія, которая послала директору рѣзкую резолюцію, тоже была виновата, а не только одинъ директоръ. Конфликтъ былъ созданъ опредѣленной группой лицъ.

Гливицъ. Позвольте, но вѣдь противъ поступка Коновалова тогда всѣ протестовали?

Злотницкій. Конфликтъ былъ вызванъ опредѣленной группой лицъ—Вамъ это хорошо извѣстно. Я не хочу ихъ упрекать въ преднамѣренности, но образъ дѣйствій этой группы во многихъ вызывалъ недовольство. Когда группа въ 100 чел. вынесла рѣзкую резолюцію и за ней послѣдовала реакція, эта группа не нашла сочувствія среди студ-товъ. Причинъ для этого недовольства много:—малочисленныя сходки стремились каждый разъ вынести резолюцію, какъ можно рѣзче. Старались ввернуть выраженіе: мы требуемъ и. т. д., резолюціи начинались словами: „Мы, студенты Г. и...", число голосовъ, обыкновенно, не указывалось. Вотъ эти причины вызывали неудовольствія и создали оппозицію.

Гливицъ. Если было такое различіе во взглядахъ, то лидеры, значитъ, были людьми опредѣленныхъ направленій и оппозиція была, значитъ, тоже опредѣленнаго направленія?

Злотницкій. Главари лѣвой партіи были, на мой взглядъ, людьми вполнѣ опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій.

Гливицъ. А какого направленія были главари оппозиціи?

Злотницкій. Лѣвая партія имѣла опредѣленн. политич. направленіе, лица же, старавшіеся создать оппозицію, сходились во взглядахъ по нѣкоторымъ, академическимъ вопросамъ, политическія ихъ убѣжденія мнѣ неизвѣстны.

Каминка. Вы говорили о большинствѣ, доказывали, что его не было и что не это заставило Васъ выдѣлиться, и наконецъ, сказали, что, благодаря нѣкоторымъ манипуляціямъ, большинство черезъ нѣсколько дней получилось-бы. Объясните пожалуйста, что Вы подразумѣвали подъ словомъ манипуляціи?

Злотницкій. Я съ удовольствіемъ отвѣчу Вамъ на этотъ вопросъ.— Въ бюллетенѣ № 1 сказано, что было 18 нейтральныхъ и 13 воздержавшихся, эти 13 человѣкъ возбуждали справедливое недоумѣніе

лѣтъ, какъ мы, такъ и они институтъ окончатъ; новые студенты, можетъ быть окажутся лучше насъ, съумѣютъ жить въ мирѣ и выработаютъ лучшія студенческія учрежденія. Въ концѣ концовъ, рѣшили и осенью партіи не образовывать; дѣятельность же Орг. комитета «своб.-д-щихъ» исчерпалась только весенними двумя бюллетенями.

Гессенъ. Каковы были дѣйствительныя причины, заставившія «своб.-д-щихъ» высказаться за экзамены. Была-ли это любовь къ наукѣ или что-либо другое?

Злотницкій. Мотивы отдѣльныхъ лицъ мнѣ неизвѣстны, вообще же причинъ была масса; я не могу указать нѣкоторыхъ:—большинство изъ насъ—студенты старые, потеряно много годовъ. Въ 902 году весь ин-тъ былъ оставленъ на 2-ой годъ, съ 99 года было много забастовокъ по причинамъ политическимъ. Ссора съ директоромъ была недостаточно важна для устройства забастовки. Вѣдь и такъ въ нашемъ отечествѣ всегда можно было ожидать такихъ внѣшнихъ явленій, на которыя послѣдовала бы болѣе умѣстная забастовка. Подтвержденіемъ служитъ нынѣшній годъ.

Лесгафтъ. Значитъ внутреннія причины Вы считали недостаточными для забастовки. По Вашему для забастовки необходимы политическія, а не академическія причины. Развѣ на Васъ не произвели впечатлѣнія дѣйствія Коновалова?

Злотницкій. Конечно, образъ дѣйствій Коновалова подѣйствовалъ, изгнаніе депутатовъ никто не можетъ одобрить, но все-же, въ данномъ случаѣ, академическія причины не были такъ важны, чтобы стоило устраивать забастовку.

Лесгафтъ. Но развѣ Вы не находили мѣропріятія Коновалова чрезвычайными. Не было развѣ общаго недовольства мѣрами Коновалова?

Злотницкій. Большая часть мѣропріятій была предпринята впослѣдствіи; большинство студентовъ мало знало объ этихъ мѣропріятіяхъ, многое выяснилось только здѣсь на судѣ.

Лесгафтъ. А осенью знали?

Злотницкій. Осенью знали.

Лесгафтъ. Это на Васъ подѣйствовало?

Злотницкій. Конечно, подѣйствовало.

Гливицъ. Что соединяло лицъ, желавшихъ составить оппозицію.

Злотницкій. Я этого хорошо не знаю, самъ въ этомъ кружкѣ не участвовалъ; Вамъ объ этомъ скажутъ другіе.

Гливицъ. Но, если мысль объ оппозиціи была уже раньше, то что могло соединить людей разныхъ политическихъ партій; Вы

сказали, что забастовка имѣла смыслъ только тогда, если-бы причины были политическія; вѣдь людей разныхъ политич. партій могла въ борьбѣ соединить лишь забастовка. Какую еще общую мѣру протеста можно было предложить противъ Коновалова?

Злотницкій. Забастовка вообще нежелательный способъ протеста и для меня не было достаточно серьезныхъ поводовъ. Я лично находилъ, чта та партія, которая послала директору рѣзкую резолюцію, тоже была виновата, а не только одинъ директоръ. Конфликтъ былъ созданъ опредѣленной группой лицъ.

Гливицъ. Позвольте, но вѣдь противъ поступка Коновалова тогда всѣ протестовали?

Злотницкій. Конфликтъ былъ вызванъ опредѣленной группой лицъ—Вамъ это хорошо извѣстно. Я не хочу ихъ упрекать въ преднамѣренности, но образъ дѣйствій этой группы во многихъ вызывалъ недовольство. Когда группа въ 100 чел. вынесла рѣзкую резолюцію и за ней послѣдовала реакція, эта группа не нашла сочувствія среди студ-товъ. Причинъ для этого недовольства много:—малочисленныя сходки стремились каждый разъ вынести резолюцію, какъ можно рѣзче. Старались ввернуть выраженіе: мы требуемъ и. т. д., резолюціи начинались словами: „Мы, студенты Г. и...“, число голосовъ, обыкновенно, не указывалось. Вотъ эти причины вызывали неудовольствія и создали оппозицію.

Гливицъ. Если было такое различіе во взглядахъ, то лидеры, значитъ, были людьми опредѣленныхъ направленій и оппозиція была, значитъ, тоже опредѣленнаго направленія?

Злотницкій. Главари лѣвой партіи были, на мой взглядъ, людьми вполнѣ опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій.

Гливицъ. А какого направленія были главари оппозиціи?

Злотницкій. Лѣвая партія имѣла опредѣленн. политич. направленіе, лица же, старавшіеся создать оппозицію, сходились во взглядахъ по нѣкоторымъ, академическимъ вопросамъ, политическія ихъ убѣжденія мнѣ неизвѣстны.

Каминка. Вы говорили о большинствѣ, доказывали, что его не было и что не это заставило Васъ выдѣлиться, и наконецъ, сказали, что, благодаря нѣкоторымъ манипуляціямъ, большинство черезъ нѣсколько дней получилось-бы. Объясните пожалуйста, что Вы подразумѣвали подъ словомъ манипуляціи?

Злотницкій. Я съ удовольствіемъ отвѣчу Вамъ на этотъ вопросъ.— Въ бюллетенѣ № 1 сказано, что было 18 нейтральныхъ и 13 воздержавшихся, эти 13 человѣкъ возбуждали справедливое недоумѣніе

проф. Зернова. Эта цифра изобрѣтена впослѣдствіи.—На сходкѣ 15-го марта о 13 воздержавшихся ни слова не говорилось. Было 18 нейтральныхъ, но воздержавшихся совсѣмъ не было. 2-й манипуляціей были 92 неопрошенныхъ; на самомъ дѣлѣ, неопрошенныхъ было около 60-ти, такимъ образомъ, для того, чтобы получить большинство института, нужно было добрать не одинъ или два, а 10 или 11 голосовъ.

Каминка. Въ такомъ случаѣ, если Вы не находили возможнымъ бороться противъ большинства, боясь манипуляцій, то было бы правильнѣе и корректнѣе бороться противъ манипуляцій, а не нужно было оставлять за собой «свободу дѣйствія»?

Злотницкій. Противъ манипуляцій борьба была; баллотировка однобокая—голоса собирали только сторонники забастовки. На сходкѣ объ этомъ говорили $2^1/_2$ часа. Возбужденіе все увеличивалось, было взаимное раздраженіе, оппозиція себя проявила энергично въ первый разъ, если бы не разошлись, то вѣроятно кончилось бы дракой.

Каминка. Признаете Вы принципъ большинства? Я согласенъ, что постановленіе большинства не можетъ считаться дѣйствительнымъ въ вопросахъ, выходящихъ изъ сферы его компетенціи.

Злотницкій. Мнѣ приходилось бывать и въ большинствѣ, и въ меньшинствѣ и я поступалъ, какъ считалъ нужнымъ и правильнымъ...

Каминка. То есть, когда сами бывали въ большинствѣ, то подчинялись?

Злотницкій. Въ 902 г. былъ въ большинствѣ. Если большинство не насиловало моихъ убѣжденій, то я ему подчинялся.

Каминка. Вопросъ о забастовкѣ входитъ въ компетенцію большинства?

Злотницкій. Въ вопросъ о забастовкѣ входитъ масса постороннихъ вопросовъ и не всегда къ нему можно относиться одинаково.

Каминка. Вы объясняли суду, что вашъ «Ор. ком-тъ» былъ самозваннымъ и неопредѣленнымъ; точно былъ-ли онъ выбранъ на сходкѣ или былъ сформированъ предсѣдателемъ?

Злотницкій. Нѣтъ предсѣдатель его не выбиралъ, это я знаю навѣрное, кружокъ лицъ, выпустившій бюллетени отъ имени «свобододѣйствующихъ» существовалъ тогда, когда «свобододѣйствующихъ» еще не было.

Каминка. Значитъ этотъ «Ор. ком-ъ» дѣйствовалъ неправильно и некорректно, когда издавалъ бюллетени отъ имени „св.д-щихъ".

Злотницкій. Нѣтъ, формально, онъ имѣлъ право издавать бюл-

летени и, формально, былъ правъ, потому—что на сходкѣ было выражено желаніе поручить Ор. к-ту выработать credo и планъ дѣйствій.

Каминка. Значитъ, съ точки зрѣнія формы, Вы не отрицаете комитета?

Злотницкій. Съ точки зрѣнія формы не отрицаю, но важна не форма, а сущность.

Каминка. Вы сказали, что забастовка была не подходящей формой протеста противъ директора, какъ же студ-ты всѣ рѣшили протестовать и противъ протеста никто не говорилъ?

Злотницкій. Да какъ же было говорить, вообще, противъ протеста. Можно ли одобрить изгнаніе депутатовъ?

Каминка. Хорошо, забастовка, какъ протестъ не годится, а была ли Вами предложена другая форма протеста?

Злотницкій. Нѣтъ, кажется, никакія мѣры не предлагались, да, еслибы и предлагали, то они не были бы выслушаны.—Лѣвая партія хотѣла только забастовки.

Грунвальдъ. Я предлагалъ мѣру въ видѣ петиціи. Меня не хотѣли и слушать.

Брушвитъ. Я былъ сборщикомъ голосовъ и самъ представилъ 3-хъ человѣкъ воздержавшихся, одинъ изъ нихъ студентъ IV курса Соколовскій, а двое другихъ первокурсники, фамиліи ихъ я не помню. Так. образ., утверждать, что воздержавшихся не было—не вѣрно.

Злотницкій. На сходкѣ о воздержавшихся ни слова не говорилось.

Брушвитъ. Да я самъ трехъ представилъ.

Злотницкій. Повторяю—на сходкѣ о воздержавшихся не было ни слова.

Соколовъ. Я былъ въ депутаціи, отправленной со сходки къ профессорамъ; мнѣ предсѣдатель сходки Яньковскій, оффиціально, сообщилъ результаты баллотировки для того, чтобы депутаты могли указать цифры профессорамъ. Воздержавшихся совершенно не было.

Батуевъ. Скажите, почему Залеманъ—явный шпіонъ, не подписался подъ вызовомъ къ третейскому суду?

Злотницкій. А почему Вы думаете, что онъ явный шпіонъ?

Батуевъ. Потому—что я самъ видѣлъ, что онъ шпіонилъ.

Злотницкій. А я сильно сомнѣваюсь, что онъ шпіонилъ. Почему не подписался, мнѣ неизвѣстно.

Алексѣевъ. Я прошу судъ обратить вниманіе на слова Батуева.

Предсѣдатель дѣлаетъ замѣчаніе Батуеву.

Долговъ. Скажите, Злотницкій, Вы помните нашу встрѣчу весной во время экзаменовъ?

Злотницкій. Помню; это на Разъѣзжей у 5-ти угловъ.

Долговъ. Помните ли, когда я Вамъ сказалъ, что Вы сдѣлали съ институтомъ, Вы мнѣ отвѣтили, что въ институтѣ теперь можно будетъ заниматься?

Злотницкій. Не помню. Я подтверждаю, что дѣйствительно въ институтѣ было скверно, учиться нельзя было, вообще-же Вы говорили въ невоздержанныхъ выраженіяхъ объ оставшихся въ институтѣ, я же зная Васъ, не счелъ нужнымъ обидѣться по нѣкоторымъ соображеніямъ.

Долговъ. Да, это такъ.

Злотницкій. Я даже кажется неодобрительно отозвался о нѣкоторыхъ ушедшихъ профессорахъ.

Долговъ. Это тоже вѣрно. А помните, что Вы мнѣ отвѣтили, когда я Вамъ сказалъ, „говорятъ, что „свобододѣйств." запятнали себя нехорошими поступками и что Бальди это подтвердилъ"?

Злотницкій. Я не знаю, что я Вамъ отвѣтилъ. Я могъ говорить только по слухамъ.

Долговъ. Вы мнѣ сказали, что это Васъ не касается.

Злотницкій. Возможно, но увѣряю Васъ, что ни о какихъ поступкахъ я ничего не зналъ, а если и зналъ что нибудь, то только по слухамъ.

Долговъ. А помните я Вамъ говорилъ, что списокъ „св.д-щихъ" разсылаютъ по рудникамъ и заводамъ?

Злотницкій. Нѣтъ не помню. Думаю, что Вы мнѣ этого не говорили?

Долговъ. Вы мнѣ даже отвѣтили: „Вы намъ рекламу дѣлаете".

Злотницкій. Можетъ быть, не помню. Это конечно была шутка. Что списокъ разосланъ по заводамъ, я узналъ осенью.

Долговъ. Я это точно помню.

Злотницкій. Можетъ быть, я не спорю. Вы начали съ того, что въ ин-тѣ могутъ оставаться только подлецы—послѣ этого собственно не могло быть разговора, но я зная Васъ и относясь къ Вамъ съ сочувствіемъ не хотѣлъ отвѣтить Вамъ такъ, какъ бы слѣдовало.

Гапѣевъ. Не припомните ли Вы, какимъ образомъ Бальди выдалъ Вамъ билетъ?

Злотницкій. Я уже въ точности разсказывалъ это.

Гапѣевъ. Вы точно помните, что Бальди не обращался къ начальству за разрѣшеніемъ выдать Вамъ билетъ?

Злотницкій. Бальди здѣсь говорилъ, что не выдавалъ безъ разрѣшенія начальства, но я убѣжденъ, что онъ взялъ со стола чистый билетъ, вписалъ тутъ же мою фамилію и выдалъ мнѣ его.

Гапѣевъ. Но къ начальству онъ не обращался?

Злотницкій. Нѣтъ, онъ выдалъ самъ. Можетъ быть онъ и обращался за разрѣшеніемъ, я не знаю, но билетъ онъ тогда же мнѣ выдалъ.

Гапѣевъ. Вы говорите, что у Коновалова произошелъ конфликтъ съ группой въ 100 человѣкъ и что группа не получила поддержки большинства?

Злотницкій. Не получила поддержки въ большинствѣ студенчества.

Гапѣевъ. Вы были на сходкѣ 15 марта?

Злотницкій. Былъ.

Гапѣевъ. За что Вы подавали голосъ: за протестъ или противъ?

Злотницкій. Кажется я не вотировалъ ни за, ни противъ.

Гапѣевъ. Скажите, голосовалъ ли кто либо противъ протеста?

Злотницкій. Кажется, что никто противъ протеста не голосовалъ.

Гапѣевъ. Какимъ большинствомъ было рѣшено добиваться удаленія Коновалова?

Злотницкій. Кажется противъ было 18 голосовъ.

Гапѣевъ. Вы говорили, что у Коновалова произошелъ конфликтъ съ нѣкоторой группой. Какъ же, вѣдь всѣ же студенты выражали порицаніе?

Злотницкій. Конечно, Коновалова никто не хвалитъ.

Гапѣевъ. Значитъ протестъ прошелъ единогласно. Больше мнѣ ничего не нужно.

Злотницкій. Нѣтъ, позвольте, мнѣ кое что нужно. Вы говорите, что протестъ прошелъ единогласно... Вѣдь эти вопросы обыкновенно ставятся такъ: кто за... 40 человѣкъ подымутъ руки. Кто противъ... поднимутъ руки человѣкъ 10—значитъ вопросъ рѣшенъ всѣми противъ 10.

Гапѣевъ. Вы хорошо помните, что были въ ин-тѣ 4-го апрѣля, въ воскресенье?

Злотницкій. Число точно не помню, но билетъ мой помѣченъ 4-ымъ апрѣля. Меня самого это удивляетъ, т. к. 4-го было воскресеніе.

Гапѣевъ. Такъ что Вы, можетъ быть, были не 4-го, а 3-го?

Злотницкій. Нѣтъ, 3-го это не могло быть, т. к. 3-яго въ ин-тѣ еще была сильная вонь отъ обструкціи, а когда я былъ въ ин-тѣ уже слѣдовъ обструкціи замѣтно не было.

Гапѣевъ. Я на это обращаю вниманіе суда потому, что Грунвальдъ говорилъ, будто въ ин-тѣ 4-го никого не было, а оказывается, что даже инспекція работала, не смотря на воскресный день. Это все, что я имѣлъ сказать.

Злотницкій. Нѣтъ, позвольте, я долженъ сказать, что Грунвальдъ говорилъ правду, т. к. кромѣ меня въ ин-тѣ тогда никого не было. Я никого изъ студентовъ не встрѣтилъ. Самъ же я былъ всего 10 минутъ.

Лутугинъ. Вы кажется сказали, что лѣвая партія имѣла опредѣленную политическую окраску и говорили: что противъ нея выступила группа, объединенная академическими интересами. Каковы политическія убѣжденія группы, которую Вы противопоставили лѣвой?

Злотницкій. Я не противопоставлялъ ихъ; я сказалъ что главари лѣвой партіи имѣли опредѣленныя политическія воззрѣнія.

Лутугинъ. Но какіе же политическіе взгляды были въ Вашей группѣ? Т. е. въ той, которая была въ оппозиціи съ лѣвой, изъ т. наз. «правой партіи».

Злотницкій. Я не знаю—въ этой группѣ я не былъ.

Лутугинъ. Но Вы говорили, что образовался кружокъ лицъ, объединенныхъ академич. интересами и что этотъ кружокъ думалъ начать борьбу съ лѣвой партіей.

Злотницкій. Это былъ лишь зародышъ оппозиціи и я не говорилъ, чтобы они объединились на академической почвѣ, это былъ просто кружокъ знакомыхъ между собой студентовъ. Они думали упорядочить студенческія учрежденія.

Лутугинъ. А каковы политическіе взгляды этого кружка?

Злотницкій. Самые, вѣроятно, различные; я ихъ не знаю. Могу говорить только о своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, но думаю, что суду это не интересно.

Алексѣевъ. Кажется г. Гессенъ задалъ Вамъ вопросъ о томъ, не получилъ ли кто изъ желавшихъ подписаться подъ вызовомъ—отказа?

Злотницкій. Да, и я сказалъ, категорически, что такого случая не было.

Алексѣевъ. А Вы не помните разговора про Волкова?

Злотницкій. Не помню. Волковъ отказался отъ «своб-дѣйствую-

щихъ» о немъ написано письмо въ «Руси». Когда мы напечатали нашъ вызовъ, онъ прислалъ Б. М. Алексѣеву письмо, въ которомъ писалъ, что желаетъ выступить на судѣ. Письмо было не ясное. Было непонятно, желаетъ ли онъ выступить съ нашей стороны, или со стороны нашихъ противниковъ, или просто свидѣтелемъ. Б. М. Алексѣевъ послалъ ему запросъ, но запросъ этотъ остался не разъясненнымъ. Въ концѣ концовъ, онъ выступилъ на судѣ въ качествѣ свидѣтеля съ противной стороны.

Гапѣевъ. Съ Вашей стороны категорически говорилось, что списки своб.д-щихъ посылались въ сентябрѣ и октябрѣ и что у Васъ есть доказательства.

Злотницкій. Говорилось, что списки разсылались не подъ горячую руку, какъ думалъ проф. Лесгафтъ. Въ письмахъ представленныхъ мною прошлый разъ суду, говорится что списки посылались изъ Петерб. въ концѣ іюня. Въ 12-мъ протоколѣ г. Гапѣевъ говоритъ, что списки разсылались въ августѣ. Въ 10-мъ Меффертъ говоритъ, что списки разсылались и осенью.

Гапѣевъ. Я позволю себѣ напомнить судьямъ какъ было. Кажется Соколовъ говорилъ, что списки разсылались въ сентябрѣ и октябрѣ и обѣщалъ представить доказательство.

Злотницкій. Ни придирайтесь къ слову...

Соколовъ. Важно не то, что списки разсылались въ сентябрѣ или октябрѣ, я могъ обмолвиться, получались они на заводахъ осенью, а отсюда разсылались не во время экзаменовъ, а значительно позже. Это не былъ необдуманный порывъ. Между расколомъ и разсылкой списковъ прошло 3—4 мѣсяца.

Гапѣевъ. Значитъ я не понялъ. «Свобододѣйств.» ссылались на то, что они не знали про обвиненія и поэтому не реагировали такъ далеко...

Злотницкій. Пока обвиненія были анонимныя, пока они намъ предъявлялись какимъ то неизвѣстнымъ О. К. С. Г. И. мы считали ниже своего достоинства обращать на нихъ вниманіе. Какъ только появлялись конкретныя лица, реагированіе было и достаточно бурное. Вы можете объ этомъ спросить у Лемперта.

Гапѣевъ. Когда Вамъ стало извѣстно, что Вы и другіе занесены въ списокъ партіи «св-дѣй-щихъ?»

Злотницкій. Противъ забастовки, съ оставленіемъ «свободы дѣйствія», я записался самъ 15-го марта, но что я записанъ въ партію и что моя фамилія разослана вмѣстѣ съ другими по рудникамъ и заводамъ я узналъ опредѣленно не раньше августа.

Мефферт. Кажется Вы сказали, что списки разсылались осенью, не разсылались ли они раньше, можетъ быть, только часть была разослана въ августѣ?

Злотницкій. Я знаю, что часть списковъ разсылалась въ августѣ. Зеленцовъ, начальникъ Златоустовскаго округа, получилъ въ августѣ заказнымъ пакетомъ; также Левицкій, начальникъ Горноблагодатскаго округа и др.

Леонтьевъ. Вы не отрицаете, что разсылались и въ августѣ?

Рейнвальдъ. Можетъ быть, кто нибудь разсылалъ по частной инціативѣ, можетъ быть, даже кто либо перепечатывалъ эти списки.

Злотницкій. Этого я не знаю. Я представилъ суду документы, да и Гапѣевъ говорилъ, что списки разсылались въ августѣ. Я сомнѣваюсь, чтобы кто либо не изъ горнаго міра занялся перепечатываніемъ.

Пилетичъ. Въ 20-хъ числахъ апрѣля нѣсколько человѣкъ студентовъ изъ Варшавы, меня спрашивали, можно ли перепечатывать списки и распространять ихъ. Я сказалъ: «сдѣлайте одолженіе, только перепечатывайте правильно».

Рейнвальдъ. Быть можетъ часть списковъ разсылалась по частной инціативѣ?

Злотницкій. Да вѣдь Вы это голословно утверждаете. Я же представилъ документы.

Воскресенскій. Не согласится ли свидѣтель подтвердить, что и въ 902 г. были нейтральные, которые присоединились къ большинству ин-та и что вопросъ о нейтральныхъ поднимался и въ прежніе годы и что ихъ всегда присоединяли къ большинству ин-та.

Злотницкій. Да, нейтральные всегда бывали. Это люди, которые настолько уважаютъ принципъ большинства, что не высказываются до тѣхъ поръ, пока большинство не получится. Тогда они примыкаютъ къ большинству ин-та и усиливаютъ его. За это имъ обыкновенно доставалось отъ тѣхъ и другихъ. Ихъ на каждой сходкѣ ругали обѣ стороны, но они оставались вѣрны своему принципу.

Гапѣевъ читаетъ бюллетень № 1-й 902 г. *

Леонтьевъ. Я хотѣлъ бы предложить вопросъ кому нибудь изъ Орг. к-та для того, чтобы устранить разногласіе, когда разсылались списки. Принимаютъ ли эти господа, что списки разсылались только подъ горячую руку, или сознательно и если подъ горячую, то берутъ ли ихъ обратно?

Гапѣевъ. Орг. ком. кончилъ свое существованіе въ 20-хъ числахъ апрѣля; дѣло кончилось тогда, когда ин-тъ былъ разгромленъ, когда

страсти были въ апогеѣ, когда «своб.-д щіе» пѣли свою побѣдную пѣснь. Въ это время явились нѣсколько невоздержанныхъ бюллетеней, а также и списокъ и тогда не было постановлено его разослать. Весь вопросъ когда и при какихъ условіяхъ была рѣшена разсылка. Разсылался онъ нѣсколькими лицами. Печатаніе и разсылка сопровождались огромными затрудненіями. За одно нахожденіе валика мимеографа сажали и ссылали. Поэтому разсылка задержалась; начали разсылать въ концѣ мая, разсылали въ іюнѣ, іюлѣ и кончили въ началѣ августа.

Леонтьевъ. Я считаю, что не получилъ отвѣта на свой вопросъ. Я хотѣлъ бы знать, подтверждаетъ ли организаціонный ком. заголовокъ списка или онъ дѣйствовалъ, такъ сказать, въ состояніи аффекта. Былъ ли это порывъ чувства, или сознательное освѣщеніе фактовъ? Правильно ли составленъ заголовокъ? Да, или нѣтъ?

Гапѣевъ. Рейнвальдъ прошлый разъ сказалъ, что и теперь была бы такая же разсылка, но заголовокъ былъ бы болѣе идейный. Было бы сказано рѣзче, но опредѣленнѣй.

Леонтьевъ. Правда это или нѣтъ. Вѣдь, можетъ быть, все это окажется не вѣрно и тогда мы тутъ же на судѣ объяснимся?

Рейнвальдъ. Правда: Орг. к-тъ неправды не пишетъ.

Каминка. Это вѣдь вопросъ не только къ Орг. к-ту, а ко всѣмъ студентамъ, привлеченнымъ къ суду. Вы неправильно ставите вопросъ.

Предсѣдатель. Рѣчь идетъ, какъ и когда; мнѣ кажется, что отвѣтъ ясный.

Леонтьевъ. Я прошу объяснить—аффектъ это или нѣтъ?

Алексѣевъ. Намъ важно разъяснить, дѣйствовали ли люди сознательно или подъ вліяніемъ раздраженія, т. е. могутъ ли они и сейчасъ подтвердить правильность обвиненій и поддерживаютъ ли они ихъ теперь во всей ихъ силѣ. Если то былъ аффектъ, то, можетъ быть, теперь они отъ своихъ обвиненій откажутся; для чего они стараются доказать, что списокъ разсылался не въ августѣ, а въ іюнѣ. Можетъ быть, для того, чтобы указать на смягчающія обстоятельства, объяснить разсылку аффектомъ. Вотъ, что намъ важно выяснить.

Каминка. Я настаиваю на своемъ правѣ дать объясненіе. Какъ дѣйствовалъ Орг. к-тъ—это его дѣло. Студенты участвуютъ, какъ сторона, и говорятъ, что текстъ былъ бы теперь составленъ немного иначе. Обвиненіе было бы рѣзче и опредѣленнѣй. Изъ этого еще не значитъ, что его не было бы и не было бы разсылки, и это не есть заявленіе, что дѣйствовали подъ вліяніемъ аффекта.

Гапђевъ. Я протестую противъ невѣрнаго пониманія моихъ словъ Алексѣевымъ. Я не старался доказать, что списки разсылались въ іюнѣ, въ крайнемъ случаѣ, въ іюлѣ. Я даже сказалъ сейчасъ, что это невозможно и что я только, съ физической стороны, стараюсь это установить. Важенъ не моментъ разсылки, а моментъ составленія списка и рѣшенія его разослать. А это, какъ я уже сказалъ было въ концѣ апрѣля.

Зерновъ. Въ какомъ количествѣ былъ отпечатанъ списокъ; большое число было заготовлено и разослано Орг. к-тъ?

Гапђевъ. Списокъ былъ составленъ и напечатанъ Орг. к-мъ, затѣмъ было поручено воспроизведеніе и разныя подготовительныя манипуляціи отдѣльнымъ лицамъ. Изготовленіе трафаретокъ, покупка восковой бумаги при Плеве была затруднительна. Если на квартирѣ находили мимеографъ, то ссылали. Изготовлено было, кажется 900 экземпляровъ. Разослали около 100, или 96. Часть осталась.

Зерновъ. Этотъ списокъ былъ составленъ около 20-го апрѣля?

Гапђевъ. Нѣтъ, позже. Около 20-го апрѣля кончились выпуски бюллетеней.

Зерновъ. Значитъ списокъ составлялъ Орг. к-тъ?

Гапђевъ. Да.

Зерновъ. А разсылали отдѣльныя лица? По порученію Орг. к-та? А списокъ, кому разсылать, былъ составленъ раньше?

Гапђевъ. Орг. к-мъ были выбраны лица, часть была, вѣроятно, изъ желавшихъ получить списки для распространенія; кому разсылать, рѣшилъ Орг. к-тъ. Были инженеры, желавшіе получить.

Зерновъ. Списокъ своб.-д-щихъ, отдѣльно отъ записки профессоровъ, не разсылался?

Гапђевъ. Нѣкоторымъ, кажется 10 лицамъ, послали и статьи Амфитеатрова, другимъ же записку профессоровъ и списокъ вмѣстѣ.

Зерновъ. А отдѣльно проскрипціон. списокъ никому не полагался?

Гапђевъ. Мнѣ такой фактъ неизвѣстенъ.

Зерновъ. Это рѣшалъ Орг. к-тъ?

Гапђевъ. Постановлено было разослать съ запиской профессоровъ. Такъ рѣшилъ Орг. к-тъ.

Соколовъ. Скажите, пожалуйста, своб.-д-щіе, какъ Вы ихъ понимали, были 1-й разъ въ 904 г., или были и раньше.

Злотницкій. Нѣтъ, были и раньше. Даже въ 99 г. были 3 лица, не желавшихъ подчиниться большинству, но впослѣдствіи подчинившихся. Затѣмъ не подчинившіеся были и въ 902 г., да и я самъ на одной изъ курсовыхъ сходокъ 902 г. сдѣлалъ мотивиро-

ванное заявленіе, что Орг. ком-ту подчиняться не буду и буду руководствоваться собственнымъ разумомъ. Я бы могъ выяснить руководившіе мною мотивы, но это было бы долго. Я, конечно, не говорилъ, что оставляю за собой „свободу дѣйствій", но вѣдь не въ этой фразѣ дѣло.

Мефферть. Кому Вы заявляли объ этомъ?

Злотницкій. На курсовой сходкѣ, председателю.

Соколовъ. Не разскажите ли Вы о нѣкоторыхъ попыткахъ реагировать на обвиненіе осенью?

Злотницкій. Пока обвиненія были анонимными, мы молчали, но вотъ на одной изъ сходокъ Лемпертъ и, кажется, Смирновъ заявили, что всѣ «своб.-д-щіе» шпіоны. Послѣ этого Лемпертъ имѣлъ объясненіе съ нѣсколькими лицами. На прямые вопросы не пожелалъ отвѣтить и 2 раза подвергся физическому воздѣйствію. Онъ былъ 1-мъ обвинителемъ.

Гапѣевъ. Я былъ первый.

Злотницкій. О Васъ я не знаю. Затѣмъ и я тоже обращался къ Лемперту, но онъ мнѣ не хотѣлъ отвѣтить. Тогда я отправился на сходку, объяснилъ, какъ записался въ «своб.-д-щіе» и проч., о чемъ я уже говорилъ на судѣ, мнѣ даже не хотѣли дать слова и только тогда разрѣшили говорить, когда я обратился къ чувству справедливости. Сходка, на которой было человѣкъ 60, вѣроятно, желая меня оскорбить, выбрала предсѣдателемъ Лемперта. Я просилъ предъявить мнѣ обвиненія, обращалъ вниманіе на то, что Орг. комитетъ поступилъ не хорошо, что я не чувствую за собой никакой вины, не желаю оправдываться и полагаю, что студенчество должно разобрать поступокъ Орг. комитета. Мнѣ въ отвѣтъ предложили уйти, что я и сдѣлалъ. Потомъ меня окружила группа студентовъ, преимущественно первокурсниковъ, они выражали мнѣ свое сочувствіе, удивлялись что мы такъ долго молчимъ и т. п. Со сходки мнѣ сообщили, что въ корпорацію будутъ принимать только послѣ унизительнаго отреченія отъ партіи. На это я не согласился.

Марковъ. Я былъ близокъ къ Лемперту и наблюдалъ всю «травлю», которую вели противъ него «своб.-д-щіе». Способомъ воздѣйствія они избрали мордобитіе. Я долженъ заявить, что Лемпертъ говорилъ: «вся группа «своб.-д-щихъ» шпіонская», а не говорилъ, что всѣ «своб.-д-щіе» шпіоны,—это была разница.

Злотницкій. На одномъ изъ 1-хъ засѣданій Вы говорили, что не различаете шпіоновъ, доносчиковъ, и услужливыхъ людей, а теперь Вы въ этихъ понятіяхъ проводите такую тонкую классификацію, которую я отказываюсь понимать.

Гливицъ. Не можете ли Вы подтвердить, что и въ 902 году лица не желавшіе подчинится были тѣ же что и въ 904 году?

Злотницкій. Нѣтъ, не тѣ же самыя. Нѣкоторыя лица были можетъ быть и тѣ же, но въ общемъ это не вѣрно.

Гливицъ. Но Вы согласны, что «своб.-щіе» всегда были противъ забастовки?

Злотницкій. Съ этимъ я не согласенъ, много лицъ—теперь «своб.-д-щихъ», раньше были за забастовку. Нечаевъ напр. всегда былъ за забастовку, въ 902 г. онъ, Воскресенскій, Фойгтъ, Макаровъ и многіе другіе были уволены изъ ин-та. Въ 901 году и я былъ за забастовку.

Зерновъ. Группа «своб.-д-щихъ», какъ бы она ни образовалась, сознательно или нѣтъ, рѣшила не подчиняться большинству вообще, или только на этотъ разъ?

Злотницкій. Безусловно, не подчиняться—только на этотъ разъ и это на сходкѣ знали.

Зерновъ. Но вѣдь этотъ кружокъ лицъ, который составлялъ оппозицію, и потомъ вошелъ въ Орг. комитетъ, вѣдь онъ раньше старался организовать свое большинство. Мнѣ не ясно, какъ же это они сами не хотѣли подчиниться большинству?

Злотницкій. Я не знаю, весь ли этотъ кружокъ вошелъ въ группу «своб.-д-щихъ», но часть ихъ вошла, въ виду того, что лица желавшія составить свое большинство были недовольны существовавшими въ ин-тѣ порядками, естественно, что большая часть ихъ оказалась среди неподчинившихся стремленіямъ господствовавшей партіи. А т. к. лица эти были наиболѣе энергичными, то они и образовали Орг. комитетъ.

Зерновъ. Не было ли личнаго раздраженія между лицами одной и другой партіи?

Злотницкій. Безусловно было. Въ особенности по поводу дѣлъ о шпіонствѣ; напр. противъ Матвѣева, неосновательно обвинившаго 3 лицъ въ шпіонствѣ и за это не наказаннаго, многіе страшно были раздражены.

Рейнвальдъ. Вѣдь Матвѣевъ, все это время, сидѣлъ въ тюрьмѣ. Не согласитесь ли подтвердить, что Матвѣевъ никакого участія въ Коноваловскомъ конфликтѣ не принималъ.

Злотницкій. Подтверждаю, я его привелъ какъ случайный примѣръ. Нацвалова многіе прямо видѣть не могли.

Гапѣевъ. Вы участвовали въ группѣ патріотовъ. Какъ вели

себя въ этой группѣ лица, вошедшіе потомъ въ Орг. комитетъ «своб. д-щихъ»?

Злотницкій. Я въ патріотической исторіи никакого участія не принималъ, пожертвовалъ 1 р. на флотъ и больше ничего.

Гапьевъ. У группы патріотовъ былъ Орг. комитетъ, что это тотъ же Орг. комитетъ, что у «своб.-д-щихъ» или другой?

Злотницкій. Право не знаю, можетъ быть приблизительно и тотъ же. Оппозиціонный кружекъ существовалъ, если не ошибаюсь, нѣсколько лѣтъ.

Перерывъ.

Кутыринъ. Обвиненіе въ неподчиненіи большинству и внесеніе раскола въ студенческую среду, по моему мнѣнію, наиболѣе основательно изъ обвиненій, предъявляемыхъ къ намъ. Въ виду предъявленія такого обвиненія, я считаю необходимымъ указать, что принципъ большинства былъ нарушенъ еще въ 1902 году. Забастовка тогда была рѣшена, по чисто политическимъ причинамъ. Одинъ изъ студентовъ, кажется даже предсѣдатель сходки Романовъ, выступилъ тогда на послѣдней сходкѣ, принявшей забастовку, съ предложеніемъ сжечь на подъѣздѣ института «временныя правила Ванновскаго», которыя министръ предложилъ нашему директору ввести въ институтѣ. Надо оговорить, что эти правила были уже отвергнуты студентами, какъ неподходящія къ строю нашего института. Не смотря на это, нѣкоторая группа лицъ выступила съ предложеніемъ сжечь ихъ, повидимому для того, чтобы высшимъ сферамъ впредь было не повадно вводить что нибудь въ институтъ. Сходка весьма многочисленная на этотъ разъ отнеслась отрицательно къ этому предложенію, потому, что это было бы демонстраціей внѣ стѣнъ института, чего до того времени въ институтѣ не бывало. Протестъ противъ этого предложенія былъ настолько ясенъ, что предсѣдатель даже не ставилъ этого вопроса на баллотировку. Формально нарушенія можетъ быть и не было, такъ какъ баллотировки не было и число голосовъ было неизвѣстно, однако для присутствовавшихъ на сходкѣ было совершенно очевидно общее нежеланіе. Не смотря на это общее нежеланіе, тотчасъ послѣ сходки раздались голоса, приглашавшіе произвести сожженіе и группой, не менѣе 50, привела это въ исполненіе. Это торжество привлекло вниманіе министра на институтъ и послѣдствія были крайне тягостны. Министръ желалъ непремѣнно эту исторію разслѣдовать и Совѣтъ, подъ вліяніемъ требованій министра, рѣшилъ разослать опросные листки; текстъ ихъ уже извѣстенъ. Мѣра эта, какъ здѣсь уже выяснилось, была выработана нѣкоторыми чле

нами Совѣта и не смотря на это комитетъ предложилъ студентамъ не отвѣчать. Говорятъ, что комитетъ былъ арестованъ и эта мѣра не имѣла успѣха только по этому. Насколько мнѣ извѣстно, была арестована только часть комитета; во всякомъ случаѣ Романовъ, бывшій предсѣдатель сходки и организаторъ комитета, былъ на свободѣ, имѣлъ возможность и долженъ былъ принять мѣры къ тому, чтобы эта мѣра прошла—сдѣлано же этого не было. Послѣ этой неудачной мѣры, министръ взялъ управленіе институтомъ въ свои руки, и по его приказанію директоръ приглашалъ въ институтъ по курсамъ, для дачи личныхъ объясненій. Громадное количество студентовъ не пожелало отвѣчать директору и за это было уволено болѣе 300 человѣкъ. Уволенные собирались по указанію комитета къ институту для обструкціи, но на это рѣшимости не хватило и обструкція была предотвращена, благодаря увѣщаніямъ проф. Долбни и Баумана, за которыя они подверглись оскорбленіямъ. Уволенные скоро разъѣхались изъ Петербурга и студенты успокоились. Совѣтъ нашелъ, что не слѣдовало устраивать экзаменовъ и почти всѣ студенты не были допущены по чисто педагогическимъ соображеніямъ. Еще до этого времени я нѣсколько разъ пытался выяснить себѣ взглядъ профессоровъ; нѣсколько разъ разговаривалъ съ ними но, благодаря ихъ дипломатичности въ разговорахъ, мнѣ это совершенно не удалось. Тогда я обратился къ Яковлеву и на мой вопросъ онъ отвѣтилъ, что въ случаѣ назначенія экзаменовъ онъ, какъ профессоръ, будетъ экзаменовать; идти же или не ходить на экзамены предоставляетъ на усмотрѣніе самихъ студентовъ. Экзамены все-таки состоялись, хотя держало очень немного лицъ. Когда студенты были уволены, то комитетъ предложилъ всѣмъ студентамъ подать прошенія объ обратномъ пріемѣ. По этому поводу имѣется весьма характерный бюллетень, который указываетъ, что обычное право организатора комитета совершенно неопредѣленно: «12 марта 34 день забастовки. На засѣданіи комитета 8 марта, когда говорилось о подачѣ прошеній для обратнаго пріема, не было отвѣтственнаго организатора, первый совершенно разошелся съ мнѣніемъ собранія. Отвѣчая вообще за дѣйствія комитета, какъ лицо, оффиціально выбранное на сходкѣ, онъ не можетъ взять на себя отвѣтственность и потому приглашаетъ новый составъ. Вновь сърганизовавшійся комитетъ отмѣняетъ постановленія стараго и предлагаетъ прекратить подачу прошеній, а подавшимъ ихъ, взять обратно изъ канцеляріи, впредь до разрѣшенія общей сходки».

Далѣе комитетъ въ бюллетенѣ призываетъ студентовъ произвести обструкцію въ случаѣ нарушенія постановленія забастовки. Когда рѣшались забастовки въ 1901 и 1902 году непремѣнно поднимался вопросъ и объ обструкціи; на это слышались возраженія, что до сихъ поръ нарушенія постановленій у насъ не бывало и что говорить объ этомъ и вырабатывать карательныя мѣры совершенно излишне; что если будетъ нарушеніе, тогда и можно будетъ говорить объ этомъ. На основаніи этого, вопросъ объ обструкціи снимался съ обсужденія. Мефферть говорилъ здѣсь, что въ 1899 году была выработана инструкція для организаціи комитета и что комитету принадлежитъ право обструкціи; можетъ быть въ 1899 году инструкція вырабатывалась, но во всякомъ случаѣ эта инструкція, извѣстная, быть можетъ, студентамъ 1899 года, ни разу не обсуждалась ни въ 1901, ни въ 1902 году и была совершенно неизвѣстна громадному большинству студентовъ. Я не считаю для себя обязательнымъ согласоваться съ этой инструкціей. Вообще, принимая во вниманіе разговоръ объ обструкціи на сходкахъ, я могу прямо утверждать, что право постановить обструкцію могло принадлежать только всѣмъ студентамъ и никому другому. Но если даже признать право обструкціи за комитетомъ, то въ 1903—1904 году комитетъ обязанъ былъ примѣнить ее въ случаѣ нарушенія большинства и не имѣетъ права руководиться своими какими то соображеніями гуманности, а между прочимъ изъ всѣхъ показаній отъ имени комитета, данныхъ здѣсь, отрицавшихъ, что обструкція предпринята комитетомъ, совершенно нельзя понять, считалъ ли комитетъ это право обструкціи принадлежащимъ себѣ. Я указываю на все это, чтобы отмѣтить полную неясность въ понятіяхъ обычнаго права. Въ 1902 году расколъ среди студентовъ былъ полный, но обструкція не примѣнялась. Перейду теперь къ событіямъ 1903—1904 года. Въ самомъ началѣ происходили сходки по дѣлу трехъ шпіоновъ. Дѣло это весьма характерно для нашей институтской атмосферы и говорилось о немъ уже много. Я укажу только, что еще лѣтъ пять-шесть назадъ, когда въ институтѣ только стала проявляться корпоративная жизнь, тотчасъ же начала развиваться подозрительность. Хранитель музея Н. П. Покровскій разсказывалъ мнѣ такой случай. Однажды у него былъ приватъ-доцентъ университета (фамиліи не помню); въ институтѣ, въ этотъ день, была сходка, студенты выходили со сходки; Покровскій со своимъ гостемъ вышли на площадку лѣстницы передъ музеемъ, услыхавъ шумъ и смотрѣли на проходившихъ. Покровскій ушелъ изъ института. Спустя нѣко-

торое время, онъ вернулся опять и тогда сторожъ говорилъ ему, что нѣсколько студентовъ и особенно одинъ усиленно распрашивалъ его, кто былъ у Покровскаго. Со временемъ эта подозрительность развивалась и на сходкахъ по дѣлу трехъ шпіоновъ. Слѣдуетъ уже отмѣтить, крайне любопытное поведеніе одного студента: онъ читалъ свою записную книжку. въ которую годъ или два онъ заносилъ подозрительные поступки и слова Грабовскаго. Эта шпіономанія была отмѣчена въ такъ называемой «жалостной книгѣ». Тамъ появилась замѣтка, въ свое время заинтересовавшая очень многихъ студентовъ, что приставъ Ямбургскаго уѣзда переводится къ намъ въ институтъ для производства слѣдствія по дѣламъ особо важнымъ о шпіонствѣ.

Гессенъ. Что это за «жалостная книга?»

Кутыринъ. Книга столовой коммисіи для занесенія претензій по поводу стола. Эта книга потомъ была заполнена остротами и юмористическими статьями на злободневныя темы институтской жизни. Крупнымъ событіемъ институтской жизни былъ Лебедевскій инциндентъ. Ни на сходкахъ по этому поводу, ни здѣсь на судѣ осталось совершенно не выясненнымъ изъ за чего собственно возникъ этотъ инциндентъ. На сходкахъ говорили, что Бальди что-то сорвалъ, но что именно сорвалъ Бальди, это оставалось неизвѣстнымъ; на сходкахъ объ этомъ не говорили, хотя лица, завѣдывавшія буфетомъ, вѣроятно, объ этомъ знали. Въ дѣйствительности, дѣло началось изъ за срыванія, но началомъ инциндента почему-то считаютъ то, что Лебедевъ повѣсилъ свое объявленіе «по причинамъ доселѣ неизвѣстнымъ», какъ объ этомъ говорится въ запискѣ 6 профессоровъ. На первой же сходкѣ по этому поводу Бокій выступилъ съ предложеніемъ разбить стекло, разорвать объявленіе и разорванное отнести Лебедеву. Яньковскій возразилъ на это, что Лебедевъ членъ профессорской корпораціи и примѣнять къ нему такія мѣры, даже не спросивъ его о причинахъ его поступка, совершенно невозможно. Можетъ быть благодаря возраженію Яньковскаго, можетъ быть благодаря дикости предложенія Бокія, это не прошло и были посланы депутаты; въ число ихъ вошелъ и Бокій. Я прекрасно помню, что тонъ резолюціи былъ далеко не смирный. Впечатлѣніе мое объ этой сходкѣ— нѣкоторая группа лицъ была въ боевомъ настроеніи и о мирѣ разговора не было. Понятно почему Лебедевъ могъ оскорбиться тономъ.

Рейнвальдъ. Резолюціи никакой не было, я былъ самъ предсѣдателемъ сходки.

Предсѣдатель. Не перебивайте... Вѣдь это уже намъ извѣстно. Вы повторяете.

Кутыринъ. Вы слышали объ этомъ отъ нашихъ противниковъ, которые при разсказѣ давали другое освѣщеніе, чѣмъ я.

Предсѣдатель. Ваши противники—Ваши товарищи...

Кутыринъ. Зная настроеніе нѣкоторыхъ лицъ на сходкѣ, я вполнѣ понимаю, что Лебедевъ могъ оскорбиться тономъ резолюціи. Послѣ возвращенія депутатовъ, на сходку пришли Долбня и Бауманъ и Долбня заявилъ, что сейчасъ собирается экстренное засѣданіе совѣта и просятъ студентовъ придти, для улаженія инцидента съ Лебедевымъ. Я лично думаю, что многіе студенты были весьма рады уладить дѣло къ обоюдному удовольствію. Депутатовъ послали безъ всякихъ инструкцій и поэтому они не имѣли права ничего говорить отъ лица студентовъ, ни о какихъ опасеніяхъ въ виду назначенія новаго директора. Результатъ этого совѣщанія: свободное вывѣшиваніе объявленій въ буфетѣ. Рейнвальдъ говорилъ, что на совѣщаніи былъ возбужденъ вопросъ о правѣ вывѣшивать объявленія до 4 часовъ, по словамъ Рейнвальда депутаты не имѣли права касаться вопроса о 4 часахъ, такъ какъ не имѣли полномочій. Въ дѣйствительности, никакихъ полномочій и не давали.

Рейнвальдъ. Я этого не говорилъ, хотя повидимому Вы цитируете мои слова.

Кутыринъ. Посмотрите въ протоколъ.

Рейнвальдъ. Это я Вамъ предлагаю.

Кутыринъ. Я уже смотрѣлъ, говорю такъ, какъ я знаю. Изъ словъ депутатовъ, сказанныхъ на сходкѣ, я самъ получилъ впечатлѣніе, что условились о срокѣ. Представленіе о срокѣ было не только у студентовъ, такъ какъ и Бауманъ писалъ объ этомъ же въ «Руси». Повторяю, что студенты, когда выбирали депутатовъ, были убѣждены, что предстоитъ экстренное совѣщаніе Совѣта. Поэтому крайне странно, что на этомъ экстренномъ Совѣтѣ не было предсѣдателя, какъ говорилъ Рейнвальдъ. Когда Долбня приходилъ на сходку, то онъ говорилъ о надвигающемся, въ лицѣ новаго директора, режимѣ и изъ этихъ словъ можно было съ полнымъ правомъ вывести заключеніе, что предстоитъ эта борьба съ директоромъ. Вернувшіеся депутаты тоже говорили въ этомъ духѣ и предложили избрать представителей студентовъ, для совмѣстнаго вмѣстѣ съ профессорами обсужденія положенія студенческихъ дѣлъ. Были выбраны прежде всего 4 предсѣдателя постоянныхъ коммисій; тотъ кто зналъ студенческую жизнь, тотъ

ясно могъ видѣть, что разногласія между этими лицами не будетъ и что они поведутъ свою линію: всѣ коммисіи въ это время были въ рукахъ одной опредѣленной партіи. Большинство студентовъ относясь крайне индифферентно къ общественной жизни въ институтѣ, быть можетъ, даже не обратило вниманія на этотъ подборъ. О чемъ говорили эти представители съ профессорами и каковы результаты этого совѣщанія, объ этомъ осталось совершенно неизвѣстно студентамъ, такъ какъ сходки по этимъ весьма важнымъ вопросамъ не собирались. Въ связи съ этимъ вопросомъ о студенческихъ учрежденіяхъ упомянуто еще о коммиссіи подъ предсѣдательствомъ Коновалова. О томъ, что эта коммиссія существуетъ, было извѣстно по слухамъ. Профессоръ Бауманъ говорилъ, что члены этой коммиссіи совѣщаются со студентами, но съ кѣмъ именно—осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ никакихъ представителей для этой коммиссіи не выбирали, то по моему не было основаній считать ихъ мнѣнія, исходящими отъ всѣхъ студентовъ. Между прочимъ Коновалову ставятъ въ вину, повидимому главную предполагавшуюся имъ реформу — «тайную баллотировку»; но мое личное мнѣніе, что закрытая баллотировка была бы у насъ крайне желательна, такъ какъ я знаю къ какимъ послѣдствіямъ приводила выборная система въ институтѣ; обо всемъ происходившемъ на сходкахъ ни разу не говорилось и кто велъ эти совѣщанія съ профессорами намъ совершенно неизвѣстно и сейчасъ. Кто-то совѣщался и вершилъ дѣла. Расколъ въ 1903—1904 году начался съ такъ называемой патріотической исторіи вскорѣ послѣ вступленія Коновалова. Однажды, въ курилкѣ, было вывѣшено объявленіе о назначенной на 10-ое февраля полномочной сходкѣ. Въ институтѣ повидимому придерживались представленія о полномочной сходкѣ, какъ о назначенной сходкой же и собранной по спеціальнымъ повѣсткамъ. Въ объявленіи же о сходкѣ, назначенной на 10-ое февраля говорилось, что она будетъ полномочной, потому-что объявлена за недѣлю. Толкованіе это было совершенно произвольно и въ томъ я вижу, какъ легко могло примѣняться въ институтѣ обычное право; измѣненіе это продолжалось, даже здѣсь, въ заявленіи Гапѣева о полномочныхъ сходкахъ, сдѣланномъ имъ на 5-омъ засѣданіи. Дѣйствительно на эту сходку приглашенія разсылались, но это было сдѣлано по иниціативѣ отдѣльной группы, а не по порученію сходки. Поэтому то и нельзя эту сходку считать полномочной. Предметъ сходки—вопросъ чисто принципіальный объ отношеніяхъ къ манифестантамъ и говорить здѣсь объ обязательности рѣ-

шеній, хотя бы и полномочной сходки, по меньшей мѣрѣ странно. Особое мнѣніе, я считаю, здѣсь могло имѣть болѣе мѣста, чѣмъ когда либо. Резолюція была вынесена отъ всего Горнаго института, хотя въ ней и указывалось число голосовавшихъ. Тогда отдѣлилась группа лицъ, не признававшая для себя обязательнымъ постановленіе сходки и подъ той резолюціей подписалось 176 человѣкъ. За резолюцію общей сходки было, кажется, 222 голоса. Эти два числа почти равносильны, если принять еще во вниманіе 20 голосовъ, высказавшихся на общей сходкѣ противъ ея резолюціи. Во всякомъ случаѣ, резолюція 222 не является мнѣніемъ всего института только для того, кто знаетъ, что въ институтѣ болѣе 600 человѣкъ, но не знающему могла по формѣ своей казаться исходящей отъ всего института. Отдѣленіе 176 явилось важнымъ факторомъ для дальнѣйшаго раскола въ институтѣ. Вообще же резолюціи малочисленныхъ сходокъ у насъ безъ стѣсненія выставлялись, какъ рѣшеніе всего института и вызвали опять протестъ уже въ текущемъ году. Въ институтѣ было вывѣшано заявленіе Степаницкаго по этому поводу. Читаю выдержку: «Резолюція всѣхъ сходокъ упорно молчать о числѣ участниковъ сходокъ, хотя бы весьма малочисленныя и неизмѣнно начинающихся словами: «Мы студенты Горнаго института, собравшись такого-то числа, постановили...» Въ заявленіи (приложенномъ полностью къ дѣлу *) говорится о сходкѣ 8 декабря 1904 года по вопросу о принятіи въ корпорацію и о сходкѣ 16 декабря, созванной для выбора третейскихъ судей. Упомяну еще эпизодъ, относящійся къ этому же времени. Въ курилкѣ было вывѣшено объявленіе о сборѣ на нагайки. Это объявленіе сорвалъ Новожиловъ. Придя утромъ въ курилку, я читалъ это объявленіе, было еще нѣсколько человѣкъ; подошелъ Новожиловъ прочиталъ, съ возмущеннымъ лицомъ сорвалъ, разорвалъ и бросилъ его на полъ. Здѣсь говорили, что Новожиловъ снялъ объявленіе съ позволенія его автора—я присутствовалъ при этомъ, видѣлъ все происшедшее и могу прямо сказать, что для очевидцевъ былъ вполнѣ ясенъ поступокъ Новожилова, и то, что онъ сдѣлалъ это безъ всякаго позволенія. Характерно то, что столовая коммиссія, завѣдывавшая и буфетомъ, никакихъ репрессій, по отношенію къ Новожилову, не предпринимала. Прежде чѣмъ говорить о Коноваловскомъ конфликтѣ я отмѣчу что Коноваловъ былъ выбранъ или по крайней мѣрѣ намѣченъ Совѣтомъ. Кажется, въ декабрѣ мѣсяцѣ, я былъ у ассистента института Скочинскаго и отъ него узналъ о кандидатурѣ Коновалова. Я

зналъ Коновалова, какъ лектора, но въ то же время зналъ о его репутаціи въ средѣ студентовъ университета, поэтому я высказалъ свои предположенія, что студенты отнесутся съ неудовольствіемъ къ этому. Я спросилъ извѣстна ли профессорамъ возможность этого недовольства студентовъ. Скочинскій сказалъ, что вѣроятно это извѣстно, и что Совѣтъ надѣется на тактъ Коновалова, который дастъ ему возможность ладить со студентами и профессорами. Конечно и профессорамъ были извѣстны опасенія студентовъ, какъ это выяснилось теперь. Интересно отмѣтить еще то, что ни на одной сходкѣ не говорилось о выборѣ Коновалова Совѣтомъ, хотя можно думать, что профессора говорили объ этомъ студентамъ, когда тѣ высказывали свои опасенія по поводу Коновалова. Конфликтъ начался съ «проникновенія» Коновалова въ буфетъ, но «проникалъ» туда не одинъ Коноваловъ, а и хозяйственная коммиссія. Мнѣ нѣсколько непонятно, почему примѣняется такое страшное выраженіе «проникъ». Послѣ сорванія портрета Бебеля, настроеніе сразу сдѣлалось тревожнымъ. Профессоръ Долбня говоритъ, что онъ сразу не вошелъ въ курсъ дѣла и не могъ предвидѣть послѣдствій. Между тѣмъ по словамъ самихъ же профессоровъ студенты нѣсколько разъ высказывали имъ опасенія свои по поводу Коновалова (см. зап. 6—7 профессоровъ стр. 2 и въ протокол.) Совершенно непонятно поэтому, почему профессора не могли предвидѣть событія; студенты съ 3-го по 15-ое марта пять разъ собирались на сходки — профессора все входили въ курсъ дѣла и на сходку никто изъ нихъ не приходилъ, кто-то совѣщался съ профессорами, отношенія на сходкѣ обострялись и 15-го марта примирять было уже поздно. Казалось бы, что профессора, выбравъ Коновалова, могли явиться посредниками. Однако нѣкоторые студенты были освѣдомлены, что профессора ходили къ Коновалову, но на сходкахъ объ этомъ ни разу никто не говорилъ. Резолюціи выносились далеко не мирнаго характера. Говорятъ теперь, что рѣзкое слово „договоръ" надо понимать мягко. Однако если вспомнить экстренное засѣданіе Совѣта, на которое приглашались студенты, понятно, что студенты представляли себѣ соглашеніе съ Совѣтомъ на прочномъ основаніи. Когда профессора хотѣли придти на сходку, то нѣкоторая группа студентовъ оказывала этому противодѣйствіе. Когда зашла рѣчь о посылкѣ къ профессорамъ депутатовъ для разговора, то опять нѣкоторая группа этого не пожелала. Однако депутація пришла. Ходившіе вернулись и передали слова профессоровъ о гибельности забастовки. Я имѣлъ основаніе сказать, что гибельность подразумѣвалась неза-

висимо отъ раскола. Въ тоже время указывали на гибельность раскола. Обостреніе отношеній достигло крайнихъ предѣловъ. Не смотря на то, что профессора предлагали подождать съ забастовкой, одна часть студентовъ желала провести ее. Здѣсь прямо указывали, что появленіе профессоровъ на сходкѣ могло только затянуть вопросъ. Въ то же время другая часть студентовъ, благодаря обострившимся отношеніямъ, не желала войти въ соглашеніе съ партіей забастовщиковъ, примириться было нельзя и расколъ произошелъ: послѣдовало исключеніе изъ корпораціи. Здѣсь говорили, что еще 12 марта «св. д-щіе» заявили о неподчиненіи какому угодно большинству. Можетъ быть отдѣльныя такія заявленія и были, но очень многіе понимали «свободу дѣйствій» по своему. Каждый не могъ писать своего особаго мнѣнія и всѣ считали, что расписываются на баллотировочномъ листѣ. Послѣ исключенія «свобододѣйствующіе» ушли со сходки. Они знали, что не трудно объявить забастовку исключивъ 112 человѣкъ, поэтому они и послали заявить членамъ Совѣта, что они не признаютъ забастовки. Профессоръ Долбня говоритъ: «Зачѣмъ они путешествовали? неизвѣстно!» а по его же словамъ, депутаты заявили, что будутъ держать экзамены при какихъ угодно условіяхъ. Если они это заявляли, тогда понятна и цѣль путешествія. Въ дѣйствительности, депутаты не могли заявлять объ экзаменахъ, такъ какъ формулу заявленія — «занятій не прекращаемъ» — выработали на совѣщаніи. Такъ какъ расколъ въ жизни нашего института достигъ на этотъ разъ крайнихъ предѣловъ, то интересно провести параллель между забастовками пережитыми въ институтѣ. Первая забастовка въ 1899 году прошла съ полнымъ единодушіемъ. Экзамены должны были начаться на 5 курсѣ, который весь отказался экзаменоваться. Только по словамъ Родыгина былъ какой то, но единодушіе нарушено не было. Въ 1901 году, когда рѣчь зашла о забастовкѣ является уже священный принципъ большинства. Въ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ большинство считается разное: въ университетахъ принимается обыкновенно большинство сходки; на Бестужевскихъ курсахъ для забастовки нужно $^3/_4$; у насъ въ институтѣ въ 1899 году забастовка была рѣшена простымъ большинствомъ, хотя и громаднымъ. Въ 1901 году на сходкѣ заявляется о необходимости двухъ третей, но это замяли, ссылаясь на традицію 1899 года. Въ 1902 году сначала хотѣли провести забастовку большинствомъ сходки, но профессора нашли нужнымъ большинство института. Не знаю, находятъ ли профессора, что въ 1903—04 г.

было большинство института. Въ 1901 г. забастовка прошла единодушно и отмѣнена на общей сходкѣ, на которую приходилъ проф. Мушкетовъ. Тогда онъ и говорилъ о единодушіи.

Бауманъ. Это была сходка передъ демонстрацией 4-го марта 1902 года. Это было за 2 дня до 4-го марта. Вы были на сходкѣ?

Кутыринъ. Да, сходка о прекращеніи забастовки.

Бауманъ. Когда это было?

Кутыринъ. Не знаю, знаю только, что Мушкетовъ былъ. Именно на сходку о прекращеніи забастовки приходилъ Мушкетовъ. Въ 1902 г. наблюдается полный расколъ, о чемъ я уже говорилъ. Въ 1904 г. дѣло доходитъ до обструкціи. Эта параллель даетъ мнѣ основаніе предполагать серьезныя причины для раскола. Любопытно какъ у насъ набиралось большинство для забастовки. Въ прежніе годы изыскивали только уѣхавшихъ въ отпускъ, арестованныхъ и т. п. чтобы исключить изъ числа голосующихъ, хотя забастовка, конечно, нарушала ихъ интересы, если бы въ данный моментъ они находились въ институтѣ. Въ 1903—04 г. наблюдаются уже новые элементы— нейтральные, воздержавшіеся, причемъ нейтральныхъ исключили изъ общаго числа. Окончательная цифра студентовъ все уменьшалась: на сходкѣ говорилось—628, въ бюллетенѣ № 1 появляется 624 и наконецъ на судѣ падаетъ до 621. При этомъ Гапѣевъ наивно замѣчаетъ, что уменьшеніе невыгодно для комитета, хотя при меньшей общей цифрѣ комитету легче набрать большинство.

Гапѣевъ. А по даннымъ инспекціи, Вамъ извѣстно, сколько было всѣхъ студентовъ?

Кутыринъ. Не знаю.

Гапѣевъ. 622.

Злотницкій. Нѣтъ 624.

Гапѣевъ. Я утверждаю 622.

Кутыринъ. Скажу еще нѣсколько словъ по поводу сношеній съ начальствомъ. Сношенія съ инспекторомъ не считались предосудительными; нельзя было только обращаться къ Коновалову, тѣмъ не менѣе еще весной было извѣстно, что даже нѣкоторые исключенные обращались къ Коновалову; повидимому они не считали этого предосудительнымъ. На всю группу возводятся обвиненія въ попустительствѣ. Говорятъ о двухъ срокахъ: весной и осенью тотчасъ послѣ начала занятій. Дѣло о трехъ шпіонахъ, возникшее весной не разсматривалось и было отложено до осени: тогда считали возможнымъ принимать во вниманіе горячее время экзаменовъ—теперь это признается уважительнымъ. Осенью сначала были тѣ же экзамены

до половины октября; надо еще отмѣтить, что ни весной, ни осенью ни одинъ изъ «свобододѣйствующихъ» не получилъ проскрипціоннаго списка и нельзя обязывать человѣка заниматься розысками, занесъ-ли его комитетъ въ списокъ. Осенью общественная жизнь въ институтѣ началась съ собиранія подписей подъ петицію къ министру. 29-го октября было дѣло Громова у мирового судьи, послѣ котораго появились въ газетахъ отчеты, достаточно невѣрные. Въ институтѣ начался рядъ сходокъ. Первая сходка 8-го Ноября, затѣмъ до Рождества было назначено 8 сходокъ. На пяти изъ нихъ поднимался вопросъ о «свобододѣйствующихъ» нѣкоторыми лицами по собственной ихъ инициативѣ или по просьбѣ «свобододѣйствующихъ». Обвиненій на сходкахъ не предъявляли. Какъ отнеслись студенты къ вопросу о «свобододѣйствующихъ» суду уже, отчасти, извѣстно изъ писемъ Юматова—я приведу еще по этому поводу нѣсколько выдержекъ изъ писемъ студента Шпилева, убитаго 9-го Января. ...Вся вина ихъ (своб.-д-щихъ) состояла лишь въ томъ, что они имѣли смѣлость не только не подчиниться мнѣнію большинства, но даже публично заявить объ этомъ. ...«Печальныя событія прошлой весны, надѣюсь, ясно показали всѣмъ, что участіе въ этой «корпораціи» было обязательно для всѣхъ вообще студентовъ Горнаго института. Тутъ не могло быть выбора. Никто не могъ уклониться отъ чести быть зачисленнымъ въ нее; въ противномъ случаѣ на виновнаго тотчасъ же направлялись всѣ стрѣлы «общественнаго презрѣнія», а также и вся ругань которую могъ придумать самый изобрѣтательный умъ». Далѣе. «Однимъ словомъ въ этомъ ясно проявилось со стороны большинства плохо прикрытое стремленіе достичь извѣстныхъ цѣлей, мало разбираясь въ пригодныхъ для этого средствахъ». Наконецъ въ заключеніе: «Изъ всего вышеизложеннаго видно, что я вполнѣ порицаю образъ дѣйствія нашего студенчества по отношенію къ «своб.-д-щимъ». Самъ я не только не принадлежу къ этой группѣ, но даже весной стоялъ за забастовку... Смѣю думать однако, что изъ среды „несв.-д-щихъ“ найдутся многіе, которые придерживаются такихъ же взглядовъ, и подобно мнѣ, осуждаютъ поведеніе нашего студенчества». На одномъ изъ засѣданій суда былъ разговоръ о преміи, присужденной Баданину. Профессоръ Долбня и правитель канцеляріи Ждановъ опровергли мои слова. Теперь я представлю суду документы—копіи съ журналовъ Совѣта, которые показываютъ, что былъ правъ я, а профессоръ Долбня и Ждановъ, вѣроятно, запамятовали и говорили неправильно.

Предсѣдатель. Отъ кого справка?

Кутыринъ. Это выписка изъ журнала Совѣта.

Предсѣдатель. Отъ помощника инспектора?

Кутыринъ. Отъ секретаря Совѣта Воронина.

Предсѣдатель. Были ли Вы въ институтѣ во время обструкціи?

Кутыринъ. Я вошелъ въ институтъ, послѣ обструкціи, во второмъ часу, когда входныя двери были уже открыты.

Предсѣдатель. Былъ ли организаторъ комитета „своб.-д-щихъ" самозванный или онъ выражалъ Ваши мнѣнія?

Кутыринъ. Самозваннымъ его назвать нельзя; на собраніи вечеромъ 15-го марта заявили объ оборудованіи комитета, такъ что объ этомъ знали всѣ бывшіе тамъ. Группа лицъ предложила выработать будущее credo. Бывшіе тамъ согласились: если credo подойдетъ, мы его признаемъ.

Предсѣдатель. Значитъ составъ комитета случайный?

Кутыринъ. Совершенно случайный: туда вошли по собственному побужденію лица, знакомыя между собой.

Предсѣдатель. Составъ комитета былъ извѣстенъ студентамъ?

Кутыринъ. Совершенно неизвѣстенъ. Кучка лицъ предложила выработать программу дѣйствій въ виду предстоящей борьбы, такъ какъ существованіе оппозиціи обнаружилось совершенно ясно. Когда эта програма была бы выработана ее могли бы одобрить или отказаться.

Предсѣдатель. Комитету было поручено это сдѣлать?

Кутыринъ. На сходкѣ согласились на то, чтобы комитетъ вырабатывалъ программу.

Предсѣдатель. Не знаете ли Вы студентовъ Вашей группы, которые были въ инспекціи?

Кутыринъ. О классической сценѣ въ инспекціи я узналъ здѣсь на судѣ изъ показаній Нацвалова и Батуева.

Предсѣдатель. Петиція къ министру составлялась опредѣленнымъ кружкомъ лицъ?

Кутыринъ. Точно мнѣ неизвѣстно; я видѣлъ, что подписи собирали, кажется, Гливицъ и Цухановъ.

Предсѣдатель. «Свобододѣйствующіе» не подписывались?

Кутыринъ. Лично я не считалъ себя въ правѣ подписываться и не подходилъ. Я слышалъ два такихъ случая: одинъ разъ «свобододѣйствующему» отказали принять его подпись, а другой разъ, кажется, Томилинъ подписалъ, но на него было нареканія.

Предсѣдатель. Съ чьей стороны были нареканія?

Кутыринъ. Съ обѣихъ сторонъ; со стороны «свободомыслящихъ», потому вѣроятно, что они не находили возможнымъ допускать подпись „свободод-аго», и со стороны «свобододѣйствующихъ» были частные разговоры. Я, напримѣръ, не считалъ себя вправѣ подписывать, одинъ «своб.-д-щій подписалъ, а остальные не допускались собиравшими подписи.

Предсѣдатель. Не извѣстно ли Вамъ о составленіи экзаменаціонныхъ списковъ кѣмъ либо изъ Вашихъ товарищей?

Кутыринъ. Мнѣ извѣстно только о 4 курсѣ. Макаровъ сказалъ мнѣ о составленіи группы и спросилъ буду ли я держать экзамены. Вѣроятно онъ и передалъ обо мнѣ собиравшему группу. Никакого поручительства онъ съ меня не спрашивалъ. Въ институтѣ 2-го апрѣля я видѣлъ, что составляютъ группу. Я спросилъ Ауэрбаха, нельзя ли мнѣ записаться. Онъ сказалъ, что не можетъ занести, ибо группа полна. Потомъ я спросилъ Бальди и онъ сказалъ, что я числюсь въ первой группѣ. Ауэрбахъ даже не зналъ, что я тамъ записанъ.

Ауэрбахъ. Не помните ли Вы, что я предложилъ Вамъ составить свою группу?

Кутыринъ. Весьма возможно, но это бы не было для меня новостью, такъ какъ 1-го Апрѣля объ этомъ было вывѣшено, къ свѣдѣнію всѣхъ, объявленіе отъ Совѣта.

Предсѣдатель. Не знаете ли, что въ первые дни группы составлялись съ осторожностью? Что нѣкоторыя лица вносились съ неудовольствіемъ?

Кутыринъ. О другихъ курсахъ я ничего не зналъ. Знаю, что на 4 курсѣ группу составляли безъ ручательствъ.

Предсѣдатель. Вамъ совершенно неизвѣстны случаи отказа или поручительства? Вы можете это сказать суду?

Кутыринъ. Послѣ закрытія института я говорилъ всѣмъ, что буду держать экзаменъ, и съ этой стороны былъ достаточно извѣстенъ. Никакихъ собраній группы не было, въ коллективныхъ дѣйствіяхъ, кромѣ подачи группы на курсѣ, никто участія не принималъ, поэтому никакихъ свѣдѣній относительно другихъ курсовъ я не имѣлъ.

Рейнвальдъ. Мы дѣлаемъ заявленіе: показанія Кутырина во многомъ расходятся съ нашими и не отвѣчаютъ дѣйствительности: мы не желаемъ дѣлать никакихъ заявленій и вопросовъ.

Предсѣдатель. Комитетъ хотѣлъ составить credo и программу дѣйствій. Это было сдѣлано?

Кутыринъ. Составлено и предложено не было; выпущено было два бюллетеня и далѣе никакихъ групповыхъ дѣйствій не было.

Предсѣдатель закрываетъ засѣданіе.

ПРОТОКОЛЪ

21 засѣданія Третейскаго суда чести, 23 апрѣля 1905 г.

Предсѣдатель. До свѣдѣнія суда дошелъ прискорбный случай, имѣвшій мѣсто во время прошлаго засѣданія между студентами Степаницкимъ и Пилетичемъ. Я обращаюсь къ Вамъ, господа, съ просьбой относиться другъ къ другу съ уваженіемъ. Повтореніе подобнаго случая можетъ заставить насъ прекратить дѣло. Если же въ такомъ видѣ закончится наша работа, то она будетъ безрезультатна.

Предсѣдатель. Вызываетъ Виктора Соколова.

Соколовъ. Свидѣтельствуя теперь передъ судомъ, я въ тоже время являюсь какъ-бы обвиняемымъ. Разрѣшитъ ли мнѣ судъ защищаться во время моихъ показаній, такъ сказать, попутно, при изложеніи того, свидѣтелемъ чего я былъ; или моя личная защита будетъ потомъ?

Предсѣдатель. Ограничьтесь свидѣтельскимъ показаніемъ. Послѣ же Вамъ будетъ предоставлена возможность защищаться. Выводы, сопоставленіе, Вы сдѣлаете въ особой рѣчи. Это будетъ удобнѣе для суда.

Соколовъ. Здѣсь была затронута моя университетская дѣятельность. Я бы могъ привести факты въ свою защиту.

Предсѣдатель. Это не имѣетъ прямого отношенія къ дѣлу, но если Вы находите нужнымъ, то судъ, конечно, противъ этого ничего имѣть не можетъ.

Соколовъ. Я старый студентъ; интересы студенчества всегда принималъ близко къ сердцу. Пробылъ въ университетѣ съ осени 1898 до осени 1901 года...

Печковскій. А въ институтѣ Вы, съ котораго года?

Соколовъ. Съ осени 1901 г. Въ 1899 году послѣ извѣстнаго избіенія студентовъ нагайками 8 февраля, былъ за забастовку. Но затѣмъ, когда была назначена комиссія Ванновскаго, когда дѣло разслѣдованія и защиты интересовъ студенчества взяли въ свои руки, Бекетовъ и друг., я вышелъ со многими другими изъ

рядовъ забастовщиковъ. Какъ извѣстно, 3 или 4 сходки тогда собирались и забастовка проваливалась, но, наконецъ, забастовщики одолѣли; забастовка прошла большинствомъ 551 противъ 550. Комиссія Ванновскаго сошла на нѣтъ и начались репрессіи. Въ 99—900 гг. я почти не принималъ активнаго участія въ общественной жизни по причинамъ частнаго характера. Въ 900—901 гг. съ осени образовался кружокъ лицъ, поставившій себѣ цѣлью добиться организаціи студентовъ. Мы считали, что необходимо студенчеству дать возможность собираться, устраивать кружки для занятій наукой и искусствами, необходима широкая взаимопомощь и т. д. Такъ какъ Орг. комитетъ выставилъ на свои знамена въ этомъ году тѣ-же требованія, то мы рѣшили войти въ соглашеніе съ Орг. ком-тъ. Для этой цѣли къ намъ явился предсѣдатель Орг. ком-тъ (какъ мы впослѣдствіи узнали). Предвидя, однако, что Орг. ком-тъ можетъ вдругъ измѣнить свою программу, вы точно ограничили свой договоръ. Мы обѣщались поддержать движеніе только до тѣхъ поръ, пока оно не выйдетъ за предѣлы поставленной нами программы. Мало того, если бы намъ удалось добиться означенной цѣли и если бы Орг. ком-тъ захотѣлъ продолжать движеніе подъ другимъ флагомъ, то онъ встрѣтитъ въ насъ врага, ибо мы отлично понимаемъ, что въ случаѣ новыхъ безпорядковъ, отъ насъ бы опять отняли всякую автономную организацію, если бы намъ и удалось ее заполучить. Депутатъ отъ Орг. ком-тъ согласился на наши условія и нѣкоторое время мы дѣйствовали совмѣстно. Благодаря этой совмѣстной работѣ намъ удалось добиться положительныхъ обѣщаній со стороны начальства. Вскорѣ, однако, Орг. ком-тъ круто измѣнилъ программу. Въ выпущенномъ бюллетенѣ, онъ выставилъ политическую программу, объявивъ, что выставленныя ранѣе академическія требованія, имѣли только воспитывающее значеніе для студентовъ и что дѣло совсѣмъ не въ нихъ. Послѣ того, мы съ нимъ разошлись и начали дѣйствовать самостоятельно. Волковъ говоритъ, что допускались нами совѣщанія въ университетѣ, что насъ принималъ ректоръ и даже попечитель, въ то время, какъ другіе были этого лишены. Все это неправда. Совѣщанія у насъ были, но не въ университетѣ; съ ректоромъ и попечителемъ у насъ возникли сношенія, но на слѣдующей почвѣ: на одну изъ сходокъ, въ 1901 г. собираемую Орг. ком-тъ, по политическому вопросу, наша фракція рѣшила не ходить. Вечеромъ наканунѣ одинъ изъ декановъ предупредилъ меня и просилъ передать моимъ товарищамъ, чтобы мы не ходили на сходку, ибо ожидаются серьезныя репрессіи. Послѣ этого предупрежденія я не

счелъ возможнымъ не ходить на сходку. Извѣстивъ своихъ, кого успѣли, мы отправились на сходку. Результатомъ этого было, что я былъ преданъ суду правленія за участіе въ безпорядкахъ, а два моихъ товарища (одинъ изъ нихъ жилъ у меня) были арестованы. Мнѣ было поставлено въ особую вину, что я пошелъ, не смотря на предупрежденіе. Я объяснилъ суду, что не считалъ себя вправѣ воспользоваться такимъ частнымъ предупрежденіемъ. Сказалъ, что вообще бывалъ почти на всѣхъ сходкахъ. Воспользовавшись случаемъ, я охарактеризовалъ неудовлетворительное состояніе студентовъ, необходимость измѣненія существующаго устава и созданія организацій. Выслушавъ мои показанія, судъ предложилъ мнѣ составить объ этомъ докладную записку и подать ректору, что я впослѣдствіи, а также и нѣкоторые другіе товарищи, и сдѣлали. Моя записка перешла, къ попечителю округа, Сонину. И вотъ, объ измѣненіи устава и студенческихъ организаціяхъ, у насъ были переговоры, какъ съ ректоромъ, такъ и съ попечителемъ. Волковъ въ своемъ письменномъ показаніи говоритъ, что я получилъ угрожающее письмо. Дѣйствительно я получилъ отъ «Революціоннаго трибунала» угрожающее посланіе и не скрывалъ этого. Тогда же я отправился въ студенческую столовую (на 10 линіи) и тамъ далъ свой отвѣтъ: „Въ виду того, что моя дѣятельность была исключительно среди студентовъ, то получивъ за нее угрозу отъ «Революціоннаго трибунала» я заключаю, что послѣдній имѣетъ своихъ агентовъ среди студентовъ, а потому прошу ихъ довести до свѣдѣнія трибунала, что я поступаю такъ, какъ считаю нужнымъ и что угрозъ я не боюсь».

Гессенъ. Это когда было?

Соколовъ. Весной 1901 года. Мнѣ остается сказать только нѣсколько словъ о „Денницѣ“, которая по словамъ того же Волкова—будто бы креатура нашего кружка. У насъ былъ выработанъ проектъ студенческой корпораціи. Я лично участвовалъ въ составленіи устава, но утвержденіе его состоялось уже послѣ моего ухода въ институтъ. Я знаю, что начальство очень исказило первоначальный уставъ, благодаря чему многіе изъ моихъ товарищей отшатнулись отъ этой корпораціи. Если „Денница“ превратилась въ то, чѣмъ представляется теперь (ихъ занятіе—только пить пиво),—то потому, что однимъ изъ первыхъ пунктовъ внесенныхъ начальствомъ было ограниченіе числа членовъ (60). Такое ограниченіе не позволило привлечь многихъ энергичныхъ людей, а съ другой стороны лишило ее матеріальныхъ средствъ. Были и другіе стѣснительные пункты, но я привелъ этотъ, какъ примѣръ.

Гессенъ. Уставъ вырабатывался при Васъ? Какія же политическія цѣли преслѣдовала „Денница"?

Соколовъ. Однимъ изъ первыхъ пунктовъ: „Общество не ставитъ никакой политической программы и отнюдь не можетъ быть названо политическимъ. Цѣли которыя оно преслѣдовало: 1) поднять общій уровень образованія студенчества, 2) заинтересовать его общеобразовательными науками, 3) развить товарищескія отношенія и 4) широкая взаимопомощь для облегченія недостаточнымъ членамъ, общаго прохожденія курса.

Лесгафтъ. А какія научныя занятія предполагались?

Соколовъ. Программа самая широкая: по вопросамъ естествознанія, политико-экономическимъ и другимъ. Мы имѣли согласіе нѣкоторыхъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ, руководить нашими занятіями.

Лесгафтъ. Что же предполагалось—чтеніе, рефераты?

Соколовъ. Да. Уже тогда образовались маленькіе кружки по отдѣльнымъ спеціальностямъ. Они существуютъ и теперь; но потеряли совершенно связь между собою. Теперь перейду къ нашей институтской исторіи. Осталось дополнить въ ней очень немного. Я помню характерный эпизодъ въ 1902 г., рисующій отношеніе забастовщиковъ къ наиболѣе популярнымъ въ то время профессорамъ. Выйдя въ вестибюль, я увидѣлъ толпу студентовъ на перронѣ. Среди нихъ Долбня и Бауманъ, которые, судя по жестамъ (словъ не было слышно), усиленно уговаривали. Черезъ нѣкоторое время Долбня и Бауманъ вошли въ институтъ; профессоръ Долбня ходилъ нервно, большими шагами, по вестибюлю и кричалъ: „Маршалъ Макъ-Магонъ усѣлся въ вагонъ и сдался на ка-пи-ту-ля-цію", а профессоръ Бауманъ со слезами на глазахъ говоритъ ему: „Эхъ, Иванъ Петровичъ не то, не то".

Предсѣдатель. Значитъ Вы думаете, что профессора не подѣйствовали на студентовъ?

Соколовъ. Увѣщанія не подѣйствовали.

Бауманъ т. е. фактически они разошлись, и конфликта не вышло.

Соколовъ. Въ концѣ концовъ они и разошлись.

Бауманъ. Я буду объ этомъ говорить впослѣдствіи.

Печковскій. Когда это было? Послѣ сожженія временныхъ правилъ?

Соколовъ. Да... Въ этотъ же день у меня произошелъ разговоръ съ профессоромъ Долбней. Онъ говорилъ о необходимости единенія между студентами; о томъ, что, если будутъ экзамены, то это вне-

сетъ расколъ. Я съ нимъ согласился, но спросилъ, почему онъ считаетъ, что мы, желающіе держать экзаменъ, должны уступить, а не обратно. Да потому, отвѣтилъ онъ, что все различіе между вами и ими такое: вы уже пережили все, перебродили, спокойны, они же волнуются, неумѣренны, незрѣлы. Я же лично былъ свидѣтелемъ, какъ профессоръ Бауманъ въ 1902 г. сорвалъ бюллетень „группы умѣренныхъ". Перейду къ 1903—1904 гг. Чтобы не утомлять вниманіе суда, я упущу дѣло о шпіонахъ. Лебедевскій инцидентъ и патріотическую исторію, хотя я былъ свидѣтелемъ всего этого. Только въ патріотической исторіи я считаю нужнымъ отмѣтить причину раскола и выдѣленія на сходкѣ группы 140.

Предсѣдатель. Когда была эта сходка?

Соколовъ. 10-го февраля. Тѣ, кого называютъ «патріотами», требовали добора голосовъ по всему институту и права равносильности резолюцій. То есть, они протестовали противъ постановленія отъ имени всего студенчества Горнаго института. Если бы резолюція гласила такъ: „столько студентовъ Горнаго института имѣютъ такое мнѣніе,—а столько другое", то съ этимъ никто не сталъ бы спорить. У насъ же хотѣли, чтобы принципіальный вопросъ рѣшался большинствомъ и большинство навязывало свое мнѣніе меньшинству. Теперь о Коноваловскомъ конфликтѣ. Въ началѣ его я не присутствовалъ, но былъ на сходкѣ 8-го марта. Когда выяснилось, что депутаты Яньковскій и Рейнвальдъ ходили къ Коновалову, то „крайніе" были этимъ очень недовольны. Отмѣчаю это для того, чтобы показать желаніе послѣднихъ раздуть конфликтъ. Здѣсь уже разсказывалось о происшедшемъ недоразумѣніи между Коноваловымъ и депутатами. Депутаты заявили сходкѣ, что директоръ согласенъ извиниться передъ ней. Коноваловъ же утверждалъ, что онъ далъ согласіе условно, если сходка раньше возьметъ оскорбленіе резолюціей Рѣшили спросить объ этомъ у профессоровъ, бывшихъ при разговорѣ: профессоръ Митинскій толковалъ въ пользу Коновалова и этимъ объясняется свистъ по его адресу на сходкѣ 15-го марта. Очень характеренъ также здѣсь вооруженный нейтралитетъ профессора Долбни: по словамъ его Коноваловъ говоритъ такъ много, что невозможно вспомнить, что онъ говорилъ и чего не говорилъ. Теперь о сходкѣ 12-го марта. На этой сходкѣ во время голосовки впервые выдѣлились теперешніе „своб.-д-щіе". Я лично тогда еще имъ не былъ, считая не логичнымъ голосовать вопросъ и сохранять «свободу дѣйствій». Поэтому, я подалъ особое мнѣніе: воздерживаюсь отъ голосованія, сохраняю за собой «свободу

дѣйствій». Когда стали организовывать доборъ голосовъ по институту, то сходка оказалась въ затрудненіи, ибо для желающихъ изъ антизабастовщиковъ вступить въ бюро опроса не было. Предсѣдатель увидя меня (я вышелъ на время со сходки), обратился ко мнѣ съ вопросомъ, подчиняюсь-ли я большинству и, получивъ утвердительный отвѣтъ, предложилъ вступить въ бюро. Я согласился, но подъ условіемъ взять нѣсколько товарищей, ибо одинъ я могъ контромеровать только одну пару (ходятъ съ опросомъ по двое). Но послѣ того, какъ оказалось, что нѣтъ желающихъ изъ антизабастовщиковъ, а „свобододѣйствующіе", по постановленію на сходкѣ, идти не могли, я отказался. Такимъ образомъ, баллотировка была однобокая. Отказъ сходки 12-го марта пустить отдѣльный баллотировочный листъ съ «свободой дѣйствій», повлекло за собой образованіе бюро независимыхъ для добора единомышленниковъ. Это бюро впослѣдствіи и превратилосьвъ Орг. ком-тъ своб.-д-щихъ. Оно отпечатало повѣстки и частью разослало ихъ, а частью разбросало въ институтѣ. Въ нихъ студенты приглашались въ чертежную 5 курса 15-го утромъ до 12 часовъ подписаться подъ этимъ именемъ. Приписалось 40 человѣкъ. Такимъ образомъ, оказалось 102 человѣкъ. Сходка 15-го была очень бурная. Былъ на ней съ самаго начала, но съ перерывомъ, когда уходилъ въ составъ депутаціи къ профессорамъ. Еще до прихода профессоровъ, предсѣдатель пытался было объявить забастовку, но часть такъ энергично запротестовала, что пустились на ухищренія. Просили нейтральныхъ присоединиться. Послѣ долгихъ просьбъ и препирательствъ, изъ 18 присоединилось только 5; остальные объявили, что они присоединяются только къ большинству института. Долгіе споры также были о депутаціи съ извиненіемъ къ Митинскому. Крайніе находили, что онъ получилъ по заслугамъ. Но мы и тутъ оказались въ большинствѣ. Наконецъ, возникъ вопросъ о посылкѣ депутаціи къ профессорамъ. Опять крайніе были противъ этого. Большинство, однако, было за депутацію. Тогда крайніе рѣшили дискредитировать депутацію, отказываясь войти въ нее. Но и это не удалось. Сходка вотировала намъ довѣріе, и мы пошли. Между прочимъ, я получилъ оффиціально цифровыя данныя отъ предсѣдателя для сообщенія профессорамъ. Эти данныя (общее число студентовъ 628) — я уже говорилъ суду. Депутація состояла изъ 3-хъ «своб-д-щихъ» и 2-хъ «своб.-д-щихъ». Когда мы сообщили цифры и объяснили положеніе дѣла, пошли длинныя разсужденія профессоровъ о томъ, что забастовка средство крайнее, что нужно раньше использовать всѣ

другія средства. Мы не видимъ ихъ; укажите, говорили депутаты. Одинъ изъ профессоровъ сказалъ, что средство есть и что они постараются примѣнить его на ближайшемъ засѣданіи Совѣта. На вопросъ, какое это средство, они отвѣтили, что сказать не могутъ. Совѣщаніе длилось около $1^1/_2$ часа. Часть разговоровъ они не позволили передать сходкѣ. Послѣ этого пошли къ профессору Долбнѣ. Начало бесѣды тоже самое. Благодарилъ за довѣріе. Указывалъ на то, что студенты сами виноваты, не исполнивъ договоръ о 4-хъ часахъ. Удивлялся, что нынче такъ быстро все идетъ: не успѣлъ онъ оглянуться, а уже забастовка. Въ былое время, онъ и другіе профессора успѣвали явиться на сходку и трезвымъ словомъ охладить пылъ разгоряченной молодежи. Онъ и другіе профессора не придавали важнаго значенія соглашенію Совѣта со студентами, на которое опирались послѣдніе въ своей резолюціи. Онъ послѣ разговора студентовъ съ Коноваловымъ сидѣлъ на табуреточкѣ въ чертежной 5 курса и тщетно ждалъ, что студенты обратятся къ нему, за разъясненіемъ этого печальнаго недоразумѣнія, но къ нему никто не пришелъ, а самъ онъ не хотѣлъ навязываться съ непрошеннымъ совѣтомъ. Когда депутація вернулась на сходку, то оказалась въ странномъ положеніи. Часть депутатовъ уже была исключена изъ корпораціи, за время своего депутатства. Отмѣчу здѣсь, что депутаты эти по своимъ полномочіямъ и положенію были такіе же, какъ Рейнвальдъ, изъ-за оскорбленія которыхъ произошла вся исторія. Возникъ вопросъ, слушать ли разсказъ депутатовъ, но потомъ рѣшили, что сперва пускай доложатъ, а потомъ уходятъ. Послѣ доклада занялись выработкой формулы, по которой исключать „своб-д-щихъ". Когда исключеніе по формулѣ произошло, разыгралась бурная сцена. Человѣкъ 6 или 7, въ томъ числѣ и я, послѣ этого вышли изъ корпораціи и присоединилось къ «своб-д-щимъ» возмущенные такой выходкой крайнихъ, рѣшившихъ этимъ способомъ добиться большинства для забастовки. «Свобододѣйствующіе» ушли въ чертежную 5 курса и тамъ устроили совѣщаніе. Предсѣдательствовалъ Постриганьевъ. Это было въ 9-мъ часу—всѣ устали. Рѣшили послать депутацію къ профессорамъ съ слѣдующимъ постановленіемъ: «Группа студентовъ, высказавшаяся противъ забастовки и сохранившая за собой „свободу дѣйствій", будучи исключена большинствомъ сходки 15-го марта изъ студенческой корпораціи, сообщаетъ Вамъ, что она занятій не прекращаетъ». Кромѣ этого было санкціонировано существованіе Орг. ком-тъ, который завѣдывалъ оповѣщеніемъ. Предполагалось совѣщаніе 17 марта и я представилъ бы

къ этому собранію выработанный планъ дѣйствій для «своб.-д-щихъ». Въ виду закрытія института, послѣдняя часть резолюціи приведена въ исполненіе не была. Одновременно съ нами разошлась и сходка корпорантовъ. На вопросы съ нашей стороны они отвѣчали, что ничего еще не рѣшили и что у нихъ будетъ сходка 17-го. Я утверждаю, что сходка не объявляла забастовки, а ее объявилъ Орг. ком-тъ Кромѣ вышеприведенныхъ отзывовъ участниковъ сходки, въ подтвержденіе моихъ словъ, я обращаю вниманіе суда на то, что 1) была назначена новая сходка на 17-ое, 2) бюллетень объявляющій сходку вышелъ только 17-го, когда Орг. комитету пришлось отказаться отъ сходки, въ виду закрытія института. Перейду теперь къ тому, что мнѣ извѣстно объ экзаменахъ. Согласно росписанію они должны были начаться 31-го марта. Такъ какъ институтъ былъ прикрытъ, я не зналъ, какимъ образомъ будутъ производиться экзамены. Я написалъ помощнику инспектора Бальди и получилъ отъ него на это отвѣтъ, что просто надо написать, въ какой день я хочу держать экзаменъ, въ инспекцію и билетъ будетъ тотчасъ же высланъ. Письмо Бальди уже представлено суду *. Оно отъ 23-го марта и въ немъ нѣтъ ни слова объ объявленіи, которое было вывѣшено только 1-го апрѣля. Говорю я это въ опроверженіе показаній Алферова. Въ этомъ же письмѣ было сказано, чтобы я разсказалъ объ этомъ своимъ товарищамъ. Я сказалъ Алферову, Волкову и Фойгту. Мое письмо къ послѣднему имѣется у меня и я могу его представить въ судъ. Между прочимъ, я былъ однимъ изъ сборщиковъ группъ на своемъ курсѣ. Благодаря запущенности моихъ учебныхъ дѣлъ, я принималъ, однако, очень небольшое участіе. Записалъ всего одного. Этимъ объясняется, что группа вышла очень маленькая — 16 человѣкъ. Долженъ упомянуть здѣсь объ одномъ эпизодѣ. Ко мнѣ были присланы 2 студента не моего курса.

Гессенъ. Кѣмъ присланы?

Соколовъ. Инспекціей. Я сейчасъ же отправился къ директору и въ присутствіи инспектора заявилъ категорическій противъ этого протестъ.

Печковскій. Студенты были вашего курса?

Соколовъ. Присланные были не моего курса. Я имъ отказалъ.

Предсѣдатель. Тогда понятно Вы не могли занести. Можетъ это простое недоразумѣніе? Или Вы вынесли впечатлѣніе изъ разговора съ этими двумя студентами, что отъ Васъ требуется ручательств[illegible]

Соколовъ. Я долженъ сказать, что, по моему мнѣнію, у инсп

ціи была тенденція навязать намъ сборщикамъ поручительство. Мы же совершенно не имѣли желанія дѣлать это. Подавая группу, мы подчеркивали, что это только I группа, и что желающихъ держать экзамены много.

Гессенъ. А вотъ не извѣстны-ли Вамъ такіе случаи, что нѣкоторые изъ сборщиковъ можетъ быть плохо понимали свою роль и можетъ быть кого нибудь рекомендовали?

Соколовъ. Не знаю. Не слышалъ. Мнѣ представляется, повторяю, что инспекція старалась это навязать.

Гессенъ. Вамъ совершенно неизвѣстно, что сборщики отказывали кому нибудь, думая, что это обструкціонистъ?

Соколовъ. Присутствуя на дѣлѣ Громова и Гапѣева у мироваго судьи я слышалъ показанія, въ которыхъ говорилось, что было будто отказано Ефендіеву.

Гессенъ. Нѣтъ, а лично Вамъ изъ первоисточниковъ неизвѣстно объ этомъ?

Соколовъ. Нѣтъ, неизвѣстно.

Печковскій. Когда Вы выразили протестъ директору, Ваше впечатлѣніе было, что начальство посылало за ручательствомъ?

Соколовъ. Мое личное впечатлѣніе: это исходило отъ младшихъ чиновъ инспекціи.

Печковскій. Вы что же сказали директору? Въ какой формѣ?

Соколовъ. Я сказалъ, что если я и другіе составили группу, то отнюдь не расположены выдавать какія-то рекомендаціи. Я категорически заявляю, чтобы присылка ко мнѣ не повторялась.

Печковскій. Что же они Вамъ отвѣтили?

Соколовъ. Коноваловъ сказалъ, что это недоразумѣніе и при мнѣ просилъ инспектора сдѣлать распоряженіе, чтобы инспекція не посылала студентовъ къ собиравшимъ группы. Получивъ завѣреніе, что ничего подобнаго не повторится, я ушелъ. Насъ обвиняютъ въ попустительствѣ и укрывательствѣ. Въ опровергеніе этого могу разсказать слѣдующее: когда до меня дошли слухи о томъ, что кто-то помогалъ инспекціи въ составленіи проскрипціонныхъ списковъ...

Печковскій. Когда дошли до Васъ эти слухи и въ какой формѣ?

Соколовъ. Весной. Говорили, что объ этомъ разсказалъ Бальди студенту Богданову.

Печковскій. Фамиліи назывались?

Соколовъ. Нѣтъ. Когда до меня это дошло, я съ 2-мя товарищами отправился къ Бальди и просилъ разъяснить, что есть въ

этомъ справедливаго. Я уже передавалъ суду схему этого разговора во время показаній Бальди, который его не отрицалъ. Повторяю его болѣе подробно. Бальди сказалъ: «Я послалъ по ошибкѣ билетъ на экзамены вмѣсто одного Богданова другому и вотъ онъ придя ко мнѣ вернулъ билетъ и объявилъ, что не желаетъ держать экзамены. На мой вопросъ: «почему?» онъ отвѣтилъ: что не желаетъ ничего имѣть общаго съ тѣми, кто помогаетъ составлять списки уволенныхъ. Да вѣдь этого не было! — А Вы можете мнѣ въ этомъ дать честное слово?»—На это Бальди будто бы не далъ категорическаго отвѣта, а тотъ не дослушавъ его выбѣжалъ вонъ... Вотъ, по его словамъ, происхожденіе слуха. «Почему же Вы не отрицали?» спрашиваю я. «Да потому что вѣдь отчасти мнѣ помогли; разговаривая громко между собою и дѣлясь впечатлѣніями, они называли фамиліи, а я слышалъ и занесъ нѣсколько фамилій». Позвольте, говорю, да вѣдь это не помощь. Чѣмъ же они виноваты, что Вы ихъ подслушали? Вотъ, если бы были случаи, что къ Вамъ обращались и говорили: запишите такого, или Вы не записали такого-то, а онъ былъ — вотъ это была бы помощь». А онъ мнѣ на это: «Да и такіе случаи были». «Кто? назовите фамиліи?» Но фамилій онъ назвать категорически отказался, сказавъ, что было 2 или 3 случая; фамилію же онъ помнитъ, да и ту не навѣрно. Въ виду экзаменовъ разслѣдовать дѣло тогда же не представлялось возможности и пришлось ждать до осени. Осенью опять были попытки вытянуть отъ Бальди болѣе опредѣленные факты. Послѣ неоднократныхъ разспросовъ вотъ какое письменное показаніе онъ намъ подалъ (читаетъ): 24-го ноября 1904 года. На заявленіе нѣкоторыхъ студентовъ, что будто бы 2-го апрѣля сего года послѣ «химической обструкціи»—студентами-антиобструкціонистами, бывшими въ то время въ институтѣ, были вручены инспекціи списки обструкціонистовъ,— категорически настоящимъ заявляемъ, что подобныхъ списковъ инспекція Горнаго института отъ студентовъ не получала и что ни одинъ изъ студентовъ участія въ составленіи списка обструкціонистовъ не принималъ. Списокъ обструкціонистовъ былъ составленъ, по предложенію начальства института инспекціей, находившейся въ данный моментъ въ корридорѣ, посреди студентовъ, производившихъ обструкцію и знавшей въ лицо и по фамиліи всѣхъ студентовъ Горнаго института. Пом. инспектора, надв. сов. И. Бальди. Пом. инспектора, надв. сов. М. Воронинъ.

Помимо этого мы обращались къ тѣмъ, кого въ слухъ называли, но тѣ упорно отрицали, свидѣтели же обструкціи то же ничего

подобнаго не видѣли и не слышали. Мало того, наши противники, какъ они сами признали на судѣ, также старательно скрывали все, что знали (если сами знали что нибудь), чтобы это не было извѣстно намъ.

Гессенъ. А Орган. Комитетъ «своб-д-щихъ» зналъ объ этомъ разговорѣ съ Бальди?

Соколовъ. Да. Это дѣлалось по его порученію.

Гессенъ. А противорѣчіе было поставлено Бальди на видъ?

Соколовъ. Да, было.

Гессенъ. Но какъ же это сперва онъ Вамъ сказалъ, что были случаи, а потомъ отрицалъ это. Какъ комитетъ согласовалъ эти противорѣчія?

Соколовъ. О согласіи противорѣчій можно спросить только у Бальди.

Гессенъ. Какъ отнесся комитетъ къ словамъ и документу Бальди?

Соколовъ. Подобно тому, какъ инспекція старалась намъ навязать поручительство въ группахъ, такъ и тутъ мы объяснили распускаемые ею слухи, желаніемъ перенести отчасти на студентовъ отвѣтственность передъ студентами за составленіе списковъ.

Гессенъ. Такъ, что Вы больше повѣрили этому заявленію?

Соколовъ. Этого я не говорю. Весной онъ фамилій не назвалъ, а теперь категорически отрицалъ даже этотъ фактъ. Когда была правда, неизвѣстно.

Предсѣдатель. Вы старались узнать правду? Вы это хотите сказать?

Соколовъ. Да, старались, но, къ сожалѣнію, тщетно.

Гессенъ. Вы сказали, что обращались къ нѣкоторымъ лицамъ, разскажите объ этомъ подробнѣе?

Соколовъ. Я долженъ сказать, что большинство фамилій, которыхъ называли осенью, оказались невѣрными и слухи были вздорные. Въ виду того, что здѣсь объ нихъ не говорилось, я не считаю возможнымъ объ этомъ говорить.

Рейнвальдъ. Назовите фамиліи, которыя Вы слышали осенью?

Гапѣевъ. Нѣтъ, скажите фамиліи, мы, можетъ быть, припомнимъ тогда факты?

Предсѣдатель. Если эти фамиліи здѣсь не упоминались, то это совершенно излишне.

Соколовъ. Говорить о другихъ я не считаю себя въ правѣ, но могу разсказать о томъ слухѣ, который ходилъ обо мнѣ: «Алферовъ былъ друженъ съ главарями «свобододѣйств.» «гласила молва, но

потомъ, увидѣвши всю гадость, которая творилась въ этой группѣ, разсорился съ ними; а они, въ отместку, донесли на него, что онъ участвовалъ въ обструкціи, когда онъ на ней не былъ». Потомъ говорилось болѣе опредѣленно, ибо называлась моя фамилія. Отмѣчу здѣсь, что ни 2-го, ни 5-го я въ институтѣ не былъ. Да и самъ Алферовъ очевидно не вѣрилъ въ это, хотя не могъ объ этомъ не знать. Когда я кончилъ экзамены и уже собирался уѣзжать изъ Петербурга, ко мнѣ пріѣхалъ, какъ къ другу сына, отецъ Алферова и просилъ узнать, когда и на какихъ основаніяхъ можетъ быть принятъ его сынъ. Я совѣтовалъ обратиться лично въ институтъ. Г. Алферовъ просилъ меня, какъ своего знакомаго, сдѣлать это, такъ какъ самъ онъ ѣхать не имѣлъ времени. Ни въ инспекціи, ни въ канцеляріи мнѣ никто не могъ ничего опредѣленнаго сказать, и я отправился къ Коновалову. Отъ него я узналъ, что прошеніе можетъ быть подано теперь, но что разсматривать его будутъ осенью. Осенью вѣроятно примутъ, но опредѣленнаго онъ ничего не сказалъ. Это я передалъ его отцу. Тотъ меня очень благодарилъ и просилъ не прерывать съ его сыномъ добрыхъ, дружескихъ отношеній. На это я ему разсказалъ о ходившемъ слухѣ и объяснилъ, что если и не онъ самъ его распускалъ (а это весьма вѣроятно), то во всякомъ случаѣ, такъ какъ бывалъ, по его же словамъ, и въ столовой и вообще въ средѣ обструкціонистовъ и такъ какъ всѣ подобные слухи исходили изъ ихъ среды, онъ не могъ о немъ не знать. А разъ онъ зналъ, то его долгъ—опровергнуть. Кромѣ того, онъ весной перестал раскланиваться со многими, общими со мною товарищами за то, что они «свобододѣйствующіе». И что послѣ этого, врядъ ли возможно знакомство. Г. Алферовъ меня убѣждалъ, что сынъ его ничего объ этомъ слухѣ не знаетъ; что не раскланивался онъ, по недоразумѣнію, и что онъ конечно все опровергнетъ. Осенью я передалъ все это одному товарищу и просилъ предупредить Алферова, на какихъ условіяхъ я могъ бы продолжать съ нимъ знакомство. Осенью же я получилъ письмо отъ Алферова. Вотъ оно. Такъ какъ отъ него не послѣдовало въ институтъ никакихъ опроверженій, то я на это письмо не отвѣтилъ и съ нимъ при встрѣчѣ не раскланялся. Результатомъ этого явилось его ложное показаніе противъ меня (представляетъ предсѣдателю письмо Алферова).

Предсѣдатель (Читаетъ письмо Алферова). «1904 г. 4-го августа. Надѣюсь, что все происшедшее ничего не измѣнило въ нашихъ отношеніяхъ. Если это такъ, то напиши мнѣ по Варшав адр. Сенаторская, 9. Я вотъ уже третій мѣсяцъ сижу на Ура

на платиновыхъ пріискахъ. 14 авг. уѣзжаю отсюда на заводъ въ Н. Тагилъ, можетъ быть, поѣду еще куда-нибудь. Въ первыхъ числахъ сентября буду въ Варшавѣ. Тв. Юрій».

Соколовъ. Теперь мнѣ остается опровергнуть показаніе Волкова, касающееся нашей институтской исторіи и направленной противъ Орган. комит. всей группы «своб.-д.-щихъ» и въ частности противъ меня. Прежде всего «тайна состава». Долженъ сказать, что это отчасти справедливо, ибо мы его нигдѣ не публиковали, но спеціально и не скрывали. Не опубликовали же, не желая, чтобы партійная злоба сосредоточивалась на нѣсколькихъ опредѣленныхъ лицахъ. И мы оказались правы: благодаря этому половина Орган. комит. не попала въ списокъ особо отличившихся.

Рейнвальдъ. Вы предвидѣли составленіе проскрипц. списка?

Злотницкій. Мы Васъ достаточно знали.

Соколовъ. Нѣтъ; но мы знали Васъ. Знали съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. Теперь дальше «тайна дѣйствій». И это отчасти справедливо. Когда мы предпринимали разслѣдованія ходившихъ слуховъ, то мы не считали допустимымъ благовѣстить на право и на лѣво и разсказывать непровѣренныя добытыя свѣдѣнія. Что же касается вообще дѣятельности комитета, то она была на виду у всѣхъ: весной выпустили 2 бюллютеня, было 3 или 4 засѣданія, а осенью было одно совѣщаніе и комитетъ на первой же сходкѣ «своб.-д.-щихъ» далъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и сложилъ съ себя полномочія. О какихъ секретахъ отъ ближайшихъ участниковъ говоритъ Волковъ и почему онъ Притулу считаетъ, какъ очевидно, такимъ участникомъ, не знаю. Дальше онъ обвиняетъ въ томъ, что постановленіе совѣщанія было отмѣчено частнымъ совѣщаніемъ.

Гессенъ. Какое постановленіе не исполнено?

Соколовъ. Когда мы добивались разслѣдованія дѣла, то рѣшили предложить студентамъ-корпорантамъ третейскій судъ, для чего были выбраны депутаты на ихъ сходку. Но сходка не состоялась. Въ то же время новымъ общимъ собраніемъ, на квартирѣ Б. М. Алексѣева, а не части, постановленіемъ было рѣшено опубликовать вызовъ въ газетахъ, что и было приведено въ исполненіе. Далѣе. Дѣйствительно у меня бывали собранія и на одно изъ нихъ стали собираться при Волковѣ; дѣйствительно, когда онъ сталъ прощаться, то я его не удерживалъ.

Гессенъ. Засѣданія комитета были осенью?

Соколовъ. Нѣтъ, я этого не сказалъ. Весной было нѣсколько засѣданій комитета. Осенью на первомъ же совѣщаніи «свобододѣй-

ствующихъ» въ институтѣ, комитетъ черезъ своего представителя далъ отчетъ въ своей дѣятельности, призвалъ къ дѣлу реабилитаціи всѣхъ «своб.-д.-щихъ» и сложилъ свои полномочія. Осенью собирались нѣкоторые члены комитета, но какъ частныя лица, желая добиться истины о весеннихъ событіяхъ.

Гессенъ. Когда это было?

Соколовъ. Въ ноябрѣ.

Гессенъ. Значитъ, до ноября комитетъ считалъ себя существующимъ?

Соколовъ. На это трудно отвѣтить. Обыкновенно Орган. комитетъ никогда не даетъ отчета въ своей дѣятельности. Нашъ же далъ. Фактически комитетъ, какъ таковой, прекратилъ свое существованіе весной, еще до начала экзаменовъ и осенью, какъ таковой, не дѣйствовалъ. Юридически же, пожалуй, его можно считать существующимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сложилъ свои полномочія.

Гессенъ. Онъ собирался не частнымъ образомъ? Вѣдь Вы это говорите?

Соколовъ. Весной собирался. Осенью только отдѣльныя лица изъ состава комитета, какъ частныя лица, какъ знакомыя другъ съ другомъ, собирались и собирали свѣдѣнія.

Гессенъ. Слѣдовательно, осенью засѣданій не было?

Соколовъ. Нѣтъ, не было.

Гессенъ. Значитъ всѣ члены комитета собирались на частныя собранія?

Соколовъ. Отдѣльные члены собрались передъ первымъ общимъ собраніемъ и рѣшили созвать всѣхъ «своб.-д.-щихъ» на общее совѣщаніе. На этомъ же совѣщаніи рѣшили сложить свои полномочія.

Гессенъ. Когда это было?

Соколовъ. Осенью. Общее собраніе всѣхъ «своб.-д.-щихъ» было созвано въ ноябрѣ.

Зерновъ. А что Орган. комитетъ дѣлалъ весной?

Соколовъ. Онъ выпустилъ 2 бюллетеня: 1-й — для оповѣщенія студентовъ о существованіи «свобододѣйствующихъ», въ виду того, что противники старательно скрывали его, 2-й бюллетень вызванъ уходомъ 6 профессоровъ въ отставку. (Оглашаетъ 2-й бюллетень) *). Отмѣчу здѣсь точку зрѣнія комитета. За каждымъ онъ оставляетъ полную «свободу дѣйствій». Всякій и «своб.-д.щій» и «не своб.-д-щій», если считаетъ себя взволнованнымъ, можетъ не заниматься и не держать экзаменовъ. Но должна быть свобода занятій и никто не имѣетъ права препятствовать другимъ.

Предсѣдатель. Говорилось о credo; выработали его, или нѣтъ?

Соколовъ. Нѣтъ, но у членовъ комитета все-таки оно было. Но одно дѣло выработать, а другое провести.

Печковскій. А именно?

Соколовъ. Свобода занятій. Партійнаго credo не вырабатывали.

Предсѣдатель. То есть, что высказано въ концѣ 2-го бюллетеня?

Соколовъ. Да.

Зерновъ. Вы сказали, что было весной 3 или 4 засѣданія. Чему посвящено 3-е засѣданіе?

Соколовъ. Оно было 1-го апрѣля вечеромъ, т. е. послѣ первой обструкціи 31-го марта. Нѣкоторые члены собрались въ недоумѣніи; обмѣнялись впечатлѣніями о слышанномъ. Постановленій никакихъ не было. Былъ разговоръ о группахъ.

Гессенъ. Въ какомъ смыслѣ возникъ вопросъ о группахъ?

Соколовъ. I-ое появилось на дверяхъ института объявленіе о группахъ. Оказалось, что на 2-хъ курсахъ группы уже поданы. Такъ что не приходилось разсуждать о томъ, удобно это или нѣтъ.

Зерновъ. Было только 2 бюллетеня?

Соколовъ. Да осенью было письмо за подписью одного изъ «своб.-д-щихъ».

Зерновъ. Подъ Орган. комит. подразумѣвался исполнительный органъ? 1-й бюллетень подходитъ къ его функціямъ, а второй?

Соколовъ. Во второмъ онъ высказываетъ свое мнѣніе о держаніи экзаменовъ въ связи съ уходомъ профессоровъ.

Зерновъ. Вопросъ совсѣмъ другой. А вотъ мнѣніе на счетъ ухода профессоровъ. Откуда были матеріалы для сужденія и почему онъ взялся обсуждать?

Соколовъ. Орг. комитетъ считалъ нужнымъ давать свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ; но, не считая возможнымъ опубликовывать свѣдѣнія, добытыя частнымъ образомъ, онъ объявилъ, зная исторію инцидента, только свое мнѣніе о немъ, ни для кого не обязательное.

Зерновъ. Не есть ли это, мнѣніе оставшихся профессоровъ?

Соколовъ. Нѣтъ, мы знали исторію изъ разсказа обѣихъ сторонъ.

Зерновъ. Вотъ во 2-мъ бюллетенѣ — жестокое мѣсто «кто не согласенъ съ нами, пусть уходитъ». Это относится къ уволеннымъ?

Соколовъ. Нѣтъ, Вы не такъ поняли. Если кто нибудь считаетъ, что институтъ разгромленъ, не существуетъ, что, благодаря уходу профессоровъ, институтъ понесъ незамѣнимую утрату, тотъ пусть уходитъ (нѣкоторые высказывали намѣреніе уйти). Но никто не имѣетъ права мѣшать другому и требовать закрытія института. Это бюллетень до обструкціи и объ увольненіи тогда даже не думали.

Зерновъ. Когда Вы ничего не добились отъ Бальди, Вы не пытались иначе разслѣдовать дѣло черезъ тѣхъ, кто былъ при этомъ?

Соколовъ. Какъ-же. Это было сдѣлано, но одни совсѣмъ не видали составленія списка, а другіе не видали и не слыхали, какъ студенты принимали въ этомъ участіе.

Гессенъ. Не можете-ли назвать фамиліи присутствовавшихъ?

Соколовъ. Фойгтъ, Дэви, Ауэрбахъ, Макаровъ, Ковалевскій, Духонь.

Рейнвальдъ. А Макаровъ говорилъ, что онъ въ инспекціи не былъ?

Соколовъ. Я не говорю объ инспекціи. Здѣсь же говорилось и о пріемной, гдѣ былъ Макаровъ.

Рейнвальдъ. Интересно было бы эти случаи отдѣлять.

Зерновъ. Вы до послѣдней исторіи принимали участіе въ сходкахъ въ общественной жизни, агитировали?

Соколовъ. На сходкахъ бывалъ, но не агитировалъ; говорилъ много только на послѣднихъ сходкахъ.

Зерновъ. Но у Васъ не было рѣзкихъ столкновеній и отношеній съ группой студентовъ?

Соколовъ. Нѣтъ, рѣзкаго раньше не было. Во время «патріотической» сходки нѣкоторые мнѣ рѣзко отвѣчали.

Зерновъ. Въ отношеніи ушедшихъ профессоровъ, что Вы ставите имъ въ вину? Тѣ выраженія, которыя они употребили, т. е. «нравственно-слабые» и т. д. Вѣдь это не относилось ни къ кому лично?

Соколовъ. Я считаю, что, если студентамъ не простительно основываться на непровѣренныхъ слухахъ, то профессора—прямо обязаны были сначала удостовѣриться, а между тѣмъ Долбня здѣсь говорилъ, что у него составилось мнѣніе, не основанное на фактахъ.

Зерновъ. А если бы записка не была разсылаема, Вы считали бы ее для себя оскорбленіемъ? Вѣдь тамъ слова «свобододѣйствующіе» нѣтъ?

Соколовъ. Въ камерѣ мирового судьи Долбня прямо сказалъ, что это относится къ намъ.

Зерновъ. То есть, какъ будто бы эти слова были подставлены проф. Долбней?

Соколовъ. Да.

Зерновъ. Если бы этого не было бы, то Вы могли бы не считать ее оскорбительной?

Соколовъ. Записку приходится относить только къ группѣ.

Зерновъ. Тамъ вѣдь не говорится о «свобододѣйствующихъ»?

Соколовъ. Но тамъ вѣдь говорится о „группѣ"—понять двояко нельзя.

Зерновъ. Слухи были, какъ Вы говорите?

Соколовъ. Какъ могъ профессоръ, на основанiи только слуховъ писать: «группа павшихъ студентовъ», «позорная цензорская организацiя» и клеймить цѣлую группу «нравственно слабыми или позорно павшими»?

Зерновъ. Но вѣдь профессора могли счесть для себя оскорбительнымъ Вашъ бюллетень № 2-й?

Соколовъ. Допускаю; въ немъ выражено только мнѣнiе Орган. комитета «свобододѣйствующихъ».

Гессенъ. Не извѣстно-ли Вамъ отъ очевидцевъ обструкцiи, такъ сказать, ихъ первоисточника, что они видѣли что нибудь шокирующее въ поведенiи студентовъ?

Соколовъ. Макаровъ говорилъ о словахъ Бальди.

Фойгтъ Я тамъ былъ и ничего подобнаго разсказанному здѣсь не видалъ.

Соколовъ. Вообще нѣкоторые слухи, которые говорились на судѣ циркулировали и раньше, какiе именно разсказы ходили раньше я теперь затрудняюсь сказать.

Зерновъ. Задача Орган. комитета была обезпечить держанiе экзаменовъ? Онъ въ этомъ отношенiи предпринялъ что нибудь, т. е. сборщики группъ были-ли членами Орган. комитета?

Соколовъ. Нѣтъ. Нѣкоторые изъ сборщиковъ, если и были членами комитета, то дѣйствовали по личной инициативѣ, какъ частныя лица; постановленiя комитета о группахъ никакого не было.

Павловъ. Почему Вы не называете состава Орган. комитета?

Соколовъ. Конвертъ со спискомъ у суда; онъ его можетъ вскрыть, когда найдетъ нужнымъ.

Гапъевъ. Это насъ не интересуетъ.

Бауманъ. Когда вышелъ второй бюллетень?

Соколовъ. 22-го марта.

Бауманъ. Съ кѣмъ изъ насъ Вы разговаривали? И кто разговаривалъ?

Соколовъ. Кто говорилъ, я не скажу, а если хотите знать съ кѣмъ, то говорили съ профессорами Никитинымъ и Богдановичемъ.

Бауманъ. Макаровъ передавалъ здѣсь свой разговоръ весной съ Бальди. Весной онъ говорилъ Вамъ объ этомъ?

Соколовъ. Макаровъ говорилъ, но къ чему мнѣ этотъ разговоръ, когда Бальди самъ мнѣ это говорилъ?

Павловъ. По какимъ мотивамъ Вы, передавая списокъ суду, не опубликовали его? Вѣдь, если въ немъ не окажется лицъ, противъ которыхъ есть обвиненіе, то это доводъ «за», а если на-оборотъ, то это чрезвычайный доводъ «противъ». Составъ Орг. ком-та характеризуетъ Васъ всѣхъ—по моему это очень важно.

Соколовъ. Я не уполномоченъ комитетомъ огласить фамиліи, но переговорю съ товарищами и тогда сообщу суду.

Гливицъ. Вы говорите, что Ваша группа въ университетѣ и группа независимыхъ въ институтѣ не имѣла никакого политическаго „credo"?

Соколовъ. «Свобододѣйствующіе» не имѣли.

Гливицъ. Независимые не имѣли, а «Денница» не имѣла?

Соколовъ. Я вамъ покажу баллотировочный листъ; здѣсь изъ 44 фамилій, 5-6 „своб.-д-щихъ". Что у нихъ можетъ быть общаго?

Гливицъ. Прошу отвѣтить на вопросъ.

Соколовъ. Такъ Вы спрашивайте.

Гливицъ. Какъ Вы объясняете политическія манифестаціи «Денницы»?

Соколовъ. Значитъ согласились на этомъ вопросѣ и пошли всѣ на манифестацію. Я зналъ «Денницу», когда она только еще зарождалась.

Гливицъ. Отвѣтьте мнѣ: собираніемъ политической сходки выражается политическое „credo"?

Соколовъ. Прочтите резолюцію патріотовъ и найдете тамъ политику.

Гливицъ. А сборъ патріотами сходки для выраженія сочувствія манифестантамъ? Развѣ это не политическое дѣйствіе?

Соколовъ. Сходка была не для выраженія сочувствія манифестантамъ. Одно дѣло—сочувствовать, а другое—не порицать. Если,

напримѣръ, кто нибудь былъ противъ того, чтобы устроить Коновалову кошачій концергъ или сбросить его въ Неву — это не значитъ, что онъ сочувствовалъ Коновалову.

Гливицъ. Я спрашиваю объ одномъ, а Вы мнѣ отвѣчаете другое.

Предсѣдатель. Вы хотите получить сужденіе — отъ свидѣтеля этого нельзя требовать.

Гливицъ. Г-нъ Предсѣдатель, намъ это интересно, такъ какъ здѣсь борьба «свободной мысли» со «свободными дѣйствіями».

Соколовъ. Если бы Нечаевъ на сходкѣ не подсказалъ Вамъ, то Вы и до сихъ поръ не знали бы, что у Васъ «свободныя мысли».

Предсѣдатель. Г-нъ Соколовъ утверждаетъ, что политической окраски не было.

Гливицъ. Вопросъ общаго характера: «Денница» и Вы, для своей легальной группы, переняли пріемъ нелегальной группы, чѣмъ Вы это объясняете?

Предсѣдатель. Какіе пріемы нелегальныхъ группъ?

Гливицъ. Устройство комитета тайнаго не только отъ другихъ группъ, но и отъ своихъ сочленовъ.

Соколовъ. Съ точки зрѣнія существующаго устава наша группа тоже была нелегальная.

Предсѣдатель. Почему Вы считали нужнымъ образовать Орг. комитетъ?

Соколовъ. Онъ, какъ я уже говорилъ, образовался изъ «бюро»— особаго значенія названію не придавалось.

Урбановичъ. Почему Вы скрывали его составъ отъ членовъ своей же группы?

Соколовъ. Систематическаго скрыванія не было; было нежеланіе, чтобы противная сторона обрушилась на отдѣльныхъ личностей. Когда въ чертежной 5 курса отбирались голоса, то всякій могъ видѣть, кто это дѣлалъ?

Гливицъ. Вы протестовали противъ Коновалова?

Соколовъ. Смотря—когда.

Гливицъ. На первой сходкѣ?

Соколовъ. На первой сходкѣ я не былъ.

Гливицъ. А 12-го марта были?

Соколовъ. 12-го воздержался, подавъ особое мнѣніе.

Гливицъ. Значитъ не выражали протеста?

Соколовъ. Нѣтъ, я...

Гливицъ. Этого для насъ достаточно.

Соколовъ. Но для меня недостаточно. Я считалъ, что Коноваловъ

совершилъ грубый поступокъ, разорвавъ резолюцію и выгнавъ депутатовъ. Но послѣ того, какъ онъ извинился передъ ними и согласился на извѣстныхъ условіяхъ извиниться передъ сходкой, я считалъ, что эти условія пріемлемы.

Гливицъ. Какъ Вы смотрите на тѣхъ, кто протестовалъ и пошелъ въ первую голову на экзамены?

Соколовъ. Это Вы о нейтральныхъ и забастовщикахъ?

Гливицъ. Нѣтъ, о «свобододѣйствующихъ».

Соколовъ. Такихъ я не знаю, но, если бы это и было, то мое мнѣніе выразилось въ томъ, что я присоединился къ «своб. д-щимъ».

Гливицъ. Скажите, чѣмъ связана «лѣвая» группа?

Соколовъ. Общностью политическихъ убѣжденій.

Предсѣдатель. Это къ дѣлу не относится.

Гливицъ. Но это сущность дѣла, г-нъ Предсѣдатель.

Зерновъ. Политическія убѣжденія не подлежатъ обсужденію суда.

Гливицъ. Но извѣстныя политическія убѣжденія обыкновенно связаны съ извѣстными поступками.

Предсѣдатель. Судъ не можетъ идти такимъ путемъ; онъ будетъ руководиться только фактами.

Снятковъ. Вы заявляли, что Вашей группѣ было важно, чтобы по принципіальнымъ вопросамъ можно было выносить два мнѣнія. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ Ваша группа созывала на 10-е февраля полномочную сходку и желала ее объявить полномочной?

Соколовъ. Собиравшіе не объявляли ее полномочной.

Снятковъ. Бумажки были не анонимныя. Тамъ было сказано, что сходка полномочная; въ объявленіи на стѣнѣ курилки тоже.

Соколовъ. Въ разосланномъ приглашеніи не было слова «полномочная».

Снятковъ. Позвольте, а какъ же...

Предсѣдатель (читаетъ разосланное приглашеніе явиться на сходку). Тутъ ни слова нѣтъ о полномочности сходки.

Снятковъ. Значитъ объявленіе на стѣнѣ и разосланное оповѣщеніе ничѣмъ не связаны?

Соколовъ. Были намѣчены нѣкоторые вопросы и дѣйствительно предполагалось созвать сходку позднѣе. Такъ называемые «патріоты» не знали, кто вывѣсилъ и объявленіе; вывѣшено оно было для нихъ неожиданно и они не были подготовлены къ этой сходкѣ. Воспользовались только уже назначенной сходкой и спѣшно разослали приглашенія съ намѣченными вопросами.

Снятковъ. А «патріоты» считали сходку полномочной?

Соколовъ. Странно говорить о полномочности въ принципіальномъ вопросѣ.

Снятковъ. А что Вы вообще считаете полномочной сходкой?

Соколовъ. Въ какомъ смыслѣ?

Снятковъ. Въ общепринятомъ у насъ въ институтѣ.

Соколовъ. Ну, у насъ въ институтѣ понятія весьма измѣнчивы.

Макаровъ. Сходка была собрана Яньковскимъ, какъ онъ самъ объявилъ на сходкѣ, и былъ вопросъ, кто прибавилъ слово полномочная. Надѣюсь Вы это подтвердите?

Гаппевъ. Яньковскій былъ предсѣдателемъ сходки 31-го января и сказалъ, что на 10-е февраля была назначена новая сходка.

Нацваловъ. Это было сдѣлано въ виду требованія противной стороны назвать, кто собиралъ сходку.

Зерновъ. Когда образовался Орган. комитетъ группы «патріотовъ?»

Соколовъ. Послѣ сходки 31-го января.

Зерновъ. Тутъ на повѣсткѣ въ программѣ сходки есть пунктъ о произволѣ столовой комиссіи. Какое отношеніе это имѣетъ къ «патріотизму?»

Соколовъ. 31-го января была сходка и тогда случайно поднялся вопросъ о войнѣ...

Фойгтъ. Въ пунктѣ о произволѣ комиссіи подразумѣвается инцидентъ съ Заддэ, который сорвалъ въ столовой пародію на манифестъ о войнѣ; за это столовая комиссія собственной властью лишила его права бывать въ столовой.

Зерновъ. А анонимная ругань?

Соколовъ. На стѣнахъ института были развѣшены произведенія на ту же тему.

Рейнвальдъ. Вы заявили, что резолюціи политическаго свойства Васъ не касались. Отчего же группа «патріотовъ» приняла такое горячее участіе въ сходкѣ 31-го января?

Соколовъ. Потому что Вы желали выставлять свои мнѣнія отъ имени всего института.

Рейнвальдъ. Значитъ, если бы была резолюція: столько-то студентовъ имѣютъ такое мнѣніе, а столько-то такое, Вы согласились бы на такую резолюцію?

Соколовъ. Конечно.

Рейнвальдъ. Вѣдь въ резолюціи 31-го анваря такъ и было: «студенты Горнаго института собравшись и т. д., столькими-то голосами противъ столькихъ-то постановили».

Соколовъ. Такъ вѣдь тамъ сказано: «мы, студенты Горнаго института, постановили...» Кто же пойметъ эту резолюцію иначе, какъ отъ института.

Предсѣдатель. Это споръ о словахъ.

Гливицъ. Вы ставите въ связь группу «патріотовъ» со «свобододѣйствующими?»

Соколовъ. Какую связь?

Гливицъ. Связь состава.

Соколовъ (читаетъ одинъ изъ баллотировочныхъ листовъ группы патріотовъ). Судите теперь сами — изъ 44-хъ, пять-шесть «свобододѣйствующихъ».

Гливицъ. Коноваловскій конфликтъ Вы значитъ не ставите въ связь съ предыдущей жизнью студентовъ?

Соколовъ. Совсѣмъ не ставлю.

Гливицъ. Прошу это занести въ протоколъ. Были-ли осенью депутаты у профессоровъ, получившихъ порицаніе и у новыхъ профессоровъ, съ выраженіемъ имъ довѣрія?

Соколовъ. Отъ группы?—ничего не слыхалъ. Я лично, по своей инциативѣ, былъ у одного профессора, чтобы провѣрить слухъ о томъ, будто къ новымъ профессорамъ ходили депутаты отъ студентовъ просить ихъ уйти изъ института.

Гапѣевъ. За такіе факты Вы получили угрозы отъ «революціоннаго трибунала»?

Соколовъ. Я себѣ это объясняю тѣмъ, что предсѣдатель Организаціоннаго комитета бывалъ у меня на собраніяхъ и слѣдовательно зналъ мой адресъ и фамилію. Послѣ того, какъ они измѣнили программу, мы сдѣлались врагами.

Предсѣдатель. Значитъ факты не указывались?

Соколовъ. Не указывались.

Гапѣевъ. Но вѣдь угрозы были за Вашу дѣятельность, а не бездѣліе? За что же именно?

Соколовъ. Обратитесь въ «революціонный трибуналъ», тамъ, можетъ быть, узнаете.

Гапѣевъ. Когда Вы вернулись отъ профессоровъ на сходку, Вы упустили передать ей, что профессора призывали къ единенію, а сказалъ это Берладинъ. Говорили-ли это профессора?

Соколовъ. Объ единеніи разговора не помню.

Гапѣевъ. Не знаетъ-ли свидѣтель о группѣ 3-го курса, гдѣ въ заголовкѣ было сказано, что записавшіеся ручаются, что обструкціи не будетъ?

Соколовъ. Возможно, что это было.

Гапѣевъ. Въ группѣ 3-го курса?

Соколовъ. Не знаю, я ее не подавалъ.

Гапѣевъ. Бывали-ли у комитета свободныя сношенія съ Коноваловымъ?

Соколовъ. На І-мъ же засѣданіи было постановлено ни въ какія сношенія съ начальствомъ не входить, буде даже оно само сдѣлаетъ первые шаги. Что касается отдѣльныхъ лицъ, то могли быть сношенія чисто академическаго характера.

Гапѣевъ. Было-ли подписано приглашеніе на сходку 15 ноября

Соколовъ. Нѣтъ, кажется, не было.

Гапѣевъ. Неизвѣстно-ли Вамъ, что въ 1902 году какъ и весной 1904 года, были попытки организоваться; короче: бывали ли собранія у Дэви и бывали ли Вы тамъ?

Соколовъ. Участія въ этой попыткѣ я не принималъ.

Дэви. Совѣщанія у меня были.

Соколовъ. Что именно было 3—4 года назадъ, я не могу точно помнить. Знаю, что это было послѣ того, какъ Романовъ сжиганіемъ временныхъ правилъ нарушилъ постановленіе сходки—мы считали возможнымъ перебаллотировать вопросъ о забастовкѣ.

Гапѣевъ. Что было на засѣданіяхъ Орг. ком. «своб.-д-щихъ»?

Соколовъ. А я Васъ спрошу: что на Вашихъ засѣданіяхъ было?

Предсѣдатель. Это къ дѣлу не относится.

Гапѣевъ. Вы, или Злотницкій, или Кутыринъ говорили, что Организаціонный комитетъ не былъ выбранъ, а кружокъ лицъ, знакомыхъ между собою, былъ утвержденъ въ правахъ комитета?

Соколовъ. Я уже разсказывалъ объ образованіи комитета.

Предсѣдатель. Изъ «бюро»?

Соколовъ. Да — потомъ еще въ него вошло нѣсколько новыхъ лицъ.

Гапѣевъ. Составъ Орган. комитета группы патріотовъ тотъ же, что и «свобододѣйствующихъ»?

Соколовъ. Я состава не знаю, только нѣкоторыхъ лицъ.

Предсѣдатель. Цѣликомъ не помните?

Соколовъ. Не помню, только знаю составъ Организаціоннаго комитета «свободѣйствующихъ».

Гапѣевъ. Но связь все-таки была? Чѣмъ Вы ее себѣ объясняете?

Соколовъ. Связь была, но не преемственная по составу, а историческая. Недовольство росло, вспышки его проявлялись все рѣзче и рѣзче и, наконецъ, выразились въ «свободѣ дѣйствій».

Предсѣдатель. Больше вопросовъ г-ну Соколову не имѣется.

(объявляетъ перерывъ)

Соколовъ. Переговоривъ съ товарищами, я прошу судъ вскрыть конвертъ со спискомъ Организаціоннаго комитета. Мы не сдѣлали этого раньше, ибо думали, что раскрытіе Организаціонныхъ комитетовъ произойдетъ одновременно. Вѣдь на 2-мъ засѣданіи суда, прис. повѣр. Грузенбергъ храбро заявилъ, что они скрывать своего комитета не будутъ. Однако, мы просимъ судъ не оглашать этихъ фамилій, не желая, чтобы эти члены попали въ печать и дошли, такимъ образомъ, до свѣдѣнія институтскаго начальства, тѣмъ болѣе, что противная сторона заявила, что она этими фамиліями не интересуется.

Предсѣдатель (вскрываетъ и передаетъ списокъ судьямъ).

Гапѣевъ. Опубликованіе Вашего комитета обусловлено опубликованіемъ нашего?

Соколовъ. Нѣтъ, безъ всякихъ условій.

Гапѣевъ. Ничего не имѣемъ противъ, чтобы это было извѣстно лишь судьямъ.

Предсѣдатель. Онъ будетъ опубликованъ въ закрытомъ засѣданіи. Проситъ дать показанія г. Горбу.

Духонь. На Васъ ссылался въ своемъ показаніи Кульжинскій, говоря обо мнѣ, что я раздавалъ билеты. Есть у Васъ какіе либо факты, что я кому нибудь выдавалъ билеты?

Горбъ. Я получилъ безъ всякой съ моей стороны просьбы бѣлый билетъ, но въ институтъ меня съ этимъ билетомъ не пустили, хотя я получилъ его на тоже число. Меня удивило, что одни входятъ, а другіе не могутъ войти. Тутъ называли фамиліи къ кому надо обратиться за билетомъ, между прочимъ Духонь, такъ какъ впускали по цвѣтнымъ билетамъ, а у меня былъ бѣлый. Кромѣ того, я могу еще разсказать разговоръ студ. Старицына съ Духонь. 2-го апрѣля, когда онъ стоялъ передъ институтомъ, къ нему подошелъ Духонь и говоритъ: „я вчера къ Вамъ заходилъ, Василій Григорьевичъ, но не засталъ дома". На это Старицынъ отвѣтилъ: „и хорошо сдѣлали". Не можетъ быть сомнѣнія, что Духонь заходилъ, чтобы предложить ему записаться въ группу, вѣдь зачѣмъ было заходить къ Старицыну, когда у Духонь со Старицынымъ никакихъ дѣлъ не было. Но что Духонь раздаетъ билеты, этого я лично никому не говорилъ.

Духонь. Горбъ получилъ вѣроятно бѣлый билетъ въ числѣ 50

первыхъ по алфавиту, билеты эти потомъ были отмѣнены; такую отмѣну получилъ и я 1-го апрѣля; вечеромъ 1-го апрѣля я, записавшись въ группу Дэви, получилъ цвѣтной билетъ, по которому и прошелъ 2-го Апрѣля въ институтъ. Никакихъ билетовъ никому никогда не давалъ. Что же касается г. Старицына, то повторю я, что 2-го апрѣля, выйдя послѣ обструкціи на портикъ института, встрѣтилъ Старицына и сказалъ ему буквально слѣдующее: „г. Старицынъ, Вы, кажется, держите экзаменъ, такъ пойдите запишитесь; тамъ во 2 чертежной идетъ запись 1 группы". На это Старицынъ отвѣтилъ: „нѣтъ, благодарю, я экзаменъ не держу". Никакихъ предложеній составить группу я Старицыну не дѣлалъ, ибо самъ я былъ уже записанъ въ 1 группу Дэви и въ составленіи группы надобности не имѣлъ. Еще г. Горбъ, не припомните ли крупный разговоръ, который Вы тогда же на портикѣ института имѣли со студентомъ Недзѣльскимъ?

Горбъ. Да, какъ же припоминаю, онъ отрицалъ Ваше участіе въ составленіи группы.

Гапѣевъ. Здѣсь имѣется показаніе Старицына.

Злотницкій. Подтверждаете ли Вы Вашу фразу на сходкѣ: «я нейтральный, присоединяюсь только къ большинству института».

Горбъ. Я на сходкахъ не былъ, кромѣ 15-го марта; ко мнѣ пришли съ баллотировочнымъ листомъ и тамъ я написалъ: „присоединяюсь къ большинству института". Я уже опытенъ въ этихъ дѣлахъ.

Злотницкій. Но подчиняясь большинству института Вы считали, что забастовка прошла?

Горбъ. Я „подчиняюсь" большинству всего института, но не хотѣлъ, чтобы меня „причислили" къ большинству сходки. Что касается забастовки, то я потомъ считалъ, что она прошла.

Предсѣдатель. Т. е. Вы подчинились забастовкѣ, считая, что она прошла?

Горбъ. Да.

Гапѣевъ (Духоню). Вы Маргуліусу предлагали записаться въ группу?

Духонь. Я ему говорилъ, что баллотируютъ за забастовку, противъ забастовки, но что есть третій листъ—особое мнѣніе, гдѣ онъ можетъ записаться, но я не предлагалъ ему записываться въ экзаменаціонную группу, ибо таковой я не составлялъ.

Гапѣевъ. Я могу представить письмо Маковскаго, по этому поводу.

Предсѣдатель читаетъ *.

Духонь. Я одинъ разъ заходилъ къ Маргуліусу за своими лекціями, въ комнату я не входилъ, но видѣлъ черезъ дверь, что у него Маковскій сидѣлъ. Съ Маргуліусомъ я ни о чемъ кромѣ лекцій тогда не говорилъ.

Шемякинъ. Я хотѣлъ объяснить почему я выступаю въ третейскомъ судѣ.

Предсѣдатель. Вы съ какой стороны выступаете свидѣтелемъ?

Шемякинъ. Со стороны «своб.-д-щихъ». Я подалъ голосъ противъ забастовки съ подчиненіемъ большинству. Послѣ закрытія института, я, по нѣкоторымъ соображеніямъ, рѣшилъ приступить къ экзаменамъ: между прочимъ потому, что считалъ забастовку не жизненной. Поэтому я пошелъ къ Берладину и просилъ его занести меня въ списокъ „своб.-д-щихъ" и въ свою экзаменаціонную группу. О поручительствѣ у насъ съ нимъ никакого разговора не было. По моему мнѣнію, если я нарушаю принципъ большинства, то мнѣ не мѣсто быть въ карпораціи. Поэтому я и просилъ занести меня въ списокъ «своб.-д-щихъ». По моему «своб.-д-щіе» это тѣ, кто приступилъ къ экзаменамъ до образованія половины института и по моему, всѣ они должны были сдѣлать то же самое, что сдѣлалъ я. Далѣе до 12-го апрѣля я въ институтѣ не былъ и ничего не знаю, что тамъ происходило.

Предсѣдатель. Вы подавали голосъ за забастовку?

Шемякинъ. Противъ, но съ подчиненіемъ большинству.

Предсѣдатель. На сходкѣ 15-го марта Вы были?

Шемякинъ. На сходкѣ 15-го марта я былъ, но ушелъ до исключенія „своб.-д-щихъ" изъ корпораціи. Объ исключеніи я уже узналъ потомъ. Такъ какъ обвиненія „своб.-д-щихъ" раздавались безъ упоминанія фамилій, то я считалъ что обвиненія касаются и меня, поэтому и подписалъ вызовъ къ третейскому суду, присоединивъ свою фамилію у Алексѣева.

Злотницкій. Вы считаете „своб.-д-щими", всѣхъ приступившихъ къ экзаменамъ, до образованія большинства института?

Шемякинъ. Да, до 300 слишкомъ человѣкъ.

Гаппѣевъ. Вы помните нашъ разговоръ о „своб.-д-щихъ"? Я говорилъ, что не считаю Васъ „своб.-д-щимъ". Чѣмъ я мотивировалъ свои слова?

Шемякинъ. Навѣрное не помню.

Гаппѣевъ. Я говорилъ Вамъ, что считаю „своб.-д-щими" тѣхъ, кто принципіально заявилъ о непризнаніи всякаго большинства.

Шемякинъ. Вы говорили, почти такъ.

Гаппьевъ. Главной причиной того, что Вы приступили къ экзаменамъ Вы выставляете свои личныя обстоятельства, было ли это единственной причиной?

Шемякинъ. Нѣтъ, такимъ образомъ я не говорилъ. Соображенія, почему я подалъ противъ забастовки, были другого характера. Рѣшилъ же держать экзамены, когда увидѣлъ, что забастовка не жизненна.

Гаппьевъ. Вы сначала записались въ экзаменаціонную группу, а потомъ въ „своб-.д-щіе“?

Шемякинъ. Я просилъ одновременно записать меня и въ списокъ „своб.-д-щихъ“ и экзаменаціонную группу.

Гаппьевъ. Можетъ быть, Вы считали, что если Вы не запишитесь въ „своб.-д-щіе“, Вамъ нельзя будетъ записаться въ экзаменаціонную группу? Что не „своб.-д-щіе“ не допускаются въ группу?

Шемякинъ. На экзамены могли приходить рѣшительно всѣ и записываться для этого въ группу „своб.-д-щихъ“ не было надобности.

Гаппьевъ. Зачѣмъ же Вы потомъ записались въ „своб.-д-щіе?“

Шемякинъ. Потому что считалъ, что разъ я приступилъ къ экзаменамъ противъ большинства, то мнѣ нужно записаться въ спискѣ „своб.-д-щихъ“, каковымъ я фактически становился приступая къ экзаменамъ.

Предсѣдатель. Т. е. нарушеніе принципа большинства—вотъ причина Вашей записи въ „своб.-д-щіе?“

Шемякинъ. Да.

Гаппьевъ. А Вы находили, что забастовка принята большинствомъ?

Шемякинъ. Тогда—да, а теперь я этого не считаю: теперь это спорный вопросъ.

Брушвитъ. Чисто принципіальный вопросъ; если бы всѣ „своб.-д-щіе“ сдѣлали такъ, какъ Вы, то былъ ли бы разгромъ института?

Шемякинъ (затрудняется отвѣтить). Не понимаю вопроса.

Гаппьевъ. Не припомните ли Вы, что мы съ Вами долго ходили по Троицкой улицѣ и я Вамъ говорилъ, что мы считаемъ „своб.-д-щими“ тѣхъ, кто при всякихъ обстоятельствахъ большинству не подчиняется.

Шемякинъ. Возможно, что Вы мнѣ это говорили, но къ данному это не примѣнимо.

Меффертъ. Когда Вы записались въ „своб.-д-щіе“ у Берладина, Вы довели до свѣдѣнія Орг. комитета о своей записи?

Шемякинъ. Орг. комитетъ для меня былъ мифическимъ суще-

ствомъ; я не считалъ, что это учрежденіе вѣдаетъ всѣми студенческими дѣлами и не находилъ нужнымъ обращаться къ нему. Въ этомъ пожалуй, съ формальной стороны, мною сдѣлано упущеніе. Но о своей «свободѣ дѣйствій» я вообще не скрывалъ ни отъ кого. Что же касается листа съ подписями «своб.-д-щихъ», то на него я смотрѣлъ, какъ на баллотировочный листъ, а никакой партіи не признавалъ.

Меффертъ. Логично ли было со стороны сходки исключить «своб.-д-щихъ» изъ корпораціи?

Шемякинъ. Нѣтъ, я этого не считаю. Вы не имѣли права никакого ихъ исключить.

Меффертъ. Какъ? Они не подчинялись большинству и все таки ихъ нельзя исключить?

Шемякинъ. Да, нельзя; это дѣло совѣсти: они сами могли уйти, но Вы ихъ исключить не имѣли права. Приведу примѣръ: Вотъ профессора ушли сами не подчинившись большинству Совѣта? Но оставшіеся профессора не имѣли бы никакого права ихъ исключить.

Меффертъ. Почему же Вы не сочли себя въ правѣ оставаться въ корпораціи?

Шемякинъ. Потому что я считалъ тогда, что мной былъ нарушенъ основной принципъ корпораціи.

Гливицъ. Васъ заставили держать экзамены семейныя обстоятельства...

Шемякинъ. Не только семейныя обстоятельства...

Гливицъ. Но все же Вы дѣлали нѣкоторый компромиссъ?

Шемякинъ. Да, дѣлалъ.

Гливицъ. Вотъ разница между Вами и «своб.-д-щими». Вы считали держаніе экзаменовъ компромиссомъ, а они неотъемлемымъ правомъ.

Нечаевъ. А Вы считали своимъ правомъ дѣлать компромиссы?

Шемякинъ. Очевидно считалъ.

Воскресенскій. Не было ли у Васъ разговора съ Гапѣевымъ въ маѣ?

Шемякинъ. Да, былъ. Гапѣевъ шелъ ко мнѣ; увидя его черезъ окно и желая поставить его въ извѣстность, я ему сообщилъ, что принадлежу къ числу тѣхъ, которыхъ они называли мерзавцами и подлецами,—словомъ сильно поносили,—ибо подалъ свой голосъ за «свободу дѣйствія». Гапѣевъ отвѣтилъ мнѣ, что кромѣ героевъ и мерзавцевъ есть люди слабые.

Гапѣевъ. Вы мнѣ опредѣленно сказали, что Вы «своб.-д-щій» или такъ вообще, что Вы будете держать экзамены?

Шемякинъ. Я Вамъ сказалъ, что я записался въ группу «своб.-д-щихъ»; въ томъ, что я упомянулъ «своб.-д-щихъ», я почти увѣренъ, съ какой стати я сталъ бы себя ругать.

Гапѣевъ. Но уполномочивали Вы меня довести объ этомъ до свѣдѣнія Орг. комитета?

Шемякинъ. Нѣтъ, находилъ совершенно лишнимъ кого либо «уполномочивать», кому либо передавать, какъ я уже указывалъ. Однако ни отъ кого не скрывалъ.

Гапѣевъ. Снова обращаю вниманіе суда, что разъ оффиціально не было извѣстно объ извѣстномъ лицѣ, что онъ «своб.-д-щій», то его не заносили въ списокъ.

Рейнвальдъ. Ожидали ли Вы увидѣть свою фамилію въ проскрипціонномъ спискѣ?

Шемякинъ. Да, я долженъ былъ бы попасть въ этотъ списокъ.

Рейнвальдъ. Такъ что Вы не протестовали бы противъ этого?

Шемякинъ. Нѣтъ.

Зерновъ. Въ какой списокъ?

Шемякинъ. Въ проскрипціонный.

Злотницкій. Вы считали себя членомъ «партіи?»

Шемякинъ. Фактъ совмѣстнаго нахожденія моей фамиліи былъ бы вполнѣ естественъ, но членомъ партіи я себя не считалъ и не считаю, потому что партіи никакой не было.

Кутыринъ. Т. е. Вы не протестовали бы противъ занесенія Васъ въ общій списокъ, но противъ заголовка вѣдь Вы протестуете?

Шемякинъ. Конечно. А потому я и приписался къ вызову на Третейскій судъ. Теперь бы я хотѣлъ предложить противной сторонѣ вопросъ. Поддерживаете ли Вы противъ меня Ваши обвиненія?

Рейнвальдъ. Никакихъ обвиненій противъ Васъ не поддерживаемъ: обвиненія общія, а не личныя.

Гапѣевъ. Мы Васъ не обвиняли.

Шемякинъ. Но я «своб.-д-щій».

Гапѣевъ. Мы Васъ таковымъ не считаемъ, такъ что Вы самого себя обвиняете.

Нацваловъ. Если бы экзамены прошли въ количествѣ 10—20 человѣкъ — значитъ фактически состоялись—то считали бы Вы возможнымъ приступить къ экзаменамъ?

Шемякинъ. Для меня число не играло роли.

Нацваловъ. Ваше присоединеніе произошло послѣ начала экзаменовъ?

Шемякинъ. Первый экзаменъ на 3-емъ курсѣ былъ 12-го апрѣля и я держалъ въ этотъ день.

Воскресенскій. Вы можетъ быть подтвердите, что «своб.-д-щимъ» было на сходкѣ разрѣшено держать экзамены?

Шемякинъ. Я во всякомъ случаѣ руководился исключительно собственными побужденіями.

Предсѣдатель. Судъ желаетъ задать вопросы тѣмъ студентамъ изъ «своб.-д-щихъ», которые были 2-го апрѣля въ институтѣ. Вызываетъ Макарова.

Гессенъ. Разскажите, что знаете о составленіи экзаменаціоннаго списка; не было ли въ первое время сортировки, которую производили бы сами студенты? Не извѣстны ли Вамъ факты поручительства? Какъ Вы получили билетъ?

Макаровъ. Какъ получилъ билетъ—я не знаю. Знаю, что былъ записанъ въ первую группу. Кому этимъ обязанъ, я не знаю. Билетъ мой, сохранившійся у меня, помѣченъ 3-мъ апрѣля. Относительно поручительства я слышалъ о случаѣ съ Эфендіевымъ. Къ Оводенко пришли студенты Рыженко и Ив. Соколовъ и предложили ему и Енько (Оводенко съ Енько жили вмѣстѣ) записаться въ группу. Они оба изъявили согласіе и просили занести въ группу и Эфендіева. На это будто бы Соколовъ заявилъ, что у Эфендіева-де горячая голова и что лучше его не записывать. Оводенко и Енько получили билеты, а Эфендіевъ нѣтъ. На другой день Оводенко пошелъ въ институтъ и заявилъ непосредственно инспекціи о желаніи Эфендіева держать экзамены и Эфендіевъ тоже получилъ билетъ.

Гессенъ. Другихъ случаевъ не знаете?

Макаровъ. Нѣтъ, не знаю.

Гессенъ. Въ инспекціи Вы не были?

Макаровъ. Нѣтъ, не былъ. Я уже говорилъ, что тамъ была такая вонь, что пройти не было возможности, я былъ въ чертежной.

Гессенъ. Не разскажите ли Вы, что происходило въ институтѣ 2-го?

Макаровъ повторяетъ свой разговоръ съ Бальди относительно Алферова.

Гессенъ. Вамъ Бальди заявилъ, что «были желающіе?»

Макаровъ. Да, онъ это мнѣ сказалъ, но тогда я не знаю почему, можетъ быть потому, что вниманіе мое было отвлечено фами

ліей Алферова, но я упустилъ спросить у Бальди фамиліи «этихъ желающихъ».

Гессенъ. Было ли среди студентовъ возбужденіе, громкій разговоръ, которымъ могъ воспользоваться Бальди?

Макаровъ. Къ этому времени уже успокоились, громкаго разговора я не помню.

Гессенъ. По Вашему мнѣнію, было ли большинство за забастовку?

Макаровъ. Я прямо заявлялъ, что исключеніе «своб.-д-щихъ» изъ корпораціи было только средствами проведенія забастовки. Я былъ настолько возмущенъ этимъ фактомъ, что вскочилъ на столъ и заявилъ этимъ господамъ, что горжусь своимъ разрывомъ съ ними.

Гессенъ. Это Вы сдѣлали подъ вліяніемъ возмущенія. Но если бы Вы были спокойны, было бы правильнѣе въ такомъ случаѣ просто держать экзамены, ссылаясь на то, что за забастовку не было большинства. Не надо было переходить въ «своб.-д-щіе».

Макаровъ. Я «своб.-д-щимъ» не былъ. Эти господа сдѣлали меня «своб.-д-щимъ». Когда баллотировалась забастовка, я подалъ голосъ противъ, но не записывался на листѣ за «свободу дѣйствій». О выходѣ изъ корпораціи я заявилъ послѣ того, какъ сходка исключила «своб.-д-щихъ». Когда ушли профессора, я сомнѣвался, держать ли экзамены? Экзамены я откладывалъ и приступилъ 22 апрѣля, когда было выдано уже 64% бѣлыхъ билетовъ.

Гессенъ. Не извѣстно ли Вамъ изъ первыхъ источниковъ о сношеніяхъ съ Коноваловымъ, о «чаепитіи» и проч.?

Макаровъ. О «чаепитіи» знаю.

Гессенъ. Нѣтъ, но общаго характера?

Макаровъ. Нѣтъ, ничего подобнаго не знаю. О «чаепитіи» услыхалъ только на судѣ. Сношенія если и были, то только административнаго характера.

Гессенъ. Былъ при Васъ разговоръ съ Коноваловымъ, въ его пріемной комнатѣ, послѣ обструкціи. О чемъ говорили? Относительно обструкціонистовъ или вообще объ обструкціи?

Макаровъ. Я былъ очень возмущенъ происшедшимъ. Что именно говорили, совершенно не помню; Пумпянскаго помню; всѣ обратили на него вниманіе.

Печковскій. Почему?

Макаровъ. Ужъ онъ очень вертѣлся передъ Коноваловымъ, всячески старался попасть ему на глаза.

Гессенъ. У Васъ между товарищами, вѣроятно, много говорилось

по поводу обвиненій. Не знаете ли Вы случая, когда какое либо обвиненіе признавалось основательнымъ?

Макаровъ. Здѣсь, напримѣръ, называлась фамилія Зѣнченки, какъ шпіона, и я слышалъ. Но потомъ встрѣтилъ его какъ-то на 6-й линіи съ мрачной физіономіей. Спросилъ о причинѣ этого. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Про меня распустили ужасные слухи, что я шпіонъ... Хожу и ищу кому бы изъ членовъ комитета побить физіономію за это».

Предсѣдатель. Значитъ онъ хотѣлъ протестовать?

Зерновъ. Это когда было?

Макаровъ. Уже послѣ обструкціи. Потомъ слышалъ еще, что Бокій назвалъ Ив. Соколова шпіономъ, о чемъ упоминалось у мирового судьи. Слышалъ, что И. Соколовъ только потому не побилъ Бокія, что Бокій, такой жалкій, болѣзненный человѣкъ, мальчишка сравнительно съ И. Соколовымъ. Кому вѣрить? Не знаю.

Гессенъ. Бальди въ чертежной вносилъ кого нибудь при Васъ въ списокъ?

Макаровъ. Нѣтъ. Когда я вошелъ въ чертежную, уже написанный списокъ лежалъ на столѣ.

Предсѣдатель. Бальди могъ слышать разговоръ, который вели между собой студенты?

Макаровъ. Студенты были около, никакихъ фамилій при разговорѣ я не слышалъ.

Гессенъ. Вамъ извѣстны, кто составлялъ списки желающихъ экзаменоваться?

Макаровъ. На 4 курсѣ Дэви и Ауэрбахъ, на 5 И. Соколовъ и Воробьевъ, на 3, кажется, Берладинъ.

Гессенъ. А на первомъ курсѣ?

Макаровъ. На первомъ и второмъ не знаю.

Рейнвальдъ. Вы сказали, что исключеніе «своб.-д-щихъ» было средствомъ для полученія большинства. Отмѣчено ли это въ бюллетеняхъ?

Макаровъ. Точно не помню, но впечатлѣніе, когда я прочелъ бюллетень, было таково, что дѣйствительно воспользовались. Дайте бюллетень, посмотримъ.

Злотницкій. Да воспользовались.

Гессенъ. Чтобы уменьшить число?

Гаппѣевъ. Забастовка объявлена лишь отъ корпораціи.

Урбановичъ. Много ли публики было около Бальди въ чертежной?

Макаровъ. При мнѣ было человѣкъ 10—12.

Урбановичъ. Фамилій не знаете?

Макаровъ. Нѣтъ, не знаю. Вотъ Пумпянскій кажется и тутъ вертѣлся. Соллогубъ былъ, еще Кузьмицкій, кажется также Дэви.

Дэви. Меня не было.

Макаровъ. Ну, не знаю, не помню точно всѣхъ присутствовавшихъ.

Урбановичъ. Какое впечатлѣніе производила на Васъ обстановка составленія списка?

Макаровъ. Просто на столѣ лежалъ листъ.

Урбановичъ. Этотъ списокъ можно было видѣть?

Макаровъ. Точно не помню, я былъ на столько взволнованъ... Тутъ еще встрѣтилъ, вѣроятно, остатки обструкціонеровъ — Сахарова и Омельяновича-Павленко, къ которымъ подошелъ и выражалъ свое возмущеніе по поводу избіенія сторожа. Словомъ, точно не могу сказать своего впечатлѣнія — я слишкомъ былъ для этого взволнованъ.

Предсѣдатель. Суду и не важны впечатлѣнія, а важны факты

Лесгафтъ. А Вамъ предлагалъ Бальди записать?

Макаровъ. Да, предлагалъ.

Лесгафтъ. Но вѣдь это же оскорбленіе?

Макаровъ. Я ему и отвѣтилъ рѣзко.

Урбановичъ. Вы все таки не сказали, какое впечатлѣніе произвела на Васъ эта обстановка. Я никогда не слышалъ ничего подобнаго, чтобы студентамъ предоставлялось просматривать списокъ подлежащихъ увольненію.

Макаровъ. Впечатлѣнія точно я не могу помнить. Но на просмотръ мнѣ его не предлагали, а я говорилъ про Алферова.

Мефферть. Вы долго были въ чертежной?

Макаровъ. Около $^1/_4$ часа вѣроятно.

Мефферть. При Васъ Бальди ушелъ?

Макаровъ. Да.

Мефферть. Куда онъ пошелъ?

Макаровъ. Пошелъ внизъ къ канцеляріи.

Мефферть. А когда Вы пришли, онъ уже тамъ былъ?

Макаровъ. Да.

Предсѣдатель вызываетъ ст. Ауэрбаха.

Гаппѣевъ. Не могу ли я запросить судъ, обращался ли онъ къ Коновалову, съ тѣмъ, чтобы получить анонимное письмо, которое онъ читалъ нѣсколькимъ свидѣтелямъ въ одинъ день съ письмомъ Грунвальда.

Русановъ. Нѣтъ оно еще не могло быть получено, такъ какъ запросъ Коновалова былъ посланъ лишь вчера 22-го апрѣля.

Ауэрбахъ. Я хотѣлъ обратить вниманіе суда на то, что на меня было обвиненіе въ печати еще до суда, на судѣ же обвиненій не было. И потому раньше чѣмъ говорить, я просилъ бы прочитать интервью съ Бокіемъ, напечатанное 8-го декабря въ «Новостяхъ» и мой отвѣтъ.

Предсѣдатель читаетъ интервью, напечатанное въ № 339 „Новостей“* и отвѣтъ Ауэрбаха въ № 341*.

Гапѣевъ. Прошу прочитать показанія Пѣховскаго.

Ауэрбахъ. Я его самъ прочту также, какъ и письмо Калнина. Я нашелъ очень короткій отвѣтъ въ газетѣ, но, къ сожалѣнію, обвиненіе было анонимно и я не могъ выяснить, кто виновенъ въ изобрѣтеніи, не имѣвшихъ мѣста, фактовъ: г. Бокій или неизвѣстный Б., теперь выяснено, что неизвѣстный Б. это ст. Пѣховскій, такъ говорилъ тутъ Гапѣевъ.

Гапѣевъ. Да, это я подтверждаю. Была ошибка должно быть не Б., а П.

Ауэрбахъ. И теперь мнѣ ясно, что виноватъ Бокій.

Гливицъ. Бокій теперь арестованъ.

Ауэрбахъ. Я очень сожалѣю, что его тутъ нѣтъ, но все таки вынужденъ говорить о поступкѣ Бокія. Сначала я разскажу, каково было мое участіе, въ составленіи экзаменаціонной группы. Я зналъ, что на 5 курсѣ экзаменъ уже былъ 31 числа, и что начальство его прекратило, по требованію группы студентовъ, не желавшихъ экзаменовъ. Послѣ произведенной обструкціи, я считалъ себя тѣмъ болѣе въ правѣ держать экзаменъ; раньше я открыто объ этомъ заявлялъ, въ это же время появилось объявленіе на дверяхъ института, вывѣшенное 1-го апрѣля, въ которомъ говорилось, что желающіе держать экзамены должны составлять группы. Прочитавъ его, я поѣхалъ къ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ, предлагая имъ записаться въ группу. Въ этой группѣ уже записались Дэви и Фойгтъ. Были мы у тѣхъ, кто, по нашему предположенію, желалъ держать экзаменъ и не обращали вниманія „своб.-д-щій“ онъ или нѣтъ, тѣмъ болѣе, что списка „своб.-д-щихъ“ у насъ совершенно не было. Пріѣзжая, я разсказывалъ про вывѣшенное объявленіе и просто спрашивалъ: «хотите держать экзаменъ или нѣтъ?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, предлагалъ записаться въ группу; ни о какомъ поручительствѣ разговора, разумѣется, не было. Понятно, что мы были только у тѣхъ, отъ кого разсчитывали полу-

чить утвердительный отвѣтъ, вѣдь ѣхать напр., къ Бокію было бы пустой тратой времени, мы же торопились составленіемъ группы. Всѣхъ, у кого былъ, я заставалъ дома, исключая двухъ, Мушкетова и Кузнецова. У Кузнецова засталъ его жену, которая очень просила меня записать ея мужа въ группу. Я сказалъ, что по моему, это неудобно, такъ какъ безъ его вѣдома, и сказалъ, что запишу его, если онъ сообщитъ мнѣ о своемъ желаніи, хотя бы по телефону. Кузнецовъ мнѣ сообщилъ, что желаетъ держать экзаменъ и былъ записанъ въ группу, а отъ Мушкетова, я отвѣта не получилъ, и потому его не записалъ Такимъ образомъ, у меня записалось человѣкъ 12; у Фойгта 2; у Дэви не помню, затѣмъ мы всѣ фамиліи соединили на одномъ листѣ, подъ заглавнымъ. I-ая экзаменаціонная группа 4 курса, причемъ первая была написана римской цифрой, чтобы въ случаѣ, если до насъ уже подана I-ая группа,—было бы легко переправить на II-ую. Составленную такимъ образомъ запись мы отвезли къ Коновалову, а не къ Коцовскому, такъ какъ Коцовскій самъ говорилъ, что онъ проситъ ни съ чѣмъ къ нему не обращаться, ибо все въ свои руки взялъ Коноваловъ. Пріѣхали мы къ нему въ девятомъ часу вечера. Онъ собирался ѣхать на какое то засѣданіе, а потому торопился. Передали мы ему группу, при чемъ нѣсколько разъ говорили, что кромѣ насъ могутъ быть еще желающіе держать экзамены и что отнюдь не значитъ, что не записанные въ нашу группу, не желаютъ держать экзамены. На это онъ намъ отвѣтилъ: «Группы можетъ составлять кто хочетъ и всѣ будутъ имѣть возможность входа въ институтъ; вотъ теперь мнѣ представлены 2 группы на 5 курсѣ, обѣимъ я назначу экзаменъ, но въ разные дни».

Гессенъ. Не казалось ли Вамъ страннымъ везти группу къ директору, вѣдь раньше при составленіи группъ этого не дѣлалось?

Ауэрбахъ. Вообще директоръ всегда стоялъ въ сторонѣ, и этимъ дѣломъ завѣдывалъ инспекторъ, но этотъ весь годъ былъ исключительнымъ.

Зерновъ. Когда Вы отвозили списокъ и когда говорили, что еще есть желающіе?

Ауэрбахъ. 1-го утромъ я узналъ объ объявленіи, а вечеромъ мы представили группу.

Зерновъ. Значитъ, это было до обструкціи, до увольненія?

Ауэрбахъ. Обструкція была 2-го апрѣля. Мы собрались вмѣстѣ въ верхней чертежной, чтобы выработать расписаніе экзаменовъ,

но не успѣли ничего сдѣлать, такъ какъ ворвались обструкціонисты. Вообще, объ обструкціи у меня осталось самое тяжелое воспоминаніе и всякій понимаетъ, какъ тяжело видѣть, что товарищи примѣняютъ насиліе надъ товарищами. Когда началась обструкція, мы спустились въ слѣдующій этажъ; находились въ инспекціи и химической аудиторіи, такъ какъ тамъ воздухъ не былъ испорченъ.

Гессенъ. Это были единственныя комнаты съ неиспорченнымъ воздухомъ?

Ауэрбахъ. Да, всюду были разлиты бромъ и всякія зловонныя жидкости. Тутъ были всѣ, въ сильномъ возбужденіи, я отнялъ у одного студента, тяжелую стеклянную чернильницу, которой онъ хотѣлъ защищаться, ожидая нападенія. Тутъ сильно ругали обструкціонистовъ, Коновалова, словомъ всѣхъ, особенно Коновалова, и не стѣсняясь тѣмъ, что тутъ были Липинъ и др.

Гессенъ. Почему былъ Липинъ?

Предсѣдатель. Потому что на 5 курсѣ въ этотъ день былъ экзаменъ.

Ауэрбахъ. Бальди тутъ никакого списка не составлялъ, я только видѣлъ, какъ онъ иногда проходилъ черезъ эти комнаты, на него никто не обращалъ вниманія. Что было дальше въ инспекціи—я не знаю, такъ какъ отъ сильнаго волненія и удушливыхъ газовъ у меня сдѣлался сердечный припадокъ, я и Фойгтъ вышли на перронъ института, гдѣ оставались довольно долго. Обструкціонисты разошлись. Пріѣхалъ Коноваловъ. Я увидѣлъ всѣхъ идущими въ чертежную 5-го курса. Я тоже туда пошелъ. Тамъ было много студентовъ и всѣ были сильно возбуждены. Кто, что говорилъ, передать нѣтъ никакой возможности. Коноваловъ уговаривалъ всѣхъ успокоиться. Былъ первый часъ дня. Коноваловъ просилъ разговоръ съ нимъ отложить, пойти завтракать, а послѣ завтрака придти къ нему. Онъ же тѣмъ временемъ рѣшилъ поговорить съ профессорами. Вѣроятно это и было причиною возникновенія слуха о «чаепитіи» у Коновалова. Кто то изъ студентовъ 4-го курса началъ говорить о расписаніи экзаменовъ, но Коноваловъ сказалъ, что это дѣло исключительно инспектора. Мы направились наверхъ совѣщаться относительно экзаменовъ. Между прочимъ, былъ разговоръ о прикладной механикѣ, что, вѣроятно, и дало поводъ слухамъ, что «своб.-д-щіе» просили о какихъ то поблажкахъ. Дѣло было такъ: обыкновенно на репетиціяхъ курсы «паровыхъ котловъ» и «паровыхъ машинъ» сдавались отдѣльно одинъ отъ другого и независимо отъ проекта. На экзаменахъ же требовалось сдавать ихъ въ

одинъ день. Но такъ какъ многіе, вслѣдствіе закрытія института, были лишены возможности сдать репетиціи, то мы рѣшили просить о распространеніи на экзамены порядка, существующаго на репетиціяхъ. Эти двѣ просьбы раздѣленія предметовъ и отдѣленіе проекта отъ экзамена были записаны на бумажкѣ и переданы мною Коцовскому, для представленія въ Совѣтъ. Но ни одна изъ этихъ просьбъ не была удовлетворена. Такимъ образомъ, слухъ о привилегіяхъ для «своб.-д-щихъ» не вѣренъ. Спустя нѣсколько времени, Коноваловъ просилъ всѣхъ собраться въ залѣ Совѣта. Тутъ я былъ совершенно въ сторонѣ и ничего не помню изъ того, что говорилось. Оттуда я и Фойгтъ пошли въ большую чертежную 2-го курса и тамъ стали записывать адреса всѣхъ имѣющихся въ группѣ, вошедшихъ въ нее не только 1-го, но и 2-го апрѣля. Было нѣсколько человѣкъ, которые сами записались въ инспекціи. Такъ, напр., Пумпянскій, Коленскій, Батуевъ.

Гессенъ. Для чего адреса?

Ауэрбахъ. Для того, чтобы оповѣстить объ отвѣтѣ, который имѣетъ дать Совѣтъ на нашу просьбу.

Гессенъ. О какомъ отвѣтѣ?

Предсѣдатель. Относительно «прикладной механики».

Аэрбахъ. Кромѣ того, надо было установить расписаніе экзаменовъ; такъ какъ было трудно согласовать экзамены, благодаря нѣкоторымъ сдавшимъ въ году много репетицій. Кромѣ того, долженъ замѣтить, что были поданы дополнительныя четыре фамиліи. Я предполагалъ, что они не имѣя возможности войти въ институтъ, просятъ меня передать въ инспекцію, что они желаютъ держать экзамены. Ни о какихъ рекомендаціяхъ не было разговору.

Гессенъ. Когда это происходило?

Ауэрбахъ. Числа 5, 6-го апрѣля. Потомъ до меня дошелъ слухъ, что инспекція посылаетъ ко мнѣ студентовъ для записи въ въ группу.

Гессенъ. Когда и черезъ кого дошелъ до Васъ слухъ?

Ауэрбахъ. Трудно на это отвѣтить. Разсказывали знакомые студенты.

Гессенъ. Не черезъ тѣхъ, кто къ Вамъ былъ посланъ?

Ауэрбахъ. Нѣтъ. Ко мнѣ никто не обращался. Я не зналъ. кому говорилъ Бальди. Долженъ еще разсказать случай съ Коцовскимъ. Въ институтѣ, встрѣтивъ меня, Коцовскій показалъ письмо Тигранова и спросилъ, записывать ли его въ группу. Этотъ вопросъ меня сильно возмутилъ, я сказалъ, что прошу съ такими вопросами

ко мнѣ не обращаться. Вслѣдствіе дошедшихъ до меня слуховъ и инцидента съ Коцовскимъ, я написалъ Бальди, заявляя, что никакихъ рекомендацій и поручительствъ выдавать не намѣревался, и потому прошу, ко мнѣ никого не направлять и слуховъ не распространять.

Гессенъ. Это письмо имѣется при дѣлѣ?

Ауэрбахъ. Письма этого нѣтъ, но Балди уже подтвердилъ его полученіе и содержаніе.

Гессенъ. Тамъ было сказано, что Вы просите не распускать впредь такихъ слуховъ?

Ауэрбахъ. Я просилъ не распускать никакихъ слуховъ обо мнѣ. Теперь, въ подтвержденіе моихъ словъ, я прочту два письма уже представленныхъ суду. (Читаетъ письмо Колпина см. XIV протоколъ и письмо Пѣховскаго см. XVIII протоколъ). На прошломъ засѣданіи я сказалъ, что не знаю Пѣховскаго; теперь же я припомнилъ изъ разговоровъ, что съ Пѣховскимъ знакомъ, хотя не зналъ его фамиліи. Оказывается онъ работалъ со мной въ лабораторіи рядомъ. Изъ прочитанныхъ писемъ видно, что составленіе группы прекратилось, когда собралось достаточное количество. Пѣховскій это лицо, про котораго Бокій писалъ въ «Новостяхъ», назвалъ его Б. По утвержденію Бокія, въ его письмѣ, я раздавалъ билеты и назначилъ пріемныя часы, тогда какъ въ показаніи Пѣховскаго, на которыхъ основывался Бокій, не говорится ни о раздачѣ билетовъ, чѣмъ я будто бы завѣдывалъ, ни о пріемныхъ часахъ. Вполнѣ понятно, что говоря о прекращеніи пріема, онъ подразумѣвалъ прекращеніе составленія экзаменаціонной группы. Я понимаю, что Бокій могъ написать объ извѣстномъ фактѣ, но здѣсь я вижу искаженіе; мало того Бокій, назвавъ мою фамилію полностью, не назвалъ того, отъ кого я могъ бы получить разъясненіе происшедшаго. Я считаю это равносильнымъ анонимному доносу.

Половниковъ. Бокій навѣрное Вамъ бы отвѣтилъ, но къ сожалѣнію онъ арестованъ.

Ауэрбахъ. Я тоже сожалѣю.

Гессенъ. Вы были въ инспекціи? Сколько времени Вы тамъ пробыли?

Ауэрбахъ. Былъ недолго. Ушелъ, потому что сдѣлалось дурно. При составленіи списка не присутствовалъ.

Гессенъ. Откуда Вы узнали о спискѣ?

Ауэрбахъ. Коцовскій около швейцарской встрѣтилъ меня и, видя, что я иду наверхъ къ инспекціи просилъ передать Бальди при-

нести поскорѣй списокъ. Я его спросилъ, какой списокъ. Онъ отвѣтилъ—списокъ обструкціонистовъ, который составляетъ Бальди. Мнѣ была очень непріятна подобная просьба и я съ раздраженіемъ сказалъ, что не желаю исполнять подобныхъ порученій. Наверхъ я не пошелъ.

Гессенъ. Вы въ чертежной были, когда тамъ былъ Бальди?

Ауэрбахъ. Я былъ въ большой чертежной и видѣлъ, какъ Бальди несъ списокъ.

Гессенъ. Вы были въ маленькой чертежной, когда студенты окружили Бальди?

Ауэрбахъ. Въ маленькой чертежной я не былъ и Бальди тамъ не видалъ. Обѣ чертежныя, большую и маленькую, надо проходить, если идти изъ инспекціи въ канцелярію и въ квартиру директора.

Гессенъ. Вы дважды видѣли Коновалова; можетъ быть припомните, о чемъ бесѣдовали съ нимъ студенты?

Ауэрбахъ. Это трудно разсказать точно. Всѣ были крайне возбуждены и всѣ говорили. Коноваловъ же старался всѣхъ успокоить. Отдѣльные разговоры передать нѣтъ возможности.

Гессенъ. Знаете-ли Вы, какіе нибудь факты о содѣйствіи Бальди при составленіи списка?

Ауэрбахъ. Фактовъ никакихъ я не зналъ. Только осенью стали называть фамиліи безъ фактовъ.

Гливицъ. Вы говорили, что группа Ваша состояла изъ знакомыхъ Вамъ лицъ; въ тоже время говорили, что ѣздили къ незнакомому Кузнецову. Какъ же это объяснить?

Ауэрбахъ. Кузнецовъ знакомый Дэви, и такъ какъ онъ жилъ на петербургской сторонѣ, то мнѣ было удобнѣе къ нему заѣхать, что я сдѣлалъ по просьбѣ Дэви.

Дэви. Я просилъ Ауэрбаха съѣздить къ Кузнецову, такъ какъ у него была своя лошадь и ему это было проще и скорѣй сдѣлать.

Гливицъ. Вы однако опредѣленно знали, что къ Бокію Вамъ не зачѣмъ ѣхать?

Ауэрбахъ. Бокія я упомянулъ только теперь для примѣра, тогда объ этомъ я не думалъ. Считаю, что, вообще, ѣхать къ нему тогда было бы пустой тратой времени.

Гливицъ. Почему Вы имѣли право входа въ институтъ 2—го апрѣля, когда другіе товарищи получили извѣщеніе объ отмѣнѣ розовыхъ билетовъ на 2-ое?

Ауэрбахъ. Я тоже получилъ отказъ. 4 курсъ частью былъ приглашенъ на 2-ое число....

Рейнвальдъ. Безъ различія, 50 человѣкъ?

Ауэрбахъ. Когда 31-го экзаменъ не состоялся, то отмѣнили дозывъ 4-го курса на 2-ое. Извѣщеніе объ отмѣнѣ я получилъ 1-го днемъ, Бокій 1-го поздно вечеромъ, нѣкоторые въ 12 часовъ ночи, а Батуевъ совсѣмъ не получилъ. Нашу группу мы подали въ 9-мъ часу; билеты были разосланы тотчасъ со сторожами.

Гливицъ. Почему Коцовскій обратился къ Вамъ, съ просьбой сказать Бальди?

Ауэрбахъ. Онъ знаетъ меня съ дѣтства и обратился какъ къ знакомому, видя, что я иду наверхъ.

Урбановичъ. Сколько было лицъ въ группѣ, 35?

Ауэрбахъ. Точно не помню, да около этого.

Урбановичъ. Знали Вы, кто былъ въ числѣ 35?

Ауэрбахъ. Я не зналъ даже по фамиліямъ всѣхъ тѣхъ, кого везъ.

Урбановичъ. Вы заявили, что отказывали за отсутствіемъ мѣстъ 1-го, а 2-го Вы прибавили еще нѣсколько человѣкъ?

Ауэрбахъ. Отказалъ, такъ какъ считалъ, что группа заполнилась. Потомъ еще записались въ инспекціи и въ общемъ группа дошла до 45 человѣкъ.

Гапѣевъ. Каждый зналъ своихъ?

Ауэрбахъ. Можетъ быть.

Урбановичъ. Билеты для впуска были выданы всѣмъ, кто былъ въ Вашей группѣ.

Ауэрбахъ. Я думаю, что всѣмъ.

Гливицъ. Отмѣна билетовъ значитъ происходила послѣ того, какъ Вы представили группу?

Ауэрбахъ. Нѣтъ, наоборотъ.

Гливицъ. Я констатирую фактъ, что извѣщеніе объ отмѣнѣ производилось въ 12 часовъ ночи, а Вы подали группу въ 9 часовъ вечера.

Ауэрбахъ. Я говорилъ, какъ примѣръ того, что даже ночью производилась разсылка, я же получилъ отмѣну въ 12 часовъ дня, группу Коновалову подалъ вечеромъ, значитъ билеты на 2-ое апрѣля могли разсылаться поздно вечеромъ.

Рейнвальдъ. Какого цвѣта Вы получили билетъ?

Ауэрбахъ. Не помню какого цвѣта. Онъ былъ разовой, на 2-ое апрѣля.

Рейнвальдъ. Такой же какъ и всѣ?

Ауэрбахъ. Буквально такой же.

Рейнвальдъ. Вся группа была въ институтѣ 2-го?

Ауэрбахъ. Можетъ быть, кто нибудь не былъ.

Рейнвальдъ. Я не точно спрашиваю; приблизительно всѣ были?

Ауэрбахъ. Приблизительно всѣ.

Председатель. 35—40 человѣкъ?

Ауэрбахъ. Да; около этого съ 4-го курса; въ томъ числѣ были Пумпянскій и Коленскій.

Зерновъ. Никакихъ другихъ списковъ Вы начальству не передавали?

Ауэрбахъ. Я категорически заявляю, что списокъ «своб.-д.-щихъ« Коновалову не представлялся и его ни у Дэви, ни у меня не было.

Зерновъ. Значитъ Вы только представили экзаменаціонную группу?

Ауэрбахъ. Да, мы заявили, что это желающіе держать экзамены и что есть еще желающіе.

Соколовъ. На сходкѣ 15-го Марта было постановлено никакихъ списковъ начальству не представлять.

Зерновъ. Не заходилъ ли вопросъ, нельзя ли уладить происшедшій расколъ?

Ауэрбахъ. Объ этомъ говорили, но трудно было ждать успѣха.

Председатель. Послѣ 15-го Марта никакихъ собраній «своб.-д-щихъ» не было?

Ауэрбахъ. Не было.

Зерновъ. Вы видѣли Бальди, проходящимъ въ большой чертежной?

Ауэрбахъ. Видѣлъ проходящимъ.

Зерновъ. (Макарову). Вы гдѣ его видѣли? Проходилъ Бальди или онъ мирно бесѣдовалъ?

Макаровъ. Я видѣлъ его у стола въ маленькой чертежной.

Гливицъ. Не шокировала ли Васъ поѣздка къ Коновалову?

Ауэрбахъ. Мнѣ не особенно было пріятно къ нему ѣхать, но Коцовскій, говорилъ, что группы надо подавать лично ему.

Урбановичъ. Однако Вы не приняли никакихъ мѣръ, чтобы избѣжать этой непріятности.

Ауэрбахъ. Кому нибудь нужно было ѣхать и я не находилъ возможнымъ ставить другого въ это неловкое положеніе, непріятное всякому.

Гапѣевъ. (Дэви). Коноваловъ предложилъ Вамъ передать списокъ „своб.-д.-щихъ“. Вы объ этомъ говорили на сходкѣ?

Ауэрбахъ. Да, онъ спрашивалъ, нѣтъ ли у насъ списка «своб.-д.-щихъ»?

Дэви. Это было не въ этотъ разъ. Нужно разсказать подробно.

Предсѣдатель. Да Вы будете еще вызваны судомъ, тогда и разскажите.

Дэви. Я разскажу въ нѣсколькихъ словахъ. На сходкѣ 15-го марта, Ауэрбахъ и я были выбраны депутатами къ Коцовскому. Всѣ хотѣли избѣгнуть сношенія съ Коноваловымъ. Не заставъ дома Коцовскаго, вернулись на сходку, которая рѣшила, чтобы мы отправились къ Коновалову. Придя къ нему мы прочитали резолюцію.

Ауэрбахъ (читаетъ): «группа студентовъ Горнаго института, высказавшаяся противъ забастовки и сохранившая за собой „свободу дѣйствія", будучи исключена большинствомъ сходки 15-го марта изъ корпораціи, сообщаетъ Вамъ, что занятій не прекращаетъ».

Дэви. Онъ спросилъ насъ, что у Васъ есть списокъ этой группы, или это платоническое заявленіе. Мы отвѣтили, что платоническое заявленіе. Послѣ этого, онъ просилъ разъяснить; что значитъ исключеніе изъ корпораціи. Мы въ точности сами не знали и высказали лишь предположеніе, что будемъ лишены возможности пользоваться буфетомъ, столовой и пр.

Гаппѣевъ. Не говорилъ ли Вамъ Коноваловъ, какіе они Вамъ товарищи и не уговаривалъ ли онъ Васъ передать этотъ списокъ?

Ауэрбахъ. Нѣтъ, когда онъ спросилъ, есть ли у насъ списокъ и получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ больше вопросовъ не предлагалъ.

Предсѣдатель закрываетъ засѣданіе.

ПРОТОКОЛЪ

22 засѣданія Третейскаго суда чести, 24 апрѣля 1905 года.

Отсутствовали К. К. Арсеньевъ и В. О. Люстихъ; предсѣдатель Гессенъ. Отсутствовали: Алексѣевъ, Гартунгъ, Грузенбергъ.

Гливицъ. Мы просимъ вызвать еще одного свидѣтеля ст-та Піуновскаго, который можетъ дать показаніе, по поводу осеннихъ событій.

Предсѣдатель вызываетъ Піуновскаго.

Піуновскій. Сообщаю одинъ фактъ относительно ст-та Бауера. Бауеръ говорилъ, что не имѣетъ ничего противъ возвращенія товарищей, но не всѣхъ. Напр., того студента, который бросилъ банку въ профессора Шредера; фамилію того студента, я не помню.

Предсѣдатель. Это все, что Вы знаете? Больше ничего?

Піуновскій. Все.

Гливицъ. Скажите, какъ относились профессора въ 1902 году къ ст-тамъ, державшимъ экзамены?

Піуновскій. Было презрительное отношеніе. Могу указать на Г. Авг. Тиме, не кончившаго читать своихъ лекцій. Митинскій обѣщалъ каждому по единицѣ.

Соколовъ. Сами Вы видѣли это презрительное отношеніе?

Піуновскій. Нѣтъ, я говорю со словъ Томилина, который мнѣ говорилъ о своихъ впечатлѣніяхъ.

Предсѣдатель вызываетъ Томилина.

Томилинъ. Я ничего подобнаго не говорилъ свидѣтелю: ни относительно Тиме, ни Митинскаго. Я только указывалъ, что на экзаменахъ предъявляются строгія требованія.

Піуновскій. О Тиме, я отъ Васъ слышалъ?

Томилинъ. О Тиме и о Митинскомъ я ничего не говорилъ; но что экзамены были строгіе, такъ какъ Совѣтъ по педагогическимъ соображеніямъ не желалъ ихъ.

Піуновскій. Относительно Митинскаго—это былъ ходячій слухъ, и ничего Вамъ о Митинскомъ не приписываю. Въ 1902 году Долбня сказалъ ст-ту Меморскому: „неужели я Вамъ буду подставлять лѣстницу для перехода на слѣдующій курсъ"?

Томилинъ. Въ 1902 году Долбня въ бесѣдѣ сказалъ, что ст-ты, держащіе экзамены, въ его мнѣніи отнюдь не потеряли ничего. Это было сказано въ профессорской комнатѣ.

Дэви. Я это подтверждаю, такъ какъ былъ при этомъ разговорѣ.

Піуновскій. Вскорѣ послѣ обструкціи, Кутыринъ мнѣ говорилъ, что ст-ты пополняли списки Бальди; фамиліи онъ не называлъ.

Кутыринъ. Я при обструкціи не былъ, а потому о пополненіи списковъ говорить не могъ. Если я Вамъ говорилъ, то только про инцидентъ съ Макаровымъ; весьма возможно, что фамилію Вамъ я не назвалъ.

Предсѣдатель. Вы не отрицаете, что говорили эту фразу Піуновскому?

Кутыринъ. Про инцидентъ съ Макаровымъ могъ говорить.

Піуновскій. Я отмѣчаю, что Кутыринъ придавалъ значеніе этому слуху, вѣрилъ ему, и было впечатлѣніе, что онъ относился къ этому, какъ къ дѣйствительному факту.

Кутыринъ. Это Ваши впечатлѣнія, я не могъ говорить.

Піуновскій. Я обратился къ Вамъ, какъ болѣе компетентному.

Кутыринъ. За Ваши впечатлѣнія я не могу отвѣчать.

Предсѣдатель. (вызываетъ ст-та Дэви) Мы просимъ Васъ отвѣтить на нѣкоторые вопросы, интересующіе судъ.

Дэви. Съ полной готовностью. Судя по теченію предыдущаго засѣданія, понялъ, что отъ меня желательно имѣть показанія объ обструкціи, свидѣтелемъ которой я былъ.

Предсѣдатель. Вы знаете всѣхъ составителей экзаменаціонныхъ списковъ?

Дэви. Этимъ вопросомъ я не интересовался; потому всѣхъ не помню. 1-го апрѣля я узналъ, что на 5 курсѣ уже подана группа ст-тами Воробьевымъ и Ив. Соколовымъ. Прочитавъ утромъ на дверяхъ института приглашеніе къ свободному составленію группъ, я и ст-тъ Ауэрбахъ послѣдовали ихъ примѣру. Изъ составителей помню напр. В. Соколова на 3-емъ курсѣ.

Соколовъ. Я на 2-омъ собиралъ.

Предсѣдатель. А на 3-емъ кто?

Дэви. Можетъ быть Притула.

Бѣлозеровъ. Притула тоже на 2-омъ кур.; на 3-емъ между прочимъ Бѣлозеровъ и Берладинъ.

Предсѣдатель. А на 1-омъ кто?

Лебедевъ. На 1-омъ Лебедевъ и Маломѣрковъ.

Печковскій. Были еще и другіе составители?

Дэви. Я не знаю. Мы представили 1-ую группу на 4-омъ курсѣ съ Ауэрбахомъ. Вотъ Духонь нѣсколькихъ, кажется, указалъ Ауэрбаху.

Духонь. Рабчевскаго и Калнина, по ихъ просьбѣ.

Дэви. Я могу еще прибавить, что лично ко мнѣ приходилъ Тиграновъ, посланный инспекціей, съ просьбой записать его въ 1-ю группу, но списокъ былъ уже сданъ въ инспекцію; я ему отказалъ, поставивъ на видъ, что эта запись имѣла бы характеръ выдачи какого-то свидѣтельства о благонадежности, такъ какъ группы я уже не составлялъ. Я ему предложилъ на общемъ основаніи составить свою группу, на что онъ мнѣ сказалъ, что среди своихъ немногочисленныхъ знакомыхъ, онъ могъ бы набрать не болѣе 5—6 челов., что онъ считалъ недостаточнымъ. Разстались мы съ нимъ мирно вполнѣ, въ совершенномъ согласіи.

Предсѣдатель. Вы составляли группу по собственному побужденію, или, по соглашенію съ товарищами?

Дэви. Исключительно по собственному: моему и Ауэрбаху. Въ тотъ же день мы прочитали объявленіе, мы собрали, насколько помню 28—29 человѣкъ.

Предсѣдатель. Соглашенія съ товарищами не было, что я, молъ на 4-омъ собираю, ты на 2-омъ и т. п.

Дэви. Совершенно не было да и не могло быть: ибо мы до 1-го апрѣля не знали ни о какихъ предполагавшихся въ институтѣ мѣрахъ, меня не вызвали даже въ числѣ 50. Прочитавъ только что вывѣшенное объявленіе, мы тотчасъ же стали собирать группу, которую и представили въ этотъ же день; такимъ образомъ, физически мы не могли переговорить объ этомъ съ студентами другихъ курсовъ; отвѣтственность за эту группу ложится на меня и Ауэрбаха.

Предсѣдатель. Какъ Вы составляли: Вы обращались или къ Вамъ обращались?

Дэви. Очевидно мы обращались, такъ какъ инціатива была наша. Обращались къ тѣмъ, съ кѣмъ были знакомы.

Предсѣдатель. Не было ли случая, когда бы Вы отказывали кому?

Дэви. Никому. Я встрѣтилъ, напр. на улицѣ ст-та Соллогуба.

Предсѣдатель. Онъ «своб.-д-.щій» или нѣтъ?

Дэви. Не знаю. Соллогубъ уже узналъ, что я собираю группу и тутъ же на улицѣ записался. Я его почти не зналъ.

Нацваловъ. Соллогубъ сначала подалъ голосъ за забастовку, а затѣмъ началъ держать экзамены.

Предсѣдатель. Вы говорили о Тиграновѣ, Вы никому не отказывали? Это случай единственный?

Дэви. Единственный. Позволю себѣ вновь подчеркнуть, что отказъ послѣдовалъ, по причинѣ прекращенія составленія группы. Съ Тиграновымъ я былъ лично знакомъ и ни минуты не сомнѣвался въ его корректности

Предсѣдатель. Этотъ способъ составленія группъ раньше не практиковался?

Дэви. Раньше обыкновенно кто нибудь составлялъ расписаніе экзаменовъ, а другіе записывались, хотя держали съ любой группой.

Предсѣдатель. При нормальныхъ условіяхъ не приходилось собирать внѣ института?

Дэви. При нормальныхъ условіяхъ институтъ былъ открытъ и не было необходимости собирать внѣ его.

Рейнвальдъ. Обыкновенно записывались въ день экзаменовъ.

Предсѣдатель. Даже въ стѣнахъ института не обращались раньше, къ желающимъ записаться въ группу?

Печковскій. Раньше распредѣляла студентовъ на группы инспекція?

Дэви. Этого не было. Я долженъ сказать, что плохо знакомъ съ этимъ дѣломъ. Было со мной такъ, что я не записывался ни въ какія группы—прямо являлся на выбранный мною экзаменъ.

Лесгафтъ. Когда составляли списки, обращались къ знакомымъ и къ болѣе подходящимъ, въ смыслѣ держанія экзаменовъ?

Дэви. Я обращался къ знакомымъ, и къ тѣмъ конечно, въ которыхъ я могъ предполагать желаніе приступить къ экзаменамъ, а не къ тѣмъ, очевидно, у которыхъ я могъ натолкнуться на личное оскорбленіе.

Лесгафтъ. Значитъ Вы избѣгали обращаться къ тѣмъ, у которыхъ допускали непріятности или личныя столкновенія?

Дэви. Безусловно такъ, но, долженъ сказать, обращался я отнюдь не къ однимъ «своб.-д-щимъ«; группу собралъ смѣшанную, о чемъ и заявилъ Коновалову.

Лесгафтъ. Составляли спискокъ Вы? инспекція не руководила?

Дэви. Нѣтъ; но посѣщали мы нашихъ знакомыхъ лично во избѣжаніе непріятностей.

Лесгафтъ. Никакого вліянія со стороны инспекціи на составленіе группъ не было?

Дэви. Нѣтъ, его не было и не могло быть вслѣдствіе чрезвычайно короткаго срока составленія группы.

Лесгафтъ. Кто нибудь просилъ Васъ составлять группу?

Дэви. Нѣтъ.

Лесгафтъ. Значитъ исключительно по собственной инціативѣ, хотя не въ примѣръ прошлыхъ лѣтъ?

Дэви. Совершенно вѣрно.

Предсѣдатель. Вы были во время обструкціи?

Дэви. Да, былъ.

Предсѣдатель. Не разскажете ли намъ объ этомъ днѣ?

Дэви. На 2-ое апрѣля были 2 экзамена 5 курса и предполагалось совѣщаніе 1-ой группы 4-го курса, для составленія расписанія экзаменовъ. Я пришелъ въ институтъ около 9 часовъ. Двери были закрыты. Черезъ стекло я показалъ билетъ и затѣмъ былъ впущенъ въ институтъ. Вскорѣ собрались, въ достаточномъ числѣ, и приступили въ чертежной 1 курса къ обсужденію расписанія экзаменовъ, которое, не въ примѣръ прошлымъ годамъ было, составлено начальствомъ.

Предсѣдатель. Такъ Вы на верху собрались?

Дэви. Да, мы были наверху; тамъ можно было также достать чай.... Черезъ короткій промежутокъ времени мы услышали шумъ и крики въ нижнемъ этажѣ, гдѣ 5 курсъ держалъ экзамены: металлургію и пробирное искусство.

Предсѣдатель. Депутація отъ собравшихся внизу не приходила къ Вамъ?

Дэви. Нѣтъ. Это было 31-го Марта т. е. когда былъ въ институтѣ, одинъ 5-ый курсъ.... Я спустился внизъ и остановился въ корридорѣ, тутъ же при входѣ въ нижній этажъ, около инспекціи. Долго я ничего не могъ разобрать. Стоялъ дымъ и чадъ, вѣроятно отъ бромной и хлорной воды, отъ чего сильно щипало въ горлѣ. Я слышалъ бранные выкрики, шумъ, различалъ потрясеніе палками, въ противуположномъ концѣ корридора. Въ корридорѣ меня удивило гражданское мужество Бальди неоднократно проходившаго черезъ самый центръ обструкціонистовъ.

Печковскій. По корридору?

Дэви. Да... Вскорѣ я перешелъ въ инспекцію, гдѣ слышались крики и шумъ. Разобраться въ разговорахъ въ инспекціи не было никакой возможности.

Предсѣдатель. Бальди былъ тамъ?

Дэви. Бальди протискивался и здѣсь; я вообще, всюду встрѣчалъ его въ этотъ день. Пространство передъ перилами было все заполнено студентами, надо полагать, что ихъ было около 70 челов. Помню я моментъ, благодаря которому я могъ установить, что я находился близъ двери: какъ разъ противъ меня стоялъ въ дверяхъ Андреевъ, заслоняя рукою входъ Рейнвальду, пытавшемуся, въ поискахъ Коцовскаго, проникнуть къ намъ. Со стороны Рейнвальда проявленія насилія въ это время не было. Получивъ отвѣтъ, что Коцовскаго нѣтъ здѣсь, онъ ушелъ къ своимъ товарищамъ по оружію. Затѣмъ я ушелъ съ другими въ смежную химическую аудиторію, гдѣ съ профессорами говорили о происшедшемъ.

Предсѣдатель. Вы были въ инспекціи одновременно съ Батуевымъ?

Дэви. Судя по его показаніямъ, да; я же лично его не помню, но спорить не могу.

Предсѣдатель. Назывались ли тогда громко, поименно фамиліи обструкціонистовъ?

Дэви. Ст-ты въ инспекціи стояли плотной толпой. Очень возможно что въ возбужденіи мы громко называли фамиліи. Бальди, я помню, видѣлъ за рѣшеткой; возможно, что онъ могъ слышать.

Председатель. Не знаете ли Вы хотя бы одного, кто бы спросилъ Бальди; «не записанъ ли такой то студентъ»?

Дэви. Я не видалъ, когда Бальди составлялъ списокъ, я только помню какъ Коцовскій приказалъ Бальди записать двухъ студентовъ Гусарскаго и Панфилова.

Зерновъ. Вы были въ той комнатѣ, когда Бальди записывалъ?

Дэви. Надо полагать.

Зерновъ. Сидѣлъ Бальди одинъ или былъ окруженъ студентами?

Дэви. Вообще, я не видалъ Бальди, спокойно сидящимъ. Я стоялъ у дверей, и часть комнаты, что за перилами была для меня заслонена толпою.

Зерновъ. У Васъ ясно въ памяти, что за перегородкой студентовъ не было?

Дэви. Судя по тѣснотѣ—всѣ были сбиты въ тѣсной части комнаты; иначе было бы просторно.

Зерновъ. Это Вы умозаключаете, а яснаго впечатлѣнія нѣтъ?

Дэви. Мнѣ ясно кажется, что за перегородкой студентовъ не было; но повторяю я былъ отдѣленъ толпой, заслонявшей ту сторону, что не позволяло мнѣ видѣть всего.

Председатель. Были ли бесѣды между студентами и г-номъ Бальди?

Дэви. Таковыхъ я ни одной не наблюдалъ; между студентами разговоры, конечно были, какъ напр. о томъ, что наверху обструкціонисты расшибли чайную посуду у сторожа.

Председатель. Итакъ, Вы заявляете суду, что не помните бесѣды между студентами и Бальди?

Дэви. Заявляю, что совершенно не помню и не видѣлъ.

Председатель. Не замѣчали ли Вы особой близости ст-овъ съ Бальди на почвѣ борьбы съ врагами, которая въ обычное время не замѣчается?

Дэви. Нѣтъ.

Председатель. Ауэрбахъ говорилъ здѣсь, что Коцовскій обращался къ нему съ просьбой передать Бальди приказаніе. Не припоминаете ли Вы аналогичныхъ фактовъ?

Дэви. Совсѣмъ не помню.

Ауэрбахъ. Я уже объяснялъ суду, что Коцовскій обратился ко мнѣ тогда съ этой просьбой потому, что онъ мой личный знакомый, онъ знаетъ меня съ дѣтскихъ лѣтъ.

Зерновъ. Не были ли Вы въ чертежной 2-го кур. въ тотъ моментъ, когда имѣлъ мѣсто случай съ Макаровымъ?

Дэви. Насколько я видѣлъ, черты осѣдлости для Бальди провести было нельзя.

Зерновъ. Видѣли Вы тамъ Бальди?

Дэви. Видѣлъ неоднократно всюду, также и въ чертежной 2-го курса; его рѣшительно вездѣ можно было видѣть.

Предсѣдатель. Не можете ли разсказать про Коновалова? Вы были въ числѣ тѣхъ, кто къ нему отправился?

Дэви. Были у него всѣ; былъ и я.

Предсѣдатель. Что произошло при встрѣчѣ съ нимъ?

Дэви. Всѣ были не довольны отсутствіемъ Коновалова; жилъ онъ въ университетѣ. Къ нему обратились нѣкоторые съ требованіемъ немедленно возобновить насильственно экзамены, другіе требовали отложить; вообще же, была общая суматоха. Коноваловъ просилъ успокоиться и дать ему время поговорить съ членами Совѣта.

Предсѣдатель. Разговоровъ о происходившемъ не было? Вы это ясно помните?

Дэви. Это ясно помню. Онъ былъ вызванъ по телефону и, конечно, былъ извѣщенъ кратко о происшедшемъ; затѣмъ онъ совѣщался съ професорами-очевидцами обструкціи и могъ узнать отъ нихъ всѣ подробности. Про экзамены сказалъ, что они будутъ продолжаться, просилъ только не требовать немедленнаго продолженія, такъ какъ нужно очистить воздухъ и Коцовскій далъ слово, что экзаменовъ сегодня не будетъ. Что касается фамилій — то ихъ совершенно не называли.

Предсѣдатель. Это Вы ясно помните?

Дэви. Да, ясно помню.

Лесгафтъ. Большинство было за продолженіе экзаменовъ?

Дэви. Въ царившей путанницѣ это трудно было бы опредѣлить.

Лесгафтъ. Ваше личное мнѣніе?

Дэви. Не имѣю данныхъ, что либо утверждать. Во всякомъ случаѣ, протестовали только противъ продолженія экзаменовъ тотчасъ же.

Предсѣдатель. Кого однако было больше: за продолженіе занятій немедленно?

Дэви. Не знаю.

Предсѣдатель. Ваше личное впечатлѣніе?

Дэви. Но я могу ошибиться.

Предсѣдатель. Все таки, можетъ быть Вы скажете Ваше впечатлѣніе?

Дэви. Ну, пожалуй, если не ошибаюсь, на 5 курсѣ было больше

за немедленное продолженіе занятій, хотя я весьма далекъ, чтобы настаивать на этомъ.

Предсѣдатель. Не разскажите ли Вы суду,какія были сношенія между ст-ми и Коноваловымъ въ дни послѣ обструкцій? Вообще, какія были сношенія съ начальствомъ?

Дэви. Нѣтъ. Я даже навѣрное знаю, что было постановленіе не входить ни въ какія сношенія съ начальствомъ, буде даже были бы попытки со стороны начальства. Мы знали о такихъ сношеніяхъ у противной стороны, какъ напр. совмѣстное обсужденіе въ 1902 году опросныхъ листковъ съ профессорами. Мы это для себя считали неудобнымъ.

Предсѣдатель. Однако Вы сносились съ Коноваловымъ по поводу группъ?

Дэви. Эти сношенія вызываются оффиціальною необходимостью. Если отрицать всякое сношеніе съ начальствомъ, то можно было бы счесть предосудительнымъ держаніе экзаменовъ, такъ какъ вѣдь тутъ непосредственное общеніе съ экзаменующимъ профессоромъ. Тутъ надо понимать частныя сношенія.

Предсѣдатель. Рѣшеніе не входитъ съ начальствомъ въ сношенія исходило отъ группы?

Дэви. Нѣтъ, это было рѣшеніе комитета.

Предсѣдатель. Объ этомъ были извѣщены члены группы?

Дэви. Нѣтъ.

Предсѣдатель. Значитъ это было обязательнымъ для Орг. комитета?

Дэви. Я не настаиваю, что постановленіе было общимъ и ограничиваюсь вполнѣ; указываю на него, какъ на частное. Таковыхъ я совершенно не знаю; никому нельзя дѣлать что либо.

Леонтьевъ. Возможно ли, чтобы студентъ держалъ экзаменъ, не записываясь въ группу?

Дэви. Возможно.

Леонтьеъ. Вамъ это извѣстно?

Дэви. Вообще фамиліи.....

Леонтьевъ. Фамиліи не надо, если Вы не можете назвать. Были такіе, которые не записывались въ группу?

Предсѣдатель. (Леонтьеву). Но вѣдь они не могли попасть въ институтъ. Онъ былъ закрытъ.

Дэви. Я лично держалъ экзаменъ не придерживаясь 1-ой группы. Знаю, что когда впускъ былъ свободенъ для всѣхъ, по прежнему, группы смѣшались совершенно. Въ началѣ представляли группы, а

отдѣльные студенты непосредственно сносились съ Коноваловымъ и Коцовскимъ и получали входные билеты.

Леонтьевъ. Мнѣ больше ничего не нужно.

Каминка. Вы составляли группу случайно, таковъ ли былъ порядокъ на другихъ курсахъ?

Дэви. Не знаю; могу только говорить о группѣ, которую я собиралъ За это я беру на себя отвѣтственность.

Каминка. Не столкнулись ли Вы съ другимъ спискомъ?

Дэви. Нѣтъ, у насъ на 4-мъ курсѣ была одна наша группа, затѣмъ отдѣльныя лица, можетъ быть, попадали черезъ Коновалова и Коцовскаго.

Каминка. Выходило такъ: если бы Васъ спросила инспекція, могли ли бы Вы поручиться за свою группу, что отвѣтили бы Вы?

Дэви. Передъ инспекціей нѣтъ, а передъ собой безусловно.

Каминка. Группа въ инспекціи примѣрно въ 70 человѣкъ была однородно настроена?

Дэви. Это были группы 4-го и 5-го кур. Однородно настроены, въ смыслѣ держанія экзаменовъ; однако тутъ было болѣе 50% «свободомыслящихъ».

Каминка. Но не обструкціонистовъ?

Дэви. Разумѣется.

Каминка. Вы можете назвать человѣкъ 10—15 присутствовавшихъ въ инспекціи?

Дэви. На память трудно перечислять; позвольте списокъ 1 группы.

Батуевъ. Макаровъ былъ въ инспекціи?

Дэви. Я не видѣлъ. Вы слышали, онъ говорилъ, что онъ опоздалъ и наверхъ не ходилъ. Вотъ Андреевъ былъ—его я помню, Ауэрбахъ, который вскорѣ ушелъ, почувствовавъ себя отъ газовъ плохо.

Каминка. Онъ при Васъ ушелъ?

Дэви. Не помню; я его засталъ уже на улицѣ, онъ вышелъ на чистый воздухъ. Можно, наконецъ, обратиться ко всѣмъ присутствующимъ, которые не откажутъ заявить о себѣ. (Встаютъ: Рейнъ, Духонь, Ауэрбахъ, Андреевъ, Ковалевскій.)

Каминка. Мнѣ важно, чтобы Вы ихъ назвали.

Дэви. Я вновь указываю на списокъ. Къ сожалѣнію, почти всѣ здѣсь сейчасъ отсутствуютъ, т. е. тѣ, кто записанъ въ группѣ 5 курса, здѣсь всего одинъ человѣкъ. Повторяю, что я могу быть неточнымъ, мнѣ на память сказать трудно.

Каминка. Да, я вижу, что Вамъ это трудно!

Дэви (къ суду). Я полагаю, что причина моего затрудненія весьма понятна и проста.

Каминка. Почему Вы собрались въ инспекціи?

Дэви. Это была крайняя комната, противоположная нахожденію обструкціонистовъ и, при томъ, единственная, не зараженная зловоніемъ. Не было времени совѣщаться о выборѣ новаго мѣста; всѣ оказались просто загнанными туда.

Мефферть. А наверху?

Дэви. Наверху тоже разбивали банки. Потомъ открыли малую чертежную 1 курса и можно было совѣщаться въ ней.

Каминка. Вы видѣли когда Коноваловъ вошелъ въ инстутутъ?

Дэви. Я его видѣлъ, когда онъ уже вышелъ изъ своей квартиры къ студентамъ.

Каминка. Сразу ли вышелъ къ студентамъ или сначала говорилъ съ Бальди?

Дэви. Этого я не знаю, но Бальди я тутъ не видѣлъ. Очевидно будучи вызванъ по телефону, онъ получилъ свѣдѣнія и о причинѣ вызова.

Каминка. Подробностей не разсказывали при немъ?

Дэви. Нѣтъ. Говорили о времени слѣдующихъ экзаменовъ; тутъ отвѣта онъ не далъ.

Каминка. О фактической сторонѣ дѣла, о подробностяхъ онъ не разспрашивалъ?

Дэви. Нѣтъ.

Каминка. Что же Коноваловъ сказалъ: что экзамены тотчасъ же возобновятся или послѣ?

Дэви. Коноваловъ просилъ дать ему время посовѣтываться съ членами Совѣта. Потомъ сказалъ, что экзаменовъ въ этотъ день быть не можетъ, мотивируя волненіемъ профессоровъ, подвергавшихся обструкціи и обѣщаніемъ Коцовскаго, даннымъ обструкціонистамъ, прекратить экзамены. Всѣ съ этимъ согласились.

Каминка. Когда было постановленіе орг. комитета не входить въ частныя сношенія съ инспекціей?

Дэви. Съ точностью не могу сказать. Обратитесь къ Соколову.

Соколовъ. 16-го.

Леонтьевъ. Входъ въ инспекцію, вообще, былъ свободный для студентовъ?

Дэви. Вполнѣ. Тамъ постоянно бываютъ студенты за различными справками, адресами, отмѣтками, записями, за бумагой, заходили писать прошенія, подавали проекты и т. п.

Леонтьевъ. Что же, были какія нибудь формальности, нуженъ былъ особый докладъ, чтобы попасть въ инспекцію?

Дэви. Абсолютно нѣтъ. Входъ былъ свободенъ и въ инспекціи постоянно бывали студенты.

Леонтьевъ. Можно было входить и въ присутствіе и въ отсутствіе членовъ инспекціи?

Дэви. Рѣшительно всегда, въ любую минуту.

Урбановичъ. Увидавъ 1-го объявленіе, Вы сейчасъ же отправились собирать группу? Входили Вы въ институтъ?

Дэви. Нѣтъ, не входилъ.

Урбановичъ. А какъ же Вы уже тутъ говорили, что предварительно разузнали, дѣйствительно ли составленіе группы свободно?

Дэви. Готовъ сообщить и эту подробность: я зашелъ къ Коцовскому за этими свѣдѣніями и обратился къ нему, какъ къ знакомому.

Урбановичъ. Значитъ Вы проникли въ институтъ 1-го апрѣля?

Дэви. Нѣтъ, я былъ на квартирѣ у Коцовскаго.

Урбановичъ. Зачѣмъ Вы такъ торопились, съ составленіемъ группы?

Дэви. Было достаточно много времени, не по нашей винѣ, потеряно, чтобы еще медлить.

Урбановичъ. Куда направились съ группой?

Дэви. Къ Коновалову.

Урбановичъ. На квартиру?

Дэви. На квартиру въ университетъ, такъ какъ хотѣли подать до Совѣта.

Лесгафтъ. Что вы спрашивали у Коцовскаго?

Дэви. Спросили его дѣйствительно ли составленіе группъ свободно и кто бы ихъ не подавалъ—группы будутъ приняты? Мы относились съ нѣкоторымъ опасеніемъ къ составленію группъ. Отвѣтъ полученъ былъ самый безупречный.

Предсѣдатель. Отъ него вы направились собирать группу?

Дэви. Да, мы не теряли времени.

Предсѣдатель. Когда Вы были у Коцовскаго?

Дэви. Въ двѣнадцатомъ часу.

Предсѣдатель. Въ которомъ часу Вы были у Коновалова?

Дэви. Въ это время онъ собирался къ министру, надо полагать, былъ 9-ый часъ, приблизительно $8^1/_4$ часовъ.

Предсѣдатель. Почему миновали Коцовскаго?

Дэви. Со словъ Коцовскаго же; мы знали, что это дѣло взялъ въ свои руки Коноваловъ, и что надо обращаться къ нему. Такъ же поступили и на 5 курсѣ.

Предсѣдатель. Былъ ли разговоръ при этомъ визитѣ съ Коноваловымъ?

Дэви. Мы говорили ему, что этой группой далеко не исчерпываются всѣ желающіе на 4-мъ курсѣ держать экзаменъ, что здѣсь не одни „свобо.-д.-д-щіе", что группа дѣйствительно составлена свободно.

Предсѣдатель. Зачѣмъ Вы нашли нужнымъ говорить ему послѣднее? цѣль?

Дэви Силою судьбы Коноваловъ зналъ, что мы оба „свобод-щіе", видавъ насъ уже разъ въ качествѣ депутатовъ.

Лесгафтъ. Вы указали, что Вашей группой не исчерпы ваются всѣ желающіе, не хотѣли ли Вы этимъ подчеркнуть, что есть и другіе и тѣмъ отчасти способствовать экзаменамъ?

Дэви. Нѣтъ, мы только хотѣли подчеркнуть, что мы явились не депутатами „своб.-д-щихъ", а какъ обыкновенно студенты. Въ тѣ дни ухо надо было держать востро и стараться предупреждать всякія сплетни.

Лесгафтъ. Но вѣдь Вы постановили не сноситься съ Коноваловымъ, а Вы обошли Коцовскаго?

Дэви. Постановлено было не входить въ частныя сношенія, не пользоваться частными свѣдѣніями отъ начальства; вообще же студенту порвать всякую связь съ начальствомъ—дѣло абсолютно неисполнимое. Я уже упоминалъ о связи студента и экзаменатора-профессора. Добавлю, что лично я рѣшительно никакого непріятнаго чувства при сношеніяхъ съ Коноваловымъ не испытывалъ, ибо свидѣтелемъ конфликта не былъ, порицаній ему никакихъ не выражалъ; по опыту во всемъ сомнѣвался......

Лесгафтъ. Вы нарушили постановленіе Орг. комитета—не обращаться къ Коновалову?

Соколовъ. Къ начальству вообще—по вопросу о борьбѣ между студентами?

Дэви. Я уже сказалъ о смыслѣ постановленія и въ данномъ случаѣ оно совершенно, повторяю, было не при чемъ.

Предсѣдатель. Постановленіе къ этому инциденту не относилось?

Дэви. Не могло относиться.

Лесгафтъ. Какъ депутаты, вы имѣли сношенія съ Коноваловымъ?

Дэви. Безусловно.

Предсѣдатель. Когда вы были у него въ качествѣ депутатовъ отъ „своб.-д-щихъ"?

Дэви. 15-го Марта. Въ день отдѣленія „своб.-д-щихъ".

Батуевъ. Вы стояли около конторки въ инспекціи?

Дэви (даетъ чертежъ инспекторской). Можетъ быть.

Батуевъ. Вы утверждаете, что не слышали, какъ Бальди говорилъ: кто еще?

Дэви. Утверждаю.

Батуевъ. Даже ни одной фамиліи?

Дэви. Вообще, вѣроятно, фамиліи произносились, но не въ обращеніяхъ къ Бальди.

Батуевъ. Съ какой цѣлью произносились фамиліи?

Дэви. Тутъ просто дѣлились впечатлѣніями безъ всякой опредѣленной цѣли. Просто интересно было знать—кто ворвался, кто посуду у сторожа билъ.....

Батуевъ. Зачѣмъ студентамъ надо было знать, кто куда ворвался?

Предсѣдатель предлагаетъ не ставить этого вопроса.

Дэви. Если хотите, изъ любопытства, потому что такіе инциденты еще не случались.

Батуевъ. Вы говорили, что при Коноваловѣ былъ шумъ?

Дэви. Былъ.

Батуевъ. Не хлопалъ ли по плечу кого нибудь Коноваловъ?

Дэви. Этого я не видалъ и не допускаю.

Батуевъ. Не говорилъ Коноваловъ объ охранѣ?

Дэви. Да, онъ говорилъ, что больше сторожей поставитъ къ дверямъ.

Батуевъ. Нѣтъ, а объ охранѣ на улицѣ?

Дэви. Этого не было и не могло быть, потому что Коноваловъ благопристойностью улицы не завѣдуетъ и такое обращеніе къ нему было бы совершенно нелѣпо.

Батуевъ. Были ли Вы затѣмъ у него въ кабинетѣ вмѣстѣ со всѣми?

Дэви. Былъ.

Батуевъ. Относительно чего шла рѣчь, когда Вы вошли?

Дэви. Рѣчь шла объ академическихъ вопросахъ, а о чемъ именно, я уже говорилъ.

Батуевъ. Не просили ли у него льготъ: продленія, напр., экзаменовъ на 2 недѣли?

Дэви. Это нельзя называть льготой, потому что было потеряно не по нашей винѣ 12 дней; на экзамены даются 60 дней, а въ данномъ случаѣ осталось 48 дней. Вотъ мы и просили не льготъ, а законнаго нашего срока экзаменовъ; иначе нельзя было успѣть сдать экзамены. Просили еще раздѣленія курса „прикладной механики" съ возможностью держать входящій курсъ „паровыхъ машинъ" и „паровыхъ котловъ" отдѣльно, ни слова о какомъ либо урѣзываніи курсовъ рѣшительно не было.

Батуевъ. Кто первый обращался къ Коновалову?

Дэви. Кто первый не знаю, тутъ я не замѣчалъ отдѣльныхъ дѣйствій, но, дѣйствительно, вотъ Пумпянскій все время оказывался возлѣ Коновалова. Видимо, онъ имѣлъ самое живое общеніе съ Коноваловымъ.

Батуевъ. О Задде? Вы помните, что Вы говорили осенью, что Задде былъ взбѣшенъ и потому могъ свободно называть фамиліи?

Дэви. Ничего подобнаго.

Батуевъ. Вы не говорили?

Дэви. Нѣтъ.

Предсѣдатель. Самый фактъ разговора помните?

Дэви. Фактъ разговора я помню.

Батуевъ. Не помните ли, что Вы говорили: „у меня языкъ не повернулся бы назвать фамиліи“?

Дэви. Очень возможно, что я это сказалъ.

Предсѣдатель. Вы Задде знали?

Дэви. Задде я зналъ хорошо.

Предсѣдатель. Разговоръ объ этомъ Вы помните?

Дэви. Я припоминаю, что дѣйствительно сказалъ, что у меня языкъ не повернулся бы, сказалъ это по поводу разсказовъ о доносахъ.

Батуевъ. А разговоръ о гарантіяхъ съ Коноваловымъ былъ?

Дэви. Я могу еще разъ повторить: послѣ случая съ Тиграновымъ, я сдѣлалъ заявленіе Коновалову, прося его приказать инспекціи не посылать никого ко мнѣ; такъ какъ группы я больше не составляю. Коноваловъ сдѣлалъ это распоряженіе, тутъ же при мнѣ, въ профессорской комнатѣ.

Урбановичъ. Добранный списокъ кому Вы отдали?

Дэви. Инспекціи.

Урбановичъ. А Ауэрбахъ говорилъ про это Коновалову?

Ауэрбахъ. Я говорилъ про первый списокъ.

Урбановичъ. Я говорю про первую группу. Я Вашъ отказъ понимаю, какъ вѣжливый отказъ отъ поручительства: это видно изъ разнорѣчія цифръ. Вы, какъ составитель группы, должны знать, какъ въ Вашу группу попалъ Макаровъ, который вовсе Васъ объ этомъ не просилъ.

Дэви. Я знаю еще, что Маргуліесъ вписанъ. Какъ вписанъ Макаровъ не знаю. Я говорилъ только, что были добавлены 4 [illegible] ловѣка.

Ауэрбахъ. Я отказалъ Кутырину.

Предсѣдатель. Этотъ добавочный списокъ былъ представленъ Бальди?

Ауэрбахъ и *Дэви.* Да, ему. Можетъ быть, послали записку Бальди.

Соколовъ. Когда былъ добавочный списокъ и когда отказали Тигранову?

Дэви. Списокъ дополнялся, такъ какъ къ 1-му апрѣля было 28—29 чел. 1-го записалось черезъ инспекцію 2—3 человѣка. Остальныхъ мы добрали къ 5-му или къ 7-му апрѣля. Послѣ этого представленія и послѣдовалъ отказъ Тигранову.

Предсѣдатель. Я не ясно понимаю, какимъ образомъ составилась группа въ 41 человѣкъ?

Дэви. 1-го числа представили 28 — 29 человѣкъ, 2-го числа Пумпянскій, Коленскій и, какъ я узналъ здѣсь, Батуевъ черезъ инспекцію вписались въ группу. Мы стали дополнять съ Ауэрбахомъ группу до 35 человѣкъ, но такъ какъ дѣлали отдѣльно, возможенъ былъ и переборъ 1—2-хъ человѣкъ. Помимо насъ инспекція вписала еще до 41 человѣка.

Предсѣдатель. Когда отказано Тигранову?

Дэви. Когда я уже не былъ составителемъ группъ; а поодиночкѣ никого проводить не хотѣлъ.

Рейнвальдъ. Значитъ Вы работали вмѣстѣ съ инспекціей?

Урбановичъ. Вы записывали своихъ приверженцевъ?

Дэви. Записавшійся, напр., на улицѣ Соллогубъ былъ за забастовку, слѣдовательно—не приверженцевъ. Я обращался къ знакомымъ, а на обструкцію они не пошли бы.

Урбановичъ. Когда узнали, что въ группѣ 41 человѣкъ?

Дэви. 5-го или 7-го.

Гливицъ. Когда обратился Тиграновъ, почему Вы его не внесли?

Дэви. Я зналъ, что въ группѣ есть 35 человѣкъ, это и объяснилъ ему.

Гливицъ. Но 4-хъ Вы записали все-таки?

Дэви. Передали въ инспекцію, а тамъ согласились записать.

Гливицъ. Значитъ, инспекція записывала?

Дэви. Инспекція.

Рейнвальдъ. Вы, слѣдовательно, работали съ инспекціей; по соглашенію это было?

Дэви. Я самостоятельно составилъ группу, а инспекція вписала сама по себѣ. Вы полагали бы, что мнѣ слѣдовало просить инспекцію, помимо меня никого не вписывать? При чемъ тутъ совмѣстная работа?

Предсѣдатель. Группу собирали безъ соглашенія инспекціи?

Дэви. Конечно, безъ соглашенія.

Рейнвальдъ. А инспекція могла много записывать?

Дэви. Хоть двѣсти человѣкъ, это меня не касалось.

Гливицъ. Смотрѣли ли Вы на эту группу, какъ на постоянно съ Вами держащую экзамены?

Дэви. Я предполагалъ, что всѣ записавшіеся будутъ держать экзамены вообще, а когда это будетъ, это мнѣ было безразлично. Я самъ держалъ, не придерживаясь никакой группы.

Гливицъ. Не имѣли ли въ виду, что эта группа будетъ держать экзамены въ опредѣленные сроки?

Дэви. Что либо имѣть въ виду тогда было невозможно. Сроки меня не интересовали.

Гливицъ. Зачѣмъ же ограничивали группу числомъ?

Дэви. Вѣдь прежде же указывали, что группа на экзаменъ не должна быть болѣе 35 человѣкъ.

Гливицъ. Во время обструкціи почему собрались въ инспекціи?

Дэви. Оставалось кинуться въ ближайшую чистую комнату. Обсуждать что нибудь было совсѣмъ невозможно въ суматохѣ.

Гливицъ. Не мелькнуло ли у Васъ: «вотъ случилась такая вещь, уйдемъ отсюда?»

Дэви. Мы, вѣдь, и ушли. Не могло же все происходить моментально: когда обструкціонисты ушли и мы перешли.

Гливицъ. Въ инспекціи, кромѣ студентовъ 4-го и 5-го курсовъ никого не было?

Дэви. Да, вѣдь, другихъ курсовъ и не пропускали. Послѣ ухода обструкціонистовъ, могъ кто-нибудь пройти въ институтъ, но я ихъ не видѣлъ.

Гливицъ. Въ чемъ выразилась дѣятельность Орг. комитета, кромѣ приказа не сноситься съ начальствомъ?

Дэви. Объ Орг. комитетѣ Вамъ можетъ дать свѣдѣнія В. Соколовъ.

Каминка. Но Вы, можетъ быть знаете, какъ частное лицо?

Соколовъ. Это вовсе не былъ приказъ, а частное рѣшеніе комитета. Я прошу не искажать мои слова.

Гливицъ. Беру свои слова назадъ.

Гаппѣевъ. Какъ депутатъ и участникъ сходки 15-го марта, скажите, какъ былъ избранъ Орг. комитетъ и поручено ему выработать «credo»? Какія полномочія ему были даны?

Дэви. Послѣ сходки 12-го произвольно зародилось бюро для добора голосовъ «противъ забастовки со своб. дѣйствія». Сходка

12-го марта рѣшила при доборѣ этого не дѣлать, хотя, казалось бы каждый имѣетъ право оставаться при «особомъ мнѣніи» и его надо уважать.

Гаппевъ. Бюро тайное или явное?

Дэви. Можно было видѣть сборщиковъ голосовъ, стало быть, бюро было явное. 15-го марта рѣшили создать свою организацію такъ какъ мы оказались лишенными столовой, фонда, а главное лекцій, безъ коихъ, очевидно, совершенно нельзя обойтись. Разработать эти вопросы поручили комитету.

Гаппевъ. Число членовъ бюро не помните?

Дэви. Не помню.

Гаппевъ. Бюро согласилось взять на себя функціи комитета?

Дэви. Объ Орг. комитетѣ Вы можете получать свѣдѣнія отъ В. Соколова.

Соколовъ. Позвольте дать разъясненіе: бюро, явно, въ чертежной 2-го курса собирало голоса. На сходкѣ 15-го рѣшили выбрать бюро, чтобы быть въ курсѣ всего; надо было разослать приглашенія на сходку 17-го, которая за закрытіемъ института не состоялась. Присоединялись къ «своб.-д-щимъ» добровольно.

Гаппевъ. Каждому предоставлялось собирать группу? Совѣтовали ли Вы другимъ собирать?

Дэви. Совѣтъ предоставилъ каждому. Я предлагалъ Тигранову собрать свою группу.

Кутыринъ. Ауэрбахъ мнѣ тоже совѣтовалъ. На дверяхъ института объ этомъ было объявлено.

Гаппевъ. Въ инспекціи Вы были недолго. Отъ Бальди Вы были отдѣлены группой студентовъ?

Дэви. Между рѣшеткой и конторкой были студенты. Я стоялъ у конторки.

Гаппевъ. Вы говорите, что вы не слыхали, но Вы утверждаете, что разговора не было?

Дэви. Я считаю возможнымъ говорить о томъ, что самъ видѣлъ и слышалъ.

Гаппевъ. Когда Вы ушли, въ инспекціи еще оставались студенты? Бальди былъ тамъ?

Дэви. Вѣроятно были,—одни входили, другіе уходили. Я самъ и Андреевъ собирали въ пользу побитаго сторожа. Потомъ я ходилъ внизъ въ лабораторію говорить съ Курнаковымъ: гдѣ былъ Бальди не знаю; утвердившимся я его не видѣлъ.

Гаппевъ. Въ 1902 году у Васъ на квартирѣ собирались сту-

денты? Не помните ли Вы фамилій тѣхъ, кто собирался у Васъ въ комитетѣ?

Дэви. Я не вижу отношенія къ дѣлу этого комитета.

Предсѣдатель. Какой комитетъ?

Дэви. Комитетъ умѣренныхъ въ 1902 году. Говорить объ этомъ я никѣмъ не уполномоченъ. Могу сообщить въ самыхъ общихъ чертахъ. Собирались раза три, четыре. Выпустили нѣсколько незначащихъ бюллетеней. Институтъ былъ закрытъ Совѣтомъ будто бы по академическимъ причинамъ. Черезъ нѣсколько дней одинъ изъ членовъ, Приходько, былъ почему-то арестованъ; тогда комитетъ прекратилъ свою дѣятельность.

Гапѣевъ. Не припомните-ли фамилій участниковъ совѣщаній?

Дэви. Я никѣмъ не уполномоченъ открывать ихъ фамиліи; ограничьтесь тѣмъ, что знаете меня.

Гапѣевъ. Можетъ быть судъ найдетъ нужнымъ знать фамиліи?

Дэви. Я отказываюсь ихъ назвать, такъ какъ не имѣю полномочій

Гливицъ. Еджубовъ получилъ ленточку. Можетъ быть эта ленточка разослана тѣмъ же бюро?

Дэви. Представленія не имѣю объ анонимныхъ ленточкахъ; по поводу бюро обращайтесь къ В. Соколову.

Соколовъ. Я ничего не могу объ этомъ сказать, такъ какъ никакихъ ленточекъ не знаю.

Гливицъ. Еджубовъ получилъ ленточку съ фамиліями?

Соколовъ. Бюро посылало повѣстки; предлагали явиться и подать голосъ. Фамилій тамъ никакихъ не было?

Предсѣдатель. Посылали повѣстки? Больше ничего?

Соколовъ. На повѣсткахъ фамилій не было. Весной болѣе ничего не разсылали.

Леонтьевъ. Г-нъ Батуевъ задавалъ ли вопросъ Коновалову? Гдѣ былъ самъ Батуевъ во время бесѣды съ Коноваловымъ?

Дэви. Я Батуева совсѣмъ тогда не помню.

Предсѣдатель. Это уже извѣстно. Батуевъ уже подробно показывалъ.

Рейнвальдъ. Мнѣ интересно знать Ваше мнѣніе: если бы завѣдомые «обструкціонисты» подали группу—приняла бы инспекція?

Предсѣдатель. Это не важно. Какъ можетъ говорить. Дэви за инспекцію?

Рейнвальдъ. Я прошу отвѣта.

Дэви. Думаю, что была бы принята.

Рейнвальдъ. Почему инспекція не приняла 2-ой группы на 5-мъ курсѣ. Гусарскаго?

Дэви. Уже извѣстно, что группа эта была принята и вызывали ее на 3-е апрѣля; это распредѣленіе дѣлала инспекція; а ей нужно было попасть 2-го съ нашими группами. Она сама не пошла, потому что дѣлать тамъ, ей одной, было нечего. Обращаю особое вниманіе на это, ибо до сихъ поръ судъ держался въ заблужденіи въ этомъ вопросѣ.

Предсѣдатель. Считали Вы, что инспекція ошибочно смотрѣла на роль сборщиковъ группъ?

Дэви. Когда я окончательно прекратилъ собираніе, то въ случаѣ съ Тиграновымъ усмотрѣлъ желаніе инспекціи свалить на насъ, чуть не всѣхъ. Этому мы не поддались, какъ я уже говорилъ.

Соколовъ. Чтобы исчерпать вопросъ о ленточкѣ, прошу огласить эту повѣстку бюро.

Предсѣдатель. Это не ленточка.

Соколовъ. Да, но это наша единственная повѣстка.

Предсѣдатель. Читаетъ ее *.

Каминка. Приложена она къ дѣлу?

Соколовъ. Она и находится въ дѣлѣ.

Половниковъ. Вы, кажется давно поступили въ институтъ, я съ 1896 г?

Дэви. Я въ 1897 году.

Половниковъ. Вы, какъ представитель «правой», не можете ли сказать у кого бывало больше столкновеній: у «правой» или у «лѣвой»?

Дэви. Я вообще, стоялъ далеко отъ учрежденій студентовъ, откуда исходили всѣ столкновенія. Сейчасъ припоминаю инцидентъ съ Лебедевымъ у «лѣвой».

Половниковъ. Судовъ не было? Напр. Беккергарта?

Дэви. Было чрезмѣрно много, но я стоялъ отъ нихъ далеко. Никого я не обвинялъ и ни разу не подписывался подъ увольненіемъ товарищей, вообще, не бралъ на свою совѣсть рѣшенія чьей либо судьбы.

Половниковъ. Все таки суды помните?

Дэви. Какъ не помнить, когда судили всѣхъ и вся. Чтобы отвѣтить Вамъ, рѣшительно скажу, что, вообще, безусловно всѣ столкновенія, всѣ скандалы исходили исключительно отъ одной «лѣвой».

Предсѣдатель останавливаетъ Половникова.

Половниковъ. Мнѣ, какъ отъ стараго студента хотѣлось, услышать характеристику прошлаго.

Духонь. Кѣмъ я былъ записанъ въ группу?

Дэви. Мною. Вообще повторяю, что вся отвѣтственность за 1-ю группу лежитъ на мнѣ и Ауэрбахѣ. Духонь никакой группы не собиралъ.

Урбановичъ. Нѣсколькихъ представилъ Ауэрбаху?

Духонь. Не группу, а Калнина и Рабчевскаго, по ихъ личной просьбѣ.

Предсѣдатель. Прошу г. Воскресенскаго отвѣтить на нѣсколько вопросовъ. Когда Вы стали «своб-.д-щимъ?»

Воскресенскій. «Своб.д-щимъ» я сталъ 12-го Марта 1904 года, Гапѣевъ говорилъ здѣсь, что «своб.-д-щіе» заявили, что они не будутъ подчиняться большинству. Если и были такіе монстры, которые не признавали такого большинства, то это были отдѣльные голоса.

Предсѣдатель. Но такіе монстры были?

Воскресенскій. Были. Послѣ того, какъ я высказался за «свободу дѣйствій», я подчинялся Орг. комитету, но въ 1902 году у насъ прошла забастовка. Бюллетени печатались за забастовку. Потомъ первому курсу разрѣшили держать экзамены. Когда голосуется забастовка, то первокурстники являются сильными горячими сторонниками ея, когда дѣло дошло до экзаменовъ, то имъ позволили устраниться отъ общей обязанности.

Предсѣдатель. Но вѣдь имъ грозило бы увольненіе?

Воскресенскій. Но разъ кто взялся за борьбу, онъ долженъ нести всѣ ея послѣдствія. Вѣдь для всякаго тяжелы послѣдствія, связанныя съ забастовкой, одному грозитъ солдатчина, другому увольненіе, третьему нельзя терять года изъ-за матеріальныхъ обстоятельствъ. Въ 1902 году я считалъ для себя обязательнымъ руководиться указаніями комитета: нужно же, чтобы кто нибудь велъ дѣло. Тогда комитетъ совѣтывалъ профессорамъ разослать опросные листки. Убѣдилъ въ этомъ Долбню. А потомъ комитетъ велѣлъ студентамъ не отвѣчать на нихъ, результатомъ чего явилось увольненіе 300 студентовъ и оставленіе почти всѣхъ на 2-ой годъ. Этимъ поступкомъ комитетъ вооружилъ противъ сэбя многихъ, въ томъ числѣ и меня.

Предсѣдатель. Вы съ самаго начала присоединились къ партіи «своб.-д.-щихъ»?

Воскресенскій. Я къ партіи не присоединился; такой партіи не было. Я ихъ партіей не считалъ...

Предсѣдатель. Виноватъ, я сказалъ къ «такъ называемой партіи» „своб.-д-щихъ".

Воскресенскій. Нѣтъ, виноватъ, Вы не сказали „къ такъ называемой". Къ «своб.д-щимъ» я присоединился съ самаго начала. Я увидѣлъ лицъ съ надписью „противъ забастовки со свободой дѣйствія" и записался. Вначалѣ, когда обсуждался вопросъ о забастовкѣ, я высказался «противъ». Но тутъ ст-тъ Пятницкій высказался по вопросу о забастовкѣ за „независимый образъ дѣйствія". Другими словами, что онъ не хочетъ идти опять на компромиссъ. Но это еще не значило, что онъ будетъ держать экзамены. Это только значило, что въ вопросѣ о забастовкѣ онъ не подчинялся. Его Гапѣевъ тогда даже похвалилъ за смѣлое и открытое заявленіе «особаго мнѣнія». Наше «особое мнѣніе» терпѣлось съ 12-го до 15-го, пока еще надѣялись имѣть большинство, и исключили насъ только тогда, когда они увидѣли, что съ нами забастовка не пройдетъ, „своб.д-щіе" тормозили имъ забастовку, они указывали, что не вѣрятъ въ забастовку. Тутъ вотъ говорятъ все «единеніе». Въ 1901 году я помню былъ предсѣдателемъ Шатиловъ, когда возникало преніе между партіями онъ, и другіе ораторы обращались къ студентамъ, просили не вносить раздора и призывали къ единенію и умѣлымъ поведеніемъ успокаивали собраніе, а вотъ въ 1904 году дѣло обстояло иначе, товарищъ предсѣдателя Рейнвальдъ обозвалъ насъ баранами и хотѣлъ удалить.

Рейнвальдъ. Я долженъ это опротестовать. Вы не можете подтвердить свои слова. Думаю, что противная сторона подтвердитъ?

Голоса. Нѣтъ, Вы это говорили.

Рейнвальдъ. Я не былъ товарищемъ предсѣдателя.

Голоса. Неправда—были.

Рейнвальдъ. Я сейчасъ разъясню, какъ я оказался на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Я былъ обыкновеннымъ членомъ сходки. Предсѣдатель былъ Яньковскій, товарищемъ его былъ Лури. Когда они выбились изъ силъ, изъ за поведенія „своб.-щихъ", Яньковскій, уходя, просилъ меня остаться за него. Та сторона вела себя неприлично: они всегда уходили въ правый уголъ и говорили предосудительныя рѣчи. Они дружнымъ ревомъ мѣшали говорить каждому оратору съ «лѣвой» стороны, когда же говорили ораторы съ «правой» они молчали, Въ этотъ разъ, съ той стороны, особенно шумѣли и кричали. Я имъ крикнулъ буквально слѣдующее: «Господа, прошу выражаться членораздѣльно, но не ревѣть, какъ баранье стадо.» Соглашаюсь, что это было неккорректно, и я хотѣлъ извиниться, но каждый разъ, какъ я подымался начинался шумъ.

Рейнъ. Яньковскій сказалъ, что Рейнвальдъ—товарищъ предсѣдателя.

Рейнвальдъ. Я уже сказалъ, кѣмъ я былъ.

Предсѣдатель. Этотъ вопросъ исчерпанъ.

Злотницкій. Я долженъ сказать, что Рейнвальдъ былъ товарищемъ предсѣдателя. Свою фразу онъ передаетъ невѣрно. Извиняться онъ не хотѣлъ. Наоборотъ я требовалъ его удаленія со сходки и онъ ушелъ съ мѣста товарища предсѣдателя только послѣ настойчивыхъ и долгихъ требованій. Что касается того, что, будто бы, мы только себя вообще нехорошо вели на сходкахъ—это неправда. Какъ образецъ ихъ нетерпимости я позволю себѣ привести слѣдующій характерный случай. Говорилъ ораторъ «лѣвой» Дайхесъ. Его слушали со вниманіемъ и не прерывали. Когда онъ кончилъ, всталъ кто то съ нашей стороны и началъ возражать и сказалъ поговорку: «Чтобы Вамъ не казалось—перекреститесь». Тогда вскочилъ «лѣвый» Новожиловъ и бросился со словами «негодяй, мерзавецъ» на «праваго». Они хотѣли бить другъ друга, но ихъ розняли. Дайхесъ—еврей, но самъ онъ нисколько не обидѣлся и даже не понялъ въ чемъ дѣло. Этотъ эпизодъ показываетъ съ какимъ предубѣжденіемъ «лѣвые» относились ко всему, что имъ противорѣчило.

Рейнъ и Макаровъ. Рейнвальдъ былъ товарищемъ предсѣдателя и сказалъ: «бараны».

Соколовъ. Были крики и возраженія съ нашей стороны, такъ какъ Рейнвальдъ считалъ, что вопросъ о забастовкѣ покончень и забастовка объявлена и хотѣлъ перейти къ другому вопросу, а мы протестовали противъ этого. Тогда Рейнвальдъ обругалъ насъ «баранами».

Предсѣдатель. Прошу отвѣтить на конкретные вопросы.

Воскресенскій. Рейнвальдъ былъ дѣйствительно товарищемъ предсѣдателя. На сходкахъ мы бывали всегда «справа», они «слѣва». также какъ и здѣсь на судѣ. Рейнвальдъ стоялъ рядомъ съ предсѣдателемъ, отсюда я заключилъ, что онъ былъ товарищемъ предсѣдателя.

Соколовъ. Рейнвальдъ усиленно звонилъ въ колоколъ.

Предсѣдатель. Исчерпаемъ этотъ вопросъ. Скажите пожалуйста, на какомъ курсѣ Вы были?

Воскресенскій. На третьемъ.

Предсѣдатель. Кто составлялъ у Васъ группы?

Воскресенскій. Я долженъ Вамъ разсказать, здѣсь все время говорили, что въ первую голову шли «своб.-д-щіе» А я скажу, что ко мнѣ еще раньше пришли Саломосъ и Фитингофъ. Я вообще долженъ

сказать, что на нашемъ курсѣ раньше приступили къ экзаменамъ и начали составлять группу «несвобододѣйствующіе». Нѣсколько моихъ личныхъ знакомыхъ изъ числа студентовъ, какъ ни было это печально, рѣшили держать экзаменъ, памятуя 1902 годъ. Если бы уходомъ каждаго изъ насъ можно было вернуть профессоровъ, то мы бы, конечно, это сдѣлали. Если бы мой уходъ изъ института могъ бы вернуть Вас. Вас. Никитина, то я бы ушелъ въ любой моментъ. Но о забастовкѣ у насъ было вполнѣ опредѣленное мнѣніе. 1-го пришли ко мнѣ Фитингофъ и Саломосъ, оба они «несвобододѣйствующіе». Съ Фитингофомъ я былъ знакомъ. Они предложили мнѣ держать экзамены, сказавъ, что у нихъ группа въ 6—7 человѣкъ съ ними и предложили записаться. Я отвѣтилъ, что и насъ нѣсколько человѣкъ хотятъ держать экзамены и мы соединились. Вечеромъ пришелъ Бѣлозоровъ съ аналогичнымъ предложеніемъ. «Несвоб.-д.-щій» Юмашевъ тоже принималъ участіе въ составленіи этой группы. Кромѣ того еще Берладинъ присоединилъ нѣсколько человѣкъ. Наша группа была подана, кажется, 5-го, а 7-го или 8-го мы получили билеты. Я говорилъ тутъ еще о группѣ Мишина, но Мишинъ заявляетъ, что онъ группы не составлялъ — можетъ быть, онъ и не составлялъ, но я зналъ, что была группа составленная «несвоб.-д.-имъ», въ которую входитъ Мишинъ. Въ этомъ смыслѣ я сказалъ «группа Мишина».

Предсѣдатель. Много ли было въ Вашей группѣ?

Воскресенскій. 40—45 человѣкъ. Я хочу указать еще на то, что «своб.-д.-щіе» записывались у «несвоб.-д.-щихъ» и наоборотъ «несвоб.-д.щіе» у «своб.-д.-щихъ». Въ этомъ отношеніи слѣдовательно нѣтъ разницы между «своб.-д.-щими» и «несвоб.-д.щими» Изъ 45 человѣкъ этой группы, человѣкъ 15—17 было «несвобододѣйствующихъ». Скажу еще, что вообще особенно обостренныхъ отношеній не было, но между отдѣльными лицами были столкновенія, которыя кончались даже драками на улицахъ.

Предсѣдатель. Вамъ предлагали составлять не исключительно изъ «своб.д-щихъ»?

Воскресенскій. Намъ никто не предлагалъ. Здѣсь говорили, что были особые сборщики группъ, у насъ на курсѣ собирало много лицъ, а потомъ вмѣстѣ соединили, такимъ образомъ, часть отвѣтственности падаетъ на меня и на многихъ другихъ студентовъ. Говорили еще, что въ этомъ году группы имѣли особенный, специфическій характеръ. Въ дѣйствительности, въ составленіи группъ ничего особеннаго не было. Въ университетѣ...

Предсѣдатель. Мы знаемъ университетскій порядокъ...

Воскресенскій. Нѣтъ, позвольте, это очень важно. Въ университетѣ я держалъ у проф. Коновалова экзаменъ по химіи. Вообще тамъ инспекція сама распредѣляетъ на группы по алфавиту. У проф. же Коновалова былъ такой списокъ: студенты сами составляли группу и представляли ему наканунѣ или за нѣсколько дней.

Печковскій. При мнѣ въ институтѣ былъ такой же порядокъ: инспекція дѣлила студентовъ на три равныя части.

Воскресенскій. Я объ этомъ говорю, чтобы подтвердить слова проф. Коновалова, что это для него не было новостью. Скажу еще, что и у насъ въ институтѣ группы подавались. У проф. Тиме должны были дня за два, за три до репетиціи подавать группу и поручиться, что всѣ придутъ. Затѣмъ, если группы и пріобрѣли специфическій характеръ, такъ это потому, что была вражда между студентами. Вѣдь вотъ и «своб.-д.-мыслящій» Нацваловъ говоритъ, что на 5-омъ курсѣ была группа (которая не хотѣла смѣшиваться, чтобы не испачкаться) и послѣ ухода профессоровъ, хотѣла держать экзамены, но не хотѣла смѣшиваться во время экзаменовъ со «своб.-д-щими». Такое желаніе могло быть и у нѣкоторыхъ «своб.-д-щихъ».

Предсѣдатель. Вы были въ день обструкціи въ институтѣ?

Воскресенскій. Я былъ студентомъ 3-го курса, а тамъ были студенты 5-го и 4-го курсовъ и если сдѣлали что либо предосудительное—я не считаю себя отвѣтственнымъ за ихъ дѣйствія. Если Коноваловъ и хлопалъ по плечу «нейтральнаго» Пумпянскаго, то не могутъ же всѣ «нейтральные» быть за это отвѣтственны, а для него это особенно предосудительно, такъ какъ онъ выступалъ съ обвиненіями «своб.-д-щихъ» въ газетѣ «Русь».

Предсѣдатель. Такъ Вы не были въ институтѣ 2-го?

Воскресенскій. Нѣтъ.

Предсѣдатель. А не знаете ли, хотя по слухамъ, объ участіи студентовъ въ составленіи списка обструкціонистовъ, фактическую сторону?

Воскресенскій. По слухамъ?

Предсѣдатель. Хотя бы и непосредственно изъ устъ доносившаго.

Воскресенскій. 15-го августа мы съ Меффертомъ поѣхали къ инженеру Завадскому прощаться. Онъ получилъ проскрипціонный списокъ и спрашивалъ у насъ, т. е. у меня, Мефферта и сына своего: «что же сдѣлали отдѣльныя лица»? Я ему разсказалъ, что слышалъ весной, будто студенты послѣ обструкціи собрались въ хими-

ческой аудиторіи и громко тамъ разговаривали. Бальди подслушалъ нѣсколько фамилій и записалъ. Меффертъ тоже не могъ указать ни одного конкретнаго случая. Говорилъ только, что косвенно нѣкоторые «своб.-д-щіе» помогли Бальди составить списокъ, но прямыхъ указаній никакихъ не было. Въ подробностяхъ же всю исторію я узналъ только здѣсь на судѣ. Завадскій спросилъ, почему я не вышелъ изъ партіи «своб.-д-щихъ» и не отказался отъ солидарности съ ними. А я на это отвѣтилъ, что «своб.-д-щіе» не являются партіей отвѣтственной другъ за друга, кромѣ того мнѣ даже кажется страннымъ отказываться отъ солидарности со шпіонами. Меффертъ сказалъ, что нашелся одинъ Мушкетовъ, который счелъ нужнымъ отказаться. А я на это отвѣтилъ, что это только Мушкетовъ и могъ сдѣлать. Про насъ говорятъ, что мы «нравственно слабые» и «позорно павшіе». Если бы это было такъ, намъ не нужно было бы поднимать дѣло, весной мы сдали экзамены, а осенью намъ противная сторона сама предлагала вернуться въ корпорацію. Но мы не находили этого возможнымъ, такъ какъ надъ нами было произведено насиліе и рѣшили: дѣло такъ не оставлять, хотя переходъ къ праведникамъ былъ простой.

Гливицъ. Вы назвали иниціаторовъ группы — скажите, гдѣ живетъ студентъ Саломосъ?

Воскресенскій. Я не знаю.

Гливицъ. Вы не знаете, гдѣ жилъ Саломосъ и гдѣ живетъ теперь?

Воскресенскій. Не знаю.

Гливицъ. Вы не знаете, что Саломосъ племянникъ Коцовскаго и живетъ въ Горномъ институтѣ. Онъ могъ же знать непосредственно, зачѣмъ же ему было идти къ Вамъ?

Воскресенскій. Первый разъ слышу. А вообще меня не интересуетъ, кто чей племянникъ.

Дэви. Саломосъ живетъ отдѣльно.

Воскресенскій. Составленіе группы я не считалъ привиллегіей «своб.-д-щихъ». Еще прежде, чѣмъ я приступилъ къ экзаменамъ, числа 12-го апрѣля я встрѣтился съ Мишинымъ въ Румянцевскомъ скверѣ и онъ мнѣ говорилъ, что на 3-емъ курсѣ у нихъ составлена своя группа.

Гливицъ. Констатирую фактъ, что только люди близко стоявшіе къ инспекціи и «своб.д-щіе» могли составлять группы, которымъ давался ходъ и они и составляли группы.

Воскресенскій. А я говорю, что на дверяхъ было вывѣшено объявленіе, что каждый желающій можетъ составлять группу.

Соколовъ (Гливицу). А Гусарскій могъ собирать группу?

Рейнвальдъ. Гусарскому объ этомъ было извѣстно частнымъ образомъ изъ разговора съ Коцовскимъ о возможности составлять группу.

Воскресенскій. Мы знали о группѣ Гусарскаго, будто бы они хотѣли держать экзаменъ 2-го, а имъ предложили 3-го, но они не согласились, они рвались на экзамены. Имъ сказали: «Нѣтъ погоди, приходи 3-го, а не 2-го»! Я встрѣтилъ на набережной Г. Г. Лебедева, котораго «уважаютъ» обѣ партіи, онъ говорилъ, что всѣ, кто захочетъ, могутъ представлять группу, хотя бы въ два человѣка. На 2-мъ курсѣ II-ую группу подали всего нѣсколько, «несвоб.-д-щихъ», человѣкъ и имъ были выданы билеты на всѣ дни.

Мефферть. Вы не помните нашего разговора осенью?

Воскресенскій. Мы развѣ видѣлись съ Вами осенью?

Мефферть. Какъ же на Большомъ проспектѣ. Не помните ли, что Вы мнѣ говорили?

Воскресенскій. Нѣтъ, не помню. Напомните мнѣ, скажите, что Вы хотите, чтобы я подтвердилъ и я Вамъ тогда прямо скажу, былъ ли такой разговоръ или нѣтъ.

Мефферть. Вы говорили, что Мышенковъ, послѣ практики, явился къ Коновалову въ Петербургъ, какъ къ отцу родному, разсказалъ ему, какъ его бойкотировали. Коноваловъ ему на это отвѣтилъ: «Вы объ этомъ никому больше не разсказывайте», вообще отнесся иронически.

Воскресенскій. Да этотъ разговоръ былъ.

Мышенковъ. Кто это Вамъ говорилъ?

Воскресенскій. Кажется Недзѣльскій, точно не помню.

Духонь. Можетъ быть я напомню. Осенью былъ у насъ разговоръ въ присутствіи Недзѣльскаго, и я сказалъ, что оба вы виноваты?

Воскресенскій. Вообще у меня былъ разговоръ со «своб.-д-щимъ» о Мышенковѣ. Кто то изъ нихъ мнѣ говорилъ, что Мышенковъ былъ осенью у Коновалова и разсказывалъ ему о томъ, что было на Брянскомъ рудникѣ.

Мефферть. А оцѣнку этого поступка Вы при мнѣ дѣлали?

Воскресенскій. Да, я относился къ этому отрицательно, но отдѣльныхъ выраженій не помню.

Зерновъ. Профессора фамилій не знали, а слова «нравственно слабый», «позорно павшіе» они относили къ «своб.-д-щимъ». Вѣдь вотъ и Макаровъ отнесся къ этому критически. А Вы признавали бы такіе факты некрасивыми?

Воскресенскій. Макаровъ о своемъ разговорѣ съ Бальди еще осенью заявлялъ на сходкѣ, но не говорилъ тогда, что сдѣлалъ свое заявленіе Бальди страшнымъ голосомъ—я бы просто изругалъ Бальди, если бы обратился ко мнѣ съ такимъ вопросомъ.

Зерновъ. Подобные слухи ходили весной и профессора могли назвать это «нравственной слабостью» и «позорнымъ паденіемъ». Какъ это съ Вашей точки зрѣнія?

Воскресенскій. Если такіе ст-ты существовали и слова записки профессоровъ относить къ нимъ, то тогда эти выраженія слишкомъ слабы. «Я бы назвалъ ихъ «отребьемъ ст-въ».

Гливицъ. Возбуждали ли вы вопросъ осенью о томъ, чтобы разслѣдовать достовѣрность всѣхъ слуховъ, ходившихъ о «своб.-д-щихъ»?

Воскресенскій. Да, у насъ была осенью одна сходка...

Предсѣдатель. Какъ, сходка была?

Воскресенскій. Была.

Предсѣдатель. Въ институтѣ?

Воскресенскій. Да, въ институтѣ.

Предсѣдатель. А «своб-д-щіе» присутствовали?

Воскресенскій. Мы хотѣли разобраться во всѣхъ этихъ вопросахъ, а вотъ Матвѣевъ, Раздорскій и др. «своб.-д-щіе» хотѣли разогнать. Но когда мы имъ разсказали предметъ нашего обсужденія, то они удалились изъ чертежной.

Предсѣдатель. А другіе ст-ты на этой сходкѣ присутствовали?

Воскресенскій. Изъ нейтральныхъ было нѣсколько человѣкъ. Я говорилъ, что надо разобраться, найти то сѣмячко, изъ котораго выросло такое пышное дерево доноса, разосланнаго по рудникамъ. Я предлагалъ три способа: или самимъ—пусть каждый скажетъ, что онъ сдѣлалъ, или потребовать обвиненія отъ противной намъ стороны. Мы допускали, что они откажутся предъявить къ намъ свои обвиненія, такъ какъ тогда они уже поставили надъ нами окончательный крестъ и въ этомъ случаѣ я предлагалъ обратиться къ Совѣту. Мнѣ возражали, что не можемъ же мы сами заниматься, какъ они, «сыскомъ».Предлагали образовать свою собственную корпорацію. Я отказался отъ этого, говоря, что это, будетъ «государство въ государствѣ» и что это междоусобная война, а это, по моему, самая скверная штука. Лично я дорожилъ прежними товарищескими отношеніями. Я даже думалъ прежде, что нашъ институтъ лучшій въ товарищескомъ отношеніи.

Гливицъ. А какая цѣль была этой сходки?

Воскресенскій. Повѣстки я не помню, но на сходкѣ все время выяснялась точки зрѣнія „своб.-д-щихъ". на самихъ себя.

Гливицъ. А было какое нибудь постановленіе?

Воскресенскій. Ни къ какому опредѣленному рѣшенію, по обыкновенію, не пришли.

Каминка. По поводу Вашего предложенія было рѣшеніе?

Воскресенскій. Никакой резолюціи сходка не вынесла.

Нечаевъ. Не припомните ли, что на этой сходкѣ, по поводу Вашего предложенія, я выражалъ въ слѣдующихъ словахъ: заниматься выясненіемъ степени винъ отдѣльныхъ лицъ—нелѣпо, потому во первыхъ, что найдется такой идіотъ, который, совершивъ преступленіе и сознавая это передъ другими, признался бы въ этомъ, во вторыхъ, потому, что мы «своб.-д-щіе» какъ лица, объединенныя только однимъ оскорбленіемъ, представляя эту сторону, будемъ судить объ этихъ фактахъ односторонне и въ третьихъ,—если мы и установимъ эти отдѣльные проступки, развѣ тогда мы будемъ считать себя менѣе оскорбленными. Всѣ эти основанія, говорилъ я, не позволяютъ намъ предвосхищать идею предстоящаго третейскаго суда, необходимой и важной стороной катораго должна явиться для насъ самая широкая гласность. Не подтверждаете ли?

Воскресенскій. Да, совершенно вѣрно, и я тогда съ Вами во всемъ вполнѣ согласился.

Нечаевъ. Не помните ли также, что мы перешли затѣмъ къ разъясненію вопроса о томъ, какіе моменты насъ объединили и есть ли въ нашихъ коллективныхъ поступкахъ что нибудь такое, что дѣйствительно могло бы дать основаніе считать насъ партіею. Не припомните ли, что тогда же пришли къ заключенію, что наши убѣжденія для какой бы то ни было партіи слишкомъ различны и что единственнымъ объединяющимъ насъ моментомъ является просто особое мнѣніе и общее оскорбленіе?

Воскресенскій. Совершенно вѣрно. Я говорилъ тогда, что мы являемся конгломератомъ лицъ, цементирующимъ веществомъ котораго является та правая, которой была предпринята по отношенію насъ, «своб.д-щіе» не есть группа лицъ съ опредѣленной политической физіономіей. «Своб.-д-щіе»—это люди, которые на сходкахъ 12 и 15 марта, по вопросу о забастовкѣ остались при «особомъ мнѣніи». Большая ошибка „св.-д-м-щихъ", что они исключили насъ изъ корпораціи: разъ забастовка прошла, то нужно было бы подчиняться велѣніямъ Орг. комитета.

Предсѣдатель. Т. е. постановленію сходки?

Воскресенскій. Нѣтъ не сходки а Орг. комитету, такъ какъ забастовка уже прошла; нужно было подчиняться приказамъ Орг. ком. Забастовка не прошла; ст-ты не подчинялись О. К. С. Г. И. А въ 1902 году Комитетъ разрѣшалъ отдѣльнымъ лицамъ держать экзамены.

Гапѣевъ. Кто Вамъ докладывалъ, что комитетъ разрѣшалъ держать экзамены?

Воскресенскій. Я высказываю свое мнѣніе о 1902 годѣ.

Предсѣдатель. Суду выяснился этотъ вопросъ.

Дэви. Группы составляли и не «своб.-д-щіе»?

Воскресенскій. Да.

Дэви. Если даже были бы одни «своб.-д-щіе» для начальства имѣло бы значеніе, кто подаетъ группу «своб.-д-щій» или «своб.-д-м-щій»?

Воскресенскій. Не знаю, мнѣніемъ начальства не интересуюсь и вообще для меня безразлично, что думаетъ Бальди, считаетъ ли онъ это поручительствомъ или не считаетъ; какъ смотритъ Коноваловъ и что скажетъ Долбня по этому поводу.

Дэви. Я хотѣлъ указать только, что начальству не было извѣстно, кто «своб.-д-щій», а кто нѣтъ?

Предсѣдатель. Какія сношенія существовали между ст-ми и инспекціей въ это время обостренныхъ отношеній между ст-ами?

Воскресенскій. И. П. Долбня утверждалъ на судѣ, что «своб.-д-щіе» имѣли сношенія съ начальствомъ всѣхъ ранговъ. Мое же мнѣніе, что „св.-д-щіе“ имѣли меньше сношеній, чѣмъ «своб.-д-м-щіе». Они все время ходили къ Коцовскому, а профессоръ Коноваловъ былъ съ визитомъ у «своб.-д-м-щаго» Гапѣева.

Гапѣевъ. Но не я у него?

Воскресенскій. И Вы у него были. А если бы ко мнѣ, не дай Богъ, пришелъ бы весной профессоръ Коноваловъ, то вѣдь это теперь было бы поставлено въ ужасную вину.

Предсѣдатель. А какія вообще существовали отношенія между ст-ми и инспекціей до конфликта?

Воскресенскій. Не такія, какъ въ университетѣ, напр. тамъ на проф-ра смотрятъ, какъ на пристава, у насъ же этого не было. И „своб.-д-м-щіе“ и «своб.-д-щіе» бывали въ инспекціи, разговаривали здоровались, да и теперь тоже происходитъ.

Предсѣдатель. Такъ что ничего особеннаго въ этомъ году Вы не замѣчали?

Воскресенскій. Не замѣчалъ ничего. Еще вотъ что. Тутъ Еджубовъ говорилъ про Лемана, что онъ говорилъ пом. инсп. Воронину: «Вы, ка-

жется, слишкомъ щедро раздавали билеты»? Я не думаю, чтобы это могъ сказать Леманъ, его здѣсь самого, къ сожалѣнію, нѣтъ, но я Лемана хорошо знаю—онъ честный, аккуратный нѣмецъ.

Соколовъ. Вы сказали, что профессора въ своей запискѣ выразились недостаточно рѣзко. Выраженіе ихъ относите ко всей группѣ или къ отдѣльнымъ лицамъ?

Воскресенскій. Судя по показаніямъ, даннымъ здѣсь, ихъ нельзя винить за то, что ихъ записка разсылалась по рудникамъ вмѣстѣ съ проскрипціоннымъ спискомъ. По моему, они имѣли право написать по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ и вотъ Долбня своимъ выходомъ въ камерѣ мирового судьи принесъ огромное зло всѣмъ «своб.-д-щимъ». Записка сама по себѣ не могла причинить такого вреда, какъ записка плюсъ проскрипціонный списокъ.

Злотницкій. Но Вы считаете ихъ виновными за то, что они не опротестовали разсылки?

Воскресенскій. Это дѣло ихъ совѣсти.

Нечаевъ. Вы были на сходкѣ „своб.-д-щихъ" 15-го марта?

Воскресенскій. Былъ, всегда на всѣхъ сходкахъ бывалъ.

Нечаевъ. При Васъ, значитъ, было постановленіе о томъ, чтобы считать себя отдѣльной корпораціей. Почему пришли къ этому заключенію и что понимали подъ словомъ корпорація?

Воскресенскій. Будучи прогнанъ сходкой, изъ-за корпораціи, мы прежде всего лишались всѣхъ матеріальныхъ благъ, какъ то: лекцій, столовой, фонда и пр. Вполнѣ естественно, что намъ необходимо было создать все это у себя. Съ этой цѣлью у насъ и было желаніе объединиться.

Нечаевъ. Такъ это желаніе было объединиться исключительно на почвѣ взаимопомощи?

Воскресенскій. Да, взаимопомощи. Но намъ не пришлось къ этому прибѣгнуть. Я долженъ замѣтить, что сходка была поздно вечеромъ, такъ что никакая резолюція, хотя бы явно глупая, не можетъ быть поставлена намъ въ вину.

Нечаевъ. Ну да, какъ и на большинствѣ нашихъ сходокъ?

Воскресенскій. Да, совершенно вѣрно.

Нечаевъ. Объ отвѣтственности другъ за друга говорили?

Воскресенскій. Говорили о взаимопомощи, но объ отвѣтственности не говорили ничего.

Предсѣдатель. Прошу вставшихъ студентовъ, изъ „своб.-д-щихъ", дать показанія.

Показанія Духоня.

Относительно событій въ институтѣ 2-го апрѣля я могу весьма немного прибавить къ показаніямъ моего товарища студ. Дэви. Собравшись 2-го апрѣля въ чертежной 1-го курса, мы услыхали внезапно сильный шумъ и удары, на этотъ шумъ выбѣжали въ корридоръ передъ чертежной и здѣсь увидѣли бѣжавшихъ обструкціонистовъ съ палками и банками съ зловонными жидкостями. Не желая имѣть столкновенія со ст-ами, многіе изъ насъ быстро спустились внизъ, гдѣ помѣщаются аудиторіи, но корридоръ оказался наполненнымъ удушливыми газами, такъ что невозможно было дышать. Здѣсь мы увидѣли, что студенты 5-го курса собрались въ инспекціи. Въ это время часть обструкціонистовъ, видя, что ст-ты въ инспекціи, направились въ инспекцію съ криками: «подлецы, мерзавцы», впереди другихъ я ясно видѣлъ Рейнвальда, Гапѣева, Замятина, Брушвита и Стомонякова, брань, какъ я ясно слышалъ, особенно щедро отпускалась только Стомоняковымъ. Въ дверяхъ инспекціи сталъ ст. Андреевъ и, остановивъ обструкціонистовъ, спросилъ: «Что Вамъ здѣсь нужно. Убирайтесь къ черту». Студ. Рейнвальдъ заявилъ, что имъ нуженъ Коцовскій. Ему отвѣтили, что Коцовскаго нѣтъ, въ то время когда обструкціонисты ломились въ инспекцію, многіе ст-ты схватились за первые попавшіеся удобные для защиты предметы, такъ Ковалевскій схватилъ стулъ... Профессора въ это время собрались въ химической аудиторіи, туда перешла и часть студентовъ, другая же вышла въ корридоръ, а нѣкоторые остались въ инспекціи.

Предсѣдатель. Была тамъ скученность, давка?

Духонь. Въ инспекціи было человѣкъ 40. Я помню И. Соколова, Воробьева. Вызывали Липина изъ корридора, но студенты совѣтывали ему не выходить, чтобы не нарваться на непріятность. Липинъ былъ въ химической аудиторіи и я прошелъ туда. Тамъ я увидѣлъ подходившаго ассистента Оболдуева, онъ несъ въ рукахъ златоустовскую метал. палку, „отнятую“ имъ отъ обструкціонистовъ. Потомъ, кто то заявилъ, что пріѣхалъ Коноваловъ и проситъ къ себѣ студентовъ. Студенты говорили съ нимъ по поводу безпорядковъ, нѣкоторые желали непремѣнно сейчасъ же начать вновь экзамены (проф. Шредеръ, кажется, соглашался сейчасъ же экзаменовать), но вслѣдствіе ужасной вони, конечно, объ этомъ нельзя было и думать. Изъ чертежной 5-го курса я, вмѣстѣ съ нѣкоторыми студентами, отправлялся въ чертежную 2-го курса, чтобы записать свои адреса у составителя группы. Проходя черезъ маленькую пріемную, я увидѣлъ, что около одного черт. стола собралась кучка ст-въ,

на что то смотрѣвшихъ, я слышалъ возмущенный голосъ Макарова, говорившаго кому то, что студ. Алферова на обструкціи не было. Черезъ пріемную я проходилъ съ Кузьмицкимъ, который шелъ не останавливаясь, я же остановился. Макаровъ, отойдя отъ меня шага три, четыре, обернулся и говоритъ: «идемте, развѣ не знаете нашихъ студентовъ, сейчасъ же вѣдь начнутся сплетни», и я поспѣшилъ за нимъ, мы прошли въ чертежную 2-го курса. Здѣсь Ауэрбахъ и Фойгтъ записывали желавшихъ держать въ 1-й группѣ, записался и я, какъ передъ тѣмъ записанный въ-ту же группу 1-ую студ. Дэви. Записавшись въ группу, я пошелъ одѣваться, выйдя на портикъ института, я встрѣтилъ моего же курса ст-та Старицына, котораго я зналъ, какъ державшаго со мною сразу за два курса. Думая, что Старицынъ тотчасъ держитъ экзаменъ, я подошелъ къ нему буквально со слѣдующими словами: «Вы, кажется, держите экзаменъ, такъ идите запишитесь, тамъ сейчасъ идетъ во 2-й чертежной запись группы». Онъ отвѣтилъ: «нѣтъ, благодарю Васъ, я экзаменъ не держу»; получивъ такой отвѣтъ, я отошелъ отъ него и положительно протестую противъ того, что Горбъ заявилъ, что я якобы обратился къ Старицыну съ предложеніемъ составить группу, ибо смѣшно мнѣ было составлять вообще экзаменаціонную группу, такъ какъ я уже былъ записанъ въ 1-ю группу. Мнѣ оставалось додержать всего только 3 экзамена, въ томъ числѣ Горную статистику, о которой я обращался черезъ Бальди съ просьбой къ Иванову проэкзаменовать раньше въ апрѣлѣ, причемъ заявилъ ему, что я найду желающихъ, изъ чего Бальди заключилъ, что я также составляю экзаменаціонную группу вообще. Я повторяю, что никакой группы не составлялъ, какъ это и заявлено другими студентами. Тутъ на портикѣ ин-та подошелъ ко мнѣ Недзѣльскій и сказалъ о слухахъ, распускаемыхъ Горбомъ. Недзѣльскій говорилъ, что объяснялся съ Горбомъ, однако я, вслѣдствіе, повторяю, своего несимпатичнаго отношенія къ Горбу, не сталъ даже разговаривать съ Горбомъ. Долженъ еще упомянуть о моемъ разговорѣ съ Нацваловымъ. Въ двадцатыхъ числахъ марта мѣсяца, ко мнѣ зашелъ Нацваловъ, съ которымъ, вообще, до того времени я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ; кстати замѣчу, что, благодаря моему знакомству съ Нацваловымъ, нѣкоторые студенты стали отъ меня сторониться, такъ какъ репутація Нацвалова среди большинства теперешнихъ „своб.-д.-щихъ“ была весьма сомнительна, послѣ его слѣдственной дѣятельности въ дѣлѣ 3-хъ шпіоновъ. Нацваловъ убѣждалъ меня вычеркнуться изъ списка „своб.д-щихъ“, говоря, что я могу держать и безъ этого (экза-

мены несомнѣнно, по его мнѣнію, состоятся), что на группу „своб.-д-щихъ" будутъ впослѣдствіи большіе нападки и нареканія, будутъ большія непріятности и что, по долгу что ли дружбы, онъ считаетъ нужнымъ меня предупредить, дать дружескій совѣтъ. Я ему категорически заявилъ, что ловить рыбку въ мутной водѣ я не стану, что я, по поводу забастовки, остался при «особомъ мнѣніи», рѣшилъ держать экзамены, что мнѣ стыдно было бы встрѣчаться съ моими товарищами, съ которыми я также подписался за „особое мнѣніе".

Нацваловъ. Въ чемъ состояло Ваше отношеніе къ группѣ „своб.-д-щихъ". Ограничилось ли оно записью въ группу?

Духонь. Я знаю на что Вы намекаете. Мы съ Вами, хотя и раньше до практики, которуя я Вамъ передалъ, были даже незнакомы, но на практикѣ сошлись весьма быстро. Мы много съ Вами вели разговоровъ по поводу студ. организацій, отъ которыхъ, какъ Вы знаете, я стоялъ слишкомъ далеко. Я высказывалъ свое неудовольствіе по поводу отсутствія отчетовъ и проч., вообще скажу, что мы ничего не скрывали другъ отъ друга... Когда вы зашли ко мнѣ въ мартѣ, то я при Васъ получилъ городское письмо, вскрывъ его при Васъ, я увидѣлъ въ немъ приглашеніе къ Соколову на совѣщаніе комитета. Повторяю, что, будучи съ Вами въ хорошихъ отношеніяхъ, я не счелъ нужнымъ таить это письмо отъ Васъ и далъ Вамъ его прочесть. Мнѣ кажется, что Вы намекаете на этотъ случай.

Нацваловъ. Совершенно вѣрно.

Предсѣдатель. Сколько человѣкъ было, по Вашему мнѣнію, въ инспекціи?

Духонь. По моему человѣкъ 40, я хорошо помню Ковалевскаго, И. Соколова, Воробьева.

Мефферть. При какомъ „особомъ мнѣніи" Вы остались тогда?

Духонь. Я заявилъ, что забастовку считаю нежизнеспособной, какъ это оказалось на самомъ дѣлѣ въ 1902 году. Я не понимаю, разъ люди подаютъ голосъ за забастовку, какъ они могутъ потомъ держать экзамены, а у насъ всегда такъ бываетъ. Первокурсники всегда въ большинствѣ подаютъ голосъ за забастовку, ихъ голоса имѣютъ рѣшающее значеніе на баллотировку, ихъ всегда много, а между тѣмъ они всегда нарушаютъ данное слово. По моему, въ данномъ вопросѣ курсъ не причемъ, отвѣтственны всѣ въ равной мѣрѣ, а потому должны терпѣть, и кару, какъ первокурсникъ, такъ и пятикурсникъ.

Брушвитъ. Помните ли Вы твердо, что въ инспекціи былъ помощникъ ин-ра Воронинъ?

Духонь. Категорически я утверждать этого не могу, насколько

мнѣ память не измѣняетъ, мнѣ кажется, что былъ, я его, кажется, видѣлъ. Я вотъ твердо помню, что впереди обструкціонистовъ былъ Рейнвальдъ, Гапѣевъ, Брушвитъ.

Брушвитъ. Нѣтъ, Гапѣева не было, былъ дѣйствительно Рейнвальдъ, я и др.

Предсѣдатель. Воронинъ говорилъ со студентами?

Духонь. Это было въ самомъ началѣ. Смѣялись надъ Андреевымъ, какъ онъ геройски остановилъ.

Предсѣдатель. Вы никакихъ разговоровъ въ инспекціи не слышали?

Духонь. Я скоро ушелъ и не слыхалъ.

Показанія Андреева:

Андреевъ. Послѣ формальностей, съ которыми былъ сопряженъ входъ въ ин-тутъ, я вошелъ и прошелъ на верхъ въ чертежную 1-го курса, куда собрались всѣ ст-ты 4-го курса для совѣщанія.

Печковскій. Вы пришли экзаменоваться?

Андреевъ. Нѣтъ, въ этотъ день на 4-мъ курсѣ экзаменовъ не было.

Предсѣдатель. Вы знали объ обструкціи?

Андреевъ. Недѣли за полторы, я встрѣтилъ какъ-то одного «свободомыслящаго» и спросилъ его: «Будетъ обструкція или нѣтъ?» онъ отвѣтилъ, что, можетъ быть, найдется 2—3 любителя сѣроводорода.

Предсѣдатель. Такъ что Вы шли, не ожидая?

Андреевъ. Совершенно не ожидалъ. Мы сидѣли въ чертежной. Вдругъ слышимъ страшный шумъ, кто-то ломится съ лѣвой стороны.— Думалъ что бросятся на насъ и будетъ избіеніе. Мы бросились по другой лѣстницѣ внизъ. Тамъ увидѣли толпу въ пальто и шапкахъ.

Печковскій. На другомъ концѣ корридора?

Андреевъ. Да, пошли къ инспекціи, куда устремились всѣ ст-ты 5-го курса. Было впечатлѣніе, что сейчасъ начнется мордобитіе. Я остановился въ дверяхъ инспекціи. Почему въ дверяхъ— трудно дать себѣ сейчасъ въ этомъ отчетъ. Подошелъ Рейнвальдъ. Я ухватился за дверь, загородилъ входъ рукой. Рейнвальдъ спрашивалъ Коцовскаго.

Предсѣдатель. А гдѣ это было, въ корридорѣ или въ инспекціи?

Андреевъ. Въ инспекціи. Рейнвальдъ мнѣ сказалъ: «успокойтесь намъ нужно только инсп-ра». Они ушли; избіенія не было. Спрашивали между прочимъ Липина,—а онъ былъ въ это время въ химической аудиторіи.

Предсѣдатель. Въ химической аудиторіи?

Андреевъ. Да. Потомъ вышелъ въ инспекцію. Ему совѣтовали не выходить къ обструкціонистамъ, что они-де взволнованы. Тутъ вошелъ Оболдуевъ съ палкой—съ топорикомъ, которую онъ «отобралъ» у одного изъ «обструкціонистовъ». Послѣ этого многіе сту-ты и Липинъ прошли въ химическую и я пошелъ туда. Въ химической—шумъ и гамъ; были дикія предложенія, какъ напр. перестрѣлять.

Предсѣдатель. Сколько было ст-овъ въ химической?

Андреевъ. Трудно сказать сколько: человѣкъ 30—35.

Предсѣдатель. И въ инспекторской?

Андреевъ. Почти набита, человѣкъ 70.

Предсѣдатель. За рѣшеткой были ст-ты?

Андреевъ. Этого я не могу сказать, я не видѣлъ, чтобы кто изъ нихъ ходилъ за рѣшетку.

Зерновъ. Бальди въ инспекціи былъ?

Андреевъ. Бальди ходилъ по корридору—онъ вообще все время тутъ же былъ—то приходилъ, то уходилъ. Послѣ того, какъ пробыли нѣсколько времени въ химической, явилась мысль пройти внизъ.

Предсѣдатель. Куда пошли оттуда?

Андреевъ. Пошли мы внизъ, прошли въ вестибюль, хотѣли посмотрѣть чисто ли тамъ. Въ вестибюлѣ толпа человѣкъ 150. Въ пальто, мирно и спокойно ходили. Потомъ я пришелъ на площадку къ пріемной. Пришли Гусарскій и Панфиловъ и говорили съ Коцовскимъ.

Предсѣдатель. О чемъ они говорили?

Андреевъ. Произвело впечатлѣніе, что они издѣвались надъ нимъ. «Говорили мы и Васъ предупреждали—не послушались—вотъ и вышло». Послѣ я пошелъ въ маленькую чертежную 2-го курса. Тамъ подошелъ къ Бальди то съ одной стороны, то съ другой. Около него лежалъ списокъ. Ст-ты смотрѣли, слышалъ фамиліи Новосильцева—жалѣли его, называли Епифанова,—у насъ ихъ двое и спрашивали, который изъ нихъ. Потомъ подошелъ Макаровъ и произошелъ разговоръ объ Алферовѣ. Тутъ я услышалъ эту фразу «не хотите ли пополнить» мнѣ стало неловко и я отошелъ; нѣсколько разъ въ волненіи ходилъ взадъ и впередъ, у меня такая привычка.

Предсѣдатель. Послѣ вопроса Бальди, Вы отошли?

Андреевъ. Да, отошелъ.

Предсѣдатель. Вы неслышали, что послѣдовало за этой фразой?

Андреевъ. Нѣтъ не слыхалъ; потомъ слышалъ, кажется, Кузь-

мицкій сказалъ: «и стоять здѣсь не слѣдуетъ: «отойдите».—это было въ томъ смыслѣ, что здѣсь мало стоять не слѣдуетъ. Послѣ этого пошли къ Коновалову. Тамъ былъ шумъ, крикъ. Тутъ произошелъ разговоръ, какъ уже говорилъ Батуевъ, что Коноваловъ еще не успѣлъ примѣнить своихъ химическихъ познаній. Коноваловъ совѣтовалъ намъ успокоиться и пойти пить чай. Мы пошли въ чертежную 1-го курса и тамъ возникла мысль собрать въ пользу побитаго сторожа. Я досталъ фуражку и сталъ собирать. Былъ вездѣ, были и въ инспекціи. Вотъ и мнѣ кажется, что здѣсь заключается недоразумѣніе показаній Батуева относительно меня. Я дѣйствительно ходилъ и собиралъ деньги и обращался по этому поводу ко многимъ. Бальди стоялъ въ инспекціи около конторки.

Предсѣдатель. Около Бальди стояли ст-ты?

Андреевъ. Бальди стоялъ въ той части, гдѣ были ст-ты.

Предсѣдатель. Вы слышали бесѣду?

Андреевъ. Я не предполагалъ, что могутъ говорить объ увольненіи товарищей. Бальди стоялъ ко мнѣ спиной, и бесѣдовалъ ли онъ со ст-тами, я не знаю—я былъ и въ инспекціи, по поводу сбора, и не обратилъ вниманія. Потомъ прошелъ опять на верхъ, сосчиталъ деньги; вскорѣ насъ позвали опять къ Коновалову. Пошли въ залъ Совѣта.

Предсѣдатель. А внизу Вы слышали разговоръ?

Андреевъ. Слыхалъ, но точно передать не могу.

Предсѣдатель. Ст-ты настаивали на томъ, чтобы экзамены производились?

Андреевъ. Былъ азартъ держать экзамены, нѣкоторые настаивали.

Предсѣдатель. А Вы не замѣтили: шелъ ли разговоръ объ обструкціи?

Андреевъ. Повидимому Кононаловъ пришелъ уже съ готовымъ впечатлѣніемъ.

Предсѣдатель. Ст-ты не входили въ объясненія съ Коноваловымъ?

Андреевъ. Одинъ—два ст-та говорили съ нимъ.

Предсѣдатель. Разговоръ былъ объ обструкціи?

Андреевъ. Разговоръ вертѣлся на обструкціи, но фамилій никакихъ не называлось.

Предсѣдатель. Не припоминаете, чтобы кто нибудь называлъ фамиліи?

Андреевъ. Я совершенно не слыхалъ.

Предсѣдатель. Въ инспекціи были ст-ты только 4-го и 5-го курсовъ?

Андреевъ. Когда я былъ въ инспекціи тамъ были только ст-ты

4-го и 5-го курсовъ, а впослѣдствіи могли быть и другихъ курсовъ, такъ какъ входъ въ институтъ былъ свободный.

Зерновъ. Когда Вы были въ инспекціи, Вы не слышали, чтобы кто-нибудь говорилъ съ Бальди, называлъ ему фамиліи?

Андреевъ. Нѣтъ, при мнѣ никто и ничего Бальди не говорилъ.

Зерновъ. Вы это отрицаете или не видѣли?

Андреевъ. Я не могу отрицать, т. к. иногда уходилъ изъ инспекціи. При мнѣ не было.

Зерновъ. А въ чертежной когда Вы пришли былъ Бальди, или туда пришелъ впослѣдствіи?

Андреевъ. Да, Бальди былъ уже тамъ. Я могъ бы нарисовать планъ, какъ это было. Бальди стоялъ около одного стола и около него ст-ты, такъ, что я долженъ былъ зайти сзади.

Зерновъ. И Вы сами слышали эту фразу?

Андреевъ. Слышалъ, но это относилось не къ Макарову, по моему, а ко всѣмъ.

Зерновъ. При разговорѣ Макарова съ Бальди, Вы были?

Андреевъ. Я Макарова не помню, но разговоръ шелъ объ Алферовѣ и именно тотъ, о которомъ говорилъ Макаровъ.

Зерновъ. Много было тамъ студ-въ?

Андреевъ. Нѣтъ не много.

Зерновъ. Не помните кто былъ?

Андреевъ. Я хорошо помню Кузьмицкаго.

Духонь. Я проходилъ въ это время съ Кузьмицкимъ и еще съ кѣмъ—то; мы пріостановились. А Кузьмицкій намъ крикнулъ. «Идемте, что вы стали;» Онъ даже сказалъ: «Развѣ не знаете нашихъ студентовъ. Пойдутъ сплетни».

Брушвитъ. Когда я и Рейнвальдъ подошли, былъ Бальди въ инспекціи?

Андреевъ. Не могу Вамъ сказать, не знаю.

Брушвитъ. А Вы сами не помните? Рейнвальдъ ничѣмъ Вамъ не угрожалъ?

Андреевъ. Нѣтъ, я уже разсказалъ объ этомъ.

Рейнвальдъ. Это вѣрно, такъ и было.

Показанія Ковалевскаго:

Предсѣдатель. Кто Вамъ сказалъ, что составленъ списокъ?

Ковалевскій. Я былъ въ прошломъ году на 5-мъ курсѣ. 31-го былъ въ институтѣ со своими товарищами. Говорилось о возможности обструкціи. Поэтому мы съ товарищемъ Першке 2-го апрѣля пріѣхали на экзаменъ пораньше, такъ какъ думали, что могутъ быть

оскорбленія на улицѣ. Экзаменъ начался въ 9 часовъ. Было уже вызвано 5—6 человѣкъ. Я взялъ билетъ, вышелъ къ доскѣ — и сталъ готовится. Слышу шумъ... Вижу въ аудиторію врывается толпа въ пальто, въ шапкахъ съ палками. Послышались крики: «прекратите экзамены». Разбивали банки съ вонючими жидкостями. Черезъ нѣкоторое время толпа вышла. Мы то же вышли. Въ корридорѣ тоже разбитыя банки, — вонь. Всѣ пошли въ инспекцію. Черезъ нѣсколько времени я прошелъ въ химическую аудиторію. Видѣлъ Оболдуева и Ефрона. Оболдуевъ показывалъ палку. Черезъ нѣсколько времени вышелъ въ инспекцію; мнѣ сказали, что Бальди составилъ списокъ.

Предсѣдатель. Много было студентовъ въ инспекціи?

Ковалевскій. Да, много. Я подошелъ, взялъ списокъ посмотрѣть. Обратилъ вниманіе, что въ списокъ этотъ не попалъ Мей, сказалъ объ этомъ одному изъ товарищей. Мей былъ раньше моимъ товарищемъ, но потомъ 2 года тому назадъ наши отношенія испортились, вслѣдствіе различнаго отношенія къ забастовкѣ.

Предсѣдатель. А Вы громко назвали фамилію Мея? Бальди могъ слышать?

Ковалевскій. Я сказалъ товарищу, но Бальди не могъ слышать и доказательствомъ можетъ служить, что Мей въ списокъ такъ и не попалъ. Впослѣдствіи онъ самъ уволился изъ института, такъ какъ чувствовалъ, вѣроятно, неловкость по отношенію къ своимъ товарищамъ, съ которыми онъ вмѣстѣ былъ на обструкціи. Вскорѣ пріѣхалъ Коноваловъ, и мы всѣ отправились къ нему. Проходили черезъ чертежную 2-го курса. На судѣ читалось письмо Гурскаго на счетъ инженера, служащаго въ департаментѣ. Думали, что это относится ко мнѣ. Я уже говорилъ, что это неправда, это инсинуація. Въ департаментѣ насъ служитъ двое: Гавриловъ и я. Гавриловъ— брюнетъ, я — блондинъ. Въ письмѣ указывалась комната и столъ, за которымъ, будто бы, г. Гурскій видѣлъ меня около 10 октября. Я уже говорилъ суду, что я попалъ за этотъ столъ въ началѣ ноября, т. е. на мѣсяцъ позже. Я былъ по этому поводу у Бальди и онъ мнѣ далъ письмо. (Передаетъ письмо суду и Предсѣдатель читаетъ его)*.

Предсѣдатель. Вы видѣли Бальди въ чертежной 2-го апрѣля?

Ковалевскій. Я видѣлъ его не въ чертежной, а въ инспекціи; черезъ чертежную я только проходилъ, — сидящимъ его не видѣлъ; когда я проходилъ черезъ чертежную видѣлъ, что шелъ Бальди и нѣсколько студентовъ.

Предсѣдатель. Вы Бальди сидящимъ видѣли?

Ковалевскій. Сидящимъ не видѣлъ, онъ проходилъ и куда дѣвался потомъ не замѣтилъ.

Предсѣдатель. А гдѣ Вы видѣли списокъ?

Ковалевскій. Когда я вышелъ изъ химической аудиторіи въ чертежную, то кто-то сказалъ, что списокъ составленъ. Онъ лежалъ на столѣ, за барьеромъ; тамъ же былъ и Бальди, а студенты стояли съ этой стороны.

Предсѣдатель. Вы посмотрѣли списокъ?

Ковалевскій. Пошелъ и посмотрѣлъ. И раньше студенты смотрѣли разныя бумаги на столѣ. Тамъ на столѣ всегда лежали заготовленныя свѣдѣнія для ст—товъ и студенты приходили, смотрѣли и клали обратно.

Предсѣдатель. Присутствовавшіе студенты разговаривали между собой?

Ковалевскій. Между собой разговаривали.

Предсѣдатель. И громко разговаривали?

Ковалевскій. Кто громко, кто нѣтъ, но чтобы кто нибудь кричалъ—я этого не слышалъ.

Предсѣдатель. Ну, а фамиліи назывались?

Ковалевскій. Этого я совершенно не слышалъ. Можетъ быть въ разговорѣ между собой и назывались фамиліи.

Предсѣдатель. А замѣчанія: «тотъ-то не попалъ, Вы не слышали?»

Ковалевскій. Такихъ замѣчаній я не слышалъ.

Предсѣдатель. Вы кому же сказали относительно Мея?

Ковалевскій. Говорилъ своему товарищу, стоявшему рядомъ; конечно не Бальди. Я уже говорилъ, что Мей въ списокъ не былъ внесенъ.

Зерновъ. Ну, а какъ Вы теперь отнеслись къ этому списку. Подошли бы? Посмотрѣли?

Ковалевскій. Не только не посмотрѣлъ бы, но и не подошелъ къ нему. Теперь хорошо знаю, что за каждую маленькую оплошность, могутъ взвести всякую глупую инсинуацію.

Зерновъ. А Васъ не шокировала такая картина: Бальди записываетъ, а студенты стоятъ. Никто не выразилъ неудовольствія, что нельзя выкладывать подобныхъ списковъ и вообще никто не возмущался?

Ковалевскій. Гдѣ Бальди писалъ, я не знаю, я увидѣлъ уже готовый списокъ, подошелъ и посмотрѣлъ.

Зерновъ. А Вы не слышали, никто не говорилъ о томъ, что тутъ не слѣдовало бы стоять?

Ковалевскій. Такихъ замѣчаній я не слышалъ. Въ той суматохѣ, вѣроятно, объ этомъ не думали.

Гливицъ. А почему Вы смотрѣли списокъ?

Ковалевскій. Думаю, что и Вы посмотрѣли бы, если бы были въ инспекціи. Вѣдь тамъ записаны были наши товарищи.

Гливицъ. Нѣтъ, я никогда бы этого не сдѣлалъ... Вы долго были въ инспекціи?

Ковалевскій. Нѣтъ не долго, потомъ перешелъ въ химическую аудиторію.

Нечаевъ. Считаю долгомъ обратить вниманіе суда на то, что въ инспекціи, за барьеромъ, на столѣ, у Бальди всегда лежатъ въ черновикахъ, такъ—н, новости дня, вродѣ постановленія Совѣта, распоряженій начальства, книгъ съ отмѣтками и пр., такъ что студенты, приходящіе въ инспекцію, всегда по простому, всѣмъ понятному любопытству, заглядываютъ въ эти черновики и тогда въ этомъ никто не видѣлъ ничего предосудительнаго.

Гливицъ. Развѣ на Васъ было нападеніе?

Ковалевскій. Кричали: «идутъ», ругались, швыряли банки, избили сторожа—можно было ожидать нападенія.

Гапњевъ. Я просилъ бы судъ разрѣшить мнѣ задать вопросъ о 1902 годѣ?

Предсѣдатель. Не нужно.

Урбановичъ. Вы сами видѣли Мея?

Ковалевскій. Да, я самъ видѣлъ. Онъ шелъ вмѣстѣ съ Кульжинскимъ.

Урбановичъ. Почему же Вы знали, что Мей пришелъ для обструкціи, а не для экзаменовъ.

Ковалевскій. Я его зналъ и зналъ его отношеніе къ экзаменамъ.

Показаніе Рейна:

Я могу подтвердить часть тѣхъ показаній, которые дали предыдущіе свидѣтели.

Предсѣдатель. Вы долго оставались въ инспекціи?

Рейнъ. Трудно сказать, я уходилъ въ химическую аудиторію. Пришелъ въ инспекцію вмѣстѣ со всѣми, когда началась обструкція. О томъ, что составляется списокъ, я не зналъ.

Зерновъ. Бальди былъ въ инспекціи?

Рейнъ. Я видѣлъ, какъ онъ нѣсколько разъ проходилъ между студентами; выходилъ въ корридоръ и опять возвращался.

Предсѣдатель. Вы видѣли лицъ, бесѣдующихъ съ Бальди?

Рейнъ. Нѣтъ, никого не видѣлъ; можетъ быть я былъ далеко.

Предсѣдатель. Совершенно не видѣли?

Рейнъ. Тамъ вообще было много народу.

Предсѣдатель. Но Васъ это обстоятельство не поразило?

Лесгафтъ. А фамиліи назывались?

Рейнъ. Я не видѣлъ, чтобы къ Бальди обращались.

Предсѣдатель. Но вѣдь другъ съ другомъ называли?

Рейнъ. Въ разговорѣ между собой называли.

Предсѣдатель. Вообще разговоры велись возбужденные.

Рейнъ. Сначала было больше возбужденія,—обструкцію провели энергично.

Предсѣдатель. Вы не помните составленія списка?

Рейнъ. Я этого совершенно не видѣлъ.

Предсѣдатель. Вы и списка не видѣли?

Рейнъ. Не видѣлъ ни раньше, ни позже.

Леонтьевъ. Скоро ли послѣ обструкціи появился списокъ?

Рейнъ. Я не видѣлъ списка.

Духонь. Когда пришелъ Макаровъ въ одиннадцатомъ часу списокъ уже былъ.

Предсѣдатель. Бальди говорилъ, что черезъ полчаса послѣ обструкціи.

Каминка. Какъ бы объясните, что Вы, пробывъ долго въ инспекціи, не знали о составленіи списка. Ковалевскій же, побывъ немного, сразу узналъ.

Ковалевскій. Я былъ долго въ химической аудиторіи.

Каминка. Но списокъ былъ въ инспекціи?

Рейнъ. Я былъ долго, но не замѣтилъ; вѣроятно это не бросилось въ глаза.

Каминка. И все-таки не знали о спискѣ?

Рейнъ. Ковалевскому сказалъ кто-то изъ ст-товъ. Можетъ быть, я стоялъ довольно далеко; поэтому и не слыхалъ.

Нечаевъ. Нѣтъ ничего страннаго, если кто-нибудь изъ студ-въ посмотрѣлъ за барьеръ и увидѣлъ на столѣ у Бальди списокъ. На столѣ всегда лежатъ различныя бумаги, непосредственно касающіяся студ-въ.

Зеленцовъ. Въ дополненіе, къ показаніямъ Воскресенскаго о группѣ 3-го к., я долженъ сказать, что я, хотя и „св-д-щій", записывался черезъ посредство «несв-д-щаго» Юматова въ группу, собиравшуюся «несв-д-щимъ» Фитингофомъ.

Гливицъ. Организ. комитетъ «св-д-щихъ» существовалъ, но о дѣятельности его никто ничего не сказалъ.

Предсѣдатель. Онъ издалъ два бюллетеня.

Гливицъ. Но онъ имѣлъ еще нѣсколько засѣданій. Что они тамъ дѣлали?

Злотницкій. Мы не спрашиваемъ Васъ о Вашихъ засѣданіяхъ. Общественная дѣятельность комитета выразилась только двумя бюллетенями.

Соколовъ. Судъ нѣсколько разъ обязывалъ противную сторону представить списокъ обвинителей. Будетъ-ли исполнено это постановленіе.

Предсѣдатель. Обвинителями судъ считаетъ только тѣхъ, кто подписался въ газетѣ «Русь» подъ отвѣтомъ «вызовъ къ Третейскому суду».

Злотницкій. Мы возбуждаемъ этотъ вопросъ потому, что противники выставляютъ себя предъ судомъ представителями инст-та.

Рейнъ. Мы считаемъ, что ихъ нельзя считать представителями.

Макаровъ. Въ числѣ лицъ, подписавшихся въ газетѣ «Русь», есть такіе, которые желали только разслѣдованія этого дѣла, не обвиняя ни въ чемъ «св-дщихъ». Ярославцевъ напр. далъ мнѣ объ этомъ записку, которая предъявлена суду.

Гливицъ. Для насъ совершенно безразлично, будетъ-ли 80 или 20 подписей.

Предсѣдатель. «Св-діе» желаютъ выяснить, кто и сколько лицъ предъявляютъ къ нимъ обвиненія?

Кутыринъ. Кромѣ тѣхъ, кто подписался, какъ указывалъ Макаровъ, только желая разъясненія этого дѣла, но не предъявляя обвиненій, въ числѣ подписавшихся есть студ-ты I к., которые еще не были въ ин-тѣ прошлой весной, наконецъ есть фамиліи, совершенно не числящіяся въ спискахъ студ-въ ин-та ни въ прошломъ году, ни въ текущемъ, напр. Кашеваровъ, Жуковскій.

Предсѣдатель. Судъ войдетъ въ разсмотрѣніе этого вопроса.

Засѣданіе закрывается.

ПРОТОКОЛЪ

23 засѣданія Третейскаго суда чести, 26 Апрѣля 1905 года.

Предсѣдательствовалъ В. О. Люстихъ. Отсутствовалъ К. К. Арсеньевъ.

Предсѣдатель. Въ виду того, что г. Бальди не выразилъ желанія явиться въ судъ, мы прочтемъ его письменныя показанія.

Секретарь читаетъ показаніе Бальди о Земницкомъ. * Къ этому письму приложено письмо горнаго инженера Земницкаго * (читаетъ это письмо). Оглашаетъ затѣмъ дополнительное письменное показаніе Бальди, относительно искаженія его показанія въ «Руси»; * письменное показаніе Бальди и Воронина отъ 8-го апрѣля о Грунвальдѣ * и второе письмо, * по тому-же вопросу, отъ 20-го апрѣля, въ опроверженіе показаній ст-та Миронова. Далѣе оглашаются письменныя показанія „свобододѣйствующихъ ст-товъ" Веймарна * и Салимани. * Письмо студента Стахурскаго о Мушкетовѣ. *

Предсѣдатель. Когда получено письмо?

Фойгтъ. 13 апрѣля.

Предсѣдатель. Мушкетовъ былъ еще здѣсь?

Рейнвальдъ. Мушкетовъ уѣхалъ вечеромъ 18 апрѣля; 13 апрѣля онъ былъ еще здѣсь.

Предсѣдатель. Но въ засѣданіи суда его не было?

Рейнвальдъ. Не было.

Рейнъ. Я присутствовалъ при разговорѣ Стахурскаго съ Мушкетовымъ и справедливость этого письма подтверждаю.

Рейнвальдъ. Г. Мушкетовъ не отрицалъ этого разговора, но далъ по этому вопросу свое собственное толкованіе.

Секретарь оглашаетъ выписки изъ журналовъ Совѣта отъ 12-го февраля, 18 и 24 марта.

Бауманъ. Обращаю вниманіе суда на заявленіе профессора Митинскаго, что вопросъ о допущеніи студентовъ къ экзаменамъ разсматривался 12-го, на самомъ же дѣлѣ онъ разсматривался 24-го марта.

Лутугинъ. Я обращаю вниманіе суда, что 18-го марта послѣднее засѣданіе Совѣта, на которомъ мы присутствовали. Мы внесли въ это засѣданіе свою записку и требовали ея обсужденія, но намъ заявили, что это будетъ въ частномъ совѣщаніи. Поэтому мы согласились участвовать чисто формальнымъ образомъ въ обсужденіи вопроса о росписаніи экзаменовъ; нашихъ подписей въ журналѣ этого засѣданія Совѣта нѣтъ. Вопросъ объ экзаменахъ былъ предрѣшенъ заранѣе. Входные билеты были уже заказаны въ типографіи. Бауманъ заявилъ, что Коноваловъ хочетъ завести университетскіе порядки, на что послѣдній отвѣчалъ: «чѣмъ-же университетъ, въ научномъ отношеніи, ниже Горн. института».

Предсѣдатель. Значитъ въ этомъ засѣданіи были утверждены правила экзаменовъ?

Бауманъ. Только росписаніе экзаменовъ.

Предсѣдатель. А списки экзаменующихся—группы?

Бауманъ. О группахъ еще было рано говорить.

Долбня. Мы не несемъ отвѣтственности за постановленіе 24 марта.

Лутугинъ. 24-го мы уже подали въ отставку и на Совѣтѣ не присутствовали.

Бауманъ. И повѣстокъ мы не получали.

Рейнвальдъ. Обращаю вниманіе суда, что согласно оглашаемому постановленію Совѣта, студенты могли образовывать группы въ день экзаменовъ до 11 ч. утра и группы могли быть не больше 33 человѣкъ.

Соколовъ. Я обращаю вниманіе суда, что среди не допущенныхъ къ экзаменамъ есть и «свобододѣйствующіе».

Бауманъ. А я обращаю вниманіе, но уже не суда, а студентовъ, что такъ мало не допущенныхъ до экзаменовъ на IV курсѣ за неисполненіе практическихъ работъ.

Секретарь оглашаетъ рапортъ смотрителя зданія Останковича. *

Лутугинъ. Выписки изъ журналовъ Совѣта были вытребованы противной стороной?

Предсѣдатель. Нѣтъ, по запросу суда.

Лутугинъ. Было бы интересно получить полный журналъ засѣданій Совѣта 24-го марта и 5-го апрѣля, когда обсуждался вопросъ ибъ исключенныхъ; чѣмъ исключеніе мотивировали?

Зерновъ. Да они здѣсь говорили, что въ журналъ записано безъ мотивировки, просто доложено и постановлено.

Предсѣдатель. Вотъ здѣсь имѣется 44 опросныхъ листка; нужно ли ихъ оглашать?

Кутыринъ. Они представлены нами въ опроверженіе утвержденій противной стороны, заявлявшей, что она уполномочена всѣми студентами, кромѣ «свобододѣйствующихъ». По этому поводу судъ уже сдѣлалъ постановленіе и оглашать ихъ нѣтъ особенной надобности. Я прошу только замѣтить, что тамъ имѣются письма 4 лицъ. Анцыферова, Ярославцева, Степаницкаго и Николая Васильева, которые подписались подъ вызовомъ къ суду съ противной стороны, а здѣсь пишутъ, что они насъ ни въ чемъ не обвиняютъ и только интересуются выясненіемъ истины. А противная сторона желаетъ выставить обвинителями всѣхъ подписавшихся въ газетѣ «Русь».

Нацваловъ. Это заявленіе не противорѣчитъ дѣйствительности. У насъ на сходкахъ всегда многіе отсутствуютъ и весьма понятно, что, не зная дѣла, они хотятъ его выясненія.

Предсѣдатель. Да, но они не считаютъ возможнымъ кого-нибудь обвинять.

Рейнвальдъ. Судъ рѣшилъ этимъ вопросомъ не заниматься. Суду важно выяснить суть дѣла.

Предсѣдатель. Но здѣсь вопросъ иной.

Алексѣевъ. Обращаю вниманіе суда, что многіе, подписываясь, желали выясненія, но не являются обвинителями.

Половниковъ. Вообще непонятно, что это за филіальное отдѣленіе Третейскаго суда, занимавшееся опросомъ. Отвѣчавшіе могли быть введены въ заблужденіе: они могли думать, что это исходитъ отъ суда.

Предсѣдатель. Я читаю вопросы, на которые даны соотвѣтственные отвѣты: кажется не трудно понять, что спрашиваютъ и что нужно отвѣтить.

Нечаевъ. Мы просто сдѣлали то, что забыли сдѣлать наши противники: мы хотѣли достать имъ акредитивы, и вотъ результаты представляемъ суду.

Мироновъ. Я хотѣлъ бы относительно показаній Бальди сказать нѣсколько словъ. Я былъ въ институтѣ 3-го числа въ 10 часовъ утра; говорили, что въ институтѣ была такая вонь, что нельзя было тамъ быть, а я помню, что въ этотъ день въ институтѣ было много студентовъ. Вообще показаніе Бальди изложено довольно невѣрно; я недавно былъ въ институтѣ у Коцовскаго и видѣлъ Бальди; онъ мнѣ сказалъ, что пребываніе около него студентовъ въ вестибюлѣ возможно; разговора съ нимъ о числѣ я не помню, но самъ я 3 апрѣля видѣлъ въ вестибюлѣ Бальди съ книжкой и около него были студенты; записывалъ Бальди или нѣтъ, не знаю; бинокля я не видѣлъ. Около Бальди студенты указывали мнѣ Грунвальда; я знаю его въ лицо, но не зналъ его по фамиліи.

Гессенъ. Когда былъ разговоръ у васъ съ Бальди?

Меффертъ. Недавно я былъ въ институтѣ. Видѣлъ Бальди. Онъ обратился ко мнѣ, чтобы выяснить мое показаніе на судѣ. Я сказалъ, что видѣлъ около него Грунвальда. Я не видѣлъ, чтобы Грунвальдъ ему помогалъ, но я видѣлъ Грунвальда рядомъ съ нимъ, когда Бальди наблюдалъ въ окно гулявшихъ. Это уже было некрасиво. Около Бальди были вообще студенты.

Гессенъ. Бальди не отказывается отъ возможности пребыванія студентовъ въ вестибюлѣ?

Мироновъ. Да, но онъ относитъ это къ 5-му; я же былъ выпущенъ 3-го и тогда и былъ.

Предсѣдатель. Вы, мнѣ помнится, раньше положительно утверждали, что видѣли Грунвальда, а теперь говорите, что вамъ его только называли?

Мироновъ. Я видѣлъ Грунвальда, но не зналъ его фамиліи; фамилію мнѣ тогда назвали.

Мефферть. Нельзя ли узнать мотивы отказа Бальди явиться на засѣданіе?

Секретарь. Онъ категорически отказался; послѣ показанія онъ заболѣлъ: у него разстроены нервы; онъ говоритъ, что обѣ стороны предлагали ему такіе вопросы, которые являются для него личнымъ оскорбленіемъ.

Бауманъ. Въ показаніяхъ Бальди утверждалъ, что составленіе группъ на него производило впечатлѣніе ручательства?

Зерновъ. Этотъ вопросъ предлагалъ ему я и онъ сказалъ, что представляемыми группами онъ хотѣлъ воспользоваться, какъ ручательствомъ.

Бауманъ. Нѣтъ, по его показаніямъ, группы приносились не студентами, а передавались инспекторомъ. Я тогда же обратилъ вниманіе на такой обратный порядокъ. Прежде всегда записывались у субъ-инспектора, а тотъ передавалъ инспектору; теперь же записывались у инспектора и передавали субъ-инспектору.

Предсѣдатель оглашаетъ экзаменаціонные списки.*

Рейнвальдъ. Скажите, есть ли въ группѣ 5 кур. Соколовъ и Воробьевъ? Писано одной рукой. Всего 35 человѣкъ и добавлено 5?

Предсѣдатель. Есть.

Рейнвальдъ. Котораго числа подана эта группа?

Соколовъ. Я встрѣтилъ Ив. Соколова перваго числа и онъ мнѣ сказалъ, что подалъ группу наканунѣ.

Мефферть. Я обращаю вниманіе суда, что это формальное прошеніе.

Лутугинъ. Нельзя ли огласить фамиліи, чтобы сопоставить?

Предсѣдатель оглашаетъ ихъ.

Соколовъ. Въ этомъ спискѣ «свобододѣйствующихъ» 23.

Половниковъ. Есть также экстерны?

Голоса. Одинъ всего.

Предсѣдатель. Тутъ много значковъ. А Гивко и Авсѣенко?

Рейнвальдъ. Это корпоранты.

Предсѣдатель. Очень много значковъ. Что это значитъ?

Долбня. Это значки администраціи.

Предсѣдатель оглашаетъ II группу 5-го курса.*

Рейнвальдъ. Этотъ списокъ не принятъ совсѣмъ во вниманіе.

Бауманъ. Обѣ эти группы должны были получить билеты, интересно знать, почему II—не получила?

Злотницкій. Объ этомъ сто разъ говорилось.

Предсѣдатель оглашаетъ I груп. IV курса.

Нечаевъ. Въ этомъ спискѣ 27 «свобододѣйствующихъ».

Урбановичъ. Вотъ прошлый разъ Ауэрбахъ заявлялъ, что списокъ дошелъ до 41 человѣка, а здѣсь 36 всего. Дэви же говорилъ, что 1-го было представлено 29, а потомъ 4 дополнительно?

Ауэрбахъ. Я прошлый разъ уже заявлялъ, что чиселъ точно не помню.

Урбановичъ. Позвольте, Вы говорили, что Пумпянскій записанъ вторымъ, а Егоровъ восемнадцатымъ, а тутъ это не видно?

Зерновъ. Онъ говорилъ о книгѣ съ адресами.

Ауэрбахъ. Я сказалъ это только для того, чтобы показать, что когда записывались адреса, то Егоровъ и Пумпянскій подошли не вмѣстѣ.

Дэви. Вы удивляетесь, что здѣсь 36, а не 41. Я это могу разъяснить.

Зерновъ. Вѣдь инспекція могла сама измѣнить число?

Дэви. Она и пополняла сама.

Зерновъ. Это тотъ списокъ, который Вы возили директору?

Дэви. Мы вначалѣ составляли, а инспекція потомъ переписала.

Ауэрбахъ. Моей рукой тутъ вписаны 7 фамилій. Переписанъ списокъ, кажется, Фойгтомъ.

Рейнвальдъ. Вы не помните, почему и когда переписывали списокъ. Вѣдь не служилъ же Фойгтъ въ инспекціи?

Предсѣдатель. На сколько я помню, это было сдѣлано въ институтѣ.

Лутугинъ. Это было сдѣлано передъ обструкціей или послѣ?

Фойгтъ. Я переписывалъ этотъ списокъ тутъ же послѣ обструкціи, такъ какъ явились новыя лица, желавшія тоже приписаться. Желали подать аккуратно.

Предсѣдатель. Тутъ кажется по алфавиту.

Лутугинъ. Кому поданъ этотъ списокъ? Коновалову?

Фойгтъ. Я не подавалъ.

Лутугинъ. Какъ же такъ?

Предсѣдатель. То другой, тотъ поданъ вечеромъ. Читаетъ группу 3-го курса: всего 47 человѣкъ.

Рейнвальдъ. И это свободное составленіе группъ?

Нечаевъ. Изъ нихъ 32 «свобододѣйствующихъ» и 15 «несвобододѣйствующихъ».

Предсѣдатель. Чьей рукой написано? (Передаетъ списокъ Злотницкому).

Бѣлозоровъ. Первые 43 написаны рукою Анитова, 4 послѣдніе моей рукой.

Мефферть. Чьей рукой написанъ заголовокъ?

Бѣлозоровъ. Той же, что и весь списокъ... Обращаю вниманіе суда на то, что тутъ говорится о ручательствѣ каждаго, самого за себя и нѣтъ ручательства кого-нибудь за другого. Составлялась эта группа сейчасъ послѣ обструкціи и заголовокъ имѣлъ въ виду спокойствіе профессоровъ. По существу ни мнѣ, ни Берладину, ни Воскресенскому онъ не принадлежалъ; этимъ заголовкомъ имѣли въ виду третьяго иниціатора группы—Фитингофа (несвобододѣйствующаго). Представляю суду, если это будетъ имѣть для него интересъ, черновикъ своей группы. Заголовокъ его: «нижеслѣдующіе студенты 3-го курса составляютъ группу для совмѣстнаго держанія экзаменовъ».

Предсѣдатель. (Анитову). Вы писали этотъ заголовокъ?

Анитовъ. Тамъ были я, Бѣлозоровъ, Воскресенскій, Берладинъ; вѣроятно мнѣ диктовали, такъ какъ у меня разборчивый почеркъ.

Гессенъ. Фитингофъ былъ?

Анитовъ. Нѣтъ.

Предсѣдатель. А какъ же Вы внесли лицъ не присутствовавшихъ?

Анитовъ. Было нѣсколько группъ; изъ нихъ составилась одна.

Бѣлозоровъ. Эта группа составлена изъ трехъ: 1) Берладина и Бѣлозорова, 2) Воскресенскаго и 3) Фитингофа.

Каминка. Этотъ заголовокъ былъ Вамъ продиктованъ или Вы сами его составили?

Анитовъ. Этого точно не помню.

Каминка. Дебатировался этотъ заголовокъ?

Анитовъ. На сколько помню, нѣтъ. Вообще все это утратилось въ моей памяти.

Лутугинъ. Когда этотъ списокъ составлялся?

Анитовъ. Такъ числа 4-го—5-го апрѣля.

Лутугинъ. А не говорили ли, что безъ такой формы нельзя подавать группъ?

Предсѣдатель. Не требовалъ ли этого директоръ?

Анитовъ. Нѣтъ, ничего подобнаго.

Лутугинъ. Васъ не интересовало, что вообще иниціатива со стороны студентовъ являлась-ли ручательствомъ или самозащитой?

Анитовъ. Самозащитой.

Нечаевъ. Каждый могъ записаться въ группу?

Анитовъ. Всякій.

Леонтьевъ. Можетъ быть это являлось гарантіей профессорамъ, что противъ нихъ не будетъ пущенъ меркаптанъ или что-либо подобное.

Предсѣдатель. Какая гарантія? Въ чемъ?

Анитовъ. Да, мы желали, чтобы профессора не пугались этого.

Долбня. Но профессора, кажется, особой пугливости не обнаруживали. Проф. Липинъ заявлялъ здѣсь, что, зная о предполагавшейся обструкціи, онъ все же считалъ необходимымъ пойти.

Предсѣдатель. Но, вѣдь, свидѣтель объ этомъ не зналъ.

Леонтьевъ. Проф. Долбня заявлялъ, что министръ предлагалъ претерпѣть, т. е. идти подъ меркаптанъ, но профессоръ предпочелъ уйти въ отставку, т. к. очень боялся меркаптана.

Бауманъ. Этотъ списокъ потомъ отвезенъ былъ къ директору?

Анитовъ. Кажется, да.

Мефферть. Всякаго бы ст-та Вы внесли подъ этотъ заголовокъ? Или требовали подчиненія этому заголовку?

Анитовъ. Когда составлялись отдѣльныя группы, этого заголовка не было.

Мефферть. Вы ставили бы ему этотъ вопросъ?

Анитовъ. (Отказывается отвѣтить)...

Предсѣдатель проситъ Бѣлозорова.

Бѣлозоровъ. Какъ я уже указывалъ, было три одновременныхъ инціативы составленія группы. Между прочимъ я и Берладинъ 3 апрѣля начали составлять, узнавъ о существованіи группъ на 4-омъ и 5-омъ курсахъ и о вывѣшенномъ отъ Совѣта объявленіи. Вначалѣ хотѣли подать 6-го, но узнавъ о имѣющемъ быть вечеромъ 5-го Совѣтѣ,—мы порѣшили туда и подать свою группу. Списокъ спѣшно переписывался у Берладина. Долго не раздумывали. Помимо желанія успокоить профессоровъ, мотивомъ къ этому заголовку могло служить то, какимъ образомъ ставилъ вопросъ Фитингофъ. Напримѣръ, по порученію Фитингофа ст. Юмашевъ (несвобододѣйствующій) приглашалъ чрезъ ст. Михаила Богданова (тоже несвобододѣйствующаго) ст. Зеленцова (своб.-д-щій) при чемъ говорилось, что это группа студентовъ, которые не будутъ производить обструкцію. Также приглашались Фитингофомъ нѣкоторые другіе студенты.

Печковскій. Не было ли выражено объ этомъ желаніе профессоровъ?

Бѣлозоровъ. Нѣтъ, этого не было.

Предсѣдатель. Но заголовокъ-инициатива самихъ студентовъ? Коноваловымъ не было сказано, что надо такой заголовокъ?

Бѣлозоровъ. Инициатива студентовъ. Какъ я уже сказалъ, косвенно имѣли въ виду спокойствіе профессоровъ, бывшихъ подъ впечатлѣніемъ ужаса обструкціи.

Бауманъ. Почему-же всѣ студенты съ Вашей стороны протестовали противъ письма Грунвальда, говорили, что ручательства нѣтъ?

Бѣлозоровъ. Потому—что ручательства за другихъ тутъ нѣтъ.

Меффертъ. Но одинъ за другого?

Бѣлозоровъ. Каждый за себя и никто за другого. Въ заголовкѣ слова «взаимно» нѣтъ.

Лутугинъ. Но какъ же попалъ Грунвальдъ, кто ручался за Грунвальда?

Бѣлозоровъ. Грунвальда записалъ Анитовъ.

Лутугинъ. Но, значитъ, все же ручательства были?

Бѣлозоровъ. Позвольте. Совершенно нѣтъ. Анитовъ записалъ Грунвальда безъ его вѣдома, какъ своего товарища, зная что Грунвальдъ хотѣлъ держать экзамены. Также попалъ Злотницкій, хотя онъ уже имѣлъ билетъ (какъ здѣсь выяснилось).

Гессенъ. Вы составили свою группу изъ трехъ?

Бѣлозоровъ. Да, одна—наша, другая—Воскресенскаго, у Фитингофа была своя—третья.

Гессенъ. Но считали ли Вы правильнымъ всѣ группы подвести подъ этотъ заголовокъ?

Бѣлозоровъ. Я представилъ свой черновикъ; тамъ этого заголовка не было...

Гессенъ. Но я спрашиваю: правильно ли было занести всѣхъ подъ этотъ заголовокъ?

Бѣлозоровъ. Это было безусловно неправильно. Объясняется это поспѣшностью: надъ этимъ не думали.

Каминка. Стало быть заголовокъ былъ написанъ безъ повода?

Бѣлозоровъ. Нѣтъ. Поводъ-то былъ, какъ я сказалъ раньше.

Каминка. А сношенія съ профессорами у Васъ всегда были черезъ инспекцію: Вы вотъ говорили, что желали успокаить профессоровъ?

Бѣлозоровъ. У насъ не было специальной цѣли ѣздить успокаивать профессоровъ. Это достигалось заголовкомъ попутно. Ближайшая цѣль была—составить экзаменаціонную группу.

Каминка. Почему Вы съ этимъ торопились?

Бѣлозоровъ. 7-го долженъ былъ быть первый экзаменъ, лучше было подать 5-го въ Совѣтъ.

Мефферть. Почему въ Совѣтъ?

Бѣлозоровъ. Это была ближайшая по времени инстанція.

Мефферть. А почему не директоръ?

Бѣлозоровъ. Къ директору можно было только на другой день. Такъ и пришлось сдѣлать, такъ какъ въ институтъ 5-го мы не попали.

Мефферть. Но вѣдь, это никогда раньше не практиковалось?

Воскресенскій. Что Вы все повторяете: раньше, да раньше. Развѣ было когда-нибудь раньше, чтобы по 6 профессоровъ уходили сразу!

Гессенъ. Когда Вы давали показанія, Вы не упомянули ничего объ этомъ заглавіи списка?

Воскресенскій. Этого заголовка я совершенно не помню, потому о немъ ничего и не упоминалъ.

Гессенъ. Но Вы подробно говорили; значитъ упустили изъ виду?

Воскресенскій. Только потому, что не зналъ самъ.

Нечаевъ. А если бы Васъ спросили въ инспекціи: «ручаетесь ли Вы за себя въ томъ, что Вы не будете производить обструкціи», какъ бы Вы отвѣтили, не сказали ли бы Вы то же самое, что сказано въ заголовкѣ?

Воскресенскій. То-же самое, безусловно; ничего предосудительнаго я въ этомъ не вижу.

Предсѣдатель. Стали ли бы Вы ручаться за другихъ?

Воскресенскій. Какъ же я могу ручаться за другихъ. Я даже не знаю всѣхъ.

Гессенъ. Но тутъ сказано: «слѣдующіе составляютъ группу и ручаются, что не предпримутъ обструкціи»...

Воскресенскій. Эта формула могла быть потому, что мы получили вопросные листки въ этомъ духѣ; въ моей памяти это все совершенно утратилось и этому я не придаю никакого значенія.

Нечаевъ. Такъ что, по отношенію къ себѣ, ничего предосудительнаго Вы не находите. Скажите, въ 1902 году Вы подписывали листокъ съ обязательствомъ подчиняться правиламъ?

Воскресенскій. Этого факта точно не помню. Но если Вы хотите знать мое мнѣніе, то скажу Вамъ, что считаю этотъ заголовокъ предосудительнымъ постольку, поскольку предосудительно давать подпись, что не будешь принимать участія въ безпорядкахъ. Въ 902 г. такіе листки разсылались Совѣтомъ. Тогда большинство не отвѣтило. Въ 904 г. эти опросные листки тоже разсылались, и всѣ студенты дали утвердительный отвѣтъ.

Голоса своб.-д.-м-щихъ. Но не ст-ты выставляли вѣдь листы для опроса и отбирали обязательства, а инспекція?

Долбня. Тутъ говорилось про оживленную дѣятельность сборщиковъ. Сознавали ли Вы отчетливо, что стараясь реализировать экзамены, во чтобы то ни стало, Вы оказали огромную услугу Коновалову?

Воскресенскій. Съ очень многими студентами нашего курса я разговаривалъ; и всѣ говорили, что будутъ держать экзамены.

Долбня. Сознавали ли Вы, что Коноваловъ страшно заинтересованъ въ проведеніи экзаменовъ. Провались экзамены,—и вся его система провалилась бы?

Воскресенскій. Я это не думалъ, напомню Вамъ... 1902 годъ: тогда мы экзаменовъ не держали и 300 человѣкъ было уволено. У насъ не было увѣренности въ спасательное дѣйствіе забастовки.

Долбня. Это не отвѣтъ на мой вопросъ.

Предсѣдатель. Отъ Васъ требуютъ высказать опредѣленное мнѣніе.

Воскресенскій. Я отвѣтилъ.

Нечаевъ. А «свободо-мыслящіе», тоже державшіе экзамены, сознавали это?

Голоса своб.-д.--м-щихъ: Сознавали.

Предсѣдатель (Воскресенскому). Ничего не дополните?

Воскресенскій. Про Ивана Петровича?

Предсѣдатель. Нѣтъ про группы?

Воскресенскій. Нѣтъ.

Злотницкій. Долженъ заявить суду, что я ничего не зналъ о томъ, что занесенъ кѣмъ-то въ эту группу. Группа была подана 6-го. Я же получилъ билетъ самъ 4-го, какъ объ этомъ уже говорили, и даже представилъ суду свой билетъ. Вѣроятно меня записалъ кто-нибудь не предупредивши; товарищи знали, что я буду держать экзамены.

Шемякинъ. Я ничего не зналъ объ этомъ заголовкѣ.

Соколовъ, Влад. Я тоже.

Гессенъ. Когда же Вы узнали?

Шемякинъ. Изъ газетъ, по допросу Воронина.

Гессенъ. (Воскрес.). А Вы были при показаніи Воронина?

Воскресенскій. Я спрашивалъ про это Анитова; но тотъ сказалъ, что хорошо понялъ, про какой списокъ шла рѣчь.

Каминка. (Шемякину). Какъ понимать Ваше заявленіе? Подписались ли бы Вы теперь подъ этимъ заголовкомъ?

Шемякинъ. Зная о заголовкѣ, не подписался бы: не счелъ бы возможнымъ для себя.

Каминка. Я спросилъ бы другого (Соколова Влад-ра). Согласились бы Вы, если бы знали о заголовкѣ?

Соколовъ. Согласился бы, ибо ручательство за самого себя не считаю предосудительнымъ.

Дэви. Я хочу пояснить относительно остальныхъ лицъ (до 41), въ группѣ 4-го курса. Къ нашей группѣ было приписано 5 человѣкъ инспекціей.

Предсѣдатель. У насъ той группы нѣтъ. Вотъ на этой намѣчены 36. Есть помѣтка: внести въ общій списокъ?

Ауэрбахъ. Я уже говорилъ, что I-ый списокъ я подалъ 1-го числа, больше списковъ я не давалъ.

Рейнвальдъ. Но въ Вашемъ спискѣ было 36?

Дэви. Нашъ списокъ поданъ полностью, только потомъ къ нему были приписаны Пумпянскій, Маргуліесъ и другіе.

Предсѣдатель (оглашаетъ I-ую группу 2-го курса). * Числа нѣтъ, подъ спискомъ находятся подписи: Соколовъ и Притула.

Соколовъ. Это составители группы.

Бауманъ. Когда она была представлена?

Соколовъ. 5-го или 6-го апрѣля.

Бауманъ. А Ваше письмо къ Бальди, когда было написано?

Соколовъ. 23-го марта.

Бауманъ. Значитъ 23-го уже было извѣстно о группахъ?

Соколовъ. Тогда о группахъ еще не было разговора.

Меффертъ. Почему Вы подписали группу?

Соколовъ. Дѣло въ томъ, что я встрѣтилъ Ив. Соколова и онъ мнѣ сказалъ, что если Коновалова не будетъ дома, то ему нужно оставить фамиліи составителей, чтобы имъ можно было сообщить о росписаніи экзаменовъ для данной группы, для освѣдомленія записанныхъ въ эту группу. Если бы Коноваловъ былъ дома, то этого бы не понадобилось. Написали мы фамиліи, такъ какъ не было съ собой визитныхъ карточекъ.

Гессенъ. Въ прежніе годы это бывало?

Соколовъ. Въ томъ году сборщики были въ особомъ положеніи, раньше все дѣлалось въ институтѣ, а теперь институтъ былъ закрытъ.

Лутугинъ. Это была съ Вашей стороны инипіатива, такъ сказать, самозащиты?

Соколовъ. Какая инипіатива самозащиты, я даже не понимаю?

Лутугинъ. Вы хотѣли воспротивиться проникновенію такихъ студентовъ, которые произвели бы обструкцію?

Соколовъ. Нѣтъ, такого значенія мы не придавали. Въ нашей группѣ записанъ Теръ-Давидовъ и Вучиничъ, бывшіе за забастовку. Про Вучинича даже говорили, что онъ былъ уволенъ, это указываетъ, что мы принимали безъ всякаго контроля.

Предсѣдатель. Вучиничъ и Теръ-Давидовъ съ помѣтками «Д. К.» (Оглашаетъ I-ую группу 1-го курса). * Эта группа подписана Лебедевымъ и Маломѣрковымъ.

Соколовъ. Форма этой группы тождественна съ моей. Я встрѣтилъ Лебедева и разсказалъ ему въ какомъ видѣ я подалъ группу, и онъ сдѣлалъ тоже, что и я.

Бауманъ. Онъ тоже не засталъ Коновалова?

Соколовъ. Не знаю.

Рейнвальдъ. Я обращаю вниманіе суда на то, что записанный Няго, не допущенъ до экзаменовъ.

Соколовъ. Рейнвальдъ тоже получилъ билетъ, но къ экзаменамъ допущенъ не былъ.

Рейнвальдъ. Я не былъ допущенъ, но не былъ исключенъ, я получилъ билетъ на курсовое совѣщаніе.

Нечаевъ. А Няго перешелъ на слѣдующій курсъ.

Предсѣдатель оглашаетъ прошенія студента Епифанова, Ильинича, Запорожца.

Соколовъ. Не «свобододѣйствующіе».

Бауманъ. Я обращаю вниманіе суда на то, что Коноваловъ говорилъ, что никакихъ билетовъ не выдавалъ.

Оглашаются дальнѣйшія прошенія.

Нацваловъ. Студенту Тигранову, какъ указывалъ Дэви, было предложено образовать свою группу, а онъ на самомъ дѣлѣ долженъ былъ обратиться къ самому Коновалову.

Дэви. Я объ этомъ уже столько говорилъ, что считаю лишнимъ повторять.

Предсѣдатель продолжаетъ оглашеніе группъ и отдѣльныхъ прошеній.

Зерновъ. Было бы интересно, имѣются ли такія прошенія, на которыя были отказы?

Предсѣдатель. Нѣтъ, ни одного нѣтъ, но все-таки и это интересно: здѣсь съ самаго начала прошенія не «свобододѣйствующихъ».

Рейнвальдъ. На два первыя прошенія Гофмана и Ильинича сперва было отказано, а потомъ были удовлетворены. Это я заключаю изъ прочитаннаго, гдѣ говорится, что они просятъ вторично. Такимъ образомъ могли исчезнуть и вторыя прошенія.

Соколовъ. А Вамъ извѣстны случаи совершеннаго отказа?

Марковъ. Обращаю вниманіе суда: подача такихъ заявленій совершенно не нормальна. Мы, полноправные студенты, должны были испрашивать разрѣшенія на входъ, подавая унизительныя прошенія съ обязательствомъ и ручательствомъ.

Предсѣдатель. Здѣсь прислана еще экзаменаціонная книга. Стороны, если желаютъ, могутъ ознакомиться.

Бауманъ. А репетиціонная не прислана?

Предсѣдатель. Нѣтъ.

Секретарь Русановъ оглашаетъ показанія Егорова. *

Мефферть. Я точно изложилъ суду, по какимъ основаніямъ былъ внесенъ Егоровъ, больше никакихъ мы не можемъ дать.

Рейнвальдъ. Мы многимъ не могли бы отвѣтить на это.

Злотницкій. Разрѣшите задать нѣсколько вопросовъ профессору Бауману.

Предсѣдатель разрѣшаетъ.

Злотницкій. Когда Вамъ стало извѣстно о разсылкѣ проскрипціоннаго списка совмѣстно съ Вашей запиской?

Бауманъ. Я узналъ осенью, изъ письма Лутугина изъ Донецкаго бассейна.

Злотницкій. До нашего вызова въ Третейскій судъ?

Бауманъ. Да, гораздо раньше.

Злотницкій. Къ кому относятся слова Вашей записки «нравственно слабые», «позорно павшіе», «цензорская организація»?

Бауманъ. Я объ этомъ скажу въ своей послѣдней рѣчи.

Злотницкій. Намъ было бы это сейчасъ очень важно знать. Можетъ быть скажете: ко вѣмъ 112 Вы этого не относили?

Бауманъ. Нѣтъ, ко всѣмъ не относилъ.

Злотницкій. Почему же въ такомъ случаѣ, Вы не сочли нужнымъ опротестовать поступокъ Орг. комитета?

Бауманъ. Это опять мое дѣло.

Злотницкій. Намъ нужно же знать, какъ къ Вамъ относится въ нашихъ рѣчахъ. Ну, хоть на этотъ вопросъ Вы можетъ быть мнѣ отвѣтите: когда Вы шли на Третейскій судъ, то Вы признавали, что слова «позорно павшіе» и др. относятся къ «свобододѣйствующимъ».

Бауманъ. Всѣ эти выраженія я разъясню въ своей послѣдней рѣчи.

Алексѣевъ. Я просилъ бы разрѣшить задать вопросъ профессору Долбнѣ.

Предсѣдатель разрѣшаетъ.

Алексѣевъ. Вы сказали на одномъ изъ засѣданій, что списка «св.-д-щихъ» Вы не видали и кто «св.-д-щіе» узнали только на судѣ. Подтверждаете Вы это?

Долбня. Я очень жалѣю, что въ мои слова вкралась небольшая неточность. Я сгоряча сказалъ, что списка не видѣлъ. Эти мои слова относились къ литографированному проскрипціонному списку, разсылавшемуся по заводамъ: я до сихъ поръ его не видѣлъ. Но мой ассистентъ, горный инженеръ Фростъ, съ которымъ я въ очень хорошихъ отношеніяхъ—онъ бываетъ у меня, принесъ мнѣ переписанный карандашемъ его рукой списокъ «св.-д-щихъ». Этотъ списокъ у меня и сейчасъ хранится въ письменномъ столѣ. Я знаю студентовъ не такъ, какъ другіе профессора, и мнѣ было очень любопытно знать, кто изъ моихъ слушателей въ немъ находится. Поэтому я читалъ его очень внимательно и противъ тѣхъ фамилій, которыхъ не зналъ, поставилъ знаки вопроса. Я не имѣлъ никакой надежды вернуться когда-нибудь въ Горный институтъ и листокъ, вмѣстѣ съ каррикатурами, хранится у меня для личныхъ воспоминаній.

Алексѣевъ. Такъ что Вы только «литографированнаго» списка не получали? Это Вы утверждаете?

Долбня. Не получалъ.

Алексѣевъ. Въ такомъ случаѣ какъ же согласовать съ этимъ Ваше показаніе у мирового судьи, которое буквально гласитъ: «Я тоже получилъ списокъ «свобододѣйствующей» партіи, который разсылается по рудникамъ и заводамъ, чтобы заклеймить ихъ позоромъ». (Передаетъ протоколъ мирового судьи предсѣдателю).

Долбня. Въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія. Я очевидно говорилъ про этотъ списокъ, который мнѣ принесъ инженеръ Фростъ.

Алексѣевъ. Значитъ, записанное въ протоколѣ невѣрно, потому что тамъ сказано, что Вы получили списокъ, разсылавшійся по рудникамъ и заводамъ?

Долбня. Я не обремѣнялъ себя просматриваніемъ, не зналъ, что произойдетъ дѣло, не придавалъ особаго значенія. Осенью ко мнѣ обратился ст. Гапѣевъ съ скромной просьбой, выступить въ качествѣ свидѣтеля, я съ удовольствіемъ согласился, такъ какъ никогда ни передъ кѣмъ не отказывался свидѣтельствовать.

Алексѣевъ. Можетъ быть Вы не откажетесь отвѣтить на вопросъ ст-та Злотницкаго?

Долбня. Отвѣчу на всякій вопросъ, поставленный въ ясной формѣ.

Злотницкій. Къ кому относятся слова Вашей записки—«нравственно слабые», «позорно павшіе», «цензорская организація»?

Долбня. Эти слова относятся къ тѣмъ, кто дѣлалъ некорректные поступки, отдѣльные индивидуумы насъ не интересовали. Цѣль наша— не Вы. Насъ интересовали: общественно-политическое явленіе—виновники разгрома—два министра, Плеве и Ермоловъ, и Коноваловъ, какъ ихъ орудіе—вотъ, что насъ собственно интересовало. Клеймить Васъ, особыхъ побудительныхъ причинъ мы не имѣемъ, язва нравственнаго разложенія была внесена въ институтъ и наша цѣль была освѣтить это дѣло.

Злотницкій. Но ко всѣмъ 112 Вы этого не относили?

Долбня. Этимъ вопросомъ я себя не затруднялъ.

Злотницкій. Проскрипціонный списокъ «св-д.» разсылался въ одномъ конвертѣ и какъ продолженіе Вашей записки. Въ Вашей запискѣ имѣются выраженія «цензорская организація», «позорно павшіе» и тутъ же приводится 112 фамилій, которые аттестуются шпіонами и доносчиками.

Долбня. Я не понимаю, что Вы хотите. Это не мое дѣло.

Злотницкій. Но каждый, кто получалъ, вѣдь долженъ былъ сопоставлять Вашу записку съ проскрипціоннымъ спискомъ?

Долбня. Узналъ я объ этомъ осенью, да это и не мое дѣло.

Злотницкій. Но, все-таки, Вы вѣдь не считали всѣхъ 112 шпіонами?

Долбня. Я этимъ себя не затруднялъ.

Злотницкій. Какъ же Вы не считали нужнымъ опротестовать поступокъ Орг. комитета?

Долбня. На счетъ протеста мнѣ и въ голову не приходило, чтобы Васъ обѣлять.

Предсѣдатель. Вы знаете, какъ было записано Ваше показаніе у мирового судьи?

Долбня. Никто не ожидалъ, что будетъ такое дѣло, и я не заботился о томъ, какъ записано мое показаніе, текстуальная сторона дѣла меня не интересовала. Она не совсѣмъ соотвѣтствовала дѣйствительности, но тогда я не придавалъ этому значенія, потому что не предвидѣлъ этого суда.

Предсѣдатель. Вамъ прочитали его?

Долбня. Да, но я думалъ, что нѣтъ основанія протестовать.

Злотницкій. Вы совершенно не знали о томъ злоупотребленіи, которое сдѣлалъ Орг. комитетъ изъ Вашей записки?

Долбня. Совершенно не зналъ.

Зерновъ. Но разрѣшенія воспользоваться ею, такъ сказать, Вы никому не давали?

Долбня. Съ удовольствіемъ предъ всѣми свидѣтельствую, что съ 19-го марта, до выѣзда моего на дачу, я никого изъ Орг. комитета не видалъ, кромѣ Мефферта и Нацвалова, которые зашли ко мнѣ, какъ къ бывшему учителю, выразить свое сожалѣніе по поводу моей отставки.

Зерновъ. Считали ли Вы правильнымъ, что Орг. комитетъ самовольно разсылалъ Вашу записку?

Долбня. Я надъ этимъ не останавливался. Я лично могу только сочувствовать широкому распространенію нашей записки и быть благодарнымъ тѣмъ лицамъ, которые взяли на себя этотъ труд ъ За совмѣстную посылку записки и списка отвѣчаю не я, а пославшіе.

Зерновъ. Но вѣдь Ваша записка разсылалась вмѣстѣ со списками «своб.-д-щихъ» безъ всякой препроводительной бумаги, которая могла бы объяснить читателю, какъ они должны понимать присланное, причемъ и записка и списокъ анонимны?

Долбня. Записка не подписана случайно.

Зерновъ. Я указываю на фактъ: Ваша записка и списокъ сливаются во едино для тѣхъ, кто ихъ получаетъ.

Долбня. Я отвѣчаю лично за себя только. Для меня безразлично, какое употребленіе сдѣлано изъ моей записки, какая бы то ни была партія—детально я не вхожу въ это. Цѣль нашей записки — ознакомить общество съ дѣломъ, имѣющимъ огромный общественный, политическій, педагогическій и моральный интересъ. Лица, разославшіе нашу записку намъ сочувствовали и кромѣ благодарности, я лично, къ нимъ ничего не чувствую.

Печковскій. А къ кому Вы относили свои слова «нравственно слабые» и «позорно павшіе»?

Долбня. Я относилъ характеристику «нравственно слабые», я говорю лично за себя, къ людямъ, которые взяли на себя «полуоффиціальныя функціи». Я не одобряю, что молодые люди, въ ихъ возрастѣ, не понимаютъ полуоффиціальнаго положенія сборщиковъ. Я не даромъ спрашивалъ Воскресенскаго, сознавали ли они, что держаніемъ экзаменовъ, во что бы то ни стало, они поддерживали Коновалова. Если бы экзамены не удались, то Коноваловъ провалился бы со всей своей системой. По моему мнѣнію, они это сознавали и дѣйствовали изъ эгоистическихъ побужденій. Помогать человѣку изъ эгоистическихъ побужденій, загубившему институтъ

нахватать балловъ, схватить дипломъ;—такихъ людей я не могу назвать иначе.

Печковскій. Значитъ Вы относите это ко всѣмъ сборщикамъ группы?

Долбня. Къ тѣмъ, кто споспѣшествовалъ Коновалову, злѣйшему врагу института.

Предсѣдатель. Это въ послѣднемъ словѣ. Факты исчерпаны.

Лутугинъ. Съ самаго начала процесса мы выразили желаніе вызвать въ качествѣ свидѣтелей министра Ермолова, дир-ра горнаго департамента Іоссу и градоначальника Фуллона. Мы смотрѣли на дѣятельность Коновалова, какъ на выразителя правительственной системы. Его дѣйствія связывались съ мнѣніемъ высшихъ круговъ правительства. Это тѣ правила, которыя диктовались Коновалову, еще раньше диктовались министромъ намъ, но тогда провалились. Мы видимъ трудность допроса этихъ свидѣтелей, но мы просимъ хотя бы двухъ — министра и Іоссу. Мы просимъ освѣдомить ихъ хотя письменно.

Предсѣдатель. Вы хотите препроводить Ваши предположенія для провѣрки?

Долбня. Мы можемъ сдѣлать и письменныя заявленія.

Лутугинъ. Мы бы установили, что это были проводимыя сверхъ политики. Намъ важно знать, сознавали ли «своб.-д-щіе», что они поддерживаютъ эту политику.

Предсѣдатель заявляетъ, что еще раньше судъ нашелъ неудобнымъ вызывать министра и Фуллона, а что г. Іосса категорически отказался. Вообще вопросъ поднятъ слишкомъ поздно—дѣло близится къ концу и затягивать его теперь невозможно.

Долбня. На вопросъ проф. Зернова присовокуплю: я смотрѣлъ на разсылку проскрипціонныхъ списковъ «своб.-д-щихъ», какъ на форму бойкота.

Рейнвальдъ (на вопросъ Зернова). Заявляю оффиціально отъ Орг комитета, что послѣ закрытія института члены Орг. комитета никакихъ сношеній съ профессорами не имѣли.

Соколовъ. Какже попала записка профессоровъ въ Орг. комитетъ?

Лутугинъ. Послѣ статьи Амфитеатрова въ газетѣ „Русь *“, газета подверглась репрессіямъ, а мы были лишены возможности выступить публично. Когда мы написали эту записку, которую и распространили въ обществѣ, одинъ экземпляръ былъ данъ студентамъ.

Кутыринъ. Тутъ говорилось, что попала она въ Орг. комитетъ неопредѣленными путями, члены комитета не знали, какъ попала къ нимъ записка. Тогда профессора молчали, а теперь Лутугинъ выяснилъ наконецъ этотъ вопросъ.

Мефферть. Она циркулировала въ обществѣ и одинъ экземпляръ случайно попалъ въ руки студентовъ.

Лутугинъ. Позднѣе статья была напечатана въ «Освобожденіи».

Рейнвальдъ. Она была адресована къ обществу, а не къ Орг. комитету.

Злотницкій (Лутугину). Вамъ неизвѣстно какимъ образомъ были собраны подписи 50 горныхъ инженеровъ къ Коновалову, помѣщенныя въ газетѣ «Русь» *)?

Лутугинъ. Не знаю, не все ли равно.

Алексѣевъ. Обращаю вниманіе суда, что 4 фамиліи въ газетѣ «Русь» подъ согласіемъ на Третейскій судъ неизвѣстны моимъ довѣрителямъ. Въ Горномъ институтѣ таковыхъ не существуетъ, это: Ливѣевъ В., Григорьевъ В., Жуковскій Н. и Кашеваровъ.

Рейнвальдъ. Этотъ вопросъ не интересенъ для суда, мы можемъ представить много соображеній.

Предсѣдатель. Если вы представите доказательства, что Вы представители всѣхъ студентовъ института, то Вамъ придется это доказать въ Вашихъ объясненіяхъ, мы же рѣшили считаться только съ лицами, подписавшимися подъ вызовомъ къ Третейскому суду. Мы нѣсколько разъ просили Васъ представить списокъ и Вы до сихъ поръ этого не сдѣлали — не хотѣли или не могли.

Лутугинъ. Профессоръ Зерновъ и студенты указывали на анонимность записки. Къ сожалѣнію она неудачно составлена, но изъ ея смысла и сноски на второй ясно видно, кто ея авторъ. (Въ доказательство цитируетъ *).

Зерновъ. Анонимна потому, что она не подписана, не указано кѣмъ она разсылается.

Лутугинъ. Списокъ подписанъ какими-то буквами. Въ дополненіе къ словамъ Ив. Петр. я могу сказать, что когда на Югѣ я узналъ, что наша записка разсылается вмѣстѣ со списками, то меня это нѣсколько смутило: при невнимательномъ чтеніи могло казаться, что они сливаются. Я вполнѣ согласился бы со словами Долбни, если бы записка разсылалась одна.

Судъ уходитъ совѣщаться.

Предсѣдатель. Судъ отказываетъ въ вызовѣ еще разъ просимыхъ свидѣтелей. Представлять письменное заявленіе уже поздно и нѣтъ

къ этому необходимости. Слѣдующее засѣданіе назначается на четвергъ 28-го апрѣля съ 7—9 час. вечера и, если будетъ надобность, въ послѣдующую пятницу съ $1^1/_2$ дня и второе въ $7^1/_4$ вечера того же дня. Порядокъ преній будетъ такой же, какъ и показаній: профессора, свободомыслящіе и затѣмъ свобододѣйствующіе.

Судъ проситъ стороны въ рѣчахъ, по возможности, быть краткими и не повторяться.

Каминка. Мы не возражаемъ противъ такого порядка, но оставляемъ за собой, въ случаѣ встрѣчнаго обвиненія, право на возраженіе.

Предсѣдатель. Въ краткихъ словахъ это Вамъ будетъ предоставлено.

Лутугинъ. Вы говорите, что дѣлались попытки вызвать этихъ лицъ?

Предсѣдатель. Да.

Предсѣдатель закрываетъ засѣданіе.

24-ое и 25-ое засѣданія Третейскаго суда чести отъ 29-го апрѣля 1905 г.

Судъ присутствуетъ въ полномъ составѣ.

Отсутствуетъ прис. повѣр. О. О. Грузенбергъ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ объявляя, что всѣ свидѣтельскія показанія судъ считаетъ законченными, предлагаетъ обѣимъ сторонамъ воспользоваться правомъ послѣдняго слова.

Пренія сторонъ открылись словомъ проф. Н. Н. Яковлева, прочитаннымъ, за его отсутствіемъ, проф. И. П. Долбней:

ПРОФ. Н. Н. ЯКОВЛЕВЪ. Судъ могъ видѣть изъ показаній лицъ, состоящихъ и нынѣ профессорами горнаго института (гг. Лебедевъ, Курнаковъ), что въ совѣтѣ горнаго института не было постояннаго антагонизма, между его членами, до появленія г. Коновалова на посту директора института.

Напротивъ, важныя постановленія, имѣющія принципіальное значеніе, опредѣляющія жизнь высшаго учебнаго заведенія, принимались единогласно. Проф. Курнаковъ отмѣтилъ, что это согласіе существовало и въ первый моментъ появленія г. Коновалова въ совѣтѣ.

Въ первомъ засѣданіи совѣта, на которомъ Коноваловъ присутствовалъ какъ предсѣдатель, онъ желалъ получить отъ совѣта учрежденіе, совмѣщавшее функціи правленія и кураторовъ университетовъ, но совѣтъ отказалъ въ этомъ. Вмѣсто постояннаго учрежденія съ членами-профессорами, представителями каждаго изъ курсовъ, была избрана временная коммиссія съ членами-профессорами въ меньшемъ числѣ, нежели число курсовъ. Въ эту коммиссію, задачею которой была легализація студенческихъ учрежденій, были выбраны совѣтомъ члены исключительно изъ группы профессоровъ, оставившихъ затѣмъ институтъ. Такой выборъ отмѣченъ проф. Курнаковымъ, какъ обстоятельство, свидѣтельствующее о солидарности членовъ совѣта. Итакъ, на первомъ засѣданіи совѣта, съ Коноваловымъ, члены совѣта все еще

были солидарны между собою и относились съ недовѣріемъ къ Коновалову. Затѣмъ эта многолѣтняя солидарность исчезла. Исчезла она несомнѣнно подъ воздѣйствіемъ Коновалова.

Визитъ послѣдняго къ статсъ-секретарю фонъ-Плеве, указанія на то, что Плеве считаетъ институтъ за помойную яму, многозначительный намекъ, что совѣщаніе Коновалова съ Плеве предотвратило какую-то грозу, собиравшуюся на институтъ, постоянныя заявленія Коновалова, что институтъ находится въ состояніи крайней деморализаціи, что тутъ гнѣздится политическая агитація, всѣ эти и другіе жупелы создали атмосферу, терроризировавшую совѣтъ. Когда ушедшіе затѣмъ профессора просили совѣтъ высказаться, считаетъ ли онъ, что грубый выгонъ вонъ студентовъ можетъ быть допустимъ, какъ обдуманный педагогическій пріемъ, за каковой его выдавалъ Коноваловъ, совѣтъ уклонился отъ отвѣта. Въ антрактѣ между засѣданіемъ совѣта 18 марта и непосредственно за нимъ слѣдовавшимъ частнымъ совѣщаніемъ членовъ совѣта, совѣщаніемъ, въ которомъ предстояло отвѣтить на указанный вопросъ, проф. Курнаковъ, въ страхѣ, восклицалъ: „Куда мы идемъ?!“

Совѣтъ явно перешелъ на сторону Коновалова, обрушившись въ совѣщаніи 15 марта на ушедшихъ затѣмъ профессоровъ, поддерживая обвиненіе ихъ Коноваловымъ, что они распространяли превратныя мнѣнія среди студентовъ, будто бы давъ имъ гарантіи неприкосновенности ихъ учрежденій.

Происхожденіе этого обвиненія шло отъ проф. Шредера. Судъ слышалъ отъ послѣдняго, что говоря о неприкосновенности студенческихъ учрежденій, студенты впали въ заблужденіе сами, или были введены въ него другими лицами, при чемъ проф. Шредеръ не нашелъ однако возможнымъ указать, кто и когда ввелъ студентовъ въ заблужденіе. Отсюда ясно, какія были у совѣта основанія для обвиненія ушедшихъ, затѣмъ, профессоровъ въ распространеніи превратныхъ мнѣній. Совѣтъ уклонился отъ оцѣнки грубой выходки Коновалова, обвинилъ своихъ сочленовъ, не затронулъ вопроса о напрасномъ закрытіи института Коноваловымъ, притомъ, рѣшительно противъ традицій, съ которыми считался и министръ, безъ вѣдома совѣта.

Перепугавшійся совѣтъ сдѣлалъ не только все это. 18 марта онъ былъ предупрежденъ профессорами, внесшими запросъ о грубости Коновалова и встрѣтившими сопротивленіе внесенію запроса,—совѣтъ былъ предупрежденъ, что съ судьбою запроса, внесшіе его профессора, связываютъ и вопросъ о дальнѣйшемъ своемъ пребываніи въ институтѣ. Судьи неоднократно обращали вниманіе на то обстоятельство, что послѣ подачи профессорами прошеній объ отставкѣ, совѣтъ ничего не сдѣлалъ для того, чтобы эти прошенія были взяты назадъ. Онъ постановилъ лишь выразить ушедшимъ профессорамъ сожалѣніе, объ ихъ уходѣ.

Это выраженіе сожалѣнія не было сообщено ушедшимъ профессорамъ, а совѣтъ не поинтересовался послѣдствіями своего постановленія.

Совѣтъ недоволенъ ушедшими профессорами за то, что они ушли, предоставивъ оставшимся расхлебывать полицейскую кашу, которую г. Коноваловъ заварилъ закрытіемъ института. Разъ ушедшіе профессора не могли принять новый режимъ, имъ естественно не было мѣста въ институтѣ. Это понялъ совѣтъ и не удерживалъ профессоровъ, когда они ушли, хотя напередъ было для всѣхъ очевидно, a priori, что уходъ профессоровъ усилитъ ожесточеніе студентовъ. Профессора ушли потому, что убѣдились въ исчезновеніи былой солидарности членовъ совѣта, убѣдились (это подтвердилось послѣдующими событіями), что Коноваловъ получитъ согласіе совѣта на все, что ему, Коновалову, угодно.

къ этому необходимости. Слѣдующее засѣданіе назначается на четвергъ 28-го апрѣля съ 7—9 час. вечера и, если будетъ надобность, въ послѣдующую пятницу съ $1^{1}/_{2}$ дня и второе въ $7^{1}/_{4}$ вечера того же дня. Порядокъ преній будетъ такой же, какъ и показаній: профессора, свободомыслящіе и затѣмъ свобододѣйствующіе.

Судъ проситъ стороны въ рѣчахъ, по возможности, быть краткими и не повторяться.

Каминка. Мы не возражаемъ противъ такого порядка, но оставляемъ за собой, въ случаѣ встрѣчнаго обвиненія, право на возраженіе.

Предсѣдатель. Въ краткихъ словахъ это Вамъ будетъ предоставлено.

Лутугинъ. Вы говорите, что дѣлались попытки вызвать этихъ лицъ?

Предсѣдатель. Да.

Предсѣдатель закрываетъ засѣданіе.

24-ое и 25-ое засѣданія Третейскаго суда чести отъ 29-го апрѣля 1905 г.

Судъ присутствуетъ въ полномъ составѣ.
Отсутствуетъ прис. повѣр. О. О. Грузенбергъ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ объявляя, что всѣ свидѣтельскія показанія судъ считаетъ законченными, предлагаетъ обѣимъ сторонамъ воспользоваться правомъ послѣдняго слова.

Пренія сторонъ открылись словомъ проф. Н. Н. Яковлева, прочитаннымъ, за его отсутствіемъ, проф. И. П. Долбней:

ПРОФ. Н. Н. ЯКОВЛЕВЪ. Судъ могъ видѣть изъ показаній лицъ, состоящихъ и нынѣ профессорами горнаго института (гг. Лебедевъ, Курнаковъ), что въ совѣтѣ горнаго института не было постояннаго антагонизма, между его членами, до появленія г. Коновалова на посту директора института.

Напротивъ, важныя постановленія, имѣющія принципіальное значеніе, опредѣляющія жизнь высшаго учебнаго заведенія, принимались единогласно. Проф. Курнаковъ отмѣтилъ, что это согласіе существовало и въ первый моментъ появленія г. Коновалова въ совѣтѣ.

Въ первомъ засѣданіи совѣта, на которомъ Коноваловъ присутствовалъ какъ предсѣдатель, онъ желалъ получить отъ совѣта учрежденіе, совмѣщавшее функціи правленія и кураторовъ университетовъ, но совѣтъ отказалъ въ этомъ. Вмѣсто постояннаго учрежденія съ членами-профессорами, представителями каждаго изъ курсовъ, была избрана временная коммиссія съ членами-профессорами въ меньшемъ числѣ, нежели число курсовъ. Въ эту коммиссію, задачею которой была легализація студенческихъ учрежденій, были выбраны совѣтомъ члены исключительно изъ группы профессоровъ, оставившихъ затѣмъ институтъ. Такой выборъ отмѣченъ проф. Курнаковымъ, какъ обстоятельство, свидѣтельствующее о солидарности членовъ совѣта. Итакъ, на первомъ засѣданіи совѣта, съ Коноваловымъ, члены совѣта все еще

были солидарны между собою и относились съ недовѣріемъ къ Коновалову. Затѣмъ эта многолѣтняя солидарность исчезла. Исчезла она несомнѣнно подъ воздѣйствіемъ Коновалова.

Визитъ послѣдняго къ статсъ-секретарю фонъ-Плеве, указанія на то, что Плеве считаетъ институтъ за помойную яму, многозначительный намекъ, что совѣщаніе Коновалова съ Плеве предотвратило какую-то грозу, собиравшуюся на институтъ, постоянныя заявленія Коновалова, что институтъ находится въ состояніи крайней деморализаціи, что тутъ гнѣздится политическая агитація, всѣ эти и другіе жупелы создали атмосферу, терроризировавшую совѣтъ. Когда ушедшіе затѣмъ профессора просили совѣтъ высказаться, считаетъ ли онъ, что грубый выгонъ вонъ студентовъ можетъ быть допустимъ, какъ обдуманный педагогическій пріемъ, за каковой его выдавалъ Коноваловъ, совѣтъ уклонился отъ отвѣта. Въ антрактѣ между засѣданіемъ совѣта 18 марта и непосредственно за нимъ слѣдовавшимъ частнымъ совѣщаніемъ членовъ совѣта, совѣщаніемъ, въ которомъ предстояло отвѣтить на указанный вопросъ, проф. Курнаковъ, въ страхѣ, восклицалъ: „Куда мы идемъ?!“

Совѣтъ явно перешелъ на сторону Коновалова, обрушившись въ совѣщаніи 15 марта на ушедшихъ затѣмъ профессоровъ, поддерживая обвиненіе ихъ Коноваловымъ, что они распространяли превратныя мнѣнія среди студентовъ, будто бы давъ имъ гарантіи неприкосновенности ихъ учрежденій.

Происхожденіе этого обвиненія шло отъ проф. Шредера. Судъ слышалъ отъ послѣдняго, что говоря о неприкосновенности студенческихъ учрежденій, студенты впали въ заблужденіе сами, или были введены въ него другими лицами, при чемъ проф. Шредеръ не нашелъ однако возможнымъ указать, кто и когда ввелъ студентовъ въ заблужденіе. Отсюда ясно, какія были у совѣта основанія для обвиненія ушедшихъ, затѣмъ, профессоровъ въ распространеніи превратныхъ мнѣній. Совѣтъ уклонился отъ оцѣнки грубой выходки Коновалова, обвинилъ своихъ сочленовъ, не затронулъ вопроса о напрасномъ закрытіи института Коноваловымъ, притомъ, рѣшительно противъ традицій, съ которыми считался и министръ, безъ вѣдома совѣта.

Перепугавшійся совѣтъ сдѣлалъ не только все это. 18 марта онъ былъ предупрежденъ профессорами, внесшими запросъ о грубости Коновалова и встрѣтившими сопротивленіе внесенію запроса,—совѣтъ былъ предупрежденъ, что съ судьбою запроса, внесшіе его профессора, связываютъ и вопросъ о дальнѣйшемъ своемъ пребываніи въ институтѣ. Судьи неоднократно обращали вниманіе на то обстоятельство, что послѣ подачи профессорами прошеній объ отставкѣ, совѣтъ ничего не сдѣлалъ для того, чтобы эти прошенія были взяты назадъ. Онъ постановилъ лишь выразить ушедшимъ профессорамъ сожалѣніе, объ ихъ уходѣ.

Это выраженіе сожалѣнія не было сообщено ушедшимъ профессорамъ, а совѣтъ не поинтересовался послѣдствіями своего постановленія.

Совѣтъ недоволенъ ушедшими профессорами за то, что они ушли, предоставивъ оставшимся расхлебывать полицейскую кашу, которую г. Коноваловъ заварилъ закрытіемъ института. Разъ ушедшіе профессора не могли принять новый режимъ, имъ естественно не было мѣста въ институтѣ. Это понялъ совѣтъ и не удерживалъ профессоровъ, когда они ушли, хотя напередъ было для всѣхъ очевидно, a priori, что уходъ профессоровъ усилитъ ожесточеніе студентовъ. Профессора ушли потому, что убѣдились въ исчезновеніи былой солидарности членовъ совѣта, убѣдились (это подтвердилось послѣдующими событіями), что Коноваловъ получитъ согласіе совѣта на все, что ему, Коновалову, угодно.

Ушедшіе профессора никогда не считали возможнымъ начинать экзамены до умиротворенія студентовъ, ушедшіе профессора, по признанію оставшихся, всегда дѣйствовали примирительно.

Исчезновеніе солидарности профессоровъ имѣло послѣдствіемъ исчезновеніе солидарности студентовъ,—возникла небывалая прежде партія „свобододѣйствующихъ".

Если въ чемъ либо и можно искать оправданія для «свобододѣйствующихъ», то это въ общихъ условіяхъ русской жизни, при которыхъ Коноваловы нужны администраціи какъ директора, создающіе и прямо и косвенно «свобододѣйствующихъ».

Въ заключеніе укажу еще на одно обстоятельство. На судѣ неоднократно упоминалось имя г. Коновалова въ связи со сплетней о выраженномъ, будто бы, студентами горнаго института сочувствіи японцамъ, по поводу начала русско-японской войны.

Этотъ важный вопросъ не получилъ пока достаточнаго разъясненія. Надѣюсь, что сказанное мною далѣе дѣлаетъ вопросъ болѣе яснымъ. На совѣщаніи членовъ совѣта 18 марта, Коноваловъ говоря, какъ онъ часто это дѣлалъ, о „крайней деморализаціи" студентовъ института, сказалъ между прочимъ: „да, что подѣлаешь съ такими студентами, которые способны выражать сочувствіе японцамъ". Пишущій эти строки замѣтилъ, что, какъ извѣстно, студенты не выражали сочувствія японцамъ, а выразили на сходкѣ порицаніе русскому правительству за вовлеченіе Россіи въ ненужную войну. Коноваловъ нѣсколько смѣшался, но заявилъ все таки, что это все равно. Я снова возразилъ, что, говоря о подобныхъ вещахъ, надо быть точнымъ.

На судѣ Коноваловъ объяснилъ, что онъ воспротивился намѣренію газетныхъ репортеровъ печатать опроверженіе сплетни объ адресѣ японцамъ изъ желанія, чтобы эта сплетня поскорѣе заглохла. Для меня является вопросомъ, нельзя-ли дать другого объясненія поведенію г. Коновалова въ разговорѣ его съ репортерами?!

ПРОФ. И. П. ДОЛБНЯ: Я воспользуюсь послѣднимъ словомъ для того, чтобы наглядно объяснить, почему установилась тѣсная нравственная связь между нами и студентами, сидящими на лѣвой сторонѣ; эта связь укрѣпилась на почвѣ совмѣстныхъ терзаній, испытанныхъ въ памятной борьбѣ, потерявшей равновѣсіе, реакціи съ общественнымъ и, въ особенности, со студенческимъ движеніемъ. Я занялъ каѳедру въ горномъ институтѣ осенью 1896 г., когда обозначилось яркое пробужденіе общества. Это пробужденіе выразилось въ оживленіи марксизма, въ появленіи цѣлаго ряда новыхъ періодическихъ изданій марксистскаго направленія, въ публичныхъ дебатахъ вольно-экономическаго общества, посѣщаемаго многими сотнями учащейся молодежи, страстно реагировавшей по адресу ораторовъ того или другого направленія. Накопившееся электричество, въ первый разъ, разразилось такъ называемой «Вѣтровской исторіей» весной 1897 г. Реакція открыла борьбу противъ начавшагося движенія—упраздненіемъ комитета грамотности, закрытіемъ вольно-экономическаго общества, недопущеніемъ общественной помощи голодающимъ, и цѣлымъ рядомъ неслыханныхъ строгостей по отношенію къ періодической печати. Эти репрессіи не остановили движенія въ студенческой средѣ; какъ ясно, для меня только въ настоящее время, въ средѣ молодежи происходила упорная организаціонная работа, поддерживавшая бодрое настроеніе студентовъ, очевидно, готовившихся къ борьбѣ. Энергія молодежи въ нашемъ институтѣ достигла такого напряженія, что въ ноябрѣ 1898 г. совѣтъ горнаго института оказался вынужденнымъ провалить на диспутѣ горнаго инженера Мурзакова, подъ очевиднымъ давленіемъ собравшейся на диспутѣ молодежи, которая громомъ рукоплесканій и неистовымъ свистомъ вынудила совѣтъ къ капитуляціи, не смотря на большую протекцію, которой располагала диссертація въ совѣтѣ.

Всѣмъ извѣстно, съ какой поразительной быстротой забастовка, начавшаяся 8 февраля 99 г. въ петербургскомъ университетѣ, охва-

тила всѣ высшія учебныя заведенія Россіи. Такая неслыханная форма протеста застала всѣхъ врасплохъ, и хотя реакція на первыхъ порахъ растерялась, но до насъ стали доходить тревожные слухи о намѣреніяхъ Боголѣпова вступить въ бой со студенчествомъ посредствомъ массовыхъ изгнаній и ссылокъ; произошла заминка, разрѣшившаяся однако мирной слѣдственной коммиссіей Ванновскаго. На первыхъ порахъ эта мѣра произвела благопріятное впечатлѣніе, особенно на профессорскую среду, которая усмотрѣла въ назначеніи Ванновскаго нѣкоторое вліяніе своей петиціи, поданной двумъ министрамъ. Студенчество, состоявшее въ общемъ изъ очень умѣренныхъ элементовъ, при дѣятельномъ содѣйствіи профессоровъ успокоилось. Занятія въ началѣ марта возобновились. Но у реакціи не хватило ни выдержки, ни благородства: одновременно съ ничего не значившими работами коммиссіи Ванновскаго произведены были въ Кіевѣ аресты студентовъ за участіе будто бы въ какой-то Мицкевичевской исторіи; жандармы, видите-ли, не могли повременить съ арестомъ до успокоенія молодежи. Студенчество заволновалось; въ предвидѣніи новой забастовки учебныя заведенія были закрыты, студенты уволены съ обратнымъ пріемомъ черезъ процѣживаніе. Приступлено было къ начертанію боевой диспозиціи на предметъ осуществленія экзаменовъ 5 апрѣля. Министръ земледѣлія вызвалъ на совѣщаніе представителей лѣсного и горнаго института; отъ послѣдняго въ числѣ вызванныхъ были Мушкетовъ и я.

На экзамены въ горномъ институтѣ, по заранѣе разосланнымъ билетамъ, не явился ни одинъ студентъ, не смотря на то, что билеты разсылались 14 разъ. Такая стойкость студенчества вызвала съ нашей, профессорской, стороны чувства удивленія и уваженія. Мы поняли, что окрѣпла новая общественная сила, въ то время въ Россіи единственная, что сила эта организована, исполнена благородныхъ намѣреній и рѣшимости. Не стану останавливаться на окончаніи учебнаго 1899 г.; экзамены все-таки состоялись, но не иначе, какъ съ добровольнаго соглашенія студентовъ, прекратившихъ забастовку послѣ общей сходки (согласно традиціямъ). Отдавшись студенческому дѣлу, столь блистательно опредѣлившемуся, я однако понималъ, что реакція не оставитъ насъ въ неопредѣленномъ положеніи, и что къ осени 1899 г. слѣдуетъ ожидать сюрпризовъ. Подготовительныя работы Боголѣпова, лѣтомъ 1899 г., велись въ непроницаемой тайнѣ; тѣмъ не менѣе, слѣдя за газетами, я усмотрѣлъ въ іюлѣ мѣсяцѣ оживленные перелеты попечителей: пріѣхалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Некрасовъ, уѣхалъ тайный совѣтникъ Шварцъ и т. д. Результаты этихъ передвиженій по дѣламъ службы обозначились къ концу іюля. Сначала появились въ газетахъ извѣстные циркуляры Боголѣпова, которые всегда начинались, какъ говорится, „за здравіе", а оканчивались „за упокой". Эти циркуляры не внушали намъ особеннаго безпокойства; но каковъ былъ мой ужасъ, когда въ газетахъ 31 іюля были опубликованы временныя правила отъ 29 іюля объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, увольняемыми изъ сихъ заведеній за учиненіе безпорядковъ скопомъ. Они произвели на меня такое же впечатлѣніе, какое обыкновенно производятъ военные суды и смертныя казни: это—смѣсь ужаса съ омерзѣніемъ.

И было ясно, что „временныя правила" для студенческаго міра не пройдутъ даромъ. Само начальство, мѣсяцъ спустя, какъ будто почувствовало, что оно переборщило. Товарищъ министра земледѣлія баронъ Ю. А. Икскуль, придравшись къ одному служебному предлогу, вызвалъ меня въ министерство, очевидно для того, чтобы узнать настроеніе студентовъ. Въ разговорѣ онъ упомянулъ, что временныхъ правилъ никто не собирается примѣнять; цѣль ихъ будто бы заключается въ томъ, чтобы напугать молодежь, ибо „вѣдь и правительству больно наказывать студентовъ". Послѣдствія однако показали, что баронъ ошибался: пришлось не только пугать, но и примѣнять „времен-

ныя правила" при такой обстановкѣ и въ такихъ размѣрахъ, которые вызывали негодующій протестъ всего цивилизованнаго міра. Боголѣповъ поплатился жизнью. Всѣмъ извѣстно студенческое движеніе 1901 г., которое у насъ въ институтѣ окончилось согласно студенческимъ традиціямъ, какъ и въ 1899 г. Къ этому времени нравственная связь и довѣріе окончательно скрѣпили моихъ товарищей по третейскому суду и меня съ прогрессивной группой нашей студенческой молодежи. Довѣріе это не поколебалось и въ несчастливомъ для насъ 1902 г., о которомъ партія „свобододѣйствующихъ" много здѣсь разговаривала съ явнымъ намѣреніемъ набросить тѣнь на нашу дѣятельность въ то время, когда требовалъ министръ отъ совѣта выдачи и наказанія зачинщиковъ движенія. Совѣтъ однако зачинщиковъ не выдалъ и никого не наказалъ. Мы никогда не стремились выставлять себя въ роли героевъ. Въ 1902 г. мы сдѣлали много уступокъ, пошли на многіе компромиссы, поступились личнымъ самолюбіемъ, но мы все-таки чувствовали, что симпатія, уваженіе и довѣріе студентовъ на нашей сторонѣ. Моего, совмѣстно съ проф. Бауманомъ, вліянія было достаточно, чтобы прекратить въ 1902 г. демонстрацію на перронѣ института. Все это заставило насъ воздержаться отъ выхода въ отставку въ 1902 г., хотя вопросъ объ отставкѣ дебатировался нами и тогда. Но мы чувствовали, что можемъ еще служить институту и обществу. Не съ такими обстоятельствами мы встрѣтились при развитіи коноваловскаго конфликта. Обстановка здѣсь была совсѣмъ другая. Мы чувствовали, что подчиненіе Коноваловскому режиму равносильно для насъ нравственной смерти. Совершилось бы нѣчто для насъ еще болѣе ужасное: утрата уваженія нашихъ учениковъ. Мы не могли колебаться въ своей рѣшимости: — гласно протестовать вмѣстѣ со студентами и подкрѣпить свой протестъ всѣмъ извѣстнымъ рѣшительнымъ актомъ. Мнѣ остается въ дополненіе къ прежней характеристикѣ свобододѣйствующихъ прибавить два слова. Какую картину мы наблюдаемъ въ первыхъ числахъ апрѣля 1904 г.? Институтъ смертельно раненъ, почти разбитъ, торжествуетъ грубая и наглая сила, а г.г. свобододѣйствующіе обнаруживаютъ усиленную дѣятельность по составленію экзаменаціонныхъ группъ. Картина эта напоминаетъ мнѣ рѣзвость покупателей на дешевой распродажѣ: очевидно группа свобододѣйствующихъ понимала, что дешево распродаются дипломы и всякія другія льготы, связанныя съ экзаменами.

ПРОФ. В. И. БАУМАНЪ. Въ своей рѣчи я постараюсь очертить положеніе насъ, профессоровъ, активно отзывавшихся на всѣ студенческія движенія послѣднихъ лѣтъ, постараюсь выяснить тѣ причины, которыя заставили насъ весною прошлаго года дѣйствовать такъ, какъ мы дѣйствовали.

Свое изложеніе начну съ событій 1901 г., когда мнѣ впервые пришлось испытать всю тяжесть, все безправіе положенія профессора—члена совѣта, хотя именно въ этомъ году, внѣшній ходъ событій былъ для насъ особенно благопріятнымъ.

Движеніе 1901 г. явилось въ институтѣ отраженіемъ общестуденческаго движенія, требовавшаго отмѣны временныхъ правилъ объ отдачѣ студентовъ въ солдаты, которыми начальство отвѣтило на движеніе 1899 г.

Въ институтѣ положеніе осложнилось тѣмъ, что постановленіе студентовъ о забастовкѣ состоялось 26 февраля, когда волненія въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ были, казалось, подавлены крутой расправой начальства въ кіевскомъ и здѣшнемъ университетѣ, когда иниціаторъ этихъ правилъ былъ еще живъ.

Только, быть можетъ, благодаря такту покойнаго И. В. Мушкетова, благодаря тому довѣрію, которымъ онъ пользовался у министра, удалось сохранить институтъ отъ позора примѣненія этихъ правилъ.

Одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы я хорошо помню. Въ самомъ концѣ февраля появилось извѣстное воззваніе профессоровъ москов-

скаго университета, съ его сравненіемъ университета съ отдушиною. Воззваніе настолько понравилось министру, что онъ обязательно захотѣлъ, чтобы нѣчто подобное появилось въ его вѣдомствѣ. И совѣтъ института долженъ былъ заняться сочиненіемъ такого воззванія по новому образцу.

Отвергнувъ, написанную высокимъ стилемъ, редакцію проф. Шредера, начинавшуюся словами: «Еще Нельсонъ, наканунѣ трафальгарской битвы, сказалъ: Англія ждетъ отъ каждаго изъ васъ, что вы исполните свой долгъ», совѣтъ выпустилъ чисто педагогическую канитель о томъ, что такого то числа начнутся обязательныя репетиціи; не явившіеся къ нимъ будутъ считаться невыдержавшими, а такого-то будутъ экзамены и т. д. И эту то ничего не значащую бумагу директоръ института долженъ былъ везти на редакцію Министра и только, послѣ предварительнаго одобренія ея послѣднимъ, объявленіе было выставлено отъ имени Совѣта. Такова была свобода дѣйствій профессорской коллегіи даже въ то, благопріятное для Института время.

3 марта, наканунѣ демонстраціи, было устроено совѣщаніе профессоровъ со студентами. На этомъ-то совѣщаніи Мушкетовъ и говорилъ рѣчь о необходимости единенія между студентами, указывалъ, что рѣшеніе ихъ должно быть единодушно, и что въ этомъ то единодушіи вся ихъ сила. Я хорошо помню, какъ при нашемъ уходѣ со сходки студентъ Мамонтовъ, нынѣ инженеръ, окрестилъ сходку: сходкой обструкціонистовъ подъ предсѣдательствомъ профессоровъ, такъ не понравилась тогдашнему „свобододѣйствующему" рѣчь Мушкетова, которую Кутыринъ отрицалъ въ своемъ показаніи.

4-го марта избили студентовъ; 5-го, послѣ бурныхъ сходокъ, всѣ высшія учебныя заведенія Петербурга были закрыты, и для института кончился тяжелый періодъ одиночества. Затѣмъ слѣдуетъ извѣстный рескриптъ на имя Ванновскаго, который, казалось, намѣчалъ коренную реформу школьнаго дѣла. Но уже осенью 1901 г. съ очевидностью выяснилось, что автономіи не добиться, и вся поднятая шумиха закончилась „временными правилами" о студенческихъ организаціяхъ съ ихъ чисто полицейскимъ характеромъ. Въ 1902 г. совѣтъ единогласно высказался противъ возможности примѣненія временныхъ правилъ въ институтѣ, и вопросъ, казалось, сданъ былъ въ архивъ. Не такъ посмотрѣли на дѣло студенты. Собравшись на сходку 6 февраля, они постановили забастовку съ требованіемъ отмѣны временныхъ правилъ, фактически отмѣненныхъ для института совѣтомъ. Дѣло осложнилось демонстраціей, выразившейся въ сожженіи правилъ на перронѣ института. Совѣтъ, не придавая особеннаго значенія инциденту, видѣлъ главное зло въ забастовкѣ, указывалъ на педагогическую неподготовленность студентовъ и, какъ общую мѣру, предлагалъ оставленіе студентовъ на второй годъ.

Здѣсь то и начался конфликтъ Совѣта съ Министромъ, кончившійся столь неудачно для Совѣта. Не смотря на то, что предлагавшаяся Совѣтомъ мѣра—оставленія всѣхъ студентовъ на второй годъ была по настоянію того же Министерства задолго до забастовки — еще осенью 1901 г. объявлена студентамъ, несмотря на настойчивыя представленія Совѣта о необходимости такой общей мѣры по чисто педагогическимъ соображеніямъ о полной неподготовленности студентовъ, несмотря, наконецъ на то, что мѣра эта была ужъ принята Совѣтомъ Кіевскаго Политехническаго института Министръ категорически отказалъ въ разрѣшеніи примѣниться къ студентамъ нашего института. Получивъ приказанія свыше настойчиво указывалъ на необходимость наказать отдѣльныхъ студентовъ, виновныхъ въ сожженіи временныхъ правилъ и категорически требовалъ отъ Совѣта указанія именъ виновныхъ—въ чемъ ему столь же категорично отказывали. Дѣло доходило до того, что Совѣту предлагалось воспользоваться для указанія виновныхъ, присланнымъ за годъ передъ тѣмъ

спискомъ неблагочинныхъ въ глазахъ департамента полиціи студентовъ, на что, конечно, Совѣтъ не могъ согласиться. Въ концѣ концовъ подъ давленіемъ угрозы со стороны Министра назначить особую комиссію для суда надъ студентами, профессора, по соглашенію съ членами организаціоннаго комитета, рѣшили разослать опросные бланки студентамъ, что и было принято совѣтомъ въ слѣдующемъ засѣданіи. Однако, на другой день послѣ разсылки бланковъ, весь составъ организаціоннаго комитета былъ арестованъ, какъ потомъ объяснили, за участіе въ подготовленіи студенческой демонстраціи 19 февраля. Совѣтъ отказался послѣ этого отъ проектированной мѣры, и управленіе институтомъ взяло въ свои руки министерство. Уволены были студенты, отказавшіеся держать экзамены при наличности данныхъ условій; назначены были курсовыя собранія для оставшихся и экзамены для желающихъ. На совѣщаніяхъ профессора не скрывали своего отрицательнаго отношенія къ экзаменамъ. Держали экзамены всѣ студенты 1-го курса, за которыхъ ходатайствовалъ совѣтъ и около 30—40 студентовъ другихъ курсовъ изъ 150 оставшихся въ институтѣ студентовъ на второй годъ.

Весной 1902 всѣ студенты уволенные Министромъ были по ходатайству Совѣта возвращены въ институтъ и главнымъ образомъ мѣра предложенная Совѣтомъ фактически осуществилась съ тою лишь разницею, что вопреки желанію Совѣта держало экзамены около 40 студентовъ старшихъ курсовъ; значительная часть которыхъ по обычнымъ правиламъ института не могла быть допущена къ экзаменамъ. Стоило-ли изъ за такого ничтожнаго результата подрывать авторитетъ Совѣта, даже въ вопросахъ чисто педагогическихъ, объ этомъ я уже не спрашиваю—ибо знаю, что заботливое отношеніе къ нему меньше всего свойственно высшей нашей администраціи.

Я намѣренно долго остановился на событіяхъ 1902 г. ибо оставшіеся въ институтѣ профессора настойчиво указываютъ на полную аналогію между ними и о весенней исторіей прошлаго года. Въ дѣйствительности ничего общаго между ними нѣтъ.

Въ 1902 г. волненія въ институтѣ были отраженіемъ общестуденческаго движенія, не имѣвшаго никакой связи съ внутренней жизнью института. Въ Петербургѣ это движеніе не встрѣтило поддержки среди большинства студентовъ и должно было, какъ это оказалось въ дѣйствительности, заглохнуть безъ всякаго осязательнаго результата.

Совѣтъ института во все время волненій держался усвоенный имъ съ 1899 г. тактики: всѣми силами защищалъ студентовъ отъ незаслуженныхъ по его мнѣнію репрессій и категорически отвергалъ всякую мысль о наказаніи отдѣльныхъ лицъ, хорошо зная, что это поведетъ къ ожесточенію части студентовъ и расколу между ними.

Только исключительно тяжелыя внѣшнія условія—вѣдь борьбу приходилось вести противъ даннаго Министру прямого приказанія наказать виновныхъ въ сожженіи временныхъ правилъ, помѣшало Совѣту полностью настоять на своей точкѣ зрѣнія, хотя, какъ я уже говорилъ, фактически дѣло пошло именно такъ какъ описалъ Совѣтъ. Единодушіе между членами Совѣта было полно и рѣшенія его были почти всегда единогласны. Студенты цѣнили такое отношеніе Совѣта и не смотря на кажущееся его пораженіе въ борьбѣ съ Министерствомъ, даже самые крайніе изъ нихъ, вполнѣ довѣряли намъ. Когда въ самый разгаръ конфликта—въ день высылки изъ Петербурга арестованныхъ за демонстрацію 19 февраля товарищей часть студентовъ—очевидно наиболѣе возбужденныхъ хотѣла ворваться въ институтъ, гдѣ въ это время шло совѣщаніе оставшихся студентовъ съ профессорами, мнѣ и проф. Долбни удалось не допустить ихъ до этого. Не въ то время, я какъ членъ Совѣта чувствовалъ себя настолько правымъ передъ студентами, что могъ сказать имъ: „Вы протестуете противъ высылки Вашихъ товарищей; но институтъ то здѣсь причемъ?—Развѣ онъ ихъ высылаетъ, или они высылаются по его хода-

тайству. Идите на фонтанку и протестуйте тамъ". И студенты, несмотря на все возбужденіе, ушли отъ института—очевидно и они сознавали, что профессора не такъ ужъ не правы и что намъ они еще могутъ довѣрять.

Такъ было въ 1902 году и ничего подобнаго весною 1904 г. Весь конфликтъ разгорѣлся по чисто внутреннимъ причинамъ по безтактному поведенію директора—ни съ того ни съ сего вмѣшавшагося въ распорядки студенческой столовой—и своимъ грубымъ обращеніемъ съ депутатами сходки 5 марта, какъ бы, намѣренно подлившимъ масло въ огонь. Прежнее единодушіе Совѣта распалось. Большинство профессоровъ, въ прежнее время, вмѣстѣ съ нами отстаивавшихъ самостоятельность студенческихъ учрежденій въ прежніе годы, теперь не только не протестовали противъ нарушенія этой самостоятельности но и ни единымъ словомъ не протестовали противъ небывало грубаго обращенія директора со студентами. Профессора, въ прежніе годы вмѣстѣ съ ними отстаивавшіе полную самостоятельность студенческихъ учрежденій, радикально измѣнили свою точку зрѣнія. Ни на совѣщаніи 15 Марта, ни на Совѣтѣ и Совѣщаніи 18 Марта не раздалось ни одного слова осужденія, по меньшей мѣрѣ безтактному поведенію директора во время инцидента съ портретомъ Бебеля и, что гораздо важнѣе небывало грубому, очевидно, вызывающему обращенію его съ делегатами сходки 5 Марта. Наоборотъ на совѣщаніи 15 Марта раздались упреки по адресу насъ за то, что мы гарантировали студентамъ неприкосновенность ихъ учрежденій, безъ достаточныхъ на то полномочій, а на совѣщаніи 18 Марта проф. Шредеръ вполнѣ оправдывалъ грубое обращеніе директора необходимостью оградить авторитетъ Совѣта, не вызвавъ этимъ ни одного слова протеста со стороны бывшихъ нашихъ коллегъ, оставшихся профессоровъ института.

На судѣ неоднократно выяснялось, что на совѣщаніи, на которомъ было установлено право студентовъ вывѣшивать свои объявленія въ буфетѣ, присутствовало большинство членовъ Совѣта, приглашенныхъ профессоромъ Лебедевымъ. Я поэтому протестую здѣсь противъ упрековъ намъ, какъ направленныхъ не по адресу и особенно противъ ничѣмъ не обоснованныхъ инсинуацій проф. Шредера, въ своемъ показаніи, высказывавшаго предположеніе, что, именно, мы на какомъ то другомъ совѣщаніи гаррантировали студентамъ отъ имени Совѣта неприкосновенность ихъ учрежденій.

Послѣ совѣщанія 15 Марта для насъ выяснилась необходимость предупредить студентовъ объ измѣнившемся настроеніи Совѣта, что мы и сдѣлали нашимъ заявленіемъ на сходкѣ. Концомъ заявленія, мы указывали студентамъ на свое отношеніе къ дѣлу и, я могу здѣсь только высказать удивленіе, устойчивости взглядовъ проф. Митинскаго, подписавшаго наше заявленіе, и затѣмъ оставшагося въ институтѣ. Неужели же его совѣсть велѣла ему принимать участіе во всѣхъ мѣропріятіяхъ г. Коновалова, очевидно побуждавшихъ студентовъ къ обструкціи и затѣмъ судить ихъ за обструкцію, имъ же самимъ какъ членомъ совѣта вызванную.

На совѣтѣ и совѣщаніи 18 Марта съ очевидностью выяснилось, что г. Коноваловъ встрѣтилъ поддержку большинства совѣта, въ своемъ рѣшительномъ осужденіи, прежней основанной на уваженіи правъ студентовъ системы управленія институтомъ, и въ своемъ желаніи завести новый режимъ, образецъ примѣненія котораго мы наблюдали за послѣдніе годы въ здѣшнемъ Университетѣ. Что было дѣлать намъ убѣжденнымъ сторонникамъ прежняго режима, который проф. Шредеръ въ своихъ разговорахъ со студентами называлъ режимомъ Мушкетова и Долбни. Мы знали о совершившимся на сходкѣ расколѣ между студентами, знали, что среди нихъ выдѣлилась группа желавшихъ держать экзамены во что бы то ни стало и что, опираясь на эту

группу директоръ, при поддержкѣ совѣта, проведетъ свой режимъ. Но мы знали также, что среди студентовъ найдется группа, не такъ легко уступающая завоеванныя ими права, и что столкновеніе между ними неизбѣжно. Что могли мы сдѣлать для успокоенія этой группы— когда мы ясно сознавали, что виновникомъ всего является Совѣтъ, внезапно измѣнившій своимъ традиціямъ и оставшись послушнымъ орудіемъ въ рукахъ директора? Очевидно ничего, кромѣ пустыхъ ничего незначащихъ обѣщаній, что въ будущемъ мы постараемся поправить обѣщаній, которые не могли имѣть никакого значенія для студентовъ—разъ они на опытѣ убѣдились въ нашемъ безсиліи. Оставаться при такихъ условіяхъ въ институтѣ, ограничиваясь какъ это рекомендовала намъ записка 8-ми профессоровъ, подачею особыхъ мнѣній—прекрасно зная всю безцѣльность этого занятія, мы не могли и на другой же день послѣ совѣта 18 Марта, подали въ отставку.

Побочнымъ обстоятельствомъ заставившимъ насъ дѣйствовать такъ, а не иначе были условія времени, когда разигрывалась вся исторія. Время было жестокое—самый разгаръ режима фонъ Плеве и намъ казалось, что находящійся въ полномъ сознаніи съ нимъ новый режимъ г. Коновалова, съ его обязательнымъ расколомъ между студентами, полнымъ отсутствіемъ довѣрія къ Совѣту со стороны лучшей, по нашему мнѣнію, части студенчества прочно установился въ институтѣ. Мы, не предвидѣли событія 15 іюля 1904 г., и ни коимъ образомъ не могли предполагать, что тѣ же самыя профессора, которые въ 1904 г. отказывали студентамъ въ правѣ имѣть въ буфетѣ дозволенный, даже тогдашней, цензурой портретъ Бебеля, давшіе согласіе на исключеніе изъ института студентовъ виновныхъ въ обструкціи, ими же самими вызванной, заочно судившіе студентовъ по показаніямъ не инспекціи, а сторожей, меньше чѣмъ черезъ годъ въ февралѣ 1905 признаютъ за студентами право объявить забастовку, впредь до введенія въ Россіи конституціи, и окажутся участниками извѣстной резолюціи профессорскаго съѣзда съ ея рѣшительнымъ осужденіемъ всякихъ репрессій въ учебныхъ заведеніяхъ. Мы не были достаточно проницательные, но не былъ проницателенъ и самъ г. Коноваловъ инціаторъ всей исторіи и оставшіеся профессора—его усердные помощники въ дѣлѣ разгрома института.

Теперь перейду къ студентамъ „свобододѣйствующимъ". Я собственно не хотѣлъ говорить о нихъ. Мнѣ представлялось это неудобнымъ для меня, какъ профессора. Но способъ защиты нѣкоторыхъ студентовъ, вопросы, предложенные мнѣ въ прошломъ засѣданіи суда, заставляютъ меня сдѣлать это. Когда здѣсь Поповичъ и нѣкоторые другіе студенты строили свою защиту на опорочиваніи студенческихъ учрежденій, мнѣ хотѣлось сказать имъ: „Ну, а Вы сами создали что-нибудь, кромѣ той организаціи, которую Вы создали въ концѣ прошлаго года? Студенческая среда представляетъ широкое поле для агитаціи, отчего Вы не агитировали въ пользу своихъ идей, какъ агитировали студенты противоположной партіи». Обращаясь къ нашей запискѣ, я прочту тотъ единственный отрывокъ, въ которомъ говорится о студентахъ. Вотъ онъ:

„Неужели кромѣ упрека ушедшимъ профессорамъ въ поспѣшности, себялюбіи, въ удаленіи безъ борьбы, ничего не могли придумать люди, болѣющіе теперь о студентахъ и институтѣ. Нѣтъ, они придумали и другое. Они нашли возможнымъ привлечь нѣкоторыхъ студентовъ, нравственно слабыхъ, безсильныхъ разобраться въ сложной коллизіи, созданной г. Коноваловымъ, или даже позорно павшихъ— къ совмѣстному обсужденію съ инспекціей и г. Коноваловымъ степени виновности своихъ товарищей въ различныхъ формахъ явленій. Они совершили поступокъ безпримѣрный, даже въ исторіи нашей многострадальной школы. Они не имѣли даже смѣлости дѣйствовать открыто, а спрятались за позорную цензорскую организацію группы павшихъ студентовъ съ г. Коноваловымъ во главѣ».

Развѣ не ясно всякому, что и въ этомъ, повторяю, существенномъ мѣстѣ записки, гдѣ говорится о студентахъ, все негодованіе направлено по адресу оставшихся профессоровъ сотрудниковъ Коновалова, а не студентовъ.

Теперь я спрашиваю, какъ мнѣ назвать организацію, при которой составленіе группъ экзаменующихся поручается какимъ-то сборщикамъ группъ изъ числа студентовъ, подающихъ свои списки за своей подписью, которая, очевидно, носила характеръ поручительства г. Коновалову, какъ не позорной цензорской организаціей—позорной для профессоровъ, согласившихся вести экзамены при такихъ условіяхъ. Всѣми своими мѣрами послѣ закрытія института толкавшіе студентовъ на обструкцію, палецъ о палецъ не ударившіе въ самый день обструкціи, чтобы предупредить ее, эти господа послѣ обструкціи настолько растерялись, что позволили себѣ спрятаться за студентовъ, устроивъ какую то, дѣйствительно, небывалую организацію сборщиковъ группъ, все съ единственной цѣлью предохранить себя отъ повторенія обструкціи.

Ну, а студентовъ, принимавшихъ активное участіе въ осуществленіи этихъ плановъ въ роли сборщиковъ-цензоровъ, и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые до сихъ поръ не сознаютъ всего позора прошлогодняго своего положенія, какъ назвать мнѣ ихъ, какъ не группой павшихъ студентовъ?

А студенты сознательно, записывавшіеся въ такія группы, экзаменовавшіеся при наличности такихъ условій, что они, нравственно сильнѣе, что ли?—нѣтъ, иначе, какъ нравственно слабыми я ихъ назвать не могу.

Наконецъ тѣ немногіе, которые принимали участіе въ составленіи списка уволенныхъ студентовъ, а такіе были, и объ этомъ мы знали весной—это позорно павшіе.

И все таки во всей трагедіи института виновны власти и Совѣтъ. Они, и только они одни, отвѣчаютъ за то, что своей поддержкой людей дѣйствительно слабыхъ довели ихъ до преступленія, а институтъ до полнаго разгрома, изъ котораго я по крайней мѣрѣ не вижу никакого почти выхода.

ПРОФ. Л. И. ЛУТУГИНЪ. Мы выступили передъ настоящимъ судомъ не для того только, чтобы выяснить роль «свобододѣйствующихъ» въ разгромѣ горнаго института. Нѣтъ, мы сознавали, что дѣло это имѣетъ большое общественное значеніе. Въ «исторіи» горнаго института, въ маломъ видѣ, отразилась та страшная трагедія, которую переживаетъ вся русская высшая школа; эта «исторія» составляетъ лишь ничтожную частицу этой трагедіи. Теперь намъ легко защищать правильность нашихъ взглядовъ, побудившихъ насъ покинуть дорогую для насъ школу, теперь, когда лучшая часть русской профессуры высказала тѣ-же взгляды по поводу общей забастовки, охватившей всѣ высшія учебныя заведенія Россіи. Но не то было, когда разыгрывалась «исторія» въ горномъ институтѣ, не то было, когда начиналось это дѣло.

Насъ заставило принять участіе въ настоящемъ процессѣ желаніе приподнять хотя бы край той завѣсы, за которой администрація расправлялась съ русской школой, съ учащейся молодежью. Въ настоящій моментъ этотъ процессъ можетъ считаться нѣсколько запоздалымъ, общественное значеніе его умалилось. Теперь жизнь создала болѣе широкія пути для заявленій своихъ требованій, но въ то время когда начинался этотъ процессъ, онъ являлся одной изъ немногихъ щелей, черезъ которую можно было впустить лучъ свѣта, струю свѣжаго воздуха въ спертую атмосферу высшей школы. И какъ ни тяжело было выступать намъ въ этомъ дѣлѣ, мы не считали себя вправѣ отказаться отъ участія въ немъ.

Для того, чтобы оцѣнить весь ужасъ пережитаго горнымъ институтомъ, нужно мысленно перенестись къ тому времени, когда про-

исходили подлежащія суду событія. Нельзя судить о поступкахъ «свобододѣйствующихъ» внѣ связи съ тѣми условіями, въ которыхъ эти поступки совершились. Начало директорства Коновалова совпадаетъ съ январемъ мѣсяцемъ прошлаго, 1904 года. Это было время полнаго торжества реакціи—торжество политики фонъ-Плеве. Всякое малѣйшее проявленіе общественной самодѣятельности, все живое давилось и уничтожалось. Начало января ознаменовалось разгромомъ Тверского земства, закрытіемъ Пироговскаго съѣзда, закрытіемъ съѣзда дѣятелей по профессіональному образованію. Этотъ съѣздъ былъ сплошнымъ воплемъ изстрадавшейся, задавленной русской школы—низшей, средней, высшей... И этотъ вопль былъ тоже нагло задавленъ. А затѣмъ подошло начало злосчастной русско-японской войны и русскому обществу стало еще тяжелѣй дышать. Подъ фанфары крикливаго, воинствующаго патріотизма русское общественное самосознаніе еще болѣе затемнилось, а надвигавшееся на родину страшное народное бѣдствіе не находило себѣ надлежащей оцѣнки. Голоса, отъ которыхъ страна была вправѣ ждать слова правды или безмолствовали, или даже присоединялись къ хору льстивыхъ и лживыхъ адресовъ. Лишь кое-гдѣ раздавались слабые протесты, и эти протесты, по преимуществу, принадлежали группамъ учащейся молодежи, между прочимъ и студентамъ горнаго института. Но эти слабые голоса гибнули въ побѣдныхъ кликахъ хулиганствующихъ «патріотовъ». Реакція гордо подняла голову, почти нигдѣ не встрѣчая себѣ противодѣйствія. Атмосфера общественной жизни дѣлалась все удушливѣй и удушливѣй, репрессіи шли за репрессіями. Вотъ въ какихъ условіяхъ возникъ, подлежащій разсмотрѣнію суда, «конфликтъ».

Здѣсь говорили, что настоящій процессъ чисто академическій, а не политическій. Нѣтъ, это процессъ политическій, такъ какъ содержаніемъ его является борьба общественной группы, борьба группы молодежи, съ представителями произвола и безправія, борьба за элементарнѣйшія права. «Исторія» горнаго института представляетъ собою крошечную частицу того великаго освободительнаго движенія той великой освободительной борьбы, которую ведетъ сознательная Россія съ темными силами за право свободно дышать, за право по человѣчески существовать. Нужно жить въ такой каторжной странѣ, какъ наша родина, чтобы понять весь ужасъ положенія, при которомъ приходится съ такими страшными усиліями отстаиватъ ничтожнѣйшія права. За что боролись студенты? За необходимость элементарнѣйшаго уваженія къ человѣческой личности, уваженія къ правамъ студенческой корпораціи. Они боролись за то, чтобы директоръ не имѣлъ права бросать депутатамъ студенчества клочки бумаги въ лицо, чтобы онъ не имѣлъ права выгонять ихъ отъ себя дерзкими криками, чтобы у студентовъ было право имѣть въ ихъ помѣщеніяхъ портреты выдающихся общественныхъ дѣятелей, портреты дозволенные цензурой... Да вѣдь это отстаиваніе даже не человѣческихъ, а почти собачьихъ правъ.

Благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, студенчеству въ горномъ институтѣ удалось добиться нѣкотораго подобія правъ—свободы собраній, свободы слова, свободы организацій... Здѣсь, втеченіи процесса мы видѣли съ какой ревностью, съ какой, подчасъ, комической щепетильностью студенты отстаивали добытыя ими ничтожныя права... Но, по существу это не комично. Эти ничтожныя права въ той атмосферѣ полнаго безправія, которая царила за стѣнами института, царила въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, являлись уже громадными правами... За отстаиваніе этихъ ничтожныхъ правъ, студентовъ ссылали въ ссылку, изгоняли изъ учебныхъ заведеній... Борясь за студенческія права, студенты преслѣдовали не эгоистическія цѣли, нѣтъ, они отстаивали эти права не для себя, а для всего студенчества, въ томъ числѣ и для группы «свобододѣйствующихъ». Поступки «свобододѣйствующихъ» должны быть оцѣнены въ зависи-

мости отъ того, сознавали-ли они противъ чего шли и какимъ силамъ содѣйствовали.

Порядокъ вещей, наблюдавшійся въ институтѣ, не могъ не заботить начальства. Министръ Плеве рѣзко выражалъ недовольство горнымъ институтомъ и требовалъ его «упорядоченія». Непосредственное начальство института, покорное господствующему «курсу», было крайне обезпокоено положеніемъ института и искало «укротителя». Таковой и нашелся.

Г. Коноваловъ явился въ институтъ, какъ представитель господствовавшаго въ то время режима. Это не былъ идейный реакціонеръ, а лишь исполнитель воли начальства. Чистой воды карьеристъ, готовый служить всякому режиму, лишь бы онъ былъ господствующимъ, г. Коноваловъ получилъ миссію «упорядочить» институтъ, и этимъ опредѣлилась вся его дѣятельность. Мы видѣли во всемъ и всюду его стремленіе «сократить» и забрать въ руки студентовъ.

Всякое выраженіе студентами недовольства протеста, онъ стремился объяснить вліяніемъ «политической пропаганды». Онъ волновался, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ему не удавалось вырѣшить взятой на себя задачи «упорядочить институтъ» и тѣмъ исполнить желаніе довѣрившихъ ему.

Онъ говорилъ какъ-то, что сходки студентовъ оставить такъ дальше нельзя, что онъ призоветъ полицію и что для этого не будетъ даже спрашивать разрѣшенія министра. Онъ начиналъ сознавать, что можетъ не оправдать довѣрія начальства.

Студентъ Грунвальдъ въ своей статьѣ говоритъ, что въ „исторіи“ горнаго института столкнулись два теченія—политическое и академическое, и что представителями перваго явились ушедшіе профессора, а второго, академическаго, г. Коноваловъ.

Нѣтъ, г. Коноваловъ не представитель академическаго направленія, а наоборотъ, это политиканъ, готовый принести интересы науки въ жертву не только политики, но даже полиціи. Когда въ началѣ настоящей злосчастной войны, лучшая часть русскаго общества и русской молодежи приходила въ ужасъ отъ надвигающагося на нашу родину бѣдствія и негодовала на виновниковъ этого бѣдствія, тотъ-же г. Коноваловъ, такъ пышно разглагольствовавшій о томъ, что политика должна быть чужда школѣ, выступилъ съ предложеніемъ послѣдовать примѣру университета и выразить «патріотическія» чувства совѣта института. Другой представитель „академическаго» направленія, проф. Шредеръ, его горячо поддерживалъ, предлагая привлечь къ этому предпріятію и студентовъ. И только рѣзкое указаніе на несовмѣстимость такого поступка со всегдашнями разглагольствованіями г. Коновалова удержали его отъ осуществленія этого намѣренія.

Выждавъ удобный моментъ Коноваловъ напалъ на студентовъ, но сначала велъ себя нерѣшительно, думалъ встрѣтить противодѣйствіе въ совѣтѣ. Но, когда онъ увидѣлъ, что большинство совѣта состоитъ изъ истинныхъ чиновниковъ, трепещущихъ передъ нимъ, какъ передъ представителемъ власти, и готовыхъ поступиться всѣми своими принципами, Коноваловъ сталъ дѣйствовать рѣшительно. Имѣя на своей сторонѣ большинство совѣта и полное сочувствіе высшей администраціи, Коноваловъ рѣшилъ вышвырнуть изъ института непокорныхъ студентовъ, и непріятныхъ для него профессоровъ и, привести институтъ въ желательный для начальства видъ. Для выполненія своего плана онъ рѣшилъ не останавливаться не передъ чѣмъ: онъ рѣшилъ обратить педагогію, обратить экзамены въ орудіе борьбы съ непокорными элементами, прибѣгнуть къ содѣйствію полицейской силы, къ административному произволу, главное-же создать расколъ между студентами. Онъ ставилъ все на карту, лишь-бы испол[illegible] взятое имъ на себя порученіе, лишь-бы смирить „крамольный“ [illegible]тутъ.

И въ тотъ-то боевой моментъ на помощь Коновалову выступили „свобододѣйствующіе".

Мы не входили и теперь не будемъ входить въ разсмотрѣніе степени виновности отдѣльныхъ студентовъ. Все дѣло насъ интересуетъ не съ точки зрѣнія большей или меньшей виновности отдѣльныхъ лицъ, а съ точки зрѣнія его общественнаго значенія. Самое главное, самое печальное, что группа студентовъ, сознательно или безсознательно, сдѣлалась сотрудницей темныхъ силъ, давящихъ русскую школу, давящихъ русскую жизнь. Мы считаемъ всѣхъ тѣхъ, которые не сознавали что творятъ, за «нравственно слабыхъ». Тѣхъ-же, которые сознательно шли на позорные экзамены, которые сознательно сотрудничали въ дѣлѣ разгрома института, мы считаемъ за нравственно-павшихъ.

Намъ говорятъ, что за свобододѣйствующими пошли держать экзамены и другіе. Да, но пошли когда были сломлены, и это содѣйствіе ломкѣ совѣстей и есть одинъ изъ главныхъ проступковъ „свобододѣйствующихъ!"

Я встрѣчалъ студентовъ, которые со стыдомъ говорили объ этихъ экзаменахъ. Сломленные обстоятельствами, они считали это за позорный фактъ своей жизни, они сознавали свою нравственную слабость. И въ этомъ сознаніи ихъ полное оправданіе, и въ этомъ сознаніи ихъ глубокое различіе отъ «свобододѣйствующихъ», гордо защищающихъ свои поступки.

Можно-ли считать „свобододѣйствующихъ" нравственно правыми? Нѣтъ. Рѣшивъ протестовать противъ Коновалова, и разойдясь лишь въ вопросѣ о формѣ протеста, они выдѣлились затѣмъ въ особую группу, которая забыла о всякомъ протестѣ и сдѣлалась прямой сотрудницей Коновалова. Они соглашались держать экзамены при какихъ угодно условіяхъ—при недопущеніи въ институтъ товарищей, подъ охраной полиціи и сторожей. Пробираясь черезъ ряды полицейскихъ, они проникали въ институтъ, равнодушные къ тому, что ихъ протестующихъ товарищей увольняютъ и высылаютъ административнымъ порядкомъ изъ Петербурга. Они видѣли торжество безграничнаго начальства, они видѣли полный разгромъ института, они видѣли попранія элементарнѣйшихъ правъ студентовъ, добытыхъ съ такимъ трудомъ, они все это видѣли и оставались вѣрными своему принципу—держать экзамены. А нѣкоторые еще всѣми способами стремились содѣйствовать начальству въ осуществленіи этихъ боевыхъ, позорныхъ экзаменовъ. И большинство изъ нихъ не посмѣетъ сказать, что ими руководила любовъ къ наукѣ,—нѣтъ ими руководило, главнымъ образомъ—стремленіе поскорѣй получить дипломъ.

И вотъ послѣ всего нами видѣннаго и пережитаго, мы, признавая главными виновниками «конфликта» Коновалова и его сотрудниковъ, считали и считаемъ себя вправѣ назвать однихъ изъ группы содѣйствовавшихъ боевымъ экзаменамъ студентовъ, нравственно слабыми, а другихъ, нравственно павшими.

Быв. студ. МЕФФЕРТЪ. Впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ здѣсь излагались всѣ перипетіи событій и взаимныхъ отношеній, которыя привели студенчество къ полному расколу, а институтъ къ паденію. Я не буду входить въ оцѣнку тѣхъ фактовъ и доказательствъ, которыя представлялись нашей стороной и характеризовать наше отношеніе ко всѣмъ происшедшимъ событіямъ,—это сдѣлаютъ другіе товарищи. Я позволю себѣ разсмотрѣть вопросъ о студенческихъ учрежденіяхъ, вопросъ, который противной стороной не одинъ разъ выдвигался какъ основная причина возникшей розни и всѣхъ послѣдовавшихъ осложненій.

Передъ судомъ была уже изложена фактическая сторона тѣхъ внутреннихъ студ. организацій, которыя имѣли такое развитіе и вліяніе на внутреннюю жизнь института. Эти студенческія учрежденія были созданы лѣтъ 10—12 тому назадъ и явились продуктомъ

естественнаго органическаго стремленія студенчества къ самодѣятельности и поднятію общественнаго уровня внутренней студенческой жизни. Основныя цѣли этихъ организацій были направлены, какъ и вездѣ, въ сторону удовлетворенія матеріальныхъ и духовныхъ потребностей среди товарищества, эти потребности и явились толчкомъ къ зарожденію этихъ учрежденій и началомъ организованной дѣятельности. Нельзя поэтому удивляться, что при наличности существующихъ общественныхъ условій эти учрежденія не ограничились только скромной задачей изготовленія обѣдовъ, а стали постепенно ядромъ, вокругъ котораго происходила группировка силъ и организаторская дѣятельность студенчества. Жизнь не могла и дать другого результата и было бы странно думать, что эти учрежденія должны были бы остаться формальными комиссіями, не выходящими изъ предѣла своихъ узкихъ задачъ. Всѣмъ хорошо извѣстно, что стремленія студенчества къ самодѣятельности всегда и вездѣ были тѣсно связаны съ болѣе широкими общественными побужденіями и развитіе студенческихъ учрежденій въ институтѣ неизбѣжно повело за собой и подъемъ внутренней общественной жизни. Однако этими стремленіями было проникнуто конечно не все студенчество, а главнымъ образомъ т. наз. «лѣвое» крыло его, которое и явилось естественнымъ созидателемъ и защитникомъ имъ созданныхъ организацій и постепенно завоеванныхъ имъ правъ и вольностей. Было бы поэтому явной несправедливостью приписывать «правой» сторонѣ эти стремленія, они болѣе думали о дипломахъ. Нейтральная же часть студенчества не имѣла своей, рѣзко выраженной, физіономіи и трудно говорить о ея симпатіяхъ къ чему нибудь въ этомъ отношеніи. Слѣдуетъ отмѣтить, что «правая» весьма рѣдко обнаруживала достаточно активный интересъ къ студ. учрежденіямъ и, ограничиваясь преимущественно словесной защитой ихъ, иногда оказывала и противодѣйствіе тамъ, гдѣ требовалась практическая поддержка въ дѣлѣ отстаиванія учрежденій отъ различныхъ посягательствъ извнѣ. Примѣромъ тому служитъ, хотя бы, поведеніе «правыхъ» элементовъ въ начавшемся конфликтѣ съ Коноваловымъ изъ-за инцидента въ буфетѣ и словесный протестъ ихъ противъ Коновалова съ быстрымъ поворотомъ назадъ. Естественнымъ результатомъ всего этого и явилось то, что студ. учрежденія съ теченіемъ времени оказались въ преимущественномъ завѣдываніи «лѣвой», хотя можно указать не одинъ случай, когда представители «правой» были и членами и предсѣдателями студ. учрежденій. Преобладаніе противниковъ возбуждало конечно неудовольствіе у «правой», но по своему внутреннему безсилію, неорганизованности, а главное по отсутствію искренней преданности къ этимъ учрежденіямъ, она не могла добиться лояльными способами перевѣса. Къ критикѣ тѣхъ или иныхъ неудовлетворительныхъ сторонъ веденія дѣла въ студ. учрежденіяхъ стали присоединяться, какъ яркій признакъ пристрастнаго отношенія, нападки личнаго характера, заподозрѣваніе членовъ комиссіи въ пристрастіи къ своимъ единомышленникамъ, вплоть до обвиненій въ кормленіи около общественнаго пирога. Слѣдуетъ указать, что при полномъ отсутствіи фактовъ послѣдняго рода, исторія нашихъ учрежденій, именно фонда, далеко не бѣдна случаями выдачъ и субсидій различнымъ лицамъ изъ «правыхъ», матеріальное положеніе которыхъ ни мало не оправдывало такой помощи. Въ конечномъ счетѣ такія лица лишались права пользованія студ. учрежденіями, напр. студенты Чумаковъ, Друтъ и др. Лишеніе помощи въ такихъ случаяхъ или за какія либо другія неправ. дѣйствія по отношенію фонда (напр. ст. Егоровъ) было естественнымъ отвѣтомъ на подобные поступки. Указанія противной стороны, я имѣю въ виду записку присяжн. пов. Алексѣева, представленную суду отъ имени «свобододѣйств.», о случаяхъ помощи «лѣвымъ» не сопровождаются доказательствами неправильности такой помощи, а одними лишь некрасивыми намеками. Въ виду подобнаго тона, а главное содержанія этой записки, я вынужденъ оставить ее

безъ отвѣта. Я позволилъ себѣ уклониться въ сторону этихъ операцій фонда только въ силу того, чтобы не дать повода думать, что наши подобныя указанія противной стороны только замалчиваются. Возвращаясь къ общей сторонѣ вопроса, о нашихъ учрежденіяхъ, я долженъ указать, что въ извѣстной степени недовольство «правыхъ» имѣло основаніе въ нѣкоторыхъ неудовлетворительныхъ сторонахъ веденія дѣла въ студ. учрежденіяхъ, однако основная причина этого недовольства лежала гораздо глубже и вся сила его направлена была не противъ отрицательныхъ частностей учрежденій, а противъ всей партіи «лѣвыхъ», въ рукахъ которыхъ были эти учрежденія. Причина этого коренилась уже въ общихъ условіяхъ русской жизни и высшей школы въ частности за послѣдніе годы. Жизнь заставила «правыхъ» почуять въ насъ своего врага, а вовсе не какіе то изъяны въ студ. учрежд., которые «правые», будто бы, хотѣли исправить и чему мы якобы мѣшали. Рядъ забастовокъ, пережитыхъ институтомъ, хотя и въ болѣе слабой степени, отразился и на «правыхъ». Они поняли, что забастовки неизбѣжны, что онѣ несутъ матеріальный вредъ и естественно стали искать выхода, отсюда все возрастающее отрицательное отношеніе къ ежегоднымъ волненіямъ и все растущая оппозиція. Близоруко считая сильную организованную лѣвую партію главнымъ виновникомъ, главной помѣхой своимъ чисто «шкурнымъ» стремленіямъ, они вожделѣли освободиться отъ этой угрозы, висѣвшей надъ ихъ головами каждую весну и 1904 годъ сталъ предѣльнымъ для ихъ терпѣнія. Вступленіе Коновалова, его «просвѣщенный» умъ, горячую оцѣнку котораго мы здѣсь слышали, окрылили ихъ надежды и, когда начался конфликтъ съ Коноваловымъ, они, и логикой жизни и злой волей своихъ руководителей, сдѣлались естественными союзниками Коновалова. Результатъ уже извѣстенъ. «Лѣвая» была раздавлена, отъ студенческихъ учрежденій осталось одно воспоминаніе. Разсчетъ Коновалова и «свобод.-д.-щихъ» оказался временно вѣрнымъ. Экзамены состоялись, дипломы были выданы, въ институтѣ водворенъ «порядокъ». Вотъ тутъ «свобододѣйствующіе» блестяще доказали свою фальшивую преданность традиціямъ и студ. учрежденіямъ. Они ни на минуту не пожалѣли обо всемъ, такъ грубо уничтоженномъ, они были довольны разгромомъ, ибо онъ лучше всего обезпечилъ имъ достиженіе ихъ личныхъ цѣлей.

Теперь, передъ судомъ «свобододѣйствующіе» распинаются въ своей любви и преданности лучшимъ идеаламъ, но это—фальшь. Они вмѣстѣ съ Коноваловымъ—истинные могильщики внутренней жизни института.

Бив. студ. *ГАПѢЕВЪ.* Всѣмъ извѣстно, гг. судьи, что въ Россіи, гдѣ за смѣлое слово гонятъ въ Якутскую область, гдѣ за смѣлую мысль годами гноятъ въ тюрьмахъ, мало было островковъ—особенно во времена Сипягина и Плеве,—гдѣ звучала свободная, живая рѣчь и зрѣла самостоятельная мысль. Къ числу такихъ счастливыхъ исключеній принадлежалъ и Горный институтъ.

Вопреки всевозможнымъ министерскимъ циркулярамъ, никогда студенты горнаго института не считали себя отдѣльными посѣтителями. Это была одна общественная единица, сильная солидарностью своихъ членовъ. Отвоевавъ послѣ упорной борьбы кой-какія права, студенты горнаго института зажили широкой общественной жизнью. Главнымъ фокусомъ этой жизни являлись обще-студенческія сходки. Сходки были и верховнымъ судомъ, и вѣчемъ студенчества. Вопросы, дебатировавшіеся на сходкахъ, были весьма разнообразны: отъ самыхъ мелкихъ академическихъ до политическихъ съ самой широкой обосновкой.

Здѣсь разбирались товарищескія недоразумѣнія, дѣла какой-нибудь столовой, но здѣсь же вырабатывались и настойчиво звучали требованія, которыя лишь теперь стали повторяться передовой частью русскаго общества. Въ регламентаціи не было надобности, ибо авто-

номное студенчество вполнѣ удовлетворительно сносилось съ автономнымъ коллегіальнымъ учрежденіемъ—Совѣтомъ. Сходки, какъ я уже сказалъ, были по разнымъ вопросамъ. По вопросамъ, не касающимся забастовки, рѣшеніе выносилось большинствомъ сходки; по вопросу о забастовкѣ такое рѣшеніе нужно было отъ большинства института, ибо съ такимъ большинствомъ хотѣлъ считаться Совѣтъ. Такъ проходили забастовки все время, также проведена (большинствомъ института) и въ этомъ году: число студентовъ, подавшихъ голоса за и противъ забастовки, вмѣстѣ съ неопрошенными еще, 624 чел.; изъ этого числа по постановленію сходки были исключены при подсчетѣ 13 воздержавшихся+18 нейтральныхъ, какъ лица, не ставшія ни на ту, ни на другую сторону: 624—31=593; для половины надо 297, а до удаленія «своб.-д.-щихъ» за забастовку было 302 голоса. «Свобод.-д.-щіе» были удалены со сходки не для того, чтобы провести забастовку, ибо она уже прошла, а потому, что они, во что бы то ни стало, хотѣли «сорвать» сходку. Послѣ ихъ удаленія часть студентовъ переписалась изъ забастовщиковъ; ихъ осталось 296, но такъ какъ послѣ удаленія «свобод.-д.-щихъ» въ корпораціи осталось еще 525 чел., то была принята забастовка именно этой корпораціей.

Сходки собирались очень часто. Любой студентъ по любому поводу могъ собрать сходку. Всякій могъ выступать на сходкѣ ораторомъ, а слѣдовательно и влiять на сходку въ ту или иную сторону.

Для завѣдыванія хозяйственными дѣлами студенчества существовали 4 постоянныя выборныя комиссіи. Всякій студентъ могъ баллотироваться и быть выбраннымъ въ члены этихъ комиссій; конечно, при такихъ традиціяхъ была полная возможность протестовать противъ нежелательныхъ явленій въ студенческой жизни активнымъ и лойяльнымъ способомъ, каждая свободная иниціатива могла проявляться въ свободной студенческой атмосферѣ; каждый отдѣльный членъ корпораціи могъ внести свою созидательную работу, исправляя дефектъ существующаго. Для этого, конечно, нужна была иниціатива, любовь къ этимъ дорогимъ учрежденіямъ и желаніе работать на общую пользу. Но этого «свобододѣйствующіе» не хотѣли.

Грунвальдъ и его сторонники заявили, что это отнимаетъ слишкомъ много времени. Они не хотѣли работать въ коммиссіяхъ, но желали работу коммиссіи подчинить своимъ взглядамъ. Какъ и всегда бываетъ, наиболѣе работоспособной была прогрессивная, «лѣвая» часть студенчества. И вотъ эту-то часть хотѣли дискредитировать «правые» въ глазахъ всего студенчества не фактами, не серьезной критикой, а мелкими придирками, направленными даже противъ отдѣльныхъ личностей. Особенно важно было это для нихъ въ эпоху забастовокъ. 1-я забастовка застала ихъ совершенно врасплохъ, но уже въ 1902 г. въ институтѣ организовалась «группа независимыхъ» и въ этомъ же году къ министру посыпались анонимные доносы на профессоровъ. До забастовокъ они не протестовали противъ большинства, противъ сходокъ; они сами на сходкѣ объ исключеніи Пономарева въ 1901 г. подписывали просьбу въ Совѣтъ исключить его безъ права поступленія въ другія высшія учебныя заведенія. Здѣсь, на этомъ документѣ, имѣются подписи и Кутырина, и Лемана, и Егорова, и Ю. Макарова, и Рыженко, и Стахурскаго и многихъ другихъ «свобод.-д.-щихъ». Въ эпоху же забастовокъ «правые» старались доказать, что постановленія сходокъ—плодъ дѣйствія злонамѣренныхъ агитаторовъ, революціонеровъ, сѣющихъ смуту и непокорство. Съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, занялись они выслѣживаньемъ и сыскомъ и, не будучи въ состояніи ничего выслѣдить, сочиняли въ 1901 году доносы на профессоровъ, а въ 1904 небылицы о какомъ-то революціонномъ трибуналѣ.

Насъ называютъ они политической партіей,—мы не отрицаемъ этого: кто же изъ русскихъ обывателей, отстаивающихъ элементарнѣйшія права личности (а мы отстаивали ихъ и горячо, и не думая

о себѣ) не политикъ?!. Ну а они?—они группа академическая, они любятъ науку—хотя весь ихъ академизмъ и любовь къ наукѣ заключается въ томъ, что намъ, бывшимъ студентамъ и политикамъ—заказывали они свои проекты, да еще въ страстномъ желанiи держать экзамены тотчасъ же послѣ обструкцiи и совмѣстной закулисной работы съ инспекцiей.

Институтъ разгромленъ, онъ погибъ—это не гипербола. Послѣ того, что тамъ было, послѣ сознательнаго попранiя принциповъ товарищества и большинства—какая могла быть въ немъ общественность? Какая солидарность? Какая, наконецъ, наука, когда крупныя силы, какъ проф. Левинсонъ-Лессингъ и Андрусовъ, отказывались отъ «чести» совмѣстной работы съ Коноваловымъ; когда каѳедры Мушкетова и Федорова занимаютъ Барботъ-де-Марни и К°? А осеннiя событiя? Они говорятъ сами за себя. Трудно вѣдь допустить, что это было въ Горномъ институтѣ, чтобы студенты ходили ко всѣмъ профессорамъ, кромѣ самыхъ безнадежныхъ, съ просьбой уйти изъ института!

Да, институтъ погибъ! Но было бы жестокой несправедливостью винить въ этомъ одного Коновалова. Безъ поддержки, безъ опоры на «свобод.-д.-щихъ», безъ ихъ настойчивыхъ просьбъ, принять мѣры «быстрыя и рѣшительныя», онъ не смогъ бы погубить Горн. инст.; «свобод.-д.-щiе»—вотъ истинная причина его гибели. Ихъ называли «могильщиками» института,—не могильщики они, а заплечныхъ дѣлъ мастера!...

Студентъ *ГЛИВИЦЪ.* Нѣкоторые изъ Васъ, господа судьи, выражали свое непрiятное удивленiе, по поводу той непримиримой вражды, которая пропастью легла между нашими противниками и нами. Вамъ бы хотѣлось видѣть студенческую массу сплоченной, единой, солидарной по всѣмъ вопросамъ. Такъ и было до **1899** года. До этого года дѣйствительно студенчество, по всѣмъ видимостямъ, являлось чѣмъ-то однообразнымъ: понятiе «студентъ» индентифицировалось съ понятiемъ человѣка прогрессивнаго образа мыслей; синiй воротникъ для однихъ является гарантiей политической добропорядочности, для другихъ — пресловутой неблагонадежности. Первая же забастовка разрушила эту идиллiю, она воочiю доказала, что извѣстныя убѣжденiя влекутъ за собою извѣстныя жертвы, что не всегда выгодно слыть радикаломъ. Тутъ-то на этой почвѣ начинается дифференцировка въ студенческой средѣ. Появляется новый типъ студента. Разные шкурники, которые сидѣли до сихъ поръ, набравъ въ ротъ воды и, зная, что ничѣмъ не рискуютъ, охотно поддѣлывались подъ общiй красный фонъ, стали выползать теперь изъ норъ своихъ и заявлять во всеуслышанiе о своемъ существованiи. Одновременно съ этимъ въ высшихъ административныхъ сферахъ замѣчается своеобразная тенденцiя, имѣющая своей цѣлью противоставить вездѣ, во всѣхъ слояхъ общества и народа, живой общественной силѣ, другую, на первый взглядъ, какъ будто изъ той же общественной среды истекающую, — силу, но силу темную, которая, прiявъ обликъ и перенявъ подчасъ внѣшнiя формы общественности, въ корнѣ должна была подорвать, уничтожить, дискредитировать всякiя общественныя начинанiя, создавъ имъ въ противовѣсъ своеобразную фикцiю такого же движенiя. Такъ возникаетъ зубатовщина, имѣющая цѣлью фальсифицировать рабочее движенiе; такъ создается, поддерживается и субсидируется «Русское Собранiе», имѣющее своей задачей, направить интеллигенцiю по извѣстной стезѣ. Какъ нѣкогда въ Новороссiи, экзотическiе пэйзаны радовали взоры матушки-царицы, такъ теперь во услажденiе властъ имущихъ создаются черныя сотни, дабы репрезентировать съ достоинствомъ мнѣнiе «широкихъ народныхъ массъ», и въ то время, какъ «Русское Собранiе» даетъ идеологовъ «истинно-русскаго» теченiя— черныя сотни, получившiя чуть-ли не военную организацiю, поставляютъ для него практиковъ въ Кишиневѣ, Курскѣ, Воронежѣ, и цѣломъ рядѣ другихъ городовъ, блестяще оправдавшихъ возложенныя на нихъ надежды.

Эта творческая общественно-организаціонная дѣятельность администраціи не могла не коснуться безпокойной студенческой среды. И дѣйствительно, немедленно послѣ забастовки 1899 года, въ пресмыкающейся прессѣ появляется рядъ статей, призывающихъ «благонадежную часть студенчества» стать на защиту «священнаго права учиться», съорганизоваться и выступить для борьбы съ крамолой, свившей себѣ гнѣздо въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ разнаго рода правительственныхъ сообщеніяхъ, то и дѣло попадались намеки на то, что бунтуютъ лишь агитаторы, спеціально ради этого поступившіе въ высшія учебныя заведенія и смущающіе покой невинныхъ, наукѣ преданныхъ, младенцевъ.

Своеобразный поворотъ административныхъ сферъ въ сторону общественности попалъ на благодарную почву, встрѣтившись съ упомянутымъ мною броженіемъ въ средѣ студенческихъ шкурниковъ. Шкурники, не безъ помощи и поощренія извнѣ, начинаютъ объединяться. Такъ вокругъ приватъ доц. Никольскаго въ 1899 г. или 1900 г. концетрируется группа студентовъ, эмбріонъ будущей «Денницы». Въ это же приблизительно время, подъ эпидой «Русскаго Собранія», возникаетъ въ Харьковѣ кружокъ «истинно-русскихъ студентовъ», затѣмъ въ Одессѣ образуется «Лига»; наконецъ, въ Петербургѣ получаетъ опредѣленный уставъ корпорація «Денница». Ни для кого не тайна, что всѣ эти студенческія сообщества преслѣдуютъ въ сущности тѣ же цѣли, что и названныя мною раньше учрежденія, имѣютъ общій съ ними источникъ и вполнѣ имъ аналогичны по своему характеру.

Въ Горный институтъ антиобщественное студенческое теченіе не могло проникнуть, не находя сочувствія и поддержки въ Совѣтѣ. Горный институтъ, какъ справедливо здѣсь замѣчалось, являлъ собою оазисъ среди печальной пустыни академической жизни. Здѣсь было подобіе свободы собраній, подобіе свободы слова; здѣсь выработала традиція своеобразный парламентскій usus.

Здѣсь, правда, издавна студенчество дѣлилось на «лѣвыхъ» и «правыхъ», или, какъ они себя потомъ называли, «независимыхъ», но дѣятельность послѣднихъ не отдавала еще застѣнкомъ: они принимали участіе на сходкахъ, лояльно подчинялись обычному праву признавая, освященный традиціей, принципъ большинства, и вообще боролись съ противной корректно, парламентскими средствами. Но парламентскій режимъ плохо вяжется съ убѣжденіями и взглядами, почерпнутыми изъ «Русскаго Собранія», на парламентской почвѣ трудно культивировать «истинно—русскій» стиль. Нельзя поэтому удивляться, что на этой почвѣ чахли «независимые», которыхъ тяготили, чуждыя имъ, культурныя формы. Отсюда ненависть къ студенческимъ учрежденіямъ, которая красной нитью прошла въ этомъ процессѣ. Лишь съ назначеніемъ Коновалова, такъ называемые «независимые», выродившіеся впослѣдствіи въ «свобододѣйствующихъ», почувствовали себя прочнѣе: они увидѣли въ немъ союзника. Надо было видѣть тотъ дикій восторгъ, съ какимъ, на знаменитой сходкѣ, «независимые» превращались въ «свобододѣйствующихъ»,—надо было присутствовать при этой настоящей оргіи, когда люди горѣ провозглашали принципъ «свободы дѣйствія», съ тріумфомъ заявляли всенародно о своемъ паденіи; надо было созерцать собственными глазами эту страшную картину, чтобы понять, что это «независимые» сбрасываютъ съ себя, стѣсняющіе ихъ такъ долго, узы несвойственныхъ имъ парламентскихъ формъ и предстаютъ передъ нами въ своей безобразной наготѣ «свобододѣйствующихъ». Всѣ послѣдующія событія, все, что прошло передъ Вашими глазами, господа судьи, это лишь естественный результатъ провозглашеннаго новаго принципа—освобожденія отъ всѣхъ принциповъ. Здѣсь ставилось намъ на видъ, что во время самой борьбы нашей со «свобододѣйствующими», мы, какъ будто, проходили мимо отдѣльныхъ инцидентовъ, не клеймили ихъ тогда-же позоромъ, не увѣковѣчивали ихъ въ своихъ студенческихъ бюллетеняхъ. Но вѣдь для насъ

тогда-же, было ясно, что всѣ эти отдѣльные инциденты были частичнымъ проявленіемъ общаго принципа «свободы дѣйствія». Парламентскія средства борьбы были отринуты нашими противниками; что-же оставалось имъ, какъ не то, чтобы въ согласіи съ исповѣдуемыми завѣтами взяться за оружіе, имѣющееся въ изобиліи въ арсеналахъ администраціи; а каковы эти оружія, намъ въ достаточной мѣрѣ извѣстно: это доносы, предательство, шпіонство, и т. п. Ни однимъ изъ этихъ орудій господа «свобододѣйствующіе» не побрезгали.

Будущему историку русской революціи много вниманія придется удѣлить студенческому движенію, а въ этомъ не послѣднее мѣсто займетъ Коноваловскій конфликтъ и настоящій процессъ. Исходя изъ этого положенія, мы обращаемся къ Вамъ, господа судьи нестолько прося оправданія себѣ или осужденія отдѣльныхъ представителей противной стороны—не это для насъ важно,—сколько въ надеждѣ, что Вы выскажете свое мнѣніе о той роли, которую въ освободительномъ движеніи сыграли партіи «независимыхъ», «истинно русскихъ», «свобододѣйствующихъ» и т. п. студентовъ. Мы ждемъ Вашего авторитетнаго слова, которое позоромъ заклеймило бы, разъ на всегда, элементъ, растлѣвающій всякое общественное дѣло, постыдный—принципъ свободы дѣйствія, который могъ взрости и дать столь пышные плоды, лишь подъ сѣнью кровожаднаго двуглаваго орла. Мнѣ сейчасъ пришелъ на память маленькій и характерный инцидентъ: когда по дѣлу объ уволенныхъ товарищахъ, министру была послана студенческая депутація, въ разговорѣ одинъ изъ депутатовъ, коснувшись Коноваловской исторіи, указалъ на то, что въ институтѣ, издавна, всѣ дѣла рѣшались большинствомъ, при чемъ меньшинство лояльно подчинялось рѣшенію, статсъ-секр. Ермоловъ улыбнулся тогда и сказалъ: «къ счастью у насъ въ Россіи нѣтъ еще такого порядка, чтобы меньшинство подчинялось большинству». Да, въ этой каторжной тюрьмѣ, которую принято называть Россійской Имперіей, нѣтъ еще такого порядка, въ ней нѣтъ еще свободы слова, совѣсти и мысли, есть лишь «свобода дѣйствія» для господъ «свобододѣйствующихъ», ихъ друзей изъ «Русскаго Собранія» и черныхъ сотенъ и ихъ болѣе или менѣе высокихъ покровителей.

Бывш. студ. ***ЗВѢРЕВЪ.*** Изъ знаменитаго письма студ. Грунвальда къ Коновалову видно, съ какимъ, будущіе «свобододѣйствующіе», нетерпѣніемъ ждали директора, подобнаго Коновалову, подъ «просвѣщеннымъ руководительствомъ» котораго имъ можно было бы найти тотъ необходимый, для всякаго занимающагося студента, покой, котораго такъ давно нѣтъ въ институтѣ. Наконецъ насталъ трогательный моментъ сліянія двухъ симпатій. Коноваловъ нашелъ «свобододѣйствующихъ», свое отраженіе.

(Въ характеристикѣ Коновалова остановленъ предсѣдателемъ суда).

Коллективная физіономія свобододѣйствующихъ трудно представляется—она слишкомъ разнообразна.

Тутъ есть представители: гг. Грунвальдъ, Соколовъ, Бѣлозоровъ, Духонь, Задде—это ядро, которое особенно обрадовалось появленію Коновалова, и Коноваловъ, вѣроятно, улыбнулся, встрѣтивъ подходящихъ людей.

Тѣ изъ свобододѣйствующихъ, которые запятнаны въ доносахъ—какъ Зѣнченко, Бутми де-Кацманъ, Земницкій—это «простоватые» люди толпы. Они шли за Соколовыми, Бѣлозоровыми. Когда я поступокъ Зѣнченко 31 марта назвалъ «шпіонствомъ», онъ только улыбнулся и прошелъ мимо, какъ бы говоря: «я не главный и такимъ замѣчаніемъ меня не обидишь—насъ много». Напрасно нѣкоторые изъ гг. ушедшихъ профессоровъ здѣсь на судѣ трактовали «свобододѣйствующихъ», какъ слабыхъ — нѣтъ, имъ свойственно мужество. Напрасно многіе тутъ заявили, что Коноваловъ оперся на нихъ. Два стремленія, первое—коноваловское административное упоеніе и второе—жажда «свобододѣйствующими» покоя подъ просвѣщеннымъ руководительствомъ Коновалова, были равно интенсивны.

Профессоръ К. И. БОГДАНОВИЧЪ *) въ своемъ послѣднемъ словѣ указываетъ на то, что онъ сравнительно недавно занимается педагогической дѣятельностью, а потому онъ смотритъ на все дѣло съ точки зрѣнія публики. На его взглядъ «свобододѣйствующіе» аналогичны фарисеямъ, которые тоже «исполняютъ законы точно, не такъ, какъ иные». Далѣе пр. Богдановичъ обращается съ напутственнымъ словомъ приблизительно слѣдующаго содержанія.

— Я, быть можетъ, вижусь со «свобододѣйствующими» въ послѣдній разъ и считаю долгомъ, какъ бывшій ихъ учитель, указать на шаткую почву, на которой они стоятъ. Мы находимся на двухъ разныхъ плоскостяхъ, и нельзя не признать, что обѣ онѣ наклонны.

Удержимся ли мы на вершинѣ нашей позиціи и куда ведетъ наклонность ея—это находится въ зависимости отъ режима и отъ многихъ другихъ причинъ. Но куда ведетъ Ваша наклонность—извѣстно. Отъ Вашей позиціи путь ведетъ непосредственно къ такъ называемой черной сотнѣ. Но Вы еще молоды, время еще не прошло и Вы еще можете уйти съ той позиціи, которая мирится съ некультурными пріемами и нравственнымъ паденіемъ.

Присяжн. повѣрен. А. И. КАМИНКА. Я знаю, что въ распоряженіи суда теперь не много времени и я буду къ нему бережно относиться. Къ тому же задачу защиты я считаю въ настоящее время значительно упрощенной. Гг. профессора выяснили ту обстановку, среди котогой протекала жизнь въ Горномъ институтѣ, проф. Лутугинъ, въ своей блестящей рѣчи, очертилъ передъ Вами общественное значеніе настоящаго процесса и къ этимъ рѣчамъ я не имѣю ничего прибавить. Гг. студенты напомнили Вамъ о наиболѣе важныхъ фактическихъ обстоятельствахъ печальной драмы, при эпилогѣ которой мы въ настоящее время присутствуемъ, которые представляютъ наибольшее значеніе для ея пониманія. При томъ въ теченіе приблизительно двадцати пяти засѣданій, посвященныхъ Вами изученію настоящаго дѣла, предъ Вами прошелъ такой длинный рядъ свидѣтелей, обстоятельства дѣла выяснились съ такой подробностью, что, думается мнѣ, Вашъ взглядъ на дѣло уже установился. Я предвидѣлъ это излишество защиты въ настоящемъ процессѣ, гдѣ судьями являются частью лица, тѣсно связанныя съ академической жизнью, и въ тотъ моментъ, когда студенты горнаго института обратились ко мнѣ съ просьбой о защитѣ. И я долго колебался прежде, нежели согласился исполнить ихъ просьбу. Колебался, не смотря на то, что съ перваго же момента вполнѣ сочувствовалъ тому дѣлу, интересы котораго вручались моей защитѣ. И если я, въ концѣ концовъ, все же согласился принять участіе въ этомъ процессѣ, то главнымъ образомъ потому, что мнѣ казалось, въ основѣ этого обращенія къ моему содѣйствію лежало стремленіе отдать подъ контроль третьяго безпристрастнаго лица веденіе самаго процесса. А въ данномъ дѣлѣ, дѣйствительно, столько основаній для того, чтобы вызвать страстное отношеніе студентовъ Горнаго Института, что всякое стремленіе внести побольше спокойствія, побольше объективности должно быть встрѣчено съ возможнымъ сочувствіемъ, найти возможную поддержку. Я позволю себѣ остановиться въ нѣсколькихъ словахъ именно на этой сторонѣ дѣла, постараюсь выяснить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, чѣмъ обусловливается эта напряженная страстность отношеній студентовъ Горнаго Института къ тому спо[...] который составляетъ предметъ Вашего разсмотрѣнія. Мнѣ думается [...] это представляетъ большой интересъ для пониманія настоящаго [...]

Эта страстность отношенія студентовъ къ настоящему дѣл[...] нюдь не обусловливается тѣми жертвами, которыхъ оно стоили сту[...] честву. Идейная борьба всегда сопряжена у насъ съ жертвами, и

---

*) *Примѣчаніе.* **Вслѣдствіе утраты судомъ подлинника рѣчи проф. К [...] Богдановича и отсутствія черновыхъ замѣтокъ, ее, къ сожалѣнію [...] напечатать въ той редакціи, какъ она появилась въ газета[...]**

этими жертвами обусловливается у насъ напряженность и страстность борьбы. И въ данномъ случаѣ такой характеръ борьбы обусловливается сознанiемъ того, что она унесла съ собой, столь дорогой для студентовъ, Горный институтъ, сознанiемъ того, что въ этой борьбѣ погибъ Горный институтъ, тотъ институтъ, который такъ любили, которымъ такъ дорожили его студенты. Въ настоящее время, быть можетъ, эта скорбь даже и не въ достачной мѣрѣ понятна. Но годъ тому назадъ, когда эта драма была въ полномъ разгарѣ, мало того, даже и въ то время, когда осенью студенты обратились къ содѣйствiю суда чести, положенiе было совершенно иное. Теперь процессъ политической борьбы охватилъ всю Россiю. Въ этотъ процессъ вовлечены всѣ высшiя учебныя заведенiя страны, научная жизнь въ нихъ прiостановилась, неизвѣстно насколько времени. Этотъ процессъ привелъ къ одному знаменателю всѣ высшiя школы, особенности каждой изъ нихъ потеряли серьезный интересъ въ этомъ всеобщемъ процессѣ нивелировкѣ высшихъ учебныхъ заведенiй. Совершенно иная картина была приблизительно годъ тому назадъ, когда, по счастливому образному выраженiю одного изъ студентовъ, Горный институтъ казался счастливымъ оазисомъ, оазисомъ, добавлю отъ себя, среди безконечной пустыни, гдѣ царствовалъ одинъ произволъ. Казалось тогда, что здѣсь и только здѣсь сохранилась автономiя высшаго учебнаго заведенiя, и въ этой автономной школѣ, рядомъ съ независимымъ совѣтомъ, процвѣтало автономное студенчество. Въ этой вѣрѣ, въ независимость Горнаго института, было много дѣтски-наивнаго, но надо, все же, признать, что для вѣры этой были и свои серьезныя основанiя. Благодаря стеченiю обстоятельствъ, частью случайныхъ, Совѣтъ института дѣйствительно съумѣлъ сохранить нѣкоторую независимость существованiя, и совѣтъ съумѣлъ обезпечить извѣстную долю фактической свободы своимъ питомцамъ. Эпизодъ съ проф. Лебедевымъ можетъ служить превосходной къ тому иллюстрацiей. Я только съ этой точки зрѣнiя остановлюсь въ нѣсколькихъ словахъ на этомъ эпизодѣ, который въ общемъ слѣдовало бы давно уже сдать въ архивъ. Когда студентамъ показалось,—для меня совершенно безразлично основательно или нѣтъ,—что ихъ студенческiя права нарушены проф. Лебедевымъ, исправлявшимъ обязанности директора, они заволновались и рѣшительно встали на защиту этихъ правъ. И благодаря солидарности своихъ дѣйствiй они эти права отстояли. Студентамъ была гарантирована неприкосновенность ихъ студенческихъ привилегiй. Здѣсь было много споровъ по вопросу о томъ, было ли это постановленiе Совѣта, и наши противники съ большой энергiей старались установить, что это было не постановленiе Совѣта, но его членовъ. Это юридическiя тонкости не должны насъ здѣсь интересовать. Конечно, Совѣтъ какъ таковой не имѣлъ права гарантировать студенчеству вольности, которыя противорѣчили уставу института. Но фактическое пользованiе этими вольностями, большинство профессоровъ могло гарантировать студентамъ, понятно до тѣхъ поръ, пока эти профессора остаются въ Совѣтѣ. И что гарантiя эта была серьезная, что здѣсь рѣчь шла не о простой фразѣ, которая говорится только для того, что бы успокоить въ данный моментъ, доказываетъ поведенiе профессоровъ тогда, когда гарантiя этихъ вольностей оказалась имъ болѣе не по силамъ: они ушли изъ института.

Такимъ образомъ совершенно очевидно, что изъ Лебедевскаго инцидента студенты должны были сдѣлать слѣдующiй выводъ: студенческiя права на автономное существованiе это не пустой звукъ въ стѣнахъ Горнаго института, а нѣчто вполнѣ реальное, но если студенчество желаетъ пользоваться этими правами, оно должно постоянно ихъ отстаивать отъ всякаго поползновенiя ихъ нарушить, такъ какъ соблазнъ для начальства уничтожить эти права достаточно великъ. И если гг. судьи вы примете во вниманiе эту студенческую психологiю, вы поймете ту энергiю борьбы, которую студенты должны были проявить, какъ только во главѣ Горн. института сталъ г. Коноваловъ съ

его несомнѣнными желаніями подавить всѣ студенческія привилегіи, сравнять положеніе студентовъ Горн. института съ положеніемъ отдѣльныхъ слушателей всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

На самомъ столкновеніи проф. Коновалова со студентами не нахожу нужнымъ долго останавливаться: это столкновеніе съ общественной точки зрѣнія не представляетъ болѣе интереса, такъ какъ въ глазахъ общества и это столкновеніе, и сама фигура Коновалова, какъ администратора, въ такой мѣрѣ выяснились, и отношеніе общества въ такой мѣрѣ опредѣлилось, что возвращаться къ этому вопросу нѣтъ болѣе интереса. Нѣтъ надобности дѣлать это и въ интересахъ выясненія дѣла предъ судомъ, такъ какъ въ сущности между сторонами нѣтъ спора относительно оцѣнки дѣятельности проф. Коновалова, какъ директора. И «свобододѣйствующіе» совершенно единогласно признаютъ неправильность этихъ дѣйствій. Мало того, они признавали необходимость протеста противъ Кановалова и предъ тѣмъ, какъ были исключены изъ студенческой корпораціи. Доказательствомъ можетъ служить рѣчь одного изъ видныхъ «свобододѣйствующихъ» г. Грунвальда. Тотъ самый г. Грунвальдъ, который впослѣдствіе написалъ столь подобострастное письмо Коновалову во время столкновенія съ нимъ студенчества произнесъ горячую рѣчь осужденія его дѣйствій, вызвавшую рукоплесканія всей сходки, которая была совершенно солидарна въ оцѣнкѣ неправильныхъ дѣйствій директора. И если гг. судьи вы сопоставите это единодушіе въ осужденіи директора съ тѣмъ обстоятельствамъ, что часть этого солидарнаго студенчества бросилась засимъ въ объятія этого же Коновалова, совершенно забывъ, что она разошлась съ остальными студентами только по вопросу о способахъ протеста, признавая необходимость таковаго, то вы поймете всю силу негодованія остальнаго студенчества, даже и совершенно независимо отъ того, въ какія специфическія формы отлилась засимъ дружба и солидарность части студентовъ, именно «свобододѣйствующихъ», съ Коноваловымъ и его инспекціей.

Правда большинство студентовъ Горн. института приняло самую рѣшительную мѣру борьбы съ начальствомъ, именно забастовку, но это не мѣняетъ дѣла. Мы должны помнить, что говоримъ о студенческой корпораціи, имѣвшей свои совершенно опредѣленныя традиціи и дѣятельность этой корпораціи, мы можемъ разсматривать только съ точки зрѣнія этихъ традицій. Гг. «свобододѣйствующіе» не отрицали и не отрицаютъ права студентовъ прибѣгать къ забастовкамъ, съ точки зрѣнія студенческой традицій это совершенно законное средство борьбы. Долженъ добавить, что, по существу, это является и единственнымъ средствомъ пассивной борьбы, которымъ располагаютъ студенты. Можно быть разнаго мнѣнія относительно желательности такого способа борьбы. Можно находить, что онъ чреватъ крайне опасными послѣдствіями для всей аккадемической жизни. Къ тому же въ настоящее время, когда всѣ высшіе учебныя заведенія Россіи остановились вслѣдствіе студенческихъ забастовокъ, слѣдуетъ говорить не о томъ, хороши ли они или нѣтъ, надо ли ихъ допускать, или слѣдуетъ осуждать тѣхъ, кто къ ней прибѣгаетъ, но надо останавливаться исключительно на вопросѣ о томъ, чѣмъ это зло вызвано. Забастовка, очевидно, есть только проявленіе глубоко сидящей болѣзни, надо поэтому бороться съ этой болѣзнью, а не съ ея проявленіемъ.

Сознавая въ полной мѣрѣ допустимость забастовки въ настоящихъ условіяхъ, какъ средства борьбы студентовъ за принадлежащія имъ права, гг. «свобододѣйствующіе» и здѣсь на судѣ ограничивались лишь доказательствами того, что въ данномъ случаѣ большинство студенчества не было за забастовку. Мнѣ кажется, вопросъ этотъ исчерпанъ; для меня ясно, что такое большинство высказалось за забастовку. Но во всякомъ случаѣ на этой почвѣ гг. «свобододѣйствующіе» не имѣютъ право бороться со студентами Горн. инст., именно потому, что «свододѣйствующіе» объявили себя «свобододѣйствующими», ка-

ково бы ни было постановленіе большинства, а потому языкъ цифръ для нихъ мертвъ. На неправильность подсчета могутъ ссылаться только тѣ, кто свои дѣйствія ставятъ въ зависимость отъ результатовъ этого подсчета.

Еще на одномъ соображеніи, которое приводилось «свобододѣйствующими» въ защиту своего неподчиненія мнѣнію большинства, необходимо остановиться. Г. Злотницкій указывалъ здѣсь на то, что признавая принципъ большинства, онъ полагаетъ однако, что бываютъ случаи, когда человѣкъ все же не можетъ подчиниться этому большинству. Мнѣ кажется однако, что тутъ красивой фразой прикрываются совсѣмъ некрасивыя дѣла. Я отлично понимаю, что бываютъ случаи, когда между постановленіемъ большинства и личными убѣжденіями индивида можетъ быть такая глубокая пропасть, что человѣкъ не въ состояніи подчиниться большинству. Въ такихъ случаяхъ происходитъ тяжелая драма для всякаго чуткаго въ дѣлахъ совѣсти человѣка. Но въ данномъ случаѣ для такой драмы не было мѣста, такъ какъ никакихъ принципіальныхъ разногласій между мнѣніемъ большинства и «свобододѣйствующими» не было, весь споръ былъ только о способахъ протеста. Мнѣ кажется, что по такому вопросу для всякаго, для котораго подчиненіе большинству не есть пустой звукъ, не можетъ быть спора по вопросу объ обязательности постановленія большинства. Это не могло не быть совершенно очевидно для студенчества Горн. инст. и отсюда понятна та страстность борьбы большинства студентовъ съ «свобододѣйствующими», не только поправшими освященный традиціями принципъ большинства, но и предавшими ихъ въ борьбѣ съ начальствомъ, которое они на словахъ порицали, а на дѣлѣ энергично поддержали.

Если г.г. судьи вы примите во вниманіе это настроеніе студенчества, столь естественное, столь понятное, то вамъ будетъ вполнѣ понятенъ и тотъ проскрипціонный списокъ, который былъ составленъ ими и разосланъ по заводамъ. Скажу прямо, если бы студенты со мной совѣщались относительно текста, который сопровождалъ этотъ списокъ, я не совѣтывалъ бы его составить такъ, какъ онъ былъ составленъ. Въ его настоящей редакціи онъ можетъ произвести такое впечатлѣніе, будто всѣ студенты, принадлежащіе къ группѣ «свобододѣйствующихъ», обвиняются въ составленіи списковъ желающихъ держать экзамены съ ручательствомъ за благонадежность этихъ списковъ, въ доносахъ начальству на своихъ товарищей. Конечно, это невѣрно. Группа «свобододѣйствующихъ» обвиняется въ томъ, что она какъ таковая занималась такими дѣлами, въ которыхъ, конечно, далеко не всѣ члены группы принимали однако участіе. И въ этихъ предѣлахъ я буду поддерживать обвиненіе и въ настоящее время, полагая, что оно въ достаточной мѣрѣ подкрѣплено доказательствами, прошедшими здѣсь предъ судомъ

Обвиненіе заключается раньше всего въ томъ, что «свобододѣйствующіе» составляли «ручательные» списки экзаменующихся. Они помогали такимъ образомъ проводить экзамены, и въ то время какъ инспекція плотно закрывала и охраняла полиціей и сторожами двери института, «свобододѣйствующіе» помогали сортировкѣ студентовъ на достойныхъ впуска въ институтъ и не достойныхъ того. Для доказательства этой дѣятельности «свобододѣйствующихъ» имѣется столько данныхъ, что выборъ становится затруднительнымъ. Вспомните раньше всего обстановку, въ которой производилось «свобододѣйствующими» составленіе экзаменаціонныхъ списковъ, она совершенно не напоминала ту, въ которой обыкновенно эти списки составлялись. Вспомните ту чрезвычайную суетливость, которую при этомъ они обнаружили. Сколько времени студенты теряли на эти списки и притомъ въ такое время, когда каждый часъ дорогъ. Свидѣтели, отрицавшіе составленіе списковъ съ гарантіей признавали однако, что по существу они могли бы поручиться, что списокъ составленъ изъ лицъ, за которыхъ можно было ручаться. Объ этомъ совершенно категорически свидѣтель-

ствуютъ въ своемъ письмѣ и г. Грунвальдъ, достаточно компетентный въ вопросахъ тактики «свобододѣйствующихъ». Наконецъ, здѣсь былъ оглашенъ экзаменаціонный списокъ, въ заголовкѣ котораго прямо написано, что всѣ ручаются за участниковъ этого списка. Здѣсь въ залѣ Суда было при томъ человѣкъ пять, которые были занесены въ этотъ списокъ и хотя мы въ теченіе двадцати слишкомъ засѣданій употребляли всевозможныя усилія для того, чтобы выяснить вопросъ о томъ, не было ли списковъ съ ручательствомъ составителей, эти лица упорно молчали, хотя, казалось, они пришли сюда только для того, чтобы выяснить истину. Я не могъ бы найти словъ, которыя въ достаточной мѣрѣ заклеймили бы такое поведеніе, если бы не вѣрилъ тому, что эти господа дѣйствительно точно не помнили о той надписи, которую сдѣлали на экзаменаціонныхъ спискахъ. А это было возможно въ одномъ только случаѣ, именно если допустить, что эта надпись была въ такой мѣрѣ естественна, въ такой мѣрѣ соотвѣтствовала дѣйствительному смыслу всѣхъ списковъ, которые въ то время составлялись, что и эта надпись была сдѣлана безъ серьезныхъ размышленій, она просто безсознательно вылилась изъ подъ пера составителей списка.

Далѣе защитникъ остановился на описаніи той сцены въ комнатѣ инспекціи сейчасъ послѣ обструкціи, о которой было столько разговоровъ во время процесса. Можно считать съ несомнѣнностью установленнымъ, продолжалъ затѣмъ защитникъ, что списокъ участниковъ обструкціи для примѣненія по отношенію къ нимъ мѣръ репрессіи былъ составленъ благодаря содѣйствію нѣсколькихъ «свобододѣйствующихъ» съ вѣдома значительнаго числа остальныхъ «свобододѣйствующихъ», ибо въ комнатѣ инспекціи было болѣе половины «свободѣйствующихъ» и эти доносы творились здѣсь совершенно открыто. Студенты подходили къ инспектору, просматривали списки участниковъ обструкціи, пополняли его. И при этомъ ни одного протестующаго голоса, ни одного крика негодованія... И такъ дѣйствовали тѣ, кто вчера еще считалъ необходимымъ протестовать противъ дѣйствій начальства... И ни одинъ человѣкъ не обратился къ этому начальству съ упрекомъ за случившееся, никто не сказалъ: вотъ послѣдствія вашихъ дѣйствій, противъ которыхъ и мы протестовали. Нѣтъ, эти господа предпочли сперва помочь инспекціи составить списки обструкціонистовъ, а засимъ броситься къ пріѣхавшему въ институтъ Коновалову съ просьбой о защитѣ...

Итакъ составленіе проскрипціонныхъ списковъ, доносы доказаны. Но наши противники говорятъ намъ, что если это и было, то это единичные факты, за которые группа не несетъ отвѣтственности, ибо она, какъ таковая, никакого участія въ этихъ дѣяніяхъ не принимала. Посмотримъ однако, такъ ли это.

Засимъ защитникъ обратился къ разсмотрѣнію свидѣтельскихъ показаній и бюллетеней «свобододѣйствующихъ», коими устанавливается съ несомнѣнностью, что они составляли совершено опредѣленную сплоченную группу, связанную единствомъ организаціи, единствомъ цѣли: способствовать благополучному окончанію экзаменовъ. Интересы науки тутъ были не при чемъ, такъ какъ это было время держанія экзаменовъ, когда о занятіяхъ въ институтѣ не могло быть и рѣчи.

Но должна ли быть признана отвѣтственной эта группа за описанныя дѣйствія своихъ участниковъ? Здѣсь указывали на то, что если бы участникъ группы совершилъ кражу, то въ ней нельзя было бы признать виновной и всю группу. Это вѣрно. Но я не настолько однако сквернаго мнѣнія о «свобододѣйствующихъ», чтобы не думать все же, что они изгнали бы немедленно изъ своей среды человѣка, относительно котораго имъ стало бы извѣстнымъ, что онъ воръ. Въ данномъ же случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ проступками членовъ группы, чуждыми этой послѣдней. Предъ нами дѣятельность членовъ группы, направленная къ достиженію тѣхъ же цѣлей, которыя преслѣдовала сама группа, пользовавшаяся при томъ результатами это-

дѣятельности, въ общемъ объ этой дѣятельности имѣвшая достаточно опредѣленныя свѣдѣнія. Какъ же можно не признавать эту группу причастной къ этой дѣятельности, несущей за нее нравственную отвѣтственность?

Я полагаю поэтому, что могу въ полной мѣрѣ поддерживать противъ «свобододѣйствующихъ» то обвиненіе, которое было выдвинуто противъ нихъ студенчествомъ Горнаго института съ той редакціонной поправкой, о которой я уже говорилъ, т. е. что виновной является группа, какъ таковая, а не всѣ ея отдѣльные члены.

На этой редакціонной неточности обвиненія я долженъ въ заключеніе остановиться въ двухъ словахъ, такъ какъ она дала поводъ для встрѣчнаго обвиненія, именно въ завѣдомой лжи при составленіе студентами института списка студентовъ, виновныхъ въ составленіи экзаменаціонныхъ списковъ, доносахъ начальству. Это встрѣчное обвиненіе въ такой мѣрѣ голословно, что по существу я могу на немъ вовсе не останавливаться. Одну только черту этого встрѣчнаго обвиненія я считаю необходимымъ отмѣтить. Встрѣчное обвиненіе основано на неточности редакціи бюллетеня студентовъ Горнаго института. Но выдвигая это обвиненіе, подумали-ли гг. «свобододѣйствующіе» о тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ этотъ бюллетень составлялся. Горный институтъ былъ только что разгромленъ. Автономія студенчества сокрушена, такъ какъ былъ подорванъ, благодаря дѣятельности «свобододѣйствующихъ», принципъ большинства, безъ котораго не можетъ существовать ни одна самоопредѣляющаяся организація. Были втоптаны въ грязь обломки студенческихъ правъ, за которыя своими слабыми руками такъ цѣпко держалось студенчество. Я знаю, не велики эти права, но вѣдь мы ими и вообще не избалованы... Среди мира безправія, студенчество окружавшаго, эти ихъ вольности пріобрѣтали для нихъ почти эмблематическое значеніе залога лучшаго будущаго, безъ вѣры въ которое не можетъ жить чуткій и мыслящій человѣкъ. Наконецъ, лучшая въ идейномъ отношеніи часть студенчества была разгромлена, одни исключены изъ Института, другіе высланы изъ Петербурга, третьи арестованы. И вотъ когда въ такой ужасно тяжелый моментъ изъ груди студенчества вырывается крикъ негодованія, гг. «свобододѣйствующіе» хотятъ равнодушными руками бросить этотъ больной крикъ измученной души на холодные вѣсы логическаго аппарата для того, чтобы точно опредѣлить, не былъ ли этотъ крикъ слишкомъ рѣзокъ, вполнѣ ли соотвѣтствовала та форма, въ которое отлилось негодованіе студенчества тѣмъ причинамъ, которыя это негодованіе вызвали. И сдѣлать это они хотятъ для того, чтобы въ случаѣ несоотвѣтствія, а какъ же этимъ господамъ можетъ не показаться доказанной такое несоотвѣтствіе, бросить своимъ академическимъ противникамъ упрекъ въ недобросовѣстности... Гг. судьи, объясните имъ, что это недобросовѣстно.

Рѣчи г. повѣреннаго стороны свобододѣйствующихъ и г.г. «свобододѣйствующихъ».

Присяжн. пов. ***ЛЕОНТЬЕВЪ.*** Скоро, г. г. судьи, исполнится 30 лѣтъ, какъ я выступаю въ качествѣ защитника. Мнѣ случалось защищать и цареубійцъ и мелкихъ воровъ. Выступалъ я и въ качествѣ мирового судьи, и въ военномъ судѣ. Пришлось даже одинъ разъ выступать въ консисторіи: это, кажется, единственный случай за всѣ тридцать лѣтъ существованія судебныхъ уставовъ. Но никогда мнѣ не приходилось встрѣчаться съ такимъ страннымъ, скажу сверхъестественнымъ, процессомъ, какъ въ данномъ случаѣ. Здѣсь все странно, недоказательно и неясно. Можетъ быть этой недоказанностью и объясняется та странность, съ которой говорила противная сторона, такъ какъ не имѣя фактовъ, она старалась убѣдить насъ горячими рѣчами. Первая странность въ томъ, кто здѣсь обвиняетъ, кого обвиняетъ и въ чемъ? Мы ищемъ обвиненія, ощупью наталкиваемся на что нибудь и должны приводить доказательства, что такого факта *не было* и намъ никакого доказательства существованія факта не

приводятъ. Мы до сихъ поръ не знаемъ, кто выступаетъ нашими обвинителями. Намъ сказали, что «свобод.-д.-щихъ» обвиняетъ весь Горный институтъ. Это звучало гордо, но это ничѣмъ не было подтверждено. Мы потребовали полномочій, но полномочій намъ не показали, сказали, что были сходки, однако никто отъ этихъ сходокъ не пришелъ сюда и не сказалъ, что уполномочиваетъ такихъ то лицъ быть представителями Горнаго института. Тогда обвиненіе сдѣлалось чиномъ ниже. Потомъ сказали, что обвинителями выступаютъ тѣ лица, которые подписались подъ статьею въ газетѣ «Русь». Впослѣдствіи изъ писемъ, полученныхъ отъ нѣкоторыхъ подписавшихся, выяснилось, что они никого, ни въ чемъ не обвиняютъ, а желаютъ только возстановить истину. До сихъ поръ въ этой статьѣ для насъ остались загадочными фамиліи несуществующихъ студентовъ Кашеварова, Жуковскаго и еще кого-то. Затѣмъ говорили, что обвинителемъ является «Орг. ком.» Но что такое «Орг. ком.»? это остается неразрѣшеннымъ. Какъ образуется онъ? Когда и для какого случая? Оказывается, что въ Горномъ институтѣ была масса учрежденій, всѣ они назывались коммиссіями: столовая, фонда, бальная и пр. Но «Орг. ком.», какъ постояннаго учрежденія не было, онъ являлся, подобно диктатору, въ военное время. Ему поручалось исполненіе различныхъ обязанностей тѣмъ лицомъ, которое играло извѣстную роль на сходкѣ: предсѣдателемъ сходки, онъ выбиралъ тѣхъ людей, которые должны были приводить въ исполненіе постановленія сходки. Предсѣдатель сходки, единственный человѣкъ, фамилію котораго мы знаемъ, образовалъ «Орг. ком.», произведшій погромъ, а самъ предсѣдатель пошелъ въ Кавалерійское училище *), гдѣ нѣтъ ни забастовокъ, ни обструкцій, и изученія наукъ объ истребленіи враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Наконецъ, судьи въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Третейскаго Суда намъ сказали, что здѣсь производится разбирательство между отдѣльными лицами, что тѣ, которые сидятъ здѣсь налѣво обвиняютъ, сидящихъ направо. Это было бы самое желательное къ чему мы стремились. Эти господа, говорившіе отъ имени студентовъ, никого не хотѣли назвать. Я не знаю въ чемъ они обвиняютъ студентовъ этой группы. Я не знаю въ чемъ обвиняютъ, напр. Кутырина. Для того, чтобы удобнѣе было обвинять, они говорятъ, что обвиняютъ всю партію. Они придумали безграмотную кличку «свобододѣйствующіе» (можно свободно дѣйствовать). Они навязываютъ намъ «партію», записываютъ въ нее кого хотятъ, причемъ сами объясняютъ, что «свобод.-д.-щіе» тѣ, кто держалъ экзамены и приписываютъ этой группѣ различныя качества желательныя для нихъ, между тѣмъ мы знаемъ, что экзамены держали далеко не одни только «свобод.-д.-щіе.» Они устами своего повѣреннаго, къ вящему моему удивленію, говорятъ, что партія отвѣтственна за дѣйствія отдѣльныхъ своихъ членовъ: это очень скользкій путь. Они проповѣдуютъ здѣсь то, что я не ожидалъ услышать отъ самыхъ либеральныхъ профессій — о групповой отвѣтственности. Я помню, когда профессоръ Сергіевскій вздумалъ защищать диссертацію на тему о групповой отвѣтственности—какъ взволновалось общество, весь либеральный лагерь. Какая буря поднялась среди юристовъ. Если же обратиться къ жизни, то увидимъ въ какіе моменты осуществлялась групповая отвѣтственность: ее проповѣдывали въ немногіе времена. Да, вѣдь, групповая отвѣтственность существовала въ Горномъ институтѣ, когда онъ былъ военнымъ корпусомъ, когда десятаго пороли. Групповая отвѣтственность осуществляется на базарѣ въ Житомірѣ, когда какая нибудь еврейка обсчитаетъ хохла и раздается крикъ: «бей всѣхъ жидовъ». Такую отвѣтственность мы видѣли въ Кишиневѣ, Гомелѣ: не этого ли Вы хотите. Групповую отвѣтственность проповѣдывали въ Москвѣ, когда послѣ выстрѣла Соловьева въ Александра II-го разнесся слухъ, что это стрѣлялъ студентъ и охотнорядцы кину-

*) *Примѣчаніе.* Отбываетъ воинскую повинность вольноопределяющимъ.

лись бить студентовъ. Тогда сказалъ одинъ извѣстный русскій публицистъ, что «въ этомъ высказался здравый смыслъ русскаго народа». Хотите Вы знать имя этого публициста? Это былъ—Катковъ. Чего же ради эти господа проповѣдуютъ групповую отвѣтственность?—именно того ради, что имъ легче обвинить цѣлую группу. Можетъ быть г. предсѣдатель предстоящаго Третейскаго Суда помнитъ тѣ политическіе процессы, въ которыхъ онъ участвовалъ, можетъ быть онъ помнитъ, что со стороны прокурора всегда предъявлялись обвиненія цѣлой партіи; можетъ быть онъ помнитъ, какъ каждый изъ политическихъ преступниковъ говорилъ: «я имѣю честь принадлежать къ соціаль-революціонной партіи, но судите меня за мои дѣйствія, а не за дѣйствія всей партіи. «Нельзя судить меня за то, что сдѣлала моя сосѣдка, которую вы сами посадили рядомъ со мной. Партія не есть тайное общество, партія не можетъ отвѣчать за дѣйствія отдѣльныхъ лицъ. Если не вѣрите жизни, то послушайте, что говоритъ наука. Возьмите болѣе извѣстныхъ юристовъ: Ромеръ, Бнотше, что эти юристы пишутъ о партійной отвѣтственности. Вообще говорятъ: русскій по темпераменту—радикалъ, а по дѣйствіямъ—консерваторъ. Нѣмецъ наоборотъ. Ни въ Германіи, ни въ Россіи, никто, кромѣ полиціи не навязывалъ партіи отвѣтственности за дѣйствія отдѣльныхъ членовъ. Я бы сказалъ, что возможно требовать такой групповой поруки другъ за друга, только при одномъ условіи, если сама партія изъявитъ на это желаніе, если сама партія говоритъ, что всѣ отвѣчаютъ, тогда можно судить всю партію за дѣйствія одного члена. Бываютъ отдѣльныя общества, которыя не желаютъ отвѣчать другъ за друга, но имъ это навязываютъ. У насъ существуетъ круговая порука крестьянъ, но такую поруку мы называемъ насиліемъ и противъ этого боремся. Надѣюсь, что сказаннаго достаточно, что о групповой отвѣтственности не можетъ быть и рѣчи. Поэтому мы умоляли, чтобы обвиненія предъявлялись къ каждому члену отдѣльно, но этого не послѣдовало. Тогда наши противники должны хотя бы сказать, въ чемъ обвиняютъ партію, за какія дѣйствія. Въ этомъ отношеніи обвиненіе тоже уменьшалось, таяло, таяло, наконецъ стали отдѣлываться пустыми фразами. Первоначально обвиненіе поставлено было очень строго. Въ спискѣ разсылаемыхъ по рудникамъ и заводамъ прямо сказано, что они «шпіоны». Когда ко мнѣ обратились студенты и сказали въ чемъ ихъ обвиняютъ, то не читая дѣла, ни посмотрѣвши ни одного бюллетеня, сейчасъ же согласился взять на себя защиту. Я не могу допустить даже мысли, что среди студентовъ были шпіоны. Это долженъ быть особенный человѣкъ, чтобы совмѣстить въ себѣ это.

Я помню, когда судили Петрашевскаго. Слѣдствіе было поручено начальнику ссыскного отдѣленія—Леонгарди, то означенный генералъ жаловался Императору Николаю, какъ трудно услѣдить за заговорщиками. «Да, говоритъ, для того, чтобы ихъ выслѣдить, надо имѣть образованныхъ людей, но бѣда въ томъ, что какъ только намѣтишь умнаго человѣка, думаешь поручить ему дѣло, а онъ оказывается самъ заговорщикъ».

И вдругъ мнѣ говорятъ, что въ Горномъ институтѣ, въ такомъ училищѣ, куда поступать такъ трудно, въ томъ училищѣ, которое дало намъ дѣло Михайловскаго, гдѣ всего 600 человѣкъ студентовъ, гдѣ люди знаютъ другъ друга, 5—6 лѣтъ работаютъ рядомъ въ чертежныхъ и лабораторіяхъ,—вдругъ завелись «шпіоны». Я студентъ Петербургскаго университета и все таки скорѣй повѣрилъ бы, что тамъ среди студентовъ имѣются сыщики, особенно среди юристовъ, потому что въ университетъ не ходятъ, другъ друга не знаютъ, въ университетѣ около 4000 студентовъ, и что немудрено, если въ формѣ студента, въ университетъ проберется какой нибудь сыщикъ. Но въ Горномъ институтѣ, гдѣ они постоянно видятъ другъ друга, вмѣстѣ держатъ экзамены и что бы тамъ завелся шпіонъ, я, какъ Ѳома невѣрный, только тогда повѣрю, когда вложу персты свои въ раны.

Я персты свои готовилъ, но мнѣ некуда было вложить, такъ

какъ ранъ мнѣ не показали. Тогда сбавили тонъ и сказали, что мы не говоримъ, что это шпіоны, но всѣ ихъ дѣйствія имѣли «шпіонскій характеръ». Это возбудило во мнѣ крайнее любопытство, но по свойственной мнѣ подозрительности, я прежде всего обратился къ протоколамъ и мнѣ не привелось увидѣть въ свидѣтельскихъ показаніяхъ случая, чтобы студентъ «свобод.-д.-щій» подсматривалъ въ окна, чтобы велъ дневникъ о поведеніи своихъ товарищей, такого случая констатировано не было, слѣдовательно о шпіонскомъ характерѣ и говорить не приходится.

Потомъ начали говорить о другихъ неблаговидныхъ дѣйствіяхъ, о дѣйствіяхъ чисто товарищескихъ, и на сцену поставили «неподчиненіе большинству». Хотя въ настоящее время въ наукѣ лучшіе люди ищутъ новыя формы, стараются сбросить этотъ гнетъ большинства, но пока необходимость заставляетъ мириться съ подчиненіемъ большинству. Но, господа судьи, надо, чтобы большинство было ясно установлено, мы здѣсь этого не видѣли! Пускай хотя на одинъ голосъ будетъ больше, но этого нѣтъ. Вспомните, что происходило на сходкѣ! Какъ считать голоса? У Васъ есть всѣ данныя: когда на сходкѣ увидѣли, что не удастся получить большинство, сказали: «возьмемъ, да удалимъ нейтральныхъ». Сперва была жгучая мысль раздѣлить пополамъ, но очевидно предполагая что можетъ оказаться нечетное число, рѣшили всѣхъ нейтральныхъ исключить. Бастовка все-таки не прошла. Тогда догадались еще: исключить всѣхъ «свобод.-д-щихъ». Такимъ образомъ можно еще исключить 60—70. Я удивляюсь почему при такихъ пріемахъ не исключили всѣхъ несогласныхъ: дѣйствуя такъ дальше, я всегда могу сказать, что остаюсь въ большинствѣ и рѣшать всѣ вопросы единогласно, однимъ голосомъ.

Что касается составленія списковъ экзаменующихся, то объ этомъ много говорилось. Я здѣсь не считаю нужнымъ прибавлять что нибудь и скажу только, что экзаменаціонные списки составлялись всегда и раньше, и составлялись они ради удобства профессоровъ и студентовъ. Что эти списки составлялись съ какими-либо другими цѣлями, не было доказано Мы знаемъ, что въ эти списки попадали люди, которые не хотѣли экзаменоваться, это доказываетъ, что никакого ручательства не было. Если я ручаюсь за студентовъ, то какъ же могли попадать люди, которые приходили не экзамены держать, а совсѣмъ съ другими цѣлями.

Затѣмъ право боюсь, какъ бы не сбиться съ толку и не сказать какого-нибудь рѣзкаго слова.

Противная сторона придирается къ фактамъ: «Зачѣмъ, говоритъ, говорили въ инспекторской». Вѣдь согласитесь господа, случай необыкновенный этотъ погромъ, который они почему-то называютъ «обструкціей». Было о чемъ говорить: кричитъ побитый сторожъ, рветъ Воронина. Люди съ нахлобученными на глаза шапками, съ поднятыми воротниками, съ завязанными платками глазами — ломаютъ двери, бьютъ стекла, кричатъ. У нихъ была сила, они увѣряютъ, что институтъ охранялся нарядомъ полиціи. Но что же этотъ нарядъ дѣлалъ, когда ломали дверь. Ворвались. Идутъ дальше. Если бы пошла сила на силу, то и среди «свобод.-д.-щихъ» нашлись бы сильные люди. Но у обструкціонистовъ было другое оружіе — зловоніе.

«Симъ побѣдиши»: — все было загажено. Единственная чистая комната и была инспекція, туда всѣ и сошлись. Тутъ не упрекаютъ: «зачѣмъ вы громко разговариваете»? Да, помилуйте, если бы кто-либо упалъ въ обморокъ, неужели бы мы сидѣли спокойно. Если бы сейчасъ сказали, что въ обморокъ упалъ, кажется, Кутыринъ или тамъ Злотницкій. «Такъ кто же упалъ»? Не встрѣчали бы, не спросили бы развѣ. А чѣмъ они виноваты, что въ Горномъ институтѣ такой способный инспекторъ, который гдѣ нужно подслушаетъ, гдѣ нужно въ бинокликъ посмотритъ, гдѣ нужно плечикомъ нажметъ, и который съ чисто «третье отдѣленскимъ пріемомъ» говоритъ съ публикой. Вѣро-

ятно не мнѣ одному извѣстенъ весь этотъ излюбленный жандармскій пріемъ: «Вы знаете, вашъ товарищъ сознался, назвалъ фамиліи». «Кого назвалъ. Не Петрова ли?» А жандарму только того и надо. Это продѣлываетъ и Бальди. А потомъ называетъ ту фамилію, которую студенты, въ разговорѣ другъ съ другомъ называли по иному поводу. Намъ мало этого, что кто-то, когда-то записывалъ. Мы долго ждали когда Вы намъ скажете: кто, когда, при какихъ обстоятельствахъ. Намъ долго обѣщали, говорили, что придетъ Мушкетовъ и что-то скажетъ. Этимъ Мушкетовымъ меня пугали шесть недѣль. О немъ говорили многіе свидѣтели, говорилъ Родыгинъ: «Вотъ придетъ Мушкетовъ, онъ что-то знаетъ». Пришелъ Мушкетовъ и... мы отъ него узнали, что онъ обругалъ подлецами и еще что, когда Макаровъ заглянулъ въ списокъ и сказалъ, что такой-то напрасно записанъ, то Мушкетовъ нашелъ, что говоря о такомъ-то, записанномъ неправильно, тѣмъ самымъ подтверждалось остальное въ спискѣ. Я не повѣрилъ, что у него могло быть такое объясненіе и переспросилъ. Онъ самъ сказалъ: «Да». Съ такой логикой трудно согласиться. Тогда я его спросилъ: что же нужно дѣлать, если видишь, что товарищъ записанъ неправильно. Онъ отвѣчалъ, что не слѣдовало вмѣшиваться. Этотъ отвѣтъ меня умилилъ, онъ мнѣ напомнилъ мою молодость. Когда я былъ студентомъ, я вступился за кондуктора омнибуса, его обижалъ городовой, меня пригласили въ участокъ, приставъ Кобышкинъ выслушавъ, сказалъ: «Во всякомъ случаѣ вамъ не слѣдовало вмѣшиваться». Вотъ тѣ пріемы, которыми пользовалась противная сторона, говоря, что вся группа виновата, что они дѣлали массу мерзостей, пакостей и т. п. Въ эпитетахъ здѣсь не стѣснялись. Когда спрашивали о фактахъ, то говорили, что факты будутъ. На дѣлѣ же фактовъ не оказалось, а были лишь личныя впечатлѣнія, предположенія, не имѣющія серьезныхъ основаній. Когда спрашивали какъ составлялся списокъ, разосланный по заводамъ, то говорили, что были объективныя данныя, а судили по субъективнымъ даннымъ.

Субъективную оцѣнку мы видимъ на каждомъ шагу, а когда просимъ объективныхъ данныхъ, то намъ ихъ не даютъ. И въ концѣ концовъ сказали одно: «Вы держали экзамены и держали при такой атмосферѣ, при которой держать нельзя было». И вотъ цѣлыхъ 12 засѣданій мы употребили на выясненіе этой атмосферы. Что атмосфера была плохая, это, конечно, не отрицается. Атмосфера, мнѣ кажется, здѣсь общая для всей нашей россійской жизни. Я не буду утверждать, что нашъ процессъ политическій — политическаго въ немъ ничего нѣтъ. Я не могу считать ни Коновалова, ни Кутырина вершителями судебъ Россіи, но у насъ у всѣхъ есть особенное политическое напряженное состояніе, оно продолжается давно, оно родилось не тогда, когда была весна и прилетѣла первая ласточка, нѣтъ, еще раньше, мы давно были полны протеста. Если нельзя протестовать противъ чего-то высокаго, мы будемъ протестовать противъ чего-то пониже. И вотъ въ чемъ разрѣшился этотъ протестъ. Когда обращаемся къ конституціи горнаго института, когда увидѣли сколько тамъ разныхъ комиссій, то дѣлается страшно. Парламента нѣтъ, но парламентскія привычки господствуютъ, членовъ надо выбирать. Но какъ выбирать. Кажется Долбня стоялъ за тайную подачу голосовъ...

Долбня. Это не я.

Леонтьевъ. Виноватъ. Сугубо виноватъ, такъ какъ я спуталъ Васъ съ Коноваловымъ. Я долженъ извиниться, что имя И. П. Долбни можетъ быть еще ошибочно будетъ произнесено мною. Мнѣ Ив. Петров. напоминаетъ Пушкина. Когда читаешь какое-либо стихотвореніе и забудешь имя автора, то называй смѣло Пушкина, не ошибешься. Тутъ вездѣ Долбня. Такъ было и въ этомъ дѣлѣ, когда поднялся вопросъ можно ли вывѣшивать недозволенныя объявленія въ стѣнахъ института, Иванъ Петровичъ, далеко не такъ, какъ это явствуетъ изъ его же словъ, придумалъ съ чисто поповскимъ рвеніемъ распредѣленіе ча-

совъ на постные и скоромные: отъ 9 до 4-хъ могутъ висѣть скоромныя объявленія, а послѣ 4-хъ — великій постъ.

Долбня. Это тоже не я.

Леонтьевъ. Масса такихъ свободныхъ либеральныхъ обычаевъ студентовъ пугали: и вотъ придетъ Коноваловъ — все измѣнится. Коноваловъ пришелъ и дальше произошло то, что Вы знаете.

Въ заключеніе я позволю себѣ выразить твердую увѣренность, что Вы, гг. судьи, внесете струю свѣжаго воздуха въ эту душную атмосферу, и тогда объ оправданіи или обвиненіи моихъ довѣрителей не можетъ быть и рѣчи.

Студ. ***НЕЧАЕВЪ.*** Гг. Судьи! Какъ и предыдущіе ораторы съ нашей стороны, я являюсь сейчасъ выразителемъ только своихъ собственныхъ взглядовъ и своихъ убѣжденій, ни для кого, кромѣ меня, не обязательныхъ.

Въ настоящихъ словахъ я не думаю останавливать Ваше вниманіе на отдѣльныхъ поступкахъ отдѣльныхъ лицъ изъ той или другой группы студентовъ Горнаго института. Скажу только, что во всей моей дѣятельности какъ студента, такъ и «своб.-д.-щаго», основаній назвать меня шпіономъ и доносчикомъ найдется менѣе, чѣмъ, пожалуй, у любого изъ «своб.-м.-щихъ», такъ какъ никогда въ жизни не только не доносилъ ни косвенно, ни прямо и не шпіонилъ ни тайно, ни явно, но и не собиралъ свѣдѣній вообще, и не устанавливалъ какой бы то ни было благонадежности товарищей, ни для «революціоннаго трибунала», ни для «тайныхъ студенческихъ организацій».

Здѣсь я постараюсь только освѣтить тѣ условія студенческой жизни, которыя привели и логически должны были привести къ появленію истинныхъ, а не «такъ называемыхъ» свобододѣйствующихъ.

Вамъ извѣстно, что почти всякій студентъ, передъ поступленіемъ своимъ въ высшее учебное заведеніе, проходитъ среднюю школу съ ея мертвящей, чисто-полицейской дисциплиной. Послѣ той жизни, которая характеризуется отсутствіемъ всякой свободы, жизнь институтская, довольно вѣрно охарактеризованная г. Ганѣевымъ, естественно кажется ему на первыхъ порахъ земнымъ раемъ. Какъ попавшій изъ худшаго положенія въ лучшее, онъ сразу не замѣчаетъ, не только всѣхъ, но и какихъ бы то ни было, недостатковъ послѣдняго. Наоборотъ, всѣ дѣйствительныя прелести такъ назыв. студенческаго представительнаго самоуправленія воспринимаются имъ со всей доступной ему полнотой впечатлѣнія. И до тѣхъ поръ, пока онъ по своимъ убѣжденіямъ или просто случайно находится въ большинствѣ, онъ не только остается свободнымъ самъ по себѣ, но и властвуетъ еще надъ другими. Но какъ только то, что исповѣдуется большинствомъ, становится въ противорѣчіе съ его собственными совѣстью и убѣжденіями и онъ, не желая поступаться ими, вступаетъ на самостоятельный путь — тогда онъ познаетъ и другую сторону корпоративной жизни: онъ видитъ какова на самомъ дѣлѣ свобода студента, оказавшагося въ меньшинствѣ, но не утратившаго при этомъ стремленій и правъ человѣка.

Если, пресытившись безплодной шумихой дозволенныхъ и недозволенныхъ словъ, онъ заявитъ о своемъ нежеланіи баллотировать политическіе вопросы, то можетъ быть увѣренъ, что ярые поборники «свободы мнѣній» занесутъ его въ списки доносчиковъ и шпіоновъ въ видѣ 1-го изъ 60 особенно отличившихся мерзавцевъ. Онъ уясняетъ себѣ, наконецъ, истинную цѣну тѣхъ дѣйствій и словъ, къ которымъ прибѣгаютъ люди «цѣлью оправдывающіе средства», познаетъ насколько борющіеся противъ власти, властолюбивы сами, видитъ, какъ не довольствуясь возможностью на случайныхъ сходкахъ обнаружить свое вліяніе на массы, потѣшиться собственнымъ краснорѣчіемъ, наиболѣе активные изъ нихъ ревностно ищутъ новыхъ случаевъ для проявленія боевыхъ качествъ своей натуры. Они разыскиваютъ студентовъ съ синими очками, съ подозрительными манерами и объявляютъ

моуправленія и приходитъ къ логическому его отрицанію, я бы сказалъ — анархизму.

Какъ анархистъ, онъ отказывается отъ признанія числа ближайшей власти — власти товарищей и объявляетъ полную свободу дѣйствій, какъ для себя, такъ и для всѣхъ другихъ, предоставляя этимъ другимъ заводить у себя и только для себя автократію, олигархію, республику и другіе виды правленія.

«Мудрому законъ не нуженъ — его разумъ законъ»! говорили древніе греки. Какъ реальное воплощеніе этого самостоятельнаго разума и личной совѣсти въ каждомъ любомъ своемъ поступкѣ и мнѣніи я понималъ и понимаю «свободу дѣйствій» и съ этой точки зрѣнія я совершенно равнодушенъ, какъ къ цифровымъ манипуляціямъ гг. свободомыслящихъ, такъ и къ ариѳметическимъ управленіямъ гг. свобододѣйствующихъ, ибо для меня по меньшей мѣрѣ странно вопросъ гражданскаго мужества превращать въ какую-то задачу ариѳметики.

Разумѣется, мы признаемъ всю справедливость положенія: «въ единеніи сила», но отъ этого добровольнаго признанія слишкомъ далеко до насильственнаго навязыванія этого объединенія. Сила его не въ цифрѣ объединившихся, а въ томъ цементѣ убѣжденій, стремленій и требованій, которыми они внутренно, органически связаны.

«Химики», думавшіе разрозненные элементы связать вонью меркаптана и клеветой на товарищей жестоко ошиблись. Протестъ распался скорѣй, чѣмъ успѣли испариться вонючіе газы, — онъ распался тотчасъ, какъ только наткнулся на первое препятствіе, ибо форма его не была создана жизнью, она была навязана искусственно. Темпъ борьбы совершенно не соотвѣтствовалъ имѣвшимся въ наличности силамъ и стремленіямъ. И нечего винить свобододѣйствующихъ за то, что они бросили якобы камень на пути свободомыслящихъ: гг. свободомыслящіе споткнулись просто потому, что были отъ природы хромы.

Побѣждаетъ тотъ, кто не боится умереть — этого не знаютъ свободомыслящіе и всѣ ихъ шаги, всѣ ихъ протесты носятъ отпечатокъ такой дѣтской трусости, такой чисто-русской конспиративности, что вовсе не приходится удивляться буфонадными результатами ихъ предпріятія.

Послать министру анонимную записку и ожидать отъ этого шага какихъ-либо реальныхъ послѣдствій, да еще бы въ желательномъ направленіи—по меньшей мѣрѣ странно. Подписывать завѣдомо ложныя рѣшенія—не у каждаго хватитъ мужества для сдѣлки съ собственной совѣстью, не желая считать себя ихъ участниками истинные «свобододѣйствующіе» выражаютъ протестъ противъ систематическихъ подлоговъ отъ имени ихъ—во имя чего бы эти подлоги ни совершались. Вотъ ихъ принципы.

Но пока дѣло ограничивается принципами, справедливо замѣчаетъ проф. Богдановичъ, не можетъ возникать и столкновеній между людьми, желающими оставаться корректными». Я уже показалъ—насколько это положеніе раздѣляется г.г. свободомыслящими, способными карать не за принципы даже, а за одно голое сомнѣніе, «не то съ поступками». Я не буду, какъ сказалъ уже, останавливаться на отдѣльныхъ поступкахъ, такъ какъ оцѣнка ихъ принадлежитъ суду, но замѣчу кстати, что ихъ я узналъ только здѣсь на судѣ, раньше же до меня доходили неясные слухи, каковымъ я вообще не имѣю привычки вѣрить.

Есть одно общее обвиненіе, направленное противъ свобододѣйствующихъ, которое, хотя и туманно по формѣ, но является, по моему, самымъ тяжелымъ. Это то—что «служили они темнымъ силамъ».

Смѣло и откровенно скажу я: «да они служили и поддерживали эти силы, но лишь постольку, поскольку поддерживаютъ ихъ въ Россіи всѣ, кто не накопилъ еще въ себѣ достаточно мощи для государственнаго переворота. Вѣдь вся жизнь Россіи, это—царство темныхъ силъ, и поддерживается оно не ничтожной пассивностью сотни студентовъ,

крестовый походъ на шпіоновъ. И здѣсь то подозрѣвающій студентъ съ омерзѣніемъ видитъ, какъ за тридцать сребренниковъ дешеваго краснорѣчія и сомнительнаго либерализма предаются нравственному заушенію и поруганію честь и доброе имя товарища. Здѣсь только оцѣниваетъ онъ по достоинству ту хваленую корпорацію, о высокихъ качествахъ которой онъ слышалъ немолчныя пѣсни студенческихъ скальдовъ. Гораздо раньше Амфитеатрова онъ убѣждается въ томъ, насколько «хороша можетъ быть корпоративность тамъ, гдѣ этотъ товарищъ видитъ въ томъ преступника, а тотъ въ этомъ — шпіона», гдѣ, прибавлю я, цензоры нравовъ въ рвеніи своемъ и толстовца путаютъ со шпіономъ и маньяка — прожектора не отличаютъ отъ сыщика.

«И хорошія житейскія отношенія должны развиться изъ такой корпоративности», въ жертву сомнительнымъ качествамъ которой нагло и безнаказанно приносятся элементарнѣйшія права личности!

Единственное, что остается его правомъ на этомъ торжищѣ, это — считать и себя участникомъ того приговора человѣку съ синими очками, который предусмотрительно начинается словами: «мы, студенты Горнаго института».... хотя бы этихъ студентовъ было менѣе сотни.

Та же формула, съ явнымъ пренебреженіемъ къ отдѣльному студенту, какъ къ личности, неизмѣнно выносится каждой сходкой, какъ бы ничтожна по своему значенію, какъ бы мала и глупа она не была.

Къ сомнительнымъ правамъ члена корпораціи прибавляется еще постоянный страхъ всеобщей мобилизаціи на случай забастовки какъ бы отрицательно къ послѣдней студентъ не относился. Я обхожу молчаніемъ О. К. — это «достойное» учрежденіе горнаго института, такъ какъ нахожу, что вся безсмысленность и беззаконность его существованія достаточно выяснены самимъ процессомъ.

Что же удивительнаго въ томъ, что при описанныхъ условіяхъ, человѣкъ — личность, автономныя права и требованія котораго такъ нагло попирались большинствомъ, зачастую невѣжественнымъ, начинаетъ оживать и, не вынося болѣе оковъ, начинаетъ протестовать. Начинаетъ протестовать потому, что глубоко сознаетъ свое незыблемое право поступать въ каждомъ случаѣ жизни такъ, какъ велитъ ему собственный долгъ и совѣсть.

«Почему же «свобододѣйствующіе», недовольные существовавшимъ студенческимъ строемъ», спрашиваетъ проф. Бауманъ: «не стремились создать свой новый, почему свободной агитаціей они не стремились образовать свое большинство»? Какое непониманіе психологіи толпы и незнаніе студенческой жизни!

И здраваго смысла для пониманія этихъ путей и иниціативы для борьбы хватило бы у «свобододѣйствующихъ», но можно ли такими пріемами бороться съ тѣми, для кого «цѣль оправдываетъ средства», съ тѣми, у кого не хватаетъ главнаго — не хватаетъ логики. То, за что наши противники клеймятъ другихъ, у себя они допускаютъ свободно: каждый изъ нихъ прекрасно понимаетъ свое значеніе тайнаго голосованія и передъ лицомъ болѣе сильныхъ кричитъ о своемъ правѣ на него, но на сходкахъ, въ студенческой жизни съ фарисейскимъ возмущеніемъ проваливаетъ этотъ пріемъ всякій разъ, какъ только подымается о немъ рѣчь. Да и какая свободная агитація, спрошу я профессора, какая борьба убѣжденій возможна тамъ, гдѣ юношество, тысячью головъ, по словамъ того же Амфитеатрова, устремляющееся къ «проблемамъ идеализма», сотнею головъ, не краснѣя, ставитъ на баллотировку вопросъ: «возможно ли присутствіе г-на NN., сомнѣвающагося въ непогрѣшимости принципа большинства?! и 52-мя головами противъ 48-ми рѣшаетъ его отрицательно»?!

Право быть свободнымъ и независимымъ въ убѣжденіяхъ совѣсти и даже въ поступкахъ принадлежитъ каждому человѣку. Съ сознаніемъ этого права проходитъ студентъ школу товарищескаго са-

моуправленія и приходить къ логическому его отрицанію, я бы сказалъ — анархизму.

Какъ анархистъ, онъ отказывается отъ признанія числа ближайшей власти — власти товарищей и объявляетъ полную свободу дѣйствій, какъ для себя, такъ и для всѣхъ другихъ, предоставляя этимъ другимъ заводить у себя и только для себя автократію, олигархію, республику и другіе виды правленія.

«Мудрому законъ не нуженъ — его разумъ законъ»! говорили древніе греки. Какъ реальное воплощеніе этого самостоятельнаго разума и личной совѣсти въ каждомъ любомъ своемъ поступкѣ и мнѣніи я понималъ и понимаю «свободу дѣйствій» и съ этой точки зрѣнія я совершенно равнодушенъ, какъ къ цифровымъ манипуляціямъ гг. свободомыслящихъ, такъ и къ ариѳметическимъ управленіямъ гг. свобододѣйствующихъ, ибо для меня по меньшей мѣрѣ странно вопросъ гражданскаго мужества превращать въ какую-то задачу ариѳметики.

Разумѣется, мы признаемъ всю справедливость положенія: «въ единеніи сила», но отъ этого добровольнаго признанія слишкомъ далеко до насильственнаго навязыванія этого объединенія. Сила его не въ цифрѣ объединившихся, а въ томъ цементѣ убѣжденій, стремленій и требованій, которыми они внутренно, органически связаны.

«Химики», думавшіе разрозненные элементы связать вонью меркаптана и клеветой на товарищей жестоко ошиблись. Протестъ распался скорѣй, чѣмъ успѣли испариться вонючіе газы, — онъ распался тотчасъ, какъ только наткнулся на первое препятствіе, ибо форма его не была создана жизнью, она была навязана искусственно. Темпъ борьбы совершенно не соотвѣтствовалъ имѣвшимся въ наличности силамъ и стремленіямъ. И нечего винить свобододѣйствующихъ за то, что они бросили якобы камень на пути свободомыслящихъ: гг. свободомыслящіе споткнулись просто потому, что были отъ природы хромы.

Побѣждаетъ тотъ, кто не боится умереть — этого не знаютъ свободомыслящіе и всѣ ихъ шаги, всѣ ихъ протесты носятъ отпечатокъ такой дѣтской трусости, такой чисто-русской конспиративности, что вовсе не приходится удивляться буфонадными результатами ихъ предпріятія.

Послать министру анонимную записку и ожидать отъ этого шага какихъ-либо реальныхъ послѣдствій, да еще бы въ желательномъ направленіи—по меньшей мѣрѣ странно. Подписывать завѣдомо ложныя рѣшенія—не у каждаго хватитъ мужества для сдѣлки съ собственной совѣстью, не желая считать себя ихъ участниками истинные «свобододѣйствующіе» выражаютъ протестъ противъ систематическихъ подлоговъ отъ имени ихъ—во имя чего бы эти подлоги ни совершались. Вотъ ихъ принципы.

Но пока дѣло ограничивается принципами, справедливо замѣчаетъ проф. Богдановичъ, не можетъ возникать и столкновеній между людьми, желающими оставаться корректными». Я уже показалъ—насколько это положеніе раздѣляется г.г. свободомыслящими, способными карать не за принципы даже, а за одно голое сомнѣніе, «не то съ поступками». Я не буду, какъ сказалъ уже, останавливаться на отдѣльныхъ поступкахъ, такъ какъ оцѣнка ихъ принадлежитъ суду, но замѣчу кстати, что ихъ я узналъ только здѣсь на судѣ, раньше же до меня доходили неясные слухи, каковымъ я вообще не имѣю привычки вѣрить.

Есть одно общее обвиненіе, направленное противъ свобододѣйствующихъ, которое, хотя и туманно по формѣ, но является, по моему, самымъ тяжелымъ. Это то—что «служили они темнымъ силамъ».

Смѣло и откровенно скажу я: «да они служили и поддерживали эти силы, но лишь постольку, поскольку поддерживаютъ ихъ въ Россіи всѣ, кто не накопилъ еще въ себѣ достаточно мощи для государственнаго переворота. Вѣдь вся жизнь Россіи, это—царство темныхъ силъ, и поддерживается оно не ничтожной пассивностью сотни студентовъ,

для которыхъ институтъ есть только этапъ на ихъ жизненномъ пути, а инертностью тѣхъ чиновниковъ, которые въ области своего постояннаго труда и признанія находятъ возможнымъ разражаться тирадами вродѣ слѣдующей: профессора—эти истинные мученики своего долга—приглашались читать лекціи и экзаменовать ради спасенія такъ называемаго благоразумнаго большинства, что они и дѣлали, не замѣчая или не желая замѣчать всей унизительности обстановки въ которой находились и далѣе: «интересы педагогики, авторитетъ совѣта—все было принесено въ жертву, чтобы удовлетворить желанію 20—30 изъ общаго числа 400-хъ студентовъ старшихъ курсовъ». «Но», утѣшается профессоръ-жертвоприноситель, Совѣтъ дѣйствовалъ единодушно. (Должно быть для достиженія вящаго единодушія между членами, объединенными «родственностью наукъ и отношеній», эти члены-поборники всяческихъ свободъ, стали могильщиками одной свободы замѣщенія кафедръ по конкурсу.)

Протестъ противъ царства темныхъ силъ необходимъ, но не тогда только, когда гг. Коноваловы творятъ явныя безобразія, а тогда, главное, когда на глазахъ людей солидныхъ, обладающихъ какой бы то ни было силой, обличенныхъ авторитетомъ, «зарождаются репрессивныя мѣры», съ трогательной простотой повѣдалъ намъ г. Долбня о чувствахъ его обуревавшихъ въ то время, когда юношество отдавалось въ солдаты, о намѣреніи выйти въ отставку, когда министры выпускали «заздравные» циркуляры, но о томъ, что онъ сдѣлалъ въ дѣйствительности, какова его роль была хотя бы въ Мурзаковской исторіи, онъ благоразумно умолчалъ.

20 лѣтъ профессура предавалась наблюденію и поученію и не замѣтила, какъ потеряла, 40 лѣтъ политической жизни. Та наклонная плоскость, на которой стояла она пришла къ своей могилѣ и если можно ей говорить о протестѣ, то о протестѣ общемъ, сильномъ, а главное—искреннемъ. Ни сотни «свобододѣйствующихъ», ни такіе же кадры «свободомыслящихъ» тутъ ничего не подѣлаютъ. Выходъ возможенъ одинъ—о немъ думаетъ теперь вся Россія. А пока его нѣтъ, студентамъ не придется ломать своей совѣсти для экзаменовъ: они сломили ее давно, еще въ тотъ моментъ, когда людьми, «лишенными всѣхъ правъ состоянія»—по терминологіи г. Долбни—они добровольно вступили въ фабрики дипломовъ полицейскаго государства.

Другое, болѣе опредѣленное обвиненіе виситъ надъ «свобододѣйствующими»—обвиненіе въ томъ, что «они при *всякихъ* условіяхъ готовы держать экзамены, даже подъ градомъ камней». Не знаю—насколько эта рѣшимость, высказанная, какъ увѣряютъ противники, Соколовымъ и Воробьевымъ, обязательна для другихъ, но интересно здѣсь то, что «свободомыслящіе» считаютъ, повидимому, совершенно лишнимъ задуматься надъ вопросомъ: да честно ли устраивать эти «всякія» условія, достойно ли культурныхъ людей метать «камни» въ тѣхъ, кто идетъ не по одной съ ними, а по другой, но столь же законной дорогѣ?

«Современная учащаяся молодежь, вышедшая по словамъ ея перваго печальника, изъ школы толстовскаго непротивленія злу», совершенно повидимому забыла завѣтъ великаго учителя. «Есть поступки», говоритъ Толстой,—«совершаются ли они частными людьми или правительствами, про которые нельзя разсуждать хладнокровно, осуждая совершеніе этихъ поступковъ только при извѣстныхъ условіяхъ. Про такіе дѣла можно или совсѣмъ не говорить или говорить по существу дѣла и всегда съ отвращеніемъ и ужасомъ». Такъ говоритъ Толстой о насиліи.

Я не знаю и не берусь предсказывать будущую жизнь и дѣятельность свобододѣйствующихъ и не стану предсказывать—гдѣ конецъ той наклонной плоскости, на которой, стоятъ они—у черной или у красной сотни. Думаю, однако, что пойдутъ они не по худшей дорогѣ, чѣмъ шли ихъ руководители. Лучшіе изъ нихъ, съ наивностью инсти-

тутки, будутъ признаваться въ томъ, какъ въ свое время они «не замѣчали или не желали замѣчать всей унизительности обстановки, въ которой дѣйствовали единодушно». Худшіе будутъ трепетать передъ чиновниками въ «новыхъ мундирахъ». Не сомнѣваюсь я только въ томъ, что ни тѣ, ни другіе —какъ бы въ этомъ отношеніи они не приблизились къ своимъ бывшимъ профессорамъ —не сдѣлаютъ прогресса, сдѣлаютъ его тѣ, которыхъ, по словамъ профессора Никитина, еще «очень мало», это—люди, которые прежде всего будутъ отличаться стойкостью своихъ убѣжденій, каковы бы они не были. Это будетъ тогда, когда обличители, если они искренни, не по 7 лѣтъ будутъ ждать повода для того, чтобы заклеймить достойнымъ презрѣніемъ полицейскую труху и плѣсень, паразитирующую на высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, когда не случайные личные счеты будутъ развязывать языки, а сила дѣйствительнаго негодованія.

Это все, что я могу сказать здѣсь въ освѣщеніе и въ защиту своихъ свободныхъ убѣжденій, въ защиту «свободы дѣйствій», за которыя я былъ изгнанъ со сходки, исключенъ изъ корпораціи, но отъ которыхъ не откажусь и подъ страхомъ удаленія изъ института и изъ любого, людьми созданнаго общества.

Студ. ***ГРУНВАЛЬДЪ.*** М. Г. Мнѣ тяжелѣе, чѣмъ кому-либо изъ моихъ товарищей говорить въ эти послѣдніе часы Суда, — говорить предъ вами — выразителями общественной совѣсти и общественнаго приговора. За болѣе чѣмъ четырехмѣсячный періодъ суда вамъ не мало пришлось прослушать сужденій о поступкахъ «свобододѣйствующихъ». Не мнѣ говорить вамъ какой взглядъ долженъ у васъ установиться: ваша опытность, знаніе людей и жизни со всей ея безпощадностью, со всѣмъ ея страданіемъ, — подскажутъ вамъ слова справедливости при рѣшеніи вопроса о добромъ имени и чести сотни людей. Я не хочу сейчасъ воспользоваться своимъ правомъ обвиняемаго лишь для того, чтобы опровергать или критиковать взводимыя лично на меня обвиненія: о нихъ я говорилъ въ свое время, и теперь, какъ и тогда, моя совѣсть спокойна: я вѣрю въ вашу безпристрастность и убѣжденъ, что вы безошибочно отличите правду отъ фантазіи ожесточенной страсти.

Вы слышали сегодня сами, какъ прис. пов. Каминка призналъ, что мало фактовъ для нашего обвиненія. Я скажу болѣе: фактовъ такихъ нѣтъ. Дѣйствительно, если отбросить изъ всего, въ чемъ хотятъ насъ изобличить - обвиненія, связанныя съ моими письмами, ставшими извѣстными только здѣсь на судѣ, то невольно возникаетъ вопросъ, какимъ же матеріаломъ располагали наши обвинители, когда клеймили насъ въ проскрипціонномъ спискѣ, и когда устами своего достойнаго представителя Гапѣева бросали брань по нашему адресу, весною прошлаго года; какимъ, наконецъ, обвинительнымъ матеріаломъ располагалъ И. П. Долбня, когда рѣшался осенью свидѣтельствовать противъ насъ въ камерѣ мирового судьи. Если теперь, послѣ долгаго изысканія, они ничего больше не могутъ сдѣлать, какъ подкрѣплять свои обвиненія цитатами изъ моихъ писемъ, то я смѣло говорю, что, когда они совершали актъ величайшей несправедливости,— составляли проскрипціонный списокъ, у нихъ не было никакихъ фактовъ, насъ позорящихъ. Вмѣсто фактовъ Вамъ приподносятъ теперь жупелы, вродѣ «Денницъ», «зубатовщины», кровожадныхъ двуглавыхъ орловъ и т. д. Въ нашемъ процессѣ косвенныя улики заняли доминирующее положеніе и, само собою разумѣется, не позволяя отнюдь установить безспорный фактъ того или другого преступнаго дѣянія, — бросаютъ лишь тѣнь подозрѣнія. Очевидное озлобленіе стремится сгустить эту тѣнь, придать ей осязаемый образъ, матеріализировать его и, руководствуясь главнымъ образомъ впечатлѣніемъ, создать конкретное обвиненіе. Но такой путь извинителенъ лишь для наивныхъ или неопытныхъ въ жизни, через-чуръ увлекающихся, или явно предубѣжденныхъ противниковъ, — это путь жестокій, путь опасный

Можно удивляться, какъ съ легкимъ сердцемъ, съ улыбкой на лицѣ, иногда съ видомъ торжества и сознаніемъ своего нравственнаго превосходства, — спѣшатъ наши добровольные прокуроры, наперерывъ одинъ передъ другимъ, заклеймить насъ позорнымъ обвиненіемъ.

Посмотрите, какъ, напримѣръ, они, выхвативъ кусочекъ изъ моего письма къ Коновалову, стараются привить мой личный взглядъ на науку — всѣмъ свобододѣйствующимъ, признавая такой взглядъ, заслуживающимъ порицанія. Я не спорю, — я смотрю на науку съ утилитарной точки зрѣнія, ибо считаю, что при настоящемъ положеніи вещей такой взглядъ можетъ являться наиболѣе правильнымъ: намъ нужно извлечь изъ современной науки всѣ полезные соки и, не задаваясь отвлеченными идеями, тотчасъ же начать вливать эти соки въ народную жизнь, только это одно подыметъ насъ и поможетъ стать на надлежащее мѣсто. Пусть этотъ взглядъ неправиленъ, но это мой личный взглядъ, а я, какъ и всякій человѣкъ, могу ошибаться; зачѣмъ же только мою ошибку распространять на другихъ? Наши обвинители, я говорю на этотъ разъ о студентахъ, какъ бы не сознаютъ, или правильнѣе не хотятъ сознать той нравственной отвѣтственности, какая неминуемо ложится на всякаго обвинителя. У нихъ жажда обвиненія: лишь бы только обвинять, обвинять безъ конца, безъ удержа, изрѣдка освѣщая себѣ путь проблескомъ идеи. Вѣрно учитывая моментъ времени, они безъ колебанія, какъ бы даже съ сознаніемъ, что совершаютъ актъ величайшей справедливости, надругаются надъ ненавистными имъ людьми, толкуютъ вкривь и вкось самые обыденные и легко объяснимые поступки, искажая ихъ смыслъ и придавая желательное для себя освѣщеніе; если же имъ удается отмѣтить ошибочный шагъ, всегда неизбѣжный въ жизни,—они спѣшатъ, наперебой, злораднымъ крикомъ привлечь къ нему вниманіе общества... И все это во имя идеи. Одной рукой они стремятся разорвать цѣпи угнетеннаго духа, добыть ему свободу, стремятся къ простору и волѣ, а другой—по ихъ собственному признанію, опрометчиво пригвождаютъ къ позорному столбу сотню товарищей. Здѣсь любятъ сравненія и я сравню эту дѣятельность съ дѣятельностью учрежденія, которое долго терроризировало человѣчество: имя тому учрежденію—инквизиція; та самая инквизиція, которая мучила и жгла людей во имя девиза: «цѣль оправдываетъ средства». Жирнымъ шрифтомъ написавъ на своемъ знамени слово «свобода», и трактуя эту свободу въ самомъ широкомъ смыслѣ, г. г., такъ называемые свободомыслящіе, подобно инквизиторамъ, каменнымъ потолкомъ давятъ всякое проявленіе индивидуальности, коль скоро оно не согласуется съ ихъ видами и желаніями. Примѣровъ я приводить не стану, они уже прошли передъ глазами суда, во время многочисленныхъ засѣданій. Свобода мысли— величайшее благо, данное въ удѣлъ человѣку; лишить его этого блага не можетъ никакая сила—можно парализовать волю, сковать слово,— но мысль всегда свободна. Вамъ, г. г. судьи, предстоитъ теперь проникнуть внутрь зданія, созданнаго свободной мыслью нашихъ обвинителей — и Вы увидите, какой тѣсный покой отведенъ въ немъ для истинной справедливости, и въ какомъ пренебреженіи находится тамъ уваженіе къ чести ближняго.

Горечь всѣхъ обвиненій, хотя и мало обоснованныхъ, а часто и вовсе голословныхъ, усугубляется для насъ еще тѣмъ, что во главѣ нашихъ обвинителей стали наши учителя. Отъ нихъ мы услышали вчера прямо и опредѣленно высказанное обвиненіе въ нравственной слабости и позорномъ паденіи. Однако, какъ мало нужно было для людей науки и жизни, чтобы считать себя въ правѣ предъявить такое обвиненіе: нѣсколько непровѣренныхъ слуховъ, нѣсколько разсказовъ любимыхъ и близкихъ учениковъ — и обвиненіе сотни людей готово; къ удовольствію авторовъ, благодаря услужливости «свободомыслящихъ» студентовъ, обвиненіе это облетѣло всѣ концы Россіи, и нѣтъ теперь уголка, гдѣ только пріютились студенты, чтобы тамъ не было

извѣстно о «свобододѣйствующихъ» и не повторялись имена обвинителей профессоровъ. А между тѣмъ, г. г. судьи, вотъ предъ вами нашъ злѣйшій обвинитель Ив. Петр... Развѣ далеки тѣ дни, когда онъ былъ для насъ почти полубогъ; вѣдь мы ловили каждое его слово, запоминали каждый изъ его афоризмовъ, тѣхъ афоризмовъ, которые онъ безъ числа бросалъ всюду, гдѣ только видѣлъ студентовъ. Вы сами слышали за все время процесса: рѣдкій изъ насъ въ своихъ объясненіяхъ не приводилъ его изреченій. Чѣмъ же онъ намъ отплатилъ за такое поклоненіе? Тѣмъ, что призналъ насъ павшими. Меня не трогаетъ и не волнуетъ, что говорятъ какіе-нибудь Пилетичи; — я ихъ слова презираю; но для меня важно, что говоритъ Ив. Петр. Тутъ приводилось мое письмо: «Къ вопросу о свобододѣйствующихъ». Но развѣ не Ив. Петр. вызвалъ это письмо? Я объ этомъ при немъ говорилъ суду въ свое время. Развѣ можно было молчать, когда онъ, Ив. Петр., порицаетъ своихъ старшихъ товарищей и учителей, а слѣдомъ за нимъ и его любимые ученики святотатственно посягаютъ на священныя ученыя сѣдины такихъ людей, какъ И. Тимэ, сопричисляя ихъ въ своихъ бюллетеняхъ къ «ученому сброду». Скажите, развѣ можно было сдержать себя, когда изъ души рвался крикъ оскорбленнаго, поруганнаго чувства. Надо было быть камнемъ, чтобы не воспламениться негодованіемъ на человѣка, не щадящаго ни товарищей, ни учениковъ. Но этого мало, теперь Ив. Петр. говоритъ намъ: «общество васъ уже осудило—вы послужили темнымъ силамъ». Остановлюсь на этихъ словахъ и на тѣхъ уподобленіяхъ, которыя вы слышали вчера отъ профессора Богдановича. Когда я шелъ на судъ, я, откровенно говоря, не предполагалъ, что обсужденіе чисто студенческаго конфликта, благодаря участію профессоровъ, пріобрѣтетъ значеніе политическаго процесса исключительной важности. Выступить на арену политической борьбы можетъ, по моему мнѣнію, лишь тотъ, кто отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ высокихъ задачахъ, въ тѣхъ идеалахъ, къ осуществленію которыхъ стремится. Какъ жалокъ человѣкъ, старающійся, во что бы то ни стало, сдѣлаться народнымъ трибуномъ, когда онъ вмѣсто широкаго общественнаго и политическаго развитія, вмѣсто нравственнаго закала, твердости убѣжденій и жизненнаго такта, приноситъ народу одно умѣнье произносить громкія рѣчи съ слезою въ голосѣ, съ біеніемъ въ перси. На ряду съ этимъ только легкомысленное, поверхностное отношеніе къ политическимъ принципамъ можетъ повести къ безапелляціонному и предрѣшенному осужденію и заклеймленію человѣка за политическій проступокъ. Тотъ же, кто подписываетъ приговоръ о нравственномъ умерщвленіи сотни гражданъ, какъ то сдѣлали г. г. обвинители—профессора, тотъ прежде всего самъ обнаруживаетъ, что имъ руководитъ лишь злой порывъ партійной вражды.

Профессора упрекаютъ насъ за то, что мы послужили темнымъ силамъ,—совершили, слѣдовательно ложный политическій шагъ. Мнѣ кажется, что одно уже высокое имя профессора должно было бы предостеречь отъ быстраго осужденія и отъ желанія привить обществу свой взглядъ на насъ. Вмѣсто того, чтобы называть насъ фарисеями и ставить на вершину наклонной плоскости, у подножія которой кишитъ смрадная черная сотня, имъ прежде всего слѣдовало бы подумать не очень ли они зарвались впередъ въ своихъ обвиненіяхъ; легко можетъ статься, что трезвый голосъ общественнаго самосознанія отрѣжетъ ихъ отъ, пока покорно идущей за ними, толпы. Упоминая о фарисеѣ, профессоръ Богдановичъ забылъ Того, кто такъ искуссно нарисовалъ образъ этого фарисея,—а вѣдь Художникъ былъ тоже учитель, у котораго были тысячи заблуждающихся учениковъ и Онъ, бичуя лицемѣріе и злобу, даже и въ гнѣвѣ былъ чуждъ осужденія. Онъ только предостерегалъ, говоря: «горе вамъ, если не исправитесь». Я не говорилъ бы такъ, если бы процессъ носилъ чисто студенческій характеръ,—но ему стремятся придать политическое значеніе;

насъ хотятъ низвергнуть въ объятія черной сотни, отдать на поруганіе взволнованнаго общества... и это въ то время, когда оно находится въ періодѣ возрожденія. Намъ говорятъ, что черезъ самое короткое время между нами и ими будетъ великая пропасть, забывая, что намъ ихъ же сторонники эти цвѣты и бутоны свободной мысли—сами строилио переходный мостъ отъ свободы дѣйствія къ свободѣ мысли—нужно было только дать позорное отреченіе,—и малодушные дали.

Тѣ же, кто собрался здѣсь, я говорю это въ особенности за себя, безтрепетно стоятъ предъ нелицепріятнымъ судомъ и ждутъ его голоса; за этимъ голосомъ они и пойдутъ на своемъ дальнѣйшемъ пути; повторяя то, что скажетъ имъ теперь общество черезъ своихъ представителей, они вступятъ въ нарождающуюся свѣжую политическую атмосферу—истинной свободы, руководимые твердой вѣрой, что правда живетъ среди людей, по крайней мѣрѣ, лучшихъ людей.

Студ. **ВОСКРЕСЕНСКІЙ.** Когда я подписывался подъ вызовомъ къ третейскому суду мною руководили три мотива: во первыхъ, я хотѣлъ, чтобы весь конфликтъ горнаго института, называемый почему-то Коноваловскимъ, былъ разсмотрѣнъ во всемъ своемъ цѣломъ; во вторыхъ, я не желалъ уклоняться отъ личной отвѣтственности; я имѣлъ честь докладывать на позапрошломъ засѣданіи въ чемъ я считаю себя нравственно отвѣтственнымъ; считаю здѣсь умѣстнымъ возразить пр. пов. Каминкѣ. О редакціи экзаменаціонной группы я не упомянулъ думаю потому, что я не зналъ ее; если же и забылъ, то не потому, что она соотвѣтствовала тому, что носилось въ воздухѣ, а полагаю потому, что ни съ кѣмъ ни о какомъ ручательствѣ у меня не было разговора. Вполнѣ естественно, что я, какъ студентъ, которые, вообще, не интересуются формой, а только сущностью вопроса, самымъ энергическимъ образомъ протестовалъ, когда заходилъ вопросъ о поручительствѣ. Въ третьихъ, и это самое главное, меня интересовала и общественная сторона этого вопроса: скажите, г. г. судьи, допустимо-ли даже въ нашемъ полицейско-бюрократическомъ государствѣ, чтобы 10 нравственно сильныхъ студентовъ, а не выжившій изъ ума генералъ Ковалевъ, запаслись не розгами, а перьями и бумагой, не при непосредственной помощи 6 лучшихъ вѣстовыхъ, а при косвенной поддержкѣ 6 лучшихъ, какъ ихъ называютъ, профессоровъ—впрочемъ пусть будутъ лучшими, Богъ съ ними—лишали бы чести и добраго имени ненавистнаго имъ человѣка, позвавши его для медицинской помощи, а своихъ 112 товарищей, пригласивши ихъ для подачи мнѣнія по вопросу о забастовкѣ. Напомню Вамъ еще разъ, что г-нъ Гапѣевъ, когда Пятницкій первымъ заявилъ свое особое мнѣніе по вопросу о забастовкѣ, похвалилъ его, сказавъ, что нужно относиться съ уваженіемъ къ такого рода заявленію, такъ какъ оно дѣлается смѣло и откровенно.

Студ. **ЗЛОТНИЦКІЙ.** Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ прежде чѣмъ судъ вынесетъ свой справедливый приговоръ по дѣлу чести, которому онъ безкорыстно посвятилъ столько времени.

Я не считаю нужнымъ оправдываться. Судъ рѣшитъ, кто виноватъ, кто нѣтъ. Я хочу только отмѣтить, что потерпѣвъ неудачу въ легальномъ проведеніи забастовки, наши своб.-д.-м-щіе противники не остановились передъ возмутительнымъ насиліемъ химической обструкціи, а затѣмъ оклеветали проскрипціонными списками случайно попавшихся на ихъ пути, или просто не подчинившихся насилію товарищей.

Г-нъ Богдановичъ предсказавшій, что изъ насъ можетъ выйти черная сотня, очевидно ошибся адресомъ. Какая разница между дѣйствіями черныхъ сотенъ, избивающихъ мирную интеллигенцію и разсылающихъ всевозможныя подметныя письма и лучшей частью студенчества, проводящей свои взгляды дубьемъ зловонныхъ меркаптановъ и анонимными доносами на товарищей?

Достойное учрежденіе О.К.С.Г.И. устами присяж. пов. Грузенберга, заявившее въ началѣ процесса о своемъ безстрашіи, въ концѣ концовъ не нашло въ себѣ достаточно гражданскаго мужества, чтобы прямо назвать себя.

Клеветническая дѣятельность этого учрежденія не обратила бы, вѣроятно, нашего вниманія, и мнѣ кажется, что своб.-д.-щіе не стали бы реагировать на анонимную проскрипцію, если бы въ ней не приняли участія 6 уважаемыхъ, извѣстныхъ всему горному міру, профессоровъ. Благодаря авторитету этихъ лицъ, обвиненіе получило довѣріе въ печати и обществѣ и съ поразительнымъ успѣхомъ распространилось по нашему обширному отечеству. «Шпіонъ» и «свобододѣйствующіи» стали синонимами. Мнѣ извѣстенъ случай, имѣвшій мѣсто въ Тифлисской 2-й гимназіи, гдѣ гимназисты дразнили до слезъ товарища, что его старшій братъ своб.-д.-щій, т. е. шпіонъ. Я надѣюсь, что судъ обратитъ особое вниманіе на участіе въ этомъ дѣлѣ гг. профессоровъ.

Еще разъ предъявляю я къ нимъ обвиненіе въ нравственномъ попустительствѣ. Если бы среди 112, занесенныхъ въ проскрипціонный списокъ, былъ хоть одинъ, котораго профессора не могутъ назвать позорно павшимъ человѣкомъ, лишеннымъ элементарныхъ понятій о нравственности и чести, то они обязаны были опротестовать злоупотребленіе ихъ авторитетнымъ именемъ.

Я оставляю въ сторонѣ проф. Никитина, Богдановича и Яковлева и всѣ упреки, негодованіе выражаю только единосущной троицѣ Долбнѣ, Лутугину и Бауману. Много лѣтъ ихъ умиротворяющая политика, всецѣло основанная на компромиссахъ съ совѣстью, развращала нашъ институтъ и превратила его въ богадѣльню, насквозь пропитанную политиканствомъ. Признаки разгрома усматривались задолго до назначенія Коновалова.

Всякій разъ, когда подымался вопросъ объ упорядоченіи науки въ институтѣ, изъ устъ проф. Долбни слышалось ироническое: «и кому это нужно!» Человѣкъ, не стѣснявшійся громко заявлять: «всѣ великіе математики были скептики, я тоже скептикъ», въ минуты откровенности, съ нескрываемымъ пренебреженіемъ относился къ студентамъ. Что же въ этомъ удивительнаго, если его уходъ вызвалъ во многихъ чувство удовлетворенія? Если законно для студента пользоваться институтомъ какъ удачной комбинаціей для проведенія своихъ общественно-политическихъ взглядовъ, то, по крайней мѣрѣ, не менѣе законно желаніе видѣть въ институтѣ прежде всего храмъ науки.

Проповѣдуя политику побలажекъ и уступокъ всѣмъ требованіямъ лѣвой партіи, гг. ушедшіе профессора не замѣтили, что въ концѣ концовъ они остались въ меньшинствѣ и въ совѣтѣ и среди студентовъ. За что же обвиняетъ почтенный проф. Долбня и др. своихъ 112 бывшихъ учениковъ? За то, что они держали экзамены, онъ считаетъ возможнымъ поддерживать обвиненіе въ шпіонствѣ и доносахъ? Какъ назвать поступокъ человѣка, который обвиняя не затруднялъ себя изысканіемъ фактовъ, который распространеніе прозвищъ «шпіонъ и доносчикъ» считаетъ обыкновеннымъ бойкотомъ, который даже очень благодаренъ лицамъ, щедро раздававшимъ эти невинные эпитеты, за возможно болѣе широкую популяризацію его записки вмѣстѣ съ проскрипціоннымъ спискомъ.

Когда я думаю объ этомъ злодѣйскомъ дѣлѣ, мнѣ приходитъ на умъ вульгарное изреченіе уважаемаго профессора: «Для умнаго человѣка совѣсть, что штаны: захочешь снимешь, а захочешь надѣнешь».

Студ. *МАКАРОВЪ.* Я не собираюсь говорить здѣсь, господа судьи, да я и не привыкъ, не умѣю говорить и никогда не говорилъ передъ такой обширной аудиторіей, но послѣ всего здѣсь слышаннаго мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ въ свою защиту.

Я разскажу Вамъ, гг. судьи, все то, что я пережилъ, перечувствовалъ за время моего студенчества.

Я, господа судьи, поступилъ въ институтъ мальчикомъ съ невыработаннымъ міросозерцаніемъ и неустановившимися взглядами. Въ институтѣ, на сходкахъ, я впервые услышалъ смѣлыя правдивыя слова, провозглашавшія великіе принципы свободы, братства и равенства—принципы, которымъ нельзя не сочувствовать, и я сразу примкнулъ къ нимъ, къ этимъ смѣлымъ провозвѣстникамъ свободы. Мнѣ хотѣлось и отъ себя принести хоть крупинку пользы ихъ апостольству.

Помню, какое громадное нравственное удовлетвореніе я испытывалъ, когда г. Нацваловъ предложилъ мнѣ работать въ столовой коммиссіи. Я съ радостью согласился, и кажется не было члена въ коммиссіи, добросовѣстнѣе меня относившагося къ своимъ обязанностямъ. Я гордился тѣмъ, что я полезный членъ нашего студенческаго общества.

Въ этотъ періодъ я съ величайшимъ презрѣніемъ относился вотъ къ этимъ студентамъ, къ «правой партіи»—я боялся подойти къ нимъ, боялся испачкаться около нихъ.

Тогда я былъ зараженъ вонъ тѣми господами нетерпимостью.

Такъ продолжалось до дѣла Пономарева.

Дѣло Пономарева открыло мнѣ нити: съ одной стороны я увидѣлъ, что и среди студентовъ возможны такіе ужасные безнравственные люди, какимъ былъ Пономаревъ, съ другой стороны поведеніе господъ лѣвыхъ въ этомъ процессѣ пошатнули устои моей вѣры, если можно такъ выразиться, въ этихъ людей. Дѣло Друта и Чумакова, 1902 годъ, процессъ «трехъ шпіоновъ», еще болѣе открывали мнѣ глаза и наконецъ пелена окончательно спала съ нихъ. Я убѣдился въ томъ, что у этихъ господъ только на словахъ принципы «свободы и равенства», на дѣлѣ же только «цѣль оправдываетъ средства», гнетъ и рабство. Здѣсь г. Мефферть говорилъ о дѣятельности фонда, о равноправіи всѣхъ студентовъ и т. п.—ничего подобнаго не было! Онъ приводитъ примѣры, но примѣры безцвѣтные и даже невыгодные для него самого—«того фондъ лишилъ права пользоваться пособіями и другимъ, и третьимъ сдѣлалъ тоже самое». Я приведу болѣе характерные: въ декабрѣ прошлаго года г. Мефферть получилъ усиленное пособіе 650 руб. и въ то же время и тотъ же Мефферть имѣлъ почти постоянный и солидный заработокъ отъ издательской коммиссіи!

Г-нъ Мефферть говорилъ, что каждый студентъ, желавшій работать, могъ свободно попасть въ любую изъ нашихъ коммиссій. На самомъ дѣлѣ вотъ г-нъ Стахурскій желалъ попасть въ издательскую коммиссію и былъ забаллотированъ; а г-нъ Абакумовъ, съ неясно выраженной окраской, тоже былъ забаллотированъ въ столовую коммиссію.

Если студентъ, не ихъ партіи, заявлялъ о своемъ желаніи пользоваться безплатными лекціями, то и въ этомъ его ждалъ неминуемый отказъ—словомъ сказать—студентъ не ихъ партіи, лишенный извѣстной окраски, былъ лишенъ и всѣхъ корпоративныхъ правъ и преимуществъ.

Всякій самомалѣйшій протестъ противъ такого положенія, всякое проявленіе своего личнаго я—немедленно подавлялся, причемъ мѣрами не стѣснялись.

Я имѣлъ несчастіе опротестовать рѣшеніе всесильнаго г. Бокія, предсѣдателя столовой коммиссіи—тотчасъ же по моему адресу появились на стѣнахъ буфета самые грязные, гнусные пасквили.

Вотъ она въ дѣйствительности та превозносимая ими свобода, царившая у насъ въ институтѣ!

Въ 1904 году вынесли на патріотическихъ сходкахъ извѣстную Вамъ, господа судьи, резолюцію. Въ тотъ моментъ я не могъ подчиниться, не могъ согласиться съ ней и, не желая нарушать принципъ большинства, хотѣлъ тогда же уйти изъ корпораціи. Мой товарищъ Юматовъ уговорилъ меня остаться съ тѣмъ, чтобы осенью начать борьбу съ этими господами. Нашимъ девизомъ должна быть „дѣйствительная свобода и равенство", а не „цѣль оправдываетъ средства" —

девизъ, бывшій на обратной сторонѣ гг. лѣвыхъ. Къ сожалѣнію это не удалось!

Началась Коноваловская исторія.

Коноваловъ оскорбилъ студенчество. Я долженъ былъ протестовать и высказался за протестъ. Нѣкоторые изъ „правыхъ" говорили мнѣ: „Вы опять съ ними, уходите отъ насъ"! „Да", отвѣчалъ я имъ, „протестъ необходимъ".

Предложили, какъ форму протеста, забастовку.

Я, гг. судьи, пережилъ ихъ 3 или 4, и мое глубочайшее убѣжденіе, что мѣра эта, помимо своей безрезультатности, гибельна для студентовъ, она развращаетъ ихъ и если проходитъ большинствомъ, то къ стыду нашего студенчества только потому, что къ ней примыкаютъ студенты, желающіе поправить свои личныя запутанныя дѣлишки.

Я подалъ голосъ противъ, но свободы дѣйствій за собой не оставлялъ.

На сходкѣ 15-го марта исключили „своб.-д.-щихъ". Это было сдѣлано только для того, чтобы получить большинство за забастовку! Истиннаго большинства не было, забастовка провалилась — и вотъ исключили „свбд-щихъ".

Этотъ актъ меня настолько взорвалъ, что я вслѣдъ за уходомъ „свбд-щихъ" со сходки, всталъ и заявилъ, что ухожу изъ корпораціи и горжусь своимъ разрывомъ съ ними.

Здѣсь, передъ лицомъ суда, я еще разъ говорю Вамъ, гг. „лѣвые" я горжусь своимъ разрывомъ съ Вами!

И вотъ результаты: мое имя цѣлый годъ треплется по рудникамъ и заводамъ, какъ человѣка, „лишеннаго элементарныхъ понятій о чести и нравственности и блестящіе способности обнаружившій въ дѣлѣ помощи инспекціи и полиціи"!

Если бы это было сдѣлано только вотъ этими господами, то я бы не обратилъ вѣроятно большого вниманія на эту анонимную клевету—слишкомъ низко цѣню теперь ихъ слова вообще, но главное, что особенно обидно и больно—это то, что гг. ушедшіе профессора своей запиской къ обществу подтверждаютъ это!

Я оставляю совершенно въ сторонѣ профессоровъ Никитина, Богдановича и Яковлева, я убѣжденъ, что въ глубинѣ души они сознаютъ, что они не правы—обвиняю я только вотъ эту троицу—Долбню Лутугина и Баумана. Они обратились къ обществу! Съ чѣмъ они обратились? Они лгали обществу, нагло лгали въ своей запискѣ. Гдѣ то „совмѣстное разсужденіе съ инспекціей о степени виновности своихъ товарищей", о которомъ они упоминаютъ въ своей запискѣ? Гдѣ доказательства этого спрашиваю я Васъ, гг. профессора?...

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ. Г-нъ Макаровъ не употребляйте такихъ рѣзкихъ выраженій.

МАКАРОВЪ. Виноватъ г-нъ предсѣдатель!... Они нагло лгали и тогда, когда скрыли отъ общества, что Коноваловъ—ихъ же избранникъ! Я кончилъ *).

Рѣшеніе третейскаго суда по дѣлу о столкновеніи между студентами горнаго института весною 1904 года.

Третейскій судъ въ составѣ предсѣдателя К. К. Арсеньева, членовъ: В. М. Гессена (вначалѣ І. В. Гессена), Д. С. Зернова, П. Ф. Лесгафта, В. О. Люстиха, И. П. Павлова и Н. Н. Печковскаго, разсмотрѣвъ дѣло въ 25 засѣданіяхъ, съ 5-го января по 30-е апрѣля 1905 г., и на основаніи данныхъ, установленныхъ на судѣ, постановилъ слѣдующее рѣшеніе:

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію дѣла по существу, третейскій судъ считаетъ необходимымъ остановится на вопросахъ

*) *Примѣчаніе:* Рѣчь прис. пов. Алексѣева вслѣдствіе поздняго представленія помѣщена въ концѣ.

о составѣ сторонъ и о предѣлахъ, изъ которыхъ не должно выходить рѣшеніе суда.

Первый изъ этихъ вопросовъ возбужденъ въ самомъ началѣ разбирательства повѣреннымъ такъ называемыхъ свобододѣйствующихъ, выразившимъ желаніе, чтобы были названы поименно всѣ представители противной стороны и доказано право тѣхъ изъ нихъ, которые явились въ судъ говорить отъ имени корпораціи студентовъ горнаго института.

Принимая во вниманіе: 1) что для третейскаго суда, не стѣсненнаго никакими формальностями, важна не внѣшняя правильность полномочій, въ силу которыхъ выступаютъ участники процесса, а важно убѣжденіе, что они дѣйствительно представляютъ собою ту или другую изъ спорящихъ сторонъ; во 2) что именно такими дѣйствительными представителями такъ наз. свободомыслящихъ судъ имѣлъ полное основаніе считать тѣхъ, кто говоритъ отъ имени ихъ на судѣ; 3) что обвинителями свобододѣйствующихъ могутъ считаться притомъ всѣ студенты, которые подписали письмо, напечатанное въ № 353 «Руси» за 1904 г., а также и тѣ, которые присоединились къ этому письму («Русь» № 355); 4) что, обращаясь къ третейскому суду, свобододѣйствующіе имѣли цѣлью подвергнуть безпристрастному разбору заведенныя противъ нихъ обвиненія, для чего вовсе не было надобности въ формальныхъ полномочіяхъ со стороны обвинителей,—судъ находитъ, что непредставленіе поименнаго списка лицъ, составляющихъ группу свободомыслящихъ, не имѣло никакого вліянія на ходъ дѣла и не можетъ служить препятствіемъ къ постановленію рѣшенія.

По второму вопросу о предѣлахъ разбирательства—судъ усматриваетъ, что вызовъ къ третейскому суду былъ сдѣланъ поименно названными „свобододѣйствующими" студентами горнаго института, а принятъ съ одной стороны, „свободомыслящими» (настоящими и бывшими студентами горнаго института), съ другой—шестью бывшими профессорами института (гг. Бауманомъ, Богдановичемъ, Долбней, Лутугинымъ, Никитинымъ и Яковлевымъ). Суду предоставлено было разсмотрѣть обвиненія, заведенныя на „свобододѣйствующихъ" по поводу событій, совершившихся въ горномъ институтѣ весною прошлаго 1904 г. Отсюда явствуетъ, что судъ не вправѣ обсуждать дѣйствія лицъ, въ учрежденіи суда никакого участія не принимавшихъ и рѣшенію его не подчинившихся; да и изъ этихъ дѣйствій суду подлежатъ исключительно тѣ, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ предмету третейскаго разбирательства. Исходя изъ этого основного начала, судъ въ своемъ приговорѣ вовсе не входитъ въ оцѣнку образа дѣйствій директора горнаго института Коновалова, а также профессоровъ и другихъ должностныхъ лицъ, оставшихся на службѣ въ институтѣ, а образъ дѣйствій шести профессоровъ, ушедшихъ изъ института обсуждается лишь настолько, насколько въ немъ отразилось отношеніе ихъ къ свобододѣйствующимъ. Общій ходъ жизни горнаго института до и во время, такъ называемаго, коноваловскаго конфликта затрагивается судомъ только въ мѣрѣ необходимой для выясненія условій этихъ. Судъ не можетъ не отвести перваго мѣста общерусскому академическому режиму, который на примѣрѣ горнаго института предсталъ предъ судомъ во всѣхъ подробностяхъ.

Этотъ режимъ, сущность котораго заключается въ поддержаніи внѣшняго порядка, казеннаго благополучія, формально правильнаго теченія дѣлъ жизни учебнаго заведенія, и который для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей располагаетъ только мѣрами административной опеки и полицейскаго воздѣйствія на молодежь, необходимо приводитъ къ антагонизму между учащими и учащимися, къ умаленію нравственнаго авторитета профессорской коллегіи, къ ослабленію научныхъ интересовъ въ средѣ студенчества. Политическое безправіе русскаго общества имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ внѣд-

реніе политической агитаціи въ академическую жизнь. Съ точки зрѣнія научнаго призванія высшей школы такое явленіе крайне прискорбно; однако, оно не можетъ быть устранено никакими средствами полицейскаго принужденія. Наоборотъ, направленный на борьбу съ этимъ явленіемъ полицейскій режимъ только усугубляетъ неурядицу нашей академической жизни, нерѣдко превращая временное обостреніе академическихъ отношеній въ длительное и трудно поправимое ихъ разстройство.

При такихъ условіяхъ тѣ немногіе представители учебной администраціи, которые правильно понимали свой долгъ передъ родиной и которые, дѣйствительно дорожили судьбой русской школы и ея питомцевъ всѣ свои заботы прилагали къ тому, чтобы противодѣйствовать въ средѣ студентовъ разъединяющему вліянію политическихъ разномыслій, призывая студентовъ къ миру и единенію, и чтобы оберегать молодежь отъ произвола учебной и общей администраціи. До назначенія директоромъ института проф. Коновалова жизнь горнаго института представляла, именно, примѣръ такого счастливаго исключенія изъ ряда другихъ высшихъ учебныхъ заведеній Россіи.

Сочувственное къ студентамъ отношеніе совѣта, въ которомъ большимъ вліяніемъ пользовался покойный проф. Мушкетовъ, мягкость и гуманность бывшихъ директоровъ сдѣлали то, что студенты горнаго института втеченіи долгаго времени пользовались относительной свободой и автономіей. Въ институтѣ зародились и развились самостоятельныя студенческія учрежденія, которыя при вполнѣ понятныхъ недостаткахъ своей организаціи служили нѣкоторымъ удовлетвореніемъ духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ студентовъ. Для разрѣшенія различныхъ дѣлъ и вопросовъ студенты свободно собирались на сходки. Начальство въ лицѣ директора и совѣта не выражало никакого желанія вмѣшиваться во внутреннюю жизнь студентовъ и давало ей развиваться. Для администратора, который является сторонникомъ „твердой власти“ и который своимъ долгомъ почитаетъ исполненіе предначертаній высшаго начальства, такая система горнаго института должна была представляться попустительствомъ въ отношеніи студентовъ и безпорядкомъ. Общій во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ упадокъ научныхъ занятій, а не здѣсь, въ горномъ институтѣ, склонны были объяснять тѣмъ, что будто бы совѣтъ слишкомъ снисходителенъ былъ къ студентамъ и исполнялъ всѣ ихъ желанія. Такіе администраторы признавали своей важнѣйшей и неотложнѣйшей задачей «упорядочить» жизнь высшаго учебнаго заведенія, т. е. привести ее въ рамки тѣхъ многочисленныхъ правилъ, которыя составлялись всегда произвольно, всегда въ противорѣчіи съ естественными стремленіями огромной массы молодежи и значительной части преподавателей и которыя при послѣдовательномъ примѣненіи дѣлали невозможной самую жизнь. Если-же къ этому присоединялись нѣкоторыя особенности личнаго характера начальника, въ видѣ напримѣръ недостаточной тактичности, запальчивости, то при обычныхъ русскихъ условіяхъ даже маловажный конфликтъ могъ обратиться въ настоящую катастрофу для высшаго учебнаго заведенія. Новое для горнаго института направленіе дѣятельности начальства появилось съ директоромъ Коноваловымъ. Мирная жизнь института немедленно-же смѣнилась напряженнымъ состояніемъ взаимнаго недовѣрія и смутныхъ опасеній. Единеніе въ совѣтѣ также поколебалось. Когда произошло столкновеніе между директоромъ и студентами, 6 профессоровъ, оставшись вѣрными прежнимъ взглядамъ, не нашли уже себѣ поддержки въ товарищахъ и были вынуждены подать прошенія объ отставкѣ. Въ критическое для института время совѣтъ обнаружилъ пассивное отношеніе къ событіямъ.

Закрытіе института 16-го марта произошло путемъ непосредственныхъ сношеній директора съ министромъ, безъ вѣдома и участія

совѣта, и никто изъ членовъ совѣта не сдѣлалъ по этому поводу никакого запроса директору. Записка, внесенная шестью ушедшими профессорами въ засѣданіи 18-го марта, была прочитана въ частномъ совѣщаніи. Впослѣдствіи, послѣ ухода шести профессоровъ, совѣтъ къ обсужденію этой записки не возвращался вовсе. И совѣтъ не обсуждалъ и не предпринималъ никакихъ мѣръ къ улаженію конфликта между директоромъ Коноваловымъ и студентами. Онъ не сдѣлалъ никакихъ попытокъ къ удержанію въ своей средѣ уходящихъ профессоровъ, хотя не могъ не предвидѣть, что отставка ихъ гибельно отразится на всемъ дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ въ горномъ институтѣ. Послѣ того совѣтъ уже въ полномъ согласіи съ директоромъ вступаетъ по необходимости на торный русскій путь водворенія порядка при помощи полицейскихъ мѣръ и репрессій. Рознь между студентами, болѣе не смягчаемая гуманнымъ и бережнымъ отношеніемъ къ студентамъ со стороны совѣта, проявляется во всей силѣ съ явными признаками политической борьбы. При этомъ обостренію отношеній много способствовалъ появившійся уже ранѣе въ институтѣ антагонизмъ между отдѣльными группами студентовъ, рѣзко отличными одна отъ другой по политическимъ и академическимъ убѣжденіямъ. Совершился полный разгромъ института со всѣми его характерными и печальными чертами: уходомъ профессоровъ, увольненіемъ многихъ студентовъ, рознью и деморализаціей въ студенческой средѣ и пріостановкой всякой нормальной учебной дѣятельности.

Когда всѣ печальныя событія, бывшія весной 1904 года въ горномъ институтѣ, проходятъ передъ глазами безстрастныхъ наблюдателей, какъ это было на судѣ, становится ясной и очевидной вся цѣпь причинъ и слѣдствій. Въ роковомъ кругѣ полнаго безправія студентовъ и полицейскихъ мѣръ воздѣйствія нѣтъ выхода, нѣтъ мѣста для правильной здоровой жизни высшаго учебнаго заведенія. Старая система горнаго института, которая въ прежніе годы хотя отчасти смягчала непримиримыя противорѣчія между задачами высшей школы и принятыми способами управленія ею, могла быть замѣнена къ лучшему только свободой студентовъ, какъ гражданъ, и самой широкой автономіей школы, а никакъ не обычными пріемами внѣшняго «упорядоченія» жизни. Когда школа страдаетъ подъ вліяніемъ общихъ причинъ органически неисцѣлимымъ недугомъ, попытки внести порядокъ въ ея неустроенную жизнь, при посредствѣ внѣшнихъ правилъ и систематически послѣдовательныхъ мѣропріятій административнаго характера,—должны вести и дѣйствительно ведутъ только къ несчастіямъ и страданіямъ для массы лицъ и къ совершенному разстройству учебнаго заведенія.

Общественное значеніе настоящаго судебнаго процесса заключается именно въ томъ, что подробное разслѣдованіе короткаго, но богатаго послѣдствіями періода жизни горнаго института съ поразительной очевидностью устанавливаетъ указанную выше связь общихъ причинъ и слѣдствій. Полицейскій режимъ въ школѣ всегда будетъ встрѣчать себѣ сопротивленіе въ профессорской и студенческой средѣ. Этотъ протестъ вытекаетъ изъ естественнаго стремленія людей, работающихъ въ школѣ, къ истинному благу и процвѣтанію высшихъ разсадниковъ просвѣщенія. Съ такою-же неизбѣжностью, какъ слѣдствіе политическаго безправія русскаго общества, пока не будетъ устранена эта основная причина, всегда будетъ проявляться въ стѣнахъ русской школы политическая борьба со всею ея страстностью, а иногда и съ неразборчивостью въ выборѣ средствъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такъ называемый «коноваловскій конфликтъ» имѣетъ по своему началу академическій характеръ. Тѣмъ не менѣе, уже существовавшій въ институтѣ политическій антагонизмъ, между различными группами студентовъ, несомнѣнно наложилъ на него свой весьма замѣтный отпечатокъ. Именно этимъ антагонизмомъ, въ значительной мѣрѣ, объясняется та рѣзкость взаимныхъ обви-

ній, та непримиримая враждебность, которыми характеризуется столкновеніе между студентами, подлежащее нынѣ разсмотрѣнію суда.

Таковы тѣ общія условія, на почвѣ которыхъ возникъ такъ называемый «коноваловскій конфликтъ». Въ нихъ судъ усматриваетъ не только объясненіе самого конфликта, но отчасти, по крайней мѣрѣ,— извиненіе тѣхъ, не всегда нравственно допустимыхъ крайностей, въ которыхъ повинны различныя группы участвовавшихъ въ немъ студентовъ.

Сущность дѣла, подлежащаго разсмотрѣнію суда, заключается въ слѣдующемъ.

Въ обстоятельствахъ посѣщенія директоромъ Коноваловымъ студенческаго буфета (извѣстный инцидентъ съ портретомъ Бебеля), студенты Горнаго института усмотрѣли попытку директора лишить ихъ той самостоятельности, во внутреннемъ распорядкѣ учрежденія, которая установилась у нихъ при прежней администраціи и которая, незадолго передъ тѣмъ по одному частному случаю, «была подтверждена ихъ депутатамъ совѣщаніемъ 9 профессоровъ». Студенты, собравшись на сходку 5 марта 1904 осудили» поведеніе директора Коновалова и въ своей резолюціи выразили надежду, «что подобное нарушеніе санкціонированныхъ совѣтомъ студенческихъ привиллегій, могущее породить весьма нежелательный острый конфликтъ между студентами и дирекціей, впредь мѣста имѣть не будетъ». Когда два депутата отъ сходки, студ. Яньковскій и Рейнвальдъ, лично передали директору резолюцію и этотъ послѣдній началъ ее читать, онъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ ея содержаніемъ и, вспыливъ, разорвалъ резолюцію, даже не дочитавъ ее до конца, и рѣзко крикнулъ депутатамъ, чтобы они уходили вонъ. Депутаты удалились и немедленно передали о случившемся сходкѣ, которая еще не расходилась. Студенты, возмущенные и оскорбленные такимъ грубымъ отношеніемъ директора Коновалова къ ихъ рѣшенію и ихъ депутатамъ, на той же сходкѣ постановили: «Студенты Г. И. глубоко возмущенные непорядочнымъ поступкомъ г. Коновалова по отношенію къ депутатамъ сходки заявляютъ членамъ совѣта, что они болѣе не считаются съ Коноваловымъ, какъ съ членомъ совѣта и его предсѣдателемъ, и предлагаютъ профессорамъ присоединиться къ этому постановленію».

Д. П. Коноваловъ, самъ раскаиваясь въ своемъ поступкѣ и побуждаемый нѣкоторыми профессорами, 6 марта пригласилъ къ себѣ двухъ оскорбленныхъ имъ депутатовъ и передъ ними лично выразилъ свое извиненіе въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ. Но когда зашла рѣчь объ извиненіи передъ сходкой за оскорбленіе ея депутатовъ, то по этому вопросу возникъ продолжительный разговоръ между г. Коноваловымъ и студентами Яньковскимъ и Рейнвальдомъ. Первый высказалъ мнѣніе, что извиненіе должно быть взаимное, что онъ готовъ извиниться передъ сходкой, но что и сходка должна передъ нимъ извиниться за содержаніе резолюціи. Студенты же, Яньковскій и Рейнвальдъ, держались того взгляда, который они высказали отъ себя лично, что сходкѣ не въ чемъ извиняться, такъ какъ она не оскорбляла г. Ковозалова, и что она на извиненіе, по ихъ мнѣнію, не согласится. Послѣ продолжительнаго разговора студенты ушли съ убѣжденіемъ, что г. Коноваловъ въ концѣ концовъ выразилъ свое желаніе извиниться передъ сходкой, не настаивая на взаимномъ извиненіи. 8 марта собралась сходка, на которой студенты Яньковскій и Рейнвальдъ передали весь свой разговоръ съ директоромъ Коноваловымъ. Хотя нѣкоторые изъ студентовъ упрекали Яньковскаго и Рейнвальда за то, что они вопреки постановленію предыдущей сходки вступили въ переговоры, на свою личную отвѣтственность, съ г. Коноваловымъ, однако вся сходка обнаружила болѣе миролюбивое настроеніе и приняла резолюцію, въ которой было сказано: «Принимая во вниманіе весь инцидентъ съ депутатами студенты горнаго института согласны,

подъ условіемъ непремѣннаго обѣщанія неприкосновенности учрежденій и традицій горнаго студенчества, принять отъ г-на директора глубокое сожалѣніе въ смыслѣ парламентскаго извиненія».

Эта резолюція чрезъ депутатовъ (Яньковскаго и Рейнвальда и еще трехъ другихъ) была представлена директору Коновалову. По вопросу о неприкосновенности студенческихъ учрежденій г. Коноваловъ сказалъ, что онъ лично гарантировать неприкосновенности не можетъ, такъ какъ это дѣло зависитъ отъ совѣта, но что онъ въ этомъ отношеніи ничего не предприметъ безъ совѣта или противъ совѣта. Такимъ разъясненіемъ депутаты были вполнѣ удовлетворены. Но по вопросу объ извиненіи г. Коноваловъ выразилъ удивленіе, что ему предлагается формула односторонняго извиненія, тогда какъ онъ, по его словамъ, допускалъ и принималъ только взаимное извиненіе. Хотя послѣ продолжительной бесѣды г. Коноваловъ призналъ, что бывшіе у него Яньковскій и Рейнвальдъ въ концѣ разговора могли вывести заключеніе о его согласіи на безусловное извиненіе передъ сходкой, однако, онъ заявилъ, что онъ только случайно не поставилъ этого требованія взаимности и что во всякомъ случаѣ, только при условіи извиненія сходки передъ нимъ, онъ согласенъ и на извиненіе съ своей стороны. Когда на сходкѣ 12 марта депутаты Яньковскій и Рейнвальдъ подробно изложили свой разговоръ съ директоромъ и его заявленіе, сходка большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного постановила не извиняться предъ Коноваловымъ; настроеніе сходки сдѣлалось рѣзко враждебнымъ въ отношеніи директора Коновалова. Почти единогласно было принято рѣшеніе протестовать противъ г. Коновалова, съ цѣлью добиться оставленія имъ поста директора института.

Но когда стали обсуждать формы протеста, между студентами обнаружился сильный расколъ. Большинство (235 человѣкъ противъ 77) присутствовавшихъ нъ сходкѣ приняло забастовку, т. е. прекращеніе всѣхъ занятій. Но многіе (62 человѣка) рѣшительно выступили противъ этого постановленія сходки и заявили, что они не подчинятся ему. При баллотировкѣ одинъ изъ студентовъ (Томилинъ) подписалъ на листѣ „противъ забастовки, оставляя за собою свободу дѣйствій“ и подписалъ свою фамилію. Затѣмъ подъ фамиліей Томилина подписались еще 62 студента, что и послужило основаніемъ къ образованію такъ называемой группы или партіи свобододѣйствующихъ. Вопросъ о забастовкѣ не былъ рѣшенъ на сходкѣ 12 марта, потому, что для этого, согласно практикѣ прежнихъ лѣтъ, требовалось большинство голосовъ всѣхъ студентовъ института, а не только присутствовавшихъ на сходкѣ. Отношенія между студентами обострились, чему особенно содѣйствовало то, что на листѣ подъ формулой свободы дѣйствія подписались многіе изъ тѣхъ студентовъ, которые раньше по другимъ вопросамъ какъ академическаго (веденіе дѣлъ въ студенческихъ учрежденіяхъ), такъ и политическаго (отношеніе къ русско-японской войнѣ) характера рѣзко расходились съ представителями лѣвой группы студентовъ, руководившей общимъ направленіемъ студенческой жизни. Дополнительный опросъ студентовъ производился уже несогласно съ установившейся традиціей, именно представителями лишь одного мнѣнія, сторонниками забастовки, а не обоихъ. На сходкѣ 15 марта были доложены результаты баллотировки по институту, по даннымъ, выяснившимся на судѣ, можно принять, что студентовъ въ Горномъ институтѣ въ то время было 624? изъ нихъ за забастовку высказалось 302, противъ забаставки съ сохраненіемъ свободы дѣйствія 98, нейтральныхъ 18 и остальные не опрошены. Такимъ образомъ яснаго непререкаемаго большинства за забастовку не было. Возникли горячія пренія. Сторонники забастовки, которыхъ на сходкѣ было большинство, постановили нейтральныхъ изъ отчета исключить. Благодаря такому искусственному пріему, было получено формальное большинство за забастовку, хотя и при этомъ совершенно ничтожное. Страсти разгорались, и въ то время, когда нѣкоторые изъ свободо-

дѣйствующихъ ходили въ качествѣ депутатовъ отъ сходки къ профессорамъ, сходка сдѣлала постановленіе исключить всѣхъ свобододѣйствующихъ изъ корпораціи студентовъ Горнаго института. Это рѣшеніе вызвало крайнее взаимное раздраженіе и озлобленіе. Нѣкоторые изъ сторонниковъ забастовки тутъ же перешли на сторону свобододѣйствующихъ, такъ что общее число голосовъ за забастовку уменьшилось до 296. При сильнѣйшемъ возбужденіи и взаимныхъ оскорбленіяхъ студенты, принявшіе формулу свободы дѣйствія, удалились со сходки и, несмотря на сравнительно позднее время, собрались на отдѣльную сходку. Сходка продолжалась очень не долго. На ней рѣшено было только продолжать занятія и послать депутацію къ профессорамъ съ слѣдующимъ постановленіемъ: „Группа студентовъ, высказавшаяся противъ забастовки и сохранившая за собою свободу дѣйствій, будучи исключена большинствомъ сходки 15 марта изъ студенческой корпораціи, сообщаетъ Вамъ, что она занятій не прекращаетъ".

Эта резолюція была потомъ доведена до свѣдѣнія профессоровъ. На этой же сходкѣ было одобрено предложеніе: составить свой особый организаціонный комитетъ. Но комитетъ этотъ не избирался и не былъ составленъ предсѣдателемъ сходки, какъ это дѣлалось обыкновенно въ Горномъ институтѣ. За организаціонный комитетъ былъ признанъ кружокъ студентовъ, составившійся раньше изъ нѣсколькихъ болѣе знакомыхъ и близкихъ другъ другу лицъ. Составъ образовавшагося такимъ путемъ организаціоннаго комитета группы независимыхъ былъ неизвѣстенъ большинству изъ тѣхъ, которые впослѣдствіи были помѣщены въ списокъ свобододѣйствующихъ, нѣкоторые же изъ нихъ даже и не знали о существованіи комитета. Комитету не было дано никакихъ полномочій, никакихъ руководящихъ указаній. Ему поручено было выработать „credo" группы, на которомъ можно было бы объединить тѣхъ лицъ, которыя до того времени были объединены общей формулой голосованія и общимъ исключеніемъ изъ корпораціи. Въ дальнѣйшемъ вся дѣятельность комитета ограничилась лишь составленіемъ двухъ бюллетеней. Никакого «credo» составлено не было. Никакихъ рѣшеній, которыя объединяли бы членовъ группы и были для нихъ обязательны, комитетъ не признавалъ и, вообще, онъ ни въ чемъ себя, какъ органъ партіи, не проявлялъ. Послѣ исключенія свобододѣйствующихъ, общестуденческая сходка вскорѣ разошлась, постановивъ собраться 17 марта для разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ забастовкѣ, причемъ забастовка оффиціально на сходкѣ еще не была объявлена. Съ 16 марта институтъ, распоряженіемъ администраціи, былъ закрытъ, и студенты уже не могли проникнуть въ зданіе. Организаціонный комитетъ въ бюллетенѣ № 1 (отъ 16 марта) объявилъ забастовку, какъ принятую сходкой, причемъ уже большинство показано въ 296 человѣкъ изъ 525, т. е. свобододѣйствующіе были исключены изъ счета. Въ то же время шесть профессоровъ института, которые вообще были солидарны между собою и которые всегда принимали живое участіе въ жизни института, стремились проявить все свое вліяніе въ духѣ умиротворенія студентовъ и съ этою цѣлью обращались къ директору Коновалову и къ совѣту, настойчиво рекомендуя имъ принять мѣры къ успокоенію, именно, при извиненіи со стороны директора, разрѣшить студентамъ собраться. Но не встрѣтивъ поддержки въ совѣтѣ 18 марта и чувствуя себя затронутыми рѣзкимъ заявленіемъ, которое директоръ позволилъ себѣ сдѣлать по отношенію одного изъ нихъ на совѣщаніи членовъ совѣта 18 марта, эти 6 профессоровъ ушли изъ засѣданія и подали прошенія объ увольненіи отъ должности, каковыя прошенія и были немедленно приняты.

Затѣмъ до 31 марта въ жизни института наступаетъ съ внѣшней стороны затишье. 31 марта (въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ) въ институтъ допущены по билетамъ студенты 5 курса, одни для дер-

жанія экзаменовъ, другіе для совѣщанія. По настойчивому требованію послѣднихъ инспекторъ отмѣнилъ экзамены, и всѣ студенты разошлись. 31 марта было вывѣшено на дверяхъ института объявленіе, приглашающее студентовъ составить экзаменаціонныя группы.

2 апрѣля въ институтъ по билетамъ были впущены студенты 5-го курса для держанія экзамена, не состоявшагося 31 марта, и одна группа 4-го курса (человѣкъ въ 50) для совѣщанія объ экзаменахъ. Экзаменъ начался. Но въ десятомъ часу толпа студентовъ забастовщиковъ, человѣкъ въ 80, проникла въ институтъ и произвела обструкцію, разбивъ почти во всѣхъ помѣщеніяхъ склянки съ вонючими жидкостями. Толпа вела себя крайне грубо, всѣ были въ пальто и шапкахъ, одинъ сторожъ былъ побитъ, по адресу студентовъ, собравшихся для экзамена, и по адресу профессоровъ раздавались ругательства. При обострившихся уже ранѣе отношеніяхъ между студентами, поведеніе обструкціонистовъ вызвало страшное раздраженіе среди ихъ противниковъ, бывшихъ въ институтѣ. Большинство студентовъ, среди которыхъ были и не свобододѣйствующіе, собрались въ инспекторской комнатѣ, въ которой воздухъ не былъ испорченъ. Тутъ шли оживленные разговоры, въ которыхъ назывались имена обструкціонистовъ, осуждались начальствующія лица и т. п. Сюда же пришелъ помощникъ инспектора Бальди, послѣ наблюденій на мѣстѣ обструкціи и сталъ составлять списокъ обструкціонистовъ. На судѣ не удалось установить вполнѣ точно и отчетливо во всѣхъ подробностяхъ то, что происходило въ инспекторской, такъ какъ главный свидѣтель помощ. инспектора Бальди далъ, повидимому, уклончивыя показанія. Одинъ изъ свидѣтелей (студ. Батуевъ) описываетъ сцену въ инспекціи такъ, какъ будто-бы Бальди записывалъ тѣ фамиліи, которыя ему назывались окружавшими его студентами, но указываетъ самъ только трехъ лицъ: Зѣнченко, Залемана (назвавшаго будто бы Гусарскаго, противъ чего протестовалъ онъ, Батуевъ, такъ какъ по его словамъ Гусарскій былъ названъ неправильно) и Андреева. Такое описаніе происходившаго не находитъ себѣ подтвержденія въ другихъ свидѣтельскихъ показаніяхъ. Упомянутые Батуевымъ гг. Зѣнченко и Залеманъ не подписали вызова на третейскій судъ и на судѣ не были. Студентъ же Андреевъ категорически отрицалъ правильность показанія Батуева. Помощникъ инспектора Бальди показываетъ, что нѣкоторые студенты (именно: Зѣнченко, Бутми-де-Кацманъ и Земницкій) дѣйствительно освѣдомлялись у него, записанъ ли такой-то, называя при этомъ фамиліи—какія онъ не помнитъ, и съ какой цѣлью онъ не знаетъ, но что тѣ лица, о которыхъ они справлялись, были уже раньше имъ внесены въ списокъ. Ни одинъ изъ названныхъ трехъ студентовъ, нынѣ горныхъ инженеровъ, не принимали участія въ процессѣ, и никто изъ нихъ на судѣ не былъ. Земницкій письмомъ къ Бальди протестовалъ противъ оговора, и г. Бальди въ письменномъ своемъ показаніи, данномъ позже, отказался отъ своихъ словъ въ отношеніи Земницкаго. Свидѣтель Бальди призналъ, что въ то время, когда онъ писалъ свой списокъ, студенты возбужденно и громко разговаривали между собою и что онъ воспользовался тѣмъ и внесъ двѣ, три подслушанныя имъ такимъ образомъ фамиліи. На основаніи свидѣтельскихъ показаній судъ считаетъ достовѣрно установленнымъ, что пом. инспек. Бальди составлялъ свой списокъ по сдѣланнымъ имъ раньше наблюденіямъ въ инспекторской комнатѣ на глазахъ студентовъ, которые собрались здѣсь и въ возбужденіи вели между собою оживленные разговоры; что многіе студенты (но не всѣ) знали о составленіи г. Бальди списка, что нѣкоторые студенты справлялись о томъ, внесенъ ли такой то, что нѣкоторые студенты смотрѣли списокъ, не дѣлая при этомъ никакихъ замѣчаній, или протестовали противъ внесенія. Вскорѣ послѣ ухода обструкціонистовъ, въ институтъ пріѣхалъ директоръ Коноваловъ. Судя по свидѣтельскимъ показаніямъ, онъ былъ окруженъ студентами, которые вступили съ нимъ въ разговоръ.

Разговоръ не велся правильно на опредѣленно поставленныя темы. Нѣкоторые требовали немедленнаго продолженія экзаменовъ, другіе требовали огражденія отъ обструкціи и т. п. Среди студентовъ было возбужденіе и г. Коноваловъ просилъ ихъ успокоиться, самъ-же хотѣлъ переговорить съ бывшими въ институтѣ инспекторомъ и профессорами. Черезъ нѣкоторое время оставшіеся въ институтѣ студенты были приглашены въ кабинетъ къ г. Коновалову, который сказалъ имъ, что экзамены на этотъ день отмѣняются, но что вообще они будутъ продолжаться.

Участники обструкціи въ числѣ 33 человѣкъ, были уволены изъ института и въ большей части высланы изъ Петербурга.

Какъ выяснилось на судѣ, обструкція не была устроена Орг. К. С. Г. И., а явилась дѣломъ иниціативы отдѣльныхъ студентовъ; нѣкоторые студенты, приняли въ ней участіе, даже не сочувствуя такому проявленію насилія, чтобы этимъ выразить свой протестъ и дать удовлетвореніе нравственному чувству противъ побѣждающихъ произвола и силы. Но обструкція, явленіе небывалое до тѣхъ поръ въ горномъ институтѣ, не увеличила числа сторонниковъ забастовки, напротивъ того, она ослабила ихъ. Послѣ того, еще 5 апрѣля была произведена группой студентовъ какая то демонстрація противъ директора Коновалова на улицѣ, у горнаго института. Она повлекла за собою увольненіе еще свыше 25 студентовъ по распоряженію г. министра земледѣлія и государ. имуществъ.

На судѣ одна изъ сторонъ пыталась свидѣтельскими показаніями установить участіе нѣкоторыхъ студентовъ при составленіи списка демонстрантовъ, особенно ст. Грунвальда. Но это обвиненіе ничѣмъ не подтвердилось. Всѣ обстоятельства дѣла приводятъ судъ къ убѣжденію, что оно происходило такъ, какъ его передаетъ пом. инспект. Бальди, именно, что г. Коноваловъ пригласилъ г. Бальди къ себѣ въ кабинетъ и, показавъ ему въ окно группы студентовъ находившихся на улицѣ передъ зданіемъ, приказалъ ему переписать ихъ, что Бальди и исполнилъ, разглядывая студентовъ въ бинокль черезъ окно. Послѣ того, черезъ нѣсколько дней начинаются экзамены, на которые сперва допускаютъ по билетамъ, выдававшимся какъ записавшимся въ экзаменаціонныя группы, такъ и по отдѣльнымъ прошеніямъ, согласно разрѣшенію директора, а затѣмъ экзамены пріобрѣтаютъ нормальный характеръ, причемъ, согласно показаніямъ администраціи, всего весною держало экзамены около 460.

Какъ выяснилось на судѣ, экзамены были начаты группами, образованными согласно объявленію инспектора. Въ первыхъ числахъ апрѣля такихъ группъ образовалось по одной на каждомъ курсѣ, хотя въ этомъ отношеніи стѣсненій не было и желающіе могли бы образовать новыя группы. Группы были составлены при ближайшемъ участіи двухъ или нѣсколькихъ лицъ на каждомъ курсѣ, которые собрали на листѣ подписи желающихъ экзаменоваться. Изъ свидѣтельскаго показанія студ. Соколова видно, что списки экзаменаціонныхъ группъ, вопреки господствовавшему до тѣхъ поръ порядку, должны были быть переданы непремѣнно директору, да еще съ особымъ условіемъ, они должны были быть переданы лично директору или быть оставлены для передачи директору съ визитными карточками. На судѣ не подтверждалось обвиненіе, предъявленное къ составителямъ группъ, въ томъ, что они держали какъ бы цензуру для допущенія къ экзаменамъ лишь благонадежныхъ, и что они приняли участіе въ выдачѣ билетовъ на входъ въ институтъ. Но совершенно установлено, что помощн. инспектора стремились навязать такую цензуру нѣкоторымъ студентамъ, что они при запросахъ относительно билетовъ для держанія экзаменовъ отсылали къ составителямъ группъ или къ другимъ студентамъ, стремясь, такимъ образомъ, привлечь студентовъ къ недостойной инспекторской дѣятельности въ отношеніи товарищей. На судѣ однако выяснилось, что такіе попытки инспекціи

остались безуспѣшными, что студенты, къ которымъ инспектора осмѣлились направлять товарищей, дали рѣшительный отпоръ этимъ предосудительнымъ поползновеніямъ, категорически заявивъ (какъ Ауэрбахъ, Соколовъ) требованія, чтобы это не дѣлалось. Инспекція должна была сама выдавать билеты желавшимъ держать экзамены, независимо отъ записи въ соотвѣтственныя группы, что она и дѣлала.

Вотъ всѣ фактическія обстоятельства дѣла, какъ они выяснились на судѣ, которыя послужили основаніемъ для обвиненій студентовъ получившихъ названіе свободѣйствующихъ со стороны свободомыслящихъ.

Выяснившіяся теперь на судѣ точныя очертанія различныхъ событій, происходившихъ въ институтѣ весною 1904 г., тогда въ разгарѣ борьбы не выдѣлялись съ такою опредѣленностью. Происходившія въ инспекторской комнатѣ послѣ обструкціи, бесѣда студентовъ съ директоромъ Коноваловымъ и составленіе экзаменаціонныхъ группъ породили вокругъ себя множество слуховъ, приписывавшихъ студентамъ одной партіи самые неблаговидные поступки въ отношеніи другой. Вполнѣ естественно, эти слухи концентрировались около тѣхъ лицъ, которыя рѣшительно выступили противъ забастовки, сдѣлавъ заявленіе о свободѣ дѣйствій. Орг. К. С. Г. И., видя полное крушеніе предпринятого дѣла, искалъ виновниковъ этого въ свобододѣйствующихъ.

Въ своихъ бюллетеняхъ онъ осыпаетъ ихъ самыми тяжкими въ моральномъ отношеніи обвиненіями. На судѣ выяснилось, что О. К. С. Г. И. при этомъ не производилъ никакой повѣрки циркулировавшихъ слуховъ и не стремился выяснить степень участія въ приписываемыхъ поступкахъ отдѣльныхъ лицъ. Находясь, съ одной стороны подъ угрозой административныхъ каръ, а съ другой—признавая свобододѣйствующихъ за партію прочно организованную и отвѣтственную за отдѣльныхъ членовъ—выписавъ въ одномъ изъ своихъ бюллетеней фамиліи свобододѣйствующихъ къ позорному столбу и не довольствуясь этимъ, О. К. С. Г. И. рѣшился вынести свою распрю за стѣны института и предать позору цѣлый рядъ студентовъ въ широкихъ общественныхъ кругахъ. Съ этой цѣлью О. К. составилъ особый листокъ, въ которомъ написалъ: „Свобододѣйствующіе студенты — это люди, пренебрегшіе самыми элементарными понятіями чести и нравственности, не остановившіеся ни передъ искательствомъ, ни передъ злостной клеветой, ни передъ доносомъ на товарищей. Въ сотрудничествѣ съ инспекціей ими былъ составленъ списокъ неблагонадежныхъ товарищей, посланный послѣ утвержденія его оставшимся составомъ совѣта въ С.-Петербургское охранное отдѣленіе: 60 человѣкъ исключено и уволено изъ института, причемъ большинство ихъ охранное отдѣленіе немедленно выслало изъ Петербурга. Доводя списокъ свобододѣйствующихъ до общаго свѣдѣнія, мы надѣемся, что ихъ ревностная дѣятельность найдетъ заслуженную оцѣнку и ляжетъ на нихъ тяжелымъ позорнымъ клеймомъ!“ Подъ этимъ заголовкомъ были помѣщены фамиліи 111 студентовъ. Здѣсь-же дальше было написано: „особенно были полезны инспекціи и полиціи и обнаружили блестящія способности студенты“: и затѣмъ приведены 17 фамилій изъ упомянутыхъ выше. О. К. постановилъ разослать на рудники и заводы этотъ листъ вмѣстѣ съ появившеюся въ то время запиской шести ушедшихъ профессоровъ, излагавшей всю исторію возникшаго конфликта. Въ этой запискѣ не подписанной профессорами, къ студентамъ относится лишь слѣдующее: „неужели кромѣ упрека профессорамъ въ поспѣшности, себялюбіи, въ удаленіи безъ борьбы ничего не могли придумать люди болѣющіе теперь о студентахъ и институтѣ. Нѣтъ, они придумали и другое. Они нашли возможнымъ привлечь нѣкоторыхъ студентовъ нравственно слабыхъ, безсильныхъ разобраться въ сложной коллизіи, созданной г. Коноваловымъ, или даже позорно павшихъ, къ совмѣстному обсужденію съ

инспекціей и г. Коноваловымъ степени виновности своихъ товарищей въ различныхъ формахъ волненій. Они совершили поступокъ безпримѣрный, даже въ исторіи нашей многострадальной школы, они не имѣли даже смѣлости дѣйствовать открыто, а спрятались за позорную цензорскую организацію павшихъ студентовъ во главѣ съ г. Коноваловымъ". Въ приведенныхъ словахъ не упоминаются никакія имена и не говорится именно о свобододѣйствующихъ. Въ нихъ высказываются упреки по адресу оставшихся профессоровъ, упреки, какъ это выяснилось на судѣ, не основательные, такъ какъ профессора никакого участія въ приписываемыхъ имъ дѣяніяхъ не принимали. Самая характеристика поступковъ студентовъ, сдѣланная въ запискѣ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, какъ она выяснилась на судѣ.

О. К. С. Г. И., разсылая вмѣстѣ съ своимъ листкомъ указанную выше записку профессоровъ, заставлялъ читателя думать, что они дополняютъ одно другое и что, приведенныя въ листкахъ имена, какъ разъ относятся къ цитированному выше мѣсту изъ записки профессоровъ. О. К. постановилъ разослать листокъ и записку (въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще и № газеты „Русь" со статьей Амфитеатрова) во всѣ рудники и заводы, причемъ никто изъ профессоровъ, писавшихъ записку, въ то время ничего не знали о такомъ назначеніи записки. Копированіе этихъ документовъ и самая разсылка совершалась нѣкоторыми студентами не членами комитета, позже въ іюлѣ, августѣ и даже осенью.

На судѣ выяснилось, что, помѣщая фамиліи въ своемъ листкѣ О. К. совершенно не интересовался удостовѣриться въ томъ, что къ этимъ студентамъ относятся предосудительныя дѣянія, отмѣченныя въ заголовкѣ. По свидѣтельству лицъ, уполномоченныхъ на судѣ говорить отъ имени бывшаго орг. ком., въ списокъ были занесены въ главной массѣ тѣ студенты, которые подписались подъ формулою свободы дѣйствія при баллотировкѣ вопроса о забастовкѣ (листъ на сходкѣ 12-го марта и листъ переданный предсѣдателю сходки 15 марта студ. Бѣлозоровымъ); затѣмъ въ него включены тѣ студенты, которые, не будучи занесены въ упомянутые списки заявили о своемъ присоединеніи къ этой формулѣ предсѣдателю сходки или позже уполномоченнымъ отъ орг. ком. лицамъ. Впрочемъ нѣсколько лицъ не подходитъ ни подъ одинъ изъ перечисленныхъ признаковъ и, повидимому, и причина занесенія ихъ въ списокъ осталась необъясненной. На основаніи данныхъ судебнаго разбирательства и документовъ судъ удостовѣряетъ, что при всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя послужили поводомъ для обвиненій, вмѣстѣ съ занесенными въ списокъ студентами, находились и многіе другіе. Такъ въ институтѣ послѣ обструкціи присутствовали не всѣ свобододѣйствующее, такъ какъ тогда тамъ могли быть толко студенты 5-го и частью 4-го курса, и что, кромѣ нихъ, было столько же, если не больше, изъ числа студентовъ, не занесенныхъ въ списокъ. Точно также въ составѣ первыхъ экзаменаціонныхъ группъ находятся на ряду съ именами свобододѣйствующихъ также и другія фамиліи. На судѣ выяснилось также, что въ группу особо отличившихся въ листкѣ О. К. были включены лица, которыя по своей предшествующей дѣятельности и по впечатлѣніямъ членовъ представляли орг. комитетъ, какъ главные организаторы группы, наиболѣе энергичные представители ея; въ отношеніи же поступковъ, квалифицированныхъ въ заголовкѣ списка, они, по свидѣтельству лицъ, уполномоченныхъ говорить отъ имени б. О. К. С. Г. И. ни въ чемъ особенномъ противъ остальныхъ не отличались.

Послѣ разсылки листковъ по рудникамъ и заводамъ, когда весь конфликтъ въ Горномъ институтѣ сдѣлался достояніемъ гласности въ газетахъ появились письма отдѣльныхъ лицъ и коллективныя, въ которыхъ по адресу свобододѣйствующихъ высказывались примѣрно

тѣ же обвиненія, что и въ листкахъ организаціоннаго комитета. Студенты, занесенные органиx. ком. въ позорный списокъ, отрицая всякую партійную организацію и круговую поруку и выражая полную готовность, каждый за себя отвѣчать за всѣ свои поступки и дѣйствія, вызвали б. орган. ком., быв. профессоровъ, а также и всѣхъ другихъ настоящихъ и бывшихъ студентовъ Горнаго института, высказывающихъ позорящія ихъ обвиненія, къ третейскому суду обвиняя ихъ въ клеветѣ. Именно изъ списка подписали вызовъ всѣ, кромѣ 32 лицъ.

Въ свою очередь, вызванныя къ суду лица, приняли сдѣланный имъ вызовъ, желая выяснить все дѣло и доказать, что они были правы, высказывая свое обвиненіе.

Третейскій судъ въ составѣ предсѣдателя К. К. Арсеньева и членовъ I. В. затѣмъ В. М. Гессена, Д. С. Зернова, П. Ф. Лесгафта, В. О. Люстиха, Н. Н. Печковскаго и И. П. Павлова принялъ къ своему разсмотрѣнію настоящее дѣло, посвятилъ ему 25 засѣданій, на которыхъ выяснились какъ обстановка, въ которой происходили событія, такъ и отдѣльныя подробности взаимныхъ недоразумѣній между спорящими сторонами.

Настоящій процессъ, кромѣ непосредственнаго значенія для участвующихъ въ немъ лицъ, имѣетъ большое значеніе политическое и общественное, потому что онъ раскрываетъ ту тяжелую атмосферу лжи и гнета, которая царитъ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ ихъ единственной заботой о безмолвіи и внѣшнемъ порядкѣ. Естественная борьба мнѣній между группами студентовъ, которая приносила бы хорошіе результаты, если бы руководящими началами жизни были свобода, личное достоинство и высокіе нравственные идеалы, при господствѣ системы управленія высшими учебными заведеніями на началахъ личной угодливости начальству и пренебреженія правами личности студента, принимаетъ самыя уродливыя формы, извращаетъ столь цѣнныя товарищескія отношенія въ студенчествѣ, пронизываетъ всю жизнь учебнаго заведенія духомъ взаимнаго раздраженія, злобы и ведетъ къ распаденію всѣхъ нравственныхъ и интеллектуальныхъ устоевъ высшей школы. Судъ считаетъ себя въ правѣ остановиться на общественномъ значеніи разсматриваемаго имъ дѣла. Но въ своемъ приговорѣ онъ не можетъ выйти изъ предѣла своей компетенціи, которая простирается лишь на лицъ, ему подчинившихся. Въ этихъ предѣлахъ судъ подвергаетъ своей оцѣнкѣ и приговору исключительно моральную сторону поступковъ и дѣйствій какъ цѣлыхъ студенческихъ группъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ.

Въ печальной исторіи Горнаго института на общемъ фонѣ разногласія между студентами по вопросу о томъ, прекращать занятія и экзамены или не прекращать, происходила борьба рѣзко несходныхъ между собою міровоззрѣній, представленныхъ съ каждой стороны быть можетъ немногочисленными, но точно опредѣлившимися и сплоченными кружками лицъ; здѣсь было столкновеніе между группой лѣвыхъ и группой правыхъ въ студенческой жизни. Поскольку идейная партійная борьба между студентами изъ группъ, такъ называемыхъ, свобододѣйствующихъ и свободомыслящихъ проявляется въ выясненіи общественной роли и значенія тѣхъ и другихъ, судъ не подвергаетъ ее своей оцѣнкѣ, какъ бы страстно она ни велась. Но чѣмъ выше въ культурномъ отношеніи стоитъ данная среда, тѣмъ строже моральныя требованія, которыя къ ней предъявляются. Поэтому въ настоящемъ процессѣ судъ подвергнулъ моральную сторону поступковъ и дѣйствій спорящихъ особенно тщательному разсмотрѣнію. При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится наша студенческая среда, когда внѣ ея и надъ ней стоитъ внѣшняя сила, въ лицѣ ближайшей мѣстной и общей администраціи, особой щепетильностью и полной безупречностью должны отличаться отношенія между борющимися между собою представителями студенческой среды и этой внѣшней силой въ различныхъ ея

формахъ. Административная сила преслѣдуетъ свои цѣли: она обладая неограниченной властью надъ студентами, можетъ причинить величайшій вредъ отдѣльнымъ лицамъ и всему учрежденію; она, дѣйствуя въ своихъ интересахъ, обыкновенно враждебно относится къ одной изъ спорящихъ сторонъ. Общее моральное чувство поэтому вполнѣ справедливо съ большою чуткостью относится ко всякимъ формамъ общенія между одной изъ борющихся сторонъ и этой внѣшней силой; оно не только безусловно осуждаетъ всякое прямое или косвенное содѣйствіе такой силѣ въ ея расправѣ съ одной изъ сторонъ, но склонно видѣть недопустимое нарушеніе товарищескаго долга, даже въ совершенно безразличныхъ по существу дѣйствіяхъ. Въ настоящемъ случаѣ дѣйствія директора Коновалова были осуждены студентами единодушно, безъ различія направленій. Слѣдовательно, во время конфликта административная власть въ горномъ институтѣ стояла, именно какъ внѣшняя враждебная студенчеству сила, не смягчаемая личными хорошими отношеніями между ея носителемъ и студентами. Вполнѣ естественно поэтому, что наиболѣе тяжкія обвиненія, которыя Орг. К. С. Г. И. высказалъ противъ свобододѣйствующихъ, относятся къ этой сторонѣ предполагаемыхъ отношеній ихъ къ администраціи. Она и выяснена судомъ съ особенной тщательностью. Свобододѣйствующимъ противная сторона вмѣняетъ въ вину, «въ преступленіе», 1) что они отвергли принципъ подчиненія большинству, какъ руководящій въ студенческой жизни, 2) что они содѣйствовали торжеству режима директора Коновалова, 3) что они нарушили элементарныя понятія товарищескаго долга и нравственности, принимая участіе въ различныхъ административныхъ мѣропріятіяхъ по отношенію къ своимъ товарищамъ. При этомъ подчеркивалось, что они все это дѣлали какъ съорганизованная партія, выполняя тѣмъ самымъ задачи и цѣли своей организаціи.

Первые два пункта касаются общественной и политической рол· группы свобододѣйствующихъ и, какъ уже выяснено выше, судъ ихъ не касается въ своемъ приговорѣ. Онъ считаетъ, однако, своимъ долгомъ отмѣтить, что второй пунктъ отличается полной неопредѣленностью и что въ дѣлѣ не имѣется никакихъ данныхъ, которыя позволили бы дать точный отвѣтъ по этому вопросу.

Что касается перваго пункта обвиненія, то прежде всего, по мнѣнію суда, голосованіе по формулѣ свободы дѣйствія никакъ не можетъ быть разсматриваемо какъ отрицаніе принципа большинства, вообще. На судѣ выяснилось, что этотъ принципіальный вопросъ и не обсуждался на сходкѣ, что дѣло касалось лишь частнаго вопроса о принятіи забастовки при наличности имѣвшихся тогда условій. И какова бы ни была съ общественной точки зрѣнія оцѣнка этого рѣшительнаго выдѣленія свобододѣйствующихъ изъ массы студентовъ по вопросу о держаніи экзаменовъ, судъ въ этихъ поступкахъ отдѣльныхъ лицъ не усматриваетъ въ моральномъ отношеніи ничего предосудительнаго и не дѣлаетъ никакихъ упрековъ отдѣльнымъ лицамъ, даже если бы они и собрались въ особую группу.

По вопросу о томъ, составляли ли свобододѣйствующіе сплоченную партію, отвѣтственную за дѣйствія отдѣльныхъ ея членовъ, судъ пришелъ къ отрицательному отвѣту. Тѣ внѣшніе признаки сходки и организаціонный комитетъ, которые по мнѣнію противной стороны характеризуютъ свобододѣйствующихъ, какъ партію, какъ выяснилось на судѣ, касались только формы и не заключали въ себѣ никакого содержанія. Сходка явилась естественнымъ послѣдствіемъ исключенія всѣхъ баллотировавшихся по одной формулѣ изъ студенческой корпораціи; это исключеніе и было объединяющимъ факторомъ. Сходка никакой программы для дѣйствій не выработала. Такъ наз. организаціонный комитетъ группы независимыхъ, съ своей стороны, никакого «credo» не представилъ и ничѣмъ группы не сплотилъ, хотя онъ самъ и состоялъ, б. м., изъ людей, объединенныхъ общимъ міровоззрѣніемъ,

Студенты V-го курса, конечно, должны были хорошо знать, что при нашихъ условіяхъ учебная администрація можетъ осуществить безпрепятственность экзаменовъ для группы желающихъ противъ рѣшенія большинства лишь путемъ полицейскихъ мѣръ съ наложеніемъ каръ на тѣхъ студентовъ, которые, правильно или ошибочно понимая волю студенчества стоятъ за прекращеніе занятій. Приведенный заголовокъ можетъ быть истолкованъ, какъ приглашеніе къ обезпеченію занятій путемъ полицейскихъ мѣръ и потому онъ недопустимъ съ точки зрѣнія студенческой этики. Что касается тѣхъ лицъ, которыя занесены въ списки экзаменаціонныхъ группъ и въ числѣ которыхъ, на ряду съ свобододѣйствующими, есть много и другихъ, то судъ признаетъ ихъ не заслуживающими никакихъ упрековъ, такъ какъ нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, чтобы они знали, куда и при какихъ условіяхъ представлялись эти списки. Они только выражали желаніе держать экзамены и записывались на листѣ: самый же списокъ составлялся и передавался по начальству составителями группъ безъ ихъ вѣдома. Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ коллективныя дѣйствія группы студентовъ, такъ называемыхъ свобододѣйствующихъ во время конфликта весною 1904 года, судъ не находитъ никакихъ основаній обвинять ее въ предательствѣ, доносахъ и другихъ подобныхъ позорныхъ дѣяніяхъ или въ попустительствѣ въ нихъ. Происходившее въ институтѣ послѣ обструкціи 2 апрѣля 1904 г. даетъ основаніе суду высказать студентамъ, бывшимъ тогда въ институтѣ, упрекъ въ отсутствіи надлежащей моральной чуткости и щепетильности. Но этотъ упрекъ никакъ не можетъ относиться ко всѣмъ лицамъ, записаннымъ въ листокъ Орг. К. С. Г. И., такъ какъ многіе изъ этихъ такъ называемыхъ свобододѣйствующихъ не были въ институтѣ, а также были многіе, не занесенные въ списокъ. При этомъ судъ объясняетъ себѣ обнаруженную тогда нѣкоторую притупленность нравственнаго чувства, съ одной стороны, общимъ возбужденіемъ и раздраженіемъ, которыя естественно вызвало грубое насиліе въ формѣ обструкціи, съ другой стороны, и общими условіями полицейскаго режима въ нашихъ школахъ, придавливающаго высокіе интеллектуальные и моральные интересы среди учащихся. Въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ, кромѣ составителей группъ, о которыхъ уже сказано, рѣшеніе суда будетъ приведено ниже.

Переходя къ оцѣнкѣ дѣйствій орг. к. с. г. и., судъ остановился только на условіи составленія, такъ называемаго проскрипціоннаго списка и разсылки его, совершенно не касаясь другихъ дѣйствій комитета, какъ органа сходки.

Изъ данныхъ слѣдствія судъ пришелъ къ заключенію, что о. к. въ отношеніи свобододѣйствующихъ перешелъ предѣлъ допустимыхъ пріемовъ партійной борьбы. Комитетъ могъ подвергнуть суровой безпощадной критикѣ общественное значеніе и роль для Горнаго института своихъ противниковъ. Вмѣсто того онъ выставилъ тяжелыя обвиненія чисто моральнаго характера противъ поименно перечисленныхъ лицъ, причемъ онъ сдѣлалъ это въ такой формѣ, что для непосвященнаго въ подробности дѣла оставались скрытыми и партійная борьба, и условія составленія списка, и фактическія основанія для взводимыхъ обвиненій. Даже при вполнѣ понятныхъ чувствахъ обиды и возмущенія, которыя вызывались въ членахъ орг. комитета при видѣ торжествующей силы и попранія студенческихъ правъ, даже при естественномъ негодованіи, которое именно въ нихъ могли возбуждать разсказы о сценахъ въ институтѣ послѣ обструкціи, орг. комитетъ не долженъ былъ забывать, что къ чести и достоинству личности, хотя-бы и противника, должно относиться съ величайшей бережливостью. Безъ точнаго разслѣдованія онъ не имѣлъ права приписывать позорные поступки и дѣянія переименованнымъ имъ лицамъ, которыхъ онъ самъ-же и помѣстилъ въ одинъ общій списокъ. Тѣмъ болѣе, онъ не имѣлъ права отмѣтить, какъ особо отличившихся въ этихъ позорныхъ

дѣяніяхъ, лицъ, которыхъ онъ самъ считалъ лишь стоящими во главѣ группы и противъ которыхъ не было никакихъ спеціальныхъ обвиненій.

Судъ самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ разсылку списка по рудникамъ и заводамъ, усматривая въ этомъ не только желаніе опозорить поименованныхъ лицъ въ глазахъ общества, но и стремленіе создать для нихъ матеріальныя затрудненія и бѣдствія. Разсылая вмѣстѣ съ своимъ листкомъ и записку профессоровъ орг. комитетъ тѣмъ придавалъ ему особый авторитетъ и значеніе и, такимъ образомъ, еще болѣе усугублялъ тяжелыя послѣдствія для обвиненныхъ имъ лицъ.

Что касается шести бывшихъ профессоровъ горнаго института, то они въ своей запискѣ подробно излагали со своей точки зрѣнія весь ходъ событій, происшедшихъ въ горномъ институтѣ весной 1904 г. Въ томъ мѣстѣ записки, которое одно только и можетъ быть отнесено къ свобододѣйствующимъ, они характеризовали способъ дѣйствія оставшихся профессоровъ и администраціи. Хотя самая формулировка обвиненій послѣ данныхъ судебнаго разбирательства должна быть признана не вполнѣ точной и правильной, однако, основанія для того, чтобы высказать упреки по адресу студентовъ, были именно въ обстоятельствахъ послѣ обструкціи, которыя во всѣхъ подробностяхъ тогда не могли быть установлены. Квалифицируя съ своей точки зрѣнія поступки студентовъ, о которыхъ безъ точныхъ указаній лицъ всѣ говорили, профессора въ своей запискѣ не называютъ никакихъ именъ и не указываютъ никакихъ спеціальныхъ группъ. И послѣ того, б. профессора неоднократно заявляли, что они именъ не знаютъ и никакихъ обвиненій къ отдѣльнымъ лицамъ или къ цѣлой опредѣленной группѣ не предъявляютъ. Распространеніе-же записки вмѣстѣ съ листкомъ о. к. с. г. и., какъ это съ несомнѣнностью установлено на судѣ, совершалось не только безъ согласія кого либо изъ шести б. профессоровъ, но также и безъ ихъ вѣдома. Въ виду всего изложеннаго судъ признаетъ бывшихъ профессоровъ не заслуживающими никакого упрека въ предѣлахъ установленной судомъ компетенціи.

Въ предыдущемъ изложено рѣшеніе суда относительно поступковъ, совершенныхъ цѣлыми группами студентовъ. Кромѣ того, судъ подробно разсмотрѣлъ всѣ тѣ данныя, которыя во время судебнаго разбирательства были выставлены противъ отдѣльныхъ лицъ.

Изъ всего списка свобододѣйствующихъ, въ которомъ поставлено 111 лицъ, на судѣ только 22 лица были поименно упомянуты въ связи съ какими либо приписываемыми имъ предосудительными поступками. Изъ нихъ студенты Залеманъ, Маломѣрковъ и бывшіе студенты, нынѣ горные инженеры: Заддэ, Земницкій, Зѣнченко, Бутми де-Кацманъ, Соколовъ Иванъ, зова къ третейскому суду не подписали и на судѣ не были. Относительно этихъ лицъ, какъ не подчинившихся суду, судъ никакого приговора не постановилъ. Студ. Воробьевъ, Ауэрбахъ, Деви, Берладинъ, Бѣлозоровъ Соколовъ Викторъ, Притула, Лебедевъ были составителями экзаменаціонныхъ группъ. Ихъ имена упоминались въ связи съ экзаменаціонными списками. По этому вопросу судъ обо всѣхъ перечисленныхъ лицахъ уже высказалъ свое сужденіе. Въ отношеніи другихъ дѣйствій этихъ лицъ судъ не нашелъ ничего, заслуживающаго упрека.

Студ. Фойгтъ и Духонь упоминались въ связи съ составленіемъ экзаменаціонныхъ списковъ. Но ничего порочащаго ихъ не установлено и судъ признаетъ ихъ свободными отъ всякихъ обвиненій.

Студентъ Макаровъ упоминался въ связи съ составленіемъ списка обструкціонистовъ. Собственнымъ показаніемъ Макарова и свидѣтельскими показаніями судъ считаетъ установленнымъ, что на предложеніе пом. Бальди, сдѣланное Макарову въ чертежной, въ присутствіи нѣсколькихъ студентовъ, пополнить списокъ обструкціони-

стовъ. Макаровъ отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ, но что онъ, дѣйствительно, взялъ посмотрѣть этотъ списокъ, причемъ протестовалъ противъ неправильнаго, по его мнѣнію, внесенія въ списокъ фамиліи студ. Алферова. На основаніи этого судъ считаетъ неправильнымъ обвинить Макарова въ участіи въ составленіи списка обструкціонистовъ. Судъ установилъ свое отношеніе къ поведенію студентовъ 2-го апрѣля послѣ обструкціи. Онъ не только не считаетъ возможнымъ выдѣлить Макарова изъ массы остальныхъ студентовъ въ худшемъ смыслѣ, но, напротивъ того, онъ отмѣчаетъ, что, именно, Макаровъ выразилъ свое негодованіе по поводу словъ пом. инсп. Бальди.

Студ. Андреевъ былъ названъ свидѣтелемъ Батуевымъ, какъ одинъ изъ тѣхъ, которые были будто-бы замѣчены свидѣтелемъ въ помощи пом. инсп. Бальди при составленіи списка. Показаніе Батуева отвергается самимъ Андреевымъ и никакими другими показаніями ни прямо, ни косвенно не подтверждается. Поэтому судъ по предъявленному обвиненію признаетъ студ. Андреева оправданнымъ и въ остальномъ поведеніи Андреева также ничего предосудительнаго не находитъ.

Б. студ. V курса, нынѣ горный инженеръ, Ковалевскій упоминался въ связи съ составленіемъ списка обструкціонистовъ. Ковалевскій былъ затронутъ на судѣ лишь по догадкѣ, не къ нему-ли относится одно мѣсто въ письмѣ свидѣтеля Гурскаго. Но на судѣ установлено, что указаніе г. Гурскаго никакъ не можетъ быть отнесено къ г. Ковалевскому, который поэтому и не признанъ судомъ виновнымъ въ чемъ либо предосудительномъ.

Студ. Леманъ показаніемъ Еджубова обвиняется въ томъ: будто-бы онъ упрекалъ пом. Воронина, что тотъ очень щедро разсылаетъ билеты для входа въ институтъ. Самъ студ. Леманъ на судѣ не былъ; другими же показаніями и обстоятельствами дѣла обвиненіе Лемана не было подтверждено. Судъ признаетъ предъявленное къ студ. Леману обвиненіе не доказаннымъ.

Студентъ Грунвальдъ обвинялся въ томъ, что будто-бы онъ принималъ участіе въ установленіи вмѣстѣ съ помощникомъ инспектора Бальди лицъ, которыя ходили около института 3-го и 5-го апрѣля. Обвиненіе было основано на показаніи нѣсколькихъ свидѣтелей, будто-бы его, Грунвальда, съ улицы видѣли стоящимъ въ зданіи института у окна вмѣстѣ съ Бальди. На основаніи данныхъ судебнаго разбирательства судъ признаетъ и самый фактъ совмѣстнаго пребыванія Грунвальда и Бальди не установленнымъ, обвиненіе-же Грунвальда въ помощи Бальди при составленіи списка рѣшительно ни на чемъ не основаннымъ. По этому обвиненію судъ признаетъ Грунвальда оправданнымъ. Но на судѣ выяснилось, что Грунвальдъ написалъ обширную статью относительно событій въ горномъ институтѣ въ «Петербургскомъ Дневникѣ» за подписью и, кромѣ того, отправилъ 2-го апрѣля 1904 года письмо за своею подписью директору Коновалову. Что касается газетной статьи, въ которой Грунвальдъ, по его собственнымъ словамъ, выступилъ какъ-бы въ роли интервьюера (впрочемъ, съ необозначенными въ статьѣ лицами), то въ ней можно отмѣтить лишь смѣлость обсужденія событій, соединенную съ односторонностью и пристрастностью. Хотя въ ней высказывается какъ-бы одобреніе системѣ ручательства студентовъ однихъ за другихъ, но во всемъ содержаніи статьи судъ не усматриваетъ чего-нибудь морально предосудительнаго для Грунвальда. Письмо же Грунвальда къ г. Коновалову, о которомъ судъ узналъ лишь изъ показаній свидѣтеля Останковича, свидѣтельствуетъ о нравственной неустойчивости г. Грунвальда. Судъ остановился на оцѣнкѣ этого его поступка. На судѣ выяснилось, что Грунвальдъ на сходкѣ 12-го марта говорилъ рѣчь, принятую сочувственно всей сходкой, въ которой онъ приглашалъ всѣхъ студентовъ объединиться въ протестѣ противъ дѣйствій Коновалова. Между тѣмъ, письмо Грунвальда къ Коновалову отъ 2-го апрѣля написано слогомъ лести и подобострастія. Въ немъ также г. Грун-

вальдъ предвидитъ строгую кару, могущую постигнуть институтъ за царящій въ немъ духъ неповиновенія и упорства. Онъ пишетъ дальше: «Положеніе достигло крайней напряженности, разрѣшить которую можно только полнымъ объединеніемъ занимающагося студенчества, исходящимъ изъ авторитетнаго источника, т. е. отъ начальства». Г. Грунвальдъ, между прочимъ, пишетъ, что только въ немъ, Коноваловѣ, и его авторитетномъ словѣ можно искать въ трудныя минуты жизни надежду. Письмо заканчивается такъ: „Еще разъ настойчиво выражаю увѣренность, что Вы, Ваше превосходительство, дадите подъ знаменемъ науки необходимое объединеніе и твердую почву той немалой группѣ студентовъ, которымъ эта наука дорога и необходима".

Видя въ письмѣ г. Грунвальда прямое обращеніе къ административной власти, г. Коновалову, противъ поведенія котораго онъ-же, Грунвальдъ, протестовалъ на сходкѣ; усматривая въ его содержаніи стремленіе автора обратить вниманіе начальства на какую-то особую группу занимающагося студенчества въ отличіе отъ группы «общественныхъ дѣятелей» и просьбу объ объединеніи первой группы подъ предводительствомъ начальства для борьбы со второй группой, судъ, взвѣсивъ наличность всѣхъ обстоятельствъ того времени, призналъ это обращеніе къ г. Коновалову съ письмомъ даннаго содержанія нравственно предосудительнымъ для г. Грунвальда. Судъ признаетъ, однако, въ качествѣ смягчающаго обстоятельства, что г. Грунвальдъ, отправляя это письмо, не зналъ о карахъ, послѣдовавшихъ за обструкціей 2 апрѣля, и что г. Грунвальдъ, въ силу его тяжелаго личнаго и матеріальнаго положенія, вынужденъ былъ добиваться возможно скорѣйшаго окончанія курса.

Изъ группы студентовъ настоящихъ и бывшихъ, принадлежащихъ на судѣ къ противникамъ, такъ наз., свобододѣйствующихъ, судъ, кромѣ названныхъ ему поименно г.г. б. членовъ орг. К. С. Г. И., о дѣйствіи которыхъ уже высказано сужденіе, счелъ необходимымъ въ своемъ приговорѣ отмѣтить еще г.г. Мушкетова, Нацвалова, Пумпянскаго и Батуева.

Студентъ Мушкетовъ, вначалѣ подписавшій формулу свободы дѣйствія и даже выражавшій удовольствіе по поводу выдѣленія изъ корпораціи, позже, но еще до обструкціи 2 апрѣля, написалъ г. Рейнвальду письмо, въ которомъ просилъ его освободить отъ «свободы дѣйствія», которая состоится въ «свободѣ дѣлать подлости». На судѣ выяснилось, что студ. Мушкетовъ не располагалъ никакими данными, которыя подтверждали бы правильность такого тяжелаго обвиненія группы студентовъ. Между тѣмъ, Мушкетовъ не могъ не предвидѣть, что такое обвиненіе, высказанное группѣ однимъ изъ принадлежавшихъ къ ней, должно было быть особенно вѣскимъ въ глазахъ всѣхъ, и потому оно должно было отразиться особенно тяжело на добромъ имени и чести всѣхъ лицъ, имъ затронутыхъ. Дѣйствительно, на письмо Мушкетова ссылались какъ на безспорное доказательство предосудительнаго поведенія свобододѣйствующихъ и въ обществѣ горныхъ инженеровъ, и въ минералогическомъ обществѣ, и въ газетахъ. Даже и тогда, когда значеніе письма въ дѣлѣ опороченія свобододѣйствующихъ было вполнѣ очевидно, Мушкетовъ не позаботился устранить всякія недоразумѣнія по поводу того, что онъ не располагалъ никакими объективными доказательствами правильности своего сужденія, а высказывалъ лишь свое мнѣніе. Въ виду всего этого судъ призналъ поступокъ Мушкетова заслуживающимъ порицанія.

Б. студентъ Нацваловъ, какъ выяснилось на судѣ, написалъ письмо въ газету «Русь» (№ 359) за подписью Л. Н. Въ немъ онъ между прочимъ, говоритъ, обращаясь къ свобододѣйствующимъ: «Когда эти нѣкоторые изъ Васъ, по выбору или произвольно соединившись въ организаціонный комитетъ, именемъ группы творили «доносъ», Вы, блюстители науки, молчали».

Какъ выяснилось на судѣ, Нацваловъ, когда высказывалъ такое

обвиненіе, не имѣлъ для него никакихъ реальныхъ доказательствъ. На судѣ обвиненіе также ничѣмъ не подтвердилось. Такое легкое отношеніе къ чести и достоинству другихъ, со стороны Нацвалова, судъ признаетъ заслуживающимъ порицанія.

Студентъ Пумпянскій также написалъ письмо въ газету «Русь» (№ 360) за подписью П; въ немъ онъ говоритъ, что связь между инспекціей горнаго института и нѣкоторыми студентами, проявлявшаяся въ административныхъ совокупныхъ дѣяніяхъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Между тѣмъ, на судѣ выяснилось, что Пумпянскій, высказывая обвиненіе, не основывался на какихъ-либо провѣренныхъ фактахъ. Кромѣ того, Пумпянскій, скрывая свое авторство, продолжалъ поддерживать хорошія отношенія съ свобододѣйствующими, весною же 1904 года записался въ экзаменаціонную группу тотчасъ послѣ обструкціи 2-го апрѣля и принялъ живое участіе въ бесѣдѣ съ директоромъ Коноваловымъ. Такое неопредѣленное поведеніе Пумпянскаго судъ признаетъ заслуживающимъ порицанія.

Студ. Батуевъ, судя по его показаніямъ и по показаніямъ другихъ свидѣтелей, былъ все время въ институтѣ послѣ обструкціи, присутствовалъ при составленіи списка въ инспекціи и при бесѣдѣ съ директоромъ Коноваловымъ, онъ не воспользовался этимъ случаемъ, чтобы громко выразить свой протестъ и призвать студентовъ къ большей нравственной строгости и щепетильности въ отношеніи товарищей, и въ тотъ же день вписался въ экзаменаціонную группу. Судъ признаетъ это поведеніе студ. Батуева заслуживающимъ упрека.

Судъ не разсматривалъ подробно тѣхъ писемъ и замѣтокъ, появившихся въ газетахъ, о которыхъ не было сдѣлано спеціальнаго упоминанія во время судебнаго разбирательства, и потому не включаетъ въ свой приговоръ сужденія объ авторахъ этихъ писемъ и замѣтокъ, если даже они и были въ числѣ подчинившихся ему лицъ.

Судъ долженъ еще высказать свое рѣшеніе по обвиненію, выставленному противъ одного студента, не включеннаго въ списокъ свобододѣйствующихъ, именно противъ студ. 3-го курса Драгутина-Поповича. Въ томъ листкѣ, который былъ разосланъ въ рудники и заводы, О. К. С. Г. И., въ концѣ, послѣ списка свобододѣйствующихъ, написано: «Справедливость требуетъ отмѣтить еще одного «почтеннаго дѣятеля», изъ трусости не рѣшившагося приписаться къ партіи свобододѣйствующихъ, студ. 3-го курса Драгутина-Поповича. Вмѣстѣ со студ. Ф. М. Малышевымъ онъ на довольно выгодныхъ условіяхъ поступилъ въ платное услуженіе «инспекціи». Прежде всего судъ отмѣчаетъ, что, какъ вполнѣ выяснилось на судѣ, слова «платное услуженіе инспекціи» должны были указать только на то, что Поповичъ завѣдывалъ издательскимъ дѣломъ по изданію и продажѣ лекцій, за жалованье, а вовсе не за какія-либо другія отношенія его къ инспекціи. Г. Поповичъ работалъ прежде у издательской комиссіи выборной отъ студентовъ, получая за это 25 руб. въ мѣсяцъ. Послѣ закрытія института Поповичъ разошелся съ членами издательской коммиссіи, которые стремились къ тому, чтобы складъ былъ совсѣмъ закрытъ для студентовъ. Впослѣдствіи, когда складъ былъ по постановленію совѣта института открытъ, Поповичъ согласился на предложеніе директора и инспектора продолжать веденіе дѣла, но потребовалъ вознагражденія въ увеличенномъ размѣрѣ до 50 руб. Поповичу было поставлено его противниками еще въ вину, будто бы онъ присваивалъ себѣ 25 руб. мѣсячнаго вознагражденія, которое причиталось его помощнику, студ. Никшичу. Что касается этого послѣдняго обвиненія, то судъ признаетъ его совершенно необоснованнымъ, такъ какъ по выяснившимся на судѣ даннымъ, Поповичъ имѣлъ всѣ основанія думать, что Никшичъ отказывается отъ своихъ 25 руб. въ личное для него одолженіе, за что онъ и выражалъ неоднократно Никшичу свою глубокую признательность. По поводу продолженія дѣятельности по изданію лекцій при новомъ управленіи этимъ дѣломъ совѣта и инспек-

ціи, судъ долженъ признать, что мотивы, которыми руководился Поповичъ, не оставляя дѣла, дѣйствительно были серьезны и не заключали въ себѣ ничего нравственно предосудительнаго. Однако, судъ выражаетъ сомнѣніе, что Поповичъ призналъ возможнымъ въ то тяжелое время, какое тогда переживалъ институтъ, добиваться увеличенія вознагражденія за свой трудъ.

Относительно студ. Фед. Малышева, упоминаемаго вмѣстѣ съ Поповичемъ, въ судѣ ничего предосудительнаго неустановлено.

Исполнивъ возложенную на него обязанность, третейскій судъ выражаетъ надежду, что настоящее рѣшеніе, раскрывъ нѣкоторыя больныя мѣста существующаго строя нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, положитъ конецъ прискорбной распрѣ между студентами горнаго института, внесетъ большую корректность въ пріемы партійной борьбы и освѣтитъ условія, могущія обезпечить нормальное теченіе жизни учащейся молодежи.

Резолюція подписана предсѣдателемъ суда К. Арсеньевымъ и членами: Д. Зерновымъ, В. Люстихомъ, П. Лесгафтомъ и И. Павловымъ.

М. г. Не могу не выразить своего удивленія по поводу оглашенія въ „Нов. Вр." (№ 10517, отъ 14 іюня 1905 г.) рѣшенія третейскаго суда о студентахъ горнаго института, такъ какъ таковое пока еще подписано не всѣми членами суда.

Вслѣдствіе неоднократныхъ выѣздовъ моихъ изъ Петербурга, въ концѣ мая и началѣ іюня, а также и другихъ обстоятельствъ, я не могъ въ указанный періодъ принимать участія въ совѣщаніяхъ суда (отсутствовали и другіе члены суда, вслѣдствіе чего неоднократно указывалось на необходимость отложить окончательное рѣшеніе дѣла до осени).

9-го іюня вечеромъ мнѣ доставлена копія проекта рѣшенія, подписаннаго пятью членами, а 10 іюня утромъ я снова выбылъ изъ Петербурга. Обсуждая въ настоящее время въ деталяхъ весь приговоръ, я еще не сообщилъ члену суда, у котораго хранится подлинникъ проекта рѣшенія, найду ли даже возможнымъ подписать его въ настоящемъ его видѣ.

На самомъ дѣлѣ я далеко несогласенъ ни съ нѣкоторыми его положеніями, ни съ редакціей отдѣльныхъ частей его. Между тѣмъ оглашеніе его на ряду съ моей фамиліей, приведенной въ составѣ суда, дѣлаетъ меня какъ бы солидарнымъ со всѣмъ, въ немъ заключающимся.

Такой фактъ является страннымъ, даже у насъ, гдѣ уваженіе къ чужому мнѣнію,—conditio sine qua non—истинной свободы мнѣній,—вообще мало кому доступно и свойственно.

Еще разъ выражая глубокое изумленіе опубликованію, не подписаннаго еще, окончательнаго рѣшенія, прошу покорно редакцію „Нов. Вр." и другихъ газетъ, напечатавшихъ таковое, помѣстить на своихъ столбцахъ и настоящее мое письмо.

14 іюня 1905 г.
Финляндія Рики—Ярвы.

Членъ Третейскаго суда по дѣлу о студентахъ горнаго института

Н. Печковскій.

Письмо ст. Батуева въ ред. газ. „НОВОСТИ"

Третейскій судъ.

Цѣлый годъ студенчество страстно ждало полнаго и яснаго освѣщенія коноваловской исторіи и... что-же оно получило?! Рядъ фразъ относительно режима и цѣлый рядъ постановленій, идущихъ въ разрѣзъ со студенческимъ взглядомъ на вещи, какъ, напримѣръ, на принципъ большинства.

Завѣса еще плотнѣе закрыла арену дѣйствій, выяснены лишь детали, помѣшавшія постановкѣ и ходу пьесы, и которыя опытный режиссеръ непремѣнно учтетъ въ будущемъ, если только и далѣе «Нов. Вр.» будетъ торжествовать, что даже «передовые люди въ Россіи оправдали свободу дѣйствій». Третейскій судъ въ своемъ отчетѣ говоритъ: «Чѣмъ выше въ культурномъ отношеніи стоитъ данная среда, тѣмъ строже моральныя требованія, которыя къ ней предъявляются», а потому-де судъ и подвергнулъ поступки и дѣйствія особенно тщательному разсмотрѣнію. На этой основѣ и постараюсь разобрать постановленіе суда по моему адресу:

«Студентъ Батуевъ, судя по его показаніямъ и по показаніямъ другихъ свидѣтелей (sic), былъ «все время» въ институтѣ послѣ обструкціи, присутствовалъ при составленіи списка въ инспекціи и при бесѣдѣ съ директоромъ Коноваловымъ, онъ не воспользовался этимъ случаемъ громко выразить свой протестъ и призвать студентовъ къ большей нравственной строгости и щепетильности въ отношеніи товарищей, и въ тотъ-же день «вписался» въ экзаменаціонную группу. Судъ признаетъ это поведеніе студента Батуева заслуживающимъ упрека».

Эта формулировка поражаетъ меня своей странностью, чтобы не сказать болѣе. Во-первыхъ, я былъ въ инспекціи не «все время». Я вошелъ, какъ показывалъ на судѣ, когда запись обструкціонистовъ была въ полномъ разгарѣ, когда списокъ уже подходилъ къ концу, вошелъ, чтобы узнать, зачѣмъ меня вызывали билетомъ въ инспекцію. Во-вторыхъ, я не вписывался въ экзаменаціонную группу. Когда мнѣ поставили вопросъ, буду-ли я держать экзамены, я отвѣтилъ; «когда позволятъ обстоятельства, я буду держать». Затѣмъ я ушелъ изъ инспекціи. Лишь около 10-го апрѣля я случайно узналъ, что меня вписалъ Бальди въ группу. Билетъ на право входа я получилъ около 18-го числа, экзамены-же сталъ держать въ маѣ, когда уже держало большинство института. Такова была моя запись въ группу, таково тщательное отношеніе суда къ дѣлу.

Я уже заслужилъ упрекъ въ той части постановленія третейскаго суда, гдѣ онъ упрекаетъ *всѣхъ* за присутствіе въ инспекціи въ моментъ составленія списка, если только, конечно, можно вмѣнить мнѣ въ вину мое невольное присутствіе,—зачѣмъ-же суду понадобилось еще разъ особенно выдѣлять меня и вторично упрекнуть за то-же самое?!

Если судъ упрекаетъ тѣхъ, кто неосторожно, въ «частныхъ» разговорахъ произносилъ (?) громко фамиліи участниковъ обструкціи, то, по меньшей мѣрѣ, странно упрекать того, кто случайно зашелъ въ инспекцію и «частныхъ» разговоровъ не велъ. Вѣдь, должна же быть соблюденной, хоть ради приличія, градація проступковъ.

Теперь коснусь того кульминаціоннаго по странности пункта, который судъ поставилъ мнѣ въ вину. Я долженъ былъ призвать студентовъ къ большей нравственной строгости и щепетильности въ отношеніи товарищей; кромѣ того, судъ выражаетъ сожалѣніе, что среди студентовъ не нашелся ни одинъ, который обратился-бы къ товарищамъ со словомъ протеста. Подобное постановленіе суда нелогично и непослѣдовательно! Наивно требовать отъ человѣка, надышавшагося до одурма-

вѣнія меркаптановъ и пораженнаго невиданной картиной въ инспекціи,— цѣлой массы такихъ качествъ, какъ находчивость, даръ слова, чрезвычайная смѣлость и... исключительная физическая сила. Безъ послѣдняго аргумента участь увѣщевателя была-бы плачевной. Вспомните объ избіеніи Лемперта и о совѣщаніи относительно примѣненія той-же мѣры къ проф. Богдановичу.

Далѣе, когда я немного пришелъ въ себя, то, услышавъ, что Залеманъ въ числѣ обструкціонистовъ назвалъ Гусарскаго, съ негодованіемъ сказалъ ему: «Если доносите, то доносите хоть правду — Гусарскаго тамъ не было". Но на это получилъ отвѣтъ:

„Если не было, то могъ быть". Какого сорта увѣщаніе могло подѣйствовать на подобныхъ людей? Къ тому-же необходимо принять во вниманіе обстановку и жажду реванша со стороны свобододѣйствующихъ.

Быть можетъ, не хорошо, что я заступился за Гусарскаго, но нельзя-же требовать отъ человѣка невозможнаго.

Нелогично, что въ одномъ мѣстѣ своего постановленія судъ считаетъ держаніе экзаменовъ въ моральномъ отношеніи не заслуживающимъ упрека, а нѣсколькими строчками ниже упрекаетъ студента за то, что его записали. Непослѣдовательно упрекать за то, что не призвали, въ общемъ, почти безупречную среду къ большей моральной строгости и щепетильности.

Судъ утверждаетъ, что поведеніе части свобододѣйствующихъ въ инспекціи не ухудшило положенія товарищей обструкціонистовъ, и что эта часть не содѣйствовала торжеству режима Коновалова. Представляю судить объ этомъ всякому, кто хотя немного знаетъ наши высшія учебныя заведенія. Съ трогательною тщательностью судъ находитъ смягчающія обстоятельства такимъ поступкамъ свобододѣйствующихъ, какъ поступокъ Грунвальда. Тутъ принято все во вниманіе: и личное, и матеріальное положеніе, и жажда скорѣйшаго окончанія курса. Странная привилегія!

Коснусь еще постановленія суда относительно Андреева. Судъ находитъ, что фактъ шпіонства съ его стороны ни прямо, ни косвенно не подтвердился. А мои свидѣтельскія показанія?!

Разъ судъ оправдалъ Андреева, то единственнымъ приличнымъ выходомъ было-бы признать ложность моихъ показаній и учредить судъ надо мной. Но судьи, признающіе „легкое отношеніе къ чести и достоинству другихъ, заслуживающихъ порицанія",—этого не сдѣлали!...

Чтобы показать, насколько дѣйствительно постановленіе суда относительно того, что не было непосредственнаго доноса со стороны кого-либо на товарищей, приведу письмо бывшаго свобододѣйствующаго, теперь горнаго инженера:

„На вопросы, касающіеся шпіонства, попрошу вспомнить, какъ мы вмѣстѣ посѣтили инспекцію, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда нѣкоторые студенты со злорадствомъ называли Бальди фамиліи замѣченныхъ товарищей. Всѣхъ помощниковъ мы видѣли съ тобой вмѣстѣ и вмѣстѣ-же ушли домой, возмущаясь низостью, до которой могутъ дойти студенты". Это письмо на судѣ не фигурировало, такъ какъ оно получено лишь на дняхъ.

Въ заключеніе скажу, что подобное постановленіе суда не внесетъ успокоенія въ среду студентовъ горнаго института.

М. Батуевъ.

Документы.

Резолюція сходки отъ 31 Января 1904 г. по поводу вторженія г. Коновалова въ санитарно-техническій кружокъ. (Къ стр. протоколов: 36; 182; 254 и 281).

„Высоко цѣня свою самодѣятельность, студенчество горнаго института рѣшительно отвергаетъ всякія попытки извнѣ къ измѣненію условій его жизни, исторически сложившихся и освященныхъ многолѣтнимъ общеніемъ съ совѣтомъ профессоровъ. Въ частности, по поводу неумѣстнаго вмѣшательства г. директора въ дѣятельность санитарно-техническаго кружка, сходка энергично протестуетъ противъ присутствія чиновъ инспекціи на его засѣданіяхъ и предлагаетъ впредь въ отсутствіе д-ра Никольскаго выбирать предсѣдателемъ, безразлично, студента или профессора".

Резолюція той же сходки по поводу приглашенія, черезъ посланныхъ съ резолюціей депутатовъ, г. Коноваловымъ на молебенъ, назначенный на 2 февраля, о ниспосланіи побѣды русскому оружію. (См. стр. прот. 282).

„Въ виду того, что въ настоящее время правительство стремится привлечь народъ на время войны, явившейся естественнымъ результатомъ традиціонной политики русскаго имперіализма, при чемъ дѣлается все возможное, чтобы замаскировать историческія противорѣчія—интересовъ народа и правящей бюрократіи—студенты горнаго института, собравшись на сходкѣ 31 января, большинствомъ 67 голосовъ противъ 40, осуждаютъ близорукое поведеніе нѣкоторой части студенчества, своими патріотическими манифестаціями вводящей въ заблужденіе народъ относительно политики правительства".

Манифестъ группы патріотовъ отъ 4-го февраля (См. стр. проток. 282 и 283).

„Мы удивляемся, что теперь, когда Россія въ опасности, русскимъ студентамъ приходится организовать партію патріотовъ. Грустный и неслыханный фактъ! Но что же дѣлать, когда въ средѣ нашего студенчества находятся такіе элементы, которые имѣли безстыдство вынести резолюцію, подобную принятой на сходкѣ 31 января. Честно-ли, при грозящей родинѣ опасности отъ внѣшнихъ враговъ, идти въ разрѣзъ съ общимъ подъемомъ духа Честно-ли въ эту важную минуту не болѣть сердцемъ за кровь хотя бы одного русскаго солдата и не сочувствовать взрыву патріотизма нашего народа? А между тѣмъ на стѣнахъ горнаго института появилось искаженіе манифеста, глумленіе надъ патріотическими чувствами, дѣйствительно охватившими всю Россію. Неужели же мы не сплотимся, неужели допустимъ, чтобы на студенчество горнаго института легло позорное пятно въ измѣнѣ отечеству? Въ виду важности—вышеизложеннаго необходимо всѣмъ студентамъ института явиться на сходку во вторникъ 10 Февраля, въ 12 ч. дня.

„Группа патріотовъ".

„P. S. Группа студентовъ—патріотовъ Горнаго института, опасаясь своей малочисленности и принимая во вниманіе корреспонденцію „Гражданина“, сообщающую, что таковыхъ (студентовъ—патріотовъ) въ университетѣ имѣется до 600 человѣкъ, обращается къ нимъ за поддержкой“.

Приглашеніе отъ О. К. Г. П. Г. И. на сходку, разосланное въ открытыхъ конвертахъ. (См. стр. прот. 283 и 284).

„На 10 Февраля отъ 12 час. назначена сходка. Организаціонный комитетъ группы патріотовъ Горн. инст. въ экстренномъ своемъ засѣданіи выработалъ слѣдующую программу сходки, которой и предлагаетъ придерживаться:

1) Вопросъ о резолюціи, вынесенной сходкой 31 янв. (только 67 чел.).

2) Произволъ столовой комиссіи.

3) Протестъ противъ анонимной ругани на стѣнахъ института“

„Группа Независимыхъ“.

Резолюція сходки отъ 10 февраля, созванной „группой патріотовъ“. (См. стр. прот. 284).

„Въ виду того, что настоящая война съ Японіей является слѣдствіемъ политики, основанной на привиллегіяхъ меньшинства въ ущербъ громадному большинству русскаго народа, а также въ значительной степени авантюризма, характернаго для правительственныхъ предпріятій на Дальнемъ Востокѣ, студенты горнаго института, большинствомъ 215 противъ 21, исходя изъ положенія, что патріотизмъ обязываетъ къ служенію интересамъ народа, а не кучки его эксплоататоровъ, выражаетъ глубокое негодованіе правительству, какъ виновнику народнаго бѣдствія, и рѣшительное осужденіе той части русской молодежи, которая своими псевдо-патріотическими манифестаціями и всеподданѣйшими адресами пошла на встрѣчу желаніямъ правящей клики:—расположить народъ въ пользу безчеловѣчной, не въ его интересахъ предпринятой войны“.

Резолюція группы патріотовъ, выдѣлившихся со сходки, отъ 10 Февраля. (См. стр. прот. 284 и 285).

Группа студ. Горнаго Инст. въ 140 чел. увѣдомляетъ васъ, что на сходкѣ 10 февраля 215 чел. противъ 21-го постановили выразить „глубокое негодованіе правительству“ и „рѣшительное порицаніе патріотическимъ манифестаціямъ“ (полная резолюція вывѣшена въ курилкѣ). Означенная группа въ 140 человѣкъ вынесла слѣдующую резолюцію:

„Отказываясь отъ всякой баллотировки политическихъ вопросовъ мы, нижеподписавшіеся, высказываемъ полное несогласіе съ тѣми изъ студентовъ горн. инст., которые позволяютъ себѣ въ столь тяжелые для каждаго русскаго человѣка дни, критиковать и порицать проявленіе патріотическихъ чувствъ“. Приглашаемъ Васъ 13 и 14 Февраля явиться въ институтъ, чтобы подать голосъ за ту или другую резолюцію. Голоса отбираютъ, отъ 12 до 4 ч. дня выбранные студ.: на I кур.—Маломѣрковъ и Лебедевъ; на II кур.—Викт. Соколовъ и Притула; на III кур.—Бауэръ и Леманъ; на IV кур.—Стахурскій и Ю. Макаровъ; на V курсѣ—Постриганевъ и Штейгеръ.

Списокъ лицъ, пожертвовавшихъ на флотъ послѣ вынесенной отъ 10 февраля резолюціи, (См. стр. прот. 285).

1) Дэви
Тиграновъ *
Штейгеръ
Соколовъ
5) Постриганевъ
Ковалевскій
Соломосъ *
Алексѣевъ. V.
Гавриловъ. III.
10) Твердохлѣбовъ *
Бѣлозоровъ
Богдановъ
Батуевъ *
Ауэрбахъ
15) Ю. Макаровъ
Степановъ V.
А. Андреевъ
Коленскій *
Лидеръ *
20) Кузьмицкій
Кузнецовъ
Громовъ *
Латышевъ
Саввичъ
25) Бауэръ
Першке
Духонь
Фойгтъ
Егоровъ
30) Задде
Серцевъ *
Кардашевъ *
И. Бароновъ
Эйлеръ
35) Стахурскій
Рейнъ *
Ильинскій
Газадиновъ
N. N.
40) Горé
Иванцовъ
Земницкій
Берладинъ
Веселкинъ *
45) Леманъ
В. Волковъ
Залеманъ
Гернгроссъ
Качаловъ
50) Пятницкій
Злотницкій
Берлингъ *
Зеленцовъ
Лобковскій *
55) Д. В. К.
Урбановичъ
Магула
П. III.
Сокальскій
60) Воробьевъ
Бриземейстеръ *
Булахъ
Чулковъ *
Томилинъ
65) Виноградовъ *
Фитингофъ
Юматовъ *
Скаредовъ
Ю. Алферовъ *
70) Мышенковъ
Лопатинъ
Кирилловъ *
Костецкій
Анненскій *
75) Казанцевъ
Оводенко *
Брандтъ *
Сланскій
Анитовъ
80) Бреконъ
Басовъ *
Ждановъ *
Мухинъ
84) Кучинъ

61 + 23 = 84.
(къ стр. прот. 285).

Резолюція сходки отъ 5 марта, представленная г. Коновалову депутатами.
(къ стр. пр. 47, 49,—50, 100,—1, 135, 255).

Студенты Г. И., на сходкѣ 5 марта, выслушавъ и обсудивъ инцидентъ, имѣвшій мѣсто 3/III между директоромъ института г. Коноваловымъ и предсѣд. столовой коммиссіи студ. Бокіемъ, постановили:

«Видя въ этомъ инцидентѣ нетактичное отношеніе г. Коноволова къ инспектору, въ вѣдѣніи котораго находится надзоръ за буфетомъ, студенты кромѣ того констатируютъ полное невниманіе г. директора къ договору, существующему между совѣтомъ и студентами, касательно невмѣшательства чиновъ инспекціи въ курилку, предоставленную этимъ договоромъ въ полное распоряженіе студентовъ.

Объясняя себѣ такое отношеніе г. директора его неосвѣдомленностью относительно упомянутаго договора, студенты надѣются, что подобное нарушеніе санкціонированныхъ совѣтомъ студенческихъ привиллегій, могущее породить весьма нежелательный острый конфликтъ между студентами и дирекціей, впредь мѣста имѣть не будетъ».

Резолюція сходки отъ того же числа послѣ изгнанія г. Коноваловымъ депутатовъ.
(къ стр. пр. 255).

«Студенты Г. И., глубоко возмущенные непорядочнымъ поступкомъ г. Коновалова по отношенію къ депутатамъ сходки, заявляютъ г.г. чле-

---

*) Примѣчаніе. Означенные звѣздочками лица не вошли въ составъ группы „свобододѣйствующихъ".

намъ совѣта, что они болѣе не считаются съ г. Коноваловымъ, какъ съ членомъ совѣта и его предсѣдателемъ и предлагаютъ г.г. профессорамъ присоединиться къ этому постановленію».

Постановленіе сходки отъ 8-го марта (къ стр. пр. 256).

«Принимая во вниманіе весь инцидентъ съ депутатами, студенты Г. И. согласны, подъ условіемъ непремѣннаго обѣщанія неприкосновенности учрежденій и традицій горнаго студенчества, принять отъ г. директора глубокое сожалѣніе въ смыслѣ парламентскаго извиненія».

Г. Коноваловъ продиктовалъ депутатамъ: „Вамъ двоимъ выразилъ глубокое сожалѣніе и уполномочилъ передать это товарищамъ. Лицамъ, пославшимъ этихъ двухъ, готовъ также выразить глубокое сожалѣніе, (*въ томъ случаѣ если они съ своей стороны также выразятъ мнѣ сожалѣніе за содержаніе своей резолюціи*).

Слова заключенныя въ скобки пропущены при окончательной формулировкѣ случайно“.

Резолюція сходки отъ 12-го марта (къ стр. пр. 256,—9).

«Въ виду того, что дѣятельность г. Коновалова за время его кратковременнаго пребыванія въ роли директора Г. И., дала несомнѣнные доказательства его враждебнаго отношенія ко всему строю студенческой жизни въ Г. И., а въ послѣднемъ актѣ разорванія постановленія сходки и изгнанія ея депутатовъ съ послѣдовавшимъ затѣмъ отказомъ принести извиненіе приняла явно угрожающій характеръ и поставила студенчество въ необходимость выбора между прежними условіями его жизни, исторически сложившимися и освященными многолѣтнимъ общеніемъ съ совѣтомъ профессоровъ, и ломкою этихъ условій, связанной съ пребываніемъ г. Коновалова въ роли директора.

Студенты Г. И., выражая свое довѣріе и благодарность Совѣту профессоровъ и протестуя противъ вызывающаго поведенія г. Коновалова, находятъ себя вынужденными прекратить академическія занятія впредь до оставленія имъ поста директора Г. И».

(Высказалось за резолюцію 235 противъ 77).

Бюллетень № 1.

(Къ стр. проток. 19 и 20, 29, 30, 32,—3, 41, 49, 50. 67, 69, 70, 89, 99 100, 214,—5, 250,—1,—3, 254,—5,—6,—7,—8, 285,—6, 596,—7,—8).

Организаціоннаго Комитета Студентовъ Горнаго института.

Послѣ инцидента сорванія портрета Бебеля г. Коноваловымъ, имѣвшаго мѣсто 3 марта 1904 г. въ буфетѣ горнаго института, 5 марта состоялась сходка, которая вынесла резолюцію, осуждающую подобный образъ дѣйствія г. Коновалова и выражающую надежду студентовъ, что подобные акты нарушенія традицій горнаго института впредь мѣста имѣть не будутъ. Резолюція эта была вручена директору черезъ депутатовъ. Г. Коноваловъ разорвалъ резолюцію, не успѣвъ ее прочесть, и въ крайне неприличной формѣ выгналъ депутатовъ изъ своего кабинета. На 8-ое

марта была назначена полномочная сходка для обсужденія этого инцидента. Въ виду того, что депутатамъ было сообщено о готовности г. Коновалова принести студенчеству „сожалѣніе за случившееся, въ смыслѣ парламентскаго извиненія",—сходка согласилась принять послѣднее, подъ условіемъ обѣщанія г. Коновалова ненарушенія имъ студенческихъ традицій.—Принятая формула была вручена ему черезъ инспектора. Такъ какъ г. Коноваловъ отвѣтилъ призваннымъ по этому случаю депутатамъ, что согласенъ принести свое сожалѣніе только въ томъ случаѣ, если студенчество предварительно принесетъ ему свое сожалѣніе за содержаніе разорваной имъ резолюціи. 12-го марта состоялась новая полномочная сходка, которая единогласно отвергла предложеніе г. Коновалова выразить ему свое сожалѣніе по поводу резолюціи 5 марта и затѣмъ, большинствомъ всѣхъ голосовъ, противъ 18, „нашла невозможнымъ помириться съ пребываніемъ г. Коновалова на посту директора горнаго института". Послѣ долгихъ преній по поводу формы протеста, большинствомъ 234 противъ 77, сходка приняла слѣдующую резолюцію: „Въ виду того, что дѣятельность Коновалова за время его недолгаго пребыванія въ роли директора горнаго института, дала несомнѣнныя доказательства его враждебнаго отношенія ко всему строю студенческой жизни въ Горномъ институтѣ, а въ послѣднемъ актѣ разорванія постановленія сходки и изгнанія ея депутатовъ, приняла угрожающій характеръ, и поставило студенчество въ необходимость выбора между прежними условіями его жизни, исторически сложившимися и освѣщенными многолѣтнимъ общеніемъ съ совѣтомъ профессоровъ, и ломкою этихъ условій, связанныхъ съ пребываніемъ г. Коновалова въ роли директора—студенты горнаго института, выражая свое довѣріе и благодарность совѣту профессоровъ, и протестуя противъ вызывающаго поведенія г. Коновалова, находятъ себя вынужденными прекратить академическія занятія, впредь до оставленія г. Коноваловымъ поста директора Горнаго института».

Между присутствующими была принята круговая порука. Было постановлено произвести добаллотировку между студентами, не участвовавшими въ сходкѣ. На 15-ое марта была назначена сходка, для выслушанія результатовъ баллотировки и, въ случаѣ положительнаго рѣшенія вопроса о забастовкѣ, объявленія ея начала. Въ виду возможности закрытія института, предсѣдателемъ было объявлено, что разультаты голосованія и начало забастовки будетъ возвѣщено Организаціоннымъ Комитетомъ.—15-го марта состоялась многолюдная сходка. Были прочтены результаты баллотировки. *Изъ 624 лицъ*, фактически числящихся въ Институтѣ, 13 воздержались, 18—нейтральныхъ, присоединяющихся къ рѣшенію большинства; изъ остальныхъ 593—302 высказались за забастовку, 140 противъ, 1 особое мнѣніе подчиняющагося большинству и 69 сохраняющихъ за собою „свободу дѣйствій" въ смыслѣ неподчиненія большинству, 92 не могли быть опрошены по разнымъ причинамъ. Группа высказавшихся за „свободу дѣйствій", не желая во что-бы то ни стало объявленія забастовки, приложила всѣ усилія, чтобы затянулись обсужденія. Нѣкоторые члены ея не остановились предъ явно недобросвѣстными пріемами, чтобы бросить тѣнь на правильность веденія баллотировки. Ихъ обструкція фактически удалась, и уже послѣ долгихъ и крайне обостренныхъ преній, сходкою единогласно была признана правильность веденія баллотировки. Тотчасъ же послѣ этого сходка постановила исключить группу сохраняющихъ „свободу дѣйствій" изъ среды корпораціи студентовъ горнаго института, въ виду непризнанія ими основнаго принципа подчиненія меньшинства большинству. Затѣмъ частью студентовъ былъ поднятъ опять вопросъ о круговой порукѣ. Были предложены различныя формы ея. Въ виду крайней утомленности присутствовавшихъ, обусловленной острымъ характеромъ преній съ группой „свободы дѣйствій", имѣвшей результатомъ печальный случай съ предсѣдателемъ сходки, и позднимъ временемъ,—собраніе не остановившись на формѣ круговой поруки и не исполнивъ главной своей задачи, объявленія дня начала забастовки,

постановило произвести сборъ подписей за круговую поруку между всѣми членами студенческой корпораціи. Сходка кончилась въ началѣ девятаго часа вечера. Сегодня 16-го марта институтъ, а также и студенческая столовая, въ виду рѣшенія студенчествомъ забастовки, закрыты министерствомъ земледѣлія и госуд. имуществъ до начала экзаменовъ.

Въ виду изложенныхъ событій, Организ. Комитетъ въ засѣданіи своемъ 16-го марта принялъ слѣдующія рѣшенія:

I. На основаніи единогласнаго признанія сходкой 15 марта правильности результатовъ баллотировки, Орган. Ком. выполняя задачу сходки 17-го марта, не могущей состояться за закрытіемъ института, объявляетъ съ 16-го марта въ горномъ институтѣ забастовку, принятую 296 голосами (нѣсколько человѣкъ перемѣнили свое мнѣніе на сходкѣ 15-го марта до окончательнаго утвержденія результатовъ баллотировки) изъ 525 (окончательная цифра не подчинившихся большинству—отдѣльныхъ посѣтителей горнаго института 99 ч.) при 13 воздержавшихся и 18 нейтральныхъ.

II. Со дня объявленія забастовки Орган. Ком. предлагаетъ товарищамъ воздержаться отъ всякой сдачи проектовъ и репетицій, нарушающей смыслъ принятаго рѣшенія.

III. Въ виду совершенной невыясненности вопроса о формѣ круговой поруки, что порождаетъ среди подписывающихся за нее многочисленныя недоразумѣнія, Орган. Ком. беретъ на себя иниціативу прекращенія сбора подписей за круговую поруку впредь до установленія ея формы, возможнаго вмѣстѣ съ выясненіемъ общаго положенія дѣлъ лишь на сходкѣ, которая будетъ созвана Орган. Ком. тотчасъ по открытіи института.

Обращаясь въ первый разъ къ товарищамъ Орган. Комитетъ призываетъ ихъ къ солидарности въ принятомъ рѣшеніи, особенно необходимой въ настоящее время, когда совмѣстное обсужденіе общихъ дѣлъ не можетъ состояться.

О. К. С. Г. И.

16-го марта 1904 г.
С.-П.-Бургъ

Приглашеніе группы „независимыхъ" къ подачѣ голосовъ отъ 12 марта. (Къ стр. прот. 285, 584,—5, 597,—8).

По поводу инцидента съ г. Коноваловымъ на сходкѣ 12-го марта прошла забастовка большинствомъ 222-хъ противъ 80-ти и 5-ти нейтральныхъ, присоединяющихся къ большинству института, выдѣлились 55 человѣкъ въ особую группу (послѣ сходки присоединилось еще 7 человѣкъ, итого 62), высказавшуюся противъ забастовки съ сохраненіемъ „свободы дѣйствій". Въ настоящее время производится доборъ голосовъ по институту. Въ виду этого приглашаемъ Васъ, если Вы желаете присоединиться къ вышеуказанной группѣ, явиться въ понедѣльникъ отъ 10 ч. до 12 ч. въ институтъ и въ чертежной 5-го курса подать свой голосъ.

Группа независимыхъ.

Бюллетень № 1.

«Орг. Ком. Груп. Независ.». (Къ стр. прот. 21,—22).

Исторія студенческихъ движеній послѣднихъ годовъ показала, что забастовка, какъ средство протеста, не выдерживаетъ критики. И дѣйствительно мы видимъ, что послѣднія попытки устроить забастовку потерпѣли фіаско. Студенчество въ общей своей массѣ не сочувствуетъ ей, находя ее не цѣлесообразной. Не смотря на это группа студентовъ горнаго института избрала забастовку, какъ средство борьбы съ директоромъ. Поставивъ себѣ забастовку цѣлью означенная группа старалась

насильно навязать ее всему студенчеству Г. И., прибѣгнувъ для проведенія ея ко всѣмъ дозволеннымъ и недозволеннымъ средствамъ партійной борьбы. Насильственный образъ дѣйствія этой партіи не могъ не вызвать энергичный протестъ и этотъ протестъ вылился въ реальную форму. Возмущенные и принужденные къ тому обстоятельствами, студенты образовали особую группу, заявившую себя противниками забастовки и оставившую за собой „свободу дѣйствія". Выдѣлившійся изъ ея среды организаціонный комитетъ началъ энергично агитировать и эта группа „Независимыхъ" дѣйствовала настолько успѣшно, что очень скоро разрослась. На слѣдующей сходкѣ лица, стоящія за забастовку, увидѣвъ, что они не справятся съ группой, выждавъ пока большое число студентовъ уже разошлись, поставили вопросъ объ исключеніи группы изъ студенческой корпораціи, что имъ и удалось. Группа „независимыхъ" ушла со сходки и устроила свое совѣщаніе, которое и вынесло слѣдующую резолюцію, посланную къ членамъ совѣта:

I. Группа студентовъ высказавшаяся противъ забастовки и сохранившая за собой „свободу дѣйствій", будучи исключена большинствомъ сходки 15-го марта изъ студенческой корпораціи сообщаетъ Вамъ, что она занятій не прекращаетъ и постановила:

а) считать себя отдѣльной корпораціей,

б) поручить организаціонному комитету привлечь къ этому всѣхъ сочувствующихъ,

в) выработать въ дальнѣйшемъ credo и программу дѣйствій.

С.-Петербургъ 17-го марта 1904 г.

Организаціонный комитетъ Группы независимыхъ.

Бюллетень № 2.

(Къ стр. прот. 12, 286, 585 и 598). Организац. комит. Студ. Горн. Инст.

Политика г. Коновалова, приведшая его къ столкновенію со студенчествомъ, не замедлила сказаться серіозными осложненіями въ отношеніяхъ его къ совѣту профессоровъ. Вчера, 18-го марта, на засѣданіи совѣта нѣкоторой его частью былъ поднятъ вопросъ о причинѣ и мѣрахъ улаженія возникшаго конфликта въ институтѣ. Оскорбительное поведеніе г. Коновалова по отношенію къ авторамъ запроса имѣло слѣдствіемъ демонстративный уходъ 6-ти профессоровъ изъ залы засѣданія. Сегодня, 19-го марта, профессора И. П. Долбня, К. И. Богдановичъ, В. И. Бауманъ, Л. И. Лутугинъ, В. В. Никитинъ, П. Н. Яковлевъ подали прошенія объ увольненіи ихъ отъ должностей, занимаемыхъ ими въ горномъ институтѣ. Г. Коноваловъ, столько разъ говорившій о своемъ намѣреніи управлять институтомъ совмѣстно съ совѣтомъ профессоровъ, теперь въ вопросѣ столь близко его касающемся, въ вопросѣ, гдѣ онъ заинтересованная сторона,—теперь нашелъ болѣе удобнымъ освободить совѣтъ отъ его обязанностей. Не спросивъ его согласія, онъ разсылаетъ опросные листки съ предложеніемъ всѣмъ студентамъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы: желаетъ-ли онъ держать экзаменъ и желаетъ-ли онъ подчиняться институтскимъ правиламъ. Не надо много опыта и прозорливости, чтобы видѣть, что цѣль, повидимому невиннаго, вопроса—раздробить студенчество на разныя группы въ „цѣляхъ педагогическаго воздѣйствія". Полагая, что единообразіе отвѣтовъ должно парализовать всякія попытки раздробленія, Орг. Ком. предлагаетъ всѣмъ студентамъ отвѣчать на вопросы начальства: да, да!

Въ виду выяснившагося намѣренія начальства возобновить институтскія занятія путемъ раздѣленія студенчества на разныя группы и категоріи и впуска таковыхъ по билетамъ, Орг. Ком. предлагаетъ на будущее время во 1-ыхъ, не давать путемъ отвѣтовъ на опросы начальства матеріала для раздробленія студенчества и не отвѣчать до полученія

постановленія Орг. Ком., гарантирующаго единообразіе отвѣтовъ и во 2-ыхъ, не пользоваться никакими билетами для входа въ институтъ. По открытіи же института для всѣхъ студентовъ, Орг. Ком. будетъ созвана полномочная общеинститутская сходка для выясненія положенія дѣлъ.

О. К. С. Г. И.

С.-П.-Бургъ, 19 марта 1904 г.

Заявленіе 6 профессоровъ въ совѣтъ горнаго института отъ 18-го марта 1904 г. (Къ стр. 20,—1. 27, 51. 67. 89, 90, 100,—1, 126).

Въ совѣтъ горнаго института заявленіе.

По поводу теченія академической жизни Горнаго Иститута за послѣднее время г. предсѣдатель совѣта института въ совѣщаніи профессоровъ 15 марта выразилъ опредѣленное мнѣніе, а именно, что ненормальное теченіе у ней жизни есть слѣдствіе—1) глубокой деморализаціи студенчества, какъ корпораціи: 2) полнаго паденія авторитета совѣта, какъ учрежденія, регулирующаго академическую жизнь.

Одной изъ причинъ такого положенія вещей, по мнѣнію г. предсѣдателя, является между прочимъ и педагогическая неопытность группы членовъ совѣта, будто бы позволившихъ себѣ однажды выступить отъ имени совѣта съ заявленіемъ, послужившимъ основаніемъ для превратнаго толкованія студентами неприкосновенности нѣкоторыхъ изъ ихъ учрежденій и явившимся такимъ образомъ, между прочимъ, ближайшимъ поводомъ къ неумѣстному постановленію группы студентовъ на счетъ ихъ отношенія къ г. директору института, и къ его представителю. Вполнѣ соглашаясь, что разговоръ съ представителями студенчества восьми профессоровъ, собравшихся по предложенію временно исполнявшаго обязанности директора для обсужденія недоразумѣнія между имъ и студентами, могъ быть понятъ студентами, какъ заявленіе совѣта—мы, какъ принимавшіе участіе въ совѣщаніи, сочли своимъ нравственымъ долгомъ подтвердить публично передъ всѣми студентами, что они заблуждаются относительно гарантіи со стороны совѣта неприкосновенности ихъ учрежденій. Въ такомъ подтвержденіи въ настоящее время, строго говоря, не было надобности, такъ какъ съ разрѣшенія совѣта послѣ упомянутаго совѣщанія, было второе, уже вполнѣ и по своей обстановкѣ, частное совѣщаніе группы профессоровъ съ представителями студентовъ, когда, казалось, было вполнѣ выяснено, что желанія относительно неприкосновенности ихъ учрежденій не могутъ быть осуждаемы совѣтомъ и что профессора разсматриваютъ съ ними этотъ вопросъ главнымъ образомъ съ цѣлью выяснить сущность ихъ учрежденій. Тогда же студентамъ было заявлено, что единственно что могутъ сдѣлать для нихъ профессора, это обратить къ новому директору просьбу о бережномъ отношеніи къ обычаямъ, установившимся въ студенческой жизни. Слѣдовательно, ссылка студентовъ на будто бы состоявшееся соглашеніе между ними и совѣтомъ помимо всякаго вліянія какой либо группы профессоровъ; тѣмъ не менѣе въ виду возможной всетаки неосвѣдомленности студентовъ на счетъ разницы между совѣтомъ и частнымъ совѣщаніемъ профессоровъ, хотя бы и во главѣ съ предсѣдателемъ совѣта, мы, повторяемъ, сочли своимъ долгомъ еще разъ разъяснить студентамъ въ самой категорической и рѣшительной формѣ неосновательность ихъ ссылокъ на какое то соглашеніе съ совѣтомъ. Оставляя въ сторонѣ мнѣніе относительно паденія авторитета совѣта, какъ фактически необоснованное, необходимо остановиться на первомъ пунктѣ, упомянутомъ въ началѣ. Наблюдаемыя нами несовершенства студенческаго строя мы бы не рѣшились охарактеризовать столь безнадежнымъ эпитетомъ, какъ полная деморализація, и было бы несправедливостью не видѣть причинъ этихъ неустройствъ въ сложныхъ современныхъ условіяхъ высшей школы. Вполнѣ ясное отношеніе къ этому вопросу со стороны совѣта

горнаго института выразилось въ одновременной работѣ комиссіи по пересмотру какъ учебнаго плана, такъ и правилъ дѣйствующихъ въ институтѣ. Отъ спокойнаго и авторитетнаго проведенія въ жизнь института нормъ имѣвшихъ быть выработанными съ полнымъ, казалось, основаніемъ совѣтъ ожидалъ органическаго улучшенія положенія нашей академической жизни. Ни на минуту не сомнѣваясь въ авторитетности передъ студентами своихъ постановленій, совѣтъ облекъ своимъ довѣріемъ различныхъ членовъ для совмѣстной работы, въ указанномъ совѣтомъ направленіи. Студенты готовы были идти на встрѣчу ожидаемой созидательной дѣятельности совѣта и относились къ работамъ коммиссіи съ довѣріемъ. Спокойная работа коммиссіи была прервана неожиданнымъ возстаніемъ недоразумѣнія въ отношеніяхъ между студентами и г. директоромъ. Недоразумѣніе приняло сразу такую рѣзкую и необычайную вообще форму, что оставаться безучастнымъ зрителемъ надвигавшихся событій едва ли было возможно. Обмѣнявшись мыслями по этому поводу группа профессоровъ рѣшилась просить г. директора найти какой либо мирный исходъ и изъ созданнаго положенія. Вопреки ожиданіямъ, къ глубочайшему нашему сожалѣнію, мѣра принятая г. директоромъ по нашей просьбѣ, не привела къ желаемымъ результатамъ.

Предвидя развитіе конфликта со всѣми его тяжелыми послѣдствіями, мы сдѣлали послѣднюю попытку въ томъ же примирительномъ направленіи. Попытка эта, вызванная исключительно сознаніемъ своихъ обязанностей по отношенію къ институту и студентамъ, встрѣчена была со стороны г. директора упрекомъ въ нашей педагогической неопытности. Мы никогда не имѣли преувеличеннаго понятія о своей педагогической опытности, тѣмъ болѣе, что не существуетъ внѣшняго критерія для ея опредѣленія. Но нѣкоторый житейскій опытъ въ довольно разнообразныхъ положеніяхъ для однихъ изъ насъ, быть можетъ, индивидуальныя черты характера для другихъ и, для третьихъ, опредѣленныя взгляды на отношеніе къ слушателямъ высшей школы, столь недавно выставлявшіеся руководителями народнаго образованія въ Россіи, какъ наиболѣе цѣлесообразные, — указывали всѣмъ намъ путь, которому надлежитъ слѣдовать: путь справедливости и искренности. Для всѣхъ насъ одинаково ясно ненормальное положеніе студенческихъ учрежденій, подъ-часъ уродливыя формы которыхъ неоднократно такъ ярко были обрисованы г. предсѣдателемъ нашего совѣта. Но сквозь эти уродливыя формы мы видимъ также и выраженіе неуголимой и законной жажды общественной жизни. Одинъ изъ насъ путемъ долгаго опыта, а другіе, которымъ еще чужды всѣ педагогическіе традиціи, чувствомъ свѣжаго человѣка,—и всѣ одинаково— мы не видѣли и не видимъ неизбѣжной необходимости въ принятіи какихъ нибудь экстренныхъ мѣръ, не ожидая результатовъ начатыхъ работъ въ отношеніи подъема научнаго духа и созданія нормъ студенческой жизни.

Если бы мѣра, предложенная по нашей просьбѣ г. директоромъ въ понедѣльникъ 8 марта, повела къ исчерпанію инцидента, вѣроятно намъ не пришлось бы выслушать упрека въ неопытности, ибо „все хорошо, что хорошо кончается". Понимая, что неуспѣхъ этой мѣры могъ вызвать неудовольствія и даже упреки по адресу ея иниціаторовъ, мы, тѣмъ не менѣе не можемъ помириться съ тѣмъ освѣщеніемъ, которое неожиданно получилъ весь инцидентъ на экстренномъ совѣщаніи г. г. профессоровъ 15 марта. Упорство студентовъ и нежеланіе признать за собой хотя бы часть вины въ возникшемъ недоразумѣніи, какъ упомянуто, было почти всецѣло отнесено на счетъ нежелательнаго вмѣшательства группы профессоровъ, которые своими неосторожными заявленіями могли посѣять среди студентовъ неосновательныя предположенія. Какъ уже было сказано, такое обвиненіе фактически невѣрно: никто не можетъ быть отвѣтственъ за то или иное использованіе его словъ; строго избѣжать этого возможно только сохраняя глубокое молчаніе. Но этого мало: былъ высказанъ такой упрекъ въ активномъ противодѣйствіи группы профес-

соровъ предначертаніямъ предсѣдательствующаго въ совѣтѣ по вопросу объ управленіи институтомъ. Достоинство такого коллегіальнаго учрежденія какъ совѣтъ, вполнѣ обезпечиваетъ свободное выраженіе каждымъ его членомъ своего мнѣнія и представляетъ каждому право особаго мотивированнаго мнѣнія. Ошибочность какого либо мнѣнія можетъ быть обнаружена съ теченіемъ времени, а въ данную минуту упрекъ въ активномъ противодѣйствіи связываетъ два уже совершенно независимыя обстоятельства, какъ упорное волненіе студентовъ и свободное выраженіе членами совѣта своего мнѣнія. Полагаемъ, что даже тѣнь подозрѣнія о какой либо возможной еще связи разсѣяна рѣшительнымъ заявленіемъ, сдѣланнымъ нами 15 марта всѣмъ студентамъ горнаго института. Если устранить такое неожиданное освѣщеніе возникшаго между г. директоромъ и студентами недоразумѣнія, остается искать причину его обостренія, очевидно, не въ этомъ и, по нашему глубокому убѣжденію, причина обострѣнія отношеній заключается главнымъ образомъ въ совершенно необычной формѣ воздѣйствія на студентовъ, какъ цѣлой корпораціи; воздѣйствія именно въ то время, когда всѣ усилія совѣта были направлены въ сторону собственнаго урегулированія академической жизни. Въ надеждѣ, что эта необычайная форма есть слѣдствіе вспышки гнѣва, мы приняли всѣ зависящія отъ насъ мѣры, включительно до публичнаго заявленія передъ студентами въ своей винѣ, на самомъ дѣлѣ даже не имѣвшей мѣста, единственно съ цѣлью дать естественный въ такихъ случаяхъ выходъ этой вспышкѣ.

Но въ совѣщаніи профессоровъ 15 марта г. директоръ открыто заявилъ, что это не было вспышкой гнѣва, а проведеніемъ строго обдуманнаго плана воздѣйствія на студентовъ съ цѣлью устраненія ненормальностей въ академической жизни. Подобный планъ воздѣйствія одновременно съ продолжающимися работами совѣта, направленными къ этой же цѣли урегулированія академической жизни, мы считаемъ настолько подрывающими довѣріе къ цѣлесообразности совмѣстной работы и надежду спокойнаго осуществленія такой работы, что просимъ совѣтъ высказаться; — примѣненная г. директоромъ 3 марта, по отношенію къ представителямъ, хотя бы незаконно собравшейся группы студентовъ, форма воздѣйствія допустима ли въ высшей школѣ, какъ строго обдуманный планъ разрѣшенія цѣлаго комплекса сложныхъ взаимоотношеній?—Если же, на что мы все таки позволяемъ себѣ надѣется, форма воздѣйствія была вспышкой гнѣва, и долго испытываемаго терпѣнія, какъ мы это имѣли случай раньше слышать отъ г. директора, то въ настоящее время по нашему глубокому убѣжденію инцидентъ настолько выясненъ уже, что нѣтъ основанія для отказа въ умиротворяющемъ, принимая во вниманіе глубокое заблужденіе студентовъ на счетъ положенія ихъ организаціи, выраженіи сожалѣнія о невольномъ нанесеніи цѣлой группѣ студентовъ, глубоко взволновавшаго насъ, оскорбленія. Каждая минута затягиванія настоящаго невыносимо тяжелаго положенія ложится тяжкимъ бременемъ главнымъ образомъ на студенчество—этотъ экспансивный, а теперь доведенный до яркаго болѣзненнаго состоянія, всѣмъ намъ одинаково дорогой, организмъ.

Бюллетень № 3.

Организ. Комитета Студ. Горн. Инст. отъ 28 марта **(къ стр. 99, 127,—9, 138, 147. 167—89, 191—206, 235,—49, 261,—89, 291—320, 337—9).**

За послѣдніе дни произошло много чрезвычайно важныхъ событій, дающихъ новыя опоры для студенчества горнаго института—поставившаго цѣлью своей борьбы удаленіе г. Коновалова съ поста директора. Упоминая объ этихъ событіяхъ мы имѣли въ виду главнѣйшее отставку

шести профессоровъ и признаніе со стороны большинства ассистентовъ полной невозможности при настоящихъ условіяхъ приступить къ экзаменамъ. Фактъ ухода шести лучшихъ профессоровъ, которые въ своемъ желаніи разрѣшить мирнымъ путемъ назрѣвшій конфликтъ между студентами и Коноваловымъ, пошли на крайнія мѣры и были готовы принять на себя всю вину за первоначальный инцидентъ въ буфетѣ 3 марта — этотъ фактъ не можетъ быть оставленъ безъ вниманія, и мы надѣемся въ ближайшемъ будущемъ дать подробное его изложеніе. Коноваловъ, изгнавшій депутатовъ и потомъ такъ позорно изолгавшійся передъ ними, продолжаетъ давать новые яркіе, но въ сущности уже лишніе, штрихи для обрисовки своей нравственной физіономіи, безъ того уже всесторонне опредѣлившейся. Повидимому онъ хочетъ быть послѣдовательнымъ: депутаты изгнаны, остается изгнать профессоровъ, осудившихъ ихъ неприличіе изгнанія депутатовъ; и вотъ г. Коноваловъ, оскорбивъ въ лицѣ одного профессора шесть его товарищей, имѣвшихъ благородную смѣлость предложить Коновалову извиниться передъ студенчествомъ, поставилъ ихъ въ такое положеніе, что они вынуждены были оставить залъ засѣданія и подать затѣмъ въ отставку. Онъ не могъ, не рискуя быть явно неприличнымъ, выгнать ихъ вонъ, какъ бы ему несомнѣнно хотѣлось; и онъ создалъ положеніе, при которомъ они не могутъ, не унижая собственнаго достоинства, оставаться вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ залѣ. Нельзя не обратить вниманіе, что и въ средѣ оставшихся профессоровъ были лица, и притомъ весьма почтенные, которые раздѣляли мнѣніе этихъ шести, относительно того, что Коноваловъ долженъ пойти на уступки и такимъ образомъ студенты могутъ констатировать, что значительная часть совѣта признала виновность Коновалова въ возникшемъ конфликтѣ. Съ уходомъ лучшихъ профессоровъ изъ нашего института, нашъ протестъ вступаетъ въ новую фазу. Если 10 дней тому назадъ могли существовать два мнѣнія относительно необходимости рѣшительныхъ дѣйствій, то въ настоящее время для всякаго честнаго студента не должно быть колебаній въ этомъ смыслѣ. Теперь ясно уже до очевидности, что тѣ условія жизни, которыми привыкло дорожить студенчество, несовмѣстимы съ пребываніемъ Коновалова на посту деректора инст. Они или онъ вотъ альтернатива, стоящая передъ студенчествомъ горнаго института.—Мало того,—положеніе таково, что лучшіе профессора думаютъ бѣжать отъ того режима, который грозитъ водвориться въ институтѣ. И въ эту критическую минуту долгъ каждаго встать на защиту института. На защиту института, ибо все, что было намъ дорого, попрано и поругано человѣкомъ, нравственно слабымъ, но опирающимся на насиліе. Бываютъ моменты, когда разсчеты выгоды должны отойти на задній планъ, когда *молчаніе — позорное малодушіе*. Мы вѣримъ, что масса студенчества горнаго института найдетъ въ себѣ достаточно моральной силы, чтобы достойнымъ образомъ выполнить задачу, налогаемую на него событіями. И въ эту трудную минуту мы призываемъ всѣхъ товарищей къ солидарности и стойкому ожиданію событій. Факты послѣднихъ дней, обостривъ положеніе требуютъ *совмѣстнаго* обсужденія единственно возможнаго лишь на общеинститутской сходкѣ, поэтому Орг. Ком. категорически предлагаетъ отказываться отъ всякаго группового входа въ институтъ.

О. К. С. Г. И.

СПБургъ, 23 марта 04 г.

ГОРНЫЙ ИНСТИТУТЪ.

Бюллетень № 2.

Организ. Комитета «Группы Независимыхъ» (къ стр. 103, 508,—10, 596,—9).

Въ виду преднамѣреннаго искаженія нѣкоторыми хода событій послѣднихъ дней „О. К. Г. Н.“ считаетъ своимъ долгомъ довести до

всеобщаго свѣдѣнія слѣдующее: Уходъ 5 проф.: Никитина, Яковлева, Богдановича, Баумана и Лутугина (штат. препод.) является дѣломъ ихъ личной иниціативы. Предъявивъ директору, повторенное нѣсколько разъ требованіе, извиниться передъ студенчествомъ, они, формой этого требованія, связали свою профессуру съ его исполненіемъ. Не найдя поддержки и сочувствія въ остальныхъ членахъ совѣта, они подали въ отставку, которая и была министромъ принята. Уходъ означенныхъ проф., изъ кот. нѣкогор. являются крупными научными силами инст. не можетъ не вызвать у многихъ чувства глубокаго сожалѣнія! Это чувство сожалѣнія испытываетъ и „О. К. Г. Н.“ однако, зная всю исторію инцидента считаетъ своимъ долгомъ заявить, что причина, вызвавшая отставку этихъ проф. по мнѣнію Комитета не достаточно важна, чтобы ради нея проф. жертвовали интересами дѣла и науки, коихъ представителями они являлись. Положеніе вещей нынѣ таково, что необходимо каждому изъ насъ отличать дѣло отъ личностей и стать на точку зрѣнія защиты свободы занятій, какъ главной цѣли пребыванія каждаго изъ насъ въ И. Если кто нибудь думаетъ, что онъ не въ состояніи заниматься, что Г. И. понесъ незамѣнимую утрату, что, если ушедшіе проф. сами не вернутся, то не найдется достойныхъ имъ замѣстителей, то пусть тотъ не занимается, не держитъ экзаменовъ, уходитъ изъ И. Но если найдутся думающіе противное т. е. желающихъ заниматься и сдавать экзамены, а таковыхъ найдется много, то, т. к. это ихъ право, никто не смѣетъ имъ мѣшать.

СПБургъ. 12-го марта 1904 г.

„Организаціонный Комитетъ Группы Независимыхъ“.

Бюллетень № 4.

Орг. Комит. Студ. Горн. Инст. отъ 25 марта (къ стр. пр. 145—50).

Намъ доставленъ слѣдующій документъ:

С.-ПБургъ, 25 Марта 1904 г.

Глубокоуважаемый N. N.!

«Вчера мы съ глубокимъ изумленіемъ узнали, что послѣднія недоразумѣнія г. директора горнаго института съ студентами повели за собой отказъ отъ дальнѣйшей службы шести уважаемыхъ профессоровъ, отказъ, вызванный исключительно своеобразнымъ характеромъ дѣятельности, который желалъ навязать совѣту его предсѣдатель. Личность покидающихъ институтъ профессоровъ, общее къ нимъ уваженіе—ручаются намъ въ томъ, что правда здѣсь на ихъ сторонѣ. Отлично понимая, что уходъ шести профессоровъ по такому поводу повлечетъ за собой продолжительное разстройство академической жизни института, ясно сознавая, что дальнѣйшая дѣятельность г. директора по системѣ грубости и полной некорректности тяжело отзовется на громадной массѣ студенчества, мы обращаемся къ Вамъ, многоуважаемый NN, какъ Ваши бывшіе товарищи и ученики въ надеждѣ, что Вы сдѣлаете все возможное для сохраненія въ цѣлости всѣмъ намъ дорогого института или, по крайней мѣрѣ, не свяжете Вашего имени съ дальнѣйшей дѣятельностью нынѣшняго предсѣдателя совѣта института.

Слѣдуютъ 26 подписей служащихъ въ Геологическомъ Комитетѣ, а также и нѣкоторыхъ другихъ горныхъ инженеровъ, проживающихъ въ Петербургѣ и пріѣзжихъ».

Письмо адресовано профессорамъ Ив. Тиме, Липину, Коцовскому и Курнакову.

Отмѣчая съ глубокимъ удовлетвореніемъ актъ солидарности съ нами нашихъ старшихъ товарищей въ трудную для института минуту, мы не можемъ не обратить вниманія на то, что они не сочли нужнымъ обратиться къ нѣкоторымъ изъ оставшихся профессоровъ, своимъ поведеніемъ въ настоящемъ конфликтѣ скомпрометировавшихъ себя въ глазахъ людей, привыкшихъ уважать достоинство профессора.

С.-ПБургъ, О. К. С. Г. И.
25 Марта 1904 г.

Бюллетень № 5.

Организ. Комит. Студ. Горн. Инст. отъ 27 марта (къ стр. 250—89).

Логика вещей неумолима. То, что двѣ недѣли назадъ казалось туманной возможностью, стало теперь яркимъ, кричащимъ фактомъ. Теперь для всякаго ясно, что наша борьба не только протестъ противъ единичнаго факта оскорбленія депутатовъ, борьба за свое существованіе, борьба за свои элементарные права. Мы призваны рѣшить вопросъ быть ли Горному институту тѣмъ, чѣмъ онъ былъ десятки лѣтъ, тѣмъ, что мы привыкли цѣнить и о чемъ съ хорошимъ чувствомъ вспоминаютъ наши предшественники, или суждено ему обратиться въ то, что принято называть теперь университетомъ, благодѣтельные принципы котораго, призванъ водворить у насъ Коноваловъ.

Изъ записки ушедшихъ профессоровъ, которая на дняхъ будетъ опубликована, видно, что г. Коноваловъ и самъ не скрываетъ того, что всѣ его „вспышки гнѣва" въ сущности были строго обдуманными ходами его некрасивой игры. Этимъ онъ не только обнаруживаетъ свои провокаторскія способности, но, ясно какъ день, показываетъ,— что онъ и институтъ, какимъ онъ былъ до сихъ поръ, несовмѣстимы. Всякій долженъ понять это, и мы вѣримъ, что каждый изъ насъ, у кого личные интересы не заглушили совсѣмъ голоса товарищества, уваженія къ себѣ и своимъ элементарнымъ правамъ найдетъ въ себѣ силу бороться до конца. Это поняло общество, поняли тѣ почтенные инженеры, что подписались подъ письмомъ къ профессорамъ, напечатанномъ въ прошломъ бюллетенѣ. Поняли это наши лучшіе профессора, и нашли въ себѣ достаточно мужества, чтобы пожертвовать собой. Поняли это и наши товарищи ассистенты, рѣшившіе, что при теперешнемъ режимѣ немыслимы никакія научныя занятія и заявившіе по старой памяти объ этомъ въ то учрежденіе, которое прежде носило почетное имя совѣта, и про которое теперь Коноваловъ съ гордостью можетъ сказать: „Совѣтъ—это я".

Что онъ былъ-бы правъ, сказавъ такъ, это доказало послѣднее засѣданіе того, съ позволенія сказать, совѣта, который не считаясь съ принятой большинствомъ студентовъ забастовкой, не взирая на небывалый фактъ ухода профессоровъ, не слушая голоса своихъ младшихъ товарищей ассистентовъ, постановилъ все таки произвести экзамены и отказалъ студенчеству въ общей сходкѣ, которая могла явиться единственнымъ лояльнымъ и законнымъ способомъ рѣшенія дѣла. Этимъ отказомъ „умиротворители" несомнѣнно желаютъ использовать дурные инстинкты, порождаемые продолжительнымъ разобщеніемъ студенчества. Такъ пусть же на нихъ и падетъ моральная отвѣтственность за всѣ тѣ послѣдствія, которыя влечетъ ихъ призывъ къ меньшинству не подчиняться рѣшенію большинства. Этимъ отказомъ совѣтъ самъ ставитъ большинство студенчества, вѣрное разъ принятому рѣшенію, въ опасное положеніе, которое можетъ привести при существующемъ раздѣленіи партій къ нежелательнымъ и рѣзкимъ конфликтамъ. Во всякомъ случаѣ намъ нечего ждать больше отъ совѣта, мы должны расчитывать только на себя и на свои силы, которыми къ счастью не

совсѣмъ еще оскудѣло наше студенчество. Послѣдній опросъ О. К., далеко еще неоконченный (не дали отвѣта еще около 200 чел.) тѣмъ не менѣе обнаружилъ, что около 300 лицъ не считаетъ возможнымъ приступить къ экзаменамъ при настоящихъ условіяхъ.

Итакъ, товарищи, будемъ попрежнему дѣйствовать вмѣстѣ. Борьба предстоитъ серьезная, но мы вѣримъ, что это сознаніе только подниметъ наши силы, укрѣпитъ нашъ духъ и тѣснѣе сплотитъ насъ.

27 Марта, 1904 г. О. К. С. Г. И.

Бюллетень № 6.

Орг. Ком. Студ. Горн. Инст. отъ 2 апрѣля (къ стр. пр. 386,7, 450,—2).

Вчерашній день, 31 марта, долженъ былъ явиться началомъ экзаменовъ и дать прямое доказательство спокойствія студенчества. Однако результатъ дня показалъ, что умиротвореніе осуществимо лишь при коренномъ измѣненіи наступившаго полицейскаго режима. Событія дня протекли въ слѣдующемъ порядкѣ. Всѣ студенты V курса получили входные билеты и въ 9 часовъ утра были внутри института, гдѣ послѣ непродолжительнаго раздѣленія въ двухъ мѣстахъ—внизу и въ аудиторіяхъ (куда прдварительно были пропущены свобододѣйствующіе)—всѣ соединились въ корридорѣ и имѣли продолжительные переговоры съ инспекторомъ института и двумя профессорами экзаменаторами. Пришедшіе экзаменоваться говорили о совершенной невозможности экзаменовъ при настоящихъ условіяхъ. Тонъ и характеръ этихъ заявленій выяснилъ инспектору настроеніе собравшейся публики, результатомъ чего явилось оффиціальное заявленіе его, что въ силу предоставленныхъ ему полномочій онъ отмѣняетъ экзамены, назначенные на 31 марта. Угрожающая атмосфера очевидно не могла заставить растерявшееся начальство поступить иначе. Сила твердаго убѣжденія и крайней рѣшимости собравшихся возымѣла свое дѣйствіе. — Одновременно съ происходившимъ внутри института, внѣ его, на портикѣ и на набережной Невы, собралась толпа студентовъ человѣкъ сто, не впущенныхъ въ институтъ и ожидавшихъ результатовъ дня. До 10-ти часовъ утра около института полиція отсутствовала совершенно, но мало по малу околодочные и городовые появились на набережной и двое изъ послѣднихъ у главнаго входа, ссылаясь на приказаніе, потребовали впуска въ институтъ, въ чемъ имъ не было отказано. Вѣсть о небываломъ въ жизни института вмѣшательствѣ полиціи въ академическія дѣла мигомъ облетѣла собравшихся въ институтѣ и побудила ихъ немедленно потребовать объясненій отъ инспектора. Послѣдній, сойдя въ вестибюль, сдѣлалъ швейцару, пропустившему городовыхъ, выговоръ и, пригласивъ помощника пристава, указалъ на преждевременность вмѣшательства полиціи. Помощникъ пристава, включивъ въ свои обязанности на 31 число также и заботы объ успѣхахъ просвѣщенія въ институтѣ, спросилъ инспектора: „А экзамены у васъ состоялись?“ Этотъ характерный вопросъ не требуетъ комментаріевъ. Интересно сопоставить появленіе городовыхъ и т. д. съ категорическимъ заявленіемъ Коновалова совѣту, что полиція въ зданіе института допущена не будетъ. Вѣроятно, увѣренность въ экзаменаціонномъ настроеніи была настолько сильной, что побудила почтеннаго „умиротворителя“ рискнуть дать завѣдомо негарантированное обѣщаніе. Несомнѣнно, однако, что неуклюжее исполненіе блюстителями порядка быть можетъ остроумнаго плана оказало ему медвѣжью услугу.

Разговоры студентовъ съ профессорами продолжались и послѣ заявленія инспектора объ отмѣнѣ экзаменовъ и дали результатъ, ясно свидѣтельствующій, что мирное теченіе академической жизни въ институтѣ при настоящихъ условіяхъ ни въ какомъ случаѣ возстановиться не можетъ. Въ исходѣ 12 часа собравшіеся стали расходиться.

Нельзя не отмѣтить, весьма недвусмысленное положеніе, занятое въ послѣднее время, а въ частности во вчерашнихъ собесѣдованіяхъ, проф. И. Ѳ. Шредеромъ. Этотъ своеобразный представитель полицейской науки, преслѣдуя цѣли, никакъ несовмѣстимыя съ достоинствомъ представителя профессуры и порядочнаго человѣка, позволялъ себѣ высказывать рядъ возмутительныхъ инсинуацій относительно выхода въ отставку профессоровъ и усиленнымъ выливаніемъ грязи отнынѣ стяжалъ себѣ репутацію пошлаго сплетника, что, впрочемъ, вполнѣ совмѣстимо съ той системой Коновалова, которую почтенный профессоръ называетъ «нашей». Надо прибавить еще, что г. Шредеръ является не единственнымъ сотрудникомъ Коновалова въ дѣлѣ умиротворенія имъ института и насажденія въ немъ его началъ. Профессора Асѣевъ и Митинскій, одно появленіе котораго на сходкѣ 15 марта вызвало свистъ по его адресу, завоевавъ себѣ «почетное» имя въ научномъ мірѣ, задумали вмѣстѣ къ Коноваловымъ пожать лавры на административномъ поприщѣ. Сѣмена политики Коновалова нашли себѣ хорошую почву въ извѣстной части студенчества и не замедлили дать уже ростки. Студентъ V к. *Зѣиченко изъ группы «свобододѣйствующихъ»* будучи «свидѣтелемъ» записи студентовъ въ экзаменаціонныя группы, поспѣшилъ въ инспекцію, гдѣ, не стѣсняясь присутствіемъ студентовъ, обратился къ помощнику инспектора съ указаніемъ, что слѣдуетъ уже убрать листъ съ записями, ибо туда стали записываться лица, пришедшіе въ институтъ не для экзаменовъ. При существующихъ дружескихъ отношеніяхъ между инспекціей и группой свобододѣйствующихъ его просьба была поспѣшно исполнена.

Говоря о свобододѣйствующихъ слѣдуетъ отмѣтить, что *«свобода» весьма многими была понята и понимается далеко не въ томъ грязномъ смыслѣ, который придали ей наиболѣе выпуклые представители группы.* Наоборотъ съ развитіемъ событій и по мѣрѣ выясненія истинной роли и цѣлей этой группы многіе съ весьма понятнымъ негодованіемъ и отвращеніемъ спѣшатъ уйти изъ этой категоріи людей, стоящихъ по ту сторону порядочности и элементарной чести. О. К—у доставлены заявленія нѣсколькихъ лицъ изъ состава группы свободѣйствующихъ IV к. Д. И. Мушкетовъ, объявляя о своемъ отпаденіи отъ группы «оставляющихъ за собой свободу дѣйствій», проситъ избавить его отъ этой свободы, которая повидимому выразится въ свободномъ дѣланіи подлостей.

На вечеръ 31 марта Коноваловымъ назначенъ экстренный совѣтъ, второй по счету по незаконности его составленія. Отставка 6 профессорамъ министромъ еще не дана, что не мѣшаетъ Коновалову открыто игнорировать ихъ, какъ членовъ совѣта, которымъ даже не посылаются приглашенія на засѣданія. Отсутствіе даже этой оффиціальности по отношенію къ еще числящимся въ составѣ совѣта профессорамъ ясно указываетъ на безцеремонность зарвавшагося ученаго администратора.

Намъ нечего болѣе прибавить къ ранѣе сказанному. Непремѣнное удаленіе Коновалова и коренное измѣненіе насильно втиснутаго режима должны служить по прежнему основной нашей цѣлью. Стойкость и рѣшимость должны не покидать насъ.

Бюллетень былъ уже составленъ, когда принесли извѣстіе, что и сегодня 2 апрѣля благодаря примѣненной, вошедшими силой въ институтъ студентами, обструкціи экзамены были прекращены.

С.-П.-Бургъ. 2 апрѣля 1904 г. О. К. С. Г. И.

Бюллетень № 7.

Орг. Ком. Студ. Горн. инст. отъ 3 апрѣля (къ стр. пр. 10, 291).

Безпримѣрная по своей наглости и цинизму политика полицейскаго реформированія нашего института въ своей крайней настойчи-

вости устроить экзамены не взирая ни на что, привела 2-го апрѣля къ рѣзкому и дружному отпору со стороны нашего студенчества, цѣлью котораго является уничтоженіе безсмысленнаго дикаго самовластія Коновалова и всей его системы. Призракъ обструкціи заставилъ начальство 31 марта отложить начало педагогической комедіи со свобододѣйствующими. Блѣдная и трепетная въ присутствіи массы власть однако скоро подняла голову и, отмѣняя одно распоряженіе за другимъ, назначила на 2-ое апрѣля вновь экзамены явно для всего V курса, но тайно лишь для избранныхъ. Разославъ билеты многимъ студентамъ IV и V курса, она нашла нужнымъ въ интересахъ безопасности устроить фактическую фильтрацію, не объявляя ее оффиціально. Однако издѣвательство и скрытая игра наличнаго состава инст—каго начальства вызвали со стороны студенчества желаніе дать рѣшительный ударъ по тому грязному мѣсту, которое образовали соединенными усиліями Коноваловъ, свободод. и холопствующая профессура. Какъ показали событія, ударъ пришелся кстати и во второй разъ ужасы справедливаго возмездія привели снова къ отмѣнѣ экзаменовъ. Факты 2-го апрѣля говорятъ сами за себя.

Къ 9 часамъ внутри ин—та подъ охраной запертыхъ дверей въ отдаленныхъ концахъ зданія собрались нѣсколько десятковъ свобододѣйствующихъ со всѣхъ курсовъ и часть профессоровъ съ твердымъ желаніемъ похоронить послѣдніе остатки своей порядочности и чести и продать себя за сходную цѣну въ угоду приказаніямъ свыше. Спокойно запершись, они торжествовали однако не долго. Собравшаяся на портикѣ ин—та толпа студ—овъ свыше 1000 человѣкъ бросилась къ главному входу и выломавъ двери ворвалась въ ин—тъ. Глухіе удары разбиваемыхъ дверей заставили двухъ сторожей кинуться съ предупрежденіями наверхъ къ аудиторіямъ. Попытка эта не имѣла успѣха; сторожа были настигнуты, одинъ изъ нихъ скрылся, другой же былъ отброшенъ внизъ къ лабораторіи. Стремительнымъ натискомъ растворяя всѣ двери по пути, толпа, съ криками крайняго возмущенія, ворвалась въ корридоръ. Ее встрѣтили оцѣпенѣвшіе отъ ужаса чины внутренней полиціи. Начался безпримѣрный въ исторіи нашей внутренней жизни разгромъ. Съ криками негодованія толпа двинулась въ I аудиторію, гдѣ оперировалъ И. Θ. Шредеръ. Короткое предложеніе прекратить экзамены и затѣмъ звонъ разбиваемыхъ сосудовъ съ химическими составами. Отвратительный запахъ послѣднихъ одинъ только могъ побороть тотъ ужасный смрадъ, который былъ созданъ самымъ фактомъ гнусной комедіи экзаменовъ. Ни крики протеста, ни оскорбительные эпитеты въ изобиліи сыпавшіеся на голову безчестнаго педагога не могли, очевидно, подѣйствовать сильнѣе, чѣмъ отвратительные газы, бившіе на животную сторону его. Аудиторія вскорѣ опустѣла. Потомъ съ крикомъ толпа двинулась къ другимъ, ожидавшимъ въ безпомощности своей участи, представителямъ науки. Проф. В. Н. Липинъ съ ассистентами Асѣевымъ, Оболдуевымъ и Ефрономъ подверглись аналогичному словесному и химическому воздѣйствію. Одна банка съ содержимымъ разбилась объ стѣнку, остальные объ полъ;—раздраженіе усиливалось и проф. Липинъ на предложеніе прекратить экзамены отвѣтилъ немедленнымъ согласіемъ. Аудиторіи послѣ этого опустѣли. Смѣлые, подъ хорошимъ прикрытіемъ, свобододѣйствующіе и ихъ наставники старались укрыться въ инспекціи. Толпа послѣ этого стала возвращаться, разбивая по дорогѣ сосуды; была выломана дверь въ физическую аудиторію и тамъ было произведено химическое возліяніе. Со столовъ были сорваны традиціонныя зеленыя одѣянія, весь этотъ этажъ былъ наполненъ парами удушливыхъ и отвратительныхъ газовъ. Принесенныя сторожами ведра съ горячей водой были вырваны и выброшены на лѣстницу. Бросившись затѣмъ въ верхній этажъ, толпа выломала однимъ натискомъ крѣпкія двери. Этажъ былъ пустъ за исключеніемъ чертежной 1 курса, гдѣ воздѣйствію подверглись небольшая кучка свободод. и ихъ товарищескій чайный буфетъ. Весь этотъ корпусъ зданія былъ пропитанъ зловоніемъ

и пребываніе въ немъ стало совершенно невозможнымъ; картина воздѣйствія получилась потрясающая съ весьма осязательными результатами.

Паника экзаменаторовъ и экзаменующихся достигла крайнихъ предѣловъ и невиданная доселѣ въ ин—тѣ обструкція круто остановила всѣ замыслы начальства. Толпа, спустившись обратно внизъ, прошла въ канцелярію, приведя по дорогѣ въ негодность IV аудиторію. Былъ вытребованъ инспекторъ, который явившись, по первому требованію немедленно прекратить экзамены, заявилъ объ отмѣнѣ ихъ на этотъ день. Обструкціонисты, совершивъ въ полномъ объемѣ задуманное, безпрепятственно разошлись изъ института. Ударъ былъ настолько быстръ и неожиданъ, что явившейся полиціи оставалось лишь безмолвно смотрѣть, какъ толпа удалялась.

Ко всему этому нечего прибавлять. Все случившееся вчера было естественнымъ результатомъ борьбы. Отступать нельзя, да и это было бы только гибелью начатаго.

О. К. С. Г. И.

С.-П.-Бургъ. 3 апрѣля 1904 г.

Показаніе секретаря совѣта Воронина относительно сношеній г. Коновалова съ градоначальникомъ.

(Къ стр. прот. 31—3, 41, 55, 64, 177. 181, 198, 203, 211).

Его Превосходительству Господину Предсѣдателю Третейскаго Суда.

Показаніе секретаря совѣта горнаго института.

Въ засѣданіи Третейскаго Суда 16 тек. марта при дачѣ мною свидѣтельскихъ показаній на вопросъ: кто посылалъ бумаги уволенныхъ изъ института студентовъ въ охранное отдѣленіе—я отвѣтилъ, что это вѣдаетъ канцелярія института, на вопросъ же заданный правителю канцеляріи г. Жданову: кто посылалъ г. градоначальнику списки студентовъ, участвовавшихъ въ безпорядкахъ,—получился отвѣтъ, что это черезъ канцелярію не проходило.

На первый вопросъ, обращенный ко мнѣ, отвѣтилъ правитель канцеляріи, а на второй—заданный послѣднему, отвѣтить могу я.

Дѣло было такъ: послѣ засѣданія совѣта института, 2-го апрѣля 1904 года, директоръ института диктовалъ мнѣ представленіе на имя господина министра о происшедшемъ въ институтѣ въ этотъ день по заключеніи совѣта по этому поводу, а также отношеніе г. градоначальнику. Затѣмъ мнѣ приказано было къ 9-ти или 10-ти часамъ слѣдующаго утра доставить готовыя бумаги для подписи директора, къ нему на квартиру въ С.-ПБ. университетъ. Къ назначенному времени я былъ у директора, который, подписавъ бумаги, оставилъ одну у себя, а другую поручилъ мнѣ лично сдать немедленно г. градоначальнику, но къ послѣднему я не былъ допущенъ и передалъ бумагу дежурному. Тоже повторилось и 5-го апрѣля.

Текстъ бумаги, адресованный на имя г. Градоначальника 3-го апрѣля за №—былъ слѣдующій:

«Имѣю честь препроводить Вашему Превосходительству для зависящаго распоряженія списокъ студентовъ горнаго института, присужденныхъ совѣтомъ, какъ указано въ спискѣ къ наказаніямъ за безпорядки, учиненные ими въ помѣщеніяхъ института 2-го апрѣля».

Текстъ бумаги 6-го апрѣля за № 674.

«Имѣю честь препроводить при семъ Вашему Превосходительству для зависящихъ распоряженій списокъ студентовъ горнаго института, уволенныхъ по распоряженію г. министра, за безпорядки на улицѣ передъ зданіемъ института 5-го сего апрѣля, на одинъ годъ».

№№ бумагъ взяты изъ исходящаго журнала канцеляріи института. Вотъ все это, я считаю долгомъ дополнить Вашему Превосходительству и что мною было-бы сообщено суду, за исключеніемъ текста, который я точно снялъ съ черновика бумаги, если бы такой вопросъ былъ заданъ мнѣ во время опроса.

Секретарь совѣта горнаго института **М. Воронинъ.**

17-го марта 1059 г.

Бюллетень № 8.

Орг. Ком. Студ. Горн. инст. отъ 6 апрѣля 1904 г.

Цинически наглый и откровенный въ своихъ гнусныхъ замыслахъ совѣтъ горнаго института, руководимый Коноваловымъ, не замедлилъ, еле оправившись отъ бурныхъ событій 2-го апрѣля, протянуть свои грязныя руки къ единственно цѣнной для него опорѣ—полиціи и жандармской власти. Захлебываясь отъ избытка своей дикой разнузданности, сбросивши долой всякія лицемѣрныя одежды, мѣшавшія дѣйствовать явно, совѣтъ съ откровенностью, изумительной даже для нашего времени, приступилъ къ безпощадной расправѣ съ участниками обструкціи 2-го апрѣля. Возмутительная оргія всего этого ученаго сброда происходила 3-го апрѣля и по своей гадости представляетъ явленіе безпримѣрное въ исторіи горнаго института. Доставъ изъ портфеля списокъ, составленный еще до 2-го апрѣля, опросивъ профессоровъ, наперебой спѣшившихъ сообщить свои негласныя наблюденія во время обструкціи и, наконецъ, согнавъ къ себѣ кишащую смрадную кучу мелкихъ гадовъ—свобододѣйствующихъ—Коноваловъ съ особымъ и вполнѣ заслуженнымъ вниманіемъ отнесся къ тѣмъ цѣннымъ донесеніямъ, которыя дали «свобододѣйствующіе». Послѣдняго доноса было болѣе, чѣмъ достаточно для того, чтобы начать рѣшительную операцію надъ институтомъ. Совѣтъ ничѣмъ не пренебрегъ. Списокъ непрестанно пополнялся всѣми желающими, какъ свобододѣйствующими, такъ и профессорами-шпіонами. Соглашеніе насчетъ быстрой расправы послѣдовало безъ труда.

Сообщаемъ результаты: 10 человѣкъ исключены навсегда изъ Горнаго института; 18 человѣкъ уволены на 2 года; 5 человѣкъ—на 1 годъ. Рѣшеніе это всѣмъ 33 челов. было объявлено черезъ довѣренное совѣту учрежденіе—охранное отдѣленіе, которое пригласивъ всѣхъ исключенныхъ утромъ 4-го апрѣля, объявило постановленіе профессорской коллегіи, предложивъ съ своей стороны выѣхать изъ столицы въ теченіи 1—2 дней. Не распространяясь болѣе объ этомъ засѣданіи совѣта, считаемъ своей обязанностью вывести на всеобщее обозрѣніе и общественный неумолимый судъ всю дипломированную жандармскую коллегію института. Имена этихъ шпіоновъ и предателей, продающихъ себя направо и налѣво, слѣдующія:

Коноваловъ, Шредеръ, Митинскій, Асѣевъ, Коцовскій, Курнаковъ, Липинъ, Тиме Ив.

Имена мелкихъ сообщниковъ этой грязной группы сообщимъ въ слѣдующемъ бюллетенѣ.

Покончивъ съ этой грязью, перейдемъ къ дальнѣйшимъ событіямъ. 3-го апрѣля экзаменовъ не было. На 5-ое апр., не смотря на настоянія Коновалова, на упорную вентиляцію инс—та, экзамены также не были назначены. Тѣмъ не менѣе опасенія въ безопасности повело къ сосредоточенію внутри и внѣ инс—та значительныхъ полицейскихъ силъ. Въ дверяхъ инс—та и казармъ Финляндскаго полка было спрятано болѣе 200 городовыхъ, на набережной былъ усиленный нарядъ пѣшей и конной полиціи съ околодочными и приставами. Сверхъ того около инс—та было сгруппировано нѣсколько десятковъ дворниковъ и сыщиковъ. Послѣдніе были и внутри инс—та и чинили надзоръ изъ оконъ. Толпа студентовъ дефилировала передъ инс—томъ. Около 11-ти часовъ всѣ начали медленно расходиться. Пріѣхавшаго въ инс—тъ Коновалова постигъ первый, пока слабый, ударъ: собравшимися студентами этотъ жандармъ былъ освистанъ, камни, брошенные въ него, къ сожалѣнію, пролетѣли мимо. Часть исключенныхъ товарищей просившихъ объ отсрочкѣ выѣзда изъ столицы, была принята 5-го апр. градоначальникомъ, пояснившимъ исключеніе всѣмъ 33 чел. въ смыслѣ невозможности поступленія ни въ какое высшее учебное заведеніе.

Итакъ, мы не ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Теперь для всѣхъ ясны результаты политики славнаго ревнителя «науки» Коновалова. Къ управленію инс—тской жизни призваны полиція, жандармы, шпіоны-сыщики, шпіоны-профессора, шпіоны—«свобододѣйствующіе» и горный институтъ превращенъ въ полицейскій участокъ.

Но, товарищи,—при участкѣ можно быть только арестованнымъ, но нельзя въ немъ быть добровольно. Желая дать выходъ наростающему возмущенному чувству, Организаціонный Комитетъ предлагаетъ товарищамъ начать заблаговременно организованную подачу прошеній объ увольненіи изъ института.

С.-П.-Бургъ. 6 апр. 1904 г.

О. К. С. Г. И.

Форма прошенія.

Въ виду того, что пребываніе г. Коновалова на посту директора горнаго института, вызвавъ чрезвычайныя потрясенія академической жизни, повлекло за собой уходъ изъ инс—та шести уважаемыхъ профессоровъ и нѣкоторыхъ ассистентовъ, а также водвореніе въ институтѣ невыносимо тяжелаго и крайне оскорбительнаго режима, проводимаго подъ охраной полиціи и при помощи такихъ неразборчивыхъ средствъ, какъ исключеніе и увольненіе свыше тридцати товарищей по указанію студентовъ изъ такъ называемой группы «свобододѣйствующихъ»—я нахожу невозможнымъ продолженіе академическихъ занятій въ институтѣ и потому покорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство уволить меня изъ онаго.

Прошеніе на имя министра зем. и гос. им.

Бюллетень № 9.

Орг. Ком. Студ. Гор. Инст. отъ 8 апрѣля 1904 г.

Борьба жертвъ искупительныхъ проситъ... И эти жертвы принесены... Наши товарищи, лучшіе, смѣлые пали жертвами за наше общее

дѣло. Они шли съ нами и вѣрили въ насъ, и эта вѣра давала имъ мужество. Грубая, безобразная сила, руководимая явнымъ мерзавцемъ и доносчиками вырвала ихъ изъ нашихъ рядовъ и развѣяла во всѣ стороны. Къ стыду нашему доносчиками стали наши бывшіе товарищи, нынѣ „свобододѣйствующіе". Сбросивъ съ себя связывавшія ихъ аппетиты правила товарищества, они вмѣстѣ съ ними сбросили и послѣдніе остатки порядочности. Мы долго ждали и молчали, надѣясь что они опомнятся, но всему есть конецъ. Нѣтъ названія тому, что они сдѣлали, нѣтъ достаточно позорнаго клейма, чтобы отмѣтить ихъ предательство. Пусть же ихъ имена станутъ позорными, пусть всякій съ кѣмъ они встрѣтятся знаетъ кто предъ нимъ.

Къ позорному столбу.

V курса.

Алексѣевъ.
Бутми-де-Кацманъ.
Воробьевъ.
Гозадиновъ.
Жеромскій.
Задде.
Земницкій.
Зѣнченко.
Ковалевскій.
Магула.
Назаровъ.
Николаевъ.
Першке.
Постриганевъ.
Рыженко.
Соколовъ Ив.
Степановъ.

IV курса.

Духонь.
Дэви.
Залеманъ.
Кузнецовъ Вас.
Кузьмицкій.
Мышенковъ.
Стахурскій.
Томилинъ.
Урбановичъ Ал.
Фойгтъ.
Штейгеръ.
Ауэрбахъ.
Лурье.
Рейнъ.
Квасковъ.
Галинъ.
Гарбузовъ.
Андреевъ.
Богдановъ Вл.
Эйлеръ.
Макаровъ Юр.
Муратовъ.

III курса.

Анитовъ.
Бароновъ.
Берладинъ.
Воскресенскій.
Грудзинскій.
Грунвальдъ.
Даниловъ Н.
Дрампянцъ.
Зеленцовъ.
Злотницкій.
Каркъ.
Карповскій.
Кучинъ.
Меморскій.
Мухинъ.
Недзѣльскій.
Пятницкій.
Скаредовъ.
Соколовъ Вл.
Спасскій.
Ченгеры.
Черкасовъ.
Якимовъ.
Латышевъ.
Качаловъ.
Бауэръ.
Гернгроссъ.
Леманъ.
Поповъ.
Щировскій.
Ферстеръ.
Иванцовъ.
Казанцевъ.
Нечаевъ.
Михайлушкинъ.
Веймарнъ.
Сокальскій.
Бѣлозоровъ.

II курса.

Байковъ.
Булахъ.
Быковъ.
Волковъ.
Горé.
Притула.
Соколовъ В.
Сѣровъ.
Радкевичъ.

I курса.

Волкъ.
Емельяновъ.
Костецкій.
Кугушевъ.
Лебедевъ.
Маломѣрковъ.
Полѣшукъ.
Солимани.
Шаудинатъ.
Кольцовъ.
Прокоповъ.
Митрофановъ.
Гомилевскій.
Громовъ.
Рембовъ-Ремидовскій
Іосса.

Трудно говорить теперь, когда десятокъ товарищей, невольныя жертвы нашего общаго дѣла, покидаютъ насъ, быть можетъ, навсегда. Но пусть унываютъ слабые. Мы не забудемъ нашей утраты, и мы найдемъ время оплакать ее. Но не теперь, когда намъ предстоитъ дать послѣднюю битву. Передъ каждымъ изъ насъ стоитъ теперь вопросъ — или дать руку, побрататься съ предателями, выдавшими нашихъ друзей или раздѣлить въ концѣ концовъ участь послѣднихъ. Ничто такъ не сближаетъ людей, какъ несчастье.

Будемте-жъ дружны до конца, какъ могутъ быть дружны люди, оскорбленные одною кровной обидой.

Списокъ „свобододѣйств." будетъ дополненъ: по желанію г. горныхъ инженеровъ разосланъ по заводамъ и рудникамъ, также и въ высшія учебныя заведенія.

СПБургъ, 8 апрѣля 1904 г. О. К. С. Г. И.

Бюллетень Организац. Комит. Ст. Горн. Инст. отъ 9 апрѣля.

Организаціонный Комитетъ отзываясь на частные и многочисленные запросы студентовъ относительно подачи прошеній объ увольненіи, предпринялъ опросъ всѣхъ студентовъ, желая выяснить настоящее ихъ настроеніе. Результаты опроса будутъ опубликованы немедленно. Въ виду того, что студентамъ IV курса предстоитъ отвѣтить на вопросъ начальства, желаютъ ли они экзаменоваться, Организаціонный Комитетъ, вѣрный разъ принятому рѣшенію, предлагаетъ студентамъ отвѣтить, что они при настоящихъ условіяхъ экзаменоваться не будутъ, и надѣется, что послѣдніе возмутительные факты не позволяютъ товарищамъ отвѣтить иначе.

СПБургъ, 9 апр. 1904 г. О. К. С. Г. И.

Бюллетень № 10.

Орган. Ком. Студ. Горн. Инст. отъ 10 апрѣля.

Репрессіи продолжаются. Аппетиты г.г. Коновалова и свобододѣйствующихъ растутъ, и въ угоду имъ совѣтъ, это „почтенное учрежденіе" выбрасываетъ еще 25 нашихъ товарищей не давая себѣ даже труда чѣмъ нибудь мотивировать свои жестокости. Утверждаютъ, что списокъ этихъ новыхъ жертвъ опять составленъ при участіи „свобододѣйствующихъ", и въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго: всего должно ждать отъ людей, которые не погнушались уже разъ доносить на своихъ товарищей и, больше того, въ трогательномъ единеніи съ кн. Мещерскимъ написали въ послѣднемъ номерѣ „Гражданина" форменный доносъ на институтъ, на нашихъ профессоровъ, объ уваженіи къ которымъ они

столько говорятъ. Дальше этого итти некуда. Неужели послѣ всего этого кто-нибудь еще думаетъ, что можно не запачкавъ себя, проявить хоть какую нибудь солидарность съ этими господами. Поставленное въ невозможность обмѣняться своими мнѣніями, раздробленное, потерявшее многихъ своихъ членовъ, студенчество переживаетъ теперь тяжелую минуту. Но пусть честь каждаго будетъ маякомъ среди тумана всякихъ сомнѣній, и эта честь подскажетъ всѣмъ невозможность мирныхъ занятій при настоящихъ условіяхъ. Только человѣкъ безчестный не пойметъ, что экзамены теперь только измѣна нашему дѣлу, предательство нашихъ исключенныхъ товарищей, о которыхъ скажутъ, что это они устроили безпорядки, что по удаленіи ихъ возстановленъ мирный порядокъ... А развѣ такъ было на самомъ дѣлѣ, развѣ ни мы всѣ большинствомъ постановили забастовку, развѣ не мы своимъ одобреніемъ поощрили дѣятельность нашихъ уволенныхъ товарищей, повѣрившихъ искренности нашихъ словъ? Нѣтъ, надо заключить много сдѣлокъ со своей совѣстью, чтобы отречься теперь отъ этого дѣла и погубить его въ настоящую рѣшительную минуту. И какъ мало нужно, чтобы выйти изъ него честно. Это чувство чести уже подсказало нашимъ товарищамъ, студентамъ IV курса, ихъ резолюцію на вчерашнемъ совѣщаніи; оно подскажетъ и всѣмъ остальнымъ товарищамъ. Вотъ эта резолюція, которую Орг. Ком. рекомендуетъ студентамъ всѣхъ остальныхъ курсовъ.

«Студенты IV курса, собранные господиномъ инспекторомъ 9 апрѣля единогласно выражаютъ желаніе держать экзамены при полномъ составѣ студентовъ и профессоровъ.»

СПБургъ, 10 апрѣля 1904 г. О. К. С. Г. И.

Бюллетень № 11.

Орг. Ком. Студ. Горн. Инст. отъ 13 апрѣля.

Орг. Ком., желая выяснить истинное настроеніе студенчества, предпринялъ опросъ, предлагая студентамъ высказаться относительно подачи прошеній объ увольненіи и возможности держать экзамены при теперешнихъ условіяхъ.

Результаты произведеннаго опроса, равно какъ и резолюціи, принятыя группами студентовъ IV и III курсовъ, показали, что за подачу прошеній высказалось лишь небольшое число голосовъ, но зато значительное большинство не считаетъ возможнымъ держать теперь экзамены.

Констатировавши такимъ образомъ наличность значительности оппозиціонныхъ силъ, О. К., желая придать этому протесту общую и единообразную форму, т. к. только въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ какое-либо значеніе,—остановился, какъ на мѣрѣ, на подачѣ министру коллективнаго заявленія слѣдующаго содержанія:

„Протестуя противъ новаго режима, принудившаго уйти 6 уважаемыхъ профессоровъ и нѣсколькихъ ассистентовъ, и повлекшаго за собою обструкцію съ ея печальными послѣдствіями, въ видѣ увольненія и исключенія около 60 товарищей, мы, нижеподписавшіеся, студенты горнаго института, не находимъ возможнымъ въ настоящее время продолжать занятія и держать экзамены".

О. К. предлагаетъ всѣмъ товарищамъ подписываться подъ этимъ заявленіемъ; что же касается подачи прошеній объ увольненіи, то въ виду незначительнаго количества собранныхъ прошеній, мѣра эта не считается общественной, а только частной, и потому всѣ, имѣющіеся уже у насъ, прошенія будутъ уничтожены.

О. К. считаетъ излишнимъ обращаться по поводу предлагаемой имъ мѣры съ какимъ-либо убѣжденіемъ или воззваніемъ.

Положеніе вещей понятно всякому: только человѣкъ, умышленно затемнившій или потерявшій свою совѣсть, можетъ не понять, что онъ долженъ теперь дѣлать. Убѣждать такихъ людей—пустая трата времени.

Несомнѣнно, что нашъ протестъ, это частное столкновеніе студентовъ съ директоромъ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ общественное значеніе, какъ борьба двухъ теченій современной дѣйствительности. Вотъ почему онъ такъ интересуетъ общество и студенчество другихъ заведеній, и они, какъ могутъ, высказываютъ свое сочувствіе нашему дѣлу. Такъ въ политехникумѣ освистали Курнакова за его поведеніе въ нашемъ институтѣ.

Въ инст. инж. путей сообщ. были устроены оваціи г. Богдановичу; въ лѣсномъ инст. собираются подписи подъ адресомъ нашимъ ушедшимъ профессорамъ.

Приводимъ резолюцію группы студ. III курса, созванныхъ вчера начальствомъ: «Группа 48 студ. III к., собранныхъ 12 Апрѣля, начальствомъ института, выражаетъ готовность держать экзамены лишь при прежнемъ составѣ студентовъ и профессоровъ, причемъ подчеркиваетъ, что всестороннее обсужденіе вопроса возможно лишь на обще-институтской сходкѣ»

О. К. С. Г. И.

13-го апрѣля 1904 г.

Бюллетень № 12.

Орг. Ком. Студ. Горн. Инст.

За послѣдніе дни не произошло никакихъ новыхъ фактовъ, хоть сколько нибудь мѣняющихъ положеніе дѣлъ. Институтъ попрежнему на военномъ положеніи, Коноваловъ, поддерживаемый охраннымъ отдѣленіемъ, попрежнему неограниченно царитъ въ институтѣ и неустанно печется о „благѣ студентовъ:“ вновь уволенные 25 товарищей уже получили приказаніе оставить Петербургъ. Всѣмъ желающимъ инспекція даетъ отпускъ до 1 мая и даже 15 мая, и наставленіе обдуматься, серьезно обсудить и т. д.

И многіе студенты не прочь, какъ видно, пойти навстрѣчу желаніямъ начальства. Еще задолго до 15 и даже 1 мая, срока, указаннаго самимъ Коноваловымъ, они уже «серьезно обсудили» и «обдумали:» нѣкоторые прямо приступили къ экзаменамъ, другіе стараются найти удобную лазейку. Такія лица начинаютъ говорить о спасеніи товарищей, о подчиненіи большинству и необходимости произвести новый подсчетъ голосовъ. Не смотря на то, что на сходкѣ забастовка прошла *большинствомъ*; не смотря на то, что подъ обязательствомъ не итти въ институтъ по билетамъ подписалось опять *большинство*; не смотря на то, что курсовыя совѣщанія *большинствомъ* вынесли одну и ту же резолюцію—теперь находятся люди, которые снова толкуютъ о какомъ-то подсчетѣ, снова говорятъ о какомъ-то большинствѣ, хотя именно теперь всего труднѣе выяснить, что считать большинствомъ. Чего ждутъ такіе люди? Къ чему они стремятся? Какого имъ еще нужно большинства?—Они съ вожделѣніемъ ждутъ того момента, когда большинство, каково-бы оно ни было, какъ-бы позорно оно ни составлялось—будетъ держать экзамены. И тогда они уже крѣпко будутъ держаться принципа большинства и, забывъ все, ревностно возьмутся за занятія. Они хотятъ экзаменовъ, и къ этому стремяться во что-бы то ни стало—къ экзаменамъ, а не къ подчиненію большинству.—Отмѣчая этотъ грустный фактъ, О. К. еще разъ обращается къ чувству элементарной порядочности, къ чувству товарищеской солидарности, настоятельно рекомендуя тотъ образъ дѣйствій, который былъ принятъ на сходкѣ, былъ подтвержденъ опросомъ комитета и резолюціями курсовыхъ совѣщаній, т. е. полное прекращеніе

занятій и недержаніе экзаменовъ.—Отвѣчая на желаніе совѣщанія I курса произвести опросомъ перебаллотировку забастовки, О. К. заявляетъ, что никакого такого опроса быть не можетъ: такіе вопросы рѣшаются только обще-институтской сходкой.

О. К. С. Г. И.

Письмо «свобододѣйствующаго» студента Грунвальда къ г. Коковалову. (къ стр. прот. 164, 213, 4).

С.-Петербургъ, 2 апр. 1904 г.

Ваше Превосходительство, глубокоуважаемый Дмитрій Петровичъ!

Простите, что въ настоящее время, столь тяжелое для всякаго причастнаго къ жизни горнаго института, беру на себя дерзость—отвлечь Ваше просвѣщенное вниманіе отъ дѣлъ первой важности и склонить его къ моему почтительному письму. Состоя четвертый годъ студентомъ ввѣреннаго Вамъ института, я съ перваго дня своего поступленія неуклонно и честно исполнялъ свой долгъ студента, т. е. посвѣщалъ себя все-цѣло учебнымъ занятіямъ. По крайнему моему разумѣнію научная программа, въ настоящемъ ея объемѣ, на каждомъ курсѣ горнаго института столь обширна, что при честномъ отношеніи къ дѣлу исключается всякая возможность какого-либо приватнаго занятія, хотя-бы и на пользу студенческой корпораціи. Вслѣдствіе этого, какъ лично я, такъ и группа единомыслящихъ со мною товарищей стояли какъ бы внѣ такъ называемой „общественной жизни" института. Всѣ перипетіи этой жизни проходили какъ бы мимо насъ, едва лишь насъ затрогивая; и я не буду голословнымъ если скажу, что почти всѣ случаи соприкосновенія насъ съ весьма значительной группой студентовъ—„общественныхъ дѣятелей" наносили общественный ущербъ нашимъ учебнымъ занятіямъ. Вашему Превосходительству, какъ человѣку науки, безъ сомнѣнія хорошо извѣстно, что лишь избранникамъ дано быстрое проникновеніе въ сущность научныхъ истинъ и быстрое ихъ усвоеніе; массѣ же, людямъ ординарнымъ, такое счастіе дается лишь отчасти и для того, чтобы воспользоваться имъ въ полной мѣрѣ необходимъ подъ часъ тяжелый, упорный трудъ; а такой трудъ почти всегда вызываетъ нервное напряженіе. Энергія студента, столь часто и сверхъ мѣры имъ эксплоатируемая, требуетъ необходимо по крайней мѣрѣ внѣшняго покоя. Я ставлю прямо вопросъ: „имѣли-ли мы, группа занимающихся студентовъ, этотъ внѣшній покой за послѣдніе четыре года?" безъ сомнѣнія—нѣтъ. Всѣ студенческія волненія, всѣ забастовки, какъ бы поверхностны, какъ бы мелки они ни были по своему замыслу, не могли и не могутъ проходить безъ слѣда для трудящагося студента. Постоянный страхъ за свое будущее, матеріальныя лишенія (потеря стипендіи), сопряженныя со студенческими волненіями и, наконецъ, для многихъ ужасная перспектива потери года—мнѣ кажется, являются достаточными причинами для того, чтобы въ корень расшатать нервную систему даже сильнаго и здороваго человѣка. Переходя къ настоящему положенію института, я долженъ констатировать при наличности указанныхъ трехъ причинъ еще и четвертую—именно—строгую кару, могущую постигнуть институтъ за царящій въ немъ духъ неповиновенія и упорства. Эти причины настолько важны и настолько достаточны, что способны вывести изъ инертнаго состоянія какого угодно спокойнаго студента съ самымъ холоднымъ, флегматическимъ темпераментомъ. Полная неизвѣстность, наступившая для занимающихся студентовъ съ 31-го марта этого года, держитъ ихъ, если можно такъ выразиться, въ состояніи постояннаго кипѣнія; мнѣ кажется ясно, что такое состояніе продолжаться

долго не можетъ. Положеніе достигло крайней напряженности, разрѣшить которую можно только полнымъ объединеніемъ занимающагося студенчества—объединеніемъ, исходящимъ изъ авторитетнаго источника, т. е. отъ начальства. Неужели намъ, желающимъ учиться, суждено терпѣть неудачи и страшныя, а для многихъ прямо гибельныя послѣдствія изъ-за упорства и некультурности противоположной группы. Говорятъ въ трудныя минуты жизни надежда подкрѣпляетъ и живитъ человѣка; въ чемъ и въ комъ намъ искать эту надежду? Я смѣло и прямо отвѣчу: въ Васъ и въ Вашемъ авторитетномъ словѣ. Когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы узнали о Вашемъ назначеніи,—первой нашей мыслью было, что Вы дадите намъ желанный и необходимый покой—и теперь, въ минуты тяжелыхъ испытаній мы не теряемъ этой вѣры въ высокій умъ и несокрушимую энергію нашего руководителя. Я глубоко сознаю всю дерзость моего письма, но лично для меня потребность высказать Вашему Превосходительству свои мысли является въ настоящее время той соломинкой, за которую хватается утопающій. Я еще разъ съ настойчивой прямотой осмѣлюсь замѣтить, что настроеніе занимающагося студенчества находится въ критическомъ состояніи; продолженіе существующаго положенія неизвѣстности, ощущеніе какого-то Дамоклова меча надъ своей головой, должны быть измѣнены скоро, прямо и рѣшительно. Въ противномъ случаѣ за состояніемъ крайняго напряженія неизбѣжно наступитъ состояніе апатіи, которая болѣе чѣмъ какія-либо неудачи способна будетъ вывести изъ строя людей, поставившихъ своей цѣлью неуклонно исполнять долгъ студента — заниматься наукой. Не колеблясь ни минуты подписываюсь я подъ этимъ письмомъ, твердо вѣря, что прямота и откровенность не заслуживаютъ кары; и еще разъ настойчиво выражаю увѣренность, что Вы. Ваше Превосходительство, дадите подъ знаменемъ науки—необходимое объединеніе и твердую почву той немалой группѣ студентовъ, которымъ эта наука дорога и необходима.

Студентъ III курса П. Грунвальдъ.

Удостовѣряю, что это письмо получено мной въ первыхъ числахъ апрѣля 1904 г. и никакого другого письма отъ г. П. Грунвальда я не получалъ.

Д. Коноваловъ.

Отвѣтъ г. Коновалова предсѣдателю суда на просьбу суда прислать второе письмо, полученное г. Коноваловымъ отъ студентовъ (къ стр. прот. 164,—5,—6, 213,—9).

23 Апрѣля 1905 г.

Милостивый Государь Константинъ Константиновичъ

Въ отвѣтъ на письмо Ваше отъ 22-го Апрѣля, имѣю честь увѣдомить, что письма, которое желалъ-бы имѣть Третейскій Судъ, я у себя не нашелъ. По всей вѣроятности, оно уничтожено мной вмѣстѣ съ серіей другихъ анонимныхъ посланій, полученныхъ мной весной прошлаго года

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи Д. Коноваловъ.

Рапортъ смотрителя зданій горн. инст. г. Останковича, представленный г. Коновалову въ день обструкціи 2 апрѣля (къ стр. прот. 162).

Смотритель зданій
и
Экзекуторъ
Горнаго Института
Императрицы Екатерины II.

С.-Петербургъ.
2 Апрѣля 1904 года
№ 51.

Его Превосходительству

Господину Директору Горнаго Института
Императрицы Екатерины II.

Рапортъ.

Имѣю честь донести Вашему Превосходительству, что сего 2-го апрѣля въ 10-мъ часу утра у главнаго подъѣзда института собралась толпа студентовъ—численностью около 100 человѣкъ. Согласно распоряженія Вашего Превосходительства, всѣ входы въ зданіе Института, со дня закрытія института—съ 16-го марта были заперты, и студенты пропускались лишь съ главнаго подъѣзда и не иначе, какъ по предъявленіи ими билетовъ для входа на экзамены. Въ главномъ подъѣздѣ имѣются: одна наружная дверь и двѣ внутреннихъ, образующія родъ сѣней; изъ внутреннихъ дверей одна находится сбоку,—другая же, средняя, напротивъ внѣшней входной двери. Всѣ двери были заперты на ключъ, двѣ двери, черезъ которыя послѣдовательно пропускались студенты, по проходѣ каждаго студента, снабженнаго билетомъ, тотчасъ же запирались на ключъ. У входа стояли швейцаръ и два сторожа. Около 10 часовъ утра, въ тотъ моментъ, когда швейцаръ открывалъ внѣшнюю дверь для пропуска одного изъ студентовъ, предъявлявшаго билетъ, толпа сильнымъ натискомъ отбросила швейцара ко второй внутренней боковой двери, запертой въ тотъ моментъ на ключъ, и устремилась къ средней двери, которая была тоже заперта на ключъ. Отъ сильнаго напóра дверь расшаталась, замокъ выскочилъ. Толпа ворвалась и бросилась по лѣстницѣ черезъ чертежную въ классный флигель, сбивъ съ ногъ сторожа и нанося ему удары палкой. Затѣмъ толпа направилась въ аудиторію, гдѣ производились экзамены, разбивая по дорогѣ склянки съ зловонною жидкостью.

Смотритель дома В. Останковичъ.

Постановленіе Совѣта относительно издательской лавочки (къ стр. пр. 157, 461).

«Совѣтъ Горнаго Института 5-го апрѣля 1904 года постановилъ: въ виду поступающихъ заявленій гг. студентовъ о выдачѣ имъ записокъ и другихъ изданій, необходимыхъ имъ для экзаменовъ—образовать коммиссію въ составѣ: профессоровъ Лебедева, Курнакова и Коцовскаго, коей поручить *вскрыть* въ присутствіи понятыхъ отъ студентовъ существующій складъ изданій лекцій и составить опись наличнаго инвентаря и возобновить продажу изданій и программъ, возложивъ оную продажу на студента III курса г. Поповича.

Означенное постановленіе Совѣта было приведено въ исполненіе 7-го апрѣля 1904 года въ 12 часовъ дня въ присутствіи нижеподписавшихся».

Подписали: Н. Д. Коцовскій.
Г. Г. Лебедевъ.
Н. С. Курнаковъ.
Студенты: В. Запорожецъ.
И. Соколовъ.
Д. Поповичъ.

Разовой билетъ на право входа въ институтъ и при входѣ отбиравшійся у студента. Такого образца билеты были семи цвѣтовъ. (См. стр. прот. 22,—3, 49, 50, 57, 166,—7, 189, 190, 261, 434, 503, 513,—4,—6, 533, 563).

БИЛЕТЪ

для входа

въ Горный Институтъ Императрицы Екатерины II.

Студента „.........“ курса ....

на .... въ .... час.

Примѣчаніе: Безъ билета входъ въ Институтъ не допускается.

Образецъ постояннаго входна'о билета (бѣлаго цвѣта); предъявлялся при входѣ швейцару и оставался у студента. (См. стр. прот. тѣже).

Предъявитель сего студентъ Горнаго Института Императрицы Екатерины II-й. *N. N. имѣетъ право входа въ Институтъ во всѣ дни*

Инспекторъ:

ЭКЗАМЕНАЦІОННЫЯ ГРУППЫ.

Группа студ. V курса, представленная первой инспектору Коцовскому 1-го апр. студ. Панфиловымъ, составленная фиктивно, имѣвшая такія же права на полученіе входнаго билета, какъ и послѣдующія, но, однако, билетовъ не получившая и въ большей части своего состава 3 апр. уволенная или исключенная изъ института въ экстренномъ засѣданіи совѣта 2 апр. (см. стр. прот. 57, 91, 194, 200, 262).

„Экзаменаціонная группа студентовъ V курса, желающихъ держать 2 апрѣля пробирное искусство“.

1. Кульжинскій — 0
2. Новосильцевъ — 0
? — 3. Лангвагенъ
4. Кивель
V 5. Васютинскій
V 6. Епифановъ — * 0 *Ней* (неразборчиво).
7. Чарноцкій —
V 8. Мей
V 9. Минорскій
10. Панфиловъ — 0
11. Снятковъ — 0
12. Гусарскій — 0
13. Гудковъ
14. Рыбаковъ
V 15. Виткинъ — 1 годъ
? 16. Звѣревъ — ! 0
17. Берзонъ
18. Юферовъ — 0
? 19 Запорожецъ
20. Захаровъ — 0
21. Брандтъ
22. Педашенко — * 1 годъ
23. Чернявскій — 0
24. Нацваловъ — 0
? 25. Сивчинскій.

Примѣчаніе. На оригиналѣ списка всѣ эти кабалистическія замѣтки сдѣланы карандашами разныхъ цвѣтовъ: 0 —слѣды чернаго карандаша. V—красным каранд., ?—и черта подъ фамиліями сдѣланы синимъ каранд., „1 годъ"—чер. карандаш.; вдоль всего листа красная черта. * означенныя фамиліи потомъ вычеркнуты каранд.

Группа студ. V курса, представленная г. Коновалову студентами И. Соколовымъ и Воробьевымъ 1 апрѣля и получившая входные постоянные билеты, какъ и всѣ послѣдующія. (См. стр. прот. тѣ же).

„Нижепоименованные студ. V курса просятъ Ваше Превосходительство дать имъ возможность безпрепятственно держать экзамены".

1) Соколовъ	17) Лидеръ	33) Постриганевъ
2) Жданов·ъ	18) Степановъ	34) Магула
3) Воробьевъ	19) Шибаевъ	35) Шарпантье
4) Бутми-де-Кацманъ	20) Константиновъ *	36) Рыженко
5) Грасгофъ	21) Пушкинъ-Бачинскій	37) Мухинъ
6) Рюминъ	22) Карповъ	38) Березовскій
7) Алексѣевъ	23) Крыловъ	39) Суздальцевъ *
8) Николаевъ	24) Гозадиновъ	40) Панкевичъ *
9) Гавриловъ	25) Заддэ	41) Штайгеръ
10) Кирилловъ	26) Жеромскій	42) Енько
11) Першке	27) Ковалевскій	43) Оводенко
12) Береневъ	28) Земницкій	44) Кацоевъ
13) Акимовъ	29) Зѣнченко	45) Панкевичъ *
14) Сидоровъ	30) Шнее	46) Берновъ *
15) Стоковскій	31) Гурскій	
16) Штахельскій	32) Пеньонженъ	

Помѣтка синимъ карандаш. *ДК***.

Группа студ. IV курса, представленная въ день обструкціи 2-го апр. г. Коновалову студ-ми Ауэрбахомъ и Дэви., (См. стр. прот. 626. 628).

„I-ая группа студ. IV курса".

Андреевъ Ал.	Каленскій	Салогубъ
Ауэрбахъ Анат.	Кутыринъ	Стахурскій
? Батуевъ	Кузнецовъ Вас.	Томилинъ
Богдановъ Влад.	Кузьмицкій	Урбановичъ
Георги	Лопатинъ	Фойгтъ
Галинъ Анат.	Макаровъ	Цикинъ
Дэви Мих.	Малышевъ	Чулковъ
Духонь	Мышенковъ	Эйлеръ
Егоровъ	Новгородскій	Лурье.
Залеманъ	Пумпянскій	Красновъ**
Иванцовъ	Рейнъ	Гарбузовъ**
Квасковъ	Савичъ	Стукачевъ**

Помѣтка карандаш. *внесено въ общій списокъ.*

Помѣтка каран. *внесены.*

„Слѣдующіе студенты III курса составили группу, чтобы держать экзамены, и ручаются, что ни одинъ изъ нихъ не приметъ участія въ обструкціи" (См. стр. прот. **556**).

*) *Примѣчаніе.* Означенные фамиліи записаны карандашемъ.
**) *Примѣчаніе.* Означенные фамиліи приписаны друг. черниломъ.
**) Помѣтка ДК означаетъ инициалы директора Д. П. Коновалова.

Анитовъ
Бароновъ
Бауэръ
Берладинъ
Бѣлозоровъ
Богдановъ
Бриземейстеръ
Воскресенскій
Гайль
Гернгроссъ
Горковенко
Грудзинскій
Грунвальдъ
Даниловъ Н.
Дрампянцъ
Зеленцовъ
Злотницкій
Качаловъ
Карповскій
Казанцевъ
Корсакъ
Леманъ
Латышевъ
Меморскій
Меньшихъ
Михайлушкинъ
Поповъ
Починковъ
Пятницкій
Слапскій
Сокальскій
Соломосъ
Соколовъ Вл,
Спасскій
Ченгеры
Черкасовъ
Шелякинъ
Цербель
Фитингофъ
Юмашевъ
Каркъ
Виноградовъ
Веймарнъ
Пеерна
Сущевскій
Недзѣльскій
Кучинъ.

«Первая группа лицъ желающихъ держать экз. II курса».

1) Байковъ
2) Булахъ
3) Выковъ
4) Волковъ
5) Горé.
6) Завадскій
7) Мисюревичъ
8) Мацюсовичъ
9) Притула
10) Родкевичъ
11) Свѣтликъ
12) Соколовъ
13) Сѣровъ
14) Тюлягинъ
15) (Теръ-Давыдовъ)
16) (Вучиничъ).

Скрѣпили подписями: *А. Притула.* В. О. Средній, 68.

В. Ы. Соколовъ. В. О. Средній, 40

Помѣтка синимъ каранд. *ДК.*

«I группа желающихъ держать экзамены».

Аптекинъ кар. «*написанъ*»
Валкъ
Вачнадзе
Головинскій
Гомилевскій
Ф. Дервизъ
Іосса
Карповъ
Кольцовъ
Костецкій
Кугушевъ
Лебедевъ
Маломѣрковъ
Митрофановъ
Наумовъ
Новацци
Помѣщухъ
Ремтовъ-Ремпдовскій
Твердохлѣбовъ
кар. «*билеты уже выданы*» (Лебедевъ, Маломѣрковъ)
Фавръ
Шаудинатъ
Гончаровъ
Няга,

Скрѣпили подписью: *Г. Лебедевъ*

А. Маломѣрковъ.

Помѣтка синимъ каранд. *ДК.*

Образцы прошеній съ характерными помѣтками директора Д. П. Коновалова и инспектора Н. Д. Коцовскаго. Прошеній всего подано 163, при чемъ до 21 апр. 1904 г. они контролировались г. Коноваловымъ и г. Коцовскимъ, послѣ же этого числа вплоть до 13 мая только г. Коцовскимъ.

«Студентъ V кур. К. Епифановъ желаетъ видѣть Николая Дмитріевича Косовскаго».

К. Епифановъ

Подпись: *Н. Коцовскій.*

Помѣтка синимъ каранд. поперекъ заявл.: *Бѣлый билетъ ДК.*

Помѣтка (син. кар.) *V курса*

«Викторъ Запорожецъ».

Помѣтка (син. кар.): *Выдать бѣлый билетъ Д. К.*

«Имѣю честь заявить Вашему Превосходительству о своемъ непреклонномъ и категорическомъ рѣшеніи и желаніи держать экзамены».

4 апрѣля 1904 г.

Студ. IV кур. В. Бекташевъ

Помѣтка (син. кар.): *Выдать бѣлый билетъ Д. К.*

«Имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства, что намѣренъ теперь же держать экзамены, а въ списки, представленные товарищами (Дэви, Коленскій, Ауэрбахъ и др.) не попалъ по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ».

5 апр. 1904 г. СПБургъ

Студ. IV кур. В. Тиграновъ

Помѣтка (син. кар.): *Выдать бѣлый билетъ ДК.*

Помѣтка (син. кар.)

Прошу дать справку Н. К. 7/IV.

«Его Превосходительству Господину Директору горнаго института Императрицы Екатерины II.

Студ. IV курса Николая Черкасова

Прошеніе.

Имѣя намѣреніе держать экзамены покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство о выдачѣ мнѣ входного въ институтъ билета».

Студ. IV курса Н. Черкасовъ.

Помѣтка (син. кар.): *Выдать бѣлый билетъ ДК.*

Помѣтка (син. к.): *Прошу выдать постоянный билетъ Н. К.* 7/IV.

«Студенты IV курса Н Владиміровъ и А. Ханжековъ желая приступить къ экзаменамъ просятъ прислать имъ входные билеты».

7 апр. 1904 г.

Студ. V кур. Ев. Лидеръ.

Помѣтка (син. кар.): *Выдать бѣлый билетъ Д. К.*

Помѣтка (чернил.): *выданы.*

«Студенты I курса *Прокоповъ* *) и *Стальновъ* *) просятъ зачислить ихъ въ группу студентовъ, желающихъ сдавать экзамены».

Г. Лебедевъ.

Помѣтка (красн. кар.): *Д. К.*

Помѣтка (каранд.): *Выдать Н. К. 7/IV.* «Инспекціи горнаго института Императрицы Екатерины II.

Покорнѣйше прошу инспекцію горнаго института прислать мнѣ билетъ на право держать переходные экзамены. Рекомендацій не имѣю».

Студ. III курса Г. И. Б. Чефрановъ.

Помѣтка (красн. кар.): *Выдать бѣлый билетъ ДК.*

Помѣтка (син. кар.): *Полагалъ бы выдать билетъ Н. К. 8/IV.* «Его Превосходительству Господину Инспектору горнаго института.

Студ. III курса Николая Скаредова

Прошеніе.

Желаю держать экзамены и правиламъ подчиняться обязуюсь, почему прошу выдать мнѣ билетъ для входа въ институтъ».

Н. Скаредовъ.

Помѣтка (син. к.): *Бѣлый билетъ ДК.*

«Ст. III кур. Александръ Сборовскій и II кур. Антонъ Таксисъ желаютъ держать экзамены и ходатайствуютъ о разрѣшеніи имъ входа въ институтъ».

СПБургъ 8 апр. 1904 г.

Помѣтка (син. кар.): *Препятствій къ выдачѣ постоянныхъ билетовъ не встрѣчаю Н. К. 8-IV*

Бѣлый билетъ ДК.

Помѣтка (чернил.): *Полагалъ бы выдать бѣлый билетъ НК. 8/IV.* «Его Превосходительству господину инспектору горнаго института.

Студ. V кур. С. Василевскаго

Заявленіе.

Желая держать экзамены покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство прислать мнѣ входной билетъ въ институтъ».

С. Василевскій.

Помѣтка (син. кар.): *Бѣлый билетъ ДК.*

---

*) Курсивъ оригинала.

Помѣтка: *Разрѣшаю входъ съ 8 числа Н К.* «Ваше Превосходительство уважаемый Николай Димитріевичъ!

Мнѣ крайне необходимо быть въ инспекціи института для справокъ относительно того неопредѣленнаго положенія, въ которомъ я нахожусь въ настоящую минуту. Поэтому не найдете ли возможнымъ дать мнѣ пропускъ въ институтъ на сегодняшній или завтрашній день по Вашему усмотрѣнію. Никакихъ обструкцій производить не буду, такъ какъ вообще нахожу этотъ видъ хулиганства предосудительнымъ для студента горнаго института».

Съ искреннимъ почтеніемъ ст. Ап. Покровскій.

Помѣтка (син. кар.): *Бѣлый билетъ Д. К.*

Помѣтка: *Прошу выдать билетъ по 1 мая Н. К. 9/IV.* «Его Превосходительству господину инспектору горнаго института.

Студ. III кур. Сократа Оларовскаго

Заявленіе

Симъ имѣю честь заявить, что я намѣренъ приступить къ держанію экзаменовъ и обязуюсь не принимать участія въ обструкціи».

1904 г. апрѣля 9.

С. Оларовскій.

Помѣтка (син. кар.): *Д К.*

Помѣтка: *Выдать бѣлый билетъ Н. К. 19/IV.* «Въ инспекцію горнаго института,

Покорнѣйше прошу инспекцію прислать мнѣ билетъ для постояннаго входа въ институтъ на предметъ держанія экзаменовъ».

С. Исааковъ.

17 апр. 1904 г.

Помѣтка (син. к.): *ДК.*

Помѣтка: *Вызвать для объясненій* НК. 22/IV.

«Въ инспекцію горнаго института Императрицы Екатерины II.

Покорнѣйше прошу выслать мнѣ билетъ для входа въ институтъ. Желаю держать экзамены».

Студ. III кур. И. Холинъ.

21 апр. 1904 г.

Помѣтка (красн. чер. рукой г. Бальди): *Вызванъ на 24 апрѣля къ 10 час. утра.*

Списокъ разосланный по рудникамъ и заводамъ.

(См. стр. прот. 18, 694, 794).

„Свобододѣйствующіе“ студенты Горнаго Института—это люди, пренебрегшіе самыми элементарными понятіями чести и нравственности, не остановившіеся ни передъ искательствомъ, ни передъ злостной клеветой, ни передъ доносомъ на товарищей. Въ сотрудничествѣ съ инспекціей ими былъ составленъ списокъ неблагонадежныхъ товарищей, посланный

(послѣ утвержденія его оставшимся составомъ совѣта) *) въ С.-Петербургское Охранное Отдѣленіе: 60 человѣкъ исключено и уволено изъ Института, причемъ большинство ихъ Охранное Отдѣленіе немедленно выслало изъ Петербурга.

Доводя списокъ „свобододѣйствующихъ“ до общаго свѣдѣнія, мы надѣемся, что ихъ ревностная дѣятельность найдетъ заслуженную оцѣнку и ляжетъ на нихъ тяжелымъ позорнымъ клеймомъ.

I.

Валкъ Маврикій
Гомилевскій Евг.
Громовъ Сергѣй
Емельяновъ Н.
Іосса Иванъ **
Кольцовъ Ник.
Костецкій Ант.
Кугушевъ Дм. князь
Лебедевъ Георгій
Маломѣрковъ Ал-дръ
Митрофановъ Алексѣй
Полѣщукъ Федоръ **
Рембовъ-Ремидовскій
Солимани Ал-дръ
Шаудинатъ Артуръ

II.

Байковъ Ал-дръ
Булахъ Иванъ
Быковъ В.
Горе Петръ
Завадскій Ник.
Притула
Радкевичъ
Сѣровъ Ив.
Соколовъ Викт.

III.

Анитовъ Сергѣй
Бароновъ Павелъ
Бауэръ Георгій
Берладинъ Ив.
Бѣлозоровъ Влад.
Веймарнъ Петръ
Воскресенскій Анат.
Гернгроссъ Всеволодъ
Гричакъ Викт. **
Грудзинскій Іосифъ **
Грунвальдъ Петръ
Даниловъ Ник.
Дрампянцъ Багратъ
Зеленцовъ Ал-дръ
Злотницкій Эл.
Иванцовъ Борисъ
Казанцевъ Дм.
Каркъ Ив.
Карповскій Ник.
Качаловъ Ник.
Кучинъ Сергѣй
Латышевъ Петръ
Леманъ Ал-дръ
Меморскій Вл.
Михайлушкинъ Мих.
Мухинъ Сергѣй
Недзѣльскій Вит. **
Нечаевъ Ник.
Поповъ Борисъ
Пятницкій Вл.
Скаредовъ Ник.
Слапскій Дм.
Сокальскій Григ.
Соколовъ Влад.
Спасскій Мих.
Ферстеръ Ник. **
Ченгеры Влад.
Черкасовъ Петръ
Чумаковъ Ал-дръ
Щировскій Влад.

IV.

Андреевъ Ал-дръ
Ауэрбахъ Анат.
Богдановъ Влад.
Галинъ Анат.
Гарбузовъ Н.
Духонь Влад.
Дэви Мих.
Егоровъ Конст.
Залеманъ Левъ
Квасковъ Анат.
Красновъ Вас.
Кузнецовъ Вас.
Кузьмицкій Ал-дръ
Кутыринъ Дм.
Лопатинъ Ал-дръ
Лурье Іосифъ
Макаровъ Юрій
Маликовъ Фед.
Муратовъ Серг.
Мышенковъ Ник.
Рейнъ Ал-дръ
Савичъ Борисъ
Стахурскій Серг.
Томилинъ Викт.
Урбановичъ Ал-дръ
Фойгтъ Павелъ
Штейгеръ Конст.
Эйлеръ Павелъ

V.

Алексѣевъ Андр.
Березовскій Н.
Бутми-де-Кацманъ
Воробьевъ Вас.
Газадиновъ Влад.
Жеромскій Гавр.
Заддэ Артуръ
Земницкій Ив.
Зѣнченко Вас.
Ковалевскій Ал-дръ
Магула Дм.
Назаровъ Ник.
Николаевъ Евг.
Першке Ник.
Постриганевъ Анат.
Рыженко Мих.
Соколовъ Иванъ.
Степановъ Алексѣй

Особенно были полезны инспекціи и полиціи и обнаружили блестящія способности студенты:

Лебедевъ Георгій
Маломѣрковъ Ал-дръ
Рембовъ-Ремидовскій
Гернгроссъ Всев.
Грунвальдъ Петръ
Духонь Влад.
Заддэ Артуръ
Зѣнченко Вас.
Ковалевскій Ал-дръ

---

*) Профессора Бауманъ, Богдановичъ, Долбня, Лутугинъ, Никитинъ и Яковлевъ были въ это время уже уволены.

**) *Примѣчаніе*: означенные звѣздочками студенты выступили изъ партіи и отказались отъ принципа „свободы дѣйствій“.

Притула	Кузьмицкій Ал-дръ	Постриганевъ Анат.
Соколовъ Викторъ	Макаровъ Юрій	Соколовъ Иванъ
Бѣлозоровъ Влад.	Фойгтъ Павелъ	

Справедливость требуетъ отмѣтить еще одного „почтеннаго“ дѣятеля изъ трусости не рѣшившагося сначала приписаться къ партіи „свобододѣйствующихъ“

Студ. III к. Драг. Поповича.

Вмѣстѣ съ Фед. Малышевымъ онъ на довольно выгодныхъ условіяхъ поступилъ въ *платное* услуженіе инспекціи.

О. К. С. Г. И.

Статья А. В. Амфитеатрова, помѣщенная въ «Руси» отъ 27 апрѣля 1904 и повлекшая за собой закрытіе розничной продажи газеты и высылку автора изъ Петербурга. (См. стр. прот. 299).

Многострадальная русская учащаяся молодежь. Тяжело ей живется, тяжело учится. Такъ тяжело, что... она почти уже и вовсе не учится. Не проходило, за послѣднія десять лѣтъ, ни одного семестра безъ волненій и обструкціи въ какомъ либо изъ высшихъ учебныхъ заведеній, а бывали случаи, что обструкція дѣлалась правиломъ, и исключеніями оставались тѣ высшія учебныя заведенія, гдѣ ея не было. Каждую весну приходится гадать только что не на бобахъ: состоятся ли экзамены въ университетѣ, политехникумѣ, институтахъ спеціальнаго образованія? Каждую осень, по всей Россіи, сжимаются сердца родителей за студентовъ, отъѣзжающихъ въ просвѣтительные центры: не увидать бы дѣтей обратно раньше срока? Тяжелая жизнь, безсмысленная жизнь, противонаучная жизнь—и жестокая безконечно: больно отъ нея учащимся, больно ихъ семьямъ, больно обществу,—нѣтъ никакого сомнѣнія, больно и государству. И панацеи отъ болей этихъ не предлагается, а палліативы, пробуемые одинъ за другимъ, не помогаютъ. И, въ неудовольствіи, что палліативы не помогаютъ, люди самолюбивые, люди нетерпѣливые, люди, воображающіе, будто—былъ-бы уставъ открытія Америкъ да приказаніе открывать оныя, а тогда самыя Америки открываются легко,—такіе близорукіе люди переносятъ свою досаду съ плохихъ палліативовъ на неподатливый объектъ ихъ—негодуютъ и фыркаютъ не на неумѣнье наше упорядочить бытъ учащейся молодости, а на самую учащуюся молодежь. Дѣйствительные промахи и недостатки ея раздуваются изъ мухи въ слона, сочиняются клеветническія легенды, должныя отнять у молодежи сочувствіе общества и правящихъ сферъ, поселивъ въ послѣднихъ предубѣжденіе къ ней, какъ къ элементу стихійнаго недовольства для недовольства, какъ къ силѣ-де противогосударственной. Инсинуаціи, истекающія изъ оскорбленнаго самолюбія неумѣлыхъ или неудачныхъ „администраторовъ педагогіи“ расходятся по Россіи баснословными слухами. Такъ, еще недавно студентовъ-горняковъ городская сплетня, а затѣмъ и часть печати не смутились обвинять въ государственной измѣнѣ: въ сборѣ денегъ на японскій флотъ! Я провѣрилъ этотъ слухъ многими опросами, я имѣлъ въ своихъ рукахъ едва-ли не всѣ документы по послѣдней исторіи въ горномъ институтѣ и теперь могу твердо, съ полною опредѣленностью настаивать на томъ, что въ легендѣ этой, оскорблявшей патріотическое чувство многихъ, нѣтъ правды. Создался же этотъ дымъ изъ того огня, что, на ряду съ восторженными поклонниками текущей войны, среди студентовъ имѣлась значительная группа принципіальныхъ ея отрицателей—частью по общеэтическимъ причинамъ, частію въ силу своихъ политическихъ убѣжденій. Послѣдняя фракція выразила свои взгляды *декларацией*, которая, вслѣдъ затѣмъ, была, чьими то стараніями, напечатана въ заграничномъ изданіи Этою теоретическою декларацией и ограничилось отрицательное отношеніе части студенчества къ вопросу войны. Никакихъ активныхъ выходокъ не было. Въ студенческой сбор-

ной красовался огромный плакатъ, призывавшій, дѣйствительно, къ пожертвованіямъ на флотъ, но не на японскій, а на русскій, и былъ плакатъ вывѣшенъ патріотическою партіею студенчества, такъ называемыми „свобододѣйствующими". Зрѣлище этого красиваго плаката—съ одной стороны, декларація—съ другой, вдохновили сочетаніемъ своимъ чью то досужую голову на сплетню о контръ-плакатѣ будто бы призывавшемъ выразить сочувствіе японцамъ и организовать денежный сборъ на нужды ихъ флота. Въ обостренный періодъ коноваловскаго конфликта сплетня была подхвачена тѣми, кому оказалась на руку, и изъ стѣнъ института поплыла по Петербургу, грязная и неопровергаемая, и вѣрили ей иногда даже хорошіе, мягкіе люди.

Новѣйшимъ палліативомъ къ излеченію учащейся молодежи отъ ея недуговъ рекомендуется строгость; педеля съ широкими полномочіями, введеніе воинской повинности въ старшіе классы гимназій, полиція въ университетѣ и т. д. Имя г. Меньшикова, вздыхающаго по всѣмъ этимъ прелестямъ, тоскующаго о запуганныхъ и угнетенныхъ педеляхъ, проклинающаго буйство, лѣность и распущенность нравственную студентовъ и гимназистовъ, величественно сопряглось съ этимъ новымъ теченіемъ педагогической мысли. Воскресный фельетонъ г. Меньшикова, недѣлю тому назадъ,—сплошная ода къ богинѣ Держимордіи,—былъ хорошъ и выразителенъ, но вчерашнее письмо его въ отвѣтъ г. Пиленкѣ еще цѣльнѣе. Это ужъ даже не статья, а какое-то стихотвореніе въ прозѣ—„Пѣснь о насиліяхъ буйнаго радикала и благодѣяніяхъ вѣжливаго сторожа". Обыкновенно, г. Меньшикова въ печати русской зовутъ Іудушкою Головлевымъ. Но, читая его гимны деликатнымъ педелямъ и вѣжливымъ сторожамъ, я воскрешалъ себѣ нѣсколько иной, хотя и родственный Іудушкѣ, образъ литературный: Чичикова, служащаго на таможнѣ: „Что касается до обысковъ, то здѣсь у него, просто, было собачье чутье: нельзя было не изумиться, видя, какъ у него доставало столько терпѣнія, чтобы ощупать всякую пуговку, и все это производилось съ убійственнымъ хладнокровіемъ, вѣжливымъ до невѣроятности. И въ то время, когда обыскиваемые бѣсились, выходили изъ себя и чувствовали злобное побужденіе избить щелчками пріятную его наружность, онъ, не измѣняясь ни въ лицѣ, ни въ вѣжливыхъ поступкахъ, приговаривалъ только: „Не угодно ли вамъ будетъ немножко побезпокоиться и привстать?" или „Позвольте, вотъ я ножичкомъ немного распорю подкладку вашей шинели". Въ юности этотъ вѣжливый чиновникъ тоже занимался „воспитательными опытами" своего рода: „Два мѣсяца возился онъ въ своей квартирѣ безъ отдыха около мыши, которую засадилъ въ маленькую деревянную клѣточку, и добился, наконецъ, до того, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и вставала по приказу..." Педагогическіе идеалы г. Меньшикова очень напоминаютъ результаты чичиковской школы. Одна бѣда: молодежь то—не мышь!

Если вѣрить гг. Меньшикову и Мещерскому, всѣ бѣды студенческой жизни, вся безпорядочность нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній—отъ „тираніи худшей части студенчества надъ лучшей, тираніи лѣниваго невѣжества надъ скромностію и желаніемъ учиться". Кн. Мещерскій, со свойственною ему откровенностью, развивалъ эту теорію прямо по поводу безпорядковъ въ горномъ институтѣ, не назвавъ лишь учрежденія. Г. Меньшиковъ, какъ всегда, говоритъ «вообще», съ старинными примѣрами, но и съ однимъ новымъ, который приключился при безпорядкахъ въ горномъ институтѣ („химическая обструкція"), при чемъ, съ маленькою передержкою, онъ увѣряетъ, что студенты „*отравили* воздухъ *ядовитыми* газами" (ужъ не взрывали ли лидитныхъ бомбъ?! чего не станется отъ такихъ извергов?!), тогда какъ пресловутая химическая обструкція сводилась лишь къ противному мгновенному зловонію меркаптановъ; къ воздѣйствію на обоняніе экзаменаторовъ, а отнюдь не на ихъ здоровье. Не говорю уже о томъ, что, если бы экзаменаторы, дѣйствительно, очень хотѣли экзаменовать, то воспротивиться этой химической обструкціи было бы очень легко, такъ какъ отвратительный запахъ меркаптановъ

нейтрализуется сѣрною кислотою. Химическая обструкція—безобразіе, какъ и всякое насиліе, но не слѣдуетъ усиливать черныя краски безобразія уже настолько, что оно начинаетъ звучать покушеніемъ на жизнь и здоровье профессоровъ, принимаетъ окраску уголовнаго преступленія. Непозволительно это вообще,—тѣмъ паче человѣку, рекомендующему себя бывшимъ вольнымъ слушателемъ физико-математическаго факультета, слѣдовательно, по химіи кое что маракующему,—не то, что мы, публика, профаны въ естественныхъ наукахъ. Это—первое. Второе: отъ хорошей жизни не полетишь, и—въ упорядоченномъ учебномъ быту—ни одинъ интеллигентный молодой человѣкъ компрометировать себя такимъ грубымъ актомъ насилія, какъ химическая обструкція, не станетъ. Современной ли учащейся молодежи, вышедшей изъ школы толстовскаго „непротивленія злу", тысячами головъ устремляющейся къ «проблемамъ идеализма», испытующей кто Нитцше, кто Владиміра Соловьева, любить безобразіе для безобразія, устраивать массовые скандалы для скандаловъ? Въ партіи „свобододѣйствующихъ",—охранительной, такъ сказать, группы въ студенчествѣ горнаго института,—собесѣдникъ кн. Мещерскаго насчиталъ (и, по свѣдѣніямъ, мною полученнымъ, совершенно точно) съ небольшимъ сто человѣкъ, а всего въ горномъ институтѣ студентовъ болѣе шестисотъ. Итого, пять шестыхъ молодежи высшаго учебнаго заведенія, притомъ очень спеціальнаго, надо объявить скандалистами ради скандаловъ, безобразниками ради безобразія, «неучащеюся молодежью», „тираніей лѣниваго невѣжества"?! Полно, господа! Кто вамъ повѣритъ? Высшее образованіе у насъ—благо дорогое, тяжело достающееся избраннымъ, обставленное конкурсными экзаменами: ужъ именно per aspera ad astra! Контингентъ учащихся у насъ малодостаточный, часто голодный, тянуть годы въ высшемъ учебномъ заведеніи студенту трудно и лично, и семейно, дипломъ къ житейской дѣятельности нуженъ ему, какъ хлѣбъ насущный, и каждая отсрочка получить дипломъ—ему острый ножъ. И вотъ—при этихъ-то мучительныхъ условіяхъ, молодежь, все таки, устраиваетъ себѣ искусственныя отсрочки, сознательнымъ уклоненіемъ отъ экзаменовъ обрекая себя на лишніе годы пребыванія въ учебномъ заведеніи. Больше того: когда ее хотятъ облагодѣтельствовать насильно, настаивая на экзаменахъ, она препятствуетъ экзаменаторамъ и, при упорствѣ ихъ, возбуждается до насилія, производитъ безобразіе химической обструкціи. Что же это? Массовое нравственное „харакири" какое то? Помѣшаны они, что ли, эти пятьсотъ человѣкъ, что налагаютъ руки сами на себя? А если не помѣшаны и нѣтъ у нихъ на то резоновъ, то—что же это за поколѣніе мы, милостивые государи, выростили? Фильтруемъ-фильтруемъ, просѣваемъ-просѣваемъ, контролируемъ, блюдемъ, сортируемъ, а, въ концѣ концовъ, вотъ те на: изъ шестисотъ студентовъ, всетаки, пятьсотъ—безобразники для безобразія, скандалисты для скандала, лѣнивые невѣжды и тираны, неучащаяся молодежь, какая-то чернь упадочная, предпочитающая лучше дохнуть съ голода въ буйствѣ своемъ, чѣмъ благонравно учиться, стяжая хорошія экзаменаціонныя отмѣтки и скорый хлѣбный дипломъ! Нѣтъ, тутъ что-то не такъ. Такихъ эпидемій нравственной дикости не бываетъ на свѣтѣ. А, если и случаются онѣ, то не безпричинно, а подъ вліяніемъ факторовъ важныхъ, вѣскихъ и, главное, внѣшнихъ; самозарожденіемъ такіе недуги не возникаютъ.

Поищемъ этихъ факторовъ. Обыкновенно обвинители молодежи подчеркиваютъ ея волненія, какъ „политическіе безпорядки". Дѣлаетъ это и г. Меньшиковъ, дѣлаетъ и кн. Мещерскій, прямолинейно дѣля: кому нужна наука, пусть учится, а кому нужна политика, пусть уходитъ дѣлать политику; пять лѣтъ назадъ, та же раздѣлительная формула была поставлена А. С. Суворинымъ. Но, если становиться на эту точку, то именно послѣдняя исторія въ горномъ институтѣ, многошумный коноваловскій конфликтъ, не укладывается въ поле зрѣнія и остается въ сторонѣ, такъ какъ въ немъ не было ровно ничего политическаго, и возникъ онъ на почвѣ внутреннихъ институтскихъ неурядицъ, вслѣдствіе

взаимонепониманія профессоровъ и студентовъ. А обострился—по рѣзкой розни студентовъ между собою, которая тлѣла уже зимою, и коноваловскій конфликтъ упалъ въ нее, какъ искра въ солому, спаливъ затѣмъ полсотни житейскихъ карьеръ въ средѣ студенческой, а изъ профессорской вырвавъ шесть почтенныхъ научныхъ силъ, наиболѣе авторитетныхъ въ Россіи по своимъ спеціальностямъ. Смѣю отрицать какую-либо политическую основу въ этомъ дѣлѣ, опять таки не по личному наитію, но переговоривъ съ многими, далеко не одинаково мыслящими, его участниками и прочитавъ десятки гектографированныхъ листковъ, слагающихъ его лѣтопись.

Сентенція кн. Мещерскаго о наукѣ и политикѣ: либо одна, либо другая, — была бы, можетъ быть, хороша, если бы жизнь позволяла закрыть высшія учебныя заведенія отъ *всякой* политики. То есть—именно: храмъ науки есть только храмъ науки, кромѣ науки въ немъ ни о чемъ не думаютъ и не говорятъ, ничѣмъ не занимаются,—онъ внѣ жизни и не отъ міра сего. Но въ реальной жизни она звучитъ безнадежно, потому, что стремится увести отъ общественнаго интереса молодыхъ людей въ возрастѣ 19—25 лѣтъ, въ порѣ первой зрѣлости, въ порѣ Sturm und Drang'а, въ періодѣ наибольшаго любопытства къ познанію человѣческихъ отношеній, наибольшей энергіи въ протестѣ противъ всего, что представляется зломъ или неразуміемъ. Это совершенно немыслимо, ибо противоестественно противорѣчить закону зрѣлости. Еще Платонъ опредѣлялъ человѣка, какъ животное политическое. Нельзя представить нормальнаго человѣка безъ глазъ, безъ языка, безъ слуха,—нельзя и безъ политическаго чутья и интереса. Въ юное время, когда всѣ чувства наши работаютъ острѣе, не избѣгаютъ общаго подъема и политическое чувство. Заглушить его невозможно, не поработивъ человѣка до скотскаго или полускотскаго образа. Поэтому создались государственныя системы образованія, которыя имѣютъ въ виду—не лишая человѣка способности политической, направлять ее въ русла, нужныя для цѣлей государственнаго самоохраненія и саморазвитія. Огромныя неудачи нашихъ русскихъ системъ образованія, въ особенности, такъ называемой классической, графа Д. А. Толстого, въ связи съ нѣкоторыми иными соціальными факторами, подточили авторитетъ охранительной школы въ глазахъ ея питомцевъ, общества и, кажется, самого правительства, такъ какъ частыя смѣны министровъ народнаго просвѣщенія и колебанія въ ихъ режимахъ доказываютъ, что образованіе наше переживаетъ періодъ пробъ на лучшее. Пробѣлы и бреши въ авторитетѣ школы дали мѣсто и возможность развиться среди молодыхъ умовъ многимъ теченіямъ разныхъ,—какъ принято до сихъ поръ обобщать у насъ, хотя уже и страшно устарѣло это слово,—либеральныхъ окрасокъ, съ которыми охранительная школа ведетъ борьбу — крайне рѣзкую, но нельзя сказать, чтобы успѣшную. Въ самые послѣдніе годы борьба эта спустилась сверху внизъ, изъ административныхъ круговъ высшей школы въ нѣдра самого студенчества. Создался какъ бы компромиссъ признанія политическихъ силъ студенчества—при условіи, что оно будетъ охранительнымъ. Создались, подъ эгидою профессоровъ или стороннихъ дѣятелей консервативныхъ, такого типа студенческіе кружки, изъ которыхъ иные успѣли уже разростись въ корпораціи («Денница», «Единеніе—сила»). Предполагается, что ихъ сдерживающее вліяніе остановитъ вѣяніе идей, признаваемыхъ для нашей высшей школы нежелательными. Но и тутъ вышла коренная ошибка. Какъ скоро корпоративность сдѣлалась какъ бы наградою за охранительный образъ мыслей, она раздѣлила учащуюся молодежь, такъ сказать, на козлищъ и агнцевъ: на имѣющихъ право политической мысли и ея выраженіе и права этого не имѣющихъ. Система товарищескаго неравенства не симпатична молодымъ умамъ, и оффиціальныя корпораціи непопулярны, малочисленны, малолюдны и, въ концѣ концовъ, малосильны: дѣйствуя, какъ правоспособныя, среди неправоспособныхъ, онѣ лишь озлобляютъ противъ себя всѣхъ, инако мыслящихъ, и каждая политическая манифестація ихъ принимаетъ поэтому невольный харак-

теръ провокаціи, будя недоброжелательныя чувства, которыя, безъ того остались бы, можетъ быть и даже всего вѣроятнѣе, молчаливыми и бездѣятельными. Кн. Мещерскій, съ годъ тому назадъ, прекрасно высмѣялъ попытку нѣкоторыхъ петербургскихъ круговъ парализовать соціалъ-демократическія теченія въ рабочемъ классѣ контръ-пропагандою, по системѣ г. Зубатова, изъ которой, однако, не выросло ничего хорошаго, а лишь чудовищно развилась совсѣмъ ненужная и обоюдоострая провокація. Если князь дастъ себѣ трудъ задуматься надъ всѣми этими «Денницами», «Объединеніями-Силами», «свобододѣйствующими» и т. д., то легко увидитъ, что въ орудія охранительной борьбы онѣ такъ же мало годятся, какъ рабочія организаціи г. Зубатова, а провокаціонная роль ихъ лишь будитъ и поддерживаетъ броженіе, ссоритъ молодежь, губитъ важную идею школьнаго товарищества и глубоко развращаетъ юношество на обѣ стороны напраснымъ озлобленіемъ внутренней борьбы. Таково именно происхожденіе деклараціи противъ войны. Она явилась отвѣтомъ на слишкомъ крикливый патріотическій шумъ «свобододѣйствующихъ», безъ шума этого не было бы и ея. Если осуществить правило кн. Мещерскаго о раздѣленіи науки и политики, то выходитъ странное, парадоксальное послѣдствіе: свобододѣйствующіе не имѣютъ права являть себя воинственными патріотами точно такъ же, какъ ихъ противники не имѣютъ права являть себя врагами войны. Иначе сентенція теряетъ почву, свое логическое основаніе. Школа можетъ быть сурово объективною, вовсе закрывая глаза на политическія качества своихъ питомцевъ. Но, разъ школа признаетъ ихъ право на политическую мысль, то—все, что имѣетъ правую сторону, имѣетъ и лѣвую, и уничтожить лѣвое покровительствомъ правому—Сизифова работа напраснаго зачеркиванія силъ на обѣихъ сторонахъ. Повторяю: коноваловскій конфликтъ выросъ не на политической подкладкѣ. Но онъ пришелъ по свѣжимъ слѣдамъ распри, раздутой изъ столкновенія воинственныхъ патріотовъ съ мирными, и вышло нѣчто отвратительное. Я не говорю уже о случаяхъ кулачной расправы между коллегами не только въ стѣнахъ института, но и на улицахъ. Но «свобододѣйствующихъ» открыто обвиняютъ въ шпіонствѣ за товарищами, въ доносахъ и пр. И вотъ—въ отвѣтъ—носится по городу, летитъ по заводамъ и рудникамъ гектографированный листокъ, съ длиннымъ рядомъ фамилій, перечисляющимъ «предателей студенчества». Сколько людей—съ разбитою карьерою! Сколько и, въ отплату,—съ позорнымъ клеймомъ доносчиковъ на всю жизнь! Четвертая слишкомъ часть института окачена гноемъ, губительнымъ гораздо болѣе всякаго меркаптана: гноемъ братоубійственной вражды... Хороша можетъ быть корпоративность тамъ, гдѣ этотъ товарищъ видитъ въ томъ преступника, а тотъ въ этомъ шпіона! И хорошія житейскія отношенія должны развиться изъ такой корпоративности! Неужели есть какой-нибудь смыслъ выращивать для будущаго общества,—вмѣсто гражданъ,—какихъ-то, съ дѣтства обозленныхъ другъ на друга, волковъ?

Строгость! вопіетъ г. Меньшиковъ. Строгость! — вчера поддакнулъ ему,—впрочемъ какъ-то вяло и уклончиво,—А. С. Суворинъ. Но какая-то спеціальная строгость—«не жестокая», прибавляютъ они, чтобы не слишкомъ стукнуть своего читателя по темени. Жаль, что не указаны адреса аптекъ, въ которыхъ приготовляется панацея этой удивительной «не жестокой» строгости! Затѣмъ слѣдуютъ педеля, полиція въ университетѣ и прочіе фрукты «тащенія и непущанія». Не знаю, насколько названные публицисты знакомы съ исторіей коноваловскаго конфликта, но— именно изъ-за «строгости» то все, вѣдь и вышло, тамъ,—изъ-за того страннаго, спеціальнаго русскаго порока, который Тургеневъ назвалъ «административнымъ восторгомъ». И ни въ чемъ, угодномъ г. Меньшикову, тамъ не было недостатка: началось съ педелей, продолжено сторожами, кончено полиціей. Что же—хорошо? Что же—справедливость удовлетворена и общественная совѣсть спокойна?.. Наука или политика! Какъ красиво звучитъ! И какъ легко на звукъ-то! А выходитъ, что самимъ провозглашателямъ приходится играть съ студентами именно въ

политику и отдавать именно политикѣ на службу науку, потому, что опредѣлять дорогу къ научному диплому патентомъ политическаго плюса ли, минуса ли—по существу, едино есть. Когда полиція въ университетѣ, что такъ нравится г. Меньшикову, она уже и хозяйка университета, а не каѳедра; и воля и соображенія полицейскія подавляютъ тогда «домашній старый счетъ» между alma mater и ея питомцами. Глубокую неправду это сказалъ г. Меньшиковъ, что въ студенческихъ безпорядкахъ участвуютъ только худшіе элементы высшихъ учебныхъ заведеній. Всяко бываетъ и очень, очень всяко. Если взять современное, дѣйствующее въ русской жизни поколѣніе, то почти у всѣхъ мало-мальски выдающихся интеллигентныхъ людей осталась въ прошломъ какая-либо прикосновенность къ студенческимъ безпорядкамъ своего университетскаго времени, когда кипѣла кровь и просился на волю силъ избытокъ: до това пщей министровъ, а, можетъ быть, и иныхъ министровъ включительно! Это не помѣшало имъ стать, въ свой срокъ, вполнѣ легальными, отлично служащими государству, надежными людьми. И, обратно,—какъ будто изъ благонравыхъ и послушныхъ Павлушъ Чичиковыхъ не выходитъ сомнительнѣйшихъ Павловъ Ивановичей! Не вѣрю я, чтобы опоры и устои благонадежности хранились только въ разныхъ «ликейскихъ» кружкахъ, «бальныхъ коммиссіяхъ», желтоперчаточныхъ и бѣлоподкладочныхъ категоріяхъ студенчества, сколько бы ни было въ нихъ смиренія предъ педелями и вражды къ строптивымъ коллегамъ! Мѣняются времена, но не мѣняются люди, и—я думаю,—что было прежде, то и теперь.

Никакой особой «преступной расы», какъ хотятъ открыть наши доморощенные Ломброзо, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не было и нѣтъ, а есть люди, съ молодыми пылкими сердцами и чуткимъ щекотливымъ самолюбіемъ. Въ рукахъ доброжелательнаго закона и доброжелательныхъ людей, старающихся молодежь уважать и быть отъ нея уважаемыми, они—весьма кроткій ёжъ съ опущенными иглами, но для жесткаго нахрапа—ёжъ клубкомъ и очень колючій. Одолѣть «строгою» силою ежа и въ клубкѣ не трудно,—только лучше пожалѣть и оставить его, ежа, устраивать свою жизнь по ежиному... А у насъ все воображаютъ изъ ежа сочинить чичиковскую мышь! А—cui prodest, какъ говорили старые юристы—если и разведется въ отечествѣ нашемъ эта зоологическая порода?!

А. В. Амф—въ.

Письмо проф. И. П. Долбни къ проф. Н. С. Курнакову и отвѣтъ Н. С. Курнакова. (См. стр. прот. 152).

Совершенно случайно я узналъ, что нѣкоторые изъ моихъ бывшихъ коллегъ, мнѣніе которыхъ для меня очень дорого, осудили меня за тѣ несчастія, которыя постигли институтъ. Я принимаю осужденіе безъ возраженій и безъ протеста. Я ухожу, ни на кого не жалуясь и никого не осуждая. Я снимаю съ себя только одно обвиненіе, если таковое предъявляется: я никого не вовлекалъ въ невыгодное предпріятіе, ибо вовлеченіе глубоко противно моему характеру и моимъ принципамъ. Я правъ тѣмъ болѣе, что отставки наши лежатъ у Н. А. Іоссы, и всякій, желающій подчиниться новому режиму и неутратившій симпатій окружающей среды, можетъ взять отставку назадъ. Но Вы, дорогой товарищъ, говорили, что для Васъ всего дороже институтъ. Я вѣрю Вамъ безусловно, и вотъ почему беру на себя смѣлость къ Вамъ обратиться. Мои незабвенные товарищи, раздѣлившіе со мной судьбу, любятъ институтъ не меньше Васъ. Я не имѣлъ съ ними никакихъ разговоровъ, но надѣюсь, что совокупныя просьбы профессоровъ могли бы поколебать ихъ рѣшимость, если бы профессора, желая сохранить институту незамѣнимыя научно-педагогическія силы, стали бы серіозно добиваться отставки Коновалова. Вопросъ бы тогда сводился къ одновременному выходу тре-

ихъ: меня, Лутугина и Коновалова. Это единственная комбинація, которая могла бы спасти институтъ отъ разгрома, студентовъ отъ гибели, а Васъ отъ безчестія.

И. Долбня.

Химическая Лабораторія
Горнаго Института
Императрицы Екатерины II.
С.-Петербургъ,
25 марта 1904 г.

Глубокоуважаемый Иванъ Петровичъ!

По поводу Вашего письма, которое меня глубоко взволновало и тронуло я прошу Вашего позволенія зайти къ Вамъ сегодня, въ четвергъ 25 Марта около 12—1 ч. пополудни и переговорить съ Вами такъ какъ въ одномъ письмѣ я чувствую, что не могу всего передать.

Искренно преданный Вамъ Н. Курнаковъ.

Записка ушедшихъ профессоровъ, разъясняющая событія горнагр института и разсылавшаяся вмѣстѣ со спискомъ по заводамъ и рудникамъ. (См. стр. прот. 18, 694. 713).

Горный институтъ испыталъ глубокое потрясеніе. Шесть профессоровъ вышли въ отставку, около 50-ти студентовъ уволены изъ института на болѣе или менѣе значительные сроки, а 9 человѣкъ исключены навсегда. Это потрясеніе вызвано студенческими безпорядками безусловно внутренняго характера, гдѣ такъ называемая политика не играетъ никакой роли. Эти внушительные факты такъ тѣсно связаны съ личностью новаго директора института профессора Д. П. Коновалова, что нѣтъ никакого основанія вдаваться въ продолжительныя разсужденія о причинахъ, вызвавшихъ катастрофу, а также нѣтъ повода углубляться въ исторію, чтобы понять все совершившееся въ полномъ объемѣ.

Г. Коноваловъ вступилъ въ должность 15 января, а студенческія волненія начались въ первыхъ числахъ марта 1904 года. Въ теченіи 6 недѣль своего управленія г. Коноваловъ велъ дѣятельную двухстороннюю пропаганду, съ одной стороны среди выбранной совѣтомъ комиссіи профессоровъ для пересмотра студенческихъ учрежденій, а съ другой стороны среди представителей студенчества, выбранныхъ студентами для завѣдыванія этими учрежденіями (столовой, фондомъ и пр.). Въ профессорской комиссіи г. Коноваловъ, со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, говорилъ много о «культурѣ, наукѣ, педагогикѣ и, преимущественно, объ истинной свободѣ». Объ этой послѣдней онъ распространялся всего охотнѣе, стараясь доказать, что истинная свобода долженствуетъ обезпечить благонамѣреннымъ элементамъ студенчества господство надъ неблагонамѣренными. Для этого нужно, при выборѣ завѣдующихъ студенческими учрежденіями, устранить предвыборную агитацію и установить тайную баллотировку. Членамъ профессорской комиссіи было достаточно ясно, что дѣло здѣсь не въ средствахъ, а въ наиболѣе вѣрномъ достиженіи цѣли. Мы говоримъ объ этой сообщительности г. Коновалова только потому, что вѣроятно тѣ же самыя доктрины ораторъ развивалъ и въ своихъ безконечныхъ разговорахъ съ представителями студенчества. Каждый разъ, по словамъ г. Коновалова, нравственная побѣда оставалась на его

рторонѣ. И несмотря на это, разговоры со студентами до того обозлили директора, что онъ отказался отъ непосредственныхъ сношеній со студентами, возложивъ эту обязанность на своего помощника—инспектора. Среди такихъ уже непріязненныхъ отношеній 3-го марта возникъ ничтожный, по существу, инцидентъ, послужившій поводомъ къ всеобщему студенческому движенію. Для ясности слѣдуетъ замѣтить, что въ горномъ институтѣ давно существовали студенческія учрежденія, внѣ постояннаго контроля начальства. Самостоятельностью этихъ учрежденій студенты очень дорожили, хотя и понимали что легализація ихъ необходима и что власти не могутъ оставить учрежденій въ ихъ естественномъ состояніи. Тѣмъ не менѣе, при томъ почти безграничномъ довѣріи, которымъ пользовался совѣтъ въ глазахъ студентовъ, всѣ ожидали справедливаго и осмотрительнаго рѣшенія назрѣвшихъ вопросовъ. Когда въ декабрѣ 1903 г., стало извѣстно, что директоромъ назначенъ г. Коноваловъ, временно исполнявшій обязанности директора г. Лебедевъ, по причинамъ доселѣ неизвѣстнымъ, вздумалъ проявить служебную ревность: инспекція начала срывать вывѣшенныя въ студенческомъ буфетѣ объявленія. Вслѣдствіе этого собралась сходка, которая, черезъ депутатовъ, сдѣлала г. Лебедеву, по его словамъ, рѣзкія представленія. Г. Лебедевъ немедленно пригласилъ въ 2 ч. дня всѣхъ наличныхъ профессоровъ на совѣщаніе, которому удалось успокоить студентовъ, увѣрить ихъ въ благожелательности совѣта и въ необходимости соблюдать корректность. Недоразумѣніе между профессоромъ Лебедевымъ и студентами было настолько ничтожнымъ, что поводы къ подобнымъ недоразумѣніямъ можно создавать при желаніи ежедневно въ любомъ учебномъ заведеніи, что совершенно естественной была примирительная роль профессоровъ, озабоченныхъ прежде всего сохраненіемъ мирной обстановки преподаванія. Профессора, являвшіеся тогда къ студентамъ на сходку, говорили отъ имени совѣта, не придавая особеннаго значенія тому обстоятельству, что въ сущности засѣдалъ въ эту минуту не совѣтъ, а лишь неоффиціальное совѣщаніе профессоровъ. На упомянутое совѣщаніе были приглашены студенческіе депутаты, при обсужденіи съ ними недоразумѣнія, давшаго поводъ къ совѣщанію, студенты обратились къ присутствующимъ профессорамъ, въ томъ числѣ также къ Лебедеву, Шредеру и Митинскому, съ просьбой выслушать ихъ опасенія относительно цѣлости упомянутыхъ организацій въ случаѣ появленія на должности директора лица, неознакомленнаго съ постепеннымъ развитіемъ этихъ организацій на почвѣ общенія и довѣрія между студентами и профессорами во главѣ съ директоромъ. Черезъ нѣсколько дней съ вѣдома совѣта, устроено было другое частное совѣщаніе, при участіи и профессора Курнакова, совмѣстно съ представителями студенчества. Выслушавъ студентовъ и разъяснивъ имъ неосновательность многихъ изъ ихъ пожеланій, собравшіеся профессора тѣмъ не менѣе единодушно признали возможнымъ ознакомить новаго директора съ сущностью мѣстныхъ студенческихъ учрежденій и просить его не нарушать безъ участія совѣта достигнутой студентами, по ихъ выраженію «автономіи». Противъ такого рѣшенія не протестовалъ тогда и профессоръ Курнаковъ, видимо ничего опаснаго не замѣчавшій тогда ни въ желаніяхъ студентовъ, ни въ роли профессоровъ, принимавшихъ участіе въ совѣщаніи. Такое остерегательное отношеніе къ г. Коновалову ясно доказываетъ недовѣріе, съ которымъ студенты встрѣтили назначеніе его на постъ директора, вслѣдствіе пріобрѣтенной г. Коноваловымъ громкой репутаціи, какъ бывшаго университетскаго куратора и даже судьи. Г. Коновалову приписывали, и совершенно основательно, намѣреніе облагодѣтельствовать горный институтъ особенно непопулярными у молодежи университетскими постановленіями. Поведеніе профессоровъ, принимавшихъ участіе въ упомянутыхъ совѣщаніяхъ, было проявленіемъ той системы взаимныхъ между профессорами и студентами въ горномъ институтѣ отношеній, которыя установились уже въ теченіи многихъ лѣтъ. Эта система опиралась на взаимныхъ уваженіи и довѣріи, она выработала

среди студентовъ высокое представленіе о коллегіальности въ своихъ поступкахъ, она исключала до сихъ поръ, даже въ такіе бурные годы, какъ 1899, 1901 и 1902 года, какія-либо острыя проявленія раскола среди студентовъ, всегда влекущія для нихъ вредныя и нравственныя, и матеріальныя послѣдствія. Благодаря этой системѣ горный институтъ не былъ источникомъ загубленныхъ молодыхъ жизней; связь между профессорами и студентами не прерывалась и съ ихъ окончаніемъ института. Достоинство и авторитетность совѣта поддерживались единодушнымъ отношеніемъ его членовъ къ вопросамъ справедливости и уваженія человѣческаго достоинства въ студентахъ.

Г. Коноваловъ, по вступленіи въ должность, не замедлилъ открыть сначала идейную борьбу со студенческими общественниками.

Побывавъ, по его словамъ, два раза у г. министра внутреннихъ дѣлъ, г. Коноваловъ заявилъ, что высшее начальство смотритъ на горный институтъ весьма неблагопріятно, почти безотрадно, и что только особое представленіе новаго директора ограждаетъ до нѣкотораго времени институтъ отъ неминуемыхъ репрессій, необходимость и близость которыхъ будто бы рѣшенное дѣло, такъ какъ онъ—г. Коноваловъ—не можетъ не засвидѣтельствовать глубокой деморализаціи студенчества, выразившейся въ несоблюденіи студентами принциповъ вышеупомянутой «истинной свободы», а также въ упадкѣ авторитета дискреціонной власти. Своему непосредственному начальнику, г. министру земледѣлія, г. Коноваловъ доложилъ, по его словамъ, что видитъ корень зла въ столовой студенческой комиссіи. Съ этого самаго корня г. Коноваловъ по его словамъ, открылъ кампанію, явившись неожиданно въ помѣщеніе студенческаго буфета 3 марта. Послѣ нѣкоторыхъ повидимому непредвидѣнныхъ затрудненій г. Коноваловъ проникъ вмѣстѣ со студентомъ предсѣдателемъ столовой комиссіи въ помѣщеніе буфета, нашелъ стѣны комнаты увѣшанными множествомъ объявленій, съ содержаніемъ которыхъ ознакомиться не пожелалъ; но за то обратилъ вниманіе на вывѣшенный около студенческой потребительной лавочки портретъ Бебеля. Хотя портретъ разрѣшенъ цензурой и висѣлъ, какъ виситъ другой товаръ въ лавочкѣ, но г. Коноваловъ приказалъ портретъ снять. Для исполненія этого приказанія, вслѣдствіе протеста со стороны завѣдывающаго буфетомъ, директоръ былъ принужденъ потребовать казеннаго сторожа, а студентъ-распорядитель отказался принять портретъ.

Это столкновеніе—въ сущности можетъ быть только на почвѣ стремленія къ сохраненію декорума власти — не заслуживало бы никакого вниманія; къ сожалѣнію, оно живо возобновило всѣ опасенія студентовъ насчетъ цѣлости ихъ маленькихъ организацій; они увидѣли въ этомъ уже прямое желаніе со стороны директора порвать всѣ ихъ незначительныя права на самостоятельность, о сохраненіи которыхъ они такъ мечтали. 5 марта состоялась сходка, вынесшая резолюцію слѣдующаго содержанія: студенты упрекаютъ директора въ некорректности, указываютъ на неосвѣдомленность его насчетъ соглашенія между студентами и совѣтомъ относительно неприкосновенности ихъ учрежденій и напоминаютъ о возможности возникновенія конфликта въ случаѣ продолженія такихъ обостренныхъ отношеній. Г. Коноваловъ взялъ въ руки поданную ему двумя депутатами отъ сходки резолюцію и только бросивъ на нее взглядъ, разорвалъ ее, а студентамъ повторилъ два раза: «выйдите вонъ!“

Послѣдовала новая сходка, объявившая полный разрывъ между студентами и г. Коноваловымъ; настроеніе студенчества стало настолько угрожающимъ, недоразумѣніе приняло сразу настолько рѣзкую форму, что оставаться безучастнымъ зрителемъ надвигающихся событій едва ли было возможнымъ. Въ частной бесѣдѣ между собою, между прочимъ и съ участіемъ профессора Курнакова, группа профессоровъ рѣшилась просить г. Коновалова найти какой-либо мирный исходъ изъ созданнаго положенія. Для нихъ было совершенно ясно, что въ виду текущихъ работъ комиссій по пересмотру правилъ, въ томъ числѣ и относительн

столовой, г. Коноваловъ сдѣлалъ снятіемъ ничего не значащаго портрета Бебеля напрасное осложненіе работы совѣта, а вспышкой раздраженія противъ депутатовъ, вмѣсто того, чтобы спокойно передать резолюціи сходки на разсмотрѣніе совѣта, вызвалъ взрывъ негодованія почти всѣхъ студентовъ. Профессора считали возможнымъ, какъ единственный при такихъ условіяхъ выходъ для умиротворенія студентовъ, выраженіе со стороны г. Коновалова сожалѣнія по поводу происшедшаго съ представителями цѣлой группы студентовъ.

8-го марта послѣ продолжительнаго разговора съ нѣкоторыми изъ упомянутой группы профессоровъ г. Коноваловъ пригласилъ тѣхъ же студентовъ и выразилъ сожалѣніе*) и всей группѣ студентовъ, пославшей ихъ. Для передачи студентамъ такой примирительной формулы онъ согласился принять на другой день новыхъ представителей сходки, такъ какъ первые уже не были уполномоченными для какихъ либо сношеній съ директоромъ. Передъ этими новыми депутатами 10 марта г. Коноваловъ, не отрицая своей первоначальной формулировки, сдѣлалъ поправку къ ней въ томъ смыслѣ, что передъ всей группой студентовъ онъ готовъ выразить сожалѣніе только въ случаѣ, если студенты выразятъ сожалѣніе относительно содержанія своей резолюціи (съ содержаніемъ резолюціи г. Коноваловъ, по его же словамъ познакомился послѣ того, какъ имъ были собраны клочки изорванной имъ бумаги; при этомъ онъ прибавилъ, что еще разъ проситъ обращаться къ нему черезъ посредство инспектора, такъ какъ вслѣдствіе вспыльчивости не можетъ гарантировать студентамъ спокойнаго отношенія къ ихъ депутатамъ. Послѣ такихъ поправокъ, сильно уже измѣнявшихъ сущность сказаннаго имъ 8 марта, сдѣлалось яснымъ неизбѣжность дальнѣйшаго развитія конфликта со всѣми его тяжелыми послѣдствіями.

15 марта въ I часъ дня должна была состояться сходка съ постановленіемъ забастовки.

Послѣ неоднократнаго представленія студентамъ о гибельности ихъ упорства для нихъ самихъ и для института, встрѣтивъ здѣсь проявленіе почти болѣзненнаго раздраженія, та же группа профессоровъ рѣшилась обратиться еще разъ къ г. Коновалову разсчитывая на неоднократно выражаемую имъ привязанность къ институту, ради котораго онъ принялъ на себя тяжелую обязанность директора, надѣясь встрѣтить въ немъ профессора, сознающаго отвѣтственность за каждую молодую жизнь принесенную въ жертву системѣ, послѣдствія которой уже чувствовались для всякаго непредубѣжденнаго. 14 марта вечеромъ профессора, послѣ горячихъ споровъ и увѣщаній студентовъ направились къ г. Коновалову. Ихъ просьба вернуться къ формулировкѣ 8 марта была встрѣчена здѣсь упрекомъ въ педагогической неопытности этой профессорской группы. Въ видѣ послѣдней уступки горячимъ просьбамъ не подвергать института незаслуженнымъ испытаніямъ, г. Коноваловъ согласился созвать утромъ 15 марта экстренное совѣщаніе профессоровъ съ цѣлью выслушать мнѣніе и другихъ членовъ совѣта.

15 марта, въ сдержанныхъ выраженіяхъ тѣ же профессора старались показать, что въ жизни съ ея сложными отношеніями бываютъ обстоятельства, когда нѣтъ виновныхъ, когда мирное разрѣшеніе конфликтовъ зависитъ отъ большой жизненной опытности и великодушія кого либо одного, что искренность и великодушіе сильнѣе дѣйствуетъ на разгоряченныя головы, чѣмъ послѣдовательная система крутыхъ мѣръ. Въ отвѣтъ на эти примирительныя слова они услышали еще разъ со стороны г. Коновалова опредѣленное мнѣніе, что виновники есть, что это группа профессоровъ своей педагогической неопытностью сбившая его уже съ принятаго имъ твердаго пути къ искорененію глубокой деморализаціи студентовъ института и къ поднятію утраченнаго авторитета совѣта. Здѣсь впервые г. Коноваловъ бросилъ и упрекъ той же группѣ профессоровъ въ активномъ противодѣйствіи его предначертаніямъ. Обращаясь.

*) Лично передъ ними, уполномочилъ ихъ передать его сожалѣніе

къ ссылкѣ студентовъ въ ихъ резолюціи отъ 5-го марта на соглашеніе съ совѣтомъ относительно неприкосновенности студенческихъ учрежденій г. Коноваловъ указалъ на это, какъ на распространеніе превратныхъ толкованій среди студентовъ. По этому поводу профессоръ Липинъ торжественно заявилъ, что совѣтъ тутъ не причемъ, что совѣтъ никакого не уполномачивалъ дѣлать такія заявленія Профессоръ Курнаковъ, самъ принимавшій участіе въ частномъ совѣщаніи профессоровъ со студентами, поспѣшилъ указать на предосудительность такихъ совѣщаній и довольно ясно формулировалъ причинную зависимость между такими совѣщаніями и возникшими среди студентовъ волненіями, довольно неясно намекая въ тоже время на какія-то поразившія его на этомъ совѣщаніи обстоятельства. Профессоръ Шредеръ напомнилъ, что онъ всегда протестовалъ противъ такихъ совѣщаній. Опираясь на такую сильную поддержку, нашедшую полное сочувствіе и со стороны профессоровъ Лебедева и Коцовскаго, г. Коноваловъ уже вполнѣ опредѣленно далъ понять, что кто посѣялъ недоразумѣнія, на томъ нравственная отвѣтственность принять на себя и послѣдствія ихъ. Въ отвѣтъ же на обращенную къ нему снова просьбу о примиреніи со студентами, г. Коноваловъ заявилъ, что съ его стороны столкновеніе со студентами не было вспышкой гнѣва и долго сдерживаемаго терпѣнія, о чемъ онъ говорилъ раньше въ пространныхъ выраженіяхъ, а строго обдуманнымъ планомъ разрѣшенія назрѣвшихъ въ институтѣ вопросовъ; онъ долго колебался, когда приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ искорененія деморализаціи среди студентовъ—осенью или теперь, и рѣшилъ, что весною это удобнѣе. Выраженіе какого либо сожалѣнія передъ студентами было бы нарушеніемъ съ его стороны обдуманной имъ системы поднятія института на степень благоустроенной высшей школы.

На этомъ—совѣщаніе 15 марта закончилось: а) обвиняемая группа профессоровъ въ числѣ шести при участіи еще профессора Митинскаго, какъ бывшаго на первомъ совѣщаніи профессоровъ по приглашенію г. Лебедева, отправилась на сходку студентовъ, гдѣ въ категорической и рѣшительной формѣ заявила студентамъ, что принимаетъ на себя отвѣтственность въ вовлеченіи студентовъ въ заблужденіе насчетъ соглашенія съ ними совѣта относительно неприкосновенности ихъ учрежденій.

Сходка продолжалась дальше; выдѣлилась партія „свобододѣйствующихъ“, не подчиняющихся постановленію большинства относительно забастовки; мнѣнія стали раздѣляться и среди дружно дѣйствующихъ студентовъ, и рѣшено было собраться 16-марта, чтобы еще разъ провѣрить счетъ голосовъ. Общее настроеніе склонялось противъ забастовки; стала мелькать надежда на устраненіе этой гибельной для студентовъ формы протеста.

Къ сожалѣнію 16 марта утромъ г. Коноваловъ, представленной ему властью, объявилъ Институтъ закрытымъ до 31 марта, т. е. перваго дня экзаменовъ.

18 марта былъ назначенъ очередной совѣтъ.

Совѣщаніе 15 марта и закрытіе Института 16 марта раскрыли во всей неприглядности новую систему, которая съ силою врывалась въ Институтъ.

Совѣтъ былъ устраненъ отъ рѣшенія такого жизненнаго вопроса, какъ закрытіе Института. Члены совѣта выслушали обвиненіе въ полномъ паденіи его авторитета: студенты объявлены глубоко деморализованными: система единенія, довѣрія, взаимнаго уваженія объявлена педагогической неопытностью. Взамѣнъ предлагалась система, испытанная по своимъ печальнымъ послѣдствіямъ. Начало экзаменовъ до полнаго умиротворенія студентовъ, при начавшемся разладѣ между ними и при билетной системѣ допущенія студентовъ въ институтъ, грозило обструкціей, никогда въ институтѣ не практиковавшейся. Глубоко возмущаясь противъ такихъ формъ протеста и болѣя всей душой за неизбѣжныя при этомъ жертвы, предвидя тяжесть отвѣтственности совѣта при такихъ обстоятельствахъ, та же группа профессоровъ рѣшилась еще разъ вызвать совѣтъ на

открытое выраженіе своего мнѣнія по поводу теченія событій въ жизни института. Считая своимъ правомъ оправданіе противъ брошеннаго имъ обвиненія; считая своею обязанностью протестовать противъ обвиненія студентовъ въ глубокой деморализаціи; полагая, что достоинство совѣта требуетъ мотивировки обвиненія о паденіи его авторитета,—профессора рѣшились сдѣлать попытку устранить такое неожиданное освѣщеніе возникшаго между студентами и г. Коноваловымъ недоразумѣнія, чтобы тѣмъ яснѣе показать истинную причину его, именно: несдержанность г. Коновалова, т. е. ту черту, которая стоитъ въ разрѣзъ съ какой бы то ни было педагогической системой воздѣйствія на молодежь.

Вслѣдствіе открытаго заявленіе г. Коновалова, что его поведеніе не было вспышкой гнѣва, а выполненіемъ строго обдуманнаго плана воздѣйствія на студентовъ съ цѣлью устраненія ненормальностей въ академической жизни, шесть профессоровъ категорически заявили, что подобный планъ воздѣйствія одновременно съ начатыми работами совѣта, направленными къ той же цѣли, подрываетъ довѣріе къ цѣлесообразности совмѣстной работы и надежду спокойнаго осуществленія такой работы. Они просили совѣтъ высказаться примѣненная г. директоромъ 3 марта по отношенію къ представителямъ, хотя бы незаконно собравшейся группы студентовъ, форма воздѣйствія допустима ли въ высшей школѣ, какъ строго обдуманный планъ разрѣшенія цѣлаго комплекта сложныхъ взаимоотношеній.

Естественно ожидая на вопросъ, постановленный такимъ образомъ, отвѣтъ единственно возможный среди коллегіи профессоровъ, они снова настаивали на объясненіи всего недоразумѣнія проявленіемъ гнѣва со стороны г. Коновалова; настаивали, что своимъ заявленіемъ студентамъ 15 марта они настолько сняли съ нихъ вину въ упорствѣ, переложивъ ее на себя, что вполнѣ подготовили почву для единственнаго, безкровнаго, такъ сказать, разрѣшенія всѣхъ недоразумѣній въ видѣ слѣдующей примирительной формулы со стороны г. Коновалова: „Обстоятельства, предшествующія возникновенію волненій среди студентовъ выяснились для меня только 15 марта. Принимая во вниманіе глубокое и невольное заблужденіе студентовъ на счетъ положенія ихъ организацій, я считаю возможнымъ выразить теперь передъ ними свое сожалѣніе въ невольномъ же нанесеніи имъ глубоко взволновавшаго ихъ оскорбленія. Высоко ставя человѣческое достоинство, я увѣренъ, что при взаимномъ между мною и студентами уваженіи, даже несогласіе во взглядахъ не можетъ помѣшать успѣшности совмѣстной работы на пользу науки, разсадникомъ которой нашъ институтъ былъ уже сто тридцать лѣтъ".

Это заявленіе отъ лица шести профессоровъ на совѣтѣ 18 марта было встрѣчено со стороны г. Коновалова энергичнымъ протестомъ относительно самаго права поднимать такіе вопросы въ засѣданіи совѣта. Совѣтъ, по мнѣнію его предсѣдателя, есть высокое учрежденіе, на обсужденіе котораго могутъ быть представляемы только „серьезные вопросы" и предварительно предсѣдатель долженъ быть достаточно ознакомленъ съ ними, ибо могутъ быть и вопросы, для обсужденія которыхъ необходимо разрѣшеніе высшей власти. Вопросъ о закрытіи института г. Коноваловъ отнесъ при этомъ къ категоріи тѣхъ, которые не должны интересовать совѣтъ, а составляютъ заботу директора и высшихъ властей.

Обсужденіе упомянутаго заявленія шести профессоровъ было найдено неумѣстнымъ въ засѣданіи совѣта и было отложено на совѣщаніе, въ тотъ же день послѣ закрытія засѣданія совѣта. Вопросы, поставленные на повѣсткѣ, оказались настолько зависящими отъ дѣйствительнаго положенія института, что даже г. Коноваловъ замѣтилъ необходимость отложить ихъ до выясненія обстановки самихъ экзаменовъ и, сравнительно скоро, засѣданіе совѣта смѣнилось засѣданіемъ совѣщанія. Открывая послѣднее г. Коноваловъ старался еще разъ доказать связь возникшихъ волненій съ внѣшней агитаціей, проявляющейся по его трехмѣсячнымъ наблюденіямъ въ дѣятельности одной и той же группы студентовъ Педагогическая неопытность извѣстной уже группы профессоровъ, слабость пред-

шествовавшей дирекціи, паденіе достоинства и авторитета Совѣта, нуждающихся въ охранѣ со стороны директора, – создали почву благопріятную для такихъ внѣшнихъ вліяній; рано или поздно съ этимъ пришлось бы считаться, и онъ нашелъ удобнымъ настоящій моментъ, принявъ всѣ мѣры, чтобы жертвъ не было, или было, какъ можно меньше.

Возраженія о предвзятости такого мнѣнія относительно агитаціи, указанія на чисто внутренній источникъ настоящихъ волненій на неизбѣжность ненужныхъ жертвъ, на возможность исчерпать инцидентъ внутренними же средствами—повели только къ предложенію г. Коновалова высказаться остальнымъ членамъ совѣта.

Господа члены совѣта открыто стали на сторону г. Коновалова. Не раздалось ни одного голоса протеста противъ обсужденія порядка экзаменовъ, когда студенты глубоко волнуются; подъ вліяніемъ системы, проводимой г. Коноваловымъ, гг. члены совѣта забыли о самомъ существованіи студентовъ. Никто не поинтересовался узнать-каковы же мѣры, которыми полагаютъ привлечь студентовъ къ спокойному продолженію ими своихъ учебныхъ занятій, не устраняя коренной причины волненія студентовъ, о которой не считаютъ даже возможнымъ говорить въ совѣтѣ.

Совѣщаніе закончилось неожиданно. Профессоръ Шредеръ подтвердилъ, что достоинство совѣта нуждается въ охранѣ, а г. Коноваловъ немедленно далъ примѣръ такого своеобразнаго представленія о средствахъ къ огражденію достоинства совѣта, что шесть присутствующихъ лицъ принуждены были покинуть совѣщаніе.

Эти знаменательные совѣтъ и совѣщаніе показали во всей неприглядной грубости, что мѣры защиты студентовъ отъ надвигавшагося на нихъ погрома исчерпаны. Впереди—экзамены подъ охраной полиціи и безмолвное участіе совѣта въ проведеніи самыхъ рискованныхъ мѣръ, вырабатываемыхъ независимо отъ него.

Совѣтъ и г Коноваловъ достаточно ярко предупреждались о печальныхъ послѣдствіяхъ обструкціи, неизбѣжной при какой либо билетной системѣ проведенія экзаменовъ и до полнаго умиротворенія студентовъ единственно возможнымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ. Были испытаны уже всѣ средства, чтобы показать, что профессоръ не можетъ оставаться внѣ времени и пространства, не замѣчая передъ собою толпы живыхъ, реагирующихъ на его поступки молодыхъ людей; не можетъ онъ остаться безучастнымъ, прикрываясь ни святымъ именемъ науки, ни своеобразно понимаемымъ долгомъ. Нравственное вліяніе-та сила, которая можетъ сдѣлать все съ этою молодежью; эта сила только въ рукахъ совѣта, а не отдѣльныхъ лицъ. Совѣтъ института не замѣтилъ, что онъ обладалъ этой силой: онъ молча согласился на странномъ обвиненіи въ паденіи своего авторитета и устами человѣка, который не вѣдалъ, быть можетъ, что творилъ, просилъ защиты у предсѣдателя, сознательно попиравшаго ногами эту нравственную силу. Что ожидало завтра такой совѣтъ? Нужно ли было ожидать наступленія этого печальнаго завтра? 18 го марта были рѣшены—разгромъ института, гибель студентовъ и безчестіе членовъ совѣта, подписавшихся подъ своимъ собственнымъ приговоромъ.

19-го марта утромъ шесть профессоровъ подали прошенія объ увольненіи ихъ отъ соотвѣтствующихъ должностей въ институтѣ.

Только полной неосвѣдомленности, относительно обстоятельствъ, предшествовавшихъ такому уходу изъ института, или же лицемѣрію, можно приписать тѣ новыя обвиненія, которыя распространяютъ теперь противъ ушедшихъ профессоровъ; ихъ обвиняютъ, что своимъ уходомъ они толкнули студентовъ на продолженіе волненій и обструкцію со всѣми ея горькими послѣдствіями. Отъ начала до конца студентовъ толкалъ по этому пути г. Коноваловъ; кто прикрывается теперь заботами о студентахъ, имѣлъ достаточно времени съ 19 по 31 марта оцѣнить серьезность положенія для студентовъ и взвѣсить свою отвѣтственность за дальнѣйшіе шаги.

Неужели кромѣ упрека ушедшимъ профессорамъ въ поспѣшности, себялюбіи, въ удаленіи безъ борьбы ничего не могли придумать люди,

оолѣющіе теперь о студентахъ и институтѣ. Нѣтъ, они придумали и другое. Они нашли возможнымъ привлечь нѣкоторыхъ студентовъ, нравственно слабыхъ, безсильныхъ разобраться въ сложной коллизіи, созданной г. Коноваловымъ или даже позорно павшихъ — къ совмѣстному обсужденію съ инспекціей и г. Коноваловымъ степени виновности своихъ товарищей въ различныхъ формахъ волненій. Они совершили поступокъ безпримѣрный даже въ исторіи нашей многострадальной школы; они не имѣли даже смѣлости дѣйствовать открыто, а спрятались за позорную цензорскую организацію группы павшихъ студентовъ во главѣ съ г. Коноваловымъ.

Кто можетъ указать ушедшимъ профессорамъ еще какой либо не испытанный ими способъ борьбы за институтъ и студентовъ? Обращеніе къ волѣ и доброжелательности высшихъ властей? Они имѣли случай испытать и это. Обращеніе къ общественной совѣсти? Они дѣлаютъ это теперь, твердо вѣруя, что въ этомъ высшемъ источникѣ правды найдетъ заслуженную оцѣнку поведеніе Д. П. Коновалова, носящаго высокое званіе профессора.

Бюллетень выпущенный осенью группой студ. горн. института, приглашающихъ товарищей къ борьбѣ съ директоромъ Коноваловымъ.

Товарищи! Тишь да гладь установились въ институтѣ по словамъ Коновалова. Тишина болота, гладь замерзшей воды. Лишь „свобододѣйствующіе“ легко скользятъ по поверхности института, не вздымая волнъ прошлаго. Кадры „свобододѣйствующихъ“ инженеровъ, воспитанниковъ Коновалова будутъ отнынѣ работать „на пользу родины“. Что за бѣда, если режимомъ, созданнымъ имъ, погубится репутація цѣлаго сословія!..

Разрушительный духъ Плеве рѣетъ въ институтѣ. Его ужъ нѣтъ но его холопъ, нашъ Плеве, живъ: душитъ, царствуетъ и доноситъ министру: „во ввѣренной мнѣ области все обстоитъ благополучно; всѣ кафедры замѣщены; изгнаніе кучки безпокойныхъ удовлетворило всѣхъ оставшихся студентовъ и они мирно приступили къ слушанію новыхъ учителей...

Но все ли благополучно? Почему же среди насъ царитъ атмосфера неловкости? Почему при встрѣчѣ мы отводимъ глаза другъ отъ друга?..

Кафедры замѣщены... Но какъ? Вмѣсто Долбни и Никитина, поставившихъ преподаваніе на высоту университетскаго до устава 1884 г. передъ нами предстали два ветхихъ старца, обладающіе въ суммѣ 160-лѣтнимъ возрастомъ. Послѣ Яковлева, такъ серьезно относившагося къ своему курсу, что наши товарищи и студенты-естественники только руками разводили, явился г. Каракашъ, не сумѣвшій ничего добиться въ университетѣ. Геогнозію „послѣ нѣкотораго колебанія“ взялся обучать г. Петцъ, самъ заявившій, что монополія на науку должна принадлежать университетамъ, а намъ нужна лишь „практика“; рѣшившійся однако преподавать эту „практику“ вмѣсто Лутугина, умѣвшаго быть и „практикомъ“ и ученымъ. Ѣдетъ откуда-то извлека нѣкто Кратъ! О прикосновенности же къ наукѣ г.г. Барботъ де-Марни и Соколова и говорить неумѣстно...

Вся эта клика засѣла на кафедры, въ теченіе полутораста лѣтъ занимаемыя лучшимъ, что было въ наукѣ: Кокшаровъ, Еремѣевъ, Федоровъ, Мушкетовъ... и вдругъ Петцъ, Кратъ, Каракашъ!!

Товарищи! Коноваловъ ввелъ горн. инст. въ тупикъ. Мы не можемъ имѣть настоящихъ профессоровъ. Изъ настоящихъ ученыхъ никто не соглашается служить съ Коноваловымъ*), а самъ онъ ставитъ свой

---

*) Отказались напр. Карпинскій, Левинсонъ - Лессингъ, Андрусовъ, Борисякъ.

пятитысячный окладъ при готовой квартирѣ, уже во всякомъ случаѣ, выше хорошей горной школы въ Россіи.

А мы?.. Что мы?.. Мы должны слушать какъ Лебедевъ умѣетъ читать лекціи Никитина, а Барботъ—Мушкетова. Не для этого ли мы и въ институтѣ-то? Да, тишь да гладь!.. Только и надежда, что скоро, скоро грянетъ буря.

Пусть сильнѣе грянетъ буря!!

Группа студентовъ Горн. Инст.

Бюллетень № 1.

Горный Институтъ. 10 февраля 1902 года (см. стр. прот. 47).

На сходкѣ 9-го февраля большинствомъ 321 противъ 163 при 40 воздержавшихся (т. е. большинствомъ всего института) была объявлена забастовка и выставлены слѣдующія требованія:

1. Неприкосновенность личности и свобода слова, печати, организацій.
2. Отмѣна всякихъ „временныхъ правилъ", нормирующихъ нашу жизнь и замѣна ихъ постоянными законами, вводимыми съ согласія студенчества.
3. Автономія высшихъ учебныхъ заведеній.
4. Пріемъ въ высшія учебныя заведенія всѣхъ безъ различія религіи, націи, типа средн. уч. зав. и пола.
5. Возвращеніе всѣхъ пострадавшихъ за студенческія движенія товарищей съ 1899 г.
6. Гласный судъ надъ полиціей за совершенныя ею насилія, начиная съ 1899 г.

Кромѣ того, сходкой принята круговая порука по отношенію ко всѣмъ товарищамъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ она будетъ принята.

Рѣшеніе сходки было сообщено дир-ру института.

Послѣ сходки часть студентовъ демонстративно собралась на портикѣ и-та на набережной, гдѣ послѣ соотвѣтственныхъ рѣчей и съ пѣніемъ пѣсенъ были сожжены „Временныя правила" генерала Ванновскаго.

Университетъ закрытъ. Въ другихъ высш. уч. заведеніяхъ назначены сходки, о результатахъ сообщимъ своевременно.

Вечеромъ 8-го февраля въ Народномъ домѣ и около его на площади присутствующая учащаяся молодежь и публика подверглись возмутительному избіенію со стороны пѣшей и конной полиціи и дворниковъ. Арестовано до 80 человѣкъ, отправленныхъ затѣмъ въ Выборгскую, Петропавловскую и Петербургскую части, откуда они и до сихъ поръ не выпущены. Подробности сообщимъ особымъ листкомъ.

Орг. Ком. студ. Горн. Инст.

Письмо директора Д. П. Коновалова въ „Нов. Вр." отъ 1 декабря 1901 г.

Изъ напечатаннаго вчера отчета *) о дѣлѣ студентовъ Громова и Гапѣева я узналъ что одинъ изъ „свидѣтелей" по этому дѣлу, г. Долбня, воспользовался имъ, чтобы въ мрачныхъ краскахъ изобразить режимъ, якобы мной введенный въ горномъ институтѣ. Характеристика г. Долбни

*) Дѣло, разбиравшееся у мирового судьи, возникло на почвѣ оскорбленія студ. Гапѣевымъ ст. Громова, какъ члена партіи свобододѣйствующихъ. Гапѣевъ оправданъ.

меня не безпокоитъ: всякій воленъ имѣть свое мнѣніе. Но я не могу пройти молчаніемъ пріема, которымъ пользуется г. Долбня. Чтобы доказать гибельныя послѣдствія „моего режима", г. Долбня не останавливается передъ обвиненіемъ студенчества института въ массовыхъ доносахъ, обвиненіемъ въ нравственномъ паденіи. Подобныя обвиненіе усиленно распространяются въ обществѣ съ весны нынѣшняго года.

По рудникамъ и заводамъ разосланъ длинный списокъ студентовъ-шпіоновъ и доносчиковъ, числомъ свыше ста лицъ. Эта работа не осталась безъ результатовъ. Были случаи очень обостренныхъ отношеній между студентами института во время лѣтней практики. Пока эти обвиненія оставались анонимными, я считалъ излишнимъ выступать съ ихъ опроверженіемъ.

Твердо вѣря въ благодѣтельную силу гласности, предлагаю обвинителямъ предъявить въ печати доказательства своихъ обвиненій. Буду ждать не темныхъ слуховъ и инсинуацій, а ясныхъ и прямыхъ фактическихъ указаній, скрѣпленныхъ подписью обвинителей. Только тогда обнародую имѣющіяся въ моемъ распоряженіи данныя, могущія служить опроверженіемъ этихъ темныхъ слуховъ. Теперь же ограничусь лишь заявленіемъ, что обвиняется та часть студенчества института, которая нынѣшней весной первою начала экзамены и къ которой впослѣдствіи присоединились прочіе студенты института, мирно закончивъ экзамены осенью. Вотъ несомнѣнный фактъ, полностью характеризующій образъ дѣйствій обвиняемой группы студентовъ. Все прочее — чистѣйшій вымыселъ.

Директоръ горнаго института
Императрицы Екатерины II. Д. Коноваловъ.

Письмо проф. Богдановича въ „Русь" отъ 1-го декабря 1904 г.

М. г. Въ газетахъ „Русь" (28 ноября) и „Новое Время" (29 ноября) были помѣщены отчеты о дѣлѣ между студентами Громовымъ и Гапѣевымъ.

Въ „Новомъ Времени" приведено также заявленіе пр. пов. Алексѣва. Изъ этого заявленія видно, что дѣло идетъ о реабилитаціи чести группы студентовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „свобододѣйствующихъ"; что для такой реабилитаціи необходимо показаніе свидѣтелей профессоровъ, между прочимъ, и мое, а такъ какъ съѣздъ отказалъ въ вызовѣ свидѣтелей, то дѣло не можетъ быть выяснено до возбужденія новаго дѣла о клеветѣ на цѣлую группу студентовъ.

Позволяю себѣ, разъ ссылаются на меня, дать требуемое показаніе передъ судомъ общественнаго мнѣнія.

Группа „свобододѣйствующихъ" студентовъ возникла на почвѣ принципіальныхъ разногласій между студентами горнаго института. Принципы повлекли за собой и извѣстные поступки съ той или другой стороны. Пока дѣло ограничивается принципами, не можетъ возникать и никакихъ столкновеній между людьми, желающими оставаться корректными. Иное съ поступками. Финаломъ всѣхъ недоразумѣній, обрушившихся весною этого года на горный институтъ, было, повидимому, желаніе со стороны начальства этого заведенія разобрать степень виновности различныхъ студентовъ въ волненіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ институтѣ, и выяснить степень вѣроятности участія того или другого студента въ возможныхъ волненіяхъ будущаго. Оговариваюсь, что къ этому времени я уже не имѣлъ чести состоять членомъ совѣта института, а о всемъ происходившемъ тамъ я сужу на основаніи послѣдующихъ событій.

Молва упорно твердила, что въ неблагодарной работѣ разбора степени виновности, въ настоящемъ и будущемъ, своихъ товарищей принимали активное участіе студенты изъ партіи „свобододѣйствующихъ", а быстро слѣдовавшія другъ за другомъ событія, какъ увольненія изъ

института однихъ студентовъ безъ права поступленія, другихъ — на сроки, третьихъ съ правомъ подачи прошеній и т. д., подтверждали возможность такой студенческой цензуры. Молва называла имена, очевидцы подтверждали активность нѣкоторыхъ элементовъ, и глубоко возмущенный той бездной нравственнаго паденія, куда сильная рука толкнула людей, при другихъ условіяхъ, быть можетъ, сумѣвшихъ бы заслужить и уваженіе, я безъ малѣйшаго колебанія присоединилъ свою подпись къ запискѣ шести профессоровъ, категорически указавшей на это явленіе среди студенчества, какъ на быстрое и роковое послѣдствіе новой системы, захлестнувшей своею волною и горный институтъ.

Но, быть можетъ, очевидцы и молва ошибались, а событія мы истолковали не такъ, какъ слѣдовало?

Я первый съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія принесъ бы повинную въ своемъ заблужденіи. Нашу записку (шести профессоровъ) я понималъ именно, какъ вызовъ къ суду общественнаго мнѣнія. Но только теперь, спустя семь мѣсяцевъ, отъ меня же хотятъ, повидимому, оцѣнки поступковъ, приписываемыхъ „свобододѣйствующимъ" студентамъ. Я могу только присоединиться къ требованію внести свѣтъ и воздухъ въ задавленную атмосферу одной изъ нашихъ старѣйшихъ высшихъ школъ, разсѣять чадъ, сгустившійся надъ головами ея студентовъ. Но не странно ли, что это требованіе исходитъ изъ залы суда, изъ-за столкновенія на личной почвѣ, по инціативѣ опять таки вспыльчивой молодежи?

Къ дружной работѣ научной, общественной, даже при различіи принциповъ, нужно было направлять молодежь: велика вина, по моему убѣжденію, тѣхъ, которые довели представителей молодежи до залы суда. Студентамъ позволю себѣ напомнить, что единственная сила, которой они располагаютъ, чтобы удержаться на истинномъ пути, сила которую ничѣмъ нельзя отнять, это—сила нравственныхъ принциповъ. Плохо, когда нравственные идеалы получаютъ свою оцѣнку только по тяжести послѣдствій проведенія ихъ въ жизнь или, наоборотъ, иногда по ихъ безнаказанности.

К. И. Богдановичъ,
бывшій профессоръ горнаго института.

Открытое письмо г. Коновалову отъ 56 инженеровъ юга Россіи, помѣщенное въ „Руси" отъ 3 декаб. 1904 г.

Далекіе въ своей практической дѣятельности отъ прямого участія въ жизни горнаго института, мы, какъ горные инженеры, не можемъ, однако, не прислушаться къ выдающимся событіямъ въ жизни института, не можемъ не дорожить судьбой и процвѣтаніемъ этого главнаго разсадника горнаго просвѣщенія. Нынѣ насъ заставляютъ отозваться тѣ глубоко грустныя, катастрофическаго характера, событія, которыми ознаменовалось ваше вступленіе въ завѣдываніе институтомъ.

Недавнія событія настолько отодвинулись въ прошлое, пагубныя послѣдствія настолько обнаружились въ своей неприглядности, что мы можемъ дать вполнѣ увѣренную и ясную оцѣнку происшедшему. Мало понятными и нетактичными мѣропріятіями, по поводу случайно замѣченнаго вами въ буфетѣ студентовъ портрета Бебеля, вы произвели цѣлый пожаръ въ институтѣ и надолго потрясли его учебную и ученую дѣятельность. Пусть, съ вашей точки зрѣнія, студенты не правы, что слишкомъ горячо вступились за нѣкоторую самостоятельность въ завѣдываніи помѣщеніемъ, отданнымъ имъ въ частное пользованіе,—самостоятельность, фактически признаваемую администраціей института въ теченіи многихъ лѣтъ; пусть вамъ необходимо было лишить ихъ этой самостоятельности,—иначе вѣдь нельзя объяснить вашего инцидента съ

портретомъ, который самъ по себѣ ничего предосудительнаго не представляетъ,—но какъ мелочны, нетактичны ваши мѣропріятія и сколько въ нихъ замѣтно эгоистической жестокости. Вы не захотѣли считаться, что передъ вами были люди, хотя и молодые, но взрослые, только болѣе воспріимчивые и не сломанные жизнью, щепетильно дорожащіе своими взглядами и своей маленькой самостоятельностью,—и своей грубой мѣрой толкнули ихъ на оппозицію. Вашъ первый административный промахъ, не исправленный своевременно тактомъ, оказался чреватымъ послѣдствіями, и исторія, разростаясь какъ комъ снѣга, приняла размѣры настоящаго разгрома института.

Вы не приняли во вниманіе совѣтовъ нѣкоторыхъ лучшихъ профессоровъ, которые, пользуясь своимъ авторитетомъ и довѣріемъ со стороны студентовъ, не разъ успокаивали безъ тяжелыхъ жертвъ бурные порывы молодежи. Напротивъ, вы захотѣли примѣнить совершенно другія мѣры—мѣры репрессіи, и на ближайшемъ совѣтѣ поставили вопросъ такъ, что этимъ профессорамъ, обвиненнымъ вами за свое доброжелательство къ студентамъ чуть ли не въ подстрекательствѣ послѣднихъ, ничего не оставалось, какъ оставить залъ совѣта, а затѣмъ и уйти совершенно изъ института. Это особенно тяжелая потеря, такъ какъ уходъ шести лучшихъ профессоровъ тяжело отразился на технической и общеобразовательной подготовкѣ будущихъ инженеровъ, тѣмъ болѣе, что, при созданныхъ вами условіяхъ, трудно разсчитывать, чтобы ушедшимъ профессорамъ нашлись достойные замѣстители.

Далѣе, ратуя за принципъ, что студенты—отдѣльные посѣтители института, вы нашли, однако, возможнымъ воспользоваться одной группой студентовъ для борьбы съ другой, и дѣло дошло до того, что вы назначали однихъ изъ студентовъ судьями надъ своими товарищами и поручили однимъ выдавать билеты другимъ, какъ признакъ благонадежности, на право держать экзаменъ. Это не остроумно съ административной точки зрѣнія и безнравственно съ воспитательной стороны.

На мѣсто режима, не споримъ, труднаго и безпокойнаго для руководителей, основаннаго на исканіи соглашенія и согласованія съ настроеніемъ и темпераментомъ молодости и на вліяніи на студентовъ путемъ нравственнаго авторитета, вы, милостивый государь, создали режимъ, основанный на грубой силѣ, доносахъ и деморализующей розни между студентами.

Этимъ вы внесли такой страшный раздоръ въ среду студентовъ, какого не помнитъ институтъ. Мы впервые увидѣли среди студентовъ, пріѣзжавшихъ на практическія работы, такой антагонизмъ, который исключаетъ всякую возможность совмѣстной, корпоративной работы. У насъ здѣсь были примѣры, что студенты заявляли о своемъ нежеланіи даже жить съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей подъ одной крышей и просили отдѣльныхъ помѣщеній. Въ институтѣ всегда среди студентовъ, какъ и во всякомъ обществѣ, были различія во взглядахъ, но никогда это не порождало такой вражды и даже ненависти, которыя вы, играя на худшихъ инстинктахъ, вызвали среди студентовъ и этимъ развратили дорогую намъ молодежь.

Резюмируя все вышеизложенное, мы находимъ, что:

1) вы своей нетактичностью, изъ-за пустого инцидента, вызвали волненія въ институтѣ, стоившія многихъ жертвъ и разстроившія учебную дѣятельность его,

2) лишили институтъ лучшихъ ученыхъ силъ

и 3) воспользовавшись въ борьбѣ одной частью студентовъ противъ другой, деморализовали студенческую среду.

Копіи этого письма препровождаемъ членамъ совѣта горнаго института.

(Слѣдуютъ подписи).

Письмо проф. В. В. Никитина въ «Русь» отъ 3 декабря 1904 года.

М. г. 28 и 29 ноября въ газетахъ появились отчеты о разбирательствѣ дѣла между студентами Гапѣевымъ и Громовымъ. На 27 ноября дѣло было назначено къ слушанію въ съѣздѣ мировыхъ судей, но было прекращено по заявленію представителя обвиненія прис. пов. Алексѣева, за отказомъ съѣзда удовлетворить ходатайство г. Алексѣева о вызовѣ двухъ свидѣтелей, бывшихъ профессоровъ горнаго института Богдановича и Никитина.

Ходатайство свое прис. пов. Алексѣевъ мотивируетъ возможностью реабилитировать партію «свобододѣйствующихъ» показаніями моими и Богдановича. По выраженію же «Новаго Времени», прис. пов. Алексѣевъ будто бы даже находилъ «допросъ свидѣтелей-профессоровъ» единственнымъ средствомъ снять съ «свобододѣйствующихъ» «несправедливую клевету».

Очень сожалѣю, что прис. пов. Алексѣевъ, хотя бы въ день разбирательства дѣла въ съѣздѣ, не обратился ко мнѣ съ просьбой своимъ присутствіемъ въ залѣ суда устранить поводъ къ прекращенію дѣла и тѣмъ поселилъ въ слушателяхъ и читателяхъ судебныхъ хроникъ предположеніе, будто бы мои показанія могли оказаться въ существенномъ противорѣчіи съ показаніями моего уважаемаго старшаго товарища И. П. Долбни, допрошеннаго у мирового судьи.

Желаніе разсѣять недоразумѣніе, созданное формой ходатайства прис. пов. Алексѣева и вынуждаетъ меня обратиться къ вашей газетѣ съ просьбой отвести мѣсто этому письму.

Изъ описанія разбора дѣла въ тѣхъ газетахъ, гдѣ оно было приведено болѣе или менѣе полно, повидимому, слѣдуетъ, что важнѣйшимъ документомъ, «клеветавшимъ» на «свобододѣйствующихъ» слѣдуетъ признать записку, подписанную нами, шестью ушедшими профессорами, составленную и разосланную въ количествѣ около тридцати экземпляровъ по различнымъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ съ цѣлью противодѣйствія распространенію въ обществѣ невѣрнаго, одностороннаго освѣщенія всего происшедшаго въ институтѣ.

Напомню, что въ то время въ обществѣ настойчиво ходила клеветническая басня о сборѣ студентами горнаго института пожертвованій на японскій флотъ. Г. Коноваловъ не постѣснялся повторить эту басню (не представляя, однако, не только «ясныхъ и прямыхъ», но даже никакихъ «фактическихъ указаній») въ совѣщаніи профессоровъ, происходившемъ 15 марта.

Эта басня должна была убѣдить профессоровъ, что весь инцидентъ, вызванный г. Коноваловымъ и такъ тяжело отозвавшійся на институтѣ, является совершенно необходимымъ средствомъ для оздоровленія института.

Вотъ этотъ-то клеветническій навѣтъ на нашихъ учениковъ и ожиданіе, что при его наличности легко послѣдуетъ и полное искаженіе мотивовъ нашего образа дѣйствій, и побудило насъ изложить все въ особой запискѣ, фигурировавшей на судѣ.

Оказалось, что, задавшись цѣлью опровергнуть взводимую на студентовъ клевету, оправдать ихъ вообще во всемъ инцидентѣ и указать на истиннаго его виновника, мы въ свою очередь клеветали на группу нашихъ бывшихъ учениковъ, связавшихъ свои интересы съ интересами г. Коновалова.

Положеніе еще усложняется теперь тѣмъ, что отъ меня, причастнаго къ этой клеветѣ, прис. пов. Алексѣевъ ждетъ ея опроверженія.

Не знаю, какія основанія имѣлись для этого у прис. пов. Алексѣева... Думаю, что наши фамиліи были названы просто для того, чтобы найти удобный предлогъ прекратить дѣло, обѣщавшее принять нежелательный для г. Алексѣева оборотъ.

Тѣмъ не менѣе, если ужъ г. Алексѣевъ указалъ на важность моихъ показаній для реабилитаціи «свобододѣйствующихъ», считаю нужнымъ

ихъ представить. Считаю это тѣмъ болѣе необходимымъ, что увѣровалъ «въ благодѣтельную силу гласности» и требуетъ ея г. Коноваловъ.

Клевета нашей записки заключается въ слѣдующемъ: «профессора института нашли возможнымъ привлечь нѣкоторыхъ студентовъ, нравственно слабыхъ или даже позорно павшихъ, къ совмѣстному обсужденію съ инспекціей и г. Коноваловымъ степени виновности своихъ товарищей въ различныхъ формахъ волненій». Далѣе: «Профессора спрятались за позорную цензорскую организацію группы павшихъ студентовъ во главѣ съ г. Коноваловымъ».

Эти слова часть студентовъ принимаетъ на свой счетъ и въ нихъ видитъ клевету.

Всѣ эти слова относятся къ созданію г. Коноваловымъ, въ первый еще разъ за все время существованія института, системы впуска въ него по билетамъ, по спискамъ, составленнымъ отчасти инспекціей, отчасти студентами, готовыми держать экзамены при какихъ бы то ни было условіяхъ и отказавшимися такимъ образомъ отъ всякой солидарности со своими товарищами, требовавшими прежде всего возстановленія попранныхъ г. Коноваловымъ своихъ правъ, хотя и маленькихъ, но добытыхъ непрерывной борьбой въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и частью благодаря былому стремленію совѣта внести въ свои отношенія къ студенчеству возможно больше правомѣрности.

И такъ, что же изъ написаннаго выше могу я опровергнуть?

Я по-прежнему знаю, что были студенты, не только экзаменовавшіеся въ то время, когда доступъ въ аудиторіи былъ закрытъ большинству ихъ товарищей, но были даже такіе, которые принимали активное участіе въ охранѣ экзаменовъ путемъ указанія инспекціи, кого можно допустить въ стѣны института, кого нельзя.

Какъ же мнѣ назвать тѣхъ, кто экзаменовался во что бы то ни стало?

Допустимо ли представленіе о членѣ общества, сознательно непризнающемъ принципа подчиненія личныхъ желаній желанію большинства тогда, когда это большинство высказывается свободно, не подъ давленіемъ какой-либо грубой внѣшней силы? Это отрицаніе всякой гражданственности.

Среди студенчества были, можетъ быть, такіе убѣжденные человѣконенавистники, но въ самомъ ничтожномъ числѣ. Вѣдь даже и среди людей зрѣлаго возраста много ли найдется Грингмутовъ, Бодиекъ, Мещерскихъ.

Какъ же назвать большинство студентовъ, примкнувшихъ къ этимъ немногимъ убѣжденнымъ изувѣрамъ, о которыхъ намъ напрасно было бы болѣть душой, какъ не «нравственно слабыми» или, быть можетъ не достаточно умственно зрѣлыми.

Дальше говорится: «даже позорно павшими». Это выраженіе можетъ относиться только къ тѣмъ немногимъ лицамъ, кто дѣйствуетъ сознательно, разсчетливо.

Наконецъ послѣднее рѣзкое выраженіе записки, это «позорная цензорская организація группы павшихъ студентовъ»... Назвать такую организацію, гдѣ меньшинство, опираясь на грубую силу, дѣйствуетъ вопреки желаніямъ большинства, я въ вполнѣ спокойномъ душевномъ состояніи не могу иначе какъ—позорной.

Слово «павшіе» противопоставляетъ студентовъ, уступившихъ силѣ, ихъ болѣе стойкимъ товарищамъ.

Въ заключеніе скажу, что весь упрекъ, вся сила негодованія относилась въ запискѣ не къ какой-либо группѣ студентовъ или къ отдѣльнымъ лицамъ изъ ихъ среды, а къ г. Коновалову и совѣту горнаго института.

Стойкость убѣжденій въ наше смутное время составляетъ вообще достояніе такого ничтожнаго меньшинства, что предъявлять къ молодежи, зависимой и по положенію и съ невыработавшимися незрѣлыми взглядами, болѣе строгія требованія, чѣмъ къ намъ, зрѣлымъ людямъ, было бы странно.

Но нельзя не протестовать громко, когда произволъ, подавленіе всякаго чувства правосознанія, зародышей чувства достоинства человѣческой личности возводится въ педагогическую систему.

Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не относиться съ порицаніемъ къ той молодежи, которая уже на школьной скамьѣ не только безропотно склоняется передъ силой, попирающей право, но еще выдаетъ это за актъ гражданскаго мужества.

Бывшій профессоръ горнаго института
В. Никитинъ.

1 декабря.

Письмо проф. И. П. Долбни въ «Русь» отъ 3 декабря 1904 г.

М. г. Въ № 10329 «Нов. Вр.» напечатано письмо директора горнаго института г. Коновалова, гдѣ авторъ обвиняетъ меня въ оклеветаніи «студенчества» горнаго института съ единственной цѣлью «изобразить въ мрачныхъ краскахъ режимъ, введенный въ институтъ имъ, г. Коноваловымъ». По словамъ г. Коновалова, обвиненія противъ него усиленно распространяются въ обществѣ съ весны этого года. Не смотря на это и на свою «твердую вѣру въ благодѣтельную силу гласности», г. Коноваловъ до сихъ поръ не сдѣлалъ ни одной попытки освѣтить въ печати громкіе факты, связанные съ кратковременной дѣятельностью его въ роли директора. Считаю нужнымъ заявить, что правомъ вызваннаго въ судъ свидѣтеля я воспользовался въ очень ограниченныхъ размѣрахъ и что, находя камеру мирового судьи совсѣмъ неподходящимъ мѣстомъ для детальной характеристики г. Коновалова и его орудій, я старался лишь охарактеризовать ту атмосферу, среди которой возникъ нравственно гибельный расколъ между студентами. Но въ настоящее время, въ отвѣтъ на самоувѣренный вызовъ г. Коновалова, я нахожу нужнымъ пополнить сдѣланный пробѣлъ, принимая, разумѣется, на свою отвѣтственность всѣ тѣ обвиненія по адресу г. Коновалова, которыя оглашаю этимъ письмомъ.

Г. Коноваловъ вступилъ въ управленіе институтомъ съ предвзятой цѣлью наложить руку на, такъ называемыя, студенческія учрежденія. Имѣя репутацію ретиваго чиновника, онъ внушалъ студентамъ глубокое и основательное недовѣріе. Опасенія студентовъ оправдались въ полной мѣрѣ, и, когда попытка г. Коновалова сдѣлать совѣтъ института орудіемъ своего курса не увѣнчалась успѣхомъ, г. Коноваловъ, въ страстномъ нетерпѣніи явить доказательства своей служебной ревности, сдѣлалъ вторженіе въ помѣщеніе студенческаго буфета. За вторженіемъ послѣдовалъ протестъ студентовъ.

Вмѣсто того, чтобы успокоить взволнованную молодежь, г. Коноваловъ грубо прогналъ вонъ студенческихъ депутатовъ «съ наддраніемъ» ихъ письменнаго протеста. Развившіеся по этому поводу безпорядки приняли форму забастовки, которой г. Коноваловъ не пожелалъ предупредить. Усилія группы профессоровъ найти почву для примиренія оказались безуспѣшными, и г. Коноваловъ, безъ колебаній, вступилъ на гибельный путь борьбы съ забастовкой насильственными мѣрами. Горный институтъ, благодаря г. Коновалову, ознакомился впервые съ вмѣшательствомъ полицейской силы въ учебную процедуру, ознакомился также впервые съ обструкціей и, что всего важнѣе, съ прискорбнѣйшимъ раздѣленіемъ студентовъ на два глубоко враждебныхъ лагеря: благонамѣренныхъ, придумавшихъ для себя наименованіе «свобододѣйствующихъ», и неблагонамѣренныхъ, относительно которыхъ производился розыскъ. Въ первые дни экзаменовъ, подъ охраной полицейской силы, выдача входныхъ билетовъ производилась инспекціей при участіи «свобододѣйствующихъ»; уволенные же за обструкцію студенты вызывались въ охранное отдѣленіе, гдѣ имъ объявляли постановленіе совѣта объ

увольненіи вмѣстѣ съ отобраніемъ подписки о выѣздѣ изъ столицы; такъ что оживленныя сношенія г. Коновалова съ охраннымъ отдѣленіемъ не подлежатъ никакому сомнѣнію. Надѣюсь, что г. Коноваловъ, пригласившій точно формулировать обвиненіе, не станетъ упрекать меня въ недостаткѣ ясности. Такому почитателю гласности, какимъ объявилъ себя г. Коноваловъ, предоставляется широчайшее поприще для реабилитаціи какъ своихъ собственныхъ дѣйствій, такъ и дѣйствій той молодежи, которая, по его мнѣнію, нуждается въ его охранѣ.

Бывшій профессоръ горнаго института
И. Долбня.

P. S. Настоящее письмо, по понятнымъ причинамъ, было направлено мною въ редакцію «Новаго Времени». Къ совершенному моему недоумѣнію, редакція нашла письмо нецензурнымъ, а потому и не подлежащимъ опубликованію.

И. Долбня.

Письмо студ. «свобододѣйствующаго» Грунвальда въ «С.-Петерб. Дневникѣ», отъ 16 декабря 1904 г. (См. стр. прот.).

Къ вопросу о „свобододѣйствующихъ".

Въ настоящее время въ обществѣ и печати удѣляютъ много вниманія смутамъ и распрямъ, царящимъ въ горномъ институтѣ. Пишутся длинныя и рѣзкія письма и газетныя статьи, бичующія воцарившійся въ горномъ институтѣ, съ назначеніемъ директоромъ г. Коновалова, гнетущій режимъ, и всячески клеймятся тѣ студенты, которые являются какъ бы оплотомъ и защитой этого ужаснаго режима.

Легко себѣ представить тревогу и глубокое удивленіе всѣхъ, кому дорого имя русскаго студента, при видѣ цѣлыхъ газетныхъ столбцовъ, пестрѣющихъ такими не лестными эпитетами по адресу «свобододѣйствующихъ» студентовъ горнаго института, какъ «нравственно слабые» или «позорно павшіе».

Тяжесть подобныхъ обвиненій усугубляется тѣмъ болѣе, что они бросаются людьми, авторитетъ которыхъ стоитъ такъ высоко въ глазахъ общества; эти обвиненія бросаются профессорами, которые всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ были руководителями обвиняемыхъ студентовъ, теперь же эти профессора даже какъ бы оскорбляются, что желаютъ выслушать ихъ мнѣніе по вопросу о «свобододѣйствующихъ». Такъ, г. Никитинъ выражаетъ свое сожалѣніе въ № 353 «Руси», что можно его было заподозрить «въ существенномъ противорѣчіи съ показаніями его старшаго товарища И. П. Долбни. Читателямъ судебныхъ хроникъ извѣстно, что за показанія давалъ у мирового судьи уважаемый профессоръ Долбня о своихъ бывшихъ слушателяхъ. Открыто признавъ себя авторомъ литографированной записки, фигурирующей на судѣ въ качествѣ документа, показывающаго шпіонскій и довосческій характеръ группы такъ называемыхъ «свобододѣйствующихъ», И. П. Долбня своимъ авторитетнымъ профессорскимъ словомъ увѣрилъ общество, что «свобододѣйствующіе», изъ которыхъ нѣкоторые всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ обращались къ нему за разъясненіями по всѣмъ волнующимъ ихъ вопросамъ, суть дѣйствительно «позорно павшіе» отбросы студенчества. Предоставимъ самому профессору оцѣнить его заявленіе по достоинству. И. П. быть можетъ со временемъ въ немъ раскается такъ же, какъ раскаивался передъ студентами 15 марта этого года въ томъ, что благодаря его и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ заявленіямъ, студенты были введены въ заблужденіе, результатомъ котораго и явилось особенно рѣзкое проявленіе Коноваловскаго конфликта. Вотъ

съ этимъ-то конфликтомъ я и хочу теперь познакомить общество, не руководясь слухами, исходящими отъ людей, заслуживающихъ довѣрія, именъ которыхъ, однако, ни И. П. Долбня, ни г. Богдановичъ, ни г. Никитинъ не указываютъ, а руководясь исключительно одними фактами. Я не представляю себѣ какъ можно, признавая «благодѣтельную силу гласности», говорить о позорящихъ цѣлыхъ 110 человѣкъ молодыхъ людей слухахъ, не упоминая ни однимъ словомъ о тѣхъ источникахъ, изъ которыхъ эти слухи проистекаютъ.

Для того, чтобы обвинить въ печати или на судѣ мало руководиться одними слухами, и легкомысленно по «меньшей мѣрѣ» распространять слухи, достовѣрные относительно нѣсколькихъ человѣкъ, на цѣлую группу.

Но прежде чѣмъ начать изложеніе Коноваловскаго конфликта, какъ въ свое время назвалъ смуту въ горномъ институтѣ г. А.—въ въ «Руси», необходимо въ интересахъ истины, стремленіемъ къ которой и диктуется настоящая замѣтка, обратиться вообще къ жизни горнаго института за послѣдніе годы и указать на сколько такая жизнь была нормальна для высшей школы. Не отрицая значенія общественнаго и политическаго элемента въ жизни студенчества, необходимо однако признать, что этотъ элементъ умѣстенъ и даже необходимъ, какъ средство подготовки будущихъ гражданъ, лишь на ряду съ элементомъ чисто научнымъ—академическимъ. Но послѣдній не долженъ доводиться почти до полнаго пренебреженія и даже забвенія, а это вполнѣ имѣло мѣсто въ горномъ институтѣ за послѣдніе годы, и иллюстраціей тому служитъ далеко нелестное мнѣніе о техническихъ занятіяхъ горныхъ инженеровъ, которые, даже будучи оставлены при институтѣ, находили возможнымъ оставаться въ званіи и. д. адъюнктовъ по 7-ми и болѣе лѣтъ, не предъявляя при этомъ даже проблесковъ какихъ-либо ученыхъ работъ. Когда среди людей, руководящихъ жизнью горнаго института, были такіе высоко- орректные люди, какъ покойный И. В. Мушкетовъ, то всѣ вопросы, въ которыхъ сталкивались два теченія общественно-политическое и чисто академическое, разрѣшались по возможности мирно, не выходя за стѣны института; однако за послѣдніе пять лѣтъ совѣту института все труднѣе и труднѣе становилось поддерживать равновѣсіе въ жизни двухъ, къ этому времени рѣзко обозначившихся, группъ студентовъ, изъ которыхъ одна смотрѣла на институтъ, какъ на школу въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а другая исповѣдывала, что студенчество горнаго института должно представлять изъ себя извѣстнаго рода политическую фракцію.

Уже пять лѣтъ тому назадъ несогласіе между этими группами начало обнаруживаться съ полной рельефностью. Вторая группа, какъ болѣе организованная и выработавшая вполнѣ свое credo, употребляла всѣ средства къ тому, чтобы всецѣло захватить въ свои руки власть надъ всѣми студентами.

Каждый студентъ, вступая въ институтъ, противъ своей воли долженъ былъ дѣлаться членомъ организаціи, которая окончательно порабощала его личную волю, самовольно беря его въ опеку и предоставляя ему въ замѣнъ свободы личности и свободы мнѣнія, которымъ, казалось, должно было бы быть дано самое широкое распространеніе во всемъ учебномъ заведеніи,—одну лишь необходимость подчиненія большинству. Этотъ кошмарный гнетъ большинства, примѣняемый во всѣхъ вопросахъ, даже и такихъ, въ которыхъ естественно было имѣть особое мнѣніе,—дѣлается особенно невыносимымъ въ вопросахъ о забастовкахъ. Эта язва, подтачивающая основы академической жизни, что единогласно и опредѣленно высказывали гг. ушедшіе изъ горнаго института минувшей весной 6 профессоровъ, нашла за послѣдніе годы въ горномъ институтѣ особенно обширное распространеніе, будучи признана руководящей студенческой партіей единственной цѣлесообразной формой протеста по какимъ бы то ни было вопросамъ—будь то вопросы политическаго или чисто институтскаго характера. Что же мудренаго, что такого рода стѣсненія личныхъ правъ породило недовольство среди студентовъ

однимъ оно препятствовало достиженію чисто утилитарныхъ цѣлей—занятій наукой, другихъ оно стѣсняло въ нравственномъ отношеніи, парализуя ихъ свободу и заставляя дѣйствовать по заранѣ предложенному трафарету. Въ этомъ-то принципѣ большинства, лишенномъ вовсе даже тѣни идеальнаго характера товарищества и зиждущагося только на угнетеніи и порабощеніи, и надо искать причины возникновенія столь порицаемой теперь группы «свобододѣйствующихъ». Группа эта образовалась не сама собой, а ее постепенно подготовляли ея теперешніе противники, проводя свою систему угнетенія, дѣйствуя совершенно въ разрѣзъ съ тѣми высокими идеями, разсужденія о которыхъ въ извѣстныхъ напыщенныхъ фразахъ они преподносили своимъ слушателямъ и на студенческихъ собраніяхъ и у дверей аудиторіи. Блестки юмора и остроумія нѣкоторыхъ изъ нихъ, умѣло бросаемые въ толпу довѣрчивыхъ людей, заставляли послѣднихъ часто принимать фразы за искреннее выраженіе убѣжденія.

Но всякой фальши и всякому гнету наступаетъ когда-нибудь конецъ. Недовольство, глухо клокотавшее въ груди значительной части студенчества, вырвалось наружу и смѣло и открыто безъ всякихъ увертокъ и недомолвокъ, было выражено и формулировано на студенческомъ собраніи 12 марта, гдѣ 80 человѣкъ, къ которымъ присоединилось еще нѣсколько десятковъ впослѣдствіи, на предложеніе о забастовкахъ, какъ о средствѣ борьбы съ новымъ директоромъ въ слѣдующихъ подлинныхъ словахъ: Мы, нижеподписавшіеся, выражаемся противъ забастовки, оставляя за собой свободу дѣйствій. Вотъ вамъ происхожденіе свобододѣйствующихъ.

Всякій, въ комъ есть уваженіе къ человѣческой свободѣ, не рискнетъ порицать сотню этихъ людей, стряхнувшихъ съ себя ярмо рабовъ и заявившихъ о своемъ законномъ правѣ. Профессоръ Никитинъ говоритъ допустимъ представленіе о членѣ общества, сознательно не признающаго принципы подчиненія своихъ личныхъ желаній желанію большинства тогда, когда это большинство высказывается свободно, не подъ давленіемъ какой-либо внѣшней силы. Въ томъ-то и дѣло, что принципъ большинства проводился не свободно, а узурпаторски; его поборники безпощадно всѣхъ угнетали, давили и обезличивали.

За примѣрами далеко не ходить. Возьмемъ забастовку 1902 г., когда большая часть студенчества высказалась противъ сожженія временныхъ правилъ Ванновскаго, отвергнутыхъ въ горномъ институтѣ; тогда же отдѣлились кучки студентовъ и произвели демонстративное ихъ сожженіе на портикѣ института. За это между прочимъ и были оставлены всѣ студенты на 2 годъ, однако ни эту кучку студентовъ, дѣйствовавшихъ вопреки рѣшенію большинства, ни тѣхъ немногихъ, которые держали экзамены, никто тогда не называлъ ни «нравственно слабыми, ни позорно падшими». Очевидно въ теперешнемъ отношеніи къ «свобододѣйствующимъ» ихъ противниковъ изъ студентовъ и профессоровъ—кроется какое-то недоразумѣніе, выставить которое я и постараюсь, излагая постепенно весь ходъ событій до сего времени.

При этомъ считаю необходимымъ оговориться, что мною будутъ представлены факты, уже указанные 6 ушедшими профессорами горнаго института, въ связи съ тѣми фактами, которые въ дѣйствительности имѣли мѣсто, но въ запискѣ глубокомысленно замолчены. Зимою прошедшаго года у студентовъ горнаго института произошло столкновеніе съ исправляющимъ должность директора Лебедевымъ, по поводу развѣшиванія разнаго рода объявленій въ помѣщеніи студенческаго буфета. Оскорбленный непочтительной формой протеста, выраженнаго ему студентами по поводу объявленія, подтверждающаго статью устава о томъ, что всѣ объявленія могутъ быть вывѣшиваемы лишь за подписью инспектора, г. Лебедевъ созвалъ частное совѣщаніе профессоровъ; на совѣщаніи, между прочимъ, присутствовали г. Долбня, который взялъ на *себя предсѣдательство*, и. д. директора г. Лебедевъ, и. д. адъюнкта *Лутугинъ и* др.

На это совѣщаніе были приглашены и депутаты отъ студентовъ, которымъ г. Долбня выразилъ свое огорченіе, что студенты нарушаютъ добрыя отношенія съ профессорами (г. Лебедевымъ) именно въ то тревожное время, когда въ институтѣ хотятъ назначить директора вопреки желанію совѣта и когда совѣту такъ необходимо сговориться съ студентами по этому вопросу. Надо оговориться, что ни для кого изъ причастныхъ къ жизни горнаго института не составляетъ тайны, что передъ назначеніемъ исправляющаго должность директора, на квартирѣ г. Долбни два раза происходили частныя совѣщанія профессоровъ, на которыхъ старались намѣтить наиболѣе подходящихъ кандидатовъ на эту должность. Однимъ изъ такихъ кандидатовъ былъ теперешній директоръ г. Коноваловъ, котораго даже и г. Долбня нашелъ подходящимъ для занятія должности директора. Весьма понятно, что вышеприведенное заявленіе г. Долбни на совѣщаніи со студентами по инциденту съ проф. Лебедевымъ являлось по меньшей мѣрѣ страннымъ.

Эта странность была замѣчена проф. Шредеромъ, который въ ближайшемъ засѣданіи совѣта, подъ предсѣдательствомъ проф. Лебедева, опротестовалъ поведеніе г. Добни, какъ унижающее авторитетъ совѣта-учрежденія, которому въ отношеніи студентовъ предоставлено играть руководящую роль и для котораго какое бы то ни было предварительное согласіе со студентами, да еще по такому вопросу, какъ назначеніе директора является излишнимъ. На этомъ еще засѣданіи г. Долбня предложилъ пригласить студенческихъ депутатовъ для совмѣстнаго выясненія съ совѣтомъ и подтвержденія гарантій неприкосновенности и автономности студенческихъ учрежденій. Такого рода допущеніе студентовъ въ засѣданіе совѣта было совѣтомъ отклонено. Тогда гг. Долбня, Бауманъ, исправляющій должность адъюнкта Лутугинъ и проф. Курнаковъ отправились по собственной иниціативѣ на частное совѣщаніе съ представителями студентовъ. Результатомъ какъ этого совѣщанія, такъ и предшествовавшаго была укрѣпившаяся среди студентовъ горнаго института увѣренность, что совѣтъ гарантируетъ имъ неприкосновенность ихъ учрежденій, какъ-то: буфета, столовой и разнаго рода другихъ отраслей студенческихъ хозяйствъ.

Эта-то увѣренность и привела студентовъ къ столкновенію съ новымъ директоромъ. По вступленіи на постъ директора, г. Коноваловъ пожелалъ ознакомиться со студенческими учрежденіями, а потому 15 января сего года образована была комиссія изъ профессоровъ Долбни, Баумана, исправляющаго должность адъюнкта Лутугина и инспектора, подъ предсѣдательствомъ директора, для выясненія новому директору основъ студенческихъ учрежденій, отправленія ихъ дѣятельности и, буде они будутъ признаны неудовлетворительными,—ихъ реорганизаціи. Посему при всякаго рода сношеніяхъ со студентами, когда возникалъ вопросъ о ихъ учрежденіяхъ, г. директоръ всегда ссылался на работы комиссіи, которой и предстояло разрѣшить этотъ вопросъ полностью. Работая около двухъ мѣсяцевъ, комиссія не пришла, однако, ни къ какимъ положительнымъ результатамъ; она не представила г. директору картины взаимоотношеній студентовъ и совѣта, а равно и администраціи института и не выяснила съ должной и необходимой опредѣленностью автономіи студенческихъ учрежденій. Даже и тогда, когда обнаружилась тенденція къ реорганизаціи этихъ учрежденій, никто изъ членовъ вышеупомянутой группы не выяснилъ г-ну Коновалову,—какими правами руководствуются гг. студенты, отстаивая неприкосновенность своихъ учрежденій. Сдѣлали это сами студенты. На одной изъ сходокъ была принята резолюція, въ которой, между прочимъ, было упомянуто, что г. директоръ, посягая на неприкосновенность студенческихъ учрвжденій, «нарушаетъ постановленія совѣта». Получивъ такого рода заявленіе, не встрѣтя никакихъ ему объясненій у гг. членовъ комиссіи по урегулированію вопроса о студенческихъ учрежденіяхъ, г. Коноваловъ обратился къ журналамъ совѣта, и просмотрѣвъ ихъ за нѣсколько ближайшихъ лѣтъ,—не нашелъ, что весьма понятно, такого постановленія совѣта, гдѣ

бы говорилось о полномъ невмѣшательствѣ совѣта въ дѣла студенческихъ учрежденій. Когда имъ объ этомъ было заявлено гг. членамъ совѣта и поставленъ вопросъ о томъ, на какого рода постановленія ссылаются гг. студенты,—только тогда проф. Курнаковъ предложилъ г. Долбнѣ разъяснить студентамъ происшедшее недоразумѣніе, весьма основательно предполагая, что студенты введены въ заблужденіе тѣми мнѣніями отдѣльныхъ профессоровъ, которые съ ними совѣщались еще до назначенія г. Коновалова. Профессора Курнакова поддержалъ профессоръ Лининъ, Асѣевъ и др. Г. Долбня принужденъ былъ согласиться съ настоятельной необходимостью такого разъясненія.

Но принимая во вниманіе, что время для такого разъясненія было уже упущено, и трудно было подыскать подходящихъ лицъ изъ студентовъ, которымъ можно было бы это разъясненіе сдѣлать, г. Долбня и профессора: Богдановичъ, Никитинъ, Бауманъ, Яковлевъ и и. д. адъюнкта Лутугинъ вынуждены были лично явиться, совмѣстно съ профессоромъ Митинскимъ, на студенческое совѣщаніе 15 марта сего года, и заявить свое глубокое сожалѣніе о томъ, что студенты, неправильно принявъ личное ихъ, профессоровъ, мнѣніе за постановленіе совѣта, были такимъ образомъ введены въ нежелательное заблужденіе; такимъ своимъ заявленіемъ, прочитаннымъ г. Долбней, вышепоименованные профессора, какъ бы извинялись передъ студентами, что своевременно не разсѣяли этого заблужденія и присовокупляли, что въ дальнѣйшемъ оставляютъ за собой право поступать такъ, какъ подскажетъ имъ ихъ совѣсть. Что же касается группы свобододѣйствующихъ, то она активно выдѣлялась еще на предшествующемъ студенческомъ совѣщаніи и, тѣмъ не менѣе, свободно присутствовала на совѣщаніи 15 марта, когда было сдѣлано вышеприведенное заявленіе профессоровъ. Когда на этомъ совѣщаніи поднялся вновь вопросъ о проведеніи забастовки, принципіально уже рѣшенный на предшествовавшемъ совѣщаніи, и нуждающійся для проведенія своего въ жизнь только въ необходимомъ количествѣ голосовъ, составляющемъ большинство института,—свобододѣйствующіе, прежде чѣмъ окончательно рѣшить этотъ вопросъ, настояли на посылкѣ депутаціи къ вышепоименованнымъ профессорамъ, для выясненій ихъ мнѣній главнымъ образомъ по поводу протеста противъ посягательства директора на неприкосновенность студенческихъ учрежденій и, въ частности, по вопросу о забастовкѣ. При чемъ студенты, противоположной свобододѣйствующимъ партіи, открыто заявили, что они не видятъ необходимости въ посылкѣ такой депутаціи; однако большинствомъ вопросъ о депутаціи былъ рѣшенъ утвердительно, но всѣ депутаты были выбраны изъ свобододѣйствующихъ.

Явившись къ профессорамъ, депутаты заявили, что они принадлежатъ къ группѣ свобододѣйствующихъ, но, будучи выбраны большинствомъ студентовъ, являются выразителями ихъ общихъ желаній и покорнѣйше просятъ профессоровъ высказать ихъ мнѣніе по вышеуказаннымъ вопросамъ. Отвѣтъ профессоровъ депутатамъ, которые были имъ лично хорошо извѣстны, и которыхъ они приняли съ полной предупредительностью, но которыхъ теперь вмѣстѣ со всѣми членами группы свобододѣйствующихъ считаютъ отбросами студенчества,— сводился къ слѣдующему: профессора находятъ забастовку самой гибельной и глубоко безнравственной формой протеста, просятъ студентовъ не предпринимать рѣшительныхъ шаговъ до тѣхъ поръ, пока они, профессора, не испытаютъ послѣдняго средства, находящагося въ ихъ власти.

Резюмируя въ такого рода формѣ свою бесѣду съ депутатами, профессоръ Долбня упомянулъ имъ, что то заявленіе, которое онъ нѣсколько часовъ тому назадъ сдѣлалъ на студенческомъ совѣщаніи отъ лица своего и пяти другихъ профессоровъ, вызвано было настоятельнымъ желаніемъ остальныхъ членовъ совѣта. Вернувшись на совѣщаніе, депутаты подробно изложили результаты своей бесѣды съ профессорами. Однако, вопреки ожиданіямъ, часть присутствующихъ студентовъ высказалась за неотложное проведеніе забастовки, сторонники которой и на этотъ

разъ не оказались въ большинствѣ. Чтобы выйти изъ столь затруднительнаго для нихъ положенія, имъ ничего больше не оставалось, какъ поднять вопросъ объ исключеніи всѣхъ свобододѣйствующихъ изъ корпораціи. Исключивъ столь значительную группу изъ общаго числа студентовъ, они естественно получали желаемое большинство для проведенія забастовки. Итакъ, совершилось странное явленіе: студенты, часъ тому назадъ выбравшіе изъ своей среды представителей для переговоровъ съ профессорами, теперь исключаютъ изъ корпораціи какъ этихъ представителей, такъ и всѣхъ съ ними единомыслящихъ. О логичности такого поступка, конечно, пусть судятъ его совершившіе. Все же нельзя не замѣтить, что уже въ это время въ поведеніи членовъ послѣдняго общестуденческаго совѣщанія въ горномъ институтѣ относительно свобододѣйствующихъ замѣчается явное недоразумѣніе. Дальнѣйшее поведеніе противниковъ свобододѣйствующихъ еще болѣе усложнило это недоразумѣніе. Исключенные свобододѣйствующіе тотчасъ же составили свое совѣщаніе, на которомъ было рѣшено довести до свѣдѣнія начальства института, что, не смотря на объявленную одной частью студентовъ горнаго института забастовку, другая его часть занятій не прекращаетъ. Тотъ послѣдній шагъ, о которомъ говорили профессора депутатамъ, заключался въ выходѣ вышепоименованныхъ 5 профессоровъ и и. д. адъюнкта Лутугина въ отставку, вслѣдствіе своего принципіальнаго несогласія съ системой г. Коновалова. Не видя въ фактѣ ухода профессоровъ какого-либо желанія съ ихъ стороны еще болѣе обострять положеніе дѣлъ въ институтѣ и считая самый фактъ ухода личнымъ дѣломъ этихъ профессоровъ, «свобододѣйствующіе» студенты рѣшили остаться вѣрными ранѣе принятому рѣшенію держать экзамены. При этомъ умѣстно замѣтить, что группа свобододѣйствующихъ не являлась никогда, со дня ея зарожденія и до сего времени, какой-либо опредѣленной политической фракціей; это люди самыхъ разнообразныхъ убѣжденій и взглядовъ, но объединенные одной общей жаждой свободы, необходимой однимъ изъ нихъ для того, чтобы спокойно и безпрепятственно заниматься своимъ дѣломъ, а другимъ просто для того, чтобы считать себя несвязаннымъ въ своихъ дѣйствіяхъ по тѣмъ вопросамъ, при рѣшеніи которыхъ они считаютъ примѣненіе принципа большинства неумѣстнымъ.

Дальнѣйшая жизнь группы свобододѣйствующихъ является особенно интересной въ томъ смыслѣ, что они тѣсно связаны съ проведеніемъ экзаменовъ въ текущемъ году; за тѣ пріемы, къ какимъ прибѣгали свобододѣйствующіе для проведенія экзаменовъ и за ихъ образъ дѣйствія во время нихъ, ихъ теперь и клеймятъ прозвищемъ шпіоновъ, доносчиковъ и т. п. Что же это были за пріемы и какъ держали себя свобододѣйствующіе во время этихъ экзаменовъ? На эти вопросы и постараемся теперь отвѣтить. Когда были начаты экзамены на V курсѣ, то были разосланы приглашенія всѣмъ студентамъ, и тѣ изъ нихъ, которые были противъ экзаменовъ, явившись въ институтъ, потребовали ихъ отмѣны, что и было исполнено инспекторомъ собственной его властью. Такимъ образомъ первый экзаменъ не состоялся; второй имѣлъ еще болѣе печальную участь: группа студентовъ, не желающая приступить къ экзаменамъ и потому не получившая права входа въ институтъ, взломала двери, избила сторожа и, проникнувъ въ аудиторію, произвела такъ называемую химическую обструкцію, разбросавъ банки съ зловонными жидкостями по всѣмъ аудиторіямъ и корридорамъ института.

Чтобы подобный фактъ не повторился, пришлось прибѣгнуть къ составленію группъ, желающихъ держать экзаменъ, за личнымъ поручительствомъ лицъ, составляющихъ группу.

Присутствовавшіе при этомъ студенты IV и V-го курса, собравшись въ помѣщеніи инспекціи вмѣстѣ съ нѣкоторыми профессорами и будучи въ страшно возбужденномъ состояніи, что являлось вполнѣ естественнымъ, быть можетъ и дѣлились между собою впечатлѣніемъ факта столь гнуснаго насилія, невиданнаго еще въ стѣнахъ института.

Если даже не вѣрить категорическимъ заявленіямъ, что никто изъ студентовъ не принималъ участія въ обсужденіи степени виновности товарищей; допустить, что услышавъ частные разговоры о томъ, чины инспекціи, которыхъ, къ слову сказать, въ горномъ институтѣ всего два, воспользовались косвеннымъ образомъ указаніемъ фамилій нѣсколькихъ лицъ, для составленія списка уволенныхъ за обструкцію; болѣе того, если даже согласиться съ обвинителями свобододѣйствующихъ въ томъ, что нѣкоторыя лица изъ этой группы прямо и опредѣленно называли фамиліи теперь уволенныхъ студентовъ чинамъ инспекціи; то, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, нѣтъ никакихъ основаній распространять на всю группу, могущее быть предъявленнымъ лишь къ нѣкоторымъ лицамъ, обвиненіе въ умышленномъ или даже неумышленномъ, происшедшемъ вслѣдствіе простой опрометчивости, доносѣ. Тѣ люди, которые это дѣлаютъ, дѣлаютъ болѣе чѣмъ легкомысленное обобщеніе; какъ уже и ранѣе упоминалось, группа свобододѣйствующихъ, не связанная никакой общностью убѣжденій, не есть что-либо единое-цѣлое, а потому не только какъ и всякая случайная группа, но съ особеннымъ преимущественнымъ правомъ, не является отвѣтственной за каждаго своего члена.

Пусть обвинители предъявляютъ обвиненія отдѣльнымъ лицамъ и на обязанности послѣднихъ будетъ лежать себя реабилитировать, и если окажется, что эти лица дѣйствительно и неоспоримо виновны въ доносѣ и шпіонствѣ, то ни гг. Долбня, Никитинъ, Богдановъ и др., ни обвинители студентовъ, не имѣютъ никакого права предполагать, что свобододѣйствующіе не отнесутся къ такимъ лицамъ вполнѣ отрицательно. Для этого нужно только, чтобы обвинители предъявили неопровержимыя фактическія данныя для обвиненія, а не руководствовались въ вопросахъ о чести людей ходячими, и часто ни на чемъ не основанными, слухами. Второе, за что упрекаютъ свобододѣйствующихъ—это составленіе группъ и раздача билетовъ. Составленіе группъ, кромѣ того, что имѣло смыслъ лишь въ первой недѣлѣ экзаменовъ, — по существу своему не имѣетъ ничего предосудительнаго.

По правиламъ института студенты имѣютъ право для своего личнаго удобства и для удобства профессоровъ составлять экзаменаціонныя группы; переходъ изъ группы въ группу никогда не возбранялся и въ нынѣшнемъ году совершался вполнѣ безпрепятственно. Только въ виду обструкціи, во избѣжаніе новыхъ столкновеній, студентамъ было предложено составлять группы за личнымъ ручательствомъ, что всѣ поименованныя въ ихъ группѣ лица не произведутъ безпорядковъ. Былъ случай, что группы составлялись лицами, принадлежавшими къ числу активныхъ противниковъ экзаменовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, однако теперь уже инженеры (держали экзамены осенью): въ такъ сказать «боевое» время составленіе такихъ, конечно фиктивныхъ, группъ, имѣло цѣлью воспрепятствовать экзаменамъ тѣхъ лицъ, которые будутъ держать ихъ съ ними одновременно; однако, когда этимъ господамъ предложили держать экзамены въ разные часы съ другими группами, то они отказались, такъ какъ иначе имъ пришлось бы производить обструкцію противъ самихъ себя. Весьма также вѣроятно, что гг. составители группъ и отказывали нѣкоторымъ изъ обращающихся къ нимъ лицамъ, выражающимъ желаніе записаться въ ихъ группу, такъ какъ вполнѣ понятно, что группа не можетъ содержать болѣе опредѣленнаго числа лицъ. Если же были случаи, что инспекція зная, что извѣстный студентъ собираетъ группу, посылала къ нему лицъ, выразившихъ желаніе держать экзамены, то что же тутъ можно усмотрѣть, кромѣ простого стремленія къ удобству держащихъ экзамены и нежеланія инспекціи вмѣшиваться въ чисто студенческое дѣло. Что же касается раздачи билетовъ, то въ нихъ не было никогда и никому отказано, такъ какъ всякій выражавшій желаніе приступить къ экзаменамъ получалъ билетъ отъ инспекціи.

Ни въ какой раздачѣ билетовъ лица изъ группы свобододѣйствующихъ не участвовали; въ этомъ не было никакой надобности; могло

быть колебаніе составителей группы въ принятіи въ него того или другого лица, такъ какъ они брали его подъ свою личную отвѣтственность—что онъ не произведетъ безпорядковъ Такъ что, по меньшей мѣрѣ, наивно усматривать въ принятіи въ ту или другую экзаменаціонную группу — выдачу какого-то патента на благонадежность, о чемъ теперь приводится слышать въ печати. Еще разъ повторяю, что составленіе группы вполнѣ согласно съ институтскимъ уставомъ и, въ виду только волненій въ институтъ, составители ихъ принимали на себя отвѣтственность за то, что вошедшіе въ составъ ихъ группы студенты не произведутъ безпорядковъ. Кромѣ того вышеназванныя группы составлялись даже и людьми, не принадлежавшими къ «свобододѣйствующимъ» и не порывавшими связи съ общестуденческой корпораціей. Проводя экзамены, свобододѣйствующіе съ одной стороны какъ бы поддерживали режимъ директора Коновалова, а съ другой въ то же время давали возможность и остальнымъ студентамъ перейти на слѣдующій курсъ или окончить институтъ; послѣдней возможностью теперешніе противники свобододѣйствующихъ блистательно воспользовались, держа экзамены тогда же весной во время безпорядковъ, и оканчивая ихъ, за недостаткомъ времени, осенью. Уже весною окончило экзамены 138 человѣкъ, а получило билеты и приступило къ экзаменамъ 451, свобододѣйствующихъ же было всего 110 человѣкъ, гдѣ же тутъ справедливость, когда г. Долбня и его младшіе товарищи считаютъ свобододѣйствующихъ «могильщиками» (собств. выраженіе г. Долбни) института. Приведенныя цифры сами краснорѣчиво говорятъ за себя и яснѣе всякихъ разсужденій объ истинномъ товариществѣ, опровергая взводимыя на свобододѣйствующихъ обвиненія въ его нарушеніи, такъ какъ по существу не все ли равно когда держать экзамены весною или осенью. Болѣе того, среди обвинителей свобододѣйствующихъ есть студенты, которые (въ большинствѣ люди съ университетскимъ образованіемъ) желая подчеркнуть свою солидарность съ уволенными за безпорядки товарищами, весною подали прошеніе объ увольненіи ихъ изъ института. Осенью же, какъ только начались экзамены, тотчасъ же подали прошенія объ обратномъ пріемѣ, и мирно закончивъ свои работы, спокойно пребываютъ теперь въ институтѣ.

Развѣ это не нарушеніе товарищества? Развѣ такіе люди имѣютъ нравственное право порицать огульно всю группу свобододѣйствующихъ въ нарушеніи принципа большинства. Однако о нихъ не упоминаютъ въ своихъ письмахъ ни г. Никитинъ, ни г. Долбня.

Обвинители свобододѣйствующихъ не ограничились одними словами; они составили списки свобододѣйствующихъ, воспользовавшись ихъ автографами, данными предсѣдателю послѣдняго общестуденческаго совѣщанія 15 марта подъ честное слово предсѣдателя, что эти автографы будутъ храниться у него и изъ нихъ не будетъ сдѣлано никакого употребленія. Эти списки свобододѣйствующихъ съ надписями, пригвождающими 110 человѣкъ къ «позорному столбу», были разосланы по рудникамъ и заводамъ. О честности этого поступка бывшіе профессора молчатъ и этимъ молчаніемъ какъ бы подчеркиваютъ свое согласіе на такой прямой и наглый доносъ,—а несомнѣнно слѣдовало бы имъ, какъ поборникамъ свободы, возстать противъ такого явнаго злоупотребленія чужой честью и добрымъ именемъ; впрочемъ они навѣрное поддерживаютъ въ этомъ случаѣ долгъ товарищества со своими бывшими учениками. Наиболѣе честные и прямые студенты, не принадлежащіе ни къ какой опредѣленной группѣ, не разъ уже этой осенью старались поднять вопросъ объ отношеніи всего студенчества горнаго института къ свобододѣйствующимъ; но ихъ желанія не нашли себѣ отклика на студенческихъ совѣщаніяхъ. Студентамъ, погруженнымъ въ распрю съ директоромъ, какъ бы не было дѣла до 110 человѣкъ, занимающихся съ ними въ одномъ учебномъ заведеніи и ими же признанныхъ за шпіоновъ и доносчиковъ. Всякій разъ, когда на совѣщаніяхъ поднимался вопросъ о свобододѣйствующихъ,—ихъ противники ограничивались или ругатель-

ствами, или находили поднятіе вопроса несвоевременнымъ, или же назначали для его выясненія особое совѣщаніе, на которое являлись въ такомъ минимальномъ числѣ, что совѣщаніе фактически состояться не могло. Пусть общество знаетъ и объ этомъ истинно-товарищескомъ отношеніи къ свобододѣйствующимъ ихъ противниковъ и пусть по достоинству оцѣнитъ мотивы, диктующіе это отношеніе. Я позволю себѣ въ заключеніе замѣтки о «свобододѣйствующихъ» выразить одно только положеніе, съ неопровержимостью котораго трудно не согласиться. Въ институтской жизни столкнулись два теченія, одно общественно-политическое, прежде искусно руководимое такими талантливыми людьми какъ И. В. Мушкетовъ, а въ послѣднее время управляемое грубыми руками его слабыхъ подражателей, которымъ прежде всего недоставало его такта и его житейской опытности, и другое теченіе, сторонникомъ котораго явился новый директоръ института г. Коноваловъ, — это теченіе чисто академическое, стремящееся преобразовать институтъ въ чисто ученое учрежденіе, быть можетъ и въ ущербъ личнымъ интересамъ и желаніямъ нѣкоторой группы членовъ совѣта. Первое теченіе нашло себѣ сторонниковъ въ ушедшихъ профессорахъ, а второе въ оставшихся членахъ совѣта во главѣ съ директоромъ.

Борьба этихъ двухъ теченій была неизбѣжна и естественно должна была принять острый характеръ; борьба эта распространенная по странной случайности и на студентовъ и ихъ раздѣлила на два враждебные лагеря. Изъ образовавшагося отъ столкновенія этихъ двухъ теченій водоворота теперь выплываютъ лишь обломки, на полное уничтоженіе которыхъ и тратятъ теперь свои силы бушующія волны страстей. Не надо обладать большой жизненной опытностью, чтобы понять, что ни доносы, ни шпіонство не есть главныя причины обвиненій свобододѣйствующихъ. Важнѣе всего то, что они весенними экзаменами поддержали ненавистный многимъ режимъ директора—въ этомъ вся ихъ вина; за это ихъ упрекаютъ въ отсутствіи гражданственности; за это на нихъ и обрушиваются «свободолюбивые» студенты, «свободомыслящіе» профессора и «либеральныя» газеты.

N.

Письмо студ. Козловскаго въ „Русь" отъ 6 декабря 1904 г.

Къ конфликту въ горномъ институтѣ.

М. г. Не откажитесь, при посредствѣ вашей газеты, помочь выяснить слѣдующее. Весной этого года въ разныхъ слояхъ петербургскаго общества циркулировали усиленные слухи о посылкѣ студентами горнаго института сочувственной телеграммы японскому микадо и о сборѣ среди нихъ денегъ на усиленіе японскаго флота. Два студента, возмущенные этой гнусной клеветой, рѣшились опровергнуть ее отъ имени всѣхъ товарищей, для чего и написали письмо въ вашу газету. Письмо было принято, дано было согласіе напечатать его... но въ результатѣ оно не появилось. Причина, какъ было объяснено редакціей, была слѣдующая: редакціей были командированы два сотрудника къ директору горнаго института г. Коновалову для провѣрки фактической стороны письма. Г. Коноваловъ заявилъ, что онъ далекъ отъ мысли обвинять все студенчество въ посылкѣ сочувственной телеграммы, но что среди студентовъ была группа, скомпрометировавшая себя подобнымъ поведеніемъ, что фамиліи лицъ, участвовавшихъ въ этой группѣ, извѣстны, что благодаря лишь великодушію г. Коновалова и прочаго начальства противъ этой группы не возбуждается преслѣдованіе, дабы «не погубить молодыхъ жизней» и что «Русь», напечатавъ письмо, окажетъ медвѣжью услугу этой группѣ, такъ какъ тогда должно начаться оффиціальное разслѣдованіе этого факта.

Не откажется-ли г. Коноваловъ, «твердо вѣрящій въ благодѣтельную

силу гласности», обнародовать «имѣющіяся въ его распоряженіи данныя», потому что я, стоящій близко къ студенческой средѣ и группѣ выразившей свое несочувствіе, заявляю, что все это ложь и клевета, имѣвшая цѣлью оправданіе поведенія г. Коновалова при водвореніи «законности и порядка» въ «распущенномъ» высшемъ учебномъ заведеніи.

Ст. г. и. В. Козловскій.

Письмо проф. А. Митинскаго въ „Русь“ отъ 6 декаб. 1904 г.

М. г. Въ № 354 вашей уважаемой газеты имѣется статья г. Л. Львова, въ коей говорится о письмахъ г. Родыгина ко мнѣ и проф. Шредеру. Признавая приводимыя въ статьѣ отрывки моего отвѣта къ Н. И. Родыгину переданными правильно, хотя и съ выпусками, я протестую противъ его инсинуацій. Г. Родыгинъ заявилъ, что я «не нашелъ лучшаго способа защиты оскорбленной профессорской чести, какъ сообщеніе частныхъ обидныхъ писемъ начальству». На самомъ дѣлѣ, получивъ бранное письмо Н. И. Родыгина, я счелъ за наилучшій способъ своей защиты показывать его всѣмъ у меня бывшимъ инженерамъ, профессорамъ, студентамъ, курсисткамъ и т. д. Думаю, что письмо это я показывалъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколькимъ стамъ лицамъ.

Конечно, въ виду того, что осужденіе меня и брань относились до моей дѣятельности, какъ члена совѣта, я читалъ это письмо и всѣмъ членамъ совѣта, въ числѣ коихъ состоитъ и заслуженный проф. Іосса.

Письмо Н. И. Родыгина находится у меня въ письменномъ столѣ, никогда изъ моихъ рукъ не выходило, и я храню его, какъ любопытный въ психологическомъ отношеніи документъ.

Примите и пр. А. Митинскій.

Письмо горн. инж. Н. А. Родыгина въ „Русь“ отъ 7 декаб. 1904 г.

М. г. Прошу дать мѣсто слѣдующимъ строкамъ по поводу письма профессора горнаго института А. Н. Митинскаго, помѣщеннаго въ № 356 вашей газеты. «Пропуски» въ приведенномъ отрывкѣ письма, о которыхъ говоритъ г. Митинскій, заключаются въ улично-бранномъ словѣ по адресу ушедшихъ профессоровъ. Слово это было выброшено редакціей изъ понятнаго чувства щепетильности. Не имѣя возможности разобраться, подъ какимъ предлогомъ было сообщено г. директору горнаго департамента г. Митинскимъ мое къ нему письмо, я лишь утверждаю, что письмо это было поставлено мнѣ г. директоромъ въ служебный проступокъ. Итакъ, первый голосъ, раздавшійся изъ среды совѣта горнаго института, желаетъ возстановить уличную брань по адресу ушедшихъ профессоровъ. Будемъ ждать, что скажутъ остальные?!

Н. Родыгинъ.

Письмо проф. А. Митинскаго къ горн. инж. Н. А. Родыгину съ орфографіей подлинника.

Милостивый государь Николай Иванычъ

Палачи студентовъ не тѣ, которые охраняютъ большинство ихъ, а тѣ которые, какъ ушедшіе профессора на спинахъ ихъ дѣлаютъ карьеру.

Сознайтесь, что уходя профессора ничѣмъ не рисковали—ведь они будутъ пристроены, а вотъ студентовъ они возбудили—не могли скоты подождать до прекращенія волненій и тогда уйти. Захотѣли люди за студентовъ спрятаться. Постановленіе совѣта о временномъ (не въ се, ьезъ

же считать его постояннымъ) удаленіи изъ института толпы ворвавшейся въ него, избившей неповиннаго сторожа палкой—его пришлось свести въ больницу, требующихъ прекращенія экзаменовъ вопреки воли большинства студентовъ; я нахожу вовсе не поступкомъ палача. Нельзя же позволять полную нетерпимость ко всему, съ чѣмъ несогласенъ. Въ письмѣ Вашемъ вину не васъ а Лутугина, которому пора сбросить личину якобы убѣжденнаго въ чемъ то, якобы чѣмъ то серьезно занимающагося и открыто выступить въ своемъ истомъ значеніи грязнаго сплетника. Совѣтую ни Вамъ ни ему со мной не встрѣчаться.

А. Митинскій.»

Письмо быв. студ. Нацвалова въ „Русь" отъ 9 декаб. 1904 г. (См. стр. прот. 751)

Къ коноваловскому конфликту.

М. г. По поводу письма гг. 4-хъ студентовъ изъ «свобододѣйствующихъ» въ цѣляхъ того же всесторонняго освѣщенія, о которомъ они столь безпокоятся, я хотѣлъ бы сказать имъ.—Когда нашъ институтъ подвергся разгрому, когда изъ института удалились лучшія его научныя силы и уважаемые профессора, вы, соединившись въ группу «свобододѣйствующихъ» и тѣмъ самымъ создавъ общую круговую поруку преблагополучно держали экзамены, охраняемые полиціей и доносами нѣкоторыхъ болѣе смѣлыхъ «свобододѣйствующихъ».

Нѣтъ! не о наукѣ вы безпокоились, милостивые государи; вы хотѣли экзаменовъ, вы ломились на нихъ, и вы ихъ получили.

При чемъ же тутъ наука, на которую вы ссылаетесь. Пожалѣйте ее!

Когда эти, нѣкоторые изъ васъ, по выбору или произвольно соединившись въ «организаціонный комитетъ» именемъ группы творили «доносъ»,—вы, блюстители науки, молчали. Кто же поручится, что вы не молчали бы и теперь, если бы не боязнь общественнаго мнѣнія которое обрушилось на всѣхъ вершителей «слова и дѣла»?

Имѣйте же, по крайней мѣрѣ, смѣлость не покидать тѣхъ, съ кѣмъ вы связали себя весной этого года. Положимъ, я васъ понимаю: весной это вамъ было выгодно, а осенью вы уже не прочь отдѣлаться отъ яркихъ представителей вашей группы, предавъ ихъ поруганію. Вѣдь не забываете вы того, что ваше молчаливое участіе, если и не сочувствіе, сыграло рѣшающую роль въ блестящей эпопеѣ «группы свобододѣйствующихъ». Не чувствуя подъ собой почвы въ видѣ организованной группы въ 130 чел., никто бы изъ группы не рѣшился на тѣ подвиги, о которыхъ мы узнаемъ изъ печати.

Далѣе, въ вашемъ письмѣ встрѣчается передержка: вы заявляете, что вся группа «свобододѣйствующихъ» не отвѣтственна за поступки организаціоннаго комитета, потому, дескать, что создались такія условія, которыя препятствовали совмѣстному обсужденію вопросовъ весной. Позвольте же вамъ напомнить, что всякій разъ какъ нарушалось «мирное теченіе» въ институтѣ и создавались условія, препятствовавшія совмѣстному обсужденію вопросовъ, сношенія съ начальствомъ и всякія рѣшенія производились организаціоннымъ комитетомъ, составлявшимся негласно и безъ всякаго участія большинства студентовъ. Противъ этого порядка никто и никогда не возражалъ, по причинамъ весьма понятнымъ. Что касается до вашего требованія предъявить факты «доноса» свобододѣйствующихъ, то я думаю, что разобраться во всѣхъ деталяхъ этого обвиненія въ печати слишкомъ затруднительно и легче этого можно было бы достигнуть путемъ судебнаго разбирательства или же путемъ гласнаго обсужденія этого вопроса въ „общ. горн. инженеровъ". Мнѣ лишь достовѣрно извѣстно, что имѣются факты доноса, подтвержденные свидѣтельскими показаніями, которымъ удобнѣе всего появиться при судебномъ разбирательствѣ.

Бывшій студентъ горн. инст. Л. Н.

Письмо студ. Пумпянскаго въ „Русь" отъ 10 декаб. 1904 г. (См. стр. прот. 752).

М. Г. Судъ общественнаго мнѣнія между нами и г-мъ Коноваловымъ находится въ стадіи предварительнаго слѣдствія. Ограничиваясь поэтому фактической стороною вопроса, считаю долгомъ довести до свѣдѣнія судьи-общества слѣдующее. Вопросъ въ томъ, чтобы установить связь между инспекціей горнаго института и нѣкоторыми студентами, проявлявшуюся въ административныхъ совокупныхъ дѣйствіяхъ. Эта связь никакому сомнѣнію не подлежитъ, какъ о томъ ясно свидѣтельствуетъ ниже описанное. Сегодня въ институтѣ я спросилъ у двухъ товарищей, какъ они получили билеты на право входа въ институтъ, и получилъ такіе отвѣты. Къ одному изъ нихъ, Л., явился на квартиру студентъ Д. и спросилъ желаетъ ли Л. держать экзамены. Отвѣтъ былъ утвердительный. Черезъ день послѣ визита Л. получилъ по почтѣ билетъ для входа въ институтъ, подписанный не Д., а подлежащимъ начальствомъ. Студентъ З. также съ начальствомъ, о билетѣ не говорилъ, а получилъ билетъ, такъ какъ, по его словамъ „студентъ А. зналъ, что я буду держать экзамены". Наконецъ, я лично—къ великому прискорбію—получилъ билетъ такимъ образомъ. Я пошелъ въ инспекцію, попросилъ билетъ и былъ помощникомъ инспектора направленъ къ студентамъ А. и Ф. послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ ними и ручательства за меня студента Е. я былъ признанъ сего достойнымъ и черезъ день получилъ билетъ по почтѣ.

Комментаріи излишни. П.

Вызовъ „свобододѣйствующими" къ третейскому суду студентовъ-корпорантовъ. „Русь" отъ 10 дек. 1904 г.

Мы, нижеподписавшіеся студенты горнаго института, внесенные О. К. С. Г. И. въ списокъ такъ называемой „партіи свобододѣйствующихъ", собравшись для обсужденія создавшагося для насъ тяжелаго и исключительнаго положенія, явившагося слѣдствіемъ, какъ разсылки многимъ юридическимъ и физическимъ лицамъ списка съ обвиненіемъ насъ въ цѣломъ рядѣ вопіющихъ проступковъ, такъ и въ газетной полемикѣ последняго времени съ обвиненіемъ въ еще новыхъ поступкахъ и считая необходимымъ возстановить свою честь и доброе имя, нашли желательнымъ не полемизировать на страницахъ газетъ въ виду того: 1) что громадность и сложность возбуждаемаго вопроса не можетъ быть охвачена тѣсными рамками газетныхъ столбцовъ, и, такимъ образомъ, предѣлы выясняемыхъ вопросовъ станутъ въ исключительную зависимость отъ воли редактора; и 2) что полемика, какъ споръ, безъ авторитетнаго безпристрастнаго слова или заключенія какого-либо судьи, не достигаетъ желательнаго для насъ результата.

И кромѣ того постановили:

а) для снятія съ себя возводимыхъ на насъ обвиненій обратиться къ суду.

Разрѣшая вопросъ, къ какому—третейскому или коронному—суду надлежитъ обратиться, мы находимъ, что коронный судъ, разсматривая вопросы въ строгихъ рамкахъ заявленнаго обвиненія, лишенъ будетъ возможности выяснить цѣлый рядъ могущихъ возникнуть вопросовъ; помимо этого, и самое признаніе такимъ коронымъ судомъ наличности клеветы не будетъ все-таки полнымъ возстановленіемъ нашей чести и добраго имени, такъ какъ всегда могутъ найтись лица, способныя кинуть намъ обвиненіе, что мы, какъ хозяева процесса, сузили умышленно его рамки, не обвиняя въ клеветѣ по тѣмъ вопросамъ, по которымъ чувствуемъ себя неправыми; по изложеннымъ соображеніямъ, оставляя за собой обращеніе къ коронному суду лишь какъ необходимость на случай отказа нашихъ обвинителей отъ предлагаемаго нами суда, мы находимъ необходимымъ обратиться для наиболѣе широкаго и всесторонняго разъ-

ясненія вопроса виновности насъ въ взводимыхъ проступкахъ къ третейскому разбирательству судачести.

6) Избрать въ члены предлагаемаго суда чести со своей стороны трехъ лицъ.

Удостовѣряя каждый за себя, что обвиненія, взводимыя разосланнымъ на заводы за подписью О. К. С. Г. И. спискомъ «свобододѣйствующихъ», профессорами Долбней, Никитинымъ и всѣми другими лицами, принимавшими участіе въ газетной полемикѣ, есть не только неосновательное заблужденіе или простая ложь, но злонамѣренная клевета, мы предлагаемъ отъ себя, для доказательства наличности клеветы и снятія ея, поставить на выясненіе суда чести слѣдующіе вопросы:

1) Причины, поводъ и моментъ образованія группы лицъ, впослѣдствіи разросшейся и получившей наименованіе „партіи свобододѣйствующихъ".

2) Можно-ли насъ, нижеподписавшихся, назвать партіей.

3) Каково „credo" именуемыхъ „свобододѣйствующими".

4) Есть-ли что-либо подлежащее осужденію по какимъ бы то ни было основаніямъ въ этомъ credo, исповѣдуемомъ каждымъ изъ насъ.

5) Доказано-ли по отношенію къ каждому изъ насъ въ отдѣльности что-либо изъ взводимыхъ на насъ обвиненій.

6) Является ли приписаніе намъ позорящихъ дѣяній О. К. С. Г. И. профессорами Долбней, Никитинымъ, Бауманомъ, Богдановичемъ, Лутугинымъ, группой студентовъ въ 122 человѣка, пославшихъ письмо въ газету „Русь", кромѣ того гг. Бокіемъ, Рейнвальдомъ, Мушкетовымъ и др.—клеветой съ ихъ стороны, или объясняется добросовѣстнымъ заблужденіемъ. Настоящій вопросъ подлежитъ, конечно, разрѣшенію лишь по отношенію къ тѣмъ лицамъ изъ вышеперечисленныхъ, которые пожелаютъ выступить въ предлагаемомъ судѣ чести.

7) Опредѣленіе факта разсылки списка „свобододѣйствующихъ" съ запиской профессоровъ.

8) Опредѣлить, въ какой формѣ должно быть произведено возстановленіе добраго имени каждаго изъ насъ.

По всѣмъ изложеннымъ основаніямъ мы предлагаемъ лицамъ, перечисленнымъ въ пунктѣ 6, и всѣмъ желающимъ, будь то студентъ, профессоръ, настоящій или бывшій, горный инженеръ, или кокое-либо другое лицо, словомъ всѣмъ желающимъ, подтвердить, что всѣ или часть взводимыхъ проступковъ по отношенію къ каждому изъ насъ и такимъ образомъ принять участіе въ качествѣ стороны въ выясненіи вопросовъ, предлагаемыхъ на разрѣшеніе суда чести—заявить о томъ въ двухнедѣльный срокъ, либо путемъ подписи на особомъ листѣ въ горномъ институтѣ, либо путемъ письма на имя присяжнаго повѣреннаго Б. М. Алексѣева, Спб., 2-я Рождественская улица, домъ № 27, и указать, кого они желаютъ избрать въ качествѣ третейскихъ судей и какіе вопросы имѣютъ предложить дополнительно.

Лица изъ числа указанныхъ въ спискѣ, не участвовавшія въ составленіи настоящей резолюціи, но желающія, равнымъ образомъ, реабилитировать свою честь и доброе имя, приглашаются присоединить свои подписи путемъ присылки заявленій по адресу присяжнаго повѣреннаго Б. М. Алексѣева, жит. въ гор. Спб., 2-я Рождественская улица, въ д. № 27, кв. 6.

Отвѣтъ бывш. профессоровъ на вызовъ «свобододѣйствующихъ» къ трет. суду, отъ 11 декабря 1904 г.

М. Г. Въ сегодняшнемъ номерѣ вашей газеты опубликовано письмо за подписью 50 студентовъ изъ партіи „свобододѣйствующихъ". Въ этомъ письмѣ мы встрѣчаемъ категорическое приглашеніе къ третейскому суду всѣхъ принимавшихъ участіе въ осужденіи «свобододѣйствующихъ». Цѣль третейскаго суда, по заявленію его иниціаторовъ, должна заключаться въ установленіи безпристрастнаго приговора надъ

образомъ ихъ дѣйствій, какъ отдѣльныхъ лицъ и какъ представителей партіи, а также въ указаніи способа возстановленія запятнанной чести „свобододѣйствующихъ", буде таковая реабилитація окажется необходимой и возможной. По этому поводу заявляемъ, что не считаемъ себя въ правѣ уклониться отъ третейскаго суда по слѣдующимъ основаніямъ: 1) являясь въ дѣлѣ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, мы не претендуемъ на объективность нашихъ заявленій; 2) мы почитаемъ своей обязанностью идти на встрѣчу желанію молодыхъ людей не уклоняться отъ личной отвѣтственности за свои дѣйствія; 3) придавая событію глубокое общественное значеніе, не можемъ не содѣйствовать всестороннему изслѣдованію вопроса въ безпристрастномъ освѣщеніи третейскаго суда, какъ представителя общественной совѣсти. Но, соглашаясь на третейскій судъ, мы остаемся на нашей первоначальной точкѣ зрѣнія, которую повторяемъ еще разъ: только г. Коноваловъ и его сотрудники по разгрому института являются отвѣтственными въ полной мѣрѣ за все, что пережилъ и продолжаетъ переживать горный институтъ. Съ этой точки зрѣнія уклоненіе упомянутыхъ лицъ отъ третейскаго суда будетъ въ нашихъ глазахъ доказательствомъ, что лица эти предпочитаютъ посредствомъ молчанія оградить отъ огласки свою дѣятельность въ надеждѣ, что время будетъ естественнымъ ихъ союзникомъ, при помощи котораго имъ удастся пройти черезъ всю эту исторію безъ заслуженной оцѣнки.

В. Бауманъ.
И. Долбня.
Л. Лутугинъ.

P. S. Имена нашихъ представителей на третейкомъ судѣ будутъ сообщены въ скоромъ времени, согласно указаніямъ противной стороны. Считаемъ необходимымъ присовокупить, что въ настоящее время остальные наши товарищи: В. В. Никитинъ, К. И. Богдановичъ и Н. Н. Яковлевъ не находятся въ Петербургѣ.

Письмо отъ членовъ совѣта горнаго института въ «Русь» отъ 12 декабря 1904 г.
(См. стр. прот. 77).

Цѣлый рядъ статей, помѣщенныхъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ и подписанныхъ бывшими профессорами горнаго института и нѣкоторыми другими лицами, рисуетъ современное положеніе института въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, причемъ авторы этихъ статей приписываютъ причины ненормальнаго и нежелательнаго положенія вещей въ институтѣ режиму новаго директора, проф. Д. П. Коновалова, якобы назначеннаго вопреки желанію совѣта.

Для выясненія истины мы, нижеподписавшіеся члены совѣта горнаго института Императрицы Екатерины II, считаемъ нравственною обязанностію предать гласности факты, какъ предшествовавшіе выходу изъ института 5 профессоровъ (ст. сов. Лутугинъ званія профессора не имѣлъ, а только исполнялъ должность адъюнкта института), такъ и имѣвшіе мѣсто послѣ оставленія ими службы въ институтѣ.

1) Осенью 1903 года, когда должность директора была вакантна и исполнялась временно инспекторомъ, среди нѣкоторыхъ членовъ совѣта, сознававшихъ необходимость имѣть во главѣ института профессора, а не „чиновника" по назначенію, возникла мысль о выборѣ нѣсколькихъ кандидатовъ на вакансію директора. Вслѣдствіе этого въ квартирѣ проф. Долбни состоялось нѣсколько совѣщаній, въ коихъ принимали участіе члены совѣта: Долбня, Бауманъ (съ голосомъ по довѣрію Ив. Авг. Тиме), Никитинъ, Липинъ, Богдановичъ, Асѣевъ, Яковлевъ, Курнаковъ, Шредеръ, Митинскій и не членъ совѣта Лутугинъ. Въ конечномъ результатѣ члены совѣщанія Шредеръ, Бауманъ, Асѣевъ были уполномочены остальными просить директора горнаго департамента Н.

іосса довести до свѣдѣнія г. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ имена выбранныхъ по общему соглашенію кандидатовъ. Между послѣдними находился Д. П. Коноваловъ, извѣстный горному институту не только какъ горный инженеръ, но и какъ талантливый профессоръ университета, какъ предсѣдатель I отд. Имп. р. т. об. и исполнявшій въ послѣдніе годы обязанности экстр. проф.по химіи и въ горномъ институтѣ. Изъ сказаннаго ясно, насколько справедливо утвержденіе, что на должность директора института былъ назначенъ, вопреки желанію членовъ совѣта „чиновникъ" Коноваловъ.

2) 15 января 1904 г. состоялось первое собраніе совѣта подъ предсѣдательствомъ Д. П. Коновалова, въ которомъ по заявленію его, была избрана коммиссія съ цѣлью пересмотра правилъ для учащихся, въ виду того, что послѣднія не свободны отъ противорѣчій, а также не всегда отвѣчаютъ дѣйствительнымъ условіямъ современнаго положенія учащихся. Членами этой коммиссіи были избраны проф. Долбня и Бауманъ и ст. сов. Лутугинъ. Къ сожалѣнію, эта коммиссія результатовъ своихъ трудовъ, не смотря на крайнюю важность вопроса, совѣту не представила.

3) Происшедшій на почвѣ недоразумѣній относительно правъ студентовъ инцидентъ съ портретомъ Бебеля, самъ по себѣ ничтожный, не могъ служить причиной безпорядковъ, а былъ лишь однимъ изъ поводовъ къ нимъ. При этомъ первый періодъ безпорядковъ не отличался какой-либо особой рѣзкостью, сравнительно съ аналогичными случаями, имѣвшими мѣсто въ институтѣ и въ предшествовавшіе годы. Обостреніе безпорядковъ произошло послѣ ухода группы профессоровъ.

4) Въ послѣднемъ собраніи совѣта горнаго института, въ полномъ его составѣ, имѣвшемъ мѣсто 18 марта с. г., группой изъ 5 профессоровъ и ст. сов. Лутугинымъ была внесена особая записка, въ которой была изложена желательная для нихъ форма письменнаго извиненія г. директора передъ студентами по поводу посѣщенія имъ, совмѣстно съ членами хозяйственнаго комитета, проф. Никитинымъ и Митинскимъ, студенческаго буфета (въ которомъ, между прочимъ, находился портретъ Бебеля)—и печальнаго инцидента, заключавшагося въ томъ, что директоръ разорвалъ рѣзкую резолюцію сходки и предложилъ депутатамъ удалиться. Записка эта внесена была неожиданно для другихъ членовъ совѣта, по этой причинѣ отвергшаго открытой баллотировкой обсужденіе ея въ совѣтѣ и перенесшаго въ частное совѣщаніе по окончаніи совѣта. Записка эта не получила поддержки со стороны остальныхъ членовъ совѣта. Тогда вмѣсто того, чтобы подчиниться законному рѣшенію большинства своихъ товарищей, профессора Долбня, Бауманъ, Никитинъ, Яковлевъ и Богдановичъ и с. с. Лутугинъ демонстративно покинули залъ совѣта и вслѣдъ затѣмъ подали прошеніе объ увольненіи ихъ отъ службы въ институтѣ. Принимая во вниманіе, что согласно Высочайше утвержденнаго положенія о горномъ институтѣ директоръ является главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за порядокъ въ институтѣ, всѣ помѣщенія послѣдняго и во всякое время должны считаться въ полномъ его распоряженіи, и на посѣщеніе ихъ онъ не имѣетъ никакой надобности испрашивать у кого-либо согласія, а тѣмъ болѣе извиняться, когда подобное посѣщеніе имѣло мѣсто, если бы оно и было связано со снятіемъ портрета Бебеля.

5) Директору дѣлаютъ упрекъ, что онъ яко бы нарушилъ традиціи студентовъ института о неприкосновенности буфета и при томъ будто бы санкціонированной совѣтомъ. По разслѣдованіи дѣла оказалось, что никакого постановленія совѣта по этому поводу никогда не было, и что студенты были введены въ заблужденіе группой профессоровъ еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1903 года. Въ этомъ фактѣ ушедшіе профессора сознались въ присутствіи всѣхъ членовъ совѣта на совѣщаніи 15 марта 1904 г.

6) Внезапный уходъ профессоровъ во время безпорядковъ въ институтѣ не доказываетъ ни любви, ни искренняго расположенія ихъ къ институту и его питомцамъ. Если бы они, не раздѣляя въ принципѣ режима

г-на Коновалова, но искренно любя молодежь, отсрочили свой уходъ до конца экзаменовъ, то, вѣроятно, не было бы и скандаловъ во время производства экзаменовъ, а также и жертвъ, въ видѣ исключенныхъ и уволенныхъ на срокъ студентовъ, равно какъ и той печальной розни и острой вражды, какую мы видимъ теперь среди студентовъ, раздѣлившихся на „свобододѣйствующихъ“, „свободомыслящихъ“, „нейтральныхъ“ и т. п. Остаться ушедшимъ профессорамъ, хотя бы на нѣкоторое время, было тѣмъ болѣе удобно, что въ постановленіи совѣта 24 марта было выражено единогласно искреннее сожалѣніе объ оставленіи ими института. При коллегіальномъ управленіи дѣлами института при посредствѣ совѣта положеніе профессора достаточно самостоятельно и независимо отъ воли директора, а потому ушедшіе профессора имѣли полную возможность проводить въ совѣтѣ свои идеи. Подчиненіе большинству голосовъ при окончательномъ рѣшеніи не лишаетъ каждаго профессора права остаться при особомъ мнѣніи, прилагаемомъ къ журналамъ совѣта. Тяжелый характеръ настоящаго безпримѣрнаго кризиса въ горномъ институтѣ вызванъ, по нашему мнѣнію, волненіями студентовъ, но обостренъ одновременнымъ уходомъ 6 преподающихъ въ трудное время безпорядковъ въ учебномъ заведеніи. Такое глубоко прискорбное явленіе наблюдается въ горномъ институтѣ впервые за весь долгій періодъ его существованія, т. е. почти за 132 года.

7) Глубоко печальные студенческіе безпорядки въ высшихъ школахъ, несомнѣнно, имѣютъ причины, лежащія не внутри стѣнъ учебныхъ заведеній. Точно такъ же и безпорядки въ горномъ институтѣ выросли на благопріятной почвѣ, созданной предшествовавшими годами, но острая форма ихъ развилась вслѣдствіе особыхъ условій, имѣвшихъ мѣсто уже внутри института. Ненормальность положенія дѣлъ въ институтѣ, вообще, видна изъ того, что институтъ пережилъ съ 1899 года цѣлый рядъ студенческихъ забастовокъ, массовыхъ увольненій студентовъ на время, даже *исключенія* ихъ; экзамены затягивались на очень долгое время — въ 1901 г. было, напримѣръ, 3 выпуска горныхъ инженеровъ: весной, осенью и въ концѣ года. Въ 1902 году, когда всѣ ушедшіе профессора находились въ составѣ совѣта института, дѣло дошло до того, что совѣтъ былъ вынужденъ ходатайствовать предъ г. министромъ о разрѣшеніи не считать этотъ годъ въ числѣ лѣтъ пребыванія студентовъ въ институтѣ. Въ періодъ студенческихъ волненій институту, къ сожалѣнію, не чуждъ былъ и расколъ между студентами (напр., образованіе группы „умѣренныхъ“ въ 1902 году), не составляющій слѣдовательно впервые принадлежности безпорядковъ 1904 года. Въ 1902 году изъ 585 учащихся выразили желаніе приступить къ экзаменамъ 137 студентовъ старшихъ курсовъ и допущенъ къ экзамену весь первый курсъ—143 человѣка: экзаменовалось 184 человѣка и окончило курсъ института трое. Этихъ послѣднихъ постигла до нѣкоторой степени та же участь, какъ и нынѣ студентовъ, желавшихъ воспользоваться своимъ законнымъ правомъ сдавать экзамены, напр., „свобододѣйствующихъ“, т. е. имена ихъ были сообщены управленіямъ рудниковъ и заводовъ, какъ лицъ, исключенныхъ изъ среды товарищей, взгляды которыхъ они раздѣлить не пожелали; вопросъ о нихъ дебатировался въ обществѣ горныхъ инженеровъ и т. д.

Во время безпорядковъ для обезпеченія правильности хода экзаменовъ въ горномъ институтѣ студенты созывались на курсовыя совѣщанія (напр., 7, 6 и 7 марта 1902 г.), примѣнялась выдача впускныхъ билетовъ (напр., въ 1899 и 1902 гг.) и т. под. Такимъ образомъ производство экзаменовъ въ 1904 году мало чѣмъ отличалось отъ экзаменовъ въ вышеупомянутые годы, если не считать нижеслѣдующихъ обстоятельствъ, несомнѣнно связанныхъ съ уходомъ шести преподающихъ.

31 марта совѣтъ института заслушалъ первоначально заявленіе инспектора о томъ, что въ помѣщеніе, въ которомъ собрались студенты, желавшіе держать экзамены, не смотря на его просьбы, проникли въ крайне возбужденномъ состояніи и другіе студенты, не желавшіе, чтобы

іосса довести до свѣдѣнія г. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ имена выбранныхъ по общему соглашенію кандидатовъ. Между послѣдними находился Д. П. Коноваловъ, извѣстный горному институту не только какъ горный инженеръ, но и какъ талантливый профессоръ университета, какъ предсѣдатель I отд. Имп. р. т. об. и исполнявшій въ послѣдніе годы обязанности экстр. проф. по химіи въ горномъ институтѣ. Изъ сказаннаго ясно, насколько справедливо утвержденіе, что на должность директора института былъ назначенъ, вопреки желанію членовъ совѣта „чиновникъ“ Коноваловъ.

2) 15 января 1904 г. состоялось первое собраніе совѣта подъ предсѣдательствомъ Д. П. Коновалова, въ которомъ по заявленію его, была избрана коммиссія съ цѣлью пересмотра правилъ для учащихся, въ виду того, что послѣднія не свободны отъ противорѣчій, а также не всегда отвѣчаютъ дѣйствительнымъ условіямъ современнаго положенія учащихся. Членами этой коммиссіи были избраны проф. Долбня и Бауманъ и ст. сов. Лутугинъ. Къ сожалѣнію, эта коммиссія результатовъ своихъ трудовъ, не смотря на крайнюю важность вопроса, совѣту не представила.

3) Происшедшій на почвѣ недоразумѣній относительно правъ студентовъ инцидентъ съ портретомъ Бебеля, самъ по себѣ ничтожный, не могъ служить причиной безпорядковъ, а былъ лишь однимъ изъ поводовъ къ нимъ. При этомъ первый періодъ безпорядковъ не отличался какой-либо особой рѣзкостью, сравнительно съ аналогичными случаями, имѣвшими мѣсто въ институтѣ и въ предшествовавшіе годы. Обостреніе безпорядковъ произошло послѣ ухода группы профессоровъ.

4) Въ послѣднемъ собраніи совѣта горнаго института, въ полномъ его составѣ, имѣвшемъ мѣсто 18 марта с. г., группой изъ 5 профессоровъ и ст. сов. Лутугинымъ была внесена особая записка, въ которой была изложена желательная для нихъ форма письменнаго извиненія г. директора передъ студентами по поводу посѣщенія имъ, совмѣстно съ членами хозяйственнаго комитета, проф. Никитинымъ и Митинскимъ, студенческаго буфета (въ которомъ, между прочимъ, находился портретъ Бебеля)—и печальнаго инцидента, заключавшагося въ томъ, что директоръ разорвалъ рѣзкую резолюцію сходки и предложилъ депутатамъ удалиться. Записка эта внесена была неожиданно для другихъ членовъ совѣта, по этой причинѣ отвергшаго открытой баллотировкой обсужденіе ея въ совѣтѣ и перенесшаго въ частное совѣщаніе по окончаніи совѣта. Записка эта не получила поддержки со стороны остальныхъ членовъ совѣта. Тогда вмѣсто того, чтобы подчиниться законному рѣшенію большинства своихъ товарищей, профессора Долбня, Бауманъ, Никитинъ, Яковлевъ и Богдановичъ и с. с. Лутугинъ демонстративно покинули залъ совѣта и вслѣдъ затѣмъ подали прошеніе объ увольненіи ихъ отъ службы въ институтѣ. Принимая во вниманіе, что согласно Высочайше утвержденнаго положенія о горномъ институтѣ директоръ является главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за порядокъ въ институтѣ, всѣ помѣщенія послѣдняго и во всякое время должны считаться въ полномъ его распоряженіи, и на посѣщеніе ихъ онъ не имѣетъ никакой надобности испрашивать у кого-либо согласія, а тѣмъ болѣе извиняться, когда подобное посѣщеніе имѣло мѣсто, если бы оно и было связано со снятіемъ портрета Бебеля.

5) Директору дѣлаютъ упрекъ, что онъ яко бы нарушилъ традиціи студентовъ института о неприкосновенности буфета и при томъ будто бы санкціонированной совѣтомъ. По расслѣдованіи дѣла оказалось, что никакого постановленія совѣта по этому поводу никогда не было, и что студенты были введены въ заблужденіе группой профессоровъ еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1903 года. Въ этомъ фактѣ ушедшіе профессора сознались въ присутствіи всѣхъ членовъ совѣта на совѣщаніи 15 марта 1904 г.

6) Внезапный уходъ профессоровъ во время безпорядковъ въ институтѣ не доказываетъ ни любви, ни искренняго расположенія ихъ къ институту и его питомцамъ. Если бы они, не раздѣляя въ принципѣ режима

г-на Коновалова, но искренно любя молодежь, отсрочили свой уходъ до конца экзаменовъ, то, вѣроятно, не было бы и скандаловъ во время производства экзаменовъ, а также и жертвъ, въ видѣ исключенныхъ и уволенныхъ на срокъ студентовъ, равно какъ и той печальной розни и острой вражды, какую мы видимъ теперь среди студентовъ, раздѣлившихся на „свобододѣйствующихъ“, „свободомыслящихъ“, „нейтральныхъ“ и т. п. Остаться ушедшимъ профессорамъ, хотя бы на нѣкоторое время, было тѣмъ болѣе удобно, что въ постановленіи совѣта 24 марта было выражено единогласно искреннее сожалѣніе объ оставленіи ими института. При коллегіальномъ управленіи дѣлами института при посредствѣ совѣта положеніе профессора достаточно самостоятельно и независимо отъ воли директора, а потому ушедшіе профессора имѣли полную возможность проводить въ совѣтѣ свои идеи. Подчиненіе большинству голосовъ при окончательномъ рѣшеніи не лишаетъ каждаго профессора права остаться при особомъ мнѣніи, прилагаемомъ къ журналамъ совѣта. Тяжелый характеръ настоящаго безпримѣрнаго кризиса въ горномъ институтѣ вызванъ, по нашему мнѣнію, волненіями студентовъ, но обостренъ одновременнымъ уходомъ 6 преподающихъ въ трудное время безпорядковъ въ учебномъ заведеніи. Такое глубоко прискорбное явленіе наблюдается въ горномъ институтѣ впервые за весь долгій періодъ его существованія, т. е. почти за 132 года.

7) Глубоко печальные студенческіе безпорядки въ высшихъ школахъ, несомнѣнно, имѣютъ причины, лежащія не внутри стѣнъ учебныхъ заведеній. Точно такъ же и безпорядки въ горномъ институтѣ выросли на благопріятной почвѣ, созданной предшествовавшими годами, но острая форма ихъ развилась вслѣдствіе особыхъ условій, имѣвшихъ мѣсто уже внутри института. Ненормальность положенія дѣлъ въ институтѣ, вообще, видна изъ того, что институтъ пережилъ съ 1899 года цѣлый рядъ студенческихъ забастовокъ, массовыхъ увольненій студентовъ на время, даже *исключенія* ихъ; экзамены затягивались на очень долгое время — въ 1901 г. было, напримѣръ, 3 выпуска горныхъ инженеровъ: весной, осенью и въ концѣ года. Въ 1902 году, когда всѣ ушедшіе профессора находились въ составѣ совѣта института, дѣло дошло до того, что совѣтъ былъ вынужденъ ходатайствовать предъ г. министромъ о разрѣшеніи не считать этотъ годъ въ числѣ лѣтъ пребыванія студентовъ въ институтѣ. Въ періодъ студенческихъ волненій институту, къ сожалѣнію, не чуждъ былъ и расколъ между студентами (напр., образованіе группы „умѣренныхъ“ въ 1902 году), не составляющій слѣдовательно впервые принадлежности безпорядковъ 1904 года. Въ 1902 году изъ 585 учащихся выразили желаніе приступить къ экзаменамъ 137 студентовъ старшихъ курсовъ и допущенъ къ экзамену весь первый курсъ—143 человѣка; экзаменовалось 184 человѣка и окончило курсъ института трое. Этихъ послѣднихъ постигла до нѣкоторой степени та же участь, какъ и нынѣ студентовъ, желавшихъ воспользоваться своимъ законнымъ правомъ сдавать экзамены, напр., „свобододѣйствующихъ“, т. е. имена ихъ были сообщены управленіямъ рудниковъ и заводовъ, какъ лицъ, исключенныхъ изъ среды товарищей, взгляды которыхъ они раздѣлить не пожелали; вопросъ о нихъ дебатировался въ обществѣ горныхъ инженеровъ и т. д.

Во время безпорядковъ для обезпеченія правильности хода экзаменовъ въ горномъ институтѣ студенты созывались на курсовыя совѣщанія (напр., 5, 6 и 7 марта 1902 г.), примѣнялась выдача впускныхъ билетовъ (напр., въ 1899 и 1902 гг.) и т. под. Такимъ образомъ производство экзаменовъ въ 1904 году мало чѣмъ отличалось отъ экзаменовъ въ вышеупомянутые годы, если не считать нижеслѣдующихъ обстоятельствъ, несомнѣнно связанныхъ съ уходомъ шести преподающихъ.

31 марта совѣтъ института заслушалъ первоначально заявленіе инспектора о томъ, что въ помѣщеніе, въ которомъ собрались студенты, желавшіе держать экзамены, не смотря на его просьбы, проникли въ крайне возбужденномъ состояніи и другіе студенты, не желавшіе, чтобы

экзамены производились. Вслѣдствіе этого инспекторъ института, за отсутствіемъ директора, рѣшилъ экзамены отложить. Вслѣдъ затѣмъ, предсѣдатель совѣта заявилъ, что студенты 5 курса подали ему списокъ своихъ товарищей, желавшихъ обязательно держать экзамены, съ просьбой помочь имъ въ исполненіи ихъ желанія и гарантировать спокойное теченіе экзаменовъ. Какъ же долженъ былъ поступить совѣтъ въ данномъ случаѣ? Неужели онъ могъ отказать въ удовлетвореніи законнаго права студентовъ 5 курса, считавшихъ дѣйствія своихъ товарищей насильственными?! Естественно—экзамены должны были быть продолжены.

1 апрѣля у г. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ состоялось совѣщаніе членовъ совѣта, на которомъ было выражено желаніе умиротворить институтъ, не прибѣгая ни къ какимъ карательнымъ мѣрамъ.

2 апрѣля совѣтъ института, выслушавъ рапорты инспектора и смотрителя относительно обструкціи, произведенной утромъ группой студентовъ, не стѣснявшейся употребить въ дѣло вонючія жидкости и палки и прервавшей начавшіеся экзамены, постановилъ: 11 студентовъ, по указанію инспекціи, наиболѣе выдававшихся своими насильственными дѣйствіями, исключить изъ института, 17 уволить на 2 года и 5 на одинъ годъ, а всего уволить 33 человѣка.

5 апрѣля совѣтъ института выслушалъ докладъ предсѣдателя о сильномъ возбужденіи толпы студентовъ около зданія института, препятствовавшей разными способами доступъ въ институтъ своимъ товарищамъ. Толпа эта состояла частью изъ уволенныхъ уже студентовъ, а частью изъ другихъ студентовъ, очевидно, солидарныхъ съ первыми. При отсутствіи данныхъ, характеризующихъ степень участія въ безпорядкахъ на улицѣ того или другого лица, и опасаясь новыхъ насильственныхъ дѣйствій въ случаѣ допущенія въ институтъ лицъ, указанныхъ инспекціей, совѣтъ постановилъ, согласно § 19 устава института, представить на благоусмотрѣніе г. министра вопросъ о временномъ увольненіи (на одинъ годъ) 24 студентовъ института. Никакими иными указаніями, кромѣ указаній инспекціи, совѣтъ института въ своихъ постановленіяхъ объ увольненіи студентовъ не пользовался, и участіе студентовъ, принадлежащихъ къ такъ называемымъ „свобододѣйствующимъ“ въ составленіи какихъ-либо списковъ, кромѣ обычныхъ экзаменаціонныхъ, намъ неизвѣстно.

6 апрѣля начались экзамены на 5-мъ курсѣ, а съ 12 апрѣля и на всѣхъ курсахъ института. Къ группѣ студентовъ 5 курса, образовавшейся 31 марта, постепенно присоединились другіе студенты и уже къ засѣданію совѣта 22 апрѣля, выразило желаніе держать экзамены и получило входные билеты 63 проц. общаго числа студентовъ.

Въ окончательномъ результатѣ весной сего года изъ 551 студента приступило къ экзаменамъ 451, осталось по болѣзни на тѣхъ же курсахъ 10, подало прошеніе объ отложеніи экзаменовъ 70 и не подало никакихъ заявленій 20 человѣкъ, каковые на основаніи § 23 устава, были уволены изъ института съ правомъ обратнаго поступленія (изъ нихъ уже поступило 18 человѣкъ).

Окончило курсъ института весною 63 человѣка.

Осенью сего года всѣ уволенные за безпорядки на одинъ годъ и подавшіе прошенія объ обратномъ принятіи были вновь зачислены въ число студентовъ института; изъ уволенныхъ на 2 года уже принято 4 человѣка.

Осенью же были произведены выборы лицъ взамѣнъ оставившаго горный институтъ педагогическаго персонала, а также несостоявшіеся весной экзамены.

Изъ института вышли: ординарный профессоръ математики И. П. Долбня, ордин. проф. палеонтологіи Н. Н. Яковлевъ, экстраординарный проф. маркшейдерскаго искусства В. И. Бауманъ, экстраординарный профессоръ геологіи К. И. Богдановичъ, экстраординарный профессоръ

минералогіи В. В. Никитинъ, исполняющій обязанности адъюнкта геологіи ст. сов. Я. И. Лутугинъ и ассистенты: геологіи П. И. Преображенскій, палеонтологіи А. В. Фаасъ и математики Д. В. Фростъ.

Вновь избраны совѣтомъ института: докторъ чистой математики заслуженный профессоръ П. О. Сомовъ, приватъ-доцентъ спб. университета магистръ Н. Ив. Каракашъ—по палеонтологіи, прив.-доц. спб. университета магистръ Г. Г. Фонъ-Петцъ—по геологіи, препод. Николаевской инженерной академіи горн. инж. Е. Н. Барботъ де Марни—по руднымъ мѣсторожденіямъ, горн. инж. В. А. Кратъ — по маркшейдерскому искусству, а изложеніе курса консталлографіи поручено заслуж. проф. Г. Г. Лебедеву. Ассистентами выбраны: доцентъ спб. университета В. В. Серафимовъ—по математикѣ и горн. инж. П. Е. Ковалевъ—по минералогіи.

Въ настоящее время наши пожеланія сводятся къ тому, чтобы студенчество успокоилось, и жизнь института пошла своей нормальной коллеей.

Члены совѣта горнаго института, собравшіеся подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго изъ нихъ Ив. Авг. Тиме, профессора: И. А. Тиме, Б. Іосса, Г. Лебедевъ, Н. Коцовскій, В. Липинъ, И. Шредеръ, А. Митинскій, Н. Асѣевъ. Профессоръ Н. С. Курнаковъ, вслѣдствіе экстреннаго выѣзда изъ СПБ., присутствовалъ лишь на первомъ собраніи членовъ совѣта.

По порученію подписавшихся членовъ совѣта.
проф. Н. Асѣевъ.

Письмо проф. К. И. Богдановича въ „Русь" отъ 12 декабря 1904 г.

Сегодня я прочиталъ въ газетѣ „Русь" (10 декабря) письмо за подписью 50 студентовъ горнаго института, все еще ищущихъ путей для своей реабилитаціи. Онѣ находятъ необходимымъ прибѣгнуть къ суду чести и предлагаютъ цѣлый рядъ вопросовъ на разрѣшеніе такого суда; при этомъ имѣютъ дерзость называть имена лицъ, которымъ они предлагаютъ третейскій судъ; въ числѣ этихъ именъ я вижу имена своихъ уважаемыхъ товарищей, бывшихъ профессоровъ горнаго института, и свое имя. Что это такое?—Наивность или уже злонамѣренность?

Свой отвѣтъ я обращаю къ вамъ, какъ къ лицу, выступившему въ защиту части студентовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Въ своемъ письмѣ, напечатанномъ въ „Руси" 1 декабря и вызванномъ неумѣстнымъ требованіемъ пр. пов. Алексѣева о моемъ свидѣтельствѣ передъ судомъ, я, кажется, достаточно ясно установилъ свою точку зрѣнія на недоразумѣнія между студентами. А именно — право всякаго имѣть свои убѣжденія, но обязанность всѣхъ поступать всегда честно, т. е. жертвуя своими личными тенденціями общему дѣлу. Въ этомъ же письмѣ я ясно и опредѣленно выразилъ то, что меня побудило и побуждаетъ громко протестовать противъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ горномъ институтѣ весною этого года. Я не назвалъ въ томъ письмѣ истиннаго, по моему убѣжденію, виновника всѣхъ этихъ печальныхъ недоразумѣній; не назвалъ изъ чувства понятной сдержанности, когда дѣло идетъ о третьемъ лицѣ. Своимъ извѣстнымъ обращеніемъ къ гласности вы открыли широкій путь для болѣе открытаго выраженія своихъ мнѣній. Въ письмѣ В. В. Никитина, къ мыслямъ котораго я горячо присоединяюсь, написано чернымъ по бѣлому: „всѣ упреки, вся сила негодованія относились въ запискѣ (шести профессоровъ) не къ какой-либо группѣ студентовъ или къ отдѣльнымъ лицамъ изъ ихъ среды, а къ г. Коновалову и совѣту горнаго института".

Въ поискахъ же за отдѣльными фактами, какъ вы, такъ и группа студентовъ проглядѣли кое-что важнѣе, чѣмъ фактическіе поступки отдѣльныхъ лицъ возможные, конечно, при всякихъ житейскихъ комбинаціяхъ. А именно, повторяю,—нравственное разложеніе, внесенное съ небывалой еще остротою въ среду студентовъ подъ вліяніемъ педагогиче-

ской системы, которую даже г. А. Ст—въ, изъ „Новаго Времени", опредѣляетъ, какъ „политическую" (борьбу); издѣвательство этой системы надъ убѣжденіями, принужденными умолкнуть подъ давленіемъ матеріальной власти; нанесеніе моральныхъ ранъ людямъ въ періодѣ ихъ полной зависимости отъ этой системы,—ранъ, подъ вліяніемъ которыхъ одни до сихъ поръ мечутся, сгорая отъ негодованія, но принужденные мириться съ системой, а другіе взываютъ къ суду о ихъ реабилитаціи.

Во всемъ этомъ я обвиняю васъ, Д. П. Коноваловъ, какъ лицо, во власти котораго было не доводить дѣла до такихъ осложненій.

Какихъ нужно намъ еще „фактическихъ" доказательствъ? Да развѣ вся эта изумительная обстановка, въ которой проходитъ этотъ годъ вашей административно-педагогической дѣятельности, не есть дѣло вашей системы? Да развѣ этотъ безпримѣрный фактъ — группа студентовъ въ „безплодныхъ" поискахъ своей реабилитаціи вызываетъ къ суду чести своихъ бывшихъ профессоровъ — не служитъ наиболѣе яркимъ доказательствомъ полнаго разложенія, внесеннаго вами и только вами въ лучшіе годы жизни людей, да еще людей, по ихъ собственному признанію, якобы жаждавшихъ только науки?!

Я увѣренъ, что эти пятьдесятъ, или сколько тамъ студентовъ, взывающихъ къ суду чести, будутъ рано или поздно краснѣть при самомъ воспоминаніи объ этомъ ихъ вызовѣ. Вѣдь путь для реабилитаціи давно имъ указанъ, а они защищаютъ своею грудью васъ, Д. П. Коноваловъ! Да отстраните вы ихъ, станьте сами открыто, да не въ защиту какой-то партіи, а самого себя. Поймите вы и другіе вмѣстѣ съ вами, что не студентовъ обвиняютъ, а васъ обвиняютъ: не въ томъ, что такого-то числа вы совершили то-то, а въ систематической ломкѣ всего моральнаго строя среди нѣсколькихъ сотъ человѣкъ! Вы должны наконецъ отвѣтить,—во имя какой идеи вы дѣйствовали, какой системѣ вы служите, какія ея права на существованіе; объяснить,—что̀ среди этихъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, надъ которыми вы случайно получили „власть", встрѣтили вы требующаго ломки, коверканія какой бы то ни было цѣною,—цѣною даже этихъ моральныхъ жертвъ, какія я вижу и въ настоящемъ необдуманномъ поступкѣ цѣлой группы студентовъ.

К. И. Богдановичъ.

Письмо быв. профессоровъ въ „Русь" отъ 13 декабря 1904 г.

Появившееся въ № 362 вашей газеты коллективное заявленіе восьми членовъ совѣта горнаго института ясно показываетъ, что авторы заявленія заняли въ коноваловскомъ конфликтѣ совершенно опредѣленное положеніе хорошо дисциплинированныхъ чиновниковъ. Убѣдившись, что программа г. Коновалова вполнѣ одобряется подлежащимъ начальствомъ, восемь профессоровъ, по собственному ихъ признанію, подчинились директору и открыли послѣднему возможность дѣйствовать отъ имени совѣта. Въ опубликованномъ коллективномъ заявленіи находимъ подтвержденіе того, что всѣ репрессивныя мѣры, вплоть до полицейской охраны экзаменовъ и водворенія уволенныхъ студентовъ чрезъ охранное отдѣленіе, проведены г. Коноваловымъ при дѣятельной поддержкѣ восьми профессоровъ. Мы не видимъ особой надобности входить въ разсмотрѣніе вопрса, въ какой мѣрѣ высшая школа заинтересована въ услугахъ профессоровъ-чиновниковъ. Но мы не можемъ не выразить недоумѣнія, почему авторы коллективнаго заявленія затрудняются объяснить свои проступки простымъ служебнымъ усердіемъ, а силятся подыскать для своего поведенія нравственныя основанія. Задавшись такой, на нашъ взглядъ, трудно достижимой цѣлью, они не только освобождаютъ себя и г. Коновалова отъ всякой отвѣтственности за разгромъ горнаго института, но и дѣлаютъ откровенную попытку приписать всѣ бѣдствія нашему будто-бы несвоевременному выходу изъ со-

става профессуры. Восемь профессоровъ полагаютъ, что намъ, покинувшимъ институтъ, слѣдовало бы не отдѣляясь отъ большинства совѣта, принять участіе во всѣхъ предпріятіяхъ г. Коновалова, до обращенія къ содѣйствію охраннаго отдѣленія включительно, и лишь затѣмъ, исполнивши, такъ сказать, служебный долгъ до конца, уходить въ отставку. Въ такомъ способѣ дѣйствія авторы коллективнаго заявленія видѣли бы доказательства нашей „истинной" любви къ молодежи, каковая любовь, надо думать, руководила и руководитъ нашими оппонентами. Предоставляемъ каждому судить, на сколько сердца людей, превыше всего озабоченныхъ сохраненіемъ благоволенія начальства, раскрыты для какихъ-нибудь другихъ чувствъ и побужденій.

Всякую полемику о фактической сторонѣ вопроса мы признаемъ въ настоящее время безцѣльной, такъ какъ авторы коллективнаго заявленія озабочены лишь оправданіемъ поступковъ г. Коновалова, а, слѣдовательно, и своихъ собственныхъ съ точки зрѣнія дѣйствующихъ положеній и утвержденныхъ правилъ. Тѣмъ не менѣе мы рѣшительно заявляемъ, что письмо восьми профессоровъ переполнено ложными утвержденіями и тенденціознымъ искаженіемъ фактовъ. Предоставивъ, какъ извѣстно, разборъ всѣхъ событій, связанныхъ съ разгромомъ горнаго института, третейскому суду, мы увѣрены, что и письмо восьми профессоровъ найдетъ въ освѣщеніи суда соотвѣтственную оцѣнку.

В. Бауманъ.
И. Долбня.
Л. Лутугинъ.

Письмо студ. корпорантовъ и бывш. студ. въ „Русь" отъ 13 декабря 1904 г. въ отвѣтъ на вызовъ „своб-д-д-щихъ" къ трет. суду.

Принимая вызовъ „свобододѣйствующихъ", мы, бывшіе студенты горнаго института, соглашаемся на третейскій судъ подъ условіемъ, что судъ этотъ будетъ вполнѣ гласнымъ,—ибо, по нашему глубокому убѣжденію, только широкая гласность можетъ заставить общество произнести свой рѣшительный приговоръ.

Не ставя „во главу угла" „свобододѣйствующихъ" и полагая, что главнымъ виновникомъ „коноваловскаго конфликта" является самъ г. Коноваловъ, мы думаемъ, что онъ, признаваемый „свобододѣйствующими" за своего единственнаго защитника *), долженъ выступить и для ихъ защиты и, главное, для опроверженія возводимыхъ на него весьма тяжелыхъ обвиненій (распространеніе слуховъ о сборахъ на японскій флотъ, преднамѣренное вовлеченіе студентовъ въ конфликтъ и проч.).

Уклоненіе г. Коновалова отъ суда мы (думаемъ, съ нами и все общество) будемъ считать за подтвержденіе имъ тяготѣющихъ на немъ обвиненій.

А. Гапѣевъ, А. Замятинъ, Я. Панфиловъ, И. Рейнвальдъ, Снятковъ, С. Кумпанъ, И. Егуновъ, Нацваловъ, А. Мироновъ, Г. Бокій, Б. Мефферій, Кульжинскій, Звѣревъ, М. Кострнгинъ, Ѳ. Виткинъ.

P. S. Составъ суда съ нашей стороны будетъ опубликованъ.

Многіе изъ бывшихъ студентовъ не могли дать своей подписи, такъ какъ въ настоящее время ихъ нѣтъ въ Петербургѣ.

Мы, нижеподписавшіеся, студенты горнаго института, охотно принимаемъ на началахъ полной гласности третейскій судъ, предложенный гг. „свобододѣйствующими" и надѣемся, что отъ участія въ этомъ судѣ не откажется и г. Коноваловъ, фактическій виновникъ всей катастрофы. Неужели и теперь не пожелаетъ онъ опровергнуть „темные слухи" и молча согласится съ тяготѣющими на немъ обвиненіями?

*) См. бесѣду съ Д. П. Коноваловымъ въ газетѣ „Новости" 7 декабря, № 338.

Для участія въ третейскомъ судѣ изъ нашей среды будутъ избраны представители. О составѣ суда будетъ скоро сообщено.

Слѣдуютъ подписи.

P. S. Предлагаемъ желающимъ присоединиться къ нашему заявленію.

Письмо г. А. Амфитеатрова въ „Русь" отъ 16 декабря 1904 г.

М. г., г. редакторъ! Коноваловскій конфликтъ, насильственно упрятанный въ тихіе омута девять мѣсяцевъ тому назадъ, просился выплыть обратно на свѣжую воду съ такою настойчивою силою, что, наконецъ, даже и самъ Д. П. Коноваловъ, подъ гнетомъ справедливаго общественнаго негодованія, не выдержалъ характера и возопіялъ о благодѣтельной гласности. Судя по №№ „Руси", вопль г. директора горнаго института прозвучалъ не въ пустынѣ, и новоявленный аппетитъ г. Коновалова на гласность удовлетворяется съ избыткомъ. Въ статьяхъ, письмахъ и бесѣдахъ, оглашенныхъ по этому поводу, нѣсколько разъ упоминалось мое имя. Поэтому считаю не лишнимъ разсказать о своей прикосновенности къ весеннимъ событіямъ въ горномъ институтѣ.

Повторять всѣ обвиненія, взваленныя на головы студентовъ-горняковъ ихъ директоромъ и согласною съ нимъ группою „свобододѣйствующихъ", излишне: они всѣ переданы въ бесѣдахъ и письмахъ о конфликтѣ, ранѣе напечатанныхъ. Обвиненія, раздуваемыя молвою, ходили по Петербургу и вызывали въ обществѣ непріязнь не только къ горнякамъ, но и вообще къ учащейся молодежи. Молва фабриковалась искусственно и завѣдомо недобросовѣстно. Такъ, напримѣръ, относительно главнаго обвинительнаго пункта: мнимаго сбора пожертвованій на японскій флотъ, даже полиція хорошо знала, что въ горномъ институтѣ подобнаго факта не было. Слухъ былъ пущенъ въ обращеніе съ цѣлью вооружить противъ учащейся молодежи патріотическіе слои общества, печально настроенные нашими послѣдовательными злоключеніями на Дальнемъ Востокѣ. Нѣкоторыя русскія изданія взялись служить этой цѣли съ энергіей, достойной лучшаго примѣненія, а одинъ публицистъ договорился до изъясненія пресловутой химической обструкціи, какъ попытки студентовъ отравить кого-то ядовитыми газами. Такимъ образомъ, жизнь горнаго института въ апрѣлѣ слагалась слѣдующими элементами.

I. Острая „опала по подозрѣнію" отъ министра внутреннихъ дѣлъ.

II. Новое начальство, практикующее, въ оправданіе опалы, придирки сыскного характера (примѣръ: нелѣпая исторія съ портретомъ Бебеля).

III. Систематическія нарушенія директоромъ обычнаго права, которому искони подчинялись отношенія профессоровъ и студентовъ института, на началахъ взаимнаго довѣрія.

IV. Рѣзкій разрывъ этихъ отношеній, необходимо созданный безтактностями новаго коноваловскаго курса: грубая встрѣча студенческой депутаціи, уходъ шести лучшихъ профессоровъ, экзаменаціонная забастовка, искусственная организація экзаменовъ, химическая обструкція и т. д.

V. Широкое вторженіе провокаціи въ студенческую среду, развитое параллельно возникновенію, покровительствуемой институтскимъ начальствомъ, партіи охранительнаго политиканства („свобододѣйствующіе").

VI. Совершенный разладъ и деморализація студенчества: представители враждующихъ партій устраиваютъ уличныя драки, нѣкоторые изъ „свобододѣйствующихъ" принимаютъ на себя обязанности полицейскаго сыска по отношенію къ разномыслящимъ товарищамъ и участвуютъ въ институтскихъ проскрипціяхъ.

VII. Клеветы на студенчество, пущенныя гулять по городу изъ институтскихъ стѣнъ.

VIII. Поддержка клеветъ частью печати, въ томъ числѣ газетою, наиболѣе распространенною въ Россіи.

IX. Вынужденное безмолвіе остальной печати, связанной суровыми мѣрами покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, меня посѣтилъ уполномоченный отъ значительной группы студентовъ-горняковъ съ предложеніемъ освѣтить ихъ дѣло въ печати. Обратившіеся ко мнѣ хорошо понимали, что желаніе ихъ связано съ извѣстнымъ житейскимъ рискомъ для публициста и изданія, которые возьмутся реабилитировать студенчество и обличить его враговъ. Рискъ меня не смущалъ, но, какъ журналистъ съ долгимъ опытомъ, я слишкомъ хорошо знаю, что бываютъ моменты, когда защита самаго справедливаго и благороднаго дѣла можетъ остаться совершенно безсильною и напрасною: настолько властна встрѣчная волна общественнаго предубѣжденія. Поэтому я поставилъ студенту, со мною говорившему, первымъ условіемъ - подробно, откровенно и чистосердечно ознакомить меня съ ходомъ волненій горнаго института, до самыхъ интимныхъ мелочей, и, по возможности, съ оправдательными документами. Условіе мое было принято не только охотно, но даже радостно. Студенчество горнаго института добивалось вовсе не эффектной внѣшней огласки своихъ бѣдствій, чтобы болѣе или менѣе читаемый публикою литераторъ написалъ о нихъ красивыя и громкія „либеральныя" слова: студенчество искало защиты фактической, спокойной и безпристрастной и добросовѣстно, со всѣмъ безстрашіемъ праваго дѣла, открыло мнѣ всѣ свои карты, предоставило въ мое распоряженіе всѣ свои средства къ защитѣ.

Я занимался „слѣдствіемъ" по дѣламъ горнаго института болѣе двухъ недѣль, сдѣлавъ въ этотъ срокъ десятки опросовъ, перечитавъ кучу документовъ, гектографированныхъ бюллетеней, листковъ, воззваній и т. п. Съ каждымъ днемъ для меня опредѣлялось яснѣе и яснѣе твердое положеніе: разгромъ, пережитый горнымъ институтомъ, есть прямой результатъ провокаціи, пробующей примѣнить къ учащейся молодежи тѣ же некрасивые пріемы, что такъ называемая „зубатовщина" практиковала недавно въ кругу рабочихъ. Провокаціонная агитація въ студенческой средѣ и грубо полицейскій режимъ, созданный, съ благословенія В. К. Плеве, г. Коноваловымъ, наполнили атмосферу института естественнымъ отвѣтнымъ протестомъ, изъ котораго заинтересованныя силы обрадовались сочинить политическій случай и чуть ли не революцію. Объ ужасѣ этой новой педагогической системы, развращающей молодежь сплетнями и провокаціей, уничтожая въ корнѣ одну изъ лучшихъ основъ культурной общественности — школьное товарищество, я написалъ свои „Листки", напечатанные въ № 194 „Руси", отъ 27 апрѣля. Понимая всю отвѣтственность этой статьи, мы подвергли ее строгому, внимательному редакціонному чтенію, удалившему изъ нея весь случайный, либо анекдотическій элементъ, смягчившему всѣ сколько-либо рѣзкія выраженія, прослѣдившему въ послѣдній и окончательный разъ, чтобы на столбцы газеты не вкралось чего-либо двусмысленнаго и не провѣреннаго.

Теперь, въ менѣе жестокую эпоху, прославляемой русскою печатью осенней весны, «Листки» мои, вѣроятно, показались-бы Петербургу даже слишкомъ сдержанными, но въ апрѣлѣ стояла весна иного закала. Въ тотъ же вечеръ на «Русь» грянуло запрещеніе розничной продажи, а я получилъ предписаніе немедленно оставить Петербургъ и возвратиться въ ссылку, въ городъ Вологду. По прибытіи туда, мнѣ было объявлено распоряженіе г. министра внутреннихъ дѣлъ—о воспрещеніи мнѣ литературнаго труда!

Такъ окончилась первая попытка гласности о коноваловскомъ конфликтѣ—той «благодѣтельной гласности», къ которой теперь взываетъ самъ г. директоръ горнаго института, и—mieux tard que jamais!—объясняется ей въ любви. Вотъ ужъ, что называется: «люблю тебя, но странною любовью!» Гласность была болѣе, чѣмъ не въ фаворѣ у г. Ко-

новалова, когда, за нѣсколько откровенныхъ словъ о дѣятельности Коновалова, ее удобно было ссылать въ трущобы, бить газету тяжелыми административными взысканіями, а студентовъ, вопіющихъ о гласности, исключать изъ института, съ врученіемъ документовъ чрезъ охранное отдѣленіе. Въ періодъ неурядицы, лишившей институтъ лучшихъ силъ преподаванія и десятой доли студенчества г. Коноваловъ звалъ себѣ на помощь не гласность, но полицію и административныя воздѣйствія, которыя запечатали гласности ротъ и связали ее по рукамъ и ногамъ. Теперь, когда эти двѣ дивныя богини россійскаго Олимпа, повидимому, разочаровались, если не въ усердіи, то въ талантахъ своего недавняго жреца, г. Коноваловъ разглядѣлъ прелести гласности и объявляетъ себя ея трубадуромъ. Очень хорошо! Гласность его тоже давно разглядѣла. Да будетъ-же г. Коновалову тріумфъ гласности! Да будетъ ему тріумфъ!

Александръ Амфитеатровъ.

Римъ, 1904 г. 9 (22) декабря.

Письмо проф. Долбни въ „Русь" отъ 16 декабря 1904 г.

Коноваловскій конфликтъ, повидимому, вступаетъ въ новый фазисъ: по иниціативѣ г. министра земледѣлія, какъ сообщаютъ газеты, образуется коммиссія изъ высшихъ чиновъ министерства для всесторонняго изслѣдованія „весенней исторіи" въ горномъ институтѣ. „Въ цѣляхъ достиженія большей объективности", приглашаются въ коммиссію "старѣйшіе горные инженеры". Необходимо высказаться по поводу этой новой иниціативы. Въ такъ называемой „исторіи" горнаго института ясно замѣчается два періода. Въ первомъ періодѣ, отъ разгрома института до судебнаго процесса Громова—Гапѣева, администрація занимается преслѣдованіемъ враждебныхъ ей элементовъ. Она производитъ расправу съ институтомъ по опредѣленной программѣ, сметая на пути все, что представляется ей препятствіемъ для достиженія цѣли. Во время этой „работы", администрація относится съ крайней нетерпимостью не только къ оппозиціоннымъ попыткамъ, но и принимаетъ чрезвычайныя мѣры для того, чтобы въ общество не могли проникнуть независимое сужденіе и трезвый голосъ. Нетерпимость въ этомъ отношеніи доходитъ до того, что попытки освѣтить „исторію" въ обществѣ горныхъ инженеровъ съ чисто-товарищеской точки зрѣнія вызываютъ со стороны директора горнаго департамента Н. А. Іосса мѣру угрожающаго воздѣйствія на горнаго инженера Н. А. Родыгина.

Къ концу мая опредѣлилось, что программа разгрома исполнена. Оппозиціонные элементы изъ состава профессуры устранены. Остальные профессора прочно связали свои интересы съ торжествующимъ режимомъ. Студенческое сопротивленіе удалось сломить окончательно, и администрація готовилась на развалинахъ прошлаго создать желательный ей типъ высшаго учебнаго заведенія, основанный на безусловномъ торжествѣ дискреціонной власти, функціонирующей, въ порядкѣ подчиненности, на основаніи положеній и правилъ. Въ рукахъ такого директора, какъ г. Коноваловъ, власть пріобрѣтала, для подвѣдомственныхъ ему чиновъ, забытую форму живой и осязательной дѣйствительности. При такихъ условіяхъ возникаетъ процессъ Громова—Гапѣева, который, по независящимъ отъ администраціи обстоятельствамъ, сдѣлалъ „исторію" горнаго института предметомъ гласнаго обсужденія. Администрація, въ лицѣ г. Коновалова, дѣлаетъ неудачную попытку ввести общество въ заблужденіе своей мнимой готовностью идти на встрѣчу гласности. Неуспѣхъ довольно смѣлаго начинанія г. Коновалова побуждаетъ администрацію выступить съ болѣе авторитетнымъ, по ея мнѣнію, коллективнымъ заявленіемъ восьми профессоровъ (И. А. Тиме, Н. А. Іосса, Г. Г. Лебедева, Н. Д. Коцовскаго, В. Н. Липина, И. Ф. Шредера, А. Н. Митинскаго, Н. П. Асѣева). Но и этотъ зрѣлый плодъ ад-

министративно-педагогической мысли нынѣ, очевидно, признается, съ точки зрѣнія даже самаго министерства земледѣлія, недостаточнымъ, и вѣдомство находитъ необходимымъ прибѣгнуть къ „болѣе объективному" изслѣдованію вопроса. Ничего не имѣя противъ стремленія министерства „къ объективному" выясненію истины, позволительно, однако, усомниться въ цѣлесообразности задуманной мѣры. Изъ коллективнаго заявленія восьми профессоровъ усматривается непосредственное участіе г. министра въ „работахъ" совѣта. Закрытіе института за двѣ недѣли до экзаменовъ состоялось по непосредственному приказанію министерства. И, вообще, очень трудно допустить, чтобы мѣропріятія г. Коновалова могли осуществиться при прямо отрицательномъ къ нимъ отношеніи министерства. Едва ли, по изложеннымъ причинамъ, можно допустить, что вновь образуемая коммиссія изъ высшихъ чиновъ министерства земледѣлія будетъ обладать необходимой объективностью. Можно съ нѣкоторой увѣренностью сказать, что и присутствіе „старѣйшихъ" горныхъ инженеровъ, долженствующихъ представлять „общественное мнѣніе" и корпоративную совѣсть, не обезпечитъ за коммиссіей необходимаго безпристрастія, а, слѣдовательно, и не дастъ ея приговору должнаго авторитета.

Н. Долбня.

Письмо членовъ общ. горн. инж. въ «Русь» отъ 17 декабря 1904 г.

М. Г. Въ отчетѣ о прошломъ засѣданіи общества горныхъ инженеровъ вкралась неточность. Вопросъ объ исключеніи г. Коновалова не поднимался въ засѣданіи. Этотъ вопросъ, какъ равно и вопросъ о соотвѣтственномъ измѣненіи устава общества, былъ поднятъ послѣ собранія. Результатомъ этого явилось заявленіе, поданное въ совѣтъ старшинъ со стороны группы инженеровъ. Текстъ заявленія слѣдующій:

«Многими членами общества горныхъ инженеровъ возбуждался вопросъ объ исключеніи инженера Коновалова изъ числа членовъ общества. Между тѣмъ, по уставу общества, никому не предоставлено исключать своихъ членовъ. Въ виду сего желательно, 1) дополнить уставъ общества въ томъ смыслѣ, дабы общему собранію было предоставлено право въ особо важныхъ случаяхъ исключать членовъ общества, 2) представить въ этомъ смыслѣ ходатайство министру внутреннихъ дѣлъ».

Подписали инженеры: В. Жуковскій, М. Норпе, А. Шупле, Н. Пащенко, Э. Анертъ, И. Гоповъ, Ляшенко, А. Вольскій, Э. Леманъ, О. Кобелянскій, С. Маяльквнъ, Н. Родыгинъ, К. Калицкій и Преображенскій.

Открытое письмо г. горному инженеру Д. П. Коновалову (директору горнаго института).

Рекомендуюсь: я—горный инженеръ выпуска 1869 года, слѣдовательно, одинъ изъ немногихъ уже горныхъ инженеровъ, воспитаніе которыхъ началось въ дореформенномъ «институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ» и окончилось въ реформированномъ горномъ институтѣ. Изъ перваго періода я вынесъ, между прочимъ, живое чувство «товарищества» и сильную привязанность къ нашему, горныхъ инженеровъ, институту, а изъ второго—еще большую привязанность къ институту и симпатію къ такъ называемымъ студенческимъ учрежденіямъ (организаціямъ), тогда же и зародившимся подъ вліяніемъ дѣйствительной надобности и живого товарищескаго чувства.

Понятно, съ какимъ горестнымъ изумленіемъ *я наблюдалъ* начало и слѣдилъ за развитіемъ той трагикомедіи, *которую Вы, г. горный* инженеръ Д. П. Коноваловъ, инсценировали въ нашемъ горномъ институтѣ весною текущаго года. А когда я ознакомился съ *эпилогомъ ея, разыгравшимся* въ камерѣ мирового судьи, подъ видомъ дѣла между сту-

дентами Гапѣевымъ и Громовымъ, въ мировомъ съѣздѣ (продѣлка прис. пов. Алексѣева, уклонившагося отъ судебнаго разбирательства подъ благовиднымъ предлогомъ), наконецъ, въ отвѣтахъ Вамъ, г. горный инженеръ Д. П. Коноваловъ, 56 горныхъ инженеровъ, бывшихъ профессоровъ горнаго института гг. Никитина и Долбни и 122 студентовъ института, когда я ознакомился съ этимъ эпилогомъ,—негодованіе, овладѣвшее мною, заставило меня адресовать вамъ, г. горный инженеръ Д. П. Коноваловъ, нижеслѣдующее:

Я не буду говорить о содержаніи и результатахъ Вашей дѣятельности во всей этой исторіи: это уже сказано въ отвѣтѣ Вамъ 56 горныхъ инженеровъ, двухъ бывшихъ профессоровъ и 122 студентовъ (помѣщены въ № 353 газеты „Русь" за текущій годъ), а затѣмъ, въ цѣломъ рядѣ статей и писемъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, да и Вы обѣщали обнародовать какія-то «имѣющіяся въ Вашемъ распоряженіи данныя, могущія опровергнуть темные слухи». Я хочу сказать о томъ, къ чему никакія опроверженія темныхъ слуховъ никакого отношенія имѣть не могутъ.

Высшія учебныя заведенія, академіи, въ истинномъ значеніи этого слова, предназначены служить не устранимымъ и не преоборимымъ стремленіямъ человѣческаго духа къ достиженію совершенства, идеала, все равно, будутъ-ли эти учрежденія заниматься разработкой чистой науки (по нашему—университеты), или той-же науки съ приложеніемъ выводовъ изъ высшихъ ея областей къ практикѣ жизни (высшія техническія учебныя заведенія).

Соотвѣтственно этому опредѣляется строй и ходъ академической жизни, устанавливаются обычаи и традиціи, а необходимый порядокъ долженъ поддерживаться академическою-же властью, сила которой основана на умственномъ и нравственномъ авторитетѣ старшихъ членовъ академической коллегіи, въ лицѣ руководителя (директора и т. п.) и совѣта. Если, затѣмъ, окружающая жизнь вноситъ въ академію вредящее ея дѣятельности разстройство, академія должна во что бы то ни стало, но исключительно собственными силами, добиться возстановленія нормальнаго порядка. Если это не достигается—значитъ, въ академіи не господствуетъ сила умственнаго авторитета старшихъ членовъ коллегіи, они не пользуются довѣріемъ, а потому не могутъ пользоваться и уваженіемъ студентовъ.

Въ такомъ случаѣ происходитъ глубокое потрясеніе академіи, возможно ея временное паденіе, а если въ ходъ академической жизни допускается еще вторженіе внѣшней силы напр., грубой полицейской силы, то является еще и позоръ для академіи.

Все это общеизвѣстно. Вы, г. горный инженеръ Д. П. Коноваловъ, какъ профессоръ высшаго учебнаго заведенія (петербургскаго университета) должны не только вполнѣ ясно это понимать, но и живо чувствовать. И все-таки Вы рѣшились опозорить нашъ, горныхъ инженеровъ, институтъ, допустивъ «вмѣшательство полицейской силы въ учебную процедуру», какъ о томъ свидѣтельствуетъ бывшій проф. Долбня, экзамены подъ охраной полицейской стражи и даже организація какой-то добровольческой псевдополиціи изъ студентовъ!! По какимъ соображеніямъ Вы такъ поступили? Одно изъ трехъ: или Вы, г. горный инженеръ Д. П. Коноваловъ, одержимы русскимъ оппортюнизмомъ, по-просту говоря—угодливостью; или вы поступали соотвѣтственно Вашимъ взглядамъ на директорскую дѣятельность и образу мыслей; или Вы дѣйствовали необдуманно. Послѣднее предположеніе, какъ совсѣмъ странное, я исключаю.

Если второе предположеніе мое было истинною причиною Вашихъ поступковъ, то Вы должны теперь понять, что Ваши взгляды совсѣмъ не подходятъ къ содержанію дѣятельности руководителя высшаго учебнаго заведенія и духу времени. О первомъ предположеніи говорить не буду.

Во всякомъ случаѣ, Вы, г. горный инженеръ Д. П. Коноваловъ, должны понять, что нравственнаго и умственнаго авторитета, безусловно

необходимаго въ руководящей академической дѣятельности, Вы, какъ директоръ горнаго института, никогда не пріобрѣтете...

Какой-же исходъ? Дальше поступать такъ, какъ вы поступали, нельзя. Круто измѣнить характеръ своей дѣятельности Вы тоже не можете: заставите людей утвердиться въ мнѣніи о вашемъ специфическомъ оппортюнизмѣ. Остается одно: если Вы, г. горный инженеръ Д. П. Коноваловъ, какъ оказывается, не обладаете тактомъ, надлежащими нравственными качествами и необходимыми свойствами ума для исполненія директорской роли, авторитета-же послѣ всего происшедшаго не пріобрѣтете, то избавьте нашъ институтъ отъ Вашего совсѣмъ для него не полезнаго и безславнаго руководительства, по-просту: просите объ увольненіи Васъ отъ должности директора горнаго института. Примите еще во вниманіе, что когда наступитъ время объяснять и оправдывать (если это только возможно) Вашъ образъ дѣйствій, а также и той группы студентовъ, которую вы берете подъ свою защиту (предполагаю, что это Васъ, дѣйствительно, интересуетъ), то вамъ это будетъ легче, если Вы не будете директоромъ горнаго института: тогда скорѣе повѣрятъ искренности свидѣтельствъ, которыя будутъ предъявляемы.

Я увѣренъ, что высказанныя мною мысли и мнѣнія не только мои, но и многихъ моихъ товарищей горныхъ инженеровъ.

Горный инженеръ дѣйств. ст. сов.
Граціанъ Яцевичъ.

г. Кіевъ. 22-го декабря 1904 г.

Въ Третейскій судъ чести. Повѣреннаго свобододѣйствующихъ студентовъ горнаго института, присяжнаго повѣреннаго Б. М. Алексѣева.

ОБЪЯСНЕНІЕ

Предполагая въ настоящей бумагѣ дать изложеніе, какъ событій, предшествовавшихъ расколу среди студентовъ горнаго института, такъ и момента этого раскола въ 1904 году, я считаю долгомъ указать, что матеріалами для составленія этой записки служили главнымъ образомъ мемуары моихъ довѣрителей, каковые мемуары я и позволяю себѣ иногда цитировать въ подлинникѣ.

Я не сомнѣваюсь, что въ случаѣ, если въ изложеніи вкрались случайно какіе либо неточности, то противная сторона не замедлитъ въ разъясненіи такихъ невольныхъ погрѣшностей.

Излагать настоящую записку я нашелъ наиболѣе удобнымъ въ видѣ самостоятельныхъ отдѣловъ. Каждый такой отдѣлъ, по моему мнѣнію охватываетъ ту или другую сторону студенческой жизни, то или иное ея проявленіе.

Прежде всего я нахожу необходимымъ познакомить Судъ съ двумя моментами студенческой жизни, выясненіе которыхъ является необходимымъ для оцѣнки всѣхъ сложныхъ взаимоотношеній студенчества, именно съ обычнымъ правомъ сходокъ и со студенческими учрежденіями.

Такимъ образомъ настоящая записка содержитъ въ себѣ нижеслѣдующіе отдѣлы:

1) Сходки.
2) Студенческія учрежденія.
3) Очеркъ забастовокъ съ 1899 г. по 1904 годъ.
4) Академическая жизнь.
5) Отношеніе къ совѣту и профессорамъ.
6) Внутренняя жизнь студенчества.
7) Общій взглядъ на студенческую жизнь горнаго института до періода 1903—1904 академическаго года.
8) Исторія 1903—1904 академическаго года.

Этотъ послѣдній отдѣлъ распадаетъ сообразно четыремъ главнѣйшимъ событіямъ указаннаго академическаго года на:

а) Дѣло з шпіоновъ.

б) Лебедевскій инцидентъ.

в) Патріотическая исторія.

г) Коноваловскій конфликтъ.

Заканчивая настоящее вступленіе, я долженъ принести извиненіе предъ Судомъ какъ за значительную неаккуратность самого изданія записки, такъ равнымъ образомъ и за многочисленныя шероховатости изложенія.

Послѣднее объясняется небольшимъ къ сожалѣнію количествомъ времени, потраченнаго на составленіе записки, при громадности подлежавшаго обработки матеріала.

Что касается до недостатковъ изданія то это объясняется необходимостью изданія записки непремѣнно дома при участіи лишь неопытныхъ сотрудниковъ; я нашелъ совершенно невозможнымъ передать печатаніе записокъ изъ дома во избѣженіи справедливыхъ въ такомъ случаѣ нареканій, что все изложенное въ запискѣ для суда могло-бы неожиданно стать достояніемъ лицъ никакого отношенія къ студенческому вопросу не имѣющихъ *).

Прис. Пов. Б. Алексѣевъ.

С.-Петербургъ.
Февраля 20 дня 1905 г.

Въ Третейскій судъ чести. Повѣренныхъ студентовъ и бывшихъ студентовъ горнаго института присяжныхъ повѣренныхъ О. О. Грузенберга и А. И. Каминка.

ОБЪЯСНЕНІЕ

Записка, представленная въ третейскій судъ чести отъ имени свобододѣйствующихъ студентовъ горнаго института, сводится къ перечню тѣхъ обвиненій, которыя были предъявлены группѣ этихъ студентовъ остальными студентами института, бывшими студентами и бывшими профессорами. Обвиненія эти свобододѣйствующіе находятъ для себя оскорбительными и ими незаслуженными, а лицъ, эти обвиненія высказавшихъ, злонамѣренными клеветниками. Правда не всѣ выраженія, въ коихъ въ этой запискѣ формулированы обвиненія, исходятъ отъ всѣхъ остальныхъ студентовъ института, нѣкоторыя формулировки принадлежатъ отдѣльнымъ лицамъ, но въ общемъ обвиненія изложены въ запискѣ правильно и студентами подтверждаются и въ настоящее время. Оставляя за собой право впослѣдствіи, въ случаѣ надобности, указывать тѣ выраженія, которыя принадлежатъ отдѣльнымъ лицамъ, мы въ настоящее время можемъ поэтому болѣе вовсе не останавливаться на запискѣ свобододѣйствующихъ и предоставленнымъ намъ правомъ подачи отвѣтной бумаги воспользуемся для того, чтобы установить въ самыхъ, конечно, общихъ чертахъ, тѣ задачи, которыя будемъ преслѣдовать въ теченіи суда допросомъ свидѣтелей, надѣясь, благодаря ясной постановкѣ вопроса, значительно сократить допросъ свидѣтелей.

Всѣ обвиненія были направлены противъ свобододѣйствующихъ, какъ опредѣленной, организованной группы студентовъ горнаго института и слѣдовательно противъ отдѣльныхъ студентовъ только какъ противъ участниковъ этой группы студентовъ. Поэтому первая задача допроса свидѣтелей—это установленіе существованія особой организованной группы студентовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ свобододѣйствующихъ.

*) Примѣчаніе. Самой записки не помѣщаемъ, какъ вслѣдствіе ея громоздкости, такъ и вслѣдствіе того, что новаго освѣщенія дѣлу она не придаетъ и заключаетъ въ себѣ взглядъ и показанія „свободдѣйствующихъ“, выясняющіеся уже достаточно въ протоколахъ.

Группа эта откололась отъ остального студенчества въ разгаръ борьбы всѣхъ студентовъ съ директоромъ института Коноваловымъ, борьбы, объединившей все студенчество въ сознанiи неправоты дѣйствiй директора, необходимости съ нимъ бороться въ цѣляхъ его удаленiя изъ института. Расколъ произошелъ только по вопросу относительно способовъ борьбы, именно, лица, образовавшiе партiю свобододѣйствующихъ, не признавали подходящимъ орудiемъ борьбы забастовку, отказъ отъ экзаменовъ.

Разойдясь, повидимому исключительно на этомъ вопросѣ со всѣмъ студенчествомъ, свобододѣйствующiе не признали для себя обязательнымъ принципъ большинства, которому они до того подчинялись, которымъ часто до того пользовались въ своихъ интересахъ. Но за симъ свобододѣйствующiе быстро забыли, что и они признали необходимость борьбы съ г. Коноваловымъ и вмѣсто того, чтобы создать какой либо иной способъ борьбы взамѣнъ отвергнутой ими обструкцiи, они, какъ группа, всю свою дѣятельность посвятили тому, чтобы вмѣстѣ съ г. Коноваловымъ создать въ институтѣ возможность безпрепятственныхъ экзаменовъ.

Въ этомъ стремленiи, которое само по себѣ, по мнѣнiю остальныхъ студентовъ, является позорнымъ въ тѣхъ условiяхъ въ которыхъ свобододѣйствующимъ приходилось дѣйствовать, группа свобододѣйствующихъ не останавливалась ни передъ какими средствами. Нѣкоторые представители и отдѣльные члены этой группы студентовъ виновны въ представленiи начальству списка свобододѣйствующихъ, что значительно облегчило составленiе списка неблагонадежныхъ студентовъ. Они оказывали активное содѣйствiе начальству при составленiи экзаменацiонныхъ группъ въ цѣляхъ недопущенiя неблагонадежныхъ и при раздачѣ билетовъ для входа въ институтъ. Наконецъ, отдѣльные участники группы свобододѣйствующихъ не останавливались даже передъ доносами при составленiи начальствомъ списковъ неблагонадежныхъ.

Конечно, далеко не всѣ свобододѣйствующiе повинны во всѣхъ вышеуказанныхъ поступкахъ. Установить съ точностью и опредѣленностью, кто именно изъ группы свобододѣйствующихъ въ этихъ поступкахъ неповиненъ, представилось бы невозможнымъ даже и при самомъ тщательномъ судебномъ разслѣдованiи. Поэтому студенты горнаго института и не задавались и не задаются и въ настоящее время цѣлью установить степень вины каждаго изъ участниковъ группы. Студенты горнаго института утверждали и утверждаютъ на основанiи цѣлаго ряда фактовъ, что всѣмъ участникамъ группы свобододѣйствующихъ должно было быть извѣстно, что они составляютъ организованную студенческую группу, объединенную во имя извѣстныхъ хотя и не принциповъ, но во всякомъ случаѣ практическихъ цѣлей, что во главѣ этой группы стоялъ Организацiонный Комитетъ, имѣвшiй право дѣйствовать отъ имени группы и за дѣйствiе котораго группа является отвѣтственной. Далѣе, всѣ свобододѣйствующiе должны были понимать, что являясь объединенной корпорацiей, они несутъ другъ за друга нравственную отвѣтственность, ибо только они, благодаря имъ въ точности извѣстной организацiи, могли контролировать дѣйствiя отдѣльныхъ своихъ участниковъ, предъ третьими лицами они являлись объединенной организацiей, отвѣтственной за всѣ дѣйствiя участниковъ группы. Объединенiе дало свобододѣйствующимъ возможность рѣшительно выступить противъ остальныхъ студентовъ горнаго института и, конечно, это объединенiе налагало на нихъ обязанность взаимнаго контроля и взаимной отвѣтственности.

Студенты горнаго института полагаютъ поэтому, что для того, чтобы установить свое право предъявленiя свобододѣйствующимъ тѣхъ обвиненiй, которыя формулированы какъ въ бюллетенѣ, начинающемся словами „свобододѣйствующiе—это люди", такъ и въ другихъ бюллетеняхъ и заявленiяхъ, необходимо установить, что свобододѣйствующiе составляли организованную группу студентовъ. Что далѣе эта группа,

какъ группа, прибѣгла къ содѣйствію начальства, къ союзу съ начальствомъ для того, чтобы вѣрнѣе достигнуть главной своей цѣли—держанія экзаменовъ, сознавая, что этимъ союзомъ она создаетъ начальству возможность сломить, какъ совѣтскую, такъ и студенческую автономію. Что группа эта должна была знать и о дѣйствіяхъ своего организаціоннаго комитета и о дѣйствіяхъ отдѣльныхъ своихъ представителей и участниковъ, сводившихся къ прямому содѣйствію начальству института въ дѣлѣ отдѣленія благонадежныхъ студентовъ отъ неблагонадежныхъ и наказанія этихъ послѣднихъ. Что несмотря даже на широкую извѣстность далеко за предѣлами группы объ этой дѣятельности участниковъ группы, она не принимала противъ нихъ никакихъ мѣръ, не заботилась объ изгнаніи изъ своей среды такихъ студентовъ, которые не могутъ быть терпимы ни въ какой студенческой средѣ, мы уже не говоримъ о студенческой корпораціи.

Къ установленію этихъ фактовъ предъ судомъ и будетъ направленъ допросъ свидѣтелей. Дѣятельность отдѣльныхъ участниковъ группы свобододѣйствующихъ представляетъ для студентовъ института интересъ потому, что эти участники группы свобододѣйствующихъ, въ согласіи съ ней и во всякомъ случаѣ въ ея интересахъ дѣйствовавшихъ и результатами дѣятельности которыхъ въ полной мѣрѣ воспользовалась все группа. Вотъ почему эта группа предпочитаетъ не выдавать к тѣхъ изъ своихъ участниковъ, правильность дѣйствій которыхъ она не смѣетъ признать. Вотъ почему она желаетъ переложить тяжесть отыскиванія этихъ участниковъ на своихъ противниковъ, не понимая, что задача каждой группы заключается раньше всего въ томъ, чтобы самимъ выбросить изъ своей среды тѣхъ членовъ, дѣятельность которыхъ не совмѣстима съ понятіемъ о чести остальныхъ членовъ группы. Именно потому свобододѣйствующіе были исключены остальными студентами изъ обще-институтскаго студенческаго общенія 15 марта 1904 г.

Встрѣчное обвиненіе, которое предъявлено въ настоящемъ третейскомъ судѣ, логически должно вытечь изъ установленія вышеуказанныхъ фактовъ. Если свобододѣйствующіе знали въ какой обстановкѣ произошло образованіе ихъ группы, какія цѣли она преслѣдовала, чѣмъ занимались ея участники, стремясь къ достиженію этихъ групповыхъ задачъ, то даже и тѣ свобододѣйствующіе, которые не отдавали себѣ яснаго отчета въ дѣйствительномъ характерѣ своего поведенія, которые быть можетъ не знали всѣхъ подробностей сношеній свобододѣйствующихъ съ институтскимъ начальствомъ, должны были все же понимать что не имѣютъ никакого права клеймить названіемъ злостной клеветы крикъ негодованія, вырвавшійся у остальныхъ студентовъ по поводу поведенія свобододѣйствующихъ. Они должны были понимать, что тѣ, кто во имя принциповъ жертвуетъ всѣми своими личными интересами, не могутъ и не должны быть обвиняемы въ своекорыстныхъ недобросовѣстныхъ поступкахъ.

Прис. повѣр. А. Каминка.
О. Грузенбергъ

Г. Предсѣдателю третейскаго суда

Представляя предлагаемые документы, мы, бывшіе профессора горнаго института, считаемъ необходимымъ обратитъ вниманіе суда на слѣдующее:

во всѣхъ исходимыхъ отъ нашего имени заявленіяхъ и въ мотивировкѣ своего согласія на третейскій судъ мы постоянно указывали на г. Коновалова и его сотрудниковъ, какъ на главныхъ виновниковъ всѣхъ потрясеній, которыя пережилъ институтъ весною 1904 года.

Наше отрицательное отношеніе къ студентамъ, именующимъ себя свобододѣйствующими, объясняется исключительно тѣмъ, что они своимъ

равнодушнымъ отношеніемъ къ общестуденческому дѣлу, своею готовностью держать экзамены при наличности грубаго нарушенія со стороны Коновалова основныхъ традицій института, сдѣлали возможнымъ проведеніе въ жизнь чисто полицейскаго режима, вызвавшаго громадныя потрясенія весною 1904 г.

Мы настаивали въ своемъ согласіи на судѣ, продолжаемъ настаивать и теперь, что только въ связи съ характеристикою дѣятельности г. Коновалова и его сотрудниковъ станетъ понятною та печальная роль, какую сыграли свобододѣйствующіе и выяснится наше отрицательное къ нимъ отношеніе.

Мы просимъ поэтому судъ дать возможность путемъ оглашенія на судѣ нашихъ заявленій въ печати, и добавочныхъ разъясненій, или путемъ только личныхъ объясненій, подробно охарактеризовать ту небывало тяжелую атмосферу, которая создалась въ институтѣ весною прошлаго года и въ которой часть студентовъ сочла возможнымъ приступить къ экзаменамъ.

При такомъ выясненіи мы считаемъ необходимымъ присутствіе на судѣ г. Коновалова и г.г. членовъ совѣта горнаго института Н. П. Асѣева, Н. А. Іосса, Н. С. Курнакова, Н. Д. Коцовскаго, А. Н. Митинскаго, В. Н. Липина и И. Ф. Шредера.

Всѣ перечисленныя лица являются свидѣтелями не только какъ активные участники всего дѣла, но и какъ лица, отъ лица которыхъ исходили различныя заявленія въ печати.

Далѣе мы считаемъ необходимыми показанія г. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, съ одобренія котораго только и могли пройти всѣ мѣропріятія совѣта.

Наконецъ необходимыми въ нашихъ глазахъ являются показанія г. бывшаго градоначальника ген.-ад. Фуллона, по приказанію котораго состоялась административная высылка уволенныхъ изъ института студентовъ.

Всѣхъ перечисленныхъ свидѣтелей мы просимъ вызвать въ слѣдующее засѣданіе суда, которое мы просимъ посвятить выясненію условій жизни института весною 1904 года и обстоятельствъ, при которыхъ часть студентовъ сочла возможнымъ держать экзамены.

Такое выясненіе во многомъ облегчитъ, какъ намъ кажется, дальнѣйшее разбирательство дѣла и дастъ суду то значеніе, какое онъ несомнѣнно заслуживаетъ, какъ первая попытка широкаго, чисто общественнаго изслѣдованія ненормальныхъ условій жизни нашей высшей школы.

Для облегченія суда въ ознакомленіи съ опубликованными отъ нашего имени, документами прилагаемъ при семъ списки послѣднихъ.

1) Записка отъ имени шести профессоровъ, напечатанная нами весною прошлаго года, для разсылки по профессорскимъ коллегіямъ высшихъ учебныхъ заведеній и опубликованная въ одномъ изъ №№ журнала: „Освобожденіе“.

2) Записка, представленная нами въ засѣданіи совѣта 18 Марта (послѣднее, на которомъ мы присутствовали).

3) Письмо проф. И. П. Долбни. (Газета: „Новости“ отъ 2-го Декабря).

4) Письмо проф. В. В. Никитина и проф. И. П. Долбни (Газета „Русь“ отъ 3-го Декабря).

5) Интервью съ проф. В. И. Бауманомъ. (Газета: „Русь“ отъ 4 Декабря).

6) „ „ „ Л. И. Лутугинымъ („ „ „ 5 „

Значительная часть писемъ явилась отвѣтомъ на письмо:

7) проф. Д. П. Коновалова („Нов. вр.“ отъ 1-го Декабря),

8) Интервью съ проф. Д. П. Коноваловымъ (газета: „Русь“ отъ 8-го Декабря).

9) Письмо за подписью 8-ми проф. горнаго института („Русь“ 12-го Декабря).

10) Письмо проф. В. Н. Липина („Нов. Вр,“ 17-го Декабря).

Для характеристики весенняго конфликта имѣетъ значеніе:

11) Письмо Н. А. Родыгина. (Газета „Русь“ отъ 4-го Декабря).

Наконецъ въ №№ газеты „Русь“ отъ 11-го Декабря, 12-го Декабря и 13-го Декабря помѣщены наше согласіе на третейскій судъ, возраженіе на письмо 8-ми проф. и открытое письмо проф. К. И. Богдановичъ.

По порученію проф. И. П. Долбня, К. И. Богдановича, Н. Н. Яковлева и Л. И. Лутугина,

В. Бауманъ.

Рѣчь проф. К. И. Богдановича, произнесенная на второмъ засѣданіи третейскаго суда.

Группа „свобододѣйствующихъ„ студентовъ привлекаетъ насъ, бывшихъ профессоровъ горнаго института, въ томъ числѣ и меня, къ третейскому суду, обвиняя насъ въ „клеветѣ и лжи“.

На засѣданіи третейскаго суда 6 февраля я далъ словесное объясненіе инкриминируемыхъ выраженій: при этомъ я просилъ судъ выяснить „роль группы свобододѣйствующихъ по отношенію къ остальной массѣ студентовъ“, такъ какъ именно эта роль и даетъ мнѣ право называть ихъ „нравственно-слабыми людьми“, а отдѣльныхъ членовъ этой группы „позорно-павшими“.

Для оцѣнки роли свобододѣйствующихъ не могутъ быть безразличными тѣ условія, при которыхъ протекалъ „Коноваловскій“ конфликтъ, а именно участіе въ различные его моменты какъ наше, такъ и оставшихся членовъ совѣта горнаго института. Упорное убѣжденіе„ свобододѣйствующихъ“, что ихъ роль по отношенію къ остальнымъ студентамъ не можетъ заслуживать какого-либо осужденія, стоитъ также, по моему убѣжденію, въ тѣсной связи съ правильной и фактической поддержкой, которую они съ полнымъ правомъ могутъ видѣть въ извѣстной запискѣ 8 профессоровъ горнаго института *). Поэтому я считаю необходимымъ представить въ распоряженіе суда настоящее объясненіе, какъ матеріалъ для рѣшенія поставленныхъ суду вопросовъ.

Въ нашей запискѣ (текстъ ушедшихъ профессоровъ) въ газетной полемикѣ и въ письмахъ г.г. членовъ совѣта горнаго института **) выяснено согласно, что протестъ студентовъ, ознаменовавшій начало волненій весною 1904 г., былъ вызванъ опасеніемъ ихъ за цѣлость своихъ маленькихъ организацій. Проф. Липинъ говоритъ, что первымъ толчкомъ къ волненіямъ былъ „неумѣстный со стороны Коновалова извѣстный инцидентъ съ портретомъ Бебеля“. Окончательная форма протеста въ видѣ забастовки была вызвана, по словамъ проф. Липина, „непонятнымъ упорствомъ г. Коновалова въ нежеланіи идти на встрѣчу желаніямъ студенчества“ къ примиренію.

Въ Коноваловскомъ конфликтѣ нужно отмѣтить яркую искренность движенія почти всѣхъ студентовъ, въ томъ числѣ и свобододѣйствующихъ, въ защиту своего коллегіальнаго достоинства, попраннаго Коноваловымъ извѣстнымъ изгнаніемъ депутатовъ, и, къ удивленію, затѣмъ не менѣе яркую готовность студентовъ, называемыхъ теперь свобододѣйствующими, идти на встрѣчу охраненію аудиторія.

Моментомъ поворота въ направленіи свобододѣйствующихъ является 15 марта. Въ этотъ день на общей сходкѣ студентовъ, когда для нихъ выяснилось окончательно, въ особенности послѣ нашего появленія на сходкѣ, что г. Коноваловъ не желаетъ дѣлать никакихъ шаговъ, для

*) Записка напечатана въ газетѣ „Новое Время“ и „Русь“ 12-го Декабря 1904 г. См. стр. прот. 823.

**) Письмо проф. Липина въ “Нов. Вр.“ 13-го Декабря; письмо проф. Митинскаго въ „Руси“ 14-го Декабря. Записка 8-ми проф. „Нов. Время“ и „Русь“.

успокоенія студентовъ, среди нихъ уже опредѣлилась группа лицъ, явно не сочувствующихъ формѣ протеста (забастовка) и оставляющихъ за собой „свободу дѣйствія".

Около 2 ч. дня изъ этой группы лицъ, но отъ всей сходки, избирается депутація къ намъ. Смыслъ этой депутаціи — узнать наше мнѣніе о забастовкѣ, причемъ депутаты предупредительно заявили, что они изъ группы, около 112 челов., не согласны съ такой формой протеста. Сущность нашего отвѣта была таковой — проведеніе забастовки при условіи, что среди студентовъ уже выдѣляется группа лицъ, сохраняющихъ за собой „свободу дѣйствія", т. е. не подчиняющихся постановленію большинства, — будетъ имѣть гибельныя послѣдствія для студентовъ (острый расколъ между ними) и для института (обструкція и охраненіе). На вопросъ — имѣемъ-ли мы въ своемъ распоряженіи еще какія-нибудь средства *) для склоненія Коновалова къ почетному для студентовъ примиренію я отвѣтилъ, что въ нашемъ распоряженіи одинъ „послѣдній, рѣшительный шагъ". Какъ выяснилось изъ объясненій 6 февраля въ засѣданіи третейскаго суда, депутаты поняли смыслъ этого шага.

Депутаты возвращаются на сходку, и оказывается, что къ 6 ч. вечера выдѣляется группа студентовъ, отказывающихся подчинится постановленію большинства о забастовкѣ. Эту группу лицъ исключаютъ изъ корпораціи.

Съ этого момента начинаетъ проявляться особенно активная роль г. Коновалова. Моментъ этого раскола среди студентовъ и степень его первой остроты становятся Коновалову извѣстными немедленно-же, также какъ и намъ; посылаются депутаціи уже отъ сходки „свобододѣйствующихъ" около 7 ч. вечера 15 Марта. Съ утра 16 Марта институтъ оказывается закрытымъ безъ вѣдома совѣта; закрытіе института Коноваловъ мотивировалъ позднѣе необходимостью избѣжать столкновенія между обособившимися партіями. Какъ старому профессору ему должно, моглобыть извѣстнымъ, что столкновенія между студентами начинаются только тогда, когда принципъ „свободы дѣйствія" начинаетъ осуществляться, т. е. когда начинаютъ проявляться различныя формы охраненія аудиторій отъ возможныхъ обструкцій, которыя немедленно затѣмъ и наступаютъ.

18-го Марта на очередномъ засѣданіи совѣта группа шести профессоровъ дѣлаетъ еще попытку спасти институтъ отъ обструкціи и охраненія, т. е. склонить Коновалова на возможное еще примиреніе съ студентами. Попытка остается безъ результата. 19-го Марта мы подаемъ прошеніе объ отставкѣ, убѣдившись, что безъ вѣдома совѣта была уже выработана и билетная система проведенія экзаменовъ при закрытыхъ дверяхъ. Экзамены должны были начаться 31-го Марта; въ этотъ-же день, когда вслѣдствіе химической обструкціи экзамены не могли состояться, на совѣтѣ предсѣдатель (см. записку 8 проф. въ „Новомъ Времени") его заявилъ, что „студенты V курса подали ему списокъ своихъ товарищей, желавшихъ обязательно держать экзамены, съ просьбой помочь имъ въ исполненіи ихъ желанія и гарантировать спокойное теченіе экзаменовъ".

Активное участіе нѣкоторыхъ студентовъ, изъ числа признавшихъ себя свобододѣйствующими, въ проведеніи охранительныхъ мѣръ становится злобой дня среди лицъ такъ или иначе заинтересованныхъ институтомъ. Ячейка въ самопроизвольномъ зарожденіи организаціи свобододѣйствующихъ (по неоднократному выраженію лицъ изъ числа ихъ на двухъ засѣданіяхъ третейскаго суда) на мой непредубѣжденный даже взглядъ и въ то время была уже достаточной величиной, чтобы замѣтить ее невооруженнымъ глазомъ.

Я понимаю психологію лицъ, которыя говорятъ: „я хочу — я долженъ взять отъ школы все, что она можетъ мнѣ дать; я органически или по

*) Вѣроятно этимъ студентамъ были извѣстны всѣ наши попытки до 15-го Марта склонить Коновалова къ примиренію.

11) Письмо Н. А. Родыгина. (Газета „Русь" отъ 4-го Декабря).

Наконецъ въ №№ газеты „Русь" отъ 11-го Декабря, 12-го Декабря и 13-го Декабря помѣщены наше согласіе на третейскій судъ, возраженіе на письмо 8-ми проф. и открытое письмо проф. К. И. Богдановичъ.

По порученію проф. И. П. Долбни, К. И. Богдановича, Н. Н. Яковлева и Л. И. Лутугина,

В. Бауманъ.

Рѣчь проф. К. И. Богдановича, произнесенная на второмъ засѣданіи третейскаго суда.

Группа „свобододѣйствующихъ„ студентовъ привлекаетъ насъ, бывшихъ профессоровъ горнаго института, въ томъ числѣ и меня, къ третейскому суду, обвиняя насъ въ „клеветѣ и лжи".

На засѣданіи третейскаго суда 6 февраля я далъ словесное объясненіе инкриминируемыхъ выраженій; при этомъ я просилъ судъ выяснить „роль группы свобододѣйствующихъ по отношенію къ остальной массѣ студентовъ", такъ какъ именно эта роль и даетъ мнѣ право называть ихъ „нравственно-слабыми людьми", а отдѣльныхъ членовъ этой группы „позорно-павшими".

Для оцѣнки роли свобододѣйствующихъ не могутъ быть безразличными тѣ условія, при которыхъ протекалъ „Коноваловскій" конфликтъ, а именно участіе въ различные его моменты какъ наше, такъ и оставшихся членовъ совѣта горнаго института. Упорное убѣжденіе„ свобододѣйствующихъ", что ихъ роль по отношенію къ остальнымъ студентамъ не можетъ заслуживать какого-либо осужденія, стоитъ также, по моему убѣжденію, въ тѣсной связи съ правильной и фактической поддержкой, которую они съ полнымъ правомъ могутъ видѣть въ извѣстной запискѣ 8 профессоровъ горнаго института *). Поэтому я считаю необходимымъ представить въ распоряженіе суда настоящее объясненіе, какъ матеріалъ для рѣшенія поставленныхъ суду вопросовъ.

Въ нашей запискѣ (текстъ ушедшихъ профессоровъ) въ газетной полемикѣ и въ письмахъ г.г. членовъ совѣта горнаго института **) выяснено согласно, что протестъ студентовъ, ознаменовавшій начало волненій весною 1904 г., былъ вызванъ опасеніемъ ихъ за цѣлость своихъ маленькихъ организацій. Проф. Липинъ говоритъ, что первымъ толчкомъ къ волненіямъ былъ „неумѣстный со стороны Коновалова извѣстный инцидентъ съ портретомъ Бебеля". Окончательная форма протеста въ видѣ забастовки была вызвана, по словамъ проф. Липина,— „непонятнымъ упорствомъ г. Коновалова въ нежеланіи идти на встрѣчу желаніямъ студенчества" къ примиренію.

Въ Коноваловскомъ конфликтѣ нужно отмѣтить яркую искренность движенія почти всѣхъ студентовъ, въ томъ числѣ и свобододѣйствующихъ, въ защиту своего коллегіальнаго достоинства, попраннаго Коноваловымъ извѣстнымъ изгнаніемъ депутатовъ, и, къ удивленію, затѣмъ не менѣе яркую готовность студентовъ, называемыхъ теперь свобододѣйствующими, идти на встрѣчу охраненію аудиторіи.

Моментомъ поворота въ направленіи свобододѣйствующихъ является 15 марта. Въ этотъ день на общей сходкѣ студентовъ, когда для нихъ выяснилось окончательно, въ особенности послѣ нашего появленія на сходкѣ, что г. Коноваловъ не желаетъ дѣлать никакихъ шаговъ, для

*) Записка напечатана въ газетѣ „Новое Время" и „Русь" 12-го Декабря 1904 г. См. стр. прот. 823.

**) Письмо проф. Липина въ "Нов. Вр." 13-го Декабря; письмо проф. Митинскаго въ „Руси" 14-го Декабря. Записка 8-ми проф. „Нов. Время" и „Русь".

успокоенія студентовъ, среди нихъ уже опредѣлилась группа лицъ, явно не сочувствующихъ формѣ протеста (забастовка) и оставляющихъ за собой „свободу дѣйствія".

Около 2 ч. дня изъ этой группы лицъ, но отъ всей сходки, избирается депутація къ намъ. Смыслъ этой депутаціи — узнать наше мнѣніе о забастовкѣ, причемъ депутаты предупредительно заявили, что они изъ группы, около 112 челов., не согласны съ такой формой протеста. Сущность нашего отвѣта была таковой — проведеніе забастовки при условіи, что среди студентовъ уже выдѣляется группа лицъ, сохраняющихъ за собой „свободу дѣйствія", т. е. не подчиняющихся постановленію большинства, — будетъ имѣть гибельныя послѣдствія для студентовъ (острый расколъ между ними) и для института (обструкція и охраненіе). На вопросъ — имѣемъ-ли мы въ своемъ распоряженіи еще какія-нибудь средства *) для склоненія Коновалова къ почетному для студентовъ примиренію я отвѣтилъ, что въ нашемъ распоряженіи одинъ „послѣдній, рѣшительный шагъ". Какъ выяснилось изъ объясненій 6 февраля въ засѣданіи третейскаго суда, депутаты поняли смыслъ этого шага.

Депутаты возвращаются на сходку, и оказывается, что къ 6 ч. вечера выдѣляется группа студентовъ, отказывающихся подчинится постановленію большинства о забастовкѣ. Эту группу лицъ исключаютъ изъ корпораціи.

Съ этого момента начинаетъ проявляться особенно активная роль г. Коновалова. Моментъ этого раскола среди студентовъ и степень его первой остроты становятся Коновалову извѣстными немедленно-же, также какъ и намъ; посылаются депутаціи уже отъ сходки „свобододѣйствующихъ" около 7 ч. вечера 15 Марта. Съ утра 16 Марта институтъ оказывается закрытымъ безъ вѣдома совѣта; закрытіе института Коноваловъ мотивировалъ позднѣе необходимостью избѣжать столкновенія между обособившимися партіями. Какъ старому профессору ему должно, могло быть извѣстнымъ, что столкновенія между студентами начинаются только тогда, когда принципъ „свободы дѣйствія" начинаетъ осуществляться, т. е. когда начинаютъ проявляться различныя формы охраненія аудиторій отъ возможныхъ обструкцій, которыя немедленно затѣмъ и наступаютъ.

18-го Марта на очередномъ засѣданіи совѣта группа шести профессоровъ дѣлаетъ еще попытку спасти институтъ отъ обструкціи и охраненія, т. е. склонить Коновалова на возможное еще примиреніе съ студентами. Попытка остается безъ результата. 19-го Марта мы подаемъ прошеніе объ отставкѣ, убѣдившись, что безъ вѣдома совѣта была уже выработана и билетная система проведенія экзаменовъ при закрытыхъ дверяхъ. Экзамены должны были начаться 31-го Марта; въ этотъ-же день, когда вслѣдствіе химической обструкціи экзамены не могли состояться, на совѣтѣ предсѣдатель (см. записку 8 проф. въ „Новомъ Времени") его заявилъ, что „студенты V курса подали ему списокъ своихъ товарищей, желавшихъ обязательно держать экзамены, съ просьбой помочь имъ въ исполненіи ихъ желанія и гарантировать спокойное теченіе экзаменовъ".

Активное участіе нѣкоторыхъ студентовъ, изъ числа признавшихъ себя свобододѣйствующими, въ проведеніи охранительныхъ мѣръ становится злобой дня среди лицъ такъ или иначе заинтересованныхъ институтомъ. Ячейка въ самопроизвольномъ зарожденіи организаціи свобододѣйствующихъ (по неоднократному выраженію лицъ изъ числа ихъ на двухъ засѣданіяхъ третейскаго суда) на мой непредубѣжденный даже взглядъ и въ то время была уже достаточной величиной, чтобы замѣтить ее невооруженнымъ глазомъ.

Я понимаю психологію лицъ, которыя говорятъ: „я хочу — я долженъ взять отъ школы все, что она можетъ мнѣ дать; я органически или по

---

*) Вѣроятно этимъ студентамъ были извѣстны всѣ наши попытки до 15-го Марта склонить Коновалова къ примиренію.

моимъ убѣжденіямъ не способенъ или не могу примириться съ протестомъ въ видѣ забастовки, этой нашей харакири, но устраните эти жертвы изъ числа моихъ бывшихъ товарищей, эти жертвы въ видѣ-ли изгоевъ, въ видѣ-ли людей, насилующихъ свою совѣсть; не дѣлайте изъ моего желанія учиться и моихъ убѣжденій привилегированнаго для меня положенія, вѣдь только иныя убѣжденія, при такомъ-же положеніи и необходимости учиться, заставляютъ моихъ бывшихъ товарищей прибѣгать къ этой формѣ протеста; дайте намъ свободу учиться независимо отъ нашихъ общественныхъ и политическихъ убѣжденій, иначе вы лишаете и меня моего права учиться.

Такова или почти такова психологія, быть можетъ, многихъ сотенъ изъ числа тѣхъ студентовъ, которые кругомъ насъ подаютъ теперь голоса за забастовку. Это есть сознательное отстаиваніе свободы личныхъ убѣжденій и истинное гражданское имущество, но вынужденная внѣшними условіями форма его проявленія.

Такъ-ли поступали гг. свобододѣйствующіе?

Въ ихъ заявленіяхъ въ печати, въ рѣчахъ на третейскомъ судѣ мнѣ слышится формулировка приватъ-доцента Никольскаго („Новое Время", 7 Февраля 1905 г.): „противники забастовокъ, во имя своего долга, твердо идущія на подвигъ во имя убѣжденія, спокойно презираютъ и терроризированное большинство и насиліе агитаторовъ; долгъ и подвигъ стоятъ убѣжденіемъ и совѣстью, надъ которыми не властны, ни большинство, ни угрозы, ни насилія. Они стремятся исполнить свой долгъ съ истинно-гражданскимъ мужествомъ и не встрѣчаютъ опоры и примѣра въ тѣхъ, кому сами стараются быть поддержкой и опорой".

Въ этой формулировкѣ упущено еще, что они также спокойно взираютъ на тѣ сотни разбитыхъ жизней, такихъ-же молодыхъ, какъ они, людей, которыя являются слѣдствіемъ проведенія, испытанной у насъ системы, властную поддержку и опору которой они имѣютъ пока въ полной мѣрѣ.

Я говорю сотни, такъ какъ жертвами являются не столько изгои, сколько тотъ многочисленный элементъ, который вступаетъ въ жизнь съ сознаніемъ достиженія ея цѣною самыхъ дорогихъ компромиссовъ съ совѣстью и убѣжденіями. Первая уступка всегда тяжелѣе второй и третьей, и современная жизнь подводитъ роковой учетъ за цѣлое поколѣніе, выросшее на неуклонномъ проведеніи системы подавленія дѣйствительной свободы личныхъ убѣжденій.

Роль свобододѣйствующихъ по отношенію къ остальной массѣ студентовъ, явленіе крупнаго общественнаго значенія, и оцѣнка этого явленія требуетъ авторитетнаго рѣшенія не только для молодежи, но и для ихъ опоры, ихъ наставниковъ. Къ настоящему третейскому суду лично насъ, бывшихъ профессоровъ, привелъ нашъ громкій протестъ противъ провокаціи студенческаго раскола, обнаруженной дѣятельностью г. Коновалова.

Можно напомнить г. Липину и другимъ, что „непонятное упорство" г. Коновалова было разъяснено имъ самимъ 15 Марта на совѣщаніи профессоровъ, когда г. Коноваловъ открыто заявилъ, что считаетъ волненія студентовъ слѣдствіемъ—внѣшней агитаціи (будто-бы приведшей уже разъ студентовъ къ выраженію сочувствія микадо и къ сбору пожертвованій на японскій флотъ), ихъ глубокой деморализаціи,—нежелательнаго вмѣшательства группы профессоровъ, распространяющихъ превратныя толкованія на счетъ постановленій совѣта,—ихъ педагогической неопытности (просьбы о примиреніи), сбивающей его уже съ принятаго имъ твердаго пути къ искорененію деморализаціи и т. д., что въ виду всего этого упорство съ его стороны есть плодъ зрѣлаго рѣшенія положить разъ навсегда конецъ волненіямъ, можетъ быть даже путемъ „хирургическимъ", для уменьшенія болѣзненности котораго имъ приняты уже всѣ мѣры съ согласія покойнаго теперь министра фонъ-Плеве; моментъ выбранъ имъ весною передъ экзаменами, какъ болѣе удобный, чѣмъ осень, когда можно вызвать волненія на весь учебный годъ.

Было доложено и неудовольствіе г. министра земл. и госуд. имуществъ на слабость власти, допускающей хотя бы тѣнь извиненія со стороны начальника заведенія передъ студентами ради ихъ умиротворенія.

Если г. Коноваловъ не принялъ, зависящихъ отъ него, мѣръ, а для этого нужно было только одно его слово [1]), чтобы успокоить студентовъ, то сопоставляя все имъ открыто высказанное и поспѣшность закрытія института, я могу утверждать, что расколъ среди студентовъ, обструкція и охраненіе были нужны г. Коновалову, какъ доказательства необходимости системы крутыхъ мѣръ, какъ доказательства деморализаціи студентовъ, какъ доказательства гибельной для института внѣшней агитаціи. Словомъ неизбѣжность крутыхъ мѣръ ему была нужна для оправданія ихъ цѣлесообразности. Это называется провокаціей. Какъ-же реагировалъ совѣтъ института на все происходившее предъ его глазами? Оставляя даже въ сторонѣ причины студенческихъ волненій, ни одинъ профессоръ, уважающій свое званіе не можетъ примирится ни съ предложеніемъ вести свои занятія при какой-нибудь обструкціи, ни съ насильственными мѣрами охраненія своей аудиторіи. Всякій профессоръ долженъ исчерпать всѣ средства своего моральнаго авторитета для устраненія, какъ обструкціи, такъ и охраненія. Неизбѣжность того и другого налагаетъ на него горькую необходимость воспользоваться единственнымъ неотъемлемымъ его правомъ—ухода изъ состава профессоровъ.

На совѣщаніи 15 Марта противъ освѣщенія конфликта и положенія института въ изложеніи г. Коновалова, кромѣ насъ—шести никто не протестовалъ. Наоборотъ, г. Коноваловъ получилъ сильную поддержку со стороны проф. Липина и Курнакова, ясно связывавшихъ возникновеніе волненій съ превратными якобы, передъ студентами, толкованіями группы профессоровъ—постановленій совѣта. Характерно, что въ частномъ совѣщаніи профессоровъ со студентами (въ ноябрѣ 1903 г.) для разъясненія студентамъ положенія ихъ организацій принималъ участіе и самъ проф. Курнаковъ. Видимо, что въ то время онъ ничего опаснаго не замѣчалъ ни въ желаніяхѣ студентовъ, ни въ роли профессоровъ, принимавшихъ участіе въ совѣщаніи. Опасность онъ усмотрѣлъ только спустя три мѣсяца, когда наша педагогическая неопытность была предупредительно разъяснена г. Коноваловымъ. Въ настоящее же время въ запискѣ 8-ми проф. („Новое Время") вся исторія [2]) на счетъ „нарушенія традицій студентовъ о неприкосновенности буфета и проч." изложена въ странномъ освѣщеніи, что будто-бы послѣ „разслѣдованія дѣла", оказалось, что мы „вводили въ заблужденіе студентовъ" и должны были въ этомъ „сознаться въ присутствіи всѣхъ членовъ совѣта на совѣщаніи 15 марта". Г.г. члены совѣта не понимаютъ до сихъ поръ, что своимъ публичнымъ заявленіемъ на сходкѣ студентовъ, что мы ввели ихъ въ заблужденіе на счетъ неприкосновенности ихъ организацій,—мы перекидываемъ мостъ для болѣе или менѣе обоюдно-приличнаго улаженія недоразумѣнія между г. Коноваловымъ и студентами. Студенты только желали, чтобы имъ дали возможность прилично отстоять свою коллегіальную честь; они понимали, что ведутъ рискованную для себя борьбу. Наооборотъ, г. Коноваловъ въ то время видимо велъ игру навѣрняка и не нуждался въ предлагаемомъ ему мостикѣ.

18 марта на засѣданіи совѣта мы подали записку, представлявшую мотивированный и вполнѣ корректный протестъ противъ неожиданнаго освѣщенія г. Коноваловымъ причинъ волненій студентовъ и противъ обвиненій, предъявленныхъ имъ намъ. Въ этой запискѣ мы устанавливали свою точку зрѣнія на причину остроты конфликта, никѣмъ тогда

---

[1]) Проф. Липинъ говоритъ теперь, что „выраженіе имъ сознанія своей горячности передъ студентами, въ ихъ полномъ сборѣ, не только-бы удовлетворило всѣхъ, но могло бы послужить къ устраненію дальнѣйшихъ событій".

[2]) Пунктъ 5-ой записки.

не отрицавшейся [1]); предупреждали о неизбѣжности, при наступившихъ обстоятельствахъ, обструкціи и охраненія; отклоняя еще отъ себя мысль о преднамѣренномъ вызовѣ со стороны г. Коновалова всего конфликта (несмотря на его рѣшительное заявленіе), мы дѣлали еще разъ попытку склонить Коновалова къ примиренію. Мы выражали увѣренность, что послѣ всего происшедшаго (имѣется ввиду мостъ, перекидываемый нами между Коноваловымъ и студентами нашимъ заявленіемъ на сходкѣ 15 марта) нѣтъ больше никакихъ основаній для отказа въ «выраженіи со стороны Коновалова сожалѣнія о невольномъ нанесеніи студентамъ глубоко взволновавшаго ихъ оскорбленія".

Въ пунктѣ 4 записки 8 профессоровъ опять-таки все это изложено теперь въ тенденціозномъ искаженіи, а проф. Липинъ прямо даже говоритъ объ „ультиматумѣ съ нашей стороны и насильственномъ принужденіи (совѣта и г. Коновалова) принять указываемую (нами) форму извиненія".

Формула выраженія сожалѣнія, повторявшая изложенныя въ запискѣ мысли въ общихъ фразахъ, была написана мною на клочкѣ бумаги по просьбѣ г. Коновалова, недоумѣвавшаго, какимъ образомъ формулировать тогда такое выраженіе сожалѣнія? Коноваловъ отказалъ поставить на баллотировку, предлагаемый нами вопросъ о допустимости формъ воздѣйствія (изгнаніе депутатовъ и проч.), какъ обдуманный планъ разрѣшенія спорныхъ отношеній со студентами, а предложилъ высказаться другимъ членамъ совѣта только о формулѣ извиненія, которая такимъ образомъ до сихъ поръ въ глазахъ ихъ сохранила исключительное значеніе, хотя ни сама формула, ни видъ ея, письменный или устный, не предрѣшались нашей запиской. Отвѣтомъ на это предложеніе было замѣчаніе г. Тиме, что формула дѣло самого г. Коновалова, лишь бы успокоить студентовъ; г. Асѣевъ категорически не согласился съ какимъ-нибудь „извиненіемъ"; другіе члены Совѣта отвѣтили молчаніемъ. Правда, теперь спустя 9 мѣсяцевъ проф. Липинъ (письмо „Нов. Вр.") увѣряетъ, что онъ всегда считаетъ „извиненіе г. Коновалова необходимымъ и единственнымъ выходомъ изъ затрудненія, но на форму выраженнаго ему ультиматума никогда бы не согласился" [2]). Совѣтъ института безмолвно принялъ еще разъ обвиненіе въ паденіи своего авторитета, а г. Шредеръ даже выразилъ необходимость защиты г. Коноваловымъ авторитета совѣта. Вслѣдъ затѣмъ нашъ выходъ изъ залы совѣта былъ вызванъ дерзостью г. Коновалова по отношенію г. Лутугина за выраженное имъ мнѣніе о нежелательности защиты авторитета совѣта пріемами воздѣйствія, допускаемыми г. Коноваловымъ [3]). „Законное рѣшеніе" большинства совѣта о продолженіи занятій, т. е. экзаменовъ безъ всякаго удовлетворенія студентовъ заставило насъ покинуть не залъ совѣта, какъ думаютъ оставшіеся профессора,—а институтъ.

Можетъ быть, совѣтъ принялъ какія-нибудь мѣры для успокоенія студентовъ, послѣ нашего выхода изъ состава профессоровъ? Изъ послѣдующихъ событій этого не видно, а въ полуофиціальной запискѣ 8 профессоровъ («Новое Время») [4]) повторяется настойчиво, что обостреніе

[1]) Въ пунктѣ 3, записки 8 проф. („Новое Время") уже говорится, что „обостреніе безпорядковъ произошло послѣ ухода профессоровъ" т. е. насъ; „первый же періодъ безпорядковъ не отличался какой-либо особой рѣзкостью", сравнительно съ прежними аналогическими случаями. Проф. Липинъ въ своемъ письмѣ (въ „Новое Время") говоритъ опять иное, что „все дѣло было осложнено" еще до нашего ухода, что совершенно вѣрно.

[2]) Здѣсь не ясно, на чтобы онъ несогласился—на проэктъ формулы, предложенной мною по просьбѣ самого Коновалова или на представленіе нами записки съ изложеніемъ моего мнѣнія. Жаль, что проф. Липинъ не говоритъ также, какъ при необходимости извиниться можно избѣжать выраженія сожалѣнія.

[3]) С. записку 8 проф. пунктъ 4, гдѣ все это изложено невѣрно.

[4]) Пункты 3-й и 7-й.

конфликта, обструкція и неизбѣжность охраненія были «несомнѣнно связана съ уходомъ шести преподающихъ [1]). Это, конечно, внутреннее убѣжденіе нашихъ бывшихъ коллегъ; таково убѣжденіе и извѣстныхъ общественныхъ кружковъ (см. Никольскаго, «Нов. Вр.» 7 февр.) о роли въ исторіи студенческихъ волненій именно той части профессуры, которая различаетъ долгъ педагога и человѣка отъ долга чиновника.

Авторитетная оцѣнка третейскимъ судомъ нашей роли въ этомъ конфликтѣ между долгомъ педагога и чиновника имѣетъ широкое, общественное значеніе. Среди профессоровъ замѣтно уже смятеніе; въ числѣ сотенъ именъ профессоровъ, заявившихъ въ запискѣ о „нуждахъ просвѣщенія", что „высшая школа должна подготовлять дѣятелей, сознательно и правдиво относящихся къ окружающей дѣйствительности" требующихъ гарантіи отъ административнаго воздѣйствія, — я внесу имена своихъ бывшихъ коллегъ—г. Курнакова, Липина и Митинскаго.

Несомнѣнно есть моральная связь между протестомъ студентовъ и протестомъ профессоровъ, также какъ и между охранительнымъ движеніемъ другой части профессуры и ролью свобододѣйствующихъ. На фонѣ такой группировки общественныхъ элементовъ теряются имена отдѣльныхъ лицъ и ихъ поступки.

Такъ я понимаю сущность моихъ отношеній къ свобододѣйствующимъ.

К. Богдановичъ.

8 февраля 1905 г.

30-го марта 1905 года.

Милостивый государь, глубокоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Вскорѣ послѣ того засѣданія Третейскаго Суда, въ которое я былъ вызванъ для дачи показаній, я захворалъ и былъ серьезно боленъ въ теченіи двухъ недѣль. Хотя я еще не совсѣмъ оправился, но въ виду безотлагательности дѣла, я рѣшилъ теперь-же приготовить нѣкоторыя дополненія и поправки къ своимъ показаніямъ. Во время моей болѣзни я получилъ письмо отъ горнаго инженера Земницкаго, которое при семъ прилагаю и которое меня натолкнуло на мысль сдѣлать дополненія и поправки въ моемъ показаніи.

Въ письмѣ своемъ г. Земницкій меня проситъ „выяснить печальное недоразумѣніе и заявить суду, что его фамилія мною ошибочно упомянута въ моемъ показаніи". Въ самомъ дѣлѣ,—когда мнѣ былъ предложенъ вопросъ: не помню ли я фамиліи тѣхъ студентовъ, которые мнѣ задавали вопросы „а внесенъ ли такой-то" въ проскрипціонный списокъ, я отвѣтилъ, что, если не измѣняетъ мнѣ память, или, если не ошибаюсь, это были такіе-то и назвалъ фамиліи г. г. Земницкаго, Бутми-де-Кацмана и Зѣнченко. Такимъ образомъ г. Земницкій доказываетъ свое alibi, что подтвердилъ мнѣ самъ г. Коцовскій, то я считаю своимъ долгомъ заявить, что это былъ не онъ, а кто-то другой, который мнѣ задалъ вышеприведенный вопросъ и прошу считать, что мое показаніе относительно г. Земницкаго было ошибочнымъ.

Въ виду же заявленія г. Земницкаго, основаннаго на реляціи о судѣ, помѣщенной въ № 65 газеты «Русь», гдѣ нѣсколько моихъ показаній искажены или не такъ поняты, какъ я говорилъ, я, опасаясь, что подобное искаженіе могло попасть и въ протоколъ суда, позволяю себѣ утруждать Ваше вниманіе и представить суду, предсѣдателемъ коего Вы состоите, мою сравнительную записку, въ которой я постарался параллельно привести текстъ изъ «Руси» и мои показанія, мѣстами дополненныя и могущія своей полнотой лучше освѣтить факты.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и глубокомъ почтеніи.

Покорный слуга И. Бальди.
(Пом. инспект. горнаго института).

---

[1]) Слѣдовало-бы для безпристрастія сказать уже девять.

Дополнительная записка къ показаніямъ въ третейскомъ судѣ пом. инспектора Бальди.

5 апрѣля, около 9 ч. утра я съ г. Воронинымъ, имѣя какое-то дѣло въ канцеляріи, направились изъ помѣщенія инспекціи внизъ. Дойдя до вестибюля главнаго подъѣзда, мы заинтересовались нѣкоторымъ возбужденіемъ среди студентовъ, которые въ числѣ 12—15 человѣкъ (одѣтые еще въ пальто, большею частью) передавали другъ другу впечатлѣнія по поводу только что полученныхъ ими оскорбленій отъ своихъ же товарищей (то въ формѣ удара тростью, то пущеннаго въ слѣдъ какого либо эпитета), бывшихъ на улицѣ передъ институтомъ. Желая, *ради простого любопытства* узнать, кто тамъ собрался на улицѣ и кто и какъ наноситъ оскорбленія, мы съ г. Воронинымъ, пробираясь между студентами, подошли въ томъ же вестибюлѣ къ окну и нѣкоторое время (минуты 3—4) присматривались къ гулявшимъ и стоявшимъ, въ присутствіи полиціи, на набережной студентамъ. Не отрицаю, что всѣ или часть находившихся въ вестибюлѣ студентовъ могли тоже смотрѣть черезъ тѣ же окна на улицу и въ тотъ моментъ могли быть усмотрѣны около меня тѣми, кто находился на набережной, но никакой записи тогда еще не велось и не къ чему было кого либо записывать.—Затѣмъ, направляясь съ г. Воронинымъ къ намѣченной ранѣе цѣли – въ канцелярію, мы пошли далѣе, но не по корридору, а черезъ геологическій кабинетъ и *безъ сопровожденія студентовъ*[1]). Такъ какъ въ этомъ кабинетѣ нижнія большія стекла матовыя (полъ на одномъ уровнѣ съ вестибюлемъ портикомъ), то намъ, чтобы увидѣть кого либо на улицѣ, пришлось встать на подоконники. Пробывъ здѣсь съ минуту или двѣ, мы направились въ слѣдующее помѣщеніе—аудит. IV курса, тоже черезъ внутреннюю дверь, не выходя въ корридоръ, и такимъ образомъ обошли послѣдовательно всѣ помѣщенія и наблюдали разныя группы студентовъ, глядя почти изъ всѣхъ оконъ между вестибюлемъ и угломъ 21-ой линіи; окна всѣхъ этихъ помѣщеній выходятъ на набережную Невы.

Пройдя такимъ образомъ эту часть зданія и дѣлая со своимъ сослуживцемъ разныя замѣчанія, не увидѣвъ, къ слову сказать, ничего, со стороны разгуливавшихъ студентовъ, предосудительнаго, мы отправились въ канцелярію, и наведши о чемъ то справки, пошли обратно, но не тѣмъ же путемъ, а по корридору наверхъ къ себѣ въ инспекцію.

Здѣсь останавливаюсь, чтобы опровергнуть показанія нѣкоторыхъ студентовъ, между прочимъ г. Пилетича, говорившаго (по словамъ Петерб. Листка) «что видѣлъ, какъ студ. Грунвальдъ сильно помогалъ инспекціи въ указаніи виновныхъ въ обструкціи студентовъ, видѣлъ въ окнѣ геологическго кабинета Бальди и студ. Грунвальда; на подоконникѣ лежалъ бинокль, а Грунвальдъ называлъ фамиліи ходившихъ мимо оконъ студентовъ». Г. Пилетичъ, повидимому, умышленно ошибается, видѣвши то, чего на самомъ дѣлѣ не было и не могло быть. Я, напр., даже не помню г. Грунвальда, въ вестибюлѣ, тѣмъ болѣе рядомъ съ собою, а ужъ о присутствіи кого либо изъ студентовъ въ геологич. кабинетѣ, въ частности г. Грунвальда положительно и категорически заявляю, что кромѣ меня и г. Воронина никого больше тамъ не было. Бинокль же былъ мнѣ принесенъ спустя часъ, на квартиру директора, послѣ выхода нашего изъ геологич. кабинета, по пріѣздѣ въ институтъ г. Коновалова, сторожемъ Александромъ Козловымъ, слѣдовательно г. Пилетичъ его не могъ видѣть, а если бы даже бинокль лежалъ на подоконникѣ, то нижнія матовыя стекла и невысокій ростъ г. Пилетича не позволили бы ему узрѣть что либо, лежащее на подоконникѣ. Наконецъ въ тотъ моментъ, когда я съ г. Воронинымъ смотрѣли въ окно геолог. кабинета, г. Пилетичъ находился на противопо-

---

[1]) Курсивъ подлинника.

ложной сторонѣ улицы, у самой Невы. Единственно, что могу допустить, это то, что г. Пилетичъ за отдаленностью смѣшалъ г. Грунвальда съ г. Воронинымъ, которые издали схожи другъ съ другомъ: оба брюнеты, волосы на головѣ рѣдкіе, лица у обоихъ обрамлены рѣдкой и подстриженной бородой.

Вышеизложенное можетъ служить опроверженіемъ показаній и г. г. Паппадаки, Брушвита и Стахевича (по словамъ того же Петерб. Листка), которые не могли видѣть того, чего на самомъ дѣлѣ не было, а присутствіе въ геологическомъ кабинетѣ и дальнѣйшихъ залахъ кого либо изъ студентовъ, да еще диктующихъ намъ фамиліи, когда мы сами знаемъ фамиліи всѣхъ студентовъ, я еще разъ категорически отрицаю и отрицаетъ вмѣстѣ со мной и г. Воронинъ.

Кромѣ того долгомъ считаю пояснить Третейскому Суду, на какомъ основаніи я и г. Воронинъ выдали студенту Грунвальду удостовѣреніе, предъявленное имъ 6 апрѣля и (по словамъ Петерб. Листка) не реабилитировавшее его и г. Грунвальда. Когда я въ квартирѣ директора, это было уже послѣ 10-ти часовъ утра, того же 5-го апрѣля, разсматривалъ въ бинокль тѣхъ студентовъ, которыхъ поручилъ мнѣ записать г. Коноваловъ, то г. Воронину, получившему отъ г. Коновалова какое то другое порученіе, пришлось удалиться, я же записывалъ одинъ, часто навѣщаемый изъ сосѣдняго кабинета г. Коноваловымъ и заходившимъ ко мнѣ раза 2—3 г. Воронинымъ. Послѣдній нѣсколько разъ проходилъ черезъ чертежную V курса (другого пути нѣтъ), выходя изъ квартиры директора и обратно направляясь въ нее. Каждый разъ проходя черезъ чертежную V курса, онъ видѣлъ г. Грунвальда бесѣдовавшимъ съ профессорами Шредеромъ и Асѣевымъ. Я же, передавъ списокъ «дебоширствовавшихъ» студентовъ г. Коновалову и выйдя около 10½ ч. изъ его квартиры, граничащей съ этой чертежной, тоже видѣлъ г. Грунвальда разговаривавшимъ съ упомянутыми профессорами, и, насколько помню, до этого момента и послѣ него, я г. Грунвальда въ этотъ день не видалъ.

Вотъ на какомъ основаніи и я и г. Воронинъ имѣли нравственное право выдать упомянутое удостовѣреніе г. Грунвальду.

Въ заключеніе всего еще разъ самымъ категорическимъ образомъ подтверждаю, что никто изъ студентовъ, 5 апрѣля, ни мнѣ, ни г. Воронину при составленіи списка не помогалъ, я его составлялъ въ квартирѣ директора одинъ и всѣ противоположныя моему показанія слѣдуетъ считать или ошибкою, или недоразумѣніемъ, или, наконецъ, клеветой.

Пом. инспектора горнаго института Бальди.

Подтверждаю все сказанное г. Бальди относительно меня. Помощникъ инспектора М. Воронинъ.

8 апрѣля 1905 г.

Въ третейскій судъ по дѣлу студентовъ горнаго института.

Прочитавъ въ газетахъ и услышавъ, въ подтвержденіе газетнымъ сообщеніямъ, отъ нѣкоторыхъ студентовъ, что г. Мироновъ на судѣ заявлялъ о томъ, будто я подтвердилъ ему, что студентъ Грунвальдъ якобы 3-го апрѣля 1904 года стоялъ въ вестибюлѣ института рядомъ со мною и помогалъ мнѣ составлять списокъ обструкціонистовъ, я настоящимъ имѣю честь доложить суду что г. Мироновъ, повидимому, меня не понялъ и передалъ нашъ съ нимъ недавній (кажется 3-го сего апрѣля) разговоръ въ искаженномъ видѣ.

Когда я съ г. Мироновымъ пожелалъ выяснить наши разнорѣчивыя показанія (онъ показалъ на судѣ, что видѣлъ при составленіи списка рядомъ со мною одного студента, фамиліи котораго онъ не зналъ, но который оказался г. Грунвальдомъ, я же это отрицалъ), то изъ нашего разговора выяснилось, что онъ видѣлъ рядомъ со мною *5-го апрѣля* (и ужъ никакъ не 3-го, когда студенты въ институтъ не впускались и

когда я, будучи занятъ разсылкой такъ называемыхъ бѣлыхъ билетовъ, даже и внизъ не сходилъ) г. Грунвальда и другихъ студентовъ *въ отн. вестибюля* и это было *около 9¼ ч. утра*, когда никакой записи не производилось и не было въ ней надобности, запись же производилась по приказанію г Коновалова *около 10¼ ч. утра*, по пріѣздѣ его въ институтъ и по учиненіи нѣкоторой группой студентовъ ему, г. Коновалову, какой то уличной демонстраціи. На эти два періода времени я обратилъ особенное вниманіе г. Миронова и я дѣйствительно не отрицалъ присутствіе г. Грунвальда около 9¼ ч. утра въ вестибюлѣ института, такъ какъ онъ въ этотъ день былъ въ институтѣ и я его помню разговаривавшимъ въ чертежной V курса съ проф. Шредеромъ и Асѣевымъ, но въ вестибюлѣ его не помню. Во время же самой записи, какъ показалъ г. Мироновъ на судѣ, ссылаясь на меня, никого при мнѣ не было и, естественно, ни г. Грунвальдъ, ни кто либо другой помогать мнѣ въ составленіи списка демонстрантовъ не могъ.

Въ томъ же засѣданіи было показано г. Ватуевымъ, что будто бы мнѣ 2-го апрѣля студенты диктовали фамиліи обструкціонистовъ. Я имѣлъ честь уже лично на судѣ заявить и письменно дополнить свои показанія, что такого факта не было и случайнымъ свидѣтелемъ этому былъ хранитель музея, горн. инж. Покровскій, подтверждавшій мои слова, что лишь задавались мнѣ вопросы относительно г. Зунтуриди. Прибавлю лишь, что студентъ Гусарскій (а съ нимъ г. г. Панфиловъ, Нацваловъ и Колачевскій) былъ внесенъ въ проскрипціонный списокъ по приказанію г. Коцовскаго (инспектора), а г. Яньковскій-Русинъ вовсе не мною, а г. Воронинымъ, который до сихъ поръ ясно это помнитъ, причемъ, какъ увѣряетъ, внесъ уже тогда, когда студентовъ въ Инспекціи не было. Что же касается того, что будто бы г. Андреевъ (Александръ) диктовалъ мнѣ фамиліи обструкціонистовъ, то разъ г. Ватуевъ явно ошибся при указаніи вышеприведенныхъ фамилій, то я такую же ошибку со стороны г. Ватуева допускаю и относительно г. Андреева, которато помню лишь въ тотъ день собиравшимъ деньги въ пользу избитаго г-номъ Зунтуриди сторожа.

Пом. инспектора горнаго института И. Бальди.

20 апрѣля 1905 года.

22 апрѣля 1905 года.

Ваше Превосходительство, милостивый государь
Константинъ Константиновичъ!

Приглашеніе въ третейскій судъ я отъ Вашего имени получилъ сегодня 22-го апрѣля, но въ виду моего болѣзненнаго состоянія (на нервной почвѣ), начавшагося послѣ того, какъ я имѣлъ честь давать свои свидѣтельскія показанія въ третейскомъ судѣ, я положительно не рѣшаюсь подвергаться вторичному допросу, равносильному чуть ли не пыткѣ и сопровождаемому насмѣшками, весьма близкими къ оскорбленіямъ (конечно не со стороны суда).

Поэтому покорнѣйше прошу извинить меня, что я изъ чувства самозащиты и сбереженія своего здоровья на засѣданіи суда въ качествѣ свидѣтеля быть не могу.

Съ другой стороны считаю вторичное мое присутствіе излишнимъ еще потому, что съ моей стороны дано было столько показаній и устныхъ и письменныхъ, а равно и удостовѣреній разнымъ студентамъ, что, мнѣ кажется, уже нечего къ этимъ даннымъ прибавлять; могу лишь сказать, что все, что я говорилъ и писалъ, вѣрно и настоящимъ письмомъ еще разъ подтверждаю мною сказанное и написанное.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и глубокой преданности.

Вашъ покорный слуга И. Бальди.
(Пом. Инспектора Горнаго Института).

Въ третейскій судъ по дѣлу студентовъ горнаго института.

20-го апрѣля сего года я имѣлъ честь представить третейскому суду записку, въ которой высказалъ возраженія противъ показаній г. г. студентовъ Миронова и Батуева, давшихъ на судѣ показанія не согласныя съ моими. Моя записка была составлена на основаніи газетныхъ сообщеній, которыя были не точны, и въ моей запискѣ вслѣдствіе этого, какъ выяснилось изъ личныхъ объясненій моихъ съ г. Батуевымъ, вкралась неточность. За отдаленностью времени я указанныхъ г. Батуевымъ фактовъ все же не припомню, поэтому, оставляя показанія г. Батуева на его отвѣтственности, я свои слова, высказанныя въ моей запискѣ отъ 20-го апрѣля: «...то разъ г. Батуевъ явно ошибся при указаніи вышеприведенныхъ фамилій, то я такую же ошибку со стороны г. Батуева допускаю относительно и г. Андреева»,—беру назадъ.

Пом. инспектора горнаго института И. Бальди.

28 апрѣля 1905 года.

Въ третейскій судъ по дѣлу студентовъ горнаго института.

По просьбѣ горнаго инженера г. Ковалевскаго, бывшаго весною 1904 г. студентомъ V курса, имѣю честь суду заявить, что г. Ковалевскій 2-го апрѣля 1904 года никакого участія ни прямого, ни косвеннаго въ составленіи проскрипціоннаго списка обструкціонистовъ не принималъ, т. е. не называлъ мнѣ никакихъ фамилій и даже ни про кого меня не спрашивалъ, записанъ ли кто либо изъ студентовъ въ указанный списокъ, тѣмъ болѣе я и не могъ слышать его подтвержденій относительно правильной записи обструкціонистовъ.

Присутствіе г. Ковалевскаго въ числѣ разсматривавшихъ списокъ въ чертежной II курса я совершенно отрицаю.

Пом. инспектора горнаго института И. Бальди.

21 апрѣля 1905 года.

Рѣчь защитника „свобододѣйствующихъ" присяж. повѣрен. Алексѣева.

Мнѣ трудно говорить послѣ своего собрата. На веселомъ смѣхѣ въ концѣ рѣчи моего товарища сошлись обѣ стороны. Мнѣ придется вернуться къ мрачнымъ краскамъ. Послѣ тѣхъ оцѣнокъ, какія далъ Леонтьевъ, я не буду входить въ оцѣнку свидѣтельскихъ показаній. Ихъ было нѣсколько. Я долженъ сказать противъ кого имѣются какіе-либо маленькіе факты, такъ какъ говорить о групповой отвѣтственности не можетъ быть и рѣчи. Оказывается были нѣкоторые факты противъ Залемана, Задде, Андреева, Воробьева и Ив. Соколова. Если начать разбирать въ отдѣльности о каждомъ подробно, то окажется, что никакихъ точныхъ данныхъ нѣтъ. Является предположеніе, — что есть правда указанія противъ Зѣнченко, Бутми-де-Кацмана, но, можеть быть, если бы они здѣсь присутствовали, то обвиненія отпали бы, какъ это было, относительно другихъ. Я позволю себѣ сослаться, напримѣръ, на Земницкаго, пославшаго Бальди письмо по поводу его показанія и немедленное опроверженіе тѣмъ своихъ показаній. Я думаю, что если бы въ судъ явились и остальные, то всѣ обвиненія отпали или оказалось, что построены были на шаткихъ основаніяхъ.

Возникаетъ вопросъ: какими данными, относительно каждаго попавшаго въ списокъ, располагалъ «Ор. К.» въ моментъ составленія послѣдняго. Мнѣ кажется, что онъ не обладалъ никакими данными.

Самъ Гапѣевъ говорилъ, что были извѣстны: случай съ Бальди и Зѣнченко, другихъ же не было, кромѣ письма Мушкетова. Мнѣ кажется

этими данными нельзя было пользоваться и огульно обвинять всѣхъ. Можетъ быть они обладали еще какими-либо свѣдѣніями, въ такомъ случаѣ они сказали бы все. Но этихъ фактовъ, мнѣ кажется, не было. Здѣсь есть показаніе Батуева. Онъ передалъ нѣсколько фамилій и фактовъ, но почему же онъ не сообщилъ это прежде товарищамъ, хотя онъ и говорилъ Гливицу... Что же Пилетичъ, который говорилъ, что видѣлъ Грунвальда, записывающаго обструкціонистовъ, не сообщилъ этого «Орг. Ком.» тогда, а занимался устройствомъ своихъ личныхъ дѣлъ? Если разобрать всѣ тѣ показанія, которыя сдѣланы, то окажется, что всѣ эти свѣдѣнія стали извѣстны послѣ выпуска бюллетеня. Мнѣ кажется, что при такихъ данныхъ, когда они не располагали доказательствами, у нихъ не было основаній примѣнить эту мѣру.

Правда. Есть указанія. Мы знаемъ, что Мушкетовъ такими данными не располагалъ. Когда Родыгинъ показывалъ относительно Общества горн. инж., то оказывается, что эти Мушкетовскія показанія были единственными, чѣмъ располагало Общество. Итакъ, вотъ чѣмъ могъ располагать Мушкетовъ. Спрашивается, неужели эти немногія данныя могли дать возможность назвать ихъ предателями? Мнѣ думается—нельзя. Если у нихъ не представлялось возможности провѣрить,—то они не имѣли права такъ огульно обвинять и такъ относиться къ этому вопросу. Если они разбирались по адресу отдѣльныхъ шпіоновъ, почему они не собрали всѣхъ данныхъ добросовѣстно. Если бы они это сдѣлали, они увидѣли бы, что фактовъ для обвиненія нѣтъ. Если они имѣли возможность провѣрить и не провѣрили, то добросовѣстнаго дѣйствія не было. Они явились посягателями на чужую честь, что называется клеветой. Матеріалъ настолько великъ, что мнѣ трудно вспомнить всѣ детали, поэтому я перейду къ концу. Спрашивается, имѣли ли какія-либо свѣдѣнія г.г. профессора,—имѣли-ли они какія-нибудь данныя, чтобы обозвать тѣмъ именемъ, которое приведено въ запискѣ профессоровъ: «позорно павшими» тѣхъ, которые составляли списокъ и «нравственно слабыми» тѣхъ, которые поддержали ихъ. Мнѣ кажется, что подраздѣленіе произошло теперь—послѣ процесса. Связь между студентами и профессорами была видна изъ показаній г. Баумана, хотя и профессоръ Долбня говоритъ, что послѣ выхода въ отставку у него были засвидѣтельствовать свое сочувствіе Нацваловъ и др. Я позволю напомнить, что здѣсь студентъ Брушвитъ говорилъ, что онъ былъ у профессора послѣ его ухода.

Долбня. Возможно.

Алексѣевъ. Я только указываю, что какое было тѣсное сношеніе между профессорами и студентами и при такомъ сношеніи профессора могли получать отъ студентовъ всѣ свѣдѣнія. Говорятъ о томъ, что записка была выпущена въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая. Можетъ быть это такъ. Вопросъ въ томъ, когда она была написана? Если возьмемъ бюллетень № 5 отъ 27 марта, то здѣсь сказано «изъ записки ушедшихъ профессоровъ, которая на дняхъ будетъ опубликована» и т. д.

Лутугинъ. Это не та записка.

Алексѣевъ Я извиняюсь. Я хотѣлъ указать лишь, что при тѣхъ тѣсныхъ сношеніяхъ профессора могли разобраться въ обвиненіяхъ, предъявленныхъ къ «свобододѣйствующимъ». Что же могли узнать профессора еще въ Обществѣ горныхъ инж.? И у насъ опять появляется на сценѣ Мушкетовскій разсказъ. При этихъ условіяхъ со стороны профессоровъ, не провѣрившихъ всѣхъ фактовъ, выставлены обвиненія, а разъ это такъ, то здѣсь имѣетъ мѣсто точно также оклеветаніе.

Но еще есть данныя, говорящія что здѣсь приходится имѣть дѣло съ клеветой. Я никогда не ожидалъ, чтобы эта вражда была такъ велика. Вражда появилась издавна. Эта партія появилась давно: говорятъ, что въ 1902 году появились нѣсколько лицъ. Говорили, что она могла бороться легальными путями. Приходилось съ ней считаться; уже чувствовалась рознь. Можетъ быть эта партія окрѣпнетъ; захватитъ въ свои руки, по словамъ Мефферта, всѣ дорогія учрежденія? Это находитъ подтвержденіе въ показаніяхъ Драгутина Поповича. Въ этотъ моментъ появилась бо-

язнь, чтобы кто-нибудь не выдвинулся. Какъ говорилъ Соколовъ, въ этотъ моментъ всѣхъ давили. Однако эта партія растетъ; приходится съ ней считаться: нужно покончить расчеты. Наступаетъ моментъ, когда «свобододѣйствующіе» выдѣлились въ отдѣльную группу. Вотъ моментъ, когда можно свести счеты. Вотъ когда имъ удастся дискредитировать «свобододѣйствующихъ» на все время. При чемъ тутъ экзамены? При чемъ тутъ «охранное отдѣленіе»? Это великолѣпный моментъ, чтобы заклеймить свобододѣйствующихъ. Вотъ при этихъ условіяхъ списокъ получаетъ другого рода значеніе: значеніе политической борьбы; и съ этой точки зрѣнія и запятненія противниковъ приписываются имъ такія дѣйствія. Это былъ моментъ,—всякій пойметъ, что здѣсь не академическая борьба,—когда надо было сводить старые счеты, когда надо было производить разсчеты и разсчетъ произведенъ разсылкой списка по заводамъ. Подтверждаетъ мое мнѣніе вотъ что: если бы была академическая борьба, то тогда зачѣмъ попалъ въ списокъ Д. Поповичъ? Да для того, чтобы впередъ не повадно было идти противъ той силы; чтобы всѣ считались съ «Орган. Комит.» Здѣсь сводились счеты не съ свобододѣйствующими. Если ими руководило только это, то, мнѣ кажется, здѣсь является посягательство на честь, разъ были не доказаны всѣ обвиненія въ дѣятельности. Словомъ, если взять во вниманіе нѣкоторые пункты (охранное отдѣленіе и пр.), отъ которыхъ г. Каминка отказался, то при этихъ условіяхъ отягчающимъ является злонамѣренное внесеніе въ списокъ, а при этихъ условіяхъ и является оклеветеніе. Не мнѣ разбирать всѣ моменты клеветы, я не хочу задерживать судъ, но мнѣ кажется, что этимъ спискомъ сводились личные счеты. Намъ говорятъ, что мы не имѣли права бросать противной сторонѣ обвиненія въ клеветѣ и при этомъ говорилось о добросовѣстномъ заблужденіи. Здѣсь нужно было бы по отношенію къ каждому лицу считаться съ фактами, имѣвшимися у противной стороны. Разъ этого не было, то это клевета. Я расчитываю, если не всѣмъ, то по отношенію къ нѣкоторымъ изъ нихъ будетъ сказано слово клеветникъ. Кто же является клеветникомъ? Очевидно кто-нибудь другой. Я думаю главнымъ виновникомъ является Мушкетовъ. Кто же воспользовался этимъ? Организаціонный комитетъ. При этихъ условіяхъ «Орган. Комит.» является клеветникомъ. Намъ не нужно фамилій; намъ далъ обвиненіе „Орган. Комит.“ и пусть они сами на тѣхъ укажутъ, а нужно, чтобы послѣ вашего приговора Организаціонный комитетъ былъ не «Организ. Комит.», а обществомъ клеветниковъ горнаго института.

